
3 1761 07023054 5

J. Julius Griffith.
102, Oakley St.
Chelsea,
London S.W. 3.

Julius Griffith
Lieut RNVR

Ж. Гриффитс
Лейт.

Архангельск.
С.С.С.Р.

СОЧИНЕНІЯ

Н. В. ГОГОЛЯ

ТОМЪ II

СОЧИНЕНІЯ

Н. В. ГОГОЛЯ

ИЗДАНІЕ ДЕСЯТОЕ

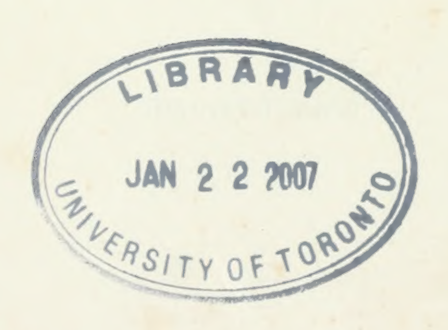
Текстъ свѣренъ съ собственноручными рукописями автора и первоначальными изданіями его произведеній

Николаемъ Тихонравовымъ

ТОМЪ ВТОРОЙ

МОСКВА
ИЗДАНІЕ КНИЖ. МАГ. В. ДУМНОВА, ПОДЪ ФИРМОЮ „НАСЛѢДНИКИ БР. САЛАЕВЫХЪ"
1889.

Типографія Э. Лисснера и Ю. Романа, Арбатъ, домъ Платонова.

ПОВѢСТИ.

НОСЪ.

I.

Марта 25 числа[1] случилось въ Петербургѣ необыкновенно странное происшествіе. Цирюльникъ Иванъ Яковлевичъ, живущій на Вознесенскомъ проспектѣ (фамилія его утрачена, и даже на вывѣскѣ его, — гдѣ изображенъ господинъ съ намыленною щекою и надписью: „*И кровь отворяютъ*“, — не выставлено ничего болѣе), цирюльникъ Иванъ Яковлевичъ проснулся довольно рано и услышалъ запахъ горячаго хлѣба. Приподнявшись немного на кровати, онъ увидѣлъ, что супруга его, довольно почтенная дама, очень любившая пить кофе[2], вынимала изъ печи только-что испеченные[3] хлѣбы.

„Сегодня я, Прасковья Осиповна, не буду пить кофію[4]“, сказалъ Иванъ Яковлевичъ: „а вмѣсто того хочется мнѣ съѣсть горячаго хлѣбца съ лукомъ“. (То есть, Иванъ Яковлевичъ хотѣлъ бы и того, и другаго, но зналъ, что было совершенно невозможно требовать двухъ вещей разомъ, ибо Прасковья Осиповна очень не любила такихъ прихотей.) „Пусть дуракъ ѣстъ хлѣбъ, мнѣ же лучше“, подумала про-себя супруга: „останется кофею лишняя порція“, и бросила одинъ хлѣбъ на столъ.

Иванъ Яковлевичъ для приличія надѣлъ сверхъ рубашки фракъ и, усѣвшись передъ столомъ, насыпалъ соль[5], приготовилъ двѣ головки луку, взялъ въ руки ножъ и, сдѣлавши значительную мину, принялся рѣзать хлѣбъ. Разрѣзавши хлѣбъ на двѣ половины, онъ поглядѣлъ въ середину — и, къ удивленію своему, увидѣлъ что-то бѣлѣвшееся[6]. Иванъ Яковлевичъ ковырнулъ осторожно ножомъ и пощупалъ пальцемъ: „Плотное!“[7] сказалъ онъ самъ про-себя: „что̀ бы это такое было?“

Онъ засунулъ пальцы и вытащилъ — носъ![8]... Иванъ Яковлевичъ и руки опустилъ; сталъ протирать глаза и щупать[9]:

носъ, точно, носъ! и еще, казалось, какъ будто чей-то знакомый. Ужасъ изобразился на лицѣ Ивана Яковлевича. Но этотъ ужасъ былъ ничто противъ негодованія[1], которое овладѣло его супругою.

„Гдѣ это ты, звѣрь, отрѣзалъ носъ?" закричала она съ гнѣвомъ. „Мошенникъ! пьяница! я сама на тебя донесу полиціи. Разбойникъ какой! Вотъ ужъ я отъ трехъ человѣкъ слышала, что ты во время бритья такъ теребишь за носы, что еле держатся".

Но Иванъ Яковлевичъ былъ ни живъ, ни мертвъ: онъ узналъ, что этотъ носъ былъ не чей другой[2], какъ коллежскаго ассессора Ковалева, котораго онъ брилъ каждую середу и воскресенье.

„Стой, Прасковья Осиповна! Я заверну его въ тряпочку и положу въ уголокъ[3]: пусть тамъ маленечко полежитъ; а послѣ его вынесу"[4].

„И слушать не хочу! Чтобы я позволила у себя въ комнатѣ лежать отрѣзанному носу!... Сухарь поджаристый! знай умѣетъ только бритвой возить по ремню, а долга своего скоро совсѣмъ не въ состояніи будетъ исполнять, потаскушка, негодяй! Чтобы я стала за тебя отвѣчать полиціи?... Ахъ ты пачкунъ, бревно глупое![5] Вонъ его! вонъ! Неси, куда хочешь! чтобы я духу его не слыхала!"[6]

Иванъ Яковлевичъ стоялъ совершенно какъ убитый. Онъ думалъ, думалъ — и не зналъ, что̀ подумать. „Чортъ его знаетъ, какъ это сдѣлалось", сказалъ онъ наконецъ, почесавъ рукою за ухомъ: „пьянъ ли я вчера возвратился, или нѣтъ, ужъ навѣрное сказать не могу. А по всѣмъ примѣтамъ, должно быть происшествіе несбыточное, ибо хлѣбъ — дѣло печеное, а носъ совсѣмъ не то. Ничего не разберу!" Иванъ Яковлевичъ замолчалъ. Мысль о томъ, что полицейскіе отыщутъ у него носъ и обвинятъ его, привела его въ совершенное безпамятство[7]. Уже ему мерещился алый воротникъ, красиво вышитый серебромъ, шпага... и онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Наконецъ, досталъ онъ свое исподнее платье и сапоги, натащилъ[8] на себя всю эту дрянь и, сопровождаемый нелегкими увѣщаніями Прасковьи Осиповны, завернулъ носъ въ тряпку и вышелъ на улицу.

Онъ хотѣлъ его куда-нибудь подсунуть: или въ тумбу подъ

воротами, или такъ какъ-нибудь нечаянно выронить да и повернуть въ переулокъ. Но, на бѣду[1], ему попадался какой-нибудь знакомый человѣкъ, который начиналъ тотчасъ запросомъ[2]: „Куда идешь?“ или: „Кого такъ рано собрался брить?“ такъ что Иванъ Яковлевичъ никакъ не могъ улучить минуты. Въ другой разъ онъ уже совсѣмъ уронилъ его[3]; но будочникъ еще издали указалъ ему алебардою, примолвивъ: „подыми, вонъ ты что-то уронилъ!“ и Иванъ Яковлевичъ долженъ былъ поднять носъ и спрятать его въ карманъ. Отчаяніе овладѣло имъ, тѣмъ болѣе, что народъ безпрестанно умножался[4] на улицѣ, по мѣрѣ того, какъ начали отпираться магазины и лавочки.

Онъ рѣшился итти къ Исакіевскому мосту: не удастся ли какъ-нибудь швырнуть его въ Неву?... Но я нѣсколько виноватъ, что до сихъ поръ не сказалъ ничего объ Иванѣ Яковлевичѣ[5], человѣкѣ почтенномъ во многихъ отношеніяхъ.

Иванъ Яковлевичъ, какъ всякій порядочный русскій мастеровой[6], былъ пьяница страшный, и хотя каждый день брилъ чужіе подбородки, но его собственный былъ у него вѣчно небритъ. Фракъ у Ивана Яковлевича (Иванъ Яковлевичъ никогда не ходилъ въ сюртукѣ) былъ пѣгій, то есть, онъ былъ черный, но весь въ коричнево-желтыхъ и сѣрыхъ яблокахъ; воротникъ лоснился; а вмѣсто трехъ[7] пуговицъ висѣли однѣ только ниточки. Иванъ Яковлевичъ былъ большой циникъ, и когда коллежскій ассессоръ Ковалевъ обыкновенно[8] говорилъ ему во время бритья: „у тебя, Иванъ Яковлевичъ, вѣчно воняютъ руки!“ то Иванъ Яковлевичъ отвѣчалъ на это вопросомъ: „Отъ чего жъ бы имъ вонять?“ — „Не знаю, братецъ, только воняютъ“, говорилъ коллежскій ассессоръ, и Иванъ Яковлевичъ, понюхавши табаку, мылилъ ему за это и на щекѣ[9], и подъ носомъ, и за ухомъ, и подъ бородою, — однимъ словомъ, гдѣ только ему была охота[10].

Этотъ почтенный гражданинъ находился уже на Исакіевскомъ мосту. Онъ прежде всего осмотрѣлся[11], потомъ нагнулся на перила, будто бы посмотрѣть подъ мостъ, много ли рыбы бѣгаетъ[12], и швырнулъ потихоньку тряпку съ носомъ. Онъ почувствовалъ, какъ будто бы съ него разомъ свалилось[13] десять пудъ. Иванъ Яковлевичъ даже усмѣхнулся. Вмѣсто того, чтобы итти брить чиновничьи подбородки, онъ отправился въ заведеніе съ надписью: „*Кушанье и чай*“, спросить стаканъ пуншу, какъ

вдругъ замѣтилъ въ концѣ моста квартальнаго надзирателя, благородной наружности, съ широкими бакенбардами, въ треугольной шляпѣ, со шпагою[1]. Онъ обмеръ; а между тѣмъ квартальный кивалъ ему пальцемъ и говорилъ[2]: „А подойди сюда, любезный!“

Иванъ Яковлевичъ, зная форму, снялъ издали еще картузъ[3] и, подошедши проворно[4], сказалъ: „Желаю здравія вашему благородію!“

„Нѣтъ, нѣтъ, братецъ, не благородію, — скажи-ка[5]: что̀ ты тамъ дѣлалъ, стоя на мосту?“[6]

„Ей Богу, сударь, ходилъ брить, да посмотрѣлъ только, шибко ли рѣка идетъ“.

„Врешь, врешь! Этимъ не отдѣлаешься. Изволь-ка отвѣчать!“[7]

„Я вашу милость два раза въ недѣлю, или даже три, готовъ брить безъ всякаго прекословія“[8], отвѣчалъ Иванъ Яковлевичъ.

„Нѣтъ, пріятель, это пустяки! Меня три цирюльника бреютъ, да еще и за большую честь почитаютъ. А вотъ изволь-ка разсказать[9], что̀ ты тамъ дѣлалъ?“

Иванъ Яковлевичъ поблѣднѣлъ.... Но здѣсь происшествіе совершенно закрывается[10] туманомъ, и, что̀ далѣе произошло, рѣшительно ничего неизвѣстно.

II.

Коллежскій ассессоръ Ковалевъ проснулся довольно рано и сдѣлалъ губами: „брр“...— что̀ всегда онъ дѣлалъ, когда просыпался, хотя и[11] самъ не могъ растолковать, по какой причинѣ. Ковалевъ потянулся, приказалъ себѣ подать небольшое, стоявшее на столѣ, зеркало. Онъ хотѣлъ взглянуть на прыщикъ, который вчерашнимъ вечеромъ[12] вскочилъ у него на носу; но[13], къ величайшему изумленію, увидѣлъ, что у него, вмѣсто носа, совершенно гладкое мѣсто! Испугавшись, Ковалевъ велѣлъ подать воды и протеръ полотенцемъ глаза: точно, нѣтъ носа! Онъ началъ щупать рукою, ущипнулъ себя[14], чтобы узнать, не спитъ ли онъ: кажется, не спитъ. Коллежскій ассессоръ Ковалевъ вскочилъ съ кровати, встряхнулся,— все[15] нѣтъ носа!... Онъ велѣлъ тотчасъ подать[16] себѣ одѣться и полетѣлъ прямо къ оберъ-полицеймейстеру.

Но между тѣмъ необходимо сказать что-нибудь о Ковалевѣ, чтобы читатель могъ видѣть, какого рода былъ[1] этотъ коллежскій ассессоръ. Коллежскихъ ассессоровъ, которые получаютъ это званіе съ помощью ученыхъ аттестатовъ, никакъ нельзя сравнивать[2] съ тѣми коллежскими ассессорами, которые дѣлались[3] на Кавказѣ. Это два совершенно особенные рода. Ученые коллежскіе ассессора[4]... Но Россія такая чудная земля, что если скажешь что-нибудь[5] объ одномъ коллежскомъ ассессорѣ, то всѣ коллежскіе ассессора[6], отъ Риги до Камчатки, непремѣнно примутъ на свой счетъ; то же разумѣй и о всѣхъ званіяхъ и чинахъ[7]. Ковалевъ былъ кавказскій коллежскій ассессоръ. Онъ два года только еще состоялъ въ этомъ званіи и потому[8] ни на минуту не могъ его позабыть; а чтобы еще[9] болѣе придать себѣ благородства и вѣса[10], онъ никогда не называлъ себя просто[11] коллежскимъ ассессоромъ, но всегда маіоромъ. „Послушай, голубушка“, говорилъ онъ обыкновенно, встрѣтивши на улицѣ бабу, продававшую манишки: „ты приходи ко мнѣ на домъ; квартира моя въ Садовой; спроси только: здѣсь живетъ[12] маіоръ Ковалевъ?—тебѣ всякій покажетъ“. Если же встрѣчалъ какую-нибудь смазливенькую, то давалъ ей сверхъ того секретное приказаніе, прибавляя[13]: „Ты спроси, душенька, квартиру маіора Ковалева“. По этому-то самому[14] и мы будемъ впередъ этого коллежскаго ассессора называть маіоромъ.

Маіоръ Ковалевъ имѣлъ обыкновеніе каждый день[15] прохаживаться по Невскому проспекту. Воротничекъ его манишки былъ всегда чрезвычайно чистъ и накрахмаленъ[16]. Бакенбарды у него были такого рода, какія и теперь еще можно видѣть у губернскихъ и уѣздныхъ землемѣровъ[17], у архитекторовъ и полковыхъ докторовъ, также у отправляющихъ разныя обязанности и, вообще, у всѣхъ тѣхъ мужей, которые имѣютъ полныя, румяныя щеки и очень хорошо играютъ въ бостонъ[18]: эти бакенбарды идутъ по самой срединѣ щеки и прямехонько доходятъ до носа. Маіоръ Ковалевъ носилъ множество[19] печатокъ сердоликовыхъ[20]— и съ гербами, и такихъ, на которыхъ было[21] вырѣзано: *середа, четвергъ, понедѣльникъ* и проч. Маіоръ Ковалевъ пріѣхалъ въ Петербургъ по надобности, а именно — искать приличнаго своему званію мѣста: если удастся, то вицъ-губернаторскаго[22], а не то — экзекуторскаго[23] въ какомъ-нибудь видномъ департаментѣ. Маіоръ Ковалевъ былъ не прочь и же-

питься, но только въ такомъ случаѣ, когда за невѣстою случится двѣсти тысячъ капиталу[1]. И потому читатель теперь можетъ судить самъ, каково было положеніе этого маіора, когда онъ увидѣлъ, вмѣсто довольно недурнаго умѣреннаго носа[2], преглупое, ровное и гладкое мѣсто.

Какъ на бѣду, ни одинъ извощикъ[3] не показывался на улицѣ[4], и онъ долженъ былъ идти пѣшкомъ, закутавшись въ свой плащъ и закрывши платкомъ лицо, показывая видъ, какъ будто[5] у него шла кровь. „Но авось-либо мнѣ такъ представилось[6]: не можетъ быть, чтобы носъ пропалъ сдуру“, подумалъ онъ и зашелъ въ кондитерскую нарочно съ тѣмъ, чтобы посмотрѣться въ зеркало[7]. Къ счастію, въ кондитерской никого не было: мальчишки мели комнаты и разставляли стулья; нѣкоторые съ сонными глазами выносили на подносахъ горячіе пирожки; на столахъ и стульяхъ валялись залитыя кофіемъ вчерашнія газеты. „Ну, слава Богу, никого нѣтъ“, произнесъ онъ: „теперь можно поглядѣть“. Онъ робко подошелъ къ зеркалу и взглянулъ[8]. „Чортъ знаетъ что̀, какая дрянь!“ произнесъ онъ, плюнувши: „хотя бы уже что-нибудь было вмѣсто носа, а то ничего!...“

Съ досадою, закусивши губы, вышелъ онъ изъ кондитерской и рѣшился, противъ своего обыкновенія, не глядѣть ни на кого и никому не улыбаться[9]. Вдругъ онъ сталъ[10], какъ вкопанный, у дверей одного дома[11]; въ глазахъ его произошло явленіе неизъяснимое: передъ подъѣздомъ остановилась карета; дверцы отворились; выпрыгнулъ, согнувшись, господинъ въ мундирѣ и побѣжалъ вверхъ по лѣстницѣ. Каковъ же былъ ужасъ и вмѣстѣ изумленіе Ковалева, когда онъ узналъ, что это былъ — собственный его носъ! При этомъ необыкновенномъ зрѣлищѣ, казалось ему, все переворотилось у него въ глазахъ; онъ чувствовалъ, что едва могъ стоять; но рѣшился, во что̀ бы ни стало, ожидать его возвращенія въ карету, весь дрожа, какъ въ лихорадкѣ[12]. Черезъ двѣ минуты носъ дѣйствительно вышелъ[13]. Онъ былъ въ мундирѣ, шитомъ золотомъ, съ большимъ стоячимъ воротникомъ; на немъ были замшевыя панталоны; при[14] боку шпага. По шляпѣ съ плюмажемъ можно было заключить[15], что онъ считался въ рангѣ статскаго совѣтника. По всему замѣтно было, что онъ ѣхалъ куда-нибудь съ визитомъ. Онъ поглядѣлъ на обѣ стороны, закричалъ кучеру: „Подавай!“ сѣлъ и уѣхалъ.

Бѣдный Ковалевъ чуть не сошелъ съ ума. Онъ не зналъ, какъ и подумать объ[1] такомъ странномъ происшествіи. Какъ же можно въ самомъ дѣлѣ[2], чтобы носъ, который еще вчера былъ у него на лицѣ и не могъ ни ѣздить, ни ходить, былъ въ мундирѣ![3] Онъ побѣжалъ за каретою, которая, къ счастію, проѣхала[4] недалеко и остановилась передъ гостинымъ дворомъ[5].

Онъ поспѣшилъ туда, пробрался сквозь рядъ нищихъ старухъ съ завязанными лицами и двумя отверстіями для глазъ, надъ которыми онъ прежде такъ смѣялся. Народу было немного. Ковалевъ чувствовалъ себя въ такомъ разстроенномъ состояніи, что ни на что не могъ рѣшиться, и искалъ глазами этого господина по всѣмъ угламъ; наконецъ увидѣлъ его, стоявшаго передъ лавкою. Носъ спряталъ совершенно лицо свое въ большой стоячій воротникъ и съ глубокимъ вниманіемъ разсматривалъ какіе-то товары.

„Какъ подойти къ нему?“ думалъ Ковалевъ. „По всему — по мундиру, по шляпѣ — видно, что онъ статскій совѣтникъ. Чортъ его знаетъ, какъ это сдѣлать!“

Онъ началъ около него покашливать; но носъ ни на минуту не оставлялъ своего положенія.

„Милостивый государь“, сказалъ Ковалевъ, внутренно принуждая себя ободриться: „милостивый государь...“

„Что̀ вамъ угодно?“ отвѣчалъ носъ, оборотившись.

„Мнѣ странно, милостивый государь... мнѣ кажется... Вы должны знать свое мѣсто. И вдругъ я васъ нахожу, и гдѣ же?... Согласитесь...“

„Извините меня, я не могу взять въ толкъ, о чемъ вы изволите говорить... Объяснитесь“.

„Какъ мнѣ ему объяснить?“ подумалъ Ковалевъ и, собравшись съ духомъ, началъ: „Конечно, я... впрочемъ, я маіоръ. Мнѣ ходить безъ носа, согласитесь, это неприлично. Какой-нибудь торговкѣ, которая продаетъ на Воскресенскомъ мосту очищенные апельсины, можно сидѣть безъ носа[6]; но, имѣя въ виду получить... притомъ, будучи во многихъ домахъ знакомъ съ дамами: Чехтарева[7], статская совѣтница, и другія... Вы посудите сами... Я не знаю, милостивый государь (при этомъ маіоръ Ковалевъ пожалъ плечами)... извините... если на это смотрѣть сообразно съ правилами долга и чести... вы сами можете понять...“

„Ничего рѣшительно не понимаю“, отвѣчалъ носъ. „Изъяснитесь удовлетворительнѣе“.

„Милостивый государь“, сказалъ Ковалевъ съ чувствомъ собственнаго достоинства: „я не знаю, какъ понимать слова ваши... Здѣсь все дѣло, кажется, совершенно очевидно... или вы хотите... Вѣдь вы — мой собственный носъ!“

Носъ посмотрѣлъ на маіора, и брови его нѣсколько нахмурились[1].

„Вы ошибаетесь, милостивый государь: я самъ по-себѣ. Притомъ между нами не можетъ быть никакихъ тѣсныхъ отношеній. Судя по пуговицамъ вашего вицъ-мундира, вы должны служить по другому вѣдомству“. Сказавши это, носъ отвернулся.

Ковалевъ совершенно смѣшался, не зная, что̀ дѣлать и что̀ даже подумать. Въ это время послышался пріятный шумъ дамскаго платья: подошла пожилая дама, вся убранная кружевами, и съ нею тоненькая, въ бѣломъ платьѣ, очень мило рисовавшемся на ея стройной таліи, въ палевой шляпкѣ, легкой какъ пирожное. За ними остановился и открылъ табакерку высокій гайдукъ съ большими бакенбардами и цѣлой дюжиной воротниковъ.

Ковалевъ подступилъ[2] поближе, высунулъ батистовый воротничекъ манишки, поправилъ висѣвшія на золотой цѣпочкѣ свои печатки[3] и, улыбаясь по сторонамъ, обратилъ вниманіе на легонькую даму, которая, какъ весенній цвѣточекъ, слегка наклонялась и подносила ко лбу свою бѣленькую ручку съ полупрозрачными пальцами. Улыбка на лицѣ Ковалева раздвинулась еще далѣе, когда онъ увидѣлъ изъ-подъ шляпки ея кругленькій, яркой бѣлизны подбородокъ и часть щеки, осѣненной цвѣтомъ первой весенней розы; но вдругъ онъ отскочилъ, какъ будто бы обжегшись. Онъ вспомнилъ, что у него, вмѣсто носа, совершенно нѣтъ ничего, и слезы выжались[4] изъ глазъ его. Онъ оборотился съ тѣмъ, чтобы напрямикъ сказать господину въ мундирѣ, что онъ только прикинулся статскимъ совѣтникомъ, что онъ плутъ и подлецъ и что онъ больше ничего, какъ только его собственный носъ... Но носа уже не было: онъ успѣлъ ускакать, вѣроятно, опять къ кому-нибудь съ визитомъ.

Это повергло Ковалева въ отчаяніе. Онъ пошелъ назадъ

и остановился съ минуту подъ колоннадою, тщательно смотря во всѣ стороны, не попадется ли гдѣ носъ. Онъ очень хорошо помнилъ, что шляпа на немъ была съ плюмажемъ и мундиръ съ золотымъ шитьемъ; но шинели[1] не замѣтилъ, ни цвѣта его кареты, ни лошадей, ни даже того, былъ ли у него сзади какой-нибудь лакей и въ какой ливреѣ. Притомъ каретъ неслось такое множество взадъ и впередъ и съ такою быстротою, что трудно было даже примѣтить; но если бы и примѣтилъ онъ какую-нибудь изъ нихъ, то не имѣлъ бы никакихъ средствъ остановить. День былъ прекрасный и солнечный. На Невскомъ народу была тьма; дамъ цѣлый цвѣточный водопадъ сыпался по всему тротуару, начиная отъ Полицейскаго до Аничкина моста[2]. Вонъ и знакомый ему надворный совѣтникъ идетъ, котораго онъ называлъ подполковникомъ, особливо, ежели[3] то случалось при постороннихъ. Вонъ и Ярыжкинъ, столоначальникъ въ сенатѣ[4], большой пріятель его[5], который вѣчно въ бостонѣ обремизивался, когда игралъ восемь[6]. Вонъ и другой маіоръ, получившій на Кавказѣ ассессорство[7], махаетъ[8] рукой, чтобы шелъ къ нему...

„А чортъ возьми!“ сказалъ Ковалевъ. „Эй, извощикъ, вези прямо къ полицеймейстеру!“[9]

Ковалевъ сѣлъ въ дрожки и только покрикивалъ извощику: „Валяй во всю ивановскую!“

„У себя полицеймейстеръ?“[10] вскричалъ онъ, взошедши[11] въ сѣни.

„Никакъ нѣтъ“, отвѣчалъ привратникъ[12]: „только-что уѣхали“[13].

„Вотъ тебѣ разъ!“

„Да“, прибавилъ привратникъ[14]: „а[15] оно и не такъ давно, но уѣхалъ; минуточкой[16] бы пришли раньше, то, можетъ[17], и[18] застали бы дома.

Ковалевъ, не отнимая платка отъ лица, сѣлъ на извощика и закричалъ отчаяннымъ голосомъ[19]: „пошелъ!“

„Куда?“ сказалъ извощикъ.

„Пошелъ прямо!“

„Какъ — прямо? тутъ поворотъ: направо, или налѣво?“

Этотъ вопросъ остановилъ Ковалева и заставилъ его опять подумать. Въ его положеніи слѣдовало ему прежде всего отнестись въ управу благочинія, не потому, что оно имѣло прямое отношеніе къ полиціи, но потому, что ея распоряженія могли

быть гораздо быстрѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; искать же удовлетворенія по начальству того мѣста, при которомъ носъ объявилъ себя служащимъ, было бы безразсудно, потому что изъ собственныхъ отвѣтовъ носа уже можно было видѣть, что для этого человѣка ничего не было священнаго и онъ могъ такъ же солгать и въ этомъ случаѣ, какъ солгалъ, увѣряя, что онъ никогда не видался съ нимъ. Итакъ, Ковалевъ уже хотѣлъ было приказать ѣхать въ управу благочинія, какъ опять пришла мысль ему, что этотъ плутъ и мошенникъ, который поступилъ уже при первой встрѣчѣ такимъ безсовѣстнымъ образомъ, могъ опять удобно, пользуясь временемъ, какъ-нибудь[1] улизнуть изъ города, — и тогда всѣ исканія будутъ тщетны, или могутъ продолжиться, чего Боже сохрани, на цѣлый мѣсяцъ. Наконецъ, казалось, само Небо вразумило его. Онъ рѣшился отнестись прямо въ газетную экспедицію и заблаговременно сдѣлать публикацію съ обстоятельнымъ описаніемъ всѣхъ его качествъ[2], дабы всякій встрѣтившійся съ нимъ[3] могъ въ ту же минуту его представить къ нему или, по крайней мѣрѣ, дать знать о мѣстѣ его[4] пребыванія. Итакъ, онъ, рѣшивъ на этомъ, велѣлъ извощику ѣхать въ газетную экспедицію и во всю дорогу не переставалъ его тузить кулакомъ въ спину, приговаривая: „Скорѣй, подлецъ! Скорѣй, мошенникъ!“ — „Эхъ, баринъ!“ говорилъ извощикъ, потряхивая головой и стегая возжей свою лошадь, на которой шерсть была длинная, какъ на болонкѣ. Дрожки наконецъ остановились, и Ковалевъ[5], запыхавшись, вбѣжалъ въ небольшую пріемную комнату, гдѣ сѣдой чиновникъ, въ старомъ фракѣ и въ[6] очкахъ, сидѣлъ за столомъ и, взявши въ зубы перо, считалъ принимаемыя[7] мѣдныя деньги.

„Кто здѣсь принимаетъ объявленія?“ закричалъ Ковалевъ. „А, здравствуйте!“

„Мое почтеніе“, сказалъ сѣдой чиновникъ[8], поднявши на минуту глаза и опустивши ихъ снова на разложенныя кучи денегъ[9].

„Я желаю припечатать...“

„Позвольте, прошу немножко повременить“, произнесъ чиновникъ, ставя одною рукою цифру на бумагѣ[10] и передвигая пальцемъ[11] лѣвой руки два очка на счетахъ. Лакей съ галунами и съ довольно чистою[12] наружностію, показывавшею пре-

бываніе его въ аристократическомъ[1] домѣ, стоялъ возлѣ стола съ запискою въ рукахъ и почелъ приличнымъ показать свою общежительность[2]: „Повѣрите ли, сударь, что собаченка не стóитъ восьми гривенъ, т. е. я не далъ бы за нее и восьми грошей; а графиня любитъ, ей Богу, любитъ,—и вотъ, тому, кто ее отыщетъ, сто рублей! Если сказать по приличію, то вотъ такъ, какъ мы теперь съ вами, вкусы людей совсѣмъ несовмѣстны: ужъ когда охотникъ, то держи лягавую собаку или пуделя; не пожалѣй пяти сотъ, тысячу дай, но за то ужъ, чтобъ была собака хорошая“[3].

Почтенный чиновникъ слушалъ это съ значительною миною и въ то же время занимался смѣтою, сколько буквъ въ принесенной запискѣ. По сторонамъ стояло множество старухъ, купеческихъ сидѣльцевъ и дворниковъ съ записками. Въ одной значилось, что отпускается въ услуженіе кучеръ трезваго поведенія; въ другой — малоподержанная коляска, вывезенная въ 1814 году изъ Парижа; тамъ отпускалась дворовая дѣвка 19 лѣтъ, упражнявшаяся въ прачешномъ дѣлѣ, годная и для другихъ работъ; прочныя дрожки безъ одной рессоры; молодая горячая лошадь въ сѣрыхъ яблокахъ, семнадцати лѣтъ отъ роду; новыя, полученныя изъ Лондона, сѣмена рѣпы и редиса; дача со всѣми угодьями: двумя стойлами для лошадей и мѣстомъ, на которомъ можно развести превосходный березовый или еловый садъ; тамъ же находился вызовъ желающихъ купить старыя подошвы, съ приглашеніемъ явиться къ переторжкѣ каждый день отъ 8 до 3 часовъ утра. Комната, въ которой помѣщалось[4] все это общество, была маленькая, и воздухъ въ ней былъ чрезвычайно густъ; но коллежскій ассессоръ Ковалевъ не могъ слышать запаха, потому что закрылся платкомъ, и потому что самый носъ его[5] находился, Богъ знаетъ, въ какихъ мѣстахъ[6].

„Милостивый государь, позвольте васъ попросить... мнѣ очень нужно“, сказалъ онъ, наконецъ, съ нетерпѣніемъ[7].

„Сейчасъ, сейчасъ!... Два рубля сорокъ три копѣйки!... Сію минуту!... Рубль шестьдесятъ четыре копѣйки!“ говорилъ сѣдовласый господинъ, бросая старухамъ и дворникамъ записки въ глаза. „Вамъ что угодно?“ наконецъ сказалъ онъ, обратившись къ Ковалеву.

„Я прошу...“ сказалъ Ковалевъ: „случилось мошенниче-

ство или плутовство — я до сихъ поръ не могу никакъ узнать. Я прошу только припечатать, что тотъ, кто ко мнѣ этого подлеца представитъ, получитъ достаточное вознагражденіе".

„Позвольте узнать, какъ ваша фамилія?"

„Нѣтъ, зачѣмъ же фамилію? мнѣ нельзя сказать ее. У меня много знакомыхъ: Чехтарева, статская совѣтница, Палагея Григорьевна Подточина, штабъ-офицерша... Вдругъ узна́ютъ. Боже сохрани! Вы можете просто написать: коллежскій ассесоръ, или, еще лучше, состоящій въ маіорскомъ чинѣ".

„А сбѣжавшій былъ вашъ дворовый человѣкъ?"

„Какое дворовый человѣкъ! это бы еще не такое большое мошенничество! Сбѣжалъ отъ меня... носъ..."

„Гм! какая странная фамилія! И на большую сумму этотъ г. Носовъ обокралъ васъ?"

„Носъ, то есть... вы не то̀ думаете! Носъ, мой собственный носъ пропалъ, неизвѣстно куда. Чортъ хотѣлъ подшутить надо мною!"

„Да какимъ же образомъ пропалъ? я что-то не могу хорошенько понять".

„Да я не могу вамъ сказать, какимъ образомъ; но главное то̀, что онъ разъѣзжаетъ теперь по городу и называетъ себя статскимъ совѣтникомъ. И потому я васъ прошу объявить, чтобы поймавшій представилъ его немедленно ко мнѣ въ самомъ скорѣйшемъ времени. Вы посудите, въ самомъ дѣлѣ, какъ же мнѣ быть безъ такой замѣтной части тѣла? Это не то, что какой-нибудь мизинецъ[1] на ногѣ, который я въ сапогъ — и никто не увидитъ, если его нѣтъ. Я бываю по четвергамъ у статской совѣтницы Чехтаревой; Подточина Палагея Григорьевна, штабъ-офицерша, и у ней дочка очень хорошенькая, тоже очень хорошіе знакомые; и вы посудите сами, какъ же мнѣ теперь... Мнѣ теперь къ нимъ нельзя явиться".

Чиновникъ задумался, что̀ означали крѣпко сжавшіяся его губы[2].

„Нѣтъ, я не могу помѣстить такого объявленія въ газетахъ", сказалъ онъ, наконецъ, послѣ долгаго молчанія.

„Какъ? отчего?"

„Такъ. Газета можетъ потерять репутацію. Если всякій начнетъ писать, что у него сбѣжалъ носъ, то... И такъ уже говорятъ, что печатается много несообразностей и ложныхъ слуховъ".

„Да чѣмъ же это дѣло несообразное? Тутъ, кажется, ничего нѣтъ такого“.

„Это вамъ такъ кажется, что нѣтъ. А вотъ, на прошлой недѣлѣ, такой же былъ случай. Пришелъ чиновникъ такимъ же образомъ, какъ вы теперь пришли, принесъ записку, денегъ по разсчету пришлось 2 р. 73 к., и все объявленіе состояло въ томъ, что сбѣжалъ пудель черной шерсти. Кажется, что бы тутъ такое? А вышелъ пасквиль: пудель-то этотъ былъ казначей, не помню, какого-то заведенія“.

„Да вѣдь я вамъ не о пуделѣ дѣлаю объявленіе, а о собственномъ моемъ носѣ: стало-быть, почти то же, что о самомъ себѣ“.

„Нѣтъ, такого объявленія я никакъ не могу помѣстить“.

„Да когда у меня точно пропалъ носъ!“

„Если пропалъ, то это дѣло медика. Говорятъ, что есть такіе люди, которые могутъ приставить какой угодно носъ. Но, впрочемъ, я замѣчаю, что вы должны быть человѣкъ веселаго нрава и любите въ обществѣ пошутить“.

„Клянусь вамъ, вотъ какъ Богъ святъ! Пожалуй, ужъ если до того дошло, то я покажу вамъ“.

„Зачѣмъ безпокоиться!“ продолжалъ чиновникъ, нюхая табакъ. „Впрочемъ, если не въ безпокойство“, прибавилъ онъ съ движеніемъ любопытства: „то желательно бы взглянуть“.

Коллежскій ассессоръ отнялъ отъ лица платокъ.

„Въ самомъ дѣлѣ, чрезвычайно странно!“ сказалъ чиновникъ: „мѣсто совершенно гладкое, какъ будто бы только-что выпеченный блинъ. Да, до невѣроятности ровное!“

„Ну, вы и теперь будете спорить? Вы видите сами, что нельзя не напечатать. Я вамъ буду особенно благодаренъ, и очень радъ, что этотъ случай доставилъ мнѣ удовольствіе съ вами познакомиться“. Маіоръ, какъ видно изъ этого, рѣшился на сей разъ немного поподличать.

„Напечатать-то, конечно, дѣло небольшое“, сказалъ чиновникъ: „только я не предвижу въ этомъ никакой для васъ выгоды. Если уже хотите, то отдайте тому, кто имѣетъ искусное перо, описать это, какъ рѣдкое произведеніе натуры, и напечатать эту статейку въ „Сѣверной Пчелѣ“ (тутъ онъ понюхалъ еще разъ табаку), для пользы юношества (тутъ онъ утеръ носъ) или такъ, для общаго любопытства“.

Коллежскій ассессоръ былъ совершенно обезнадеженъ. Онъ опустилъ глаза въ низъ газеты, гдѣ было извѣщеніе о спектакляхъ; уже лицо его было готово улыбнуться, встрѣтивъ имя актрисы, хорошенькой собою, и рука взялась за карманъ, есть ли при немъ синяя ассигнація, потому что штабъ-офицеры, по мнѣнію Ковалева, должны сидѣть въ креслахъ; но мысль о носѣ все испортила!

Самъ чиновникъ, казалось, былъ тронутъ затруднительнымъ положеніемъ Ковалева. Желая сколько-нибудь облегчить его горесть, онъ почелъ приличнымъ выразить участіе свое въ нѣсколькихъ словахъ: „Мнѣ, право, очень прискорбно, что съ вами случился такой анекдотъ. Не угодно ли вамъ понюхать табачку? это разбиваетъ головныя боли и печальныя расположенія; даже въ отношеніи къ геморроидамъ это хорошо“. Говоря это, чиновникъ поднесъ Ковалеву табакерку, довольно ловко подвернувъ подъ нее крышку съ портретомъ какой-то дамы въ шляпкѣ.

Этотъ неумышленный поступокъ вывелъ изъ терпѣнія Ковалева. „Я не понимаю, какъ вы находите мѣсто шуткамъ“, сказалъ онъ съ сердцемъ: „развѣ вы не видите, что у меня нѣтъ именно того[1], чѣмъ бы я могъ понюхать? Чтобъ чортъ побралъ вашъ табакъ! Я теперь не могу смотрѣть на него, и не только на скверный вашъ березинскій, но хоть бы вы поднесли мнѣ самаго рапè“. Сказавши это[2], онъ вышелъ, глубоко раздосадованный, изъ газетной экспедиціи и отправился къ частному приставу.

Ковалевъ вошелъ къ нему въ то время, когда онъ потянулся, крякнулъ и сказалъ: „Эхъ, славно засну два часика!“ и потому можно было предвидѣть, что приходъ коллежскаго ассессора былъ совершенно не во-время. Частный былъ большой поощритель всѣхъ искусствъ и мануфактурностей; но государственную ассигнацію предпочиталъ всему. „Это вещь“, обыкновенно говорилъ онъ: „ужъ нѣтъ ничего лучше этой вещи: ѣсть не проситъ, мѣста займетъ немного, въ карманѣ всегда помѣстится, уронишь — не расшибется“.

Частный принялъ довольно сухо Ковалева и сказалъ, что послѣ обѣда не то время, чтобы производить слѣдствіе, что сама натура назначила, чтобы, наѣвшись, немного отдохнуть (изъ этого коллежскій ассессоръ могъ видѣть, что частному

приставу были не безъизвѣстны изреченія древнихъ мудрецовъ), что у порядочнаго человѣка не оторвутъ носа".

То есть, не въ бровь, а прямо въ глазъ! Нужно замѣтить, что Ковалевъ былъ чрезвычайно обидчивый человѣкъ. Онъ могъ простить все, что̀ ни говорили о немъ самомъ, но никакъ не извинялъ, если это относилось къ чину или званію. Онъ даже полагалъ, что въ театральныхъ пьесахъ можно пропускать[1] все[2], что̀ относится къ оберъ-офицерамъ, но на штабъ-офицеровъ никакъ не должно нападать. Пріемъ частнаго такъ его сконфузилъ, что онъ тряхнулъ головою и сказалъ съ чувствомъ достоинства, немного разставивъ свои руки: „Признаюсь, послѣ эдакихъ обидныхъ съ вашей стороны замѣчаній, я ничего не могу прибавить..." и вышелъ.

Онъ пріѣхалъ домой, едва слыша подъ собою ноги. Были уже сумерки. Печальною, или чрезвычайно гадкою показалась ему квартира послѣ всѣхъ этихъ неудачныхъ исканій. Взошедши[3] въ переднюю, увидѣлъ онъ на кожаномъ запачканномъ диванѣ лакея своего Ивана, который, лежа на спинѣ, плевалъ въ потолокъ и попадалъ довольно удачно въ одно и то же мѣсто. Такое равнодушіе человѣка взбѣсило его; онъ ударилъ его шляпою по лбу, примолвивъ: „Ты, свинья, всегда глупостями занимаешься!"

Иванъ вскочилъ вдругъ съ своего мѣста и бросился со всѣхъ ногъ снимать съ него плащъ.

Вошедши въ свою комнату, маіоръ, усталый и печальный, бросился въ кресла и наконецъ, послѣ нѣсколькихъ вздоховъ, сказалъ:

„Боже мой! Боже мой! За что это такое несчастіе? Будь я безъ руки или безъ ноги — все бы это лучше[4]; но безъ носа человѣкъ — чортъ знаетъ что̀: птица не птица, гражданинъ не гражданинъ, — просто, возьми да и вышвырни за окошко! И пусть бы уже на войнѣ отрубили, или на дуэли, или я самъ былъ причиною; но вѣдь пропалъ ни за̀ что, ни про̀ что, пропалъ даромъ, ни за грошъ![5].. Только, нѣтъ, не можетъ быть", прибавилъ онъ, немного подумавъ: „невѣроятно, чтобы носъ пропалъ, никакимъ образомъ невѣроятно. Это, вѣрно, или во снѣ снится, или, просто, грезится; можетъ быть, я какъ-нибудь, ошибкою, выпилъ вмѣсто воды водку, которою вытираю[6] послѣ бритья себѣ бороду. Иванъ дуракъ не принялъ,

и я, вѣрно, хватилъ ея"[1]. Чтобы дѣйствительно увѣриться, что онъ не пьянъ, маіоръ ущипнулъ себя такъ больно, что самъ вскрикнулъ. Эта боль совершенно увѣрила его, что онъ дѣйствуетъ и живетъ наяву. Онъ потихоньку приблизился къ зеркалу и сначала зажмурилъ глаза съ тою мыслію, что авось-либо носъ покажется на своемъ мѣстѣ; но въ ту жъ минуту отскочилъ назадъ, сказавши: „Экой пасквильный видъ!"

Это было, точно, непонятно. Если бы пропала пуговица, серебряная ложка, часы или что-нибудь подобное, — но пропàсть, и кому же пропàсть?[2] и притомъ еще на собственной квартирѣ!... Маіоръ Ковалевъ, сообразя всѣ обстоятельства, предполагалъ едва ли не ближе всего къ истинѣ, что виною этого долженъ быть не кто другой, какъ штабъ-офицерша Подточина, которая желала, чтобы онъ женился на ея дочери. Онъ и самъ любилъ за нею приволокнуться, но избѣгалъ окончательной раздѣлки. Когда же штабъ-офицерша объявила ему напрямикъ, что она хочетъ выдать ее за него, онъ потихоньку отчалилъ съ своими комплиментами[3], сказавши, что еще молодъ, что нужно ему прослужить лѣтъ пятокъ, чтобы уже ровно было сорокъ два года. И потому штабъ-офицерша, вѣрно изъ мщенія, рѣшилась его испортить и наняла для этого какихъ-нибудь колдовокъ-бабъ, потому что никакимъ образомъ нельзя было предположить, чтобы носъ былъ отрѣзанъ: никто не входилъ къ нему въ комнату; цирюльникъ же, Иванъ Яковлевичъ, брилъ его еще въ среду, а въ продолженіе всей среды и даже во весь четвертокъ носъ у него былъ цѣлъ, — это онъ помнилъ и зналъ очень хорошо; притомъ, была бы имъ чувствуема боль, и, безъ сомнѣнія, рана не могла бы такъ скоро зажить и быть гладкою, какъ блинъ. Онъ строилъ въ головѣ планы: звать ли штабъ-офицершу формальнымъ порядкомъ въ судъ, или явиться къ ней самому и уличить ее. Размышленія его прерваны были свѣтомъ, который блеснулъ сквозь всѣ скважины дверей и далъ знать[4], что свѣча въ передней уже зажжена Иваномъ. Скоро показался и самъ Иванъ, неся ее передъ собою и озаряя ярко всю комнату. Первымъ движеніемъ Ковалева было схватить платокъ и закрыть то мѣсто, гдѣ вчера еще былъ носъ, чтобы въ самомъ дѣлѣ глупый человѣкъ не зазѣвался, увидя у барина такую странность.

Не успѣлъ Иванъ уйти въ конуру свою, какъ послышался

въ передней незнакомый голосъ, произнесшій: „Здѣсь ли живетъ коллежскій ассессоръ Ковалевъ?“

„Войдите; маіоръ Ковалевъ здѣсь“, сказалъ Ковалевъ, вскочивши поспѣшно и отворяя дверь.

Вошелъ полицейскій чиновникъ, красивой наружности, съ бакенбардами не слишкомъ свѣтлыми и не темными, съ довольно полными щеками, тотъ самый, который, въ началѣ повѣсти, стоялъ въ концѣ Исакіевскаго моста.

„Вы изволили затерять носъ свой?“

„Такъ точно“.

„Онъ теперь найденъ“.

„Чтò вы говорите?“ закричалъ маіоръ Ковалевъ. Радость отняла у него языкъ. Онъ глядѣлъ въ оба на стоявшаго передъ нимъ квартальнаго, на полныхъ губахъ и щекахъ котораго ярко мелькалъ трепетный свѣтъ свѣчи. „Какимъ образомъ?“

„Страннымъ случаемъ: его перехватили почти на дорогѣ. Онъ уже садился въ дилижансъ и хотѣлъ уѣхать въ Ригу. И пашпортъ давно былъ написанъ на имя одного чиновника. И странно тò, что я самъ принялъ его сначала за господина; но, къ счастію, были со мной очки, и я тотъ же часъ увидѣлъ, что это былъ носъ. Вѣдь я близорукъ, и если вы станете передо мною, то я вижу только, что у васъ лицо, но ни носа, ни бороды, ничего не замѣчу. Моя теща, то есть мать жены моей, тоже ничего не видитъ“.

Ковалевъ былъ внѣ себя. „Гдѣ же онъ? гдѣ? я сейчасъ побѣгу“.

„Не безпокойтесь. Я, зная, что онъ вамъ нуженъ, принесъ его съ собою. И странно тò, что главный участникъ въ этомъ дѣлѣ есть мошенникъ цирюльникъ на Вознесенской улицѣ, который сидитъ теперь на съѣзжей. Я давно подозрѣвалъ его въ пьянствѣ и воровствѣ, и еще третьяго дня стащилъ онъ въ одной лавочкѣ бортище[1] пуговицъ. Носъ вашъ совершенно таковъ, какъ былъ“. При этомъ квартальный полѣзъ въ карманъ и вытащилъ оттуда завернутый въ бумажкѣ носъ.

„Такъ, онъ!“ закричалъ Ковалевъ: „точно, онъ! Выкушайте сегодня со мною чашечку чаю“.

„Почелъ бы за большую пріятность, но никакъ не могу: мнѣ нужно заѣхать отсюда въ смирительный домъ... Очень большая поднялась дороговизна на всѣ припасы... У меня

въ домѣ живетъ и теща, то есть мать моей жены, и дѣти; старшій особенно подаетъ большія надежды, очень умный мальчишка; но средствъ для воспитанія совершенно нѣтъ никакихъ...“

Коллежскій ассессоръ, по уходѣ квартальнаго, нѣсколько минутъ оставался въ какомъ-то неопредѣленномъ состояніи и едва черезъ нѣсколько минутъ пришелъ въ возможность видѣть и чувствовать: въ такое безпамятство повергла его неожиданная радость. Онъ взялъ бережливо найденный носъ въ обѣ руки, сложенныя горстью, и еще разъ разсмотрѣлъ его внимательно.

„Такъ, онъ! точно, онъ!“ говорилъ маіоръ Ковалевъ. „Вотъ и прыщикъ на лѣвой сторонѣ, вскочившій вчерашняго дня“. Маіоръ чуть не засмѣялся отъ радости.

Но на свѣтѣ нѣтъ ничего долговременнаго, а потому и радость, въ слѣдующую минуту за первою, уже не такъ жива; въ третью минуту она становится еще слабѣе и, наконецъ, незамѣтно сливается съ обыкновеннымъ положеніемъ души, какъ на водѣ кругъ, рожденный паденіемъ камешка, наконецъ сливается съ гладкою поверхностью. Ковалевъ началъ размышлять и смекнулъ, что дѣло еще не кончено: носъ найденъ, но вѣдь нужно же его приставить, помѣстить на свое мѣсто.

„А что̀, если онъ не пристанетъ?“

При такомъ вопросѣ, сдѣланномъ самому себѣ, маіоръ поблѣднѣлъ.

Съ чувствомъ неизъяснимаго страха бросился онъ къ столу, придвинулъ зеркало, чтобы какъ-нибудь не поставить носъ криво. Руки его дрожали. Осторожно и осмотрительно наложилъ онъ его на прежнее мѣсто. О ужасъ! носъ не приклеивался!... Онъ поднесъ его ко рту, нагрѣлъ его слегка своимъ дыханіемъ и опять поднесъ къ гладкому мѣсту, находившемуся между двухъ щекъ; но носъ никакимъ образомъ не держался.

„Ну, ну же! полѣзай, дуракъ!“ говорилъ онъ ему; но носъ былъ какъ деревянный и падалъ на столъ съ такимъ страннымъ звукомъ, какъ будто бы пробка. Лицо маіора судорожно скривилось. „Неужели онъ не прирастетъ?“ говорилъ онъ въ испугѣ. Но сколько разъ ни подносилъ онъ его на его же собственное мѣсто — стараніе было, по прежнему, неуспѣшно.

Онъ кликнулъ Ивана и послалъ его за докторомъ, который занималъ въ томъ же самомъ домѣ лучшую квартиру въ бельэтажѣ. Докторъ этотъ былъ видный собою мужчина, имѣлъ прекрасныя смолистыя бакенбарды, свѣжую, здоровую докторшу, ѣлъ по утру свѣжія яблоки и держалъ ротъ въ необыкновенной чистотѣ, полоща его каждое утро почти три четверти часа и шлифуя зубы пятью разныхъ родовъ щеточками. Докторъ явился въ ту же минуту. Спросивши, какъ давно случилось несчастіе, онъ поднялъ маіора Ковалева за подбородокъ[1] и далъ ему большимъ пальцемъ щелчка въ то самое мѣсто, гдѣ прежде былъ носъ, такъ что маіоръ долженъ былъ откинуть свою голову назадъ съ такою силою, что ударился затылкомъ въ стѣну. Медикъ сказалъ, что это ничего, и, посовѣтовавши отодвинуться немного отъ стѣны, велѣлъ ему перегнуть голову сначала на правую сторону и, пощупавши то мѣсто, гдѣ прежде былъ носъ, сказалъ: „гм!“ потомъ велѣлъ ему перегнуть голову на лѣвую сторону и сказалъ: „гм!“ и въ заключеніе далъ опять ему большимъ пальцемъ щелчка, такъ что маіоръ Ковалевъ дернулъ головою, какъ конь, которому смотрятъ въ зубы. Сдѣлавши такую пробу, медикъ покачалъ головою и сказалъ: „Нѣтъ, нельзя. Вы ужъ лучше такъ оставайтесь, потому что можно сдѣлать еще хуже. Оно, конечно, приставить можно; я бы, пожалуй, вамъ сейчасъ приставилъ его; но я васъ увѣряю, что это для васъ хуже“.

„Вотъ хорошо! какъ же мнѣ оставаться безъ носу?“[2] сказалъ Ковалевъ: „ужъ хуже не можетъ быть, какъ теперь. Это, просто, чортъ знаетъ что! Куда же я съ этакою пасквильностію покажуся?[3] Я имѣю хорошее знакомство: вотъ и сегодня мнѣ нужно быть на вечерѣ въ двухъ домахъ. Я со многими знакомъ: статская совѣтница Чехтарева, Подточина, штабъ-офицерша... хоть послѣ теперешняго поступка ея я не имѣю съ ней другаго дѣла, какъ только чрезъ[4] полицію. Сдѣлайте милость“, продолжалъ Ковалевъ умоляющимъ голосомъ: „нѣтъ ли средства? какъ-нибудь приставьте: хоть не хорошо, лишь бы только держался; я даже могу его слегка подпирать[5] рукою въ опасныхъ случаяхъ. Я же притомъ и не танцую, чтобы могъ вредить какимъ-нибудь неосторожнымъ движеніемъ. Все, что̀ относится на счетъ благодарности за визиты, ужъ будьте увѣрены, сколько дозволятъ мои средства...“

„Вѣрите ли“, сказалъ докторъ ни громкимъ, ни тихимъ голосомъ, но чрезвычайно увѣтливымъ и магнетическимъ: „что я никогда изъ корысти не лѣчу. Это противно моимъ правиламъ и моему искусству. Правда, я беру за визиты, но единственно съ тѣмъ только, чтобы не обидѣть моимъ отказомъ. Конечно, я бы приставилъ вашъ носъ; но я васъ увѣряю честью, если уже вы не вѣрите моему слову, что это будетъ гораздо хуже. Предоставьте лучше дѣйствію самой натуры. Мойте чаще холодною водою, и я васъ увѣряю, что вы, не имѣя носа, будете такъ же здоровы, какъ если бы имѣли его. А носъ я вамъ совѣтую положить въ банку со спиртомъ, или, еще лучше, влить туда двѣ столовыя ложки острой водки и подогрѣтаго уксуса, — и тогда вы можете взять за него порядочныя деньги. Я даже самъ возьму его, если вы только не подорожитесь“.

„Нѣтъ, нѣтъ! ни за что не продамъ!“ вскричалъ отчаянный маіоръ Ковалевъ: „лучше пусть онъ пропадетъ!“

„Извините!“ сказалъ докторъ, откланиваясь: „я хотѣлъ быть вамъ полезнымъ... Чтò жъ дѣлать! По крайней мѣрѣ, вы видѣли мое стараніе“. Сказавши это, докторъ съ благородною осанкою вышелъ изъ комнаты. Ковалевъ не замѣтилъ даже лица его и въ глубокой безчувственности видѣлъ только выглядывавшіе изъ рукавовъ его чернаго фрака рукавчики бѣлой и чистой, какъ снѣгъ, рубашки.

Онъ рѣшился на другой же день, прежде представленія жалобы, писать къ штабъ-офицершѣ, не согласится ли она безъ бою возвратить ему то, чтò слѣдуетъ. Письмо было такого содержанія:

Милостивая государыня,
Александра Григорьевна!

Не могу понять страннаго со стороны Вашей дѣйствія. Будьте увѣрены, что, поступая такимъ образомъ, ничего Вы не выиграете и ничуть не принудите меня жениться на Вашей дочери. Повѣрьте, что исторія насчетъ моего носа совершенно извѣстна, равно какъ и то[1], что въ этомъ Вы есть главныя участницы, а не кто другой. Внезапное его отдѣленіе съ своего мѣста, побѣгъ и маскированіе, то подъ видомъ одного чиновника, то, наконецъ, въ собственномъ видѣ, есть

больше ничего, какъ слѣдствіе[1] волхвованій, произведенныхъ Вами или тѣми, которые упражняются въ подобныхъ Вамъ благородныхъ занятіяхъ. Я съ своей стороны почитаю долгомъ васъ предувѣдомить: если упоминаемый мною носъ не будетъ сегодня же на своемъ мѣстѣ, то я принужденъ буду прибѣгнуть къ защитѣ и покровительству законовъ.

Впрочемъ, съ совершеннымъ почтеніемъ къ Вамъ, имѣю честь быть

Вашъ покорный слуга

Платонъ Ковалевъ.

Милостивый государь,

Платонъ Кузьмичъ!

Чрезвычайно удивило меня письмо Ваше. Я, признаюсь Вамъ по откровенности, никакъ не ожидала, а тѣмъ болѣе относительно несправедливыхъ укоризнъ со стороны Вашей. Предувѣдомляю Васъ, что я чиновника, о которомъ упоминаете Вы, никогда не принимала у себя въ домѣ, ни замаскированнаго, ни въ настоящемъ видѣ. Бывалъ у меня, правда, Филиппъ Ивановичъ Потанчиковъ. И хотя онъ, точно, искалъ руки моей дочери, будучи самъ хорошаго, трезваго поведенія и великой учености, но я никогда не подавала ему никакой надежды. Вы упоминаете еще о носѣ. Если Вы разумѣете подъ симъ, что будто бы я хотѣла оставить Васъ съ носомъ, то есть, дать Вамъ формальный отказъ; то меня удивляетъ, что Вы сами объ этомъ говорите, тогда какъ я, сколько Вамъ извѣстно, была совершенно противнаго мнѣнія, и если Вы теперь же посватаетесь на моей дочери законнымъ образомъ, я готова сей же часъ удовлетворить Васъ, ибо это составляло всегда предметъ моего живѣйшаго желанія, въ надеждѣ чего остаюсь всегда готовою къ услугамъ Вашимъ

Александра Подточина.

„Нѣтъ", говорилъ Ковалевъ, прочитавши письмо: „она, точно, не виновата. Не можетъ быть! Письмо такъ написано, какъ не можетъ написать человѣкъ, виноватый въ преступле-

нiи". Коллежскiй ассессоръ былъ въ этомъ свѣдущъ, потому что былъ посыланъ нѣсколько разъ на слѣдствiе еще въ Кавказской области. „Какимъ же образомъ, какими судьбами это приключилось? Только чортъ разберетъ это!" сказалъ онъ наконецъ, опустивъ руки.

Между тѣмъ слухи объ этомъ необыкновенномъ происшествiи распространились по всей столицѣ и, какъ водится, не безъ особенныхъ прибавленiй. Тогда умы всѣхъ именно настроены были къ чрезвычайному: недавно только-что занимали публику опыты[1] дѣйствiя магнетизма. Притомъ, исторiя о танцующихъ стульяхъ въ Конюшенной улицѣ была еще свѣжа, и потому нечего удивляться, что скоро начали говорить, будто носъ коллежскаго ассессора Ковалева ровно въ три часа прогуливается по Невскому проспекту. Любопытныхъ стекалось каждый день множество. Сказалъ кто-то, что носъ будто бы находился въ магазинѣ Юнкера — и возлѣ Юнкера такая сдѣлалась толпа и давка, что должна была вступиться даже полицiя[2]. Одинъ спекуляторъ[3] почтенной наружности, съ бакенбардами, продававшiй при входѣ въ театръ разные сухiе кондитерскiе пирожки, нарочно надѣлалъ прекрасныхъ деревянныхъ, прочныхъ скамеекъ[4], на которыя приглашалъ любопытныхъ становиться, за восемьдесятъ копѣекъ отъ каждаго посѣтителя[5]. Одинъ заслуженный полковникъ нарочно для этого вышелъ раньше изъ дому и съ большимъ трудомъ пробрался сквозь толпу; но, къ большому негодованiю своему, увидѣлъ въ окнѣ магазина, вмѣсто носа, обыкновенную шерстяную фуфайку и литографированную картинку[6] съ изображенiемъ дѣвушки, поправлявшей чулокъ, и глядѣвшаго на нее изъ-за дерева франта съ откиднымъ жилетомъ и небольшою бородкою, — картинку, уже болѣе десяти лѣтъ висящую все на одномъ мѣстѣ. Отошедъ, онъ сказалъ съ досадою: „Какъ можно этакими глупыми и неправдоподобными слухами смущать народъ?" Потомъ пронесся слухъ, что не на Невскомъ проспектѣ, а въ Таврическомъ саду прогуливается носъ маiора Ковалева; что будто бы онъ давно уже тамъ; что когда еще проживалъ тамъ Хозревъ-Мирза[7], то очень удивлялся этой странной игрѣ природы. Нѣкоторые изъ студентовъ Хирургической Академiи отправились туда. Одна знатная, почтенная дама просила особеннымъ письмомъ смотрителя за садомъ показать дѣтямъ ея этотъ

рѣдкій феноменъ и, если можно, съ объясненіемъ наставительнымъ и назидательнымъ для юношей.

Всѣмъ этимъ происшествіямъ были чрезвычайно рады всѣ свѣтскіе необходимые посѣтители раутовъ, любившіе смѣшить дамъ, у которыхъ запасъ въ то время совершенно истощился. Небольшая часть почтенныхъ и благонамѣренныхъ людей была чрезвычайно недовольна. Одинъ господинъ говорилъ съ негодованіемъ, что онъ не понимаетъ, какъ въ нынѣшній просвѣщенный вѣкъ могутъ распространяться нелѣпыя выдумки, и что онъ удивляется, какъ не обратитъ на это вниманіе правительство[1]. Господинъ этотъ, какъ видно, принадлежалъ къ числу тѣхъ господъ, которые желали бы впутать правительство во все, даже въ свои ежедневныя ссоры съ женою. Вслѣдъ за этимъ... но здѣсь вновь все происшествіе скрывается туманомъ, и что̀ было потомъ, рѣшительно неизвѣстно.

III.

Чепуха совершенная дѣлается на свѣтѣ. Иногда вовсе нѣтъ никакого правдоподобія: вдругъ тотъ самый носъ, который разъѣзжалъ въ чинѣ статскаго совѣтника и надѣлалъ столько шуму въ городѣ, очутился, какъ ни въ чемъ не бывало, вновь на своемъ мѣстѣ, то есть именно между двухъ щекъ маіора Ковалева. Это случилось уже апрѣля 7 числа. Проснувшись и нечаянно взглянувъ въ зеркало, видитъ онъ: носъ! хвать рукою — точно, носъ! „Эге!“ сказалъ Ковалевъ и въ радости чуть не дернулъ по всей комнатѣ босикомъ тропака[2]; но вошедшій Иванъ помѣшалъ. Онъ приказалъ тотъ же часъ дать себѣ умыться и, умываясь, взглянулъ еще разъ въ зеркало — носъ! Вытираясь полотенцемъ[3], онъ опять взглянулъ въ зеркало — носъ!

„А посмотри, Иванъ, кажется, у меня на носу какъ будто прыщикъ“, сказалъ онъ и между тѣмъ думалъ: „Вотъ бѣда, какъ Иванъ скажетъ: „Да нѣтъ, судырь, не только прыщика, и самаго носа нѣтъ!“

Но Иванъ сказалъ: „Ничего-съ, никакого прыщика: носъ чистый!“

„Хорошо, чортъ побери!“ сказалъ самъ себѣ маіоръ и

щелкнулъ пальцами. Въ это время выглянулъ въ дверь цирюльникъ Иванъ Яковлевичъ, но такъ боязливо, какъ кошка, которую только что высѣкли за кражу сала.

„Говори впередъ: чисты руки?“ кричалъ еще издали ему Ковалевъ.

„Чисты“.

„Врешь!“

„Ей Богу-съ чисты, судырь“.

„Ну, смотри же“.

Ковалевъ сѣлъ. Иванъ Яковлевичъ закрылъ его салфеткою и, въ одно мгновенье, съ помощью кисточки, превратилъ всю бороду его и часть щеки въ кремъ, какой подаютъ на купеческихъ именинахъ. „Вишь ты!“ сказалъ самъ себѣ Иванъ Яковлевичъ, взглянувши на носъ, и потомъ перегнулъ голову на другую сторону и посмотрѣлъ на него съ боку: „Вона! экъ его, право, какъ подумаешь“, продолжалъ онъ и долго смотрѣлъ на носъ. Наконецъ легонько, съ бережливостью, какую только можно себѣ вообразить, онъ приподнялъ два пальца съ тѣмъ, чтобы поймать его за кончикъ. Такова ужъ была система Ивана Яковлевича.

„Ну, ну, ну, смотри!“ закричалъ Ковалевъ. Иванъ Яковлевичъ и руки опустилъ, оторопѣлъ и смутился, какъ никогда не смущался. Наконецъ, осторожно сталъ онъ щекотать бритвой у него подъ бородою, и хотя ему было совсѣмъ не сподручно и трудно брить безъ придержки за нюхательную часть тѣла, однакоже, кое-какъ, упираясь своимъ шероховатымъ большимъ пальцемъ ему въ щеку и въ нижнюю десну, наконецъ одолѣлъ всѣ препятствія и выбрилъ.

Когда все было готово, Ковалевъ поспѣшилъ тотъ же часъ одѣться, взялъ извощика и поѣхалъ прямо въ кондитерскую. Входя, закричалъ онъ еще издали: „Мальчикъ, чашку шоколаду!“ а самъ въ ту же минуту къ зеркалу — есть носъ. Онъ весело оборотился назадъ и съ сатирическимъ видомъ посмотрѣлъ, нѣсколько прищуря глазъ, на двухъ военныхъ, у одного изъ которыхъ[1] былъ носъ никакъ не больше жилетной пуговицы. Послѣ того отправился онъ въ канцелярію того департамента, гдѣ хлопоталъ объ вице-губернаторскомъ мѣстѣ, а въ случаѣ неудачи, объ экзекуторскомъ. Проходя чрезъ пріемную, онъ взглянулъ въ зеркало — есть носъ. Потомъ по-

ѣхалъ онъ къ другому коллежскому ассессору, или маіору, большому насмѣшнику, которому онъ часто говорилъ въ отвѣтъ на разныя занозистыя замѣтки: „Ну, ужъ ты, я тебя знаю, ты шпилька!“ Дорогою онъ подумалъ: „Если и маіоръ не треснетъ со смѣху, увидѣвши меня, тогда ужъ вѣрный знакъ, что все, что̀ ни есть, сидитъ на своемъ мѣстѣ“. Но коллежскій ассессоръ ничего. „Хорошо, хорошо, чортъ побери!“ подумалъ про-себя Ковалевъ. На дорогѣ встрѣтилъ онъ штабъ-офицершу Подточину вмѣстѣ съ дочерью, раскланялся съ ними и былъ встрѣченъ съ радостными восклицаньями: стало быть, ничего, въ немъ нѣтъ никакого ущерба. Онъ разговаривалъ съ ними очень долго, и нарочно, вынувши табакерку, набивалъ передъ[1] ними весьма долго свой носъ съ обоихъ подъѣздовъ, приговаривая про себя: „Вотъ, молъ, вамъ, бабье, куриный народъ! а на дочкѣ все-таки не женюсь. Такъ, просто, par amour — изволь!“ И маіоръ Ковалевъ съ тѣхъ поръ прогуливался, какъ ни въ чемъ не бывало, и на Невскомъ проспектѣ, и въ театрахъ, и вездѣ. И носъ тоже, какъ ни въ чемъ не бывало, сидѣлъ на его лицѣ, не показывая даже вида, чтобы отлучался по сторонамъ. И послѣ того маіора Ковалева видѣли вѣчно въ хорошемъ юморѣ, улыбающагося, преслѣдующаго рѣшительно всѣхъ хорошенькихъ дамъ и даже остановившагося одинъ разъ передъ лавочкой въ гостиномъ дворѣ и покупавшаго какую-то орденскую ленточку, неизвѣстно для какихъ причинъ, потому что онъ самъ не былъ кавалеромъ никакого ордена.

Вотъ какая исторія случилась въ сѣверной столицѣ нашего обширнаго государства! Теперь только, по соображеніи всего, видимъ, что въ ней есть много неправдоподобнаго. Не говоря уже о томъ, что, точно, странно сверхъестественное отдѣленіе носа и появленье его въ разныхъ мѣстахъ въ видѣ статскаго совѣтника, — какъ Ковалевъ не смекнулъ, что нельзя чрезъ газетную экспедицію объявлять о носѣ? Я здѣсь не въ томъ смыслѣ говорю, чтобы мнѣ казалось дорого заплатить за объявленіе: это вздоръ, и я совсѣмъ не изъ числа корыстолюбивыхъ людей; но неприлично, неловко, нехорошо! И опять тоже: какъ носъ очутился въ печеномъ хлѣбѣ, и какъ самъ Иванъ Яковлевичъ?... Нѣтъ, этого я никакъ не понимаю, рѣшительно не понимаю! Но, что̀ страннѣе, что̀ непо-

нятнѣе всего, это то, какъ авторы могутъ брать подобные сюжеты. Признаюсь, это ужъ совсѣмъ непостижимо, это точно... нѣтъ, нѣтъ! совсѣмъ не понимаю. Во-первыхъ, пользы отечеству рѣшительно никакой; во-вторыхъ... но и во-вторыхъ тоже нѣтъ пользы. Просто, я не знаю, что̀ это...

А однакоже, при всемъ томъ, хотя, конечно, можно допустить и то, и другое, и третье, можетъ даже... ну, да и гдѣ-жъ не бываетъ несообразностей? — а все однакоже, какъ поразмыслишь, во всемъ этомъ, право, есть что-то. Кто что̀ ни говори, а подобныя происшествія бываютъ на свѣтѣ, — рѣдко, но бываютъ.

ПОРТРЕТЪ.

(Въ позднѣйшей редакціи.)

Часть I.

Нигдѣ не останавливалось столько народа[1], какъ предъ[2] картинною лавочкою на Щукиномъ дворѣ. Эта лавочка представляла, точно, самое разнородное собраніе диковинокъ: картины большею частью были писаны масляными красками, покрыты темнозеленымъ лакомъ, въ темножелтыхъ мишурныхъ рамахъ. Зима съ бѣлыми деревьями, совершенно красный вечеръ, похожій на зарево пожара, фламандскій мужикъ съ трубкою и выломанною рукою, похожій болѣе на индѣйскаго пѣтуха въ манжетахъ, нежели на человѣка — вотъ ихъ обыкновенные сюжеты. Къ этому нужно[3] присовокупить нѣсколько гравированныхъ изображеній: портретъ Хозрева Мирзы въ бараньей шапкѣ, портреты какихъ-то генераловъ въ треугольныхъ шляпахъ, съ кривыми носами. Сверхъ того, двери такой лавочки обыкновенно бываютъ увѣшаны связками произведеній, отпечатанныхъ лубками на большихъ листахъ, которыя свидѣтельствуютъ о самородномъ дарованіи русскаго человѣка[4]. На одномъ была царевна Миликтриса Кирбитьевна, на другомъ городъ Іерусалимъ, по домамъ и церквамъ[5] котораго безъ церемоніи прокатилась красная краска, захватившая часть земли и двухъ молящихся русскихъ мужиковъ въ рукавицахъ. Покупателей этихъ произведеній обыкновенно немного, но за то зрителей — куча. Какой-нибудь забулдыга-лакей уже, вѣрно, зѣваетъ передъ ними, держа въ рукѣ судки съ обѣдомъ изъ трактира для своего барина, который, безъ сомнѣнія, будетъ хлебать супъ не слишкомъ горячій.

Передъ нимъ уже, вѣрно, стоитъ въ шинели солдатъ, этотъ кавалеръ толкучаго рынка, продающій два перочинные ножика; торговка-охтенка[1] съ коробкою, наполненною башмаками. Всякій восхищается по своему: мужики обыкновенно тыкаютъ пальцами; кавалеры разсматриваютъ серьёзно[2]; лакеи-мальчики и мальчишки-мастеровые смѣются и дразнятъ другъ друга нарисованными карикатурами; старые лакеи въ фризовыхъ шинеляхъ смотрятъ потому только, чтобы гдѣ-нибудь позѣвать; а торговки, молодыя русскія бабы, спѣшатъ по инстинкту, чтобы послушать, о чемъ калякаетъ народъ, и посмотрѣть, на что онъ смотритъ.

Въ это время невольно остановился передъ лавкою проходившій мимо молодой художникъ Чартковъ[3]. Старая шинель и нещегольское платье показывали въ немъ того[4] человѣка, который съ самоотверженіемъ преданъ былъ своему труду и не имѣлъ времени заботиться о своемъ нарядѣ, всегда имѣющемъ таинственную привлекательность для молодости. Онъ остановился передъ лавкою и сперва внутренно смѣялся надъ этими уродливыми картинами. Наконецъ, овладѣло имъ невольное размышленіе: онъ сталъ думать о томъ, кому бы нужны были эти произведенія. Что русскій народъ заглядывается на *Еруслановъ Лазаревичей*[5], на *объѣдалъ* и *опивалъ*[6], на *Θому* и *Ерему*, это не казалось ему удивительнымъ[7]: изображенные предметы были очень доступны и понятны народу; но гдѣ покупатели этихъ пестрыхъ, грязныхъ масляныхъ малеваній? Кому нужны эти фламандскіе мужики, эти красные и голубые пейзажи, которые показываютъ какое-то притязаніе на нѣсколько уже высшій шагъ искусства, но въ которомъ выразилось все глубокое его униженіе? Это, казалось, не были вовсе труды ребенка-самоучки; иначе[8] въ нихъ, при всей безчувственной карикатурности цѣлаго, вырывался бы[9] острый порывъ. Но здѣсь было видно, просто, тупоуміе, безсильная, дряхлая бездарность[10], которая самоуправно стала въ ряды искусствъ, тогда какъ ей мѣсто было среди низкихъ ремеслъ,—бездарность, которая была вѣрна[11], однакожъ, своему призванію и внесла въ самое искусство свое ремесло. Тѣ же краски, та же манера, та же набившаяся, пріобыкшая рука, принадлежавшая скорѣе грубо сдѣланному автомату, нежели человѣку!...

Долго стоялъ онъ предъ этими грязными картинами, уже, наконецъ, не думая вовсе о нихъ, а между тѣмъ хозяинъ лавки, сѣренькій человѣчекъ, во фризовой шинели, съ бородой, небритой съ[1] самаго воскресенья, толковалъ ему уже давно, торговался и условливался въ цѣнѣ, еще не узнавъ, что̀ ему понравилось и что̀ нужно. „Вотъ за этихъ мужичковъ и за ландштафтикъ возьму бѣленькую. Живопись-то какая! просто, глазъ прошибетъ; только что получены съ биржи: еще лакъ не высохъ. Или вотъ зима, — возьмите зиму! пятнадцать рублей! одна рамка чего сто̀итъ! Вонъ она какая зима!" Тутъ купецъ далъ легкаго щелчка въ полотно, вѣроятно, чтобы показать всю добро̀ту зимы. „Прикажете связать ихъ вмѣстѣ и снести за вами? Гдѣ изволите жить? Эй, малый! подай веревочку".

„Постой, братъ, не такъ скоро", сказалъ очнувшійся художникъ, видя, что ужъ проворный купецъ принялся не въ шутку ихъ связывать вмѣстѣ. Ему сдѣлалось нѣсколько совѣстно не взять ничего, застоявшись такъ долго въ лавкѣ, и онъ сказалъ: „А вотъ постой, я посмотрю, нѣтъ ли для меня чего-нибудь здѣсь"; и, наклонившись, сталъ доставать съ полу громоздко наваленныя[2], истертыя, запыленныя старыя малеванья, не пользовавшіяся, какъ видно, никакимъ почетомъ. Тутъ были старинные фамильные портреты, которыхъ потомковъ, можетъ быть, и на свѣтѣ нельзя было отыскать; совершенно неизвѣстныя изображенія съ прорваннымъ холстомъ; рамки, лишенныя позолоты; словомъ, всякій ветхій соръ. Но художникъ принялся разсматривать, думая втайнѣ: „Авось что-нибудь и отыщется". Онъ не разъ слышалъ[3] разсказы о томъ, какъ иногда у лубочныхъ[4] продавцовъ были отыскиваемы въ сору картины великихъ мастеровъ.

Хозяинъ, увидѣвъ, куда[5] полѣзъ онъ, оставилъ свою суетливость и, принявши свое[6] обыкновенное положеніе и надлежащій вѣсъ, помѣстился съизнова у дверей[7], зазывая прохожихъ и указывая имъ одной рукой на лавку: „Сюда, батюшка! вотъ картины! зайдите, зайдите[8]; съ биржи получены". Уже накричался онъ вдоволь и большею частью безплодно; наговорился до̀сыта[9] съ лоскутнымъ продавцомъ, стоявшимъ насупротивъ его, также у дверей своей лавчонки[10], и, наконецъ, вспомнивъ, что у него въ лавкѣ есть покупатель, обо-

ротился къ народу спиной и отправился внутрь ея[1]. — „Что, батюшка, выбрали что-нибудь?“ Но художникъ уже стоялъ нѣсколько времени неподвижно передъ однимъ портретомъ въ огромныхъ[2], когда-то великолѣпныхъ рамахъ, но на которыхъ чуть[3] блестѣли теперь слѣды позолоты.

Это былъ старикъ съ лицомъ бронзоваго цвѣта, скулистымъ, чахлымъ; черты лица, казалось, были схвачены въ минуту судорожнаго движенья и отзывались не сѣверною силою: пламенный полдень былъ запечатлѣнъ въ нихъ. Онъ былъ драпированъ въ широкій азіатскій костюмъ. Какъ ни былъ поврежденъ и запыленъ портретъ, но когда удалось ему счистить съ лица пыль, онъ увидѣлъ слѣды работы высокаго[4] художника. Портретъ, казалось, былъ неконченъ; но сила кисти была разительна. Необыкновеннѣе всего были глаза: казалось, въ нихъ употребилъ всю силу кисти и все тщаніе свое художникъ[5]. Они, просто, глядѣли, глядѣли даже изъ самаго портрета, какъ будто разрушая его гармонію своею странною живостью. Когда поднесъ онъ портретъ къ дверямъ[6], еще сильнѣе глядѣли глаза. Почти то же впечатлѣніе произвели они и въ народѣ. Женщина, остановившаяся[7] позади его, вскрикнула: „Глядитъ, глядитъ!“ и попятилась назадъ. Что-то непріятное, непонятное самому себѣ почувствовалъ онъ[8] и поставилъ портретъ на землю[9].

„А что жъ, возьмите портретъ!“ сказалъ хозяинъ.

„А сколько?“[10] сказалъ художникъ.

„Да что за него дорожиться? три четвертачка давайте!“

„Нѣтъ“.

„Ну, да что жъ дадите?“

„Двугривенный“, сказалъ художникъ, готовясь итти.

„Экъ цѣну какую завернули! да за двугривенный одной рамки не купишь![11] Видно, завтра собираетесь купить?[12] Господинъ, господинъ, воротитесь! гривенничекъ хоть прикиньте. Возьмите, возьмите, давайте двугривенный. Право, для почину только; вотъ только, что первый покупатель“. За симъ онъ сдѣлалъ жестъ рукой, какъ будто бы говорившій: „Такъ ужъ и быть, пропадай картина!“[13]

Такимъ образомъ Чартковъ[14] совершенно неожиданно купилъ старый портретъ и въ то же время подумалъ: „Зачѣмъ я его купилъ? на что онъ мнѣ?“ Но дѣлать было нечего.

Онъ вынулъ изъ кармана двугривенный, отдалъ хозяину, взялъ портретъ подъ мышку и потащилъ его съ собою. Дорогою онъ вспомнилъ, что двугривенный, который онъ отдалъ, былъ у него послѣднiй. Мысли его вдругъ омрачились; досада и равнодушная пустота обняли[1] его въ ту же минуту. „Чортъ побери! гадко на свѣтѣ!“ сказалъ онъ съ чувствомъ русскаго, у котораго дѣла плохи. И почти машинально шелъ скорыми шагами, полный безчувствiя[2] ко всему. Красный свѣтъ вечерней зари оставался еще на половинѣ неба, еще домы, обращенные къ той сторонѣ, чуть озарялись ея теплымъ свѣтомъ; а между тѣмъ уже холодное синеватое сiянье мѣсяца становилось сильнѣе[3]. Полупрозрачныя легкiя тѣни хвостами падали на землю, отбрасываемыя домами и ногами пѣшеходцевъ[4]. Уже художникъ начиналъ мало по малу заглядываться на небо, озаренное какимъ-то прозрачнымъ, тонкимъ, сомнительнымъ свѣтомъ, и почти въ одно время излетали изъ устъ его слова: „Какой легкiй тонъ!“ и слова: „Досадно, чортъ побери!“ и онъ, поправляя портретъ, безпрестанно съѣзжавшiй изъ-подъ мышки[5], ускорялъ шагъ.

Усталый и весь въ поту, дотащился онъ къ себѣ въ пятнадцатую линiю, на Васильевскiй островъ. Съ трудомъ и съ отдышкой взобрался онъ по лѣстницѣ, облитой помоями и украшенной слѣдами кошекъ и собакъ. На стукъ его въ дверь не было никакого отвѣта: человѣка не было дома. Онъ прислонился къ окну и расположился ожидать[6] терпѣливо, пока не раздались, наконецъ, позади его шаги парня въ синей рубахѣ, его приспѣшника, натурщика, краскотерщика и выметателя половъ, пачкавшаго ихъ тутъ же своими сапогами[7]. Парень назывался Никитою и проводилъ все время за воротами, когда барина не было дома. Никита долго силился попасть ключомъ въ замочную дырку[8], вовсе незамѣтную по причинѣ темноты. Наконецъ дверь была отперта. Чартковъ вступилъ въ свою переднюю, нестерпимо холодную, какъ всегда бываетъ[9] у художниковъ, чего впрочемъ они не замѣчаютъ[10]. Не отдавая Никитѣ шинели, онъ вошелъ въ ней[11] въ свою студiю — квадратную комнату, большую, но низенькую, съ мерзнувшими[12] окнами, уставленную всякимъ художескимъ[13] хламомъ: кусками гипсовыхъ рукъ, рамками, обтянутыми холстомъ, эскизами, начатыми и брошенными, драпировкой, раз-

вѣшенной по стульямъ[1]. Онъ усталъ сильно, скинулъ шинель, поставилъ разсѣянно принесенный портретъ между двухъ небольшихъ холстовъ и бросился на узкій[2] диванчикъ, о которомъ нельзя было сказать, что онъ обтянутъ кожею[3], потому что рядъ мѣдныхъ гвоздиковъ, когда-то прикрѣплявшихъ ее, давно уже остался самъ по себѣ, а кожа осталась тоже сверху сама по себѣ, такъ что Никита засовывалъ подъ нее черные чулки, рубашки и все немытое бѣлье. Посидѣвъ и разлегшись, сколько можно было разлечься[4] на этомъ узенькомъ диванѣ, онъ, наконецъ, спросилъ свѣчу.

„Свѣчи нѣтъ“, сказалъ Никита.

„Какъ нѣтъ?“

„Да вѣдь и вчера еще не было“, сказалъ Никита. Художникъ вспомнилъ, что дѣйствительно и вчера еще не было свѣчи, успокоился и замолчалъ. Онъ далъ себя раздѣть и надѣлъ свой, крѣпко и сильно заношенный, халатъ.

„Да вотъ еще, хозяинъ былъ“, сказалъ Никита.

„Ну, приходилъ за деньгами? Знаю“, сказалъ художникъ, махнувъ рукой.

„Да онъ не одинъ приходилъ“, сказалъ Никита.

„Съ кѣмъ же?“

„Не знаю, съ кѣмъ... какой-то квартальный“.

„А квартальный зачѣмъ?“

„Не знаю, зачѣмъ; говоритъ, затѣмъ, что за квартиру не плачено“[5].

„Ну, что̀ жъ изъ того выйдетъ?“

„Я не знаю, что̀ выйдетъ; онъ говорилъ: „Коли не хочетъ, такъ пусть, говоритъ, съѣзжаетъ съ квартиры“. Хотѣли завтра еще притти оба“.

„Пусть ихъ приходятъ“, сказалъ съ грустнымъ равнодушіемъ[6] Чартковъ. И ненастное расположеніе духа овладѣло имъ вполнѣ.

Молодой Чартковъ былъ художникъ съ талантомъ, пророчившимъ многое: вспышками и мгновеньями, его кисть отзывалась наблюдательностью, соображеніемъ, шибкимъ порывомъ приблизиться[7] къ природѣ. „Смотри, братъ,“ говорилъ ему не разъ его профессоръ: „у тебя есть талантъ: грѣшно будетъ, если ты его погубишь; но ты нетерпѣливъ; тебя одно что-нибудь заманитъ, одно что-нибудь тебѣ полюбится — ты имъ за-

нять, а прочее у тебя дрянь, прочее тебѣ ни по чемъ, ты ужъ и глядѣть на него не хочешь. Смотри, чтобъ изъ тебя не вышелъ модный живописецъ: у тебя и теперь уже что-то начинаютъ слишкомъ бойко кричать краски; рисунокъ у тебя не строгъ, а подъ-часъ и вовсе слабъ, линія не видна; ты ужъ гоняешься за моднымъ освѣщеньемъ, за тѣмъ, что̀ бьетъ на первые глаза — смотри, какъ разъ попадешь въ аглицкой родъ[1]. Берегись: тебя ужъ начинаетъ свѣтъ тянуть; ужъ, я вижу, у тебя иной разъ на шеѣ щегольской платокъ, шляпа съ лоскомъ... Оно заманчиво, можно пуститься писать модныя картинки и[2] портретики за деньги; да вѣдь на этомъ губится, а не развертывается талантъ. Терпи. Обдумывай всякую работу; брось щегольство — пусть ихъ другіе набираютъ деньги, — твое отъ тебя не уйдетъ“.

Профессоръ былъ отчасти правъ. Иногда нашему художнику, точно, хотѣлось кутнуть, щегольнуть, — словомъ, кое-гдѣ показать свою молодость; но при всемъ томъ онъ могъ взять надъ собою власть. Временами онъ могъ позабыть все, принявшись за кисть, и отрывался отъ нея не иначе, какъ отъ прекраснаго прерваннаго сна. Вкусъ его развивался замѣтно. Еще не понималъ онъ всей глубины Рафаэля, но уже увлекался быстрой, широкой кистью Гвида[3], останавливался передъ портретами Тиціана, восхищался фламандцами. Еще потемнѣвшій обликъ, облекающій старыя картины, не весь сошелъ предъ нимъ; но онъ ужъ прозрѣвалъ въ нихъ кое-что, хотя внутренно не соглашался съ профессоромъ, чтобы старинные мастера[4] такъ недосягаемо ушли отъ насъ: ему казалось даже, что девятнадцатый вѣкъ кое въ чемъ значительно ихъ опередилъ[5], что подражаніе[6] природѣ какъ-то сдѣлалось теперь ярче, живѣе, ближе; словомъ, онъ думалъ въ этомъ случаѣ такъ, какъ думаетъ молодость, уже постигшая кое-что и чувствующая это въ гордомъ внутреннемъ сознаніи. Иногда становилось ему досадно, когда онъ видѣлъ, какъ заѣзжій живописецъ, французъ или нѣмецъ, иногда даже вовсе не живописецъ по призванью, одной только привычной замашкой, бойкостью кисти и яркостью красокъ производилъ всеобщій шумъ и накоплялъ[7] себѣ въ мигъ денежный капиталъ. Это приходило къ нему на умъ не тогда, когда, занятый весь своей работой, онъ забывалъ и питье, и пищу, и весь свѣтъ, но тогда, когда, нако-

нецъ, сильно приступала необходимость, когда не на что̀ было купить кистей и красокъ, когда неотвязчивый хозяинъ приходилъ разъ по десяти на день требовать платы за квартиру. Тогда завидно рисовалась въ голодномъ его воображенiи участь богача-живописца; тогда пробѣгала даже мысль, пробѣгающая часто въ русской головѣ — бросить все и закутить съ горя, на зло всему. И теперь онъ почти былъ въ такомъ положенiи.

„Да, терпи, терпи!“ произнесъ онъ съ досадою: „есть же, наконецъ, и терпѣнью конецъ. Терпи! а на какiя деньги я буду завтра обѣдать?[1] Взаймы вѣдь никто не дастъ. А понеси я продавать всѣ мои картины и рисунки: за нихъ мнѣ за всѣ двугривенный дадутъ[2]. Они полезны, конечно; я это чувствую: каждая изъ нихъ была[3] предпринята не даромъ, въ каждой изъ нихъ я что-нибудь узналъ. Да вѣдь что̀ пользы? этюды, попытки — и все будутъ этюды, попытки, — и конца не будетъ имъ. Да и кто купитъ, не зная меня по имени? Да и кому нужны рисунки съ антиковъ и[4] натурнаго класса, или моя неконченная любовь Психеи, или перспектива моей комнаты, или портретъ моего Никиты, хотя онъ, право, лучше портретовъ какого-нибудь моднаго живописца? Что̀ въ самомъ дѣлѣ? Зачѣмъ я мучусь и, какъ ученикъ, копаюсь надъ азбукой, тогда какъ могъ бы[5] блеснуть ничѣмъ не хуже другихъ и быть такъ же[6], какъ они, съ деньгами?“[7]

Произнесши это, художникъ вдругъ задрожалъ и поблѣднѣлъ: на него глядѣло, высунувшись изъ-за поставленнаго холста, чье-то судорожно искаженное лицо; два страшныхъ[8] глаза прямо вперились въ него, какъ бы готовясь сожрать его[9]; на устахъ написано было грозное повелѣнье молчать. Испуганный, онъ хотѣлъ вскрикнуть и позвать Никиту, который уже успѣлъ запустить въ своей передней богатырское храпѣнье; но вдругъ остановился и засмѣялся; чувство страха отлегло въ мигъ[10]: это былъ имъ купленный портретъ, о которомъ онъ позабылъ вовсе. Сiянье мѣсяца, озарившее[11] комнату, упало и на него и сообщило ему странную живость[12]. Онъ принялся его разсматривать и оттирать. Обмакнулъ въ воду губку, прошелъ ею по немъ нѣсколько разъ[13], смылъ съ него почти всю накопившуюся и набившуюся пыль и грязь, повѣсилъ передъ собой на стѣну и подивился еще болѣе необыкновенной работѣ[14]: все лицо почти ожило, и глаза взглянули

на него такъ, что онъ, наконецъ[1], вздрогнулъ и, попятившись назадъ[2], произнесъ изумленнымъ голосомъ: „Глядитъ, глядитъ человѣческими глазами!“ Ему пришла вдругъ на умъ исторія, слышанная имъ давно[3] отъ своего профессора объ одномъ портретѣ знаменитаго Леонарда да Винчи, надъ которымъ великій мастеръ трудился нѣсколько лѣтъ и все еще почиталъ его неоконченнымъ[4], и который, по словамъ Вазари, былъ однакоже почтенъ отъ всѣхъ за совершеннѣйшее и окончаннѣйшее[5] произведеніе искусства. Окончаннѣе[6] всего были въ немъ глаза, которымъ изумлялись современники: даже малѣйшія, чуть видныя въ нихъ, жилки были не упущены и преданы[7] полотну. Но здѣсь, однакоже, въ этомъ[8], нынѣ бывшемъ[9] передъ нимъ, портретѣ было что-то странное. Это было уже не искусство: это разрушало даже гармонію самаго портрета; это были живые, это были человѣческіе глаза! Казалось, какъ будто они были вырѣзаны изъ живаго человѣка и вставлены сюда. Здѣсь не было уже того высокаго наслажденья, которое объемлетъ душу при взглядѣ на произведеніе[10] художника, какъ ни ужасенъ взятый имъ предметъ: здѣсь было какое-то болѣзненное, томительное чувство. „Что это?“ невольно вопрошалъ себя художникъ: „вѣдь это, однакоже, натура, это живая[11] натура; отъ чего же это странно-непріятное чувство[12]? Или рабское, буквальное подражаніе натурѣ есть уже проступокъ и кажется яркимъ, нестройнымъ крикомъ? Или, если возьмешь предметъ безучастно, безчувственно, не сочувствуя съ нимъ, онъ непремѣнно предстанетъ только въ одной ужасной своей дѣйствительности, не озаренный свѣтомъ какой-то непостижимой, скрытой во всемъ мысли, предстанетъ въ той дѣйствительности, какая открывается[13] тогда, когда, желая постигнуть прекраснаго человѣка, вооружаешься[14] анатомическимъ ножомъ, разсѣкаешь его внутренность — и видишь[15] отвратительнаго человѣка? Почему же простая, низкая природа является у одного художника въ какомъ-то свѣту[16] — и не чувствуешь никакого низкаго впечатлѣнья; напротивъ, кажется, какъ будто насладился, и послѣ того спокойнѣе и ровнѣе все течетъ и движется вокругъ тебя?[17] И почему же та же самая природа у другаго художника кажется низкою, грязною, а, между прочимъ[18], онъ такъ же былъ вѣренъ природѣ? Но нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ[19] въ ней чего-то озаряющаго. Все равно, какъ видъ въ природѣ: какъ

онъ ни великолѣпенъ, а все недостаетъ чего-то, если нѣтъ на небѣ солнца"[1].

Онъ опять подошелъ къ портрету, съ тѣмъ, чтобы разсмотрѣть эти чудные глаза, и съ ужасомъ замѣтилъ, что они точно глядятъ на него. Это уже не была копія съ натуры: это была та странная живость, которою бы озарилось лицо мертвеца, вставшаго изъ могилы. Свѣтъ ли мѣсяца, несущій съ собой бредъ мечты и облекающій все въ иные образы, противоположные положительному дню, или что̀ другое было[2] причиною тому, — только ему сдѣлалось вдругъ, неизвѣстно отчего, страшно сидѣть одному въ комнатѣ. Онъ тихо отошелъ отъ портрета, отворотился въ другую сторону и старался не глядѣть на него, а между тѣмъ глазъ невольно, самъ собою, косясь, окидывалъ его. Наконецъ, ему сдѣлалось даже страшно ходить по комнатѣ: ему казалось, какъ будто сей же часъ кто-то другой станетъ ходить позади его, — и всякій разъ робко оглядывался онъ назадъ. Онъ не былъ никогда трусливъ; но воображенье и нервы его были чутки, и въ этотъ вечеръ онъ самъ не могъ истолковать себѣ своей невольной боязни. Онъ сѣлъ въ уголокъ, но и здѣсь казалось ему, что кто-то вотъ-вотъ взглянетъ черезъ плечо къ нему въ лицо. Самое храпѣнье Никиты, раздававшееся изъ передней, не прогоняло его боязни. Онъ, наконецъ, робко, не подымая глазъ, поднялся съ своего мѣста, отправился къ себѣ за ширмы и легъ въ постель. Сквозь щелки въ ширмахъ онъ видѣлъ освѣщенную мѣсяцемъ свою комнату и видѣлъ прямо висѣвшій на стѣнѣ портретъ. Глаза еще страшнѣе, еще значительнѣе вперились въ него и, казалось, не хотѣли ни на что другое глядѣть, какъ только на него. Полный тягостнаго чувства, онъ рѣшился встать съ постели, схватилъ простыню и, приблизясь къ портрету, закуталъ его всего.

Сдѣлавши это, онъ легъ въ постель покойнѣе, сталъ думать о бѣдности и жалкой судьбѣ художника, о тернистомъ пути, предстоящемъ ему на этомъ свѣтѣ; а между тѣмъ глаза его невольно глядѣли сквозь щелку ширмъ на закутанный простынею портретъ. Сіянье мѣсяца усиливало бѣлизну простыни, и ему казалось, что страшные глаза стали даже просвѣчивать сквозь холстину[3]. Со страхомъ вперилъ онъ пристальнѣе глаза, какъ бы желая увѣриться, что это вздоръ. Но, наконецъ, уже

въ самомъ дѣлѣ... онъ видитъ, видитъ ясно: простыни уже нѣтъ... портретъ открытъ весь и глядитъ, мимо всего, что̀ ни есть вокругъ, прямо въ него[1], — глядитъ, просто, къ нему во-внутрь[2]... У него захолонуло сердце. И видитъ: старикъ пошевелился и вдругъ уперся въ рамку обѣими руками, наконецъ приподнялся на рукахъ и, высунувъ обѣ ноги, выпрыгнулъ изъ рамъ... Сквозь щелку ширмъ видны были уже однѣ только пустыя рамы. По комнатѣ раздался стукъ шаговъ, который, наконецъ, становился ближе и ближе къ ширмамъ. Сердце стало сильно[3] колотиться у бѣднаго художника. Съ занявшимся отъ страха дыханьемъ, онъ ожидалъ, что вотъ-вотъ глянетъ къ нему за ширмы старикъ. И вотъ онъ глянулъ, точно, за ширмы, съ тѣмъ же бронзовымъ лицомъ и поводя большими глазами. Чартковъ силился вскрикнуть — и почувствовалъ, что у него нѣтъ голоса, силился пошевельнуться, сдѣлать какое-нибудь движенье — не движутся члены[4]. Съ раскрытымъ ртомъ и замершимъ дыханьемъ, смотрѣлъ онъ на этотъ странный[5] фантомъ высокаго роста, въ какой-то широкой азіатской рясѣ, и ждалъ, что̀ станетъ онъ дѣлать. Старикъ сѣлъ почти у самыхъ[6] ногъ его и вслѣдъ затѣмъ что-то вытащилъ изъ-подъ складокъ своего широкаго платья. Это былъ мѣшокъ. Старикъ развязалъ его и, схвативши за два конца[7], встряхнулъ: съ глухимъ звукомъ упали на полъ тяжелые свертки, въ видѣ длинныхъ столбиковъ; каждый былъ завернутъ въ синюю бумагу и на каждомъ было выставлено: „*1000 червонныхъ*“. Высунувъ свои длинныя, костистыя руки изъ широкихъ рукавовъ, старикъ началъ разворачивать свертки. Золото блеснуло. Какъ ни велико было тягостное чувство и обезпамятѣвшій страхъ художника, но онъ вперился весь въ золото, глядя неподвижно, какъ оно разворачивалось въ костистыхъ рукахъ, блестѣло, звенѣло тонко и глухо, и заворачивалось вновь. Тутъ замѣтилъ онъ одинъ свертокъ, откатившійся подалѣе отъ другихъ къ самой ножкѣ[8] его кровати, въ головахъ у него. Почти судорожно схватилъ онъ его и, полный страха, смотрѣлъ, не замѣтитъ ли старикъ. Но старикъ былъ, казалось, очень занятъ; онъ собралъ всѣ свертки свои, уложилъ ихъ снова въ мѣшокъ и, не взглянувши на него, ушелъ за ширмы. Сердце билось сильно у Чарткова, когда онъ услышалъ, какъ раздавался по комнатѣ шелестъ удалявшихся шаговъ. Онъ сжималъ покрѣпче[9] свер-

токъ свой въ рукѣ, дрожа всѣмъ тѣломъ за него[1], -- и вдругъ услышалъ, что шаги вновь приближаются къ ширмамъ — видно, старикъ вспомнилъ, что недоставало одного свертка. И вотъ — онъ глянулъ къ нему вновь за ширмы. Полный отчаянія, художникъ стиснулъ[2] всею силою въ рукѣ своей свертокъ, употребилъ все усиліе сдѣлать движенье, вскрикнулъ — и проснулся.

Холодный потъ облилъ его всего; сердце его билось такъ сильно, какъ только можно было биться; грудь была стѣснена, какъ будто хотѣло улетѣть изъ нея послѣднее дыханье. „Неужели это былъ сонъ?“ сказалъ онъ, взявши себя обѣими руками за голову. Но страшная живость явленья не была похожа на сонъ. Онъ видѣлъ, уже пробудившись, какъ старикъ ушелъ въ рамки, мелькнула даже пола его широкой одежды, и рука его чувствовала ясно, что держала[3] за минуту предъ симъ какую-то тяжесть. Свѣтъ мѣсяца озарялъ комнату, заставляя выступать изъ темныхъ угловъ ея — гдѣ холстъ, гдѣ гипсовую[4] руку, гдѣ оставленную на стулѣ драпировку, гдѣ панталоны и нечищенные сапоги. Тутъ только замѣтилъ онъ, что не лежитъ въ постели[5], а стоитъ на ногахъ прямо передъ портретомъ. Какъ онъ добрался сюда — ужъ этого никакъ не могъ онъ понять. Еще болѣе изумило его, что портретъ былъ открытъ весь, и простыни на немъ, дѣйствительно, не было. Съ неподвижнымъ страхомъ глядѣлъ онъ на него и видѣлъ, какъ прямо вперились въ него живые человѣческіе глаза. Холодный потъ выступилъ на лицѣ его; онъ хотѣлъ отойти, но чувствовалъ, что ноги его какъ будто приросли къ землѣ. И видитъ онъ, — это уже не сонъ, — черты старика двинулись, и губы его стали вытягиваться къ нему, какъ будто бы хотѣли его высосать... Съ воплемъ отчаянья отскочилъ онъ — и проснулся.

„Неужели и это былъ сонъ?“ Съ біющимся на разрывъ сердцемъ ощупалъ онъ руками вокругъ себя. Да, онъ лежитъ на постели[6], въ такомъ точно положеньи, какъ заснулъ. Предъ нимъ ширмы; свѣтъ мѣсяца наполнялъ комнату. Сквозь щель въ ширмахъ виденъ былъ портретъ, закрытый, какъ слѣдуетъ, простынею, такъ, какъ онъ самъ закрылъ его. Итакъ, это былъ тоже сонъ! Но сжатая рука еще чувствуетъ[7], какъ будто бы въ ней что-то было. Біенье сердца было сильно, почти страшно; тягость въ груди невыносимая. Онъ вперилъ глаза въ щель и

пристально глядѣлъ на простыню. И вотъ видитъ ясно, что простыня начинаетъ раскрываться, какъ будто бы подъ нею барахтались руки и силились ее сбросить. „Господи, Боже мой, что̀ это!“ вскрикнулъ онъ, крестясь отчаянно, — и проснулся.

И это былъ также сонъ! Онъ вскочилъ съ постели, полоумный, обезпамятѣвшій, и уже не могъ изъяснить, что̀ это съ нимъ дѣлается: давленье ли кошмара, или домоваго, бредъ ли горячки, или живое видѣнье. Стараясь утишить сколько-нибудь душевное волненье и расколыхавшуюся кровь, которая билась напряженнымъ пульсомъ по всѣмъ его жиламъ, онъ подошелъ къ окну и открылъ форточку. Холодный пахнувшій вѣтеръ оживилъ его. Лунное сіяніе лежало все еще на крышахъ и бѣлыхъ стѣнахъ домовъ, хотя небольшія тучи стали чаще переходить по небу. Все было тихо; изрѣдка долетало до слуха отдаленное дребезжанье дрожекъ извощика, который гдѣ-нибудь въ невидномъ переулкѣ спалъ, убаюкиваемый своею лѣнивою клячею, поджидая запоздалаго сѣдока. Долго глядѣлъ онъ, высунувши голову въ форточку. Уже на небѣ раждались признаки приближающейся зари; наконецъ почувствовалъ онъ дремоту[1], захлопнулъ форточку, отошелъ прочь, легъ въ постель и скоро заснулъ, какъ убитый, самымъ[2] крѣпкимъ сномъ.

Проснулся онъ очень поздно и почувствовалъ въ себѣ то непріятное состояніе, которое овладѣваетъ человѣкомъ послѣ угара: голова его непріятно болѣла. Въ комнатѣ было тускло: непріятная мокрота сѣялась въ воздухѣ и проходила сквозь щели его оконъ, заставленныхъ картинами или нагрунтованнымъ холстомъ. Пасмурный, недовольный, какъ мокрый пѣтухъ, усѣлся онъ на своемъ оборванномъ диванѣ, не зная самъ, за что̀ приняться, что̀ дѣлать, и вспомнилъ, наконецъ, весь свой сонъ. По мѣрѣ припоминанья, сонъ этотъ представлялся въ его воображеньи такъ тягостно-живъ, что онъ даже сталъ подозрѣвать, точно ли это былъ сонъ и простой бредъ, не было ли здѣсь чего-то другаго, не было ли это видѣнье[3]. Сдернувши простыню, онъ разсмотрѣлъ при дневномъ свѣтѣ этотъ странный[4] портретъ[5]. Глаза, точно, поражали своей необыкновенной[6] живостью, но ничего онъ не находилъ въ нихъ особенно страшнаго[7]; только какъ будто какое-то неизъяснимое, непріятное чувство оставалось на душѣ. При всемъ томъ онъ все-таки не могъ совершенно увѣриться, чтобы это былъ

сонъ. Ему казалось, что среди сна былъ какой-то странный[1] отрывокъ изъ дѣйствительности. Казалось, даже въ самомъ взглядѣ и выраженіи старика какъ будто что-то говорило[2], что онъ былъ у него эту ночь; рука его чувствовала только что лежавшую въ ней[3] тяжесть, какъ будто бы кто-то, за одну только минуту предъ симъ, ее выхватилъ у него[4]. Ему казалось, что если бы онъ держалъ только покрѣпче свертокъ, онъ, вѣрно, остался бы у него въ рукѣ и послѣ пробужденія.

„Боже мой! если бы хотя часть этихъ денегъ!" сказалъ онъ, тяжело вздохнувши. И въ воображеньи его стали высыпаться изъ мѣшка всѣ видѣнные имъ свертки съ заманчивой надписью: „*1000 червонныхъ*". Свертки разворачивались, золото блестѣло, заворачивалось вновь — и онъ сидѣлъ, уставивши неподвижно и безсмысленно свои глаза въ пустой воздухъ, не будучи въ состояньи оторваться отъ такого предмета, какъ ребенокъ, сидящій предъ сладкимъ блюдомъ и видящій, глотая слюнки, какъ ѣдятъ его другіе.

Наконецъ у дверей раздался стукъ, заставившій его непріятно очнуться. Вошелъ хозяинъ съ квартальнымъ надзирателемъ, котораго появленіе для людей мелкихъ, какъ извѣстно, еще непріятнѣе, чѣмъ[5] для богатыхъ лицо просителя. Хозяинъ небольшаго дома, въ которомъ жилъ Чартковъ, былъ одно изъ тѣхъ[6] твореній, какими обыкновенно бываютъ владѣтели домовъ гдѣ-нибудь въ пятнадцатой линіи Васильевскаго острова, на Петербургской сторонѣ, или въ отдаленномъ углу Коломны, — творенье, какихъ много на Руси и которыхъ характеръ такъ же трудно опредѣлить, какъ цвѣтъ изношеннаго сюртука. Въ молодости своей онъ былъ и капитанъ[7], и крикунъ, употреблялся и по штатскимъ дѣламъ, мастеръ былъ хорошо высѣчь, былъ и расторопенъ, и щеголь, и глупъ; но въ старости своей онъ слилъ въ себѣ всѣ эти рѣзкія особенности въ какую-то тусклую неопредѣленность. Онъ былъ уже вдовъ, былъ уже въ отставкѣ, уже не щеголялъ, не хвасталъ, не задирался, любилъ только пить чай и болтать за нимъ всякій вздоръ; ходилъ по комнатѣ, поправлялъ сальный огарокъ; аккуратно, по истеченіи каждаго мѣсяца, навѣдывался къ своимъ жильцамъ за деньгами; выходилъ на улицу, съ ключомъ въ рукѣ, для того, чтобы посмотрѣть на крышу своего дома; выгонялъ нѣсколько разъ дворника изъ его конуры,

куда тотъ[1] запрятывался спать: однимъ словомъ, былъ[2] человѣкъ въ отставкѣ, которому, послѣ всей забубенной жизни и тряски на перекладныхъ[3], остаются однѣ пошлыя привычки.

„Извольте сами глядѣть, Варухъ Кузьмичъ“, сказалъ хозяинъ, обращаясь къ квартальному и разставивъ руки: „вотъ не платитъ за квартиру, не платитъ“.

„Что жъ, если нѣтъ денегъ? Подождите, я заплачу“.

„Мнѣ, батюшка, ждать нельзя“, сказалъ хозяинъ въ-сердцахъ, дѣлая жестъ ключомъ, который держалъ въ рукѣ: „у меня вотъ Потогонкинъ, подполковникъ, живетъ, семь лѣтъ ужъ живетъ; Анна Петровна Бухмистерова и сарай и конюшню нанимаетъ на два стойла, три при ней дворовыхъ человѣка — вотъ какіе у меня жильцы![4] У меня, сказать вамъ откровенно, нѣтъ такого заведенья, чтобы не платить за квартиру. Извольте сей же часъ[5] заплатить деньги, да и съѣзжать вонъ“.

„Да, ужъ если порядились, такъ извольте платить“, сказалъ квартальный надзиратель съ небольшимъ потряхиваньемъ головы и заложивъ палецъ за пуговицу своего мундира.

„Да чѣмъ платить? вопросъ. У меня нѣтъ теперь ни гроша“.

„Въ такомъ случаѣ, удовлетворите Ивана Ивановича издѣльями своей профессіи“, сказалъ квартальный: „онъ, можетъ быть, согласится взять картинами“.

„Нѣтъ, батюшка, за картины спасибо. Добро бы были картины съ благороднымъ содержаніемъ, чтобы можно было на стѣну повѣсить: хоть какой-нибудь генералъ[6] со звѣздой, или князя Кутузова портретъ; а то вонъ мужика нарисовалъ, мужика въ рубахѣ, слуги-то, чтò третъ краски. Еще съ него, свиньи, портретъ рисовать! Ему я шею наколочу: онъ у меня всѣ гвозди изъ задвижекъ повыдергалъ[7], мошенникъ. Вотъ посмотрите, какіе предметы: вотъ комнату рисуетъ. Добро бы ужъ взялъ комнату прибранную, опрятную; а онъ вонъ какъ нарисовалъ ее, со всѣмъ соромъ и дрязгомъ, какой ни валялся. Вотъ, посмотрите, какъ запакостилъ у меня комнату; извольте[8] сами видѣть. Да у меня по семи лѣтъ живутъ жильцы, полковники, Бухмистерова Анна Петровна... Нѣтъ, я вамъ скажу: нѣтъ хуже жильца, какъ живописецъ: свинья свиньей живетъ, просто — не приведи Богъ“.

И все это долженъ былъ выслушать терпѣливо бѣдный живописецъ. Квартальный надзиратель между тѣмъ занялся раз-

сматриваньемъ картинъ и этюдовъ, и тутъ же показалъ, что у него[1] душа живѣе хозяйской и даже была не чужда[2] художественнымъ впечатлѣніямъ.

„Хе“, сказалъ онъ, тыкнувъ пальцемъ на одинъ холстъ, гдѣ была изображена нагая женщина: „предметъ, того… игривый. А у этого зачѣмъ такъ подъ носомъ черно? табакомъ, что ли, онъ себѣ засыпалъ?“

„Тѣнь“, отвѣчалъ на это сурово, и не обращая на него глазъ, Чартковъ.

„Ну, ее бы можно куда-нибудь въ другое мѣсто отнести[3], а подъ носомъ слишкомъ видное мѣсто“, сказалъ квартальный. „А это чей портретъ?“ продолжалъ онъ, подходя къ портрету старика[4]. „Ужъ страшенъ слишкомъ. Будто онъ въ самомъ дѣлѣ былъ такой страшный? Ахти, да онъ, просто, глядитъ! Эхъ, какой Громобой! Съ кого вы писали?“

„А, это съ одного…“ сказалъ Чартковъ, и не кончилъ слова: послышался трескъ. Квартальный пожалъ, видно, слишкомъ крѣпко рамку[5] портрета, благодаря топорному устройству полицейскихъ рукъ своихъ: боковыя дощечки[6] вломились внутрь[7]: одна[8] упала на полъ, и вмѣстѣ съ нею упалъ, тяжело звякнувъ, свертокъ въ синей бумагѣ. Чарткову бросилась въ глаза надпись: „*1000 червонныхъ*“. Какъ безумный, бросился онъ поднять[9] его, схватилъ свертокъ, сжалъ его судорожно въ рукѣ, опустившейся[10] внизъ отъ тяжести.

„Никакъ деньги зазвенѣли?“ сказалъ квартальный, услышавшій стукъ чего-то упавшаго на полъ и не могшій увидать его за быстротой движенья, съ какою бросился Чартковъ прибрать его[11].

„А вамъ какое дѣло знать, что̀ у меня есть?“

„А такое дѣло, что вы сейчасъ должны заплатить хозяину за квартиру, что у васъ есть деньги, да вы не хотите платить — вотъ что̀“.

„Ну, я заплачу ему сегодня“.

„Ну, а зачѣмъ же вы не хотѣли заплатить прежде, да доставляете безпокойство хозяину, да вотъ и полицію тоже тревожите?“

„Потому что этихъ денегъ мнѣ не хотѣлось трогать. Я ему сегодня же ввечеру все заплачу и съѣду съ квартиры завтра же, потому что не хочу оставаться у такого хозяина“.

„Ну, Иванъ Ивановичъ, онъ вамъ заплатитъ“, сказалъ квартальный, обращаясь къ хозяину. „А если насчетъ того, что вы не будете удовлетворены, какъ слѣдуетъ, сегодня ввечеру, тогда ужъ извините, господинъ живописецъ“. Сказавши это, онъ надѣлъ свою треугольную шляпу и вышелъ въ сѣни, а за нимъ хозяинъ, держа внизъ голову и, какъ казалось, въ какомъ-то раздумьи.

„Слава Богу, чортъ ихъ унесъ!“ сказалъ Чартковъ, когда услышалъ затворившуюся въ передней дверь. Онъ выглянулъ въ переднюю, услалъ за чѣмъ-то Никиту, чтобы быть совершенно одному, заперъ за нимъ дверь и, возвратившись къ себѣ въ комнату, принялся, съ сильнымъ сердечнымъ трепетомъ[1], разворачивать свертокъ. Въ немъ были червонцы, всѣ до одного новые, жаркіе, какъ огонь. Почти обезумѣвъ, сидѣлъ онъ за золотою кучею, все еще спрашивая себя: „Не во снѣ ли все это?“ Въ сверткѣ было ровно ихъ тысяча[2]; наружность его была совершенно такая, въ какой они видѣлись ему во снѣ. Нѣсколько минутъ онъ перебиралъ ихъ, пересматривалъ, и все еще не могъ притти въ себя. Въ воображеньи его воскресли вдругъ всѣ исторіи о кладахъ, шкатулкахъ съ потаенными ящиками, оставляемыхъ предками для своихъ разорившихся внуковъ, въ твердой увѣренности на будущее ихъ промотавшееся положеніе. Онъ мыслилъ такъ: „Не придумалъ ли и теперь какой-нибудь дѣдушка оставить своему внуку подарокъ, заключивъ его въ рамку фамильнаго портрета?“ Полный романическаго бреда[3], онъ сталъ даже думать: нѣтъ ли здѣсь какой-нибудь тайной связи съ его судьбою? не связано ли существованье портрета съ его собственнымъ существованьемъ, и самое пріобрѣтеніе его не есть ли уже какое-то предопредѣленіе? Онъ принялся съ любопытствомъ разсматривать рамку портрета. Въ одномъ боку ея былъ выдолбленный желобокъ, задвинутый дощечкой такъ ловко и непримѣтно, что если бы капитальная рука квартальнаго надзирателя не произвела пролома, червонцы остались бы до скончанья вѣка въ покоѣ. Разсматривая портретъ, онъ подивился вновь высокой работѣ, необыкновенной отдѣлкѣ глазъ: они уже не казались ему страшными, но все еще въ душѣ оставалось всякій разъ какое-то[4] невольно-непріятное чувство[5]. „Нѣтъ“, сказалъ онъ самъ въ себѣ[6]: „чей бы ты ни былъ дѣдушка, а я тебя поставлю за

стекло и сдѣлаю тебѣ за это золотыя рамки". Здѣсь онъ набросилъ руку на золотую кучу, лежавшую предъ нимъ, и сердце забилось сильно отъ такого прикосновенья. „Что̀ съ ними дѣлать?" думалъ онъ, уставивъ на нихъ глаза. „Теперь я обезпеченъ по крайней мѣрѣ на три года: могу запереться въ комнату, работать. На краски теперь у меня есть; на обѣдъ, на чай, на содержанье, на квартиру — есть; мѣшать и надоѣдать мнѣ теперь никто не станетъ. Куплю себѣ отличный манкенъ, закажу гипсовый торсикъ, сформую ножки, поставлю Венеру, накуплю гравюръ съ первыхъ картинъ. И если поработаю три года для себя, не торопясь, не на продажу, я зашибу ихъ всѣхъ, и могу быть славнымъ художникомъ".

Такъ говорилъ онъ заодно съ подсказывавшимъ ему разсудкомъ; но извнутри раздавался другой[1] голосъ, слышнѣе и звонче. И какъ взглянулъ онъ еще разъ на золото — не то̀ заговорили въ немъ 22 года и горячая юность. Теперь въ его власти было все то[2], на что̀ онъ глядѣлъ доселѣ завистливыми глазами, чѣмъ любовался издали, глотая слюнки. Ухъ, какъ въ немъ забилось ретивое, когда онъ только подумалъ о томъ! Одѣться въ модный фракъ[3], разговѣться послѣ долгаго поста, нанять себѣ славную квартиру, отправиться тотъ же часъ въ театръ, въ кондитерскую, въ....... и прочее — и онъ, схвативши деньги, былъ уже на улицѣ.

Прежде всего зашелъ[4] къ портному, одѣлся съ ногъ до головы и, какъ ребенокъ, сталъ осматривать[5] себя безпрестанно; накупилъ духовъ, помады[6], нанялъ, не торгуясь, первую попавшуюся великолѣпнѣйшую квартиру на Невскомъ проспектѣ, съ зеркалами и цѣльными стеклами; купилъ нечаянно въ магазинѣ дорогой лорнетъ, нечаянно накупилъ тоже бездну всякихъ галстуковъ, болѣе чѣмъ[7] было нужно, завилъ у парикмахера себѣ локоны, прокатился два раза по городу въ каретѣ безъ всякой причины, объѣлся безъ мѣры конфектъ[8] въ кондитерской и зашелъ къ ресторану[9] французу, о которомъ доселѣ слышалъ такіе же неясные слухи, какъ о китайскомъ государствѣ. Тамъ онъ обѣдалъ, подбоченившись, бросая довольно гордые взгляды на другихъ и поправляя безпрестанно противъ зеркала завитые локоны. Тамъ онъ выпилъ бутылку шампанскаго, которое тоже доселѣ было ему знакомо болѣе по слуху.

Вино нѣсколько зашумѣло въ головѣ, и онъ вышелъ на улицу живой, бойкій, по русскому выраженію — „чорту не братъ“. Прошелся по тротуару гоголемъ, наводя на всѣхъ лорнетъ. На мосту замѣтилъ онъ своего прежняго профессора и шмыгнулъ лихо мимо его, какъ будто бы не замѣтивъ его вовсе, такъ что остолбенѣвшій профессоръ долго еще стоялъ неподвижно на мосту, изобразивъ вопросительный знакъ на лицѣ своемъ.

Всѣ вещи и все, что̀ ни было: станокъ, холсты[1], картины, были въ тотъ же вечеръ перевезены на великолѣпную квартиру. Онъ разставилъ, что̀ было получше, на видныя мѣста, что̀ похуже, забросилъ въ уголъ и расхаживалъ по великолѣпнымъ комнатамъ, безпрестанно поглядывая въ зеркала. Въ душѣ его возродилось[2] желанье непреоборимое схватить славу сей же часъ за хвостъ и показать себя свѣту[3]. Уже чудились ему крики: „Чартковъ, Чартковъ![4] Видали ли вы картину Чарткова? Какая быстрая кисть у Чарткова! Какой сильный талантъ у Чарткова!“ Онъ ходилъ въ восторженномъ состояніи у себя по комнатѣ и[5] уносился нивѣсть куда[6]. На другой же день, взявши десятокъ червонцевъ, отправился[7] онъ къ одному издателю[8] ходячей газеты, прося великодушной помощи; былъ принятъ радушно журналистомъ, назвавшимъ его тотъ же часъ „почтеннѣйшій“[9], пожавшимъ ему обѣ руки, разспросившимъ подробно объ имени, отчествѣ[10], мѣстѣ жительства, и на другой же день появилась въ газетѣ, вслѣдъ за объявленіемъ о новоизобрѣтенныхъ сальныхъ свѣчахъ, статья съ такимъ заглавіемъ: „*О необыкновенныхъ талантахъ Чарткова*“. „Спѣшимъ обрадовать[11] образованныхъ жителей столицы прекраснымъ[12], можно сказать, во всѣхъ отношеніяхъ пріобрѣтеніемъ. Всѣ согласны въ томъ, что у насъ есть много прекраснѣйшихъ физіогномій и прекраснѣйшихъ лицъ; но не было до сихъ поръ средства передать ихъ на чудотворный холстъ, для передачи потомству. Теперь недостатокъ этотъ пополненъ: отыскался художникъ, соединяющій въ себѣ все, что̀ нужно. Теперь красавица можетъ быть увѣрена, что она будетъ передана со всей граціей своей красоты, воздушной, легкой, очаровательной, пріятной[13], чудесной, подобной мотылькамъ, порхающимъ по весеннимъ цвѣткамъ[14]. Почтенный отецъ семей-

ства увидитъ себя окруженнымъ всей[1] своей семьей. Купецъ, воинъ, гражданинъ, государственный мужъ — всякій съ новой ревностью будетъ продолжать свое поприще. Спѣшите, спѣшите, заходите съ гулянья, съ прогулки, предпринятой къ пріятелю, къ кузинѣ, въ блестящій магазинъ, спѣшите, откуда бы ни было. Великолѣпная мастерская художника (Невскій проспектъ, такой-то номеръ) уставлена вся портретами его кисти, достойной Вандиковъ[2] и Тиціановъ. Не знаешь, чему удивляться: вѣрности ли и сходству съ оригиналами, или необыкновенной яркости и свѣжести кисти. Хвала вамъ, художникъ! вы вынули счастливый билетъ изъ лотереи. Виватъ Андрей Петровичъ! (журналистъ, какъ видно, любилъ фамиліарность.) Прославляйте себя и насъ. Мы умѣемъ цѣнить васъ. Всеобщее стеченіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и деньги, — хотя нѣкоторые изъ нашей же братьи, журналистовъ, и возстаютъ противъ нихъ, — будутъ вамъ наградою".

Съ тайнымъ удовольствіемъ прочиталъ художнихъ это объявленіе; лицо его просіяло[3]. О немъ заговорили печатно — это было для него новостью: нѣсколько разъ перечитывалъ онъ строки. Сравненіе съ Вандикомъ и Тиціаномъ ему сильно польстило. Фраза: „Виватъ Андрей Петровичъ!" также очень понравилась: печатнымъ образомъ называютъ его по имени и по отчеству[4] — честь, донынѣ ему совершенно неизвѣстная. Онъ началъ ходить скоро по комнатѣ, ерошить себѣ волосы[5], то садился въ[6] кресла, то вскакивалъ съ нихъ и садился на диванъ, представляя поминутно, какъ онъ будетъ принимать посѣтителей и посѣтительницъ, подходилъ къ холсту и производилъ надъ нимъ лихую замашку кисти, пробуя сообщить граціозныя движенія рукѣ.

На другой день раздался колокольчикъ у дверей его; онъ побѣжалъ отворять. Вошла дама, сопровождаемая[7] лакеемъ въ ливрейной шинели на мѣху[8], и вмѣстѣ съ дамой взошла[9] молоденькая восьмнадцатилѣтняя дѣвица[10], дочь ея.

„Вы мсьё Чартковъ?" сказала дама.

Художникъ поклонился.

„Объ васъ столько пишутъ; ваши портреты, говорятъ, верхъ совершенства". Сказавши это, дама наставила на глазъ свой[11] лорнетъ и побѣжала быстро осматривать стѣны, на которыхъ ничего не было. „А гдѣ же ваши портреты?"

„Вынесли“, сказалъ художникъ, нѣсколько смѣшавшись: „я только-что переѣхалъ[1] на эту квартиру, такъ они еще въ дорогѣ... не доѣхали“.

„Вы были въ Италіи?“ сказала дама, наводя на него лорнетъ, не найдя ничего другаго, на что̀ бы можно было навесть его.

„Нѣтъ, я не былъ, но хотѣлъ быть... Впрочемъ, теперь покамѣстъ я отложилъ... Вотъ кресла-съ; вы устали?...“

„Благодарю, я сидѣла долго въ каретѣ. А, вонъ, наконецъ, вижу вашу работу!“ сказала дама, побѣжавъ къ супротивной стѣнѣ и наводя лорнетъ на стоявшіе на полу его этюды, программы, перспективы и портреты. „C'est charmant, Lise! Lise, venez ici. Комната во вкусѣ Теньера. Видишь? безпорядокъ, безпорядокъ, столъ, на немъ бюстъ, рука, палитра; вонъ пыль... видишь, какъ пыль нарисована! C'est charmant! А вонъ на другомъ холстѣ женщина, моющая лицо — quelle jolie figure! Ахъ, мужичокъ! Lise, Lise! мужичокъ въ русской рубашкѣ! смотри: мужичокъ! Такъ вы занимаетесь не одними только портретами?“

„О, это вздоръ... такъ, шалилъ[2]... этюды...“

„Скажите, какого вы мнѣнія насчетъ нынѣшнихъ портретистовъ? Не правда ли, теперь нѣтъ такихъ, какъ былъ Тиціанъ? Нѣтъ той силы въ колоритѣ, нѣтъ той... какъ жаль, что я не могу вамъ выразить по-русски (дама была любительница живописи и обѣгала съ лорнетомъ всѣ галлереи въ Италіи). Однако, мсьё Ноль... ахъ, какъ онъ пишетъ! какая необыкновенная кисть! Я нахожу, что у него даже больше выраженья въ лицахъ, нежели у Тиціана. Вы не знаете мсьё Ноля?“

„Кто этотъ Ноль?“ спросилъ художникъ.

„Мсьё Ноль. Ахъ, какой талантъ! онъ написалъ съ нея портретъ, когда ей было только двѣнадцать лѣтъ. Нужно[3], чтобы вы непремѣнно у насъ были. Lise, ты ему покажи свой альбомъ. Вы знаете, что мы пріѣхали съ тѣмъ, чтобы сей же часъ начали съ нея портретъ“.

„Какъ же, я готовъ сію минуту“. И въ одно мгновенье придвинулъ онъ станокъ съ готовымъ холстомъ, взялъ въ руки палитру, вперилъ глаза[4] въ блѣдное личико дочери. Если бы онъ былъ знатокъ человѣческой природы, онъ про-

челъ бы на немъ въ одну минуту начало ребяческой страсти къ баламъ, начало тоски и жалобъ на длинноту времени до обѣда и послѣ обѣда, желанья побѣгать въ новомъ платьѣ[1] на гуляньяхъ, тяжелые слѣды безучастнаго прилежанія къ разнымъ искусствамъ, внушаемаго матерью для возвышенія души и чувствъ. Но художникъ видѣлъ въ этомъ нѣжномъ личикѣ одну только заманчивую для кисти[2], почти фарфорную прозрачность тѣла, увлекательную легкую томность, тонкую свѣтлую шейку и аристократическую легкость стана. И уже заранѣе готовился торжествовать, показать легкость и блескъ своей кисти, имѣвшей доселѣ дѣло только съ жесткими чертами грубыхъ моделей, съ строгими антиками и копіями коекакихъ классическихъ мастеровъ. Онъ уже представлялъ себѣ[3] въ мысляхъ, какъ выйдетъ это легонькое[4] личико.

„Знаете ли?" сказала дама съ нѣсколько даже трогательнымъ выраженіемъ лица: „я бы хотѣла... на ней теперь платье; я бы, признаюсь, не хотѣла, чтобы она была въ платьѣ, къ которому мы такъ привыкли: я бы хотѣла, чтобы она была одѣта просто и сидѣла бы въ тѣни зелени, въ виду какихъ-нибудь полей, чтобы стада вдали, или роща... чтобы незамѣтно было, что она ѣдетъ куда-нибудь на балъ или модный вечеръ. Наши балы, признаюсь, такъ убиваютъ душу, такъ умерщвляютъ остатки чувствъ... Простоты, понимаете[5], чтобы было больше". (Увы! на лицахъ и матушки, и дочери написано было, что онѣ до того исплясались на балахъ, что обѣ сдѣлались чуть не восковыми[6].)

Чартковъ принялся за дѣло, усадилъ оригиналъ, сообразилъ нѣсколько все это въ головѣ; провелъ по воздуху кистью, мысленно устанавливая пункты; прищурилъ нѣсколько глазъ, подался назадъ, взглянулъ издали, и въ одинъ часъ началъ и кончилъ подмалевку. Довольный ею, онъ принялся уже писать; работа его завлекла; уже онъ позабылъ все, позабылъ даже, что находится въ присутствіи аристократическихъ дамъ, началъ даже[7] выказывать иногда кое-какія художническія ухватки, произнося вслухъ разные звуки, временами подпѣвая, какъ случается съ художникомъ[8], погруженнымъ всею душою въ свое дѣло. Безъ всякой церемоніи, однимъ движеньемъ кисти, заставлялъ онъ оригиналъ поднимать голову, который, наконецъ, началъ сильно вертѣться[9] и выражать совершенную усталость.

„Довольно, на первый разъ довольно“, сказала дама.

„Еще немножко“, говорилъ позабывшійся художникъ.

„Нѣтъ, пора! Lise, три часа!“ сказала она, вынимая маленькіе часы, висѣвшіе на золотой цѣпи у ея кушака, и вскрикнула: „Ахъ, какъ поздно!“

„Минуточку только!“ говорилъ Чартковъ простодушнымъ и просящимъ голосомъ ребенка.

Но дама, кажется, совсѣмъ не была расположена угождать на этотъ разъ его художественнымъ потребностямъ и обѣщала, вмѣсто того, просидѣть въ другой разъ долѣе.

„Это, однакожъ, досадно“, подумалъ про-себя Чартковъ: „рука только-что расходилась“. И вспомнилъ онъ, что его[1] никто не перебивалъ и не останавливалъ, когда онъ работалъ въ своей мастерской на Васильевскомъ островѣ; Никита, бывало, сидѣлъ не ворохнувшись на одномъ мѣстѣ — пиши съ него, сколько угодно; онъ даже засыпалъ въ заказанномъ ему положеніи. И, недовольный, положилъ онъ свою кисть и палитру на стулъ и остановился смутно предъ холстомъ.

Комплиментъ, сказанный свѣтской дамой, пробудилъ его изъ усыпленія. Онъ бросился быстро къ дверямъ провожать ихъ; на лѣстницѣ получилъ приглашеніе бывать, притти на слѣдующей недѣлѣ обѣдать, и съ веселымъ[2] видомъ возвратился къ себѣ въ комнату. Аристократическая дама совершенно очаровала его. До сихъ поръ онъ глядѣлъ на подобныя существа, какъ на что-то недоступное, — которыя рождены только для того, чтобы пронестись въ великолѣпной коляскѣ съ ливрейными лакеями и щегольскимъ кучеромъ и бросить равнодушный взглядъ на бредущаго пѣшкомъ въ небогатомъ плащишкѣ человѣка. И вдругъ теперь одно изъ этихъ существъ вошло къ нему въ комнату[3]; онъ пишетъ портретъ, приглашенъ на обѣдъ въ аристократическій домъ. Довольство овладѣло имъ необыкновенное; онъ былъ упоенъ совершенно и наградилъ себя за это славнымъ обѣдомъ, вечернимъ спектаклемъ, и опять проѣхался въ каретѣ по городу безъ всякой нужды.

Во всѣ эти дни обычная работа ему не шла вовсе на умъ. Онъ только приготовлялся и ждалъ минуты, когда раздастся звонокъ. Наконецъ, аристократическая дама пріѣхала вмѣстѣ съ своею блѣдненькою дочерью. Онъ усадилъ ихъ, придвинулъ холстъ, уже съ ловкостью и претензіями на свѣтскія замашки,

и сталъ писать. Солнечный день и ясное освѣщеніе много помогли ему. Онъ увидѣлъ въ легонькомъ[1] своемъ оригиналѣ много такого, что̀[2], бывъ уловлено и передано на полотно, могло придать высокое достоинство портрету: увидѣлъ[3], что можно сдѣлать кое-что особенное, если выполнить все въ такой окончанности[4], въ какой теперь представилась[5] ему натура. Сердце его начало даже слегка трепетать, когда онъ почувствовалъ[6], что выразитъ то, чего еще не замѣтили другіе. Работа[7] заняла его всего; весь погрузился онъ въ кисть, позабывъ опять[8] объ аристократическомъ происхожденіи оригинала. Съ занимавшимся дыханіемъ видѣлъ, какъ выходили у него легкія черты и это почти прозрачное, нѣжное[9] тѣло семнадцатилѣтней дѣвушки. Онъ ловилъ всякій оттѣнокъ, легкую желтизну, едва замѣтную голубизну подъ глазами, и уже готовился даже схватить небольшой прыщикъ, выскочившій на лбу, какъ вдругъ услышалъ надъ собою голосъ матери: „Ахъ, зачѣмъ это? это не нужно“, говорила дама[10]: „у васъ тоже... вотъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ... какъ будто бы нѣсколько желто, и вотъ здѣсь совершенно, какъ темныя пятнышки“. Художникъ сталъ[11] изъяснять, что эти-то пятнышки и желтизна именно разыгрываются хорошо, что они составляютъ пріятные и легкіе тоны лица. Но ему отвѣчали, что они не составятъ никакихъ тоновъ[12] и совсѣмъ не разыгрываются, и что это ему только такъ кажется. „Но позвольте здѣсь, въ одномъ только мѣстѣ, тронуть немножко желтенькой краской“, сказалъ простодушно художникъ. Но этого-то ему и не позволили[13]. Объявлено было, что Lise только сегодня немножко не расположена[14], а что желтизны въ ней никакой не бываетъ, и лицо ея поражаетъ особенно свѣжестью краски. Съ грустью принялся онъ изглаживать то, что̀ кисть его заставила выступить на полотно. Исчезло много почти незамѣтныхъ чертъ, а вмѣстѣ съ ними исчезло отчасти и сходство. Онъ безчувственно сталъ сообщать ему тотъ общій колоритъ, который дается наизусть и обращаетъ даже лица[15], взятыя съ натуры, въ какія-то холодно-идеальныя, видимыя на ученическихъ программахъ. Но дама была довольна тѣмъ, что обидный колоритъ былъ изгнанъ вовсе. Она изъявила[16] только удивленье, что работа идетъ такъ долго, и прибавила, что слышала, будто онъ въ два сеанса оканчиваетъ совершенно портретъ. Художникъ ничего не нашелся[17]

на это отвѣчать. Дамы поднялись и собирались[1] выйти. Онъ положилъ кисть, проводилъ ихъ до дверей и послѣ того долго оставался смутнымъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, передъ своимъ портретомъ.

Онъ глядѣлъ на него глупо, а въ головѣ его между тѣмъ носились тѣ легкія женственныя черты, тѣ оттѣнки и воздушные тоны, имъ подмѣченные, которые уничтожила безжалостно его кисть. Будучи весь полонъ ими, онъ отставилъ портретъ въ сторону и отыскалъ у себя гдѣ-то заброшенную головку Психеи[2], которую когда-то давно и эскизно набросалъ на полотно. Это было личико, ловко написанное[3], но совершенно идеальное, холодное, состоявшее изъ однихъ[4] общихъ чертъ, не принявшее живаго тѣла. Отъ нечего дѣлать, онъ теперь принялся проходить его, припоминая на немъ все, что̀ случилось ему подмѣтить въ лицѣ аристократической посѣтительницы. Уловленныя имъ черты, оттѣнки и тоны здѣсь ложились въ томъ очищенномъ видѣ, въ какомъ являются они тогда, когда художникъ, наглядѣвшись на природу, уже отдаляется отъ нея и производитъ ей равное созданіе[5]. Психея стала оживать, и едва сквозившая мысль начала мало-по-малу облекаться въ видимое тѣло. Типъ лица молоденькой свѣтской дѣвицы невольно сообщился Психеѣ, и чрезъ то̀ получила она своеобразное выраженіе, дающее право на названіе истинно-оригинальнаго[6] произведенія. Казалось, онъ воспользовался, по частямъ и вмѣстѣ[7], всѣмъ, что̀ представилъ ему оригиналъ, и привязался совершенно къ своей работѣ. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней онъ былъ занятъ только ею. И за этой самой работой засталъ его пріѣздъ знакомыхъ дамъ[8]. Онъ не успѣлъ[9] снять со станка картину. Обѣ дамы издали радостный крикъ изумленья и всплеснули руками.

„Lise, Lise! ахъ, какъ похоже! Superbe, superbe! Какъ хорошо вы вздумали, что одѣли ее въ греческій костюмъ! Ахъ, какой сюрпризъ!

Художникъ не зналъ, какъ вывести дамъ изъ пріятнаго заблужденія. Совѣстясь и потупя голову, онъ произнесъ тихо: „Это Психея“.

„Въ видѣ Психеи? C'est charmant“, сказала мать, улыбнувшись, при чемъ улыбнулась также и дочь. „Не правда ли, Lise, тебѣ больше всего идетъ быть изображенной въ видѣ

Психеи? Quelle idée délicieuse! Но какая работа! это Корреджъ. Признаюсь, я читала и слышала о васъ, но я не знала, что у васъ такой талантъ. Нѣтъ, вы непремѣнно должны написать также[1] и съ меня портретъ". Дамѣ, какъ видно, хотѣлось тоже[2] предстать въ видѣ какой-нибудь Психеи.

„Что мнѣ съ ними дѣлать?" подумалъ художникъ. „Если онѣ сами того хотятъ, такъ пусть Психея пойдетъ за то, что[3] имъ хочется", и произнесъ вслухъ: „Потрудитесь еще немножко присѣсть: я кое-что немножко трону".

„Ахъ, я боюсь, чтобы вы какъ-нибудь не... она такъ теперь похожа".

Но художникъ понялъ, что опасенья были насчетъ желтизны, и успокоилъ ихъ, сказавъ, что онъ только придастъ болѣе блеску и выраженья глазамъ. А по справедливости, ему было слишкомъ совѣстно и хотѣлось хотя сколько-нибудь болѣе придать сходства съ оригиналомъ, дабы не укорилъ его кто-нибудь въ рѣшительномъ безстыдствѣ. И точно, черты блѣдной дѣвушки стали, наконецъ, выходить яснѣе изъ облика Психеи.

„Довольно!" сказала мать, начинавшая бояться, чтобы сходство не приблизилось, наконецъ, уже черезчуръ[4] близко. Художникъ былъ награжденъ всѣмъ: улыбкой, деньгами, комплиментомъ, искреннимъ пожатьемъ руки, приглашеньемъ на обѣды, — словомъ, получилъ тысячу лестныхъ наградъ.

Портретъ произвелъ по городу шумъ. Дама показала его пріятельницамъ: всѣ изумлялись искусству, съ какимъ художникъ умѣлъ сохранить сходство и вмѣстѣ съ тѣмъ придать красоту оригиналу. Послѣднее замѣчено было, разумѣется, не безъ легкой краски зависти въ лицѣ. И художникъ вдругъ былъ осажденъ работами. Казалось, весь городъ хотѣлъ у него писаться. У дверей поминутно раздавался звонокъ. Съ одной стороны, это могло быть хорошо, представляя ему безконечную практику разнообразіемъ, множествомъ лицъ[5]. Но, на бѣду, это все былъ народъ, съ которымъ было трудно ладить, — народъ торопливый, занятый, или же принадлежащій свѣту, стало-быть, еще болѣе занятый, чѣмъ[6] всякій другой, и потому нетерпѣливый до крайности. Со всѣхъ сторонъ только требовали, чтобъ было хорошо и скоро. Художникъ увидѣлъ, что оканчивать рѣшительно было невозможно, что все нужно было за-

мѣнить ловкостью и быстрой бойкостью кисти,— схватывать одно только цѣлое, одно общее выраженье и не углубляться кистью въ утонченныя подробности,— однимъ словомъ, слѣдить природу въ ея оконченности[1] было рѣшительно невозможно. Притомъ, нужно прибавить, что у всѣхъ почти писавшихся много было другихъ притязаній на разное. Дамы требовали, чтобы преимущественно только душа и характеръ изображались въ портретахъ, чтобы остальнаго иногда вовсе не придерживаться, округлить всѣ углы, облегчить всѣ изъянцы и даже, если можно, избѣжать ихъ вовсе,— словомъ, чтобы на лицо можно было засмотрѣться, если даже не совершенно влюбиться. И вслѣдствіе этого, садясь писаться, онѣ принимали иногда такія выраженья, которыя приводили въ изумленье художника[2]: та старалась изобразить въ лицѣ своемъ меланхолію, другая мечтательность, третья, во что̀ бы ни стало, хотѣла уменьшить ротъ[3] и сжимала его до такой степени, что онъ обращался, наконецъ, въ одну точку, не больше булавочной головки. И, не смотря на все это[4], требовали отъ него сходства и непринужденной естественности. Мужчины тоже были ничѣмъ не лучше дамъ: одинъ требовалъ себя изобразить въ сильномъ энергическомъ поворотѣ головы; другой съ поднятыми къ верху вдохновенными глазами; гвардейскій поручикъ требовалъ непремѣнно, чтобы въ глазахъ виденъ былъ Марсъ; гражданскій чиновникъ норовилъ такъ, чтобы побольше было прямоты и[5] благородства въ лицѣ, и чтобы рука оперлась на книгу, на которой бы четкими словами было написано: „Всегда стоялъ за правду". Сначала художника бросали въ потъ такія требованья: все это нужно было сообразить, обдумать, а между тѣмъ сроку давалось очень немного. Наконецъ, онъ добрался, въ чемъ было дѣло, и ужъ не затруднялся нисколько. Даже изъ двухъ, трехъ словъ смекалъ впередъ, кто чѣмъ хотѣлъ изобразить себя. Кто хотѣлъ Марса, онъ ему[6] въ лицо совалъ Марса; кто мѣтилъ въ Байроны[7], онъ давалъ ему байроновское положенье и поворотъ. Коринной ли, Ундиной, Аспазіей ли желали быть дамы[8], онъ съ большой охотой соглашался на все и прибавлялъ отъ себя уже всякому вдоволь благообразія, которое, какъ извѣстно, нигдѣ не подгадитъ, и за что̀ простятъ иногда художнику и самое несходство. Скоро онъ уже самъ началъ дивиться чудной быстротѣ и бойкости своей

кисти. А писавшіеся, само собою разумѣется, были въ восторгѣ и провозглашали его геніемъ.

Чартковъ сдѣлался моднымъ живописцемъ во всѣхъ отношеньяхъ. Сталъ ѣздить на обѣды, сопровождать дамъ въ галлереи и даже на гулянья, щегольски одѣваться и утверждать гласно, что художникъ долженъ принадлежать къ обществу, что нужно поддержать это[1] званье, что художники одѣваются какъ сапожники, не умѣютъ прилично вести себя, не соблюдаютъ высшаго тона и лишены всякой образованности. Дома у себя, въ мастерской, онъ завелъ опрятность и чистоту въ высшей степени, опредѣлилъ[2] двухъ великолѣпныхъ лакеевъ, завелъ щегольскихъ учениковъ, переодѣвался нѣсколько разъ въ день въ разные утренніе костюмы, завивался; занялся улучшеніемъ разныхъ манеръ, съ которыми принимать посѣтителей, занялся украшеніемъ всѣми возможными средствами своей наружности, чтобы произвести ею пріятное впечатлѣніе на дамъ; однимъ словомъ, скоро нельзя было въ немъ вовсе узнать того скромнаго художника, который работалъ когда-то незамѣтно въ своей лачужкѣ на Васильевскомъ островѣ. Объ[3] художникахъ и объ искусствѣ онъ изъяснялся теперь рѣзко: утверждалъ, что прежнимъ художникамъ уже черезчуръ много приписано достоинства, что всѣ они, до Рафаэля, писали не фигуры, а селедки; что существуетъ только въ воображеніи разсматривателей мысль, будто бы видно въ нихъ присутствіе какой-то святости[4]; что самъ Рафаэль даже писалъ не все хорошо, и за многими произведеньями его удержалась только по преданію слава; что Микель-Анжелъ[5] хвастунъ, потому что хотѣлъ только похвастать знаніемъ анатоміи; что граціозности въ немъ нѣтъ никакой, и что настоящаго блеска, силы кисти и колорита нужно искать[6] только теперь, въ нынѣшнемъ вѣкѣ. Тутъ, натурально, невольнымъ образомъ доходило дѣло и до себя. „Нѣтъ, я не понимаю", говорилъ онъ, „напряженья другихъ сидѣть и корпѣть за[7] трудомъ: человѣкъ[8], который копается по нѣскольку мѣсяцевъ надъ картиною, по мнѣ, труженикъ, а не художникъ; я не повѣрю, чтобы въ немъ былъ талантъ[9]; геній[10] творитъ смѣло, быстро. — Вотъ у меня", говорилъ онъ, обращаясь обыкновенно къ посѣтителямъ: „этотъ портретъ я написалъ въ два дни[11], эту головку въ одинъ день, это въ нѣсколько часовъ, это въ часъ съ небольшимъ.

Нѣтъ, я... я, признаюсь, не признаю художествомъ того, что лѣпится строчка за строчкой; это ужъ ремесло, а не художество". Такъ разсказывалъ онъ своимъ посѣтителямъ, и посѣтители дивились силѣ и бойкости его кисти, издавали даже восклицанія, услышавъ, какъ быстро они производились, и потомъ пересказывали другъ другу: „Это талантъ, это[1] истинный талантъ! Посмотрите, какъ онъ говоритъ, какъ блестятъ его глаза! Il y a quelque chose d'extraordinaire dans toute sa figure!"

Художнику было лестно слышать объ[2] себѣ такіе слухи. Когда въ журналахъ появлялась печатная хвала ему, онъ радовался, какъ ребенокъ, хотя эта хвала была куплена имъ за свои же деньги. Онъ разносилъ такой печатный листокъ[3] вездѣ и, будто бы не нарочно, показывалъ его знакомымъ и пріятелямъ, и это его тѣшило до самой простодушной наивности. Слава его росла, работы и заказы увеличивались. Уже стали ему надоѣдать одни и тѣ же портреты и лица, которыхъ положенья[4] и обороты сдѣлались ему заученными. Уже безъ большой охоты онъ писалъ ихъ, стараясь набросать[5] только кое-какъ одну голову, а остальное давалъ доканчивать ученикамъ. Прежде онъ, все-таки, искалъ дать какое-нибудь новое положеніе, поразить силою, эффектомъ. Теперь и это становилось ему скучно. Умъ уставалъ придумывать и обдумывать. Это было ему не въ мочь, да и некогда: разсѣянная жизнь и общество, гдѣ онъ старался съиграть роль свѣтскаго человѣка, все это уносило его далеко отъ труда и мыслей. Кисть его хладѣла и тупѣла, и онъ нечувствительно заключился въ однообразныя, опредѣленныя, давно изношенныя формы. Однообразныя, холодныя, вѣчно прибранныя и, такъ сказать, застегнутыя лица чиновниковъ, военныхъ и штатскихъ, не много представляли поля для кисти: она позабывала[6] и великолѣпныя драпировки, и сильныя движенія, и страсти. О группахъ, о[7] художественной драмѣ[8], о высокой ея завязкѣ нечего было и говорить. Предъ нимъ были только мундиръ, да корсетъ, да фракъ, предъ которыми чувствуетъ холодъ художникъ[9] и падаетъ всякое воображеніе. Даже достоинствъ самыхъ обыкновенныхъ уже не было видно въ его произведеніяхъ, а между тѣмъ они все еще расходились[10], все еще пользовались славою, хотя истинные знатоки и художники только пожимали

плечами, глядя на послѣднія его работы. А нѣкоторые, знавшіе Чарткова прежде[1], не могли понять, какъ могъ исчезнуть въ немъ талантъ, котораго признаки оказались уже ярко въ немъ при самомъ началѣ, и напрасно старались разгадать, какимъ образомъ можетъ угаснуть дарованье въ человѣкѣ, тогда какъ онъ только-что достигнулъ еще полнаго развитія всѣхъ силъ своихъ.

Но этихъ толковъ не слышалъ упоенный художникъ. Уже онъ начиналъ достигать поры степенности ума и лѣтъ: сталъ толстѣть и видимо раздаваться въ ширину. Уже въ газетахъ и журналахъ читалъ онъ прилагательныя: „почтенный нашъ Андрей Петровичъ, заслуженный нашъ Андрей Петровичъ“. Уже стали ему предлагать по службѣ почетныя мѣста, приглашать на экзамены, въ комитеты[2]. Уже онъ начиналъ, какъ всегда случается въ почетныя лѣта, брать сильно сторону Рафаэля и старинныхъ художниковъ, не потому, что убѣдился вполнѣ въ ихъ высокомъ достоинствѣ, но затѣмъ[3], чтобы колоть ими въ глаза[4] молодыхъ художниковъ. Уже онъ начиналъ, по обычаю всѣхъ, вступающихъ въ такія лѣта, укорять безъ изъятья всю молодежь въ безнравственности и дурномъ направленіи духа. Уже начиналъ онъ вѣрить, что все на свѣтѣ дѣлается просто, вдохновенья свыше нѣтъ, и все необходимо должно быть подвергнуто подъ одинъ строгій порядокъ аккуратности и однообразья. Однимъ словомъ, жизнь его уже коснулась тѣхъ лѣтъ, когда все, дышащее порывомъ, сжимается въ человѣкѣ, когда могущественный смычокъ слабѣе доходитъ до души и не обвивается пронзительными звуками около сердца, когда прикосновенье красоты уже не превращаетъ дѣвственныхъ силъ въ огонь и пламя, но всѣ отгорѣвшія чувства становятся доступнѣе къ звуку золота, вслушиваются внимательнѣй въ его заманчивую музыку и мало-по-малу нечувствительно позволяютъ ей совершенно усыпить себя. Слава не можетъ дать наслажденья тому, кто[5] укралъ ее, а не заслужилъ: она производитъ постоянный трепетъ только въ достойномъ ея. И потому всѣ чувства и порывы его обратились къ золоту. Золото сдѣлалось его страстью, идеаломъ, страхомъ, наслажденьемъ, цѣлью. Пуки ассигнацій росли въ сундукахъ, и, какъ всякій, кому[6] достается въ удѣлъ этотъ страшный даръ, онъ началъ становиться скучнымъ, недоступ-

нымъ ко всему, равнодушнымъ ко всему[1], кромѣ золота, безпричиннымъ скрягой, безпутнымъ собирателемъ, и уже готовъ былъ обратиться въ одно изъ тѣхъ странныхъ существъ, которыхъ много попадается въ нашемъ безчувственномъ свѣтѣ[2], на которыхъ съ ужасомъ глядитъ исполненный жизни и сердца человѣкъ, которому кажутся они движущимися каменными гробами, съ мертвецомъ внутри, вмѣсто[3] сердца[4]. Но одно событіе сильно потрясло и разбудило весь его жизненный составъ.

Въ одинъ день увидѣлъ онъ на столѣ своемъ записку, въ которой академія художествъ просила его, какъ достойнаго ея члена, пріѣхать дать сужденіе свое о новомъ, присланномъ изъ Италіи, произведеніи усовершенствовавшагося тамъ русскаго художника. Этотъ художникъ былъ одинъ изъ прежнихъ его товарищей, который отъ раннихъ лѣтъ носилъ въ себѣ страсть къ искусству, съ пламенной душою труженика погрузился въ него всей душою своей, оторвался отъ друзей, отъ родныхъ, отъ милыхъ привычекъ и помчался туда, гдѣ въ виду прекрасныхъ небесъ спѣетъ величавый[5] разсадникъ искусствъ, — въ тотъ чудный Римъ, при имени котораго такъ полно и сильно бьется пламенное сердце художника. Тамъ[6], какъ отшельникъ, погрузился онъ въ трудъ и въ неразвлекаемыя ничѣмъ занятья. Ему не было до того дѣла, толковали ли о его характерѣ, о его неумѣньи обращаться съ людьми, о несоблюденьи свѣтскихъ приличій, объ[7] униженіи, которое онъ причинялъ званью художника своимъ скуднымъ, нещегольскимъ нарядомъ. Ему не было нужды, сердилась ли, или нѣтъ на него его братья. Всѣмъ пренебрегъ[8] онъ, все отдалъ искусству. Неутомимо посѣщалъ галлереи, по цѣлымъ часамъ застаивался передъ произведеньями великихъ мастеровъ, ловя и преслѣдуя чудную кисть. Ничего онъ не оканчивалъ безъ того, чтобы не повѣрить себя нѣсколько разъ съ сими великими учителями и чтобы не прочесть въ ихъ созданьяхъ безмолвнаго и краснорѣчиваго себѣ совѣта. Онъ не входилъ въ шумныя бесѣды и споры; онъ не стоялъ ни за пуристовъ, ни противъ пуристовъ. Онъ равно всему отдавалъ должную ему часть, извлекая изо всего только то, что̀ было въ немъ прекрасно, и, наконецъ, оставилъ себѣ въ учители одного божественнаго Рафаэля, — подобно, какъ великій поэтъ-художникъ, перечитавшій много всякихъ твореній, исполненныхъ многихъ

прелестей и величавыхъ красотъ, оставлялъ наконецъ себѣ настольною книгой одну только Иліаду Гомера, открывъ, что въ ней все есть, чего хочешь, и нѣтъ ничего, что̀ бы не отразилось[1] уже здѣсь въ такомъ глубокомъ и великомъ совершенствѣ. И зато вынесъ онъ изъ своей школы величавую идею созданья[2], могучую красоту мысли, высокую прелесть небесной кисти.

Вошедши въ залу, Чартковъ нашелъ уже цѣлую огромную толпу посѣтителей, собравшихся передъ картиною. Глубочайшее безмолвіе, какое рѣдко бываетъ между многолюдными цѣнителями, на этотъ разъ царствовало всюду. Онъ поспѣшилъ принять[3] значительную физіогномію знатока и приблизился къ картинѣ; но, Боже, что̀ онъ увидѣлъ!

Чистое, непорочное, прекрасное, какъ невѣста, стояло предъ нимъ произведенье художника. Скромно, божественно, невинно и просто, какъ геній, возносилось оно надъ всѣмъ. Казалось, небесныя фигуры, изумленныя столькими устремленными на нихъ взорами, стыдливо опустили прекрасныя рѣсницы. Съ чувствомъ невольнаго изумленія созерцали знатоки новую, невиданную кисть. Все тутъ, казалось, соединилось вмѣстѣ: изученье Рафаэля, отраженное[4] въ высокомъ благородствѣ положеній, изученіе Корреджія, дышавшее въ окончательномъ совершенствѣ кисти. Но властительнѣй всего видна была сила созданья, уже заключенная въ душѣ самого художника[5]. Послѣдній[6] предметъ къ картинѣ былъ имъ проникнутъ; во всемъ постигнутъ законъ[7] и внутренняя сила; вездѣ уловлена была эта плывучая округлость линій, заключенная въ природѣ, которую видитъ только одинъ глазъ художника-создателя и которая выходитъ углами у копіиста[8]. Видно было, какъ все, извлеченное изъ внѣшняго міра, художникъ заключилъ сперва себѣ въ душу и уже оттуда, изъ душевнаго родника[9], устремилъ его одной согласной, торжественной пѣснью. И стало ясно[10] даже непосвященнымъ, какая неизмѣримая пропасть существуетъ между созданьемъ и простой копіей съ природы. Почти невозможно было выразить той необыкновенной[11] тишины, которою невольно были объяты всѣ, вперившіе глаза на картину — ни шелеста, ни звука; а картина между тѣмъ ежеминутно казалась выше и выше: свѣтлѣй и чудеснѣй отдѣлялась ото всего[12] и вся превратилась,

наконецъ, въ одинъ мигъ, плодъ налетѣвшей съ небесъ на художника мысли, — мигъ, къ которому вся жизнь человѣческая есть одно только приготовленіе. Невольныя слезы готовы были покатиться по лицамъ посѣтителей, окружившихъ картину. Казалось, всѣ вкусы, всѣ дерзкія, неправильныя уклоненія вкуса слились въ какой-то безмолвный гимнъ божественному произведенію.

Неподвижно, съ отверстымъ ртомъ, стоялъ Чартковъ передъ картиною, и, наконецъ, когда мало-по-малу посѣтители и знатоки зашумѣли и начали разсуждать о достоинствѣ произведенія, и когда, наконецъ, обратились къ нему съ просьбою объявить свои мысли, онъ пришелъ въ себя; хотѣлъ принять равнодушный, обыкновенный видъ, хотѣлъ сказать обыкновенное, пошлое сужденіе зачерствѣлыхъ художниковъ, въ родѣ слѣдующаго: „Да, конечно, правда, нельзя отнять таланта отъ художника; есть кое-что; видно, что хотѣлъ онъ выразить что-то; однакоже, что̀ касается до главнаго....“ и вслѣдъ за этимъ прибавить, разумѣется, такія похвалы, отъ которыхъ бы не поздоровилось никакому художнику; хотѣлъ это сдѣлать, но рѣчь умерла на устахъ его, слезы и рыданія нестройно вырвались въ отвѣтъ, и онъ, какъ безумный, выбѣжалъ изъ залы.

Съ минуту неподвижный и безчувственный стоялъ онъ посреди своей великолѣпной мастерской. Весь составъ, вся жизнь его была разбужена въ одно мгновеніе, какъ будто молодость возвратилась къ нему, какъ будто потухшія искры таланта вспыхнули снова. Съ очей его вдругъ слетѣла повязка. Боже! и погубить такъ безжалостно лучшіе годы своей юности, истребить, погасить искру огня, можетъ быть, теплившагося въ груди, можетъ быть, развившагося бы теперь въ величіи и красотѣ, можетъ быть, также исторгнувшаго бы слезы изумленія и благодарности! И погубить все это, погубить безъ всякой жалости! Казалось, какъ будто въ эту минуту разомъ и вдругъ ожили въ душѣ его тѣ напряженія и порывы, которые нѣкогда были ему знакомы. Онъ схватилъ кисть и приблизился къ холсту. Потъ усилія проступилъ на его лицѣ; весь обратился онъ въ одно желаніе и загорѣлся одною мыслью: ему хотѣлось изобразить отпадшаго ангела. Эта идея была болѣе всего согласна съ состояніемъ его души. Но, увы! фи-

гуры его, позы, группы, мысли ложились принужденно и несвязно. Кисть его и воображеніе слишкомъ уже заключились въ одну мѣрку, и безсильный порывъ преступить границы и оковы, имъ самимъ на себя наброшенныя, уже отзывался неправильностію и ошибкою. Онъ пренебрегъ утомительную, длинную лѣстницу постепенныхъ свѣдѣній и первыхъ основныхъ законовъ будущаго великаго. Досада его проникла. Онъ велѣлъ вынесть прочь изъ своей мастерской всѣ послѣднія произведенья, всѣ безжизненныя модныя картинки, всѣ портреты гусаровъ, дамъ и статскихъ совѣтниковъ; заперся одинъ въ своей комнатѣ, не велѣлъ никого впускать и весь погрузился въ работу[1]. Какъ терпѣливый юноша, какъ ученикъ, сидѣлъ онъ за своимъ трудомъ. Но какъ безпощадно-неблагодарно было все то[2], что̀ выходило изъ-подъ его кисти![3] На каждомъ шагу онъ былъ останавливаемъ незнаніемъ самыхъ первоначальныхъ стихій; простой незначущій механизмъ охлаждалъ весь порывъ и стоялъ неперескочимымъ порогомъ для воображенія. Кисть невольно обращалась къ затверженнымъ формамъ, руки складывались на одинъ заученный манеръ, голова не смѣла сдѣлать необыкновеннаго поворота, даже самыя складки платья отзывались вытверженнымъ и не хотѣли повиноваться и драпироваться на незнакомомъ положеніи тѣла. И онъ чувствовалъ, онъ чувствовалъ и видѣлъ это самъ!

„Но точно ли былъ у меня талантъ?“ сказалъ онъ наконецъ[4]: „не обманулся ли я?“ И, произнесши[5] эти слова, онъ подошелъ къ прежнимъ своимъ произведеніямъ, которыя работались когда-то такъ чисто, такъ безкорыстно, тамъ, въ бѣдной лачужкѣ, на уединенномъ Васильевскомъ острову[6], вдали людей, изобилія и всякихъ прихотей. Онъ подошелъ теперь къ нимъ и сталъ внимательно разсматривать ихъ всѣ[7], и вмѣстѣ съ ними стала представать въ его памяти вся прежняя бѣдная жизнь его. „Да“, проговорилъ онъ отчаянно: „у меня былъ талантъ! Вездѣ, на всемъ видны его признаки и слѣды...“

Онъ остановился и вдругъ затрясся всѣмъ тѣломъ: глаза его встрѣтились съ неподвижно-вперившимися на него глазами. Это былъ тотъ необыкновенный портретъ, который онъ купилъ на Щукиномъ дворѣ. Все время онъ былъ закрытъ, загроможденъ другими картинами и вовсе вышелъ у него изъ мыслей[8]. Те-

перь же, какъ нарочно, когда были вынесены всѣ модные портреты и картины, наполнявшіе мастерскую, онъ выглянулъ наверхъ вмѣстѣ съ прежними произведеньями его молодости. Какъ вспомнилъ онъ всю странную его исторію, какъ вспомнилъ, что нѣкоторымъ образомъ онъ, этотъ странный портретъ, былъ причиной его превращенья, что денежный кладъ, полученный имъ такимъ чудеснымъ образомъ, родилъ[1] въ немъ всѣ суетныя побужденья, погубившія его талантъ, — почти бѣшенство готово было ворваться къ нему въ душу. Онъ въ ту жъ минуту велѣлъ вынести прочь ненавистный портретъ. Но душевное волненье оттого[2] не умирилось: всѣ чувства и весь составъ были потрясены до дна[3], и онъ узналъ ту ужасную муку, которая, какъ поразительное исключеніе, является иногда въ природѣ, когда талантъ слабый силится выказаться въ превышающемъ его размѣрѣ и не можетъ выказаться, — ту муку, которая въ юношѣ раждаетъ великое, но въ перешедшемъ за грань мечтаній обращается въ безплодную жажду, — ту страшную муку, которая дѣлаетъ человѣка способнымъ на ужасныя злодѣянія. Имъ овладѣла ужасная зависть, зависть до бѣшенства. Желчь проступала у него на лицѣ, когда онъ видѣлъ произведеніе, носившее печать таланта. Онъ скрежеталъ зубами и пожиралъ его взоромъ василиска. Въ душѣ его возродилось самое адское намѣреніе, какое когда-либо питалъ человѣкъ, и съ бѣшеною силою бросился онъ приводить его въ исполненіе. Онъ началъ скупать все лучшее, что̀ только производило художество. Купивши картину дорогою цѣною, осторожно приносилъ въ свою комнату и съ бѣшенствомъ тигра на нее кидался, рвалъ, разрывалъ ее, изрѣзывалъ въ куски и топталъ ногами, сопровождая смѣхомъ наслажденія. Безчисленныя собранныя имъ богатства доставляли ему всѣ средства удовлетворять этому адскому желанію. Онъ развязалъ всѣ свои золотые мѣшки и раскрылъ сундуки. Никогда ни одно чудовище невѣжества не истребило столько прекрасныхъ произведеній, сколько истребилъ этотъ свирѣпый мститель. На всѣхъ аукціонахъ, куда только показывался онъ, всякій заранѣе отчаивался въ пріобрѣтеніи художественнаго созданія. Казалось, какъ будто разгнѣванное небо нарочно послало въ міръ этотъ ужасный бичъ, желая отнять у него всю его гармонію. Эта ужасная страсть набросила какой-то страшный

колоритъ на него: вѣчная желчь присутствовала на лицѣ его. Хула на міръ и отрицаніе[1] изображалось само собой въ чертахъ его. Казалось, въ немъ олицетворился тотъ страшный демонъ, котораго идеально изобразилъ Пушкинъ. Кромѣ ядовитаго слова и вѣчнаго порицанья, ничего не произносили его уста. Подобно какой-то гарпіи, попадался онъ на улицѣ, и всѣ, даже знакомые[2], завидя его издали, старались увернуться и избѣгнуть такой встрѣчи, говоря, что она достаточна отравить потомъ весь день[3].

Къ счастію міра и искусствъ, такая напряженная и насильственная жизнь не могла долго продолжаться: размѣръ страстей былъ слишкомъ неправиленъ и колоссаленъ для слабыхъ силъ ея. Припадки бѣшенства и безумія начали оказываться чаще, и, наконецъ, все это обратилось въ самую ужасную болѣзнь. Жестокая горячка, соединенная съ самою быстрою чахоткою, овладѣла имъ такъ свирѣпо, что въ три дня оставалась отъ него одна тѣнь только. Къ этому присоединились всѣ признаки безнадежнаго сумасшествія. Иногда нѣсколько человѣкъ не могли удержать его. Ему начали чудиться давно забытые, живые глаза необыкновеннаго портрета, — и тогда бѣшенство его было ужасно. Всѣ люди, окружавшіе его постель, казались ему ужасными портретами. Портретъ двоился, четверился въ его глазахъ; всѣ стѣны казались увѣшаны портретами, вперившими въ него свои неподвижные, живые глаза; страшные портреты глядѣли съ потолка, съ полу; комната расширялась и продолжалась безконечно, чтобы болѣе вмѣстить этихъ неподвижныхъ глазъ. Докторъ, принявшій на себя обязанность его пользовать и уже нѣсколько наслышавшійся о странной его исторіи, старался всѣми силами отыскать тайное отношеніе между грезившимися ему привидѣніями и происшествіями его жизни, но ничего не могъ успѣть. Больной ничего не понималъ и не чувствовалъ, кромѣ своихъ терзаній, и издавалъ одни ужасные вопли и непонятныя рѣчи. Наконецъ, жизнь его прервалась въ послѣднемъ, уже безгласномъ порывѣ страданія. Трупъ его былъ страшенъ. Ничего тоже не могли найти отъ огромныхъ его богатствъ; но, увидѣвши изрѣзанные куски тѣхъ высокихъ произведеній искусства, которыхъ цѣна превышала милліоны, поняли ужасное ихъ употребленіе.

Часть II.

Множество каретъ, дрожекъ и колясокъ стояло передъ подъѣздомъ дома, въ которомъ производилась аукціонная продажа вещей одного изъ тѣхъ богатыхъ любителей искусствъ, которые сладко продремали всю жизнь свою, погруженные въ зефиры и амуры, невинно прослыли[1] Меценатами и простодушно издержали для этого милліоны, накопленные ихъ основательными отцами, а часто даже собственными прежними трудами. Такихъ Меценатовъ, какъ извѣстно, теперь уже нѣтъ, и нашъ XIX-й вѣкъ давно уже пріобрѣлъ скучную физіогномію банкира, наслаждающагося своими милліонами только въ видѣ цифръ, выставляемыхъ на бумагѣ. Длинная зала была наполнена самою пестрою толпою посѣтителей, налетѣвшихъ, какъ хищныя птицы, на неприбранное тѣло. Тутъ была цѣлая флотилія русскихъ купцовъ изъ гостинаго двора и даже толкучаго рынка, въ синихъ нѣмецкихъ сюртукахъ. Видъ ихъ и выраженье лицъ[2] были здѣсь какъ-то тверже, вольнѣе и не означились той приторной услужливостью, которая такъ видна въ русскомъ купцѣ, когда онъ у себя въ лавкѣ передъ покупщикомъ. Тутъ они вовсе не чинились, не смотря на то, что въ этой же залѣ находилось множество тѣхъ аристократовъ, передъ которыми они въ другомъ мѣстѣ готовы были своими поклонами смести пыль, нанесенную своими же сапогами. Здѣсь они были совершенно развязны[3], щупали безъ церемоніи книги и картины, желая узнать доброту товара, и смѣло перебивали цѣну, набавляемую графами-знатоками. Здѣсь были многіе необходимые посѣтители аукціоновъ, постановившіе каждый день бывать на немъ[4] вмѣсто завтрака; аристократы-знатоки, почитавшіе обязанностью не упустить случая умножить свою коллекцію и не находившіе другаго занятія отъ 12 до 1 часа; наконецъ, тѣ благородные господа, которыхъ платья и карманы очень худы, которые являются ежедневно безъ всякой корыстолюбивой цѣли, но единственно, чтобы посмотрѣть, чѣмъ что̀ кончится, кто будетъ давать больше, кто меньше, кто кого перебьетъ, и за кѣмъ что̀ останется. Множество картинъ было разбросано совершенно безъ всякаго толку; съ ними были перемѣшаны и мебели, и книги съ вензелями прежняго владѣтеля, можетъ быть, не

имѣвшаго вовсе похвальнаго любопытства въ нихъ заглядывать. Китайскія вазы, мраморныя доски для столовъ, новыя и старыя мебели съ выгнутыми линіями, съ грифами, сфинксами и львиными лапами, вызолоченныя и безъ позолоты люстры, кенкеты, — все было навалено и вовсе не въ такомъ порядкѣ, какъ въ магазинахъ. Все представляло какой-то хаосъ искусствъ. Вообще, ощущаемое нами чувство при видѣ аукціона страшно: въ немъ все отзывается чѣмъ-то[1] похожимъ на погребальную процессію. Залъ, въ которомъ онъ производится, всегда какъ-то мраченъ; окна, загроможденныя мебелями и картинами, скупо изливаютъ свѣтъ; безмолвіе, разлитое на лицахъ, и погребальный голосъ аукціониста, постукивающаго молоткомъ и отпѣвающаго панихиду бѣднымъ, такъ странно встрѣтившимся здѣсь искусствамъ, — все это, кажется, усиливаетъ[2] еще болѣе странную непріятность впечатлѣнья.

Аукціонъ, казалось, былъ въ самомъ разгарѣ. Цѣлая толпа порядочныхъ людей, сдвинувшись вмѣстѣ, хлопотала о чемъ-то наперерывъ[3]. Со всѣхъ сторонъ раздававшіяся слова: „рубль, рубль, рубль“[4], не давали времени аукціонисту повторять надбавляемую[5] цѣну, которая уже возрасла вчетверо больше объявленной. Обступившая толпа хлопотала изъ-за портрета, который не могъ не остановить всѣхъ, имѣвшихъ сколько-нибудь понятія[6] въ живописи. Высокая кисть художника выказывалась въ немъ очевидно. Портретъ, повидимому, уже нѣсколько разъ[7] былъ ресторированъ и поновленъ, и представлялъ смуглыя черты какого-то азіатца въ широкомъ платьѣ, съ необыкновеннымъ, страннымъ выраженьемъ въ лицѣ; но болѣе всего обступившіе были поражены[8] необыкновенной живостью глазъ. Чѣмъ болѣе всматривались въ нихъ, тѣмъ болѣе они, казалось, устремлялись каждому внутрь[9]. Эта странность, этотъ необыкновенный фокусъ художника заняли вниманье почти всѣхъ[10]. Много уже изъ состязавшихся о немъ отступились, потому что цѣну набили неимовѣрную. Остались только два извѣстные аристократа, любители живописи, не хотѣвшіе ни за что отказаться отъ такого пріобрѣтенія[11]. Они горячились и набили бы, вѣроятно, цѣну до невозможности, еслибы вдругъ одинъ изъ тутъ же разсматривавшихъ не произнесъ: „Позвольте мнѣ прекратить на время вашъ споръ:

я, можетъ быть, болѣе, чѣмъ[1] всякій другой, имѣю право на этотъ портретъ“.

Слова эти въ мигъ обратили на него вниманіе всѣхъ[2]. Это былъ стройный человѣкъ, лѣтъ тридцати пяти, съ длинными черными кудрями. Пріятное лицо, исполненное какой-то свѣтлой беззаботности[3], показывало душу, чуждую всѣхъ томящихъ свѣтскихъ потрясеній; въ нарядѣ его не было никакихъ притязаній на моду: все показывало въ немъ артиста. Это былъ, точно, художникъ Б., знаемый лично многими изъ присутствовавшихъ.

„Какъ ни странны вамъ покажутся слова мои“,—продолжалъ онъ, видя устремившееся на себя всеобщее вниманіе,—„но, если вы рѣшитесь выслушать небольшую исторію, можетъ быть, вы увидите, что я былъ въ правѣ произнести ихъ[4]. Все меня увѣряетъ, что портретъ есть тотъ самый, котораго я ищу“.

Весьма естественное любопытство[5] загорѣлось почти на лицахъ всѣхъ, и самъ[6] аукціонистъ, разинувъ ротъ, остановился съ поднятымъ въ рукѣ молоткомъ, приготовляясь слушать[7]. Въ началѣ разсказа многіе обращались невольно глазами къ портрету, но потомъ всѣ вперились въ одного разскащика[8], по мѣрѣ того, какъ разсказъ его становился занимательнѣй.

„Вамъ извѣстна та часть города, которую называютъ Коломнoю“ (такъ онъ началъ[9]). „Тутъ все не похоже на другія части Петербурга[10]: тутъ не столица и не провинція; кажется, слышишь, перейдя въ коломенскія улицы[11], какъ оставляютъ тебя всякія молодыя желанья и порывы. Сюда не заходитъ будущее, здѣсь все тишина и отставка,—все, что̀ осѣло отъ столичнаго движенья. Сюда переѣзжаютъ на житье отставные чиновники, вдовы, небогатые люди, имѣющіе пріятное знакомство[12] съ сенатомъ и потому осудившіе себя здѣсь почти на всю жизнь; выслужившіяся кухарки, толкающіяся цѣлый день на рынкахъ, болтающія вздоръ съ мужикомъ въ мелочной лавочкѣ и забирающія каждый день на пять копѣекъ кофе[13] да на четыре[14] сахару, и, наконецъ, весь тотъ разрядъ людей, который[15] можно назвать однимъ словомъ *пепельный*,— людей[16] которые съ своимъ платьемъ, лицомъ, волосами, глазами имѣютъ какую-то мутную, пепельную наружность, какъ день, когда нѣтъ на небѣ ни бури, ни солнца, а бываетъ, просто,

ни то, ни сё[1]: сѣется туманъ и отнимаетъ всякую рѣзкость у предметовъ. Сюда[2] можно причислить отставныхъ театральныхъ капельдинеровъ, отставныхъ титулярныхъ совѣтниковъ, отставныхъ питомцевъ Марса съ выколотымъ глазомъ и раздутою губою. Эти люди вовсе безстрастны: идутъ, ни на что̀ не обращая глазъ; молчатъ, ни о чемъ не думая. Въ комнатѣ ихъ не много добра, иногда просто штофъ чистой русской водки, которую они однообразно сосутъ весь день безъ всякаго сильнаго прилива къ головѣ[3], возбуждаемаго сильнымъ пріемомъ, какой обыкновенно любитъ задавать себѣ по воскреснымъ днямъ молодой нѣмецкій ремесленникъ, этотъ студентъ[4] Мѣщанской улицы, одинъ владѣющій всѣмъ тротуаромъ, когда время перешло за двѣнадцать часовъ ночи.

„Жизнь въ Коломнѣ страхъ уединенна: рѣдко покажется карета, кромѣ развѣ той, въ которой ѣздятъ актеры, которая громомъ, звономъ и бряканьемъ своимъ одна смущаетъ всеобщую тишину. Тутъ все[5] пѣшеходы; извощикъ весьма часто безъ сѣдока плетется, таща сѣно для бородатой лошадёнки своей. Квартиру можно сыскать за пять рублей въ мѣсяцъ, даже съ кофеемъ поутру. Вдовы, получающія пансіонъ[6], тутъ самыя аристократическія фамиліи; онѣ ведутъ себя хорошо, метутъ чисто[7] свою комнату, толкуютъ съ пріятельницами о дороговизнѣ говядины и капусты; при нихъ часто бываетъ молоденькая дочь, молчаливое, безгласное, иногда миловидное существо, гадкая собачонка и стѣнные часы съ печально-постукивающимъ маятникомъ. Потомъ слѣдуютъ актеры, которымъ жалованье не позволяетъ выѣхать изъ Коломны, народъ свободный, какъ всѣ артисты, живущіе для наслажденья. Они, сидя въ халатахъ, чинятъ пистолетъ, клеятъ изъ картона всякія вещицы, полезныя для дома[8], играютъ съ пришедшимъ пріятелемъ въ шашки и карты, и такъ проводятъ утро, дѣлая почти то же ввечеру, съ присоединеньемъ кое-когда пунша. Послѣ этихъ[9] тузовъ и аристократства Коломны слѣдуетъ необыкновенная дробь и мелочь. Ихъ такъ же трудно поименовать, какъ исчислить то множество насѣкомыхъ, которое зарождается въ старомъ уксусѣ. Тутъ есть старухи, которыя молятся; старухи, которыя пьянствуютъ; старухи, которыя и молятся, и пьянствуютъ вмѣстѣ[10]; старухи, которыя перебиваются непостижимыми средствами: какъ му-

равьи таскаютъ съ собою старое тряпье[1] и бѣлье отъ Калинкина моста[2] до толкучаго рынка, съ тѣмъ, чтобы продать его тамъ за пятнадцать копѣекъ; словомъ, чисто[3] самый несчастный осадокъ человѣчества, которому бы ни одинъ благодѣтельный политическій экономъ не нашелъ средствъ улучшить состояніе.

„Я для того привелъ[4] ихъ, чтобы показать вамъ, какъ часто этотъ народъ находится въ необходимости искать одной только внезапной, временной помощи, прибѣгать къ займамъ; и тогда поселяются между ними особаго рода ростовщики, снабжающіе небольшими суммами подъ заклады и за большіе проценты. Эти небольшіе ростовщики бываютъ въ нѣсколько разъ безчувственнѣй всякихъ большихъ, потому что возникаютъ среди бѣдности и ярко выказываемыхъ нищенскихъ лохмотьевъ, которыхъ не видитъ богатый ростовщикъ, имѣющій дѣло только съ пріѣзжающими въ каретахъ. И потому уже слишкомъ рано умираетъ[5] въ душахъ ихъ всякое чувство человѣчества. Между такими ростовщиками былъ одинъ... но не мѣшаетъ вамъ сказать, что происшествіе, о которомъ я принялся разсказать[6], относится къ прошедшему вѣку[7], именно къ царствованію покойной государыни Екатерины Второй. Вы можете сами понять, что самый видъ Коломны и жизнь внутри ея должны были значительно измѣниться. Итакъ, между ростовщиками[8] былъ одинъ — существо во всѣхъ отношеніяхъ необыкновенное[9], поселившееся уже давно въ этой[10] части города. Онъ ходилъ въ широкомъ азіатскомъ нарядѣ; темная краска лица указывала на южное его происхожденіе[11]; но какой именно былъ онъ націи — индѣецъ, грекъ, персіянинъ — объ этомъ никто не могъ сказать навѣрно[12]. Высокій, почти необыкновенный ростъ, смуглое, тощее, запаленное лицо и какой-то[13] непостижимо-страшный цвѣтъ его[14], большіе, необыкновеннаго огня глаза, нависнувшія густыя брови отличали его сильно и рѣзко отъ всѣхъ пепельныхъ жителей столицы. Самое жилище его не похоже было на прочіе маленькіе деревянные домики. Это было каменное строеніе въ родѣ тѣхъ, которыя когда-то настроили[15] вдоволь генуэзскіе купцы, съ неправильными, неравной величины окнами, съ желѣзными ставнями и засовами. Этотъ ростовщикъ[16] отличался отъ другихъ ростовщиковъ уже тѣмъ, что могъ снабдить какою угодно суммою всѣхъ, начиная отъ

нищей старухи до расточительнаго придворнаго вельможи. Предъ домомъ его показывались часто[1] самые блестящіе экипажи, изъ оконъ которыхъ иногда глядѣла голова роскошной свѣтской дамы[2]. Молва, по обыкновенью, разнесла, что желѣзные сундуки его полны безъ счету денегъ, драгоцѣнностей, бриллiантовъ и всякихъ залоговъ, но что, однакоже, онъ вовсе не имѣлъ той корысти, какая свойственна другимъ ростовщикамъ. Онъ давалъ деньги охотно, распредѣляя, казалось, весьма выгодно сроки платежей; но какими-то странными ариѳметическими выкладками[3] заставлялъ ихъ восходить до непомѣрныхъ процентовъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорила молва. Но что̀ страннѣе всего и что̀ не могло не поразить многихъ,— это была странная судьба всѣхъ тѣхъ, которые получали отъ него деньги[4]: всѣ они[5] оканчивали жизнь несчастнымъ образомъ. Было ли это просто людское мнѣніе, нелѣпые суевѣрные толки, или съ умысломъ распущенные слухи,— это осталось неизвѣстно. Но нѣсколько примѣровъ, случившихся въ непродолжительное время предъ глазами всѣхъ[6], были живы и разительны[7].

„Изъ среды тогдашняго аристократства скоро обратилъ на себя глаза юноша лучшей фамиліи, отличившійся уже въ молодыхъ лѣтахъ на государственномъ поприщѣ, жаркій почитатель всего истиннаго, возвышеннаго, ревнитель всего, что̀ породило искусство и умъ человѣка, пророчившій въ себѣ Мецената. Скоро онъ былъ достойно отличенъ самой государыней, ввѣрившей ему значительное мѣсто, совершенно согласное съ собственными его требованьями,— мѣсто, гдѣ онъ могъ много произвести для наукъ и вообще для добра[8]. Молодой вельможа[9] окружилъ себя художниками, поэтами, учеными. Ему хотѣлось всему дать работу, все поощрить. Онъ предпринялъ на собственный счетъ множество полезныхъ изданій, надавалъ[10] множество заказовъ, объявилъ поощрительные призы, издержалъ на это кучи денегъ и, наконецъ, разстроился. Но, полный великодушнаго движенья, онъ не хотѣлъ отстать отъ своего дѣла, искалъ вездѣ занять и, наконецъ, обратился къ извѣстному ростовщику. Сдѣлавши значительный заемъ у него, этотъ человѣкъ въ непродолжительное время измѣнился совершенно[11]: сталъ гонителемъ, преслѣдователемъ развивающагося ума и таланта. Во всѣхъ

сочиненіяхъ сталъ видѣть дурную сторону, толковать криво всякое слово[1]. Тогда на бѣду случилась французская революція. Это послужило ему вдругъ орудіемъ для всѣхъ возможныхъ гадостей[2]. Онъ сталъ видѣть во всемъ какое-то революціонное направленіе, во всемъ ему чудились намеки. Онъ сдѣлался подозрительнымъ до такой степени, что началъ, наконецъ, подозрѣвать самого себя, сталъ[3] сочинять ужасные, несправедливые доносы, надѣлалъ тьму несчастныхъ. Само собой разумѣется[4], что такіе поступки не могли не достигнуть, наконецъ, престола. Великодушная государыня ужаснулась и, полная благородства души, украшающаго вѣнценосцевъ, произнесла слова, которыя хотя не могли перейти къ намъ во всей точности, но глубокій смыслъ ихъ впечатлѣлся въ сердцахъ многихъ[5]. Государыня замѣтила, что не подъ монархическимъ правленіемъ угнетаются высокія, благородныя движенья души, не тамъ презираются и преслѣдуются творенья ума, поэзіи и художествъ; что, напротивъ, одни монархи бывали ихъ покровителями; что Шекспиры, Мольеры, процвѣтали подъ ихъ великодушной защитой[6], между тѣмъ, какъ Дантъ не могъ найти угла въ своей республиканской родинѣ; что истинные геніи возникаютъ во время блеска и могущества государей и государствъ, а не во время безобразныхъ политическихъ явленій и терроризмовъ республиканскихъ, которые доселѣ не подарили міру ни одного поэта; что нужно отличать поэтовъ-художниковъ[7], ибо одинъ только миръ и прекрасную тишину низводятъ они въ душу, а не волненье и ропотъ; что ученые, поэты и всѣ производители искусствъ[8] суть перлы и брилліанты въ императорской коронѣ: ими красуется и получаетъ еще большій блескъ эпоха великаго государя. Словомъ, государыня, произнесшая эти[9] слова, была въ ту[10] минуту божественно прекрасна[11]. Я помню, что старики не могли объ этомъ говорить безъ слезъ[12]. Въ дѣлѣ всѣ приняли участіе[13]. Къ чести нашей народной гордости надобно[14] замѣтить, что въ русскомъ сердцѣ всегда обитаетъ прекрасное чувство взять сторону угнетеннаго. Обманувшій довѣренность вельможа былъ наказанъ примѣрно и отставленъ отъ мѣста. Но наказаніе гораздо ужаснѣйшее[15] читалъ онъ на лицахъ своихъ соотечественниковъ: это было рѣшительное и всеобщее презрѣніе. Нельзя разсказать, какъ страдала[16] тщеслав-

ная[1] душа: гордость, обманутое честолюбіе, разрушившіяся надежды, все соединилось вмѣстѣ[2], и въ припадкахъ страшнаго безумія и бѣшенства прервалась его жизнь.

„Другой разительный примѣръ произошелъ тоже въ виду всѣхъ: изъ красавицъ, которыми не бѣдна была тогда наша сѣверная столица, одна одержала рѣшительное первенство надъ всѣми. Это было какое-то чудное сліянье нашей сѣверной красоты съ красотой полудня, — бриллiантъ, какой попадается на свѣтѣ рѣдко. Отецъ мой признавался, что никогда онъ не видывалъ во всю жизнь свою ничего подобнаго. Все, казалось, въ ней соединилось: богатство, умъ и душевная прелесть. Искателей была толпа и въ числѣ ихъ замѣчательнѣе всѣхъ былъ князь Р., благороднѣйшій, лучшій изъ всѣхъ молодыхъ людей, прекраснѣйшій и лицомъ и рыцарскими, великодушными порывами, высокій идеалъ романовъ и женщинъ, Грандисонъ[3] во всѣхъ отношеніяхъ. Князь Р. былъ влюбленъ страстно и безумно; такая же пламенная любовь была ему отвѣтомъ. Но родственникамъ показалась партія неровною. Родовыя вотчины князя уже давно ему не принадлежали, фамилія была въ опалѣ[4], и плохое положенье дѣлъ его было извѣстно всѣмъ. Вдругъ князь оставляетъ на время столицу, будто бы съ тѣмъ, чтобы поправить свои дѣла, и, спустя непродолжительное время, является окруженный пышностью и блескомъ неимовѣрнымъ. Блистательные балы и праздники дѣлаютъ его извѣстнымъ двору. Отецъ красавицы становится благосклоннымъ, и въ городѣ разыгрывается интереснѣйшая свадьба. Откуда произошла такая перемѣна и неслыханное богатство жениха, этого не могъ навѣрно изъяснить никто; но поговаривали стороною, что онъ вошелъ въ какія-то условія съ непостижимымъ ростовщикомъ и сдѣлалъ у него заемъ. Какъ бы то ни было, но свадьба[5] заняла весь городъ: и женихъ и невѣста были предметомъ общей зависти. Всѣмъ была извѣстна ихъ жаркая, постоянная любовь, долгія томленья, претерпѣнныя съ обѣихъ сторонъ, высокія достоинства обоихъ[6]. Пламенныя женщины начертывали заранѣе[7] то райское блаженство, которымъ будутъ наслаждаться молодые супруги[8]. Но вышло все иначе. Въ одинъ годъ произошла страшная перемѣна въ мужѣ. Ядомъ подозрительной ревности, нетерпимостью и неисто-

щимыми капризами отравился его[1] дотолѣ благородный и прекрасный[2] характеръ. Онъ сталъ тираномъ и мучителемъ жены своей, и, чего бы никто не могъ предвидѣть, прибѣгнулъ къ самымъ безчеловѣчнымъ поступкамъ, даже побоямъ. Въ одинъ годъ[3] никто не могъ узнать той женщины, которая еще недавно блистала и влекла за собою толпы покорныхъ поклонниковъ. Наконецъ, не въ силахъ будучи выносить долѣе тяжелой судьбы своей, она первая заговорила о разводѣ. Мужъ пришелъ въ бѣшенство при одной мысли о томъ[4]. Въ первомъ движеньи неистовства, ворвался онъ къ ней въ комнату съ ножемъ и, безъ сомнѣнія, закололь бы ее тутъ же, если бы его не схватили и не удержали[5]. Въ порывѣ изступленья и отчаянья, онъ обратилъ[6] ножъ на себя — и въ ужаснѣйшихъ мукахъ окончилъ жизнь.

„Кромѣ этихъ[7] двухъ примѣровъ, совершившихся въ глазахъ всего общества, разсказывали множество случившихся[8] въ низшихъ классахъ, которые[9] почти всѣ имѣли ужасный конецъ. Тамъ честный, трезвый человѣкъ сдѣлался пьяницей; тамъ купеческій прикащикъ обворовывалъ[10] своего хозяина; тамъ извощикъ, возившій нѣсколько лѣтъ честно, за грошъ зарѣзалъ сѣдока. Нельзя, чтобы такія происшествія, разсказываемыя иногда не безъ прибавленій, не навели родъ какого-то невольнаго ужаса на скромныхъ обитателей Коломны. Никто не сомнѣвался о присутствіи нечистой силы[11] въ этомъ человѣкѣ. Говорили, что онъ предлагалъ такія условія, отъ которыхъ дыбомъ подымались волоса[12] и которыхъ никогда потомъ не посмѣлъ несчастный передавать другому; что деньги его имѣютъ прожигающее[13] свойство, раскаляются сами собою и носятъ какіе-то странные значки[14]... словомъ, много было о немъ[15] всякихъ нелѣпыхъ толковъ. И замѣчательно то[16], что все это коломенское населеніе[17], весь этотъ міръ бѣдныхъ старухъ, мелкихъ чиновниковъ, мелкихъ артистовъ и, словомъ, всей мелюзги, которую мы только поименовали, соглашались лучше терпѣть и выносить послѣднюю крайность, чѣмъ[18] обратиться къ страшному ростовщику; находили даже околѣвшихъ[19] отъ голода старухъ, которыя лучше соглашались умертвить свое тѣло, чѣмъ[20] погубить душу. Встрѣчаясь[21] съ нимъ на улицѣ, невольно чувствовали страхъ. Пѣшеходъ осторожно пятился и долго еще озирался[22] послѣ того назадъ, слѣдя про-

падавшую вдали его непомѣрно высокую фигуру[1]. Въ одномъ уже образѣ было столько необыкновеннаго, что всякаго заставило бы невольно приписать ему сверхъестественное существованіе. Эти сильныя черты, врѣзанныя такъ глубоко, какъ не случается у человѣка; этотъ горячій, бронзовый цвѣтъ лица; эта непомѣрная гущина бровей, невыносимые, страшные глаза, даже самыя широкія складки его азіатской одежды, — все, казалось, какъ будто говорило, что предъ страстями, двигавшимися въ этомъ тѣлѣ, были блѣдны всѣ страсти другихъ людей. Отецъ мой всякій разъ останавливался неподвижно, когда встрѣчалъ его, и всякій разъ не могъ удержаться, чтобы не произнести: „Дьяволъ, совершенный дьяволъ!“ Но надобно васъ поскорѣе познакомить съ моимъ отцомъ, который, между прочимъ, есть настоящій сюжетъ этой исторіи.

„Отецъ мой былъ человѣкъ замѣчательный во многихъ отношеніяхъ. Это былъ художникъ, какихъ мало, — одно изъ тѣхъ чудъ, которыхъ извергаетъ изъ непочатаго лона своего только одна Русь[2], художникъ-самоучка, отыскавшій самъ въ душѣ своей, безъ учителей и школы, правила и законы, увлеченный только одною жаждою усовершенствованья и шедшій, по причинамъ, можетъ быть, неизвѣстнымъ ему самому, одной только указанной изъ души дорогою: одно изъ тѣхъ самородныхъ чудъ, которыхъ часто современники честятъ обиднымъ словомъ „невѣжи“, и которые, не охлаждаясь[3] отъ охуленій и собственныхъ неудачъ, получаютъ только новыя рвенья и силы и уже далеко въ душѣ своей уходятъ отъ тѣхъ произведеній, за которыя получили титло невѣжи[4]. Высокимъ внутреннимъ инстинктомъ почуялъ онъ[5] присутствіе мысли въ каждомъ предметѣ; постигнулъ самъ собой истинное значеніе слова: „историческая живопись“; постигнулъ, почему простую головку[6], простой портретъ Рафаэля, Леонардо-да-Винчи, Тиціана, Корреджіо можно назвать историческою живописью, и почему огромная картина историческаго содержанія все-таки будетъ tableau de genre[7], не смотря на всѣ притязанья художника на историческую живопись. И внутреннее чувство[8], и собственное убѣжденье обратили кисть его къ христіанскимъ предметамъ, высшей и послѣдней ступени высокаго[9]. У него не было честолюбія или раздражительности, столь неотлучной отъ характера многихъ художниковъ[10]. Это

былъ твердый характеръ, честный, прямой человѣкъ, даже грубый, покрытый снаружи нѣсколько черствой корою, не безъ нѣкоторой гордости въ душѣ, отзывавшійся о людяхъ вмѣстѣ и снисходительно, и рѣзко. „Что на нихъ глядѣть?“ обыкновенно говорилъ онъ: „вѣдь я не для нихъ работаю. Не въ гостиную понесу я мои картины. Кто пойметъ меня, поблагодаритъ; не пойметъ — все-таки помолится Богу[1]. Свѣтскаго человѣка нечего винить, что онъ не смыслитъ живописи: зато онъ смыслитъ въ картахъ, знаетъ толкъ въ хорошемъ винѣ, въ лошадяхъ — зачѣмъ знать больше барину? Еще, пожалуй, какъ попробуетъ того да другаго, да пойдетъ умничать, тогда и житья отъ него не будетъ! Всякому свое, всякій пусть занимается своимъ. По мнѣ, ужъ лучше тотъ человѣкъ, который говоритъ прямо, что онъ не знаетъ толку, чѣмъ[2] тотъ, который лицемѣритъ[3]: говоритъ, будто бы знаетъ то, чего не знаетъ, и только гадитъ да портитъ“. Онъ работалъ за небольшую плату, то есть[4], за плату, которая была нужна ему только для поддержанья семейства и для доставленья возможности трудиться. Кромѣ того, онъ ни въ какомъ случаѣ не отказывался помочь другому и протянуть руку помощи бѣдному художнику; вѣровалъ простой, благочестивой вѣрою предковъ, и оттого, можетъ быть, на изображенныхъ имъ лицахъ являлось само собою то высокое выраженье, до котораго не могли докопаться блестящіе таланты. Наконецъ, постоянствомъ своего труда и неуклонностью начертаннаго себѣ пути онъ сталъ даже пріобрѣтать уваженье со стороны тѣхъ, которые честили его невѣжей и доморощеннымъ самоучкой. Ему давали безпрестанные[5] заказы въ церкви — и работа у него не переводилась. Одна изъ работъ заняла его сильно. Не помню уже, въ чемъ именно состоялъ сюжетъ ея, знаю только то̀ — на картинѣ нужно было помѣстить духа тьмы. Долго думалъ онъ надъ тѣмъ, какой дать ему образъ[6]: ему хотѣлось осуществить въ лицѣ его все тяжелое, гнетущее человѣка. При такихъ размышленіяхъ иногда проносился въ головѣ его образъ таинственнаго ростовщика, и онъ думалъ невольно: „Вотъ бы съ кого мнѣ слѣдовало[7] написать дьявола!“ Судите же объ его изумленіи, когда одинъ разъ, работая въ своей мастерской, услышалъ онъ стукъ въ дверь, и вслѣдъ за тѣмъ прямо вошелъ къ нему ужасный

ростовщикъ. Онъ не могъ не почувствовать какой-то внутренней дрожи, которая пробѣжала невольно по его тѣлу.

„Ты художникъ?“ сказалъ онъ безъ всякихъ церемоній моему отцу.

„Художникъ“, сказалъ отецъ въ недоумѣньи, ожидая, что̀ будетъ далѣе.

„Хорошо. Нарисуй съ меня портретъ. Я, можетъ быть, скоро умру, дѣтей у меня нѣтъ; но я не хочу умереть совершенно, я хочу жить. Можешь ли ты нарисовать такой портретъ, чтобы былъ совершенно какъ живой?“

„Отецъ мой подумалъ: „Чего лучше? онъ самъ просится въ дьяволы ко мнѣ на картину“. Далъ слово. Они уговорились во времени и цѣнѣ и на другой же день, схвативши палитру и кисти, отецъ мой уже былъ у него. Высокій дворъ, собаки, желѣзныя двери и затворы, дугообразныя окна, сундуки, покрытые странными коврами и, наконецъ, самъ необыкновенный хозяинъ, сѣвшій неподвижно передъ нимъ, — все это произвело на него странное впечатлѣнье. Окна, какъ нарочно, были заставлены и загромождены снизу такъ, что давали свѣтъ только съ одной верхушки. „Чортъ побери, какъ теперь хорошо освѣтилось его лицо!“ сказалъ онъ про-себя, и принялся жадно писать, какъ бы опасаясь, чтобы какъ-нибудь не исчезло счастливое освѣщенье. „Экая сила!“ повторялъ[1] онъ про-себя: „если я хотя вполовину изображу его такъ, какъ онъ есть теперь, онъ убьетъ всѣхъ моихъ святыхъ и ангеловъ: они поблѣднѣютъ предъ нимъ. Какая дьявольская сила![2] онъ у меня, просто, выскочитъ изъ полотна, если только хоть немного буду вѣренъ натурѣ. Какія необыкновенныя черты!“ повторялъ онъ безпрестанно, усугубляя рвенье,[3] и уже видѣлъ самъ, какъ стали переходить на полотно нѣкоторыя черты. Но чѣмъ болѣе онъ приближался къ нимъ, тѣмъ болѣе чувствовалъ[4] какое-то тягостное, тревожное чувство, непонятное себѣ самому. Однакоже, не смотря на то, онъ положилъ себѣ преслѣдовать съ буквальною точностью всякую незамѣтную черту и выраженье. Прежде всего занялся онъ отдѣлкою глазъ. Въ этихъ глазахъ столько было силы, что, казалось, нельзя бы и помыслить[5] передать ихъ такъ[6], какъ были въ натурѣ. Однакоже[7], во что бы то ни стало, онъ рѣшился доискаться въ нихъ послѣдней мелкой черты и оттѣнка,

постигнуть ихъ тайну... Но какъ только[1] началъ онъ входить и углубляться въ нихъ кистью, въ душѣ его возродилось такое странное отвращенье[2], такая непонятная тягость, что онъ долженъ былъ на нѣсколько времени бросить кисть и потомъ приниматься вновь. Наконецъ, уже не могъ онъ болѣе выносить: онъ чувствовалъ, что эти глаза вонзались[3] ему въ душу и производили въ ней тревогу непостижимую[4]. На другой, на третій день это было еще сильнѣе. Ему сдѣлалось страшно. Онъ бросилъ кисть и сказалъ наотрѣзъ, что не можетъ болѣе писать съ него. Надобно было видѣть, какъ измѣнился при этихъ словахъ страшный[5] ростовщикъ. Онъ бросился къ нему въ ноги и молилъ кончить портретъ, говоря, что отъ этого[6] зависитъ судьба его и существованье въ мірѣ; что уже онъ тронулъ своею кистью его живыя черты; что если онъ передастъ ихъ вѣрно, жизнь его сверхъестественною силою удержится въ портретѣ; что онъ чрезъ то не умретъ совершенно; что ему нужно присутствовать въ мірѣ. Отецъ мой почувствовалъ ужасъ отъ такихъ словъ: они ему показались до того странны и страшны, что онъ бросилъ и кисти, и палитру, и бросился опрометью вонъ изъ комнаты.

„Мысль о томъ тревожила его весь день и всю ночь; а поутру онъ получилъ отъ ростовщика портретъ, который принесла ему какая-то женщина, единственное существо, бывшее у него въ услугахъ, объявившая тутъ же, что хозяинъ не хочетъ портрета, не даетъ за него ничего и присылаетъ назадъ. Ввечеру того же дни[7] узналъ онъ, что ростовщикъ умеръ и что собираются уже хоронить его по обрядамъ его религіи. Все это казалось ему неизъяснимо-странно. А между тѣмъ съ этого времени оказалась въ характерѣ его ощутительная перемѣна: онъ чувствовалъ неспокойное, тревожное состояніе, которому самъ не могъ понять причины, и скоро сдѣлалъ[8] онъ такой поступокъ, котораго бы никто не могъ отъ него ожидать. Съ нѣкотораго времени труды одного изъ учениковъ его начали привлекать вниманіе небольшаго круга знатоковъ и любителей. Отецъ мой всегда видѣлъ въ немъ талантъ и оказывалъ ему за то свое особенное расположенье. Вдругъ почувствовалъ онъ къ нему зависть. Всеобщее участіе и толки о немъ сдѣлались ему невыносимы. Наконецъ,

къ довершенью досады, узнаетъ онъ, что ученику его предложили написать картину для вновь отстроенной богатой церкви. Это его взорвало. „Нѣтъ, не дамъ же молокососу восторжествовать!" говорилъ онъ: „рано, братъ, вздумалъ стариковъ сажать въ грязь! Еще, слава Богу, есть у меня силы. Вотъ мы увидимъ, кто кого скорѣе посадитъ въ грязь". И прямодушный, чистый въ душѣ человѣкъ употребилъ интриги и происки, которыми дотолѣ всегда гнушался; добился, наконецъ, того, что на картину объявленъ былъ конкурсъ и другіе художники могли войти также съ своими работами. послѣ чего заперся онъ въ свою комнату и съ жаромъ принялся за кисть. Казалось, всѣ свои силы, всего себя хотѣлъ онъ сюда собрать. И, точно, это вышло одно изъ лучшихъ его произведеній. Никто не сомнѣвался, чтобы не за нимъ осталось первенство. Картины были представлены, и всѣ прочія показались предъ нею, какъ ночь предъ днемъ. Какъ вдругъ одинъ изъ присутствовавшихъ членовъ, если не ошибаюсь, духовная особа, сдѣлалъ замѣчаніе, поразившее всѣхъ. „Въ картинѣ художника, точно, есть много таланта", сказалъ онъ: „но нѣтъ святости въ лицахъ; есть даже, напротивъ того, что-то демонское въ глазахъ, какъ-будто бы рукою художника водило нечистое чувство". Всѣ взглянули и не могли не убѣдиться въ истинѣ этихъ[1] словъ. Отецъ мой бросился впередъ къ своей картинѣ, какъ бы съ тѣмъ, чтобы повѣрить самому такое обидное замѣчаніе, и съ ужасомъ увидѣлъ, что онъ всѣмъ почти фигурамъ придалъ глаза ростовщика. Они такъ глядѣли демонски-сокрушительно, что онъ самъ невольно вздрогнулъ. Картина была отвергнута, и онъ долженъ былъ, къ неописанной своей досадѣ, услышать, что первенство осталось за его ученикомъ. Невозможно было описать того бѣшенства, съ которымъ[2] онъ возвратился домой. Онъ чуть не прибилъ мать мою, разогналъ дѣтей, переломалъ кисти и мольбертъ, схватилъ со стѣны портретъ ростовщика, потребовалъ ножа и велѣлъ разложить огонь въ каминѣ, намѣреваясь изрѣзать его въ куски и сжечь. На этомъ движеньи засталъ его вошедшій въ комнату пріятель, живописецъ, какъ и онъ, весельчакъ, всегда довольный собой, не заносившійся никакими отдаленными желаніями, работавшій весело все, что

попадалось, и еще веселѣй того принимавшійся за обѣдъ и пирушку.

„Что̀ ты дѣлаешь? что̀ собираешься жечь?“ сказалъ онъ и подошелъ къ портрету. „Помилуй, это одно изъ самыхъ лучшихъ твоихъ произведеній. Это ростовщикъ, который недавно[1] умеръ; да это совершеннѣйшая вещь. Ты ему, просто, попалъ не въ бровь, а въ самые глаза залѣзъ. Такъ въ жизнь никогда не глядѣли глаза, какъ они глядятъ у тебя“.

„А вотъ я посмотрю, какъ они будутъ глядѣть въ огнѣ!“ сказалъ отецъ, сдѣлавши движенье швырнуть портретъ[2] въ каминъ.

„Остановись, ради Бога!“ сказалъ пріятель удержавъ его: „отдай его ужъ лучше мнѣ, если онъ тебѣ до такой степени[3] колетъ глазъ“[4]. Отецъ сначала упорствовалъ, наконецъ согласился, и весельчакъ, чрезвычайно довольный своимъ пріобрѣтеньемъ, утащилъ портретъ съ собою.

По уходѣ его, отецъ мой вдругъ почувствовалъ себя спокойнѣе. Точно, какъ будто бы вмѣстѣ съ портретомъ свалилась тяжесть съ его души. Онъ самъ изумился своему злобному чувству, своей зависти и явной перемѣнѣ своего характера. Разсмотрѣвши поступокъ свой[5], онъ опечалился душою и, не безъ внутренней скорби, произнесъ: „Нѣтъ, это Богъ наказалъ меня; картина моя подѣло̀мъ понесла посрамленье. Она была замышлена съ тѣмъ, чтобы погубить брата. Демонское чувство зависти водило моею кистью, демонское чувство должно было и отразиться въ ней“. Онъ немедленно отправился искать бывшаго ученика своего, обнялъ его крѣпко, просилъ у него прощенья и старался, сколько могъ, загладить предъ нимъ вину свою. Работы его вновь потекли попрежнему безмятежно[6]; но задумчивость стала показываться чаще на его лицѣ. Онъ больше молился, чаще бывалъ молчаливъ и не выражался такъ рѣзко о людяхъ; самая грубая наружность его характера какъ-то умягчилась. Скоро одно обстоятельство еще болѣе потрясло его. Онъ уже давно не видался съ товарищемъ своимъ, выпросившимъ у него портретъ. Уже собирался было итти его провѣдать, какъ вдругъ онъ самъ вошелъ неожиданно въ его комнату. Послѣ нѣсколькихъ словъ и вопросовъ съ обѣихъ сторонъ, онъ сказалъ: „Ну, братъ, не даромъ ты хотѣлъ сжечь портретъ. Чортъ его побери, въ немъ есть что-то страш-

ное[1]... Я вѣдьмамъ не вѣрю, но, воля твоя, въ немъ сидитъ нечистая сила..."

„Какъ?" сказалъ отецъ мой.

„А такъ, что съ тѣхъ поръ, какъ повѣсилъ я къ себѣ его въ комнату, почувствовалъ тоску такую... точно, какъ будто бы хотѣлъ кого-то зарѣзать. Въ жизнь мою я не зналъ, что̀ такое безсонница, а теперь испыталъ[2] не только безсонницу, но сны такіе[3]... я и самъ не умѣю сказать, сны ли это, или что̀ другое: точно домовой тебя душитъ и все мерещится проклятый старикъ. Однимъ словомъ, не могу разсказать тебѣ моего состоянія. Подобнаго[4] со мной никогда не бывало. Я бродилъ, какъ шальной, всѣ эти дни: чувствовалъ какую-то боязнь, непріятное ожиданье чего-то[5]. Чувствую, что не могу сказать никому веселаго, искренняго[6] слова[7]; точно, какъ будто возлѣ меня сидитъ шпіонъ какой-нибудь. И только съ тѣхъ поръ, какъ отдалъ портретъ племяннику, который напросился на него, почувствовалъ, что съ меня вдругъ будто какой-то камень свалился съ плечъ: вдругъ почувствовалъ себя веселымъ, какъ видишь[8]. Ну, братъ, состряпалъ ты чорта!"

„Во время[9] этого разсказа отецъ мой слушалъ его съ неразвлекаемымъ вниманіемъ[10] и, наконецъ, спросилъ: „И портретъ теперь у твоего племянника?"

„Куда у племянника! не выдержалъ!" сказалъ весельчакъ: „знать[11], душа самого ростовщика переселилась въ него: онъ выскакиваетъ изъ рамъ, расхаживаетъ по комнатѣ, и то, что̀ разсказываетъ племянникъ, просто уму непонятно. Я бы принялъ его за сумасшедшаго, если бы отчасти не испыталъ самъ[12]. Онъ его продалъ какому-то собирателю картинъ, да и тотъ не вынесъ его и тоже кому-то сбылъ съ рукъ".

„Этотъ разсказъ произвелъ сильное впечатлѣнье на моего отца. Онъ задумался не въ шутку, впалъ въ ипохондрію и, наконецъ, совершенно увѣрился въ томъ, что кисть его послужила дьявольскимъ орудіемъ, что часть жизни ростовщика перешла въ самомъ дѣлѣ какъ-нибудь въ портретъ и тревожитъ теперь людей, внушая бѣсовскія побужденія, совращая художника съ пути, порождая страшныя терзанья зависти, и проч., и проч. Три случившіяся вслѣдъ за тѣмъ несчастія, три внезапныя смерти: жены, дочери и малолѣтняго[13] сына, почелъ[14] онъ небесною казнью себѣ и рѣшился непремѣнно оставить свѣтъ.

Какъ только минуло мнѣ девять лѣтъ, онъ помѣстилъ меня въ академію художествъ и, расплатясь съ своими должниками, удалился въ одну уединенную обитель, гдѣ скоро постригся въ монахи. Тамъ строгостью жизни, неусыпнымъ соблюденьемъ всѣхъ монастырскихъ правилъ онъ изумилъ всю братью. Настоятель монастыря, узнавши объ искусствѣ его кисти, требовалъ отъ него написать главный образъ въ церковь. Но смиренный братъ сказалъ наотрѣзъ, что онъ недостоинъ взяться за кисть, что она осквернена, что трудомъ и великими жертвами онъ долженъ прежде очистить свою душу, чтобы удостоиться приступить къ такому дѣлу. Его не хотѣли принуждать. Онъ самъ увеличивалъ для себя, сколько было возможно, строгость монастырской жизни. Наконецъ, уже и она становилась ему недостаточною и не довольно строгою. Онъ удалился, съ благословенья настоятеля, въ пустынь, чтобъ быть совершенно одному. Тамъ изъ древесныхъ вѣтвей выстроилъ онъ себѣ келью, питался одними сырыми кореньями, таскалъ на себѣ камни съ мѣста на мѣсто, стоялъ отъ восхода до захода [1] солнечнаго на одномъ и томъ же мѣстѣ съ подъятыми [2] къ небу руками, читая безпрерывно [3] молитвы,—словомъ, изыскивалъ, казалось, всѣ возможныя степени терпѣнья и того непостижимаго самоотверженья, которому примѣры можно развѣ найти въ однихъ только [4] житіяхъ святыхъ. Такимъ образомъ, долго, въ продолженіи [5] нѣсколькихъ лѣтъ, изнурялъ онъ свое тѣло, подкрѣпляя его въ то же время живительною силою молитвы. Наконецъ, въ одинъ день пришелъ онъ въ обитель и сказалъ твердо настоятелю: „Теперь я готовъ; если Богу угодно, я совершу свой трудъ". Предметъ, взятый имъ, было Рождество Іисуса. Цѣлый годъ сидѣлъ онъ за нимъ, не выходя изъ своей кельи, едва питая [6] себя суровой пищей, молясь безпрестанно. По истеченіи года картина была готова. Это было, точно, чудо кисти. Надобно знать, что ни братья, ни настоятель не имѣли большихъ свѣдѣній въ живописи, но всѣ были поражены необыкновенной святостью фигуръ. Чувство божественнаго смиренья и кротости въ лицѣ Пречистой Матери, склонившейся [7] надъ Младенцемъ, глубокій разумъ въ очахъ Божественнаго Младенца, какъ будто уже что-то прозрѣвающихъ вдали, торжественное молчанье пораженныхъ божественнымъ чудомъ царей, повергнувшихся къ ногамъ Его [8], и, наконецъ, святая, невыра-

зимая тишина, обнимающая всю картину, — все это предстало въ такой согласной силѣ и могуществѣ красоты[1], что впечатлѣнье было магическое. Вся братья повергласъ на колѣни предъ новымъ образомъ, и умиленный настоятель произнесъ: „Нѣтъ, нельзя человѣку съ помощью одного человѣческаго искусства произвести такую картину: святая, высшая сила водила твоею кистью, и благословенье небесъ почило на трудѣ твоемъ“.

„Въ это время окончилъ я свое ученье въ академіи, получилъ золотую медаль и вмѣстѣ съ нею радостную надежду на путешествіе въ Италію — лучшую мечту двадцатилѣтняго художника. Мнѣ оставалось только проститься съ моимъ отцомъ, съ которымъ уже двѣнадцать лѣтъ какъ я разстался[2]. Признаюсь, даже самый образъ его давно исчезнулъ изъ моей памяти. Я уже нѣсколько наслышался[3] о суровой святости его жизни и заранѣе воображалъ себѣ[4] встрѣтить черствую наружность отшельника, чуждаго всему въ мірѣ, кромѣ своей кельи и молитвы, изнуреннаго, высохшаго отъ вѣчнаго поста и бдѣнья. Но какъ же я изумился, когда предсталъ предо мною прекрасный, почти божественный старецъ! И слѣдовъ изможденія не было замѣтно на его лицѣ: оно сіяло свѣтлостью небеснаго веселья. Бѣлая, какъ снѣгъ, борода и тонкіе, почти воздушные волосы такого же серебристаго[5] цвѣта разсыпались картинно[6] по груди и по складкамъ его черной рясы и падали до самаго вервія, которымъ опоясывалась его убогая монашеская одежда. Но болѣе всего изумительно было для меня услышать изъ устъ его такія слова и мысли объ искусствѣ, которыя, признаюсь, я долго буду хранить въ душѣ и желалъ бы искренно, чтобы всякій мой собратъ сдѣлалъ то же.

„Я ждалъ тебя, сынъ мой“, сказалъ онъ, когда я подошелъ къ его благословенью. „Тебѣ предстоитъ путь, по которому отнынѣ потечетъ жизнь твоя[7]. Путь твой чистъ — не совратись съ него. У тебя есть талантъ; талантъ есть драгоцѣннѣйшій даръ Бога — не погуби его. Изслѣдуй, изучай все, что ни видишь, покори все кисти; но во всемъ умѣй находить внутреннюю мысль и пуще[8] всего старайся постигнуть высокую тайну созданья. Блаженъ избранникъ, владѣющій ею. Нѣтъ ему низкаго предмета въ природѣ. Въ ничтожномъ художникъ-создатель такъ же великъ, какъ и въ великомъ; въ презрѣнномъ у него уже нѣтъ презрѣннаго, ибо сквозитъ не-

видимо сквозь него прекрасная душа создавшаго, и презрѣнное уже получило высокое выраженіе, ибо протекло сквозь чистилище его души... Намекъ о божественномъ, небесномъ раѣ заключенъ для человѣка въ искусствѣ и по тому одному оно уже выше всего. И во сколько разъ [1] торжественный покой выше всякаго волненья мірскаго; во сколько разъ [2] творенье [3] выше разрушенья; во сколько разъ [4] ангелъ одной только чистой невинностью свѣтлой души своей выше всѣхъ несмѣтныхъ силъ и гордыхъ страстей сатаны, — во столько разъ выше всего [5], что ни есть на свѣтѣ, высокое созданье искусства. Все принеси ему въ жертву и возлюби его всей страстью, — не страстью, дышущею земнымъ вожделѣньемъ, но тихой [6], небесной страстью: безъ нея не властенъ человѣкъ возвыситься отъ земли и не можетъ дать чудныхъ звуковъ успокоенія: ибо для успокоенья и примиренья всѣхъ нисходитъ въ міръ высокое созданіе искусства. Оно не можетъ поселить ропота въ душу [7], но звучащей молитвой стремится вѣчно къ Богу. Но есть минуты, темныя минуты..." Онъ остановился, и я замѣтилъ, что вдругъ омрачился свѣтлый ликъ его, какъ будто бы на него набѣжало какое-то мгновенное облако. „Есть одно происшествіе въ моей жизни", сказалъ онъ. „Донынѣ я не могу понять, кто [8] былъ тотъ странный образъ, съ котораго я написалъ изображеніе. Это было точно какое-то дьявольское явленіе. Я знаю, свѣтъ отвергаетъ существованье дьявола, и потому не буду говорить о немъ; но скажу только, что я съ отвращеніемъ писалъ его: я не чувствовалъ въ то время никакой любви къ своей работѣ. Насильно хотѣлъ покорить себя и бездушно, заглушивъ все [9], быть вѣрнымъ природѣ. Это не было созданье искусства, и потому чувства, которыя объемлютъ всѣхъ при взглядѣ на него, суть уже мятежныя чувства, тревожныя чувства, не чувства художника, ибо художникъ и въ тревогѣ дышитъ покоемъ. Мнѣ говорили, что портретъ этотъ ходитъ по рукамъ и разсѣваетъ [10] томительныя впечатлѣнья, зарождая въ художникѣ чувства [11] зависти, мрачной ненависти къ брату, злобную жажду производить гоненья и угнетенья. Да хранитъ тебя Всевышній отъ сихъ страстей! Нѣтъ ихъ страшнѣе. Лучше вынести всю горечь возможныхъ гоненій, чѣмъ [12] нанести кому-либо одну тѣнь гоненья. Спасай чистоту души своей. Кто заключилъ въ себѣ талантъ, тотъ чище [13] всѣхъ долженъ быть

душою. Другому простится многое, но ему не простится. Человѣку, который вышелъ изъ дому[1] въ свѣтлой праздничной одеждѣ, стòитъ только быть обрызнуту одною каплей[2] грязи изъ-подъ колеса, и уже весь народъ обступилъ его и указываетъ на него пальцемъ, и толкуетъ объ его неряшествѣ, тогда какъ тотъ же народъ не замѣчаетъ множества пятенъ на другихъ проходящихъ, одѣтыхъ въ будничныя одежды, ибо на будничныхъ одеждахъ не замѣчаются[3] пятна".

„Онъ благословилъ меня и обнялъ. Никогда въ жизни не былъ я такъ возвышенно подвигнутъ. Благоговѣйно, болѣе, чѣмъ[4] съ чувствомъ сына, прильнулъ я къ груди его и поцѣловалъ въ разсыпавшіеся его серебряные волосы.

„Слеза блеснула въ его глазахъ. „Исполни, сынъ мой, одну мою просьбу", сказалъ онъ мнѣ уже при самомъ разставаньи. „Можетъ быть, тебѣ случится увидать[5] гдѣ-нибудь тотъ портретъ, о которомъ я говорилъ тебѣ,— ты его узнаешь вдругъ по необыкновеннымъ глазамъ и неестественному ихъ выраженію,—во что̀ бы то ни было, истреби его..."

„Вы можете судить сами, могъ ли я не обѣщать клятвенно исполнить такую просьбу. Въ продолженіе цѣлыхъ пятнадцати лѣтъ не случалось мнѣ встрѣтить ничего такого, что̀ бы хотя сколько-нибудь походило на описаніе, сдѣланное моимъ отцомъ, какъ вдругъ теперь на аукціонѣ..."

Здѣсь художникъ, не договоривъ еще своей рѣчи, обратилъ глаза на стѣну съ тѣмъ, чтобы взглянуть еще разъ на портретъ. То же самое движеніе сдѣлала въ одинъ мигъ вся толпа слушавшихъ, ища глазами необыкновеннаго портрета. Но, къ величайшему изумленію, его уже не было на стѣнѣ. Невнятный говоръ и шумъ пробѣжалъ по всей толпѣ, и вслѣдъ за тѣмъ послышались явственно слова: „украденъ". Кто-то успѣлъ уже стащить его, воспользовавшись вниманьемъ[6] слушателей, увлеченныхъ разсказомъ. И долго всѣ присутствовавшіе оставались въ недоумѣніи, не зная, дѣйствительно ли они видѣли эти необыкновенные глаза, или же это была[7], просто, мечта, представшая только на мигъ глазамъ ихъ, утружденнымъ долгимъ разсматриваньемъ старинныхъ картинъ.

———∞———

ШИНЕЛЬ.

Въ департаментѣ... но лучше не называть, въ какомъ департаментѣ. Ничего нѣтъ сердитѣе всякаго рода департаментовъ, полковъ, канцелярій и, словомъ, всякаго рода должностныхъ сословій. Теперь уже всякій частный человѣкъ считаетъ въ лицѣ своемъ оскорбленнымъ все общество. Говорятъ, весьма недавно поступила просьба отъ одного капитанъ-исправника, не помню, какого-то города, въ которой онъ излагаетъ ясно, что гибнутъ государственныя постановленія, и что священное имя его произносится рѣшительно всуе; а въ доказательство приложилъ къ просьбѣ преогромнѣйшій томъ какого-то романтическаго сочиненія, гдѣ, чрезъ каждыя десять страницъ, является капитанъ-исправникъ, мѣстами даже совершенно въ пьяномъ видѣ. Итакъ, во избѣжаніе всякихъ непріятностей, лучше департаментъ, о которомъ идетъ дѣло, мы назовемъ *однимъ департаментомъ*. Итакъ, *въ одномъ департаментѣ* служилъ *одинъ чиновникъ*, — чиновникъ, нельзя сказать, чтобы очень замѣчательный: низенькаго роста, нѣсколько рябоватъ, нѣсколько рыжеватъ, нѣсколько даже на видъ подслѣповатъ, съ небольшой лысиной на лбу, съ морщинами по обѣимъ сторонамъ щекъ и цвѣтомъ лица, что̀ называется геморроидальнымъ... Что̀ жъ дѣлать! виноватъ петербургскій климатъ. Что̀ касается до чина (ибо у насъ прежде всего нужно объявить чинъ), то онъ былъ то̀, что̀ называютъ вѣчный титулярный совѣтникъ, надъ которымъ, какъ извѣстно, натрунились и наострились вдоволь разные писатели, имѣющіе похвальное обыкновенье налегать на тѣхъ, которые не могутъ кусаться. Фамилія чиновника была Башмачкинъ. Уже по самому имени видно, что она когда-то произошла отъ башмака: но

когда, въ какое время и какимъ образомъ произошла она отъ башмака, — ничего этого неизвѣстно. И отецъ, и дѣдъ, и даже шуринъ, и всѣ совершенно Башмачкины ходили въ сапогахъ, перемѣняя только раза три въ годъ подметки. Имя его было Акакій Акакіевичъ. Можетъ быть, читателю оно покажется нѣсколько страннымъ и выисканнымъ, но можно увѣрить, что его никакъ не искали, а что сами собою случились такія обстоятельства, что никакъ нельзя было дать другаго имени, и это произошло именно вотъ какъ. Родился Акакій Акакіевичъ противъ ночи, если только не измѣняетъ память, на 23 марта. Покойница матушка, чиновница и очень хорошая женщина, расположилась, какъ слѣдуетъ, окрестить ребенка. Матушка еще лежала на кровати противъ дверей, а по правую руку стоялъ кумъ, превосходнѣйшій человѣкъ, Иванъ Ивановичъ Ерошкинъ, служившій столоначальникомъ въ сенатѣ, и кумà, жена квартальнаго офицера, женщина рѣдкихъ добродѣтелей, Арина Семеновна Бѣлобрюшкова. Родильницѣ предоставили на выборъ любое изъ трехъ, какое она хочетъ выбрать: Мокія, Соссія, или назвать ребенка во имя мученика Хоздазата. „Нѣтъ“, подумала покойница, „имена-то все такія“. Чтобы угодить ей, развернули календарь въ другомъ мѣстѣ — вышли опять три имени: Трифилій, Дула и Варахасій. „Вотъ это наказаніе!“ проговорила старуха: „какія все имена! Я, право, никогда и не слыхивала такихъ. Пусть бы еще Варадатъ или Варухъ, а то Трифилій и Варахасій“. Еще переворотили страницу — вышли: Павсикахій и Вахтисій. „Ну, ужъ я вижу“, сказала старуха: „что, видно, его такая судьба. Ужъ если такъ, пусть лучше будетъ онъ называться, какъ и отецъ его. Отецъ былъ Акакій, такъ пусть и сынъ будетъ Акакій“. Такимъ образомъ и произошелъ Акакій Акакіевичъ. Ребенка окрестили, при чемъ онъ заплакалъ и сдѣлалъ такую гримасу, какъ будто бы предчувствовалъ, что будетъ титулярный совѣтникъ. Итакъ, вотъ какимъ образомъ произошло все это. Мы привели потому это, чтобы читатель могъ самъ видѣть, что это случилось совершенно по необходимости и другаго имени дать было никакъ невозможно. Когда и въ какое время онъ поступилъ въ департаментъ и кто опредѣлилъ его, этого никто не могъ припомнить. Сколько ни перемѣнялось директоровъ и всякихъ начальниковъ, его видѣли все на одномъ и

томъ же мѣстѣ, въ томъ же положеніи, въ той же самой должности, тѣмъ же чиновникомъ для письма, такъ что потомъ увѣрились, что онъ, видно, такъ и родился на свѣтъ уже совершенно готовымъ, въ вицмундирѣ и съ лысиной на головѣ. Въ департаментѣ не оказывалось къ нему никакого уваженія. Сторожа не только не вставали съ мѣстъ, когда онъ проходилъ, но даже не глядѣли на него, какъ будто бы черезъ пріемную пролетѣла простая муха. Начальники поступали съ нимъ какъ-то холодно-деспотически. Какой-нибудь помощникъ столоначальника прямо совалъ ему подъ носъ бумаги, не сказавъ даже: „Перепишите", или: „Вотъ интересное, хорошенькое дѣльце", или что-нибудь пріятное, какъ употребляется въ благовоспитанныхъ службахъ. И онъ бралъ, посмотрѣвъ только на бумагу, не глядя, кто ему подложилъ и имѣлъ ли на то право; онъ бралъ и тутъ же пристраивался писать ее. Молодые чиновники подсмѣивались и острились надъ нимъ, во сколько хватало канцелярскаго остроумія, разсказывали тутъ же предъ нимъ разныя составленныя про него исторіи; про его хозяйку, семидесятилѣтнюю старуху, говорили, что она бьетъ его, спрашивали, когда будетъ ихъ свадьба, сыпали на голову ему бумажки, называя это снѣгомъ. Но ни одного слова не отвѣчалъ на это Акакій Акакіевичъ, какъ будто бы никого и не было передъ нимъ. Это не имѣло даже вліянія на занятія его: среди всѣхъ этихъ докукъ онъ не дѣлалъ ни одной ошибки въ письмѣ. Только если ужъ слишкомъ была невыносима шутка, когда толкали его подъ руку, мѣшая заниматься своимъ дѣломъ, онъ произносилъ: „Оставьте меня! Зачѣмъ вы меня обижаете?" И что-то странное заключалось въ словахъ и въ голосѣ, съ какимъ онѣ были произнесены. Въ немъ слышалось что-то такое, преклоняющее на жалость, что одинъ молодой человѣкъ, недавно опредѣлившійся, который, по примѣру другихъ, позволилъ было себѣ посмѣяться надъ нимъ, вдругъ остановился, какъ будто пронзенный, и съ тѣхъ поръ какъ будто все перемѣнилось передъ нимъ и показалось въ другомъ видѣ. Какая-то неестественная сила оттолкнула его отъ товарищей, съ которыми онъ познакомился, принявъ ихъ за приличныхъ, свѣтскихъ людей. И долго потомъ, среди самыхъ веселыхъ минутъ, представлялся ему низенькій чиновникъ съ лысинкою на лбу, съ своими про-

никающими словами: „Оставьте меня! Зачѣмъ вы меня обижаете?“ И въ этихъ проникающихъ словахъ звенѣли другія слова: „я братъ твой“. И закрывалъ себя рукою бѣдный молодой человѣкъ, и много разъ содрогался онъ потомъ на вѣку своемъ, видя, какъ много въ человѣкѣ безчеловѣчья, какъ много скрыто свирѣпой грубости въ утонченной, образованной свѣтскости и, Боже! даже въ томъ человѣкѣ, котораго свѣтъ признаетъ благороднымъ и честнымъ...

Врядъ ли гдѣ можно было найти человѣка, который такъ жилъ бы въ своей должности. Мало сказать: онъ служилъ ревностно; нѣтъ, онъ служилъ съ любовью. Тамъ, въ этомъ переписываньи, ему видѣлся какой-то[1] свой разнообразный и пріятный міръ. Наслажденіе выражалось на лицѣ его; нѣкоторыя буквы у него были фавориты, до которыхъ если онъ добирался, то былъ самъ не свой: и подсмѣивался[2], и подмигивалъ, и помогалъ губами, такъ что въ лицѣ его, казалось, можно было прочесть всякую букву, которую выводило перо его. Еслибы, соразмѣрно его ревнію, давали ему награды, онъ, къ изумленію своему, можетъ быть, даже попалъ бы въ статскіе совѣтники; но выслужилъ онъ, какъ выражались остряки, его же товарищи, пряжку въ петлицу да нажилъ геморрой въ поясницу. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы не было къ нему никакого вниманія. Одинъ директоръ, будучи добрый человѣкъ и желая вознаградить его за долгую службу, приказалъ дать ему что-нибудь поважнѣе, чѣмъ обыкновенное переписыванье: именно изъ готоваго уже дѣла велѣно было ему сдѣлать какое-то отношеніе въ другое присутственное мѣсто; дѣло состояло только въ томъ, чтобы перемѣнить заглавный титулъ да перемѣнить кое-гдѣ глаголы изъ перваго лица въ третье. Это задало ему такую работу, что онъ вспотѣлъ совершенно, теръ лобъ и наконецъ сказалъ: „Нѣтъ, лучше, дайте, я перепишу что-нибудь“. Съ тѣхъ поръ оставили его навсегда переписывать. Внѣ этого переписыванья, казалось, для него ничего не существовало. Онъ не думалъ вовсе о своемъ платьѣ: вицмундиръ у него былъ — не зеленый, а какого-то рыжевато-мучнаго цвѣта. Воротничекъ на немъ былъ узенькій, низенькій, такъ что шея его, не смотря на то, что не была длинна, выходя изъ воротника, казалась необыкновенно длинною, какъ у тѣхъ гипсовыхъ котенковъ,

болтающихъ головами, которыхъ носятъ на головахъ цѣлыми десятками русскіе иностранцы. И всегда что-нибудь да прилипало къ его вицмундиру: или сѣнца кусочекъ, или какая-нибудь ниточка; къ тому же онъ имѣлъ особенное искусство, ходя по улицѣ, поспѣвать подъ окно именно въ то самое время, когда изъ него выбрасывали всякую дрянь, и оттого вѣчно уносилъ на своей шляпѣ арбузныя и дынныя корки и тому подобный вздоръ. Ни одинъ разъ въ жизни не обратилъ онъ вниманія на то, что̀ дѣлается и происходитъ всякій день на улицѣ, на что̀, какъ извѣстно, всегда посмотритъ его же братъ, молодой чиновникъ, простирающій до того проницательность своего бойкаго взгляда, что замѣтитъ даже, у кого на другой сторонѣ тротуара отпоролась внизу панталонъ стремешка, — что̀ вызываетъ всегда лукавую усмѣшку на лицѣ его. Но Акакій Акакіевичъ если и глядѣлъ на что̀, то видѣлъ на всемъ свои чистыя, ровнымъ почеркомъ выписанныя строки, и только развѣ, если, неизвѣстно откуда взявшись, лошадиная морда помѣщалась ему на плечо и напускала ноздрями цѣлый вѣтеръ въ щеку, тогда только замѣчалъ онъ, что онъ не на серединѣ строки, а скорѣе на серединѣ улицы. Приходя домой, онъ садился тотъ же часъ за столъ, хлебалъ наскоро свои щи и ѣлъ кусокъ говядины съ лукомъ, вовсе не замѣчая ихъ вкуса, ѣлъ все это съ мухами и со всѣмъ тѣмъ, что̀ ни посылалъ Богъ на ту пору. Замѣтивши, что желудокъ начиналъ пучиться, вставалъ изъ-за стола, вынималъ баночку съ чернилами и переписывалъ бумаги, принесенныя на домъ Если же такихъ не случалось, онъ снималъ нарочно, для собственнаго удовольствія, копію для себя, особенно, если бумага была замѣчательна не по красотѣ слога, но по адресу къ какому-нибудь новому или важному лицу.

Даже въ тѣ часы, когда совершенно потухаетъ петербургское сѣрое небо и весь чиновный народъ наѣлся и отобѣдалъ, кто какъ могъ, сообразно съ получаемымъ жалованьемъ и собственной прихотью, когда все уже отдохнуло послѣ департаментскаго скрапѣнья перьями, бѣготни, своихъ и чужихъ необходимыхъ занятій и всего того, что̀ задаетъ себѣ добровольно, больше даже, чѣмъ нужно, неугомонный человѣкъ, когда чиновники спѣшатъ предать наслажденію оставшееся время: кто побойчѣе, несется въ театръ; кто на улицу, опре-

дѣляя его на разсматриванье кое-какихъ шляпенокъ: кто на вечеръ — истратить его въ комплиментахъ какой-нибудь смазливой дѣвушкѣ, звѣздѣ небольшаго чиновнаго круга: кто, — и это случается чаще всего, — идетъ, просто, къ своему брату въ четвертый или третій этажъ, въ двѣ небольшія комнаты съ передней или кухней и кое-какими модными претензіями, лампой или иной вещицей, стоившей многихъ пожертвованій, отказовъ отъ обѣдовъ, гуляній, — словомъ, даже въ то время, когда всѣ чиновники разсѣяваются[1] по маленькимъ квартиркамъ своихъ пріятелей поиграть въ штурмовой вистъ, прихлебывая чай изъ стакановъ съ копѣечными сухарями, затягиваясь дымомъ изъ длинныхъ чубуковъ, разсказывая во время сдачи какую-нибудь сплетню, занесшуюся изъ высшаго общества, отъ котораго никогда и ни въ какомъ состояніи не можетъ отказаться русскій человѣкъ, или даже, когда не о чемъ говорить, пересказывая вѣчный анекдотъ о комендантѣ, которому пришли сказать, что подрубленъ хвостъ у лошади Фальконетова монумента; — словомъ, даже тогда, когда все стремится развлечься, Акакій Акакіевичъ не предавался никакому развлеченію. Никто не могъ сказать, чтобы когда-нибудь видѣлъ его на какомъ-нибудь вечерѣ. Написавшись въ-сласть, онъ ложился спать, улыбаясь заранѣе при мысли о завтрашнемъ днѣ: что-то Богъ пошлетъ переписывать завтра? Такъ протекала мирная жизнь человѣка, который, съ четырьмя стами жалованья, умѣлъ быть довольнымъ своимъ жребіемъ, и дотекла бы, можетъ быть, до глубокой старости, если бы не было разныхъ бѣдствій, разсыпанныхъ на жизненной дорогѣ не только титулярнымъ, но даже тайнымъ, дѣйствительнымъ, надворнымъ и всякимъ совѣтникамъ, даже и тѣмъ, которые не даютъ никому совѣтовъ, ни отъ кого не берутъ ихъ сами.

Есть въ Петербургѣ сильный врагъ всѣхъ, получающихъ 400 рублей въ годъ жалованья или около того. Врагъ этотъ не кто другой, какъ нашъ сѣверный морозъ, хотя, впрочемъ, и говорятъ, что онъ очень здоровъ. Въ девятомъ часу утра, именно въ тотъ часъ, когда улицы покрываются идущими въ департаментъ, начинаетъ онъ давать такіе сильные и колючіе щелчки безъ разбору по всѣмъ носамъ, что бѣдные чиновники рѣшительно не знаютъ, куда дѣвать ихъ. Въ это время, когда

даже у занимающихъ высшія должности болитъ отъ морозу лобъ, и слезы выступаютъ въ глазахъ, бѣдные титулярные совѣтники иногда бываютъ беззащитны. Все спасеніе состоитъ въ томъ, чтобы въ тощенькой шинелишкѣ перебѣжать, какъ можно скорѣе, пять-шесть улицъ и потомъ натопаться хорошенько ногами въ швейцарской, пока не оттаютъ такимъ образомъ всѣ замерзнувшія на дорогѣ способности и дарованья къ должностнымъ отправленіямъ. Акакій Акакіевичъ съ нѣкотораго времени началъ чувствовать, что его какъ-то особенно сильно стало пропекать въ спину и плечо, не смотря на то, что онъ старался перебѣжать, какъ можно скорѣе, законное пространство. Онъ подумалъ, наконецъ, не заключается ли какихъ грѣховъ въ его шинели. Разсмотрѣвъ ее хорошенько у себя дома, онъ открылъ, что въ двухъ-трехъ мѣстахъ, именно, на спинѣ и на плечахъ, она сдѣлалась точная серпянка: сукно до того истерлось, что сквозило, и подкладка расползлась. Надобно знать, что шинель Акакія Акакіевича служила тоже предметомъ насмѣшекъ чиновникамъ; отъ нея отнимали даже благородное имя шинели и называли ее капотомъ. Въ самомъ дѣлѣ, она имѣла какое-то странное устройство: воротникъ ея уменьшался съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе, ибо служилъ на подтачиванье другихъ частей ея. Подтачиванье не показывало искусства портнаго и выходило, точно, мѣшковато и некрасиво. Увидѣвши, въ чемъ дѣло, Акакій Акакіевичъ рѣшилъ, что шинель нужно будетъ снести къ Петровичу, портному, жившему гдѣ-то въ четвертомъ этажѣ по черной лѣстницѣ, который, не смотря на свой кривой глазъ и рябизну по всему лицу, занимался довольно удачно починкой чиновничьихъ и всякихъ другихъ панталонъ и фраковъ, разумѣется, когда бывалъ въ трезвомъ состояніи и не питалъ въ головѣ какого-нибудь другаго предпріятія. Объ этомъ портномъ конечно не слѣдовало бы много говорить, но такъ какъ уже заведено, чтобы въ повѣсти характеръ всякаго лица былъ совершенно означенъ, то, нечего дѣлать, подавайте намъ и Петровича сюда. Сначала онъ назывался просто Григорій и былъ крѣпостнымъ человѣкомъ у какого-то барина; Петровичемъ онъ началъ называться съ тѣхъ поръ, какъ получилъ отпускную и сталъ попивать довольно сильно по всякимъ праздникамъ, сначала по большимъ, а потомъ, безъ разбору, по

всѣмъ церковнымъ, гдѣ только стоялъ въ календарѣ крестикъ. Съ этой стороны онъ былъ вѣренъ дѣдовскимъ обычаямъ и, споря съ женой, называлъ ее мірскою женщиной и нѣмкой. Такъ какъ мы уже заикнулись про жену, то нужно будетъ и о ней сказать слова два; но, къ сожалѣнію, о ней немного было извѣстно, развѣ только то, что у Петровича есть жена, носитъ даже чепчикъ, а не платокъ; но красотою, какъ кажется, она не могла похвастаться; по крайней мѣрѣ, при встрѣчѣ съ нею, одни только гвардейскіе солдаты заглядывали ей подъ чепчикъ, моргнувши усомъ и испустивши какой-то особый голосъ.

Взбираясь по лѣстницѣ, ведшей къ Петровичу, которая,— надобно отдать справедливость, — была вся умащена водой, помоями и проникнута насквозь тѣмъ спиртуознымъ запахомъ, который ѣстъ глаза и, какъ извѣстно, присутствуетъ неотлучно на всѣхъ черныхъ лѣстницахъ петербургскихъ домовъ,— взбираясь по лѣстницѣ, Акакій Акакіевичъ уже подумывалъ о томъ, сколько запроситъ Петровичъ, и мысленно положилъ не давать больше двухъ рублей. Дверь была отворена, потому что хозяйка, готовя какую-то рыбу, напустила столько дыму въ кухнѣ, что нельзя было видѣть даже и самыхъ тараканов. Акакій Акакіевичъ прошелъ черезъ кухню, незамѣченный даже самою хозяйкою, и вступилъ, наконецъ, въ комнату, гдѣ увидѣлъ Петровича, сидѣвшаго на широкомъ деревянномъ некрашенномъ столѣ и подвернувшаго подъ себя ноги свои, какъ турецкій паша. Ноги, по обычаю портныхъ, сидящихъ за работою, были нагишомъ; и прежде всего бросился въ глаза большой палецъ, очень извѣстный Акакію Акакіевичу, съ какимъ-то изуродованнымъ ногтемъ, толстымъ и крѣпкимъ, какъ у черепахи черепъ. На шеѣ у Петровича висѣлъ мотокъ шелку и нитокъ, а на колѣняхъ была какая-то ветошь. Онъ уже минуты съ три продѣвалъ нитку въ иглиное ухо, не попадалъ и потому очень сердился на темноту и даже на самую нитку, ворча въ полголоса: „Не лѣзетъ, варварка! Уѣла ты меня, шельма этакая!“ Акакію Акакіевичу было непріятно, что онъ пришелъ именно въ ту минуту, когда Петровичъ сердился: онъ любилъ что-либо заказывать Петровичу тогда, когда послѣдній былъ уже нѣсколько подъ-куражемъ, или, какъ выражалась жена его, „осадился сивухой, одно-

глазый чортъ". Въ такомъ состояніи Петровичъ, обыкновенно, очень охотно уступалъ и соглашался, всякій разъ даже кланялся и благодарилъ. Потомъ, правда, приходила жена, плачась, что мужъ де былъ пьянъ и потому дешево взялся; но гривенникъ, бывало, одинъ прибавишь — и дѣло въ шляпѣ. Теперь же Петровичъ былъ, казалось, въ трезвомъ состояніи, а потому крутъ, несговорчивъ и охотникъ заламывать[1] чортъ знаетъ какія цѣны. Акакій Акакіевичъ смекнулъ это и хотѣлъ было уже, какъ говорится, на попятный дворъ, но ужъ дѣло было начато. Петровичъ прищурилъ на него очень пристально свой единственный глазъ, и Акакій Акакіевичъ невольно выговорилъ: „Здравствуй, Петровичъ!" — „Здравствовать желаю, судырь!" сказалъ Петровичъ и покосилъ свой глазъ на руки Акакія Акакіевича, желая высмотрѣть, какого рода добычу тотъ несъ.

„А я вотъ къ тебѣ, Петровичъ, того..." Нужно знать, что̀ Акакій Акакіевичъ изъяснялся большею частью предлогами, нарѣчіями и, наконецъ, такими частицами, которыя рѣшительно не имѣютъ никакого значенія. Если же дѣло было очень затруднительно, то онъ даже имѣлъ обыкновеніе совсѣмъ не оканчивать фразы, такъ что весьма часто, начавши рѣчь словами: „Это, право, совершенно того..." а потомъ уже и ничего не было, и самъ онъ позабывалъ, думая, что все уже выговорилъ.

„Что-жъ такое?" сказалъ Петровичъ и обсмотрѣлъ въ то же время своимъ единственнымъ глазомъ весь вицмундиръ его, начиная съ воротника до рукавовъ, спинки, фалдъ и петлей, что̀ все было ему очень знакомо, потому что было собственной его работы. Таковъ ужъ обычай у портныхъ: это первое, что̀ онъ сдѣлаетъ при встрѣчѣ.

„А я вотъ того, Петровичъ... шинель-то, сукно... вотъ видишь, вездѣ въ другихъ мѣстахъ совсѣмъ крѣпкое... оно немножко запылилось и кажется, какъ будто старое, а оно новое, да вотъ только въ одномъ мѣстѣ немного того.... на спинѣ, да еще вотъ на плечѣ одномъ немного попротерлось, да вотъ на этомъ плечѣ немножко... видишь? вотъ и все. И работы немного...."

Петровичъ взялъ капотъ, разложилъ его сначала на столъ, разсматривалъ долго, покачалъ головою и полѣзъ рукою на

окно за круглой табакеркой съ портретомъ какого-то генерала, — какого именно, неизвѣстно, потому что мѣсто, гдѣ находилось лицо, было проткнуто пальцемъ и потомъ заклеено[1] четвероугольнымъ лоскуточкомъ бумажки. Понюхавъ табаку, Петровичъ растопырилъ капотъ на рукахъ и разсмотрѣлъ его противъ свѣта, и опять покачалъ головою; потомъ обратилъ его подкладкой вверхъ и вновь покачалъ; вновь снялъ крышку съ генераломъ, заклеенными бумажкой, и, натащивши въ носъ табаку, закрылъ, спряталъ табакерку и, наконецъ, сказалъ: „**Нѣтъ, нельзя поправить: худой гардеробъ!**“

У Акакія Акакіевича при этихъ словахъ ёкнуло сердце.

„Отчего же нельзя, Петровичъ?“ сказалъ онъ почти умоляющимъ голосомъ ребенка: „вѣдь только всего, что на плечахъ поистерлось; вѣдь у тебя есть же какіе-нибудь кусочки...“

„Да кусочки-то можно найти, кусочки найдутся“, сказалъ Петровичъ: „да нашить-то нельзя: дѣло совсѣмъ гнилое, тронешь иглой — **а вотъ ужъ оно и ползетъ**“.

„**Пусть ползетъ, а ты тотчасъ заплаточку**“.

„Да заплаточки не на чемъ положить, укрѣпиться ей не за что: подержка больно велика. Только слава, что сукно, **а подуй вѣтеръ, такъ разлетится**“.

„Ну, да ужъ прикрѣпи. Какъ же этакъ, право, того!..“

„**Нѣтъ**“, сказалъ Петровичъ рѣшительно: „ничего нельзя сдѣлать. Дѣло совсѣмъ плохое. Ужъ вы лучше, какъ придетъ зимнее холодное время, надѣлайте изъ нея себѣ онучекъ, потому что чулокъ не грѣетъ. Это нѣмцы выдумали, чтобы побольше себѣ денегъ забирать (Петровичъ любилъ при случаѣ кольнуть нѣмцевъ); а шинель ужъ, видно, вамъ придется новую дѣлать“.

При словѣ „новую“ у Акакія Акакіевича затуманьло въ глазахъ, и все, что̀ ни было въ комнатѣ, такъ и пошло предъ нимъ путаться. Онъ видѣлъ ясно одного только генерала съ заклеенными бумажкой лицомъ, находившагося на крышкѣ Петровичевой табакерки. „Какъ же новую?“ сказалъ онъ, все еще какъ будто находясь во снѣ: „вѣдь у меня и денегъ **на это нѣтъ**“.

„Да, новую“, сказалъ съ варварскимъ спокойствіемъ Петровичъ.

„Ну, а если бы пришлось новую, какъ бы она того...?“

„То есть, что̀ будетъ стоить?“

„Да“.

„Да три полсотни слишкомъ надо будетъ приложить“, сказалъ Петровичъ и сжалъ при этомъ значительно губы. Онъ очень любилъ сильные эффекты, любилъ вдругъ какъ-нибудь озадачить совершенно и потомъ поглядѣть искоса, какую озадаченный сдѣлаетъ рожу послѣ такихъ словъ.

„Полтораста рублей за шинель!“ вскрикнулъ бѣдный Акакій Акакіевичъ, — вскрикнулъ, можетъ быть, въ первый разъ отъ-роду, ибо отличался всегда тихостью голоса.

„Да-съ“, сказалъ Петровичъ: „да еще какова шинель. Если положить на воротникъ куницу, да пустить капишонъ на шелковой подкладкѣ, такъ и въ двѣсти войдетъ“.

„Петровичъ, пожалуйста“, говорилъ Акакій Акакіевичъ умоляющимъ голосомъ, не слыша и не стараясь слышать сказанныхъ Петровичемъ словъ и всѣхъ его эффектовъ: „какъ-нибудь поправь, чтобы хоть сколько-нибудь еще послужила“.

„Да нѣтъ, это выйдетъ — и работу убивать, и деньги попусту тратить“, сказалъ Петровичъ, и Акакій Акакіевичъ послѣ такихъ словъ вышелъ, совершенно уничтоженный. А Петровичъ, по уходѣ его, долго еще стоялъ, значительно сжавши губы и не принимаясь за работу, будучи доволенъ, что и себя не уронилъ, да и портнаго искусства тоже не выдалъ.

Вышедъ на улицу, Акакій Акакіевичъ былъ какъ во снѣ. „Этаково-то дѣло этакое“, говорилъ онъ самъ себѣ: „я, право, и не думалъ, чтобы оно вышло того...“ а потомъ, послѣ нѣкотораго молчанія, прибавилъ: „такъ вотъ какъ! наконецъ вотъ что̀ вышло! а я, право, совсѣмъ и предполагать не могъ, чтобы оно было этакъ“. За симъ послѣдовало опять долгое молчаніе, послѣ котораго онъ произнесъ: „Такъ этакъ-то! вотъ какое ужъ, точно, никакъ неожиданное того... этого бы никакъ... этакое-то обстоятельство!“ Сказавши это, онъ, вмѣсто того, чтобы итти домой, пошелъ совершенно въ противную сторону, самъ того не подозрѣвая. Дорогою задѣлъ его всѣмъ нечистымъ своимъ бокомъ трубочистъ и вычернилъ все плечо ему; цѣлая шапка извести высыпалась на него съ верхушки строившагося дома. Онъ ничего этого не замѣтилъ, и потомъ уже, когда натолкнулся на будочника, который, поставя около себя свою алебарду, натряхивалъ изъ рожка

на мозолистый кулакъ табаку, тогда только немного очнулся, и то потому, что будочникъ сказалъ: „Чего лѣзешь въ самое рыло? развѣ нѣтъ тебѣ трухтуара?“ Это заставило его оглянуться и поворотить домой. Здѣсь только онъ началъ собирать мысли, увидѣлъ въ ясномъ и настоящемъ видѣ свое положеніе, сталъ разговаривать съ собою уже не отрывисто, но разсудительно и откровенно, какъ съ благоразумнымъ пріятелемъ, съ которымъ можно поговорить о дѣлѣ самомъ сердечномъ и близкомъ. „Ну, нѣтъ“, сказалъ Акакій Акакіевичъ: „теперь съ Петровичемъ нельзя толковать: онъ теперь того... жена, видно, какъ-нибудь поколотила его. А вотъ я лучше приду къ нему въ воскресный день утромъ: онъ послѣ канунешной субботы будетъ косить глазомъ и заспавшись, такъ ему нужно будетъ опохмелиться, а жена денегъ не дастъ, а въ это время я ему гривенничекъ и того въ руку — онъ и будетъ сговорчивѣе, и шинель тогда и того...“ Такъ разсудилъ самъ съ собою Акакій Акакіевичъ, ободрилъ себя и дождался перваго воскресенья, и, увидѣвъ издали, что жена Петровича куда-то выходила изъ дому, онъ — прямо къ нему. Петровичъ, точно, послѣ субботы сильно косилъ глазомъ, голову держалъ къ полу и былъ совсѣмъ заспавшись; но при всемъ томъ, какъ только узналъ, въ чемъ дѣло, точно какъ будто его чортъ толкнулъ. „Нельзя“, сказалъ: „извольте заказать новую“. Акакій Акакіевичъ тутъ-то и всунулъ ему гривенничекъ. „Благодарствую, судырь, подкрѣплюсь маленечко за ваше здоровье“, сказалъ Петровичъ: „а ужъ объ шинели не извольте безпокоиться: она ни на какую годность не годится. Новую шинель ужъ я вамъ сошью на славу, ужъ на этомъ постоимъ“.

Акакій Акакіевичъ еще было насчетъ починки, но Петровичъ не дослышалъ и сказалъ: „Ужъ новую я вамъ сошью безпремѣнно, въ этомъ извольте положиться, старанье приложимъ. Можно будетъ даже такъ, какъ пошла мода, воротникъ будетъ застегиваться на серебряныя лапки подъ аплике“.

Тутъ-то увидѣлъ Акакій Акакіевичъ, что безъ новой шинели нельзя обойтись, и поникъ совершенно духомъ. Какъ же въ самомъ дѣлѣ, на что̀, на какія деньги ее сдѣлать? Конечно, можно бы отчасти положиться на будущее награжденіе къ празднику, но эти деньги давно уже размѣщены

и распредѣлены впередъ. Требовалось завести новые панталоны, заплатить сапожнику старый долгъ за приставку новыхъ головокъ къ старымъ голенищамъ, да слѣдовало заказать швеѣ три рубахи да штуки двѣ того бѣлья, которое неприлично называть въ печатномъ слогѣ; словомъ, всѣ деньги совершенно должны были разойтися, и если бы даже директоръ былъ такъ милостивъ, что, вмѣсто сорока рублей наградныхъ, опредѣлилъ бы сорокъ пять или пятьдесятъ, то все-таки останется какой-нибудь самый вздоръ, который въ шинельномъ капиталѣ будетъ капля въ морѣ. Хотя, конечно, онъ зналъ, что за Петровичемъ водилась блажь заломить вдругъ, чортъ знаетъ, какую непомѣрную цѣну, такъ что ужъ, бывало, сама жена не могла удержаться, чтобы не вскрикнуть: „Что̀ ты съ ума сходишь, дуракъ такой! Въ другой разъ ни за что̀ возьметъ[1] работать, а теперь разнесла его нелегкая запросить такую цѣну, какой и самъ не сто̀итъ". Хотя, конечно, онъ зналъ, что Петровичъ и за восемьдесятъ рублей возьмется сдѣлать; однако все же, откуда взять эти восемьдесятъ рублей? Еще половину можно бы найти: половина бы отыскалась; можетъ быть, даже немножко и больше; но гдѣ взять другую половину?... Но прежде читателю должно узнать, гдѣ взялась первая половина. Акакій Акакіевичъ имѣлъ обыкновеніе со всякаго истрачиваемаго рубля откладывать по грошу въ небольшой ящичекъ, запертой на ключъ, съ прорѣзанною въ крышкѣ дырочкой для бросанія туда денегъ. По истеченіи всякаго полугода онъ ревизовалъ накопившуюся мѣдную сумму и замѣнялъ ее мелкимъ серебромъ. Такъ продолжалъ онъ съ давнихъ поръ, и такимъ образомъ, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, оказалось накопившейся суммы болѣе, чѣмъ на сорокъ рублей. Итакъ, половина была въ рукахъ; но гдѣ же взять другую половину? гдѣ взять другіе сорокъ рублей? Акакій Акакіевичъ думалъ-думалъ и рѣшилъ, что нужно будетъ уменьшить обыкновенныя издержки, хотя по крайней мѣрѣ въ продолженіе одного года: изгнать употребленіе чаю по вечерамъ, не зажигать по вечерамъ свѣчи, а если что̀ понадобится дѣлать, итти въ комнату къ хозяйкѣ и работать при ея свѣчкѣ; ходя по улицамъ, ступать какъ можно легче и осторожнѣе по камнямъ и плитамъ, почти на цыпочкахъ, чтобы такимъ обра-

зомъ не истереть скоровременно подметокъ; какъ можно рѣже отдавать прачкѣ мыть бѣлье, а чтобы не занашивалось, то всякій разъ, приходя домой, скидать его и оставаться въ одномъ только демикотоновомъ халатѣ, очень давнемъ и щадимомъ даже самымъ[1] временемъ. Надобно сказать правду, что сначала ему было нѣсколько трудно привыкать къ такимъ ограниченіямъ, но потомъ какъ-то привыклось и пошло на ладъ, — даже онъ совершенно пріучился голодать по вечерамъ; но зато онъ питался духовно, нося въ мысляхъ своихъ вѣчную идею будущей шинели. Съ этихъ поръ какъ будто самое существованіе его сдѣлалось какъ-то полнѣе, какъ будто бы онъ женился, какъ будто какой-то другой человѣкъ присутствовалъ съ нимъ, какъ будто онъ былъ не одинъ, а какая-то пріятная подруга жизни согласилась съ нимъ проходить вмѣстѣ жизненную дорогу, — и подруга эта была не кто другая, какъ та же шинель, на толстой ватѣ, на крѣпкой подкладкѣ безъ износу. Онъ сдѣлался какъ-то живѣе, даже тверже характеромъ, какъ человѣкъ, который уже опредѣлилъ и поставилъ себѣ цѣль. Съ лица и съ поступковъ его исчезло само собою сомнѣніе, нерѣшительность, словомъ — всѣ колеблющіяся и неопредѣленныя черты. Огонь порою показывался въ глазахъ его, въ головѣ даже мелькали самыя дерзкія и отважныя мысли: не положить ли, точно, куницу на воротникъ? Размышленія объ этомъ чуть не навели на него разсѣянности. Одинъ разъ, переписывая бумагу, онъ чуть было даже не сдѣлалъ ошибки, такъ что почти вслухъ вскрикнулъ: „ухъ!“ и перекрестился. Въ продолженіе каждаго мѣсяца онъ, хотя одинъ разъ, навѣдывался къ Петровичу, чтобы поговорить о шинели: гдѣ лучше купить сукна, и какого цвѣта, и въ какую цѣну, — и хотя нѣсколько озабоченный, но всегда довольный возвращался домой, помышляя, что, наконецъ, придетъ же время, когда все это купится и когда шинель будетъ сдѣлана. Дѣло пошло даже скорѣе, чѣмъ онъ ожидалъ. Противу всякаго чаянія, директоръ назначилъ Акакію Акакіевичу не сорокъ или сорокъ пять, а цѣлыхъ шестьдесятъ рублей. Ужъ предчувствовалъ ли онъ, что Акакію Акакіевичу нужна шинель, или само собой такъ случилось, но только у него чрезъ это очутилось лишнихъ двадцать рублей. Это обстоятельство ускорило ходъ дѣла.

Еще какихъ-нибудь два-три мѣсяца небольшаго голоданья — и у Акакія Акакіевича набралось, точно, около восьмидесяти рублей. Сердце его, вообще весьма покойное, начало биться. Въ первый же день онъ отправился вмѣстѣ съ Петровичемъ въ лавки. Купили сукна очень хорошаго — и не мудрено, потому что объ этомъ думали еще за полгода прежде и рѣдкій мѣсяцъ не заходили въ лавки примѣняться къ цѣнамъ; зато самъ Петровичъ сказалъ, что лучше сукна и не бываетъ. На подкладку выбрали коленкору, но такого добротнаго и плотнаго, который, по словамъ Петровича, былъ еще лучше шелку и даже на видъ казистѣй и глянцовитѣй. Куницы не купили, потому что была, точно, дорога, а вмѣсто ея выбрали кошку, лучшую, какая только нашлась въ лавкѣ, — кошку, которую издали можно было всегда принять за куницу. Петровичъ провозился за шинелью всего двѣ недѣли, потому что много было стеганья, а иначе она была бы готова раньше. За работу Петровичъ взялъ двѣнадцать рублей — меньше никакъ нельзя было: все было рѣшительно шито на шелку, двойнымъ мелкимъ швомъ, и по всякому шву Петровичъ потомъ проходилъ собственными зубами, вытѣсняя ими разныя фигуры. Это было... трудно сказать, въ который именно день, но, вѣроятно, въ день самый торжественнѣйшій въ жизни Акакія Акакіевича, когда Петровичъ принесъ, наконецъ, шинель. Онъ принесъ ее поутру, передъ самымъ тѣмъ временемъ, какъ нужно было итти въ департаментъ. Никогда бы въ другое время не пришлась такъ кстати шинель, потому что начинались уже довольно крѣпкіе морозы и, казалось, грозили еще болѣе усилиться. Петровичъ явился съ шинелью, какъ слѣдуетъ хорошему портному. Въ лицѣ его показалось выраженіе такое значительное, какого Акакій Акакіевичъ никогда еще не видалъ. Казалось, онъ чувствовалъ въ полной мѣрѣ, что сдѣлалъ не малое дѣло и что вдругъ показалъ въ себѣ бездну, раздѣляющую портныхъ, которые подставляютъ только подкладки и перепpавляютъ, отъ тѣхъ, которые шьютъ за-ново. Онъ вынулъ шинель изъ носоваго платка, въ которомъ ее принесъ (платокъ былъ только-что отъ прачки; онъ уже потомъ свернулъ его и положилъ въ карманъ для употребленія). Вынувши шинель, онъ весьма гордо посмотрѣлъ и, держа въ обѣихъ рукахъ, набросилъ весьма ловко на плеча Акакію Ака-

кіевичу, потомъ потянулъ и осадилъ ее сзади рукой къ низу; потомъ драпировалъ ею Акакія Акакіевича нѣсколько на распашку. Акакій Акакіевичъ, какъ человѣкъ въ лѣтахъ, хотѣлъ попробовать въ рукава; Петровичъ помогъ надѣть и въ рукава — вышло, что и въ рукава была хороша. Словомъ, оказалось, что шинель была совершенно и какъ разъ впору. Петровичъ не упустилъ при семъ случаѣ сказать, что онъ такъ только, потому что живетъ безъ вывѣски на небольшой улицѣ и притомъ давно знаетъ Акакія Акакіевича, потому взялъ такъ дешево, а на Невскомъ проспектѣ съ него бы взяли за одну только работу семьдесятъ пять рублей. Акакій Акакіевичъ объ этомъ не хотѣлъ разсуждать съ Петровичемъ, да и боялся всѣхъ сильныхъ суммъ, какими Петровичъ любилъ запускать пыль. Онъ расплатился съ нимъ, поблагодарилъ и вышелъ тутъ же въ новой шинели въ департаментъ. Петровичъ вышелъ вслѣдъ за нимъ и, оставаясь на улицѣ, долго еще смотрѣлъ издали на шинель и потомъ пошелъ нарочно въ сторону, чтобы, обогнувши кривымъ переулкомъ, забѣжать вновь на улицу и посмотрѣть еще разъ на свою шинель съ другой стороны, то есть, прямо въ лицо. Между тѣмъ Акакій Акакіевичъ шелъ въ самомъ праздничномъ расположеніи всѣхъ чувствъ. Онъ чувствовалъ всякій мигъ минуты, что на плечахъ его новая шинель, и нѣсколько разъ даже усмѣхнулся отъ внутренняго удовольствія. Въ самомъ дѣлѣ, двѣ выгоды: одно то̀, что тепло, а другое, что хорошо. Дороги онъ не примѣтилъ вовсе и очутился вдругъ въ департаментѣ; въ швейцарской онъ скинулъ шинель, осмотрѣлъ ее кругомъ и поручилъ въ особенный надзоръ швейцару. Неизвѣстно, какимъ образомъ въ департаментѣ всѣ вдругъ узнали, что у Акакія Акакіевича новая шинель, и что уже капота болѣе не существуетъ. Всѣ въ ту же минуту выбѣжали въ швейцарскую смотрѣть новую шинель Акакія Акакіевича. Начали поздравлять его, привѣтствовать, такъ что тотъ сначала только улыбался, а потомъ сдѣлалось ему даже стыдно. Когда же всѣ, приступивъ къ нему, стали говорить, что нужно вспрыснуть новую шинель и что, по крайней мѣрѣ, онъ долженъ задать имъ всѣмъ вечеръ, Акакій Акакіевичъ потерялся совершенно, не зналъ, какъ ему быть, что̀ такое отвѣчать и какъ отговориться. Онъ уже минутъ черезъ нѣсколько, весь закраснѣв-

шись, началъ было увѣрять довольно простодушно, что это совсѣмъ не новая шинель, что это такъ, что это старая шинель. Наконецъ, одинъ изъ чиновниковъ, какой-то даже помощникъ столоначальника, вѣроятно, для того, чтобы показать, что онъ ничуть не гордецъ и знается даже съ низшими себя, сказалъ: „Такъ и быть, я вмѣсто Акакія Акакіевича даю вечеръ, и прошу ко мнѣ сегодня на чай: я же, какъ нарочно, сегодня именинникъ". Чиновники, натурально, тутъ же поздравили помощника столоначальника и приняли съ охотою предложеніе. Акакій Акакіевичъ началъ было отговариваться, но всѣ стали говорить, что неучтиво, что, просто, стыдъ и срамъ, и онъ ужъ никакъ не могъ отказаться. Впрочемъ, ему потомъ сдѣлалось пріятно, когда вспомнилъ, что онъ будетъ имѣть чрезъ то случай пройтись даже и ввечеру въ новой шинели. Этотъ весь день былъ для Акакія Акакіевича точно самый большой торжественный праздникъ. Онъ возвратился домой въ самомъ счастливомъ расположеніи духа, скинулъ шинель и повѣсилъ ее бережно на стѣнѣ, налюбовавшись еще разъ сукномъ и подкладкой, и потомъ нарочно вытащилъ, для сравненья, прежній капотъ свой, совершенно расползшійся. Онъ взглянулъ на него, и самъ даже засмѣялся: такая была далекая разница! И долго еще потомъ за обѣдомъ онъ все усмѣхался, какъ только приходило ему на умъ положеніе, въ которомъ находился капотъ. Пообѣдалъ онъ весело и послѣ обѣда ужъ ничего не писалъ, никакихъ бумагъ, а такъ немножко посибаритствовалъ на постели, пока не потемнѣло. Потомъ, не затягивая дѣла, одѣлся, надѣлъ на плеча шинель и вышелъ на улицу. Гдѣ именно жилъ пригласившій чиновникъ, къ сожалѣнію, не можемъ сказать: память начинаетъ намъ сильно измѣнять, и все, что ни есть въ Петербургѣ, всѣ улицы и домы слились и смѣшались такъ въ головѣ, что весьма трудно достать оттуда что-нибудь въ порядочномъ видѣ. Какъ бы то ни было, но вѣрно по крайней мѣрѣ то, что чиновникъ жилъ въ лучшей части города, стало быть, очень неблизко отъ Акакія Акакіевича. Сначала надо было Акакію Акакіевичу пройти кое-какія пустынныя улицы съ тощимъ освѣщеніемъ, но, по мѣрѣ приближенія къ квартирѣ чиновника, улицы становились живѣе, населеннѣй и сильнѣе освѣщены; пѣшеходы стали мелькать чаще, начали

попадаться и дамы, красиво одѣтыя; на мужчинахъ попадались бобровые воротники; рѣже встрѣчались ваньки съ деревянными рѣшетчатыми своими санками, утыканными позолоченными гвоздочками; напротивъ, все попадались лихачи въ малиновыхъ бархатныхъ шапкахъ, съ лакированными санками, съ медвѣжьими одѣялами, и пролетали улицу, визжа колесами по снѣгу, кареты съ убранными козлами. Акакій Акакіевичъ глядѣлъ на все это, какъ на новость: онъ уже нѣсколько лѣтъ не выходилъ по вечерамъ на улицу. Остановился съ любопытствомъ передъ освѣщеннымъ окошкомъ магазина посмотрѣть на картину, гдѣ изображена была какая-то красивая женщина, которая скидала съ себя башмакъ, обнаживши такимъ образомъ всю ногу, очень недурную; а за спиной ея, изъ дверей другой комнаты, выставилъ голову какой-то мужчина съ бакенбардами и красивой эспаньолкой[1] подъ губой. Акакій Акакіевичъ покачнулъ головой и усмѣхнулся, и потомъ пошелъ своею дорогою. Почему онъ усмѣхнулся? потому ли, что встрѣтилъ вещь вовсе незнакомую, но о которой, однакоже, все-таки у каждаго сохраняется какое-то чутье, или подумалъ онъ, подобно многимъ другимъ чиновникамъ, слѣдующее: „Ну, ужъ эти французы! что̀ и говорить! Ужъ ежели захотятъ что-нибудь того, такъ ужъ, точно, того?..“ А можетъ быть, даже и этого не подумалъ: вѣдь нельзя же залѣзть въ душу человѣку и узнать все, что̀ онъ ни думаетъ. Наконецъ, достигнулъ онъ дома, въ которомъ квартировалъ помощникъ столоначальника. Помощникъ столоначальника жилъ на большую ногу: на лѣстницѣ свѣтилъ фонарь, квартира была во второмъ этажѣ. Вошедши въ переднюю, Акакій Акакіевичъ увидѣлъ на полу цѣлые ряды калошъ. Между ними, посреди комнаты, стоялъ самоваръ, шумя и испуская клубами паръ. На стѣнахъ висѣли все шинели да плащи, между которыми нѣкоторые были даже съ бобровыми воротниками или съ бархатными отворотами. За стѣной былъ слышенъ шумъ и говоръ, которые вдругъ сдѣлались ясными и звонкими, когда отворилась дверь и вышелъ лакей съ подносомъ, уставленнымъ опорожненными стаканами, сливочникомъ и корзиною сухарей. Видно, что ужъ чиновники давно собрались и выпили по первому стакану чаю. Акакій Акакіевичъ, повѣсивши самъ шинель свою, вошелъ въ комнату, и передъ

нимъ мелькнули въ одно время свѣчи, чиновники, трубки, столы для картъ, и смутно поразили слухъ его бѣглый, со всѣхъ сторонъ подымавшійся разговоръ и шумъ передвигаемыхъ стульевъ. Онъ остановился весьма неловко среди комнаты, ища и стараясь придумать, что̀ ему сдѣлать. Но его уже замѣтили, приняли съ крикомъ и всѣ пошли тотъ же часъ въ переднюю и вновь осмотрѣли его шинель. Акакій Акакіевичъ хотя было отчасти и сконфузился, но, будучи человѣкомъ чистосердечнымъ, не могъ не порадоваться, видя, какъ всѣ похвалили шинель. Потомъ, разумѣется, всѣ бросили и его, и шинель, и обратились, какъ водится, къ столамъ, назначеннымъ для виста. Все это: шумъ, говоръ и толпа людей, — все это было какъ-то чудно Акакію Акакіевичу. Онъ, просто, не зналъ, какъ ему быть, куда дѣть руки, ноги и всю фигуру свою; наконецъ, подсѣлъ онъ къ игравшимъ, смотрѣлъ въ карты, засматривалъ тому и другому въ лица и чрезъ нѣсколько времени началъ зѣвать, чувствовать, что скучно, — тѣмъ болѣе, что ужъ давно наступило то время, въ которое онъ, по обыкновенію, ложился спать. Онъ хотѣлъ проститься съ хозяиномъ, но его не пустили, говоря, что непремѣнно надо выпить, въ честь обновки, по бокалу шампанскаго. Черезъ часъ подали ужинъ, состоявшій изъ винегрета, холодной телятины, паштета, кондитерскихъ пирожковъ и шампанскаго. Акакія Акакіевича заставили выпить два бокала, послѣ которыхъ онъ почувствовалъ, что въ комнатѣ сдѣлалось веселѣе, однакожъ никакъ не могъ позабыть, что уже двѣнадцать часовъ и что давно пора домой. Чтобы какъ-нибудь не вздумалъ удерживать хозяинъ, онъ вышелъ потихоньку изъ комнаты, отыскалъ въ передней шинель, которую не безъ сожалѣнія увидѣлъ лежавшею на полу, стряхнулъ ее, снялъ съ нея всякую пушинку, надѣлъ на плеча и опустился по лѣстницѣ на улицу. На улицѣ все еще было свѣтло. Кое-какія мелочныя лавчонки, эти безсмѣнные клубы дворовыхъ и всякихъ людей, были отперты; другія же, которыя были заперты, показывали, однакожъ, длинную струю свѣта во всю дверную щель, означавшую, что они не лишены еще общества и, вѣроятно, дворовыя служанки или слуги еще доканчиваютъ свои толки и разговоры, повергая своихъ господъ въ совершенное недоумѣніе насчетъ своего мѣстопребыванія. Акакій Акакіевичъ

шелъ въ веселомъ расположеніи духа, даже подбѣжалъ было вдругъ, неизвѣстно почему, за какою-то дамою, которая, какъ молнія, прошла мимо и у которой всякая часть тѣла была исполнена необыкновеннаго движенія. Но, однакожъ, онъ тутъ же остановился и пошелъ опять попрежнему очень тихо, подивясь даже самъ неизвѣстно откуда взявшейся рыси. Скоро потянулись передъ нимъ тѣ пустынныя улицы, которыя даже и днемъ не такъ веселы, а тѣмъ болѣе вечеромъ. Теперь онѣ сдѣлались еще глуше и уединеннѣе: фонари стали мелькать рѣже — масла, какъ видно, уже меньше отпускалось; пошли деревянные домы, заборы; нигдѣ ни души: сверкалъ только одинъ снѣгъ по улицамъ, да печально чернѣли съ закрытыми ставнями заснувшія низенькія лачужки. Онъ приблизился къ тому мѣсту, гдѣ перерѣзывалась улица безконечною площадью съ едва видными на другой сторонѣ ея домами, которая глядѣла страшною пустынею.

Вдали, Богъ знаетъ гдѣ, мелькалъ огонекъ въ какой-то будкѣ, которая казалась стоявшею на краю свѣта. Веселость Акакія Акакіевича какъ-то здѣсь значительно уменьшилась. Онъ вступилъ на площадь не безъ какой-то невольной боязни, точно какъ будто сердце его предчувствовало что-то недоброе. Онъ оглянулся назадъ и по сторонамъ — точное море вокругъ него. „Нѣтъ, лучше и не глядѣть“, подумалъ и шелъ, закрывъ глаза, и когда открылъ ихъ, чтобы узнать, близко ли конецъ площади, увидѣлъ вдругъ, что передъ нимъ стоятъ, почти передъ носомъ, какіе-то люди съ усами, — какіе именно, ужъ этого онъ не могъ даже различить. У него затуманило въ глазахъ и забилось въ груди. „А вѣдь шинель-то моя!“ сказалъ одинъ изъ нихъ громовымъ голосомъ, схвативши его за воротникъ. Акакій Акакіевичъ хотѣлъ было уже закричать: „караулъ“, какъ другой приставилъ ему къ самому рту кулакъ, величиною въ чиновничью голову, примолвивъ: „А вотъ только крикни!“ Акакій Акакіевичъ чувствовалъ только, какъ сняли съ него шинель, дали ему пинка колѣномъ, и онъ упалъ навзничь въ снѣгъ и ничего ужъ больше не чувствовалъ. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ опомнился и поднялся на ноги, но ужъ никого не было. Онъ чувствовалъ, что въ полѣ холодно и шинели нѣтъ, сталъ кричать; но голосъ, казалось, и не думалъ долетать до концовъ площади. Отчаянный, не

уставая кричать, пустился онъ бѣжать черезъ площадь прямо къ будкѣ, подлѣ которой стоялъ будочникъ и, опершись на свою алебарду, глядѣлъ, кажется, съ любопытствомъ, желая знать, какого чорта бѣжитъ къ нему издали и кричитъ человѣкъ. Акакій Акакіевичъ, прибѣжавъ къ нему, началъ задыхающимся голосомъ кричать, что онъ спитъ и ни за чѣмъ не смотритъ, не видитъ, какъ грабятъ человѣка. Будочникъ отвѣчалъ, что онъ не видалъ ничего[1], что видѣлъ, какъ остановили его среди площади какіе-то два человѣка, да думалъ, что тò были его пріятели; а что пусть онъ вмѣсто того, чтобы понапрасну браниться, сходитъ завтра къ надзирателю, такъ надзиратель отыщетъ, кто взялъ шинель. Акакій Акакіевичъ прибѣжалъ домой въ совершенномъ безпорядкѣ: волосы, которые еще водились у него въ небольшомъ количествѣ на вискахъ и затылкѣ, совершенно растрепались; бокъ, и грудь, и всѣ панталоны были въ снѣгу. Старуха, хозяйка квартиры его, услыша страшный стукъ въ дверь, поспѣшно вскочила съ постели и, съ башмакомъ на одной только ногѣ, побѣжала отворять дверь, придерживая на груди своей, изъ скромности, рукою рубашку; но, отворивъ, отступила назадъ, увидя въ такомъ видѣ Акакія Акакіевича. Когда же разсказалъ онъ, въ чемъ дѣло, она всплеснула руками и сказала, что нужно итти прямо къ частному, что квартальный надуетъ, пообѣщается и станетъ водить; а лучше всего итти прямо къ частному, что онъ даже ей знакомъ, потому что Анна, чухонка, служившая прежде у нея въ кухаркахъ, опредѣлилась теперь къ частному въ няньки, что она часто видитъ его самого, какъ онъ проѣзжаетъ мимо ихъ дома, и что онъ бываетъ такъ же всякое воскресенье въ церкви, молится, а въ то же время весело смотритъ на всѣхъ, и что, стало быть, по всему видно, долженъ быть добрый человѣкъ. Выслушавъ такое рѣшеніе, Акакій Акакіевичъ печальный побрелъ въ свою комнату, и какъ онъ провелъ тамъ ночь, предоставляется судить тому, кто можетъ сколько-нибудь представить себѣ положеніе другаго. Поутру рано отправился онъ къ частному; но сказали, что спитъ; онъ пришелъ въ десять — сказали опять: „спитъ“; онъ пришелъ въ одиннадцать часовъ — сказали: „да нѣтъ частнаго дома“; онъ въ обѣденное время — но писаря въ прихожей никакъ не хотѣли пустить его и хотѣли непре-

мѣнно узнать, за какимъ дѣломъ и какая надобность привела, и что̀ такое случилось; такъ что, наконецъ, Акакій Акакіевичъ разъ въ жизни захотѣлъ показать характеръ и сказалъ наотрѣзъ, что ему нужно лично видѣть самого частнаго, что они не смѣютъ его не допустить, что онъ пришелъ изъ департамента за казеннымъ дѣломъ, а что вотъ, какъ онъ на нихъ пожалуется, такъ вотъ тогда они увидятъ. Противъ этого писаря ничего не посмѣли сказать, и одинъ изъ нихъ пошелъ вызвать частнаго. Частный принялъ какъ-то чрезвычайно странно разсказъ о грабительствѣ шинели. Вмѣсто того, чтобы обратить вниманіе на главный пунктъ дѣла, онъ сталъ разспрашивать Акакія Акакіевича: да почему онъ такъ поздно возвращался? да не заходилъ ли онъ и не былъ ли въ какомъ непорядочномъ домѣ? такъ что Акакій Акакіевичъ сконфузился совершенно и вышелъ отъ него, самъ не зная, возымѣетъ ли надлежащій ходъ дѣло о шинели, или нѣтъ. Весь этотъ день онъ не былъ въ присутствіи (единственный случай въ его жизни). На другой день онъ явился весь блѣдный и въ старомъ капотѣ своемъ, который сдѣлался еще плачевнѣе. Повѣствованіе о грабежѣ шинели,—не смотря на то, что нашлись такіе чиновники, которые не пропустили даже и тутъ посмѣяться надъ Акакіемъ Акакіевичемъ,—однакоже многихъ тронуло. Рѣшились тутъ же сдѣлать для него складчину, но собрали самую бездѣлицу, потому что чиновники и безъ того уже много истратились, подписавшись на директорскій портретъ и на одну какую-то книгу, по предложенію начальника отдѣленія, который былъ пріятелемъ сочинителю; итакъ, сумма оказалась самая бездѣльная. Одинъ кто-то, движимый состраданіемъ, рѣшился, по крайней мѣрѣ, помочь Акакію Акакіевичу добрымъ совѣтомъ, сказавши, чтобъ онъ пошелъ не къ квартальному, потому что, хоть и можетъ случиться, что квартальный, желая заслужить одобреніе начальства, отыщетъ какимъ-нибудь образомъ шинель, но шинель все-таки останется въ полиціи, если онъ не представитъ законныхъ доказательствъ, что она принадлежитъ ему; а лучше всего, чтобы онъ обратился къ одному *значительному лицу*; что *значительное лицо*, спишась и снесясь, съ кѣмъ слѣдуетъ, можетъ заставить успѣшнѣе итти дѣло. Нечего дѣлать, Акакій Акакіевичъ рѣшился итти къ значительному лицу.

Какая именно и въ чемъ состояла должность *значительнаго лица,* это осталось до сихъ поръ неизвѣстнымъ. Нужно знать, что *одно значительное лицо* недавно сдѣлался значительнымъ лицомъ, а до того времени онъ былъ незначительнымъ лицомъ. Впрочемъ, мѣсто его и теперь не почиталось значительнымъ, въ сравненіи съ другими, еще значительнѣйшими. Но всегда найдется такой кругъ людей, для которыхъ незначительное въ глазахъ прочихъ есть уже значительное. Впрочемъ, онъ старался усилить значительность многими другими средствами, именно: завелъ, чтобы низшіе чиновники встрѣчали его еще на лѣстницѣ, когда онъ приходилъ въ должность; чтобы къ нему являться прямо никто не смѣлъ, а чтобъ шло все порядкомъ строжайшимъ: коллежскій регистраторъ докладывалъ бы губернскому секретарю, губернскій секретарь — титулярному, или какому приходилось другому, и чтобы уже такимъ образомъ доходило дѣло до него. Такъ ужъ на святой Руси все заражено подражаніемъ: всякій дразнитъ и корчитъ своего начальника. Говорятъ даже, какой-то титулярный совѣтникъ, когда сдѣлали его правителемъ какой-то отдѣльной небольшой канцеляріи, тотчасъ же отгородилъ себѣ особенную комнату, назвавши ее „комнатой присутствія“, и поставилъ у дверей какихъ-то капельдинеровъ, съ красными воротниками, въ галунахъ, которые брались за ручку дверей и отворяли ее всякому приходившему, хотя въ „комнатѣ присутствія“ насилу могъ уставиться обыкновенный письменный столъ. Пріемы и обычаи *значительнаго лица* были солидны и величественны, но немногосложны. Главнымъ основаніемъ его системы была строгость. „Строгость, строгость и — строгость“, говаривалъ онъ обыкновенно, и при послѣднемъ словѣ обыкновенно смотрѣлъ очень значительно въ лицо тому, которому говорилъ, хотя, впрочемъ, этому и не было никакой причины, потому что десятокъ чиновниковъ, составлявшихъ весь правительственный механизмъ канцеляріи, и безъ того былъ въ надлежащемъ страхѣ: завидя его издали, оставлялъ уже дѣло и ожидалъ, стоя въ вытяжку, пока начальникъ пройдетъ черезъ комнату. Обыкновенный разговоръ его съ низшими отзывался строгостью и состоялъ почти изъ трехъ фразъ: „Какъ вы смѣете? знаете ли вы, съ кѣмъ говорите? понимаете ли, кто стоитъ передъ вами?“ Впрочемъ, онъ былъ

въ душѣ добрый человѣкъ, хорошъ съ товарищами, услужливъ; но генеральскій чинъ совершенно сбилъ его съ толку. Получивши генеральскій чинъ, онъ какъ-то спутался, сбился съ пути и совершенно не зналъ, какъ ему быть. Если ему случалось быть съ ровными себѣ, онъ былъ еще человѣкъ, какъ слѣдуетъ,— человѣкъ очень порядочный, во многихъ отношеніяхъ даже неглупый человѣкъ; но, какъ только случалось ему быть въ обществѣ, гдѣ были люди хоть однимъ чиномъ пониже его, тамъ онъ былъ, просто, хоть изъ рукъ вонъ: молчалъ, и положеніе его возбуждало жалость тѣмъ болѣе, что онъ самъ даже чувствовалъ, что могъ бы провести время несравненно лучше. Въ глазахъ его иногда видно было сильное желаніе присоединиться къ какому-нибудь интересному разговору и кружку, но останавливала его мысль: не будетъ ли это ужъ очень много съ его стороны, не будетъ ли фамиліарно, и не уронитъ ли онъ чрезъ то своего значенія? И вслѣдствіе такихъ разсужденій онъ оставался вѣчно въ одномъ и томъ же молчаливомъ состояніи, произнося только изрѣдка какіе-то односложные звуки, и пріобрѣлъ такимъ образомъ титулъ скучнѣйшаго человѣка. Къ такому-то *значительному лицу* явился нашъ Акакій Акакіевичъ, и явился во время самое неблагопріятное, весьма некстати для себя, хотя, впрочемъ, кстати для значительнаго лица. Значительное лицо находился въ своемъ кабинетѣ и разговорился очень-очень весело съ однимъ недавно пріѣхавшимъ стариннымъ знакомымъ и товарищемъ дѣтства, съ которымъ нѣсколько лѣтъ не видался. Въ это время доложили ему, что пришелъ какой-то Башмачкинъ. Онъ спросилъ отрывисто: „Кто такой?“ ему отвѣчали: „Какой-то чиновникъ“.—„А! можетъ подождать, теперь не время“, сказалъ значительный человѣкъ. Здѣсь надобно сказать, что значительный человѣкъ совершенно прилгнулъ: ему было время; они давно уже съ пріятелемъ переговорили обо всемъ и уже давно перекладывали разговоръ весьма длинными молчаньями, слегка только потрепливая другъ друга по ляшкѣ и приговаривая: „такъ-то, Иванъ Абрамовичъ!“—„этакъ-то, Степанъ Варламовичъ!“ но при всемъ томъ, однакоже, велѣлъ онъ чиновнику подождать, чтобы показать пріятелю, человѣку, давно не служившему и зажившемуся дома въ деревнѣ, сколько времени чиновники

дожидаются у него въ передней. Наконецъ, наговорившись, а еще болѣе намолчавшись вдоволь и выкуривши сигарку, въ весьма покойныхъ креслахъ съ откидными спинками, онъ, наконецъ, какъ будто вдругъ вспомнилъ и сказалъ секретарю, остановившемуся у дверей съ бумагами для доклада: „Да, вѣдь тамъ стоитъ, кажется, чиновникъ; скажите ему, что онъ можетъ войти". Увидѣвши смиренный видъ Акакія Акакіевича и его старенькій вицмундиръ, онъ оборотился къ нему вдругъ и сказалъ: „что̀ вамъ угодно?" голосомъ отрывистымъ и твердымъ, которому нарочно учился заранѣ у себя въ комнатѣ, въ уединеніи и передъ зеркаломъ, еще за недѣлю до полученія нынѣшняго своего мѣста и генеральскаго чина. Акакій Акакіевичъ уже заблаговременно почувствовалъ надлежащую робость, нѣсколько смутился и, какъ могъ, сколько могла позволить ему свобода языка, изъяснилъ, съ прибавленіемъ даже чаще, чѣмъ въ другое время, частицъ „того", что была-де шинель совершенно новая, и теперь ограбленъ безчеловѣчнымъ образомъ, и что онъ обращается къ нему, чтобъ онъ ходатайствомъ своимъ какъ-нибудь того, списался бы съ г. оберъ-полицеймейстеромъ или другимъ кѣмъ и отыскалъ шинель. Генералу, неизвѣстно почему, показалось такое обхожденіе фамиліарнымъ. „Что̀ вы, милостивый государь", продолжалъ онъ отрывисто: „не знаете порядка? Куда вы зашли? Не знаете, какъ водятся дѣла? Объ этомъ вы бы должны были прежде подать просьбу въ канцелярію; она пошла бы къ столоначальнику, къ начальнику отдѣленія, потомъ передана была бы секретарю, а секретарь доставилъ бы ее уже мнѣ..."

„Но ваше превосходительство", сказалъ Акакій Акакіевичъ, стараясь собрать всю небольшую горсть присутствія духа, какая только въ немъ была, и чувствуя въ то же время, что онъ вспотѣлъ ужаснымъ образомъ: „я, ваше превосходительство, осмѣлился утрудить потому, что секретари того... ненадежный народъ..."

„Что̀, что̀, что̀?" сказалъ значительное лицо: „откуда вы набрались такого духу? Откуда вы мыслей такихъ набрались? Что за буйство такое распространилось между молодыми людьми противъ начальниковъ и высшихъ!" Значительное лицо, кажется, не замѣтилъ, что Акакію Акакіевичу забралось уже за пятьдесятъ лѣтъ, стало быть, если бы онъ и могъ назваться

молодымъ человѣкомъ, то развѣ только относительно, то есть, въ отношеніи къ тому, кому уже было семьдесятъ лѣтъ. „Знаете ли вы, кому это говорите? Понимаете ли вы, кто стоитъ передъ вами? Понимаете ли вы это? Понимаете ли это? я васъ спрашиваю“. Тутъ онъ топнулъ ногою, возведя голосъ до такой сильной ноты, что даже и не Акакію Акакіевичу сдѣлалось бы страшно. Акакій Акакіевичъ такъ и обмеръ, пошатнулся, затрясся всѣмъ тѣломъ и никакъ не могъ стоять: если бы не подбѣжали тутъ же сторожа поддержать его, онъ бы шлеппулся на полъ; его вынесли почти безъ движенія. А значительное лицо, довольный тѣмъ, что эффектъ превзошелъ даже ожиданіе, и совершенно упоенный мыслью, что слово его можетъ лишить даже чувствъ человѣка, искоса взглянулъ на пріятеля, чтобы узнать, какъ онъ на это смотритъ, и не безъ удовольствія увидѣлъ, что пріятель его находился въ самомъ неопредѣленномъ состояніи и начиналъ даже съ своей стороны самъ чувствовать страхъ.

Какъ сошелъ съ лѣстницы, какъ вышелъ на улицу, ничего ужъ этого не помнилъ Акакій Акакіевичъ. Онъ не слышалъ ни рукъ, ни ногъ: въ жизнь свою онъ не былъ еще такъ сильно распеченъ генераломъ, да еще и чужимъ. Онъ шелъ по вьюгѣ, свистѣвшей въ улицахъ, разинувъ ротъ, сбиваясь съ тротуаровъ; вѣтеръ, по петербургскому обычаю, дулъ на него со всѣхъ четырехъ сторонъ, изъ всѣхъ переулковъ. Въ мигъ надуло ему въ горло жабу, и добрался онъ домой, не въ силахъ будучи сказать ни одного слова; весь распухъ и слегъ въ постель. Такъ сильно иногда бываетъ надлежащее распеканье! На другой же день обнаружилась у него сильная горячка. Благодаря великодушному вспомоществованію петербургскаго климата, болѣзнь пошла быстрѣе, чѣмъ можно было ожидать, и когда явился докторъ, то онъ, пощупавши пульсъ, ничего не нашелся сдѣлать, какъ только прописать припарку, единственно уже для того, чтобы больной не остался безъ благодѣтельной помощи медицины; а впрочемъ тутъ же объявилъ ему чрезъ полтора сутокъ непремѣнный капутъ, послѣ чего обратился къ хозяйкѣ и сказалъ: „А вы, матушка, и времени даромъ не теряйте, закажите ему теперь же сосновый гробъ, потому что дубовый будетъ для него дорогъ“. Слышалъ ли Акакій Акакіевичъ эти произнесенныя роковыя для

него слова, а если и слышалъ, произвели ли онѣ на него потрясающее дѣйствіе, пожалѣлъ ли онъ о горемычной своей жизни, — ничего этого неизвѣстно, потому что онъ находился все время въ бреду и жару. Явленія, одно другаго страннѣе, представлялись ему безпрестанно: то видѣлъ онъ Петровича и заказывалъ ему сдѣлать шинель съ какими-то западнями для воровъ, которые чудились ему безпрестанно подъ кроватью, и онъ поминутно призывалъ хозяйку вытащить у него одного вора даже изъ-подъ одѣяла; то спрашивая, зачѣмъ виситъ передъ нимъ старый капотъ его, что у него есть новая шинель; то чудилось ему, что онъ стоитъ передъ генераломъ, выслушивая надлежащее распеканье, и приговариваетъ: „Виноватъ, ваше превосходительство!“ то, наконецъ, даже сквернохульничалъ, произнося самыя страшныя слова, такъ что старушка-хозяйка даже крестилась, отъ роду не слыхавъ отъ него ничего подобнаго, тѣмъ болѣе, что слова эти слѣдовали непосредственно за словомъ „ваше превосходительство“. Далѣе онъ говорилъ совершенную безсмыслицу, такъ что ничего нельзя было понять; можно было только видѣть, что безпорядочныя слова и мысли ворочались около одной и той же шинели. Наконецъ, бѣдный Акакій Акакіевичъ испустилъ духъ. Ни комнаты, ни вещей его не опечатывали, потому что, во-первыхъ, не было наслѣдниковъ, а во-вторыхъ, оставалось очень немного наслѣдства, именно: пучокъ гусиныхъ перьевъ, десть бѣлой казенной бумаги, три пары носковъ, двѣ-три пуговицы, оторвавшіяся отъ панталонъ, и уже извѣстный читателю капотъ. Кому все это досталось, Богъ знаетъ: объ этомъ, признаюсь, даже не интересовался разсказывающій сію повѣсть. Акакія Акакіевича свезли и похоронили. И Петербургъ остался безъ Акакія Акакіевича, какъ будто бы въ немъ его и никогда не было. Исчезло и скрылось существо, никѣмъ не защищенное, никому не дорогое, ни для кого не интересное, даже не обратившее на себя вниманіе и естествонаблюдателя, не пропускающаго посадить на булавку обыкновенную муху и разсмотрѣть ее въ микроскопъ, — существо, переносившее покорно канцелярскія насмѣшки и безъ всякаго чрезвычайнаго дѣла сошедшее въ могилу, но для котораго все же таки, хотя передъ самымъ концомъ жизни, мелькнулъ свѣтлый гость въ видѣ шинели, оживившій на мигъ

бѣдную жизнь, и на которое такъ же потомъ нестерпимо обрушилось несчастіе, какъ обрушивается оно на главы сильныхъ міра сего!... Нѣсколько дней послѣ его смерти посланъ былъ къ нему на квартиру изъ департамента сторожъ, съ приказаніемъ немедленно явиться: начальникъ-де требуетъ; но сторожъ долженъ былъ возвратиться ни съ чѣмъ, давши отчетъ, что не можетъ больше притти, и на запросъ: „почему?“ выразился словами: „Да такъ: ужъ онъ умеръ; четвертаго дня похоронили“. Такимъ образомъ узнали въ департаментѣ о смерти Акакія Акакіевича, и на другой день уже на его мѣстѣ сидѣлъ новый чиновникъ, гораздо выше ростомъ и выставлявшій буквы уже не такимъ прямымъ почеркомъ, а гораздо наклоннѣе и косѣе.

Но кто бы могъ вообразить, что здѣсь еще не все объ Акакіи Акакіевичѣ, что суждено ему на нѣсколько дней прожить шумно послѣ своей смерти, какъ бы въ награду за непримѣченную никѣмъ жизнь? Но такъ случилось, и бѣдная исторія наша неожиданно принимаетъ фантастическое окончаніе. По Петербургу пронеслись вдругъ слухи, что у Калинкина моста и далеко подальше сталъ показываться по ночамъ мертвецъ, въ видѣ чиновника, ищущаго какой-то утащенной шинели и, подъ видомъ стащенной шинели, сдирающій со всѣхъ плечъ, не разбирая чина и званія, всякія шинели: на кошкахъ, на бобрахъ, на ватѣ, енотовыя, лисьи, медвѣжьи шубы, — словомъ, всякаго рода мѣха и кожи, какія только придумали люди для прикрытія собственной. Одинъ изъ департаментскихъ чиновниковъ видѣлъ своими глазами мертвеца и узналъ въ немъ тотчасъ Акакія Акакіевича; но это внушило ему, однакоже, такой страхъ, что онъ бросился бѣжать со всѣхъ ногъ и оттого не могъ хорошенько разсмотрѣть, а видѣлъ только, какъ тотъ издали погрозилъ ему пальцемъ. Со всѣхъ сторонъ поступали безпрестанно жалобы, что спины и плечи, пускай бы еще только титулярныхъ, но даже и надворныхъ совѣтниковъ, подвержены совершенной простудѣ, по причинѣ частаго сдергиванья шинелей. Въ полиціи сдѣлано было распоряженіе поймать мертвеца, во что бы то ни стало, живаго или мертваго, и наказать его, въ примѣръ другимъ, жесточайшимъ образомъ, и въ томъ едва было даже не успѣли. Именно, будочникъ какого-то квартала, въ Кирюш-

киномъ переулкѣ, схватилъ было уже совершенно мертвеца за воротъ на самомъ мѣстѣ злодѣянія, на покушеніи сдернуть фризовую шинель съ какого-то отставнаго музыканта, свиставшаго въ свое время на флейтѣ. Схвативши его за воротъ, онъ вызвалъ своимъ крикомъ двухъ другихъ товарищей, которымъ поручилъ держать его, а самъ полѣзъ только на одну минуту за сапогъ, чтобы вытащить оттуда тавлинку съ табакомъ, освѣжить на время шесть разъ на вѣку примороженный носъ свой; но табакъ, вѣрно, былъ такого рода, котораго не могъ вынести даже и мертвецъ. Не успѣлъ будочникъ, закрывши пальцемъ свою правую ноздрю, потянуть лѣвою полгорсти, какъ мертвецъ чихнулъ такъ сильно, что совершенно забрызгалъ имъ всѣмъ троимъ глаза. Покамѣстъ они поднесли кулаки протереть ихъ, мертвеца и слѣдъ пропалъ, такъ что они не знали даже, былъ ли онъ, точно, въ ихъ рукахъ. Съ этихъ поръ будочники получили такой страхъ къ мертвецамъ, что даже опасались хватать и живыхъ, и только издали покрикивали: „Эй ты, ступай своею дорогою!“ и мертвецъ-чиновникъ сталъ показываться даже за Калинкинымъ мостомъ, наводя немалый страхъ на всѣхъ робкихъ людей. Но мы, однакоже, совершенно оставили *одно значительное лицо*, которое, по настоящему, едва ли не былъ причиною фантастическаго направленія, впрочемъ, совершенно истинной исторіи. Прежде всего долгъ справедливости требуетъ сказать, что *одно значительное лицо*, скоро по уходѣ бѣднаго, распеченнаго въ пухъ Акакія Акакіевича, почувствовалъ что-то въ родѣ сожалѣнія. Состраданіе было ему не чуждо; его сердцу были доступны многія добрыя движенія, не смотря на то, что чинъ весьма часто мѣшалъ имъ обнаруживаться. Какъ только вышелъ изъ его кабинета пріѣзжій пріятель, онъ даже задумался о бѣдномъ Акакіи Акакіевичѣ. И съ этихъ поръ почти всякій день представлялся ему блѣдный Акакій Акакіевичъ, не выдержавшій должностнаго распеканья. Мысль о немъ до такой степени тревожила его, что, недѣлю спустя, онъ рѣшился даже послать къ нему чиновника узнать, что онъ, и какъ, и нельзя ли въ самомъ дѣлѣ чѣмъ помочь ему; и когда донесли ему, что Акакій Акакіевичъ умеръ скоропостижно въ горячкѣ, онъ остался даже пораженнымъ, слышалъ упреки совѣсти и весь день былъ не въ духѣ. Желая сколько-

нибудь развлечься и позабыть непріятное впечатлѣніе, онъ отправился на вечеръ къ одному изъ пріятелей своихъ, у котораго нашелъ порядочное общество, а что̀ всего лучше, всѣ тамъ были почти одного и того же чина, такъ что онъ совершенно ничѣмъ не могъ быть связанъ. Это имѣло удивительное дѣйствіе на душевное его расположеніе. Онъ развернулся, сдѣлался пріятенъ въ разговорѣ, любезенъ, — словомъ, провелъ вечеръ очень пріятно. За ужиномъ выпилъ онъ стакана два шампанскаго, — средство, какъ извѣстно, не дурно дѣйствующее въ разсужденіи веселости. Шампанское сообщило ему расположеніе къ разнымъ экстренностямъ, а именно: онъ рѣшилъ не ѣхать еще домой, а заѣхать къ одной знакомой дамѣ, Каролинѣ Ивановнѣ, — дамѣ, кажется, нѣмецкаго происхожденія, къ которой онъ чувствовалъ совершенно пріятельскія отношенія. Надобно сказать, что значительное лицо былъ уже человѣкъ не молодой, хорошій супругъ, почтенный отецъ семейства. Два сына, изъ которыхъ одинъ служилъ уже въ канцеляріи, и миловидная шестнадцатилѣтняя дочь, съ нѣсколько выгнутымъ, но хорошенькимъ носикомъ, приходили всякій день цѣловать его руку, приговаривая: „bon jour, papa". Супруга его, еще женщина свѣжая и даже ничуть не дурная, давала ему прежде поцѣловать свою руку и потомъ, переворотивши ее на другую сторону, цѣловала его руку. Но значительное лицо, совершенно, впрочемъ, довольный домашними семейными нѣжностями, нашелъ приличнымъ имѣть для дружескихъ отношеній пріятельницу въ другой части города. Эта пріятельница была ничуть не лучше и не моложе жены его; но такія ужъ задачи бываютъ на свѣтѣ, и судить объ нихъ не наше дѣло. Итакъ, значительное лицо сошелъ съ лѣстницы, сѣлъ[1] въ сани и сказалъ кучеру: „Къ Каролинѣ Ивановнѣ!" а самъ, закутавшись весьма роскошно въ теплую шинель, оставался въ томъ пріятномъ положеніи, лучше котораго и не выдумаешь для русскаго человѣка, то есть, когда самъ ни о чемъ не думаешь, а между тѣмъ мысли сами лѣзутъ въ голову, одна другой пріятнѣе, не давая даже труда гоняться за ними и искать ихъ. Полный удовольствія, онъ слегка припоминалъ всѣ веселыя мѣста проведеннаго вечера, всѣ слова, заставившія хохотать небольшой кругъ; многія изъ нихъ онъ даже повторялъ вполголоса и нашелъ,

что онѣ все такъ же смѣшны, какъ и прежде, а потому не мудрено, что и самъ посмѣивался отъ души. Изрѣдка мѣшалъ ему, однакоже, порывистый вѣтеръ, который, выхватившись вдругъ, Богъ знаетъ откуда и нивѣсть отъ какой причины, такъ и рѣзалъ въ лицо, подбрасывая ему туда клочки снѣга, хлобуча, какъ парусъ, шинельный воротникъ, или вдругъ, съ неестественною силою набрасывая ему его на голову и доставляя такимъ образомъ вѣчныя хлопоты изъ него выкарабкиваться. Вдругъ почувствовалъ значительное лицо, что его ухватилъ кто-то весьма крѣпко за воротникъ. Обернувшись, онъ замѣтилъ человѣка небольшаго роста, въ старомъ поношенномъ вицмундирѣ, и не безъ ужаса узналъ въ немъ Акакія Акакіевича. Лицо чиновника было блѣдно, какъ снѣгъ, и глядѣло совершеннымъ мертвецомъ. Но ужасъ значительнаго лица превзошелъ всѣ границы, когда онъ увидѣлъ, что ротъ мертвеца покривился и, пахнувши на него страшно могилою, произнесъ такія рѣчи: „А, такъ вотъ ты наконецъ! Наконецъ, я тебя того, поймалъ за воротникъ! Твоей-то шинели мнѣ и нужно! Не похлопоталъ объ моей, да еще и распекъ — отдавай же теперь свою!“ Бѣдное *значительное лицо* чуть не умеръ. Какъ ни былъ онъ характеренъ въ канцеляріи и вообще передъ низшими, и хотя, взглянувши на одинъ мужественный видъ его и фигуру, всякій говорилъ: „У, какой характеръ!“ но здѣсь онъ, подобно весьма многимъ, имѣющимъ богатырскую наружность, почувствовалъ такой страхъ, что не безъ причины даже сталъ опасаться насчетъ какого-нибудь болѣзненнаго припадка. Онъ самъ даже скинулъ поскорѣе съ плечъ шинель свою и закричалъ кучеру не своимъ голосомъ: „Пошелъ во весь духъ домой!“ Кучеръ, услышавши голосъ, который произносится обыкновенно въ рѣшительныя минуты и даже сопровождается кое-чѣмъ гораздо дѣйствительнѣйшимъ, упряталъ на всякій случай голову свою въ плечи, замахнулся кнутомъ и помчался, какъ стрѣла. Минутъ въ шесть съ небольшимъ, значительное лицо уже былъ предъ подъѣздомъ своего дома. Блѣдный, перепуганный и безъ шинели, вмѣсто того, чтобы къ Каролинѣ Ивановнѣ, онъ пріѣхалъ къ себѣ, доплелся кое-какъ до своей комнаты и провелъ ночь весьма въ большомъ безпорядкѣ, такъ что на другой день поутру, за чаемъ, дочь ему сказала прямо:

„Ты сегодня совсѣмъ блѣденъ, папа“. Но папа молчалъ и никому ни слова о томъ, что̀ съ нимъ случилось, и гдѣ онъ былъ, и куда хотѣлъ ѣхать. Это происшествіе сдѣлало на него сильное впечатлѣніе. Онъ даже гораздо рѣже сталъ говорить подчиненнымъ: „какъ вы смѣете? понимаете ли, кто передъ вами?“ если же и произносилъ, то ужъ не прежде, какъ выслушавши сперва, въ чемъ дѣло. Но еще болѣе замѣчательно то, что съ этихъ поръ совершенно прекратилось появленіе чиновника-мертвеца: видно, генеральская шинель пришлась ему совершенно по плечамъ; по крайней мѣрѣ, уже не было нигдѣ слышно такихъ случаевъ, чтобы сдергивали съ кого шинели. Впрочемъ, многіе дѣятельные и заботливые люди никакъ не хотѣли успокоиться и поговаривали, что въ дальнихъ частяхъ города все еще показывался чиновникъ-мертвецъ. И точно, одинъ коломенскій будочникъ видѣлъ собственными глазами, какъ показалось изъ-за одного дома привидѣніе; но, будучи по природѣ своей нѣсколько безсиленъ, — такъ что одинъ разъ обыкновенный взрослый поросенокъ, кинувшись изъ какого-то частнаго дома, сшибъ его съ ногъ, къ величайшему смѣху стоявшихъ вокругъ извощиковъ, съ которыхъ онъ вытребовалъ за такую издѣвку по грошу на табакъ, — итакъ, будучи безсиленъ, онъ не посмѣлъ остановить его, а такъ шелъ за нимъ въ темнотѣ до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, привидѣніе вдругъ оглянулось и, остановясь, спросило: „Тебѣ чего хочется?“ и показало такой кулакъ, какого и у живыхъ не найдешь. Будочникъ сказалъ: „Ничего“, да и поворотилъ тотъ же часъ назадъ. Привидѣніе, однакоже, было уже гораздо выше ростомъ, носило преогромные усы и, направивъ шаги, какъ казалось, къ Обухову мосту, скрылось совершенно въ ночной темнотѣ.

———

КОЛЯСКА.

Городокъ[1] Б. очень повеселѣлъ, когда началъ въ немъ стоять *** кавалерійскій полкъ; а до того времени было въ немъ страхъ скучно. Когда, бывало, проѣзжаешь его и взглянешь на низенькіе мазанные домики, которые смотрятъ на улицу до невѣроятности кисло, то.... невозможно выразить, что̀ дѣлается тогда на сердцѣ: тоска такая, какъ будто бы или проигрался, или отпустилъ некстати какую-нибудь глупость, — однимъ словомъ: не хорошо. Глина на домахъ обвалилась отъ дождя, и стѣны, вмѣсто бѣлыхъ, сдѣлались пѣгими; крыши большею частію крыты тростникомъ, какъ обыкновенно бываетъ въ южныхъ городахъ нашихъ. Садики, для лучшаго вида, городничій давно приказалъ вырубить[2]. На улицахъ ни души не встрѣтишь, развѣ только пѣтухъ перейдетъ чрезъ мостовую, мягкую какъ подушка, отъ лежащей на четверть пыли, которая, при малѣйшемъ дождѣ, превращается въ грязь, и тогда улицы городка Б. наполняются тѣми дородными животными, которыхъ тамошній городничій называетъ французами. Выставивъ серьёзныя морды изъ своихъ ваннъ, онѣ подымаютъ такое хрюканье, что проѣзжающему остается только погонять лошадей поскорѣе. Впрочемъ, проѣзжающаго трудно встрѣтить въ городкѣ Б. Рѣдко, очень рѣдко какой-нибудь помѣщикъ, имѣющій одиннадцать душъ крестьянъ, въ нанковомъ сюртукѣ, тарабанитъ по мостовой въ какой-то полубричкѣ и полутелѣжкѣ, выглядывая изъ-за наваленныхъ мучныхъ мѣшковъ[3] и пристегивая гнѣдую кобылу, вслѣдъ за которою бѣжитъ[4] жеребенокъ. Самая рыночная площадь имѣетъ нѣсколько печальный видъ: домъ портнаго выходитъ чрезвычайно глупо не всѣмъ фасадомъ, но

угломъ; противъ него строится лѣтъ пятнадцать какое-то каменное строеніе о двухъ окнахъ; далѣе стоитъ самъ по себѣ модный дощатый заборъ[1], выкрашенный сѣрою краскою подъ цвѣтъ грязи, который, на образецъ другимъ строеніямъ, воздвигъ городничій во время своей молодости, когда не имѣлъ еще обыкновенія спать тотчасъ послѣ обѣда и пить на ночь какой-то декоктъ, заправленный сухимъ крыжовникомъ. Въ другихъ мѣстахъ все почти плетень. Посреди площади самыя маленькія лавочки; въ нихъ всегда можно замѣтить связку баранковъ[2], бабу въ красномъ платкѣ, пудъ мыла, нѣсколько фунтовъ горькаго миндалю[3], дробь для стрѣлянія, демикотонъ и двухъ купеческихъ прикащиковъ, во всякое время играющихъ около дверей[4] въ свайку. Но какъ началъ стоять въ уѣздномъ городкѣ Б. кавалерійскій полкъ, все перемѣнилось: улицы запестрѣли, оживились, — словомъ, приняли совершенно другой видъ; низенькіе домики часто видѣли проходящаго мимо ловкаго, статнаго офицера съ султаномъ на головѣ, шедшаго къ товарищу поговорить о производствѣ, объ отличнѣйшемъ табакѣ, а иногда поставить[5] на карточку дрожки, которыя можно было назвать полковыми, потому что онѣ, не выходя изъ полку, успѣвали обходить всѣхъ: сегодня катался въ[6] нихъ маіоръ, завтра онѣ появлялись въ поручиковой конюшнѣ, а чрезъ недѣлю, смотри, опять маіорскій деньщикъ подмазывалъ[7] ихъ саломъ. Деревянный плетень между домами весь былъ усѣянъ висѣвшими на солнцѣ солдатскими фуражками; сѣрая шинель торчала непремѣнно гдѣ-нибудь на воротахъ; въ переулкахъ попадались солдаты съ такими жесткими усами, какъ сапожныя щетки. Усы эти были видны во всѣхъ мѣстахъ: соберутся ли на рынкѣ съ ковшиками мѣщанки — изъ-за плечъ ихъ, вѣрно, выглядываютъ усы. Офицеры оживили общество, которое до того времени состояло только изъ судьи, жившаго въ одномъ домѣ съ какою-то діаконицею, и городничаго, разсудительнаго человѣка, но спавшаго рѣшительно весь день — отъ обѣда до вечера и отъ вечера до обѣда. Общество сдѣлалось еще многолюднѣе и занимательнѣе, когда переведена была сюда квартира бригаднаго генерала. Окружные помѣщики, о существованіи которыхъ никто бы до того времени не догадался, начали пріѣзжать почаще въ уѣздный городокъ, чтобы видѣться съ господами офицерами, а иногда поиграть въ бан-

чикъ, который уже чрезвычайно темно грезился въ головѣ ихъ, захлопотанной посѣвами, женниными порученіями и зайцами. Очень жаль, что не могу припомнить, по какому обстоятельству случилось бригадному генералу давать большой обѣдъ; заготовленіе къ нему было сдѣлано огромное; стукъ поварскихъ[1] ножей на генеральской кухнѣ былъ слышенъ еще близь городской заставы. Весь совершенно рынокъ былъ забранъ для обѣда[2], такъ что судья съ своею діаконицею долженъ былъ ѣсть однѣ только лепешки изъ гречневой муки да крахмальный кисель. Небольшой дворикъ генеральской квартиры былъ весь уставленъ дрожками и колясками. Общество состояло изъ мужчинъ — офицеровъ и нѣкоторыхъ окружныхъ помѣщиковъ. Изъ помѣщиковъ болѣе всѣхъ былъ замѣчателенъ Пиѳагоръ Пиѳагоровичъ Чертокуцкій, одинъ изъ главныхъ аристократовъ Б.... уѣзда, болѣе всѣхъ шумѣвшій на выборахъ и пріѣзжавшій туда въ щегольскомъ экипажѣ. Онъ служилъ прежде въ одномъ изъ кавалерійскихъ полковъ и былъ однимъ изъ числа значительныхъ и видныхъ офицеровъ; по крайней мѣрѣ, его видали на многихъ балахъ и собраніяхъ, гдѣ только кочевалъ ихъ полкъ; впрочемъ, объ этомъ можно спросить у дѣвицъ тамбовской и симбирской губерній. Весьма можетъ быть, что онъ распустилъ бы и въ прочихъ губерніяхъ выгодную для себя славу, если бы не вышелъ въ отставку по одному случаю, который обыкновенно называется „непріятною исторіею“: онъ ли далъ кому-то въ старые годы оплеуху, или ему дали ее, объ этомъ навѣрное не помню, дѣло только въ томъ, что его попросили вытти въ отставку. Впрочемъ онъ этимъ ничуть не уронилъ своего вѣсу: носилъ фракъ съ высокою таліей, на манеръ военнаго мундира, на сапогахъ шпоры и подъ носомъ усы, потому что безъ того дворяне могли бы подумать, что онъ служилъ въ пѣхотѣ, которую онъ презрительно называлъ иногда пѣхтурой, а иногда пѣхонтаріей. Онъ былъ на всѣхъ многолюдныхъ ярмаркахъ, куда внутренность Россіи, состоящая изъ мамокъ, дѣтей, дочекъ и толстыхъ помѣщиковъ, наѣзжала веселиться, бричками, таратайками, тарантасами и такими каретами, какія и во снѣ никому не снились. Онъ пронюхивалъ носомъ, гдѣ стоялъ кавалерійскій полкъ, и всегда пріѣзжалъ видѣться съ господами офицерами, очень ловко выскакивалъ передъ ними изъ

своей легенькой[1] колясочки[2] или дрожекъ и чрезвычайно скоро знакомился. Въ прошлые выборы далъ онъ дворянству прекрасный обѣдъ, на которомъ объявилъ, что если только его выберутъ предводителемъ, то онъ поставитъ дворянъ на самую лучшую ногу. Вообще велъ себя по-барски, какъ выражаются въ уѣздахъ и губерніяхъ; женился на довольно хорошенькой; взялъ за нею двѣсти душъ приданаго и нѣсколько тысячъ капиталу. Капиталъ былъ тотчасъ употребленъ на шестерку дѣйствительно отличныхъ лошадей, вызолоченные замки къ дверямъ, ручную обезьяну для дома и француза дворецкаго. Двѣсти же душъ, вмѣстѣ съ двумя стами его собственныхъ, были заложены въ ломбардъ для какихъ-то коммерческихъ оборотовъ. Словомъ, онъ былъ помѣщикъ, какъ слѣдуетъ.... изрядный помѣщикъ. Кромѣ него[3], на обѣдѣ у генерала было нѣсколько и другихъ помѣщиковъ, но объ нихъ нечего говорить. Остальные были всѣ[4] военные того же полка и два штабъ-офицера: полковникъ и довольно толстый маіоръ. Самъ генералъ былъ дюжъ и тученъ, впрочемъ хорошій начальникъ, какъ отзывались о немъ офицеры. Говорилъ онъ довольно густымъ, значительнымъ басомъ. Обѣдъ былъ чрезвычайный: осетрина, бѣлуга, стерляди, дрофы, спаржа, перепелки, куропатки, грибы доказывали, что поваръ еще со вчерашняго дня не бралъ въ ротъ горячаго, и четыре солдата, съ ножами въ рукахъ, работали, на помощь ему, всю ночь фрикасе и желе[5]. Бездна бутылокъ, длинныхъ съ лафитомъ, короткошейныхъ съ мадерою, прекрасный лѣтній день, окна, открытыя напролетъ, тарелки со льдомъ на столѣ, растрепанная манишка у владѣтелей укладистаго[6] фрака, перекрестный разговоръ, покрываемый генеральскимъ голосомъ и заливаемый шампанскимъ, — все отвѣчало одно другому. Послѣ обѣда всѣ встали съ пріятною тяжестью въ желудкахъ и, закуривъ трубки съ длинными и короткими чубуками, вышли, съ чашками кофію[7] въ рукахъ, на крыльцо.

„Вотъ ее можно теперь посмотрѣть“, сказалъ генералъ. „Пожалуйста, любезнѣйшій“, примолвилъ онъ, обращаясь къ своему адъютанту, довольно ловкому молодому человѣку пріятной наружности: „прикажи, чтобы привели сюда гнѣдую кобылу! Вотъ вы увидите сами“. Тутъ генералъ потянулъ изъ трубки и выпустилъ дымъ. „Она еще не слишкомъ въ холѣ: про-

клятый городишка! нѣтъ порядочной конюшни. Лошадь, пуфъ, пуфъ, очень порядочная".

„И давно, ваше превосходительство, пуфъ, пуфъ, изволите имѣть ее?" сказалъ Чертокуцкій.

„Пуфъ, пуфъ, пуфъ, пу... пуфъ, не такъ давно; всего только два года, какъ она взята мною съ завода".

„И получить ее изволили объѣзженную, или уже здѣсь изволили объѣздить?"

„Пуфъ, пуфъ, пу, пу, пу...у...у...фъ, здѣсь". Сказавши это, генералъ весь исчезнулъ[1] въ дымѣ.

Между тѣмъ изъ конюшни выпрыгнулъ солдатъ, послышался стукъ копытъ, наконецъ показался другой, въ бѣломъ балахонѣ съ черными огромными усами, ведя за узду вздрагивавшую и пугавшуюся лошадь, которая, вдругъ поднявъ голову, чуть не подняла вверхъ[2] присѣвшаго къ землѣ солдата вмѣстѣ съ его усами. „Ну-жъ, ну, Аграфена Ивановна!" говорилъ онъ, подводя ее подъ крыльцо.

Кобыла называлась Аграфена Ивановна. Крѣпкая и дикая, какъ южная красавица, она грянула копытами въ деревянное крыльцо и вдругъ остановилась.

Генералъ, опустивши трубку, началъ смотрѣть съ довольнымъ видомъ[3] на Аграфену Ивановну. Самъ полковникъ, сошедши съ крыльца, взялъ Аграфену Ивановну за морду. Самъ маіоръ потрепалъ Аграфену Ивановну по ногѣ, прочіе пощелкали языкомъ.

Чертокуцкій сошелъ съ крыльца и зашелъ ей взадъ. Солдатъ, вытянувшись и держа узду, глядѣлъ прямо посѣтителямъ въ глаза, будто бы хотѣлъ вскочить въ нихъ.

„Очень, очень хорошая!" сказалъ Чертокуцкій. „Статистая лошадь! А позвольте, ваше превосходительство, узнать, какъ она ходитъ?"

„Шагъ у нея хорошъ, только... чортъ его знаетъ... этотъ дуракъ фельдшеръ далъ ей какихъ-то пилюль, и вотъ уже два дня все чихаетъ".

„Очень, очень хороша! А имѣете ли, ваше превосходительство, соотвѣтствующій экипажъ?"

„Экипажъ?.. Да вѣдь это верховая лошадь".

„Я это знаю; но я спросилъ, ваше превосходительство,

для того, чтобъ узнать, имѣете ли и къ другимъ лошадямъ соотвѣтствующій экипажъ?“

„Ну, экипажей у меня не слишкомъ достаточно. Мнѣ, признаться вамъ сказать, давно хочется имѣть нынѣшнюю коляску. Я писалъ объ этомъ къ брату моему, который теперь въ Петербургѣ, да не знаю, пришлетъ ли онъ, или нѣтъ“.

„Мнѣ кажется, ваше превосходительство“, замѣтилъ полковникъ: „нѣтъ лучше коляски, какъ вѣнская“.

„Вы справедливо думаете, пуфъ, пуфъ, пуфъ“.

„У меня, ваше превосходительство, есть чрезвычайная коляска, настоящей вѣнской работы“.

„Какая? та, въ которой вы пріѣхали?“

„О, нѣтъ; это такъ, разъѣздная, собственно для моихъ поѣздокъ, но та... это удивительно, легка, какъ перышко, а когда вы сядете въ нее, то, просто. какъ бы, съ позволенія вашего превосходительства, нянька васъ въ люлькѣ качала!“

„Стало быть покойна?“

„Очень, очень покойна; подушки, рессоры, это все какъ-будто на картинкѣ нарисовано“.

„Это хорошо“.

„А ужъ укладиста какъ! то есть, я, ваше превосходительство, и не видывалъ еще такой. Когда я служилъ, то у меня въ ящики помѣщалось десять бутылокъ рому и двадцать фунтовъ табаку, кромѣ того со мною еще было около шести мундировъ, бѣлье и два чубука, ваше превосходительство, самые длинные, а въ карманы можно цѣлаго быка помѣстить“.

„Это хорошо“.

„Я, ваше превосходительство, заплатилъ за нее четыре тысячи“.

„Судя по цѣнѣ, должна быть хороша. И вы купили ее сами?“

„Нѣтъ, ваше превосходительство, она досталась по случаю. Ее купилъ мой другъ, рѣдкій человѣкъ, товарищъ моего дѣтства, съ которымъ бы вы сошлись совершенно; мы съ нимъ, что твое, что мое — все равно. Я выигралъ ее у него въ карты. Не угодно ли, ваше превосходительство, сдѣлать

мнѣ честь пожаловать завтра ко мнѣ отобѣдать? и коляску вмѣстѣ посмотрите".

„Я не знаю, что̀ вамъ на это сказать. Мнѣ одному какъ-то... Развѣ ужъ позволите вмѣстѣ съ господами офицерами?"

„И господъ офицеровъ прошу покорнѣйше. Господа! я почту себѣ за большую честь имѣть удовольствіе видѣть васъ въ своемъ домѣ".

Полковникъ, маіоръ и прочіе офицеры отблагодарили учтивымъ поклономъ.

„Я, ваше превосходительство, самъ того мнѣнія, что если покупать вещь, то непремѣнно хорошую; а если дурную, то нечего и заводить. Вотъ у меня, когда сдѣлаете мнѣ честь завтра пожаловать, я покажу кое-какія статьи, которыя я самъ завелъ по хозяйственной части".

Генералъ посмотрѣлъ и выпустилъ изо рту дымъ.

Чертокуцкій былъ чрезвычайно доволенъ, что пригласилъ къ себѣ господъ офицеровъ; онъ заранѣе заказывалъ въ головѣ своей паштеты и соусы, посматривалъ очень весело на господъ офицеровъ, которые также, съ своей стороны, какъ-то удвоили къ нему свое расположеніе, что̀ было замѣтно изъ глазъ ихъ[1] и небольшихъ тѣлодвиженій, въ родѣ полупоклоновъ. Чертокуцкій выступилъ[2] впередъ какъ-то развязнѣе, и голосъ его принялъ разслабленіе — выраженіе голоса, обремененнаго удовольствіемъ.

„Тамъ, ваше превосходительство, познакомитесь съ хозяйкой дома".

„Мнѣ очень пріятно", сказалъ генералъ, поглаживая усы.

Чертокуцкій послѣ этого хотѣлъ немедленно отправиться домой, чтобы заблаговременно приготовить все къ принятію гостей къ завтрашнему обѣду; онъ взялъ уже было[3] и шляпу въ руки, но какъ-то такъ странно случилось, что онъ остался еще на нѣсколько времени. Между тѣмъ уже въ комнатѣ были разставлены ломберные столы. Скоро все общество раздѣлилось на четверныя партіи въ вистъ и разсѣлось въ разныхъ углахъ[4] генеральскихъ комнатъ.

Подали свѣчи. Чертокуцкій долго не зналъ, садиться или не садиться ему за вистъ. Но какъ господа офицеры начали приглашать, то ему показалось очень несогласно съ правилами общежитія отказаться — онъ присѣлъ. Нечувствительно

очутился передъ нимъ стаканъ съ пуншемъ, который онъ, позабывшись, въ ту же минуту выпилъ. Сыгравши два робера[1], Чертокуцкій опять нашелъ подъ рукою стаканъ съ пуншемъ, который, тоже позабывшись, выпилъ, сказавши напередъ: „Пора, господа, мнѣ домой; право, пора“. Но опять присѣлъ и на вторую партію. Между тѣмъ разговоръ въ разныхъ углахъ комнаты принялъ совершенно частное направленіе. Играющіе въ вистъ были довольно молчаливы; но неигравшіе, сидѣвшіе на диванахъ въ сторонѣ, вели свой разговоръ. Въ одномъ углу штабъ-ротмистръ, подложивши себѣ подъ бокъ подушку, съ трубкою въ зубахъ, разсказывалъ довольно свободно и плавно любовныя свои приключенія и овладѣлъ совершенно вниманіемъ собравшагося около него кружка. Одинъ чрезвычайно толстый помѣщикъ съ короткими руками, нѣсколько похожими на два выросшіе картофеля, слушалъ съ необыкновенно сладкою миною и только по временамъ силился запустить коротенькую свою руку за широкую спину, чтобъ вытащить оттуда табакерку. Въ другомъ углу завязался довольно жаркій споръ объ эскадронномъ ученіи[2], и Чертокуцкій, который въ это время уже, вмѣсто дамы, два раза сбросилъ валета, вмѣшивался вдругъ въ чужой разговоръ и кричалъ изъ своего угла: „въ которомъ году?“ или „котораго полка?“ не замѣчая, что иногда вопросъ совершенно не приходился къ дѣлу. Наконецъ, за нѣсколько минутъ до ужина, вистъ прекратился, но онъ продолжался еще на словахъ, и, казалось, головы всѣхъ были полны вистомъ. Чертокуцкій очень помнилъ, что выигралъ много, но руками не взялъ ничего и, вставши изъ-за стола, долго стоялъ въ положеніи человѣка, у котораго нѣтъ въ карманѣ носоваго платка. Между тѣмъ подали ужинъ. Само собою разумѣется, что въ винахъ не было недостатка и что Чертокуцкій почти невольно долженъ былъ иногда наливать въ стаканъ себѣ, потому что направо и налѣво стояли у него бутылки[3].

Разговоръ затянулся за столомъ предлинный, но, впрочемъ, какъ-то странно онъ былъ веденъ: одинъ полковникъ, служившій еще въ кампанію 1812 года, разсказалъ такую баталію, какой никогда не было, и потомъ, совершенно неизвѣстно по какимъ причинамъ, взялъ пробку изъ графина[4] и воткнулъ ее въ пирожное. Словомъ, когда начали разъѣзжаться, то уже

было три часа[1], и кучера должны были нѣсколькихъ особъ взять въ охапку, какъ бы узелки съ покупкою, и Чертокуцкій, не смотря на весь аристократизмъ свой, сидя въ коляскѣ, такъ низко кланялся и съ такимъ размахомъ головы, что, пріѣхавши домой, привезъ въ усахъ своихъ два репейника.

Въ домѣ все совершенно спало; кучеръ едва могъ сыскать камердинера, который проводилъ господина чрезъ гостиную, сдалъ горничной дѣвушкѣ, за которою кое-какъ Чертокуцкій добрался до спальни и уложился[2] возлѣ своей молоденькой и хорошенькой жены, лежавшей прелестнѣйшимъ образомъ въ бѣломъ, какъ снѣгъ, спальномъ платьѣ. Движеніе, произведенное паденіемъ ея супруга на кровать, разбудило ее. Протянувшись, поднявши рѣсницы и три раза быстро зажмуривши глаза, она открыла ихъ съ полусердитою улыбкою; но, видя, что онъ рѣшительно не хочетъ оказать на этотъ разъ никакой ласки, съ досады поворотилась на другую сторону и, положивъ свѣжую свою щечку[3] на руку, скоро послѣ него заснула.

Было уже такое время, которое по деревнямъ не называется *рано*, когда проснулась молодая хозяйка возлѣ[4] храпѣвшаго супруга. Вспомнивши, что онъ возвратился вчера домой въ четвертомъ часу ночи, она пожалѣла будить его и, надѣвъ спальные башмачки, которые супругъ ея выписалъ изъ Петербурга, въ бѣлой кофточкѣ, драпировавшейся на ней, какъ льющаяся вода, она вышла въ свою уборную, умылась свѣжею, какъ сама, водою и подошла къ туалету. Взглянувши на себя раза два, она увидѣла, что сегодня очень недурна. Это, повидимому, незначительное обстоятельство заставило ее просидѣть передъ зеркаломъ ровно два часа лишнихъ. Наконецъ, она одѣлась очень мило и вышла освѣжиться въ садъ. Какъ нарочно, время было тогда прекрасное, какимъ можетъ только похвалиться лѣтній южный день. Солнце, вступивши на полдень, жарило всею силою лучей; но подъ темными густыми аллеями гулять было прохладно, и цвѣты, пригрѣтые солнцемъ, утрояли свой запахъ. Хорошенькая хозяйка вовсе позабыла о томъ, что уже двѣнадцать часовъ, а[5] супругъ ея спитъ. Уже доходило до слуха ея послѣобѣденное храпѣнье двухъ кучеровъ и одного форейтора, спавшихъ въ конюшнѣ, находившейся за садомъ. Но она все си-

дѣла въ густой аллеѣ, изъ которой былъ открытъ видъ на большую дорогу, и разсѣянно глядѣла на безлюдную ея пустынность, какъ вдругъ показавшаяся вдали пыль привлекла ея вниманіе. Всмотрѣвшись, она скоро увидѣла нѣсколько экипажей. Впереди ѣхала открытая двумѣстная легенькая[1] колясочка; въ ней сидѣлъ генералъ съ толстыми блестѣвшими на солнцѣ эполетами, и рядомъ съ нимъ полковникъ. За ней слѣдовала другая четвероместная; въ ней сидѣлъ маіоръ съ генеральскимъ адъютантомъ и еще двумя насупротивъ сидѣвшими офицерами; за коляской слѣдовали извѣстныя всѣмъ полковыя дрожки, которыми владѣлъ на этотъ разъ тучный маіоръ; за дрожками—четвероместный бонвояжъ, въ которомъ сидѣли четыре офицера и пятый на рукахъ; за бонвояжемъ рисовались три офицера на прекрасныхъ гнѣдыхъ[1] — лошадяхъ въ темныхъ яблокахъ.

„Неужели это къ намъ?“ подумала хозяйка дома. „Ахъ, Боже мой! въ самомъ дѣлѣ — они поворотили на мостъ!“ Она вскрикнула, всплеснула руками и побѣжала чрезъ клумбы и цвѣты прямо въ спальню своего мужа. Онъ спалъ мертвецки.

„Вставай, вставай! вставай скорѣе!“ кричала она, дергая его за руку.

„А?“ проговорилъ, потягиваясь, Чертокуцкій, не раскрывая глазъ.

„Вставай, пульпультикъ! слышишь ли? гости!“

„Гости? какіе гости?...“ Сказавши это, онъ испустилъ небольшое мычаніе, какое издаетъ теленокъ, когда ищетъ мордою сосцовъ своей матери. „Мм...“ ворчалъ онъ: „протяни, моньмуня, свою шейку! я тебя поцѣлую“.

„Душенька, вставай, ради Бога, скорѣй! Генералъ съ офицерами! Ахъ, Боже мой, у тебя въ усахъ репейникъ!“

„Генералъ? А, такъ онъ уже ѣдетъ? Да что же это, чортъ возьми, меня никто не разбудилъ? А обѣдъ, что жъ обѣдъ? Все ли тамъ, какъ слѣдуетъ, готово?“

„Какой обѣдъ?“

„А развѣ я не заказывалъ?“

„Ты? ты пріѣхалъ въ четыре часа ночи и, сколько я ни спрашивала тебя, ты ничего не сказалъ мнѣ. Я тебя, пульпультикъ, потому не будила, что мнѣ жаль тебя стало: ты

ничего не спалъ...“ Послѣднія слова сказала она чрезвычайно томнымъ и умоляющимъ голосомъ.

Чертокуцкій, вытаращивъ глаза, минуту лежалъ на постели[1], какъ громомъ пораженный; наконецъ, вскочилъ онъ въ одной рубашкѣ съ постели, позабывши, что это вовсе неприлично.

„Ахъ, я лошадь!“ сказалъ онъ, ударивъ себя по лбу: „я звалъ ихъ на обѣдъ! Что дѣлать? Далеко они?“ [2]

„Я не знаю... они должны сію минуту уже быть“.

„Душенька... спрячься!... Эй, кто тамъ? Ты, дѣвчонка! ступай—чего дура боишься?—пріѣдутъ офицеры сію минуту: ты скажи, что барина нѣтъ дома; скажи, что и не будетъ совсѣмъ, что еще съ утра выѣхалъ... слышишь? и дворовымъ всѣмъ объяви; ступай скорѣе!“

Сказавши это, онъ схватилъ наскоро халатъ и побѣжалъ спрятаться въ экипажный сарай, полагая тамъ положеніе свое совершенно безопаснымъ. Но, ставши въ углу сарая, онъ увидѣлъ, что и здѣсь можно было его какъ-нибудь увидѣть. „А вотъ это будетъ лучше“, мелькнуло въ его головѣ, и онъ въ одну минуту отбросилъ ступени близь стоявшей коляски, вскочилъ туда, закрылъ за собою дверцы, для большей безопасности закрылся фартукомъ и кожею и притихъ совершенно, согнувшись въ своемъ халатѣ.

Между тѣмъ экипажи подъѣхали къ крыльцу.

Вышелъ генералъ и встряхнулся; за нимъ — полковникъ, поправляя руками султанъ на своей шляпѣ; потомъ соскочилъ съ дрожекъ толстый маіоръ, держа подъ мышкою саблю; потомъ выпрыгнули изъ бонвояжа тоненькіе подпоручики съ сидѣвшимъ на рукахъ прапорщикомъ; наконецъ, сошли съ сѣделъ рисовавшіеся на лошадяхъ офицеры.

„Барина нѣтъ дома“, сказалъ, выходя на крыльцо, лакей[3].

„Какъ нѣтъ? Стало быть, онъ, однакожъ, будетъ къ обѣду?“

„Никакъ нѣтъ. Они уѣхали на весь день. Завтра развѣ около этого только времени будутъ“.

„Вотъ тебѣ на!“ сказалъ генералъ: „какъ же это?...“

„Признаюсь, это штука“, сказалъ полковникъ, смѣясь.

„Да нѣтъ, какъ же этакъ дѣлать?“ продолжалъ генералъ съ неудовольствіемъ. „Фить... Чортъ... Ну, не можешь принять, зачѣмъ напрашиваться?“

„Я, ваше превосходительство, не понимаю, какъ можно это дѣлать“, сказалъ одинъ молодой офицеръ.

„Что?“ сказалъ генералъ, имѣвшій обыкновеніе всегда произносить эту вопросительную частицу, когда говорилъ съ оберъ-офицеромъ.

„Я говорилъ, ваше превосходительство: какъ можно поступать такимъ образомъ!“

„Натурально... Ну, не случилось, что ли — дай знать по крайней мѣрѣ, или не проси“.

„Что жъ, ваше превосходительство, нечего дѣлать, поѣдемте назадъ!“ сказалъ полковникъ.

„Разумѣется, другаго средства нѣтъ. Впрочемъ, коляску мы можемъ посмотрѣть и безъ него. Онъ, вѣрно, ея не взялъ съ собою. Эй, кто тамъ? Подойди, братецъ, сюда!“

„Чего изволите?“ [1]

„Ты конюхъ?“

„Конюхъ, ваше превосходительство“.

„Покажи-ка намъ новую коляску, которую недавно досталъ баринъ“.

„А вотъ, пожалуйте въ сарай“.

Генералъ отправился вмѣстѣ съ офицерами въ сарай.

„Вотъ извольте, я ее немного выкачу: здѣсь темненько.“

„Довольно, довольно, хорошо!“

Генералъ и офицеры обошли вокругъ коляску и тщательно осмотрѣли колеса и рессоры.

„Ну, ничего нѣтъ особеннаго“, сказалъ генералъ: „коляска самая обыкновенная.“

„Самая неказистая“, сказалъ полковникъ: „совершенно нѣтъ ничего хорошаго“.

„Мнѣ кажется, ваше превосходительство, она совсѣмъ не стоитъ четырехъ тысячъ“, сказалъ одинъ изъ молодыхъ офицеровъ.

„Что?“

„Я говорю, ваше превосходительство, что, мнѣ кажется, она не стоитъ четырехъ тысячъ“.

„Какое четырехъ тысячъ! она и двухъ не стоитъ. Просто, ничего нѣтъ. Развѣ внутри есть что-нибудь особенное... Пожалуйста, любезный, отстегни кожу...“

И глазамъ офицеровъ предсталъ Чертокуцкій, сидящій въ халатѣ и согнувшійся необыкновеннымъ образомъ.

„А, вы здѣсь!..." сказалъ изумившійся генералъ.

Сказавши это, генералъ тутъ же захлопнулъ дверцы, закрылъ опять Чертокуцкаго фартукомъ и уѣхалъ вмѣстѣ съ господами офицерами.

РИМЪ.

ОТРЫВОКЪ.

Попробуй взглянуть на молнію, когда, раскроивши черныя, какъ уголь, тучи, нестерпимо затрепещетъ она цѣлымъ потопомъ блеска: таковы очи у альбанки Аннунціаты. Все напоминаетъ въ ней тѣ античныя времена, когда оживлялся мраморъ и блистали скульптурные рѣзцы. Густая смола волосъ тяжеловѣсной косою вознеслась въ два кольца надъ головой и четырьмя длинными кудрями разсыпалась по шеѣ. Какъ ни поворотитъ она сіяющій снѣгъ своего лица — образъ ея весь отпечатлѣлся въ сердцѣ. Станетъ ли профилемъ — дивнымъ благородствомъ дышетъ профиль, и мечется красота линій, какихъ не создавала кисть. Обратится ли затылкомъ съ подобранными кверху чудесными волосами, показавъ сверкающую позади шею и красоту невиданныхъ землею плечъ — и тамъ она чудо! Но чудеснѣе всего, когда глянетъ она прямо очами въ очи, водрузивши хладъ и замиранье въ сердце. Полный голосъ ея звенитъ, какъ мѣдь. Никакой гибкой пантерѣ не сравниться[1] съ ней въ быстротѣ, силѣ и гордости движеній. Все въ ней вѣнецъ созданья, отъ плечъ до античной дышущей[2] ноги и до послѣдняго пальчика на ея ногѣ. Куда ни пойдетъ она — уже несетъ съ собой картину: спѣшитъ ли ввечеру къ фонтану съ кованной мѣдной вазой на головѣ — вся проникается чуднымъ согласіемъ обнимающая ее окрестность: легче уходятъ въ даль чудесныя линіи альбанскихъ горъ, синѣе глубина римскаго неба, прямѣй летитъ вверхъ кипарисъ, и красавица южныхъ деревъ, римская пинна, тонѣе и чище рисуется на небѣ своею зонтикообразною, почти плывущею на воздухѣ вер-

хушкою. И все: и самый фонтанъ, гдѣ уже столпились въ кучу на мраморныхъ ступеняхъ, одна выше другой, альбанскія горожанки, переговаривающіяся сильными серебряными голосами, пока поочередно бьетъ вода звонкой алмазной дугой въ подставляемые мѣдные чаны, и самый фонтанъ, и самая толпа,— все, кажется, для нея, чтобы ярче выказать торжествующую красоту, чтобы видно было, какъ она предводитъ всѣмъ, подобно, какъ царица предводитъ за собою придворный чинъ свой. Въ праздничный ли день, когда темная древесная галлерея, ведущая изъ Альбано въ Кастель-Гандольфо, вся полна празднично убраннаго народа, когда мелькаютъ подъ сумрачными ея сводами щеголи Миненти въ бархатномъ убранствѣ, съ яркими поясами и золотистымъ цвѣткомъ на пуховой шляпѣ; бредутъ или несутся вскачь ослы съ полузажмуренными глазами, живописно неся на себѣ стройныхъ и сильныхъ альбанскихъ и фраскатанскихъ женщинъ, далеко блистающихъ бѣлыми головными уборами, или таща вовсе не живописно, съ трудомъ и спотыкаясь, длиннаго неподвижнаго англичанина въ гороховомъ непроникаемомъ[1] макинтошѣ, скорчившаго въ острый уголъ свои ноги, чтобы не зацѣпить ими земли, или неся художника въ блузѣ, съ деревяннымъ ящикомъ на ремнѣ и ловкой вандиковской бородкой, а тѣнь и солнце бѣгутъ попеременно по всей группѣ — и тогда, и въ оный праздничный день при ней далеко лучше, чѣмъ безъ нея. Глубина галлереи выдаетъ ее изъ сумрачной темноты своей всю сверкающую, всю въ блескѣ. Пурпурное сукно альбанскаго ея наряда вспыхиваетъ, какъ щерь, тронутое солнцемъ. Чудный праздникъ летитъ съ лица[2] ея навстрѣчу всѣмъ. И, повстрѣчавъ ее, останавливаются, какъ вкопанные: и щеголь Миненте съ цвѣткомъ за шляпой, издавши невольно восклицаніе; и англичанинъ въ гороховомъ макинтошѣ, показавъ вопросительный знакъ на неподвижномъ лицѣ своемъ; и художникъ съ вандиковской бородкой, долѣе всѣхъ остановившійся на одномъ мѣстѣ, подумывая: „то-то была бы чудная модель для Діаны, гордой Юноны, соблазнительныхъ грацій и всѣхъ женщинъ, какія только передавались на полотно!“ и дерзновенно думая въ то же время: то-то былъ бы рай, если бъ такое диво украсило навсегда смиренную его мастерскую.

Но кто же тотъ, чей взглядъ неотразимѣе вперился за ея слѣдомъ? Кто сторожитъ ея рѣчи, движенья и движенья мыслей на ея лицѣ? Двадцатипятилѣтній юноша, римскій князь, потомокъ фамиліи, составлявшей когда-то честь, гордость и безславіе среднихъ вѣковъ, нынѣ пустынно догорающей въ великолѣпномъ дворцѣ, исписанномъ фресками Гверчина и Караччей, съ потускнѣвшей картинной галлереей, съ полинявшими штофами, лазурными столами и посѣдѣвшимъ, какъ лунь, maestro di casa. Его-то увидали недавно римскія улицы, несущаго свои черныя очи, метатели огней изъ-за перекинутаго черезъ плечо плаща, носъ, очеркнутый античной линіей, слоновую бѣлизну лба и брошенный на него летучій шелковый локонъ. Онъ появился въ Римѣ послѣ пятнадцати лѣтъ отсутствія, появился гордымъ юношею вмѣсто еще недавно бывшаго дитяти.

Но читателю нужно знать непремѣнно, какъ все это свершилось, и потому пробѣжимъ наскоро исторію его жизни, еще молодой, но уже обильной многими сильными впечатлѣніями. Первоначальное дѣтство его протекло въ Римѣ; воспитывался онъ такъ, какъ въ обычаѣ у доживающихъ вѣкъ свой римскихъ вельможъ. Учитель, гувернеръ, дядька и все, что̀ угодно, былъ у него аббатъ, строгій классикъ, почитатель писемъ Піетра Бембо, сочиненій Джіованни della Casa и пяти-шести пѣсней Данта, читавшій ихъ не иначе, какъ съ сильными восклицаніями: Dio, che cosa divina! и потомъ черезъ двѣ строки: Diavolo, che divina cosa! въ чемъ состояла почти вся художественная оцѣнка и критика, — обращавшій остальной разговоръ на брокколи и артишоки, любимый свой предметъ, знавшій очень хорошо, въ какое время лучше телятина, съ какого мѣсяца нужно начинать ѣсть козленка, любившій обо всемъ этомъ поболтать на улицѣ, встрѣтясь съ пріятелемъ, другимъ аббатомъ, обтягивавшій весьма ловко полныя икры свои въ шелковые черные чулки, прежде запихнувши подъ нихъ шерстяные; чистившій себя регулярно одинъ разъ въ мѣсяцъ лѣкарствомъ olio di ricino въ чашкѣ кофію[1], и полнѣвшій съ каждымъ днемъ и часомъ, какъ полнѣютъ всѣ аббаты. Натурально, что молодой князь узналъ не много подъ такимъ началомъ. Узналъ онъ только, что латинскій языкъ есть отецъ италіянскаго,

что монсиньоры бывают трехъ родовъ: одни въ черныхъ чулкахъ, другіе въ лиловыхъ, а третьи такіе, которые бываютъ почти то же, что кардиналы; узналъ нѣсколько писемъ Піетра Бембо къ тогдашнимъ кардиналамъ, большею частью поздравительныхъ; узналъ хорошо улицу Корсо, по которой ходилъ прогуливаться съ аббатомъ, да виллу Боргезе, да двѣ-три лавки, передъ которыми останавливался аббатъ для закупки бумаги, перьевъ и нюхательнаго табаку, да аптеку, гдѣ бралъ онъ свое olio di ricino. Въ этомъ заключался весь горизонтъ свѣдѣній воспитанника. О другихъ земляхъ и государствахъ аббатъ намекнулъ въ какихъ-то неясныхъ и нетвердыхъ чертахъ: что есть земля Франція, богатая земля, что англичане — хорошіе купцы и любятъ ѣздить, что нѣмцы — пьяницы, и что на сѣверѣ есть варварская земля Московія, гдѣ бываютъ такіе жестокіе морозы, отъ которыхъ можетъ лопнуть мозгъ человѣческій. Далѣе сихъ свѣдѣній воспитанникъ вѣроятно бы не узналъ, достигнувъ до двадцатипятилѣтняго своего возраста, если бъ старому князю не пришла вдругъ въ голову идея перемѣнить старую методу воспитанья и дать сыну образованье европейское, что̀ можно было отчасти приписать вліянію какой-то французской дамы, на которую онъ съ недавняго времени сталъ наводить безпрестанно лорнетъ на всѣхъ театрахъ и гуляньяхъ, засовывая поминутно свой подбородокъ въ огромный бѣлый жабо и поправляя черный локонъ на парикѣ. Молодой князь былъ отправленъ въ Лукку, въ университетъ. Тамъ, во время шестилѣтняго его пребыванья, развернулась его живая италіянская природа, дремавшая подъ скучнымъ надзоромъ аббата. Въ юношѣ оказалась душа, жадная наслажденій избранныхъ, и наблюдательный умъ. Италіянскій университетъ, гдѣ наука влачилась, скрытая въ черствыхъ схоластическихъ образахъ[1], не удовлетворялъ новой молодежи, которая уже слышала урывками о ней живые намеки, перелетавшіе черезъ Альпы. Французское вліяніе становилось замѣтно въ Верхней Италіи: оно заносилось туда вмѣстѣ съ модами, виньетками, водевилями и напряженными произведеніями необузданной[2] французской музы, чудовищной, горячей, но мѣстами не безъ признаковъ таланта. Сильное политическое движеніе въ журналахъ съ іюльской революціи отозвалось и здѣсь. Мечтали о возвращеніи погибшей италіянской славы, съ негодова-

ніемъ глядѣли на ненавистный бѣлый мундиръ австрійскаго солдата. Но италіянская природа, любительница покойныхъ наслажденій, не вспыхнула возстаніемъ, надъ которымъ не позадумался бы французъ; все окончилось только непреодолимымъ желаньемъ побывать въ заальпійской, въ настоящей Европѣ. Вѣчное ея движеніе и блескъ заманчиво мелькали вдали. Тамъ была новость, противуположность ветхости италіянской, тамъ начиналось XIX столѣтіе, европейская жизнь. Сильно порывалась туда душа молодаго князя, чая приключеній и свѣта, и всякій разъ тяжелое чувство грусти его осѣняло, когда онъ видѣлъ совершенную къ тому невозможность: ему былъ извѣстенъ непреклонный деспотизмъ стараго князя, съ которымъ было ему[1] не подъ-силу ладить, — какъ вдругъ получилъ онъ отъ него письмо, въ которомъ предписано было ему ѣхать въ Парижъ, окончить ученье въ тамошнемъ университетѣ и дождаться въ Луккѣ только пріѣзда дяди, съ тѣмъ, чтобы отправиться съ нимъ вмѣстѣ. Молодой князь прыгнулъ отъ радости, перецѣловалъ всѣхъ своихъ друзей, угостилъ всѣхъ въ загородной остеріи и черезъ двѣ недѣли былъ уже въ дорогѣ, съ сердцемъ, готовымъ встрѣтить радостнымъ біеньемъ всякій предметъ. Когда переѣхали Симплонъ, пріятная мысль пробѣжала въ головѣ его: онъ на другой сторонѣ, онъ въ Европѣ! Дикое безобразіе швейцарскихъ горъ, громоздившихся безъ перспективы, безъ легкихъ далей, нѣсколько ужаснуло его взоръ, пріученный къ высоко-спокойной, нѣжащей красотѣ италіянской природы. Но онъ просвѣтлѣлъ вдругъ при видѣ европейскихъ городовъ, великолѣпныхъ, свѣтлыхъ гостинницъ, удобствъ, разставленныхъ всякому путешественнику, располагающемуся, какъ дома. Щеголеватая чистота, блескъ — все было ему ново. Въ нѣмецкихъ городахъ нѣсколько поразилъ его странный складъ тѣла нѣмцевъ, лишенный стройнаго согласія красоты, чувство которой зарождено уже въ груди италіянца; нѣмецкій языкъ также поразилъ непріятно его музыкальное ухо. Но передъ нимъ была уже французская граница; сердце его дрогнуло. Порхающіе звуки европейскаго моднаго языка, лаская, облобызали слухъ его. Онъ съ тайнымъ удовольствіемъ ловилъ скользящій шелестъ ихъ, который еще въ Италіи казался ему чѣмъ-то возвышеннымъ, очищеннымъ отъ всѣхъ

судорожныхъ движеній, какими сопровождаются сильные языки полуденныхъ народовъ, не умѣющихъ держать себя въ границахъ. Еще большее впечатлѣнье произвелъ на него особый родъ женщинъ, легкихъ, порхающихъ. Его поразило это улетучившееся существо, съ едва вызначавшимися легкими формами, съ маленькой ножкой, съ тоненькимъ воздушнымъ станомъ, съ отвѣтнымъ огнемъ во взорахъ и легкими, почти не выговаривающимися рѣчами. Онъ ждалъ съ нетерпѣніемъ Парижа, населялъ его башнями, дворцами, составилъ себѣ по-своему образъ его и съ сердечнымъ трепетомъ увидѣлъ, наконецъ, близкіе признаки столицы: наклеенныя афиши, исполинскія буквы, умножавшіеся дилижансы, омнибусы... наконецъ, понеслись домы предмѣстья. И вотъ онъ въ Парижѣ, безсвязно обнятый его чудовищною наружностью, пораженный движеніемъ, блескомъ улицъ, безпорядкомъ крышъ, гущиной трубъ, безархитектурными сплоченными массами домовъ, облѣпленныхъ тѣсной лоскутностью магазиновъ, безобразьемъ нагихъ, не прислоненныхъ боковыхъ стѣнъ, безчисленной смѣшанной толпой золотыхъ буквъ, которыя лѣзли на стѣны, на окна, на крыши и даже на трубы, свѣтлой прозрачностью нижнихъ этажей, состоявшихъ только изъ однихъ зеркальныхъ стеколъ. Вотъ онъ, Парижъ, это вѣчное, волнующееся жерло, водометъ, мечущій искры новостей, просвѣщенья, модъ, изысканнаго вкуса и мелкихъ, но сильныхъ законовъ, отъ которыхъ не властны оторваться и сами порицатели ихъ; великая выставка всего, что̀ производитъ мастерство, художество и всякій талантъ, скрытый въ невидныхъ углахъ Европы, трепетъ и любимая мечта двадцатилѣтняго человѣка, размѣнъ и ярмарка Европы! Какъ ошеломленный, не въ силахъ собрать себя, пошелъ онъ по улицамъ, пересыпавшимся всякимъ народомъ, исчерченнымъ путями движущихся омнибусовъ, поражаясь то видомъ кафе, блиставшаго неслыханнымъ царскимъ убранствомъ, то знаменитыми крытыми переходами, гдѣ оглушалъ его глухой шумъ нѣсколькихъ тысячъ стучавшихъ шаговъ[1] сплошно двигавшейся толпы, которая вся почти состояла изъ молодыхъ людей, и гдѣ ослѣплялъ его трепещущій блескъ магазиновъ, озаряемыхъ свѣтомъ, падавшимъ сквозь стеклянный потолокъ въ галлерею, то останавливаясь передъ афишами, которыя милліонами пе-

стрѣли и толпились въ глаза, крича о двадцати четырехъ ежедневныхъ представленіяхъ и безчисленномъ множествѣ всякихъ музыкальныхъ концертовъ; то растерявшись, наконецъ, совсѣмъ, когда вся эта волшебная куча вспыхнула ввечеру при волшебномъ освѣщеніи газа — всѣ домы вдругъ стали прозрачными, сильно засіявши снизу; окна и стекла въ магазинахъ, казалось, исчезли, пропали вовсе, и все, что̀ лежало внутри ихъ, осталось прямо среди улицы нехранимо, блистая и отражаясь въ углубленьи зеркалами. „Ma quest'è una cosa divina!" повторялъ живой италіянецъ.

И жизнь его потекла живо, какъ течетъ жизнь многихъ парижанъ и толпы многихъ молодыхъ иностранцевъ, наѣзжающихъ въ Парижъ. Въ девять часовъ утра, схватившись[1] съ постели, онъ уже былъ въ великолѣпномъ кафе, съ модными фресками за стекломъ, съ потолкомъ, облитымъ золотомъ, съ листами длинныхъ журналовъ и газетъ, съ благороднымъ приспѣшникомъ, проходившимъ мимо посѣтителей, держа великолѣпный серебряный кофейникъ въ рукѣ. Тамъ пилъ онъ съ сибаритскимъ наслажденьемъ свой жирный кофій[2] изъ громадной чашки, нѣжась на эластическомъ, упругомъ диванѣ и вспоминая о низенькихъ, темныхъ италіянскихъ кафе съ неопрятнымъ боттегой, несущимъ невымытые стеклянные стаканы. Потомъ принимался онъ за чтеніе колоссальныхъ журнальныхъ листовъ и вспомнилъ о чахоточныхъ журналишкахъ Италіи, о какомъ-нибудь Diario di Roma, il Pirato и тому подобныхъ, гдѣ помѣщались невинныя политическія извѣстія и анекдоты чуть не о Термопилахъ и персидскомъ царѣ Даріѣ. Тутъ, напротивъ, вездѣ видно было кипѣвшее перо. Вопросы на вопросы, возраженья на возраженья — казалось, всякій изъ всѣхъ силъ топорщился: тотъ грозилъ близкой перемѣной вещей и предвѣщалъ разрушенье государству; всякое чуть замѣтное движенье и дѣйствіе камеръ и министерства разросталось въ движенье огромнаго размаха между упорными партіями и почти отчаяннымъ крикомъ слышалось въ журналахъ. Даже страхъ чувствовалъ италіянецъ, читая ихъ и думая[3], что завтра же вспыхнетъ революція; какъ будто въ чаду, выходилъ изъ литературнаго кабинета, и только одинъ Парижъ съ своими улицами могъ вывѣтрить въ одну минуту изъ головы весь этотъ грузъ. Его порхающій по всему блескъ и пе-

строе движенье, послѣ этого тяжелаго чтенія, казались чѣмъ-то похожимъ на легкіе цвѣтки, взбѣжавшіе по оврагу пропасти. Въ одинъ мигъ онъ переселялся весь на улицу и сдѣлался, подобно всѣмъ, зѣвакою во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ зѣвалъ предъ свѣтлыми, легкими продавицами, только-что вступившими въ свою весну, которыми были наполнены всѣ парижскіе магазины, какъ будто бы суровая наружность мужчины была неприлична и мелькала бы темнымъ пятномъ изъ-за цѣльныхъ стеколъ. Онъ глядѣлъ, какъ заманчиво щегольскія тонкія руки, вымытыя всякими мылами, блистая, заворачивали бумажки конфектъ, межъ тѣмъ какъ глаза свѣтло и пристально вперялись на проходящихъ: какъ рисовалась въ другомъ мѣстѣ свѣтловолосая головка въ картинномъ склонѣ, опустивши длинныя рѣсницы въ страницы моднаго романа, не видя, что около нея собралась уже куча молодежи, разсматривающая и ея легкую снѣжную шейку, и всякій волосокъ на головѣ ея, подслушивающая самое колебаніе груди, произведенное чтеніемъ. Онъ зѣвалъ и передъ книжной лавкой, гдѣ, какъ пауки, темнѣли на слоновой бумагѣ черныя виньетки, набросанныя размашисто, сгоряча, такъ что иногда и разобрать нельзя было, что̀ на нихъ такое, и глядѣли іероглифами странныя буквы. Онъ зѣвалъ и передъ машиной, которая одна занимала весь магазинъ и ходила за зеркальнымъ стекломъ, катая огромный валъ, растирающій шоколадъ. Онъ зѣвалъ предъ лавками, гдѣ останавливаются по цѣлымъ часамъ парижскіе крокодилы, засунувъ руки въ карманы[1] и разинувъ ротъ, гдѣ краснѣлъ въ зелени огромный морской ракъ, воздымалась набитая трюфелями индѣйка, съ лаконическою надписью: 300 fr., и мелькали золотистымъ перомъ и хвостами желтыя и красныя рыбы въ стеклянныхъ вазахъ. Онъ зѣвалъ и на широкихъ бульварахъ, царственно проходящихъ поперекъ весь тѣсный Парижъ, гдѣ среди города стояли деревья въ ростъ шестиэтажныхъ домовъ, гдѣ на асфальтовые тротуары валила наѣздная толпа и куча доморощенныхъ парижскихъ львовъ и тигровъ, не всегда вѣрно изображаемыхъ въ повѣстяхъ. И, назѣвавшись вдоволь и досыта, взбирался онъ къ ресторану, гдѣ уже давно сіяли газомъ зеркальныя стѣны, отражая въ себѣ безчисленныя толпы дамъ и мужчинъ, шумѣвшихъ рѣчами за маленькими столиками, разбро-

санными по залу[1]. Послѣ обѣда уже онъ спѣшилъ въ театръ, недоумѣвая только, который выбрать: на каждомъ изъ нихъ своя знаменитость, на каждомъ свой авторъ, свой актеръ. Вездѣ новость. Тамъ блещетъ водевиль, живой, вѣтреный, какъ самъ французъ, новый всякій день, создавшійся весь въ три минуты досуга, смѣшившій весь отъ начала до конца, благодаря неистощимымъ капризамъ веселости актера; тамъ горячая драма.— И онъ невольно сравнилъ сухую, тощую драматическую сцену Италіи, гдѣ повторялись одинъ и тотъ же старикъ Гольдони, знаемый всѣми наизусть, или же новыя комедійки, невинныя и наивныя до того, что ребенокъ бы соскучился надъ ними; онъ сравнилъ ихъ тощую группу съ этимъ живымъ, торопливымъ драматическимъ наводненіемъ, гдѣ все ковалось, пока было горячо, гдѣ всякій боялся только, чтобы не простыла его новость. Насмѣявшись досыта, наволновавшись, наглядѣвшись, утомленный, подавленный впечатлѣніями, возвращался онъ домой и бросался въ постель, которая, какъ извѣстно, одна только нужна французу въ его комнатѣ: кабинетомъ, обѣдомъ и вечернимъ освѣщеніемъ онъ пользуется въ публичныхъ мѣстахъ. Но князь, однакоже, не позабылъ съ этимъ разнообразнымъ зѣваньемъ соединить занятій ума, которыхъ требовала нетерпѣливо душа его. Онъ принялся слушать всѣхъ знаменитыхъ профессоровъ. Живая рѣчь, часто восторженная, новыя точки и стороны, подмѣченныя рѣчивымъ профессоромъ, были неожиданны для молодаго итальянца. Онъ чувствовалъ, какъ стала спадать съ глазъ его пелена, какъ въ другомъ, яркомъ видѣ возставали передъ нимъ прежде незамѣченные предметы, и самый пріобрѣтенный имъ хламъ кое-какихъ знаній, которыя обыкновенно погибаютъ у большей части людей безъ всякихъ примѣненій, пробуждался и, оглянутый другимъ глазомъ, утверждался навсегда въ его памяти. Онъ не пропустилъ также услышать ни одного знаменитаго проповѣдника, публициста, оратора камерныхъ преній[2] и всего, чѣмъ шумно гремитъ въ Европѣ Парижъ. Не смотря на то, что не всегда доставало ему средствъ, что старый князь присылалъ ему содержанье, какъ студенту, а не какъ князю, онъ успѣлъ, однакоже, найти случай побывать вездѣ, найти доступъ ко всѣмъ знаменитостямъ, о которыхъ трубятъ, повторяя другъ друга, европей-

скіе листки; даже увидалъ въ лицо тѣхъ модныхъ писателей, которыхъ странными созданьями была поражена, на ряду съ другими, его пылкая, молодая душа, и въ которыхъ всѣмъ мнилось слышать еще небранныя дотолѣ струны, неуловимые доселѣ изгибы страстей. Словомъ, жизнь италіянца приняла широкій, многосторонній образъ, обнялась всѣмъ громаднымъ блескомъ европейской дѣятельности. Разомъ, въ одинъ и тотъ же день беззаботное зѣванье и тревожное пробужденье, легкая работа глазъ и напряженная ума, водевиль на театрѣ, проповѣдникъ въ церкви, политическій вихрь журналовъ и камеръ, рукоплесканье въ аудиторіяхъ, потрясающій громъ консерваторнаго оркестра, воздушное блистанье танцующей сцены, громотня уличной жизни — какая исполинская жизнь для двадцатипятилѣтняго юноши! [1] Нѣтъ лучшаго мѣста, какъ Парижъ; ни за что не промѣнялъ бы онъ такой жизни. Какъ весело и любо жить въ самомъ сердцѣ Европы, гдѣ, идя, подымаешься выше, чувствуешь, что членъ великаго всемірнаго общества! Въ головѣ его даже вертѣлась мысль отказаться вовсе отъ Италіи и основаться навсегда въ Парижѣ: Италія казалась ему теперь какимъ-то темнымъ, заплѣсневѣлымъ[2] угломъ Европы, гдѣ заглохла жизнь и всякое движенье.

Такъ пронеслись четыре пламенные года его жизни, — четыре года, слишкомъ значительные для юноши, и къ концу ихъ уже многое показалось не въ томъ видѣ, какъ было прежде. Во многомъ онъ разочаровался. Тотъ же Парижъ, вѣчно влекущій къ себѣ иностранцевъ, вѣчная страсть парижанъ, уже показался ему много, много не тѣмъ, чѣмъ былъ прежде. Онъ видѣлъ, какъ вся эта многосторонность и дѣятельность его жизни исчезала безъ выводовъ и плодоносныхъ душевныхъ осадковъ. Въ движеньи вѣчнаго его кипѣнья и дѣятельности видѣлась теперь ему страшная[3] недѣятельность, страшное царство словъ вмѣсто дѣлъ[4]. Онъ видѣлъ, какъ всякій французъ, казалось, только работалъ въ одной разгоряченной головѣ; какъ это журнальное чтеніе огромныхъ листовъ поглощало весь день и не оставляло часа для жизни практической; какъ всякій французъ воспитывался этимъ страннымъ вихремъ книжной, типографски движущейся политики и, еще чуждый сословія, къ которому принадлежалъ, еще не

узнавъ на дѣлѣ всѣхъ правъ и отношеній своихъ, уже приставалъ къ той или другой партіи, горячо и жарко принимая къ сердцу всѣ интересы, становясь свирѣпо противъ своихъ супротивниковъ[1], еще не зная въ глаза ни интересовъ своихъ, ни супротивниковъ[2]... и слово *политика* опротивѣло, наконецъ, сильно италіянцу.

Въ движеньи торговли, ума, вездѣ, во всемъ видѣлъ онъ только напряженное усиліе и стремленіе къ новости. Одинъ силился предъ другимъ, во что̀ бы то̀ ни стало, взять верхъ, хотя бы на одну минуту. Купецъ весь капиталъ свой употреблялъ на одну только уборку магазина, чтобы блескомъ и великолѣпіемъ его заманить къ себѣ толпу. Книжная литература прибѣгала къ картинкамъ и типографической роскоши, чтобъ ими привлечь къ себѣ охлаждающееся вниманіе. Странностью неслыханныхъ страстей, уродливостью исключеній изъ человѣческой природы силились повѣсти и романы овладѣть читателемъ. Все, казалось, нагло навязывалось и напрашивалось само безъ зазыва, какъ непотребная женщина, что̀ ловитъ человѣка[3] ночью на улицѣ; все, одно передъ другимъ, вытягивало повыше свою руку, какъ обступившая толпа надоѣдливыхъ нищихъ. Въ самой наукѣ[4], въ ея одушевленныхъ лекціяхъ, которыхъ достоинство не могъ не признать онъ, теперь стало ему замѣтно вездѣ желанье выказаться, хвастнуть, выставить себя; вездѣ блестящіе эпизоды, и нѣтъ торжественнаго, величаваго теченья всего цѣлаго. Вездѣ усилія поднять доселѣ незамѣченные факты и дать имъ огромное вліяніе, иногда въ ущербъ гармоніи цѣлаго, съ тѣмъ только, чтобы оставить за собой честь открытія; наконецъ, вездѣ почти дерзкая увѣренность и нигдѣ смиреннаго сознанія собственнаго невѣдѣнія, — и онъ привелъ себѣ на память стихъ, которымъ италіянецъ Алфіери, въ ѣдкомъ расположеньи своего духа, попрекнулъ французовъ:

Tutto fanno, nulla sanno,
Tutto sanno, nulla fanno:
Gira volta son Francesi,
Piu gli pesi, men ti danno.

Тоскливое расположеніе духа имъ овладѣло. Напрасно старался онъ развлекать себя, старался сойтись съ людьми, которыхъ уважалъ; но не сошлась италіянская природа съ фран-

цузскимъ элементомъ. Дружба завязывалась быстро, но уже въ одинъ день французъ выказывалъ себя всего до послѣдней черты: на другой день нечего было и узнавать въ немъ, далѣе извѣстной глубины уже нельзя было погрузить вопроса въ его душу, не вонзалось далѣе остріе мысли; а чувства италіянца были слишкомъ сильны, чтобы встрѣтить себѣ полный отвѣтъ въ легкой природѣ. И нашелъ онъ какую-то странную пустоту даже въ сердцахъ тѣхъ, которымъ не могъ отказать въ уваженьи. И увидѣлъ онъ, наконецъ, что при всѣхъ своихъ блестящихъ чертахъ, при благородныхъ порывахъ, при рыцарскихъ вспышкахъ, вся нація была что-то блѣдное, несовершенное, легкій водевиль, ею же порожденный. Не почила на ней величественно-степенная идея. Вездѣ намеки на мысли, и нѣтъ самыхъ мыслей; вездѣ полу-страсти, и нѣтъ страстей; все не окончено, все наметано, набросано съ быстрой руки; вся нація — блестящая виньетка, а не картина великаго мастера.

Нашедшая ли внезапно на него хандра дала ему возможность увидать все въ такомъ видѣ, или внутреннее вѣрное и свѣжее чувство италіянца было тому причиною, то или другое, только Парижъ, со всѣмъ своимъ блескомъ и шумомъ, скоро сдѣлался для него тягостной пустыней, и онъ невольно выбиралъ глухіе отдаленные концы его. Только въ одну еще итальянскую оперу заходилъ онъ, тамъ только какъ будто отдыхала душа его, и звуки роднаго языка теперь выростали предъ нимъ во всемъ могуществѣ и полнотѣ. И стала представляться ему чаще забытая имъ Италія, вдали, въ какомъ-то манящемъ свѣтѣ; съ каждымъ днемъ зазывы ея становились слышнѣе, и онъ рѣшился, наконецъ, писать къ отцу, чтобы позволилъ ему возвратиться въ Римъ, что въ Парижѣ оставаться болѣе онъ не видитъ для себя нужды. Два мѣсяца не получалъ онъ никакого отвѣта, ни даже обычныхъ векселей, которые давно слѣдовало ему получить. Сначала ожидалъ онъ терпѣливо, зная капризный характеръ своего отца, наконецъ начало овладѣвать имъ безпокойство. Нѣсколько разъ на недѣлѣ[1] навѣдывался къ своему банкиру и всегда получалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ, что изъ Рима нѣтъ никакихъ извѣстій. Отчаяніе готово было вспыхнуть въ душѣ его. Средства содержанія уже давно у него всѣ прекратились, уже

давно сдѣлалъ онъ у банкира заемъ, но и эти деньги давно вышли, давно уже онъ обѣдалъ, завтракалъ и жилъ кое-какъ въ долгъ; косо и непріятно начинали посматривать на него — и хоть бы отъ кого-нибудь изъ друзей какое-нибудь извѣстіе. Тутъ-то онъ сильно почувствовалъ свое одиночество. Въ безпокойномъ ожиданіи бродилъ онъ въ этомъ надоѣвшемъ на-смерть городѣ. Лѣтомъ онъ былъ для него еще невыносимѣе: всѣ наѣздныя толпы разлетѣлись по минеральнымъ водамъ, по европейскимъ гостинницамъ и дорогамъ. Призракъ пустоты видѣлся на всемъ[1]. Домы и улицы Парижа были несносны; сады его томились сокрушительно между домовъ, палимыхъ солнцемъ. Какъ убитый, останавливался онъ надъ Сеной, на грузномъ, тяжеломъ мосту, на ея душной набережной, напрасно стараясь чѣмъ-нибудь позабыться, на что-нибудь заглядѣться; тоска необъятная жрала его, и безыменный червь точилъ его сердце. Наконецъ, судьба надъ нимъ умилосердилась — и въ одинъ день банкиръ вручилъ ему письмо. Оно было отъ дяди, который извѣщалъ его, что старый князь уже не существуетъ, что онъ можетъ пріѣхать распорядиться наслѣдствомъ, которое требуетъ его личнаго присутствія, потому что разстроено сильно. Въ письмѣ былъ тощій билетъ, едва доставшій на дорогу и на расплату четвертой доли долговъ. Молодой князь не хотѣлъ медлить минуты, уговорилъ кое-какъ банкира отсрочить долгъ и взялъ мѣсто въ курьерской каретѣ. Казалось, страшная тягость свалилась съ души его, когда скрылся изъ вида Парижъ, и дохнуло на него свѣжимъ воздухомъ полей. Въ двое сутокъ онъ уже былъ въ Марселѣ, не хотѣлъ отдохнуть часу и въ тотъ же вечеръ[2] пересѣлъ на пароходъ. Средиземное море показалось ему роднымъ: оно омывало берега его отчизны, и онъ посвѣжѣлъ уже, только глядя на однѣ безконечныя его волны. Трудно было изъяснить чувство, его обнявшее при видѣ перваго италіянскаго города — это была великолѣпная Генуя. Въ двойной красотѣ вознеслись надъ нимъ ея пестрыя колокольни, полосатыя церкви изъ бѣлаго и чернаго мрамора и весь многобашенный амфитеатръ ея, вдругъ обнесшій его со всѣхъ сторонъ, когда пароходъ пришелъ къ пристани. Никогда не видалъ онъ Генуи. Эта играющая пестрота домовъ, церквей и дворцовъ на тонкомъ небес-

номъ воздухѣ, блиставшемъ непостижимою голубизною, была единственна. Сошедши на берегъ, онъ очутился вдругъ въ этихъ темныхъ, чудныхъ, узенькихъ, мощеныхъ плитами улицахъ, съ одной узенькой вверху полоской голубаго неба. Его поразила эта тѣснота между домами высокими, огромными, отсутствіе экипажнаго стуку, треугольныя маленькія площадки и между ними, какъ тѣсные корридоры, изгибающіяся линіи улицъ, наполненныхъ лавочками генуэзскихъ серебренниковъ и золотыхъ мастеровъ. Живописныя кружевныя покрывала женщинъ, чуть волнуемыя теплымъ широкко, ихъ твердыя походки, звонкій говоръ въ улицахъ, отворенныя двери церквей, кадильный запахъ, несшійся оттуда, — все это дунуло на него чѣмъ-то далекимъ, минувшимъ. Онъ вспомнилъ, что уже много лѣтъ не былъ въ церкви[1], потерявшей свое чистое, высокое значеніе въ тѣхъ умныхъ земляхъ Европы, гдѣ онъ былъ. Тихо вошелъ онъ и сталъ въ молчаніи на колѣни[2], у великолѣпныхъ мраморныхъ колоннъ, и долго молился, самъ не зная, за что, — молился, что его приняла Италія, что снизошло на него желанье молиться, что празднично было у него на душѣ, и молитва эта, вѣрно, была лучшая. Словомъ, какъ прекрасную станцію, унесъ онъ за собою Геную: въ ней принялъ онъ первый поцѣлуй Италіи. Съ такимъ же яснымъ чувствомъ увидѣлъ онъ Ливорно, пустѣющую Пизу, Флоренцію, слабо знаемую имъ прежде. Величаво глянулъ на него тяжелый, граненый куполъ ея собора, темные дворцы царственной архитектуры и строгое величіе небольшаго городка. Потомъ понесся чрезъ Аппенины, сопровождаемый тѣмъ же свѣтлымъ расположеніемъ духа, и когда, наконецъ, послѣ шестидневной дороги, показался, въ ясной дали, на чистомъ небѣ, чудесно круглившійся куполъ—о!... сколько чувствъ тогда столпилось разомъ въ его груди! Онъ не зналъ[3] и не могъ передать ихъ; онъ оглядывалъ всякій холмикъ и отлогость. И вотъ уже, наконецъ, Ponte Molle, городскія ворота, и вотъ обняла его красавица площадей Piazza del popolo, глянулъ Monte Pincio съ террассами, лѣстницами, статуями и людьми, прогуливающимися на верхушкахъ! Боже, какъ забилось его сердце! Ветуринъ понесся по улицѣ Корсо, гдѣ когда-то ходилъ онъ съ аббатомъ, невинный, простодушный, знавшій только, что латинскій языкъ есть отецъ италіянскаго. Вотъ предстали

предъ нимъ опять всѣ домы, которые онъ зналъ наизусть: Palazzo Ruspoli съ своимъ огромнымъ кафе, Piazza Colonna, Palazzo Sciarra, Palazzo Doria; наконецъ, поворотилъ онъ въ переулки, такъ бранимые иностранцами, не кипящіе переулки, гдѣ изрѣдка только попадалась лавка брадобрея съ нарисованными лиліями надъ дверьми, да лавка шляпочника, высунувшаго изъ дверей долгополую кардинальскую шляпу, да лавчонка плетеныхъ стульевъ, дѣлавшихся тутъ же на улицѣ. Наконецъ, карета остановилась передъ величавымъ дворцомъ брамантовскаго стиля. Никого не было въ нагихъ, неубранныхъ сѣняхъ. На лѣстницѣ встрѣтилъ его дряхлый maestro di casa, потому что швейцаръ съ своей булавой ушелъ, по обыкновенью, въ кафе, гдѣ проводилъ все время. Старикъ побѣжалъ отворять ставни и освѣщать мало по малу старинныя величественныя залы. Грустное чувство овладѣло княземъ,— чувство, понятное всякому пріѣзжающему, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отсутствія, домой, когда все, что ни было, кажется еще старѣе, еще пустѣе, и когда тягостно говоритъ всякій предметъ, знаемый въ дѣтствѣ; и чѣмъ веселѣе были съ нимъ сопряженные случаи, тѣмъ сокрушительнѣй грусть, насылаемая имъ на сердце. Онъ прошелъ длинный рядъ залъ, оглянулъ кабинетъ и спальню, гдѣ еще не такъ давно старый владѣтель дворца засыпалъ въ кровати подъ балдахиномъ съ кистями и гербомъ, и потомъ выходилъ въ шлафрокѣ и туфляхъ въ кабинетъ выпить стаканъ ослинаго молока, съ намѣреньемъ пополнѣть, — уборную, гдѣ онъ наряжался съ утонченнымъ стараньемъ старой кокетки и откуда отправлялся потомъ въ коляскѣ съ своими лакеями на гулянье въ виллу Боргезе, лорнировать постоянно какую-то англичанку, пріѣзжавшую туда также прогуливаться. На столахъ и въ ящикахъ видны были еще остатки румянъ, бѣлилъ и всякихъ притираній, которыми молодилъ себя старикъ. Maestro di casa объявилъ, что уже за двѣ недѣли до смерти онъ принялъ было твердое намѣреніе жениться и сдѣлалъ нарочно консультацію съ иностранными докторами, какъ поддержать con onore i doveri di marito, но что въ одинъ день, сдѣлавши два или три визита кардиналамъ и какому-то пріору, онъ возвратился усталый домой, сѣлъ въ кресла и умеръ смертью праведника, хотя смерть его была бы блаженнѣе, если бы онъ, по словамъ

maestro di casa, догадался послать за двѣ минуты прежде за своимъ духовникомъ il padre Benvenuto. Все это слушалъ молодой князь разсѣянно[1], не принадлежа мыслью ни къ чему. Отдохнувши отъ дороги и отъ странныхъ впечатлѣній, онъ занялся своими дѣлами. Его поразилъ страшный безпорядокъ ихъ. Все, отъ малаго до большаго, было въ безтолковомъ, запутанномъ видѣ. Четыре безконечныя тяжбы за обвалившіеся дворцы и земли въ Феррарѣ и Неаполѣ, совершенно опустошенные доходы за три года впередъ, долги и нищенскій недостатокъ среди великолѣпія — вотъ что̀ представилось глазамъ его. Старый князь былъ непонятное соединеніе скупости и пышности. Онъ держалъ огромную прислугу, которая не получала никакой платы, ничего, кромѣ ливреи, и довольствовалась подаяніями иностранцевъ, приходившихъ смотрѣть галлерею. При князѣ были егери, оффиціанты, лакеи, которые ѣздили у него за коляской, лакеи, которые никуда не ѣздили и просиживали по цѣлымъ днямъ въ ближнемъ кафе или остеріи, болтая всякій вздоръ. Онъ распустилъ тотъ же часъ всю эту сволочь, всѣхъ егерей и охотниковъ, и оставилъ одного только старика maestro di casa; уничтожилъ почти вовсе конюшню, продавъ никогда не употреблявшихся лошадей; призвалъ адвокатовъ и распорядился съ своими тяжбами, по крайней мѣрѣ, такъ, что изъ четырехъ составилъ двѣ, бросивъ остальныя, какъ вовсе безполезныя; рѣшился ограничить себя во всемъ и вести жизнь со всею строгостью экономіи. Это было ему не трудно сдѣлать, потому что уже заблаговременно онъ привыкъ ограничивать себя. Ему не трудно было также отказаться отъ всякаго сообщества съ своимъ сословіемъ, — которое, впрочемъ, все состояло изъ двухъ-трехъ доживавшихъ фамилій, — общества, воспитаннаго кое-какъ отголосками французскаго образованья, да богача банкира, собиравшаго около себя кругъ иностранцевъ, да неприступныхъ кардиналовъ, людей необщительныхъ, черствыхъ, уединенно проводившихъ время за карточной игрой въ tresette (родъ дурачка) съ своимъ камердинеромъ или брадобреемъ. Словомъ, онъ уединился совершенно, принялся разсматривать Римъ и сдѣлался въ этомъ отношеніи подобенъ иностранцу, который сначала бываетъ пораженъ мелочной, неблестящей его наружностью, испятнанными, темными домами, и съ недоумѣньемъ

вопрошаетъ, попадая изъ переулка въ переулокъ: „гдѣ же огромный древній Римъ?“ и потомъ уже узнаетъ его, когда мало по малу изъ тѣсныхъ переулковъ начинаетъ выдвигаться древній Римъ гдѣ темной аркой, гдѣ мраморнымъ карнизомъ, вдѣланнымъ въ стѣну, гдѣ порфировой потемнѣвшей колонной, гдѣ фронтономъ посреди вонючаго рыбнаго рынка, гдѣ цѣлымъ портикомъ передъ нестаринной церковью, и, наконецъ, далеко, тамъ, гдѣ оканчивается вовсе живущій городъ, громадно воздымается онъ среди тысящелѣтнихъ плющей, алоэ и открытыхъ равнинъ, необъятнымъ Колизеемъ, тріумфальными арками, останками необозримыхъ цезарскихъ дворцовъ, императорскими банями, храмами, гробницами, разнесенными по полямъ; и уже не видитъ иноземецъ нынѣшнихъ тѣсныхъ его улицъ и переулковъ, весь объятый древнимъ міромъ: въ памяти его возстаютъ колоссальные образы цезарей; криками и плесками древней толпы поражается ухо.....

Но не такъ, какъ иностранецъ, преданный одному Титу Ливію и Тациту, бѣгущій мимо всего, къ одной только древности, желавшій бы въ порывѣ благороднаго педантизма срыть весь новый городъ — нѣтъ, онъ находилъ все равно прекраснымъ: міръ древній, шевелившійся изъ-подъ темнаго архитрава, могучій средній вѣкъ, положившій вездѣ слѣды художниковъ-исполиновъ и великолѣпной щедрости папъ, и, наконецъ, прилѣпившійся къ нимъ новый вѣкъ съ толпящимся новымъ народонаселеніемъ. Ему нравилось это чудное ихъ сліяніе въ одно, эти признаки людной столицы и пустыни вмѣстѣ: дворецъ, колонны, трава, дикіе кусты, бѣгущіе по стѣнамъ, трепещущій рынокъ среди темныхъ, молчаливыхъ, заслоненныхъ снизу громадъ, живой крикъ рыбнаго продавца у портика, лимонадчикъ съ воздушной, украшенной зеленью лавчонкой передъ Пантеономъ. Ему нравилась самая невзрачность улицъ, темныхъ, неприбранныхъ, отсутствіе желтыхъ и свѣтленькихъ красокъ на домахъ, идиллія среди города: отдыхавшее стадо козловъ на уличной мостовой, крики ребятишекъ и какое-то невидимое присутствіе на всемъ ясной торжественной тишины, обнимающей человѣка. Ему нравились эти[1] безпрерывныя внезапности, нежданности, поражающія въ Римѣ. Какъ охотникъ, выходящій съ утра на ловлю, какъ старинный рыцарь, искатель приключеній, онъ отправ-

лялся отыскивать всякій день новыхъ и новыхъ чудесъ и останавливался невольно, когда вдругъ среди ничтожнаго переулка возносился предъ нимъ дворецъ, дышавшій строгимъ сумрачнымъ величіемъ. Изъ темнаго травертина были сложены его тяжелыя, несокрушимыя стѣны, вершину вѣнчалъ великолѣпно набранный колоссальный карнизъ, мраморными брусьями обложена была большая дверь, и окна глядѣли величаво, обремененныя роскошнымъ архитектурнымъ убранствомъ; — или какъ вдругъ нежданно, вмѣстѣ съ небольшой площадью, выглядывалъ картинный фонтанъ, обрызгивавшій себя самого[1] и свои обезображенныя мхомъ гранитныя ступени; — какъ темная грязная улица оканчивалась нежданно играющей архитектурной декораціей Бернини или летящимъ кверху обелискомъ, или церковью и монастырской стѣною, вспыхивавшими блескомъ солнца на темнолазурномъ небѣ, съ черными, какъ уголь, кипарисами. И чѣмъ далѣе вглубь уходили улицы, тѣмъ чаще росли дворцы и архитектурныя созданья Браманта, Борромини, Сангалло, Деллапорта, Виньолы, Бонаротти — и понялъ онъ, наконецъ, ясно, что только здѣсь, только въ Италіи, слышно присутствіе архитектуры и строгое ея величіе, какъ художества. Еще выше было духовное его наслажденье, когда онъ переносился во внутренность церквей и дворцовъ, гдѣ арки, плоскіе столпы и круглыя колонны изъ всѣхъ возможныхъ сортовъ мрамора, перемѣшанные съ базальтовыми, лазурными карнизами, порфиромъ, золотомъ[2] и античными камнями, сочетались согласно, покоренные обдуманной мысли, и выше ихъ всѣхъ вознеслось безсмертное созданіе кисти. Они были высоко прекрасны, эти обдуманныя убранства залъ, полныя царскаго величія и архитектурной роскоши, вездѣ умѣвшей почтительно преклониться предъ живописью въ сей[3] плодотворный вѣкъ, когда художникъ бывалъ и архитекторъ, и живописецъ, и даже скульпторъ вмѣстѣ. Могучія созданья кисти, уже не повторяющейся нынѣ, возносились сумрачно предъ нимъ на потемнѣвшихъ стѣнахъ, все еще непостижимыя и недоступныя для подражанія. Входя и погружаясь болѣе и болѣе въ созерцаніе ихъ, онъ чувствовалъ, какъ развивался видимо его вкусъ, залогъ котораго уже хранился въ душѣ его. И какъ предъ этой величественной, прекрасной роскошью показалась ему теперь низкою роскошь XIX сто-

лѣтія, мелкая, ничтожная роскошь, годная только для украшенья магазиновъ, выведшая на поле дѣятельности золотильщиковъ, мебельщиковъ, обойщиковъ, столяровъ и кучи мастеровыхъ, и лишившая міръ Рафаэлей, Тиціановъ, Микель-Анжеловъ, низведшая къ ремеслу искусство! Какъ низкою показалась ему эта роскошь, поражающая только первый взглядъ и озираемая потомъ равнодушно, передъ этой величавой мыслію — украсить стѣны вѣковѣчнымъ созданьемъ кисти, передъ этой прекрасной мыслью владѣльца дворца — доставить себѣ вѣчный предметъ наслажденья въ часы отдыха отъ дѣлъ и отъ шумнаго жизненнаго дрязга, уединившись тамъ, въ углу, на старинной софѣ, далеко отъ всѣхъ, вперя безмолвно взоръ и, вмѣстѣ со взоромъ, входя глубже душою въ тайны кисти, зрѣя невидимо въ красѣ душевныхъ помысловъ! Ибо высоко возвышаетъ искусство человѣка, придавая[1] благородство и красоту чудную[2] движеньямъ души. Какъ низки казались ему предъ этой незыблемой, плодотворной роскошью, окружившею человѣка предметами, движущими и воспитывающими душу, нынѣшнія мелочныя убранства, ломаемыя и выбрасываемыя ежегодно безпокойною модою, страннымъ, непостижимымъ порожденьемъ XIX вѣка, предъ которымъ безмолвно преклонились мудрецы, губительницей и разрушительницей всего, что̀ колоссально, величественно, свято. При такихъ разсужденіяхъ невольно приходило ему на мысль: не отъ того ли сей[3] равнодушный хладъ, обнимающій нынѣшній вѣкъ, торговый, низкій разсчетъ, ранняя притупленность еще не успѣвшихъ развиться и возникнуть чувствъ? Иконы вынесли изъ храма — и храмъ уже не храмъ: летучія мыши и злые духи обитаютъ въ немъ.

Чѣмъ болѣе онъ всматривался, тѣмъ болѣе поражала его сія[4] необыкновенная плодотворность вѣка, и онъ невольно восклицалъ: „Когда и какъ успѣли они это надѣлать?“ Эта великолѣпная сторона Рима какъ будто-бы росла передъ нимъ ежедневно. Галлереи и галлереи — и конца имъ нѣтъ: и тамъ, и въ той церкви хранится какое-нибудь чудо кисти; и тамъ, на дряхлѣющей стѣнѣ, еще дивитъ готовый исчезнуть фрескъ; и тамъ, на вознесенныхъ мраморахъ и столпахъ, набранныхъ изъ древнихъ языческихъ храмовъ, блещетъ неувядаемой кистью плафонъ. Все это было похоже на скрытые золотые рудники,

покровенные обыкновенной землей, знакомые одному только рудокопу. Какъ полно было у него всякій разъ на душѣ, когда возвращался онъ домой! Какъ было различно это чувство, объятое спокойной торжественностью тишины, отъ тѣхъ тревожныхъ впечатлѣній, которыми безсмысленно наполнялась душа его въ Парижѣ, когда онъ возвращался домой усталый, утомленный, рѣдко будучи въ силахъ повѣрить итогъ ихъ!

Теперь ему казалась еще болѣе согласною съ этими внутренними сокровищами Рима его неприглядная, потемнѣвшая, запачканная наружность, такъ бранимая иностранцами. Ему бы непріятно было[1] выйти послѣ всего этого на модную улицу[2], съ блестящими магазинами, щеголеватостью людей и экипажей: это было бы чѣмъ-то развлекающимъ, святотатственнымъ. Ему лучше нравилась эта скромная тишина улицъ, это особенное выраженіе римскаго населенія, этотъ призракъ восемнадцатаго вѣка, еще мелькавшій по улицѣ то въ видѣ чернаго аббата съ трехъугольною шляпой, черными чулками и башмаками, то въ видѣ старинной пурпурной кардинальской кареты съ позлащенными осями, колесами, карнизами и гербами — все какъ-то согласовалось съ важностью Рима: этотъ живой, не торопящійся народъ, живописно и покойно расхаживающій по улицамъ, закинувъ полуплащъ, или набросивъ себѣ на плечо куртку, безъ тягостнаго выраженья въ лицахъ, которое такъ поражало его на синихъ блузахъ и на всемъ народонаселеньи Парижа. Тутъ самая нищета являлась въ какомъ-то свѣтломъ видѣ, беззаботная, незнакомая съ терзаньемъ и слезами, безпечно и живописно протягивавшая руку; картинные полки монаховъ, переходившіе улицы въ длинныхъ бѣлыхъ или черныхъ одеждахъ; нечистый рыжій капуцинъ, вдругъ вспыхнувшій на солнцѣ свѣтло-верблюжьимъ цвѣтомъ; наконецъ, это населенье художниковъ, собравшихся со всѣхъ сторонъ свѣта, которые бросили здѣсь узенькіе лоскуточки одѣяній европейскихъ и явились въ свободныхъ, живописныхъ нарядахъ; ихъ величественныя осанистыя бороды, снятыя съ портретовъ Леонарда да Винчи и Тиціана, такъ непохожія на тѣ уродливыя, узкія бородки, которыя французъ передѣлываетъ и стрижетъ себѣ по пяти разъ въ мѣсяцъ. Тутъ художникъ почувствовалъ красоту длинныхъ волнующихся волосъ и позволилъ имъ разсыпаться кудрями. Тутъ самый

нѣмецъ, съ кривизной ногъ своихъ и безперехватностью стана, получилъ значительное выраженіе, разнеся по плечамъ золотистые свои локоны, драпируясь легкими складками греческой блузы или бархатнымъ нарядомъ, извѣстнымъ подъ именемъ cinquecento, которое усвоили себѣ только одни художники въ Римѣ. Слѣды строгаго спокойствія и тихаго труда отражались на ихъ лицахъ. Самые разговоры и мнѣнья, слышимые на улицахъ, въ кафе, въ остеріяхъ, были вовсе противоположны и не похожи на тѣ, которые слышались ему въ городахъ Европы. Тутъ не было толковъ о понизившихся фондахъ, о камерныхъ преньяхъ, объ испанскихъ дѣлахъ: тутъ слышались рѣчи объ открытой недавно древней статуѣ, о достоинствѣ кисти[1] великихъ мастеровъ, раздавались споры и разногласья о выставленномъ произведеніи новаго художника, толки о народныхъ праздникахъ и, наконецъ, частные разговоры, въ которыхъ раскрывался человѣкъ и которые вытѣснены изъ Европы[2] скучными общественными толками и политическими мнѣніями, изгнавшими сердечное выраженіе съ[3] лицъ.

Часто оставлялъ онъ городъ для того, чтобы оглянуть его окрестности, и тогда его поражали другія чудеса. Прекрасны были эти нѣмыя, пустынныя римскія поля, усѣянныя останками древнихъ храмовъ, съ невыразимымъ спокойствіемъ[4] разстилавшіяся вокругъ, гдѣ пламенѣя сплошнымъ золотомъ отъ слившихся вмѣстѣ желтыхъ цвѣтковъ, гдѣ блеща жаромъ раздутаго угля отъ пунцовыхъ листовъ дикаго мака. Они представляли четыре чудные вида на четыре стороны. Съ одной — соединялись они прямо съ горизонтомъ одной рѣзкой ровной чертой; арки водопроводовъ казались стоящими на воздухѣ и какъ бы наклеенными на блистающемъ серебряномъ небѣ. Съ другой — надъ полями сіяли горы; не вырываясь порывисто и безобразно, какъ въ Тиролѣ или Швейцаріи, но согласными плывучими линіями выгибаясь и склоняясь, озаренныя чудною ясностью воздуха, онѣ готовы были улетѣть въ небо; у подошвы ихъ неслася длинная аркада водопроводовъ, подобно длинному фундаменту, и вершина горъ казалась воздушнымъ продолженіемъ чуднаго зданья, и небо надъ ними было уже не серебряное[5], но невыразимаго цвѣта весенней сирени. Съ третьей — эти поля увѣнчивались[6] тоже

горами, которыя уже ближе и выше возносились, выступая сильнѣе передними рядами и легкими уступами уходя въ даль. Въ чудную постепенность цвѣтовъ облекалъ ихъ тонкій голубой воздухъ; и сквозь это воздушно-голубое ихъ покрывало сіяли чуть примѣтные домы и виллы Фраскати, гдѣ тонко и легко тронутые солнцемъ, гдѣ уходящіе въ свѣтлую мглу пылившихся вдали, чуть примѣтныхъ рощей[1]. Когда же обращался онъ вдругъ назадъ, тогда представлялась ему четвертая сторона вида: поля оканчивались самимъ Римомъ. Сіяли рѣзко и ясно углы и линіи домовъ, круглость куполовъ, статуи Латранскаго Іоанна и величественный куполъ Петра, выростающій выше и выше, по мѣрѣ отдаленья отъ него и властительно остающійся, наконецъ, одинъ[2] на всемъ полугоризонтѣ[3], когда уже совершенно скрылся весь городъ. Еще лучше любилъ онъ оглянуть эти поля съ террасы которой-нибудь изъ виллъ Фраскати или Альбано, въ часы захожденья солнца. Тогда они казались необозримымъ моремъ, сіявшимъ и возносившимся изъ темныхъ перилъ террасы; отлогости и линіи исчезали въ обнявшемъ ихъ свѣтѣ. Сначала онѣ[4] еще казались зеленоватыми, и по нимъ еще виднѣлись[5] тамъ и тамъ разбросанныя гробницы и арки; потомъ онѣ[6] сквозили уже свѣтлой желтизною въ радужныхъ оттѣнкахъ свѣта, едва высказывая древніе остатки[7], и, наконецъ, становились пурпурнѣй и пурпурнѣй, поглощая въ себѣ и самый безмѣрный куполъ и сливаясь въ одинъ густой малиновый цвѣтъ, и одна только сверкающая вдали золотая полоса моря отдѣляла ихъ отъ пурпурнаго, такъ же, какъ и онѣ, горизонта. Нигдѣ, никогда ему не случалось видѣть, чтобы поле превращалось въ пламя, подобно небу. Долго, полный невыразимаго восхищенья, стоялъ онъ предъ такимъ видомъ, и потомъ уже стоялъ такъ, просто, не восхищаясь, позабывъ все. Когда и солнце уже скрывалось, потухалъ быстро горизонтъ и еще быстрѣе потухали въ мигъ померкнувшія поля, вездѣ устанавливалъ свой темный образъ вечеръ, надъ развалинами огнистыми фонтанами подымались свѣтящіяся мухи, и неуклюжее крылатое насѣкомое, несущееся стоймя, какъ человѣкъ, извѣстное подъ именемъ дьявола, ударялось безъ толку ему въ очи, — тогда только онъ чувствовалъ, что наступившій холодъ южной ночи уже прохватилъ его всего,

и спѣшилъ въ городскія улицы, чтобы не схватить южной лихорадки.

Такъ протекала жизнь его въ созерцаньяхъ природы, искусствъ и древностей. Среди сей[1] жизни почувствовалъ онъ, болѣе нежели когда либо, желаніе проникнуть поглубже исторію Италіи, доселѣ ему извѣстную эпизодами, отрывками: безъ нея казалось ему неполно настоящее, и онъ жадно принялся за архивы, лѣтописи и записки. Онъ теперь могъ ихъ читать не такъ, какъ италіянецъ домосѣдъ, входящій и тѣломъ, и душою въ читаемыя событія и не видящій изъ-за обступившихъ его лицъ и происшествій всей массы цѣлаго, — онъ теперь могъ оглядывать все покойно, какъ изъ ватиканскаго окна. Пребываніе внѣ Италіи, въ виду шума и движенья дѣйствующихъ народовъ и государствъ, служило ему строгою повѣркою всѣхъ выводовъ, сообщило многосторонность и всеобъемлющее свойство его глазу. Читая, теперь онъ еще болѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ безпристрастнѣй былъ пораженъ величіемъ и блескомъ минувшей эпохи Италіи. Его изумляло такое быстрое разнообразное развитіе человѣка на такомъ тѣсномъ углу земли, такимъ сильнымъ движеньемъ всѣхъ силъ. Онъ видѣлъ, какъ здѣсь кипѣлъ человѣкъ, какъ каждый городъ говорилъ своею рѣчью, какъ у каждаго города были цѣлые томы исторіи, какъ разомъ возникли здѣсь всѣ образы и виды гражданства и правленій: волнующіяся республики сильныхъ непокорныхъ характеровъ и полновластные деспоты среди ихъ; цѣлый городъ царственныхъ купцовъ, опутанный сокровенными правительственными нитями, подъ призракомъ единой власти дожа; призванные чужеземцы среди туземцевъ; сильные напоры и отпоры въ нѣдрѣ незначительнаго городка; почти сказочный блескъ герцоговъ и монарховъ крохотныхъ земель; меценаты, покровители и гонители; цѣлый рядъ великихъ людей, столкнувшихся въ одно и то же время; лира, циркуль, мечъ и палитра; храмы, воздвигающіеся среди браней и волненій; вражда, кровавая месть, великодушныя черты и кучи романическихъ происшествій частной жизни среди политическаго, общественнаго вихря и чудная связь между ними: такое изумляющее раскрытіе всѣхъ сторонъ жизни политической и частной, такое пробужденіе въ столь тѣсномъ объемѣ всѣхъ элементовъ человѣка, совершавшихся

въ другихъ мѣстахъ только частями и на большихъ пространствахъ! — И все это исчезло и прошло вдругъ, все застыло, какъ погаснувшая лава, и выброшено даже изъ памяти Европою, какъ старый ненужный хламъ. Нигдѣ, даже въ журналахъ, не выказываетъ бѣдная Италія своего развѣнчаннаго чела, лишенная значенья политическаго, а съ нимъ и вліянья на міръ.

„И неужели“, — думалъ онъ, — „не воскреснетъ никогда ея слава? Неужели нѣтъ средствъ возвратить минувшій блескъ ея?“ И вспомнилъ онъ то время, когда еще въ университетѣ, въ Луккѣ, бредилъ онъ о возобновленіи ея минувшей славы; какъ это было любимой мыслью молодежи; какъ за стаканами добродушно и простосердечно мечтала она о томъ. И увидѣлъ онъ теперь, какъ близорука была молодежь, и какъ близоруки бываютъ политики, упрекающіе народъ въ безпечности и лѣни. Почуялъ онъ теперь, смутясь, Великій Перстъ, предъ нимъ же повергается въ прахъ нѣмѣющій человѣкъ, — Великій Перстъ, начертывающій[1] свыше всемірныя событія. ОНЪ вызвалъ изъ среды ея же гонимаго ея гражданина, бѣднаго генуэзца, который одинъ убилъ свою отчизну, указавъ міру невѣдомую землю и другіе, широкіе пути. Раздался всемірный горизонтъ; огромнымъ размахомъ закипѣли движенья Европы; понеслись вокругъ свѣта корабли, двинувъ могучія сѣверныя силы. Осталось пусто Средиземное море; какъ обмелѣвшее рѣчное русло, обмелѣла обойденная Италія. Стоитъ Венеція, отразивъ въ адріатическія волны свои потухнувшіе дворцы, и разрывающей жалостью проникается сердце иностранца, когда поникшій гондольеръ влечетъ его подъ пустынными стѣнами и разрушенными перилами безмолвныхъ мраморныхъ балконовъ. Онѣмѣла Феррара, пугая дикой мрачностью своего герцогскаго дворца. Глядятъ пустынно на всемъ пространствѣ Италіи ея наклонныя башни и архитектурныя чуда, очутясь среди равнодушнаго къ нимъ поколѣнья. Звонкое эхо раздается въ шумѣвшихъ когда-то улицахъ, и бѣдный ветуринъ подъѣзжаетъ къ грязной остеріи, поселившейся въ великолѣпномъ дворцѣ. Въ нищенскомъ вретищѣ очутилась Италія, и пыльными отрепьями висятъ на ней куски ея померкнувшей царственной одежды.

Въ порывѣ душевной жалости готовъ онъ былъ даже лить слезы. Но утѣшительная, величественная мысль приходила

сама къ нему въ душу, и чуялъ онъ другимъ, высшимъ чутьемъ, что не умерла Италія, что слышится ея неотразимое вѣчное владычество надъ всѣмъ міромъ, что вѣчно вѣетъ надъ нею ея великій геній, уже въ самомъ началѣ завязавшій въ груди ея судьбу Европы, внесшій крестъ въ европейскіе темные лѣса, захватившій гражданскимъ багромъ на дальнемъ краю ихъ дикообразнаго человѣка, закипѣвшій здѣсь впервые всемірной торговлей, хитрой политикой и сложностью гражданскихъ пружинъ, вознесшійся потомъ всѣмъ блескомъ ума, вѣнчавшій чело свое святымъ вѣнцомъ поэзіи и, когда уже политическое вліяніе Италіи стало исчезать, развернувшійся надъ міромъ торжественными дивами — искусствами, подарившими человѣку невѣдомыя наслажденья и божественныя чувства, которыя дотолѣ не подымались изъ лона души его. Когда же и вѣкъ искусства сокрылся и къ нему охладѣли[1] погруженные въ разсчеты люди, онъ вѣетъ и разносится надъ міромъ въ завывающихъ вопляхъ музыки, и на берегахъ Сены, Невы, Темзы, Москвы, Средиземнаго, Чернаго моря, въ стѣнахъ Алжира и на отдаленныхъ, еще недавно дикихъ, островахъ гремятъ восторженные плески звонкимъ пѣвцамъ. Наконецъ, самой ветхостью и разрушеньемъ своимъ онъ грозно владычествуетъ нынѣ въ мірѣ: эти величавыя архитектурныя чуда остались, какъ призраки, чтобы попрекнуть Европу въ ея китайской мелочной роскоши, въ игрушечномъ раздробленіи мысли. И самое это чудное собраніе отжившихъ міровъ, и прелесть соединенья ихъ съ вѣчно цвѣтущей природой — все существуетъ для того, чтобы будить міръ, чтобъ жителю сѣвера, какъ сквозь сонъ, представлялся иногда этотъ югъ, чтобъ мечта о немъ вырывала его изъ среды хладной жизни, преданной занятіямъ, очерствляющимъ душу, — вырывала[2] бы его оттуда, блеснувъ ему нежданно уносящею въ даль перспективой, колизейскою ночью при лунѣ, прекрасно умирающей Венеціей, невидимымъ небеснымъ блескомъ и теплыми поцѣлуями чудеснаго воздуха, — чтобы хоть разъ въ жизни былъ онъ прекраснымъ человѣкомъ...

Въ такую торжественную минуту онъ примирялся съ разрушеньемъ своего отечества, и зрѣлись тогда ему во всемъ зародыши вѣчной жизни, вѣчно лучшаго будущаго, которое

вѣчно готовитъ міру его вѣчный Творецъ. Въ такія минуты онъ даже весьма часто задумывался надъ нынѣшнимъ значеніемъ римскаго народа. Онъ видѣлъ въ немъ матеріалъ, еще непочатый. Еще ни разу не игралъ онъ роли въ блестящую эпоху Италіи: отмѣчали на страницахъ исторіи имена свои папы да аристократическіе домы, но народъ оставался незамѣтенъ. Его не зацѣплялъ ходъ двигавшихся внутри и внѣ его интересовъ; его не коснулось образованье и не взметнуло вихремъ сокрытыя въ немъ силы. Въ его природѣ заключалось что-то младенчески-благородное. Эта гордость римскимъ именемъ, вслѣдствіе которой часть города, считая себя потомками древнихъ квиритовъ, никогда не вступала въ брачные союзы съ другими; эти черты характера, смѣшаннаго изъ добродушія и страстей, показывающія свѣтлую его натуру (никогда римлянинъ не забывалъ ни зла, ни добра; онъ или добрый, или злой, или расточитель, или скряга; въ немъ добродѣтели и пороки въ своихъ самородныхъ слояхъ и не смѣшались, какъ у образованнаго человѣка, въ неопредѣленные образы, у котораго всякихъ страстишекъ понемногу подъ верховнымъ начальствомъ эгоизма); эта невоздержность и порывъ развернуться на всѣ деньги, замашка сильныхъ народовъ, — все это имѣло для него значеніе. Эта свѣтлая, непритворная веселость, которой теперь нѣтъ у другихъ народовъ: вездѣ, гдѣ онъ ни былъ, ему казалось, что стараются тѣшить народъ; здѣсь, напротивъ, онъ тѣшится самъ; онъ самъ хочетъ быть участникомъ; его насилу удержишь въ карнавалѣ; все, что ни накоплено имъ въ продолженіе[1] года, онъ готовъ промотать въ эти полторы недѣли; все усадитъ онъ на одинъ нарядъ: одѣнется паяцомъ, женщиной, поэтомъ, докторомъ, графомъ, вретъ чепуху и лекціи и слушающему, и неслушающему, — и веселость эта обнимаетъ, какъ вихорь, всѣхъ, отъ сорокалѣтняго до мальчишки[2]: послѣдній бобыль, которому не во что одѣться, выворачиваетъ себѣ куртку, вымазываетъ лицо углемъ и бѣжитъ туда же, въ пеструю кучу. И веселость эта прямо изъ его природы; ею не хмель дѣйствуетъ: тотъ же самый народъ освищетъ пьянаго, если встрѣтитъ его на улицѣ. Потомъ черты природнаго художественнаго инстинкта и чувства: онъ видѣлъ, какъ простая женщина указывала художнику погрѣшность въ его картинѣ;

онъ видѣлъ, какъ выражалось невольно это чувство въ живописныхъ одеждахъ, въ церковныхъ убранствахъ; какъ въ Дженсано народъ убиралъ цвѣточными коврами улицы; какъ разноцвѣтные листики цвѣтовъ обращались въ краски и тѣни, на мостовой выходили узоры, кардинальскіе гербы, портретъ папы, вензеля, птицы, звѣри и арабески; какъ наканунѣ Свѣтлаго Воскресенья продавцы съѣстныхъ припасовъ, *пиццикароли*, убирали свои лавчонки: свиные окорока, колбасы, бѣлые пузыри, лимоны и листья обращались въ мозаику и составляли плафонъ; круги пармезановъ и другихъ сыровъ, ложась одинъ на другой, становились въ колонны; изъ сальныхъ свѣчей составлялась бахрома мозаичнаго занавѣса, драпировавшаго внутреннія стѣны; изъ сала, бѣлаго какъ снѣгъ, отливались цѣлыя статуи, историческія группы христіанскихъ и библейскихъ содержаній, которыя изумленный зритель принималъ за алебастровыя — вся лавочка обращалась въ свѣтлый храмъ, сіяя позлащенными звѣздами, искусно освѣщаясь развѣшенными шкаликами и отражая зеркалами безконечныя кучи яицъ. Для всего этого нужно было присутствіе вкуса, и пиццикароле дѣлалъ это не изъ какихъ-нибудь доходовъ, но для того, чтобы полюбовались другіе и полюбоваться самому. Наконецъ, народъ, въ которомъ живетъ чувство собственнаго достоинства: здѣсь онъ il popolo, а не чернь, и носитъ въ своей природѣ прямыя начала временъ первоначальныхъ квиритовъ; его не могли даже совратить наѣзды иностранцевъ, развратителей пребывающихъ въ бездѣйствіи націй, — наѣзды, порождающіе[1] по трактирамъ и дорогамъ презрѣннѣйшій классъ людей, по которымъ путешественникъ произноситъ часто сужденіе обо всемъ народѣ. Самая нелѣпость правительственныхъ постановленій, эта безсвязная куча всякихъ законовъ, возникшихъ во всѣ времена и отношенья и не уничтоженныхъ понынѣ, между которыми даже есть эдикты временъ древней римской республики, — все это не искоренило высокаго чувства справедливости въ народѣ. Онъ порицаетъ неправеднаго притязателя, освистываетъ гробъ покойника и впрягается великодушно въ колесницу, везущую тѣло, любезное народу. Самые поступки духовенства, часто соблазнительные, произведшіе бы въ другихъ мѣстахъ развратъ, почти не дѣйствуютъ на него: онъ умѣетъ отдѣлить религію

отъ лицемѣрныхъ исполнителей и не заразился холодной мыслью невѣрія. Наконецъ, самая нужда и бѣдность, неизбѣжный удѣлъ стоячаго государства, не ведутъ его къ мрачному злодѣйству: онъ веселъ и переноситъ все[1], и только въ романахъ да повѣстяхъ рѣжетъ по улицамъ. Все это показывало ему стихіи народа сильнаго, непочатаго, для котораго какъ будто бы готовилось какое-то поприще впереди. Европейское просвѣщеніе какъ будто съ умысломъ не коснулось его и не водрузило въ грудь ему своего холоднаго усовершенствованія. Самое духовное правительство, этотъ странный уцѣлѣвшій призракъ минувшихъ временъ, осталось какъ будто для того, чтобы сохранить народъ отъ посторонняго вліянія, чтобъ никто изъ честолюбивыхъ сосѣдей не посягнулъ на его личность, чтобы до времени въ тишинѣ таилась его гордая народность. Притомъ здѣсь, въ Римѣ, не слышалось чего-то умершаго[2]; въ самыхъ развалинахъ и великолѣпной бѣдности Рима не было того томительнаго, проникающаго чувства, которымъ объемлется невольно человѣкъ, созерцающій памятники заживо умирающей націи. Тутъ противоположное чувство: тутъ ясное, торжественное спокойствіе[3]. И всякій разъ, соображая все это, князь предавался невольно размышленіямъ и сталъ подозрѣвать какое-то таинственное значеніе въ словѣ „вѣчный Римъ“.

Итогъ всего этого былъ тотъ, что онъ старался узнавать болѣе и болѣе свой народъ. Онъ его слѣдилъ на улицахъ, въ кафе, гдѣ въ каждомъ были свои посѣтители: въ одномъ антикваріи, въ другомъ стрѣлки и охотники, въ третьемъ кардинальскіе слуги, въ четвертомъ художники, въ пятомъ вся римская молодежь и римское щегольство; слѣдилъ въ остеріяхъ, чисто-римскихъ остеріяхъ, куда не заходитъ иностранецъ, гдѣ римскій nobile садится иногда рядомъ съ Миненте, и общество скидаетъ съ себя сюртуки и галстуки въ жаркіе дни; слѣдилъ его въ загородныхъ живописно-невзрачныхъ трактиришкахъ съ воздушными окнами безъ стеколъ, куда фамиліями и компаніями наѣзжали римляне обѣдать, или, по ихъ выраженію, far allegria. Онъ садился и обѣдалъ вмѣстѣ съ ними, вмѣшивался охотно въ разговоръ, дивясь весьма часто простому здравомыслію и живой оригинальности разсказа простыхъ, неграмотныхъ горожанъ. Но болѣе всего онъ

имѣлъ случай узнавать его во время церемоній и празднествъ, когда всплываетъ наверхъ все народонаселеніе Рима и вдругъ показывается несмѣтное множество дотолѣ неподозрѣваемыхъ красавицъ, — красавицъ, которыхъ образы мелькаютъ только въ барельефахъ да въ древнихъ антологическихъ стихотвореніяхъ. Эти полные взоры, алебастровыя плечи, смолистые волосы, въ тысячѣ разныхъ образовъ[1] поднятые на голову или опрокинутые назадъ, картинно пронзенные насквозь золотой стрѣлой, руки, гордая походка — вездѣ черты и намеки на серьезную классическую красоту, а не легкую прелесть граціозныхъ женщинъ. Тутъ женщины казались подобными зданьямъ въ Италіи: онѣ или дворцы, или лачужки, или красавицы, или безобразныя; середины нѣтъ между ними: хорошенькихъ нѣтъ. Онъ ими наслаждался, какъ наслаждался въ прекрасной поэмѣ стихами, выбившимися изъ ряду другихъ и насылавшими[2] свѣжительную дрожь на душу.

Но скоро къ такимъ наслажденьямъ присоединилось чувство, объявившее сильную борьбу всѣмъ прочимъ, — чувство, которое вызвало изъ[3] душевнаго дна сильныя человѣческія страсти, подымающія демократическій бунтъ противъ высокаго единодержавія души: онъ увидѣлъ Аннунціату. И вотъ, такимъ образомъ, мы добрались, наконецъ, до свѣтлаго образа, который озарилъ начало нашей повѣсти.

Это было во время карнавала. „Сегодня я не пойду на Корсо“, сказалъ принчипе своему maestro di casa, выходя изъ дому: „мнѣ надоѣдаетъ карнавалъ, мнѣ лучше нравятся лѣтніе праздники и церемоніи...“

„Но развѣ это карнавалъ?“ сказалъ старикъ: „это карнавалъ ребятъ. Я помню карнавалъ: когда по всему Корсо ни одной кареты не было, и всю ночь гремѣла по улицамъ музыка; когда живописцы, архитекторы и скульпторы выдумывали цѣлыя группы, исторіи; когда народъ — князь понимаетъ — весь народъ, всѣ, всѣ золотильщики, рамщики, мозаичисты, прекрасныя женщины, вся синьорія, всѣ nobili, всѣ, всѣ, всѣ... o quanta allegria! Вотъ когда былъ карнавалъ, такъ карнавалъ! А теперь что̀ за карнавалъ? Э!..“ сказалъ старикъ и пожалъ плечами; потомъ опять сказалъ: „э!“ и пожалъ плечами, и потомъ уже произнесъ: „E una porcheria!“ — Затѣмъ maestro di casa, въ душевномъ порывѣ, сдѣлалъ не-

обыкновенно сильный жестъ рукою, но утишился, увидѣвъ, что князя давно предъ нимъ не было: онъ былъ уже на улицѣ. Не желая участвовать въ карнавалѣ, онъ не взялъ съ собой ни маски, ни желѣзной сѣтки на лицо и, забросившись плащомъ, хотѣлъ только пробраться чрезъ Корсо на другую половину города. Но народная толпа была слишкомъ густа. Едва только продрался онъ между двухъ человѣкъ, какъ уже попотчивали его сверху мукой; пестрый арлекинъ ударилъ его по плечу трещоткою, пролетѣвъ мимо съ своей Коломбиною; „конфетти“ и пучки цвѣтовъ полетѣли ему въ глаза; съ двухъ сторонъ стали ему жужжать въ уши: съ одной стороны графъ, съ другой медикъ, читавшій ему длинную лекцію о томъ, что̀ у него находится въ желудочной кишкѣ. Пробиться между нихъ не было силъ, потому что народная толпа возросла, цѣпь экипажей, уже не будучи въ возможности двинуться, остановилась. Вниманіе толпы занялъ какой-то смѣльчакъ, шагавшій на ходуляхъ наравнѣ съ домами, рискуя всякую минуту быть сбитымъ съ ногъ и грохнуться на смерть о мостовую. Но объ этомъ, кажется, у него не было заботы. Онъ тащилъ на плечахъ чучелу великана, придерживая ее[1] одной рукою, неся въ другой написанный на бумагѣ сонетъ, съ придѣланнымъ къ нему бумажнымъ хвостомъ, какой бываетъ у бумажнаго змѣя, и крича во весь голосъ: „Ecco il gran poeta morto! Ecco il suo sonetto colla coda. (Вотъ умершій великій поэтъ! Вотъ его сонетъ съ хвостомъ!)“ * Этотъ смѣльчакъ сгустилъ за собою толпу до такой степени, что князь едва могъ перевести духъ. Наконецъ, вся толпа двинулась впередъ за мертвымъ поэтомъ; цѣпь экипажей тронулась, чему онъ обрадовался сильно, хоть народное движеніе сбило съ него шляпу, которую онъ теперь бросился подымать. Поднявши шляпу, онъ поднялъ вмѣстѣ и глаза, и остолбенѣлъ: предъ нимъ стояла неслыханная красавица. Она была въ сіяющемъ альбанскомъ нарядѣ, въ ряду двухъ другихъ, тоже прекрасныхъ женщинъ, которыя были предъ ней — какъ ночь предъ днемъ. Это было чудо въ высшей степени.

---

* Въ италіянской поэзіи существуетъ родъ стихотворенья, извѣстнаго подъ именемъ *сонета съ хвостомъ* (con la coda) — когда мысль не вмѣстилась и ведетъ за собою прибавленіе, которое часто бываетъ длиннѣе самого сонета.

Все должно было померкнуть предъ этимъ блескомъ. Глядя на нее, становилось ясно, почему италіянскіе поэты и сравниваютъ красавицъ съ солнцемъ. Это именно было солнце, полная красота! Все, чтò разсыпалось и блистаетъ поодиночкѣ въ красавицахъ міра, все это собралось сюда вмѣстѣ. Взглянувши на грудь и бюстъ ея, уже становилось очевидно, чего недостаетъ въ груди и бюстахъ прочихъ красавицъ. Предъ ея густыми блистающими волосами показались бы жидкими и мутными всѣ другіе волосы. Ея руки были для того, чтобы всякаго обратить въ художника: какъ художникъ, глядѣлъ бы онъ на нихъ вѣчно, не смѣя дохнуть. Предъ ея ногами показались бы щепками ноги англичанокъ, нѣмокъ, француженокъ и женщинъ всѣхъ другихъ націй; одни только древніе ваятели удержали высокую идею красоты ихъ въ своихъ статуяхъ. Это была красота полная, созданная для того, чтобы всѣхъ равно ослѣпить. Тутъ не нужно было имѣть какой-нибудь особенный вкусъ; тутъ всѣ вкусы должны были сойтися[1], всѣ должны были повергнуться ницъ: и вѣрующій, и невѣрующій упали бы предъ ней, какъ предъ внезапнымъ появленьемъ божества. Онъ видѣлъ, какъ весь народъ, сколько его тамъ ни было, заглядѣлся на нее, какъ женщины выразили невольное изумленье на своихъ лицахъ, смѣшанное съ наслажденьемъ, и повторяли: „О, bella!“; какъ все, чтò ни было, казалось, превратилось въ художника и смотрѣло пристально на одну ее. Но въ лицѣ красавицы написано было только одно вниманье къ карнавалу: она смотрѣла только на толпу и на маски, не замѣчая обращенныхъ на нее глазъ, едва слушая стоявшихъ позади ея мужчинъ въ бархатныхъ курткахъ, вѣроятно, родственниковъ, пришедшихъ вмѣстѣ съ ними. Князь принимался было разспрашивать у стоявшихъ подлѣ него[2], кто была такая чудная красавица и откуда; но вездѣ получалъ въ отвѣтъ одно только пожатье плечьми, сопровождаемое жестомъ, и слова[3]: „Не знаю; должно быть, иностранка“ *. Недвижный, притаивъ дыханье[4], онъ поглощалъ ее глазами. Красавица, наконецъ, навела на него свои полныя очи, но тутъ же смутилась и отвела ихъ въ другую

---

* Римляне всѣхъ, кто не живетъ въ Римѣ, называютъ иностранцами (forestieri), хотя бы они обитали только въ 10 миляхъ отъ города.

сторону. Его пробудилъ крикъ: предъ нимъ остановилась громадная телѣга. Толпа находившихся въ ней масокъ въ розовыхъ блузахъ, назвавъ его по имени, принялась качать въ него мукой, сопровождая однимъ длиннымъ восклицаніемъ: „у, у, у!…“ И въ одну минуту съ ногъ до головы былъ онъ обсыпанъ[1] бѣлою пылью, при громкомъ смѣхѣ всѣхъ обступившихъ его сосѣдей. Весь бѣлый, какъ снѣгъ, даже съ бѣлыми рѣсницами, князь побѣжалъ наскоро домой переодѣться.

Покамѣстъ онъ сбѣгалъ домой, пока успѣлъ переодѣться, уже только полтора часа оставалось до *Ave Maria*. Съ Корсо возвращались пустыя кареты: сидѣвшіе въ нихъ перебрались на балконы смотрѣть оттуда не перестававшую двигаться толпу, въ ожиданіи коннаго бѣга. При поворотѣ на Корсо, встрѣтилъ онъ телѣгу, полную мужчинъ въ курткахъ, и сіяющихъ женщинъ съ цвѣточными вѣнками на головахъ, съ бубнами и тимпанами въ рукахъ. Телѣга, казалось, весело возвращалась домой; бока ея были убраны гирляндами, спицы и ободья колесъ увиты зелеными вѣтвями. Сердце его захолонуло, когда онъ увидѣлъ, что среди женщинъ сидѣла въ ней поразившая его красавица. Сверкающимъ смѣхомъ озарялось ея лицо. Телѣга быстро промчалась при кликахъ и пѣсняхъ. Первымъ дѣломъ его было бѣжать вслѣдъ ея; но дорогу перегородилъ ему огромный поѣздъ музыкантовъ: на шести колесахъ везли страшилищной величины скрыпку. Одинъ человѣкъ сидѣлъ верхомъ на подставкѣ, другой, идя съ боку ея, водилъ громаднымъ смычкомъ по четыремъ канатамъ, натянутымъ на нее вмѣсто струнъ. Скрыпка, вѣроятно, стоила большихъ трудовъ, издержекъ и времени. Впереди шелъ исполинскій барабанъ. Толпа народа и мальчишекъ тѣсно валила вслѣдъ за музыкальнымъ поѣздомъ, и шествіе замыкалъ извѣстный въ Римѣ своей толщиною пицикароло, неся клистирную трубку вышиною съ колокольню[2]. Когда улица очистилась отъ поѣзда, князь увидѣлъ, что бѣжать за телѣгой глупо и поздно, и притомъ неизвѣстно, по какимъ дорогамъ понеслась она. Онъ не могъ, однакоже, отказаться отъ мысли искать ее. Въ воображеньи его порхалъ этотъ сіяющій смѣхъ и открытыя уста съ чудными рядами зубовъ. „Это блескъ молніи, а не женщина!“ повторялъ онъ въ себѣ, и въ то же время съ гор-

достью прибавлялъ: „Она римлянка; такая женщина могла только родиться въ Римѣ. Я долженъ непремѣнно ее увидѣть; я хочу ее видѣть, не съ тѣмъ, чтобы любить ее — нѣтъ, я хотѣлъ бы только смотрѣть на нее, смотрѣть на всю ее, смотрѣть на ея очи, смотрѣть на ея руки, на ея пальцы, на блистающіе волосы. Не цѣловать ее, хотѣлъ бы только глядѣть на нее. И что же? Вѣдь это такъ должно быть, это въ законѣ природы; она не имѣетъ права скрыть и унести красоту свою. Полная красота дана для того въ міръ, чтобы всякій ее увидалъ, чтобы идею о ней сохранялъ вѣчно[1] въ своемъ сердцѣ. Если бы она была просто прекрасна, а не такое верховное совершенство, она бы имѣла право принадлежать одному, ее бы могъ онъ унести въ пустыню, скрыть отъ міра. Но красота полная должна быть видима всѣмъ. Развѣ великолѣпный храмъ строитъ архитекторъ въ тѣсномъ переулкѣ? Нѣтъ, онъ ставитъ его на открытой площади, чтобы человѣкъ со всѣхъ сторонъ могъ оглянуть его и подивиться ему. Развѣ для того зажженъ свѣтильникъ, сказалъ Божественный Учитель, чтобы скрывать его и ставить подъ столъ? Нѣтъ, свѣтильникъ зажженъ для того, чтобы стоять на столѣ, чтобы всѣмъ было видно, чтобы всѣ двигались при его свѣтѣ. Нѣтъ, я долженъ ее видѣть непремѣнно". Такъ разсуждалъ князь и потомъ долго передумывалъ и перебиралъ всѣ средства, какъ достигнуть этого; наконецъ, какъ казалось, остановился на одномъ и отправился тутъ же, нимало не медля, въ одну изъ тѣхъ отдаленныхъ улицъ, которыхъ много въ Римѣ, гдѣ нѣтъ даже кардинальскаго дворца съ выставленными росписными гербами на деревянныхъ овальныхъ щитахъ, гдѣ виденъ нумеръ надъ каждымъ окномъ и дверью тѣснаго домишка, гдѣ идетъ горбомъ выпученная мостовая, куда изъ иностранцевъ заглядываетъ только развѣ пройдоха нѣмецкій художникъ съ походнымъ стуломъ и красками, да козелъ, отставшій отъ проходящаго стада и остановившійся посмотрѣть съ изумленьемъ, что̀ за улица, имъ никогда не виданная. Тутъ раздается звонко лепетъ римлянокъ: со всѣхъ сторонъ, изо всѣхъ оконъ несутся рѣчи и переговоры. Тутъ все откровенно, и проходящій можетъ совершенно знать всѣ домашнія тайны; даже мать съ дочерью разговариваютъ не иначе между собою, какъ высунувъ обѣ свои головы на улицу; тутъ мужчинъ не-

замѣтно вовсе. Едва только блеснетъ утро, уже открываетъ[1] окно и высовывается сьора Сусанна; потомъ изъ другаго[2] выказывается сьора Грація, надѣвая юбку; потомъ открываетъ окно сьора Нанна; потомъ вылѣзаетъ сьора Лучія, расчесывая гребнемъ косу; наконецъ, сьора Чечилія высовываетъ руку изъ окна, чтобы достать бѣлье на протянутой веревкѣ, которое тутъ же и наказывается за то, что долго не дало достать себя, наказывается скомканьемъ, киданьемъ на полъ и словами: che bestia! Тутъ все живо, все кипитъ: летитъ изъ окна башмакъ съ ноги въ шалуна сына или въ козла, который, подошедъ къ корзинкѣ, гдѣ поставленъ годовой ребенокъ, принялся его нюхать и, наклоня голову, готовился ему объяснить, что̀ такое значатъ рога. Тутъ ничего не было неизвѣстнаго: все извѣстно. Синьоры[3] все знали, что̀ ни есть: какой сьора Джюдита купила платокъ, у кого будетъ рыба за обѣдомъ, кто любовникъ у Барбаручьи, какой капуцинъ лучше исповѣдуетъ. Изрѣдка только вставляетъ свое слово мужъ, стоящій обыкновенно на улицѣ, облокотясь у стѣны, съ коротенькою трубкою въ зубахъ, почитавшій необходимостью, услыша о капуцинѣ, прибавить короткую фразу: „всѣ[4] мошенники!“ послѣ чего продолжалъ снова пускать подъ носъ себѣ[5] дымъ. Сюда не заѣзжала никакая карета, кромѣ развѣ только одной двухколесной трясучки, запряженной муломъ, привезшимъ хлѣбнику муку, и сонпаго осла, едва дотащившаго перекидную корзину съ броколями, не смотря на всѣ понуканья мальчишекъ, угобжающихъ каменьями его нещекотливые бока. Тутъ нѣтъ никакихъ магазиновъ, кромѣ лавчонки, гдѣ продаются хлѣбъ и веревки[6], съ стеклянными бутылями, да темнаго узенькаго кафе, находящагося[7] въ самомъ углу улицы, откуда виденъ былъ безпрестанно выходившій боттега, разносившій[8] синьорамъ[9] кофе[10] или шоколадъ на козьемъ молокѣ, въ жестяныхъ маленькихъ кофейничкахъ, извѣстный подъ именемъ Авроры. Домы тутъ принадлежали двумъ, тремъ, а иногда и четыремъ владѣльцамъ, изъ которыхъ одинъ имѣетъ только пожизненное право, другой владѣетъ однимъ этажемъ и имѣетъ право пользоваться съ него доходомъ только два года, послѣ чего, вслѣдствіе завѣщанія, этажъ долженъ былъ перейти отъ него къ padre Vicenzo на десять лѣтъ, у котораго, однакоже, хочетъ оттягать его какой-то родственникъ

прежней фамиліи, живущій во Фраскати и уже заблаговременно затѣявшій процессъ. Были и такіе владѣльцы, которые владѣли однимъ окномъ въ одномъ домѣ, да другими двумя въ другомъ домѣ, да пополамъ съ братомъ пользовались доходами съ окна, за которое, впрочемъ, вовсе не платилъ неисправный жилецъ — словомъ, предметъ неистощимый тяжбъ и продовольствія адвокатовъ и куріаловъ, наполняющихъ Римъ. Дамы, о которыхъ только-что было упомянуто, всѣ, какъ первоклассныя, честимыя полными именами, такъ и второстепенныя, называвшіяся уменьшительными именами, всѣ Тетты[1], Тутты, Нанны, большею частію ничѣмъ не занимались: онѣ были супруги — адвоката, мелкаго чиновника, мелкаго торгаша, носильщика, факина, а чаще всего незанятаго гражданина, умѣвшаго только красиво драпироваться не весьма надежнымъ плащомъ.

Многія изъ синьоръ[2] служили моделями для живописцевъ. Тутъ были всѣхъ родовъ модели. Когда бывали деньги, онѣ проводили весело время въ остеріи съ мужьями и цѣлой компаніей; не было денегъ — не были скучны и глядѣли въ окно. Теперь улица была тише обыкновеннаго, потому что нѣкоторыя отправились въ народную толпу на Корсо. Князь подошелъ къ ветхой двери одного домишка, которая вся была выверчена дырами, такъ что самъ хозяинъ долго тыкалъ въ нихъ ключемъ, покамѣстъ попадалъ въ настоящую. Уже готовъ онъ былъ взяться за кольцо, какъ вдругъ услышалъ слова: „Сьоръ[3] принчипе хочетъ видѣть Пеппе?" Онъ поднялъ голову вверхъ: изъ третьяго этажа глядѣла, высунувшись, сьора Тутта.

„Экая крикунья!" сказала изъ супротивнаго окна сьора Сусанна. „Принчипе, можетъ быть, совсѣмъ пришелъ не съ тѣмъ, чтобъ видѣть Пеппе".

„Конечно съ тѣмъ, чтобы видѣть Пеппе, не правда ли, князь? Съ тѣмъ, чтобы видѣть Пеппе, не такъ ли, князь? Чтобы увидѣть Пеппе?"

„Какой Пеппе, какой Пеппе!" продолжала съ жестомъ обѣими руками сьора Сусанна: „князь сталъ бы думать теперь о Пеппе! Теперь время карнавала: князь поѣдетъ вмѣстѣ съ своей куджиной, маркезой Монтелли, поѣдетъ съ друзьями въ каретѣ бросать цвѣты, поѣдетъ за городъ far allegria. Какой Пеппе! какой Пеппе!"

Князь изумился такимъ подробностямъ о своемъ препровожденіи времени, но изумляться ему было нечего, потому что сьора Сусанна знала все.

„Нѣтъ, мои любезныя синьоры“ [1], сказалъ князь: „мнѣ, точно, нужно видѣть Пеппе“.

На это дала отвѣтъ князю уже синьора[2] Грація, которая давно высунулась изъ окошка втораго этажа и слушала. Отвѣтъ дала она, слегка пощёлкавъ языкомъ и покрутивъ пальцемъ — обыкновенный отрицательный знакъ у римлянокъ — и потомъ прибавила: „Нѣтъ дома“.

„Но, можетъ быть, вы знаете, гдѣ онъ, куда ушелъ?“

„Э, куда[3] ушелъ!“ повторила сьора Грація, приклонивъ голову къ плечу: „статься можетъ — въ остеріи, на площади, у фонтана; вѣрно, кто-нибудь позвалъ его, куда-нибудь ушелъ: chi lo sa (кто его знаетъ)!“

„Если хочетъ принчипе что-нибудь сказать ему“, подхватила, изъ супротивнаго окна, Барбаручья, вдѣвая въ то же время серьгу въ свое ухо: „пусть скажетъ мнѣ: я ему передамъ“.

„Ну, нѣтъ“, подумалъ князь и поблагодарилъ за такую готовность. Въ это время выглянулъ изъ перекрестнаго переулка огромный запачканный носъ и, какъ большой топоръ, повиснулъ надъ показавшимися вслѣдъ за нимъ губами и всѣмъ лицомъ: это былъ самъ Пеппе.

„Вотъ Пеппе!“ вскрикнула сьора Сусанна.

„Вотъ идетъ Пеппе, sior principe!“ вскрикнула живо изъ своего окна синьора[4] Грація.

„Идетъ, идетъ Пеппе!“ зазвенѣла изъ самаго[5] угла улицы сьора Чечилія.

„Принчипе, принчипе! вонъ Пеппе! вонъ Пеппе! (ecco Peppe! ecco Peppe!)“ кричали на улицѣ ребятишки.

„Вижу, вижу“, сказалъ князь, оглушенный такимъ живымъ крикомъ.

„Вотъ я, eccellenza! вотъ!“ сказалъ Пеппе, снимая шапку. Онъ, какъ видно, уже успѣлъ попробовать карнавала: его откуда-нибудь съ боку хватило сильно мукою: весь бокъ и спина были у него выбѣлены совершенно, шляпа изломана, и все лицо было убито бѣлыми гвоздями. Пеппе уже былъ замѣчателенъ потому, что всю жизнь свою остался съ умень-

шительнымъ именемъ своимъ Пеппе. До Джьузеппе онъ никакъ не добрался, хотя и посѣдѣлъ. Онъ происходилъ даже изъ хорошей фамиліи, изъ богатаго дома негоціанта, но послѣдній домишка былъ у него оттяганъ тяжбой. Еще отецъ его, человѣкъ тоже въ родѣ самого[1] Пеппе, хотя и назывался sior Джіованни, проѣлъ послѣднее имущество, и онъ мыкалъ теперь свою жизнь подобно многимъ, то есть, какъ приходилось: то вдругъ опредѣлялся слугой у какого-нибудь иностранца, то былъ на посылкахъ у адвоката, то являлся убирателемъ студіи какого-нибудь художника, то сторожемъ винорадника или виллы, и, по мѣрѣ того, измѣнялся на немъ безпрестанно костюмъ. Иногда Пеппе попадался на улицѣ въ круглой шляпѣ и широкомъ сюртукѣ, иногда въ узенькомъ кафтанѣ, лопнувшемъ въ двухъ или трехъ мѣстахъ, съ такими узенькими рукавами, что длинныя руки его выглядывали оттуда, какъ метлы; иногда на ногѣ его являлся поповскій чулокъ и башмакъ; иногда онъ показывался въ такомъ костюмѣ, что ужъ и разобрать было трудно, тѣмъ болѣе, что все это было надѣто вовсе не такъ, какъ слѣдуетъ: иной разъ, просто, можно было подумать, что онъ надѣлъ на ноги, вмѣсто панталонъ, куртку, собравши и завязавши ее кое-какъ сзади. Онъ былъ самый радушный исполнитель всѣхъ возможныхъ порученій, часто вовсе безъинтересно: тащилъ продавать всякую ветошь, которую поручали дамы его улицы, пергаментныя[2] книги разорившагося аббата или антикварія, картину художника; заходилъ по утрамъ къ аббатамъ забирать ихъ панталоны и башмаки для почистки къ себѣ на домъ, которые потомъ позабывалъ въ урочное время отнести назадъ отъ излишняго желанья услужить кому-нибудь попавшемуся третьему, и аббаты оставались арестованными безъ башмаковъ и панталонъ на весь день. Часто ему перепадали порядочныя деньги; но деньгами онъ распоряжался по-римски, то есть, на-завтра никогда почти ихъ не ставало, не потому, чтобы онъ тратилъ на себя или проѣдалъ, но потому, что все у него шло на лотерею, до которой былъ онъ страшный охотникъ. Врядъ ли существовалъ такой нумеръ, котораго бы онъ не попробовалъ. Всякое незначущее ежедневное происшествіе у него имѣло важное значеніе. Случилось ли ему найти на улицѣ какую-нибудь дрянь, онъ тотъ же часъ спра-

влялся въ гадательной книгѣ, за какимъ нумеромъ она тамъ стоитъ, съ тѣмъ, чтобы его тотчасъ же взять въ лотереѣ. Приснился ему однажды сонъ, что сатана,— который и безъ того ему снился, неизвѣстно по какой причинѣ, въ началѣ каждой весны, — что сатана потащилъ его за носъ по всѣмъ крышамъ всѣхъ домовъ, начиная отъ церкви св. Игнатія, потомъ по всему Корсо, потомъ по переулку tre Ladroni, потомъ по via della stamperia, и остановился, наконецъ, у самой trinita на лѣстницѣ, приговаривая: „вотъ тебѣ, Пеппе, за то, что ты молился св. Панкратію: твой билетъ не выиграетъ". Сонъ этотъ произвелъ большіе толки между сьорой Чечиліей, сьорой Сусанной и всей почти улицей; но Пеппе разрѣшилъ его по-своему: сбѣгалъ тотъ же часъ за гадательной книгой, узналъ, что чортъ значитъ 13 нумеръ, носъ 24, святой Панкратій 30, и взялъ въ то же утро[1] всѣ три нумера. Потомъ сложилъ всѣ три нумера — вышелъ 67, онъ взялъ и 67. Всѣ четыре нумера, по обыкновенью, лопнули. Въ другой разъ случилось ему завести перепалку съ виноградаремъ, толстымъ римляниномъ, сьоромъ[2] Рафаэлемъ Томачели. За что̀ они поссорились, Богъ ихъ вѣдаетъ, но кричали они громко, производя сильные жесты руками, и, наконецъ, оба поблѣднѣли — признакъ ужасный, при которомъ обыкновенно со страхомъ высовываются изъ оконъ всѣ женщины и проходящій пѣшеходъ отсторанивается подальше, — признакъ, что дѣло доходитъ, наконецъ, до ножей. И точно, толстый Томачели запустилъ уже руку за ременное голенище, обтягивавшее его толстую икру, чтобы вытащить оттуда ножъ, и сказалъ: „Погоди ты, вотъ я тебя, телячья голова!" какъ вдругъ Пеппе ударилъ себя рукою по лбу и убѣжалъ съ мѣста битвы. Онъ вспомнилъ, что на телячью голову онъ еще ни разу не взялъ билета; отыскалъ нумеръ телячьей головы и побѣжалъ бѣгомъ въ лотерейную контору, такъ что всѣ, приготовившіеся смотрѣть кровавую сцену, изумились такому нежданному поступку, и самъ Рафаэль Томачели, засунувши обратно ножъ въ голенище, долго не зналъ, что̀ ему дѣлать, и, наконецъ, сказалъ: „Che uomo curioso! (какой странный человѣкъ!)" Что билеты лопались и пропадали, этимъ не смущался Пеппе. Онъ былъ твердо увѣренъ, что будетъ богачемъ, и потому, проходя мимо лавокъ, спрашивалъ почти всегда, что̀ стоитъ вся-

кая вещь. Одинъ разъ, узнавши, что продается большой домъ, онъ зашелъ нарочно поговорить объ этомъ съ продавцомъ; и когда стали надъ нимъ смѣяться знавшіе его, онъ отвѣчалъ очень простодушно: „Но къ чему смѣяться? къ чему смѣяться? Я вѣдь не теперь хотѣлъ купить, а послѣ, со временемъ, когда будутъ деньги. Тутъ ничего нѣтъ такого... Всякій долженъ пріобрѣтать состояніе, чтобы оставить потомъ дѣтямъ, на церковь, бѣднымъ, на другія разныя вещи... chi lo sa!“ Онъ уже давно былъ извѣстенъ князю, былъ даже когда-то взятъ отцомъ его въ домъ въ качествѣ офиціанта, и тогда же прогнанъ за то, что въ мѣсяцъ износилъ свою ливрею и выбросилъ за окно весь туалетъ стараго князя, нечаянно толкнувъ его локтемъ.

„Послушай, Пеппе!“ сказалъ князь.

„Что̀ хочетъ приказать eccelenza?“ говорилъ Пеппе, стоя съ открытою головою: „князю стоитъ только сказать: „Пеппе!“ а я: „вотъ я!“ Потомъ князь пусть только скажетъ: „Слушай, Пеппе“, а я: „ecco me, eccelenza!“

„Ты долженъ, Пеппе, сдѣлать мнѣ теперь вотъ какую услугу...“ При сихъ словахъ князь взглянулъ вокругъ себя и увидѣлъ, что всѣ сьоры Граціи, сьоры Сусанны, Барбаручьи, Тетты, Тутты,—всѣ, сколько ихъ ни было, выставились любопытно изъ окна, а бѣдная сьора Чечилія чуть не вывалилась вовсе на улицу.

„Ну, дѣло плохо!“ подумалъ князь. „Пойдемъ, Пеппе, ступай за мною!“

Сказавши это, онъ пошелъ впередъ, а за нимъ Пеппе, потупивъ голову и разговаривая самъ съ собою: „Э! женщины, потому и любопытны, потому что женщины, потому что любопытны“.

Долго шли они изъ улицы въ улицу, погрузясь каждый въ свои соображенія. Пеппе думалъ вотъ о чемъ: „Князь дастъ, вѣрно, какое-нибудь порученіе, можетъ быть, важное, потому что не хочетъ сказать при всѣхъ: стало быть, дастъ хорошій подарокъ или деньги. Если же князь дастъ денегъ, что̀ съ ними дѣлать? Отдавать ли ихъ сьору Сервилію, содержателю кафе, которому онъ давно долженъ? потому что сьоръ[1] Сервиліо на первой же недѣлѣ поста непремѣнно потребуетъ съ него денегъ, потому что сьоръ[2] Сервиліо усадилъ

всѣ деньги на чудовищную скрыпку, которую собственноручно дѣлалъ три мѣсяца для карнавала, чтобъ проѣхаться съ нею по всѣмъ улицамъ, — теперь, вѣроятно, сьоръ[1] Cервиліо долго будетъ ѣсть, вмѣсто жаренаго на вертелѣ козленка, одни броколи, вареные въ водѣ, пока не наберетъ вновь денегъ за кофе[2]. Или же не платить сьору[3] Сервиліо, да вмѣсто того позвать его обѣдать въ остерію? потому что сьоръ[4] Сервилію — il vero Romano, и за предложенную ему честь будетъ готовъ потерпѣть долгъ; а лотерея непремѣнно начнется со второй недѣли поста. Только какимъ образомъ до того времени уберечь деньги? какъ сохранить ихъ такъ, чтобы не узналъ ни Джакомо[5], ни мастеръ Петручьо, точильщикъ, которые непремѣнно попросятъ у него взаймы? потому что Джакомо[6] заложилъ въ Гету жидамъ все свое платье, а мастеръ Петручьо тоже заложилъ свое платье въ Гету жидамъ, и разорвалъ на себѣ юбку и послѣдній платокъ жены, нарядясь женщиною... какъ сдѣлать такъ, чтобы не дать имъ взаймы?“ Вотъ о чемъ думалъ Пеппе.

Князь думалъ вотъ о чемъ: „Пеппе можетъ разыскать и узнать имя, гдѣ живетъ, и откуда, и кто такая красавица. Во-первыхъ, онъ всѣхъ знаетъ, и потому больше, нежели всякій другой, можетъ встрѣтить въ толпѣ пріятелей, можетъ чрезъ нихъ развѣдать, можетъ заглянуть во всѣ кафе и остеріи, можетъ заговорить даже, не возбудивъ ни въ комъ подозрѣнія своей фигурой. И хотя онъ подчасъ болтунъ и разсѣянная голова, но[7], если обязать его словомъ настоящаго римлянина, онъ сохранитъ все втайнѣ“.

Такъ думалъ князь, идя изъ улицы въ улицу, и, наконецъ, остановился, увидѣвши, что уже давно перешелъ мостъ, давно уже былъ въ Трансteверской сторонѣ Рима, давно взбирается на гору, и не далеко отъ него церковь S. Pietro in Montorio. Чтобы не стоять на дорогѣ, онъ взошелъ на площадку, съ которой открывался весь Римъ, и произнесъ, оборотившись къ Пеппе: „Слушай, Пеппе: я отъ тебя потребую одной услуги“.

„Что̀ хочетъ eccelenza?“ сказалъ опять Пеппе.

Но здѣсь[8] князь взглянулъ на Римъ и остановился: предъ нимъ въ чудной сіяющей панорамѣ предсталъ вѣчный городъ. Вся свѣтлая груда домовъ, церквей, куполовъ, остроконечій

сильно освѣщена была блескомъ понизившагося солнца. Группами и поодиначкѣ[1] одинъ изъ-за другаго выходили домы, крыши, статуи, воздушныя террасы и галлереи; тамъ пестрѣла и разыгрывалась масса тонкими верхушками колоколенъ и куполовъ съ узорною капризностью фонарей; тамъ выходилъ цѣликомъ темный дворецъ; тамъ плоскій куполъ Пантеона; тамъ убранная верхушка Антониновской колонны съ капителью и статуей апостола Павла; еще правѣе возносили верхи капитолійскія зданія съ конями, статуями; еще правѣе надъ блещущей толпой домовъ и крышъ величественно и строго подымалась темная ширина колизейской громады; тамъ опять играющая толпа стѣнъ, террасъ и куполовъ, покрытая ослѣпительнымъ блескомъ солнца. И надъ всей сверкающей массой темнѣли вдали своей черною зеленью верхушки каменныхъ дубовъ изъ виллъ Людовизи, Медичисъ, и цѣлымъ стадомъ стояли надъ ними въ воздухѣ куполообразныя верхушки римскихъ пиннъ, поднятыя тонкими стволами. И потомъ, во всю длину всей картины возносились и голубѣли прозрачныя горы, легкія, какъ воздухъ, объятыя какимъ-то фосфорическимъ свѣтомъ. Ни словомъ, ни кистью нельзя было передать чуднаго согласія и сочетанья всѣхъ плановъ этой картины! Воздухъ былъ до того чистъ и прозраченъ, что малѣйшая черточка отдаленныхъ зданій была ясна, и все казалось такъ близко, какъ будто можно было схватить рукою. Послѣдній мелкій архитектурный орнаментъ, узорное убранство карниза — все вызначалось[2] въ непостижимой чистотѣ. Въ это время раздались пушечный выстрѣлъ и отдаленный слившійся крикъ народной толпы, — знакъ, что уже пробѣжали кони безъ сѣдоковъ, завершающіе день карнавала. Солнце опускалось ниже къ землѣ; румянѣе и жарче сталъ блескъ его на всей архитектурной массѣ: еще живѣй и ближе сдѣлался городъ; еще темнѣй зачернѣли пинны; еще голубѣе и фосфорнѣе[3] стали горы; еще торжественнѣй и лучше готовый погаснуть небесный воздухъ.... Боже! какой видъ! Князь, объятый имъ, позабылъ и себя, и красоту Аннунціаты, и таинственную судьбу своего народа, и все, что ни есть на свѣтѣ.

———∞———

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Отрывки изъ первоначальныхъ редакцій повѣсти „Шинель".

Въ департаментѣ...[1] Но лучше не называть, въ какомъ[2] департаментѣ. Нѣтъ ничего сердитѣе департаментовъ, полковъ и всякихъ сословій; и назови только одного изъ нихъ по имени, какъ названный въ одну минуту обидится и будетъ утверждать, что надъ нимъ смѣются, хотя бы просто было сказано[3], что въ департаментѣ весьма[4] чисто и опрятно. Лучше всего говорить: „въ одномъ департаментѣ". Итакъ, въ *одномъ* департаментѣ служилъ *одинъ* чиновникъ, довольно низенькаго роста, нѣсколько рябоватъ, нѣсколько рыжеватъ, нѣсколько даже на видъ подслѣповатъ, съ небольшой лысиной на лбу, съ морщинами по обѣимъ сторонамъ щекъ и цвѣтомъ лица, что называется геморoидальнымъ... Что жъ дѣлать?[5] виноватъ петербургскій климатъ. Что касается до чина, — ибо у насъ[6] прежде всего нужно объявить чинъ, — то онъ былъ то, что̀ называютъ вѣчный титулярный совѣтникъ, надъ которыми, какъ извѣстно, подтрунивали и острились разные писатели, имѣющіе похвальное обыкновеніе налегать на тѣхъ, которые не могутъ кусаться.

Фамилія этого чиновника была Башмакевичъ[7], — конечно происходитъ отъ башмака, но въ какое время и когда, неизвѣстно: и самъ Башмакевичъ, и отецъ Башмакевича всегда ходили въ сапогахъ и перемѣняли только, разумѣется, раза три въ годъ подметки. Имя онъ носилъ такое, которое, можетъ быть, съ перваго раза покажется читателямъ немного страннымъ, именно: звали его Акакій Акакіевичъ. Конечно, можно было, нѣкоторымъ образомъ, избѣжать частаго сближенія буквы *к*, но обстоятельства были такого рода, что никакъ

нельзя было этого сдѣлать. И вотъ именно какъ это произошло[1]. Родился Акакій Акакіевичъ[2] противъ ночи на 23-е, кажется, марта. Покойница матушка, чиновница и очень хорошая женщина, послала, какъ слѣдуетъ, за приходскимъ священникомъ, чтобы окрестить ребенка. Матушка лежала еще на кровати, противъ дверей, а по правую руку стоялъ кумъ, превосходнѣйшій человѣкъ, Иванъ Ивановичъ Ерошкинъ, служившій столоначальникомъ въ 3-мъ департаментѣ сената, и кума, жена квартальнаго офицера, женщина добродѣтелей рѣдкихъ, Ирина Семеновна Бѣлобрюшкова. Священникъ открылъ святцы, и такъ какъ обыкновенно водится давать мальчику имя нѣсколькими днями впередъ, то онъ предоставилъ родильницѣ на выборъ любое изъ трехъ, которыя на ту пору вышли: Моккій, Соссій и мученикъ Хуздазатъ. — „Нѣтъ, батюшка, святые-то такіе… Ужъ переверни-ка листочекъ, да поищи, нѣтъ ли тамъ какихъ другихъ". Священникъ переворотилъ, и вышли: Трифилій, Дула и Варахасій. „Вотъ это наказаніе Божіе!" проговорила старуха. „Какія все имена! Я, право, никогда не слышала такихъ. Пусть бы еще Варадатъ или Варухъ, а то Трифилій и Варахасій". Священникъ, желая угодить покойницѣ, переворотилъ еще страницу — вышли: Павсикахій и Вахтисій. „Ну ужъ коли такъ", сказала старуха: „такъ пусть будетъ онъ называться такъ, какъ и отецъ. Отецъ былъ Акакій, такъ пусть будетъ и сынъ Акакій". Такимъ образомъ составился Акакій Акакіевичъ. Ребенка тутъ же окрестили, при чемъ онъ заплакалъ и сдѣлалъ[3] такую гримасу, какъ будто бы предчувствовалъ, что будетъ титулярнымъ совѣтникомъ[4]. Итакъ, вотъ какъ произошло это наименованіе[5]. Мы привели его потому сюда, чтобы читатель могъ самъ[6] видѣть, что это случилось совершенно по необходимости и (что)[7] другаго имени дать никакъ было невозможно[8].

—

Когда и въ какое время онъ поступилъ въ департаментъ, этого никто не запомнилъ. Сколько ни перемѣнялось директоровъ (и начальниковъ), его видѣли въ одномъ и томъ же [положеніи][9] и почти однихъ и тѣхъ же лѣтъ. Физіогномія его заключала въ себѣ что-то такое неизмѣняющееся, такъ что странно было даже и вообразить, чтобы когда-нибудь, малолѣтнимъ или ребенкомъ, казался не такой, — будто бы такъ и

родился на свѣтъ въ полинявшемъ вицмундирѣ, съ лысинкой на головѣ...

Въ этомъ голосѣ его что-то странное слышалось[1] — такое преклоняющее на жалость, что одинъ молодой человѣкъ, не такъ давно опредѣлившійся и который, по примѣру другихъ, позволилъ себѣ посмѣяться надъ нимъ, вдругъ остановился, какъ будто пронзенный чѣмъ-нибудь, и ему показались ничтожными и низкими департаментскіе. И съ тѣхъ поръ все перемѣнилось передъ нимъ и показалось въ другомъ [видѣ][2], и какая-то неестественная сила вдругъ оттолкнула его отъ товарищей, съ которыми онъ только-что познакомился и которые показались ему за приличныхъ людей[3]. И часто потомъ ему слышался этотъ голосъ: вдругъ среди многихъ веселыхъ своихъ минутъ онъ повергался въ задумчивость, и что-то говорило въ уши: „вѣдь это человѣческій, вѣдь это доступный все..............[4] родной голосъ". И представлялся ему онъ самъ, этотъ низенькій чиновникъ съ лысинкой на лбу, и какъ будто говорилъ: „Оставьте меня! Зачѣмъ вы меня обижаете?" И въ этихъ пронзительныхъ словахъ звенѣли другія слова: „Я братъ твой". И закрывалъ себѣ глаза рукою бѣдный молодой человѣкъ, и много разъ содрогался онъ на вѣку своемъ, видя, какъ много безчеловѣчья въ человѣкѣ и какъ много въ самой утонченной и образованной свѣтскости — коренной свирѣпой грубости.

Врядъ ли гдѣ можно было найти человѣка, который бы такъ весь жилъ въ своей должности. Мало сказать, чтобы (sic!) онъ служилъ ревностно, — нѣтъ: онъ занимался съ любовію. Тамъ, въ этомъ переписываньи, былъ для него какой-то особенный міръ. Наслажденіе выражалось въ лицѣ его. Нѣкоторыя буквы у него были фавориты, до которыхъ онъ добираясь, былъ самъ не свой: и подсмѣивался, и подмигивалъ, и помогалъ губами, такъ что въ лицѣ его можно, казалось, прочесть всякую букву, которую выводило перо его. Если бы соразмѣрно его рвенію давали ему чины и награду, онъ бы, можетъ быть, залетѣлъ очень далеко, но выслужилъ онъ всего — „пряжку въ петлицу да геморой въ поясницу", какъ выражались нѣкоторые чиновники остряки. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы его совсѣмъ позабыли или не оказывали вниманія[5].

Внѣ этого переписыванья, казалось, ничего для него не существовало. О платьѣ онъ не думалъ вовсе: вицмундиръ у него былъ не зеленый, но какого-то особеннаго цвѣта — скорѣе цвѣту коровьей коврижки; воротничекъ на немъ — низенькій, узенькій, очень длинный, такъ что шея выходила изъ него, обвязанная бѣлымъ платкомъ. На вицмундирѣ была............[1] или сѣнца кусочекъ. Къ тому же онъ особенное имѣлъ искусство, ходя по улицѣ, поспѣвать подъ окно въ то самое время, когда изъ него выбрасывали всякую дрянь, и потому вѣчно уносилъ на своей шляпѣ арбузныя и дынныя корки и тому подобный вздоръ. Онъ никогда не обращалъ никакого вниманія на все, что̀ ни было вокругъ его, на что̀ его же братъ, молодой чиновникъ, всегда взглянетъ, даже самымъ такимъ[2] замѣчательнымъ глазомъ, простирающимся до того, что даже замѣтитъ, у кого отпоролась стремешка. Онъ видѣлъ все свои же чистыя, ровнымъ почеркомъ выписанныя строки, и только, если, неизвѣстно, откуда взявшись, лошадиная морда помѣщалась ему на плечо, фыркнувъ вѣтромъ изъ ноздрей въ щеку ему, тогда только замѣчалъ онъ, что онъ не на серединѣ строки, а на серединѣ улицы[3].

Всходя по лѣстницѣ, — которая была облита вся......[4] водой и помоями, проникнута тѣмъ спиртуознымъ запахомъ, который властвуетъ на наполненныхъ[5] мѣстахъ и вела прямо въ комнату Петровича съ окномъ въ какую-то конюшню, — Акакій Акакіевичъ думалъ уже, между тѣмъ, о цѣнѣ и сколько именно запроситъ Петровичъ за работу, готовился мысленно надавать[6] на пять рублей два рубли. Дверь была отворена, потому что хозяйка, готовя какую-то рыбу, напустила дыму въ кухню[7].

Пройдя черезъ кухню, которая, не смотря на то, что была маленька, но была грязнѣе [кожи][8] мужика, идущаго въ баню, и гдѣ было въ волю тараканов, прусаковъ и прочихъ хозяйственныхъ необходимостей, Акакій Акакіевичъ вошелъ, наконецъ, въ комнатку, гдѣ увидѣлъ Петровича, сидящаго........[9] возлѣ [окна][10] на столѣ, подвернувшаго подъ себя ноги, какъ султанъ[11]. Ноги сами по себѣ, по обычаю портныхъ, сидящихъ за работою, были нагишомъ, и большой палецъ, очень знакомый Акакію Акакіевичу, съ какимъ-[то][12] изуродованнымъ ногтемъ, толстымъ, большимъ и крѣпкимъ, какъ черепъ у черепахи, съ своей сто-

роны привѣтствовалъ его. Петровичъ кивнулъ головою и посмотрѣлъ на руки Акакія Акакіевича, желая знать, какого рода добычу тотъ несетъ. На шеѣ у него висѣлъ мотокъ шелку и нитокъ, а на колѣняхъ какая-то ветошь. Петровичъ, за минуту до прихода, продѣвалъ съ четверть часа нитку въ иглу и все не попадалъ, и потому сердился и бранилъ темное время[1]. Акакію Акакіевичу непріятно было, что онъ пришелъ въ ту минуту, когда Петровичъ сердился[2]. Онъ особенно любилъ заказывать Петровичу, [3] когда онъ немножко уже былъ нѣско....... [4] подъ куражемъ, или, — какъ выражалась жена его, — „осадился[5] сивухой одноглазый чортъ". Въ такомъ состояніи[6] Петровичъ обыкновенно очень охотно уступалъ и соглашался, и всякій разъ даже кланялся и благодарилъ. Потомъ, правда, приходила жена его, съ плачемъ, что „дешево де взялся", но гривенника было прибавить[7] — и дѣло въ шляпѣ. А теперь Акакій Акакіевичъ спохватился, да нечего дѣлать: дѣло было сдѣлано. Петровичъ кивнулъ головою и посмотрѣлъ на руки Акакія Акакіевича, желая знать, какого рода добычу тотъ несетъ[8].

„Здравствуй, Петровичъ! А я вотъ того..."

„Здравствовать желаю", сказалъ Петровичъ, посмотрѣвши своимъ единственнымъ глазомъ на фракъ Акакія, начиная съ рукавовъ и на покрой спинки, который ему очень былъ знакомъ. Но таковъ уже обычай портныхъ; это первое, что̀ онъ сдѣлаетъ, прежде, чѣмъ начнетъ говорить.

„Вотъ я того, Петровичъ... Шинель-то мѣстахъ въ трехъ повытерлась... такъ того... чтобы заплаточки, знаешь... Да и подкладку тоже въ иныхъ [мѣстахъ][9] подшить, гдѣ разорвалась, и кое-гдѣ и того... новыя полотнищи[10] вставить" [11].

„Я вотъ пришелъ къ тебѣ того, Петровичъ... шинель-то... сукно въ другихъ мѣстахъ вездѣ совсѣмъ крѣпко, только немножко запылилось, такъ кажетъ будто совсѣмъ старое, а оно, вотъ видишь, и здѣсь, и вотъ здѣсь, вездѣ еще того... да вотъ только въ одномъ мѣстѣ на спинѣ поистерлось[12], да на плечѣ, да немножко еще вотъ и на этомъ плечѣ... Видишь, вотъ и всего, и работы немного" [13].

Петровичъ взялъ капотъ и разложилъ его сначала на столъ, долго разсматривалъ, покачалъ головою и полѣзъ рукой на окно за табакомъ, который хранился въ круглой табакеркѣ съ портретомъ какого-то генерала, котораго именно, неизвѣстно, потому что мѣсто, гдѣ находилось лицо, было проткнуто пальцемъ, которое, впрочемъ, Петровичъ заклеилъ бумажкой. Понюхавъ табаку, онъ поднялъ[1] капотъ и, растопыривъ на рукахъ, сталъ разсматривать его противъ свѣта, и опять покачалъ головою. Потомъ положилъ онъ подкладкою вверхъ и вновь покачалъ, потащилъ себѣ въ носъ съ горсть табаку...[2]

„А ты, Петровичъ, заплаточку!"

„Гм!.. Да вѣдь заплаточку-то ужъ нельзя положить: укрѣпиться не за что[3]; повернешь иголку, а оно и ползетъ. Подержка то ужъ очень большая[4]. Вѣдь это оно только слава, что сукно; оно, что̀ порохъ: вонъ, такъ на вѣтеръ и летитъ... только вонъ лѣзетъ..."

„А ты, Петровичъ, все-таки какъ-нибудь укрѣпи..."

„Да что прикрѣпить? Прикрѣпить-то можно прикрѣпить, да было бы къ чему. Тутъ поставишь заплатку, а на другой день нужно опять и другую".

„Ну, а ты, Петровичъ, и другую поставишь потомъ".

„Да.....[5] ужъ ее, просто, нужно бросить, если говорить правду[6]. Какъ зимній холодъ придетъ, такъ вы онучки изъ нея сдѣлайте, потому что чулокъ не согрѣетъ. Это нѣмцы выдумали, чтобы денегъ побольше себѣ забирать". (Петровичъ любилъ при случаѣ кольнуть нѣмцевъ)[7]. „А шинель нужно новую дѣлать"[8].

Такъ и оторопѣлъ Акакій Акакіевичъ, когда услышалъ такую исторію, и вышелъ отъ Петровича въ положеніи чрезвычайно смущенномъ и неопредѣленномъ[9], остановился и съ часъ стоялъ на улицѣ и долго не могъ даже дать запросъ: что̀ онъ? гдѣ теперь находится и зачѣмъ остановился?[10] — словомъ, такъ, какъ [бы][11] произошло что-то очень нехорошее: или какъ будто бы что-то позабылъ, или потерялъ, или прокрался, или заспался, словомъ: въ такомъ [положеніи][12], какого самъ никакъ не могъ истолковать и въ какомъ еще никогда не былъ.

„Экаково дѣло-то экакое!“ говорилъ онъ самъ себѣ. „Этого[1] я, право, и не думалъ, чтобъ это было вотъ этакое“. А потомъ, послѣ нѣкотораго молчанія, прибавилъ: „Такъ вотъ какъ! Наконецъ, таки вотъ что вышло! А я совсѣмъ, право, никакъ не могъ предположить[2], чтобы оно было этакъ[3]. Это, право, такъ вышло, что ужъ я это никакъ не могъ того... предвариться объ этомъ“.

За симъ послѣдовало опять очень долгое молчаніе, послѣ котораго онъ произнесъ: „Такъ этакъ-то! Вотъ какое ужъ, точно, никакъ неожиданное... того... событіе... Право, я бы этого никакъ не могъ... Эдакое-то обстоятельство!“ Сказавши это, онъ пошелъ, вмѣсто того, чтобы домой, совершенно въ противную сторону, вовсе не подозрѣвая этого[4]. Дорогою его задѣлъ нечистымъ всѣмъ бокомъ своимъ трубочистъ и вычернилъ половину его фрака, хоть брось[5]; цѣлая шапка извести высыпалась на него сверху изъ строившаго[ся][6] дома. Онъ ничего этого не замѣтилъ и потомъ уже, когда натолкнулся на будочника[7], который поставилъ около себя свою алебарду, натряхивалъ изъ рожка на мозолистый кулакъ свой табаку, — тогда только немного очнулся, да и то потому, что будочникъ сказалъ: „Чего лѣзешь въ самое рыло? Развѣ нѣтъ тебѣ трухтуара?“ Это заставило оглянуться и поворотить въ переулокъ, который онъ (безъ того) бы непремѣнно пропустилъ. Тутъ только слова его приняли настоящій смыслъ. Здѣсь только онъ началъ съ собою разговаривать совершенно разсудительно и откровенно, — такъ, какъ бы съ порядочнымъ и знающимъ человѣкомъ[8] и притомъ пріятелемъ, съ которымъ бы можно посовѣтоваться. „Что̀ жъ это говоритъ Петровичъ, чтобы шить новую шинель? Вѣдь...“[9]

„Ну, нѣтъ“, подумалъ Акакій Акакіевичъ: „теперь съ Петровичемъ нельзя толковать: онъ теперь того... да и жена ему, можетъ быть, того... какъ-нибудь поколотила его. Вотъ онъ совсѣмъ того... А я приду къ нему пораньше, въ воскресенье хоть: онъ послѣ субботы и будетъ косить глазомъ, и заспавшись, а я ему все такого того... ему нужно будетъ опохмелиться, да къ тому жъ онъ все-таки не пропуститъ курнуть въ воскресенье, а [я][9] ему дамъ впередъ гри-

венничекъ, такъ онъ будетъ сговорчивѣе“. Сказавши такъ себѣ, Акакій Акакіевичъ ободрилъ себя и, дождавшись перваго воскресенья и выглядѣвъ, когда жена его отправилась на рынокъ, отправился къ Петровичу. Петровичъ, точно, послѣ субботы косилъ сильно глазомъ и голову держалъ къ полу, и былъ совсѣмъ заспавшись; но какъ только узналъ, въ чемъ дѣло, не хотѣлъ и шинели разсматривать и сказалъ, что совсѣмъ нельзя ничего сдѣлать и что нужно новую шинель дѣлать. Акакій Акакіевичъ здѣсь ему и всунулъ гривенничекъ. „Благодарствую, судырь; подкрѣплюсь маненечко за ваше здоровье“, сказалъ Петровичъ: „а ужъ объ шинели не извольте безпокоиться: она ни на какую годность не годится. Новую шинель ужъ я вамъ сошью на славу, ужъ на этомъ постоимъ“.

„Ну да, Петровичъ, постарайся... хоть бы годикъ“.

„Да ужъ донашивайте годикъ, теперь же скоро лѣто, а тамъ, авось, не будетъ такъ холодно. А ужъ новую шинель ужъ я вамъ безпремѣнно сошью, ужъ пойдетъ покойно, приложу старанье; да по шеѣ будетъ застегиваться на серебряныя лапки подъ аплике“.

Акакій Акакіевичъ увидѣлъ ясно, что безъ новой шинели, точно, никакъ нельзя обойтись и, хотя, что̀ хочешь, дѣлай, но новую шинель нужно состроить. Но на что̀ ее сдѣлать? на какія деньги? Конечно, можно положиться отчасти на награжденіе, которое будетъ къ празднику; но эти деньги давно уже разсчитаны и распредѣлены впередъ: на пошивку новыхъ панталонъ, да заплатить сапожнику за приставленіе двухъ головъ къ прежнимъ голенищамъ, да швеѣ необходимо нужно было заказать три рубахи да того бѣлья[1], которое не такъ прилично называть въ слогѣ печатномъ, штуки [двѣ][2]; словомъ, всѣ деньги должны были разойтись. И если даже, напримѣръ, и начальникъ былъ такъ милостивъ, что, вмѣсто сорока рублей наградныхъ, далъ бы сорокъ пять или пятьдесятъ, то все-таки останется самый вздоръ; а шинель вещь такого рода, которая требуетъ большаго капитала. Хотя, конечно, онъ зналъ, что за Петровичемъ водилась иногда блажь заломить вдругъ такую сумму, что жена даже не могла удержаться, чтобы не прикрикнуть: „Что̀ ты, перекрестись! Съ ума свихнулъ, дуракъ! Въ другой разъ ни за что возь-

мет[ся][1] работать, а разнесетъ его нелегкая, запросилъ такую цѣну, какой и самъ не стóитъ"; — хотя, конечно, зналъ, что тотъ же Петровичъ возьмется ее и за восемьдесятъ рублей сдѣлать; но откуда взять и восемьдесятъ рублей? Еще бы половину можно достать, но — остальную половину?... Но прежде читателямъ нужно знать, какимъ образомъ первая половина отыскалась. Акакій Акакіевичъ имѣлъ обыкновеніе со всякаго рубля, который случалось ему издерживать на свои необходимѣйшія потребности, откладывать одну копѣйку въ небольшой ящичекъ, запертой на замокъ, съ прорѣзанною въ крышкѣ дырочкой для впущенія туда грошей. По истеченіи полгода, онъ ревизовалъ пущенные гроши и на мѣсто ихъ клалъ серебро, и потомъ шло вновь обычнымъ чередомъ своимъ; въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ оказалось у него болѣе сорока рублей[2]. Итакъ, вотъ та половина, которая была въ рукахъ; но гдѣ взять другую? Акакій Акакіевичъ рѣшился, въ продолженіи хотя одного года, уменьшить издержки: отмѣнилъ даже чай по вечерамъ, не зажигать даже по вечерамъ свѣчи, а если чтó понадобится дѣлать, такъ итти въ комнатку къ хозяйкѣ и работать; ступать, какъ можно, легко и осторожно по улицамъ, почти на цыпочкахъ, чтобы не испортить подметки, и рѣже отдавать прачкѣ мыть рубашки; а чтобы не занашивались, дома скидать и оставаться въ демикотоновомъ халатѣ, очень давнемъ и щадимомъ даже самымъ временемъ (можетъ быть, онъ пріобрѣлъ какую-то грязноватую поверхность, о которую притуплялось лезвіе косы его)[3]; словомъ, рѣшился Акакій Акакіевичъ на всѣ пожертвованія. Сначала было ему нѣсколько трудно и тяжело, но послѣ началъ привыкать, началъ привыкать даже голодать; но зато питался духовно, нося безпрестанно въ мысляхъ своихъ будущую шинель. Съ этихъ поръ какъ-то существованіе его сдѣлалось полнѣе: кажется, какъ будто бы онъ женился, какъ будто кто-то другой человѣкъ присутствовалъ съ нимъ, какъ будто подруга жизни пришла (раздѣлить судьбу)[4]; эта подруга была не кто [другая, какъ][5] теплая, на ватѣ, шинель. Онъ сдѣлался какъ будто живѣе, какъ человѣкъ, который уже позналъ и заключилъ въ себѣ цѣль. Какой то огонь показывался порою въ глазахъ его, а въ головѣ, и весьма часто, появлялась весьма дерзкая мысль: „не положить ли, въ са-

момъ дѣлѣ, на воротникъ куницу?“ Все это сообщило даже нѣкоторое расположеніе къ разсѣянности[1].

Одинъ разъ, переписывая донесеніе къ важному лицу на листѣ перваго сорта бумаги, онъ чуть было даже не сдѣлалъ ошибки, такъ что почти вслухъ прокричалъ: „ухъ!“ и перекрестился. Каждый почти мѣсяцъ онъ навѣдывался къ Петровичу, чтобы поговорить объ шинели: какъ и гдѣ лучше купить для нея матеріи и все [приторговывался][2] къ цѣнамъ. Наконецъ, дѣло пошло, противъ ожиданія, живо. Самое первое то, что директоръ вздумалъ разщедриться, и Акакій Акакіевичъ получилъ, вмѣсто ожиданныхъ 40 рублей, 60 рублей награжденія. Это былъ для него рѣшительно никакъ неожидаемый подарокъ. Это ускорило значительно составленіе затребуемой суммы. Мѣсяца два какихъ-нибудь голоданья — и [у][3] Акакія Акакіевича набралось, точно, около 80 рублей. Сердце, которое у Акакія Акакіевича всегда почти пребывало безъ всякаго біенія, начало биться сильнѣе. Въ первый же день они отправились вмѣстѣ съ Петровичемъ въ лавки; купили сукна очень хорошаго: за крѣпость Петровичъ ручался. На подкладку выбрали коленкору, но такого добротнаго и плотнаго, который, по словамъ Петровича, былъ еще лучше шелку и даже на видъ казистѣй. Куницы не купили, потому что была слишкомъ дорога, а вмѣсто нея выбрали[4] кошку, лучшую, какая только нашлась въ лавкѣ, которую издали можно было всегда признать за куницу. Петровичъ провозился[5] за шинелью двѣ недѣли[6], потому что много было стеганья, и взялъ за одну работу двѣнадцать рублей, потому что все было рѣшительно шито на шелку двойнымъ мелкимъ швомъ, и къ тому же Петровичъ потомъ по всякому почти шву проходилъ[7] собственными зубами и даже вытиснулъ ими разныя фигуры. Это было ....[8] не припомнимъ въ какой день, но, вѣроятно, это[тъ][9] день былъ торжественнѣйшій въ жизни Акакія Акакіевича: по крайней мѣрѣ никогда такъ не былъ сильно потрясенъ[10] весь его ....[11], какъ мы увидимъ послѣ. Петровичъ принесъ ее поутру, именно предъ тѣмъ временемъ, какъ итти въ департаментъ. Никогда бы въ другое время не пришлась бы такъ въ пору шинель, потому [что][12] уже на-

чались сильные морозы и, казалось, готовы были увеличиться. Петровичъ явился[1] съ шинелью, какъ слѣдуетъ хорошему портному. Въ лицѣ его показалось выраженіе самое значительное, какого Акакію Акакіевичу еще никогда не случалось видѣть. Казалось, силу чувствовалъ въ это время. Онъ, разставивши шинель, накинулъ очень вѣрно на плечи [Акакію][2] Акакіевичу, потомъ потянулъ ее рукою снизу; потомъ нѣсколько драпировалъ ее Акакію Акакіевичу сначала такъ — небрежно[3]; потомъ Акакій Акакіевичъ надѣлъ ее въ рукава — и въ рукава вышло хорошо; словомъ, оказалось, что шинель какъ разъ въ пору. Акакій [Акакіевичъ][4] расплатился съ Петровичемъ, поблагодарилъ и вышелъ тутъ же въ новой шинели въ департаментъ. Петровичъ вышелъ вслѣдъ за нимъ и остановился на улицѣ, долго еще смотрѣлъ на шинель и потомъ пошелъ нарочно въ сторону, чтобы обогнуть кривымъ переулкомъ, съ котораго забѣжать на улицу и посмотрѣть еще разъ свою[5] шинель съ другой [стороны][6], то есть, прямо въ лицо. Между тѣмъ Акакій Акакіевичъ шелъ въ самомъ праздничномъ расположеніи всѣхъ чувствъ. Онъ чувствовалъ всякое мгновеніе минутъ, что на плечахъ его новая шинель; нѣсколько разъ даже усмѣхнулся отъ удовольствія[7]: одно то, что тепло, а другое, что вмѣстѣ съ тѣмъ и хорошо. Не смотря на то, что (онъ) шелъ тихо, онъ почти не примѣтилъ дороги и очутился скоро въ департаментѣ. Въ швейцарской онъ скинулъ свою шинель и, обсмотрѣвъ ее всю, поручилъ ее въ особенное покровительство[8] швейцара. Не знаемъ, какимъ образомъ въ департаментѣ всѣ вдругъ узнали, что у Акакія Акакіевича новая шинель и что уже нѣтъ капота. Всѣ выбѣжали въ швейцарскую смотрѣть новую шинель; потомъ принялись поздравлять Акакія Акакіевича, такъ что тотъ сначала только улыбался, а потомъ сдѣлалось ему стыдно. Когда же всѣ приступили къ нему, стали говорить, что нужно вспрыснуть новую шинель и, по крайней мѣрѣ, онъ долженъ [дать][9] вечеръ — тутъ Акакій Акакіевичъ совершенно потерялся и не зналъ совершенно, какъ ему быть: точно ли это нужно, и какъ отъ [этого][10] отговориться, и что́ такое сказать. Наконецъ, одинъ изъ чиновниковъ, какой-то даже помощникъ столоначальника, — захотѣвшій показать свою популярность и то онъ, не смотря на чинъ свой, вотъ дискать какой чело-

вѣкъ — совсѣмъ не гордецъ и знается съ людьми, которые ниже чиномъ, — сказалъ: „Такъ ужъ и быть: я на мѣсто [Акакія][1] Акакіевича даю вечеръ и прошу ко мнѣ сегодня (всѣхъ) на чай. я же къ тому сегодня именинникъ“. Чиновники, натурально, приняли съ охотою предложеніе. Акакій Акакіевичъ началъ было отказываться, но всѣ стали говорить, что стыдно и срамъ. И ужъ никакъ нельзя было Акакію Акакьевичу отказаться.

Впрочемъ, ему стало отчасти пріятно, вспомнивъ, что онъ будетъ имѣть чрезъ это случай пройтись и ввечеру еще въ новой шинели. Этотъ весь день былъ точный праздникъ. Онъ пришелъ домой въ самомъ веселомъ и пріятномъ расположеніи духа, скинулъ шинель и тотъ же часъ повѣсилъ ее на стѣнѣ, полюбовавшись сукномъ и подкладкой, и потомъ нарочно вытащилъ, чтобы сравнить, прежній капотъ свой, совершенно расползшійся, и, взглянувши, самъ даже разсмѣялся: такая была разница! И потомъ долго еще усмѣхался, даже за обѣдомъ. Обѣдалъ онъ очень весело и послѣ обѣда ужъ не писалъ никакихъ бумагъ, а немножко такъ посибаритствовалъ на кроватѣ. И какъ только совершенно[2] потемнѣло, онъ пріодѣлся[3], надѣлъ на плечи шинель и вышелъ на улицу. Въ какой улицѣ жилъ пригласившій чиновникъ, навѣрное не помнимъ: память начинаетъ намъ сильно измѣнять и.......[4] петербургскія слились и смѣшались такъ въ головѣ нашей, что трудно выкопать оттуда что-нибудь въ несбивчивомъ видѣ. Какъ бы то ни было, но вѣрно то, что чиновникъ жилъ не близко отъ квартиры [Акакія][5] Акакіевича. Сначала нужно было Акакію Акакіевичу пройти кое по какимъ пустыннымъ улицамъ съ тощимъ освѣщеніемъ; но, по мѣрѣ приближенія къ квартирѣ чиновника, улицы становились населеннѣе и живѣе, лучше освѣщены, пѣшеходы стали мелькать чаще, начали показываться и дамы, и мужчины въ бобровыхъ воротникахъ; рѣже ....[6] ваньки въ ....[7] рѣшеточномъ и своими санками и старымъ коврикомъ, посыпаннымъ овсомъ; попадались извощики лихачи съ лакированными санками и медвѣжьими одѣялами, кареты съ форейторами. Акакій Акакіевичъ глядѣлъ на все это, какъ на новость: онъ уже нѣсколько лѣтъ не выходилъ по вечерамъ на улицу. Остановился съ любопытствомъ передъ освѣщеннымъ окошкомъ магазина по

смотрѣть на картинку, гдѣ была изображена какая-[то][1] красивая женщина.................[2], скидающая съ но[ги][3] своей башмакъ; потомъ посмотрѣлъ на другую, которая, казалось, служила продолженіемъ первой, гдѣ изображена была такая же красивая женщина, уже лежащая, раздѣвшись, въ постелѣ, а изъ дверей выставилъ голову[4] какой-[то][5] мужчина съ баккенбардами и шпанкой подъ губой. Акакій Акакіевичъ покачнулъ головой и усмѣхнул[ся][6], и потомъ пошелъ своей дорогой. Но въ сосѣдней улицѣ онъ, наконецъ, остановился передъ домомъ, въ которомъ квартировалъ помощникъ столоначальника[7].

Помощникъ столоначальника жилъ на большую ногу[8]: на лѣстницѣ былъ фонарь; квартира была во второмъ этажѣ. Взошедши въ переднюю, онъ увидѣлъ на полу цѣлые ряды калошъ, а на стѣнѣ[9] множество висѣвшихъ плащей и шинелей. Большой самоваръ стоялъ на полу, посылая клубами паръ. Слышенъ былъ глухой шумъ и говоръ, который вдругъ сдѣлался яснымъ и звонкимъ[10], когда отворилась дверь и вышелъ лакей съ подносомъ, установленнымъ опорожненными стаканами и корзинкой съ сухарями: знать, чиновники уже давно собрались и...............[11], и по первому стакану чая было уже выпито. Акакій Акакіевичъ вошелъ въ дверь, и передъ нимъ вдругъ мелькнули свѣчи, чиновники, трубки, столы для картъ, и зашумѣлъ въ ушахъ смѣхъ, разговоръ и шумъ подвигаемыхъ стульевъ. Акакія Акакіевича приняли съ крикомъ и пошли вновь въ переднюю и обсмотрѣли вновь его шинель. Акакій Акакіевичъ, хотя и сконфузился, но внутренно не могъ, чтобы нѣсколько не порадоваться, видя, какъ похваливали ее. Потомъ всѣ бросили его и засѣли за столъ съ вистомъ. Акакію Акакіевичу все это было какъ-то чудно и онъ, просто, не зналъ, какъ ему ......[12] быть. Онъ подсѣлъ къ игравшимъ, смотрѣлъ въ карты тому и другому, засматривалъ также имъ въ лица, и чрезъ нѣсколько времени началъ зѣвать и чувствовать, что скучно, тѣмъ болѣе, что приходило то время, въ которое онъ обыкновенно ложился спать. Онъ хотѣлъ проститься съ хозяиномъ, но его не пустили, говоря, что онъ непремѣнно долженъ выпить бокалъ шампанскаго въ честь обновки. (Нечего было дѣлать, Акакій Акакіевичъ дождался шампанскаго)[13]. Черезъ часъ подали

ужинъ, состоявшій изъ винегрета, холодной телятины и паштета, кондитерскихъ пирожковъ и шампанскаго. Акакія Акакіевича заставили выпить два бокала, такъ что тотъ даже почувствовалъ, что въ комнатѣ сдѣлалось какъ-то веселѣе, но, однакоже, никакъ не могъ позабыть, что уже двѣнадцать часовъ и весьма поздно. Чтобы какъ-нибудь не вздумалъ удерживать еще хозяинъ, онъ вышелъ потихоньку изъ комнаты, нашелъ свою шинель, надѣлъ ее и вышелъ съ лѣстницы на улицу. По улицѣ (онъ шелъ) было все еще свѣтло; кое-какія мелочныя лавочки............[1]; въ иныхъ же, которыя были заперты, сквозь щель во всю длину дверей виденъ былъ свѣтъ: вѣроятно, составилось тамъ что-нибудь въ родѣ раута Авдотьи Павловны...............[2] и прикащика, учтиво прислуживающаго съ потряхиваньемъ.............[3] Акакій Акакіевичъ шелъ въ очень хорошемъ расположеніи духа[4] и даже, неизвѣстно почему, вдругъ пошелъ было очень скоро[5], когда мимо его прошла, какъ молнія, какая-то дама въ шляпкѣ, смѣло вертѣвшаяся всѣмъ своимъ тѣломъ. Но онъ тутъ же принялъ обычный свой шагъ, подивясь даже самъ, неизвѣстно откуда взявшейся, рыси. Но скоро..............[6] улицы: начались тѣ, которыя и днемъ-то не весьма кипятъ народомъ: теперь стали онѣ еще пустыннѣе. Фонари мелькали кое-гдѣ; стали попадаться заборы, деревянные домы: нигдѣ ни души; сверкалъ только снѣгъ по улицамъ и чернѣли заснувшіе, съ закрытыми ставнями, домы. Потомъ перерѣзывалась площадь, глядѣвшая страшнымъ пустыремъ съ едва видными на другой сторонѣ домами. Вдали, Богъ знаетъ гдѣ, мелькалъ огонекъ въ какой-то будкѣ. Веселость Акакія Акакіевича какъ-то здѣсь вдругъ уменьшилась: онъ вступилъ на площадь не безъ какой-[то][7] невольной боязни, точно, какъ будто сердце его предчувствовало что-нибудь недобраго. Онъ оглянулся назадъ и по сторонамъ и [для][8] высматриванья мѣстъ оборотился вдругъ, чтобы итти своей дорогой и увидѣлъ, что передъ нимъ стояли какіе-то...........[9] солдаты или что-то похожее — ужъ никакъ не могъ различить этого. Сердце у него замерло.

„А вѣдь шинель-то моя!“ сказалъ одинъ изъ нихъ громовымъ голосомъ, ухвативши его за воротникъ. Акакій Акакіевичъ хотѣлъ закричать: „караулъ!“ какъ другой приставилъ ему кулакъ въ самыя губы и закричалъ: „Вотъ только крикни!“

Акакій [Акакіевичъ][1] слышалъ только, какъ сорвали съ него шинель, ...[2] ему сначала пинка, а потомъ колѣномъ, и онъ упалъ навзничь въ снѣгъ, почти безъ чувствъ. Когда онъ очувствовался и поднялся съ земли, никого уже не было. Онъ слышалъ по холоду, пронимавшему его въ спину и плечи, что на немъ нѣтъ [шинели][3]. Сталъ въ отчаяньи кричать онъ — все безплодно: ни души не было на площади. Въ отчаяніи онъ пустился бѣжать къ будкѣ, которая была шагахъ въ двѣсти. Будочникъ, пораженный криками, остановился и разсматривалъ съ любопытствомъ бѣгущаго къ нему человѣка[4]. (Акакій Акакіевичъ принялся укорять будочника)[5], что онъ спитъ и ни за чѣмъ не смотритъ: не видитъ, какъ грабятъ (человѣка)[6]. Будочникъ отвѣчалъ, что онъ ничего не видалъ, что онъ видѣлъ, какъ остановили на площади два какіе-то человѣка, да подумалъ, что его пріятели, а что пусть лучше онъ завтра сходитъ въ часть къ квартальному, такъ квартальный отыщетъ, кто взялъ шинель. [Акакій][7] Акакіевичъ прибѣжалъ къ себѣ домой въ совершенномъ безпорядкѣ[8]: волосы, которые у него водились еще на вискахъ и на затылкѣ, растрепались, спина и бокъ были въ снѣгу. Старуха хозяйка[9], услыша страшный стукъ въ двери, поспѣшно вскочила съ постели и въ одномъ башмакѣ[10] вышла отворить — и отступила назадъ, когда его увидѣла. А когда услышала, въ чемъ дѣло, перекрестилась и всплеснула руками, и сказала, что нужно итти прямо къ частному, что квартальный надуетъ — пообѣщается да и станетъ водить; а лучше всего прямо къ частному; что она даже знаетъ его, потому что Анна, чухонка, которая прежде служила у нея, опредѣлилась теперь къ частному въ няньки; что она часто видитъ его самого, какъ онъ проѣзжаетъ по улицамъ мимо ея оконъ, и что въ церквѣ бываетъ — на все смотритъ и молится въ то же время, и что по всему видно, что онъ добрый человѣкъ. Выслушавъ такое опредѣленіе, Акакій Акакіевичъ, однакоже, провелъ ночь весьма плохо, а поутру рано отправился къ частному; но сказали, что спитъ. Онъ пришелъ въ 10 часовъ — сказали опять: „спитъ“. Онъ пришелъ въ 11 часовъ — сказали: „да нѣтъ частнаго дома“. Онъ — въ обѣденное время; но писаря въ прихожей никакъ не хотѣли его пустить и хотѣли непремѣнно узнать, за какимъ дѣломъ, и какая надобность при-

вела, и что такое случилось. Наконецъ, Акакій Акакіевичъ разъ въ жизни захотѣлъ показать твердый характеръ и сказалъ, что ему нужно лично видѣть самого частнаго, что они не смѣютъ его не допустить, что онъ пришелъ изъ департамента и что, вотъ какъ онъ на нихъ пожалуется, такъ тогда они увидятъ. Противъ этого писаря не посмѣли ничего сказать, и одинъ изъ нихъ пошелъ вызвать...[1]

Частный какъ-то странно принялъ разсказъ о грабительствѣ шинели. Вмѣсто того, чтобы обратить вниманіе на главный пунктъ дѣла, онъ сталъ разспрашивать Акакія Акакіевича: да почему онъ такъ поздно возвращался?[2] да не былъ ли онъ въ непотребномъ домѣ? такъ что бѣдный Акакій Акакіевичъ даже сконфузился совершенно и вышелъ отъ него, никакъ не зная, возъимѣетъ ли ходъ дѣло о шинели, или нѣтъ. Весь этотъ день онъ не былъ въ присутствіи и явился только на другой день, весь блѣдный и въ старомъ своемъ капотѣ, который былъ еще плачевнѣе прежняго. Повѣствованіе о ночномъ грабительствѣ шинели, — не смотря на то, что многіе чиновники не пропустили и тутъ посмѣяться надъ Акакіемъ Акакіевичемъ, — однакоже, многихъ тронуло. Рѣшились тутъ же сдѣлать для него складчину, но собрали самую бездѣлицу, потому [что][3] чиновники[4] и безъ того уже поистратились подписомъ[5] на директорскій портретъ и на одну какую-то книгу по предложенію начальника отдѣленія, который былъ пріятелемъ съ сочинителемъ. Итакъ, сумма оказалась самая бездѣльная. Одинъ кто-[то][6], движимый состраданіемъ, рѣшился, по крайней мѣрѣ, помочь Акакію Акакіевичу добрымъ совѣтомъ— сказалъ, чтобы онъ пошелъ не къ квартальному,—потому что квартальный, хотя конечно можетъ случиться, что, желая показать себя и получить одобреніе, и отыщетъ шинель, но шинель все-таки останется въ полиціи,—а лучше всего, чтобы онъ обратился прямо къ одному значительному лицу,—что значительное лицо, списавшись и снесшись, съ кѣмъ слѣдуетъ, можетъ заставить успѣшнѣе итти дѣло. Акакій Акакіевичъ рѣшился итти къ значительному лицу. Нужно знать, что это значительное лицо еще недавно сдѣлалось значительнымъ лицомъ, а до того времени оно было незначительнымъ лицомъ.

Впрочемъ, надобно сказать, что и теперешнее мѣсто не было такъ важнымъ между значущими людьми; но оно было очень важно въ глазахъ многихъ пониже[1], и потому онъ пріобрѣлъ названіе значительнаго лица. Впрочемъ, онъ старался усилить значительность свою многими вспомоществующими средствами, а именно: завелъ, чтобы низшіе чиновники встрѣчали его еще на лѣстницѣ, когда приходитъ на должность; чтобы къ нему являться прямо никто не смѣлъ, а чтобы — по порядку: коллежскій регистраторъ докладывалъ губернскому регистратору, и такъ уже чтобы доходило до его. Что жъ дѣлать? Извѣстно, русскій обычай: у насъ все заражено подражаніемъ — всякій подражаетъ одинъ другому. Говорятъ даже, что одинъ какой-то титулярный совѣтникъ, когда его сдѣлали правителемъ какой-то особенной небольшой канцеляріи, тотчасъ отгородилъ себѣ особенную комнатку, назвавши ее „комнатой присутствія“ и поставилъ у дверей какихъ-[то][2] капельдинеровъ съ красными воротниками съ галуномъ, которые брались [за][3] ручку дверей и[4] отворяли всякому приходившему, хотя въ „комнатѣ присутствія“ не могъ даже помѣститься большой письменный столъ. Пріемы и обычаи значительнаго лица были немногосложны[5]. Главнымъ порядкомъ вещей онъ почиталъ надлежащую строгость и что чиновниковъ ....[6] въ величайшемъ страхѣ, хотя для этого и не было законной причины, потому что десятокъ чиновниковъ, составлявшихъ его [присутствіе][7], и безъ того дрожали со всѣхъ силъ[8] и ужъ, завидя его издали, оставляли дѣло и ожидали въ вытяжку, пока онъ пройдетъ комнату. Съ низшими чиновниками у него обыкновенный разговоръ состоялъ изъ двухъ или трехъ фразъ: „Какъ вы смѣете?“ и „знаете [ли][9] вы, съ кѣмъ говорите?“ Впрочемъ, онъ былъ въ душѣ добрый человѣкъ, хорошъ съ товарищами, услужливъ. Одинъ генеральскій чинъ какъ-то его немножко сбилъ съ пути: получивши генеральскій чинъ, онъ какъ-то нѣсколько спутался, никакъ не зналъ, какъ ему.........[10] Если ему попадалось быть съ равными себѣ, онъ былъ, какъ слѣдуетъ — очень порядочный и во многихъ отношеніяхъ не глупый человѣкъ; но какъ только попадалось быть ему въ обществѣ, гдѣ были всѣ хотя однимъ чиномъ пониже его, онъ былъ хоть изъ рукъ вонъ, и положеніе его, точно, возбуждало жалость.

тѣмъ болѣе, что онъ самъ даже чувствовалъ, что онъ могъ бы провесть время очень весело. Въ глазахъ его было видно желаніе присоединиться къ какому-нибудь интересному разговору, но останавливало его вопросомъ[1]: „не слишкомъ ли ужъ много будетъ со стороны его? не уронитъ ли онъ какъ-нибудь своего вѣса? И онъ оставался почти вѣчно въ молчащемъ состояніи, изрѣдка произносилъ только односложныя ....[2] и получилъ, такимъ образомъ, завидный титулъ скучнѣйшаго человѣка. Къ такому-то значительному человѣку явился нашъ Акакій Акакіевичъ во время самое неблагопріятное, весьма не кстати для себя, но очень кстати для значительнаго лица: значительное лицо находился въ то время въ своемъ кабинетѣ и разговаривалъ очень весело съ однимъ недавно пріѣхавшимъ стариннымъ знакомымъ и товарищемъ дѣтства, съ которымъ нѣсколько лѣтъ не видался. Въ это время ему доложили, что пришелъ какой-то Башмачкинъ. Онъ спросилъ: „Кто такой?“ Ему отвѣчали: „Чиновникъ“. — „А! можетъ подождать — теперь не время“. Хотя значительный человѣкъ немножко и прилгнулъ: ему было время, потому что они давно уже обо всемъ переговорили съ пріятелемъ и ужъ изрѣдка (только)[3] между длинными паузами поговаривали другъ другу: „такъ-то, Иванъ Абрамовичъ!“ да: „этакъ-то, Степанъ Варламовичъ!“ но, однакоже, онъ приказалъ слугѣ — „обождать“, чтобы показать пріятелю, сколько времени у него ждутъ чиновники въ передней. Наконецъ, наговорившись, намолчавшись, выкуривши по цыгаркѣ на покойныхъ и удобныхъ креслахъ съ откидными спинками, онъ, наконецъ, какъ будто вспомнилъ: „А! да вѣдь тамъ, кажется, стоитъ чиновникъ? — скажи ему, что можетъ войти“. Увидѣвши смиренный видъ Акакія Акакіевича и его старенькій вицмундиръ, онъ спросилъ: „Что вамъ угодно?“ голосомъ ровнымъ, твердымъ, которому онъ учился у себя въ............[4] и передъ зеркаломъ три или четыре дня, какъ только получилъ свое мѣсто. Акакій Акакіевичъ, какъ могъ, по-своему изложилъ, что „вотъ была де шинель совершенно новая, и теперь ограбленъ самымъ безчеловѣчнымъ образомъ“.

„Что жъ, вы развѣ не знаете порядка дѣла?“ сказало значительное лицо. „Объ этомъ вы должны бы подать просьбу мнѣ въ канцелярію...............[5] она пошла бы къ столоначаль-

нику, столоначальникъ бы объ этомъ доложилъ моему секретарю, а секретарь уже мнѣ“.

„Но. ваше превосходительство. я осмѣлился потому, что секретари того… ненадежный народъ…“

„Какъ вы смѣете мнѣ это говорить?“

„Я ничего, ваше превосходительство… я только того…“ говорилъ Акакій Акакіевичъ и дальше никакъ не могъ говорить языкомъ: онъ оробѣлъ совершенно.

„Да кому вы это говорите? Знаете ли вы. съ кѣмъ вы говорите? Понимаете ли вы, кто передъ вами?… Понимаете ли вы это?…“ Здѣсь значительный человѣкъ. для произведенія большаго эффекта. даже топнулъ ногою. [Акакій][1] Акакіевичъ такъ и обомлѣлъ: пошатнулся, затрясся всѣмъ тѣломъ и ужъ никакъ не могъ устоять на ногахъ. Тутъ же подхватили его сторожа, иначе онъ бы былъ на полу. Его вывели совершенно………[2] А значительный, тѣмъ довольный, что эффектъ произошелъ сильнѣе даже. нежели онъ ожидалъ. и что слова его могутъ лишить чувствъ человѣка. взглянулъ на своего пріятеля. чтобы узнать, что онъ на это, и увидѣлъ. не безъ удовольствія. что пріятель находится въ какомъ-то неопредѣленномъ состояніи и начиналъ даже самъ чувствовать нѣкоторый страхъ[3].

Акакій Акакіевичъ уже и не слышалъ, какъ онъ сошелъ съ лѣстницы и выбрался. Ни рукъ, ни ногъ подъ собою онъ не чувствовалъ. Въ жизнь свою онъ еще не былъ еще (sic!) такъ сильно распеченъ генераломъ, да еще и чужимъ. Это обстоятельство совершенно доконало его: шелъ, разинувъ ротъ. куды попало, въ вьюгу. Вѣтеръ, по петербургскому обычаю. со всѣхъ четырехъ сторонъ дулъ въ него изъ переулковъ[4]. проникъ до костей, нѣсколько разъ сваливая его съ ногъ. и, наконецъ, въ довершеніе насвисталъ ему въ горло жабу. Пришедши[5] домой, онъ не могъ сказать ни одного связнаго слова, весь распухъ и слегъ въ постель. На другой же день обнаружилась у него сильная горячка. Благодаря дѣятельному и великодушному вспомоществованію петербургскаго климата. болѣзнь пошла съ сильно быстро (?)………[6] Департаментскій докторъ пришелъ больше для того только. чтобы видѣть ходъ болѣзни и объявить, что два дни больной будетъ совершенно

готовъ откланяться. Все время больной Акакій Акакіевичъ впадалъ въ поминутный бредъ: то видѣлъ Петровича и заказывалъ ему сдѣлать шинель съ пистолетомъ, чтобы она могла отстрѣливать, если нападутъ, потому что въ его комнатѣ вездѣ сидятъ воры и мошенники; то казалось ему, что онъ стоитъ передъ генераломъ и слушаетъ надлежащее распеканіе, приговаривая: „да, виноватъ, виноватъ, ваше превосходительство!“ то, наконецъ, даже сквернохульничалъ, выражаясь совершенно извощичьимъ слогомъ или тѣмъ, которымъ производятъ порядки на улицахъ, — чего отъ роду за нимъ не бывало отъ временъ самого рожденія. „Я не посмотрю, что ты генералъ“, вскрикивалъ онъ иногда голосомъ такимъ громкимъ: „я его тестя (?) отниму шинель. Я Платону Ивановичу.....................[1]“ Далѣе онъ говорилъ совершенную безсмыслицу и ничего рѣшительно нельзя было понять: можно было замѣтить[2], что безпорядочныя разстроенныя слова все ворочались около шинели... Наконецъ, бѣдный Акакій Акакіевичъ испустилъ духъ. Комнату и вещи его не опечатывали, потому что, во-первыхъ, не было наслѣдниковъ и, во-вторыхъ, потому что наслѣдства оставалось что-то очень немного, именно: пучокъ гусиныхъ перьевъ, десть бѣлой казенной бумаги, двѣ-три[3] пуговицы, оторванныя [отъ][4] панталонъ, пары двѣ носковъ и извѣстный уже читателю капотъ. Кому все это досталось, Богъ знаетъ; это не наше дѣло. Акакія Акакіевича свезли и похоронили. И Петербургъ остался безъ Акакія Акакіевича, какъ будто бы его въ немъ и никогда не было. Исчезло и скрылось существо, никѣмъ не защищенное и никому не дорогое, ни для кого не интересное, даже не обратившее на себя взгляду естествоиспытателя и только покорно понесшее канцелярскія насмѣшки, и никогда во всю жизнь свою не изрекшее ропота на свою участь, и не знавшее, есть ли на свѣтѣ лучшая участь[5], но для котораго все же таки передъ концомъ жизни мелькнулъ какой-то свѣтлый гость въ видѣ шинели, оживившій на мигъ бѣдную жизнь, и на которое обрушилось такъ же всею громадою несчастіе, какъ обрушивается на царей и повелителей міра. Недолго послѣ его смерти посланъ былъ къ нему на квартиру изъ департамента сторожъ съ приказаніемъ немедленно явиться: начальникъ де требуетъ; но сторожъ, воротясь, ска-

залъ, что не можетъ быть больше[1]; и на вопросъ начальника отдѣленія: „почему?“ сказалъ: „Да такъ; онъ ужъ умеръ — четвертаго дни похоронили“. Такимъ образомъ узнали въ департаментѣ о смерти Акакія Акакіевича. И на другой день уже на мѣстѣ его сидѣлъ новый чиновникъ, гораздо выше его ростомъ, не наклонявшій уже такъ головы на бокъ и писавшій почеркомъ гораздо скорописнѣе и буквы ставившій гораздо косѣе.

Кто бы могъ думать послѣ этого, [что][2] Акакій Акакіевичъ, совершившій такъ скромно жизненное поприще, произвелъ бы шумъ послѣ своей смерти? Но такъ случилось, и бѣдная исторія наша отъ сихъ поръ пріобрѣтаетъ вдругъ фантастическое теченіе. По всему Петербургу пронеслись слухи, что у Поцѣлуева моста и у Кокушкина сталъ появляться по ночамъ мертвецъ, въ видѣ чиновника, ищущаго какой-то затерянной шинели, и, подъ видомъ своей, сдиравшій со всѣхъ плечей, не разбирая чина и званія, всякія шинели: и на кошкахъ, и на бобрахъ, енотовыя, медвѣжьи шубы, — словомъ, всякаго рода кожи, которыя придумали люди для прикрытія своей собственной. Чиновникъ того департамента, котораго не смѣю называть по имени, по сказаннымъ выше причинамъ, видѣлъ самъ собственными глазами мертвеца и узналъ въ немъ Акакія Акакіевича; но это внушило ему такой страхъ, что онъ бросился бѣжать со всѣхъ ногъ и потому никакъ не могъ хорошенько разсмотрѣть, но видѣлъ, однакоже, ясно, какъ тотъ погрозилъ ему издали пальцемъ. Со всѣхъ сторонъ поступали жалобы, что плечи и спины, пусть бы еще титулярныхъ, а то даже самихъ тайныхъ совѣтниковъ подвергаются совершенно простудѣ по причинѣ ночнаго сдергиванья шинелей. По полиціи сдѣлано было распоряженіе поймать мертвеца, во что бы (то) ни стало, живаго или мертваго, и въ томъ и другомъ случаѣ наказать его жесточайшимъ [образомъ][3], — и въ томъ даже едва было не успѣли. Именно: будочникъ какого-то квартала въ Кирюшкинскомъ переулкѣ схватилъ мертвеца за воротъ въ то время, когда тотъ хотѣлъ было улизнуть, и, закричавши, вызвалъ двухъ другихъ товарищей, которымъ поручилъ держать, а самъ полѣзъ только за сапогъ вынуть оттуда тавлинку, чтобы понюхать табаку. Но табакъ былъ, видно, такого рода, котораго никакъ и мертвецъ не

могъ вынести. Не успѣлъ онъ закрыть пальцемъ одну ноздрю, потянуть другою[1] съ полгорсти, какъ мертвецъ чихнулъ такъ сильно, что забрызгалъ имъ всѣмъ глаза: покамѣстъ поднесли кулаки, стали протирать глаза, мертвеца и слѣдъ пропалъ, такъ что они даже не знали, былъ ли онъ въ ихъ рукахъ, или нѣтъ. Съ этихъ поръ будочники получили такой страхъ къ мертвецамъ, что даже и живыхъ боялись хватать, и только издали покрикивали: „эй ты, ступай своею дорогой!" И Акакій Акакіевичъ сталъ показываться даже иногда и дальше Поцѣлуева, наводя не малый страхъ робкимъ людямъ.

А мы, однакожъ, оставили совершенно[2] главную причину всего несчастія[3]— значительное лицо[4]. Нужно знать, что значительное лицо скоро по уходѣ бѣднаго, распеченнаго въ пухъ Акакія Акакіевича почувствовалъ что-то въ родѣ сожалѣнья. Состраданіе было не чуждо душѣ его и, какъ уже видѣли, къ сердцу были доступны добрыя движенія, не смотря на то, что чинъ весьма часто мѣшалъ имъ обнаружиться. Онъ даже, какъ только ушелъ пріятель, и самъ думалъ объ этомъ съ недѣлю, потомъ послалъ чиновника къ нему на квартиру развѣдать, что̀, и какъ, и въ чемъ можно помочь ему. Когда донесли ему, что бѣдный Акакій Акакіевичъ вскорѣ за тѣмъ умеръ скоропостижно въ горячкѣ, совѣсть сильно стала упрекать его, и онъ былъ совершенно не въ духѣ. Чтобы сколько-нибудь развлечь себя, онъ отправился на вечеръ къ одному изъ пріятелей своихъ, у котораго уже онъ нашелъ порядочное общество и, что̀ всего лучше, всѣ были почти одного чина, такъ что онъ совершенно ничѣмъ не былъ связанъ и развернулся, сдѣлался пріятенъ въ разговорѣ и любезенъ, — словомъ, провелъ время очень пріятно. За ужиномъ даже выпили бокалъ[5], это придало ему веселости и сообщило склонность къ разнымъ экстренностямъ. А именно: послѣ ужина онъ распорядился не ѣхать домой, а заѣхать къ одной знакомой дамѣ Настасьѣ Карловнѣ, кажется, нѣмецкаго происхожденія, къ которой онъ чувствовалъ пріятельскія отношенія. Надобно сказать, что значительное лицо уже былъ человѣкъ не молодой, хорошій супругъ, почтенный отецъ. Два взрослыхъ сына, изъ которыхъ одинъ служилъ въ канцеляріи, и взрослая дочь всякій день приходили къ нему цѣловать его руку, приговаривая: „бонжуръ, папа". Супруга, тоже полная и здоровая,

давала прежде ему свою руку цѣловать, потомъ (перевернувъ) ....[1] Но при всемъ томъ полагалъ, что прилично имѣть пріятельницу въ другой сторонѣ. Хотя эта пріятельница была старѣе жены его и даже ничего не имѣла особеннаго, наружностью не лучше жены, но все иногда вечеромъ, закутавшись въ шинель, онъ мчался въ зимнихъ санкахъ навѣстить пріятельницу. Такъ ужъ странно созданъ человѣкъ: иногда онъ и самъ не можетъ сказать, почему онъ что-нибудь дѣлаетъ. Итакъ, значительное лицо сѣлъ въ санки и сказалъ кучеру: „Къ Настасьѣ Карловнѣ"; а самъ, закутавшись, пережевывалъ въ умѣ кое-какія мысли, еще полный удовольствія, вынесеннаго изъ общества, гдѣ почти всѣ были ровныхъ чиновъ. Многія слова онъ даже начиналъ произносить вслухъ. Поворотя въ улицу, онъ сталъ закутываться[2] покрѣпче въ шинель, потому что вѣтеръ сдѣлался страшный и, подымая съ тротуаровъ снѣгъ, всей кучей[3] кидалъ всѣмъ въ лицо. Вдругъ онъ почувствовалъ, что кто-то сильно схватилъ его за воротникъ шинели. Обернувшись, онъ увидѣлъ кого-[то][4] невысокаго росту въ старомъ вицмундирѣ — не безъ ужаса узналъ Акакія Акакіевича. Лицо его [было][5] блѣдно, какъ снѣгъ, и глядѣло совершенно мертвецомъ. „А, вотъ ты наконецъ! Наконецъ таки, вотъ я тебя поймалъ за воротникъ! Твоей-то шинели мнѣ и нужно. Ты не сталъ похлопотать[6] объ моей шинели, такъ отдавай же свою!" Бѣдное значительное лицо такъ и обмеръ. Какъ ни характеренъ онъ былъ въ присутствіи, хотя ....[7] совершенно Юпитеромъ и все трепетало предъ нимъ; но здѣсь онъ почувствовалъ такой страхъ, что тутъ сталъ опасаться, — и не безъ причины, — чтобы не случилось съ нимъ какого-нибудь болѣзненнаго припадка. Онъ самъ даже скинулъ съ плечъ шинель свою и закричалъ кучеру: „пошелъ во весь духъ домой!" Такимъ образомъ, блѣдный и перепуганный, онъ пріѣхалъ уже не къ Настасьѣ Карловнѣ, а домой и — безъ шинели. Да и ночь провелъ не въ большомъ порядкѣ и совершенно безпокойно, такъ что на другой день за чаемъ дочь ему сказала прямо: „Ты сегодня совсѣмъ блѣденъ, папа". Но папа молчалъ, и ни слова ни объ Настасьѣ Карловнѣ, ни объ Акакіи Акакіевичѣ. Это происшествіе сдѣлало на него сильное впечатлѣніе: по крайней мѣрѣ, съ тѣхъ поръ замѣтили, что онъ гораздо рѣже сталъ говорить подчиненнымъ:

„Какъ вы смѣете? Понимаете ли вы, кто передъ вами и съ кѣмъ вы говорите?“ Если же произносилъ, то не такъ энергически и отрывисто, и уже выслушавши, въ чемъ дѣло. Съ этихъ самыхъ поръ прекратилось появленіе мертвеца: видно, генеральская шинель совершенно пришлась по плечамъ. По крайней мѣрѣ, не было такихъ случаевъ, чтобы съ значительныхъ лицъ сдергивали шинели. Но въ дальнихъ углахъ все еще поговаривали, что появлялось привидѣнье въ видѣ чиновника. И самъ даже квартальный, — не помню, какого квартала, — человѣкъ очень почтенный, признавался за чашкою чаю у одного купца, что это привидѣнье, точно, является, хотя рѣдко; что одинъ коломенскій будочникъ видѣлъ собственными глазами, какъ оно вышло вдругъ, и пошелъ было съ нимъ, да, будучи человѣкъ слабый ....[1] что даже одинъ разъ, вырвавшись изъ воротъ частнаго дома большой [поросенокъ][2], бросившись ему подъ ноги, сшибъ его съ ногъ, къ величайшему смѣху стоявшихъ извощиковъ, съ которыхъ онъ потомъ за издѣвку вытребовалъ грошъ на табакъ, — и такъ. ради своей слабости не посмѣлъ остановить и все слѣдовалъ, и что привидѣніе, замѣтивъ это, остановилось и показало ему кулакъ необыкновенной вел[ичины][3]: „Тебѣ чего хочется?“ Будочникъ, какъ ни былъ ....[4] Оно сдѣлалось выше ростомъ и даже преогромные усы......[5]

КОМЕДІИ.

РЕВИЗОРЪ.

На зеркало неча пенять, коли рожа крива.

Народная пословица.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Антонъ Антоновичъ Сквозникъ-Дмухановскій, городничій.
Анна Андреевна, жена его.
Марья Антоновна, дочь его.
Лука Лукичъ Хлоповъ, смотритель училищъ.
Жена его.
Аммосъ Ѳедоровичъ Ляпкинъ-Тяпкинъ, судья.
Артемій Филипповичъ Земляника, попечитель богоугодныхъ заведеній.
Иванъ Кузьмичъ Шпекинъ, почтмейстеръ.
Петръ Ивановичъ Добчинскій
Петръ Ивановичъ Бобчинскій } городскіе помѣщики.
Иванъ Александровичъ Хлестаковъ, чиновникъ изъ Петербурга.
Осипъ, слуга его.
Христіанъ Ивановичъ Гибнеръ, уѣздный лѣкарь.
Ѳедоръ Андреевичъ Люлюковъ
Иванъ Лазаревичъ Растаковскій
Степанъ Ивановичъ Коробкинъ } отставные чиновники, почетныя лица въ городѣ.
Степанъ Ильичъ Уховертовъ, частный приставъ.
Свистуновъ
Пуговицынъ
Держиморда } полицейскіе.
Абдулинъ, купецъ.
Февронья Петрова Пошлепкина, слесарша.
Жена унтеръ-офицера.
Мишка, слуга городничаго
Слуга трактирный.
Гости и гостьи, купцы, мѣщане, просители.

ХАРАКТЕРЫ и КОСТЮМЫ.

Замѣчанія для господъ актеровъ.

Городничій, уже постарѣвшій на службѣ и очень не глупый, по своему, человѣкъ. Хотя и взяточникъ, но[1] ведетъ себя очень солидно; довольно серьезенъ, нѣсколько даже резонеръ; говоритъ ни громко, ни тихо, ни много, ни мало. Его каждое слово значительно. Черты лица его грубы и жестки, какъ у всякаго, начавшаго тяжелую службу съ низшихъ чиновъ. Переходъ отъ страха къ радости, отъ низости къ высокомѣрію довольно быстръ, какъ у человѣка съ грубо-развитыми склонностями души. Онъ одѣтъ, по обыкновенію, въ своемъ мундирѣ съ петлицами и въ ботфортахъ со шпорами. Волоса на немъ стриженые, съ просѣдью.

Анна Андреевна, жена его, провинціальная кокетка, еще не совсѣмъ пожилыхъ лѣтъ, воспитанная въ половину на романахъ и альбомахъ, въ половину на хлопотахъ въ своей кладовой и дѣвичьей. Очень любопытна и при случаѣ выказываетъ тщеславіе. Беретъ иногда власть надъ мужемъ потому только, что тотъ не находится, что̀ отвѣчать ей; но власть эта распространяется только на мелочи и состоитъ въ выговорахъ и насмѣшкахъ. Она четыре раза переодѣвается въ разныя платья въ продолженіе піесы.

Хлестаковъ, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати трехъ, тоненькій, худенькій; нѣсколько приглуповатъ и, какъ говорятъ, безъ царя въ головѣ, — одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ въ канцеляріяхъ называютъ пустѣйшими. Говоритъ и дѣйствуетъ безъ всякаго соображенія. Онъ не въ состояніи остановить постояннаго вниманія на какой-нибудь мысли. Рѣчь его отрывиста, и слова вылетаютъ изъ устъ его совершенно неожиданно. Чѣмъ

болѣе исполняющій эту роль покажетъ чистосердечія и простоты, тѣмъ болѣе онъ выиграетъ. Одѣтъ по модѣ.

Осипъ, слуга, таковъ, какъ обыкновенно бываютъ слуги нѣсколько пожилыхъ лѣтъ. Говоритъ серьезно, смотритъ нѣсколько внизъ, резонеръ и любитъ себѣ самому[1] читать нравоученія для своего барина. Голосъ его всегда почти ровенъ, въ разговорѣ съ бариномъ принимаетъ суровое, отрывистое и нѣсколько даже грубое выраженіе. Онъ умнѣе своего барина, и потому скорѣе догадывается, но не любитъ много говорить, и молча плутъ. Костюмъ его — сѣрый или синій поношенный сюртукъ.

Бобчинскій и Добчинскій, оба низенькіе, коротенькіе, очень любопытные; чрезвычайно похожи другъ на друга; оба съ небольшими брюшками, оба говорятъ скороговоркою и чрезвычайно много помогаютъ жестами и руками. Добчинскій немножко[2] выше и[3] серьезнѣе Бобчинскаго, но Бобчинскій развязнѣе и живѣе Добчинскаго[4].

Ляпкинъ-Тяпкинъ, судья, человѣкъ, прочитавшій пять или шесть книгъ, и потому нѣсколько вольнодуменъ. Охотникъ большой на догадки и потому каждому слову своему даетъ вѣсъ. Представляющій его долженъ всегда сохранять въ лицѣ своемъ значительную мину. Говоритъ басомъ съ продолговатой растяжкой, хрипомъ и сапомъ, какъ старинные часы, которые прежде шипятъ, а потомъ уже бьютъ.

Земляника, попечитель богоугодныхъ заведеній, очень толстый, неповоротливый и неуклюжій человѣкъ, но при всемъ томъ проныра и плутъ. Очень услужливъ и суетливъ[5].

Почтмейстеръ, простодушный до наивности человѣкъ.

Прочія роли не требуютъ особыхъ изъясненій: оригиналы ихъ всегда почти находятся предъ глазами[6].

Господа актеры особенно должны обратить вниманіе на послѣднюю сцену. Послѣднее произнесенное слово должно произвесть электрическое потрясеніе на всѣхъ разомъ, вдругъ. Вся группа должна перемѣнить положеніе въ одинъ мигъ. Звукъ изумленія долженъ вырваться у всѣхъ женщинъ разомъ, какъ будто изъ одной груди. Отъ несоблюденія этихъ замѣчаній можетъ исчезнуть весь эффектъ[7].

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Комната въ домѣ городничаго.

ЯВЛЕНІЕ I.

Городничій, попечитель богоугодныхъ заведеній, смотритель училищъ, судья, частный приставъ, лѣкарь, два квартальныхъ.

Городничій. Я пригласилъ васъ, господа, съ тѣмъ, чтобы сообщить вамъ пренепріятное извѣстіе: къ намъ ѣдетъ ревизоръ.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Какъ, ревизоръ?

Артемій Филипповичъ. Какъ, ревизоръ?

Городничій. Ревизоръ изъ Петербурга, инкогнито[1]. И еще съ секретнымъ предписаньемъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Вотъ-те на!

Артемій Филипповичъ. Вотъ не было заботы, такъ подай!

Лука Лукичъ. Господи Боже! еще и съ секретнымъ предписаньемъ!

Городничій. Я какъ будто предчувствовалъ: сегодня мнѣ всю ночь снились какія-то двѣ необыкновенныя крысы. Право, этакихъ я никогда не видывалъ: черныя, неестественной величины! пришли, понюхали — и пошли прочь. Вотъ я вамъ прочту письмо, которое получилъ я отъ Андрея Ивановича Чмыхова, котораго вы, Артемій Филипповичъ, знаете. Вотъ что̀ онъ пишетъ: „Любезный другъ, кумъ и благодѣтель“ *(бормочетъ въ полголоса, пробѣгая скоро глазами)*... „и увѣдомить тебя“. А! вотъ: „спѣшу, между прочимъ, увѣдомить тебя, что пріѣхалъ чиновникъ съ предписаніемъ осмотрѣть всю губернію и особенно нашъ уѣздъ *(значительно поднимаетъ палецъ вверхъ)*. Я узналъ это отъ самыхъ достовѣрныхъ людей,

хотя онъ представляетъ себя частнымъ лицомъ. Такъ какъ я знаю, что за тобою, какъ за всякимъ, водятся грѣшки, потому что ты человѣкъ умный и не любишь пропускать того, что̀ плыветъ въ руки...“ *(остановясь)* ну, здѣсь свои... „то совѣтую тебѣ взять предосторожность: ибо онъ можетъ пріѣхать во всякій часъ, если только уже не пріѣхалъ и не живетъ гдѣ-нибудь инкогнито... Вчерашняго дни я...“[1] Ну, тутъ ужъ пошли дѣла семейныя: „сестра Анна Кириловна пріѣхала къ намъ съ своимъ мужемъ; Иванъ Кириловичъ очень потолстѣлъ и все играетъ на скрыпкѣ...“ и прочее и прочее. Такъ вотъ какое обстоятельство!

Аммосъ Ѳедоровичъ. Да, обстоятельство такое необыкновенно, просто необыкновенно. Что-нибудь не даромъ.

Лука Лукичъ. Зачѣмъ же, Антонъ Антоновичъ, отчего это? зачѣмъ къ намъ ревизоръ?

Городничій[2]. Зачѣмъ! Такъ ужъ, видно, судьба! *(Вздохнувъ).* До сихъ поръ, благодареніе Богу, подбирались къ другимъ городамъ; теперь пришла очередь къ нашему.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Я думаю, Антонъ Антоновичъ, что здѣсь тонкая и больше политическая причина. Это значитъ вотъ что̀: Россія... да... хочетъ вести войну, и министерія-то, вотъ видите, и подослала чиновника, чтобы узнать, нѣтъ ли гдѣ измѣны.

Городничій. Экъ куда хватили! Еще умный человѣкъ! Въ уѣздномъ городѣ измѣна! Что̀ онъ, пограничный, что ли? Да отсюда, хоть три года скачи, ни до какого государства не доѣдешь.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Нѣтъ, я вамъ скажу, вы не того... вы не... Начальство имѣетъ тонкіе виды: даромъ, что далеко, а оно себѣ мотаетъ на усъ.

Городничій. Мотаетъ, или не мотаетъ, а я васъ, господа, предувѣдомилъ. — Смотрите, по своей части я кое какія распоряженья сдѣлалъ[3], совѣтую и вамъ. Особенно вамъ, Артемій Филипповичъ! Безъ сомнѣнія, проѣзжающій чиновникъ захочетъ прежде всего осмотрѣть подвѣдомственныя вамъ богоугодныя заведенія — и потому вы сдѣлайте такъ, чтобы все было прилично: колпаки были бы чистые, и больные не походили бы на кузнецовъ, какъ обыкновенно они ходятъ подомашнему.

Артемій Филипповичъ. Ну, это еще ничего. Колпаки, пожалуй, можно надѣть и чистые.

Городничій. Да. И тоже надъ каждой кроватью надписать по-латыни[1] или на другомъ какомъ языкѣ... это ужъ по вашей части, Христіанъ Ивановичъ, — всякую болѣзнь: когда кто заболѣлъ, котораго дня и числа... Не хорошо, что у васъ больные такой крѣпкій табакъ курятъ, что всегда расчихаешься, когда войдешь. Да и лучше, если бъ ихъ было меньше: тотчасъ отнесутъ къ дурному смотрѣнію, или къ неискусству врача.

Артемій Филипповичъ. О! насчетъ врачеванья мы съ Христіаномъ Ивановичемъ взяли свои мѣры: чѣмъ ближе къ натурѣ, тѣмъ лучше — лѣкарствъ дорогихъ мы не употребляемъ. Человѣкъ простой: если умретъ, то и такъ умретъ; если выздоровѣетъ, то и такъ выздоровѣетъ. Да и Христіану Ивановичу затруднительно было бъ съ ними изъясняться: онъ по-русски ни слова не знаетъ.

Христіанъ Ивановичъ *издаетъ звукъ, отчасти похожій на букву* и *и нѣсколько на* е.

Городничій. Вамъ тоже посовѣтовалъ бы, Аммосъ Ѳедоровичъ, обратить вниманіе на присутственныя мѣста. У васъ тамъ въ передней, куда обыкновенно являются просители, сторожа завели домашнихъ гусей съ маленькими гусенками[2], которые такъ и шныряютъ подъ ногами. Оно, конечно, домашнимъ хозяйствомъ заводиться всякому похвально, и почему жъ сторожу и не завесть его? только, знаете, въ такомъ мѣстѣ неприлично... Я и прежде хотѣлъ вамъ это замѣтить, но все какъ-то позабывалъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ. А вотъ я ихъ сегодня же велю всѣхъ забрать на кухню. Хотите, приходите обѣдать.

Городничій. Кромѣ того, дурно, что у васъ высушивается въ самомъ присутствіи всякая дрянь, и надъ самымъ[3] шкапомъ[4] съ бумагами охотничій арапникъ. Я знаю, вы любите охоту, но все на время лучше его принять, а тамъ, какъ проѣдетъ ревизоръ, пожалуй, опять его можете повѣсить[5]. Также засѣдатель вашъ... онъ, конечно, человѣкъ свѣдущій, но отъ него такой запахъ, какъ будто бы онъ[6] сейчасъ вышелъ изъ винокуреннаго завода, — это тоже не хорошо. Я хотѣлъ давно объ этомъ сказать вамъ, но былъ, не помню,

чѣмъ-то развлеченъ. Есть противъ этого средства, если уже это дѣйствительно, какъ онъ говоритъ, у него природный запахъ: можно ему посовѣтовать ѣсть лукъ, или чеснокъ, или что-нибудь другое. Въ этомъ случаѣ можетъ помочь разными медикаментами Христіанъ Ивановичъ

Христіанъ Ивановичъ *издаетъ тотъ же звукъ.*

Аммосъ Ѳедоровичъ. Нѣтъ, этого уже невозможно выгнать: онъ говоритъ, что въ дѣтствѣ мамка его ушибла, и съ тѣхъ поръ отъ него отдаетъ немного водкою.

Городничій. Да я такъ только замѣтилъ вамъ. Насчетъ же внутренняго распоряженія и того, что̀ называетъ въ письмѣ Андрей Ивановичъ грѣшками, я ничего не могу сказать. Да и странно говорить: нѣтъ человѣка, который бы за собою не имѣлъ какихъ-нибудь грѣховъ. Это уже такъ самимъ Богомъ устроено, и волтеріанцы напрасно противъ этого говорятъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Что жъ вы полагаете, Антонъ Антоновичъ, грѣшками? Грѣшки грѣшкамъ — рознь. Я говорю всѣмъ открыто, что беру взятки, но чѣмъ взятки? Борзыми щенками. Это совсѣмъ иное дѣло.

Городничій. Ну, щенками или чѣмъ другимъ, все взятки.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Ну, нѣтъ, Антонъ Антоновичъ. А вотъ, напримѣръ, если у кого-нибудь шуба стоитъ пятьсотъ рублей, да супругѣ шаль....

Городничій. Ну, а что̀ изъ того, что вы берете взятки борзыми щенками? Зато вы въ Бога не вѣруете: вы въ церковь никогда не ходите; а я по крайней мѣрѣ въ вѣрѣ твердъ и каждое воскресенье бываю въ церкви. А вы.... О, я знаю васъ: вы если начнете говорить о сотвореніи міра, просто волосы дыбомъ поднимаются.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Да вѣдь самъ собою дошелъ, собственнымъ умомъ.

Городничій. Ну, въ иномъ случаѣ много ума хуже, чѣмъ бы его совсѣмъ не было. Впрочемъ, я такъ только упомянулъ объ уѣздномъ судѣ; а по правдѣ сказать, врядъ ли кто когда-нибудь заглянетъ туда: это ужъ такое завидное мѣсто, самъ Богъ ему покровительствуетъ. А вотъ вамъ, Лука Лукичъ, такъ, какъ смотрителю учебныхъ заведеній, нужно позаботиться особенно насчетъ учителей. Они люди, конечно, уче-

ные и воспитывались въ разныхъ коллегіяхъ, но имѣютъ очень странные поступки, натурально, неразлучные съ ученымъ званіемъ. Одинъ изъ нихъ, напримѣръ, вотъ этотъ, что̀ имѣетъ толстое лицо... не вспомню его фамиліи, никакъ не можетъ обойтись безъ того, чтобы, взошедши на каѳедру, не сдѣлать гримасу, вотъ этакъ *(дѣлаетъ гримасу)*, и потомъ начнетъ рукою изъ-подъ галстука утюжить свою бороду. Конечно, если онъ ученику сдѣлаетъ такую рожу, то оно еще ничего: можетъ быть, оно тамъ и нужно такъ, объ этомъ я не могу судить; но вы посудите сами, если онъ сдѣлаетъ это посѣтителю — это можетъ быть очень худо: господинъ ревизоръ или другой кто можетъ принять это на свой счетъ. Изъ этого, чортъ знаетъ, что̀ можетъ произойти.

Лука Лукичъ. Что жъ мнѣ, право, съ нимъ дѣлать? Я ужъ нѣсколько разъ ему говорилъ. Вотъ еще на дняхъ, когда зашелъ было въ классъ нашъ предводитель, онъ скроилъ такую рожу, какой я никогда еще не видывалъ. Онъ-то ее сдѣлалъ отъ добраго сердца, а мнѣ выговоръ: зачѣмъ вольнодумныя мысли внушаются юношеству.

Городничій. То же я[1] долженъ вамъ замѣтить и объ учителѣ по исторической части. Онъ ученая голова — это видно, и свѣдѣній нахваталъ тьму, но только объясняетъ съ такимъ жаромъ, что не помнитъ себя. Я разъ слушалъ его: ну, покамѣстъ говорилъ объ ассиріянахъ и вавилонянахъ — еще ничего, а какъ добрался до Александра Македонскаго, то я не могу вамъ сказать, что̀ съ нимъ сдѣлалось. Я думалъ, что пожаръ, ей Богу! Сбѣжалъ съ каѳедры и, что̀ силы есть, хвать стуломъ объ полъ! Оно, конечно, Александръ Македонскій герой, но зачѣмъ же стулья ломать? отъ этого убытокъ казнѣ.

Лука Лукичъ. Да, онъ горячъ! Я ему это нѣсколько разъ уже замѣчалъ.... Говоритъ: „Какъ хотите, для науки я жизни не пощажу“.

Городничій. Да, таковъ уже неизъяснимый законъ судебъ: умный человѣкъ — или пьяница, или рожу такую состроитъ[2], что хоть святыхъ выноси.

Лука Лукичъ. Не приведи Богъ служить по ученой части! Всего боишься: всякій мѣшается, всякому хочется показать, что онъ тоже умный человѣкъ.

Городничій. Это бы еще ничего, — инкогнито проклятое! Вдругъ заглянетъ: „А, вы здѣсь голубчики! А кто", скажетъ, „здѣсь судья?" — „Ляпкинъ-Тяпкинъ". — „А подать сюда Ляпкина-Тяпкина! А кто попечитель богоугодныхъ заведеній?" — „Земляника". — „А подать сюда Землянику!" Вотъ что̀ худо!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и **почтмейстеръ**.

Почтмейстеръ. Объясните, господа, что̀, какой чиновникъ ѣдетъ?

Городничій. А вы развѣ не слышали?

Почтмейстеръ. Слышалъ отъ Петра Ивановича Бобчинскаго. Онъ только-что былъ у меня въ почтовой конторѣ.

Городничій. Ну, что̀? какъ вы думаете объ этомъ?

Почтмейстеръ. А что̀ думаю? — война съ турками будетъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Въ одно слово! я самъ то же думалъ.

Городничій. Да, оба пальцемъ въ небо попали!

Почтмейстеръ. Право, война съ турками. Это все французъ гадитъ.

Городничій. Какая война съ турками! Просто, намъ плохо будетъ, а не туркамъ. Это уже извѣстно: у меня письмо.

Почтмейстеръ. А если такъ, то не будетъ войны съ турками.

Городничій. Ну, что же, какъ вы, Иванъ Кузьмичъ?

Почтмейстеръ. Да что̀ я? Какъ вы, Антонъ Антоновичъ?

Городничій. Да что̀ я? Страху-то нѣтъ, а такъ, немножко... Купечество да гражданство меня смущаетъ. Говорятъ, что я имъ солоно пришелся; а я, вотъ ей Богу, если и взялъ съ инаго, то, право, безъ всякой ненависти. Я даже думаю *(беретъ его подъ руку и отводитъ въ сторону)*, я даже думаю, не было ли на меня какого-нибудь доноса. Зачѣмъ же въ самомъ дѣлѣ къ намъ ревизоръ? Послушайте, Иванъ Кузьмичъ, нельзя ли вамъ, для общей нашей пользы, всякое письмо, которое прибываетъ къ вамъ въ почтовую контору, входящее и исходящее, знаете, этакъ немножко распечатать и прочитать: не содержится ли въ немъ какого-нибудь донесенія или, просто, переписки. Если же нѣтъ, то можно опять за-

печатать; впрочемъ, можно даже и такъ отдать письмо, распечатанное.

Почтмейстеръ. Знаю, знаю... Этому не учите, это я дѣлаю не то, чтобъ изъ предосторожности, а больше изъ любопытства: смерть люблю узнать, что̀ есть новаго на свѣтѣ. Я вамъ скажу, что это преинтересное чтеніе. Иное письмо съ наслажденьемъ прочтешь — такъ описываются разные пассажи... а назидательность какая... лучше чѣмъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ!“

Городничій. Ну, что жъ, скажите, ничего не начитывали о какомъ-нибудь чиновникѣ изъ Петербурга?

Почтмейстеръ. Нѣтъ, о петербургскомъ ничего нѣтъ, а о костромскихъ и саратовскихъ много говорится. Жаль, однакожъ, что вы не читаете писемъ: есть прекрасныя мѣста. Вотъ недавно: одинъ поручикъ пишетъ къ пріятелю, и описалъ балъ въ самомъ игривомъ.... очень, очень хорошо: „Жизнь моя, милый другъ, течетъ“, говоритъ, „въ эмпиреяхъ: барышень много, музыка играетъ, штандартъ скачетъ...“ съ большимъ, съ большимъ чувствомъ описалъ. Я нарочно оставилъ его у себя. Хотите, прочту?

Городничій. Ну, теперь не до того. Такъ сдѣлайте милость, Иванъ Кузьмичъ: если на случай попадется жалоба или донесеніе, то, безъ всякихъ разсужденій, задерживайте.

Почтмейстеръ. Съ большимъ удовольствіемъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Смотрите, достанется вамъ когда-нибудь за это.

Почтмейстеръ. Ахъ, батюшки!

Городничій. Ничего, ничего. Другое дѣло, если бъ вы изъ этого публичное что-нибудь сдѣлали, но вѣдь это дѣло семейственное[1].

Аммосъ Ѳедоровичъ. Да, нехорошее дѣло заварилось! А я, признаюсь, шелъ было къ вамъ, Антонъ Антоновичъ, съ тѣмъ, чтобы попотчивать васъ собаченкою. Родная сестра тому кобелю, котораго вы знаете. Вѣдь вы слышали, что Чептовичъ съ Варховинскимъ затѣяли тяжбу, и теперь мнѣ роскошь: травлю зайцевъ на земляхъ и у того, и у другаго.

Городничій. Батюшки[2], не милы мнѣ теперь ваши зайцы: у меня инкогнито проклятое сидитъ въ головѣ. Такъ и ждешь, что вотъ отворится дверь — и шасть....

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, **Добчинскій и Бобчинскій** *(оба входятъ запыхавшись).*

Бобчинскій. Чрезвычайное происшествіе!

Добчинскій. Неожиданное извѣстіе!

Всѣ. Что̀, что̀ такое?

Добчинскій. Непредвидѣнное дѣло: приходимъ въ гостинницу....

Бобчинскій *(перебивая).* Приходимъ съ Петромъ Ивановичемъ въ гостинницу...

Добчинскій *(перебивая).* Э, позвольте, Петръ Ивановичъ, я разскажу.

Бобчинскій. Э, нѣтъ, позвольте ужъ я... позвольте, позвольте... вы ужъ и слога такого не имѣете....

Добчинскій. А вы собьетесь и не припомните всего.

Бобчинскій. Припомню, ей Богу, припомню. Ужъ не мѣшайте, пусть я разскажу, не мѣшайте! Скажите, господа, сдѣлайте милость, чтобъ Петръ Ивановичъ не мѣшалъ.

Городничій. Да говорите, ради Бога, что̀ такое? У меня сердце не на мѣстѣ. Садитесь, господа! Возьмите стулья! Петръ Ивановичъ, вотъ вамъ стулъ. *(Всѣ усаживаются вокругъ обоихъ Петровъ Ивановичей).* Ну, что̀, что̀ такое?

Бобчинскій. Позвольте, позвольте; я все по порядку. Какъ только имѣлъ я удовольствіе выйти отъ васъ послѣ того, какъ вы изволили смутиться полученнымъ письмомъ, да-съ— такъ я тогда же забѣжалъ... ужъ пожалуйста не перебивайте, Петръ Ивановичъ! Я уже все, все, все знаю-съ. Такъ я, вотъ изволите видѣть, забѣжалъ къ Коробкину. А не заставши Коробкина-то дома, заворотилъ къ Растаковскому, а не заставши Растаковскаго, зашелъ вотъ къ Ивану Кузьмичу, чтобы сообщить ему полученную вами новость, да, идучи оттуда, встрѣтился съ Петромъ Ивановичемъ...

Добчинскій *(перебивая).* Возлѣ будки, гдѣ продаются пироги.

Бобчинскій. Возлѣ будки, гдѣ продаются пироги. Да, встрѣтившись съ Петромъ Ивановичемъ, и говорю ему: слышали ли вы о новости-та[1], которую получилъ Антонъ Антоновичъ изъ достовѣрнаго письма? А Петръ Ивановичъ ужъ услыхали[2]

объ этомъ отъ ключницы вашей, Авдотьи, которая, не знаю за чѣмъ-то, была послана къ Филиппу Антоновичу Почечуеву.

Добчинскій *(перебивая)*. За боченкомъ для французской водки.

Бобчинскій *(отводя его руки)*[1]. За боченкомъ для французской водки. Вотъ мы пошли съ Петромъ-то Ивановичемъ къ Почечуеву... Ужъ вы, Петръ Ивановичъ... энтого... не перебивайте, пожалуйста не перебивайте! Пошли къ Почечуеву, да на дорогѣ Петръ Ивановичъ говоритъ: „Зайдемъ", говоритъ, „въ трактиръ. Въ желудкѣ-то у меня... съ утра я ничего не ѣлъ, такъ желудочное трясеніе..." да-съ, въ желудкѣ-то у Петра Ивановича... „А въ трактиръ", говоритъ, „привезли теперь свѣжей семги, такъ мы закусимъ". Только что мы въ гостинницу, какъ вдругъ молодой человѣкъ[2]....

Добчинскій *(перебивая)*. Недурной наружности, въ партикулярномъ платьѣ....

Бобчинскій. Недурной наружности, въ партикулярномъ платьѣ, ходитъ этакъ по комнатѣ, и въ лицѣ этакое разсужденіе... физіономія... поступки, и здѣсь *(вертитъ рукою около лба)* много, много всего. Я будто предчувствовалъ и говорю Петру Ивановичу: „Здѣсь что-нибудь не спроста-съ". Да. А Петръ-то Ивановичъ ужъ мигнулъ пальцемъ и подозвали трактирщика-съ, — трактирщика Власа: у него жена три недѣли назадъ тому родила, и такой пребойкій мальчикъ, будетъ такъ же, какъ и отецъ, содержать трактиръ. Подозвавши Власа, Петръ Ивановичъ и спроси его потихоньку: „Кто", говоритъ, „этотъ молодой человѣкъ?" а Власъ и отвѣчаетъ на это: „Это", говоритъ... Э, не перебивайте, Петръ Ивановичъ, пожалуйста, не перебивайте, вы не разскажете, ей Богу, не разскажете: вы пришепетываете, у васъ, я знаю, одинъ зубъ во рту со свистомъ... „Это", говоритъ, „молодой человѣкъ, чиновникъ", да-съ; „ѣдущій изъ Петербурга, а по фамиліи", говоритъ, „Иванъ Александровичъ Хлестаковъ-съ, а ѣдетъ", говоритъ, „въ саратовскую губернію и", говоритъ, „престранно себя аттестуетъ: другую ужъ недѣлю живетъ, изъ трактира не ѣдетъ, забираетъ все на счетъ и ни копѣйки не хочетъ платить". Какъ сказалъ онъ мнѣ это, а меня тутъ вотъ свыше и вразумило. „Э!" говорю я Петру Ивановичу....

Добчинскій. Нѣтъ, Петръ Ивановичъ, это я сказалъ: „э!“

Бобчинскій. Сначала вы сказали, а потомъ и я сказалъ. „Э!“ сказали мы съ Петромъ Ивановичемъ. „А съ какой стати сидѣть ему здѣсь, когда дорога ему лежитъ въ саратовскую губернію?“ — Да-съ. А вотъ онъ-то и есть этотъ чиновникъ.

Городничій. Кто, какой чиновникъ?

Бобчинскій. Чиновникъ-та, о которомъ изволили получить нотицію [1], — ревизоръ.

Городничій *(въ страхѣ)*. Чтò вы, Господь съ вами! это не онъ.

Добчинскій. Онъ! и денегъ не платитъ, и не ѣдетъ. Кому же бъ быть [2], какъ не ему? И подорожная прописана въ Саратовъ.

Бобчинскій. Онъ, онъ, ей Богу, онъ... Такой наблюдательный: все осмотрѣлъ [3]. Увидѣлъ, что мы съ Петромъ-то Ивановичемъ ѣли семгу, — больше потому, что Петръ Ивановичъ насчетъ своего желудка... да, такъ онъ и въ тарелки къ намъ заглянулъ. Меня такъ и проняло страхомъ.

Городничій. Господи, помилуй насъ грѣшныхъ! Гдѣ же онъ тамъ живетъ?

Добчинскій. Въ пятомъ номерѣ [4], подъ лѣстницей.

Бобчинскій. Въ томъ самомъ номерѣ [5], гдѣ прошлаго года подрались проѣзжіе офицеры.

Городничій. И давно онъ здѣсь?

Добчинскій. А недѣли двѣ ужъ. Пріѣхалъ на Василья Египтянина.

Городничій. Двѣ недѣли! *(Въ сторону)*. Батюшки, сватушки! Выносите, святые угодники! Въ эти двѣ недѣли высѣчена унтеръ-офицерская жена! Арестантамъ не выдавали провизіи! На улицахъ кабакъ, нечистота! Позоръ! поношенье! *(Хватается за голову)*.

Артемій Филипповичъ. Что жъ, Антонъ Антоновичъ? — ѣхать парадомъ въ гостинницу.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Нѣтъ, нѣтъ! Впередъ пустить голову, духовенство, купечество; вотъ и въ книгѣ „Дѣянія Іоанна Масона“.....

Городничій. Нѣтъ, нѣтъ; позвольте ужъ мнѣ самому. Бывали трудные случаи въ жизни, сходили [6], еще даже и спа-

сибо получалъ. Авось, Богъ вынесетъ и теперь. *(Обращаясь къ Бобчинскому).* Вы говорите, онъ молодой человѣкъ?

Бобчинскій. Молодой, лѣтъ двадцати трехъ или четырехъ съ небольшимъ.

Городничій. Тѣмъ лучше: молодаго скорѣе пронюхаешь. Бѣда, если старый чортъ; а молодой — весь на верху. Вы, господа, приготовляйтесь по своей части, а я отправлюсь самъ[1], или, вотъ хоть съ Петромъ Ивановичемъ, приватно, для прогулки, навѣдаться, не терпятъ ли проѣзжающіе непріятностей. Эй, Свистуновъ!

Свистуновъ. Что̀ угодно?

Городничій. Ступай сейчасъ за частнымъ приставомъ; или нѣтъ, ты мнѣ нуженъ. Скажи тамъ кому-нибудь, чтобы какъ можно поскорѣе ко мнѣ частнаго пристава, и приходи сюда. *(Квартальный бѣжитъ впопыхахъ).*

Артемій Филипповичъ. Идемъ, идемъ[2], Аммосъ Ѳедоровичъ! Въ самомъ дѣлѣ можетъ случиться бѣда.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Да вамъ чего бояться? Колпаки чистые надѣлъ на больныхъ, да и концы въ воду.

Артемій Филипповичъ. Какое колпаки! Больнымъ велѣно габеръ-супъ давать, а у меня по всѣмъ корридорамъ несетъ такая капуста, что береги только носъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ. А я на этотъ счетъ покоенъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто зайдетъ въ уѣздный судъ? А если и заглянетъ въ какую-нибудь бумагу, такъ[3] жизни не будетъ радъ. Я вотъ ужъ пятнадцать лѣтъ сижу на судейскомъ стулѣ, а какъ загляну въ докладную записку[4] — а! только рукой махну. Самъ Соломонъ не разрѣшитъ, что̀ въ ней правда и что̀ неправда. *(Судья, попечитель богоугодныхъ заведеній, смотритель училищъ и почтмейстеръ уходятъ и въ дверяхъ сталкиваются съ возвращающимся квартальнымъ).*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Городничій, Бобчинскій, Добчинскій и квартальный.

Городничій. Что̀, дрожки тамъ стоятъ?

Квартальный. Стоятъ.

Городничій. Ступай на улицу... или нѣтъ, постой! Ступай,

принеси... Да другіе-то гдѣ? неужели ты только одинъ? Вѣдь я приказывалъ, чтобы и Прохоровъ былъ здѣсь. Гдѣ Прохоровъ?

Квартальный. Прохоровъ въ частномъ домѣ, да только къ дѣлу не можетъ быть употребленъ.

Городничій. Какъ такъ?

Квартальный. Да такъ: привезли его поутру мертвецки. Вотъ уже два ушата воды вылили, до сихъ поръ не протрезвился.

Городничій *(хватаясь за голову).* Ахъ Боже мой, Боже мой! Ступай скорѣе на улицу, или нѣтъ — бѣги прежде въ комнату, слышь! и принеси оттуда шпагу и новую шляпу. Ну, Петръ Ивановичъ, поѣдемъ!

Бобчинскій. И я, и я... позвольте и мнѣ, Антонъ Антоновичъ!

Городничій. Нѣтъ, нѣтъ, Петръ Ивановичъ, нельзя, нельзя! Неловко, да и на дрожкахъ[1] не помѣстимся.

Бобчинскій. Ничего, ничего, я такъ: пѣтушкомъ, пѣтушкомъ побѣгу за дрожками. Мнѣ бы только немножко въ щелочку-та, въ дверь этакъ посмотрѣть, какъ у него эти поступки[2]...

Городничій *(принимая шпагу, къ квартальному).* Бѣги сейчасъ возьми десятскихъ, да пусть каждый изъ нихъ возьметъ... Экъ шпага какъ исцарапалась! Проклятый купчишка Абдулинъ[3] — видитъ, что у городничаго старая шпага, не прислалъ новой. О, лукавый народъ! А такъ, мошенники, я думаю тамъ ужъ просьбы изъ-подъ полы и готовятъ. Пусть каждый возьметъ въ руки по улицѣ... чортъ возьми, по улицѣ — по метлѣ! и вымели бы всю улицу, чтò идетъ къ трактиру, и вымели бы чисто... Слышишь! Да смотри: ты! ты! я знаю тебя: ты тамъ кумаешься[4], да крадешь въ ботфорты серебряныя ложечки, — смотри, у меня ухо востро!... Чтò ты сдѣлалъ съ купцомъ Черняевымъ — а? Онъ тебѣ на мундиръ далъ два аршина сукна, а ты стянулъ всю штуку. Смотри! не по чину берешь! Ступай!

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и частный приставъ.

Городничій. А, Степанъ Ильичъ! Скажите ради Бога: куда вы запропастились? На чтò это похоже?

Частный приставъ. Я былъ тутъ сейчасъ за воротами.

Городничій. Ну, слушайте же, Степанъ Ильичъ! Чиновникъ-то изъ Петербурга пріѣхалъ. Какъ вы тамъ распорядились?

Частный приставъ. Да такъ, какъ вы приказывали. Квартальнаго Пуговицына я послалъ съ десятскими подчищать тротуаръ.

Городничій. А Держиморда гдѣ?

Частный приставъ. Держиморда поѣхалъ на пожарной трубѣ.

Городничій. А Прохоровъ пьянъ?

Частный приставъ. Пьянъ.

Городничій. Какъ же вы это такъ допустили?

Частный приставъ. Да Богъ его знаетъ. Вчерашняго дня случилась за городомъ драка — поѣхалъ туда для порядка, а возвратился пьянъ.

Городничій. Послушайте жъ, вы сдѣлайте вотъ чтò: квартальный Пуговицынъ[1]... онъ высокаго роста, такъ пусть стоитъ, для благоустройства, на мосту. Да разметать наскоро старый заборъ, чтò возлѣ сапожника, и поставить соломенную вѣху, чтобъ было похоже на планировку. Оно, чѣмъ больше ломки, тѣмъ больше означаетъ дѣятельности градоправителя. Ахъ, Боже мой! я и позабылъ, что возлѣ того забора навалено на сорокъ телѣгъ всякаго сору. Чтò это за скверный городъ! только гдѣ-нибудь поставь какой-нибудь памятникъ или, просто, заборъ — чортъ ихъ знаетъ откудова, и нанесутъ всякой дряни! *(Вздыхаетъ).* Да если пріѣзжій чиновникъ будетъ спрашивать службу: довольны ли?[2] — чтобы говорили: „Всѣмъ довольны, ваше благородіе"; а который будетъ недоволенъ, то ему послѣ дамъ такого неудовольствія... О, охъ, хо, хо, хъ! грѣшенъ, во многомъ грѣшенъ. *(Беретъ вмѣсто шляпы футляръ).* Дай только Боже, чтобы сошло съ рукъ поскорѣе, а тамъ-то я поставлю ужъ такую свѣчу, какой еще никто не ставилъ: на каждую бестію купца наложу доставить по три пуда воску.

О, Боже мой, Боже мой! Ѣдемъ, Петръ Ивановичъ! *(Вмѣсто шляпы хочетъ надѣть бумажный футляръ).*

Частный приставъ. Антонъ Антоновичъ, это коробка, а не шляпа.

Городничій *(бросая коробку)*[1]. Коробка, такъ коробка. Чортъ съ ней! Да если спросятъ: отчего не выстроена церковь при богоугодномъ заведеніи, на которую, назадъ тому пять лѣтъ, была ассигнована сумма, то не позабыть сказать, что начала[2] строиться, но сгорѣла. Я объ этомъ и рапортъ представлялъ. А то, пожалуй, кто-нибудь, позабывшись, сдуру скажетъ, что она и не начиналась. Да сказать Держимордѣ, чтобы не слишкомъ давалъ воли кулакамъ своимъ; онъ, для порядка, всѣмъ ставитъ фонари подъ глазами — и правому и виноватому. Ѣдемъ, ѣдемъ, Петръ Ивановичъ! *(Уходитъ и возвращается).* Да не выпускать солдатъ на улицу безо всего: эта дрянная гарниза надѣнетъ только сверхъ рубашки мундиръ, а внизу ничего нѣтъ. *(Всѣ уходятъ).*

ЯВЛЕНІЕ VI.

Анна Андреевна и Марья Антоновна *вбѣгаютъ на сцену.*

Анна Андреевна. Гдѣ жъ, гдѣ жъ они? Ахъ, Боже мой!... *(Отворяя дверь)* Мужъ! Антоша! Антонъ! *(Говоритъ скоро).* А все ты, а все за тобой. И пошла копаться: „Я булавочку, я косынку“. *(Подбѣгаетъ къ окну и кричитъ).* Антонъ, куда, куда? Что̀, пріѣхалъ? ревизоръ? съ усами! съ какими усами?

Голосъ городничаго. Послѣ, послѣ, матушка!

Анна Андреевна. Послѣ? Вотъ новости, послѣ! Я не хочу послѣ... Мнѣ только одно слово: что̀ онъ, полковникъ? А? *(Съ пренебреженіемъ).* Уѣхалъ! Я тебѣ вспомню это! А все эта: „Маменька, маменька[3], погодите, зашпилю сзади косынку; я сейчасъ“. Вотъ тебѣ и сейчасъ! Вотъ тебѣ ничего и не узнали! А все проклятое кокетство: услышала, что почтмейстеръ здѣсь, и давай предъ зеркаломъ жеманиться: и съ той стороны, и съ этой стороны подойдетъ. Воображаетъ, что онъ за ней волочится, а онъ, просто, тебѣ дѣлаетъ гримасу, когда ты отвернешься.

Марья Антоновна. Да что жъ дѣлать, маменька? Все равно, чрезъ два часа мы все узнаемъ.

Анна Андреевна. Чрезъ два часа! покорнѣйше благодарю. Вотъ одолжила отвѣтомъ! Какъ ты не догадалась сказать. что[1] чрезъ мѣсяцъ еще лучше можно узнать! *(Свѣшивается въ окно).* Эй, Авдотья! А? Что̀, Авдотья, ты[2] слышала, тамъ пріѣхалъ кто-то?... Не слышала? Глупая какая! Машетъ руками? Пусть машетъ, а ты все бы таки его разспросила. Не могла этого узнать! Въ головѣ чепуха, все женихи сидятъ. А? Скоро уѣхали! да ты бы побѣжала за дрожками. Ступай, ступай, сейчасъ! Слышишь, побѣги, разспроси, куда поѣхали; да разспроси хорошенько: что̀ за пріѣзжій, каковъ онъ, — слышишь? Подсмотри въ щелку и узнай все, и глаза какіе: черные или нѣтъ, и сію же минуту возвращайся назадъ, слышишь? Скорѣе, скорѣе, скорѣе, скорѣе! *(Кричитъ до тѣхъ поръ, пока не опускается занавѣсъ. Такъ занавѣсъ и закрываетъ ихъ обѣихъ[3], стоящихъ у окна)*[4].

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Маленькая комната въ гостинницѣ. Постель, столъ, чемоданъ, пустая бутылка, сапоги, платяная щетка и прочее.

ЯВЛЕНІЕ I.

Осипъ *лежитъ на барской постели.*

Чортъ побери, ѣсть такъ хочется и въ животѣ трескотня такая, какъ будто бы цѣлый полкъ затрубилъ въ трубы. Вотъ, не доѣдемъ, да и только, домой! Что ты прикажешь дѣлать? Второй мѣсяцъ пошелъ, какъ уже изъ Питера! Профинтилъ дорогою денежки, голубчикъ, теперь сидитъ и хвостъ подвернулъ, и не горячится. А стало бы, и очень бы стало на прогоны; нѣтъ, вишь ты, нужно въ каждомъ городѣ показать себя! *(Дразнитъ его).* „Эй, Осипъ, ступай, посмотри комнату, лучшую, да обѣдъ спроси самый лучшій: я не могу ѣсть дурнаго обѣда, мнѣ нуженъ лучшій обѣдъ“. Добро бы было въ самомъ дѣлѣ что-нибудь путное, а то вѣдь елистратишка простой! Съ проѣзжающимъ знакомится, а потомъ въ картишки — вотъ тебѣ и доигрался! Эхъ, надоѣла такая жизнь! Право, на деревнѣ лучше: оно хоть нѣтъ публичности, да и заботности меньше, возьмешь себѣ бабу, да и лежи весь вѣкъ на полатяхъ, да ѣшь пироги. Ну, кто жъ споритъ, конечно, если пойдетъ на правду, такъ житье въ Питерѣ лучше всего. Деньги бы только были, а жизнь тонкая и политичная: кеятры[1], собаки тебѣ танцуютъ, и все, что̀ хочешь. Разговариваетъ все на тонкой деликатности, что развѣ только дворянству уступитъ; пойдешь на Щукинъ — купцы тебѣ кричатъ: „Почтенный!“ на перевозѣ въ лодкѣ съ чиновникомъ сядешь; компаніи захотѣлъ — ступай въ лавочку: тамъ тебѣ кавалеръ разскажетъ про лагери

и объявитъ, что̀ всякая звѣзда значитъ на небѣ[1], такъ вотъ, какъ на ладони все видишь. Старуха офицерша забредетъ; горничная иной разъ заглянетъ такая.... фу, фу, фу! *(Усмѣхается и трясетъ головою)*. Галантерейное, чортъ возьми, обхожденіе! Невѣжливаго слова никогда не услышишь: всякой тебѣ говоритъ *вы*. Наскучило итти — берешь извощика и сидишь себѣ, какъ баринъ, а не хочешь заплатить ему — изволь: у каждаго дома есть сквозныя ворота, и ты такъ шмыгнешь, что тебя никакой дьяволъ не сыщетъ. Одно плохо: иной разъ славно наѣшься, а въ другой чуть не лопнешь съ голоду, какъ теперь, напримѣръ. А все онъ виноватъ. Что съ нимъ сдѣлаешь?[2] Батюшка пришлетъ денежки, чѣмъ бы ихъ попридержать — и куды!... пошелъ кутить: ѣздитъ на извощикѣ, каждый день ты доставай въ кеятръ[3] билетъ, а тамъ черезъ недѣлю, глядь — и посылаетъ на толкучій продавать новый фракъ. Иной разъ все до послѣдней рубашки спуститъ, такъ что на немъ всего останется сертучишка да шинелишка... Ей Богу, правда! И сукно такое важное, аглицкое! рублевъ полтораста ему одинъ фракъ станетъ, а на рынкѣ спуститъ рублей за двадцать; а о брюкахъ и говорить нечего — ни по чемъ идутъ. А отчего?—оттого, что дѣломъ не занимается: вмѣсто того, чтобы въ должность, а онъ идетъ гулять по прешпекту, въ картишки играетъ. Эхъ, если бъ узналъ это старый баринъ! Онъ не посмотрѣлъ бы на то, что ты чиновникъ, а, поднявши рубашонку, такихъ бы засыпалъ тебѣ, что дня бъ четыре ты почесывался. Коли служить, такъ служи. Вотъ теперь трактирщикъ сказалъ, что не дамъ вамъ ѣсть, пока не заплатите за прежнее; ну, а коли не заплатимъ? *(Со вздохомъ)*. Ахъ, Боже ты мой, хоть бы какія-нибудь щи! Кажись, такъ бы теперь весь свѣтъ съѣлъ. Стучится; вѣрно, это онъ идетъ. *(Поспѣшно схватывается съ постели.)*

ЯВЛЕНІЕ II.

Осипъ и Хлестаковъ.

Хлестаковъ. На, прими[1] это *(отдаетъ фуражку и тросточку)*. А, опять валялся на кровати?

Осипъ. Да зачѣмъ же бы мнѣ валяться? Не видалъ я развѣ кровати, что ли?

Хлестаковъ. Врешь, валялся; видишь, вся склочена![2]

Осипъ. Да на что̀ мнѣ она? Не знаю я развѣ, что̀ такое кровать? У меня есть ноги: я и постою. Зачѣмъ мнѣ ваша кровать?

Хлестаковъ *(ходитъ по комнатѣ)*. Посмотри, тамъ, въ картузѣ, табаку нѣтъ?

Осипъ. Да гдѣ жъ ему быть, табаку? Вы четвертаго дня послѣднее выкурили.

Хлестаковъ *(ходитъ и разнообразно сжимаетъ свои губы; наконецъ говоритъ громкимъ и рѣшительнымъ голосомъ)*. Послушай... эй, Осипъ!

Осипъ. Чего изволите?

Хлестаковъ *(громкимъ, но не столь рѣшительнымъ голосомъ)*. Ты ступай туда.

Осипъ. Куда?

Хлестаковъ *(голосомъ вовсе не рѣшительнымъ и не громкимъ, очень близкимъ къ просьбѣ)*. Внизъ въ буфетъ... Тамъ скажи... чтобы мнѣ дали пообѣдать.

Осипъ. Да нѣтъ, я и ходить не хочу.

Хлестаковъ. Какъ ты смѣешь, дуракъ?

Осипъ. Да такъ; все равно, хоть и пойду, ничего изъ этого не будетъ. Хозяинъ сказалъ, что больше не дастъ обѣдать.

Хлестаковъ. Какъ онъ смѣетъ не дать? Вотъ еще вздоръ!

Осипъ. Еще, говоритъ, и къ городничему пойду; третью недѣлю баринъ денегъ не плотитъ[3]. Вы-де съ бариномъ, говоритъ, мошенники, и баринъ твой—плутъ. Мы-де, говоритъ, этакихъ шиpомыжниковъ и подлецовъ видали.

Хлестаковъ. А ты ужъ и радъ, скотина, сейчасъ пересказывать мнѣ все это.

Осипъ. Говоритъ: „Этакъ всякій пріѣдетъ, обживется, задолжается, послѣ и выгнать нельзя". Я, говоритъ, „шутить

не буду, я прямо съ жалобою, чтобъ на съѣзжую, да въ тюрьму".

Хлестаковъ. Ну, ну, дуракъ, полно! Ступай, ступай, скажи ему. Такое грубое животное!

Осипъ. Да лучше я самого хозяина[1] позову къ вамъ.

Хлестаковъ. На что жъ хозяина? ты поди самъ скажи.

Осипъ. Да, право, сударь...

Хлестаковъ. Ну, ступай, чортъ съ тобой! позови хозяина. *(Осипъ уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ III.

Хлестаковъ *(одинъ).*

Ужасно какъ хочется ѣсть! Такъ немножко прошелся, думалъ, не пройдетъ ли аппетитъ — нѣтъ, чортъ возьми, не проходитъ. Да, если бъ въ Пензѣ я не покутилъ, стало бы денегъ доѣхать домой. Пѣхотный капитанъ сильно поддѣлъ меня: штосы удивительно, бестія, срѣзываетъ. Всего какихънибудь четверть часа посидѣлъ — и все обобралъ. А при всемъ томъ страхъ хотѣлось бы съ нимъ еще разъ сразиться. Случай только не привелъ. Какой скверный городишка! Въ овошенныхъ лавкахъ ничего не даютъ въ долгъ. Это ужъ, просто[2], подло[3]. *(Насвистываетъ сначала изъ „Роберта", потомъ: „Не шей ты мнѣ, матушка", а наконецъ — ни сё, ни то[4]).* Никто не хочетъ итти.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Хлестаковъ, Осипъ и трактирный слуга.

Слуга. Хозяинъ приказалъ спросить, что̀ вамъ угодно.

Хлестаковъ. Здравствуй, братецъ! Ну, что̀ ты, здоровъ?

Слуга. Слава Богу.

Хлестаковъ. Ну что̀, какъ у васъ въ гостинницѣ? хорошо ли все идетъ?

Слуга. Да, слава Богу, все хорошо.

Хлестаковъ. Много проѣзжающихъ?

Слуга. Да, достаточно.

Хлестаковъ. Послушай, любезный, тамъ мнѣ до сихъ поръ обѣда не приносятъ, такъ пожалуйста поторопи, чтобъ поскорѣе — видишь, мнѣ сейчасъ послѣ обѣда нужно кое-чѣмъ заняться.

Слуга. Да хозяинъ сказалъ, что не будетъ больше отпускать. Онъ, никакъ, хотѣлъ итти сегодня[1] жаловаться городничему.

Хлестаковъ. Да что жъ жаловаться? Посуди самъ, любезный, какъ же? вѣдь мнѣ нужно ѣсть. Этакъ могу я совсѣмъ отощать. Мнѣ очень ѣсть хочется: я не шутя это говорю.

Слуга. Такъ-съ. Онъ говорилъ: „Я ему обѣдать не дамъ, покамѣстъ онъ не заплатитъ мнѣ за прежнее". Таковъ ужъ отвѣтъ его былъ.

Хлестаковъ. Да ты урезонь, уговори его.

Слуга. Да что жъ ему такое говорить?

Хлестаковъ. Ты растолкуй ему сурьезно, что мнѣ нужно ѣсть. Деньги сами собою.... Онъ думаетъ, что, какъ ему, мужику, ничего, если не поѣсть[2] день, такъ и другимъ тоже. Вотъ новости!

Слуга. Пожалуй, я скажу.

ЯВЛЕНІЕ V.

Хлестаковъ *(одинъ).*

Это скверно, однакожъ, если онъ совсѣмъ ничего не дастъ ѣсть. Такъ хочется, какъ еще никогда не хотѣлось. Развѣ изъ платья что-нибудь пустить въ оборотъ? Штаны, что̀ ли, продать? Нѣтъ, ужъ лучше поголодать, да пріѣхать домой въ петербургскомъ костюмѣ. Жаль, что Іохимъ не далъ на прокатъ кареты, а хорошо бы, чортъ побери, пріѣхать домой въ каретѣ, подкатить этакимъ чортомъ къ какому-нибудь сосѣду помѣщику подъ крыльцо, съ фонарями, а Осипа сзади одѣть въ ливрею. Какъ бы, я воображаю, всѣ переполошились! „Кто такой, что̀ такое?" А лакей[3] входитъ *(вытягиваясь и представляя лакея):* „Иванъ Александровичъ Хлестаковъ изъ Петербурга, прикажете принять?" Они, пентюхи, и не знаютъ, что̀ такое значитъ „прикажете принять". Къ нимъ если пріѣдетъ какой-нибудь гусь помѣщикъ, такъ и валитъ,

медвѣдь, прямо въ гостиную. Къ дочечкѣ какой-нибудь хорошенькой подойдешь: „Сударыня, какъ я...“ *(потираетъ руки и подшаркиваетъ ножкой)*. Тьфу! *(плюетъ)* даже тошнитъ, такъ ѣсть хочется.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Хлестаковъ, Осипъ, потомъ слуга.

Хлестаковъ. А что?

Осипъ. Несутъ обѣдъ.

Хлестаковъ *(прихлопываетъ въ ладоши и слегка подпрыгиваетъ на стулѣ)*. Несутъ! несутъ! несутъ!

Слуга *(съ тарелками и салфеткой)*. Хозяинъ въ послѣдній разъ ужъ даетъ.

Хлестаковъ. Ну, хозяинъ, хозяинъ.... Я плевать на твоего хозяина! Что̀ тамъ такое?

Слуга. Супъ и жаркое.

Хлестаковъ. Какъ, только два блюда?

Слуга. Только-съ.

Хлестаковъ. Вотъ вздоръ какой! я этого не принимаю. Ты скажи ему: что̀ это въ самомъ дѣлѣ такое!... Этого мало.

Слуга. Нѣтъ, хозяинъ говоритъ, что еще много.

Хлестаковъ. А соуса почему нѣтъ?

Слуга. Соуса нѣтъ.

Хлестаковъ. Отчего же нѣтъ? Я видѣлъ самъ, проходя мимо кухни, тамъ много готовилось. И въ столовой сегодня поутру двое какихъ-то коротенькихъ человѣка ѣли семгу и еще много кой-чего.

Слуга. Да оно-то есть, пожалуй, да нѣтъ.

Хлестаковъ. Какъ нѣтъ?

Слуга. Да ужъ нѣтъ.

Хлестаковъ. А семга, а рыба, а котлеты?

Слуга. Да это для тѣхъ, которые почище-съ[1].

Хлестаковъ. Ахъ, ты, дуракъ!

Слуга. Да-съ.

Хлестаковъ. Поросенокъ ты скверный... Какъ же они ѣдятъ, а я не ѣмъ? Отчего же я, чортъ возьми, не могу также? Развѣ они не такіе же проѣзжающіе, какъ и я?

Слуга. Да ужъ извѣстно, что не такіе.

Хлестаковъ. Какіе же?

Слуга. Обнакновенно какіе! они ужъ, извѣстно: они деньги платятъ.

Хлестаковъ. Я съ тобою, дуракъ, не хочу разсуждать. *(Наливаетъ супъ и ѣстъ).* Что̀ это за супъ? Ты, просто, воды налилъ въ чашку: никакого вкусу[1] нѣтъ, только воняетъ. Я не хочу этого супу[2], дай мнѣ другаго.

Слуга. Мы примемъ-съ. Хозяинъ сказалъ: коли не хотите, то и не нужно[3].

Хлестаковъ *(защищая рукою кушанье).* Ну, ну, ну... оставь, дуракъ! Ты привыкъ тамъ обращаться съ другими: я, братъ, не такого рода! со мной не совѣтую... *(Ѣстъ).* Боже мой, какой супъ! *(Продолжаетъ ѣсть).* Я думаю, еще ни одинъ человѣкъ въ мірѣ не ѣдалъ такого супу[4]: какія-то перья плаваютъ вмѣсто масла. *(Рѣжетъ курицу).* Ай, ай, ай, какая курица! Дай жаркое! Тамъ супу немного осталось, Осипъ, возьми себѣ. *(Рѣжетъ жаркое).* Что̀ это за жаркое? Это не жаркое.

Слуга. Да что̀ жъ такое?

Хлестаковъ. Чортъ его знаетъ, что̀ такое, только не жаркое. Это топоръ, зажаренный вмѣсто говядины. *(Ѣстъ).* Мошенники, канальи! чѣмъ они кормятъ? И челюсти заболятъ, если съѣшь одинъ такой кусокъ. *(Ковыряетъ пальцемъ въ зубахъ).* Подлецы! Совершенно, какъ деревянная кора — ничѣмъ вытащить нельзя; и зубы почернѣютъ послѣ этихъ блюдъ. Мошенники! *(Вытираетъ ротъ салфеткой).* Больше ничего нѣтъ?

Слуга. Нѣтъ.

Хлестаковъ. Канальи! подлецы! и даже хотя бы какой-нибудь соусъ или пирожное. Бездѣльники! дерутъ только съ проѣзжающихъ.

Слуга *убираетъ и уноситъ тарелки вмѣстѣ съ Осипомъ.*

ЯВЛЕНІЕ VII.

Хлестаковъ, потомъ Осипъ.

Хлестаковъ. Право, какъ будто и не ѣлъ; только-что разохотился. Если бы мелочь, послать бы на рынокъ и купить хоть сайку.

Осипъ *(входитъ).* Тамъ зачѣмъ-то городничій пріѣхалъ, освѣдомляется и спрашиваетъ объ васъ[1].

Хлестаковъ *(испугавшись).* Вотъ тебѣ на! Эка бестія трактирщикъ, успѣлъ уже пожаловаться! Что̀, если въ самомъ дѣлѣ онъ потащитъ меня въ тюрьму? Что̀ жъ? Если благороднымъ образомъ, я пожалуй... нѣтъ, нѣтъ, не хочу! Тамъ въ городѣ таскаются офицеры и народъ, а я, какъ нарочно, задалъ тону и перемигнулся съ одной купеческой дочкой... Нѣтъ, не хочу... Да что̀ онъ? какъ онъ смѣетъ въ самомъ дѣлѣ? Что̀ я ему, развѣ купецъ или ремесленникъ? *(Бодрится и выпрямляется)*[2]. Да я ему прямо скажу: „Какъ вы смѣете? Какъ вы..." *(У дверей вертится ручка; Хлестаковъ блѣднѣетъ и съеживается)*[3].

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Хлестаковъ, городничій и Добчинскій.

(Городничій, вошедъ, останавливается. Оба въ испугѣ смотрятъ нѣсколько минутъ одинъ на другаго, выпучивъ глаза).

Городничій *(немного оправившись и протянувъ руки по швамъ).* Желаю здравствовать!

Хлестаковъ *(кланяется).* Мое почтеніе!...

Городничій. Извините.

Хлестаковъ. Ничего....

Городничій. Обязанность моя, какъ градоначальника здѣшняго города, заботиться о томъ, чтобы проѣзжающимъ и всѣмъ благороднымъ людямъ никакихъ притѣсненій....

Хлестаковъ *(сначала немного заикается, но къ концу рѣчи говоритъ громко).* Да что̀ жъ дѣлать?... Я не виноватъ... Я, право, заплачу... Мнѣ пришлютъ изъ деревни. *(Бобчинскій выглядываетъ изъ дверей)*[1]. Онъ больше виноватъ:

говядину мнѣ подаетъ такую твердую, какъ бревно; а супъ — онъ, чортъ знаетъ, чего плеснулъ туда[1], я долженъ былъ выбросить его за окно. Онъ меня моритъ[2] голодомъ по цѣлымъ днямъ... чай такой странный: воняетъ рыбой, а не чаемъ. За что жъ я... Вотъ новость!

Городничій *(робѣя)*. Извините, я, право, не виноватъ. На рынкѣ у меня говядина всегда хорошая. Привозятъ холмогорскіе купцы, люди трезвые и поведенія хорошаго. Я ужъ не знаю, откуда онъ беретъ такую. А если что не такъ, то... Позвольте мнѣ предложить вамъ переѣхать со мною на другую квартиру.

Хлестаковъ. Нѣтъ. не хочу! Я знаю, что значитъ на другую квартиру: то есть — въ тюрьму. Да какое вы имѣете право? Да какъ вы смѣете?... Да вотъ я[3]... Я служу въ Петербургѣ... *(Бодрится)*[4]. Я, я, я...

Городничій *(въ сторону)*. О, Господи ты Боже, какой сердитый! Все узналъ, все разсказали проклятые купцы!

Хлестаковъ *(храбрясь)*. Да вотъ вы хоть тутъ со всей своей командой — не пойду. Я прямо къ министру! *(Стучитъ кулакомъ по столу)*. Что вы? что вы?

Городничій *(вытянувшись и дрожа всѣмъ тѣломъ)*. Помилуйте, не погубите! Жена, дѣти маленькія... не сдѣлайте несчастнымъ человѣка!

Хлестаковъ. Нѣтъ, я не хочу. Вотъ еще! мнѣ какое дѣло? Оттого, что у васъ жена и дѣти, я долженъ итти въ тюрьму, вотъ прекрасно! *(Бобчинскій выглядываетъ въ дверь и въ испугѣ прячется)*. Нѣтъ, благодарю покорно, не хочу.

Городничій *(дрожа)*. По неопытности, ей Богу, по неопытности. Недостаточность состоянія... Сами извольте посудить: казеннаго жалованья не хватаетъ даже на чай и сахаръ. Если жъ и были какія взятки, то самая малость: къ столу что-нибудь, да на пару платья. Что же до унтеръ-офицерской вдовы, занимающейся купечествомъ, которую я будто бы высѣкъ, то это клевета, ей Богу, клевета. Это выдумали злодѣи мои; это такой народъ, что на жизнь мою готовы покуситься.

Хлестаковъ. Да что? мнѣ нѣтъ никакого дѣла до нихъ... *(Въ размышленіи)*. Я не знаю, однакожъ, зачѣмъ вы говорите о злодѣяхъ или о какой-то унтеръ-офицерской вдовѣ...

Унтеръ-офицерская жена совсѣмъ другое, а меня вы не смѣете высѣчь, до этого вамъ далеко... Вотъ еще! смотри ты какой!... Я заплачу, заплачу деньги, но у меня теперь нѣтъ. Я потому и сижу здѣсь, что у меня нѣтъ ни копѣйки.

Городничій *(въ сторону)*. О, тонкая штука! Экъ куда метнулъ! какого туману напустилъ! разбери, кто хочетъ! Не знаешь, съ которой стороны и приняться. Ну, да ужъ попробовать, не куды[1] пошло! Что̀ будетъ, то будетъ, попробовать на авось. *(Вслухъ)*. Если вы, точно, имѣете нужду въ деньгахъ или въ чемъ другомъ, то я готовъ служить сію минуту. Моя обязанность помогать проѣзжающимъ.

Хлестаковъ. Дайте, дайте мнѣ взаймы! Я сейчасъ же расплачусь съ трактирщикомъ. Мнѣ бы только рублей двѣсти, или хоть даже и меньше.

Городничій *(поднося бумажки)*[2]. Ровно двѣсти рублей, хоть и не трудитесь считать.

Хлестаковъ *(принимая деньги)*. Покорнѣйше благодарю. Я вамъ тотчасъ пришлю ихъ изъ деревни.... у меня это вдругъ.... Я вижу, вы благородный человѣкъ. Теперь другое дѣло[3].

Городничій *(въ сторону)*. Ну, слава Богу! деньги взялъ. Дѣло, кажется, пойдетъ теперь на ладъ. Я таки ему, вмѣсто двухсотъ, четыреста ввернулъ.

Хлестаковъ. Эй, Осипъ! *(Осипъ входитъ)*. Позови сюда трактирнаго слугу! *(Къ городничему и Добчинскому)*. А что̀ жъ вы стоите? Сдѣлайте милость, садитесь. *(Добчинскому)*. Садитесь, прошу покорнѣйше.

Городничій. Ничего, мы и такъ постоимъ.

Хлестаковъ. Сдѣлайте милость, садитесь. Я теперь вижу совершенно откровенность вашего нрава и радушіе; а то, признаюсь, я ужъ думалъ, что вы пришли съ тѣмъ, чтобы меня... *(Добчинскому)* Садитесь! *(Городничій и Добчинскій садятся. Бобчинскій выглядываетъ въ дверь и прислушивается)*.

Городничій *(въ сторону)*. Нужно быть посмѣлѣе. Онъ хочетъ, чтобы считали его инкогнитомъ. Хорошо, подпустимъ и мы турусы: прикинемся, какъ будто совсѣмъ и не знаемъ, что̀ онъ за человѣкъ. *(Вслухъ)*. Мы, прохаживаясь по дѣламъ должности, вотъ съ Петромъ Ивановичемъ Добчинскимъ, здѣшнимъ помѣщикомъ, зашли нарочно въ гостинницу, чтобы освѣдомиться, хорошо ли содержатся проѣзжающіе, потому что я

не такъ, какъ иной городничій, которому ни до чего дѣла нѣтъ; но я, я кромѣ должности, еще, по христіанскому человѣколюбію, хочу, чтобъ всякому смертному оказывался хорошій пріемъ — и вотъ, какъ будто въ награду, случай доставилъ такое пріятное знакомство.

Хлестаковъ. Я тоже самъ очень радъ. Безъ васъ я, признаюсь, долго бы просидѣлъ здѣсь: совсѣмъ не зналъ, чѣмъ заплатить.

Городничій *(въ сторону)*. Да, разсказывай! не зналъ, чѣмъ заплатить! *(Вслухъ)*. Осмѣлюсь ли спросить: куда и въ какія мѣста ѣхать изволите?

Хлестаковъ. Я ѣду въ саратовскую губернію въ собственную деревню.

Городничій *(въ сторону съ лицомъ, принимающимъ ироническое выраженіе)*. Въ саратовскую губернію![1] А? и не покраснѣетъ! О, да съ нимъ нужно ухо востро! *(Вслухъ)*. Благое дѣло изволили предпринять. Вѣдь вотъ, относительно дороги: говорятъ, съ одной стороны непріятности насчетъ задержки лошадей, а вѣдь съ другой стороны развлеченье для ума. Вѣдь вы, чай, больше для собственнаго удовольствія ѣдете?

Хлестаковъ. Нѣтъ, батюшка меня требуетъ. Разсердился старикъ, что до сихъ поръ ничего не выслужилъ въ Петербургѣ. Онъ думаетъ, что такъ вотъ пріѣхалъ, да сейчасъ тебѣ Владиміра въ петлицу и дадутъ. Нѣтъ, я бы послалъ его самого потолкаться въ канцелярію.

Городничій *(въ сторону)*. Прошу посмотрѣть, какія пули отливаетъ! и старика отца приплелъ! *(Вслухъ)*. И на долгое время изволите ѣхать?

Хлестаковъ. Право, не знаю. Вѣдь мой отецъ упрямъ и глупъ, старый[2] хрѣнъ, какъ бревно. Я ему прямо скажу: какъ хотите, я не могу жить безъ Петербурга. За что̀ жъ, въ самомъ дѣлѣ, я долженъ погубить жизнь съ мужиками? Теперь не тѣ потребности; душа моя жаждетъ просвѣщенія.

Городничій *(въ сторону)*. Славно завязалъ узелокъ! Вретъ, вретъ — и нигдѣ не оборвется! А вѣдь какой невзрачный, низенькій, кажется, ногтемъ бы придавилъ его. Ну, да постой! ты у меня проговоришься. Я тебя ужъ заставлю побольше разсказать! *(Вслухъ)*. Справедливо изволили замѣтить. Что̀ можно сдѣлать въ глуши? Вѣдь вотъ хоть[3] бы здѣсь: ночь

не спишь, стараешься для отечества, не жалѣешь ничего, а награда, неизвѣстно еще, когда будетъ. *(Окидываетъ глазами комнату).* Кажется, эта комната нѣсколько сыра?[1]

Хлестаковъ. Скверная комната, и клопы такіе, какихъ я нигдѣ не видывалъ: какъ собаки, кусаютъ.

Городничій. Скажите! такой просвѣщенный гость, и терпитъ, отъ кого же? — отъ какихъ-нибудь негодныхъ клоповъ, которымъ бы и на свѣтъ не слѣдовало родиться! Никакъ даже темно въ этой комнатѣ?

Хлестаковъ. Да, совсѣмъ темно. Хозяинъ завелъ обыкновеніе не отпускать свѣчей. Иногда что-нибудь хочется сдѣлать, почитать, или придетъ фантазія сочинить что-нибудь — не могу: темно, темно.

Городничій. Осмѣлюсь ли просить васъ... но нѣтъ, я недостоинъ.

Хлестаковъ. А что?

Городничій. Нѣтъ, нѣтъ! недостоинъ, недостоинъ!

Хлестаковъ. Да что жъ такое?

Городничій. Я бы дерзнулъ[2].... У меня въ домѣ есть прекрасная для васъ комната, свѣтлая, покойная... Но нѣтъ, чувствую самъ, это ужъ слишкомъ большая честь... Не разсердитесь — ей Богу, отъ простоты души предложилъ.

Хлестаковъ. Напротивъ, извольте, я съ удовольствіемъ. Мнѣ гораздо пріятнѣе въ приватномъ домѣ, чѣмъ въ этомъ кабакѣ.

Городничій. А ужъ я такъ буду радъ! А ужъ какъ жена обрадуется! У меня уже такой нравъ: гостепріимство съ самаго дѣтства, особливо, если гость просвѣщенный человѣкъ. Не подумайте, чтобы я говорилъ это изъ лести; нѣтъ, не имѣю этого порока, отъ полноты души выражаюсь.

Хлестаковъ. Покорно благодарю. Я самъ тоже—я[3] не люблю людей двуличныхъ. Мнѣ очень нравится ваша откровенность и радушіе, и я бы, признаюсь, больше бы ничего и не требовалъ, какъ только оказывай мнѣ преданность и уваженье, уваженье и преданность.

15*

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и **трактирный слуга, сопровождаемый Осипомъ.** *(Бобчинскій выглядываетъ въ дверь).*

Слуга. Изволили спрашивать?

Хлестаковъ. Да; подай счетъ.

Слуга. Я ужъ давича подалъ вамъ другой счетъ.

Хлестаковъ. Я ужъ не помню твоихъ глупыхъ счетовъ. Говори: сколько тамъ?

Слуга. Вы изволили въ первый день спросить обѣдъ, а на другой день только закусили семги и потомъ пошли все въ долгъ брать.

Хлестаковъ. Дуракъ! еще началъ высчитывать. — Всего сколько слѣдуетъ?

Городничій. Да вы не извольте безпокоиться: онъ подождетъ. *(Слугѣ)* Пошелъ вонъ, тебѣ пришлютъ.

Хлестаковъ. Въ самомъ дѣлѣ, и то правда. *(Прячетъ деньги. Слуга уходитъ. Въ дверь выглядываетъ Бобчинскій).*

ЯВЛЕНІЕ X.

Городничій, Хлестаковъ, Добчинскій.

Городничій. Не угодно ли вамъ будетъ осмотрѣть теперь нѣкоторыя заведенія въ нашемъ городѣ, какъ то — богоугодныя и другія?

Хлестаковъ. А что тамъ такое?

Городничій. А такъ, посмотрите, какое у насъ теченіе дѣлъ... порядокъ какой[1]...

Хлестаковъ. Съ большимъ удовольствіемъ, я готовъ. *(Бобчинскій выставляетъ голову въ дверь).*

Городничій. Также, если будетъ ваше желаніе, оттуда въ уѣздное училище, осмотрѣть порядокъ, въ какомъ преподаются у насъ науки.

Хлестаковъ. Извольте, извольте.

Городничій. Потомъ, если пожелаете посѣтить острогъ и городскія тюрьмы — разсмотрите, какъ у насъ содержатся преступники.

Хлестаковъ. Да зачѣмъ же тюрьмы? Ужъ лучше мы осмотримъ[2] богоугодныя заведенія.

Городничій. Какъ вамъ угодно. Какъ вы намѣрены, въ своемъ экипажѣ, или вмѣстѣ со мною на дрожкахъ?

Хлестаковъ. Да, я лучше съ вами на дрожкахъ поѣду.

Городничій *(Добчинскому).* Ну, Петръ Ивановичъ, вамъ теперь нѣтъ мѣста.

Добчинскій Ничего, я такъ.

Городничій. *(тихо Добчинскому)*[1]. Слушайте: вы побѣгите, да бѣгомъ, во всѣ лопатки, и снесите двѣ записки: одну въ богоугодное заведеніе Земляникѣ, а другую женѣ. *(Хлестакову).* Осмѣлюсь ли я попросить позволенія написать въ вашемъ присутствіи одну строчку къ женѣ, чтобъ она приготовилась къ принятію почтеннаго гостя?

Хлестаковъ. Да зачѣмъ же?... А впрочемъ тутъ и чернила, только бумаги — не знаю... Развѣ на этомъ счетѣ?

Городничій. Я здѣсь напишу. *(Пишетъ и въ то же время говоритъ про-себя).* А вотъ посмотримъ, какъ пойдетъ дѣло послѣ фриштика да бутылки толстобрюшки! Да есть у насъ губернская мадера: не казиста на видъ, а слона повалитъ съ ногъ[2]. Только бы мнѣ узнать, чтò онъ такое и въ какой мѣрѣ нужно его опасаться. *(Написавши, отдаетъ Добчинскому, который подходитъ къ двери, но въ это время дверь обрывается, и подслушивавшій съ другой стороны Бобчинскій летитъ вмѣстѣ съ нею на сцену. Всѣ издаютъ восклицанія. Бобчинскій подымается).*

Хлестаковъ. Что? не ушиблись ли вы гдѣ-нибудь?

Бобчинскій. Ничего, ничего-съ, безъ всякаго-съ помѣшательства, только сверхъ носа небольшая нашлёпка! Я забѣгу къ Христіану Ивановичу: у него-съ есть пластырь такой, такъ вотъ оно и пройдетъ.

Городничій *(дѣлая Бобчинскому укорительный знакъ, Хлестакову).* Это-съ ничего. Прошу покорнѣйше, пожалуйте! А слугѣ вашему я скажу, чтобы перенесъ чемоданъ. *(Осипу).* Любезнѣйшій, ты перенеси все ко мнѣ, къ городничему — тебѣ всякій покажетъ. Прошу покорнѣйше! *(Пропускаетъ впередъ Хлестакова и слѣдуетъ за нимъ; но, оборотившись, говоритъ съ укоризной Бобчинскому).* Ужъ и вы! не нашли другаго мѣста упасть! И растянулся, какъ, чортъ знаетъ, чтò такое. *(Уходитъ; за нимъ Бобчинскій. Занавѣсъ опускается).*

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Комната перваго дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ I.

Анна Андреевна, Марья Антоновна *(стоятъ у окна въ тѣхъ же самыхъ положеніяхъ).*

Анна Андреевна. Ну, вотъ, ужъ цѣлый часъ дожидаемся, а все ты съ своимъ глупымъ жеманствомъ: совершенно одѣлась, нѣтъ! еще нужно копаться... Не слушать бы ея вовсе[1]. Экая досада! какъ нарочно, ни души! какъ будто бы вымерло все.

Марья Антоновна. Да право, маменька, минуты черезъ двѣ[2] все узнаемъ. Ужъ скоро Авдотья должна прійти. *(Всматривается въ окно и вскрикиваетъ).* Ахъ, маменька, маменька! кто-то идетъ, вонъ въ концѣ[3] улицы.

Анна Андреевна. Гдѣ идетъ? У тебя вѣчно какія-нибудь фантазіи. Ну, да, идетъ. Кто жъ это идетъ? Небольшаго роста... во фракѣ... Кто жъ это? А? Это однакожъ досадно! Кто жъ бы это такой былъ?

Марья Антоновна. Это Добчинскій, маменька!

Анна Андреевна. Какой Добчинскій! Тебѣ всегда вдругъ вообразится этакое.... Совсѣмъ не Добчинскій. *(Машетъ платкомъ).* Эй вы, ступайте сюда! скорѣе!

Марья Антоновна. Право, маменька, Добчинскій.

Анна Андреевна. Ну, вотъ, нарочно, чтобы только поспорить. Говорятъ тебѣ — не Добчинскій.

Марья Антоновна. А что? а что, маменька? Видите, что Добчинскій.

Анна Андреевна. Ну, да, Добчинскій, теперь я вижу, — изъ чего же ты споришь? *(Кричитъ въ окно)*. Скорѣй, скорѣй! вы тихо идете. Ну, что̀, гдѣ они? А? Да говорите же оттуда[1], все равно. Что̀? Очень строгій? А? А мужъ, мужъ? *(Немного отступя[2] отъ окна, съ досадою)*. Такой глупый: до тѣхъ поръ, пока не войдетъ въ комнату, ничего не разскажетъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и **Добчинскій**.

Анна Андреевна. Ну, скажите пожалуйста: ну, не совѣстно ли вамъ? Я на васъ однихъ полагалась, какъ на порядочнаго человѣка: всѣ вдругъ выбѣжали, и вы туда жъ за ними! и я вотъ ни отъ кого до сихъ поръ толку не доберусь. Не стыдно ли вамъ? Я у васъ крестила вашего Ваничку и Лизаньку, а вы вотъ какъ со мною поступили!

Добчинскій. Ей Богу, кумушка, такъ бѣжалъ засвидѣтельствовать почтеніе, что не могу духу перевесть. Мое почтеніе, Марья Антоновна!

Марья Антоновна. Здравствуйте, Петръ Ивановичъ!

Анна Андреевна. Ну, что̀? Ну, разсказывайте: что̀ и какъ тамъ?

Добчинскій. Антонъ Антоновичъ прислалъ вамъ записочку.

Анна Андреевна. Ну, да кто онъ такой? генералъ?

Добчинскій. Нѣтъ, не генералъ, а не уступитъ генералу: такое образованіе и важные поступки-съ.

Анна Андреевна. А! такъ это тотъ самый, о которомъ было писано мужу.

Добчинскій. Настоящій. Я это первый открылъ вмѣстѣ съ Петромъ Ивановичемъ.

Анна Андреевна. Ну, разскажите: что̀ и какъ?

Добчинскій. Да, слава Богу, все благополучно. Сначала онъ принялъ было Антона Антоновича немного сурово, да-съ[3]; сердился и говорилъ, что и въ гостинницѣ все не хорошо, и къ нему не поѣдетъ, и что онъ не хочетъ сидѣть за него въ тюрьмѣ; но потомъ, какъ узналъ невинность Антона Антоновича и какъ покороче разговорился съ нимъ, тотчасъ пере-

мѣнилъ мысли и, слава Богу, все пошло хорошо. Они теперь поѣхали осматривать богоугодныя заведенія... А то, признаюсь, уже Антонъ Антоновичъ думали, не было ли тайнаго доноса; я самъ тоже перетрухнулъ немножко.

Анна Андреевна. Да вамъ-то чего бояться? вѣдь вы не служите.

Добчинскій. Да такъ, знаете, когда вельможа говоритъ, чувствуешь страхъ.

Анна Андреевна. Ну, что жъ... это все, однакожъ, вздоръ. Разскажите: каковъ онъ собою? что̀, старъ, или молодъ?

Добчинскій. Молодой, молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати трехъ; а говоритъ совсѣмъ такъ, какъ старикъ. „Извольте", говоритъ, „я поѣду и туда, и туда..." *(размахиваетъ руками)* такъ это все славно. „Я", говоритъ, „и написать, и почитать люблю; но мѣшаетъ, что въ комнатѣ", говоритъ, „немножко темно".

Анна Андреевна. А собой каковъ онъ: брюнетъ или блондинъ?

Добчинскій. Нѣтъ, больше шантретъ, и глаза такіе быстрые, какъ звѣрки, такъ въ смущенье даже приводятъ.

Анна Андреевна. Что̀ тутъ пишетъ онъ мнѣ въ запискѣ? *(Читаетъ).* „Спѣшу тебя увѣдомить, душенька, что состояніе мое было весьма печальное; но, уповая на милосердіе Божіе, за два соленые огурца особенно и полпорціи икры рубль двадцать пять копѣекъ..." *(останавливается).* Я ничего не понимаю: къ чему же тутъ соленые огурцы и икра?

Добчинскій. А, это Антонъ Антоновичъ писали на черновой бумагѣ, по скорости: тамъ какой-то счетъ былъ написанъ.

Анна Андреевна. А, да, точно. *(Продолжаетъ читать).* „Но, уповая на милосердіе Божіе, кажется, все будетъ къ хорошему концу. Приготовь поскорѣе комнату для важнаго гостя, ту, что̀ выклеена желтыми бумажками; къ обѣду прибавлять не трудись, потому что закусимъ въ богоугодномъ заведеніи, у Артемія Филипповича, а вина вели побольше; скажи купцу Абдулину, чтобы прислалъ самаго лучшаго; а не то, я перерою весь его погребъ. Цѣлуя, душенька, твою ручку, остаюсь твой: Антонъ Сквозникъ-Дмухановскій..." Ахъ, Боже мой! Это, однакожъ, нужно поскорѣй! Эй, кто тамъ? Мишка!

Добчинскій *(бѣжитъ и кричитъ въ дверь)*. Мишка! Мишка! Мишка! *(Мишка входитъ)*.

Анна Андреевна. Послушай: бѣги къ купцу Абдулину[1]... постой, я дамъ тебѣ записочку *(садится къ столу, пишетъ записку и между тѣмъ говоритъ:)* эту записку ты отдай кучеру Сидору, чтобъ онъ побѣжалъ съ нею[2] къ купцу Абдулину и принесъ оттуда вина. А самъ поди, сейчасъ прибери хорошенько эту комнату для гостя. Тамъ поставить кровать, рукомойникъ и прочее.

Добчинскій. Ну, Анна Андреевна, я побѣгу теперь поскорѣе посмотрѣть, какъ тамъ онъ обозрѣваетъ.

Анна Андреевна. Ступайте, ступайте! я не держу васъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Анна Андреевна. Ну, Машенька, намъ нужно теперь заняться туалетомъ[3]. Онъ столичная штучка: Боже сохрани, чтобы чего-нибудь не осмѣялъ. Тебѣ приличнѣе всего надѣть твое голубое платье съ мелкими оборками.

Марья Антоновна. Фи, маменька, голубое! Мнѣ совсѣмъ не нравится: и Ляпкина-Тяпкина ходитъ въ голубомъ, и дочь Земляники тоже въ голубомъ. Нѣтъ, лучше я надѣну цвѣтное.

Анна Андреевна. Цвѣтное!... Право, говоришь — лишь бы только наперекоръ. Оно тебѣ будетъ гораздо лучше, потому что я хочу надѣть палевое; я очень люблю палевое.

Марья Антоновна. Ахъ, маменька, вамъ нейдетъ палевое!

Анна Андреевна. Мнѣ палевое нейдетъ?

Марья Антоновна. Нейдетъ; я, что̀ угодно, даю, нейдетъ: для этого нужно, чтобы глаза были совсѣмъ темные.

Анна Андреевна. Вотъ хорошо! а у меня глаза развѣ не темные? самые темные. Какой вздоръ говоритъ![4] Какъ же не темные, когда я и гадаю про себя всегда на трефовую даму?

Марья Антоновна. Ахъ, маменька! вы больше червонная дама.

Анна Андреевна. Пустяки, совершенные пустяки! Я никогда не была червонная дама. *(Поспѣшно уходитъ вмѣстѣ съ*

Марьей Антоновной и говоритъ за сценою). Этакое вдругъ вообразится! червонная дама! Богъ знаетъ, что̀ такое! *(По уходѣ ихъ отворяются двери, и Мишка выбрасываетъ изъ нихъ соръ. Изъ другихъ дверей выходитъ Осипъ съ чемоданомъ на головѣ).*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Мишка и Осипъ.

Осипъ. Куда тутъ?

Мишка. Сюда, дядюшка, сюда!

Осипъ. Постой, прежде дай отдохнуть. Ахъ ты горемычное житье! На пустое брюхо всякая ноша кажется тяжела.

Мишка. Что, дядюшка, скажите: скоро будетъ генералъ?

Осипъ. Какой генералъ?

Мишка. Да баринъ вашъ.

Осипъ. Баринъ? да какой онъ генералъ?

Мишка. А развѣ не генералъ?

Осипъ. Генералъ, да только съ другой стороны.

Мишка. Что жъ это, больше[1], или меньше настоящаго генерала?

Осипъ. Больше.

Мишка. Вишь ты какъ! то-то у насъ сумятицу подняли.

Осипъ. Послушай, малый: ты, я вижу, проворный парень; приготовь-ка тамъ[2] что-нибудь поѣсть!

Мишка. Да для васъ, дядюшка, еще ничего не готово. Простаго[3] блюда вы не будете кушать, а вотъ, какъ баринъ вашъ сядетъ за столъ, такъ и вамъ того же кушанья отпустятъ.

Осипъ. Ну, а простаго-то[4] что̀ у васъ есть?

Мишка. Щи, каша, да пироги.

Осипъ. Давай ихъ, щи, кашу и пироги! Ничего, все будемъ ѣсть. Ну, понесемъ чемоданъ! Что̀, тамъ другой выходъ есть?

Мишка. Есть. *(Оба несутъ чемоданъ въ боковую комнату).*

ЯВЛЕНІЕ V.

Квартальные отворяютъ обѣ половинки дверей. Входитъ **Хлестаковъ**; *за нимъ* **городничій**, *далѣе* **попечитель богоугодныхъ заведеній, смотритель училищъ, Добчинскій и Бобчинскій**, *съ пластыремъ на носу.* **Городничій** *указываетъ квартальнымъ на полу бумажку — они бѣгутъ и поднимаютъ ее*[1], *толкая другъ друга впопыхахъ.*

Хлестаковъ. Хорошія заведенія. Мнѣ нравится, что у васъ показываютъ проѣзжающимъ все въ городѣ. Въ другихъ городахъ мнѣ ничего не показывали.

Городничій. Въ другихъ городахъ, осмѣлюсь доложить вамъ, градоправители и чиновники больше заботятся о своей, то есть, пользѣ[2]; а здѣсь, можно сказать, нѣтъ другаго помышленія, кромѣ того, чтобы благочиніемъ и бдительностію заслужить вниманіе начальства.

Хлестаковъ. Завтракъ былъ очень хорошъ; я совсѣмъ объѣлся. Что, у васъ каждый день бываетъ такой?

Городничій. Нарочно для такого пріятнаго гостя.

Хлестаковъ. Я люблю поѣсть. Вѣдь на то живешь, чтобы срывать цвѣты удовольствія. Какъ называлась эта рыба?

Артемій Филипповичъ *(подбѣгая).* Лабарданъ-съ.

Хлестаковъ. Очень вкусная. Гдѣ это мы завтракали? въ больницѣ, что ли?

Артемій Филипповичъ. Такъ точно-съ, въ богоугодномъ заведеніи.

Хлестаковъ. Помню, помню, тамъ стояли кровати. А больные выздоровѣли? тамъ ихъ, кажется, не много[3].

Артемій Филипповичъ. Человѣкъ десять осталось, не больше; а прочіе всѣ выздоровѣли. Это ужъ такъ устроено, такой порядокъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я принялъ начальство, — можетъ быть, вамъ покажется даже невѣроятнымъ, — всѣ, какъ мухи, выздоравливаютъ. Больной не успѣетъ войти въ лазаретъ, какъ уже здоровъ; и не столько медикаментами, сколько честностью и порядкомъ.

Городничій. Ужъ на что̀, осмѣлюсь доложить вамъ, головоломна обязанность градоначальника! Столько лежитъ всякихъ дѣлъ, относительно одной чистоты, починки, поправки... словомъ, наиумнѣйшій человѣкъ пришелъ бы въ затрудненіе, но, благодареніе Богу, все идетъ благополучно. Иной городничій, конечно, радѣлъ бы о своихъ выгодахъ; но вѣрите ли, что,

даже когда ложишься спать, все думаешь: „Господи Боже ты мой, какъ бы такъ устроить, чтобы начальство увидѣло мою ревность и было довольно?...“ Наградитъ ли оно, или нѣтъ, конечно, въ его волѣ, по крайней мѣрѣ я буду спокоенъ въ сердцѣ. Когда въ городѣ во всемъ порядокъ, улицы выметены, арестанты хорошо содержатся, пьяницъ мало.... то чего жъ мнѣ больше? Ей, ей, и почестей никакихъ не хочу. Оно, конечно, заманчиво, но предъ добродѣтелью все прахъ и суета.

Артемій Филипповичъ *(въ сторону)*. Эка, бездѣльникъ, какъ расписываетъ! Далъ же Богъ такой даръ!

Хлестаковъ. Это правда. Я, признаюсь, самъ[1] люблю иногда заумствоваться: иной разъ прозой, а въ другой и стишки выкинутся[2].

Бобчинскій *(Добчинскому)*. Справедливо, все справедливо, Петръ Ивановичъ! Замѣчанія такія... видно, что наукамъ учился.

Хлестаковъ. Скажите пожалуйста, нѣтъ ли у васъ какихъ-нибудь развлеченій, обществъ, гдѣ бы можно было, напримѣръ, поиграть въ карты?

Городничій *(въ сторону)*. Эге, знаемъ, голубчикъ, въ чей огородъ камешки бросаютъ! *(Вслухъ)*. Боже сохрани! здѣсь и слуху нѣтъ о такихъ обществахъ. Я картъ и въ руки никогда не бралъ; даже не знаю, какъ играть въ эти карты[3]. Смотрѣть никогда[4] не могъ на нихъ равнодушно, и если случится увидѣть этакъ какого-нибудь бубноваго короля или что-нибудь другое, то такое омерзеніе нападетъ, что, просто, плюнешь. Разъ какъ-то случилось, забавляя дѣтей, выстроилъ будку изъ картъ, да послѣ того всю ночь снились проклятыя. Богъ съ ними! Какъ можно, чтобы такое драгоцѣнное время убивать на нихъ?

Лука Лукичъ *(въ сторону)*. А у меня, подлецъ, выпонтировалъ вчера сто рублей.

Городничій. Лучше жъ я употреблю это время на пользу государственную.

Хлестаковъ. Ну, нѣтъ, вы напрасно однакоже... Все зависитъ отъ той стороны, съ которой кто смотритъ на вещь. Если, напримѣръ, забастуешь[5] тогда, какъ нужно гнуть отъ трехъ угловъ... ну, тогда конечно.... Нѣтъ, не говорите; иногда очень заманчиво поиграть[6].

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же, **Анна Андреевна** и **Марья Антоновна**.

Городничій. Осмѣлюсь представить семейство мое: жена и дочь.

Хлестаковъ *(раскланиваясь)*. Какъ я счастливъ, сударыня, что имѣю въ своемъ родѣ удовольствіе васъ видѣть.

Анна Андреевна. Намъ еще болѣе пріятно видѣть такую особу.

Хлестаковъ *(рисуясь)*. Помилуйте, сударыня, совершенно напротивъ: мнѣ еще пріятнѣе.

Анна Андреевна. Какъ можно-съ! вы это такъ изволите говорить для комплимента[1]. Прошу покорно садиться.

Хлестаковъ. Возлѣ васъ стоять уже есть счастіе; впрочемъ, если вы такъ уже непремѣнно хотите, я сяду. Какъ я счастливъ, что, наконецъ, сижу возлѣ васъ.

Анна Андреевна. Помилуйте, я никакъ не смѣю принять[2] на свой счетъ... Я думаю, вамъ послѣ столицы вояжировка показалась очень непріятною.

Хлестаковъ. Чрезвычайно непріятна. Привыкши жить, comprenez vous, въ свѣтѣ и вдругъ очутиться въ дорогѣ: грязные трактиры, мракъ невѣжества[3]... Если бъ, признаюсь, не такой случай, который меня... *(посматриваетъ на Анну Андреевну и рисуется передъ ней)* такъ вознаградилъ за все...

Анна Андреевна. Въ самомъ дѣлѣ, какъ вамъ должно быть непріятно.

Хлестаковъ. Впрочемъ, сударыня, въ эту минуту мнѣ очень пріятно.

Анна Андреевна. Какъ можно-съ![4] Вы дѣлаете много чести. Я этого не заслуживаю.

Хлестаковъ. Отчего же не заслуживаете? Вы, сударыня, заслуживаете.

Анна Андреевна. Я живу въ деревнѣ....

Хлестаковъ. Да, деревня, впрочемъ, тоже имѣетъ свои пригорки, ручейки.... Ну, конечно, кто же сравнитъ съ Петербургомъ! Эхъ, Петербургъ! что̀ за жизнь, право! Вы, можетъ быть, думаете, что я только переписываю; нѣтъ, начальникъ

отдѣленія со мной на дружеской ногѣ. Этакъ ударитъ по плечу: „Приходи, братецъ, обѣдать!“ Я только[1] на двѣ минуты захожу въ департаментъ, съ тѣмъ только, чтобы сказать: это вотъ такъ, это вотъ такъ. А тамъ ужъ чиновникъ для письма, этакая крыса, перомъ только — тр, тр... пошелъ писать. Хотѣли было даже меня коллежскимъ ассессоромъ сдѣлать, да думаю, зачѣмъ. И сторожъ летитъ еще на лѣстницѣ за мною со[2] щеткою: „Позвольте, Иванъ Александровичъ, я вамъ“, говоритъ, „сапоги почищу“. *(Городничему).* Что вы, господа, стоите? Пожалуйста садитесь!

Вмѣстѣ.
Городничій. Чинъ такой, что еще можно постоять.
Артемій Филипповичъ. Мы постоимъ.
Лука Лукичъ. Не извольте безпокоиться!

Хлестаковъ. Безъ чиновъ, прошу садиться. *(Городничій и всѣ садятся).* Я не люблю церемоніи[3]. Напротивъ, я даже стараюсь, стараюсь проскользнуть незамѣтно. Но никакъ нельзя скрыться, никакъ нельзя! Только выйду куда-нибудь, ужъ и говорятъ: „Вонъ“, говорятъ, „Иванъ Александровичъ идетъ!“ А одинъ разъ меня приняли даже за главнокомандующаго: солдаты выскочили изъ гауптвахты и сдѣлали ружьемъ. Послѣ уже офицеръ, который мнѣ очень знакомъ, говоритъ мнѣ: „Ну, братецъ, мы тебя совершенно приняли за главнокомандующаго“.

Анна Андреевна. Скажите, какъ!

Хлестаковъ. Съ хорошенькими актрисами знакомъ. Я вѣдь тоже разные водевильчики... Литераторовъ часто вижу. Съ Пушкинымъ на дружеской ногѣ. Бывало, часто говорю ему: „Ну, что̀, братъ Пушкинъ?“ — „Да такъ, братъ“, отвѣчаетъ бывало: „такъ какъ-то все...“ Большой оригиналъ.

Анна Андреевна. Такъ вы и пишете? Какъ это должно быть пріятно сочинителю! Вы, вѣрно, и въ журналы помѣщаете?

Хлестаковъ. Да, и въ журналы помѣщаю. Моихъ, впрочемъ, много есть сочиненій: Женитьба Фигаро, Робертъ Дьяволъ, Норма. Ужъ и названій даже не помню. И все случаемъ: я не хотѣлъ писать, но театральная дирекція говоритъ: „Пожалуйста, братецъ, напиши что-нибудь“. Думаю себѣ: „Пожалуй, изволь, братецъ“. И тутъ же въ одинъ вечеръ, кажется, все написалъ, всѣхъ изумилъ[4]. У меня легкость необыкновенная въ мысляхъ. Все это, что̀ было подъ именемъ барона

Брамбеуса, Фрегатъ Надежды и Московскій Телеграфъ... все это я написалъ.

Анна Андреевна. Скажите, такъ это вы были Брамбеусъ?

Хлестаковъ. Какъ же, я имъ всѣмъ поправляю статьи[1]. Мнѣ Смирдинъ даетъ за это сорокъ тысячъ.

Анна Андреевна. Такъ, вѣрно, и Юрій Милославскій ваше сочиненіе?

Хлестаковъ. Да, это мое сочиненіе.

Анна Андреевна. Я сейчасъ догадалась.

Марья Антоновна. Ахъ, маменька[2], тамъ написано, что это г. Загоскина сочиненіе[3].

Анна Андреевна. Ну, вотъ: я и знала, что даже здѣсь[4] будешь спорить.

Хлестаковъ. Ахъ, да, это правда: это, точно, Загоскина; а есть другой Юрій Милославскій, такъ тотъ ужъ мой.

Анна Андреевна. Ну, это, вѣрно, я вашъ читала. Какъ хорошо написано!

Хлестаковъ. Я, признаюсь, литературой существую[5]. У меня домъ первый въ Петербургѣ. Такъ ужъ и извѣстенъ: домъ Ивана Александровича. *(Обращаясь ко всѣмъ)*. Сдѣлайте милость, господа, если будете въ Петербургѣ, прошу, прошу ко мнѣ. Я вѣдь тоже балы даю.

Анна Андреевна. Я думаю, съ какимъ тамъ вкусомъ и великолѣпіемъ даются балы?

Хлестаковъ. Просто, не говорите. На столѣ, напримѣръ, арбузъ — въ семьсотъ рублей арбузъ. Супъ въ кострюлькѣ прямо на пароходѣ пріѣхалъ изъ Парижа; откроютъ крышку — паръ, которому подобнаго нельзя отыскать въ природѣ. Я всякій день на балахъ. Тамъ у насъ и вистъ свой составился: министръ иностранныхъ дѣлъ, французскій посланникъ, англійскій[6], нѣмецкій посланникъ и я. И ужъ такъ уморишься, играя, что, просто, ни на что не похоже. Какъ взбѣжишь по лѣстницѣ къ себѣ на четвертый этажъ — скажешь только кухаркѣ: „На, Маврушка, шинель"... Что жъ я вру — я и позабылъ, что живу[7] въ бельэтажѣ. У меня одна лѣстница стоитъ... А любопытно взглянуть ко мнѣ въ переднюю, когда я еще не проснулся: графы и князья толкутся и жужжатъ тамъ, какъ шмели, только и слышно ж... ж... ж... Иной разъ и министръ... *(Городничій и прочіе съ робостью встаютъ*

съ своихъ стульевъ). Мнѣ даже на пакетахъ пишутъ: ваше превосходительство. Одинъ разъ я даже управлялъ[1] департаментомъ. И странно: директоръ уѣхалъ — куда уѣхалъ[2], неизвѣстно. Ну, натурально, пошли толки: какъ, что̀, кому занять мѣсто? Многіе изъ генераловъ находились охотники и брались, но подойдутъ, бывало — нѣтъ, мудрено. Кажется и легко на видъ, а разсмотришь[3] — просто, чортъ возьми! Послѣ видятъ[4], нечего дѣлать — ко мнѣ. И въ ту же минуту по улицамъ курьеры, курьеры, курьеры[5]... можете представить себѣ, тридцать пять тысячъ однихъ курьеровъ! Каково положеніе, я спрашиваю?[6] „Иванъ Александровичъ, ступайте департаментомъ управлять!" Я, признаюсь, немного смутился, вышелъ въ халатѣ; хотѣлъ отказаться, но думаю, дойдетъ до государя, ну, да и послужной списокъ тоже[7]... „Извольте, господа, я принимаю должность, я принимаю", говорю: „такъ и быть", говорю: „я принимаю, только ужъ у меня: ни, ни, ни! ужъ у меня ухо востро! ужъ я..."[8] И точно: бывало, какъ прохожу[9] черезъ департаментъ — просто землетрясенье, все дрожитъ и[10] трясется, какъ листъ. *(Городничій и прочіе трясутся отъ страха; Хлестаковъ горячится сильнѣе)*[11]. О! я шутить не люблю; я имъ всѣмъ задалъ острастку. Меня самъ государственный совѣтъ боится. Да что въ самомъ дѣлѣ? Я такой! я не посмотрю ни на кого... я говорю всѣмъ: „Я самъ себя знаю, самъ". Я вездѣ, вездѣ. Во дворецъ всякій день ѣзжу. Меня завтра же произведутъ сейчасъ въ фельдмарш...[12] *(поскальзывается[13] и чуть чуть не шлепается на полъ[14], но съ почтеніемъ поддерживается чиновниками).*

Городничій *(подходя и трясясь всѣмъ тѣломъ, силится выговорить)*. А ва ва ва.... ва....

Хлестаковъ *(быстрымъ отрывистымъ голосомъ)*[15]. Что̀ такое?

Городничій. А ва ва ва.... ва....

Хлестаковъ *(такимъ же голосомъ[16])*. Не разберу ничего, все вздоръ.

Городничій. Ва ва ва... шество, превосходительство, не прикажете ли отдохнуть?... вотъ и комната и все, что̀ нужно.

Хлестаковъ. Вздоръ — отдохнуть. Извольте, я готовъ отдохнуть. Завтракъ у васъ, господа, хорошъ... я доволенъ[17], я доволенъ. *(Съ декламаціей)*. Лабарданъ! лабарданъ![18] *(Входитъ въ боковую комнату, за нимъ городничій).*

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же, кромѣ Хлестакова и городничаго.

Бобчинскій *(Добчинскому*[1]*).* Вотъ это, Петръ Ивановичъ, человѣкъ-то! Вонъ оно, что̀ значитъ человѣкъ! Въ жисть не былъ въ присутствіи такой важной персоны, чуть не умеръ со страху. Какъ вы думаете, Петръ Ивановичъ, кто онъ такой въ разсужденіи чина?

Добчинскій. Я думаю, чуть ли не генералъ.

Бобчинскій. А я такъ думаю, что генералъ-то ему и въ подметки не станетъ; а когда генералъ, то ужъ развѣ самъ генералиссимусъ. Слышали: государственный-то совѣтъ какъ прижалъ? Пойдемъ, разскажемъ поскорѣе Аммосу Ѳедоровичу и Коробкину. Прощайте, Анна Андреевна!

Добчинскій. Прощайте, кумушка! *(Оба уходятъ).*

Артемій Филипповичъ *(Лукѣ Лукичу).* Страшно, просто; а отчего, и самъ не знаешь. А мы даже и не въ мундирахъ[2]. Ну, что, какъ проспится[3], да въ Петербургъ махнетъ донесеніе? *(Уходятъ въ задумчивости вмѣстѣ съ смотрителемъ училищъ, произнеся)*[4]*:* Прощайте, сударыня!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Анна Андреевна. Ахъ, какой пріятный!

Марья Антоновна. Ахъ, милашка!

Анна Андреевна. Но только какое тонкое обращеніе! сейчасъ можно увидѣть столичную штучку. Пріемы и все это такое.... Ахъ, какъ хорошо! Я страхъ люблю такихъ молодыхъ людей! Я, просто, безъ памяти. Я, однакожъ, ему очень понравилась[5]: я замѣтила — все на меня поглядывалъ.

Марья Антоновна. Ахъ, маменька, онъ на меня глядѣлъ!

Анна Андреевна. Пожалуйста, съ своимъ вздоромъ подальше! Это здѣсь вовсе неумѣстно.

Марья Антоновна. Нѣтъ, маменька, право!

Анна Андреевна. Ну, вотъ! Боже сохрани, чтобы не поспорить! нельзя да и полно! Гдѣ ему смотрѣть на тебя? И съ какой стати ему смотрѣть на тебя?

Марья Антоновна. Право, маменька, все смотрѣлъ. И какъ началъ говорить о литературѣ, то взглянулъ на меня и потомъ, когда разсказывалъ, какъ игралъ въ вистъ съ посланниками, и тогда посмотрѣлъ на меня.

Анна Андреевна. Ну, можетъ быть, одинъ какой-нибудь разъ, да и то такъ ужъ, лишь бы только. „А", говоритъ себѣ: „дай ужъ посмотрю на нее!"

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и **городничій**.

Городничій *(входитъ на цыпочкахъ)*. Чш... ш...

Анна Андреевна. Что̀?

Городничій. И не радъ, что напоилъ. Ну что̀, если хоть одна половина изъ того, что̀ онъ говорилъ, правда? *(Задумывается)*. Да какъ же и не быть правдѣ? Подгулявши, человѣкъ все несетъ наружу[1]: что̀ на сердцѣ, то и на языкѣ. Конечно, прилгнулъ немного; да вѣдь, не прилгнувши[2], не говорится никакая рѣчь. Съ министрами играетъ и во дворецъ ѣздитъ... Такъ вотъ, право, чѣмъ больше думаешь... чортъ его знаетъ, не знаешь, что̀ и дѣлается въ головѣ; просто, какъ будто или стоишь на какой-нибудь колокольнѣ, или тебя хотятъ повѣсить.

Анна Андреевна. А я никакой совершенно не ощутила робости; я просто видѣла въ немъ образованнаго свѣтскаго, высшаго тона человѣка, а о чинахъ его мнѣ и нужды нѣтъ.

Городничій. Ну, ужъ вы — женщины! Все кончено, одного этого слова достаточно! Вамъ все — финтирлюшки![3] Вдругъ брякнутъ ни изъ того, ни изъ другаго словцо. Васъ посѣкутъ, да и только, а мужа и поминай, какъ звали. Ты, душа моя, обращалась съ нимъ такъ свободно, какъ будто съ какимъ-нибудь Добчинскимъ.

Анна Андреевна. Объ этомъ я ужъ совѣтую вамъ не безпокоиться. Мы кой-что знаемъ такое... *(посматриваетъ на дочь)*.

Городничій *(одинъ)*. Ну, ужъ съ вами говорить!... Эка въ самомъ дѣлѣ оказія! До сихъ поръ не могу очнуться отъ страха. *(Отворяетъ дверь и говоритъ въ дверь)*. Мишка! позови квартальныхъ, Свистунова и Держиморду: они тутъ недалеко гдѣ-нибудь за воротами. *(Послѣ небольшаго молчанія)*. Чудно все завелось теперь на свѣтѣ: хоть бы[1] народъ-то ужъ былъ видный, а то худенькій, тоненькій — какъ его узнаешь, кто онъ? Еще военный все-таки кажетъ изъ себя, а какъ надѣнетъ фрачишку[2] — ну, точно муха съ подрѣзанными крыльями. А вѣдь долго крѣпился давеча въ трактирѣ, заламливалъ такія аллегоріи и екивоки, что, кажись, вѣкъ бы не добился толку. А вотъ, наконецъ, и подался. Да еще наговорилъ больше, чѣмъ нужно. Видно, что человѣкъ молодой.

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же и **Осипъ**. *Всѣ бѣгутъ къ нему навстрѣчу, кивая[3] пальцами.*

Анна Андреевна. Подойди сюда, любезный!

Городничій. Чш!...[4] что̀? что̀? спитъ?

Осипъ. Нѣтъ еще, немножко потягивается.

Анна Андреевна. Послушай, какъ тебя зовутъ?

Осипъ. Осипъ, сударыня.

Городничій *(женѣ и дочери)*. Полно, полно вамъ! *(Осипу)*. Ну, что̀, другъ, тебя накормили хорошо?

Осипъ. Накормили, покорнѣйше благодарю; хорошо накормили.

Анна Андреевна. Ну, что̀, скажи: къ твоему барину слишкомъ, я думаю, много ѣздитъ графовъ и князей?

Осипъ *(въ сторону)*. А что̀ говорить? Коли теперь накормили хорошо, значитъ, послѣ еще лучше накормятъ. *(Вслухъ)*. Да, бываютъ и графы.

Марья Антоновна. Душенька Осипъ, какой твой баринъ хорошенькій!

Анна Андреевна. А что̀, скажи пожалуйста, Осипъ, какъ онъ...

Городничій. Да перестаньте пожалуйста! Вы эгакими пустыми рѣчами только мнѣ мѣшаете. Ну что̀, другъ?...

Анна Андреевна. А чинъ какой на твоемъ баринѣ?

16*

Осипъ. Чинъ обыкновенно какой.

Городничій. Ахъ, Боже мой, вы все съ своими глупыми разспросами! не дадите ни слова поговорить о дѣлѣ. Ну, что̀, другъ, какъ твой баринъ?... строгъ? любитъ этакъ распекать или нѣтъ?

Осипъ. Да, порядокъ любитъ. Ужъ ему чтобы все было въ исправности.

Городничій. А мнѣ очень нравится твое лицо. Другъ, ты долженъ быть хорошій человѣкъ. Ну, что̀...

Анна Андреевна. Послушай, Осипъ, а какъ баринъ твой тамъ, въ мундирѣ ходитъ?..

Городничій. Полно вамъ, право, трещотки какія! Здѣсь нужная вещь: дѣло идетъ о жизни человѣка... *(Къ Осипу)*. Ну, что̀, другъ, право, мнѣ ты очень нравишься. Въ дорогѣ не мѣшаетъ, знаешь, чайку выпить лишній стаканчикъ,—оно теперь холодновато,—такъ вотъ тебѣ пара цѣлковиковъ[1] на чай.

Осипъ *(принимая деньги)*. А покорнѣйше благодарю, сударь! Дай Богъ вамъ всякаго здоровья! бѣдный человѣкъ, помогли ему.

Городничій. Хорошо, хорошо, я и самъ радъ. А что̀, другъ...

Анна Андреевна. Послушай, Осипъ, а какіе глаза больше всего нравятся твоему барину?...

Марья Антоновна. Осипъ, душенька! какой миленькій носикъ у твоего барина!

Городничій. Да постойте, дайте мнѣ!... *(Къ Осипу)*. А что̀, другъ, скажи пожалуйста: на что̀ больше баринъ твой обращаетъ вниманіе, то есть, что̀ ему въ дорогѣ больше нравится?

Осипъ. Любитъ онъ, по разсмотрѣнію, что̀ какъ придется. Больше всего любитъ, чтобы его приняли хорошо, угощеніе чтобъ было хорошее.

Городничій. Хорошее?

Осипъ. Да, хорошее. — Вотъ ужъ на что я, крѣпостной человѣкъ, но и то смотритъ, чтобы и мнѣ было хорошо. Ей Богу! Бывало, заѣдемъ куда-нибудь: „Что̀, Осипъ, хорошо тебя угостили?“ — „Плохо, ваше высокоблагородіе!“ — „Э“, говоритъ, „это, Осипъ, нехорошій хозяинъ. Ты“, говоритъ, „напомни мнѣ, какъ пріѣду“. — „А“, думаю себѣ, *(махнувъ рукою)* „Богъ съ нимъ! я человѣкъ простой“.

Городничій. Хорошо, хорошо, и дѣло ты говоришь. Тамъ я тебѣ далъ на чай, такъ вотъ еще сверхъ того на баранки.

Осипъ. За что̀ жалуете, ваше высокоблагородіе? *(Прячетъ деньги).* Развѣ ужъ выпью за ваше здоровье.

Анна Андреевна. Приходи, Осипъ, ко мнѣ, тоже[1] получишь.

Марья Антоновна. Осипъ, душенька, поцѣлуй своего барина! *(Слышенъ изъ другой комнаты небольшой кашель Хлестакова).*

Городничій. Чш! *(поднимается на цыпочки; вся сцена вполголоса).* Боже васъ сохрани шумѣть! Идите себѣ! полно ужъ вамъ...

Анна Андреевна. Пойдемъ, Машенька! я тебѣ скажу, что̀ я замѣтила у гостя такое, что̀ намъ вдвоемъ только можно сказать.

Городничій. О, ужъ тамъ наговорятъ! Я думаю, поди только, да послушай[2]—и уши потомъ заткнешь. *(Обращаясь къ Осипу)* Ну, другъ...

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же, **Держиморда** и **Свистуновъ.**

Городничій. Чш! экіе косолапые медвѣди стучатъ сапогами! Такъ и валится, какъ будто сорокъ пудъ сбрасываетъ кто-нибудь съ телѣги! Гдѣ васъ чортъ таскаетъ?

Держиморда. Былъ по приказанію...

Городничій. Чш! *(закрываетъ ему ротъ).* Экъ какъ каркнула ворона! *(Дразнитъ его).* Былъ по приказанію! Какъ изъ бочки, такъ рычитъ! *(Къ Осипу).* Ну, другъ, ты ступай, приготовляй тамъ, что̀ нужно для барина. Все, что̀ ни есть въ домѣ, требуй. *(Осипъ уходитъ).* А вы — стоять на крыльцѣ и ни съ мѣста! И никого не впускать въ домъ сторонняго, особенно купцовъ! Если хоть одного изъ нихъ впустите, то... Только увидите, что идетъ кто-нибудь съ просьбою, а хоть и не съ просьбою, да похожъ на такого человѣка, что хочетъ подать на меня просьбу, въ-зашей такъ прямо и толкайте! такъ его! хорошенько! *(Показываетъ ногою).* Слышите? Чш... чш... *(Уходитъ на цыпочкахъ вслѣдъ за квартальными).*

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Та же комната въ домѣ городничаго.

ЯВЛЕНІЕ I.

Входятъ осторожно, почти на цыпочкахъ: **Аммосъ Ѳедоровичъ, Артемій Филипповичъ, почтмейстеръ, Лука Лукичъ, Добчинскій и Бобчинскій**, въ полномъ парадѣ и мундирахъ. Вся сцена происходитъ вполголоса.

Аммосъ Ѳедоровичъ *(строитъ всѣхъ полукружіемъ)*. Ради Бога, господа, скорѣе въ кружокъ, да побольше порядку! Богъ съ нимъ: и во дворецъ ѣздитъ, и государственный совѣтъ распекаетъ! Стройтесь[1] на военную ногу, непремѣнно на военную ногу! Вы, Петръ Ивановичъ, забѣгите съ этой стороны, а вы, Петръ Ивановичъ, станьте вотъ тутъ. *(Оба Петра Ивановича забѣгаютъ на цыпочкахъ)*.

Артемій Филипповичъ. Воля ваша, Аммосъ Ѳедоровичъ, намъ нужно бы кое-что предпринять[2].

Аммосъ Ѳедоровичъ. А что именно?[3]

Артемій Филипповичъ. Ну, извѣстно, что̀.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Подсунуть?

Артемій Филипповичъ. Ну да, хоть и подсунуть.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Опасно, чортъ возьми![4] раскричится: государственный человѣкъ. А развѣ[5] въ видѣ приношенья со стороны дворянства на какой-нибудь памятникъ?[6]

Почтмейстеръ. Или же: „вотъ, молъ, пришли по почтѣ деньги, неизвѣстно кому принадлежащія“.

Артемій Филипповичъ. Смотрите, чтобъ онъ васъ по почтѣ не отправилъ куды-нибудь подальше. Слушайте: эти дѣла[7] не такъ дѣлаются въ благоустроенномъ государствѣ. Зачѣмъ насъ здѣсь цѣлый эскадронъ? Представиться нужно пооди-

ночкѣ, да между четырехъ глазъ и того... какъ тамъ слѣдуетъ — чтобы[1] и уши не слыхали! Вотъ какъ въ обществѣ благоустроенномъ дѣлается! Ну, вотъ вы, Аммосъ Өедоровичъ, первый и начните[2].

Аммосъ Өедоровичъ. Такъ лучше жъ вы: въ вашемъ заведеніи высокій посѣтитель вкусилъ хлѣба.

Артемій Филипповичъ. Такъ ужъ лучше Лукѣ Лукичу, какъ просвѣтителю юношества.

Лука Лукичъ. Не могу, не могу, господа! Я, признаюсь, такъ воспитанъ, что, заговори со мною однимъ чиномъ кто-нибудь повыше, у меня, просто, и души нѣтъ, и языкъ, какъ въ грязь, завязнулъ. Нѣтъ, господа, увольте, право увольте!

Артемій Филипповичъ. Да, Аммосъ Өедоровичъ, кромѣ васъ, некому. У васъ что̀ ни слово, то Цицеронъ съ языка слетѣлъ.

Аммосъ Өедоровичъ. Что вы! что вы: Цицеронъ! Смотрите, что̀ выдумали! Что иной разъ увлечешься, говоря о домашней сворѣ или гончей ищейкѣ....

Всѣ *(пристаютъ къ нему).* Нѣтъ, вы не только о собакахъ, вы и о столпотвореніи... Нѣтъ, Аммосъ Өедоровичъ, не оставляйте насъ, будьте отцомъ нашимъ!... Нѣтъ, Аммосъ Өедоровичъ!

Аммосъ Өедоровичъ. Отвяжитесь, господа! *(Въ это время слышны шаги и откашливаніе въ комнатѣ Хлестакова. Всѣ спѣшатъ наперерывъ къ дверямъ, толпятся и стараются выйти, что̀ происходитъ не безъ того, чтобы не притиснули[3] кое-кого. Раздаются вполголоса восклицанія):*

Голосъ Бобчинскаго. Ой! Петръ Ивановичъ, Петръ Ивановичъ, наступили на ногу!

Голосъ Земляники. Отпустите, господа[4], хоть душу на покаяніе — совсѣмъ прижали!

(Выхватываются нѣсколько восклицаній ай! ай![5] *наконецъ, всѣ выпираются, и комната остается пуста)*[6].

ЯВЛЕНІЕ II.

Хлестаковъ (*одинъ, выходитъ съ заспанными глазами.*)

Я, кажется, всхрапнулъ порядкомъ. Откуда они набрали такихъ тюфяковъ и перинъ? даже вспотѣлъ. Кажется, они вчера мнѣ подсунули чего-то за завтракомъ: въ головѣ до сихъ поръ стучитъ. Здѣсь, какъ я вижу, можно съ пріятностію проводить время. Я люблю радушіе, и мнѣ, признаюсь, больше нравится, если мнѣ угождаютъ отъ чистаго сердца, а не то, чтобы изъ интереса. А дочка городничаго очень не дурна, да и матушка такая, что еще можно бы... Нѣтъ, я не знаю, а мнѣ, право, нравится такая жизнь.

ЯВЛЕНІЕ III.

Хлестаковъ и судья.

Судья (*входя и останавливаясь, про-себя*). Боже, Боже! вынеси благополучно; такъ вотъ колѣнки и ломаетъ. (*Вслухъ, вытянувшись и придерживая рукою шпагу*). Имѣю честь представиться: судья здѣшняго уѣзднаго суда, коллежскій ассессоръ Ляпкинъ-Тяпкинъ.

Хлестаковъ. Прошу садиться. Такъ вы здѣсь судья?

Судья. Съ 816-го былъ избранъ на трехлѣтіе по волѣ дворянства и продолжалъ должность до сего времени.

Хлестаковъ. А выгодно, однакоже, быть судьею?

Судья. За три трехлѣтія представленъ къ Владиміру 4-й степени съ одобренія со стороны начальства. (*Въ сторону*). А деньги въ кулакѣ, да кулакъ-то весь въ огнѣ.

Хлестаковъ. А мнѣ нравится Владиміръ. Вотъ Анна 3-й степени уже не такъ.

Судья (*высовывая понемногу впередъ сжатый кулакъ. Въ сторону*). Господи Боже! не знаю, гдѣ сижу. Точно горячіе угли подъ тобою[1].

Хлестаковъ. Что это у васъ въ рукѣ?

Аммосъ Ѳедоровичъ[2] (*потерявшись и роняя на полъ ассигнаціи*). Ничего-съ.

Хлестаковъ. Какъ ничего? Я вижу, деньги упали.

Аммосъ Өедоровичъ *(дрожа всѣмъ тѣломъ)*. Никакъ нѣтъ-съ! *(Въ сторону)*. О, Боже! вотъ ужъ я и подъ судомъ! и телѣжку подвезли схватить меня!

Хлестаковъ *(подымая)*. Да, это деньги.

Аммосъ Өедоровичъ *(въ сторону)*. Ну, все кончено[1] — пропалъ! пропалъ!

Хлестаковъ. Знаете ли что?[2] дайте ихъ мнѣ взаймы.

Аммосъ Өедоровичъ *(поспѣшно)*. Какъ же-съ, какъ же-съ... съ большимъ удовольствіемъ. *(Въ сторону)*. Ну, смѣлѣе, смѣлѣе! Вывози, Пресвятая Матерь!

Хлестаковъ. Я, знаете, въ дорогѣ издержался: то да сё... Впрочемъ, я вамъ изъ деревни сейчасъ ихъ пришлю.

Аммосъ Өедоровичъ. Помилуйте, какъ можно! и безъ того это такая честь... Конечно, слабыми моими силами, рвеніемъ и усердіемъ къ начальству... постараюсь заслужить... *(Приподымается со стула. Вытянувшись и руки по швамъ)*. Не смѣю болѣе безпокоить своимъ присутствіемъ. Не будетъ никакого приказанья?

Хлестаковъ. Какого приказанья?

Аммосъ Өедоровичъ. Я разумѣю, не дадите ли какого приказанья здѣшнему уѣздному суду?

Хлестаковъ. Зачѣмъ же? Вѣдь мнѣ никакой нѣтъ теперь въ немъ надобности; нѣтъ, ничего. Покорнѣйше благодарю.

Аммосъ Өедоровичъ *(раскланиваясь и уходя, въ сторону)*. Ну, городъ нашъ!

Хлестаковъ *(по уходѣ его)*. Судья — хорошій человѣкъ!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Хлестаковъ и **почтмейстеръ** *(входитъ, вытянувшись, въ мундирѣ, придерживая шпагу)*.

Почтмейстеръ. Имѣю честь представиться: почтмейстеръ, надворный совѣтникъ Шпекинъ.

Хлестаковъ. А, милости просимъ! Я очень люблю пріятное общество. Садитесь. Вѣдь вы здѣсь всегда живете?

Почтмейстеръ. Такъ точно-съ.

Хлестаковъ. А мнѣ нравится здѣшній городокъ. Конечно, не такъ многолюдно — ну, что жъ? Вѣдь это не столица. Не правда ли, вѣдь это не столица?

Почтмейстеръ. Совершенная правда.

Хлестаковъ. Вѣдь это только въ столицѣ бонъ-тонъ, и нѣтъ провинціальныхъ гусей. Какъ ваше мнѣніе, не такъ ли?

Почтмейстеръ. Такъ точно-съ. *(Въ сторону)*. А онъ, однакожъ, ничуть не гордъ: обо всемъ разспрашиваетъ.

Хлестаковъ. А вѣдь, однакожъ, признайтесь, вѣдь и въ маленькомъ городкѣ можно прожить счастливо?

Почтмейстеръ. Такъ точно-съ.

Хлестаковъ. По моему мнѣнію, что̀ нужно? Нужно только, чтобы тебя уважали, любили искренно — не правда ли?

Почтмейстеръ. Совершенно справедливо.

Хлестаковъ. Я, признаюсь, радъ, что вы одного мнѣнія со мною. Меня, конечно, назовутъ страннымъ, но ужъ у меня такой характеръ. *(Глядя въ глаза ему, говоритъ про-себя)*. А попрошу-ка я у этого почтмейстера взаймы. *(Въ слухъ)*. Какой странный со мною случай: въ дорогѣ совершенно издержался. Не можете ли вы мнѣ дать триста рублей взаймы?

Почтмейстеръ. Почему же? почту за величайшее счастіе[1]. Вотъ-съ извольте. Отъ души готовъ служить.

Хлестаковъ. Очень благодаренъ. А я, признаюсь, смерть не люблю отказывать себѣ въ дорогѣ, да и къ чему? Не такъ ли?

Почтмейстеръ. Такъ точно-съ. *(Встаетъ, вытягивается и придерживаетъ шпагу)*. Не смѣю долѣе[2] безпокоить своимъ присутствіемъ... Не будетъ ли какого замѣчанія по части почтоваго управленія?

Хлестаковъ. Нѣтъ, ничего.

(Почтмейстеръ раскланивается и уходитъ).

Хлестаковъ *(раскуривая сигарку)*. Почтмейстеръ, мнѣ кажется, тоже очень хорошій человѣкъ; по крайней мѣрѣ услужливъ. Я люблю[3] такихъ людей.

ЯВЛЕНІЕ V.

Хлестаковъ и Лука Лукичъ, *который почти выталкивается изъ дверей. Сзади его слышенъ голосъ почти вслухъ:* «Чего робѣешь?»

Лука Лукичъ *(вытягиваясь не безъ трепета и придерживая шпагу).* Имѣю честь представиться: смотритель училищъ, титулярный совѣтникъ Хлоповъ.

Хлестаковъ. А, милости просимъ! Садитесь, садитесь! Не хотите ли сигарку? *(Подаетъ ему сигару).*

Лука Лукичъ. *(Про-себя, въ нерѣшимости).* Вотъ тебѣ разъ! Ужъ этого никакъ не предполагалъ. Брать или не брать?

Хлестаковъ. Возьмите, возьмите; это порядочная сигарка. Конечно, не то, что̀ въ Петербургѣ. Тамъ, батюшка, я куривалъ сигарочки[1] по двадцати пяти рублей сотенка — просто, ручки себѣ потомъ поцѣлуешь, какъ выкуришь. Вотъ огонь, закурите. *(Подаетъ ему свѣчу).*

Лука Лукичъ *пробуетъ закурить*[2] *и весь дрожитъ.*

Хлестаковъ. Да не съ того конца!

Лука Лукичъ *(отъ испуга выронилъ сигару, плюнулъ и, махнувъ*[3] *рукою, про-себя).* Чортъ побери все! сгубила проклятая робость!

Хлестаковъ. Вы, какъ я вижу, не охотникъ до сигарокъ. А я, признаюсь, это моя слабость. Вотъ еще насчетъ женскаго пола, никакъ[4] не могу быть равнодушенъ. Какъ вы? Какія вамъ больше нравятся — брюнетки или блондинки?

Лука Лукичъ *находится въ совершенномъ недоумѣніи, что̀ сказать.*

Хлестаковъ. Нѣтъ, скажите откровенно: брюнетки или блондинки?

Лука Лукичъ. Не смѣю знать.

Хлестаковъ. Нѣтъ, нѣтъ, не отговаривайтесь! Мнѣ хочется узнать[5] непремѣнно вашъ вкусъ.

Лука Лукичъ. Осмѣлюсь доложить... *(Въ сторону).* Ну, и самъ не знаю, что̀ говорю[6].

Хлестаковъ. А! а! не хотите сказать. Вѣрно, ужъ какая-нибудь брюнетка сдѣлала вамъ маленькую загвоздочку. Признайтесь, сдѣлала?

Лука Лукичъ *молчитъ.*

Хлестаковъ. А! а! покраснѣли! Видите, видите! Отчего жъ вы не говорите?

Лука Лукичъ. Оробѣлъ, ваше бла... преос...[1] сiят... *(Въ сторону).* Продалъ проклятый языкъ, продалъ!

Хлестаковъ. Оробѣли? А въ моихъ глазахъ, точно, есть что-то такое, что̀ внушаетъ робость. По крайней мѣрѣ я знаю, что ни одна женщина не можетъ ихъ выдержать, не такъ ли?

Лука Лукичъ. Такъ точно-съ.

Хлестаковъ. Вотъ со мной престранный случай: въ дорогѣ совсѣмъ издержался. Не можете ли вы мнѣ дать триста рублей взаймы?

Лука Лукичъ *(хватаясь за карманы[2], про-себя).* Вотъ-те[3] штука, если нѣтъ! Есть, есть! *(Вынимаетъ и подаетъ, дрожа, ассигнацiи).*

Хлестаковъ. Покорнѣйше[4] благодарю.

Лука Лукичъ *(вытягиваясь и придерживая шпагу)*[5]. Не смѣю долѣе безпокоить присутствiемъ.

Хлестаковъ. Прощайте.

Лука Лукичъ *(летитъ вонъ почти бѣгомъ и говоритъ въ сторону).* Ну, слава Богу! авось не заглянетъ въ классы![6]

ЯВЛЕНIЕ VI.

Хлестаковъ и Артемiй Филипповичъ, *вытянувшись и придерживая шпагу.*

Артемiй Филипповичъ. Имѣю честь представиться: попечитель богоугодныхъ заведенiй, надворный совѣтникъ Земляника.

Хлестаковъ. Здравствуйте, прошу покорно садиться.

Артемiй Филипповичъ. Имѣлъ честь сопровождать васъ и принимать лично во ввѣренныхъ моему смотрѣнiю богоугодныхъ заведенiяхъ.

Хлестаковъ. А, да! помню. Вы очень хорошо угостили завтракомъ.

Артемiй Филипповичъ. Радъ стараться на службу отечеству.

Хлестаковъ. Я,— признаюсь, это моя слабость,— люблю хорошую кухню[7]. — Скажите пожалуйста, мнѣ кажется, какъ будто бы вчера вы были немножко ниже ростомъ, не правда ли?

Артемій Филипповичъ. Очень можетъ быть. *(Помолчавъ).* Могу сказать, что не жалѣю ничего и ревностно исполняю службу. *(Придвигается ближе съ своимъ стуломъ и говоритъ вполголоса).* Вотъ здѣшній почтмейстеръ совершенно ничего не дѣлаетъ: всѣ дѣла въ большомъ запущеніи: посылки задерживаются... извольте сами нарочно разыскать. Судья тоже, который только-что былъ предъ моимъ приходомъ, ѣздитъ только за зайцами, въ присутственныхъ мѣстахъ держитъ собакъ, и поведенія, если признаться предъ вами, — конечно, для пользы отечества, я долженъ это сдѣлать, хотя онъ мнѣ родня и пріятель, — поведенія самаго предосудительнаго. Здѣсь есть одинъ помѣщикъ Добчинскій, котораго вы изволили видѣть, и какъ только этотъ Добчинскій куда-нибудь выйдетъ изъ дому, то онъ тамъ ужъ и сидитъ у жены его, я присягнуть готовъ.... И нарочно посмотрите на дѣтей: ни одно изъ нихъ не похоже на Добчинскаго, но всѣ, даже дѣвочка маленькая, какъ вылитый судья.

Хлестаковъ. Скажите пожалуйста! а я никакъ этого не думалъ.

Артемій Филипповичъ. Вотъ и смотритель здѣшняго училища... Я не знаю, какъ могло начальство повѣрить ему такую должность: онъ хуже, чѣмъ якобинецъ, и такія внушаетъ юношеству неблагонамѣренныя правила, что даже выразить трудно. Не прикажете ли, я все это изложу лучше на бумагѣ?

Хлестаковъ. Хорошо, хоть на бумагѣ. Мнѣ очень будетъ пріятно. Я, знаете, этакъ люблю въ скучное время прочесть что-нибудь забавное... Какъ ваша фамилія? я все позабываю[1].

Артемій Филипповичъ. Земляника.

Хлестаковъ. А, да! Земляника. И что жъ, скажите пожалуйста, есть у васъ дѣтки?

Артемій Филипповичъ. Какъ же-съ! пятеро; двое уже взрослыхъ.

Хлестаковъ. Скажите, взрослыхъ! А какъ они... какъ они того?...

Артемій Филипповичъ. То есть, не изволите ли вы спрашивать, какъ ихъ зовутъ?

Хлестаковъ. Да, какъ ихъ зовутъ?[2]

Артемій Филипповичъ. Николай, Иванъ, Елизавета, Марья и Перепетуя.

Хлестаковъ. Это хорошо.

Артемій Филипповичъ. Не смѣя безпокоить своимъ присутствіемъ, отнимать времени, опредѣленнаго на священныя обязанности... *(Раскланивается съ тѣмъ, чтобы уйти)*.

Хлестаковъ *(провожая)*. Нѣтъ, ничего. Это все очень смѣшно, что̀ вы говорили. Пожалуйста и въ другое тоже время... Я это очень люблю[1]. *(Возвращается и, отворивши дверь, кричитъ вслѣдъ ему)*. Эй вы! какъ васъ? я все позабываю, какъ ваше имя и отчество.

Артемій Филипповичъ. Артемій Филипповичъ.

Хлестаковъ. Сдѣлайте милость, Артемій Филипповичъ, со мной странный случай: въ дорогѣ совершенно издержался. Нѣтъ ли у васъ денегъ взаймы — рублей четыреста?[2]

Артемій Филипповичъ. Есть.

Хлестаковъ. Скажите, какъ кстати. Покорнѣйше васъ благодарю.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Хлестаковъ, Бобчинскій и Добчинскій.

Бобчинскій. Имѣю честь представиться: житель здѣшняго города, Петръ, Ивановъ сынъ, Бобчинскій.

Добчинскій. Помѣщикъ Петръ, Ивановъ сынъ, Добчинскій.

Хлестаковъ. А, да я ужъ васъ видѣлъ. Вы, кажется, тогда упали? Что̀, какъ вашъ носъ?

Бобчинскій. Слава Богу! не извольте безпокоиться: присохъ, теперь совсѣмъ присохъ.

Хлестаковъ. Хорошо, что присохъ. Я радъ... *(Вдругъ и отрывисто)*. Денегъ нѣтъ у васъ?

Добчинскій. Денегъ? какъ денегъ?

Хлестаковъ. Взаймы рублей тысячу.

Бобчинскій. Такой суммы, ей Богу, нѣтъ. А нѣтъ ли у васъ, Петръ Ивановичъ?

Добчинскій. При мнѣ-съ не имѣется, потому что деньги мои, если изволите знать, положены въ приказъ общественнаго призрѣнія.

Хлестаковъ. Да, ну, если тысячи нѣтъ, такъ рублей сто.

Бобчинскій *(шаря въ карманахъ)*. У васъ, Петръ Ивановичъ, нѣтъ ста рублей? У меня всего сорокъ ассигнаціями.

Добчинскій *(смотря въ бумажникъ)*. Двадцать пять рублей всего.

Бобчинскій. Да вы поищите-то получше, Петръ Ивановичъ! У васъ тамъ, я знаю, въ карманѣ-то съ правой стороны прорѣха, такъ въ прорѣху-то, вѣрно, какъ-нибудь запали.

Добчинскій. Нѣтъ, право, и въ прорѣхѣ нѣтъ[1].

Хлестаковъ. Ну, все равно. Я вѣдь только такъ. Хорошо, пусть будетъ шестьдесятъ пять рублей... это все равно. *(Принимаетъ деньги)*[2].

Добчинскій. Я осмѣливаюсь попросить васъ относительно одного очень тонкаго обстоятельства.

Хлестаковъ. А что̀ это?

Добчинскій. Дѣло очень тонкаго свойства-съ: старшій-то сынъ мой, изволите видѣть, рожденъ мною еще до брака[3]...

Хлестаковъ. Да?

Добчинскій. То есть, оно такъ только говорится, а онъ рожденъ мною такъ совершенно, какъ бы и въ бракѣ, и все это, какъ слѣдуетъ, я завершилъ потомъ законными-съ узами супружества-съ. Такъ я, изволите видѣть, хочу, чтобъ онъ теперь уже былъ совсѣмъ, то есть, законнымъ моимъ сыномъ-съ и назывался бы такъ, какъ я: Добчинскій-съ.

Хлестаковъ. Хорошо, пусть называется, это можно.

Добчинскій. Я бы и не безпокоилъ васъ, да жаль насчетъ способностей. Мальчишка-то этакой... большія надежды подаетъ[4]: наизусть стихи разные разскажетъ и, если гдѣ попадется[5] ножикъ, сейчасъ сдѣлаетъ маленькія дрожечки такъ искусно, какъ фокусникъ-съ[6]. Вотъ и Петръ Ивановичъ знаетъ.

Бобчинскій. Да, большія способности имѣетъ.

Хлестаковъ. Хорошо, хорошо! Я объ этомъ постараюсь, я буду говорить... я надѣюсь... все это будетъ сдѣлано, да, да[7]... *(Обращаясь къ Бобчинскому)* Не имѣете ли и вы чего-нибудь сказать мнѣ?

Бобчинскій. Какъ же, имѣю очень нижайшую просьбу.

Хлестаковъ. А что̀, о чемъ?

Бобчинскій. Я прошу васъ покорнѣйше, какъ поѣдете въ Петербургъ, скажите всѣмъ тамъ вельможамъ разнымъ: сенаторамъ и адмираламъ, что вотъ, ваше сіятельство, или превосходительство, живетъ въ такомъ-то городѣ Петръ Ива-

новичъ Бобчинскій. Такъ и скажите: живетъ Петръ Ивановичъ Бобчинскій.

Хлестаковъ. Очень хорошо.

Бобчинскій. Да если этакъ и государю придется, то скажите и государю, что вотъ, молъ, ваше императорское величество, въ такомъ-то городѣ живетъ Петръ Ивановичъ Бобчинскій.

Хлестаковъ. Очень хорошо.

Добчинскій. Извините, что такъ утрудили васъ своимъ присутствіемъ.

Бобчинскій. Извините, что такъ утрудили васъ своимъ присутствіемъ.

Хлестаковъ. Ничего, ничего! Мнѣ очень пріятно. *(Выпровожаетъ*[1] *ихъ).*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Хлестаковъ *(одинъ).*

Здѣсь много чиновниковъ. Мнѣ кажется, однакожъ, они меня[2] принимаютъ за государственнаго человѣка[3]. Вѣрно[4], я вчера имъ подпустилъ пыли. Экое дурачье! Напишу-ка я обо всемъ въ Петербургъ къ Тряпичкину: онъ пописываетъ статейки — пусть-ка онъ ихъ общелкаетъ хорошенько. Эй, Осипъ! подай мнѣ бумаги и чернилъ![5] *(Осипъ выглянулъ изъ дверей, произнесши: „сейчасъ").* А ужъ Тряпичкину, точно, если кто[6] попадетъ на зубокъ, — берегись: отца роднаго не пощадитъ для словца, и деньгу тоже любитъ. Впрочемъ, чиновники эти добрые люди; это съ ихъ стороны хорошая черта, что они мнѣ дали взаймы. Пересмотрю нарочно, сколько у меня денегъ. Это отъ судьи триста; это отъ почтмейстера триста, шестьсотъ, семьсотъ, восемьсотъ... Какая замасленная бумажка! Восемьсотъ, девятьсотъ... Ого! за тысячу перевалило... Ну-ка теперь, капитанъ, ну-ка, попадись-ка ты мнѣ теперь! посмотримъ, кто кого!

ЯВЛЕНІЕ IX.

Хлестаковъ и **Осипъ** *(съ чернилами и бумагою).*

Хлестаковъ. Ну, чтò, видишь, дуракъ, какъ меня угощаютъ и принимаютъ? *(Начинаетъ писать).*

Осипъ. Да, слава Богу! Только знаете чтò, Иванъ Александровичъ?

Хлестаковъ. А что?

Осипъ. Уѣзжайте отсюда! Ей Богу, уже пора.

Хлестаковъ *(пишетъ).* Вотъ вздоръ! Зачѣмъ?

Осипъ. Да такъ. Богъ съ ними со всѣми! Погуляли здѣсь два денька, — ну, и довольно. Чтò съ ними долго связываться? Плюньте на нихъ! не ровенъ часъ: какой-нибудь другой наѣдетъ... ей Богу, Иванъ Александровичъ! А лошади тутъ славныя — такъ бы закатили!...

Хлестаковъ *(пишетъ).* Нѣтъ, мнѣ еще хочется пожить здѣсь. Пусть завтра.

Осипъ. Да чтò завтра! Ей Богу, поѣдемъ, Иванъ Александровичъ! Оно хоть и большая честь вамъ, да все, знаете, лучше уѣхать скорѣе: вѣдь васъ, право, за кого-то другаго приняли... И батюшка будетъ гнѣваться, что такъ замѣшкались [1]. Такъ бы, право, закатили славно! А лошадей бы важныхъ здѣсь дали.

Хлестаковъ *(пишетъ).* Ну, хорошо. Отнеси только напередъ это письмо, пожалуй вмѣстѣ и подорожную возьми. Да зато смотри, чтобы лошади хорошія были! Ямщикамъ скажи, что я буду давать по цѣлковому, чтобы такъ, какъ фельдъегеря, катили и пѣсни бы пѣли!... *(Продолжаетъ писать).* Воображаю, Тряпичкинъ умретъ со смѣху [2]...

Осипъ. Я, сударь, отправлю его съ человѣкомъ здѣшнимъ, а самъ лучше буду укладываться, чтобъ не прошло понапрасну время.

Хлестаковъ *(пишетъ)* [3]. Хорошо, принеси только свѣчу.

Осипъ *(выходитъ и говоритъ за сценой).* Эй, послушай, братъ! Отнесешь письмо на почту, и скажи почтмейстеру, чтобъ онъ принялъ безъ денегъ, да скажи, чтобъ сейчасъ привели къ барину самую лучшую тройку, курьерскую; а прогону, скажи, баринъ не плотитъ [4]: прогонъ, молъ, скажи,

казенный. Да чтобъ все живѣе, а не то, молъ, баринъ сердится. Стой, еще письмо не готово.

Хлестаковъ *(продолжаетъ писать)*. Любопытно знать, гдѣ онъ теперь живетъ — въ Почтамтской или Гороховой? Онъ, вѣдь, тоже любитъ часто переѣзжать съ квартиры и не доплачивать. Напишу наудалую въ Почтамтскую. *(Свертываетъ и надписываетъ)*.

Осипъ *приноситъ свѣчу. Хлестаковъ печатаетъ. Въ это время слышенъ голосъ Держиморды:* Куда лѣзешь, борода? Говорятъ тебѣ, никого не велѣно пускать.

Хлестаковъ *(даетъ Осипу письмо)*. На, отнеси.

Голоса купцовъ. Допустите, батюшка! Вы не можете не допустить: мы за дѣломъ пришли.

Голосъ Держиморды. Пошелъ, пошелъ! Не принимаетъ, спитъ. *(Шумъ увеличивается)*.

Хлестаковъ. Что̀ тамъ такое, Осипъ? Посмотри, что̀ за шумъ[1].

Осипъ *(глядя въ окно)*. Купцы какіе-то хотятъ войти, да не допускаетъ квартальный. Машутъ бумагами: вѣрно, васъ хотятъ видѣть.

Хлестаковъ *(подходя къ окну)*. А что̀ вы, любезные?

Голоса купцовъ. Къ твоей милости прибѣгаемъ. Прикажите, государь, просьбу принять.

Хлестаковъ. Впустите ихъ, впустите! пусть идутъ. Осипъ, скажи имъ: пусть идутъ. *(Осипъ уходитъ)*.

Хлестаковъ *принимаетъ изъ окна просьбы, развертываетъ одну изъ нихъ и читаетъ.* „Его высокоблагородному свѣтлости господину финансову отъ купца Абдулина...“ Чортъ знаетъ, что̀: и чина такого нѣтъ!

ЯВЛЕНІЕ X.

Хлестаковъ и купцы *(съ кузовомъ вина и сахарными головами)*.

Хлестаковъ. А что̀ вы, любезные?

Купцы. Челомъ бьемъ вашей милости.

Хлестаковъ. А что̀ вамъ угодно?

Купцы. Не погуби, государь! Обижательство терпимъ совсѣмъ понапрасну.

Хлестаковъ. Отъ кого?

Одинъ изъ купцовъ. Да все отъ городничаго здѣшняго. Такого городничаго никогда еще, государь, не было. Такія обиды чинитъ, что описать нельзя. Постоемъ совсѣмъ заморилъ, хоть въ петлю полѣзай. Не по поступкамъ поступаетъ[1]. Схватитъ за бороду, говоритъ: „Ахъ ты татаринъ!“ Ей Богу! Если бы, то есть, чѣмъ-нибудь не уважили[2] его, а то мы ужъ порядокъ всегда исполняемъ: что̀ слѣдуетъ на платья супружницѣ его и дочкѣ[3] — мы противъ этого не стоимъ. Нѣтъ, вишь ты, ему всего этого мало — ей, ей![4] Придетъ въ лавку и, что̀ ни попадется[5], все беретъ. Сукна увидитъ штуку, говоритъ: „Э, милый, это хорошее суконцо: снеси-ка его ко мнѣ“. Ну, и несешь[6], а въ штукѣ-то будетъ безъ мала аршинъ пятьдесятъ.

Хлестаковъ. Неужели? Ахъ, какой же онъ мошенникъ!

Купцы. Ей Богу! такого никто не запомнитъ городничаго. Такъ все и припрятываешь въ лавкѣ, когда его завидишь. То есть, не то ужъ говоря, чтобъ какую деликатность, всякую дрянь беретъ: черносливъ такой, что лѣтъ уже по семи лежитъ въ бочкѣ, что у меня сидѣлецъ не будетъ ѣсть, а онъ цѣлую горсть туда запуститъ. Именины его бываютъ на Антона, и ужъ, кажись, всего нанесешь, ни въ чемъ не нуждается; нѣтъ, ему еще подавай: говоритъ, и на Онуфрія[7] его именины. Что дѣлать? и на Онуфрія несешь.

Хлестаковъ. Да это, просто, разбойникъ!

Купцы. Ей, ей! А попробуй прекословить, наведетъ къ тебѣ въ домъ цѣлый полкъ на постой. А если что̀, велитъ запереть двери[8]. „Я тебя“, говоритъ, „не буду“, говоритъ, „подвергать тѣлесному наказанію[9], или пыткой пытать — это“, говоритъ, „запрещено закономъ, а вотъ ты у меня, любезный, поѣшь селедки!“

Хлестаковъ. Ахъ, какой мошенникъ! Да за это, просто, въ Сибирь.

Купцы. Да ужъ куда милость твоя ни запровадитъ его, все будетъ хорошо, лишь бы, то есть, отъ насъ подальше. Не побрезгай, отецъ нашъ, хлѣбомъ и солью: кланяемся тебѣ сахарцомъ и кузовкомъ вина.

Хлестаковъ. Нѣтъ, вы этого не думайте; я не беру совсѣмъ никакихъ взятокъ. Вотъ, если бы вы, напримѣръ, пред-

ложили мнѣ взаймы рублей триста, — ну, тогда совсѣмъ другое дѣло: взаймы я могу взять[1].

Купцы. Изволь, отецъ нашъ! *(Вынимаютъ деньги)*. Да что триста! ужъ лучше пятьсотъ возьми, помоги только.

Хлестаковъ. Извольте: взаймы — я ни слова, я возьму.

Купцы *(подносятъ ему на серебряномъ подносѣ деньги)*. Ужъ пожалуйста, и подносикъ вмѣстѣ возьмите.

Хлестаковъ. Ну, и подносикъ можно.

Купцы *(кланяясь)*. Такъ ужъ возьмите за однимъ разомъ и сахарцу.

Хлестаковъ. О, нѣтъ, я взятокъ никакихъ...

Осипъ. Ваше высокоблагородіе! зачѣмъ вы не берете? Возьмите! въ дорогѣ[2] все пригодится. Давай сюда головы и кулекъ! Подавай все! все пойдетъ въ прокъ. Что тамъ? веревочка? Давай и веревочку, — и веревочка въ дорогѣ пригодится: телѣжка обломается или что другое, подвязать можно.

Купцы. Такъ ужъ сдѣлайте такую милость, ваше сіятельство! Если уже вы, то есть, не поможете въ нашей просьбѣ, то ужъ не знаемъ, какъ и быть: просто хоть въ петлю полѣзай.

Хлестаковъ. Непремѣнно, непремѣнно! Я постараюсь. *(Купцы уходятъ). Слышенъ голосъ женщины:* Нѣтъ, ты не смѣешь не допустить меня! Я[3] на тебя нажалуюсь ему самому. Ты не толкайся такъ больно!

Хлестаковъ. Кто тамъ? *(Подходитъ къ окну)*. А что ты, матушка?

Голоса двухъ женщинъ[4]. Милости твоей, отецъ, прошу! Повели, государь выслушать.

Хлестаковъ *(въ окно)*. Пропустить ее.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Хлестаковъ, слесарша и унтеръ-офицерша.

Слесарша *(кланяясь въ ноги)*. Милости прошу...

Унтеръ-офицерша. Милости прошу...

Хлестаковъ. Да что вы за женщины?

Унтеръ-офицерша. Унтеръ-офицерская жена Иванова.

Слесарша. Слесарша, здѣшняя мѣщанка, Февронья Петрова Пошлепкина[1], отецъ мой...

Хлестаковъ. Стой, говори прежде одна. Что̀ тебѣ нужно?

Слесарша. Милости прошу, на городничаго челомъ бью! Пошли ему Богъ всякое зло! Чтобъ ни дѣтямъ его, ни ему, мошеннику, ни дядьямъ, ни теткамъ его ни въ чемъ никакого прибытку не было!

Хлестаковъ. А что̀?

Слесарша. Да мужу-то моему приказалъ забрить лобъ въ солдаты, и очередь-то на насъ не припадала, мошенникъ такой! да и по закону нельзя: онъ женатый.

Хлестаковъ. Какъ же онъ могъ это сдѣлать?

Слесарша. Сдѣлалъ мошенникъ, сдѣлалъ — побей Богъ его и на томъ и на этомъ свѣтѣ! Чтобы ему, если и тетка есть, то и теткѣ всякая пакость, и отецъ если живъ у него, то чтобъ и онъ, каналья, околѣлъ или поперхнулся навѣки, мошенникъ такой! Слѣдовало взять сына портнаго, онъ же и пьянюшка былъ, да родители богатый подарокъ дали, такъ онъ и присыкнулся къ сыну купчихи Пантелеевой, а Пантелеева тоже подослала къ супругѣ полотна три штуки, такъ онъ ко мнѣ. „На что̀“, говоритъ, „тебѣ мужъ? онъ ужъ тебѣ не годится“. Да я то знаю — годится, или не годится; это мое дѣло, мошенникъ такой! „Онъ“, говоритъ, „воръ; хоть онъ теперь и не укралъ, да все равно“, говоритъ, „онъ украдетъ, его и безъ того на слѣдующій годъ возьмутъ въ рекруты“. Да мнѣ-то каково безъ мужа, мошенникъ такой! Я слабый человѣкъ, подлецъ ты такой![2] Чтобъ всей роднѣ твоей не довелось видѣть свѣта Божьяго! А если есть теща, то чтобъ и тещѣ...

Хлестаковъ. Хорошо, хорошо. Ну, а ты? *(Выпроваживаетъ[3] старуху).*

Слесарша *(уходя).* Не позабудь, отецъ нашъ![4] будь милостивъ!

Унтеръ-офицерша. На городничаго, батюшка, пришла...

Хлестаковъ. Ну да что̀, зачѣмъ? говори въ короткихъ словахъ.

Унтеръ-офицерша. Высѣкъ, батюшка!

Хлестаковъ. Какъ?

Унтеръ-офицерша. По ошибкѣ, отецъ мой! Бабы-то наши

задрались на рынкѣ, а полиція не подоспѣла, да и схвати меня, да такъ отрапортовали: два дни[1] сидѣть не могла.

Хлестаковъ. Такъ что жъ теперь дѣлать?

Унтеръ-офицерша. Да дѣлать-то, конечно, нечего. А за ошибку-то повели ему заплатить штрафтъ[2]. Мнѣ отъ своего счастья неча отказываться, а деньги бы мнѣ теперь очень пригодились.

Хлестаковъ. Хорошо, хорошо! Ступайте, ступайте! я распоряжусь. *(Въ окно высовываются руки съ просьбами).* Да кто тамъ еще? *(Подходитъ къ окну).* Не хочу, не хочу! Не нужно, не нужно! *(Отходя).* Надоѣли, чортъ возьми! Не впускай, Осипъ!

Осипъ *(кричитъ въ окно).* Пошли, пошли! Не время, завтра приходите! *(Дверь отворяется и выставляется какая-то фигура во фризовой шинели, съ небритою бородою, раздутою губою и перевязанною щекою: за нею[3] въ перспективѣ показывается нѣсколько другихъ).*

Осипъ. Пошелъ, пошелъ! чего лѣзешь? *(Упирается первому руками въ брюхо и выпирается вмѣстѣ съ нимъ въ прихожую, захлопнувъ за собою дверь).*

ЯВЛЕНІЕ XII.

Хлестаковъ и Марья Антоновна.

Марья Антоновна. Ахъ!

Хлестаковъ. Отчего вы такъ испугались, сударыня?

Марья Антоновна. Нѣтъ, я не испугалась.

Хлестаковъ *(рисуется).* Помилуйте, сударыня, мнѣ очень пріятно, что вы меня приняли за такого человѣка, который... Осмѣлюсь ли спросить васъ: куда вы намѣрены были итти?

Марья Антоновна. Право, я никуда не шла.

Хлестаковъ. Отчего же, напримѣръ, вы никуда не шли?

Марья Антоновна. Я думала, не здѣсь ли маменька....

Хлестаковъ. Нѣтъ, мнѣ хотѣлось бы знать, отчего вы никуда не шли.

Марья Антоновна. Я вамъ помѣшала. Вы занимались важными дѣлами[4].

Хлестаковъ *(рисуется)*. А ваши глаза лучше, нежели важныя дѣла... Вы никакъ не можете мнѣ помѣшать, никакимъ образомъ не можете; напротивъ того, вы можете принесть удовольствіе.

Марья Антоновна. Вы говорите по-столичному.

Хлестаковъ. Для такой прекрасной особы, какъ вы. Осмѣлюсь ли быть такъ счастливъ, чтобы предложить вамъ стулъ? Но нѣтъ, вамъ должно не стулъ, а тронъ.

Марья Антоновна. Право, я не знаю... мнѣ такъ нужно было итти. *(Сѣла)*.

Хлестаковъ. Какой у васъ прекрасный платочекъ!

Марья Антоновна. Вы насмѣшники, лишь бы только посмѣяться надъ провинціальными.

Хлестаковъ. Какъ бы я желалъ, сударыня, быть вашимъ платочкомъ, чтобы обнимать вашу лилейную шейку.

Марья Антоновна. Я совсѣмъ не понимаю, о чемъ вы говорите: какой-то платочекъ... Сегодня какая странная погода!

Хлестаковъ. А ваши губки, сударыня, лучше, нежели всякая погода[1].

Марья Антоновна. Вы все этакое говорите... [2] Я бы васъ попросила, чтобъ вы мнѣ написали лучше на память какіе-нибудь стишки въ альбомъ. Вы, вѣрно, ихъ знаете много.

Хлестаковъ. Для васъ, сударыня, все, что̀ хотите. Требуйте, какіе стихи вамъ?

Марья Антоновна. Какіе-нибудь, этакіе — хорошіе, новые.

Хлестаковъ. Да что стихи! я много ихъ знаю.

Марья Антоновна. Ну, скажите же, какіе же вы мнѣ напишете?

Хлестаковъ. Да къ чему же говорить? я и безъ того ихъ знаю[3].

Марья Антоновна. Я очень люблю ихъ...

Хлестаковъ. Да у меня много ихъ всякихъ. Ну, пожалуй, я вамъ хоть это: „О ты, что̀ въ горести напрасно на Бога ропщешь, человѣкъ!...“ ну и другіе... теперь не могу припомнить; впрочемъ, это все ничего. Я вамъ лучше вмѣсто этого представлю мою любовь, которая отъ вашего взгляда... *(Придвигая стулъ)*.

Марья Антоновна. Любовь! Я не понимаю любовь... я никогда и не знала, что̀ за любовь... *(Отдвигаетъ стулъ)*.

Хлестаковъ. Отчего жъ вы отдвигаете свой стулъ? Намъ лучше будетъ сидѣть близко другъ къ другу.

Марья Антоновна *(отдвигаясь)*. Для чего жъ близко? все равно и далеко.

Хлестаковъ *(придвигаясь)*[1]. Отчего жъ далеко? все равно и близко.

Марья Антоновна *(отдвигается)*. Да къ чему жъ это?

Хлестаковъ *(придвигаясь)*. Да вѣдь это вамъ кажется только, что близко; а вы вообразите себѣ, что далеко. Какъ бы я былъ счастливъ, сударыня, если бъ могъ прижать васъ въ свои объятія.

Марья Антоновна *(смотритъ въ окно)*. Чтò это, такъ, какъ будто бы полетѣло? Сорóка или какая другая птица?[2]

Хлестаковъ *(цѣлуетъ ее въ плечо и смотритъ въ окно)*. Это сорóка.

Марья Антоновна *(встаетъ въ негодованіи)*. Нѣтъ, это ужъ слишкомъ... Наглость такая!...

Хлестаковъ *(удерживая ее)*. Простите, сударыня: я это сдѣлалъ отъ любви, точно, отъ любви.

Марья Антоновна. Вы почитаете меня за такую провинціалку... *(Силится уйти)*.

Хлестаковъ *(продолжая удерживать ее)*. Изъ любви, право, изъ любви. Я такъ только, пошутилъ: Марья Антоновна, не сердитесь! Я готовъ на колѣнкахъ у васъ просить прощенія. *(Падаетъ на колѣни)*. Простите же, простите! Вы видите, я на колѣняхъ[3].

ЯВЛЕНІЕ XIII[4].

Тѣ же и **Анна Андреевна**.

Анна Андреевна *(увидя Хлестакова на колѣняхъ)*. Ахъ, какой пасажъ![5]

Хлестаковъ *(вставая)*. А, чортъ возьми!

Анна Андреевна *(дочери)*. Это чтò значитъ, сударыня? Это чтò за поступки такіе?

Марья Антоновна. Я, маменька...

Анна Андреевна. Поди прочь отсюда! слышишь, прочь, прочь! И не смѣй показываться на глаза. *(Марья Антоновна уходитъ въ слезахъ)*. Извините, я, признаюсь, приведена въ такое изумленіе...

Хлестаковъ *(въ сторону)*. А она тоже очень аппетитна[1], очень не дурна. *(Бросается на колѣни)*. Сударыня, вы видите, я сгараю отъ любви.

Анна Андреевна. Какъ, вы на колѣняхъ? Ахъ, встаньте, встаньте![2] здѣсь полъ совсѣмъ нечистъ.

Хлестаковъ. Нѣтъ, на колѣняхъ, непремѣнно на колѣняхъ, я хочу знать, что̀ такое мнѣ суждено, жизнь или смерть.

Анна Андреевна. Но позвольте, я еще не понимаю вполнѣ значенія словъ. Если не ошибаюсь, вы дѣлаете декларацію насчетъ моей дочери.

Хлестаковъ. Нѣтъ, я влюбленъ въ васъ. Жизнь моя на волоскѣ. Если вы не увѣнчаете постоянную любовь мою, то я недостоинъ земнаго существованія. Съ пламенемъ въ груди прошу руки вашей.

Анна Андреевна. Но позвольте замѣтить: я въ нѣкоторомъ родѣ... я замужемъ.

Хлестаковъ. Это ничего! Для любви нѣтъ различія; и Карамзинъ сказалъ: „Законы осуждаютъ“[3]. Мы удалимся подъ сѣнь струй[4]... Руки вашей, руки прошу.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣ же и **Марья Антоновна** *(вдругъ вбѣгаетъ)*.

Марья Антоновна. Маменька, папенька сказалъ, чтобы вы... *(Увидя Хлестакова на колѣняхъ, вскрикиваетъ:)* Ахъ, какой пасажъ![5]

Анна Андреевна. Ну что̀ ты? къ чему? зачѣмъ? Что̀ за вѣтреность такая! Вдругъ вбѣжала, какъ угорѣлая кошка. Ну, что̀ ты нашла такого удивительнаго? Ну, что̀ тебѣ вздумалось? Право, какъ дитя какое-нибудь трехлѣтнее. Не похоже, не похоже, совершенно не похоже на то, чтобы ей было восемнадцать лѣтъ. Я не знаю, когда ты будешь благоразумнѣе, когда ты[6] будешь вести себя, какъ прилично благовоспитанной дѣвицѣ; когда ты будешь знать, что̀ такое хорошія правила и солидность въ поступкахъ.

Марья Антоновна *(сквозь слезы)*. Я, право, маменька, не знала...

Анна Андреевна. У тебя вѣчно какой-то сквозной вѣтеръ разгуливаетъ въ головѣ; ты берешь примѣръ съ дочерей Ляп-

кина-Тяпкина. Что̀ тебѣ глядѣть на нихъ! не нужно[1] тебѣ глядѣть на нихъ. Тебѣ есть примѣры другіе — передъ тобою мать твоя. Вотъ какимъ примѣрамъ ты должна слѣдовать.

Хлестаковъ *(схватывая за руку дочь)*. Анна Андреевна, не противьтесь нашему благополучію, благословите постоянную любовь!

Анна Андреевна *(съ изумленіемъ)*. Такъ вы въ нее?...

Хлестаковъ. Рѣшите: жизнь или смерть?

Анна Андреевна. Ну, вотъ видишь, дура, ну, вотъ видишь: изъ-за тебя, этакой дряни, гость изволилъ стоять на колѣняхъ; а ты вдругъ вбѣжала, какъ сумасшедшая. Ну вотъ, право, сто́итъ, чтобы я нарочно отказала: ты недостойна такого счастія.

Марья Антоновна. Не буду, маменька; право, впередъ не буду.

ЯВЛЕНІЕ XV.

Тѣ же и **городничій** *(впопыхахъ)*.

Городничій. Ваше превосходительство![2] не погубите! не погубите!

Хлестаковъ. Что съ вами?

Городничій. Тамъ купцы жаловались вашему превосходительству. Честью увѣряю, и на половину нѣтъ того, что̀ они говорятъ. Они сами обманываютъ и обмѣриваютъ народъ. Унтеръ-офицерша налгала вамъ, будто бы я ее высѣкъ; она вретъ, ей Богу, вретъ. Она сама себя высѣкла.

Хлестаковъ. Провались унтеръ-офицерша — мнѣ не до нея![3]

Городничій. Не вѣрьте, не вѣрьте! Это такіе лгуны... имъ вотъ этакой ребенокъ не повѣритъ. Они ужъ и по всему городу извѣстны за лгуновъ. А насчетъ мошенничества осмѣлюсь доложить: это такіе мошенники, какихъ свѣтъ не производилъ.

Анна Андреевна. Знаешь ли ты, какой чести удостоиваетъ насъ Иванъ Александровичъ? Онъ проситъ руки нашей дочери.

Городничій. Куда! куда!... Рехнулась, матушка! Не извольте гнѣваться, ваше превосходительство: она немного съ придурью, такова же была и мать ея.

Хлестаковъ. Да, я, точно, прошу руки. Я влюбленъ.

Городничій. Не могу вѣрить, ваше превосходительство!

Анна Андреевна. Да когда говорятъ тебѣ?

Хлестаковъ. Я не шутя вамъ говорю... Я могу отъ любви свихнуть съ ума[1].

Городничій. Не смѣю вѣрить, недостоинъ такой чести.

Хлестаковъ. Да, если вы не согласитесь отдать руки Марьи Антоновны, то я, чортъ знаетъ, что̀ готовъ[2]....

Городничій. Не могу вѣрить: изволите шутить, ваше превосходительство!

Анна Андреевна. Ахъ, какой чурбанъ въ самомъ дѣлѣ! Ну, когда тебѣ толкуютъ?

Городничій. Не могу вѣрить.

Хлестаковъ. Отдайте, отдайте! Я отчаянный человѣкъ, я рѣшусь на все: когда застрѣлюсь, васъ подъ судъ отдадутъ[3].

Городничій. Ахъ, Боже мой! Я, ей, ей, не виноватъ ни душою, ни тѣломъ! Не извольте гнѣваться! Извольте поступать такъ, какъ вашей милости угодно! У меня, право, въ головѣ теперь... я и самъ не знаю, что̀ дѣлается. Такой дуракъ теперь сдѣлался, какимъ еще никогда не бывалъ.

Анна Андреевна. Ну, благословляй!

Хлестаковъ *подходитъ съ Марьей Антоновной.*

Городничій. Да благословитъ васъ Богъ! а я не виноватъ. *(Хлестаковъ цѣлуется съ Марьей Антоновной. Городничій смотритъ на нихъ.)* Что за чортъ! въ самомъ дѣлѣ! *(Протираетъ глаза).* Цѣлуются! Ахъ, батюшки, цѣлуются! Точный женихъ. *(Вскрикиваетъ, подпрыгивая[4] отъ радости.)* Ай Антонъ! Ай Антонъ! Ай городничій! Вона, какъ дѣло-то пошло![5]

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Тѣ же и **Осипъ**.

Осипъ. Лошади готовы.

Хлестаковъ. А, хорошо... я сейчасъ.

Городничій. Какъ-съ?[6] Изволите ѣхать?

Хлестаковъ. Да, ѣду.

Городничій. А когда же, то есть... Вы изволили сами намекнуть насчетъ, кажется, свадьбы?

Хлестаковъ. А это.... На одну минуту только, на одинъ день къ дядѣ[1] — богатый старикъ; а завтра же и назадъ[2].

Городничій. Не смѣемъ никакъ удерживать, въ надеждѣ благополучнаго возвращенія.

Хлестаковъ. Какъ же, какъ же, я вдругъ. Прощайте, любовь моя... нѣтъ, просто не могу выразить! Прощайте, душенька![3] *(Цѣлуетъ ея ручку).*

Городничій. Да не нужно ли вамъ въ дорогу чего-нибудь? Вы изволили, кажется, нуждаться въ деньгахъ?

Хлестаковъ. О, нѣтъ, къ чему это? *(Немного подумавъ).* А впрочемъ, пожалуй.

Городничій. Сколько угодно вамъ?

Хлестаковъ. Да вотъ тогда вы дали двѣсти, то есть не двѣсти, а четыреста[4], — я не хочу воспользоваться вашею ошибкою, — такъ пожалуй, и теперь столько же, чтобы уже ровно было восемьсотъ.

Городничій. Сейчасъ![5] *(Вынимаетъ изъ бумажника).* Еще, какъ нарочно, самыми новенькими бумажками.

Хлестаковъ. А, да! *(Беретъ и разсматриваетъ ассигнаціи).* Это хорошо. Вѣдь это, говорятъ, новое счастье, когда новенькими бумажками?

Городничій. Такъ точно-съ.

Хлестаковъ. Прощайте, Антонъ Антоновичъ! Очень обязанъ за ваше гостепріимство. Я признаюсь отъ всего сердца[6]: мнѣ нигдѣ не было такого хорошаго пріема. Прощайте, Анна Андреевна! Прощайте, моя душенька, Марья Антоновна! *(Выходятъ)*[7].

ЗА СЦЕНОЙ.

Голосъ Хлестакова. Прощайте, ангелъ души моей, Марья Антоновна!

Голосъ городничаго. Какъ же это вы? прямо такъ на перекладной и ѣдете?

Голосъ Хлестакова. Да, я привыкъ ужъ такъ. У меня голова болитъ отъ рессоръ.

Голосъ ямщика. Тпр...

Голосъ городничаго. Такъ, по крайней мѣрѣ, чѣмъ-нибудь застлать, хотя бы коврикомъ. Не прикажете ли, я велю подать коврикъ?

Голосъ Хлестакова. Нѣтъ, зачѣмъ? это пустое; а впрочемъ, пожалуй, пусть даютъ коврикъ.

Голосъ городничаго. Эй, Авдотья! ступай въ кладовую, вынь коверъ самый лучшій, — что̀ по голубому полю, персидскій, скорѣй!

Голосъ ямщика. Тпр...

Голосъ городничаго. Когда же[1] прикажете ожидать васъ?

Голосъ Хлестакова. Завтра или послѣ завтра.

Голосъ Осипа. А, это коверъ? давай его сюда, клади вотъ такъ! Теперь давай-ка съ этой стороны сѣна.

Голосъ ямщика. Тпр...

Голосъ Осипа. Вотъ съ этой стороны! сюда! еще! хорошо! Славно будетъ! *(Бьетъ рукою по ковру)*. Теперь садитесь, ваше благородіе!

Голосъ Хлестакова. Прощайте, Антонъ Антоновичъ!

Голосъ городничаго. Прощайте, ваше превосходительство!

Женскіе голоса. Прощайте, Иванъ Александровичъ!

Голосъ Хлестакова. Прощайте, маменька!

Голосъ ямщика. Эй, вы, залетные! *(Колокольчикъ звенитъ; занавѣсъ опускается)*.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Та же комната.

ЯВЛЕНІЕ I.

Городничій, Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Городничій. Что̀, Анна Андреевна? а? Думала ли ты что-нибудь объ этомъ? Экой богатый призъ, канальство! Ну, признайся откровенно: тебѣ и во снѣ не видѣлось — просто изъ какой-нибудь городничихи и вдругъ... фу ты, канальство!.. съ какимъ дьяволомъ породнилась!

Анна Андреевна. Совсѣмъ нѣтъ; я давно это знала. Это тебѣ въ диковинку, потому что ты простой человѣкъ, никогда не видѣлъ порядочныхъ людей.

Городничій. Я самъ, матушка, порядочный человѣкъ. Однакожъ, право, какъ подумаешь, Анна Андреевна[1], какія мы съ тобою теперь птицы сдѣлались! а, Анна Андреевна? Высокаго полета, чортъ побери! Постой же, теперь же я задамъ перцу всѣмъ этимъ охотникамъ подавать просьбы и доносы! Эй, кто тамъ? *(Входитъ квартальный.)* А, это ты, Иванъ Карповичъ! Призови-ка сюда, братъ, купцовъ. Вотъ я ихъ, каналій![2] Такъ жаловаться на меня! Вишь ты, проклятый іудейскій народъ! Постойте жъ, голубчики! Прежде я васъ кормилъ до усовъ только, а теперь накормлю до бороды. Запиши всѣхъ, кто только ходилъ бить челомъ на меня, и вотъ этихъ больше всего писакъ, писакъ, которые закручивали имъ просьбы. Да объяви всѣмъ, чтобъ знали: что вотъ, дискать, какую честь Богъ послалъ городничему, что выдаетъ дочь свою — не то, чтобы за какого-нибудь простаго человѣка, а за такого, что и на свѣтѣ еще не было, что можетъ все сдѣлать, все, все, все![3] Всѣмъ объяви, чтобы всѣ знали. Кричи во весь народъ, валяй въ колокола, чортъ возьми!

Ужъ когда торжество, такъ торжество. *(Квартальный уходитъ.)* Такъ вотъ какъ, Анна Андреевна, а? Какъ же мы теперь, гдѣ будемъ жить? здѣсь или въ Питерѣ?

Анна Андреевна. Натурально, въ Петербургѣ. Какъ можно здѣсь оставаться!

Городничій. Ну, въ Питерѣ, такъ въ Питерѣ; а оно хорошо бы и здѣсь. Что̀, вѣдь я думаю, уже городничество тогда къ чорту, а, Анна Андреевна?

Анна Андреевна. Натурально, что̀ за городничество!

Городничій. Вѣдь оно, какъ ты думаешь, Анна Андреевна, теперь можно большой чинъ зашибить, потому что онъ запанибрата со всѣми министрами и во дворецъ ѣздитъ, такъ поэтому можетъ такое производство сдѣлать, что со временемъ и въ генералы влѣзешь. Какъ ты думаешь, Анна Анреевна: можно влѣзть въ генералы?

Анна Андреевна. Еще бы! конечно, можно.

Городничій. А, чортъ возьми, славно быть генераломъ! Кавалерію повѣсятъ тебѣ черезъ плечо. А какую кавалерію лучше, Анна Андреевна, красную или голубую?

Анна Андреевна. Ужъ конечно голубую лучше.

Городничій. Э? вишь чего захотѣла! хорошо и красную. Вѣдь почему хочется быть генераломъ? — потому что, случится, поѣдешь куда-нибудь — фельдъегеря и адъютанты поскачутъ вездѣ впередъ: „лошадей!“ И тамъ на станціяхъ никому не дадутъ, все дожидается: всѣ эти титулярные, капитаны, городничіе, а ты себѣ и въ усъ не дуешь. Обѣдаешь гдѣ-нибудь у губернатора, а тамъ — стой городничій! Хе, хе, хе! *(заливается и помираетъ со смѣху).* Вотъ что̀, канальство, заманчиво!

Анна Андреевна. Тебѣ все такое грубое нравится. Ты долженъ помнить, что жизнь нужно[1] совсѣмъ перемѣнить, что твои знакомые будутъ не то, что̀ какой-нибудь судья-собачникъ, съ которымъ ты ѣздишь травить зайцевъ, или Земляника; напротивъ, знакомые твои будутъ съ самымъ тонкимъ обращеніемъ: графы и всѣ свѣтскіе[2]... Только я, право, боюсь за тебя: ты иногда вымолвишь такое словцо, какого въ хорошемъ обществѣ никогда не услышишь.

Городничій. Что̀ жъ? вѣдь слово не вредитъ.

Анна Андреевна. Да хорошо, когда ты былъ городничимъ; а тамъ вѣдь жизнь совершенно другая.

Городничій. Да; тамъ, говорятъ, есть двѣ рыбицы: ряпушка и корюшка, такія, что только слюнка потечетъ, какъ начнешь ѣсть.

Анна Андреевна. Ему все бы[1] только рыбки! Я не иначе хочу, чтобъ нашъ домъ былъ первый въ столицѣ, и чтобъ у меня въ комнатѣ такое было амбре, чтобъ нельзя было войти, и нужно[2] бы только этакъ зажмурить глаза. *(Зажмуриваетъ глаза и нюхаетъ).* Ахъ, какъ хорошо!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и **купцы.**

Городничій. А! здорово, соколики!

Купцы *(кланяясь).* Здравія желаемъ, батюшка!

Городничій. Что̀, голубчики, какъ поживаете? какъ товаръ идетъ вашъ? Что̀, самоварники, аршинники, жаловаться? Архиплуты, протобестіи, надувалы[3] морскіе! жаловаться? Что̀, много взяли?[4] Вотъ, думаютъ, такъ въ тюрьму его и засадятъ!... Знаете ли вы, семь чертей и одна вѣдьма вамъ въ зубы, что...

Анна Андреевна. Ахъ, Боже мой! какія ты, Антоша, слова отпускаешь![5]

Городничій *(съ неудовольствіемъ).* А, не до словъ теперь! Знаете ли, что тотъ самый чиновникъ, которому вы жаловались, теперь женится на моей дочери? Что̀? а? что̀ теперь скажете? Теперь я васъ!... Обманываете народъ.... Сдѣлаешь подрядъ съ казною, на сто тысячъ надуешь ее, поставивши гнилаго сукна, да потомъ пожертвуешь двадцать аршинъ, да и давай тебѣ еще награду за это! Да если бъ знали, такъ бы тебѣ... И брюхо суетъ впередъ[6]: онъ купецъ, его не тронь. „Мы“, говоритъ, „и дворянамъ не уступимъ“. Да дворянинъ... ахъ ты рожа! дворянинъ учится наукамъ: его хоть и сѣкутъ въ школѣ, да за дѣло, чтобъ онъ зналъ полезное. А ты что?— начинаешь плутнями, тебя хозяинъ бьетъ за то, что не умѣешь обманывать. Еще мальчишка, „Отче нашъ“[7] не знаешь, а ужъ обмѣриваешь; а какъ разопретъ[8] тебѣ брюхо, да набьешь себѣ карманъ, такъ и заважничалъ! Фу ты, какая невидаль![9] Оттого, что ты шестнадцать самоваровъ выдуешь въ день, такъ от-

того и важничаешь? Да я плевать на твою голову и на твою важность!

Купцы *(кланяясь)*. Виноваты, Антонъ Антоновичъ!

Городничій. Жаловаться? А кто тебѣ помогъ сплутовать, когда ты строилъ мостъ и написалъ дерева на двадцать тысячъ, тогда какъ его и на сто рублей не было? Я помогъ тебѣ, козлиная борода! Ты позабылъ это? Я, показавши это на тебя, могъ бы тебя также спровадить въ Сибирь. — Что скажешь? а?

Одинъ изъ купцовъ. Богу виноваты, Антонъ Антоновичъ! Лукавый попуталъ. И закаемся впередъ жаловаться. Ужъ какое хошь удовлетвореніе, не гнѣвись только![1]

Городничій. Не гнѣвись! Вотъ ты теперь валяешься у ногъ моихъ. Отчего? — оттого, что мое взяло; а будь хоть немножко на твоей сторонѣ, такъ ты бы меня, каналья, втопталъ[2] въ самую грязь, еще бы и бревномъ сверху навалилъ.

Купцы *(кланяются въ ноги)*. Не погуби, Антонъ Антоновичъ!

Городничій. „Не погуби!“ Теперь: „не погуби!“ а прежде что? Я бы васъ... *(махнувъ рукой)*. Ну, да Богъ проститъ! полно! Я не памятозлобенъ; только теперь, смотри, держи ухо востро! Я выдаю дочку не за какого-нибудь простаго дворянина: чтобъ поздравленіе было... понимаешь? не то, чтобъ отбояриться какимъ-нибудь балычкомъ или головою сахару... Ну, ступай съ Богомъ![3] *(Купцы уходятъ.)*

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, **Аммосъ Ѳедоровичъ**, **Артемій Филипповичъ**, потомъ **Растаковскій**.

Аммосъ Ѳедоровичъ *(еще въ дверяхъ)*. Вѣрить ли слухамъ, Антонъ Антоновичъ? къ вамъ привалило необыкновенное счастіе?

Артемій Филипповичъ. Имѣю честь поздравить съ необыкновеннымъ счастіемъ. Я душевно обрадовался, когда услышалъ. *(Подходитъ къ ручкѣ Анны Андреевны)*. Анна Андреевна! *(Подходя къ ручкѣ Марьи Антоновны)*. Марья Антоновна!

Растаковскій *(входитъ)*. Антона Антоновича поздравляю. Да продлитъ Богъ жизнь вашу и новой четы, и дастъ вамъ

потомство многочисленное, внучатъ и правнучатъ! Анна Андреевна! *(Подходитъ къ ручкѣ Анны Андреевны)*. Марья Антоновна! *(Подходитъ къ ручкѣ Марьи Антоновны)*.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, **Коробкинъ съ женою, Люлюковъ.**

Коробкинъ. Имѣю честь поздравить Антона Антоновича! Анна Андреевна! *(Подходитъ къ ручкѣ Анны Андреевны)*. Марья Антоновна! *(Подходитъ къ ея ручкѣ)*.

Жена Коробкина. Душевно поздравляю васъ, Анна Андреевна, съ новымъ счастіемъ.

Люлюковъ. Имѣю честь поздравить, Анна Андреевна! *(Подходитъ къ ручкѣ и потомъ, обратившись къ зрителямъ, щелкаетъ языкомъ съ видомъ удальства)*. Марья Антоновна! Имѣю честь поздравить. *(Подходитъ къ ея ручкѣ и обращается къ зрителямъ съ тѣмъ же удальствомъ)*.

ЯВЛЕНІЕ V.

Множество гостей въ сюртукахъ и фракахъ подходятъ сначала къ ручкѣ Анны Андреевны, говоря: „Анна Андреевна!“ потомъ къ Марьѣ Антоновнѣ, говоря: „Марья Антоновна!“ **Бобчинскій** и **Добчинскій** *(проталкиваются)*.

Бобчинскій. Имѣю честь поздравить!

Добчинскій. Антонъ Антоновичъ! имѣю честь поздравить.

Бобчинскій. Съ благополучнымъ происшествіемъ!

Добчинскій. Анна Андреевна!

Бобчинскій. Анна Андреевна! *(Оба подходятъ въ одно время и сталкиваются лбами)*.

Добчинскій. Марья Антоновна! *(Подходитъ къ ручкѣ)*. Честь имѣю поздравить. Вы будете въ большомъ, большомъ счастіи, въ золотомъ платьѣ ходить и деликатные разные супы кушать, очень забавно будете проводить время.

Бобчинскій *(перебивая)*. Марья Антоновна, имѣю честь поздравить! Дай Богъ вамъ всякаго богатства, червонцевъ и сынка-съ этакаго маленькаго, вонъ энтакого-съ! *(показываетъ рукою)* чтобъ можно было на ладонку посадить, да-съ! Все будетъ мальчишка кричать: уа! уа! уа![1]

ЯВЛЕНІЕ VI.

Еще нѣсколько гостей, *подходящихъ*[1] *къ ручкамъ*, Лука Лукичъ съ женою.

Лука Лукичъ. Имѣю честь....

Жена Луки Лукича *(бѣжитъ впередъ)*. Поздравляю васъ, Анна Андреевна! *(Цѣлуются)*. А я такъ, право, обрадовалась. Говорятъ мнѣ: „Анна Андреевна выдаетъ дочку“. — „Ахъ, Боже мой!“ думаю себѣ, и такъ обрадовалась, что говорю мужу: „Послушай, Луканчикъ: вотъ какое счастіе Аннѣ Андреевнѣ!“ „Ну“, думаю себѣ, „слава Богу!“ И говорю ему: „Я такъ восхищена, что сгараю нетерпѣніемъ изъявить лично Аннѣ Андреевнѣ“... „Ахъ, Боже мой!“ думаю себѣ: „Анна Андреевна именно ожидала хорошей партіи для своей дочери, а вотъ теперь такая судьба: именно такъ сдѣлалось, какъ она хотѣла“, и такъ, право, обрадовалась, что не могла говорить. Плачу, плачу, вотъ просто рыдаю. Уже Лука Лукичъ говоритъ: „Отчего ты, Настенька, рыдаешь?“ — „Луканчикъ“, говорю, „я и сама не знаю, слезы такъ вотъ рѣкой и льются“.

Городничій. Покорнѣйше прошу садиться, господа! Эй, Мишка, принеси сюда побольше стульевъ! *(Гости садятся)*.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же, частный приставъ и квартальные.

Частный приставъ. Имѣю честь поздравить васъ, ваше высокоблагородіе, и пожелать благоденствія на многія лѣта.

Городничій. Спасибо, спасибо! Прошу садиться, господа! *(Гости усаживаются)*.

Аммосъ Өедоровичъ. Но скажите пожалуйста, Антонъ Антоновичъ, какимъ образомъ все это началось, постепенный ходъ всего, то есть, дѣла[2].

Городничій. Ходъ дѣла чрезвычайный: изволилъ собственно-лично сдѣлать предложеніе.

Анна Андреевна. Очень почтительнымъ и самымъ тонкимъ образомъ. Все чрезвычайно хорошо говорилъ. Говоритъ[3]: „Я, Анна Андреевна, изъ одного только уваженія къ вашимъ достоинствамъ“. И такой прекрасный, воспитанный человѣкъ, самыхъ благороднѣйшихъ правилъ! — „Мнѣ, вѣрите ли, Анна

Андреевна, мнѣ жизнь — копѣйка; я только потому, что уважаю ваши рѣдкія качества"[1].

Марья Антоновна. Ахъ маменька! вѣдь это онъ мнѣ говорилъ.

Анна Андреевна. Перестань, ты ничего не знаешь и не въ свое дѣло не мѣшайся! — „Я, Анна Андреевна, изумляюсь". Въ такихъ лестныхъ разсыпался словахъ... И когда я хотѣла сказать: „Мы никакъ не смѣемъ надѣяться на такую честь", онъ вдругъ упалъ на колѣни и такимъ самымъ благороднѣйшимъ образомъ: „Анна Андреевна! не сдѣлайте меня[2] несчастнѣйшимъ! согласитесь отвѣчать моимъ чувствамъ, не то̀, я смертью окончу жизнь свою"[3].

Марья Антоновна. Право, маменька, онъ обо мнѣ это говорилъ.

Анна Андреевна. Да, конечно... и объ тебѣ было, я ничего этого не отвергаю.

Городничій. И такъ даже напугалъ: говорилъ, что застрѣлится. „Застрѣлюсь, застрѣлюсь!" говоритъ.

Многіе изъ гостей. Скажите пожалуйста!

Аммосъ Ѳедоровичъ. Экая штука!

Лука Лукичъ. Вотъ подлинно, судьба ужъ такъ вела.

Артемій Филипповичъ. Не судьба, батюшка, судьба — индѣйка: заслуги привели къ тому. *(Въ сторону)*. Этакой свиньѣ лѣзетъ всегда въ ротъ счастье![4]

Аммосъ Ѳедоровичъ. Я, пожалуй, Антонъ Антоновичъ, продамъ вамъ того кобелька, котораго торговали.

Городничій. Нѣтъ, мнѣ теперь не до кобельковъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Ну, не хотите, на другой собакѣ сойдемся.

Жена Коробкина. Ахъ, какъ, Анна Андреевна, я рада вашему счастію! вы не можете себѣ представить.

Коробкинъ. Гдѣ жъ теперь, позвольте узнать, находится именитый гость? Я слышалъ, что онъ уѣхалъ за чѣмъ-то.

Городничій. Да, онъ отправился на одинъ день, по весьма важному дѣлу.

Анна Андреевна. Къ своему дядѣ, чтобъ испросить благословенія[5].

Городничій. Испросить благословенія[6]; но завтра же... *(Чихаетъ, поздравленія сливаются въ одинъ гулъ)*. Много благодаренъ! Но завтра же и назадъ... *(Чихаетъ; поздравительный гулъ; слышнѣе другихъ голоса):*

Частнаго пристава. Здравія желаемъ, ваше высокоблагородіе!

Бобчинскаго. Сто лѣтъ и куль червонцевъ!

Добчинскаго. Продли Богъ на сорокъ сороковъ!

Артемія Филипповича. Чтобъ ты пропалъ!

Жены Коробкина. Чортъ тебя побери!

Городничій. Покорнѣйше благодарю! И вамъ того жъ желаю.

Анна Андреевна. Мы теперь въ Петербургѣ намѣрены жить. А здѣсь, признаюсь, такой воздухъ... деревенскій ужъ слишкомъ!... признаюсь, большая непріятность... Вотъ и мужъ мой... онъ тамъ получитъ генеральскій чинъ.

Городничій. Да, признаюсь, господа, я, чортъ возьми, очень хочу быть генераломъ.

Лука Лукичъ. И дай Богъ получить!

Растаковскій. Отъ человѣка невозможно, а отъ Бога все возможно.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Большому кораблю — большое плаванье.

Артемій Филипповичъ. По заслугамъ и честь.

Аммосъ Ѳедоровичъ *(въ сторону).* Вотъ выкинетъ штуку, когда въ самомъ дѣлѣ сдѣлается генераломъ! Вотъ ужъ кому пристало генеральство, какъ коровѣ сѣдло! Ну, нѣтъ[1], до этого еще далека пѣсня. Тутъ и почище тебя есть, а до сихъ поръ еще не генералы.

Артемій Филипповичъ *(въ сторону).* Эка, чортъ возьми, ужъ и въ генералы лѣзетъ! Чего добраго, можетъ, и будетъ генераломъ. Вѣдь у него важности, лукавый не взялъ бы его, довольно. *(Обращаясь къ нему).* Тогда, Антонъ Антоновичъ, и насъ не позабудьте.

Аммосъ Ѳедоровичъ. И если что̀ случится, напримѣръ, какая-нибудь надобность по дѣламъ, не оставьте покровительствомъ!

Коробкинъ. Въ слѣдующемъ году повезу сынка въ столицу на пользу государства, такъ, сдѣлайте милость, окажите ему вашу протекцію, мѣсто отца заступите сироткѣ.

Городничій. Я готовъ съ своей стороны, готовъ стараться.

Анна Андреевна. Ты, Антоша, всегда готовъ обѣщать. Во-первыхъ, тебѣ не будетъ времени думать объ этомъ. И какъ можно, и съ какой стати себя обременять этакими обѣщаніями?

Городничій. Почему жъ, душа моя? иногда можно.

Анна Андреевна. Можно, конечно, да вѣдь не всякой же мелюзгѣ[1] оказывать покровительство.

Жена Коробкина. Вы слышали, какъ она трактуетъ насъ?

Гостья. Да, она такова всегда была; я ее знаю: посади ее за столъ, она и ноги свои[2]...

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и **почтмейстеръ** *(впопыхахъ, съ распечатаннымъ письмомъ въ рукѣ).*

Почтмейстеръ. Удивительное дѣло, господа! Чиновникъ, котораго мы приняли за ревизора, былъ не ревизоръ.

Всѣ. Какъ, не ревизоръ?

Почтмейстеръ. Совсѣмъ не ревизоръ, — я узналъ это изъ письма.

Городничій. Что̀ вы, что̀ вы? изъ какого письма?

Почтмейстеръ. Да изъ собственнаго его письма. Приносятъ ко мнѣ на почту письмо. Взглянулъ на адресъ — вижу: „въ Почтамтскую улицу". Я такъ и обомлѣлъ. „Ну", думаю себѣ, „вѣрно, нашелъ безпорядки по почтовой части и увѣдомляетъ начальство". Взялъ, да и распечаталъ.

Городничій. Какъ же вы?...

Почтмейстеръ. Самъ не знаю: неестественная сила побудила. Призвалъ было уже курьера съ тѣмъ, чтобы отправить его съ эштафетой;[3] но любопытство такое одолѣло, какого еще никогда не чувствовалъ. Не могу, не могу, слышу, что не могу! тянетъ, такъ вотъ и тянетъ! Въ одномъ ухѣ такъ вотъ и слышу: „Эй, не распечатывай! пропадешь, какъ курица"; а въ другомъ словно бѣсъ какой шепчетъ: „Распечатай, распечатай, распечатай!" И какъ придавилъ сургучъ — по жиламъ огонь, а распечаталъ — морозъ, ей Богу, морозъ. И руки дрожатъ, и все помутилось.

Городничій. Да какъ же вы осмѣлились распечатать письмо такой уполномоченной особы?

Почтмейстеръ. Въ томъ-то и штука, что онъ не уполномоченный и не особа!

Городничій. Что̀ жъ онъ по-вашему такое?

Почтмейстеръ. Ни сё, ни то; чортъ знаетъ, что̀ такое!

Городничій *(запальчиво).* Какъ ни сё, ни то? Какъ вы смѣете

назвать его ни тѣмъ, ни сѣмъ, да еще и чортъ знаетъ чѣмъ? Я васъ подъ арестъ...

Почтмейстеръ. Кто? вы?

Городничій. Да, я!

Почтмейстеръ. Коротки руки!

Городничій. Знаете ли, что онъ женится на моей дочери, что я самъ буду вельможа, что я въ самую Сибирь законопачу?

Почтмейстеръ. Эхъ, Антонъ Антоновичъ! что̀ Сибирь? далеко Сибирь. Вотъ лучше я вамъ прочту. Господа! позвольте прочитать письмо?

Всѣ. Читайте, читайте!

Почтмейстеръ *(читаетъ).* „Спѣшу увѣдомить тебя, душа Тряпичкинъ, какія со мной чудеса. На дорогѣ обчистилъ меня кругомъ пѣхотный капитанъ, такъ что трактирщикъ хотѣлъ уже было посадить въ тюрьму; какъ вдругъ, по моей петербургской физіономіи и по костюму, весь городъ принялъ меня за генералъ-губернатора. И я теперь живу у городничаго, жуирую, волочусь напропалую[1] за его женой и дочкой; не рѣшился[2] только, съ которой начать — думаю, прежде съ матушки, потому что, кажется, готова сейчасъ на всѣ услуги. Помнишь, какъ мы съ тобой бѣдствовали, обѣдали на широмыжку, и какъ одинъ разъ было кондитеръ схватилъ меня за воротникъ, по поводу съѣденныхъ пирожковъ на счетъ доходовъ аглицкаго[3] короля? Теперь совсѣмъ другой оборотъ. Всѣ мнѣ даютъ взаймы, сколько угодно. Оригиналы страшные: отъ смѣху ты бы умеръ. Ты, я знаю, пишешь статейки: помѣсти ихъ въ свою литературу. Во-первыхъ: городничій — глупъ, какъ сивый меринъ....“

Городничій. Не можетъ быть! Тамъ нѣтъ этого.

Почтмейстеръ *(показываетъ письмо).* Читайте сами.

Городничій *(читаетъ).* „Какъ сивый меринъ“. Не можетъ быть! вы это сами написали.

Почтмейстеръ. Какъ же бы я сталъ писать?

Артемій Филипповичъ. Читайте!

Лука Лукичъ. Читайте!

Почтмейстеръ *(продолжая читать).* „Городничій — глупъ, какъ сивый меринъ...“

Городничій. О, чортъ возьми! нужно еще повторять! какъ будто оно тамъ и безъ того не стоитъ.

Почтмейстеръ *(продолжая читать).* Хм... хм.. хм... хм...

„сивый меринъ. Почтмейстеръ тоже добрый человѣкъ...“ *(Оставляя читать)*. Ну, тутъ онъ и обо мнѣ тоже неприлично выразился[1].

Городничій. Нѣтъ, читайте!

Почтмейстеръ. Да къ чему жъ?...

Городничій. Нѣтъ, чортъ возьми, когда ужъ читать, такъ читать! Читайте все!

Артемій Филипповичъ. Позвольте, я прочитаю. *(Надѣваетъ очки и читаетъ):* „Почтмейстеръ точь-въ-точь департаментскій сторожъ Михѣевъ, должно быть, также, подлецъ, пьетъ горькую“.

Почтмейстеръ *(къ зрителямъ)*. Ну, скверный мальчишка, котораго надо высѣчь[2]: больше ничего![3]

Артемій Филипповичъ *(продолжая читать)*. „Надзиратель надъ богоугоднымъ заведе... и... и... и...“ *(заикается)*.

Коробкинъ. А что жъ вы остановились?

Артемій Филипповичъ. Да нечеткое перо... впрочемъ, видно, что негодяй.

Коробкинъ. Дайте мнѣ! Вотъ у меня, я думаю, получше глаза. *(Беретъ письмо)*.

Артемій Филипповичъ *(не давая письма)*. Нѣтъ, это мѣсто можно пропустить, а тамъ дальше разборчиво.

Коробкинъ. Да позвольте, ужъ я знаю.

Артемій Филипповичъ. Прочитать, я и самъ прочитаю: далѣе, право, все разборчиво.

Почтмейстеръ. Нѣтъ, все читайте! вѣдь прежде все читано.

Всѣ. Отдайте, Артемій Филипповичъ, отдайте письмо! *(Коробкину)*. Читайте.

Артемій Филипповичъ. Сейчасъ. *(Отдаетъ письмо)*. Вотъ позвольте... *(закрываетъ пальцемъ)*. Вотъ отсюда читайте. *(Всѣ приступаютъ къ нему)*.

Почтмейстеръ. Читайте, читайте! вздоръ, все читайте!

Коробкинъ *(читая)*. „Надзиратель за богоугоднымъ заведеніемъ[4] Земляника — совершенная свинья въ ермолкѣ“.

Артемій Филипповичъ *(къ зрителямъ)*. И не остроумно! Свинья въ ермолкѣ! гдѣ жъ свинья бываетъ въ ермолкѣ?

Коробкинъ *(продолжая читать)*. „Смотритель училищъ протухнулъ насквозь лукомъ“.

Лука Лукичъ *(къ зрителямъ).* Ей Богу, и въ ротъ никогда не бралъ луку.

Аммосъ Ѳедоровичъ *(въ сторону).* Слава Богу, хоть по крайней мѣрѣ обо мнѣ нѣтъ!

Коробкинъ *(читаетъ).* „Судья...“

Аммосъ Ѳедоровичъ. Вотъ тебѣ на!... *(Вслухъ).* Господа, я думаю, что письмо длинно. Да и чортъ ли въ немъ: дрянь этакую читать!

Лука Лукичъ. Нѣтъ!

Почтмейстеръ. Нѣтъ, читайте!

Артемій Филипповичъ. Нѣтъ, ужъ читайте!

Коробкинъ *(продолжаетъ).* „Судья Ляпкинъ-Тяпкинъ въ сильнѣйшей степени моветонъ...“ *(Останавливается).* Должно быть, французское слово.

Аммосъ Ѳедоровичъ. А чортъ его знаетъ, что̀ оно значитъ! Еще хорошо, если только мошенникъ, а можетъ быть, и того еще хуже.

Коробкинъ *(продолжая читать).* „А впрочемъ, народъ гостепріимный и добродушный. Прощай, душа Тряпичкинъ. Я самъ, по примѣру твоему, хочу заняться литературой. Скучно, братъ, такъ жить, хочешь наконецъ пищи для души. Вижу: точно, нужно[1] чѣмъ-нибудь высокимъ заняться. Пиши ко мнѣ въ саратовскую губернію, а оттуда въ деревню Подкатиловку. *(Переворачиваетъ письмо и читаетъ адресъ).* Его благородію, милостивому государю, Ивану Васильевичу Тряпичкину, въ Санктпетербургѣ, въ Почтамтскую улицу, въ домѣ подъ нумеромъ[2] девяносто седьмымъ, поворотя на дворъ, въ третьемъ этажѣ, направо“.

Одна изъ дамъ. Какой реприманть неожиданный!

Городничій. Вотъ когда зарѣзалъ, такъ зарѣзалъ! Убитъ, убитъ, совсѣмъ убитъ! Ничего не вижу: вижу какія-то свиныя рыла,[3] вмѣсто лицъ, а больше ничего... Воротить, воротить его! *(Машетъ рукою).*

Почтмейстеръ. Куды[4] воротить! Я, какъ нарочно, приказалъ смотрителю дать самую лучшую тройку; чортъ угораздилъ дать и впередъ предписаніе.

Жена Коробкина. Вотъ ужъ, точно, вотъ ужъ безпримѣрная конфузія![5]

Аммосъ Өедоровичъ. Однакожъ, чортъ возьми, господа! онъ у меня взялъ триста рублей взаймы.

Артемій Филипповичъ. У меня тоже триста рублей.

Почтмейстеръ *(вздыхаетъ)*. Охъ! и у меня триста рублей.

Бобчинскій. У насъ съ Петромъ Ивановичемъ шестьдесятъ пять-съ на ассигнаціи-съ, да-съ.

Аммосъ Өедоровичъ *(въ недоумѣніи разставляетъ руки)*. Какъ же это, господа? Какъ это, въ самомъ дѣлѣ, мы такъ оплошали?

Городничій *(бьетъ себя по лбу)*[1]. Какъ я — нѣтъ, какъ я, старый дуракъ? Выжилъ, глупый баранъ, изъ ума!... Тридцать лѣтъ живу на службѣ; ни одинъ купецъ, ни подрядчикъ не могъ провести; мошенниковъ надъ мошенниками обманывалъ, пройдохъ и плутовъ такихъ, что весь свѣтъ готовы обворовать[2], поддѣвалъ на уду. Трехъ губернаторовъ обманулъ!... Чтò губернаторовъ! *(махнувъ рукой)* нечего и говорить про губернаторовъ...

Анна Андреевна. Но это не можетъ быть, Антоша: онъ обручился съ Машенькой...

Городничій *(въ сердцахъ)*. Обручился! Кукишъ съ масломъ — вотъ тебѣ обручился! Лѣзетъ мнѣ въ глаза съ обрученьемъ!... *(Въ изступленіи)*[3]. Вотъ смотрите, смотрите, весь міръ, все христіанство, всѣ смотрите, какъ одураченъ городничій! Дурака ему, дурака старому подлецу! *(Грозитъ самому себѣ кулакомъ)*. Эхъ ты толстоносый! Сосульку, тряпку принялъ за важнаго человѣка! Вонъ онъ теперь по всей дорогѣ заливаетъ колокольчикомъ! Разнесетъ по всему свѣту исторію. Мало того, что пойдешь въ посмѣшище — найдется щелкоперъ, бумагомарака, въ комедію тебя вставитъ. Вотъ чтò обидно! Чина, званія не пощадитъ, и будутъ всѣ скалить зубы и бить въ ладоши. Чему смѣетесь? надъ собою смѣетесь!... Эхъ вы!... *(Стучитъ со злости ногами объ полъ)*. Я бы всѣхъ этихъ бумагомаракъ! У, щелкоперы, либералы проклятые! чортово сѣмя! Узломъ бы васъ всѣхъ завязалъ, въ муку бы стеръ васъ всѣхъ, да чорту въ подкладку! въ шапку туды[4] ему!... *(Суетъ кулакомъ и бьетъ каблукомъ въ полъ)*.

(Послѣ нѣкотораго молчанія).

До сихъ поръ не могу притти въ себя. Вотъ, подлинно, если Богъ хочетъ наказать, такъ отниметъ прежде разумъ. Ну, чтò

было въ этомъ вертопрахѣ похожаго на ревизора? Ничего не было! Вотъ просто ни на полмизинца не было похожаго — и вдругъ всѣ: ревизоръ, ревизоръ! Ну, кто первый выпустилъ, что онъ ревизоръ? Отвѣчайте!

Артемій Филипповичъ *(разставляя[1] руки)*. Ужъ какъ это случилось, хоть убей не могу объяснить. Точно туманъ какой-то ошеломилъ, чортъ попуталъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Да кто выпустилъ, — вотъ кто выпустилъ: эти молодцы! *(Показываетъ на Добчинскаго и Бобчинскаго)*.

Бобчинскій. Ей, ей, не я! и не думалъ...

Добчинскій. Я ничего, совсѣмъ ничего...

Артемій Филипповичъ. Конечно, вы.

Лука Лукичъ. Разумѣется. Прибѣжали, какъ сумасшедшіе, изъ трактира: „Пріѣхалъ, пріѣхалъ и денегъ не плотитъ[2]...“ Нашли важную птицу!

Городничій. Натурально, вы! сплетники городскіе, лгуны проклятые!

Артемій Филипповичъ. Чтобъ васъ чортъ побралъ съ вашимъ ревизоромъ и разсказами.

Городничій. Только рыскаете по городу, да смущаете всѣхъ, трещотки проклятыя! Сплетни сѣете, сороки короткохвостыя!

Аммосъ Ѳедоровичъ. Пачкуны проклятые!

Лука Лукичъ. Колпаки!

Артемій Филипповичъ. Сморчки короткобрюхіе! *(Всѣ обступаютъ ихъ)*.

Бобчинскій. Ей Богу, это не я, это Петръ Ивановичъ.

Добчинскій. Э, нѣтъ, Петръ Ивановичъ, вы вѣдь первые того...

Бобчинскій. А вотъ и нѣтъ: первые-то были вы.

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Тѣ же и **жандармъ**.

Жандармъ. Пріѣхавшій по именному повелѣнію изъ Петербурга чиновникъ требуетъ васъ сейчасъ же[3] къ себѣ. Онъ остановился въ гостинницѣ.

(Произнесенныя слова поражаютъ, какъ громомъ, всѣхъ. Звукъ изумленія единодушно излетаетъ изъ дамскихъ устъ; вся группа, вдругъ перемѣнивши положеніе, остается въ окаменѣніи).

Нѣмая сцена.

Городничій по серединѣ въ видѣ столба съ распростертыми руками и закинутою назадъ головою. По правую сторону его жена и дочь, съ устремившимся къ нему движеньемъ всего тѣла: за ними почтмейстеръ, превратившійся въ вопросительный знакъ, обращенный къ зрителямъ; за нимъ Лука Лукичъ, потерявшійся самымъ невиннымъ образомъ: за нимъ, у самаго края сцены, три дамы, гостьи, прислонившіяся одна къ другой съ самымъ сатирическимъ выраженіемъ лицъ, относящимся прямо къ семейству городничаго. По лѣвую сторону городничаго: Земляника, наклонившій голову нѣсколько на бокъ, какъ будто къ чему-то прислушивающійся; за нимъ судья съ растопыренными руками, присѣвшій почти до земли и сдѣлавшій движенье губами, какъ бы хотѣлъ посвистать или произнесть: „Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день!“ За нимъ Коробкинъ, обратившійся къ зрителямъ съ прищуреннымъ глазомъ и ѣдкимъ намекомъ на городничаго; за нимъ, у самаго края, Добчинскій и Бобчинскій съ устремившимся другъ къ другу движеніемъ рукъ, разинутыми ртами и выпученными другъ на друга глазами. Прочіе гости остаются просто столбами. Почти полторы минуты окаменѣвшая группа сохраняетъ такое положеніе. Занавѣсъ опускается[1].

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ КОМЕДІИ «РЕВИЗОРЪ».

I.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПИСЬМА,

писаннаго авторомъ вскорѣ послѣ перваго представленія «Ревизора» къ одному литератору.

...Ревизоръ сыгранъ — и у меня на душѣ такъ смутно, такъ странно... Я ожидалъ, я зналъ напередъ, какъ пойдетъ дѣло, и при всемъ томъ чувство грустное и досадно-тягостное облекло меня. Мое же созданіе мнѣ показалось противно, дико и какъ будто вовсе не мое. Главная роль пропала; такъ я и думалъ. Дюръ ни на волосъ не понялъ, что̀ такое Хлестаковъ. Хлестаковъ сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ Альнаскарова, чѣмъ-то въ родѣ цѣлой шеренги водевильныхъ шалуновъ, которые пожаловали къ намъ повертѣться съ[1] парижскихъ театровъ. Онъ сдѣлался, просто, обыкновеннымъ вралемъ, — блѣдное лицо, въ продолженіи двухъ столѣтій являющееся въ одномъ и томъ же костюмѣ. Неужели въ самомъ дѣлѣ не видно изъ самой роли, что̀ такое Хлестаковъ? Или мною овладѣла довременно слѣпая гордость, и силы мои совладѣть съ этимъ характеромъ были такъ слабы, что даже и тѣни, и намека въ немъ не осталось для актера? А мнѣ онъ казался яснымъ. Хлестаковъ вовсе не надуваетъ; онъ не лгунъ по ремеслу; онъ самъ позабываетъ, что лжетъ, и уже самъ почти вѣритъ тому, что̀ говоритъ. Онъ развернулся, онъ въ духѣ: видитъ, что все идетъ хорошо, его слушаютъ, и по тому одному онъ говоритъ плавнѣе, развязнѣе, говоритъ отъ души, говоритъ совершенно откровенно и, говоря ложь, выказываетъ именно въ ней себя такимъ, какъ есть. Вообще у насъ актеры совсѣмъ не умѣютъ лгать. Они воображаютъ, что лгать значитъ просто нести болтовню. Лгать значитъ говорить ложь

тономъ такъ[1] близкимъ къ истинѣ, такъ естественно, такъ наивно, какъ можно только говорить одну истину; — и здѣсь-то заключается именно все комическое лжи. Я почти увѣренъ, что Хлестаковъ болѣе бы выигралъ, если бы я назначилъ эту роль одному изъ самыхъ безталанныхъ актеровъ и сказалъ бы ему только, что Хлестаковъ есть человѣкъ ловкій, совершенный comme il faut, умный и даже, пожалуй, добродѣтельный, и что ему остается представить его именно такимъ. Хлестаковъ лжетъ вовсе не холодно, или фанфаронски-театрально: онъ лжетъ съ чувствомъ; въ глазахъ его выражается наслажденіе, получаемое имъ отъ этого. Это вообще лучшая и самая поэтическая минута въ его жизни — почти родъ вдохновенія. И хоть бы что-нибудь изъ этого было выражено! Никакого тоже характера, т. е. лица, т. е. видимой наружности, т. е. физіономіи — рѣшительно не дано было бѣдному Хлестакову. Конечно, несравненно легче карикатурить старыхъ чиновниковъ, въ поношенныхъ вицмундирахъ съ потертыми воротниками; но схватить тѣ черты, которыя довольно благовидны и не выходятъ острыми углами изъ обыкновеннаго свѣтскаго круга — дѣло мастера сильнаго. У Хлестакова ничего не должно быть означено рѣзко. Онъ принадлежитъ къ тому кругу, который, повидимому, ничѣмъ не отличается отъ прочихъ молодыхъ людей. Онъ даже хорошо иногда держится, даже говоритъ иногда съ вѣсомъ, и только въ случаяхъ, гдѣ требуется или присутствіе духа, или характеръ, выказывается его отчасти подленькая, ничтожная натура. Черты роли какого-нибудь городничаго болѣе неподвижны и ясны. Его уже обозначаетъ рѣзко собственная, неизмѣняемая, черствая наружность и отчасти утверждаетъ собою его характеръ. Черты роли Хлестакова слишкомъ подвижны, болѣе тонки, и потому труднѣе уловимы. Что такое, если разобрать, въ самомъ дѣлѣ Хлестаковъ? Молодой человѣкъ, чиновникъ, и пустой, какъ называютъ, но заключающій[2] въ себѣ много качествъ, принадлежащихъ людямъ, которыхъ свѣтъ не называетъ пустыми. Выставить эти качества въ людяхъ, которые не лишены, между прочимъ, хорошихъ достоинствъ, было бы грѣхомъ со стороны писателя, ибо онъ тѣмъ поднялъ бы ихъ на всеобщій смѣхъ. Лучше пусть всякій отыщетъ частицу себя въ этой роли[3], и въ то же время осмо-

трится вокругъ безъ боязни и страха, чтобы не указалъ кто-нибудь на него пальцомъ и не назвалъ бы его по имени. Словомъ, это лицо должно быть типомъ[1] многаго, разбросаннаго въ разныхъ русскихъ характерахъ, но которое здѣсь соединилось случайно въ одномъ лицѣ, какъ весьма часто попадается и въ натурѣ. Всякій хоть на минуту, если не на нѣсколько минутъ, дѣлался или дѣлается Хлестаковымъ, но, натурально, въ этомъ не хочетъ только признаться; онъ любитъ даже и посмѣяться надъ этимъ фактомъ, но только, конечно, въ кожѣ другаго, а не въ собственной. И ловкій гвардейскій офицеръ окажется иногда Хлестаковымъ, и государственный мужъ окажется иногда Хлестаковымъ, и нашъ братъ, грѣшный литераторъ, окажется подчасъ Хлестаковымъ. Словомъ, рѣдко кто имъ не будетъ хоть разъ въ жизни, -- дѣло только въ томъ, что вслѣдъ за тѣмъ очень ловко повернется, и какъ будто бы и не онъ.

Итакъ, неужели въ моемъ Хлестаковѣ не видно ничего этого? Неужели онъ — просто блѣдное лицо, а я, въ порывѣ минутно-горделиваго расположенія, думалъ, что когда-нибудь актеръ обширнаго таланта возблагодаритъ меня за совокупленіе въ одномъ лицѣ толикихъ[2] разнородныхъ движеній, дающихъ ему возможность вдругъ показать всѣ разнообразныя стороны своего таланта. И вотъ Хлестаковъ вышелъ дѣтская, ничтожная роль! Это тяжело и ядовито-досадно.

Съ самаго начала представленія пьесы я уже сидѣлъ въ театрѣ скучный. О восторгѣ и пріемѣ публики я не заботился. Одного только судьи изъ всѣхъ, бывшихъ въ театрѣ, я боялся, и этотъ судья былъ я самъ[3]. Внутри себя я слышалъ упреки и ропотъ противъ моей же пьесы, которые заглушали всѣ другіе. А публика вообще была довольна. Половина ея приняла пьесу даже съ участіемъ; другая половина, какъ водится, ее бранила по причинамъ, однакожъ, не относящимся къ искусству. Какимъ образомъ бранила, мы объ этомъ поговоримъ при первомъ свиданіи съ вами: тутъ есть много поучительнаго и не мало смѣшнаго. Я даже кое-что записалъ; но это въ сторону.

Вообще съ публикою, кажется, совершенно примирилъ „Ревизора“ городничій. Въ этомъ я былъ увѣренъ и прежде, ибо для таланта, каковъ у Сосницкаго, ничего не могло

остаться необъясненнымъ въ этой роли. Я радъ, по крайней мѣрѣ, что доставилъ ему возможность выказать во всей ширинѣ талантъ свой, объ коемъ[1] уже начинали отзываться равнодушно и ставили его на одну доску со многими актерами, которые награждаются такъ щедро рукоплесканіями во вседневныхъ водевиляхъ и прочихъ забавныхъ пьесахъ. На Слугу тоже надѣялся, потому что замѣтилъ въ актерѣ большое вниманіе къ словамъ и замѣчательность. Зато оба наши пріятели, Бобчинскій и Добчинскій, вышли сверхъ ожиданія дурны. Хотя я и думалъ, что они будутъ дурны, ибо, создавая этихъ двухъ маленькихъ чиновниковъ, я воображалъ въ ихъ кожѣ Щепкина и Рязанцова, но все-таки я думалъ, что ихъ наружность и положеніе, въ которомъ они находятся, ихъ какъ-нибудь вынесетъ[2] и не такъ обкарикатуритъ. Сдѣлалось напротивъ: вышла именно карикатура. Уже предъ началомъ представленія, увидѣвши ихъ костюмированными, я ахнулъ. Эти два человѣка, въ существѣ своемъ довольно опрятные, толстенькіе, съ прилично-приглаженными волосами, очутились въ какихъ-то нескладныхъ, превысокихъ сѣдыхъ парикахъ, всклоченные, неопрятные, взъерошенные, съ выдернутыми огромными манишками; а на сценѣ оказались до такой степени кривляками, что, просто, было невыносимо. Вообще костюмировка большей части пьесы была очень плоха и карикатурна. Я какъ бы предчувствовалъ это, когда просилъ, чтобъ сдѣлать одну репетицію въ костюмахъ; но мнѣ стали говорить, что это вовсе не нужно и не въ обычаѣ, и что актеры ужъ знаютъ свое дѣло. Замѣтивши, что цѣны словамъ моимъ давали не много, я оставилъ ихъ въ покоѣ. Еще разъ повторяю: тоска, тоска! Не знаю самъ, отчего одолѣваетъ меня тоска.

Во время представленія я замѣтилъ, что начало четвертаго акта холодно; кажется, какъ будто теченіе піесы, дотолѣ плавное, здѣсь прервалось или влечется лѣниво. Признаюсь, еще во время чтенія свѣдущій и опытный актеръ сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе, что не такъ ловко, что Хлестаковъ начинаетъ первый просить денегъ взаймы, и что было бы лучше, если бы чиновники сами ему предложили. Уважая замѣчаніе довольно тонкое, имѣющее свои справедливыя стороны, я, однакоже, не видѣлъ причины, почему Хлестаковъ, будучи

Хлестаковымъ, не могъ попросить первый. Но замѣчаніе было сдѣлано: „стало быть“,—сказалъ я самъ въ себѣ,—„я плохо выполнилъ эту сцену“. И точно, теперь, во время представленія я увидѣлъ ясно, что начало четвертаго акта блѣдно и носитъ признакъ какой-то усталости. Возвратившись домой, я тотъ же часъ принялся за передѣлку. Теперь, кажется, вышло немного сильнѣе, по крайней мѣрѣ, естественнѣе и болѣе идетъ къ дѣлу. Но у меня нѣтъ силъ хлопотать о включеніи этого отрывка въ піесу. Я усталъ; и какъ вспомню, что для этого нужно ѣздить, просить и кланяться, то Богъ съ нимъ, — пусть лучше при второмъ изданіи или возобновленіи „Ревизора“.

Еще слово о послѣдней сценѣ. Она совершенно не вышла. Занавѣсъ закрывается въ какую-то смутную минуту, и піеса, кажется, какъ будто не кончена. Но я не виноватъ. Меня не хотѣли слушать. Я и теперь говорю, что послѣдняя сцена не будетъ имѣть успѣха до тѣхъ поръ, пока не поймутъ, что это просто нѣмая картина, что все это должно представлять одну окаменѣвшую группу, что здѣсь оканчивается драма и смѣняетъ ее онѣмѣвшая мимика, что двѣ-три минуты не долженъ опускаться[1] занавѣсъ, что совершиться все это должно въ тѣхъ же условіяхъ, какихъ требуютъ такъ называемыя *живыя картины*. Но мнѣ отвѣчали, что это свяжетъ актеровъ, что группу нужно будетъ поручить балетмейстеру, что̀ нѣсколько даже унизительно для актера и пр. и пр. и пр. Много еще другихъ *прочихъ* увидѣлъ я на минахъ, которыя были досаднѣе словесныхъ. Не смотря на всѣ эти *прочія*, я стою на своемъ, и сто разъ говорю: „нѣтъ, это не свяжетъ ни мало, это не унизительно“. Пусть даже балетмейстеръ сочинитъ и составитъ группу, если только онъ въ силахъ почувствовать настоящее положеніе всякаго лица. Таланта не остановятъ указанныя ему границы, какъ не остановятъ рѣку гранитные берега; напротивъ, вошедши въ нихъ, она быстрѣе и полнѣе движетъ свои волны. И въ данной ему позѣ чувствующій актеръ можетъ выразить все. На лицо его здѣсь никто не положилъ оковъ, размѣщена только одна группировка; лицо его свободно выразить[2] всякое движеніе. И въ этомъ онѣмѣніи для него бездна разнообразія[3]. Испугъ каждаго изъ дѣйствующихъ лицъ не похожъ

одинъ на другой, какъ не похожи ихъ характеры и степень боязни и страха, вслѣдствіе великости надѣланныхъ каждымъ грѣховъ. Инымъ образомъ остается пораженъ городничій, инымъ образомъ поражена жена и дочь его. Особеннымъ образомъ испугается судья, особеннымъ образомъ попечитель, почтмейстеръ, и пр. и пр. Особеннымъ образомъ останутся пораженными Бобчинскій и Добчинскій, и здѣсь не измѣнившіе себѣ и обратившіеся другъ къ другу съ онѣмѣвшимъ на губахъ вопросомъ. Одни только гости могутъ остолбенѣть одинакимъ образомъ: но они даль въ картинѣ, которая очерчивается одnимъ взмахомъ кисти и покрывается однимъ колоритомъ. Словомъ, каждый мимически продолжитъ свою роль и, не смотря на то, что повидимому покорилъ себя балетмейстеру, можетъ всегда остаться высокимъ актеромъ. Но у меня недостаетъ больше силъ хлопотать и спорить. Я усталъ и душою и тѣломъ. Клянусь, никто не знаетъ и не слышитъ моихъ страданій. Богъ съ ними, со всѣми! мнѣ опротивѣла моя піеса. Я хотѣлъ бы убѣжать теперь, Богъ знаетъ куда, и предстоящее мнѣ путешествіе, пароходъ, море и другія, далекія небеса, могутъ одни только освѣжить меня. Я жажду ихъ, какъ Богъ знаетъ чего. Ради Бога, пріѣзжайте скорѣе. Я не поѣду, не простившись съ вами. Мнѣ еще нужно много сказать вамъ того, что не въ силахъ сказать несносное, холодное письмо....

1836 г. Мая 25.
С. Петербургъ.

II.

Двѣ сцены, выключенныя и при первомъ изданіи, какъ замедлявшія теченіе піесы.

I.

Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Марья Антоновна. Но я не знаю, маменька, отчего вамъ кажется, что у васъ лучше всего глаза....

Анна Андреевна. Вздоръ тебѣ кажется. Ты глупости, сударыня, толкуешь[1]. Когда жила у насъ полковница, которая ужъ такая была модница, какой я именно не знаю, выписывала все платье изъ Москвы, — бывало мнѣ нѣсколько разъ повторяетъ: „Сдѣлайте милость, Анна Андреевна, откройте мнѣ эту тайну, отчего ваши глаза, просто, говорятъ....“ И всѣ бывало въ одинъ голосъ: „Съ вами, Анна Андреевна, довольно побыть минуту, чтобы отъ вашей любезности позабыть всѣ обстоятельства“. А стоявшій въ это время штабъ-ротмистръ Старокопытовъ[2]? Онъ, не помню[3], проживалъ за ремонтомъ, что ли? Красавецъ! Лицо свѣжее, румянецъ, какъ я не знаю что̀; глаза черные, черные, а воротнички рубашки его — это батистъ такой, какого никогда еще купцы наши не подносили намъ. Онъ мнѣ нѣсколько разъ говорилъ: „Клянусь вамъ, Анна Андреевна, что не только не видалъ, не начитывалъ[4] даже такихъ глазъ; я не знаю, что̀ со мною дѣлается, когда гляжу на васъ....“ На мнѣ еще тогда была тюлевая пелеринка, вышитая виноградными листьями съ колосьями[5] и вся обложенная блондочкою, тонкою, не больше какъ въ палецъ — это, просто, было обвороженіе! Такъ говоритъ бывало: „Я, Анна Андреевна, такое чувствую удоволь-

ствіе, когда гляжу на васъ, что мое сердце“, говоритъ... Я ужъ не могу теперь припомнить, что̀ онъ мнѣ говорилъ. Куда жъ![1] Онъ послѣ того такую поднялъ исторію: хотѣлъ непремѣнно застрѣлиться, да какъ-то пистолеты куда-то запропастились; а случись пистолеты, его бы давно уже не было на свѣтѣ.

Марья Антоновна. Я не знаю, маменька,—мнѣ однакожъ кажется, что у васъ нижняя часть лица гораздо лучше, нежели глаза.

Анна Андреевна. Никогда, никогда! Вотъ этого[2] ужъ нельзя сказать. Что вздоръ, то вздоръ.

Марья Антоновна. Нѣтъ, право, маменька; когда вы этакъ говорите, или сидите въ профили, у васъ губы все...

Анна Андреевна. Пожалуста не толкуй пустяковъ! Такая, право, несносная! Чтобы она какъ-нибудь не поспорила... Боже сохрани! Вотъ, что у матери ея хорошіе глаза, такъ ужъ ей и завидно.—За этими спорами, за вздорами, я заболталась съ тобой. А тутъ того и гляди, что онъ пріѣдетъ и застанетъ насъ одѣтыми, Богъ знаетъ какъ. *(Поспѣшно уходитъ; за ней Марья Антоновна).*

II.

Хлестаковъ и Растаковскій *(въ Екатерининскомъ мундирѣ съ эксельбантомъ[3]).*

Растаковскій. Имѣю честь рекомендоваться—житель здѣшняго города, помѣщикъ, отставной секундъ-маіоръ Растаковскій.

Хлестаковъ. А, прошу покорнѣйше садиться; очень радъ. Я очень хорошо знакомъ съ вашимъ начальникомъ.

Растаковскій *(сѣлъ)*. А, такъ вы изволили[4] знать Задунайскаго?

Хлестаковъ. Какого Задунайскаго?

Растаковскій. Графа Румянцова-Задунайскаго, Петра Александровича: вѣдь это мой бывшій начальникъ.

Хлестаковъ. Да... такъ вы служили давно?[5]..

Растаковскій. Находился во время осады подъ Силистріей, въ 773 году. Очень жаркое было дѣло. Турокъ былъ вотъ такъ, какъ этотъ столъ передъ нами. Я былъ тогда сержантомъ, а секундъ-маіоръ былъ въ нашемъ полку—не изволите ли вы знать: Гвоздевъ Петръ Васильевичъ?

Хлестаковъ. Гвоздевъ? Какой это?

Растаковскій. Петръ Васильевичъ. Онъ былъ по высочайшему повелѣнію покойной императрицы[1] переведенъ потомъ въ драгуны.

Хлестаковъ. Нѣтъ, не знаю.

Растаковскій. Я такъ и полагалъ, что вы не знаете, потому что ужъ болѣе тридцати лѣтъ, какъ онъ умеръ. Вотъ здѣсь не далеко, верстахъ въ двадцати отъ города, осталась его внучка, что̀ вышла замужъ за Ивана Васильевича Рогатку.

Хлестаковъ. За Рогатку? Скажите! Я этого совсѣмъ не полагалъ.

Растаковскій.[2] Да-съ[3], Рогатка, Иванъ Васильевичъ.—Такъ турокъ стоялъ передъ нами вотъ такъ, какъ бы этотъ столъ. Зима и снѣгъ и сумятица была такая, какъ въ томъ году, когда французъ подступалъ подъ Москву. Въ нашемъ полку былъ тоже секундъ-маіоромъ Фиктель-Кнабе[4], нѣмецъ. Звали его Сихфридъ Ивановичъ, но генералъ-аншефъ тогдашній, Потемкинъ, велѣлъ переименовать: „Ты“, говоритъ, „не Сихфридъ, а Супъ,—такъ будь ты Супомъ Ивановичемъ“. И съ той поры такъ и осталось ему имя Супъ Ивановичъ. Такъ этотъ Супъ Ивановичъ и секундъ-маіоръ Гвоздевъ, о которомъ я говорилъ, были посланы за фуражемъ[5]. Къ нимъ былъ прикомандированъ я и еще квартирмистръ[6], если изволите знать, Трепакинъ, Автономъ Павловичъ: онъ также, я думаю, уже будетъ лѣтъ двадцать пять, какъ умеръ.

Хлестаковъ. Трепакинъ? нѣтъ, не знаю. А вотъ я хотѣлъ бы попросить у васъ....

Растаковскій *(не слушая)*. Видный мужчина: русой волосъ, золотой эксельбантъ[7]. Ловко танцовалъ польскій. Хлопнетъ бывало рукою и отобьетъ пару у самого[8] полковника, и какъ только дѣвушки... хе, хе, хе... У насъ бывали тогда палатки; и какъ только взглянешь къ нему въ палатку.... хе, хе, хе.... тамъ ужъ сидитъ, и на утро деньщикъ выводитъ, какъ будто драгуна, въ треугольной[9] шляпѣ... хе, хе, хе.... и портупея виситъ, хе, хе, хе...[10]

Хлестаковъ. Да это подобная исторія съ моимъ знакомымъ[11], однимъ чиновникомъ, который очень выгодно служитъ[12]. Сидитъ онъ въ халатѣ, закурилъ трубку, вдругъ къ нему приходитъ одинъ мой тоже пріятель, гвардеецъ, кавалергардскаго

полку, и говоритъ... *(Останавливается и смотритъ между тѣмъ пристально въ глаза Растаковскому)*. Послушайте, однакожъ, не можете ли вы мнѣ дать сколько-нибудь взаймы денегъ? Я въ дорогѣ истратился.

Растаковскій. Да кто это просилъ денегъ: чиновникъ у гвардейца или гвардеецъ у чиновника?

Хлестаковъ. Нѣтъ, это я прошу у васъ. Видите, чтобъ послѣ какъ-нибудь не позабыть, такъ лучше теперь.

Растаковскій. Такъ это вамъ нужны деньги? Какъ странно![1] Я думалъ[2], что гвардеецъ при анекдотѣ-то попросилъ. Какъ въ разговорѣ-то иногда случается! Такъ вамъ нужны деньги? А я, признаюсь, съ своей стороны пришелъ безпокоить преубѣдительнѣйшею просьбою.

Хлестаковъ. А что, о чемъ?

Растаковскій. Долженъ получить прибавочнаго пенсіона[3], такъ я просилъ бы, чтобы замолвили тамъ сенаторамъ, или кому другому[4].

Хлестаковъ. Извольте, извольте.

Растаковскій. Я самъ подавалъ просьбу, да только, можетъ, не туда, куда слѣдуетъ.

Хлестаковъ. А какъ давно вы подавали просьбу?

Растаковскій. Да если сказать правду, не такъ и давно,— въ 1801 году[5]; да вотъ ужъ тридцать лѣтъ нѣтъ никакой резолюціи. Я послалъ чрезъ Сосулькина Ивана Петровича, который ѣхалъ тогда въ Петербургъ; да онъ-то не слишкомъ надежный человѣкъ[6]. Такъ статься можетъ, что просьбу отнесъ-то не туды, куды слѣдуетъ[7]. А оно, правда, уже немного и ждать остается: тридцать лѣтъ прошло, стало быть, теперь скоро дѣло рѣшится[8].

Хлестаковъ. Да, натурально, теперь рѣшатъ скоро; а впрочемъ, я тоже съ своей стороны... хорошо, хорошо[9].

III.

Сцены перваго изданія „Ревизора", передѣланныя авторомъ для изданія комедіи въ 1842 году.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Комната въ домѣ городничаго.

ЯВЛЕНІЕ I.

Городничій, попечитель богоугодныхъ заведеній, смотритель училищъ, судья, частный приставъ, лѣкарь, два квартальныхъ.

Городничій. Я пригласилъ васъ, господа, съ тѣмъ, чтобы сообщить вамъ пренепріятное извѣстіе. Меня увѣдомляютъ, что отправился инкогнито изъ Петербурга чиновникъ съ секретнымъ предписаніемъ обревизовать въ нашей губерніи все относящееся по части гражданскаго управленія.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Что вы говорите! изъ Петербурга?

Артемій Филипповичъ *(въ испугѣ).* Съ секретнымъ предписаніемъ?

Лука Лукичъ *(въ испугѣ).* Инкогнито?

Городничій. Я, признаюсь вамъ откровенно, очень потревожился. Такъ, какъ будто предчувствовалъ: сегодня мнѣ всю ночь снились какія-то двѣ необыкновенныя крысы. Право, этакихъ я никогда не видывалъ: черныя, неестественной величины! пришли, понюхали — и пошли прочь. Вотъ я вамъ прочту письмо, которое получилъ я отъ Андрея Ивановича Чмыхова, котораго, вы Артемій Филипповичъ, знаете. Вотъ что онъ пишетъ: „Любезный другъ, кумъ и благодѣтель" *(бормочетъ въ полголоса, пробѣгая скоро глазами)*.... „и увѣдомить тебя". А! вотъ: „Спѣшу между прочимъ увѣдомить тебя, что пріѣхалъ чиновникъ съ предписаніемъ осмотрѣть всю губернію и особенно нашъ уѣздъ. *(Значительно подни-*

маетъ палецъ вверхъ). Я узналъ это отъ самыхъ достовѣрныхъ людей, хотя онъ представляетъ себя частнымъ лицомъ. Такъ какъ я знаю, что за тобою, какъ за всякимъ, водятся грѣшки, потому что ты человѣкъ умный и не любишь пропускать того, что плыветъ въ руки..." *(остановясь)* ну, здѣсь свои... „то совѣтую тебѣ взять предосторожность, ибо онъ можетъ пріѣхать во всякой часъ, если только уже не пріѣхалъ и не живетъ гдѣ-нибудь инкогнито.... Вчерашняго дни я..." Ну, тутъ ужъ пошли дѣла семейныя: „сестра Анна Кириловна пріѣхала къ намъ съ своимъ мужемъ; Иванъ Кириловичъ очень потолстѣлъ и все играетъ на скрипкѣ..." и прочее и прочее. Такъ вотъ какое обстоятельство.

Аммосъ Өедоровичъ. Въ самомъ дѣлѣ чрезвычайное происшествіе.

Лука Лукичъ. Скажите пожалуйста, Антонъ Антоновичъ, отъ чего это? За чѣмъ же къ намъ ревизоръ? Вѣдь нашъ городъ уже, кажется, такъ далеко отъ всего, что объ немъ бы и заботиться нечего.

Городничій *(испуская вздохъ).* Говорите же вы! до сегоднишняго дни Богъ миловалъ. Случалось, правда, по газетамъ слышать, что въ такомъ-то мѣстѣ того-то посадили за взятки, того-то отдали подъ судъ за потворство и воровство или за подлогъ; но все это случалось, благодареніе Богу, въ другихъ мѣстахъ, а къ намъ до сихъ поръ никакихъ ни ревизоровокъ, ни ревизоровъ... ничего не было.

Аммосъ Өедоровичъ. Я думаю, Антонъ Антоновичъ, что здѣсь тонкая и больше политическая причина. Это значитъ, Россія хочетъ вести войну, и потому министерія нарочно отправляетъ чиновника, чтобъ узнать, нѣтъ ли гдѣ измѣны.

Городничій. Нѣтъ, Аммосъ Өедоровичъ. Вы хотя и ученый человѣкъ, но не туда попали. Гдѣ нашему уѣздному городишкѣ? Если бъ онъ былъ пограничнымъ, еще бы какъ-нибудь возможно предположить; а то стоитъ чортъ знаетъ гдѣ — въ глуши... Отсюда хоть три года скачи, ни до какого государства не доѣдешь.

Аммосъ Өедоровичъ. Нѣтъ, я вамъ скажу, начальство имѣетъ тонкіе виды: даромъ что далеко, а оно себѣ мотаетъ на усъ.

Городничій *(махнувъ рукой).* Ну.... васъ я знаю, не переговоришь. — Я, господа, собралъ васъ нарочно... По своей

части, то есть въ отношеніи устройства городоваго и полиціи, я уже кое-какъ распорядился, совѣтую и вамъ. Особенно вамъ, Артемій Филипповичъ. Безъ сомнѣнія, проѣзжающій чиновникъ захочетъ прежде всего осмотрѣть подвѣдомственныя вамъ богоугодныя заведенія—и потому вы сдѣлайте такъ, чтобы все было прилично. Колпаки были бы чистые, и больные не походили бы на кузнецовъ, какъ обыкновенно они ходятъ по домашнему въ будни; и тамъ, какъ слѣдуетъ, надписать предъ каждою кроватью по-латынѣ, или на другомъ какомъ языкѣ... какъ признается нужно—это ужъ по вашей части. Христіанъ Ивановичъ—всякую болѣзнь, когда кто заболѣлъ, котораго дня и числа, какъ найдете лучше. *(Помолчавъ и покачавъ головою)*. У васъ больные такой крѣпкой табакъ курятъ, что всегда расчихаешься, когда войдешь. Да и лучше, если бъ ихъ было меньше, потому, что сейчасъ отнесутъ или къ дурному смотрѣнію, или къ неискусству врача.

Артемій Филипповичъ. На счетъ этотъ мы уже съ Христіаномъ Ивановичемъ распорядились, какъ нужно. Все зависитъ отъ образа лѣченія: я полагаю, что чѣмъ ближе къ натурѣ, тѣмъ лучше. Да и въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ убыточиться и выписывать дорогія лѣкарства для какого-нибудь инвалида?... Человѣкъ простой: если умретъ, то и такъ умретъ; если выздоровѣетъ, то и такъ выздоровѣетъ. Притомъ и Христіану Ивановичу очень затруднительно было бъ съ ними изъясняться, потому что онъ не знаетъ по Русски. Лучше же сберегу я казенной интересъ и уменьшеніемъ расходовъ увеличу сумму. Тогда и начальство, видя мое усердіе, безъ сомнѣнія, представитъ меня къ отличію въ поощреніе прочимъ *(обращаясь къ Христіану Ивановичу)*, то есть я разумѣю, что при этомъ и вамъ будетъ какое нибудь благоволеніе.

Христіанъ Ивановичъ *издаетъ звукъ отчасти похожій на букву* и *и нѣсколько на* е.

Городничій. Вамъ тоже посовѣтовалъ бы, Аммосъ Өедоровичъ, обратить вниманіе на присутственныя мѣста. У васъ тамъ въ передней, куда обыкновенно являются просители, сторожа завели домашнихъ гусей съ маленькими гусенками, которые такъ и шныряютъ подъ ногами. Оно, конечно, домашнимъ хозяйствомъ заводиться всякому похвально, и почему жъ сторожу и не завесть его? только, знаете, въ такомъ мѣстѣ

не прилично... я и прежде хотѣлъ вамъ это замѣтить, но все какъ-то позабывалъ. Кромѣ того дурно, что у васъ высушивается въ самомъ присутствіи всякая дрянь, и надъ самымъ шкапомъ съ бумагами охотничій арапникъ. Я знаю, вы любите охоту; но все на время лучше его принять, а тамъ, какъ проѣдетъ ревизоръ, вы пожалуй опять его можете повѣсить. Также засѣдатель вашъ... онъ, можетъ быть, очень хорошій человѣкъ и свѣдущій въ своемъ дѣлѣ, но отъ него, знаете, такой запахъ, какъ будто бъ онъ только что вышелъ изъ винокуреннаго завода — это тоже не хорошо. Я хотѣлъ давно объ этомъ сказать вамъ, но былъ, не помню, чѣмъ-то развлеченъ. Есть такія средства, которыя могутъ это нѣсколько поправить, если уже это дѣйствительно, какъ онъ говоритъ, у него природный запахъ. Можно ему посовѣтовать ѣсть лукъ, или чеснокъ, или что-нибудь другое. Въ этомъ случаѣ можетъ помочь разными средствами, или медикаментами Христіанъ Ивановичъ.

Христіанъ Ивановичъ *издаетъ тотъ же звукъ.*

Аммосъ Ѳедоровичъ. Нѣтъ, этого уже невозможно выгнать: онъ говоритъ точно, что какъ-то въ дѣтствѣ мамка его ушибла, и съ того времени отъ него отдаетъ не много водкою.

Городничій. Да я такъ только замѣтилъ вамъ[1]. На счетъ же внутренняго распоряженія и того, что называетъ въ письмѣ Андрей Ивановичъ грѣшками, я ничего не могу сказать. Да и странно говорить, потому что нѣтъ человѣка, который бы за собою не имѣлъ какихъ-нибудь грѣховъ. Это уже такъ самимъ Богомъ устроено, и волтеріанцы напрасно противъ этого говорятъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Что жъ вы полагаете, Антонъ Антоновичъ, грѣшками? Грѣшки грѣшкамъ рознь. У меня если есть грѣшки, то самые невинные! Вѣдь я, какъ вамъ извѣстно, беру взятки борзыми щенками.

Городничій. Ну, щенками или чѣмъ другимъ, все взятки.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Э, нѣтъ, Антонъ Антоновичъ, это совсѣмъ не то. Вотъ у васъ, напримѣръ: шуба стоитъ пять сотъ рублей, да...

Городничій. Ну, а что изъ того, что вы берете взятки борзыми щенками? За то вы въ Бога не вѣруете, вы въ церковь никогда не ходите; а я, по крайней мѣрѣ, въ вѣрѣ твердъ

и каждое воскресенье бываю въ церкви. А вы... О, я знаю васъ: вы если начнете говорить о сотворенiи мiра, то просто волосы дыбомъ поднимаются.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Да вѣдь самъ собою дошелъ, собственнымъ умомъ.

Городничiй. Ну, въ этомъ случаѣ Богъ знаетъ: ежели слишкомъ много ума, то бываетъ иной разъ хуже, чѣмъ бы его совсѣмъ не было. Впрочемъ, я такъ только упомянулъ объ уѣздномъ судѣ; а оно врядъ ли кто когда-нибудь заглянетъ туда: это ужъ такое завидное мѣсто, самъ Богъ ему покровительствуетъ. А вотъ вамъ, Лука Лукичъ, такъ, какъ смотрителю учебныхъ заведенiй, нужно позаботиться, особенно на счетъ учителей. Они люди, конечно, ученые и воспитывались въ разныхъ коллегiяхъ, но имѣютъ очень странные поступки, натурально неразлучные съ ученымъ званiемъ. Одинъ изъ нихъ, напримѣръ вотъ этотъ, что имѣетъ толстое лицо... не вспомню его фамилiи, никакъ не можетъ обойтись, чтобы, взошедши на каѳедру, не сдѣлать гримасу — вотъ этакъ *(дѣлаетъ гримасу)*. И потомъ начнетъ рукою изъ-подъ галстука утюжить свою бороду. Конечно, если онъ ученику сдѣлаетъ такую рожу, то оно еще ничего, можетъ быть, оно тамъ и нужно такъ, — объ этомъ я не могу судить; но вы посудите сами, если онъ сдѣлаетъ это посѣтителю — это можетъ быть очень худо. Г. ревизоръ или другой кто можетъ принять это на свой счетъ. Изъ этого, чортъ знаетъ, что можетъ произойти.

Лука Лукичъ. Ахъ, Боже мой! У меня совершенно изъ ума вышло.

Городничiй. Тоже я долженъ замѣтить и объ учителѣ по исторической части. Онъ ученая голова — это видно, и свѣдѣнiй нахваталъ тьму, но только объясняетъ съ такимъ жаромъ, что не помнитъ себя. Я разъ слушалъ его: ну, покамѣстъ говорилъ объ Ассирiянахъ и Вавилонянахъ — еще ничего, а какъ добрался до Александра Македонскаго, то я не могу вамъ сказать, что съ нимъ сдѣлалось. Я думалъ, что пожаръ. Ей Богу! Сбѣжалъ съ каѳедры и, что силы есть, хвать стуломъ объ полъ. Оно конечно, Александръ Македонскiй герой, но зачѣмъ же стулья ломать? отъ этого убытокъ казнѣ.

Лука Лукичъ. Да, онъ горячъ; я ему это нѣсколько разъ уже замѣчалъ... Право, я не знаю, что и дѣлать съ нимъ...

Городничій. Да. Таковъ уже неизъяснимый законъ судебъ, что умной человѣкъ или пьяница, или рожу такую состроитъ, что хоть святыхъ выноси.

Лука Лукичъ. Эко право хлопотливое дѣло.

Городничій. Это бы еще ничего хлопоты; худо, что не знаешь съ которой стороны ожидать его, когда и въ какое время. Инкогнито проклятое — вотъ что смущаетъ! Вдругъ заглянетъ: а! вы здѣсь, голубчики! А кто, скажетъ, здѣсь судья? Ляпкинъ-Тяпкинъ. — А подать сюда Ляпкина-Тяпкина![1] А кто попечитель богоугодныхъ заведеній? — Земляника. — А подать сюда Землянику![2] Вотъ что худо.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и почтмейстеръ.

Городничій. Здравствуйте[3], Иванъ Кузьмичъ! Я нарочно посылалъ за вами съ тѣмъ, чтобы сообщить очень важную новость.

Почтмейстеръ. Я слышалъ уже отъ Петра Ивановича Бобчинскаго. Онъ только что былъ у меня въ почтовой конторѣ.

Городничій. Ну что? какъ вы думаете объ этомъ?

Почтмейстеръ. А что думаю? война съ Турками будетъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Въ одно слово! я самъ то же думалъ.

Городничій. Нѣтъ, нѣтъ! совсѣмъ не то.

Почтмейстеръ. Право война съ Турками. Это все Французъ гадитъ.

Городничій. Какая тутъ война съ Турками! Гдѣ тутъ Турки? Тутъ просто намъ плохо будетъ, а не Туркамъ. Это уже извѣстно: меня увѣдомляетъ достовѣрный человѣкъ, что именно ѣдетъ чиновникъ съ тѣмъ, чтобъ осмотрѣть въ нашемъ городѣ все гражданское устройство.

Почтмейстеръ. А, можетъ быть, очень можетъ быть, — и это правда[4].

Городничій. Ну, какъ вы, Иванъ Кузьмичъ, а меня даже немного по кожѣ подираетъ.

Почтмейстеръ. Да я и самъ чувствую... а вы очень боитесь?..

Городничій. Чего жъ бояться! боязни нѣтъ, а такъ какъ-то неловко... больше со стороны купечества и гражданства здѣшняго. Я, признаться сказать, имъ немножко солоно пришелся.

Они на меня какъ коршуны... такъ бы всего и растрепали, только перья полетятъ во всѣ стороны. Пожалуйте сюда [Иванъ Кузьмичъ][1], я вамъ кое что скажу. *(Отводитъ его въ сторону).* Вотъ въ чемъ дѣло: можетъ быть, онъ, если не пріѣхалъ, то находится близко отсюда. Я, признаюсь вамъ, имѣю основательныя причины думать, не жаловался ли кто-нибудь на меня. Отъ чего жъ такая напасть на нашъ городъ? Да при томъ еще инкогнито? Чортъ знаетъ, что такое: инкогнито! Вѣдь начальство жъ есть въ городѣ, къ чему жъ тутъ инкогнито? Такъ вамъ нужно, Иванъ Кузьмичъ, для общей нашей пользы всякое письмо, которое прибываетъ къ вамъ въ почтовую контору, входящее и исходящее, знаете, этакъ немножко распечатать и прочитать: не содержится ли въ немъ какого-нибудь донесенія или просто переписки. Если же нѣтъ, то можно опять запечатать. Для этого снять какъ-нибудь изъ глины слѣпокъ; впрочемъ можно даже и такъ отдать письмо, распечатанное.

Почтмейстеръ. Знаю, знаю... Я это дѣлаю и безъ того: не то чтобъ изъ предосторожности, а больше изъ любопытства, ибо, признаюсь, очень люблю узнать, что есть новаго на свѣтѣ. Я вамъ скажу, что это весьма интересное чтеніе! иное письмо съ большимъ удовольствіемъ прочтешь: такъ хорошо описываются разные этакіе пасажи... назидательные даже! лучше нежели въ Московскихъ Вѣдомостяхъ. А вы никогда не читали?

Городничій. Нѣтъ, не читалъ; я однакоже радъ, что вы это дѣлаете. Это въ жизни хорошо. Скажите: тамъ вы до сихъ поръ ничего не начитывали о какомъ-нибудь чиновникѣ изъ Петербурга?

Почтмейстеръ. О Петербургскомъ ничего нѣтъ; а о Костромскихъ и Саратовскихъ много говорится. Жаль однакожъ, что вы никогда не читаете писемъ. Есть прекрасныя мѣста. Вотъ недавно читалъ я: одинъ поручикъ пишетъ къ одному пріятелю своему и описалъ балъ и жизнь свою съ такимъ искусствомъ... очень хорошо. „Я провожу, говоритъ, время съ крайнимъ удовольствіемъ; барышень, говоритъ, много, музыка играетъ, штандартъ скачетъ...“ съ большимъ, съ большимъ чувствомъ описалъ. Вотъ, если хотите, я вамъ дамъ его прочесть. Я нарочно оставилъ его у себя.

Городничій. Покорнѣйше благодарю. Теперь, право, мнѣ не

до того. Такъ сдѣлайте милость, Иванъ Кузьмичъ: какъ только получите какое-нибудь извѣстіе, то сей часъ же его ко мнѣ; а если жалоба или донесеніе, то, безъ всякихъ разсужденій, задерживайте.

Почтмейстеръ. Съ большимъ удовольствіемъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Смотрите, достанется вамъ когда-нибудь за это.

Почтмейстеръ. Ахъ, батюшки!

Городничій. Ничего, ничего. Другое дѣло, если бъ вы изъ этого публичное что-нибудь сдѣлали, но вѣдь это дѣло семейственное.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Эко, въ самомъ дѣлѣ, какое непредвидимое извѣстіе! А я, признаюсь, шелъ было къ вамъ, Антонъ Антоновичъ, съ тѣмъ, чтобы попотчивать васъ собаченкою. Родная сестра тому кобелю, котораго вы знаете. У меня завели тяжбу два помѣщика сосѣда, и я теперь травлю зайцевъ на земляхъ и у того и у другаго.

Городничій. Богъ съ ними теперь, со всякими зайцами! У меня въ ушахъ только и слышно, что инкогнито проклятое. Такъ и ожидаешь, что вдругъ отворятся двери и войдетъ...

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, Бобчинскій и Добчинскій, *оба входятъ запыхавшись.*

Бобчинскій. Чрезвычайное происшествіе!

Добчинскій. Неожиданное извѣстіе!

Всѣ. Что? что такое?

Добчинскій. Непредвидѣнное дѣло: приходимъ въ гостинницу....

Бобчинскій *(перебивая).* Приходимъ съ Петромъ Ивановичемъ въ гостинницу....

Добчинскій *(перебивая).* Э, позвольте, Петръ Ивановичъ, я разскажу.

Бобчинскій. Э, нѣтъ, позвольте ужъ я.... позвольте, позвольте.... вы ужъ и слога такого не имѣете...

Добчинскій. А вы не помните всѣхъ обстоятельствъ; вы сей часъ собьетесь.

Бобчинскій. Э, нѣтъ, помню. Ей Богу, помню! Ужъ не мѣ-

шайте, — пусть я разскажу. Не мѣшайте!... Скажите, господа, сдѣлайте милость, чтобъ Петръ Ивановичъ не мѣшалъ.

Городничій. Да что такое? говорите, ради Бога, что такое? У меня сердце не на мѣстѣ. Садитесь, господа! сдѣлайте милость садитесь! возьмите стулья! Петръ Ивановичъ, вотъ вамъ стулъ. *(Всѣ усаживаются вокругъ обоихъ Петровъ Ивановичей).* Ну, что такое?

Бобчинскій. Позвольте, я сейчасъ — по порядку. Какъ только вышелъ я отъ васъ.... Э, не мѣшайте, Петръ Ивановичъ! не говорите ужъ ничего, сдѣлайте милость, я ужъ самъ знаю!... Какъ только вышелъ я отъ васъ, то побѣжалъ тотчасъ къ Коробкину; а не заставши Коробкина дома, заворотилъ къ Ростановскому; а не заставши Ростановскаго[1], зашелъ вотъ къ Ивану Кузьмичу, чтобы сообщить ему полученную вами новость; да идучи оттуда, встрѣтился съ Петромъ Ивановичемъ....

Добчинскій. Возлѣ будки, гдѣ продаются пироги.

Бобчинскій. Возлѣ будки, гдѣ продаются пироги. Слышали ли вы, говорю я Петру Ивановичу, о той новости, которую получилъ Антонъ Антоновичъ изъ достовѣрнаго письма. А Петръ Ивановичъ уже услышали объ этомъ отъ ключницы вашей Авдотьи, которая, не знаю зачѣмъ-то, была послана къ Филиппу Антоновичу Почечуеву.

Добчинскій. За боченкомъ для Французской водки.

Бобчинскій. За боченкомъ для Французской водки. Вотъ мы пошли съ Петромъ Ивановичемъ къ Почечуеву.... Э, сдѣлайте одолженіе, Петръ Ивановичъ, не перебивайте, пожалуйста не перебивайте!... Пошли къ Почечуеву, да на дорогѣ Петръ Ивановичъ говоритъ мнѣ: сегодня, я знаю, привезли въ трактиръ свѣжей семги, такъ пойдемъ — закусимъ. Только что мы въ гостинницу, какъ вдругъ молодой человѣкъ....

Добчинскій *(перебивая).* Не дурной наружности, въ партикулярномъ платьѣ....

Бобчинскій. Не дурной наружности, въ партикулярномъ платьѣ, ходитъ по комнатѣ, и въ лицѣ такое разсужденіе и физіономія.... такіе важные поступки, и такъ здѣсь *(вертитъ рукою около лба)* много, много всего. Я такъ, какъ будто предчувствовалъ, и говорю себѣ: здѣсь что-нибудь да не даромъ. А Петръ Ивановичъ тотчасъ мигнули пальцомъ и по-

дозвали трактирщика, — трактирщика Власа: у него жена три недѣли назадъ тому родила, и такой хорошій мальчикъ, — большія подаетъ надежды; со временемъ также, какъ отецъ, будетъ содержать трактиръ. Подозвавши Власа, Петръ Ивановичъ спросилъ потихоньку: кто такой этотъ молодой человѣкъ? а Власъ говоритъ: это, говоритъ.... Э, не перебивайте, Петръ Ивановичъ, пожалуйста не перебивайте! Вы не разскажете, ей Богу не раскажете! вы немного шепеляете; у васъ, я знаю, одинъ зубъ со свистомъ.... Это, говоритъ, молодой человѣкъ чиновникъ, ѣдущій изъ Петербурга: Иванъ Александровичъ Хлестаковъ, а ѣдетъ въ Саратовскую губернію, и что чрезвычайно странно себя аттестуетъ: больше полуторы недѣли живетъ, дальше не ѣдетъ, забираетъ все на счетъ, и денегъ хоть бы копѣйку заплатилъ. Меня въ одну минуту такъ и вразумило. Э! говорю я Петру Ивановичу....

Добчинскій. Нѣтъ, Петръ Ивановичъ, это я сказалъ: Э!...

Бобчинскій. Сначала вы сказали, а потомъ и я сказалъ. Э! сказали мы съ Петромъ Ивановичемъ, съ какой стати сидѣть ему здѣсь, когда дорога ему лежитъ Богъ знаетъ куда: въ Саратовскую губернію! — Это вѣрно не кто другой, какъ самый тотъ чиновникъ.

Городничій. Что вы говорите! Не можетъ быть. *(Придвигаетъ поближе стулъ)*. Да нѣтъ, это вамъ такъ показалось: — это кто нибудь другой.

Добчинскій. Помилуйте, какъ не онъ: и денегъ не платитъ, и не ѣдетъ! Кому же бъ быть, какъ не ему? и съ какой стати жилъ бы онъ здѣсь, когда ему прописана подорожная въ Саратовъ?

Бобчинскій. Онъ, онъ, ей Богу, онъ.... Я ставлю Богъ знаетъ что.... Такой наблюдательной: все обсмотрѣлъ и по угламъ вездѣ, и даже заглянулъ въ наши тарелки, полюбопытствовать, что ѣдимъ. Такой осмотрительной, что Боже сохрани!

Городничій. Ахъ, Боже мой! помилуй насъ грѣшныхъ! Гдѣ же онъ тамъ живетъ?

Добчинскій. Въ 5-мъ №. подъ лѣстницей.

Бобчинскій. Въ томъ самомъ номерѣ[1], гдѣ прошлаго года подрались проѣзжіе офицеры.

Городничій. И давно онъ ужъ здѣсь?

Добчинскій. Ужъ будетъ полторы недѣли. Пріѣхалъ на Василья Египтянина.

Городничій. Полторы недѣли! что вы! *(Въ сторону)* Ай, ай, ай, *(почесывая ухо)* въ эти полторы недѣли высѣчена почти напрасно унтеръ-офицерская жена! Боже мой! въ эти полторы недѣли арестантамъ никакой провизіи не выдавали. На улицахъ кабакъ, нечистота. О Боже мой, Боже мой!... *(Хватается за голову).*

Артемій Филипповичъ. Мнѣ кажется, Антонъ Антоновичъ, намъ теперь поскорѣй одѣться въ мундиры, и сей же часъ ѣхать прямо къ нему въ гостинницу.

Аммосъ Ѳедоровичъ. А я полагаю, Антонъ Антоновичъ, что нужно больше параду. Нужно пригласить купечество, впередъ пустить Голову: онъ человѣкъ видной. Не дурно бы тоже и священство. Это имѣетъ глубокое и таинственное значеніе, вотъ и въ книгѣ: Дѣянія Іоанна Массона....

Городничій. Нѣтъ, нѣтъ; позвольте ужъ мнѣ самому это обдѣлать. *(Обращаясь къ Бобчинскому).* Вы говорите, что онъ человѣкъ молодой?

Бобчинскій. Молодой, лѣтъ двадцати трехъ или четырехъ съ небольшимъ.

Городничій. Ну, это хорошо, что молодой человѣкъ. Мы вотъ какъ сдѣлаемъ: вы теперь приготовляйте[1] каждый по своей части наскоро, чтò можете, къ принятію, а я отправлюсь самъ, или, вотъ хоть съ Петромъ Ивановичемъ, приватно, такъ, какъ бы просто для прогулки, — будто бы навѣдаться, не терпятъ ли проѣзжающіе какихъ-нибудь недостатковъ или непріятностей. А вамъ совѣтую сей же часъ воспользоваться временемъ. Эй, Свистуновъ!

Свистуновъ. Что угодно?

Городничій. Ступай сей часъ за частнымъ приставомъ.... или, нѣтъ, ты мнѣ нуженъ. Скажи тамъ кому-нибудь, чтобы какъ можно поскорѣе ко мнѣ частнаго пристава, и приходи сюда.

(Квартальный бѣжитъ впопыхахъ.)

Артемій Филипповичъ. Идемъ, идемъ, Аммосъ Ѳедоровичъ! Въ самомъ дѣлѣ, можетъ случиться бѣда.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Да вамъ-то еще ничего: у васъ все въ исправности.

Артемій Филипповичъ. Кой чортъ въ исправности! Плохо, чрезвычайно плохо. Для больныхъ сегодня и на кухнѣ ничего не готовилось.

(Судья, попечитель богоугодныхъ заведеній, смотритель училищъ и почтмейстеръ уходятъ, и въ дверяхъ сталкиваются съ возвращающимся квартальнымъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Хлестаковъ *(одинъ).* Это скверно однакожъ, если онъ совсѣмъ ничего не дастъ ѣсть. Такъ хочется, какъ еще никогда не хотѣлось. Развѣ изъ платья что-нибудь пустить въ оборотъ? Нѣтъ, не хочу; лучше немного поголодаю, да по крайней мѣрѣ пріѣду домой въ Петербургскомъ костюмѣ. Жаль, что Іохимъ не далъ на прокатъ кареты, а хорошо бы пріѣхать домой въ каретѣ. Очень бы не дурно подкатить къ какому-нибудь сосѣду помѣщику съ фонарями подъ крыльцо, а Осипа сзади одѣть въ ливрею. Какъ бы переполошились всѣ: кто такой, что такое? а лакей входитъ: „Иванъ Александровичъ Хлестаковъ изъ Петербурга, прикажете принять?“ Они, пентюхи, и не знаютъ, что такое значитъ „прикажете принять“. Къ нимъ если пріѣдетъ какой-нибудь гусь помѣщикъ, то въ ту же минуту вылазитъ изъ брычки, и, не говоря ни слова, такъ прямо медвѣдь и валится въ гостиную. Къ дочечкѣ какой-нибудь хорошенькой подойдешь: „Сударыня, какъ я....“ Тьфу *(плюетъ),* даже тошнитъ, какъ ѣсть хочется.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Хлестаковъ, Городничій и Добчинскій. *(Городничій вошедъ останавливается. Оба въ испугѣ смотрятъ нѣсколько минутъ одинъ на другаго, выпучивъ глаза).*

Городничій *(немного оправившись и протянувъ руки по швамъ).* Желаю здравствовать.

Хлестаковъ *(кланяется).* Мое почтеніе...

Городничій. Извините.

Хлестаковъ. Ничего.

Городничій. Обязанность моя, какъ градоначальника здѣшняго города, заботиться о томъ, чтобы проѣзжающимъ и всѣмъ благороднымъ людямъ никакихъ притѣсненій...

Хлестаковъ *(сначала немного заикается, но къ концу рѣчи говоритъ громко)*. Да что жъ дѣлать!... я не виноватъ!... Я, право, заплачу... Мнѣ пришлютъ изъ деревни. *(Бобчинскій выглядываетъ изъ дверей)*. Онъ больше виноватъ: говядину мнѣ подаетъ такую твердую, какъ бревно; а супъ... онъ, чортъ знаетъ, чего плеснулъ туда: я долженъ былъ выбросить его за окно. Онъ меня голодомъ по цѣлымъ днямъ... Чай такой странной: воняетъ рыбой, а не чаемъ. За что жъ я?... Вотъ новость!

Городничій *(робѣя)*. Извините, я, право, не виноватъ. На рынкѣ у меня говядина всегда хорошая. Привозятъ Холмогорскіе купцы, люди трезвые и поведенія хорошаго. Я ужъ не знаю, откуда онъ беретъ такую. Позвольте мнѣ предложить вамъ переѣхать со мною на другую квартиру.

Хлестаковъ. Нѣтъ, я не хочу; я знаю, что значитъ на другую квартиру, то есть въ тюрьму. Зачѣмъ же меня... Вы не имѣете права... Я покажу вамъ подорожную... Я чиновникъ, ѣду въ собственную мою деревню, въ Саратовскую губернію, служу по министерству... Вы не смѣете... я буду жаловаться.

Городничій *(въ сторону)*. О Боже мой! Все, все узналъ... Какой сердитой! Все разсказали проклятые купцы.

Хлестаковъ *(храбрясь)*. Да какъ вы смѣете!... Меня самъ министръ знаетъ... Нѣтъ, не пойду! Ей Богу, не пойду, вотъ хоть вы со всей своей командой... *(Въ сторону)*. Не поддаваться! право не поддаваться! и если что-нибудь... то... *(Беретъ сзади рукою бутылку)*.

Городничій *(вытянувшись и дрожа всѣмъ тѣломъ)*. Помилуйте, не погубите! Жена, дѣти маленькія... не сдѣлайте несчастнымъ человѣка.

Хлестаковъ. Нѣтъ, я не хочу. Вотъ еще! мнѣ какое дѣло! Отъ того, что у васъ жена и дѣти, я долженъ итти въ тюрьму,— вотъ прекрасно! *(Бобчинскій выглядываетъ въ дверь и въ испугѣ прячется)*. Нѣтъ, благодарю покорно, не хочу.

Городничій *(дрожа)*. По неопытности, ей Богу, по не-

опытности! Недостаточность состоянія... Казеннаго жалованья не хватаетъ даже на чай и сахаръ. Если жъ и были какія взятки, то самая малость: къ столу что-нибудь, да на пару платья. Что же до унтеръ-офицерской вдовы, занимающейся купечествомъ, которую я будто бы высѣкъ, то это клевета, ей Богу, клевета! Это выдумали злодѣи мои; это такой народъ, что на жизнь мою готовы покуситься.

Хлестаковъ. Да... конечно... *(Въ размышленіи)* Я не знаю, однакожъ, зачѣмъ вы говорите о злодѣяхъ или о какой-то унтеръ-офицерской вдовѣ?... Я не знакомъ съ нею. Да мнѣ и дѣла нѣтъ къ ней. Унтеръ-офицерская жена совсѣмъ другое, а меня вы не смѣете высѣчь. До этого вамъ далеко... я заплачу вамъ деньги; у меня только теперь нѣтъ. Я потому и сижу здѣсь такъ долго, что ни копѣйки нѣтъ денегъ.

Городничій *(въ сторону)*. О, тонкая штука! Экъ куда метнулъ! Какого туману напустилъ! Разбери, кто хочетъ. Не знаешь, съ которой стороны и приняться. Попробовать развѣ на авось? *(Вслухъ.)* Если вы точно имѣете нужду въ деньгахъ, или въ чемъ другомъ, то я готовъ служить сію минуту. Моя обязанность помогать проѣзжающимъ.

Хлестаковъ. Такъ вы даете мнѣ взаймы?... О если такъ, то я сейчасъ готовъ расплатиться: мнѣ бы двѣсти рублей, раздѣлаться только съ трактирщикомъ, а тамъ я, какъ только въ деревню, сей же часъ и возвращу вамъ... это вдругъ.

Городничій. Помилуйте! я готовъ ожидать, сколько угодно. Какъ можно, чтобы я осмѣлился назначить срокъ. Вотъ тутъ ровно двѣсти рублей, хоть и не трудитесь считать.

Хлестаковъ *(принимая деньги)*. Покорнѣйше благодарю; я вамъ очень благодаренъ. Меня, признаюсь, это чрезвычайно поощрило; у меня ужъ ни копѣйки не было. Вы, какъ я вижу теперь, очень благородной человѣкъ, а прежде я думалъ... *(Кладетъ ихъ въ карманъ)*.

Городничій *(въ сторону)*. Ну, слава Богу! по крайней мѣрѣ деньги взялъ. Теперь дѣло, можетъ быть, на ладъ пойдетъ. Я таки ему, вмѣсто двухъ сотъ, четыреста ввернулъ.

Хлестаковъ. Эй, Осипъ! *(Осипъ входитъ)*. Позови сюда трактирнаго слугу! *(Къ городничему и Добчинскому)*. А что жъ вы стоите? Сдѣлайте милость, садитесь. *(Добчинскому)*. Садитесь, прошу покорнѣйше.

Городничій. Ничего, мы и такъ постоимъ.

Хлестаковъ. Садитесь пожалуста, я васъ прошу! *(Добчинскому).* Садитесь. *(Городничій и Добчинскій садятся. Бобчинскій выглядываетъ въ дверь).*

Городничій *(въ сторону).* Нужно быть посмѣлѣе. Онъ хочетъ, чтобы считали его инкогнитомъ. Хорошо, подпустимъ и мы турусы: прикинемся, какъ будто совсѣмъ и не знаемъ, что̀ онъ за человѣкъ. *(Вслухъ).* Мы, прохаживаясь по дѣламъ должности, вотъ съ Петромъ Ивановичемъ Добчинскимъ, здѣшнимъ помѣщикомъ, зашли нарочно въ гостинницу, чтобы освѣдомиться, хорошо ли содержатся проѣзжающіе, потому что я не такъ, какъ иной городничій, которому ни до чего дѣла нѣтъ; но я, я кромѣ должности, еще, по христіанскому человѣколюбію, хочу, чтобъ всякому смертному оказывался хорошій пріемъ, и вотъ, въ награду за ревностную службу, случай доставилъ такое пріятное знакомство съ вами.

Хлестаковъ. Я тоже самъ очень радъ. Безъ васъ я, признаюсь, долго бы просидѣлъ здѣсь: совсѣмъ не зналъ, чѣмъ заплатить.

Городничій *(въ сторону).* Да разсказывай себѣ! *(Вслухъ).* Осмѣлюсь ли спросить, куда и въ какія мѣста ѣхать изволите?

Хлестаковъ. Я ѣду въ Саратовскую губернію, въ собственную деревню.

Городничій *(въ сторону, съ лицемъ, принимающимъ ироническое выраженіе).* Въ Саратовскую губернію! О, да ты штука! *(Вслухъ).* Да, пріятная прогулка для ума и сердца. Въ дорогѣ способности хорошо развиваются... И вы, вѣрно, такъ только по своей охотѣ ѣдете туда, для своего удовольствія?

Хлестаковъ. Нѣтъ, батюшка меня требуетъ; а мнѣ, признаюсь, въ Петербургѣ лучше бы...

Городничій *(въ сторону).* Батюшка требуетъ... А? Экія пули отливаетъ! А вѣдь какой маленькой[1]... *(Вслухъ).* И на долгое время изволите ѣхать туда?

Хлестаковъ. Не знаю. Мнѣ не хотѣлось бы жить съ мужиками; помѣщики тоже не имѣютъ образованности; однакожъ отставку подалъ.

Городничій *(въ сторону).* И въ отставку подалъ! Каково подвертываетъ! *(Вслухъ).* И прекрасно дѣлаете. Что̀ служба?

Однѣ хлопоты: ночь не спишь — стараешься для отечества, не жалѣешь ничего, а награда неизвѣстно еще, когда будетъ. *(Окидываетъ глазами комнату).* Какія большія пятна по угламъ! Должно быть, течь и сырость бываетъ; и стѣны тоже ужъ слишкомъ низенькія... Мнѣ кажется, эта комната для васъ не слишкомъ удобна.

Хлестаковъ. Скверная комната, и клопы такіе, какихъ я еще нигдѣ не видывалъ: такъ, какъ собаки, канальи, кусаютъ.

Городничій. Скажите! Такой просвѣщенный гость, и претерпѣваетъ такое неудовольствіе отъ какихъ-нибудь негодныхъ клоповъ, которымъ бы и на свѣтъ не слѣдовало родиться! Мнѣ кажется, сколько на мои слабые глаза, или это мухи обпачкали, какъ будто бы даже темно въ этой комнатѣ.

Хлестаковъ. Да, совсѣмъ темно, и хозяинъ завелъ обыкновеніе не отпускать совсѣмъ свѣчей. Иногда что-нибудь хочется сдѣлать — почитать, или такъ придетъ фантазія сочинить что-нибудь; но не можно, потому что вовсе темно[1].

Городничій. Осмѣлюсь ли просить васъ объ одномъ наивеличайшемъ одолженіи, котораго, безъ сомнѣнія, можетъ быть, я даже не достоинъ.

Хлестаковъ. А что?

Городничій. Я бы дерзнулъ попросить васъ переѣхать ко мнѣ на домъ: у меня есть въ домѣ для васъ очень удобная комната.

Хлестаковъ *(въ размышленіи).* Какъ, то есть къ вамъ?... Да у васъ какая комната?

Городничій. Прекрасная комната, и столъ тоже вы будете у меня имѣть — хоть не столичной, но хорошій столъ; припасы свѣжіе, не такіе, какіе отпускаютъ въ трактирѣ за деньги. Не откажите! а я ужъ такъ радъ буду гостю... У меня такой нравъ: гостепріимство съ самаго дѣтства; все, что ни есть, готовъ предложить; особливо если[2] еще притомъ гость такой просвѣщенной человѣкъ. Не подумайте, чтобы я говорилъ это изъ лести. Нѣтъ, не имѣю этого порока: отъ полноты души выражаюсь.

Хлестаковъ. Покорно благодарю васъ. Мнѣ тоже вы очень понравились.

ЯВЛЕНІЕ X.

Городничій, Хлестаковъ, Добчинскій.

Городничій. Не угодно ли будетъ вамъ осмотрѣть теперь нѣкоторыя заведенія въ нашемъ городѣ, какъ-то богоугодныя и другія?

Хлестаковъ. А что тамъ такое?

Городничій. А такъ, посмотрите, какое у насъ теченіе дѣлъ... Знаете, это для наблюдательнаго ума хорошо; тутъ можно много полезнаго вывести.

Хлестаковъ. Съ большимъ удовольствіемъ, я готовъ. *(Бобчинскій выставляетъ голову въ дверь).*

Городничій. Также, если будетъ ваше желаніе, оттуда въ уѣздное училище, осмотрѣть порядокъ, въ какомъ преподаются у насъ науки.

Хлестаковъ. Извольте, извольте.

Городничій. Потомъ, если пожелаете посѣтить острогъ и городскія тюрьмы — разсмотрите, какъ у насъ содержатся преступники.

Хлестаковъ. Да, тюрьмы... нѣтъ, лучше я посмотрю богоугодныя заведенія.

Городничій. Какъ вамъ угодно. Какъ вы намѣрены, въ своемъ экипажѣ, или вмѣстѣ со мною на дрожкахъ?

Хлестаковъ. Да я лучше съ вами на дрожкахъ поѣду.

Городничій *(Добчинскому).* Ну, Петръ Ивановичъ, вамъ теперь нѣтъ мѣста.

Добчинскій. Ничего, я такъ.

Городничій. Вы побѣгите наскоро ко мнѣ и скажите женѣ моей... или лучше я дамъ вамъ записочку. *(Хлестакову).* Осмѣлюсь ли я попросить позволенія написать въ вашемъ присутствіи одну строчку къ женѣ, чтобъ она приготовилась къ принятію почтеннаго гостя.

Хлестаковъ. Зачѣмъ безпокоиться? Впрочемъ извольте, напишите: вотъ тутъ и чернила, только бумаги... не знаю... развѣ на этомъ счетѣ.

Городничій. Я здѣсь напишу. *(Пишетъ и отдаетъ Добчинскому, который подходитъ къ двери; но въ это время дверь обрывается, и подслушивавшій съ другой стороны Бобчин-*

скій летитъ вмѣстѣ съ нею на сцену. Всѣ издаютъ восклицанія. Бобчинскій подымается).

Хлестаковъ. Что? не ушиблись ли вы гдѣ-нибудь?

Бобчинскій. Ничего, ничего; только сверхъ носа небольшая нашлёпка. Я забѣгу къ Христіяну Ивановичу, онъ дастъ мнѣ пластыря, и все пройдетъ.

Городничій *(дѣлая Бобчинскому укорительный знакъ, Хлестакову).* Прошу покорнѣйше, пожалуйте! а слугѣ вашему я скажу, чтобы перенесъ чемоданъ. *(Осипу).* Любезнѣйшій, ты перенеси все ко мнѣ, къ городничему, тебѣ всякой покажетъ. Прошу покорнѣйше! *(Пропускаетъ впередъ Хлестакова и слѣдуетъ за нимъ, но, оборотившись, говоритъ съ укоризной Бобчинскому).* Ужъ и вы! не нашли другаго мѣста упасть! и растянулся, какъ чортъ знаетъ что такое! *(Уходитъ, за нимъ Бобчинскій; занавѣсъ опускается).*

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же, **Анна Андреевна** и **Марья Антоновна**.

Городничій. Осмѣлюсь представить вамъ семейство мое: жена и дочь.

Хлестаковъ *(раскланиваясь).* Какъ я счастливъ, сударыня, что имѣю удовольствіе васъ видѣть.

Анна Андреевна. Намъ еще болѣе пріятно видѣть такую особу.

Хлестаковъ *(рисуясь).* Помилуйте, сударыня, совершенно напротивъ: мнѣ еще пріятнѣе.

Анна Андреевна. Прошу покорно садиться.

Хлестаковъ. Возлѣ васъ стоять уже есть счастіе; впрочемъ, если вы такъ уже непремѣнно хотите, я сяду. Какъ я счастливъ, что наконецъ сижу возлѣ васъ.

Анна Андреевна. Помилуйте! я никакъ не смѣю на свой счетъ... Я думаю, вамъ послѣ столицы вояжировка показалась очень непріятною.

Хлестаковъ. Чрезвычайно непріятна. Знаете, сдѣлавши привычку жить въ свѣтѣ, пользоваться всѣми удобствами, и вдругъ

послѣ этого въ какой-нибудь дорогѣ... не встрѣтишься съ образованнымъ человѣкомъ, съ которымъ бы можно поговорить о чемъ-нибудь; станціонные смотрители чрезвычайные невѣжи и совершенно безъ воспитанія... Если бъ, признаюсь, не такой случай, какъ теперь, который меня вознаградилъ совершенно *(посматривая на Анну Андреевну)*, то я совсѣмъ не нашелся бы.

Анна Андреевна. Въ самомъ дѣлѣ, какъ вамъ должно быть непріятно.

Хлестаковъ. Впрочемъ, сударыня, въ эту минуту мнѣ очень пріятно.

Анна Андреевна. Вы дѣлаете много чести. Я этого не заслуживаю.

Хлестаковъ. Отъ чего же не заслуживаете? Вы, сударыня, очень заслуживаете.

Анна Андреевна. Я живу въ деревнѣ...

Хлестаковъ. Да, конечно; впрочемъ деревня тоже имѣетъ пріятности: ручейки, хижинки, зефиры!.. Я, сударыня, служу въ Петербургѣ съ большою выгодою. Это правда, что на мнѣ небольшой чинъ: ужъ никакъ не больше коллежскаго ассессора, даже немножко меньше; но за то меня вся канцелярія знаетъ, и начальникъ отдѣленія совершенно со мной на дружеской ногѣ. Этакъ ударитъ по плечу: „приходи, братецъ, обѣдать“. Правду сказать, я ужъ за то и дѣлаю много. Вы, можетъ быть, думаете, что я принадлежу къ тѣмъ, которые только переписываютъ бумаги, — о нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ! Я только приду и скажу: это вотъ такъ, это вотъ такъ, — а тамъ уже чиновникъ для письма сію минуту перомъ: тр... тр... такъ это все скоро. Мнѣ тамъ ужъ и кресло стоитъ особенно, какъ будто столоначальнику, — право. И сторожъ летитъ еще на лѣстницѣ за мною со щеткою[1]: „позвольте, Иванъ Александровичъ, я вамъ, говоритъ, сапоги почищу“. *(Городничему)*. Что вы, господа, стоите? пожалуста садитесь!

Вмѣстѣ.
Городничій. Чинъ такой, что еще можно постоять.
Артемій Филипповичъ. Мы постоимъ.
Лука Лукичъ. Не извольте безпокоиться.

Хлестаковъ. Безъ чиновъ, прошу садиться. *(Городничій и всѣ садятся)*. Да. Тамъ изъ нашихъ чиновниковъ никто такъ не одѣвается. Платье заказываю Ручу, триста рублей за пару.

И если этакъ куда иду, то всѣ говорятъ: „вонъ, говорятъ, Иванъ Александровичъ идетъ!“ А одинъ разъ, когда я шелъ пѣшкомъ, меня приняли даже за Турецкаго посланника, — право; и удивительно то, что на мнѣ даже не было военной шинели. Всѣ солдаты выскочили изъ гаубтвахты и сдѣлали ружьемъ. Послѣ уже офицеръ, который мнѣ очень знакомъ, говоритъ мнѣ: „ну, братецъ, мы тебя совершенно приняли за Турецкаго посланника“.

Анна Андреевна. Скажите, какъ!

Хлестаковъ. Да меня уже вездѣ знаютъ. Я на всѣхъ гуляньяхъ бываю; въ театрѣ... съ хорошенькими актрисами знакомъ. Я вѣдь тоже литературою занимаюсь. На сцену разные водевильчики даю, и довольно, знаете, этакъ удачно. Литераторовъ часто вижу. У меня тоже обѣдаютъ нѣкоторые. Хорошенькая у меня очень квартирка; я плачу восемьсотъ рублей: три комнаты, на улицу окна.

Анна Андреевна. Такъ вы и пишете? Какъ это должно быть пріятно сочинителю! Вы, вѣрно, и въ журналы помѣщаете?

Хлестаковъ. Да, и въ журналы помѣщаю. Моихъ, впрочемъ, много есть сочиненій: Женидьба Фигаро, Сумбека... Вотъ и Финелла тоже мое сочиненіе. И все это такъ по случаю: я даже не хотѣлъ ихъ, признаюсь, писать, но театральная дирекція говоритъ: „пожалуста, братецъ, напиши что-нибудь“. Думаю себѣ: „пожалуй, изволь, братецъ!“ И тутъ же въ одинъ вечеръ написалъ. Да и въ журналы помѣщаю сочиненія: въ Московскомъ Телеграфѣ и въ Библіотекѣ для чтенія. Вотъ эти всѣ статьи, что были тамъ Брамбеуса, это все мои.

Анна Андреевна. Скажите, такъ это вы были Брамбеусъ?

Хлестаковъ. Да, это все мои и другія разныя сочиненія. Мнѣ Смирдинъ двадцать пять тысячъ платитъ. Да если сказать по правдѣ, то всѣ журналы, какіе тамъ ни есть, это все я издаю.

Анна Андреевна. Такъ вѣрно и Юрій Милославскій ваше сочиненіе?

Хлестаковъ. Да, это мое сочиненіе.

Анна Андреевна. Я сейчасъ догадалась.

Марья Антоновна. Ахъ, маменька, тамъ написано, что это г. Загоскина сочиненіе.

Анна Андреевна. Ну вотъ, я и знала, что даже здѣсь будетъ спорить.

Хлестаковъ. Ахъ, да, это правда: это точно, Загоскина; а есть другой Юрій Милославскій, такъ тотъ ужъ мой.

Анна Андреевна. Ну, это, вѣрно, я вашъ читала. Какъ хорошо написано!

Хлестаковъ. Да, мнѣ Смирдинъ сорокъ тысячъ даетъ въ годъ[1]. Я этимъ составилъ себѣ состояніе: у меня два дома есть въ Петербургѣ, и если бы вы подошли къ моему дому, то вы бы подумали, что дворецъ. Я нарочно велѣлъ архитектору, чтобы далъ самый лучшій видъ. Вездѣ колонны, пруды, каскады... О если бъ этакую квартиру нанимать, то нужно по крайней мѣрѣ 20 тысячъ въ годъ. Я самъ даю балы даже иногда.

Анна Андреевна. Я думаю съ какимъ тамъ вкусомъ и великолѣпіемъ даются балы?

Хлестаковъ. О! балы тамъ отличные! Подадутъ вамъ десертную тарелочку, такъ это просто объяденіе; или какой-нибудь пирогъ, что самъ онъ горячъ такъ[2], что вы не можете взять въ ротъ, а въ серединѣ мороженое, холодное, вотъ какъ ледъ. Да, я каждый разъ бываю на этихъ балахъ: тамъ у насъ и вистъ свой составился: министръ, Французскій посланникъ, Англійскій, Нѣмецкій посланникъ и я. И какъ только иногда какъ-нибудь замѣшкаюсь, то ужъ посланники и говорятъ: „да гдѣ жъ Иванъ Александровичъ? послать за Иваномъ Александровичемъ!“ И какъ начнемъ играть — то просто я вамъ скажу, что ужъ ни на что не похоже. Такъ уморишься, такъ уморишься, что какъ взбѣжишь къ себѣ на лѣстницу въ четвертой этажъ, то просто сбросишь съ себя шинель кухаркѣ, и скажешь только: на, Маврушка! А потъ такъ въ три ручья и льется! И на другой день въ должность ужъ никакъ не хочешь итти. „Осипъ, и не буди меня!“ бывало говорю: „не пойду!“ Впрочемъ я это такъ только говорю, а у меня должность тутъ же на дому, и чиновники всегда ко мнѣ приходятъ. А любопытно очень видѣть, если бы нарочно заглянули, когда я проснусь. Въ передней у меня графы и князья толкутся и жужжатъ такъ, какъ шмели, только слышно ж, ж, ж... Ну, нечего дѣлать, нужно однакожъ вытти къ нимъ. И нельзя впрочемъ: иной разъ министръ, не то чтобы всегда, а иногда заѣдетъ. *(Городничій и прочіе съ робостію встаютъ съ своихъ стульевъ)*. Всѣмъ нужда ко мнѣ:

я вѣдь имѣю самое прибыточное мѣсто. Мнѣ даже на пакетахъ пишутъ иногда: ваше превосходительство. Я[1] одинъ разъ даже управлялъ департаментомъ, — право. И такъ это странно случилось: директоръ по болѣзни уѣхалъ въ свою деревню, — всѣ думали: кому дать исправлять должность? Кто будетъ? какъ и что? Многіе изъ генераловъ находились охотники и брались, но подойдутъ, бывало: нѣтъ, мудрено. Кажется и легко на видъ: а разсмотришь — нѣтъ, чортъ возьми, трудно; да послѣ видятъ, что нечего дѣлать — ко мнѣ: Иванъ Александровичъ, говорятъ, можетъ это сдѣлать. И въ ту же минуту по улицамъ вездѣ курьеры, курьеры, курьеры... курьеровъ пятнадцать: „Иванъ Александровичъ! Иванъ Александровичъ, ступайте департаментомъ управлять!“ Я, признаюсь, немного смутился, вышелъ въ халатѣ; хотѣлъ отказаться, но думаю себѣ, дойдетъ до государя — непріятно; ну, да и не хотѣлось испортить свой послужной списокъ. „Извольте, говорю, господа, я принимаю должность, только ужъ у меня прошу не такъ, ужъ теперь ни, ни, ни!.. Ужъ у меня ухо востро держите!... Я ужъ... И точно: бывало, какъ прохожу, то у меня чиновники всѣ вотъ такъ трясутся. *(Городничій и прочіе трясутся отъ страха).* Я и въ государственномъ совѣтѣ присутствую. И во дворецъ, если иногда балы случатся, за мной всегда ужъ посылаютъ. Меня даже хотѣли сдѣлать вицеканцлеромъ. *(Зѣваетъ во всю глотку).* О чемъ, бишь, я говорилъ?

Городничій *(подходя и трясясь всѣмъ тѣломъ, силится выговорить).* А ва ва ва... ва...

Хлестаковъ. Что̀ такое? вы что-то говорите?

Городничій. А ва ва ва... ва...

Хлестаковъ. Не разберу ничего.

Городничій. Ва ва ва... шество, превосходительство, не прикажете ли отдохнуть?... Вотъ и комната и все, что̀ нужно.

Хлестаковъ. Отдохнуть? Извольте, извольте, я готовъ. *(Встаетъ).* Прощайте, сударыня! Право, чрезвычайно хочется спать. Завтракъ былъ у васъ хорошъ. *(Уходитъ въ боковую комнату, за нимъ городничій).*

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же, кромѣ Хлестакова и городничаго.

Бобчинскій *(Добчинскому)*. Вотъ это, Петръ Ивановичъ, какой важной человѣкъ. Я никогда еще не былъ въ присутствіи такой важной персоны. Я чуть не умеръ со страху. Какъ вы думаете, Петръ Ивановичъ, кто онъ такой?

Добчинскій. Я думаю, что чуть ли не генералъ.

Бобчинскій. А я думаю, что генералъ ему и въ подметки не станетъ! А когда генералъ, то ужъ развѣ самъ генералиссимусъ. И во дворецъ ѣздитъ! Пойдемъ, Петръ Ивановичъ, разскажемъ объ этомъ Аммосу Ѳедоровичу и Коробкину. Они еще ничего объ этомъ не знаютъ. Прощайте, Анна Андреевна!

Добчинскій. Прощайте, кумушка.

Артемій Филипповичъ *(Лукѣ Лукичу)*. Такой знатной человѣкъ, а мы даже и не въ мундирахъ. Съ этакою молодостію, да такія должности отправляетъ. Ахъ, Боже мой! Когда бы въ самомъ дѣлѣ чего-нибудь не досталось. Прощайте, сударыня! *(Уходитъ, за нимъ Лука Лукичъ)*.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и **городничій.**

Городничій *(входитъ на цыпочкахъ)*. Чш... ш...

Анна Андреевна. Что?

Городничій. Прилегъ отдохнуть. Боже васъ сохрани тутъ какъ-нибудь шумѣть. — Такъ совсѣмъ ошеломило! Страхъ такой напалъ: еще такого важнаго человѣка никогда не видѣлъ[1]. *(Задумывается)*. Съ министрами играетъ и во дворецъ ѣздитъ... Такъ вотъ, право, чѣмъ больше думаешь... Чортъ его знаетъ, не знаешь, что̀ и дѣлается въ головѣ!... Какъ будто стоишь[2] на какой-нибудь колокольнѣ, или тебя хотятъ повѣсить.

Анна Андреевна. А я никакой совершенно не ощутила робости; я просто видѣла въ немъ образованнаго, свѣтскаго, высшаго тона человѣка, а о чинахъ его мнѣ и нужды нѣтъ.

Городничій. Ну, ужъ вы — женщины. Все кончено, одного этого слова достаточно! Вамъ все тралала. Вдругъ брякнутъ ни изъ того, ни изъ другаго словцо. Васъ высѣкутъ, да и только, а мужа и поминай, какъ звали. Ты, душа моя, обращалась съ нимъ такъ свободно, какъ будто съ какимъ-нибудь Добчинскимъ.

Анна Андреевна. Объ этомъ я ужъ совѣтую вамъ не безпокоиться. Мы кой-что знаемъ такое... *(Посматриваетъ на дочь)*.

Городничій *(одинъ)*. Ну, ужъ съ вами говорить!... Эка въ самомъ дѣлѣ оказія! До сихъ поръ не могу очнуться отъ страха. *(Отворяетъ дверь и говоритъ въ дверь)*. Мишка, позови квартальныхъ, Свистунова и Держиморду: они тутъ недалеко гдѣ-нибудь за воротами. *(Послѣ небольшаго молчанія)*. Чудно все завелось теперь на свѣтѣ: народъ все тоненькой, поджаристой такой, — никакъ не узнаешь, что онъ важная особа. Однакожъ, какъ онъ ни скрывался, а наконецъ таки не выдержалъ и все разсказалъ. Видно, что человѣкъ молодой.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Хлестаковъ *(одинъ)*.

Мнѣ нравится здѣшній городокъ. Такое добродушіе со стороны жителей... А какъ много значитъ нѣсколько времени пожить въ Петербургѣ! Всѣ съ такимъ почтеніемъ суетятся, бѣгаютъ, какъ будто точно за какимъ-нибудь важнымъ. Дочка у городничаго очень хорошенькая! Такая свѣженькая, розовыя губки. Да и матушка такая, что еще можно бы... Я люблю этакъ проводить время. Городничій, я думаю, однакоже долженъ быть очень разсѣянъ: вмѣсто двухъ сотъ рублей, какъ я разсмотрѣлъ теперь, онъ мнѣ далъ четыреста. — Я попрошу у него удержать ихъ на время при себѣ для путевыхъ издер-

жекъ. — Я полагаю даже, если онъ уже такой доброй, еще попросить взаймы. — Оно хоть и не такъ теперь нужно, но все же лучше за однимъ разомъ. Дорога вѣдь такая вещь, что никакъ нельзя разсчитать въ обрѣзъ. Можетъ быть, опять капитанъ встрѣтится.

ЯВЛЕНІЕ II.

Хлестаковъ и **почтмейстеръ** *(входитъ, вытянувшись, въ мундирѣ, придерживая шпагу).*

Почтмейстеръ. Имѣю честь представиться: почтмейстеръ, надворный совѣтникъ Шпекинъ.

Хлестаковъ. Прошу покорнѣйше садиться... Такъ вы въ этомъ городѣ и живете?

Почтмейстеръ. Такъ точно-съ.

Хлестаковъ. Мнѣ очень пріятно съ вами познакомиться. Какъ же! Мнѣ очень знакомъ вашъ начальникъ. Вѣдь это по Адмиралтейству, кажется?.. Да, такой добрякъ. — Мы даже, если вамъ сказать правду, волочились вмѣстѣ за одною прехорошенькою. — Ну, натурально: куда жъ ему? — старикъ. Бывало, всегда, какъ только встрѣтитъ меня, я еще у Полицейскаго моста, а онъ у Аничкина — подниметъ палецъ и кричитъ: злодѣй! счастливецъ, каналья!... А тамъ, знаете, ввечеру на Невскомъ проспектѣ очень много можно встрѣтить хорошенькихъ... *(Въ сторону).* У этого, мнѣ кажется, почтмейстера можно занять денегъ. *(Вслухъ).* Такъ вы здѣшній почтмейстеръ?

Почтмейстеръ. Такъ точно-съ.

Хлестаковъ. Вообразите: какой странный случай со мною! Выѣхавши изъ Петербурга, я разсчиталъ, какъ нарочно, все это самымъ акуратнѣйшимъ образомъ. — Вотъ это, думаю себѣ, на прогоны, это на издержки для себя, это ямщикамъ на водку, это для моего крѣпостнаго человѣка, и все какъ нельзя лучше. Но, къ величайшему изумленію, стало мнѣ всего только на половину дороги, и теперь недостаетъ какой-нибудь бездѣлицы: не можете ли вы одолжить мнѣ на самое короткое время сколько-нибудь денегъ?

Почтмейстеръ. Сколько прикажете?

Хлестаковъ. Да рублей хоть сто на первый случай; я завтра даже... или очень скоро возвращу.

Почтмейстеръ. Сейчасъ. *(Шаритъ въ карманахъ и говоритъ въ полголоса).* Ахъ, Боже мой, вотъ штука, если не будетъ! Вотъ не приведи Богъ!.. Есть, есть... *(Съ поспѣшностью даетъ ассигнаціи).*

Хлестаковъ. Покорнѣйше благодарю! *(Въ сторону).* Почтмейстеръ, кажется, хорошій человѣкъ.

Почтмейстеръ *(встаетъ, вытягивается и придерживаетъ шпагу).* Не смѣя далѣе безпокоить своимъ присутствіемъ... Не будетъ ли какого замѣчанія по части почтоваго управленія?

Хлестаковъ. Прощайте, прощайте! хорошо, хорошо!

ЯВЛЕНІЕ III.

Хлестаковъ и **Аммосъ Өедоровичъ** *(въ мундирѣ, вытянувшись и придерживая рукою шпагу).*

Аммосъ Өедоровичъ. Имѣю честь представиться: судья здѣшняго уѣзднаго суда, коллежскій ассессоръ Ляпкинъ-Тяпкинъ.

Хлестаковъ. А, сдѣлайте милость, садитесь. Что, вы давно занимаете тутъ мѣсто?

Аммосъ Өедоровичъ. Съ 816-го, былъ избранъ на трехлѣтіе по волѣ дворянства и продолжалъ должность до сего времени.

Хлестаковъ. Это хорошо. Я самъ тоже служу. Что, получаете награды?

Аммосъ Өедоровичъ. За три трехлѣтія представленъ къ Владиміру 4-й степени съ одобренія со стороны начальства.

Хлестаковъ. Да это впрочемъ еще довольно счастливо. У насъ есть одинъ такой, что пятнадцать лѣтъ служитъ, и получилъ только одну пряжку.— Скажите пожалуста, мнѣ, право, нѣсколько и совѣстно, да нечего дѣлать; со мною странный случай: въ дорогѣ совершенно истратился... Не можете ли вы одолжить мнѣ на малое время рублей сто? Я вамъ, можетъ быть, завтра же отдамъ.

Аммосъ Өедоровичъ. Сей часъ. *(Вынимаетъ поспѣшно изъ бумажника деньги).*

Хлестаковъ. Очень вамъ благодаренъ. Въ дорогѣ, знаете, эдакъ разныя потребности могутъ случиться. Никакъ нельзя

предвидѣть. — Въ одномъ мѣстѣ захочется поѣсть, въ другомъ купить что-нибудь. Оно хоть бездѣлица, а все составляетъ счетъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ *(раскланиваясь)*. Не смѣя безпокоить своимъ присутствіемъ, имѣю честь пребыть...

Хлестаковъ. А вы уже ѣдете? Зачѣмъ же такъ рано? Посидите еще. Мнѣ очень пріятно съ вами побесѣдовать.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Не смѣю безпокоить.

Хлестаковъ. Ну, когда такъ, то прощайте. Покорно благодарю за то, что навѣстили меня. *(Выпровожаетъ Аммоса Ѳедоровича)*. Судья тоже, сколько мнѣ кажется, очень не глупой человѣкъ. Я люблю такихъ людей, съ которыми можно быть откровенну.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Хлестаковъ *(одинъ)*.

Какъ много здѣсь чиновниковъ! Городишка довольно населенъ. Теперь я вижу, сколько мнѣ кажется, они меня почитаютъ за человѣка государственнаго. Я это люблю. Мнѣ нравится, если меня почитаютъ за важнаго человѣка. Въ моей физіогноміи точно есть что-то такое, внушающее... Это съ ихъ стороны тоже благородная черта, что они готовы дать взаймы денегъ. А въ Петербургѣ попробуй пойти къ какому нибудь даже послѣднему портнишкѣ, чтобы сшилъ тебѣ въ долгъ фракъ: ни за что не сошьетъ. Мнѣ кажется, это ужъ черезъ чуръ... такое развращеніе нравовъ можетъ быть только въ столицѣ. — А, перечесть, сколько у меня теперь денегъ. *(Вынимаетъ изъ кармана)*. Въ этой пачкѣ четыреста. *(Кладетъ особо)*. Сколько тутъ? *(Считаетъ)*. Двадцать пять, пятдесятъ, семдесятъ пять... какая замасляная!.. сто, и тутъ сто... о! о! всѣхъ до тысячи добирается! А должно быть однакожъ, сколько мнѣ кажется, эти чиновники большіе дураки; въ головѣ только, я думаю... фай... даже посвастываетъ! Такая простота. Написать нарочно объ этомъ Тряпичкину. Онъ тамъ сочиняетъ разныя статейки: пускай-ка ихъ отбрѣетъ хорошенько, — это, право, будетъ хорошо. Эй, Осипъ! подай мнѣ бумаги и чернила.

Осипъ *(выглянувъ изъ дверей)*. Сей часъ.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же и Анна Андреевна.

Анна Андреевна *(увидѣвъ Хлестакова, не успѣвшаго встать на ноги, и всплеснувъ руками)*. Ахъ, какой пасажъ![1]

Хлестаковъ *(вставая)*. А, чортъ возьми!

Анна Андреевна. Признаюсь, я въ такомъ нахожусь... я не знаю... *(Къ Марьѣ Антоновнѣ)*. Что это ты вздумала? Съ кого ты это примѣръ взяла?

Хлестаковъ *(вдругъ бросается на колѣна)*. Анна Андреевна! — влюбленъ, влюбленъ! Прошу руки Марьи Антоновны.

Анна Андреевна. Ахъ, Боже мой!... какъ же это!... Право, такъ скоро, да еще... и на колѣнахъ стоите!

Хлестаковъ. Руки, руки прошу! Если не согласитесь, умру, сей часъ же умру, на этомъ самомъ мѣстѣ. Застрѣлюсь, напропалую застрѣлюсь.

Анна Андреевна. Я, право, не могу еще притти въ себя... Мы никакъ и не смѣемъ думать о такой чести. Вамъ нужна, по крайней мѣрѣ, графиня или княгиня.

Хлестаковъ. О, мнѣ все равно! Я не слишкомъ гляжу на графинь. Если вы не рѣшитесь исполнить моей просьбы, то вы не можете представить, что со мною случится; какъ честной человѣкъ увѣряю. Я рѣшительный человѣкъ: мнѣ жизнь копѣйка.

Анна Андреевна. Ахъ, Боже мой! какъ вы меня пугаете! Отваживать жизнь свою, да еще такимъ страшнымъ образомъ! Встаньте... я согласна, только встаньте.

Хлестаковъ *(вставая)*. Теперь я самый... *(Въ сторону)*. А она тоже очень аппетитна! *(Вслухъ Аннѣ Андреевнѣ, подбираясь къ ней)*. Какъ я счастливъ, что могу наконецъ...

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и **Почтмейстеръ**.

Почтмейстеръ. Я, господа, пришелъ объявить вамъ удивительное дѣло.

Городничій. А напримѣръ, что такое? послушаемъ.

Почтмейстеръ. Я и самъ не знаю, что сказать вамъ: такое странное обстоятельство, что я...

Нѣкоторые. Какое? что?

Почтмейстеръ. Прихожу я домой и застаю письмо этого чиновника, которому мы показывали всѣ заведенія. На пакетѣ было написано какому то Тряпичкину, въ С. Петербургъ, въ Почтамтскую улицу. И какъ прочиталъ я, что въ Почтамтскую улицу, то въ ту же минуту такъ и обомлѣлъ. Вѣрно, думаю себѣ, это обо мнѣ писано. Можетъ быть, какъ нибудь дошло до него, что я для своего удовольствія распечатывалъ иногда письма. И въ ту же самую минуту, такъ, какъ будто какая нибудь не предвидимая сила понудила меня распечатать.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Какъ, и это самое письмо?

Городничій. Какъ же вы это?... *(Всѣ показываютъ ужасъ).*

Почтмейстеръ. Я и самъ испугался такой мысли и въ ту же минуту положилъ письмо на столъ, и уже хотѣлъ позвать почталіона, чтобъ отправить скорѣе съ эштафетой. Но только немножко отойду отъ стола, такъ вотъ опять и тянетъ, и тянетъ. Въ одномъ ухѣ кричитъ: „распечатай!“ въ другомъ: „не распечатывай! распечатай, не распечатывай“. Съ этой стороны такъ, вотъ какъ бы подъ руку кто нибудь толкаетъ, а съ другой стороны — какъ будто бы невидимая сила говоритъ: „оставь, пропадешь какъ курица!“ Такъ что минуть съ десять не зналъ, что дѣлать; наконецъ напропалую рѣшился распечатать.

Городничій. Какъ же вы смѣли распечатать?

Почтмейстеръ. Ей Богу, распечаталъ! со страхомъ такимъ, какого еще никогда не помню. И ставни велѣлъ закрыть и собственноручно заткнулъ всѣ щелки. И какъ только прида-

вилъ сургучъ, то огонь такъ по всему тѣлу и пробѣжалъ; а какъ разломалъ печать — морозъ, морозъ, такъ вотъ и чувствую, что морозъ! А какъ вынулъ и развернулъ письмо-то, я уже не знаю, гдѣ я въ то время былъ. Зубы и губы такъ тряслись, что цѣлый часъ не могъ одной строчки прочесть.

Городничій. Да какъ же вы осмѣлились распечатать письмо такой уполномоченной особы?

Почтмейстеръ. Въ томъ-то и штука, что онъ и не уполномоченный, и не особа!

Городничій. Что жъ онъ по вашему такое?

Почтмейстеръ. Ни се, ни то; чортъ знаетъ, что такое.

Городничій *(запальчиво)*. Какъ вы смѣете это сказать? Знаете ли, что я велю васъ подъ арестъ взять?

Почтмейстеръ. Кто? вы?

Городничій. Да, я.

Почтмейстеръ. Коротки руки.

Городничій. Знаете ли, что этотъ самый чиновникъ женится на моей дочери? Я самъ скоро буду вельможа, и если захочу, то васъ въ Сибирь законопачу.

Почтмейстеръ. Эхъ, Антонъ Антоновичъ! что Сибирь, далеко Сибирь. Вотъ лучше я вамъ прочту. Господа! позвольте прочитать письмо?

Всѣ. Читайте, читайте!

Почтмейстеръ *(читаетъ)*. „Мая такого-то числа и пр. и пр. и пр. Я уже писалъ къ тебѣ, душа Тряпичкинъ, о томъ, какъ обыгралъ меня въ Пензѣ пѣхотный капитанъ. Трактирщикъ хотѣлъ даже потащить въ тюрьму. Къ батюшкѣ не писалъ: недоволенъ тономъ. Все одно: розги да розги. Этимъ, при теперешнемъ образованіи, онъ ничего не возьметъ. Но вдругъ сцена перемѣнилась: я живу теперь у городничаго въ домѣ, жуирую, отпускаю bons mots. Жена и дочка его обѣ ко мнѣ неравнодушны. Не рѣшился, съ которой прежде начать; думаю, лучше съ матушки: къ дочкѣ, можетъ быть, труденъ доступъ, а матушка такая, что сію минуту готова влюбиться по уши. Самъ городничій преблагороднѣйшій человѣкъ, съ гостепріимствомъ патріархальнымъ, но глупъ какъ сивой меринъ!!!“

Городничій. Не можетъ быть! тамъ нѣтъ этого.

Почтмейстеръ *(показываетъ письмо)*. Читайте сами!

Городничій *(читаетъ)*. „Какъ сивой меринъ“. Не можетъ быть, вы это сами написали.

Почтмейстеръ. Какъ же бы я сталъ писать?

Артемій Филипповичъ. Читайте!

Лука Лукичъ. Читайте!

Почтмейстеръ *(продолжая читать)*. „Городничій преблагороднѣйшій человѣкъ, съ гостепріимствомъ патріархальнымъ, но глупъ какъ сивой меринъ...“

Городничій. О, чортъ возьми! нужно еще повторять! какъ будто оно тамъ и безъ того не стоитъ.

Почтмейстеръ *(продолжая читать)*. „Но... хм. хм. хм. хм... сивой меринъ. Почтмейстеръ тоже доброй человѣкъ...“ *(Оставляя читать)*. Ну, тутъ обо мнѣ тоже онъ не прилично выразился.

Городничій. Нѣтъ, читайте!

Почтмейстеръ. Да къ чему жъ?

Городничій. Нѣтъ, чортъ возьми, когда ужъ читать, такъ читать. Читайте все!

Артемій Филипповичъ. Позвольте, я прочитаю. *(Надѣваетъ очки и читаетъ)*. „Почтмейстеръ тоже добрый человѣкъ; чрезвычайно похожъ на департаментскаго сторожа Михѣева; должно быть, тоже, подлецъ, пьетъ горькую.

Почтмейстеръ *(къ зрителямъ)*. Ну, скверной мальчишка, котораго нужно посѣчь: больше нечего![1]

Артемій Филипповичъ *(продолжая читать)*. „Кромѣ того надзиратель надъ богоугоднымъ заведеніемъ какой то“ и... и... и... *(Заикается)*.

Коробкинъ. А что жъ вы остановились?

Артемій Филипповичъ. Да нечеткое перо... впрочемъ видно, что негодяй.

Коробкинъ. Дайте мнѣ! Вотъ у меня, я думаю, получше глаза. *(Беретъ письмо)*.

Артемій Филипповичъ *(не давая письма)*. Нѣтъ, это мѣсто можно пропустить, а тамъ дальше разборчиво.

Коробкинъ. Да позвольте[2], ужъ я знаю.

Артемій Филипповичъ. Прочитать, я и самъ прочитаю; далѣе, право, все разборчиво.

Почтмейстеръ. Нѣтъ, все читайте! Вѣдь прежде все читано.

Всѣ. Отдайте, Артемій Филипповичъ! отдайте письмо. *(Коробкину)* Читайте!

Артемій Филипповичъ. Сей часъ. *(Отдаетъ письмо)*. Вотъ позвольте, я закрою пальцемъ. *(Закрываетъ пальцемъ)*. Вотъ этого мѣста только не читайте, а прочее все можно. *(Всѣ приступаютъ[1] къ нему)*.

Почтмейстеръ. **Читайте! читайте все!**

Коробкинъ *(читая)*. „Кромѣ того, надзиратель за богоугоднымъ заведеніемъ, какой-то Землепика[2]: вообрази себѣ чухонскую свинью въ ермолкѣ, съ пребольшими ушами...“

Артемій Филипповичъ *(къ зрителямъ)*. И нимало не остроумно! Богъ знаетъ что: свинья въ ермолкѣ! Совсѣмъ неправдоподобно: гдѣ жъ свинья въ ермолкѣ бываетъ?

Коробкинъ *(продолжая читать)*. „А отъ смотрителя училищъ страшно воняетъ лукомъ...“

Лука Лукичъ *(къ зрителямъ)*. Ей богу, и въ ротъ никогда не бралъ луку.

Аммосъ Ѳедоровичъ *(въ сторону)*. Слава Богу, хоть, по крайней мѣрѣ, обо мнѣ нѣтъ.

Коробкинъ *(читаетъ)*. „Кромѣ того какой то судья“...

Аммосъ Ѳедоровичъ. Вотъ тебѣ на! *(Вслухъ)*. Господа, я думаю, что письмо дѣйствительно нѣсколько длинно. На первой разъ этого будетъ довольно.

Лука Лукичъ. Зачѣмъ же? Нѣтъ, мнѣ хочется все знать.

Коробкинъ *(продолжаетъ)*. „Какой-то судья Ляпкинъ-Тяпкинъ[3], ужасный мове тонъ...“ *(Останавливается)*. Должно быть, Французское слово.

Аммосъ Ѳедоровичъ. А чортъ его знаетъ, что оно значитъ! Еще хорошо, если только мошенникъ, а можетъ быть и того еще хуже.

Коробкинъ *(продолжая читать)*. „Словомъ: дурачье страшное! По моей физіогноміи приняли меня за военнаго генералъ-губернатора. Я, съ своей стороны, подпустилъ имъ пыли порядочной. Ты пописываешь для Библіотеки для Чтенія. Пожалуста помѣсти ихъ въ свою литературу и окритикуй хорошенько! Прощай, душа Тряпичкинъ. Я самъ, по примѣру твоему, хочу заняться литературой. Скучно, братецъ, такъ жить: ищешь пищи для души, а свѣтская чернь тебя не понимаетъ. Хочешь наконецъ чѣмъ нибудь эдакимъ высокимъ

заняться. Пиши ко мнѣ въ Саратовскую губернію, а оттуда въ деревню Подкатиловку. *(Переворачиваетъ письмо и читаетъ адресъ).* Его благородію, милостивому государю, Ивану Васильевичу Тряпичкину, въ С. Петербургъ, въ Почтамтскую улицу, въ домѣ подъ № 97, поворотя на дворъ, въ 3 этажѣ, направо".

Одна изъ дамъ. Какой репримантъ неожиданный!

Городничій. Вотъ когда зарѣзалъ, такъ зарѣзалъ! Убитъ, убитъ, совсѣмъ убитъ! Ничего не вижу. Вижу какія-то свиныя рылы, вмѣсто лицъ, а больше ничего... Воротить, воротить его! *(Машетъ рукою).*

Почтмейстеръ. Куда тутъ воротить! Я, какъ нарочно, приказалъ смотрителю дать самую лучшую тройку и впередъ послалъ предписаніе, — чортъ бы меня совсѣмъ побралъ!

Жена Коробкина. Вотъ, въ самомъ дѣлѣ, безпримѣрная конфузія!

Аммосъ Ѳедоровичъ. Однакожъ, чортъ возьми, господа, вѣдь онъ у меня взялъ деньги взаймы.

Артемій Филипповичъ. У меня тоже триста рублей.

Почтмейстеръ *(вздыхаетъ).* Охъ! и у меня сто рублей.

Бобчинскій. У насъ съ Петромъ Ивановичемъ семдесятъ пять ассигнаціями и три двугривенныхъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ *(въ недоумѣніи разставляетъ руки).* Какъ же это, господа? какъ это, въ самомъ дѣлѣ, мы такъ оплошали!

Городничій *(бьетъ себя по лбу)*[1]. Какъ я?... нѣтъ, какъ я, старый дуракъ! выжилъ, глупый баранъ, изъ ума!... Тридцать лѣтъ живу на службѣ; ни одинъ купецъ, ни подрядчикъ не могъ провести меня; мошенниковъ надъ мошенниками обманывалъ; пройдохъ и плутовъ такихъ, что весь свѣтъ готовы обворовать, поддѣвалъ па уду; трехъ губернаторовъ обманулъ!... Что губернаторовъ!... А теперь... вертопрахъ, какой нибудь мальчишка... на губахъ молоко еще не обсохло... Ступай, ищи его, чортъ побери!... Я думаю, такъ удираетъ по столбовой дорогѣ, что колокольчикъ заливается.

Анна Андреевна *(мужу).* Какъ же?... Вѣдь это не можетъ быть... Онъ совсѣмъ вѣдь обручился ужъ съ нашей Машенькой.

Городничій *(съ досадою).* А развѣ ты не видишь, что у него все это: фу, фу? Пустѣйшій человѣкъ, чортъ бы по-

бралъ его! Вотъ подлинно, если Богъ захочетъ наказать, такъ отниметъ разумъ. Ну, что въ немъ было такого, чтобъ можно было принять за важнаго человѣка или вельможу? Пусть бы имѣлъ онъ въ себѣ что-нибудь, внушающее уваженіе; а то, чортъ знаетъ что: дрянь, сосулька! тоньше сѣрной спички. И какимъ это образомъ случилось? Кто первый вынесъ, что онъ чиновникъ, присланный для того, чтобъ ревизовать?...

Артемій Филипповичъ. А кто вынесъ? вотъ кто вынесъ! эти молодцы! *(Показываетъ на Добчинскаго и Бобчинскаго).*

Бобчинскій. Ей, ей, не я, и не думалъ...

Добчинскій. Я ничего, совсѣмъ ничего...

Артемій Филипповичъ. Конечно, вы.

Лука Лукичъ. Разумѣется, вы первые прибѣжали какъ сумасшедшіе изъ трактира: пріѣхалъ, пріѣхалъ ревизоръ, и денегъ не плотитъ... Нашли, чортъ бы васъ побралъ, важную птицу.

Городничій. Натурально, вы! сплетники городскіе, лгуны проклятые!

Артемій Филипповичъ. Чтобъ васъ чортъ побралъ съ вашимъ ревизоромъ и разсказами.

Городничій. Только рыскаете по городу, да смущаете всѣхъ, трещотки проклятыя! сплетни сѣете, сороки короткохвостыя!

Аммосъ Ѳедоровичъ. Пачкуны проклятые!

Лука Лукичъ. Колпаки!

Артемій Филипповичъ. Сморчки короткобрюхіе! *(Всѣ обступаютъ ихъ).*

Бобчинскій. Ей Богу, это не я, это Петръ Ивановичъ.

Добчинскій. Э, нѣтъ, Петръ Ивановичъ, это вы говорили.

Бобчинскій. Э, нѣтъ, вы прежде...

IV.

Сцены, написанныя для втораго изданія „Ревизора" (1841 г.) и измѣненныя при третьемъ изданіи комедіи.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Комната въ домѣ городничаго.

ЯВЛЕНІЕ I.

Входятъ осторожно, почти на цыпочкахъ, **Аммосъ Ѳедоровичъ, Артемій Филипповичъ, почтмейстеръ, Лука Лукичъ, Добчинскій** и **Бобчинскій,** *въ полномъ парадѣ*[1] *и мундирахъ. Вся сцена происходитъ въ полголоса.*

Аммосъ Ѳедоровичъ. Скорѣе, скорѣе, господа, въ кружокъ, потому что онъ сей часъ выдетъ. Вотъ такъ. *(Всѣ равняются и образуютъ полукружіе).* Вы, Петръ Ивановичъ, забѣгите[2] съ этой стороны, а вы, Петръ Ивановичъ, станьте вотъ тутъ. *(Оба Петра Ивановича забѣгаютъ на цыпочкахъ).* Вотъ такъ; теперь совсѣмъ на военную ногу. Оно, знаете, въ эдакомъ видѣ слѣдуетъ представиться. *(Осматриваетъ всѣхъ ихъ).* А вѣдь если посмотрѣть нѣсколько издалека, такъ у насъ есть точно что-то воинское. *(Слышно изъ комнаты Хлестакова откряхтываніе и плеваніе*[3]*. Чиновники пугаются).*

Артемій Филипповичъ. Да видно уже проснулся[4].

Аммосъ Ѳедоровичъ. Утрудился.

Почтмейстеръ. А вѣдь нечего сказать, вчера онъ[5] куды бойко развернулся. Какъ вы полагаете? Мнѣ кажется, что изъ всего того, что онъ говорилъ вчера, не все правда?

Аммосъ Ѳедоровичъ. Еще бы! подгулялъ, ну и прилгнулъ. Это не порокъ; это за всякимъ государственнымъ человѣкомъ водится[6]. Но вѣдь за то у него все взвѣшено. Вотъ онъ, положимъ, подгулялъ, но какъ подгулялъ? — съ цѣлью подгулялъ.

Почтмейстеръ. А хорошо, что мы вздумали состроить закуску: хлѣба соли отвѣдалъ, вредить уже не будетъ; да и самъ развернулся, и сказалъ то, чего бы вѣрно не сказалъ.

Артемій Филипповичъ. А мой совѣтъ, господа, не закладывать руки въ карманъ. Ну что, какъ теперь, проснувшись, онъ поворотитъ опять круто? Я, право, боюсь. Вѣдь Антошка нашъ старый плутъ: онъ удовлетворилъ его вѣрно чѣмъ нибудь наединѣ[1], только не говоритъ.

Лука Лукичъ. А что вы думаете, вѣдь это можетъ случиться.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Знаете, господа, что если бы ему... *(Показываетъ жестомъ).*

Артемій Филипповичъ. Подсунуть?

Аммосъ Ѳедоровичъ. Да.

Почтмейстеръ. Опасно, чортъ возьми.

Артемій Филипповичъ. Да какъ же это сдѣлать?

Аммосъ Ѳедоровичъ. Да просто въ руку и концы въ воду.

Артемій Филипповичъ. Что вы, что вы? Раскричится такъ, что и ногъ не унесешь. Развѣ вы не знаете государственныхъ людей?[2] Скажетъ: что вы, кому это вы[3], да какъ вы смѣете? хотите, чтобъ я измѣнилъ государю?[4] Нѣтъ, лучше, пусть Богъ съ нимъ!

Аммосъ Ѳедоровичъ. Раскричаться-то онъ, конечно, раскричится[5], а деньги все-таки возьметъ.

Артемій Филипповичъ. Нѣтъ, Аммосъ Ѳедоровичъ, это дѣло рискованное; а вотъ лучше въ видѣ какого-нибудь приношенія, или пожертвованія на пользу общественную, а его пригласить принять обязанность на себя... Да и то, чортъ возьми, опасно!

Почтмейстеръ. Да не поступить ли просто вотъ какъ: что вотъ-молъ пришли по почтѣ деньги, не извѣстно кому принадлежащія, а хозяина не отыскалось[6]; такъ не его ли онѣ?[7]

Артемій Филипповичъ. Та, та, та! дастъ онъ вамъ не извѣстно кому принадлежащія! Смотрите, чтобъ онъ васъ по почтѣ же[8] не отправилъ куда нибудь подальше.

Аммосъ Ѳедоровичъ. А развѣ вотъ какъ: что умеръ-де въ нашемъ городѣ богатый купецъ, оставивши завѣщаніе, а по завѣщанію-то...[9]

Артемій Филипповичъ. Ну что жъ по завѣщанію?

Аммосъ Ѳедоровичъ. Да, ну вотъ здѣсь и запятая. Началъ было хорошо, а конца не сведешь.

Артемій Филипповичъ. Запрегъ прямо, да поѣхалъ криво.

Нѣтъ, что толковать? Эти дѣла не такъ дѣлаются[1]. Ну, зачѣмъ насъ[2] пришелъ эскадронъ? Это вы, Аммосъ Ѳедоровичъ, выдумали, представиться на военную ногу. Представиться нужно по одиночкѣ[3], да между четырехъ глазъ, и того... какъ тамъ слѣдуетъ; да чтобы и уши не слыхали. Вотъ какъ въ обществѣ благоустроенномъ дѣлается!...[4] А какъ одинъ прежде попробуетъ, такъ потомъ и другимъ будетъ извѣстно, какъ нужно поступить[5].

Почтмейстеръ. Вотъ это такъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Пожалуй, попробуемъ. Вотъ вы, такъ какъ въ вашемъ заведеніи высокій посѣтитель вкушалъ хлѣба, такъ вы первые и представитесь[6].

Артемій Филипповичъ. Почему же мнѣ? А я полагаю, что приличнѣе Ивану Кузьмичу, какъ[7] почтмейстеру...

Почтмейстеръ. Почему же мнѣ? Гораздо же болѣе это идетъ Аммосу Ѳедоровичу, какъ судьѣ...[8]

Аммосъ Ѳедоровичъ. Аммосу Ѳедоровичу, Аммосу Ѳедоровичу! Такъ все[9] на Аммоса Ѳедоровича! Почему же не Лукѣ Лукичу, какъ образователю юношества? Священнѣе уже нѣтъ[10] этой должности.

Лука Лукичъ. Нѣтъ, господа, не могу. Я, признаюсь, такъ воспитанъ, что заговори только со мною кто нибудь однимъ чиномъ меня повыше, то у меня просто и души нѣтъ, и языкъ, чувствую, какъ бы въ грязь завязнулъ. Нѣтъ, господа, увольте, право увольте.

Артемій Филипповичъ. И въ самомъ дѣлѣ, какъ ни поворачивай дѣло, а никому другому нельзя взяться за это, кромѣ васъ, Аммосъ Ѳедоровичъ. У васъ что ни слово, то Цицеронъ съ языка слетѣлъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Что вы! что вы, Цицеронъ! Смотрите, что выдумали![11] Что иной разъ увлечешься, говоря о домашней сворѣ[12], да о какой-нибудь гончей ищейкѣ...

Всѣ *(пристаютъ къ нему)*. Нѣтъ, вы и о столпотвореніи!...[13] Нѣтъ, Аммосъ Ѳодоровичъ, не оставляйте насъ, будьте отцемъ нашимъ!... Нѣтъ, Аммосъ Ѳедоровичъ!...

Аммосъ Ѳедоровичъ. Отвяжитесь, господа! *(Въ это время слышны шаги и откашливаніе[14] въ комнатѣ Хлестакова. Всѣ спѣшатъ наперерывъ къ дверямъ, толпятся и стараются выйти, что происходитъ не безъ того, чтобы не притиснули кое-кого. Раздаются въ полголоса восклицанія).*

Голосъ Бобчинскаго. Ой, Петръ Ивановичъ! Петръ Ивановичъ! наступили на ногу.

Голосъ Земляники. Отпустите, господа, хоть душу на покаяніе: совсѣмъ прижали! *(Вылетываются нѣсколько восклицаній:* ай! ай! *наконецъ всѣ*[1] *выпираются, и комната остается пустою*[2]*).*

ЯВЛЕНІЕ II.

Хлестаковъ, одинъ, выходитъ съ заспанными глазами.

Я, кажется, всхрапнулъ порядкомъ. Откуда они набрали такихъ тюфяковъ и перинъ? Роскошь такая, даже вспотѣлъ. Мнѣ однако же вѣрно чего нибудь прекрѣпкаго подсунули[3] вчера за завтракомъ, — шнапсъ что ли, — только до сихъ поръ еще въ головѣ[4] какъ будто бы что-то стучитъ. Здѣсь, какъ я вижу, можно съ пріятностію проводить время. Вотъ это я люблю![5] это по моему! Я на счетъ этого странный человѣкъ; я не знаю, какъ другіе, но мнѣ вообще нравится такая жизнь. Я не требую больше ничего, какъ только чтобы оказывали мнѣ вниманіе, чтобъ я видѣлъ желаніе угождать: словомъ, чтобы все это было радушно, какъ говорится — отъ сердца, а не то, чтобы изъ какого интереса. А дочка городничаго очень недурна; да и матушка такая, что еще можно бы...[6] Нѣтъ, я не знаю, а мнѣ, право, нравится такая жизнь.

ЯВЛЕНІЕ III.

Хлестаковъ и судья.

Судья *(входя и останавливаясь, про себя)*. Боже, Боже! вынеси благополучно! такъ вотъ колѣнки и ломаетъ. *(Вслухъ, вытянувшись и придерживая рукою шпагу)*. Имѣю честь представиться: судья здѣшняго уѣзднаго суда, коллежскій ассесоръ Ляпкинъ-Тяпкинъ.

Хлестаковъ. Прошу садиться. Такъ вы здѣсь судья?

Судья. Съ 816-го былъ избранъ[7] на трехлѣтіе по волѣ дворянства, и продолжалъ должность до сего времени.

Хлестаковъ. А выгодно однако же быть судьею?

Судья. За три трехлѣтія представленъ къ Владиміру 4-й степени съ одобренія со стороны начальства.

Хлестаковъ. А — мнѣ нравится Владиміръ. Вотъ Анна 3-й степени уже не такъ. Слишкомъ уже, знаете, обыкновенно: всѣ носятъ, и столоначальники[1].

Судья *(въ сторону).* Выдумалъ, да Богъ знаетъ, удастся ли! Сердце, чортъ побери, такъ и колотится!.. Придумалъ-то я выронить какъ нибудь на полъ какъ будто ненарокомъ, да и броситься поднимать ихъ. Да чортъ его знаетъ, какъ оно выдетъ[2]. Ай! упали... Ну, батюшки!.. *(Роняетъ ассигнаціи на полъ, и наклоняется поднять ихъ).*

Хлестаковъ. А что вы?.. *(Подвигаетъ нѣсколько стулъ свой).*

Аммосъ Ѳедоровичъ *(въ сторону, почти потерявшись).* О Боже, вотъ ужъ я и подъ судомъ![3] и тележку подвезли схватить меня!

Хлестаковъ. Что, вы уронили что-то?

Аммосъ Ѳедоровичъ. Упали какія-то ассигнаціи; я полагалъ, что не съ вашего ли стола. *(Въ сторону).* Ну, все кончено[4], пропалъ! пропалъ!

Хлестаковъ. А позвольте, я посмотрю, можетъ быть, точно не мои ли. Мнѣ, признаюсь, по разсѣянности случалось очень часто ронять деньги. А ужъ[5] извощику почти всякой разъ случается, по ошибкѣ, дать вмѣсто четвертака золотой полуимперіалъ .

Аммосъ Ѳедоровичъ. Я полагаю тоже, что это ваши. *(Въ сторону).* Ну, смѣлѣе, смѣлѣе! Вывози, пресвятая матерь![6]

Хлестаковъ. Больше трехъ сотъ, кажется, рублей. Не знаю, право[7], можетъ быть, и мои. Я[8] никогда не знаю, сколько у меня денегъ. А если на всякой случай нѣтъ, такъ все равно: вы мнѣ дайте ихъ взаймы, а я вамъ потомъ пришлю.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Помилуйте! такимъ принятіемъ можно просто осчастливить человѣка[9].

Хлестаковъ. Да, я вамъ изъ деревни на слѣдующей же недѣлѣ пришлю.

Аммосъ Ѳедоровичъ *(вставая съ тѣмъ, чтобы идти).* Зачѣмъ же? я подожду. Не извольте никакъ безпокоиться. Если и въ другомъ чемъ... стоитъ приказать.

Хлестаковъ. Хорошо, хорошо. А вы уже уходите?..

Аммосъ Ѳедоровичъ. Не смѣю отнимать времени, опредѣленнаго на священныя обязанности.

Хлестаковъ. Прощайте! Вѣдь мы съ вами увидимся?

Аммосъ Ѳедоровичъ. Готовъ явиться по первому приказанію. *(Въ сторону, уходя).* Городъ нашъ!

Хлестаковъ *(по уходѣ его).* Судья хорошій человѣкъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Хлестаковъ и **почтмейстеръ**, входитъ, вытянувшись, въ мундирѣ, придерживая шпагу.

Почтмейстеръ. Имѣю честь представиться: почтмейстеръ надворный совѣтникъ Шпекинъ.

Хлестаковъ. А, покорнѣйше благодарю за то, что пожаловали. Я очень люблю пріятное общество. Садитесь. Вѣдь вы здѣсь всегда живете?

Почтмейстеръ. Такъ точно-съ.

Хлестаковъ. А мнѣ нравится здѣшній городокъ. Конечно, не такъ многолюдно — ну что жъ! Вѣдь это не столица. Не правда ли, вѣдь это не столица?

Почтмейстеръ. Совершенная правда.

Хлестаковъ. Вѣдь это только въ столицѣ бонъ-тонъ, и нѣтъ провинціальныхъ гусей. Какъ ваше мнѣніе, не правда ли?[1]

Почтмейстеръ. Такъ точно-съ! *(Въ сторону).* А онъ однакожъ ничуть не гордъ: обо всемъ разспрашиваетъ.

Хлестаковъ. А вѣдь однакожъ, признайтесь, вѣдь и въ маленькомъ городкѣ можно прожить счастливо?

Почтмейстеръ. Такъ точно-съ.

Хлестаковъ. По моему мнѣнію, что нужно? Нужно только радушіе, чтобы были только все хорошіе люди, чтобы тебя уважали, любили искренно — не правда ли?

Почтмейстеръ. Совершенно справедливо.

Хлестаковъ. Я, признаюсь, радъ, что вы одного мнѣнія со мною. Я таковъ. Можетъ быть, другимъ я покажусь страннымъ[2] въ этомъ отношеніи... но что жъ дѣлать, у меня ужъ это характеръ[3]. *(Глядя въ глаза ему, говоритъ про себя)* А попрошу-ка я у этого почтмейстера взаймы! *(Вслухъ).* Какой странный однакожъ со мною случай: въ дорогѣ совершенно издержался[4]. Не можете ли вы мнѣ дать сколько-нибудь денегъ взаймы?

Почтмейстеръ. Сколько прикажете?

Хлестаковъ. Ну, да рублей какихъ нибудь двѣсти; а я вамъ завтра же пришлю изъ деревни.

Почтмейстеръ. Сей часъ. *(Шаритъ въ карманѣ и вынимаетъ ассигнаціи).*

Хлестаковъ. Очень благодаренъ; а я, признаюсь, знаете въ дорогѣ то и другое, а я никакъ не люблю отказывать себѣ ни въ чемъ; да и къ чему — не такъ ли?

Почтмейстеръ. Такъ точно-съ. *(Встаетъ, вытягивается и придерживаетъ шпагу).* Не смѣю долѣе безпокоить[1] своимъ присутствіемъ... Не будетъ ли какого замѣчанія по части почтоваго управленія?

Хлестаковъ. Прощайте, прощайте! Хорошо, хорошо. *(По уходѣ почтмейстера раскуриваетъ сигару[2]).* Почтмейстеръ, мнѣ кажется, тоже очень хорошій человѣкъ. По крайней мѣрѣ, услужливъ. Я, признаюсь, отчасти люблю такихъ людей, съ которыми можно объясняться прямо[3].

ЯВЛЕНІЕ V.

Хлестаковъ и **Лука Лукичъ**, который почти выталкивается изъ дверей. (Сзади его слышенъ голосъ почти вслухъ: «чего робѣешь?»

Лука Лукичъ *(вытягиваясь не безъ трепета и придерживая шпагу).* Имѣю честь представиться: смотритель училищъ, титулярный совѣтникъ Хлоповъ.

Хлестаковъ. А! милости просимъ! Садитесь, садитесь. Не хотите ли сигарку? *(Подаетъ ему сигару)*[4].

Лука Лукичъ *(про себя въ нерѣшимости)*[5]. Вотъ тебѣ разъ! Ужъ этого никакъ не предполагалъ. Брать или не брать?

Хлестаковъ. Возьмите, возьмите; это порядочная сигарка. Конечно, не то что въ Петербургѣ. Тамъ, батюшка, я куривалъ сигарочки[6] по 25 рублей сотенка, — такъ просто ручки потомъ себѣ поцѣлуешь, какъ выкуришь. Вотъ огонь, закурите. *(Подноситъ ему свѣчу).*

Лука Лукичъ *(пробуетъ закурить и весь дрожитъ).*

Хлестаковъ. Да не съ того[7] конца.

Лука Лукичъ *(отъ испуга[8] выронилъ сигару[9], плюнулъ[10] и махнулъ рукою, про себя).* Чортъ побери все! сгубила проклятая робость!

Хлестаковъ. Вы, какъ я вижу, не охотникъ до сигарокъ. А я, признаюсь, это моя слабость. Вотъ еще на счетъ женскаго полу никакъ не могу быть равнодушенъ[1]. Какъ вы?... какія вамъ больше нравятся: брюнетки или блондинки?

Лука Лукичъ *находится въ совершенномъ недоумѣніи, что сказать.*

Хлестаковъ. Нѣтъ, скажите откровенно, брюнетки или блондинки?

Лука Лукичъ. Не смѣю знать.

Хлестаковъ. Нѣтъ, нѣтъ, не отговаривайтесь[2]. Мнѣ хочется узнать непремѣнно[3] вашъ вкусъ.

Лука Лукичъ. Осмѣлюсь[4] доложить... *(Въ сторону)* И самъ не знаю, что говорю: въ головѣ все пошло кругомъ.

Хлестаковъ. А-а-а! не хотите сказать. Вѣрно ужъ какая нибудь брюнетка сдѣлала вамъ маленькую загвоздочку. Признайтесь, сдѣлала?

Лука Лукичъ *молчитъ.*

Хлестаковъ. О, о! покраснѣли![5] Видите, видите!... Отъ чего жъ вы не говорите?

Лука Лукичъ. Оробѣлъ, ваше бла... преос... сія...[6] *(Въ сторону).* Продалъ[7], проклятый языкъ, продалъ!

Хлестаковъ. Оробѣли?... А въ моихъ глазахъ точно есть что-то такое, что внушаетъ робость,—магнетическое, не правда ли?...[8] Рѣдкая женщина выдержитъ даже, если я посмотрю. Не такъ ли?

Лука Лукичъ. Такъ точно-съ.

Хлестаковъ. Скажите, пожалуста... Со мной престранный случай: въ дорогѣ совсѣмъ издержался... не можете ли вы мнѣ дать сколько-нибудь денегъ взаймы?... Я вамъ завтра же отдамъ.

Лука Лукичъ *(хватается за карманы[9], про себя).* Вотъ-те штука, если нѣтъ! Есть, есть! *(Вынимаетъ и подаетъ, дрожа, ассигнаціи).*

Хлестаковъ. Покорнѣйше благодарю!

Лука Лукичъ *(вытягиваясь и придерживая шпагу).* Не смѣю долѣе[10] безпокоить присутствіемъ.

Хлестаковъ. Прощайте!

Лука Лукичъ *летитъ вонъ почти бѣгомъ.*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Хлестаковъ *(одинъ)*. Здѣсь однакожъ много чиновниковъ. Теперь, какъ начинаю я хорошенько разсматривать, они вѣрно полагаютъ, что я въ большомъ ходу въ Петербургѣ. Моя физіономія, какъ я замѣтилъ, сдѣлала на нихъ большое впечатлѣніе... Да и въ самомъ дѣлѣ, я точно могъ показаться имъ чѣмъ-то необыкновеннымъ, въ родѣ гранъ-жанъ. Для провинціальнаго какого-нибудь жителя вдругъ увидѣть пріѣхавшаго изъ столицы, съ другимъ образованіемъ и въ столичномъ костюмѣ, въ этомъ есть такъ что-то околдовывающее. Дурачье впрочемъ должно быть ужасное!... Въ головѣ, я чай, только посвистываетъ. А посмотримъ, сколько у меня денегъ. *(Считаетъ ассигнаціи)*. Сто, двѣсти... какая замасленная!... пятьсотъ, семьсотъ!... ого! перевалило за тысячу!... тысяча сто, тысяча двѣсти... да кушикъ не дуренъ. А ну-ка[1], пѣхотный капитанъ! а попадись-ка ты мнѣ теперь. Я бы ужъ тебѣ далъ знать!... Это однакожъ благородная черта съ ихъ стороны, что они мнѣ дали денегъ взаймы. Что ни говори, это похвально! Право, обо всемъ этомъ стóитъ написать въ Петербургъ къ Тряпичкину: онъ тамъ сочиняетъ разныя статейки: пусть-ка между прочимъ онъ ихъ обрѣетъ хорошенько. Эй, Осипъ! подай мнѣ бумаги и чернилъ *(Осипъ выглянулъ[2] въ дверь, сказавши: „сейчасъ“)*. Нельзя отнять отъ Тряпичкина... *(пишетъ)*... вѣдь подлецъ... у! какой подлецъ!... и надуть, такъ надуетъ, что только держись!... Но остроуміе необыкновенное — ужъ такая шпилька: отца роднаго не пожалѣетъ. И деньгу таки любитъ.

V.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ

къ предполагавшимся изданіямъ „Ревизора" въ пользу бѣдныхъ.

Почти всѣ наши русскіе литераторы жертвовали чѣмъ-нибудь отъ трудовъ своихъ въ пользу неимущихъ: одни издавали съ этою цѣлью[1] сами книги, другіе не отказывались участвовать въ изданіяхъ, собираемыхъ изъ общихъ трудовъ[2], третьи, наконецъ, составляли нарочно[3] для этого публичныя чтенія. Одинъ я отсталъ отъ прочихъ. Желая, хотя поздно, загладить свой проступокъ, назначаю[4] въ пользу неимущихъ четвертое и пятое изданія „Ревизора", нынѣ напечатанныя[5] въ одно и то же время въ Москвѣ и въ Петербургѣ, съ присовокупленіемъ новой, неизвѣстной публикѣ піесы[6]: „Развязка Ревизора". По разнымъ причинамъ и обстоятельствамъ, піеса эта не могла быть досслѣ издана, и въ первый разъ помѣщается здѣсь[7].

Деньги, выручаемыя за оба эти изданія, назначаются только въ пользу[8] тѣхъ неимущихъ, которые, находясь на самыхъ незамѣтныхъ маленькихъ мѣстахъ, получаютъ самое небольшое жалованье и этимъ небольшимъ жалованьемъ, едва достаточнымъ на собственное прокормленіе, должны помогать, а иногда даже и содержать еще бѣднѣйшихъ себя родственниковъ своихъ, — словомъ, въ пользу тѣхъ, которымъ досталась горькая доля тянуть двойную тягость жизни[9]. А потому прошу всѣхъ моихъ читателей, которые сдѣлали уже начало доброму дѣлу покупкой этой книги, сдѣлать ему и доброе продолженіе[10], а именно: собирать, по возможности и по мѣрѣ досуга[11], свѣдѣнія обо всѣхъ, наиболѣе нуждающихся[12] какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ, не пренебрегая скучнымъ дѣломъ входить самому лично[13] въ ихъ трудныя обстоятель-

ства и доставлять всѣ таковыя свѣдѣнія тѣмъ, на которыхъ возложена раздача вспомоществованія[1].

Много происходитъ вокругъ насъ страданій, намъ неизвѣстныхъ[2]; часто въ одномъ и томъ же мѣстѣ, въ одной и той же улицѣ, въ одномъ и томъ же съ нами домѣ изнываетъ человѣкъ, сокрушенный весь тяжкимъ игомъ нужды и ею порожденнаго суроваго внутренняго горя. котораго вся участь, можетъ быть, зависѣла отъ одного нашего пристальнаго на него взгляда; но взгляда на него мы не обратили: безпечно и беззаботно продолжаемъ жизнь свою, почти равнодушно слышимъ о томъ, что такой-то, жившій съ нами рядомъ, погибнулъ, — не подозрѣвая того, что причиной этой погибели было именно то, что мы не дали себѣ труда пристально взглянуть на него[3]. Ради самого Христа, умоляю не пренебрегать разговорами[4] съ тѣми, которые молчаливы, неразговорчивы[5], которые[6] скорбятъ тихо, претерпѣваютъ тихо и умираютъ тихо[7], такъ что даже рѣдко и по смерти ихъ узнается[8], что они умерли отъ невыносимаго бремени своего горя[9]. Всѣхъ же тѣхъ моихъ читателей[10], которые, будучи заняты обязанностями и должностями[11] высшими и важнѣйшими[12], не имѣютъ черезъ то досуга входить непосредственно въ положеніе[13] бѣдныхъ, прошу не оставить посильнымъ денежнымъ вспоможеніемъ, препровождая его къ одному изъ раздавателей такихъ вспомоществованій, которыхъ имена и адресы приложены въ концѣ сего предувѣдомленія[14].

Считаю обязанностью при этомъ[15] увѣдомить, что избраны мною для этого дѣла тѣ изъ мною знаемыхъ лично людей, которые, не будучи озабочены излишне собственными хлопотами и обязанностями, лишающими нужнаго досуга для подобныхъ занятій, влекутся сверхъ того собственной душевной потребностью помогать другому и которые взялись радостно за это трудное дѣло, не смотря на то, что оно отнимаетъ отъ нихъ множество пріятныхъ удовольствій свѣтскихъ, которыми неохотно жертвуетъ человѣкъ. А потому всякъ изъ дающихъ можетъ быть увѣренъ, что помощь, имъ произведенная, будетъ произведена съ разсмотрѣніемъ: не бросится изъ нея и копѣйка напрасно[16]. Не помогутъ они по тѣхъ поръ человѣку, пока не узнаютъ его близко, не взвѣсятъ всѣхъ обстоятельствъ, его окружающихъ, и не получатъ такимъ образомъ вразумленія полнаго, какимъ совѣтомъ и напутствіемъ сопро-

водить поданную ему помощь. Въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ страждущій самъ виной тяжелой участи своей и въ дѣло его бѣдствія замѣшалось дѣло его собственной совѣсти, помощь произведутъ они не иначе, какъ черезъ руки опытныхъ священниковъ и вообще такихъ духовниковъ, которые не въ первый разъ имѣли дѣло съ душою и совѣстью человѣка. Хорошо, если бы всякъ изъ тѣхъ, которые будутъ собирать свѣдѣнія о бѣдныхъ, взялъ на себя трудъ изъясниться объ этомъ съ раздавателями суммъ лично, а не посредствомъ переписки: въ разговорахъ объясняются легко всѣ тѣ недоразумѣнія, которыя всегда остаются въ письмахъ. Всякъ можетъ усмотрѣть самъ, уже по роду самаго дѣла, къ кому изъ означенныхъ лицъ ему будетъ приличнѣй, ловче и лучше обратиться, принимая въ соображеніе и то, въ какомъ дѣлѣ особенно нужно сострадательное участіе женщины, а въ какомъ твердое, братски подкрѣпляющее слово мужа. Лучше, если для такихъ переговоровъ будетъ назначенъ разъ навсегда одинъ опредѣленный часъ, хотя, положимъ, отъ 11 до 12, который вообще для всѣхъ, для большинства людей, есть удобнѣйшій; если жъ кому онъ и неудобенъ, то все-таки, пришедши въ этотъ часъ, можно получить освѣдомленіе о другомъ, удобнѣйшемъ.

Имена принявшихъ на себя раздачу вспомоществованія:

Въ Москвѣ:	Въ Петербургѣ:
Авдотья Петровна Елагина.	Ольга Степановна Одоевская.
Катерина Александровна Свербѣева.	Графиня Анна Михайловна Вьельегорская.
Вѣра Сергѣевна Аксакова.	Графиня Дашкова.
Алексѣй Степановичъ Хомяковъ.	Аркадій Осиповичъ Россети.
Николай Филипповичъ Павловъ.	Юрій Федоровичъ Самаринъ.
Петръ Васильевичъ Кирѣевскій.	Владиміръ Алексѣевичъ Мухановъ.

VI.

РАЗВЯЗКА РЕВИЗОРА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Первый комическій актеръ — Михайло Семеновичъ Щепкинъ.
Хорошенькая актриса.
Другой актеръ.
Өедоръ Өедорычъ, любитель театра.
Петръ Петровичъ, человѣкъ большаго свѣта.
Семенъ Семенычъ, человѣкъ тоже немалаго свѣта, но въ своемъ родѣ.
Николай Николаичъ, литературный человѣкъ.
Актеры и актрисы.

Первый комическій актеръ *(выходя на сцену)*. Ну, теперь нечего скромничать. Могу сказать, въ этотъ разъ точно хорошо сыгралъ, и рукоплесканье публики досталось не даромъ. Если чувствуешь это самъ, если не стыдно передъ самимъ собой, то, значитъ, дѣло было сдѣлано, какъ слѣдуетъ.

Входитъ толпа актеровъ и актрисъ.

Другой актеръ *(съ вѣнкомъ въ рукѣ)*. Михайло Семенычъ[1], это ужъ не публика, это мы подносимъ вамъ вѣнокъ. Публика раздаетъ вѣнки не всегда съ строгимъ разборомъ; достается отъ нея вѣнокъ и не за большія услуги; но если своя братья — товарищи, которые подчасъ и завистливы, и несправедливы, если своя братья — товарищи поднесутъ кому съ единодушнаго приговора вѣнокъ, то, значитъ, такой человѣкъ точно достоинъ вѣнка.

Первый комическій актеръ *(принимая вѣнокъ)*. Товарищи, умѣю цѣнить этотъ вѣнокъ.

Другой актеръ. Нѣтъ, не въ рукѣ держать; надѣньте-ка на голову!

Всѣ актеры и актрисы. На голову вѣнокъ!

Хорошенькая актриса *(выступая впередъ, съ повелительнымъ жестомъ)*. Михайло Семенычъ, вѣнокъ на голову!

Первый комическій актеръ. Нѣтъ, товарищи, взять вѣнокъ отъ васъ — возьму, но надѣть на голову — не надѣну. Другое дѣло — принять вѣнокъ отъ публики, какъ обычное выраженье привѣтствія, которымъ она награждаетъ всякаго, кто удостоился ей понравиться; не надѣть такого вѣнка — значило бы показать пренебреженье къ ея вниманью. Но надѣть вѣнокъ посреди себѣ равныхъ товарищей, — господа, для этого нужно имѣть слишкомъ много самонадѣянной увѣренности въ себѣ.

Всѣ. Вѣнокъ на голову!

Хорошенькая актриса. На голову вѣнокъ, Михайло Семенычъ!

Другой актеръ. Это наше дѣло; мы судьи, а не вы. Извольте-ка прежде надѣть его, а потомъ мы вамъ скажемъ, зачѣмъ васъ увѣнчали. Вотъ такъ! Теперь слушайте! За то вамъ вѣнокъ, что вотъ уже слишкомъ двадцать лѣтъ, какъ вы посреди насъ, и нѣтъ изъ насъ никого, который былъ бы когда-либо вами обиженъ; за то, что вы всѣхъ насъ ревностнѣй дѣлали свое дѣло и симъ однимъ внушали охоту не уставать на своемъ поприщѣ, безъ чего врядъ ли у насъ достало бы силъ. Какая посторонняя сила можетъ такъ подтолкнуть, какъ подтолкнетъ товарищъ своимъ примѣромъ? За то, что вы не объ одномъ себѣ думали, не о томъ хлопотали, чтобы только самому сыграть хорошо свою роль, но чтобы и всякъ не оплошалъ[1] въ своей ролѣ, и никому не отказывали въ совѣтѣ, никѣмъ не пренебрегали. За то, наконецъ, что такъ любили дѣло искусства, какъ никто изъ насъ никогда не любилъ его. — И вотъ вамъ за что подносимъ теперь всѣ до единаго вѣнокъ.

Первый комическій актеръ *(растроганный)*. Нѣтъ, товарищи, не было такъ, но хотѣлъ бы, чтобы было такъ.

Входятъ Өедоръ Өедорычъ, Семенъ Семенычъ, Петръ Петровичъ и Николай Николаичъ.

Өедоръ Өедорычъ *(бросившись обнимать перваго актера)*. Михайло Семенычъ![2] Себя не помню, не знаю, что и сказать объ игрѣ вашей: вы никогда еще такъ не играли.

Петръ Петровичъ. Не почтите словъ моихъ за лесть, Михайло Семеновичъ, но я долженъ признаться, не встрѣчалъ, —

а могу сказать нехвастовски, былъ на всѣхъ первоклассныхъ театрахъ Европы, видѣлъ лучшихъ актеровъ, — не встрѣчалъ подобной игры, не примите моихъ словъ за лесть.

Семенъ Семенычъ. Михайло Семенычъ!...[1] *(въ безсиліи выразить словомъ, выражаетъ движеніемъ руки)* вы просто Асмодей!

Николай Николаичъ. Въ такомъ совершенствѣ, въ такой окончательности, такъ сознательно и въ такомъ соображеньи всего исполнить роль свою — нѣтъ, это что-то[2] выше обыкновенной передачи. Это второе созданье, творчество!

Өедоръ Өедорычъ. Вѣнецъ искусства — и больше ничего! Здѣсь-то, наконецъ, узнаешь[3] высокій смыслъ искусства. Ну, чтò есть, привлекательнаго, напримѣръ[4], въ томъ лицѣ, которое вы сейчасъ представляли? Какъ можно доставить наслажденье зрителю въ кожѣ какого-нибудь плута? А вы его доставили. Я плакалъ; но плакалъ не отъ участья къ положенью лица, — плакалъ отъ наслажденія. Душѣ стало свѣтло и легко. Легко и свѣтло отъ того, что выставили всѣ оттѣнки плутовской души, что дали ясно увидѣть, чтò такое плутъ.

Петръ Петровичъ. Позвольте однакожъ, оставивши въ сторону мастерскую обстановку піесы, подобной которой, признаюсь, не встрѣчалъ, — а могу сказать нехвастовски, былъ на лучшихъ театрахъ, — ужъ не знаю, кому обязанъ[5] авторъ: вамъ ли, господа, или начальству нашихъ театровъ, — вѣроятно тому и другому вмѣстѣ; но подобная обстановка вынесетъ хоть какую піесу (не примите моихъ словъ за лесть, господа!) — позвольте однакожъ, оставивши все это въ сторону, сдѣлать мнѣ замѣчанье насчетъ самой піесы, то самое замѣчанье, которое сдѣлалъ я назадъ тому десять лѣтъ, во время ея перваго представленія: не вижу я въ „Ревизорѣ“, даже и въ томъ видѣ, въ какомъ онъ данъ теперь, никакой существенной пользы для общества, чтобы можно было сказать, что эта піеса нужна обществу.

Семенъ Семенычъ. Я даже вижу вредъ. Въ піесѣ выставлено намъ униженье наше; не вижу я любви къ отечеству въ томъ, кто писалъ ее. И притомъ, какое неуваженіе, какая даже дерзость... Я ужъ этого даже не понимаю, какъ смѣть сказать въ глаза всѣмъ: „Чтò[6] смѣетесь? — Надъ собой смѣетесь!“

Өедоръ Өедорычъ. Но, другъ мой, Семенъ Семенычъ, ты позабылъ: вѣдь это не авторъ говоритъ, вѣдь это говоритъ городничій; это говоритъ разсердившійся, раздосадованный плутъ, которому, разумѣется, досадно, что надъ нимъ смѣются.

Петръ Петровичъ. Позвольте, Өедоръ Өедорычъ[1], позвольте вамъ однакожъ замѣтить, что слова эти точно произвели[2] странное дѣйствіе, и, вѣроятно, не одному изъ сидѣвшихъ въ театрѣ показалось, что авторъ къ нему самому[3] обращаетъ эти слова: „надъ собой смѣетесь!" Говорю это... вы не принимайте моихъ словъ, господа, за какое-нибудь личное нерасположеніе къ автору[4], или предубѣжденіе, или... словомъ не то, чтобы я имѣлъ противу него что-нибудь[5], понимаете; но говорю вамъ мое собственное ощущеніе: мнѣ показалось, точно какъ бы въ эту минуту стоитъ передо мною человѣкъ, который смѣется надъ всѣмъ, что̀ ни есть у насъ: надъ нравами, надъ обычаями, надъ порядками[6] и, заставивши насъ же посмѣяться надъ всѣмъ этимъ, намъ же говоритъ въ глаза: „вы надъ собой смѣетесь!"

Первый актеръ. Позвольте здѣсь мнѣ сказать слово. Вышло это само собой. Въ монологѣ, обращенномъ къ самому себѣ, актеръ обыкновенно обращается къ сторонѣ зрителей. Хотя городничій былъ въ безпамятствѣ и почти въ бреду, но не могъ не замѣтить усмѣшки[7], которую возбудилъ онъ смѣшными своими угрозами всѣхъ обманувшему Хлестакову, который въ это время во весь духъ несется[8] себѣ на почтовыхъ, Богъ вѣсть, въ какихъ краяхъ. Дать именно тотъ смыслъ, о которомъ вы говорите, у автора не было никакого намѣренья[9]: я это вамъ говорю потому, что знаю небольшую тайну этой піесы. Но позвольте мнѣ съ моей стороны сдѣлать запросъ: ну, что̀ если бы у сочинителя была[10] цѣль показать зрителю, что онъ надъ собой смѣется?

Семенъ Семенычъ. Благодарю за комплиментъ! Я по крайней мѣрѣ не нахожу въ себѣ ничего общаго съ выведенными въ „Ревизорѣ" людьми. Извините! Не хвастаюсь, что я не безъ пороковъ, такъ же, какъ и всѣ люди, но все же я не похожъ на нихъ. Это ужъ слишкомъ! Въ эпиграфѣ выставлено: „На зеркало нечего пенять, если рожа крива!" Петръ Петровичъ, я спрашиваю у васъ: развѣ у меня рожа крива? Өедоръ Өедорычъ, я спрашиваю у тебя: развѣ у меня рожа крива? Ни-

колай Николаичъ, у тебя я спрашиваю: у меня рожа крива?[1] *(Обращаясь ко всѣмъ другимъ).* Господа, я у васъ всѣхъ спрашиваю, скажите мнѣ: развѣ у меня рожа крива?

Ѳедоръ Ѳедорычъ. Но, другъ мой, Семенъ Семенычъ, странный и ты опять вопросъ задалъ. Вѣдь ты же опять и не красавецъ, какъ и мы всѣ грѣшные. Нельзя же сказать ужъ такъ напрямикъ, чтобы твое лицо было образецъ образцомъ. Какъ ни разсмотри, немножко косовато: ну, а что̀ косо, то ужъ и криво.

Петръ Петровичъ. Господа, вы вдались совершенно въ другой вопросъ. Это лежитъ на совѣсти всякаго человѣка; намъ смѣшно и трактовать о томъ, у кого лицо криво, а у кого нѣтъ. Но вотъ въ чемъ главное дѣло, позвольте мнѣ вновь возвратиться къ тому же: не вижу я большаго разума въ комедіи, не вижу цѣли, по крайней мѣрѣ въ самомъ сочиненіи это не обнаруживается.

Николай Николаичъ. Но какой же вы хотите еще цѣли, Петръ Петровичъ? Искусство уже въ самомъ себѣ заключаетъ свою цѣль. Стремленье къ прекрасному и высокому — вотъ искусство. Это непремѣнный законъ искусства; безъ этого искусство — не искусство. А потому ни въ какомъ случаѣ не можетъ оно быть безнравственно[2]. Оно стремится непремѣнно къ добру, положительно или отрицательно: выставляетъ ли намъ красоту всего лучшаго, что̀ ни есть въ человѣкѣ, или же смѣется надъ безобразіемъ всего худшаго въ человѣкѣ. Если выставишь[3] всю дрянь, какая ни есть въ человѣкѣ, и выставишь[4] ее такимъ образомъ, что всякій изъ зрителей получитъ къ ней полное отвращеніе, спрашиваю: развѣ это не похвала[5] всему хорошему? спрашиваю: развѣ это не похвала добру?

Петръ Петровичъ. Безспорно, Николай Николаичъ; но позвольте однакоже вамъ...

Николай Николаичъ *(не слушая).* Не то дурно, что намъ показываютъ въ дурномъ дурное, и видишь[6], что оно дурно во всѣхъ отношеніяхъ; но то дурно, если намъ выставляютъ его такъ[7], что не знаешь, злое ли оно, или нѣтъ; то дурно, когда дѣлаютъ привлекательнымъ для зрителя злое; то дурно, что мѣшаютъ его въ такой степени съ добромъ, что не знаешь, къ которой сторонѣ пристать; то дурно, что доброе показываютъ намъ такимъ образомъ, что въ добрѣ не видишь добра.

Первый комическій актеръ. Клянусь, истинная правда, Николай Николаичъ![1] Вы сказали то[2], въ чемъ я всегда былъ убѣжденъ, но не умѣлъ только такъ хорошо высказать. То дурно, что въ добрѣ не видишь добра. А этотъ грѣхъ водится за всѣми модными драмами, которыми должны мы тѣшить публику. Зритель выходитъ изъ театра и самъ не знаетъ рѣшить, что̀ такое онъ видѣлъ: злой ли человѣкъ, или добрый былъ передъ нимъ. Къ добру не влечетъ его, отъ зла не отталкиваетъ, и остается онъ точно какъ во снѣ, не извлекши изъ того, что̀ видѣлъ, никакого для себя правила, къ чему-нибудь пригоднаго въ жизни, сбившись даже и съ той дороги, по которой шелъ, готовый пойти за первымъ, кто поведетъ, не спрашивая, куда и зачѣмъ.

Ѳедоръ Ѳедорычъ. И прибавьте, Михайло Семенычъ, какая пытка для актера исполнять такую роль, если только онъ истинный артистъ въ душѣ.

Первый актеръ. Не говорите этого: ваши слова мѣтятъ въ самое сердце. Не можете постигнуть, какъ подчасъ бываетъ горько. Учишь, разучиваешь эту роль, и не знаешь самъ, какое ей дать выраженье. Иногда забудешься, войдешь въ положенье лица, одушевишься[3], потрясешь зрителя, а когда вспомнишь, чѣмъ ты его потрясъ — противенъ станешь самому себѣ: хотѣлъ бы просто провалиться сквозь землю, и отъ рукоплесканій горишь, какъ отъ собственнаго стыда. Я и рѣшить не знаю, что̀ хуже: выставлять ли преступленья такимъ образомъ, чтобы зритель готовъ былъ[4] съ ними примириться, или не[5] выставлять подвиги добра въ такомъ видѣ, что зритель не закипитъ весь желаньемъ съ нимъ подружиться? То и другое по мнѣ — гниль, а не искусство. Глубоко сказалъ Николай Николаичъ: то дурно, когда въ добрѣ не видишь добра.

Другой актеръ. Справедливо, справедливо: то дурно, когда въ добрѣ не видишь добра.

Петръ Петровичъ. Противу этого я не могу сказать рѣшительно никакого возраженія. Николай Николаичъ сказалъ глубоко; Михайло Семенычъ развилъ еще больше. Но все это не отвѣтъ на мой вопросъ. То, что̀ вы сейчасъ сказали, то-есть, чтобы хорошее выставлено было дѣйствительно съ силой магической, увлекающей не только человѣка хорошаго, но даже и дурнаго, а дурное было выражено[6] въ такомъ пре-

зрительномъ видѣ, чтобы зритель не только не почувствовалъ желанья примириться съ выведенными лицами, но, напротивъ, желанье поскорѣй ихъ оттолкнуть отъ себя, — все это, Николай Николаичъ, должно быть непремѣннымъ условіемъ всякаго сочиненія. Это даже и не цѣль. Всякое сочиненіе должно имѣть сверхъ этого всего свое собственное, личное выраженье, Николай Николаичъ, иначе пропадетъ его оригинальность, Николай Николаичъ[1], — понимаете ли вы это? Поэтому-то я не вижу въ „Ревизорѣ“ того большаго значенья, которое придаютъ ему другіе. Надобно, чтобы было ощутительно ясно, зачѣмъ предпринято такое-то сочиненіе, на что̀ именно бьетъ оно, къ чему клонится, что̀ новаго хочетъ доказать собой. Вотъ что̀, Николай Николаичъ, а не то, что̀ вы говорите вообще объ искусствѣ.

Николай Николаичъ. Петръ Петровичъ, да какъ же вы говорите, къ чему клонится... вѣдь это... вѣдь это видно.

Петръ Петровичъ. Николай Николаичъ, это не видно. Не вижу я никакой особенной цѣли этой комедіи, обнаруженной ясно[2] въ самомъ сочиненіи; или, можетъ быть, авторъ съ какимъ-нибудь умысломъ скрылъ ее. Въ такомъ случаѣ это будетъ уже[3] преступленье предъ искусствомъ, Николай Николаичъ, что̀ вы себѣ ни говорите. Разберемъ-те-ка сурьезно эту комедію: вѣдь „Ревизоръ“ совсѣмъ не производитъ того впечатлѣнья, чтобъ зритель послѣ него освѣжился; напротивъ, вы, я думаю, сами знаете, что одни почувствовали безплодное раздраженье, другіе даже озлобленье, а вообще всякъ унесъ какое-то тягостное чувство. Не смотря на все удовольствіе, которое возбуждаютъ ловко найденныя сцены, на комическое даже положенье многихъ лицъ, на мастерскую даже обработку нѣкоторыхъ характеровъ, въ итогѣ остается что-то эдакое... я вамъ даже объяснить не могу, — что-то чудовищно-мрачное, какой-то страхъ отъ безпорядковъ нашихъ. Самое это появленье жандарма, который, точно какой-то палачъ, является въ дверяхъ[4], это окаменѣнье, которое наводятъ на всѣхъ его слова, возвѣщающія о пріѣздѣ настоящаго ревизора, который долженъ всѣхъ ихъ истребить[5], стереть съ лица земли, уничтожить въ конецъ — все это какъ-то необыкновенно[6] страшно! Признаюсь вамъ достовѣрно, à la lettre, на меня ни одна трагедія не производила такого печальнаго, такого тягостнаго,

такого безотраднаго чувства, такъ что я готовъ подозрѣвать даже, не было ли у автора какого-нибудь особеннаго намѣренія произвести такого дѣйствія послѣдней сценой своей комедіи. Не можетъ быть, чтобъ это вышло такъ, само собой.

Первый комическій актеръ. А вотъ, наконецъ, догадались сдѣлать этотъ запросъ. Десять лѣтъ играется на сценахъ „Ревизоръ". Всѣ, болѣе или менѣе, нападали на тягостное впечатлѣнье, имъ производимое, а никто не далъ запроса: зачѣмъ было производить его? — точно какъ-будто бы авторъ долженъ былъ писать свою комедію, очертя голову и не зная самъ, къ чему она и что̀ выдетъ изъ нея. Дайте же ему хотя каплю ума, въ которомъ вы не отказываете ни одному человѣку. Вѣдь, вѣрно же, есть причина всякому поступку, даже и въ глупомъ человѣкѣ.

(Всѣ смотрятъ на него съ изумленіемъ).

Петръ Петровичъ. Михайло Семенычъ, объяснитесь: это что-то неясно.

Семенъ Семенычъ. Это пахнетъ какою-то загадкой.

Первый комическій актеръ. Да какъ же въ самомъ дѣлѣ вы не замѣтили, что „Ревизоръ" безъ конца?

Николай Николаичъ. Какъ безъ конца?

Семенъ Семенычъ. Да какой же еще конецъ? Пять дѣйствій; въ шести комедія не бываетъ. — Развѣ новая побранка въ придачу?

Петръ Петровичъ. Позвольте, однакожъ, замѣтить вамъ, Михайло Семенычъ, что же за піеса, которая безъ конца? я спрашиваю васъ. Неужели и это въ законѣ искусства? Николай Николаичъ! Вѣдь это, по моему, значитъ принести, поставить передъ всѣми запертую шкатулку и спрашивать, что̀ въ ней лежитъ?

Первый комическій актеръ. Ну, да если она поставлена передъ вами съ тѣмъ именно, чтобы потрудились сами отперетъ?

Петръ Петровичъ. Въ такомъ случаѣ нужно, по крайней мѣрѣ, сказать это, или же просто дать ключъ въ руки.

Первый комическій актеръ. Ну, а если и ключъ лежитъ тутъ же возлѣ шкатулки?

Николай Николаичъ. Перестаньте говорить загадками! Вы что-нибудь знаете. Вѣрно, вамъ авторъ далъ въ руки этотъ ключъ, а вы держите его и секретничаете.

Өедоръ Өедорычъ. Объявите, Михайло Семенычъ; я не въ шутку заинтересованъ знать, что̀ въ самомъ дѣлѣ можетъ здѣсь крыться! На мои глаза, я не вижу ничего.

Семенъ Семенычъ. Дайте же открыть намъ эту загадочную шкатулку. Что̀ это за странная такая шкатулка, которая, неизвѣстно зачѣмъ, намъ поднесена, неизвѣстно зачѣмъ, передъ нами поставлена и, неизвѣстно зачѣмъ, отъ насъ заперта?

Первый комическій актеръ. Ну, а что жъ если она откроется такъ, что станете удивляться, какъ не открыли сами? и если въ шкатулкѣ лежитъ вещь, которая для однихъ, что̀ старый грошъ, вышедшій изъ употребленья, а для другихъ, что̀ свѣтлый червонецъ, который вѣкъ въ цѣнѣ, какъ ни мѣняется на немъ штемпель?

Николай Николаичъ. Да полно вамъ съ вашими загадками! Намъ подавайте ключъ и ничего больше!

Семенъ Семенычъ. Ключъ, Михайло Семенычъ!

Өедоръ Өедорычъ. Ключъ!

Петръ Петровичъ. Ключъ!

Всѣ актеры и актрисы. Михайло Семеновичъ, ключъ!

Первый комическій актеръ. Ключъ? Да примите ли вы, господа, этотъ ключъ? Можетъ быть, швырнете его прочь вмѣстѣ съ шкатулкой?

Николай Николаичъ. Ключъ! не хотимъ больше ничего слышать. Ключъ!

Всѣ. Ключъ!

Первый комическій актеръ. Извольте, я дамъ вамъ ключъ. Отъ комическаго актера вы, можетъ быть, не привыкли слышать такихъ словъ, но что̀ жъ дѣлать? въ этотъ день сердце мое разогрѣлось, мнѣ стало легко, и я готовъ все сказать, что̀ ни есть у меня на душѣ, какъ бы вы ни приняли слова мои [1]. Нѣтъ, господа, не давалъ мнѣ авторъ ключа, но бываютъ такія минуты состоянья душевнаго, когда становится самому понятнымъ то, что̀ прежде было непонятно. Нашелъ я этотъ ключъ, и сердце мое говоритъ мнѣ, что онъ тотъ самый; отперлась передо мной шкатулка, и душа моя говоритъ мнѣ, что не могъ имѣть другой мысли самъ авторъ.

Всмотритесь-ка пристально въ этотъ городъ, который выведенъ въ піесѣ! Всѣ до единаго согласны, что этакого города нѣтъ во всей Россіи: не слыхано, чтобы гдѣ были у

насъ чиновники всѣ до единаго такіе уроды; хоть два, хоть три бываетъ честныхъ, а здѣсь ни одного. Словомъ, такого города нѣтъ. Не такъ ли? Ну, а что̀, если это нашъ же душевный городъ, и сидитъ онъ у всякаго изъ насъ? Нѣтъ, взглянемъ на себя не глазами свѣтскаго человѣка, — вѣдь не свѣтскій человѣкъ произнесетъ надъ нами судъ, — взглянемъ хоть сколько-нибудь на себя глазами Того, Кто позоветъ на очную ставку всѣхъ людей, передъ Которымъ и наилучшіе изъ насъ, не позабудьте этого, потупятъ отъ стыда въ землю глаза свои, да и посмотримъ, достанетъ ли у кого-нибудь изъ насъ тогда духу спросить: „Да развѣ у меня рожа крива?“ Чтобы не испугался онъ такъ собственной кривизны своей, какъ не испугался кривизны всѣхъ этихъ чиновниковъ, которыхъ только-что видѣлъ въ піесѣ! Нѣтъ, Петръ Петровичъ, нѣтъ, Семенъ Семенычъ, не говорите: „это старыя рѣчи“, или: „это ужъ мы сами знаемъ!“ Дайте жъ, наконецъ, ужъ и мнѣ сказать слово. Что̀ жъ въ самомъ дѣлѣ, какъ будто я живу только для скоморошничества? Тѣ вещи, которыя намъ даны съ тѣмъ, чтобы помнить ихъ вѣчно, не должны быть старыми: ихъ нужно принимать какъ новость, какъ бы въ первый разъ только ихъ[1] слышимъ, кто бы ихъ ни произносилъ намъ, — тутъ нечего глядѣть на лицо того, кто говоритъ ихъ. Нѣтъ, Семенъ Семенычъ, не о красотѣ нашей должна быть рѣчь, но о томъ, чтобы въ самомъ дѣлѣ наша жизнь, которую привыкли мы почитать за комедію, да не кончилась[2] бы такой трагедіей, какою не кончилась эта комедія, которую только что съиграли мы. Что̀ ни говори, но страшенъ тотъ ревизоръ, который ждетъ насъ у дверей гроба. Будто не знаете, кто это ревизоръ? Что прикидываться? Ревизоръ этотъ наша проснувшаяся совѣсть, которая заставитъ насъ вдругъ и разомъ взглянуть во всѣ глаза на самихъ себя. Передъ этимъ ревизоромъ ничто не укроется, потому что, по Именному Высшему повелѣнью, онъ посланъ и возвѣстится о немъ тогда, когда уже и шагу нельзя будетъ сдѣлать назадъ. Вдругъ откроется передъ тобою, въ тебѣ же откроется[3] такое страшилище, что отъ ужаса подымется волосъ. Лучше жъ сдѣлать ревизовку всему, что̀ ни есть въ насъ, въ началѣ жизни, а не въ концѣ ея — на мѣсто пустыхъ разглагольствованій о себѣ и похвальбы собой, да побывать теперь же

въ безобразномъ душевномъ нашемъ городѣ, который въ нѣсколько разъ хуже всякаго другаго города, — въ которомъ безчинствуютъ наши страсти, какъ безобразные чиновники, воруя казну собственной души нашей! Въ началѣ жизни взять ревизора и съ нимъ объ руку переглядѣть все, что̀ ни есть въ насъ, — настоящаго ревизора, не подложнаго, не Хлестакова! Хлестаковъ — щелкопёръ, Хлестаковъ — вѣтреная свѣтская совѣсть, продажная, обманчивая совѣсть; Хлестакова подкупятъ какъ разъ наши же, обитающія въ душѣ нашей, страсти. Съ Хлестаковымъ подъ руку ничего не увидишь въ душевномъ городѣ нашемъ. Смотрите, какъ всякій чиновникъ съ нимъ въ разговорѣ вывернулся ловко и оправдался, — вышелъ чуть не святой. Думаете, не хитрѣй всякаго плута-чиновника каждая страсть наша? И не только страсть, даже самая пустая [1], пошлая какая-нибудь привычка. Такъ ловко передъ нами вывернется и оправдается, что еще почтешь ее за добродѣтель, и даже похвастаешься передъ своимъ братомъ и скажешь ему: „Смотри, какой у меня чудесный городъ, какъ въ немъ все прибрано и чисто!“ Лицемѣры — наши страсти, говорю вамъ, лицемѣры, потому что самъ имѣлъ съ ними дѣло. Нѣтъ, съ вѣтреной свѣтской совѣстью ничего не разглядишь въ себѣ: и ее самоё [2] онѣ надуютъ, и она надуетъ ихъ, какъ Хлестаковъ чиновниковъ, и потомъ пропадетъ сама, такъ что и слѣда ея не найдешь. Останешься какъ дуракъ-городничій, который занесся уже было нивѣсть куда — и въ генералы полѣзъ, и навѣрняка сталъ возвѣщать, что сдѣлается первымъ въ столицѣ, и другимъ сталъ обѣщать мѣста, и потомъ вдругъ увидѣлъ, что былъ кругомъ обманутъ и одураченъ мальчишкою, верхоглядомъ, вертопрахомъ, въ которомъ и подобья не было съ настоящимъ ревизоромъ. Нѣтъ, Петръ Петровичъ, нѣтъ, Семенъ Семенычъ, нѣтъ, господа, всѣ, кто ни держитесь такого же мнѣнья, бросьте вашу свѣтскую совѣсть! Не съ Хлестаковымъ, но съ настоящимъ ревизоромъ оглянемъ себя! Клянусь, душевный городъ нашъ стоитъ того, чтобы подумать о немъ, какъ думаетъ добрый государь о своемъ государствѣ. Благородно и строго, какъ онъ изгоняетъ изъ земли своей лихоимцевъ, изгонимъ нашихъ душевныхъ лихоимцевъ! Есть средство, есть бичъ, которымъ можно выгнать ихъ. Смѣхомъ, мои благородные соотечественники! Смѣхомъ,

котораго такъ боятся всѣ низкія наши страсти! Смѣхомъ, который созданъ на то, чтобы смѣяться надъ всѣмъ, чтò позоритъ истинную красоту человѣка. Возвратимъ смѣху его настоящее значенье! Отнимемъ его у тѣхъ, которые обратили его въ легкомысленное свѣтское кощунство надъ всѣмъ, не разбирая ни хорошаго, ни дурнаго! Такимъ же точно образомъ, какъ посмѣялись надъ мерзостью въ другомъ человѣкѣ, посмѣемся великодушно надъ мерзостью собственной, какую въ себѣ ни отыщемъ! Не одну эту комедію, но все, чтò бы ни показалось изъ-подъ пера какого бы то ни было писателя, смѣющагося надъ порочнымъ и низкимъ, примемъ прямо на свой собственный счетъ, какъ бы оно именно было на насъ лично написано: все отыщешь въ себѣ, если только опустишься въ свою душу не съ Хлестаковымъ, но съ настоящимъ и неподкупнымъ ревизоромъ. Не возмутимся духомъ, если бы какой-нибудь разсердившійся городничій, или, справедливѣй, самъ нечистый духъ, шепнулъ его устами: „Что смѣетесь? надъ собой смѣетесь!“ Гордо ему скажемъ: „Да, надъ собой смѣемся, потому что слышимъ благородную русскую нашу породу, потому что слышимъ приказанье Высшее быть лучшими другихъ!“ Соотечественники! вѣдь у меня въ жилахъ тоже русская кровь, какъ и у васъ. Смотрите: я плачу! Комическій актеръ, я прежде смѣшилъ васъ, теперь я плачу. Дайте мнѣ почувствовать, что и мое поприще такъ же честно, какъ и всякаго изъ васъ, что я такъ же служу землѣ своей, какъ и всѣ вы служите, что не пустой я какой-нибудь скоморохъ, созданный для потѣхи пустыхъ людей, но честный чиновникъ великаго Божьяго государства и возбудилъ въ васъ смѣхъ, — не тотъ безпутный, которымъ пересмѣхаетъ въ свѣтѣ человѣкъ человѣка, который рождается отъ бездѣльной пустоты празднаго времени, но смѣхъ, родившійся отъ любви къ человѣку. Дружно докажемъ всему свѣту, что въ русской землѣ все, чтò ни есть, отъ мала до велика, стремится служить Тому же, Кому все должно служить на землѣ[1], несется туда же *(взглянувши наверхъ)* къ верху, къ Верховной вѣчной красотѣ!

ЖЕНИТЬБА

СОВЕРШЕННО НЕВѢРОЯТНОЕ СОБЫТІЕ

ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

(писано въ 1833 г.)

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Агаѳья Тихоновна, купеческая дочь, невѣста.
Арина Пантелеймоновна, тетка.
Ѳекла Ивановна, сваха.
Подколесинъ, служащій надворный совѣтникъ.
Кочкаревъ, другъ его.
Яичница, экзекуторъ.
Анучкинъ, отставной пѣхотный офицеръ.
Жевакинъ, морякъ.
Дуняшка, дѣвочка въ домѣ.
Стариковъ, гостинодворецъ.
Степанъ, слуга Подколесина.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Комната холостяка.

ЯВЛЕНІЕ I.

Подколесинъ *(одинъ, лежитъ на диванѣ съ трубкой).*

Вотъ, какъ начнешь эдакъ одинъ на досугѣ подумывать, такъ видишь, что, наконецъ, точно нужно [1] жениться. Чтò въ самомъ дѣлѣ? Живешь, живешь, да такая, наконецъ, скверность становится. Вотъ опять пропустилъ мясоѣдъ. А вѣдь, кажется, все готово, и сваха вотъ ужъ три мѣсяца ходитъ. Право, самому какъ-то становится совѣстно. Эй, Степанъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

Подколесинъ, Степанъ.

Подколесинъ. Не приходила сваха?

Степанъ. Никакъ нѣтъ.

Подколесинъ. А у портнаго былъ?

Степанъ. Былъ.

Подколесинъ. Что жъ онъ, шьетъ фракъ?

Степанъ. Шьетъ.

Подколесинъ. И много уже нашилъ?

Степанъ. Да ужъ довольно, началъ ужъ петли метать.

Подколесинъ. Чтò ты говоришь?

Степанъ. Говорю: началъ ужъ петли метать.

Подколесинъ. А не спрашивалъ онъ, на чтò, молъ, нуженъ барину фракъ?

Степанъ. Нѣтъ, не спрашивалъ.

Подколесинъ. Можетъ быть, онъ говорилъ: не хочетъ ли баринъ жениться?

Степанъ. Нѣтъ, ничего не говорилъ.

Подколесинъ. Ты видѣлъ, однакожъ, у него и другіе фраки? Вѣдь[1] онъ и для другихъ тоже шьетъ?

Степанъ. Да, фраковъ у него много виситъ.

Подколесинъ. Однакожъ, вѣдь[2] сукно-то на нихъ будетъ, чай, похуже, чѣмъ на моемъ?

Степанъ. Да, это будетъ поприглядистѣе[3], что̀ на вашемъ.

Подколесинъ. Что̀ ты говоришь?

Степанъ. Говорю: это поприглядистѣе[4], что̀ на вашемъ.

Подколесинъ. Хорошо. Ну, а не спрашивалъ, для чего, молъ, баринъ изъ такого тонкаго сукна шьетъ себѣ фракъ?

Степанъ. Нѣтъ.

Подколесинъ. Не говорилъ ничего о томъ, что не хочетъ ли, дискать, жениться?

Степанъ. Нѣтъ, объ этомъ не заговаривалъ.

Подколесинъ. Ты, однакоже, сказалъ, какой на мнѣ чинъ, и гдѣ служу?

Степанъ. Сказывалъ.

Подколесинъ. Что̀ жъ онъ на это?

Степанъ. Говоритъ: буду стараться.

Подколесинъ. Хорошо. Теперь ступай.

(Степанъ уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Подколесинъ *(одинъ).*

Я того мнѣнія, что черный фракъ какъ-то солиднѣе. Цвѣтные больше идутъ секретарямъ, титулярнымъ и прочей мелюзгѣ[5], — молокососно что-то[6]. Тѣ[7], которые чиномъ повыше, должны больше наблюдать, какъ говорится, этого... вотъ позабылъ слово! и хорошее слово, да позабылъ. Да, батюшка, ужъ какъ ты тамъ себѣ ни переворачивай, а надворный совѣтникъ тотъ же полковникъ, только развѣ что мундиръ безъ эполетъ. Эй, Степанъ!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Подколесинъ, Степанъ.

Подколесинъ. А ваксу купилъ?

Степанъ. Купилъ.

Подколесинъ. Гдѣ купилъ? Въ той лавочкѣ, про которую я тебѣ говорилъ, что̀ на Вознесенскомъ проспектѣ?

Степанъ. Да-съ, въ той самой.

Подколесинъ. Что жъ, хороша вакса?

Степанъ. Хороша.

Подколесинъ. Ты пробовалъ чистить ею сапоги?

Степанъ. Пробовалъ.

Подколесинъ. Что жъ, блеститъ?

Степанъ. Блестѣть-то она блеститъ хорошо.

Подколесинъ. А когда онъ отпускалъ тебѣ ваксу, не спрашивалъ, для чего, молъ, барину нужна такая вакса?

Степанъ. Нѣтъ.

Подколесинъ. Можетъ быть, не говорилъ ли: не затѣваетъ ли, дискать, баринъ жениться?

Степанъ. Нѣтъ, ничего не говорилъ.

Подколесинъ. Ну, хорошо, ступай себѣ!

ЯВЛЕНІЕ V.

Подколесинъ *(одинъ).*

Кажется, пустая вещь сапоги, а вѣдь[1], однакоже, если дурно сшиты, да рыжая вакса, ужъ въ хорошемъ обществѣ и не будетъ такого уваженія[2]. Все какъ-то не того... Вотъ еще гадко, если мозоли. Готовъ вытерпѣть, Богъ знаетъ что̀, только бы не мозоли. Эй, Степанъ!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Подколесинъ, Степанъ.

Степанъ. Чего изволите?

Подколесинъ. Ты говорилъ сапожнику, чтобъ не было мозолей?

Степанъ. Говорилъ.

Подколесинъ. Что жъ онъ говоритъ?

Степанъ. Говоритъ: хорошо.

(Степанъ уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Подколесинъ, *потомъ* **Степанъ.**

Подколесинъ. А вѣдь[1] хлопотливая, чортъ возьми, вещь — женитьба! Тò, да сё, да это. Чтобы тò, да это было исправно. Нѣтъ, чортъ побери, это не такъ легко[2], какъ говорятъ. Эй, Степанъ! *(Степанъ входитъ).* Я хотѣлъ тебѣ еще сказать...

Степанъ. Старуха пришла.

Подколесинъ. А, пришла; зови ее сюда. *(Степанъ уходитъ).* Да, это вещь... вещь, не того... трудная вещь.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Подколесинъ и Ѳекла.

Подколесинъ. А, здравствуй, здравствуй, Ѳекла Ивановна! Ну, что? какъ? Возьми стулъ, садись, да и разсказывай. Ну, такъ, какъ же, какъ? Какъ бишь ее: Меланья?...

Ѳекла. Агаѳья Тихоновна[3].

Подколесинъ. Да, да, Агаѳья Тихоновна[4]. И вѣрно какая-нибудь сороколѣтняя дѣва?

Ѳекла. Ужъ вотъ нѣтъ, такъ нѣтъ; то есть, какъ женитесь, такъ каждый день станете похваливать да благодарить.

Подколесинъ. Да ты врешь, Ѳекла Ивановна!

Ѳекла. Устарѣла я, отецъ мой, чтобы врать; песъ вретъ.

Подколесинъ. А приданое-то, приданое? Разскажи-ка вновь.

Ѳекла. А приданое: каменный домъ въ Московской части, о двухъ ѣлтажахъ[5] ужъ такой прибыльной[6], что, истинно, удовольствіе: одинъ лабазникъ платитъ семьсотъ за лавочку; пивной погребъ тоже большое общество привлекаетъ; два деревянныхъ хлигеря — одинъ хлигерь совсѣмъ деревянный, другой на каменномъ фундаментѣ, каждый рублевъ по четыреста приноситъ доходу. Огородъ есть еще на Выборгской сторонѣ. Третьяго года купецъ нанималъ подъ капусту, и такой купецъ трезвый[7], совсѣмъ не беретъ хмѣльнаго въ ротъ, и трехъ сыновей имѣетъ: двухъ ужъ поженилъ. „а третій“, говоритъ, „еще молодой, пусть посидитъ въ лавкѣ, чтобы торговлю было полегче отправлять; я ужъ“, говоритъ, „старъ, такъ пусть сынъ посидитъ въ лавкѣ, чтобы торговля шла полегче“.

Подколесинъ. Да собой-то, какова собой?

Θекла. Какъ рафинатъ! Бѣлая, румяная, какъ кровь съ молокомъ... Сладость такая, что и разсказать нельзя. Ужъ будете вотъ по этихъ поръ довольны *(показывая на горло),* то есть и пріятелю и непріятелю скажете: „Ай да Θекла Ивановна, спасибо!“

Подколесинъ. Да, вѣдь[1] она, однакожъ, не штабъ-офицерша?

Θекла. Купца третьей гильдіи дочь. Да ужъ такая, что и генералу обиды не нанесетъ. О купцѣ и слышать не хочетъ. „Мнѣ“, говоритъ, „какой бы ни былъ мужъ, хоть и собой-то невзраченъ, да былъ бы дворянинъ“. Да, такой великатесъ! А къ воскресному-то какъ надѣнетъ шелковое платье — такъ, вотъ те Христосъ[2], такъ и шумитъ. Княгиня просто!

Подколесинъ. Да вѣдь[3] я-то потому тебя спрашивалъ, что я надворный совѣтникъ, такъ мнѣ... понимаешь?..

Θекла. Да ужъ обноковенно[4], какъ не понимать? Былъ у насъ и надворный совѣтникъ, да отказали: не пондравился. Такой ужъ у него нравъ-то странный былъ: что ни скажетъ слово, то и совретъ, а такой на взглядъ видный. Что жъ дѣлать, такъ ужъ ему Богъ далъ; онъ-то и самъ не радъ, да ужъ не можетъ, чтобы не прилгнуть — такая ужъ на то воля Божія.

Подколесинъ. Ну, а кромѣ этой, другихъ тамъ нѣтъ никакихъ?

Θекла. Да какой же тебѣ еще? Ужъ это что̀ ни есть лучшая[5].

Подколесинъ. Будто ужъ самая лучшая?

Θекла. Хоть по всему свѣту исходи, такой не найдешь.

Подколесинъ. Подумаемъ, подумаемъ, матушка. Приходи-ка послѣ завтра. Мы съ тобой, знаешь, опять вотъ эдакъ[6]: я полежу, а ты разскажешь...

Θекла. Да помилуй, отецъ! ужъ вотъ третій мѣсяцъ хожу къ тебѣ, а проку-то ни на сколько[7]: все сидитъ въ халатѣ, да трубку, знай себѣ, покуриваетъ.

Подколесинъ. А ты думаешь, небось, что женитьба все равно, что: „эй, Степанъ, подай сапоги!“ натянулъ на ноги, да и пошелъ? Нужно поразсудить, поразсмотрѣть.

Θекла. Ну, такъ что жъ? Коли смотрѣть, такъ и смотри. На то̀ товаръ, чтобы смотрѣть. Вотъ прикажи-ка[8] подать кафтанъ, да теперь же, благо утреннее время, и поѣзжай.

Подколесинъ. Теперь? А вонъ видишь, какъ пасмурно. Выѣду, а вдругъ хватитъ дождемъ.

Өекла. А тебѣ же худо! Вѣдь[1] въ головѣ сѣдой волосъ ужъ глядитъ, скоро совсѣмъ не будешь годиться для супружескаго[2] дѣла. Невидаль, что онъ придворный совѣтникъ! Да мы такихъ жениховъ приберемъ, что и не посмотримъ на тебя.

Подколесинъ. Что̀ за чепуху несешь ты? Изъ чего вдругъ угораздило тебя сказать, что у меня сѣдой волосъ? Гдѣ жъ сѣдой волосъ? *(Щупаетъ свои волосы)*.

Өекла. Какъ не быть сѣдому волосу, — на то живетъ человѣкъ. Смотри ты! Тою ему не угодишь, другой не угодишь. Да у меня есть на примѣтѣ такой капитанъ, что ты ему и подъ плечо не подойдешь, а говоритъ-то, какъ труба, въ алгалантьерствѣ служитъ.

Подколесинъ. Да врешь, я посмотрю въ зеркало, — гдѣ ты выдумала сѣдой волосъ[3]. Эй, Степанъ, принеси зеркало! Или нѣтъ, постой, я пойду самъ. Вотъ еще, Боже сохрани[4], это хуже, чѣмъ оспа. *(Уходитъ въ другую комнату)*.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Өекла и Кочкаревъ *(вбѣгая)*.

Кочкаревъ. Что̀ Подколесинъ?... *(Увидѣвъ Өеклу)*. Ты какъ здѣсь? Ахъ, ты!... Ну, послушай, на кой чортъ ты меня женила?

Өекла. А что жъ дурнаго? Законъ исполнилъ.

Кочкаревъ. Законъ исполнилъ! Экъ невидаль — жена![5] Безъ нея-то развѣ я не могъ обойтись?

Өекла. Да вѣдь[6] ты жъ самъ присталъ: жени, бабушка, да и только[7].

Кочкаревъ. Ахъ ты крыса старая!... Ну, а здѣсь зачѣмъ? Неужели Подколесинъ хочетъ?...

Өекла. А что жъ? Богъ благодать послалъ.

Кочкаревъ. Нѣтъ? Экъ мерзавецъ, вѣдь[8] мнѣ ничего объ этомъ. Каковъ? Прошу покорно: исподтишка[9], а?

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же и **Подколесинъ** *(съ зеркаломъ въ рукахъ, въ которое вглядывается очень внимательно)* [10].

Кочкаревъ *(подкрадываясь сзади, пугаетъ его)*. Пуфъ!

Подколесинъ *(вскрикнувъ[11] и роняя зеркало)*. Сумасшедшій! Ну, зачѣмъ... зачѣмъ... Ну, что̀ за глупости! Перепугалъ, право, такъ, что душа не на мѣстѣ.

Кочкаревъ. Ну, ничего, пошутилъ.

Подколесинъ. Что за шутки вздумалъ! До сихъ поръ не могу очнуться отъ испуга. И зеркало вонъ разбилъ; вѣдь[1] это вещь не даровая: въ англійскомъ магазинѣ куплено.

Кочкаревъ. Ну, полно: я сыщу тебѣ другое зеркало.

Подколесинъ. Да, сыщешь. Знаю я эти другія зеркала: цѣлымъ десяткомъ[2] кажетъ старѣе, и рожа выходитъ косякомъ.

Кочкаревъ. Послушай, вѣдь[3] я бы долженъ больше на тебя сердиться: ты отъ меня, твоего друга, все скрываешь. Жениться вѣдь[4] вздумалъ?

Подколесинъ. Вотъ вздоръ. совсѣмъ и не думалъ![5]

Кочкаревъ. Да вѣдь улика[6] на-лицо. *(Указываетъ на Ѳеклу)*. Вѣдь[7] вотъ стоитъ, извѣстно, что̀ за птица[8]. Ну, что жъ, ничего, ничего. Здѣсь нѣтъ ничего такого. Дѣло христіанское, необходимое даже для отечества[9]. Изволь, изволь, я беру на себя всѣ дѣла[10]. *(Къ Ѳеклѣ)*. Ну, говори: какъ, что̀ и прочее. — Дворянка, чиновница, или въ купечествѣ, что ли, и какъ зовутъ?

Ѳекла. Агаѳья Тихоновна[11].

Кочкаревъ. Агаѳья Тихоновна[12] Брандахлыстова?

Ѳекла. Анъ нѣтъ — Купердягина[13].

Кочкаревъ. Въ Шестилавочной, что ли, живетъ?

Ѳекла. Ужъ вотъ нѣтъ; будетъ поближе къ Пескамъ, въ Мыльномъ переулкѣ.

Кочкаревъ. Ну, да, въ Мыльномъ переулкѣ. тотчасъ за лавочкой — деревянный домъ?

Ѳекла. И не за лавочкой, а за пивнымъ погребомъ.

Кочкаревъ. Какъ же за пивнымъ, — вотъ тутъ-то я не знаю.

Ѳекла. А вотъ какъ поворотишь въ проулокъ, такъ будетъ тебѣ прямо будка; и какъ будку минешь, свороти налѣво, и вотъ тебѣ прямо въ глаза, то есть, такъ вотъ тебѣ прямо въ глаза и будетъ деревянный домъ, гдѣ живетъ швея, что̀ жила прежде съ сенатскимъ оберъ-секлехтаремъ[14]. Ты къ швеѣ-то не заходи, а сейчасъ за нею будетъ второй домъ, каменный — вотъ этотъ домъ и есть ея, въ которомъ, то есть, она живетъ, Агаѳья Тихоновна-то[15], невѣста.

Кочкаревъ. Хорошо, хорошо. Теперь я все это обдѣлаю[16]; а ты ступай — въ тебѣ[17] больше нѣтъ нужды.

Θекла. Какъ такъ? Неужто ты самъ свадьбу хочешь заправить?

Кочкаревъ. Самъ, самъ; ты ужъ не мѣшайся только.

Θекла. Ахъ, безстыдникъ какой! Да вѣдь это не мужское дѣло. Отступитесь[1], батюшка, право!

Кочкаревъ. Пойди, пойди![2] Не смыслишь ничего, не мѣшайся. Знай сверчокъ свой шестокъ, — убирайся!

Θекла. У людей только чтобы хлѣбъ отымать, безбожникъ такой! Въ такую дрянь вмѣшался. Кабы знала, ничего бы не сказывала[3]. *(Уходитъ съ досадой).*

ЯВЛЕНІЕ XI.

Подколесинъ и Кочкаревъ.

Кочкаревъ. Ну, братъ, этого дѣла нельзя откладывать[4] — ѣдемъ.

Подколесинъ. Да вѣдь я еще ничего. Я такъ только подумалъ[5]...

Кочкаревъ. Пустяки, пустяки! Только не конфузься[6]: я тебя женю такъ, что и не услышишь. Мы сей же часъ ѣдемъ къ невѣстѣ, и увидишь, какъ все вдругъ[7].

Подколесинъ. Вотъ еще! Сейчасъ бы и ѣхать!

Кочкаревъ. Да за чѣмъ же, помилуй, за чѣмъ дѣло?... Ну, разсмотри самъ: ну, что̀ изъ того, что ты не женатый? Посмотри на свою комнату: ну, что̀ въ ней? Вонъ невычищенный сапогъ стоитъ, вонъ лаханка для умыванія, вонъ цѣлая куча табаку на столѣ, и ты вотъ самъ лежишь, какъ байбакъ, весь день на боку.

Подколесинъ. Это правда. Порядка-то[8] у меня, я знаю самъ, что нѣтъ.

Кочкаревъ. Ну, а какъ будетъ у тебя жена, такъ ты, просто, ни себя, ничего не узнаешь: тутъ у тебя будетъ диванъ, собаченка, чижикъ какой-нибудь въ клѣткѣ, рукодѣлье... И вообрази, ты сидишь на диванѣ — и вдругъ къ тебѣ подсядетъ бабеночка, хорошенькая эдакая, и ручкой тебя[9]...

Подколесинъ. А, чортъ, какъ подумаешь, право, какія въ самомъ дѣлѣ бываютъ ручки, вѣдь просто, братъ, какъ молоко.

Кочкаревъ. Куды тебѣ! Будто у нихъ только, что ручки!...[10]

У нихъ, братъ... Ну, да что и говорить; у нихъ, братъ, просто, чортъ знаетъ, чего нѣтъ[1].

Подколесинъ. А вѣдь, сказать тебѣ правду, я люблю[2], если возлѣ меня сидитъ[3] хорошенькая.

Кочкаревъ. Ну, видишь, самъ раскусилъ. Теперь только нужно[4] распорядиться. Ты ужъ не заботься ни о чемъ. Свадебный обѣдъ и прочее — это все ужъ я... Шампанскаго меньше одной дюжины никакъ, братъ, нельзя, ужъ какъ ты себѣ хочешь. Мадеры тоже полдюжины бутылокъ непремѣнно. У невѣсты, вѣрно, есть куча тетушекъ и кумушекъ — эти шутить не любятъ. А рейнвейнъ — чортъ съ нимъ, неправда ли? а? А что̀ же касается до обѣда[5] — у меня, братъ, есть на примѣтѣ[6] придворный[7] офиціянтъ: такъ, собака, накормитъ, что, просто, не встанешь.

Подколесинъ. Помилуй, ты такъ горячо берешься, какъ будто бы въ самомъ дѣлѣ ужъ и свадьба.

Кочкаревъ. А почему жъ нѣтъ? Зачѣмъ же откладывать? Вѣдь ты согласенъ?

Подколесинъ. Я? Ну, нѣтъ... я еще не совсѣмъ согласенъ.

Кочкаревъ. Вотъ тебѣ на! Да вѣдь ты сейчасъ объявилъ, что хочешь.

Подколесинъ. Я говорилъ[8] только, что не худо бы.

Кочкаревъ. Какъ, помилуй! да мы ужъ совсѣмъ было все дѣло... Да что? развѣ тебѣ не нравится женатая жизнь, что ли?[9]

Подколесинъ. Нѣтъ, нравится.

Кочкаревъ. Ну такъ что жъ? За чѣмъ дѣло стало?

Подколесинъ. Да дѣло ни за чѣмъ не стало. А только странно...[10]

Кочкаревъ. Что жъ странно?[11]

Подколесинъ. Какъ же не странно: все былъ не женатый, а теперь вдругъ женатый.

Кочкаревъ. Ну, ну... ну, не стыдно ли тебѣ? Нѣтъ, я вижу, съ тобой нужно[12] говорить сурьезно[13]: я буду говорить откровенно[14], какъ отецъ съ сыномъ. Ну, посмотри, посмотри на себя внимательно, вотъ, напримѣръ, такъ, какъ смотришь теперь на меня. Ну, что̀ ты теперь такое? Вѣдь, просто, бревно, никакого значенія не имѣешь. Ну, для чего ты живешь? Ну, взгляни въ зеркало — что̀ ты тамъ видишь? Глупое лицо —

больше ничего. А тутъ, вообрази, около тебя будутъ ребятишки, вѣдь не то, что двое или трое, а, можетъ быть, цѣлыхъ шестеро, и всѣ на тебя, какъ двѣ капли воды. Ты вотъ теперь одинъ, надворный совѣтникъ, экспедиторъ или тамъ начальникъ какой, Богъ тебя вѣдаетъ[1]; а тогда вообрази, около тебя экспедиторченки[2], маленькіе эдакіе канальченки, и какой-нибудь пострѣленокъ, протянувши рученки, будетъ теребить тебя за бакенбарды, а ты только будешь ему по собачьи: авъ, авъ, ау![3] Ну, есть ли что-нибудь лучше этого, скажи самъ?

Подколесинъ. Да вѣдь они только шалуны большіе: будутъ все портить, разбросаютъ бумаги.

Кочкаревъ. Пусть шалятъ, да вѣдь всѣ на тебя похожи — вотъ штука.

Подколесинъ. А оно въ самомъ дѣлѣ даже смѣшно, чортъ побери: эдакой какой-нибудь пышка, щенокъ эдакой[4], и[5] ужъ на тебя похожъ.

Кочкаревъ. Какъ не смѣшно, — конечно, смѣшно. Ну, такъ поѣдемъ.

Подколесинъ. Пожалуй, поѣдемъ.

Кочкаревъ. Эй, Степанъ! давай скорѣе своему барину одѣваться.

Подколесинъ *(одѣваясь, передъ зеркаломъ)*. Я думаю однакожъ, что нужно бы въ бѣломъ жилетѣ.

Кочкаревъ. Пустяки, все равно.

Подколесинъ *(надѣвая воротнички)*. Проклятая прачка, такъ скверно накрахмалила воротнички — никакъ не стоятъ. Ты ей скажи, Степанъ, что если она, глупая, такъ будетъ гладить бѣлье, то я найму[6] другую. Она, вѣрно, съ любовниками проводитъ время, а не гладитъ.

Кочкаревъ. Да ну, братъ, поскорѣе! Какъ ты копаешься!

Подколесинъ. Сейчасъ, сейчасъ. *(Надѣваетъ фракъ и садится)*. Послушай, Илья Ѳомичъ, знаешь ли что̀? Поѣзжай-ка ты самъ[7].

Кочкаревъ. Ну, вотъ еще: съ ума сошелъ развѣ? Мнѣ ѣхать! Да кто изъ насъ женится, ты или я?

Подколесинъ. Право, что-то не хочется; пусть лучше завтра.

Кочкаревъ. Ну, есть ли въ тебѣ капля ума? Ну, не олухъ ли ты? Собрался совершенно — и вдругъ не нужно![8] Ну, скажи пожалуйста, не свинья ли ты, не подлецъ ли ты послѣ этого?[9]

Подколесинъ. Ну, что жъ ты бранишься? съ какой стати? что̀ я тебѣ сдѣлалъ?

Кочкаревъ. Дуракъ, дуракъ набитый, это тебѣ всякій скажетъ. Глупъ, вотъ просто глупъ, хоть и экспедиторъ[1]. Вѣдь о чемъ стараюсь? — О твоей пользѣ; вѣдь изо рта выманятъ кусъ. Лежитъ проклятый холостякъ! Ну, скажи пожалуйста[2], ну, на что ты похожъ? — Ну, ну, дрянь, колпакъ, сказалъ бы такое слово... да неприлично только. Баба! хуже бабы!

Подколесинъ. И ты хорошъ въ самомъ дѣлѣ. *(Вполголоса)*. Въ своемъ ли ты умѣ? Тутъ стоитъ крѣпостной человѣкъ, а онъ при немъ бранится, да еще эдакими[3] словами; не нашелъ другого мѣста!

Кочкаревъ. Да какъ же тебя не бранить, скажи пожалуйста? Кто можетъ тебя не бранить? У кого достанетъ духу тебя не бранить? Какъ порядочный человѣкъ, рѣшился жениться, послѣдовалъ благоразумію, и вдругъ — просто съ-дуру, бѣлены объѣлся, деревянный чурбанъ...

Подколесинъ. Ну, полно, я ѣду — чего жъ[4] ты раскричался?

Кочкаревъ. Ѣду! Конечно, что̀ жъ другое дѣлать, какъ не ѣхать! *(Степану)*. Давай ему шляпу и шинель.

Подколесинъ *(въ дверяхъ)*. Такой, право, странный человѣкъ. Съ нимъ никакъ нельзя водиться: выбранитъ вдругъ ни за что, ни про что. Не понимаетъ никакого обращенія.

Кочкаревъ. Да ужъ кончено[5], теперь не браню. *(Оба уходятъ)*.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Комната въ домѣ **Агаѳьи Тихоновны**[6].

Агаѳья Тихоновна[7] *раскладываетъ на картахъ, изъ-за руки глядитъ тетка* **Арина Пантелеймоновна**.

Агаѳья Тихоновна. Опять, тетушка, доро̀га! Интересуется какой-то бубновый король... слезы... любовное письмо; съ лѣвой стороны трефовый изъявляетъ большое участіе, но какая-то злодѣйка мѣшаетъ.

Арина[7] **Пантелеймоновна**. А кто бы, ты думала, былъ трефовый король?

Агаѳья Тихоновна. Не знаю.

Арина Пантелеймоновна. А я знаю, кто.

Агаѳья Тихоновна. А кто?

Арина Пантелеймоновна. А хорошій торговецъ, что̀ по суконной линіи, Алексѣй Дмитріевичъ Стариковъ.

Агаѳья Тихоновна. Вотъ ужъ вѣрно не онъ, я хоть что̀ ставлю, не онъ.

Арина Пантелеймоновна. Не спорь, Агаѳья Тихоновна[1], волосъ ужъ такой русый[2]. Нѣтъ другаго трефоваго короля.

Агаѳья Тихоновна. А вотъ же нѣтъ: трефовый король значитъ здѣсь дворянинъ[3] — купцу далеко до трефоваго короля.

Арина Пантелеймоновна. Эхъ, Агаѳья Тихоновна[4], а вѣдь не то̀ бы ты сказала, какъ бы покойникъ-то Тихонъ[5], твой батюшка, Пантелеймоновичъ былъ живъ. Бывало, какъ ударитъ всей пятерней по столу, да вскрикнетъ: „Плевать я“, говоритъ, „на того, который стыдится быть купцомъ: да не выдамъ же“[6], говоритъ, „дочь за полковника. Пусть ихъ дѣлаютъ другіе! А и сына“, говоритъ, „не отдамъ на службу. Что̀“, говоритъ, „развѣ купецъ не служитъ государю такъ же, какъ и всякой другой?“ Да всей пятерней-то такъ по столу и хватитъ. А рука-то въ ведро величиною — такія страсти![7] Вѣдь, если сказать правду, онъ и усахарилъ твою матушку, а покойница прожила бы подолѣе.

Агаѳья Тихоновна. Ну, вотъ чтобы и у меня еще былъ такой злой мужъ! Да ни за что̀ не выйду за купца!

Арина Пантелеймоновна. Да вѣдь Алексѣй-то Дмитріевичъ не такой.

Агаѳья Тихоновна. Не хочу, не хочу! У него борода: станетъ ѣсть, все потечетъ по бородѣ. Нѣтъ, нѣтъ, не хочу![6]

Арина Пантелеймоновна. Да вѣдь гдѣ же достать[7] хорошаго дворянина? Вѣдь его на улицѣ не сыщешь.

Агаѳья Тихоновна. Ѳекла Ивановна сыщетъ; она обѣщалась сыскать самаго лучшаго.

Арина Пантелеймоновна. Да вѣдь она лгунья, мой свѣтъ.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ же и **Ѳекла.**

Ѳекла. Ахъ нѣтъ, Ирина[8] Пантелеймоновна, грѣхъ вамъ понапрасну поклепъ взводить.

Агаѳья Тихоновна. Ахъ, это Ѳекла Ивановна! Ну что, говори, разсказывай! Есть?

Ѳекла. Есть, есть, дай только прежде съ духомъ собраться — такъ ухлопоталася! По твоей коммиссіи всѣ дома[1] исходила, по канцеляріямъ, по министеріямъ истаскалась, въ караульни наслонялась... Знаешь ли ты, мать моя, вѣдь меня чуть было не прибили, ей Богу: старуха-то, что̀ женила Аферовыхъ, такъ было приступила ко мнѣ: „Ты такая и этакая, только хлѣбъ перебиваешь, знай свой кварталъ“, говоритъ. — „Да что̀ жъ“, сказала я напрямикъ: „я для своей барышни, не прогнѣвайся, все готова удовлетворить“. За то̀ ужъ какихъ жениховъ тебѣ припасла! То есть, и стоялъ свѣтъ и будетъ стоять, а такихъ еще не было. Сегодня же иные и прибудутъ. Я забѣжала нарочно тебя предварить.

Агаѳья Тихоновна. Какъ же сегодня? Душа моя, Ѳекла Ивановна, я боюсь.

Ѳекла. И, не пугайся, мать моя! дѣло житейское. Пріѣдутъ, посмотрятъ, больше ничего. И ты посмотришь ихъ: не пондравятся[2], — ну, и уѣдутъ.

Арина Пантелеймоновна. Ну ужъ, чай, хорошихъ приманила!

Агаѳья Тихоновна. А сколько ихъ? много?

Ѳекла. Да человѣкъ шесть есть.

Агаѳья Тихоновна *(вскрикивая[3])*. Ухъ!

Ѳекла. Ну, что̀ жъ ты, мать моя, такъ вспорхнулась! Лучше выбирать: одинъ не придется, другой придется.

Агаѳья Тихоновна. Что̀ жъ они, дворяне?

Ѳекла. Всѣ, какъ на подборъ; ужъ такіе дворяне, что еще и не было такихъ.

Агаѳья Тихоновна. Ну, какіе же, какіе?

Ѳекла. А славные, всѣ[4] такіе хорошіе, акуратные. Первый, Балтазаръ[5] Балтазаровичъ Жевакинъ, такой славный, во флотѣ служилъ — какъ-разъ по тебѣ придется. Говоритъ, что ему нужно, чтобы невѣста была въ тѣлѣ, а поджаристыхъ совсѣмъ не любитъ. А Иванъ-то Павловичъ[6], что служитъ езекухторомъ[7], такой важный, что и приступу нѣтъ. Такой видный изъ себя, толстый; какъ закричитъ на меня: „Ты мнѣ не толкуй пустяковъ, что невѣста такая и эдакая, ты скажи напрямикъ, сколько за ней движимаго и недвижимаго?“ — „Столько-то и столько-то, отецъ мой!“ — „Ты врешь, собачья дочь!“ Да еще, мать моя, вклеилъ такое словцо, что и неприлично тебѣ сказать. Я такъ въ мигъ и спознала: э, да это долженъ быть важный господинъ!

Агаѳья Тихоновна. Ну, а еще кто?

Ѳекла. А еще Никаноръ Ивановичъ Анучкинъ[1]. Это ужъ такой великатный, а губы, мать моя,— малина, совсѣмъ малина — такой славный. „Мнѣ“, говоритъ, „нужно, чтобы невѣста была хороша собой, воспитанная, чтобы и по-французскому умѣла говорить“. Да, тонкаго поведенья человѣкъ, нѣмецкая штука; а самъ-то такой субтильный, и ножки узенькія, тоненькія.

Агаѳья Тихоновна. Нѣтъ, мнѣ эти субтильные какъ-то не того... не знаю... Я ничего не вижу въ нихъ...

Ѳекла. А коли хочешь поплотнѣе, такъ возьми Ивана Павловича. Ужъ лучше нельзя выбрать никого. Ужъ тотъ, неча сказать, баринъ — такъ баринъ: мало въ эти двери не войдетъ — такой славный.

Агаѳья Тихоновна. А сколько лѣтъ ему?

Ѳекла. А человѣкъ еще молодой: лѣтъ пятьдесятъ, да и пятидесяти еще нѣтъ.

Агаѳья Тихоновна. А фамилія какъ?

Ѳекла. А фамилія: Иванъ Павловичъ Яичница[2].

Агаѳья Тихоновна. Это такая фамилія?

Ѳекла. Фамилія.

Агаѳья Тихоновна. Ахъ, Боже мой, какая фамилія! Послушай, Ѳеклуша[3], какъ же это, если я выйду за него замужъ, и вдругъ буду называться Агаѳья Тихоновна Яичница? Богъ знаетъ, чтò такое!

Ѳекла. И, мать моя, да на Руси есть такія прозвища, что только плюнешь да перекрестишься, коли услышишь. А пожалуй, коли не нравится прозвище, то возьми Балтазара[3] Балтазаровича Жевакина — славный женихъ.

Агаѳья Тихоновна. А какіе у него волосы?

Ѳекла. Хорошіе волосы.

Агаѳья Тихоновна. А носъ?

Ѳекла. Э... и носъ хорошій; все на своемъ мѣстѣ; и самъ такой славный. Только не погнѣвайся: ужъ на квартирѣ одна только трубка и стоитъ, больше ничего нѣтъ — никакой мебели.

Агаѳья Тихоновна. А еще кто?

Ѳекла. Акинфъ Степановичъ Пантелеевъ, чиновникъ, титулярный совѣтникъ, немножко заикается, только зато ужъ такой скромный.

Арина Пантелеймоновна. Ну что ты все: чиновникъ, чиновникъ; а не любитъ ли онъ выпить, вотъ, молъ, что скажи.

Өекла. А пьетъ; не прекословлю, пьетъ. Что жъ дѣлать, — ужъ онъ титулярный совѣтникъ![1] зато такой тихой, какъ шелкъ.

Агаөья Тихоновна. Ну, нѣтъ, я не хочу, чтобы мужъ у меня былъ пьяница.

Өекла. Твоя воля, мать моя! Не хочешь одного, возьми другаго. Впрочемъ, что жъ такова, что иной разъ выпьетъ лишнее? Вѣдь не всю же недѣлю бываетъ пьянъ: иной день выберется и трезвый.

Агаөья Тихоновна. Ну, а еще кто?

Өекла. Да есть еще одинъ, да тотъ только такой... Богъ съ нимъ! Эти будутъ почище.

Агаөья Тихоновна. Ну, да кто же онъ?

Өекла. А не хотѣлось бы и говорить про него. Онъ-то, пожалуй, андворный совѣтникъ и петлицу носитъ, да ужъ на подъемъ куды тяжелъ, не выманишь изъ дому.

Агаөья Тихоновна. Ну, а еще кто? Вѣдь тутъ только всего пять, а ты говорила шесть.

Өекла. Да неужто тебѣ еще мало? Смотри ты, какъ тебя вдругъ поразобрало; а вѣдь давича было испугалась[2].

Арина Пантелеймоновна. Да что съ нихъ, съ дворянъ-то твоихъ?[3] Хоть ихъ у тебя и шестеро, а, право, купецъ одинъ станетъ за всѣхъ.

Өекла. А нѣтъ, Арина[4] Пантелеймоновна, дворянинъ будетъ почтеннѣй.

Арина Пантелеймоновна. Да что въ почтеньи-то?[5] А вотъ Алексѣй Дмитріевичъ, да въ собольей шапкѣ, въ санкахъ-то какъ прокатится...

Өекла. А дворянинъ-то съ аполетой пройдетъ навстрѣчу, скажетъ: „Что ты, купчишка? свороти съ дороги!“ или: „покажи, купчишка, бархату самаго лучшаго!“ а купецъ: „Извольте, батюшка!“ — „А сними-ка, невѣжа, шляпу!“ вотъ что скажетъ дворянинъ.

Арина Пантелеймоновна. А купецъ, если захочетъ, не дастъ сукна; а вотъ дворянинъ-то и голенькой, и не въ чемъ ходить дворянину.

Өекла. А дворянинъ зарубитъ купца.

Арина Пантелеймоновна. А купецъ пойдетъ жаловаться въ полицію.

Θекла. А дворянинъ пойдетъ на купца къ сенахтору[1].

Арина Пантелеймоновна. А купецъ къ губернахтору[2].

Θекла. А дворянинъ...

Арина Пантелеймоновна. Врешь, врешь, дворянинъ! Губернахторъ[3] больше сенахтора![4] Разносилась[5] съ дворяниномъ! А дворянинъ при случаѣ такъ же гнетъ шапку[6]... *(Въ дверяхъ слышенъ звонокъ).* Никакъ, звонитъ кто-то.

Θекла. Ахти, это они!

Арина Пантелеймоновна. Кто они?

Θекла. Они... кто-нибудь изъ жениховъ.

Агаθья Тихоновна *(вскрикиваетъ).* Ухъ!

Арина Пантелеймоновна. Святые[7], помилуйте насъ грѣшныхъ! Въ комнатѣ совсѣмъ не прибрано. *(Схватываетъ все, что ни есть на столѣ, и бѣгаетъ по комнатѣ).* Да салфетка-то, салфетка на столѣ совсѣмъ черная. Дуняшка, Дуняшка! *(Дуняшка является).* Скорѣе чистую салфетку! *(Стаскиваетъ[8] салфетку и мечется по комнатѣ).*

Агаθья Тихоновна. Ахъ, тетушка, какъ мнѣ быть? я чуть не въ рубашкѣ.

Арина Пантелеймоновна. Ахъ, мать моя, бѣги скорѣй одѣваться![9] *(Мечется по комнатѣ; Дуняшка приноситъ салфетку; въ дверяхъ звонятъ).* Бѣги[10], скажи: „сейчасъ!“ *(Дуняшка кричитъ издалека[11]:* сейчасъ!)

Агаθья Тихоновна. Тетушка! да вѣдь платье не выглажено.

Арина Пантелеймоновна. Ахъ, Господи милосердый, не погуби![12] Надѣнь другое.

Θекла *(вбѣгая).* Чтожъ вы нейдете?[13] Агаθья Тихоновна, поскорѣй, мать моя![14] *(Слышенъ звонокъ).* Ахти! а вѣдь онъ все дожидается.

Арина Пантелеймоновна. Дуняшка, введи его и проси обождать[15]. *(Дуняшка бѣжитъ въ сѣни и отворяетъ дверь. Слышны голоса:* До́ма? — До́ма, пожалуйте въ комнату[16]. *Всѣ съ любопытствомъ стараются разсмотрѣть въ замочную скважину).*

Агаθья Тихоновна *(вскрикиваетъ).* Ахъ, какой толстый!

Θекла. Идетъ, идетъ! *(Всѣ бѣгутъ опрометью).*

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Иванъ Павловичъ Яичница и Дуняшка[1].

Дуняшка. Погодите здѣсь. *(Уходитъ).*

Яичница. Пожалуй, пождать — пождемъ, какъ бы только не замѣшкаться: отлучился вѣдь только на минутку изъ департамента. Вдругъ вздумаетъ генералъ: „А гдѣ экзекуторъ?" „Невѣсту пошелъ выглядывать"... Чтобъ не задалъ онъ такой невѣсты... А однакожъ разсмотрѣть еще разъ роспись. *(Читаетъ).* „Каменный двухъэтажный домъ"[2]... *(подымаетъ глаза вверхъ и осматриваетъ комнату)* есть! *(Продолжаетъ читать).* „Флигеля два: флигель на каменномъ фундаментѣ, флигель деревянный..." Ну, деревянный плоховатъ. „Дрожки, сани парныя съ рѣзьбой подъ большой коверъ и подъ малый". Можетъ быть, такія, что въ ломъ годятся. Старуха, однакожъ, увѣряетъ, что первый сортъ; хорошо, пусть первый сортъ. „Двѣ дюжины серебряныхъ ложекъ..." Конечно, для дома нужны серебряныя ложки. „Двѣ лисьихъ[3] шубы..." Гм. „Четыре большихъ пуховика и два малыхъ" *(значительно сжимаетъ губы)*[4]. „Шесть паръ шелковыхъ и шесть паръ ситцевыхъ платьевъ[5], два ночныхъ капота, два..." Ну, это статья пустая! „Бѣлье, салфетки...." Это пусть будетъ, какъ ей хочется. Впрочемъ, нужно все это повѣрить на дѣлѣ. Теперь, пожалуй, обѣщаютъ и домъ[6], и экипажи, а какъ женишься — только и найдешь, что пуховики да перины. *(Слышенъ звонокъ. Дуняшка бѣжитъ въ-попыхахъ черезъ комнату отворять дверь. Слышны голоса:* До́ма? — До́ма).

ЯВЛЕНІЕ XV.

Иванъ Павловичъ и Анучкинъ[7].

Дуняшка. Погодите тутъ. Они выдутъ[8]. *(Уходитъ. Анучкинъ раскланивается съ Яичницей).*

Яичница. Мое почтеніе!

Анучкинъ. Не съ папенькой ли прелестной хозяйки дома имѣю честь говорить?

Яичница. Никакъ нѣтъ, вовсе не съ папенькой. Я даже еще не имѣю дѣтей.

Анучкинъ. Ахъ, извините, извините!

Яичница *(въ сторону).* Физіогномія этого человѣка мнѣ что-то подозрительна: чуть ли онъ не за тѣмъ же сюда пришелъ, за чѣмъ и я. *(Вслухъ).* Вы, вѣрно, имѣете какую-нибудь надобность къ хозяйкѣ дома?

Анучкинъ. Нѣтъ, что жъ... надобности[1] никакой нѣтъ, а такъ зашелъ съ прогулки.

Яичница *(въ сторону.)* Вретъ, вретъ, съ прогулки! Жениться, подлецъ, хочетъ! *(Слышенъ звонокъ. Дуняшка бѣжитъ черезъ комнату отворять двери. Въ сѣняхъ голоса.* До́ма? — До́ма).

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Тѣ же и **Жевакинъ** *(въ сопровожденіи дѣвчонки).*

Жевакинъ *(Дуняшкѣ)*[2]. Пожалуйста, душенька, почисть меня... Пыли-то, знаешь, на улицѣ попристало не мало. Вонъ тамъ пожалуйста сними пушинку[3]. *(Поворачивается).* Такъ! Спасибо, душенька. Вотъ еще посмотри: тамъ какъ будто паучокъ лазитъ! А на подборахъ-то сзади ничего нѣтъ? Спасибо, родимая![4] Вонъ тутъ еще, кажется. *(Гладитъ рукою рукавъ фрака и поглядываетъ на Анучкина и Ивана Павловича).* Суконцо-то вѣдь аглицкое! Вѣдь какъ носится![5] Въ 95 году, когда была эскадра наша въ Сициліи, купилъ я его еще мичманомъ и сшилъ изъ него мундиръ; въ 801, при Павлѣ Петровичѣ[6], я былъ сдѣланъ лейтенантомъ — сукно было совсѣмъ новешенькое; въ 814 сдѣлалъ экспедицію вокругъ свѣта, и вотъ только по швамъ немного поистерлось; въ 815 вышелъ въ отставку, только перелицевалъ[6]: ужъ десять лѣтъ ношу, до сихъ поръ почти-что новый. Благодарю, душенька, м.... раскрасоточка! *(Дѣлаетъ ей ручку и, подходя къ зеркалу, слегка взъерошиваетъ волосы).*

Анучкинъ. А какъ, позвольте узнать, Сицилія... вотъ вы изволили сказать — Сицилія, хорошая это земля, Сицилія?

Жевакинъ. А прекрасная! Мы тридцать четыре дня тамъ пробыли; видъ, я вамъ доложу, восхитительный. Эдакія горы, эдакъ деревцо какое-нибудь гранатное[8], и вездѣ италіаночки, такіе розанчики, такъ вотъ и хочется поцѣловать.

Анучкинъ. И хорошо образованы?

Жевакинъ. Превосходнымъ образомъ! такъ образованы, какъ

вотъ у насъ только графини развѣ. Бывало, пойдешь по улицѣ — ну, русскій лейтенантъ[1], натурально, здѣсь эполеты *(показываетъ на плеча)*, золотое шитье, и эдакъ красоточки черномазенькія — у нихъ вѣдь возлѣ каждаго дома балкончики и крыши вотъ, какъ этотъ полъ, совершенно плоски, — бывало, эдакъ смотришь и сидитъ эдакой розанчикъ... Ну, натурально, чтобы не ударить лицомъ въ грязь... *(Кланяется и размахиваетъ рукою)* и она эдакъ только. *(Дѣлаетъ рукою движеніе)*. Натурально, одѣта: здѣсь у ней какая-нибудь тафтица, шнуровочка, дамскія разныя сережки... ну, словомъ, такой лакомый кусочекъ...

Анучкинъ. А какъ, — позвольте еще вамъ сдѣлать вопросъ, — на какомъ языкѣ изъясняются въ Сициліи?

Жевакинъ. А натурально, всѣ[2] на французскомъ.

Анучкинъ. И рѣшительно всѣ барышни говорятъ по-французски?[3]

Жевакинъ. Всѣ-съ рѣшительно. Вы даже, можетъ быть, не повѣрите тому, что̀ я вамъ доложу: мы жили тридцать четыре дня, и во все это время ни одного слова я не слыхалъ отъ нихъ по-русски.

Анучкинъ. Ни одного слова?

Жевакинъ. Ни одного слова. Я не говорю уже о дворянахъ и прочихъ синьорахъ, то есть разныхъ ихнихъ офицерахъ; но возьмите нарочно тамошняго простаго мужика[4], который перетаскиваетъ на шеѣ всякую дрянь, попробуйте, скажите ему: „Дай, братецъ, хлѣба“ — не пойметъ, ей Богу не пойметъ; а скажи по-французски: „Dateci del pane“ или: „portate vino!“ — пойметъ, и побѣжитъ, и точно принесетъ.

Иванъ Павловичъ. А любопытная однакожъ, какъ я вижу, должна быть земля эта Сицилія. Вотъ вы сказали — мужикъ: что мужикъ? какъ онъ? такъ ли совершенно[5], какъ и русскій мужикъ — широкъ въ плечахъ и землю пашетъ, или нѣтъ?

Жевакинъ. Не могу вамъ сказать: не замѣтилъ, пашутъ или нѣтъ; а вотъ насчетъ нюханья табаку, такъ я вамъ доложу, что всѣ не только нюхаютъ, а даже за губу-съ кладутъ. Перевозка тоже очень дешева: тамъ все почти вода, и вездѣ гондолы... Натурально, сидитъ эдакая италіаночка[6], такой розанчикъ, одѣта: манишечка, платочекъ!... Съ нами

были и аглицкіе[1] офицеры; ну, народъ такъ же, какъ и наши: моряки… и сначала, точно, было очень странно[2]: не понимаешь другъ друга; но потомъ, какъ хорошо обознакомились[3], начали свободно понимать. Покажешь бывало эдакъ на бутылку или стаканъ, — ну, тотчасъ и знаешь, что это значитъ выпить; приставишь эдакъ кулакъ ко рту и скажешь только губами: пафъ, пафъ — знаешь[4]: трубку выкурить. Вообще, я вамъ доложу, языкъ довольно легкій, — наши матросы въ три дни[5] какихъ-нибудь стали совершенно понимать другъ друга.

Иванъ Павловичъ. А преинтересная, какъ вижу, жизнь въ чужихъ краяхъ. Мнѣ очень пріятно сойтись съ человѣкомъ бывалымъ. Позвольте узнать: съ кѣмъ имѣю честь говорить?[6]

Жевакинъ. Жевакинъ-съ, лейтенантъ въ отставкѣ. Позвольте съ своей стороны тоже спросить[7], съ кѣмъ-съ имѣю счастье изъяснятся?

Иванъ Павловичъ. Въ должности экзекутора, Иванъ Павловичъ Яичница.

Жевакинъ *(не дослышавъ).* Да, я тоже перекусилъ. Дороги-то, знаю, впереди будетъ довольно, а время холодновато: селедочку съѣлъ съ хлѣбцомъ.

Иванъ Павловичъ. Нѣтъ, кажется, вы не такъ поняли: это фамилія моя — Яичница.

Жевакинъ *(кланяясь).* Ахъ, извините! я немножко туговатъ на ухо. Я, право, думалъ, что вы изволили сказать, что покушали яичницы[8].

Иванъ Павловичъ. Да что дѣлать! Я хотѣлъ было уже просить генерала, чтобы позволилъ называться[9] мнѣ Яичницынъ, да свои отговорили; говорятъ: будетъ похоже на „собачій сынъ“.

Жевакинъ. А это однакожъ бываетъ. У насъ вся третья эскадра[10], всѣ офицеры и матросы, — всѣ были съ престранными фамиліями[11]: Помойкинъ, Ярыжкинъ, Перепрѣевъ лейтенантъ; а одинъ мичманъ, и даже хорошій мичманъ, былъ по фамиліи, просто, Дырка. И капитанъ бывало: „Эй[12] ты, Дырка, поди сюда!“ и бывало, надъ нимъ всегда пошутитъ: „эхъ ты дырка эдакой!“ говоритъ, бывало ему[13]. *(Слышенъ въ сѣняхъ звонокъ; Ѳекла бѣжитъ черезъ комнату отворять).*

Яичница. А, здравствуй, матушка!

Жевакинъ. Здравствуй, какъ живешь, душа моя?

Анучкинъ. Здравствуйте[1], матушка. Ѳекла Ивановна!

Ѳекла *(бѣжитъ въ-попыхахъ)*. Спасибо, отцы мои, здорова, здорова![2] *(Отворяетъ дверь; въ сѣняхъ раздаются голоса:* Дóма? — Дóма. *Потомъ нѣсколько почти неслышныхъ словъ, на которыя Ѳекла отвѣчаетъ съ досадою:* смотри ты какой!)

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Тѣ же, **Кочкаревъ, Подколесинъ** и **Ѳекла.**

Кочкаревъ *(Подколесину)*. Ты помни только куражъ и больше ничего. *(Оглядывается и раскланивается съ нѣкоторымъ изумленіемъ; про-себя)* Фу ты, какая куча народу! Это что̀ значитъ? Ужъ не женихи ли? *(Толкаетъ Ѳеклу и говоритъ ей тихо)* Съ которыхъ сторонъ понабрала воронъ — а?

Ѳекла *(вполголоса)*. Тутъ тебѣ воронъ нѣтъ, все честные люди.

Кочкаревъ *(ей)*. Гости-то несчитанные, кафтаны общипанные[3].

Ѳекла. Гляди налетъ на свой полетъ, а и похвастаться нечѣмъ: шапка въ рубль, а щи безъ крупъ.

Кочкаревъ. Небось, твои разживные, по дырѣ въ карманѣ. *(Вслухъ)*. Да что она дѣлаетъ теперь? Вѣдь эта[4] дверь, вѣрно, къ ней въ спальню? *(Подходитъ къ двери)*.

Ѳекла. Безстыдникъ! Говорятъ тебѣ, еще одѣвается.

Кочкаревъ. Эка бѣда! Что̀ жъ тутъ такого? Вѣдь только посмотрю и больше ничего. *(Смотритъ въ замочную скважину)*.

Жевакинъ. А позвольте мнѣ полюбопытствовать тоже.

Яичница. Позвольте взглянуть мнѣ только одинъ разочекъ[5].

Кочкаревъ *(продолжая смотрѣть)*. Да ничего не видно, господа! И распознать нельзя, что такое бѣлѣетъ, женщина или подушка. *(Всѣ однакожъ обступили дверь и продираются взглянуть)*.

Кочкаревъ. Чш[6]... кто-то идетъ. *(Всѣ отскакиваютъ прочь)*.

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Тѣ же, **Арина Пантелеймоновна** и **Агафья Тихоновна**. *(Всѣ раскланиваются).*

Арина Пантелеймоновна. А по какой причинѣ изволили одолжить посѣщеніемъ?

Яичница. А по газетамъ узналъ я, что желаете вступить въ подряды насчетъ поставки лѣсу и дровъ, и потому, находясь въ должности экзекутора при казенномъ мѣстѣ, я пришелъ узнать, какого роду лѣсъ, въ какомъ количествѣ и къ какому времени можете его поставить.

Арина Пантелеймоновна. Хоть подрядовъ никакихъ не беремъ, а приходу рады. А какъ по фамиліи?

Яичница. Коллежскій ассессоръ, Иванъ Павловичъ Яичница.

Арина Пантелеймоновна. Прошу покорнѣйше садиться. *(Обращается къ Жевакину и смотритъ на него).* А позвольте узнать...

Жевакинъ. Я тоже, въ газетахъ[1] вижу объявленіе о чемъ-то[2]. Дай-ка, думаю себѣ, пойду. Погода же показалась хорошею, по дорогѣ вездѣ травка[3]...

Арина Пантелеймоновна. А какъ-съ по фамиліи?

Жевакинъ. А лейтенантъ морской службы въ отставкѣ, Балтазаръ Балтазаровъ Жевакинъ 2-й. Былъ у насъ еще другой Жевакинъ, да тотъ еще прежде моего[4] вышелъ въ отставку: былъ раненъ, матушка, подъ колѣнкомъ, и пуля такъ странно прошла, что колѣнка-то самаго не тронула, а по жилѣ прохватила — какъ иголкой сшило, такъ что, когда бывало[5] стоишь съ нимъ, все[6] кажется, что онъ хочетъ тебя колѣнкомъ сзади ударить.

Арина Пантелеймоновна. А прошу покорнѣйше садиться. *(Обращаясь къ Анучкину).* А позвольте узнать, по какой причинѣ?

Анучкинъ. По сосѣдству-съ. Находясь довольно въ близкомъ сосѣдствѣ...

Арина Пантелеймоновна. Не въ домѣ ли купеческой жены Тулубовой, что̀ насупротивъ, изволите жить?

Анучкинъ. Нѣтъ, я покамѣстъ живу еще на Пескахъ, но имѣю однакоже намѣреніе со временемъ[7] перебраться сюда-съ въ сосѣдство, въ эту часть города.

Арина Пантелеймоновна. А прошу покорнѣйше садиться. *(Обращаясь къ Кочкареву).* А позвольте узнать...

Кочкаревъ. Да неужли[1] вы меня не узнаете? *(Обращаясь къ Агаѳьѣ Тихоновнѣ)* И вы также, сударыня?

Агаѳья Тихоновна. Сколько мнѣ кажется, совсѣмъ не видала васъ.

Кочкаревъ. Однакожъ припомните: вы меня, вѣрно, гдѣ-нибудь видѣли[2].

Агаѳья Тихоновна. Право, не знаю. Ужъ развѣ не у Бирюшкиныхъ-ли?

Кочкаревъ. Именно у Бирюшкиныхъ.

Агаѳья Тихоновна. Ахъ, вы не знаете[3]: съ ней вѣдь исторія случилась.

Кочкаревъ. Какъ же, вышла замужъ.

Агаѳья Тихоновна. Нѣтъ, это бы еще хорошо, а то переломила ногу.

Арина Пантелеймоновна. И сильно переломила. Возвращалась довольно поздо[4] домой на дрожкахъ, а кучеръ-то былъ пьянъ и вывалилъ съ дрожекъ.

Кочкаревъ. Да то-то, я помню, что-то было: или вышла замужъ, или переломила ногу.

Арина Пантелеймоновна. А какъ по фамиліи?

Кочкаревъ. Какъ же, — Илья Ѳомичъ[5] Кочкаревъ, въ родствѣ вѣдь мы; жена моя безпрестанно говоритъ о томъ... Позвольте, позвольте *(беретъ за руку Подколесина и подводитъ его):* пріятель мой Подколесинъ Иванъ Кузьмичъ, надворный совѣтникъ, служитъ экспедиторомъ, одинъ всѣ дѣла дѣлаетъ, усовершенствовалъ отличнѣйше свою часть.

Арина Пантелеймоновна. А какъ по фамиліи?

Кочкаревъ. Подколесинъ Иванъ Кузьмичъ, Подколесинъ. Директоръ такъ только, для чина, поставленъ, а всѣ дѣла онъ дѣлаетъ, Иванъ Кузьмичъ Подколесинъ.

Арина Пантелеймоновна. Такъ-съ. Прошу покорнѣйше садиться.

ЯВЛЕНІЕ XIX.

Тѣ же и **Стариковъ**.

Стариковъ *(кланяясь живо и скоро, по-купечески, и слегка берясь въ бока).* Здравствуйте, матушка Арина Пантелеевна![6]

Робята[1] на гостиномъ дворѣ сказывали, что продаете[2] шерсть, матушка!

Агаѳья Тихоновна *(отворачиваясь съ пренебреженіемъ, вполголоса, но такъ что онъ слышитъ).* Здѣсь не купеческая лавка.

Стариковъ. Вона! Аль невпопадъ пришли? аль и[3] безъ насъ дѣло сварили?[4]

Арина Пантелеймоновна. Прошу, прошу[5], Алексѣй Дмитріевичъ; хоть шерсти не продаемъ, а приходу рады. Прошу покорно садиться.

(Всѣ усѣлись. Молчаніе).

Яичница. Странная погода ныньче: поутру совершенно было похоже на дождикъ[6], а теперь какъ будто и прошло.

Агаѳья Тихоновна. Да-съ, ужъ эта погода ни на что не похожа: иногда ясно, а въ другое время совершенно дождливая. Очень большая непріятность.

Жевакинъ. Вотъ въ Сициліи, матушка, мы были съ эскадрой въ весеннее время, — если пригонять, такъ выйдетъ къ нашему февралю: выйдешь бывало изъ дому — день солнечный, а потомъ эдакъ дождикъ, и смотришь, точно какъ будто дождикъ.

Яичница. Непріятнѣе всего, когда въ такую погоду сидишь одинъ. Женатому человѣку совсѣмъ другое дѣло — не скучно; а если въ одиночествѣ, такъ это просто...

Жевакинъ. О, смерть, совершенная смерть!

Анучкинъ. Да-съ, это можно сказать...

Кочкаревъ. Какое? — просто терзанье! жизни не будешь радъ! Не приведи[7] Богъ испытать такое положеніе.

Яичница. А какъ, сударыня, если бы пришлось вамъ избрать предметъ? Позвольте узнать вашъ вкусъ. Извините, что я такъ прямо. Въ какой службѣ вы полагаете быть приличнѣе мужу?[8]

Жевакинъ. Хотѣли ли бы вы, сударыня, имѣть мужемъ человѣка, знакомаго съ морскими бурями?[9]

Кочкаревъ. Нѣтъ, нѣтъ! Лучшій, по моему мнѣнію, мужъ есть человѣкъ[10], который одинъ почти управляетъ всѣмъ департаментомъ[11].

Анучкинъ. Почему же предубѣжденіе? Зачѣмъ вы хотите оказать пренебреженіе къ человѣку[12], который хотя, конечно,

служилъ въ пѣхотной службѣ, но умѣетъ, однакожъ, цѣнить обхожденіе высшаго общества[1].

Яичница. Сударыня, разрѣшите вы!

Агаѳья Тихоновна *молчитъ.*

Ѳекла. Отвѣчай же, мать моя, скажи имъ что-нибудь.

Яичница. Какъ же, матушка?

Кочкаревъ. Какъ же ваше мнѣніе, Агаѳья Тимоѳеевна?[2]

Ѳекла *(тихо ей).* Скажи же, скажи[3]: „Благодарствую", молъ, „съ моимъ удовольствіемъ..." Не хорошо же такъ сидѣть.

Агаѳья Тихоновна *(тихо)*[4]. Мнѣ стыдно, право стыдно; я уйду, право уйду. Тетушка, посидите за меня.

Ѳекла. Ахъ, не дѣлай этого сраму, не уходи; совсѣмъ острамишься. Они ни вѣсть что подумаютъ

Агаѳья Тихоновна *(такъ же).* Нѣтъ, право уйду, уйду, уйду! *(Убѣгаетъ. Ѳекла и Ирина Пантелеймоновна уходятъ вслѣдъ за нею).*

ЯВЛЕНІЕ XX.

Тѣ же, кромѣ ушедшихъ.

Яичница. Вотъ тебѣ на, и ушли всѣ! это что значитъ?[5]

Кочкаревъ. Что-нибудь, вѣрно, случилось.

Жевакинъ. Какъ-нибудь насчетъ дамскаго туалетца[6]... Эдакъ поправить что-нибудь... манишечку... пришпилить[7]. *(Ѳекла входитъ. Всѣ къ ней навстрѣчу съ вопросами:* что, что такое?)

Кочкаревъ. Что-нибудь случилось?

Ѳекла. Какъ можно, чтобы случилось! Ей Богу, ничего не случилось.

Кочкаревъ. Да зачѣмъ же она вышла?

Ѳекла. Да пристыдили, потому и вышла; совсѣмъ исконфузили, такъ что не высидѣла на мѣстѣ. Проситъ извинить: ввечеру де на чашку чаю чтобы пожаловали. *(Уходитъ).*

Яичница *(въ сторону).* Охъ, ужъ эта мнѣ чашка чаю! Вотъ за то не люблю сватаній, пойдетъ возня: сегодня нельзя, да пожалуйте завтра, да еще послѣ завтра на чашку, да нужно еще подумать[8]. А вѣдь дѣло дрянь, ничуть не головоломное![9] Чортъ побери, я человѣкъ должностной, мнѣ некогда.

Кочкаревъ *(Подколесину).* А вѣдь хозяйка недурна — а?

Подколесинъ. Да, недурна.

Жевакинъ. А вѣдь хозяечка-то[1] хороша?

Кочкаревъ *(въ сторону)*. Вотъ чортъ побери! Этотъ дуракъ влюбился. Еще будетъ мѣшать, пожалуй! *(Вслухъ)*. Совсѣмъ нехороша, совсѣмъ нехороша[2].

Яичница. Носъ великъ.

Жевакинъ. Ну нѣтъ, носа я не замѣтилъ. Она эдакой розанчикъ.

Анучкинъ. Я самъ того же мнѣнія. Нѣтъ, не тò, не тò...[3] Я даже думаю, что врядъ ли она знакома съ обхожденіемъ высшаго общества. Да и знаетъ ли она еще по-французски?[4]

Жевакинъ. Да что жъ вы, смѣю спросить, не попробовали, не поговорили съ ней по-французски? Можетъ быть, и знаетъ.

Анучкинъ. Вы думаете, я говорю по-французски? Нѣтъ, я не имѣлъ счастія воспользоваться такимъ воспитаніемъ. Мой отецъ былъ мерзавецъ, скотина[5]. Онъ и не думалъ меня выучить французскому языку. Я былъ тогда еще ребенкомъ, меня легко было пріучить, стоило только посѣчь хорошенько, и я бы зналъ, я бы непремѣнно зналъ.

Жевакинъ. Ну, да теперь же, когда вы не знаете, чтò жъ вамъ за прибыль, если она...

Анучкинъ. А нѣтъ, нѣтъ. Женщина совсѣмъ другое дѣло: нужно, чтобы она непремѣнно знала, а безъ того у ней и то, и это... *(показываетъ жестами)* все ужъ будетъ не тò.

Яичница *(въ сторону)*. Ну, объ этомъ заботься кто другой. А я пойду да осмотрю[6] со двора домъ и флигеля: если только все, какъ слѣдуетъ[7], такъ сего же вечера добьюсь дѣла. Эти женишки мнѣ не опасны — народъ что-то больно жиденькій. Такихъ невѣсты не любятъ[8].

Жевакинъ. Пойти выкурить трубочку. А чтò, не по дорогѣ ли намъ? Вы гдѣ, позвольте спросить, живете?

Анучкинъ. А на Пескахъ, въ Петровскомъ переулкѣ.

Жевакинъ. Да-съ, будетъ кругъ[9]: я на острову, въ 18-й линіи; а впрочемъ все-таки я васъ провожу[10].

Стариковъ. Нѣтъ, тутъ что-то спѣсьевато[11]. Ай припомните потомъ[12], Агаѳья Тихоновна, и насъ! Съ моимъ почтеніемъ, господа! *(Кланяется и уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ XXI.

Подколесинъ и Кочкаревъ.

Подколесинъ. А чего ждемъ и мы?

Кочкаревъ. Ну, что̀, вѣдь правда, хозяйка мила?[1]

Подколесинъ. Да что̀! Мнѣ, признаюсь, она не нравится.

Кочкаревъ. Вотъ на! Это что̀? Да вѣдь ты самъ согласился[2], что она хороша.

Подколесинъ. Да такъ, какъ-то не того: и носъ длинный, и по-французски не знаетъ.

Кочкаревъ. Это еще что̀? тебѣ на что по-французски?

Подколесинъ. Ну, все-таки невѣста должна знать по-французски.

Кочкаревъ. Почему жъ?

Подколесинъ. Да потому, что... ужъ я не знаю почему, а все ужъ будетъ у ней не то[3].

Кочкаревъ. Ну вотъ; дуракъ сейчасъ одинъ сказалъ[4], а онъ и уши развѣсилъ. Она[5] — красавица, просто красавица; такой дѣвицы не сыщешь нигдѣ.

Подколесинъ. Да мнѣ самому сначала она было приглянулась, да[6] послѣ, какъ начали говорить: длинный носъ, длинный носъ, — ну, я разсмотрѣлъ и вижу самъ, что длинный носъ[7].

Кочкаревъ. Эхъ ты, пирей не нашелъ дверей! Они нарочно толкуютъ, чтобы тебя отвадить: и я тоже не хвалилъ, — такъ ужъ дѣлается[8]. Это, братъ, такая дѣвица![9] Ты разсмотри только глаза ея: вѣдь это, чортъ знаетъ, что̀ за глаза: говорятъ, дышутъ. А носъ? я не знаю, что̀ за носъ! бѣлизна — алебастръ! Да и алебастръ не всякій сравнится[10]. Ты разсмотри[11] самъ хорошенько.

Подколесинъ *(улыбаясь)*[12]. Да теперь-то я опять вижу[13], что она какъ будто хороша.

Кочкаревъ. Разумѣется, хороша[14]. Послушай, теперь такъ какъ они всѣ ушли, пойдемъ къ ней[15], изъяснимся и все кончимъ.

Подколесинъ. Ну, этого я не сдѣлаю.

Кочкаревъ. Отчего жъ?

Подколесинъ. Да что жъ за нахальство? Насъ много: пусть она сама выберетъ[16].

Кочкаревъ. Ну, да что тебѣ смотрѣть на нихъ: боишься соперничества, что ли? Хочешь, я ихъ всѣхъ въ одну минуту спроважу?[1]

Подколесинъ. Да какъ же ты ихъ спровадишь?

Кочкаревъ. Ну, ужъ это мое дѣло. Дай мнѣ только слово, что потомъ не будешь отнѣкиваться.

Подколесинъ. Почему жъ не дать? изволь, я не отпираюсь: я хочу жениться[2].

Кочкаревъ. Руку!

Подколесинъ *(подавая)*. Возьми!

Кочкаревъ. Ну, этого[3] только мнѣ и нужно. *(Оба уходятъ)*.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Комната въ домѣ Агаѳьи Тихоновны.

ЯВЛЕНІЕ I.

Агаѳья Тихоновна *одна, потомъ* **Кочкаревъ.**

Агаѳья Тихоновна. Право, такое затрудненіе — выборъ! Если бы еще одинъ, два человѣка, а то четыре — какъ хочешь, такъ и выбирай. Никаноръ Ивановичъ недуренъ, хотя конечно худощавъ[1]; Иванъ Кузьмичъ тоже недуренъ. Да если сказать правду, Иванъ Павловичъ тоже, хоть и толстъ[2], а вѣдь очень видный мужчина. Прошу покорно, какъ тутъ быть? Балтазаръ Балтазаровичъ опять мужчина съ достоинствами. Ужъ какъ трудно рѣшиться, такъ просто разсказать нельзя, какъ трудно! Если бы губы Никанора Ивановича да приставить къ носу Ивана Кузьмича, да взять сколько-нибудь развязности, какая у Балтазара Балтазарыча[3], да пожалуй прибавить къ этому еще дородности[4] Ивана Павловича — я бы тогда тотчасъ же рѣшилась. А теперь поди, подумай! просто, голова даже стала болѣть. Я думаю, лучше всего[5] кинуть жребій. Положиться во всемъ на волю Божію: кто выкинется, тотъ и мужъ. Напишу ихъ всѣхъ на бумажкахъ, сверну[6] въ трубочки, да и пусть будетъ, что̀ будетъ. *(Подходитъ къ столику, вынимаетъ оттуда ножницы и бумагу, нарѣзываетъ билетики и скатываетъ, продолжая говорить).* Такое несчастное положеніе дѣвицы, особливо еще влюбленной. Изъ мущинъ[7] никто не войдетъ въ это, и даже, просто, не хотятъ понять этого. Вотъ они всѣ ужъ готовы! Остается только положить ихъ въ ридикюль[8], зажмурить глаза, да и пусть будетъ, что̀ будетъ. *(Кладетъ билетики въ ридикюль и мѣ-*

шаетъ ихъ рукою). Страшно... Ахъ, если бы Богъ далъ, чтобы вынулся Никаноръ Ивановичъ! Нѣтъ, отчего же онъ? лучше жъ[1] Иванъ Кузьмичъ. Отчего же Иванъ Кузьмичъ? чѣмъ же худы тѣ, другіе?.. Нѣтъ, нѣтъ, не хочу... какой выберется, такой пусть и будетъ. *(Шаритъ рукою въ ридикюль и вынимаетъ вмѣсто одного всѣ)*. Ухъ, всѣ! всѣ вынулись! А сердце такъ и колотится! Нѣтъ, одного, одного[2]! непремѣнно одного! *(Кладетъ билетики въ ридикюль и мѣшаетъ. Въ это время входитъ потихоньку Кочкаревъ и становится позади)*. Ахъ, если бы вынуть Балтазара... что я! хотѣла сказать Никанора Ивановича... Нѣтъ, не хочу, не хочу! Кого[3] прикажетъ судьба.

Кочкаревъ. Да возьмите Ивана Кузьмича, всѣхъ лучше.

Агаѳья Тихоновна. Ахъ! *(вскрикиваетъ и закрываетъ лицо обѣими руками, страшась взглянуть назадъ)*.

Кочкаревъ. Да чего жъ вы испугались? Не пугайтесь, это я. Право, возьмите Ивана Кузьмича.

Агаѳья Тихоновна. Ахъ, мнѣ стыдно: вы подслушали.

Кочкаревъ. Ничего, ничего! вѣдь я свой, родня, передо мною нечего стыдиться; откройте же ваше личико.

Агаѳья Тихоновна *(въ половину открывая лицо)*. Мнѣ, право, стыдно.

Кочкаревъ. Ну, возьмите же Ивана Кузьмича.

Агаѳья Тихоновна. Ахъ! *(вскрикиваетъ и закрывается вновь руками)*.

Кочкаревъ. Право, чудо человѣкъ, усовершенствовалъ часть свою... просто, удивительный человѣкъ!

Агаѳья Тихоновна *(понемногу открываетъ лицо)*. Какъ же, а другой? а Никаноръ Ивановичъ — вѣдь онъ тоже хорошій человѣкъ.

Кочкаревъ. Помилуйте, это дрянь противъ Ивана Кузьмича.

Агаѳья Тихоновна. Отчего же?

Кочкаревъ. Ясно отчего. Иванъ Кузьмичъ человѣкъ... ну, просто, человѣкъ... человѣкъ, какихъ не сыщешь[4].

Агаѳья Тихоновна. Ну, а Иванъ Павловичъ?

Кочкаревъ. И Иванъ Павловичъ — дрянь, всѣ они — дрянь.

Агаѳья Тихоновна. Будто бы ужъ всѣ?[5]

Кочкаревъ. Да вы только посудите, сравните только: это, какъ бы то ни было, — Иванъ Кузьмичъ! а вѣдь то, что ни

попало: Иванъ Павловичъ, Никаноръ Ивановичъ, чортъ знаетъ что такое!

Агаѳья Тихоновна. А вѣдь, право, они очень... скромные[1].

Кочкаревъ. Какое скромные! Драчуны, самый буйный народъ. Охота же вамъ быть прибитой на другой день послѣ свадьбы.

Агаѳья Тихоновна. Ахъ, Боже мой! Ужъ это, точно, такое несчастіе, хуже котораго не можетъ быть.

Кочкаревъ. Еще бы! хуже этого и не выдумаешь ничего.

Агаѳья Тихоновна. Такъ по вашему совѣту лучше взять Ивана Кузьмича?

Кочкаревъ. Ивана Кузьмича; натурально, Ивана Кузьмича. *(Въ сторону).* Дѣло, кажется, идетъ на ладъ. Подколесинъ сидитъ въ кондитерской, пойти поскорѣй за нимъ.

Агаѳья Тихоновна. Такъ вы думаете — Ивана Кузьмича?

Кочкаревъ. Непремѣнно Ивана Кузьмича.

Агаѳья Тихоновна. А тѣмъ другимъ развѣ отказать?[2]

Кочкаревъ. Конечно, отказать.

Агаѳья Тихоновна. Да вѣдь какъ же это сдѣлать? какъ-то стыдно.

Кочкаревъ. Почему жъ стыдно? Скажите, что еще молоды и не хотите замужъ[3].

Агаѳья Тихоновна. Да вѣдь они не повѣрятъ[4], станутъ спрашивать: да почему, да какъ?

Кочкаревъ. Ну, такъ, если вы хотите кончить однимъ разомъ[5], скажите просто[6]: „Пошли вонъ, дураки!“

Агаѳья Тихоновна. Какъ же можно такъ сказать?

Кочкаревъ. Ну, да ужъ попробуйте: я васъ увѣряю, что послѣ этого всѣ выбѣгутъ вонъ[7].

Агаѳья Тихоновна. Да вѣдь это выйдетъ ужъ какъ-то бранно[8].

Кочкаревъ. Да вѣдь вы больше ихъ не увидите[9], такъ не все ли равно?

Агаѳья Тихоновна. Да все какъ-то не хорошо... они вѣдь разсердятся.

Кочкаревъ. Какая же бѣда, если разсердятся? Если бы изъ этого что-нибудь[10] вышло, тогда другое дѣло; а вѣдь здѣсь самое большее[11], если кто-нибудь изъ нихъ плюнетъ въ глаза, вотъ и все.

Агаѳья Тихоновна. Ну вотъ, видите!

Кочкаревъ. Да что жъ за бѣда? Вѣдь инымъ плевали нѣсколько разъ, ей Богу! Я знаю тоже одного: прекраснѣйшій собой мужчина, румянецъ во всю щеку; до тѣхъ поръ егозилъ и надоѣдалъ своему начальнику о прибавкѣ жалованья, что тотъ наконецъ не вынесъ — плюнулъ въ самое лицо, ей Богу! „Вотъ тебѣ", говоритъ, „твоя прибавка, отвяжись, сатана!" [1] А жалованья однакоже все-таки прибавилъ. Такъ что жъ изъ того [2], что плюнетъ? Если бы, другое дѣло, былъ далеко платокъ, а то вѣдь онъ тутъ же въ карманѣ — взялъ, да и вытеръ. *(Въ сѣняхъ звонятъ).* Стучатся: кто-нибудь изъ нихъ, вѣрно; я бы не хотѣлъ теперь съ ними встрѣтиться. Нѣтъ ли у васъ тамъ другаго выхода?

Агаѳья Тихоновна. Какъ же, по черной лѣстницѣ. Но, право, я вся дрожу.

Кочкаревъ. Ничего, только присутствіе духа. Прощайте! *(Въ сторону).* Поскорѣй приведу Подколесина.

ЯВЛЕНІЕ II. [3]

Агаѳья Тихоновна и Яичница.

Яичница. Я нарочно, сударыня, пришелъ немного пораньше, чтобы поговорить съ вами наединѣ, на досугѣ. Ну, сударыня, насчетъ чина, я уже полагаю, вамъ извѣстно: служу коллежскимъ ассессоромъ, любимъ начальниками [4], подчиненные слушаются... недостаетъ только одного: подруги жизни.

Агаѳья Тихоновна. Да-съ.

Яичница. Теперь я нахожу подругу жизни. Подруга эта — вы. Скажите напрямикъ: да, или нѣтъ? *(Смотритъ ей въ плечо, въ сторону).* О [5], она не то, что, какъ бываютъ, худенькія нѣмки — кое-что есть.

Агаѳья Тихоновна. Я еще очень молода-съ... не расположена еще замужъ.

Яичница. Помилуйте [6], а сваха зачѣмъ хлопочетъ? Но, можетъ быть, вы хотите что-нибудь другое сказать — изъяснитесь... *(Слышенъ колокольчикъ)* Чортъ побери! никакъ не дадутъ дѣломъ заняться.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и **Жевакинъ.**

Жевакинъ. Извините, сударыня, что я, можетъ быть, слишкомъ рано. *(Оборачивается и видитъ Яичницу)* Ахъ, ужъ есть... Ивану Павловичу мое почтеніе!

Яичница *(въ сторону).* Провалился бы ты съ своимъ почтеніемъ! *(Вслухъ)* Такъ какъ же, сударыня? Скажите одно только слово: да, или нѣтъ?.. *(Слышенъ колокольчикъ; Яичница плюетъ съ сердцемъ).* Опять колокольчикъ!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и **Анучкинъ.**

Анучкинъ. Можетъ быть, я, сударыня, ранѣе, чѣмъ слѣдуетъ и повелѣваетъ долгъ приличія... *(Видя прочихъ, испускаетъ восклицаніе и раскланивается).* Мое почтеніе!

Яичница *(въ сторону).* Возьми себѣ свое почтеніе! Нелегкая тебя принесла, подломились бы тебѣ твои поджарыя ноги! *(Вслухъ)* Такъ какъ же, сударыня, рѣшите, — я человѣкъ должностной, времени у меня немного — да, или нѣтъ?

Агаѳья Тихоновна *(въ смущеніи).* Не нужно-съ... не нужно-съ... *(Въ сторону)* Ничего не понимаю, что̀ говорю.

Яичница. Какъ не нужно? Въ какомъ отношеніи не нужно?

Агаѳья Тихоновна. Ничего-съ, ничего... Я не того-съ... *(Собираясь съ духомъ)* Пошли вонъ!... *(Въ сторону, всплеснувши руками)* Ахъ Боже мой! что̀ я такое сказала?

Яичница. Какъ „пошли вонъ?“ Что̀ это такое значитъ: „пошли вонъ?“ Позвольте узнать, что̀ вы разумѣете подъ этимъ? *(Подбоченившись, подступаетъ къ ней грозно).*

Агаѳья Тихоновна *(взглянувъ ему въ лицо, вскрикиваетъ).* Ухъ, прибьетъ, прибьетъ! *(Убѣгаетъ. Яичница стоитъ, разинувши ротъ. Вбѣгаетъ на крикъ Арина Пантелеймоновна и, взглянувъ ему въ лицо, вскрикиваетъ тоже:* ухъ прибьетъ! *и убѣгаетъ).*

Яичница. Что̀ за притча такая! Вотъ, право, исторія! *(Въ дверяхъ звенитъ звонокъ, и слышны голоса).*

Голосъ Кочкарева. Да входи, входи, что̀ жъ ты остановился?

Голосъ Подколесина. Да ступай ты впередъ. Я только на минуту: оправлюсь[1], растегнулась стремешка[2].

Голосъ Кочкарева. Да ты улизнешь опять.

Голосъ Подколесина. Нѣтъ, не улизну! Ей Богу, не улизну!

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и **Кочкаревъ**.

Кочкаревъ. Ну вотъ, очень нужно поправлять стремешку[3].

Яичница *(обращаясь къ нему)*. Скажите, пожалуйста, невѣста дура, что ли?

Кочкаревъ. А что̀? случилось развѣ что?

Яичница. Да непонятные поступки: выбѣжала, стала кричать: „прибьетъ, прибьетъ!“ Чортъ знаетъ что̀ такое.

Кочкаревъ. Ну да, это за ней водится: она дура[4].

Яичница. Скажите, вѣдь вы ей родственникъ?

Кочкаревъ. Какъ же, родственникъ.

Яичница. А какъ родственникъ? позвольте узнать.

Кочкаревъ. Право, не знаю; какъ-то тетка моей матери что-то такое ея отцу, или отецъ ея что-то такое моей теткѣ; объ этомъ знаетъ жена моя, — это ихъ дѣло[5].

Яичница. И давно за ней водится дурь?[6]

Кочкаревъ. А еще съ самаго съ-измала.

Яичница. Да, конечно лучше, если бы она была умнѣй; а впрочемъ и дура тоже хорошо: были бы только статьи прибавочныя въ хорошемъ порядкѣ.

Кочкаревъ. Да вѣдь за ней ничего нѣтъ.

Яичница. Какъ такъ, а каменный домъ?

Кочкаревъ. Да вѣдь только слава[7], что каменный, а знали бы вы, какъ онъ выстроенъ: стѣны вѣдь выведены въ одинъ кирпичъ, а въ серединѣ всякая дрянь — мусоръ, щепки, стружки.

Яичница. Что̀ вы?

Кочкаревъ. Разумѣется. Будто не знаете, какъ теперь строятъ дома?[8] лишь бы только въ ломбардъ заложить.

Яичница. Однакожъ вѣдь домъ не заложенъ?

Кочкаревъ. А кто вамъ сказалъ? Вотъ въ томъ-то и дѣло, не только заложенъ[1], да[2] за два года еще проценты не выплачены. Да въ сенатѣ есть еще братъ[3], который тоже запускаетъ глаза на домъ, — сутяги такого свѣтъ не производилъ: съ родной матери послѣднюю юбку снялъ бы[4], безбожникъ.

Яичница. Какъ же мнѣ старуха сваха... Ахъ она бестія эдакая, извергъ рода человѣ... *(Въ сторону)* Однакожъ онъ, можетъ быть, и вретъ. Подъ строжайшій допросъ старуху! и если только правда... ну... я заставлю запѣть ее[5] не такъ, какъ[6] другіе поютъ.

Анучкинъ. Позвольте васъ побезпокоить тоже вопросомъ. Признаюсь, не зная французскаго языка, чрезвычайно трудно судить самому, знаетъ ли женщина по-французски, или нѣтъ. Какъ хозяйка дома, знаетъ?..

Кочкаревъ. Ни бельмеса.

Анучкинъ. Что вы?

Кочкаревъ. Какъ же? я это очень хорошо знаю. Она училась вмѣстѣ съ женой въ пансіонѣ, извѣстная была лѣнивица, вѣчно въ дурацкой шапкѣ сидитъ. А французскій учитель[7], просто, билъ ее палкой.

Анучкинъ. Представьте же, что у меня съ перваго разу, какъ только ее увидѣлъ[8], было какое-то предчувствіе, что она не знаетъ по-французски.

Яичница. Ну, чортъ съ французскимъ! Но какъ сваха-то проклятая... Ахъ ты бестія эдакая, вѣдьма![9] Вѣдь если бы вы знали, какими словами она росписала — живописецъ, вотъ совершенный живописецъ! „Домъ, флигель“, говоритъ, „на фундаментахъ, серебряныя ложки, сани — вотъ садись, да и катайся!“ словомъ, въ романѣ рѣдко выберется такая страница[10]. Ахъ ты, подошва ты старая! попадись только ты мнѣ...

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Ѳекла. *(Всѣ, увидѣвъ ее, обращаются къ ней съ слѣдующими словами):*

Яичница. А! вотъ она! А подойди-ка сюда, старая грѣховодница! а подойди-ка сюда!

Анучкинъ. Такъ-то вы обманули меня, Ѳекла Ивановна?

Кочкаревъ. Ну-ка ступай, Варвара, на расправу!

Өекла. И ни слова не разберу: оглушили совсѣмъ.

Яичница. Домъ строенъ въ одинъ кирпичъ, старая подошва, а ты наврала: и съ мезонинами, и чортъ знаетъ съ чѣмъ.

Өекла. А не знаю, не я строила. Можетъ быть, нужно было въ одинъ кирпичъ, оттого такъ и построили.

Яичница. Да и въ ломбардъ еще заложенъ! Черти бъ тебя съѣли, вѣдьма ты проклятая! *(притопывая ногой)*.

Өекла. Смотри ты какой! Еще и[1] бранится. Иной бы благодарить сталъ за удовольствіе, что хлопотала[2] о немъ.

Анучкинъ. Да, Өекла Ивановна, вотъ вы и мнѣ тоже насказали, что она знаетъ по-французски.

Өекла. Знаетъ, родимый, все знаетъ, и по-нѣмецкому, и по всякому; какіе хочешь манеры — все знаетъ.

Анучкинъ. Ну, нѣтъ; кажется, она только по-русски и говоритъ.

Өекла. Что жъ тутъ худаго? Понятливѣе по-русски, потому и говоритъ по-русски. А кабы умѣла по-басурмански, то тебѣ же хуже, и самъ бы не понялъ ничего. Ужъ тутъ нечего толковать про русскую рѣчь, — рѣчь звѣстно[3] какая: всѣ святые говорили по-русски[4].

Яичница. А подойди-ка сюда, проклятая, подойди-ка ко мнѣ!

Өекла *(пятясь ближе къ дверямъ)*. И не подойду, я знаю тебя: ты человѣкъ тяжелый, ни за̀ что прибьешь.

Яичница. Ну, смотри, голубушка, это не пройдетъ тебѣ. Вотъ я тебя какъ сведу въ полицію, такъ ты у меня будешь знать, какъ обманывать честныхъ людей. Вотъ ты увидишь! А невѣстѣ скажи, что она подлецъ! Слышишь, непремѣнно скажи. *(Уходитъ)*.

Өекла. Смотри ты какой! разсердился какъ! Что толстъ, такъ думаетъ, ему и равнаго[5] никого нѣтъ. А я скажу, что ты самъ подлецъ — вотъ что̀!

Анучкинъ. Признаюсь, любезнѣйшая, никакъ не думалъ я, чтобы вы стали такъ обманывать. Знай я, что невѣста съ такимъ образованьемъ, да я... да и нога бы моя, просто, не была здѣсь. Вотъ какъ-съ! *(Уходитъ)*.

Өекла. Бѣлены объѣлись или выпили лишнее. Вишь переборщики нашлись какіе! Свела съ ума глупая грамота!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Ѳекла[1], Кочкаревъ, Жевакинъ.

Кочкаревъ *хохочетъ во все горло, смотря на Ѳеклу и указывая на нее пальцемъ.*

Ѳекла *(съ досадою).* Ты что̀ горло дерешь?

Кочкаревъ *продолжаетъ хохотать.*

Ѳекла. Экъ какъ разобрало его!

Кочкаревъ. Сваха-то! сваха-то! Мастерица женить, знаетъ, какъ повести дѣло! *(Продолжаетъ хохотать).*

Ѳекла. Экъ его заливается! Знать, покойница свихнула съ ума въ тотъ часъ, какъ тебя рожала. *(Уходитъ съ досадою).*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Кочкаревъ, Жевакинъ.

Кочкаревъ *(продолжая хохотать).* Охъ, не могу; право, не могу! силы не выдержатъ, чувствую, что тресну отъ смѣха! *(Продолжаетъ хохотать).*

Жевакинъ, *глядя на него, начинаетъ тоже смѣяться.*

Кочкаревъ *(въ усталости валится на стулъ).* Охъ, право, выбился изъ силъ! Чувствую, что если засмѣюсь еще, порву[2] послѣднія силы.

Жевакинъ. Мнѣ нравится веселость вашего нрава. У насъ въ эскадрѣ капитана Болдырева[3] былъ мичманъ Пѣтуховъ, Антонъ Ивановичъ: тоже эдакъ былъ веселаго нрава. Бывало, ему ничего больше, покажешь эдакъ одинъ палецъ — вдругъ засмѣется, ей Богу, и до самаго вечера смѣется. Ну, глядя на него, бывало и самому[4] сдѣлается смѣшно, и смотришь[5], наконецъ, и самъ точно, эдакъ, смѣешься.

Кочкаревъ *(переводя дыханье).* Охъ, Господи, помилуй насъ грѣшныхъ! Ну, что̀ она[6] вздумала, дура? Ну, куда жъ ей женить? ей ли женить? Вотъ я женю, такъ женю!

Жевакинъ. Нѣтъ? Такъ вы можете не въ шутку женить?

Кочкаревъ. Еще бы! Кого угодно, на комъ угодно[7].

Жевакинъ. Если такъ, жените меня на здѣшней хозяйкѣ.

Кочкаревъ. Васъ? да зачѣмъ вамъ жениться?

Жевакинъ. Какъ зачѣмъ? Вотъ, позвольте замѣтить, странный немного[1] вопросъ! а извѣстное дѣло зачѣмъ.

Кочкаревъ. Да вѣдь вы слышали, у ней приданаго ничего нѣтъ.

Жевакинъ. На нѣтъ и суда нѣтъ. Конечно, это дурно, а впрочемъ съ эдакою прелюбезною дѣвицею, съ ея обхожденьями, можно прожить и безъ приданаго. Небольшая комнатка *(размѣриваетъ примѣрно руками)*, эдакъ здѣсь маленькая прихожая, небольшая ширмочка, или какая-нибудь въ родѣ эдакой перегородки...

Кочкаревъ. Да что̀ вамъ въ ней такъ понравилось?

Жевакинъ. А сказать правду, мнѣ понравилась она потому, что полная женщина. Я большой аматёръ[2] со стороны женской полноты[3].

Кочкаревъ *(поглядывая на него искоса, говоритъ въ сторону)*. А вѣдь самъ ужъ куды[4] не пощеголяетъ; точно кисетъ, изъ котораго вытрясли табакъ. *(Вслухъ)* Нѣтъ, вамъ совсѣмъ не слѣдуетъ жениться.

Жевакинъ. Какъ такъ?

Кочкаревъ. Да такъ. Ну, что̀ у васъ за фигура, между нами будь сказано? нога пѣтушья...

Жевакинъ. Пѣтушья?

Кочкаревъ. Конечно. Что у васъ[5] за видъ!

Жевакинъ. То есть, какъ, однакоже, пѣтушья нога?

Кочкаревъ. Да просто — пѣтушья.

Жевакинъ. Мнѣ кажется, это, однакожъ, касается насчетъ личности...

Кочкаревъ. Да вѣдь я говорю потому, что, знаю, вы[6] разсудительный человѣкъ; другому[7] я не скажу. Я васъ женю, извольте, только на другой.

Жевакинъ. Нѣтъ, ужъ я бы просилъ, чтобы на другой меня не женили. Ужъ будьте эдакъ благодѣтельны, чтобы на этой.

Кочкаревъ. Извольте, женю, только[8] съ условіемъ: вы не мѣшайтесь ни во что̀ и не показывайтесь даже на глаза невѣстѣ, — я все сдѣлаю безъ васъ.

Жевакинъ. Да какъ, однакоже, все безъ меня? Все-таки мнѣ хоть на глаза нужно[9] будетъ показаться.

Кочкаревъ. Совсѣмъ не нужно[1]. Идите домой и ждите[2]: сего же вечера[3] все будетъ сдѣлано.

Жевакинъ *(потираетъ руки)*. А вотъ это и[4] ужъ куды бы хорошо! Да не нужно ли[5] аттестатъ, послужной списокъ? Можетъ быть, невѣста захочетъ полюбопытствовать. Я сбѣгаю за ними въ минуту.

Кочкаревъ. Ничего не нужно[6], отправляйтесь только домой; я вамъ сегодня же дамъ знать. *(Выпровожаетъ[7] его)*. Да, чорта съ два, какъ бы не такъ! Что жъ это? Что жъ это, Подколесинъ не идетъ? Это, однакожъ, странно. Неужли онъ до сихъ поръ поправляетъ свою стремешку? Ужъ не побѣжать ли за нимъ![8]

ЯВЛЕНІЕ IX.

Кочкаревъ, Агаѳья Тихоновна.

Агаѳья Тихоновна *(осматриваясь)*. Что, ушли? никого нѣтъ?

Кочкаревъ. Ушли, ушли, никого.

Агаѳья Тихоновна. Ахъ, если бы вы знали, какъ я вся дрожала! Эдакого, точно, еще никогда не бывало со мною. Но только какой страшный этотъ Яичница; какой онъ долженъ быть тиранъ для жены. Мнѣ все такъ вотъ и кажется, что онъ сейчасъ воротится.

Кочкаревъ. О, ни за что не воротится. Я ставлю голову[9], если который-нибудь изъ нихъ двухъ покажетъ носъ свой здѣсь.

Агаѳья Тихоновна. А третій?

Кочкаревъ. Какой третій?

Жевакинъ *(высовывая голову въ двери)*. Смерть хочется знать, какъ она будетъ изъясняться обо мнѣ своимъ ротикомъ... розанчикъ эдакой.

Агаѳья Тихоновна. А Балтазаръ Балтазаровичъ?

Жевакинъ. А, вотъ оно, вотъ оно! *(Потираетъ руки)*.

Кочкаревъ. Фу ты пропасть![10] Я думалъ, о комъ вы говорите. Да вѣдь это, просто, чортъ знаетъ что̀, набитый дуракъ.

Жевакинъ. Это что такое? Ужъ этого я, признаюсь, никакъ не понимаю.

Агаѳья Тихоновна. А онъ, однакоже, на видъ показался очень хорошимъ человѣкомъ.

Кочкаревъ. Пьяница!

Жевакинъ. Ей Богу, не понимаю!

Агаѳья Тихоновна. Неужели и пьяница еще?

Кочкаревъ. Помилуйте, отъявленный мерзавецъ.

Жевакинъ *(громко)*. Нѣтъ, позвольте, ужъ этого я никакъ не просилъ васъ говорить. Что-нибудь замолвить въ мой профитъ, похвалить — другое дѣло; а чтобы эдакимъ образомъ, эдакими словами, ужъ извольте развѣ кого-нибудь другаго, а ужъ я слуга покорный.

Кочкаревъ *(въ сторону)*. Какъ это угораздило его подвернуться? *(Агаѳьѣ Тихоновнѣ вполголоса)*. Смотрите, смотрите, на ногахъ не держится. Эдакое мыслете онъ всякій день пишетъ. Прогоните его, да и концы въ воду! *(Въ сторону)*. А Подколесина нѣтъ, какъ нѣтъ. Экой мерзавецъ! Ужъ я жъ вымещу на немъ[1]. *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ X.

Агаѳья Тихоновна и Жевакинъ.

Жевакинъ *(въ сторону)*. Обѣщался хвалить, а вмѣсто того выбранилъ! Престранный человѣкъ! *(Вслухъ)*. Вы, сударыня, не вѣрьте....

Агаѳья Тихоновна. Извините, мнѣ нездоровится[2]... болитъ-съ голова. *(Хочетъ уйти)*.

Жевакинъ. Но, можетъ быть, вамъ что-нибудь во мнѣ не нравится?[3] *(Указывая на голову)*. Вы не глядите на тò, что у меня здѣсь маленькая плѣшина: это ничего, это отъ лихорадки; волоса сейчасъ выростутъ.

Агаѳья Тихоновна. Мнѣ все равно-съ, чтò бы[4] у васъ тамъ ни было.

Жевакинъ. У меня, сударыня... если надѣну черный фракъ, такъ цвѣтъ лица будетъ побѣлѣе.

Агаѳья Тихоновна. Для васъ лучше[5]. Прощайте! *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Жевакинъ *(одинъ, говоритъ вслѣдъ ей).*

Сударыня, позвольте, скажите причину, зачѣмъ? почему?[1] Или[2] во мнѣ какой-либо существенный есть изъянъ, что ли?.. Ушла! Престранный случай! Вотъ ужъ никакъ въ семнадцатый разъ случается со мною, и все почти одинакимъ образомъ: кажется, эдакъ сначала все хорошо, а какъ[3] дойдетъ дѣло до развязки — смотришь, и откажутъ. *(Ходитъ по комнатѣ въ размышленіи).* Да... Вотъ эта ужъ будетъ[4] никакъ семнадцатая невѣста! И чего же ей, однакожъ, хочется? Чего бы ей, напримѣръ, эдакъ... съ какой стати... *(Подумавъ).* Темно, чрезвычайно темно! Добро бы былъ нехорошъ чѣмъ. *(Осматривается).* Кажется, нельзя сказать этого: все[5], слава Богу, натура не обидѣла[6]. Непонятно! Развѣ не пойти ли домой да порыться въ сундучкѣ?[7] Тамъ у меня были стишки, противъ которыхъ, точно, ни одна не устоитъ... Ей Богу, уму непонятно![8] Сначала, кажись, повезло...[9] Видно, приходится поворотить назадъ оглобли[10]. А жаль, право жаль. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ XII.

Подколесинъ и **Кочкаревъ** *(входятъ и оба оглядываются назадъ).*

Кочкаревъ. Онъ не замѣтилъ насъ. Видѣлъ, съ какимъ длиннымъ носомъ вышелъ?[11]

Подколесинъ. Неужели и ему такъ же отказано, какъ и тѣмъ?[12]

Кочкаревъ. На отрѣзъ.

Подколесинъ *(съ самодовольною улыбкой).* А преконфузно, однакоже, должно быть, если откажутъ.

Кочкаревъ. Еще бы!

Подколесинъ. Я все еще не вѣрю[13], чтобы она прямо сказала, будто предпочитаетъ меня всѣмъ.

Кочкаревъ. Какое — предпочитаетъ! Она отъ тебя, просто, безъ памяти. Такая любовь: однихъ именъ какихъ надавала, такая страсть, — такъ, просто, и кипитъ.[14]

Подколесинъ *(самодовольно усмѣхается).* А вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, женщина если захочетъ, какихъ словъ не наскажетъ![1] вѣкъ бы не выдумалъ[2]: мордашечка, таракашечка, чернушка...

Кочкаревъ. Что̀ еще эти слова! Вотъ какъ женишься, такъ ты увидишь въ первые два мѣсяца, какія пойдутъ слова; просто, братъ, ну вотъ такъ и таешь.

Подколесинъ *(усмѣхаясь).* Будто?

Кочкаревъ. Какъ честной[3] человѣкъ! Послушай, теперь, однакожъ, скорѣе къ дѣлу. Изъясни ей и открой сію же минуту сердце и требуй руки.

Подколесинъ. Но какъ же сію минуту? что ты!

Кочкаревъ. Непремѣнно сію же минуту.... а вотъ и она сама.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ *же* и **Агаѳья Тихоновна.**

Кочкаревъ. Я привелъ къ вамъ, сударыня, смертнаго, котораго вы видите. Еще никогда не было такъ влюбленнаго, просто, не приведи Богъ — и непріятелю не пожелаю...

Подколесинъ *(толкая его подъ руку, тихо).* Ну, ужъ ты, братъ, кажется, слишкомъ.

Кочкаревъ *(ему).* Ничего, ничего! *(Ей тихо).* Будьте посмѣлѣе, онъ очень смиренъ, старайтесь быть какъ можно развязнѣе. Эдакъ поворотите какъ-нибудь бровями или, потупивши глаза, такъ вдругъ и срѣзать его, злодѣя, или выставьте ему какъ-нибудь плечо, и пусть его, мерзавецъ, смотритъ! — Напрасно, впрочемъ, вы не надѣли платья съ короткими рукавами; да впрочемъ и это хорошо. *(Вслухъ).* Ну, я оставляю васъ въ пріятномъ обществѣ! Я на минуточку загляну[4] только къ вамъ въ столовую и на кухню: нужно[5] распорядиться — сейчасъ придетъ офиціантъ, которому заказанъ ужинъ; можетъ быть, и вина принесены... До свиданья! *(Подколесину).* Смѣлѣе! Смѣлѣе! *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Подколесинъ и Агаѳья Тихоновна.

Агаѳья Тихоновна. Прошу покорнѣйше садиться.

(Садятся и молчатъ).

Подколесинъ. Вы, сударыня, любите кататься?

Агаѳья Тихоновна. Какъ-съ кататься?

Подколесинъ. На дачѣ очень пріятно лѣтомъ кататься въ лодкѣ.

Агаѳья Тихоновна. Да-съ, иногда съ знакомыми прогуливаемся.

Подколесинъ. Какое-то лѣто будетъ — неизвѣстно.

Агаѳья Тихоновна. А желательно, чтобы было хорошее.

(Оба молчатъ).

Подколесинъ. Вы, сударыня, какой цвѣтокъ больше любите?

Агаѳья Тихоновна. Который покрѣпче пахнетъ-съ — гвоздику-съ.

Подколесинъ. Дамамъ очень идутъ цвѣты.

Агаѳья Тихоновна. Да, пріятное занятіе. *(Молчаніе).* Въ которой церкви вы были прошлое воскресенье?[1]

Подколесинъ. Въ Вознесенской, а недѣлю назадъ тому былъ въ Казанскомъ соборѣ. Впрочемъ, молиться все равно, въ какой бы ни было церкви. Въ той только украшеніе лучше[2]. *(Молчатъ. Подколесинъ барабанитъ пальцами по столу)*[3]. Вотъ скоро будетъ екатерингофское гулянье.

Агаѳья Тихоновна. Да, черезъ мѣсяцъ, кажется.

Подколесинъ. Даже и мѣсяца не будетъ.

Агаѳья Тихоновна. Должно быть, веселое будетъ гулянье.

Подколесинъ. Сегодня восьмое число *(считаетъ по пальцамъ)*; девятое, десятое, одиннадцатое... чрезъ двадцать два дни[4].

Агаѳья Тихоновна. Представьте, какъ скоро!

Подколесинъ. Я сегоднишняго дни[5] даже не считаю. *(Молчаніе).* Какой это смѣлый русскій народъ!

Агаѳья Тихоновна. Какъ?

Подколесинъ. А работники. Стоятъ на самой верхушкѣ... Я проходилъ мимо дома, такъ щекотурщикъ штукатуритъ[6] и не боится ничего.

Агаѳья Тихоновна. Да-съ. Такъ это въ какомъ мѣстѣ?

Подколесинъ. А вотъ по дорогѣ, по которой я хожу всякій день въ департаментъ. Я вѣдь каждое утро хожу въ должность. *(Молчаніе. Подколесинъ опять начинаетъ барабанить пальцами*[1]*, наконецъ берется за шляпу и раскланивается).*

Агаѳья Тихоновна. А вы уже хотите?...

Подколесинъ. Да-съ. Извините, что, можетъ быть, наскучилъ вамъ.

Агаѳья Тихоновна. Какъ-съ можно![2] Напротивъ, я должна благодарить за подобное препровожденіе времени.

Подколесинъ *(улыбаясь).* А мнѣ, такъ, право[3], кажется, что я наскучилъ.

Агаѳья Тихоновна. Ахъ, право нѣтъ!

Подколесинъ. Ну такъ, если нѣтъ, такъ позвольте мнѣ и въ другое время, вечеркомъ когда-нибудь....

Агаѳья Тихоновна. Очень пріятно-съ. *(Раскланиваются. Подколесинъ уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ XV.

Агаѳья Тихоновна *(одна).*

Какой достойный человѣкъ! Я теперь только узнала его хорошенько; право, нельзя не полюбить: и скромный, и разсудительный. Да, пріятель его давеча справедливо сказалъ; жаль только, что онъ такъ скоро ушелъ, а я бы еще хотѣла его послушать. Какъ пріятно съ нимъ говорить! И вѣдь главное тò хорошо, что совсѣмъ не пустословитъ. Я было хотѣла ему тоже словца два сказать, да, признаюсь, оробѣла, сердце такъ стало биться.... Какой превосходный человѣкъ! Пойду, разскажу тетушкѣ. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Подколесинъ и Кочкаревъ *(входятъ).*

Кочкаревъ. Да зачѣмъ домой? Вздоръ какой! Зачѣмъ домой?

Подколесинъ. Да зачѣмъ же мнѣ оставаться здѣсь? Вѣдь я все уже сказалъ, что̀ слѣдуетъ.

Кочкаревъ. Стало быть, сердце ей ты ужъ открылъ?

Подколесинъ. Да, вотъ только развѣ, что сердца еще не открылъ.

Кочкаревъ. Вотъ-те исторія! Зачѣмъ же не открылъ?

Подколесинъ. Ну, да какъ же ты хочешь, не поговоря прежде ни о чемъ, вдругъ сказать съ боку припеку: „Сударыня, дайте я на васъ женюсь!“

Кочкаревъ. Ну, да о чемъ же вы, о какомъ вздорѣ толковали битыхъ полчаса?

Подколесинъ. Ну, мы переговорили обо всемъ, и, признаюсь, я очень доволенъ: съ большимъ удовольствіемъ провелъ время.

Кочкаревъ. Да послушай, посуди ты самъ: когда же все это успѣемъ? вѣдь черезъ часъ нужно[1] ѣхать въ церковь, подъ вѣнецъ.

Подколесинъ. Что ты, съ ума сошелъ? Сегодня подъ вѣнецъ!...

Кочкаревъ. Почему жъ нѣтъ?

Подколесинъ. Сегодня подъ вѣнецъ?

Кочкаревъ. Да вѣдь ты жъ самъ далъ слово, сказалъ, что какъ только женихи будутъ прогнаны — сейчасъ готовъ жениться.

Подколесинъ. Ну, я и теперь не прочь отъ слова, только не сейчасъ же; мѣсяцъ по крайней мѣрѣ нужно[2] дать роздыху.

Кочкаревъ. Мѣсяцъ!

Подколесинъ. Да, конечно.

Кочкаревъ. Да ты съ ума сошелъ, что ли?

Подколесинъ. Да меньше мѣсяца нельзя.

Кочкаревъ. Да вѣдь я официанту заказалъ ужинъ, бревно ты! Ну, послушай, Иванъ Кузьмичъ, не упрямься, душенька, женись теперь.

Подколесинъ. Помилуй, братъ, что̀ ты говоришь? какъ же теперь?

Кочкаревъ. Иванъ Кузьмичъ! ну, я тебя прошу. Если не хочешь для себя, такъ для меня по крайней мѣрѣ.

Подколесинъ. Да, право, нельзя.

Кочкаревъ. Можно, душа, все можно; ну, пожалуйста, не капризничай, душенька!

Подколесинъ. Да, право, нѣтъ! неловко, совсѣмъ неловко.

Кочкаревъ. Да что неловко? кто тебѣ сказалъ это? Ты посуди самъ, вѣдь ты человѣкъ умный; я говорю тебѣ[3] это не съ тѣмъ, чтобы къ тебѣ подольститься, не потому, что ты

экспедиторъ[1], а просто говорю изъ любви...[2] Ну, полно же, душенька, рѣшись, взгляни окомъ благоразумнаго человѣка.

Подколесинъ. Да если бы было можно, такъ я бы...

Кочкаревъ. Иванъ Кузьмичъ! лапушка, милочка! Ну, хочешь ли, я стану на колѣни передъ тобой?

Подколесинъ. Да зачѣмъ же?..

Кочкаревъ *(становясь на колѣни)*. Ну, вотъ я и на колѣняхъ! Ну, видишь самъ, прошу тебя. Вѣкъ не позабуду твоей услуги, не упрямься, душенька!

Подколесинъ. Ну, нельзя, братъ, право нельзя.

Кочкаревъ *(вставая въ-сердцахъ)*. Свинья![3]

Подколесинъ. Пожалуй, бранись себѣ.

Кочкаревъ. Глупый человѣкъ! Еще никогда не было такого.

Подколесинъ. Бранись, бранись.

Кочкаревъ. Я для кого же старался? изъ чего бился? Все для твоей, дуракъ, пользы. Вѣдь что̀ мнѣ? я сейчасъ брошу тебя, мнѣ какое дѣло?

Подколесинъ. Да кто жъ просилъ тебя хлопотать? Пожалуй, бросай.

Кочкаревъ. Да вѣдь ты пропадешь, вѣдь ты безъ меня ничего не сдѣлаешь. Не жени тебя, вѣдь ты вѣкъ останешься дуракомъ.

Подколесинъ. Тебѣ что̀ до того?

Кочкаревъ. О тебѣ, деревянная башка, стараюсь.

Подколесинъ. Я не хочу твоихъ стараній.

Кочкаревъ. Ну, такъ ступай же къ чорту!

Подколесинъ. Ну, и пойду.

Кочкаревъ. Туда тебѣ и дорога!

Подколесинъ. Что жъ, и пойду.

Кочкаревъ. Ступай, ступай и чтобы ты себѣ сейчасъ же переломилъ тамъ[4] ногу. Вотъ отъ души посылаю тебѣ желаніе, чтобы тебѣ пьяный извощикъ въѣхалъ дышломъ въ самую глотку! Тряпка, а не чиновникъ! Вотъ клянусь тебѣ, что теперь между нами все кончилось, и на глаза мнѣ не показывайся!

Подколесинъ. И не покажусь. *(Уходитъ)*.

Кочкаревъ. Къ дьяволу, къ своему старому пріятелю! *(Отворяя дверь, кричитъ ему вслѣдъ)*. Дуракъ!

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Кочкаревъ *(одинъ, ходитъ, въ сильномъ движеніи, взадъ и впередъ).*

Ну, былъ ли когда видѣнъ на свѣтѣ подобный человѣкъ? Эдакой дуракъ! Да если ужъ пошло на правду, то и я хорошъ. Ну, скажите пожалуйста, вотъ я на васъ всѣхъ сошлюсь: ну, не олухъ ли я, не глупъ ли я? Изъ чего бьюсь, кричу, инда горло пересохло? Скажите, что̀ онъ мнѣ? родня что ли? И что̀ я ему такое—нянька, тетка, свекруха, кума что ли? Изъ какого же дьявола, изъ чего, изъ чего я хлопочу о немъ, не даю[1] себѣ покою, нелегкая прибрала бы его[2] совсѣмъ?[3] А просто чортъ знаетъ изъ чего! Поди ты, спроси иной разъ человѣка, изъ чего онъ что-нибудь дѣлаетъ![4] Эдакой мерзавецъ! Какая противная, подлая рожа! Взялъ бы тебя, глупую животину, да щелчками бы тебя въ носъ, въ уши, въ ротъ, въ зубы — во всякое мѣсто! *(Въ сердцахъ даетъ нѣсколько щелчковъ на воздухъ).* Вѣдь вотъ что досадно: вышелъ себѣ — ему и горя мало, съ него все это такъ, какъ съ гуся вода — вотъ что нестерпимо! Пойдетъ къ себѣ на квартиру и будетъ лежать да покуривать трубку. Экое противное созданье! Бываютъ противныя рожи, но вѣдь эдакой, просто, не выдумаешь; не сочинишь хуже этой рожи, ей Богу, не сочинишь! Такъ вотъ нѣтъ же, пойду, нарочно ворочу его, бездѣльника! Не дамъ улизнуть, пойду, приведу подлеца! *(Убѣгаетъ).*

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Агаѳья Тихоновна *(входитъ).*

Ужъ такъ право бьется сердце, что изъяснить трудно. Вездѣ, куды ни поворочусь, вездѣ такъ вотъ и стоитъ Иванъ Кузьмичъ. Точно правда, что отъ судьбы никакъ нельзя уйти. Давеча[5] совершенно хотѣла было думать о другомъ, но чѣмъ ни займусь, — пробовала сматывать нитки, шила ридикюль[6], — а Иванъ Кузьмичъ все такъ вотъ и лѣзетъ въ руку. *(Помолчавъ).* И такъ вотъ, наконецъ, ожидаетъ меня перемѣна состоянія![7] Возьмутъ меня, поведутъ въ церковь... потомъ оставятъ одну съ мужчиною — уфъ! Дрожь такъ меня и пробираетъ. Прощай, прежняя моя дѣвичья жизнь! *(Плачетъ).*

Столько лѣтъ провела въ спокойствіи... Вотъ жила, жила, а теперь приходится выходить замужъ! Однѣхъ заботъ сколько: дѣти, мальчишки, народъ драчливый, а тамъ и дѣвочки пойдутъ, подростутъ — выдавай ихъ замужъ. Хорошо еще, если выйдутъ за хорошихъ, а если за пьяницъ, или за такихъ, что̀ готовъ сегодня же поставить на карточку все, что̀ ни есть на немъ! *(Начинаетъ мало-по-малу опять рыдать).* Не удалось и повеселиться мнѣ дѣвическимъ состояніемъ, и двадцати семи лѣтъ не пробыла въ дѣвкахъ.... *(Перемѣняя голосъ).* Да что жъ Иванъ Кузьмичъ такъ долго мѣшкается?[1]

ЯВЛЕНІЕ XIX.

Агаѳья Тихоновна и **Подколесинъ** *(выталкивается[2] на сцену изъ дверей двумя руками* **Кочкарева***).*

Подколесинъ *(запинаясь).* Я пришелъ вамъ, сударыня, изъяснить одно дѣльцо... только я бы хотѣлъ прежде знать, не покажется ли оно вамъ страннымъ?

Агаѳья Тихоновна *(потупляя глаза).* Что же такое?

Подколесинъ. Нѣтъ, сударыня, вы скажите напередъ: не покажется ли вамъ странно?

Агаѳья Тихоновна *(также)*[3]. Не могу знать, что̀ такое.

Подколесинъ. Но признайтесь: вѣрно вамъ покажется страннымъ то, что̀ я вамъ скажу?

Агаѳья Тихоновна. Помилуйте, какъ можно, чтобы было странно. Отъ васъ все пріятно слышать.

Подколесинъ. Но этого вы еще никогда не слыхали[4]. *(Агаѳья Тихоновна потупляетъ еще больше глаза; въ это время входитъ потихоньку Кочкаревъ и становится у него за плечами)*[5]. Это вотъ въ чемъ... Но пусть лучше я вамъ скажу когда-нибудь послѣ.

Агаѳья Тихоновна. А что же это такое?

Подколесинъ. А это... я хотѣлъ было, признаюсь, теперь объявить вамъ, да все еще какъ-то сомнѣваюсь.

Кочкаревъ *(про себя, складывая руки).* Господи ты Боже мой, что̀ это за человѣкъ! Это просто старый бабій башмакъ, а не человѣкъ, насмѣшка надъ человѣкомъ[6], сатира[7] на человѣка!

Агаѳья Тихоновна. Отчего же вы сомнѣваетесь?

Подколесинъ. Да все какъ-то беретъ сомнѣніе.

Кочкаревъ *(вслухъ)*. Какъ это глупо, какъ это глупо! Да вы, сударыня, видите: онъ проситъ руки вашей, желаетъ объявить, что онъ безъ васъ не можетъ жить, существовать. Спрашиваетъ только, согласны ли вы его осчастливить?

Подколесинъ *(почти испугавшись, толкаетъ его, произнося живо)*. Помилуй, что̀ ты!

Кочкаревъ. Такъ что жъ, сударыня, рѣшаетесь вы сему смертному доставить счастіе?

Агаѳья Тихоновна. Я никакъ не смѣю думать, чтобъ я могла составить счастіе... а, впрочемъ, я согласна.

Кочкаревъ. Натурально, натурально, такъ бы давно! Давайте ваши руки!

Подколесинъ. Сейчасъ. *(Хочетъ сказать что-то ему на ухо; Кочкаревъ показываетъ ему кулакъ и хмуритъ брови; онъ даетъ руку)*.

Кочкаревъ *(соединяя руки)*. Ну, Богъ васъ благословитъ! Согласенъ и одобряю вашъ союзъ. Бракъ это есть такое дѣло... Это не то, что взялъ извощика, да и поѣхалъ куды-нибудь; это обязанность совершенно другаго рода, это обязанность... Теперь вотъ только мнѣ времени нѣтъ, а послѣ я разскажу тебѣ, что̀ это за обязанность. Ну, Иванъ Кузьмичъ, поцѣлуй свою невѣсту. Ты теперь можешь это сдѣлать; ты теперь долженъ это сдѣлать. *(Агаѳья Тихоновна потупляетъ глаза)*. Ничего, ничего, сударыня, это такъ должно; пусть поцѣлуетъ!

Подколесинъ. Нѣтъ, сударыня, позвольте, теперь ужъ позвольте. *(Цѣлуетъ ее*[1] *и беретъ за руку)*. Какая прекрасная ручка! Отчего это у васъ, сударыня, такая прекрасная ручка?.. Да позвольте, сударыня, хочу, чтобы сей же часъ было вѣнчанье, непремѣнно сей же часъ.

Агаѳья Тихоновна. Какъ сейчасъ? Ужъ это, можетъ быть, очень скоро.

Подколесинъ. И слышать не хочу! Хочу еще скорѣе, чтобъ сію же минуту было вѣнчанье.

Кочкаревъ. Браво! хорошо! Благородный человѣкъ! Я, признаюсь, всегда ожидалъ отъ тебя много въ будущемъ. Вы, сударыня, въ самомъ дѣлѣ поспѣшите теперь поскорѣе одѣться: я, сказать правду, послалъ уже за каретою и напросилъ

гостей; они всѣ теперь поѣхали прямо въ церковь. Вѣдь у васъ вѣнчальное платье готово, я знаю.

Агаѳья Тихоновна. Какъ же, давно готово. Я въ минуточку одѣнусь.

ЯВЛЕНІЕ XX.

Кочкаревъ и Подколесинъ.

Подколесинъ. Ну, братъ, благодарю! Теперь я вижу всю твою услугу. Отецъ родной для меня не сдѣлалъ бы того, что̀ ты. Вижу, что ты дѣйствовалъ изъ дружбы. Спасибо, братъ, вѣкъ буду помнить твою услугу. *(Тронутый).* Будущей весною навѣщу непремѣнно могилу твоего отца.

Кочкаревъ. Ничего, братъ, я радъ самъ. Ну, подойди, я тебя поцѣлую. *(Цѣлуетъ его въ одну щеку, а потомъ въ другую).* Дай Богъ, чтобы ты прожилъ благополучно *(цѣлуются),* въ довольствѣ и достаткѣ; дѣтей бы нажили кучу...

Подколесинъ. Благодарю, братъ! Именно, наконецъ, теперь только я узналъ, что̀ такое жизнь; теперь предо мною открылся совершенно новый міръ. Теперь я вотъ вижу, что все это движется, живетъ, чувствуетъ, эдакъ какъ-то испаряется [1], какъ-то эдакъ, не знаешь даже самъ, что̀ дѣлается. А прежде я ничего этого не видѣлъ, не понималъ, то есть просто былъ лишенный всякаго свѣдѣнія человѣкъ, не разсуждалъ, не углублялся и жилъ вотъ, какъ и всякій другой человѣкъ живетъ.

Кочкаревъ. Радъ, радъ! Теперь я пойду, посмотрю только, какъ убрали столъ: въ [2] минуту ворочусь. *(Въ сторону).* А шляпу все лучше на всякій случай припрятать. *(Беретъ и уноситъ шляпу съ собою).*

ЯВЛЕНІЕ XXI.

Подколесинъ *(одинъ)*[3].

Въ самомъ дѣлѣ, что̀ я былъ до сихъ поръ? Понималъ ли значеніе жизни? Не понималъ, ничего не понималъ. Ну, каковъ былъ мой холостой вѣкъ? Что̀ я значилъ, что̀ дѣлалъ?[4] Жилъ, жилъ, служилъ, ходилъ въ департаментъ, обѣдалъ, спалъ, — словомъ, былъ въ свѣтѣ самый препустой и

обыкновенный человѣкъ. Только теперь видишь, какъ глупы всѣ, которые не женятся; а вѣдь, если разсмотрѣть, какое множество людей находится[1] въ такой слѣпотѣ. Если бы я былъ гдѣ-нибудь государь, я бы далъ повелѣніе жениться всѣмъ, рѣшительно всѣмъ, чтобы у меня въ государствѣ не было ни одного холостаго человѣка. Право, какъ подумаешь: чрезъ нѣсколько минутъ — и уже будешь женатъ! Вдругъ вкусишь блаженство, какое точно бываетъ только развѣ въ сказкахъ, котораго[2], просто, даже не выразишь, да и словъ не найдешь, чтобы выразить. *(Послѣ нѣкотораго молчанья).* Однакожъ, что̀ ни говори, а какъ-то даже дѣлается страшно, какъ хорошенько подумаешь объ этомъ. На всю жизнь, на весь вѣкъ, какъ бы то ни было, связать себя и ужъ послѣ ни отговорки, ни раскаянья, ничего, ничего, — все кончено, все сдѣлано. Ужъ вотъ даже и теперь назадъ никакъ нельзя попятиться: чрезъ минуту и подъ вѣнецъ; уйти даже нельзя — тамъ ужъ и карета, и все стоитъ въ готовности. А будто въ самомъ дѣлѣ нельзя уйти? Какъ же, натурально нельзя: тамъ въ дверяхъ и вездѣ стоятъ люди; ну, спросятъ: зачѣмъ? Нельзя, нѣтъ! А вотъ окно открыто; что̀, если бы въ окно? Нѣтъ, нельзя; какъ же, и неприлично, да и высоко[3]. *(Подходитъ къ окну).* Ну, еще не такъ высоко, только одинъ фундаментъ, да и тотъ низенькой. Ну, нѣтъ, какъ же, со мной нѣтъ даже[4] картуза[5]. Какъ же безъ шляпы? неловко! А неужто однакоже нельзя безъ шляпы? А что̀, если бы попробовать — а? Попробовать, что ли? *(Становится на окно и, сказавши: „Господи, благослови!“ соскакиваетъ на улицу; за сценой кряхтитъ и охаетъ).* Охъ! однакожъ высоко! Эй, извощикъ!

Голосъ извощика. Подавать, что ли?

Голосъ Подколесина. На Канавку, возлѣ Семеновскаго мосту.

Голосъ извощика. Да гривенникъ, безъ лишняго.

Голосъ Подколесина. Давай! Пошелъ! *(Слышенъ стукъ отъѣзжающихъ дрожекъ).*

ЯВЛЕНІЕ XXII.

Агаѳья Тихоновна *(входитъ въ вѣнчальномъ платьѣ робко и потупивъ голову).*

И сама не знаю, что̀ со мною такое! Опять сдѣлалось стыдно, и я вся дрожу. Ахъ! если бы его хоть на минутку на эту пору не было въ комнатѣ, если бы онъ за чѣмъ-нибудь вы-

шелъ! *(Съ робостью оглядывается).* Да гдѣ жъ это онъ? Никого нѣтъ. Куда же онъ вышелъ? *(Отворяетъ дверь въ прихожую и говоритъ туда).* Ѳекла, куда ушелъ Иванъ Кузьмичъ?

Голосъ Ѳеклы. Да онъ тамъ.

Агаѳья Тихоновна. Да гдѣ же тамъ?

Ѳекла *(входя).* Да вѣдь онъ тутъ сидѣлъ въ комнатѣ.

Агаѳья Тихоновна. Да вѣдь нѣтъ его, ты видишь.

Ѳекла. Ну, да ужъ изъ комнаты онъ тоже не выходилъ,— я сидѣла въ прихожей [1].

Агаѳья Тихоновна. Да гдѣ же онъ?

Ѳекла. Я [2] ужъ не знаю, гдѣ; не вышелъ ли на другой выходъ, по черной лѣстницѣ [3], или не сидитъ ли въ комнатѣ Арины Пантелевны? [4]

Агаѳья Тихоновна. Тетушка! тетушка!

ЯВЛЕНІЕ XXIII.

Тѣ же и **Арина Пантелеймоновна** [5].

Арина Пантелеймоновна *(разодѣтая).* А что̀ такое?

Агаѳья Тихоновна. Иванъ Кузьмичъ у васъ?

Арина Пантелеймоновна. Нѣтъ, онъ тутъ долженъ быть: ко мнѣ не заходилъ.

Ѳекла. Ну, такъ и въ прихожей тоже не былъ, вѣдь я сидѣла.

Агаѳья Тихоновна. Ну, такъ и здѣсь же нѣтъ его, вы видите.

ЯВЛЕНІЕ XXIV.

Тѣ же и **Кочкаревъ.**

Кочкаревъ. А что̀ такое?

Агаѳья Тихоновна. Да Ивана Кузьмича нѣтъ.

Кочкаревъ. Какъ нѣтъ? ушелъ? [6]

Агаѳья Тихоновна. Нѣтъ, и не ушелъ даже [7].

Кочкаревъ. Какъ же? и [8] нѣтъ — и не ушелъ?

Ѳекла. Ужъ куда бы могъ онъ дѣваться, я и ума не приложу. Въ передней я все сидѣла и не сходила съ мѣста.

Арина Пантелеймоновна. Ну, ужъ по черной лѣстницѣ никакъ не могъ пройти [9].

Кочкаревъ. Какъ же, чортъ возьми? Вѣдь пропасть тоже, не выходя изъ комнаты, никакъ онъ не могъ. Развѣ не спрятался ли?.. Иванъ Кузьмичъ! гдѣ ты? Не дурачься, полно, выходи скорѣе! Ну, что̀ за шутки [1] такія? Въ церковь давно пора! *(Заглядываетъ за шкафъ, искоса запускаетъ даже глазъ подъ стулья).* Непонятно! Но нѣтъ, онъ не могъ уйти, никакимъ образомъ не могъ; онъ здѣсь, въ той комнатѣ и шляпа, я ее нарочно положилъ туда [2].

Арина Пантелеймоновна. Ужъ развѣ спросить дѣвчонку, она стояла все на улицѣ, не знаетъ ли она какъ-нибудь... Дуняшка! Дуняшка!.. [3]

ЯВЛЕНІЕ XXV.

Т ѣ же и **Дуняшка**[4].

Арина Пантелеймоновна. Гдѣ Иванъ Кузьмичъ, ты не видала?

Дуняшка. Да они-съ выпрыгнули въ окошко [5]. *(Агаѳья Тихоновна вскрикиваетъ, всплеснувши руками).*

Всѣ трое. Въ окошко?

Дуняшка. Да-съ, а потомъ какъ выскочили, взяли извощика и уѣхали.

Арина Пантелеймоновна. Да ты правду [6] говоришь?

Кочкаревъ. Врешь, не можетъ быть!

Дуняшка. Ей Богу, выскочили! Вотъ и купецъ въ мелочной лавочкѣ видѣлъ. Порядили за гривенникъ извощика и уѣхали.

Арина Пантелеймоновна *(подступая къ Кочкареву).* Что жъ вы, батюшка, въ издѣвку-то развѣ, что ли? [7] посмѣяться развѣ надъ нами задумали? на позоръ развѣ мы достались вамъ, что ли? Да я шестой десятокъ живу, а такого страму [8] еще не наживала. Да я за то, батюшка, вамъ плюну [9] въ лицо, коли вы честный человѣкъ. Да вы послѣ этого подлецъ, коли вы честный человѣкъ [10]. Осрамить передъ всѣмъ міромъ дѣвушку! я — мужичка, да не сдѣлаю этого, а еще и дворянинъ! Видно, только на пакости да на мошенничества у васъ хватаетъ дворянства! [11] *(Уходитъ въ сердцахъ и уводитъ невѣсту. Кочкаревъ стоитъ, какъ ошеломленный).*

Ѳекла. Что̀? А, вотъ онъ тотъ, что знаетъ повести [12] дѣло! безъ свахи умѣетъ заварить свадьбу! Да у меня пусть такіе

и эдакіе женихи, общипанные и всякіе, да ужъ такихъ, чтобы прыгали въ окна, такихъ нѣтъ, прошу простить.

Кочкаревъ. Это вздоръ, это не такъ; я побѣгу къ нему, я возвращу его! *(Уходитъ).*

Ѳекла. Да, поди ты, вороти! Дѣла-то свадебнаго[1] не знаешь, что ли? Еще если бы въ двери выбѣжалъ[2] — ино дѣло, а ужъ коли женихъ да шмыгнулъ въ окно — ужъ тутъ, просто, мое почтенье!

ДРАМАТИЧЕСКІЕ ОТРЫВКИ

и

ОТДѢЛЬНЫЯ СЦЕНЫ

(1832 по 1837 годъ).

ИГРОКИ.

Дѣла давно минувшихъ дней.

Комната въ городскомъ трактирѣ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Ихаревъ *входитъ въ сопровожденіи трактирнаго слуги* **Алексѣя** *и своего собственнаго,* **Гаврюшки**.

Алексѣй. Пожалуйте-съ, пожалуйте! Вотъ-съ покойчикъ! ужъ самый покойный[1], и шуму нѣтъ вовсе.

Ихаревъ. Шума нѣтъ, да, чай, коннаго войска вдоволь, скакуновъ?

Алексѣй. То есть, изволите говорить насчетъ[2] блохъ? ужъ будьте покойны. Если блоха или клопъ укуситъ, ужъ это наша отвѣтственность: ужъ на томъ стоимъ[3].

Ихаревъ *(Гаврюшкѣ)*. Ступай выносить изъ коляски. *(Гаврюшка уходитъ. Алексѣю)* Тебя какъ зовутъ?

Алексѣй. Алексѣй-съ.

Ихаревъ. Ну, послушай! *(значительно)* разсказывай: кто у васъ живетъ?

Алексѣй. Да живутъ теперь много. Всѣ номера почти заняты.

Ихаревъ. Кто жъ именно?

Алексѣй. Швохневъ Петръ Петровичъ, Кругель, полковникъ, Степанъ Ивановичъ Утѣшительный.

Ихаревъ. Играютъ?

Алексѣй. Да вотъ ужъ шесть ночей сряду играютъ.

Ихаревъ. Пара цѣлковиковъ! *(Суетъ ему въ руку)*.

Алексѣй *(кланяясь)*. Покорнѣйше благодарю.

Ихаревъ. Послѣ еще будетъ.

Алексѣй. Покорнѣйше-съ благодарю.

Ихаревъ. Между собой играютъ?

Алексѣй. Нѣтъ, недавно обыграли поручика Артуновскаго; у князя Шенькина выиграли тридцать шесть тысячъ.

Ихаревъ. Вотъ тебѣ еще красная бумажка! А если послужишь честно, еще получишь. Признайся, карты ты покупалъ?

Алексѣй. Нѣтъ-съ, они сами брали вмѣстѣ.

Ихаревъ. Да у кого?

Алексѣй. Да у здѣшняго купца Вахрамейкина[1].

Ихаревъ. Врешь, врешь, плутъ!

Алексѣй. Ей Богу!

Ихаревъ. Хорошо. Мы съ тобой потолкуемъ ужо. *(Гаврюшка вноситъ шкатулку).* Ставь ее здѣсь! Теперь ступайте, приготовьте мнѣ умыться и побриться[2]. *(Слуги уходятъ).*

ЯВЛЕНІЕ II.

Ихаревъ *(одинъ, отпираетъ шкатулку, всю наполненную карточными колодами).*

Каковъ видъ, а? Каждая дюжина золотая. Пóтомъ, трудомъ досталась всякая. Легко сказать, до сихъ поръ рябитъ въ глазахъ проклятый крапъ. Но вѣдь зато, вѣдь это тотъ же капиталъ. Дѣтямъ можно оставить въ наслѣдство! Вотъ она, заповѣдная колодушка[3] — просто перлъ! Зато жъ ей и имя дано, да: Аделаида Ивановна. Послужи-ка ты мнѣ, душенька, такъ, какъ послужила сестрица твоя: выиграй мнѣ также восемьдесятъ тысячъ, такъ я тебѣ, пріѣхавши въ деревню, мраморный памятникъ поставлю; въ Москвѣ закажу. *(Услыша шумъ, поспѣшно закрываетъ шкатулку).*

ЯВЛЕНІЕ III.

Алексѣй и Гаврюшка *(несутъ лаханку, рукомойникъ и полотенце).*

Ихаревъ. Что эти господа гдѣ теперь? дома?

Алексѣй. Да-съ, они теперь въ общей залѣ.

Ихаревъ. Пойду взглянуть на нихъ, что за народъ. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Алексѣй и Гаврюшка.

Алексѣй. Что, издалека ѣдете?

Гаврюшка. А изъ Рязани.

Алексѣй. А сами тамошней губерніи?

Гаврюшка. Нѣтъ, сами изъ смоленской.

Алексѣй. Такъ-съ. Такъ помѣстье-то, выходитъ, въ Смоленской губерніи?

Гаврюшка. Нѣтъ, не въ смоленской. Въ смоленской сто душъ, да въ калужской восемьдесятъ.

Алексѣй. Понимаю, въ двухъ, то есть, губерніяхъ.

Гаврюшка. Да, въ двухъ губерніяхъ. У насъ одной дворни: Игнатій буфетчикъ, Павлушка, который прежде съ бариномъ ѣздилъ, Герасимъ лакей, Иванъ тоже опять лакей, Иванъ псарь, Иванъ опять музыкантъ, потомъ поваръ Григорій, поваръ Семенъ, Варухъ садовникъ, Дементій кучеръ, вотъ какъ у насъ!

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, Кругель, Швохневъ *(осторожно входя).*

Кругель. Право, я боюсь, чтобъ онъ насъ не засталъ здѣсь.

Швохневъ. Ничего, Степанъ Ивановичъ его удержитъ. *(Алексѣю).* Ступай, братъ, тебя зовутъ! *(Алексѣй уходитъ. Швохневъ, подходя поспѣшно къ Гаврюшкѣ)*[1]. Откуда баринъ?

Гаврюшка. Да теперь изъ Рязани.

Швохневъ. Помѣщикъ?

Гаврюшка. Помѣщикъ.

Швохневъ. Играетъ?

Гаврюшка. Играетъ.

Швохневъ. Вотъ тебѣ красуля *(даютъ ему бумажку).* Разсказывай все!

Гаврюшка. Да вы не скажете барину?

Оба. Ни, ни, не бойся!

Швохневъ. Что, какъ онъ теперь, — въ выигрышѣ?[2] а?

Гаврюшка. Да вы полковника Чеботарева не знаете?

Швохневъ. Нѣтъ, а что?

Гаврюшка. Недѣли три тому назадъ мы его обыграли на восемьдесятъ тысячъ деньгами, да коляску варшавскую, да шкатулку, да коверъ, да золотые эполеты[1].... одной выжиги дали на 600 рублей.

Швохневъ *(взглянувъ на Кругеля значительно)*. А? восемьдесятъ тысячъ! *(Кругель покачалъ головою)*. Думаешь — не чисто?[2] Это мы сейчасъ узнаемъ. *(Гаврюшкѣ)*. Послушай[3]: когда баринъ остается дома одинъ, что дѣлаетъ?

Гаврюшка. Да какъ — что̀ дѣлаетъ? Извѣстно, что̀ дѣлаетъ. Онъ ужъ баринъ, такъ держитъ себя хорошо: онъ ничего не дѣлаетъ.

Швохневъ. Врешь, чай картъ изъ рукъ не выпускаетъ.

Гаврюшка. Не могу знать, я съ бариномъ всего двѣ недѣли[4]; съ нимъ[5] прежде все Павлушка ѣздилъ. У насъ тоже есть Герасимъ лакей, опять Иванъ лакей, Иванъ псарь, Иванъ музыкантъ[6], Дементій кучеръ[7], да намедни изъ деревни одного взяли.

Швохневъ *(Кругелю)*. Думаешь — шулеръ?

Кругель. И очень можетъ быть.

Швохневъ. А попробовать, все-таки попробуемъ. *(Оба убѣгаютъ)*.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Гаврюшка *(одинъ)*.

Проворные господа! А за бумажку спасибо. Будетъ Матренѣ на чепецъ, да пострѣльчонкамъ[8] тоже по прянику. Эхъ, люблю походную жисть[9]! Ужъ всегда что-нибудь пріобрѣтешь: баринъ пошлетъ купить чего нибудь — все ужъ съ рубля гривенничекъ[10] положишь себѣ въ карманъ. Какъ подумаешь, что̀ за житье господамъ на свѣтѣ! куда хошь, катай! Въ Смоленскѣ наскучило, поѣхалъ въ Рязань; не захотѣлъ въ Рязань — въ Казань; въ Казань не захотѣлъ, валяй подъ самый Ярославъ. Вотъ только до сихъ поръ не знаю, который изъ городовъ будетъ партикулярнѣй, Рязань или Казань? — Казань будетъ потому партикулярнѣй, что въ Казани....

ЯВЛЕНІЕ VII.

Ихаревъ, Гаврюшка, *потомъ* **Алексѣй.**

Ихаревъ. Въ нихъ нѣтъ ничего особеннаго, какъ мнѣ кажется. А впрочемъ... Эхъ, хотѣлось бы мнѣ ихъ обчистить! Господи Боже, какъ бы хотѣлось! Какъ подумаешь, право, сердце бьется. *(Беретъ щетку, мыло, садится передъ зеркаломъ и начинаетъ бриться).* Просто рука дрожитъ, никакъ не могу бриться. *(Входитъ Алексѣй).*

Алексѣй. Не прикажете ли чего покушать?

Ихаревъ. Какъ же, какъ же! Принеси закуску на четыре человѣка: икры, семги, бутылки четыре вина. Да накорми сейчасъ его *(указывая на Гаврюшку).*

Алексѣй *(Гаврюшкѣ).* Пожалуйте въ кухню, тамъ для васъ приготовлено[1]. *(Гаврюшка уходитъ).*

Ихаревъ *(продолжая бриться).* Послушай! много они тебѣ дали?

Алексѣй. Кто-съ?

Ихаревъ. Ну, да ужъ не изворачивайся, говори!

Алексѣй. Да-съ, за прислугу пожаловали.

Ихаревъ. Сколько? пятьдесятъ рублей?

Алексѣй. Да-съ, пятьдесятъ рублей дали.

Ихаревъ. А отъ меня не пятьдесятъ, а вонъ, видишь, на столѣ лежитъ сторублевая бумажка, возьми ее. Что боишься[2], не укуситъ. Отъ тебя не потребуется[3] больше ничего, какъ только честности, понимаешь? Карты пусть будутъ у Вахрамейкина[4] или у другого[5] купца, это не мое дѣло, а вотъ тебѣ въ придачу отъ меня дюжину. *(Даетъ ему запечатанную дюжину).* Понимаешь?

Алексѣй. Да ужъ какъ не понять? Извольте положиться, это ужъ наше дѣло.

Ихаревъ. Да карты спрячь хорошенько, чтобъ какъ-нибудь тебя[6] не ощупали, или не увидѣли. *(Кладетъ щетку и мыло и вытирается полотенцомъ. Алексѣй уходитъ).* Хорошо бы было и очень бы хорошо. А ужъ какъ, признаюсь, хочется поддѣть ихъ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Швохневъ, Кругель и Степанъ Ивановичъ Утѣшительный *(входятъ съ поклонами).*

Ихаревъ *(съ поклономъ къ нимъ на встрѣчу).* Прошу простить. Комната, какъ видите, не красна углами: четыре стула всего.

Утѣшительный. Привѣтливыя ласки хозяина дороже[1] всякихъ удобствъ[2].

Швохневъ. Не съ комнатой жить, а съ добрыми людьми.

Утѣшительный. Именно правда. Я бы не могъ быть безъ общества. *(Кругелю).* Помнишь, почтеннѣйшій, какъ я пріѣхалъ сюды:[3] одинъ одинешенекъ. Вообразите: знакомыхъ никого. Хозяйка — старуха. На лѣстницѣ какая-то поломойка, уродъ естественнѣйшій; вижу, увивается около нея[4] какой-то армейщина, видно, натощакъ[5]... Словомъ, скука смертная. Вдругъ судьба послала вотъ его, а потомъ случай свелъ съ нимъ... Ну, ужъ какъ я былъ радъ. Не могу, не могу часу пробыть[6] безъ дружескаго общества. Все, что̀ ни есть на душѣ, готовъ разсказать[7] каждому.

Кругель. Это, братъ, порокъ твой, а не добродѣтель. Излишество вредитъ. Ты, вѣрно, ужъ не разъ былъ обманутъ.

Утѣшительный. Да, обманывался, обманывался, и всегда буду обманываться. А все-таки не могу безъ откровенности.

Кругель. Ну, признаюсь, это для меня непонятно: быть откровенну со всякимъ. Дружба — это другое дѣло.

Утѣшительный. Такъ; но человѣкъ принадлежитъ обществу.

Кругель. Принадлежитъ, но не весь.

Утѣшительный. Нѣтъ, весь.

Кругель. Нѣтъ, не весь.

Утѣшительный. Нѣтъ, весь.

Кругель. Нѣтъ, не весь.

Утѣшительный. Нѣтъ, весь![8]

Швохневъ *(Утѣшительному).* Не спорь, братъ: ты неправъ.

Утѣшительный *(горячась).* Нѣтъ я докажу. Это обязанность... Это, это, это... это долгъ! это, это, это...

Швохневъ. Ну, заранортовался! Горячъ необыкновенно: еще первыя два слова можно понять изъ того, что̀ онъ говоритъ[9], а ужъ дальше ничего не поймешь.

Утѣшительный. Не могу, не могу! Если дѣло коснется обязанностей или долга, я ужъ ничего не помню. Я обыкновенно впередъ ужъ объявляю[1]: „господа, если будетъ о чемъ подобномъ толкъ, извините, увлекусь, право увлекусь". Точно хмель какой-то, а желчь такъ и кипитъ, такъ и кипитъ.

Ихаревъ *(про себя).* Ну нѣтъ, пріятель! Знаемъ мы тѣхъ людей, которые увлекаются и горячатся при словѣ „обязанность". У тебя, можетъ быть, и кипитъ желчь, да только не въ этомъ случаѣ. *(Вслухъ).* А что̀, господа, покамѣстъ споръ о священныхъ обязанностяхъ, не засѣсть ли намъ въ банчикъ?

(Въ продолженіе ихъ разговора приготовленъ на столѣ завтракъ).

Утѣшительный. Извольте; если не въ большую игру, почему нѣтъ?

Кругель. Отъ невинныхъ удовольствій я никогда не прочь.

Ихаревъ. А что̀, вѣдь въ здѣшнемъ трактирѣ, чай, есть карты?

Швохневъ. О, только прикажите!

Ихаревъ. Карты! *(Алексѣй хлопочетъ около карточнаго стола).* А между тѣмъ прошу, господа! *(Указывая рукой на закуску и подходя къ ней).* Балыкъ, кажется, не того, а икра еще такъ и сякъ.

Швохневъ *(посылая въ ротъ кусокъ).* Нѣтъ, и балыкъ того.

Кругель *(также).* И сыръ хорошъ. Икра тоже недурна.

Швохневъ *(Кругелю).* Помнишь, какой отличный сыръ ѣли мы недѣли двѣ тому назадъ?

Кругель. Нѣтъ, никогда въ жизни не позабуду я сыра, который ѣлъ я у Петра Александровича Александрова.

Утѣшительный. Да вѣдь[2] сыръ, почтеннѣйшій, когда хорошъ? Хорошъ онъ тогда, когда сверхъ одного обѣда наворотишь другой — вотъ гдѣ его настоящее значеніе. Онъ все равно, что добрый квартермистръ, говоритъ: „Добро пожаловать, господа, есть еще мѣсто".

Ихаревъ. Добро пожаловать, господа, карты на столѣ.

Утѣшительный *(подходя къ карточному столу).* А, вотъ оно старина, старина! Слышь, Швохневъ, карты, а? Сколько лѣтъ...

Ихаревъ *(въ сторону).* Да полно тебѣ корчить!...

Утѣшительный. Хотите вы держать банчикъ?

Ихаревъ. Небольшой, извольте, пятьсотъ рублей. Угодно снять? *(Мечетъ банкъ).*

Начинается игра. Раздаются восклицанія.

Швохневъ. Четверка, тузикъ[1].— оба по десяти[2].

Утѣшительный. Подай-ка, братъ, мнѣ[3] свою колоду: я выберу себѣ карту на счастье нашей губернской предводительши[4].

Кругель. Позвольте присовокупить девяточку.

Утѣшительный. Швохневъ, подай мѣлъ. Приписываю и списываю.

Швохневъ. Чортъ побери, пароле!

Утѣшительный. И пять рублей мазу!

Кругель. Атанде! позвольте посмотрѣть, кажется, еще двѣ тройки должны быть въ колодѣ.

Утѣшительный *(вскакиваетъ съ мѣста, про себя).* Чортъ побери, тутъ что-то не такъ. Карты другія, это очевидно.

(Игра продолжается).

Ихаревъ *(Кругелю).* Позвольте узнать: обѣ идутъ?

Кругель. Обѣ.

Ихаревъ. Не возвышаете?

Кругель. Нѣтъ.

Ихаревъ *(Швохневу).* А вы что жъ? не ставите?

Швохневъ. Позвольте мнѣ эту талію переждать. *(Встаетъ со стула, торопливо подходитъ къ Утѣшительному и говоритъ скоро).* Чортъ возьми, братъ! И передергиваетъ, и все, что̀ хочешь! Шулеръ[5] первой степени!

Утѣшительный *(въ волненіи).* Неужли, однакожъ, отказаться отъ восьмидесяти тысячъ?

Швохневъ. Конечно, нужно отказаться, когда нельзя взять.

Утѣшительный. Ну, это еще вопросъ, а пока съ нимъ объясниться![6]

Швохневъ. Какъ?

Утѣшительный. Открыться ему во всемъ.

Швохневъ. Для чего?

Утѣшительный. Послѣ скажу. Пойдемъ. *(Подходятъ оба къ Ихареву и ударяютъ его съ обѣихъ[7] сторонъ по плечу).*

Утѣшительный. Да полно вамъ тратить попусту заряды!

Ихаревъ *(вздрогнувъ).* Какъ?

Утѣшительный. Да что̀ тутъ толковать, свой своего развѣ не узналъ?

Ихаревъ *(учтиво)*. Позвольте узнать, въ какомъ смыслѣ я долженъ разумѣть?...

Утѣшительный. Да просто, безъ дальнѣйшихъ словъ и церемоній. Мы видѣли ваше искусство и, повѣрьте, умѣемъ отдавать справедливость достоинству. И потому, отъ лица нашихъ товарищей, предлагаю вамъ[1] дружескій союзъ. Соединя наши познанія и капиталы, мы можемъ дѣйствовать несравненно успѣшнѣй, чѣмъ порознь.

Ихаревъ. Въ какой степени я долженъ понимать справедливость словъ вашихъ?...

Утѣшительный. Да вотъ въ какой степени: за искренность мы платимъ искренностью. Мы признаемся тутъ же вамъ откровенно, что сговорились обыграть васъ, потому что приняли васъ за человѣка обыкновеннаго. Но теперь видимъ, что вамъ знакомы высшія тайны. Итакъ, хотите ли принять нашу дружбу?

Ихаревъ. Отъ такого радушнаго предложенія не могу отказаться.

Утѣшительный. Итакъ, подадимте же, всякій изъ насъ[2], другъ другу руки. *(Всѣ поперемѣнно пожимаютъ руку Ихареву).* Отнынѣ все общее; притворство и церемоніи въ сторону! Позвольте узнать, съ какихъ поръ начали изслѣдовать глубину познаній?

Ихаревъ. Признаюсь, это уже[3] съ самыхъ юныхъ лѣтъ было моимъ стремленіемъ. Еще въ школѣ, во время профессорскихъ лекцій, я уже[4] подъ скамьей держалъ банкъ моимъ товарищамъ.

Утѣшительный. Я такъ и полагалъ. Подобное искусство не можетъ быть пріобрѣтено безъ практики въ лѣта гибкаго юношества[5]. Помнишь, Швохневъ, этого необыкновеннаго ребенка?

Ихаревъ. Какого ребенка?

Утѣшительный. А вотъ разскажи![6]

Швохневъ[7]. Подобнаго событія я никогда не позабуду. Говоритъ мнѣ его зять *(указывая на Утѣшительнаго)*, Андрей Ивановичъ Пяткинъ: „Швохневъ, хочешь видѣть чудо? Мальчикъ одиннадцати лѣтъ, сынъ Ивана Михайловича[8] Кубышева, передергиваетъ съ такимъ искусствомъ, какъ ни одинъ изъ игроковъ. Поѣзжай въ тетюшевскій[9] уѣздъ и посмотри!“

Я, признаюсь, тотъ же часъ отправился въ тетюшевскій[1] уѣздъ. Спрашиваю деревню Ивана Михайловича Кубышева и пріѣзжаю прямо къ нему. Приказываю о себѣ доложить. Выходитъ человѣкъ почтенныхъ лѣтъ. Я рекомендуюсь, говорю: „Извините, я слышалъ[2], что Богъ наградилъ васъ необыкновеннымъ сыномъ".— „Да, признаюсь", говоритъ (и мнѣ понравилось то, что безъ всякихъ, понимаете, этихъ претензій и отговорокъ), „да", говоритъ, „точно, хотя отцу и неприлично хвалить собственнаго сына, но это дѣйствительно[3] въ нѣкоторомъ родѣ чудо. Миша!" говоритъ, „поди-ка сюда, покажи гостю искусство!" Ну, мальчикъ, просто, ребенокъ, мнѣ по плечо не будетъ, и въ глазахъ ничего нѣтъ особеннаго. Началъ онъ метать — я просто потерялся. Это превосходитъ всякое описанье.

Ихаревъ. Неужто ничего нельзя было примѣтить?

Швохневъ. Ни, ни, никакихъ слѣдовъ! Я смотрѣлъ въ оба глаза.

Ихаревъ. Это непостижимо!

Утѣшительный. Феноменъ, феноменъ!

Ихаревъ. И какъ я подумаю, что при этомъ еще нужны познанія, основанныя на остротѣ глазъ[4], внимательное изученье крапа...

Утѣшительный. Да вѣдь это очень облегчено теперь. Теперь накрапливанье и отмѣтины[5] вышли вовсе изъ употребленія; стараются изучить ключъ.

Ихаревъ. То есть, ключъ рисунка?

Утѣшительный. Да, ключъ рисунка обратной стороны. Есть въ одномъ городѣ, въ какомъ именно — я не хочу назвать[6], одинъ почтенный[7] человѣкъ, который больше ничѣмъ ужъ и[8] не занимается, какъ только этимъ. Ежегодно получаетъ онъ изъ Москвы нѣсколько сотенъ колодъ, отъ кого именно — это покрыто тайною. Вся обязанность его состоитъ въ томъ, чтобы разобрать крапъ всякой карты и послать отъ себя только ключъ. Смотри, молъ, у двойки вотъ какъ расположенъ рисунокъ! у такой-то вотъ какъ! За это одно онъ получаетъ чистыми деньгами пять тысячъ въ годъ.

Ихаревъ. Это, однакожъ, важная вещь.

Утѣшительный. Да оно, впрочемъ, такъ и быть должно. Это то[9], что̀ называется въ политической экономіи — распре-

дѣленіе работъ. Все равно — каретникъ: вѣдь онъ не весь же экипажъ дѣлаетъ самъ: онъ отдаетъ и кузнецу, и обойщику. А иначе не стало бы всей жизни человѣческой.

Ихаревъ. Позвольте вамъ сдѣлать одинъ вопросъ: какъ поступали вы доселѣ, чтобы пустить въ ходъ колоды? Подкупать слугъ вѣдь не всегда можно.

Утѣшительный. Сохрани Богъ! да и опасно. Это значитъ иногда самого себя продать. Мы дѣлаемъ это иначе. Одинъ разъ мы поступили вотъ какъ. Пріѣзжаетъ на ярмарку[1] нашъ агентъ, останавливается[2] подъ именемъ купца въ городскомъ трактирѣ; лавки еще не успѣлъ нанять; сундуки и вьюки пока въ комнатѣ. Живетъ онъ въ трактирѣ, издерживается, ѣстъ, пьетъ и вдругъ пропадаетъ, неизвѣстно куда, не заплативши. Хозяинъ шаритъ въ комнатѣ; видитъ, остался одинъ вьюкъ; распаковываетъ[3] — сто дюжинъ картъ. Карты, натурально, сей же часъ проданы съ публичнаго торга; пустили рублемъ[4] дешевле, купцы въ мигъ расхватали въ свои лавки; а въ четыре дни[5] проигрался весь городъ.

Ихаревъ. Это очень ловко.

Швохневъ. Ну, а у того у помѣщика?

Ихаревъ. Что̀ у помѣщика?

Утѣшительный. А это дѣло тоже было поведено не дурно[6]. Не знаю, знаете ли вы, есть помѣщикъ Аркадій Андреевичъ Дергуновъ, богатѣйшій человѣкъ. Игру ведетъ отличную, честности безпримѣрной, къ поползновенью, понимаете, никакихъ путей: за всѣмъ смотритъ самъ, люди у него воспитаны — камергеры, домъ — дворецъ, деревня, сады[7], — все это по аглицкому образцу; словомъ, русскій баринъ въ полномъ смыслѣ слова. Мы живемъ ужъ тамъ[8] три дня. Какъ приступить къ дѣлу? — просто, нѣтъ возможности. Наконецъ придумали. Въ одно утро пролетаетъ мимо самаго двора тройка. На телѣгѣ сидятъ молодцы. Все это пьяно, какъ нельзя больше, оретъ пѣсни и дуетъ во весь опоръ. На такое зрѣлище[9], какъ водится, выбѣжала[10] вся дворня. Ротозѣютъ, смѣются и замѣчаютъ, что изъ телѣги что-то выпало; подбѣгаютъ, видятъ чемоданъ. Машутъ, кричатъ: „остановись!“ куды! никто не слышитъ, умчались, только пыль осталась по всей дорогѣ. — Развязали чемоданъ, видятъ: бѣлье, коекакое платье, двѣсти рублей денегъ и дюжинъ сорокъ картъ.

Ну, натурально, отъ денегъ не захотѣли отказаться [1], карты пошли на барскіе столы, и на другой же день, ввечеру, всѣ, и хозяинъ и гости, остались безъ копѣйки въ карманѣ, и кончился [2] банкъ.

Ихаревъ. Очень [3] остроумно! Вѣдь вотъ называютъ это плутовствомъ и разными подобными именами, а вѣдь это тонкость ума, развитіе.

Утѣшительный. Эти люди не понимаютъ игры. Въ игрѣ нѣтъ лицепріятія. Игра не смотритъ ни на что. Пусть отецъ сядетъ со мною въ карты — я обыграю отца: не садись! Здѣсь всѣ равны.

Ихаревъ. Именно, этого [4] не понимаютъ, что игрокъ можетъ быть [5] добродѣтельнѣйшій человѣкъ. Я знаю одного, который наклоненъ къ передержкамъ и къ чему хотите [6], но [7] нищему онъ отдастъ послѣднюю копѣйку. А между тѣмъ ни за что не откажется соединиться втроемъ противъ одного обыграть навѣрняка. Но, господа, такъ какъ пошло на откровенность, я вамъ покажу удивительную вещь. Знаете ли вы то, что называютъ сводная или подобранная колода, въ которой всякая карта можетъ быть угадана мною на значительномъ разстояніи?

Утѣшительный. Знаю, но, можетъ быть, другаго рода [8].

Ихаревъ. Могу вамъ похвастаться, что подобной нигдѣ не сыщете. Почти полгода трудовъ. Я двѣ недѣли послѣ того не могъ на солнечный свѣтъ смотрѣть. Докторъ опасался воспаленья въ глазахъ. *(Вынимаетъ изъ шкатулки)*. Вотъ она! За то ужъ, не прогнѣвайтесь, она у меня носитъ имя, какъ человѣкъ.

Утѣшительный. Какъ, имя?

Ихаревъ. Да, имя: Аделаида Ивановна.

Утѣшительный *(усмѣхаясь)*. Слышь, Швохневъ, вѣдь это совершенно новая идея — назвать колоду картъ Аделаидой Ивановной. Я нахожу даже, это очень остроумно [9].

Швохневъ. Прекрасно: Аделаида Ивановна! очень хорошо!

Утѣшительный. Аделаида Ивановна! Нѣмка даже! Слышь, Кругель, это тебѣ жена.

Кругель. Что я за нѣмецъ? Дѣдъ былъ нѣмецъ, да и тотъ не зналъ по-нѣмецки.

Утѣшительный *(разсматривая колоду)*. Это, точно, сокро-

вище. Да, никакихъ совершенно признаковъ. Неужели, однакожъ, всякая карта можетъ быть вами угадана на какомъ угодно разстояніи?

Ихаревъ. Извольте, я стану отъ васъ въ пяти шагахъ и отсюда назову всякую карту. Двумя тысячами готовъ асикурировать, если ошибусь.

Утѣшительный. Ну, это какая карта?

Ихаревъ. Семерка.

Утѣшительный. Такъ точно. Эта?

Ихаревъ. Валетъ.

Утѣшительный. Чортъ возьми, да! Ну, эта?

Ихаревъ. Тройка.

Утѣшительный. Непостижимо!

Кругель *(пожимая плечами)*. Непостижимо!

Швохневъ. Непостижимо!

Утѣшительный. Позвольте еще разъ разсмотрѣть[1]. *(Разсматривая колоду)*. Удивительная вещь! стóитъ того, чтобы назвать ее именемъ. Но, позвольте замѣтить, употребить ее въ дѣло трудно; развѣ съ слишкомъ неопытнымъ игрокомъ[2]: вѣдь это нужно[3] подмѣнить самому.

Ихаревъ. Да вѣдь это во время самой жаркой игры только дѣлается[4], когда игра возвысится до того, что и самый опытный игрокъ дѣлается неспокойнымъ; а потеряйся только немного человѣкъ, съ нимъ можно все сдѣлать. Вы знаете, что съ лучшими игроками случается то, что называютъ — заиграться. Какъ поиграетъ два дни и двѣ ночи сряду, не поспавши[5], — ну, и заиграется. Въ азартной игрѣ я всегда подмѣню колоду. Повѣрьте, вся штука въ томъ, чтобы быть хладнокровну[6] тогда, когда другой горячится. А средствъ отвлечь вниманье другихъ — есть тысяча. Придеритесь тутъ же къ кому-нибудь изъ понтеровъ, скажите, что у него не такъ записано: глаза всѣхъ обратятся на него, а въ это время колода уже и подмѣнена.

Утѣшительный. Но, однакоже, я вижу, что, кромѣ искусства, вы владѣете еще достоинствомъ хладнокровія — это важная вещь. Пріобрѣтеніе вашего знакомства теперь стало для насъ еще значительнѣй. Будемъ безъ церемоніи, оставимъ лишніе этикеты и станемъ говорить другъ другу „ты“.

Ихаревъ. Этакъ бы давно слѣдовало.

Утѣшительный. Человѣкъ, шампанскаго! Въ память дружескаго союза!

Ихаревъ. Именно, это стоитъ того, чтобы запить[1].

Швохневъ. Да вѣдь вотъ, мы собрались для подвиговъ, орудія всѣ у насъ въ рукахъ, силы есть, одного недостаетъ только...

Ихаревъ. Именно, именно, крѣпости недостаетъ только, на которую бы итти, вотъ бѣда!

Утѣшительный. Что жъ[2] дѣлать? непріятеля пока нѣтъ. *(Смотря пристально на Швохнева).* Что? у тебя какъ будто лицо такое, которое хочетъ сказать, что есть непріятель.

Швохневъ. Есть, да... *(останавливается)*[3].

Утѣшительный. Знаю я, на кого ты мѣтишь.

Ихаревъ *(съ живостью).* А на кого, на кого? кто это?

Утѣшительный. Э, вздоръ, вздоръ! Онъ выдумалъ пустяки. Вотъ видите ли, есть здѣсь одинъ пріѣзжій помѣщикъ, Михалъ[4] Александровичъ Гловъ. Ну, да что объ этомъ толковать, когда онъ не играетъ вовсе?[5] Мы ужъ возились около него... Я мѣсяцъ за нимъ ухаживалъ: и въ дружбу, и въ довѣренность вошелъ, а все ничего не сдѣлалъ.

Ихаревъ. Ну, да послушай, нельзя ли какъ-нибудь увидѣться съ нимъ? Можетъ быть, почему знать...

Утѣшительный. Ну, я тебѣ впередъ говорю, что это будетъ вовсе напрасный трудъ.

Ихаревъ. Ну, да попробуемъ, попробуемъ еще разъ[6].

Швохневъ. Ну, да приведи его по крайней мѣрѣ! Ну, не успѣемъ, поговоримъ просто. Почему не попробовать?

Утѣшительный. Да пожалуй, мнѣ ничего это не значитъ, я приведу его.

Ихаревъ. Приведи его теперь же, пожалуйста!

Утѣшительный. Изволь, изволь! *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же, кромѣ **Утѣшительнаго.**

Ихаревъ. Вѣдь, точно, почему знать? Иногда дѣло кажется совсѣмъ невозможное....

Швохневъ. Я самъ того же мнѣнія. Вѣдь не съ Богомъ[7]

здѣсь имѣешь[1] дѣло, а съ человѣкомъ; а человѣкъ—все-таки человѣкъ. Сегодня нѣтъ, завтра нѣтъ, послѣзавтра нѣтъ, а на четвертый день[2], какъ насядешь на него хорошенько, скажетъ: „да". Иной вѣдь съ виду корчитъ, что онъ недоступный[3], а разгляди его поближе, увидишь: просто, даромъ тревогу подымалъ[4].

Кругель. Ну, однакожъ этотъ не таковъ.

Ихаревъ. Эхъ, если бы!... Повѣрить нельзя, какъ возродилась во мнѣ теперь жажда къ дѣятельности. Нужно[5] вамъ знать, что послѣднiй мой выигрышъ[6] восемьдесятъ тысячъ у полковника Чеботарева былъ сдѣланъ въ прошедшемъ мѣсяцѣ. Съ тѣхъ поръ я не имѣлъ практики въ продолженiе[7] цѣлаго мѣсяца. Представить не можете, какую испыталъ я скуку во все это время. Скука, скука смертная!

Швохневъ. Я понимаю это положенiе. Это все равно, что полководецъ: что̀ онъ долженъ чувствовать, когда нѣтъ войны? Это, любезнѣйшiй, просто фатальный антрактъ. Я знаю по себѣ, съ этимъ нечего шутить.

Ихаревъ. Повѣришь ли, приходитъ такъ, что если бы кто сдѣлалъ пять рублей банку — я готовъ сѣсть и играть.

Швохневъ. Естественная вещь. Этакъ проигрывались иногда искуснѣйшiе игроки: стоскуется, работы нѣтъ, и наскочитъ съ горя на одного изъ тѣхъ, которыхъ называютъ голь и перетыка, — ну, и проиграется ни за что!

Ихаревъ. А богатъ этотъ Гловъ?

Кругель. О, деньги есть! Кажется, около тысячи душъ крестьянъ.

Ихаревъ. Эхъ, чортъ возьми, подпоить развѣ его, шампанскаго велѣть подать?

Швохневъ. Въ ротъ не беретъ.

Ихаревъ. Что жъ съ нимъ дѣлать? Какъ подъѣхать? Но нѣтъ, однакожъ, все я думаю.... вѣдь игра соблазнительная вещь. Мнѣ кажется, если бы онъ подсѣлъ только къ играющимъ, онъ бы не утерпѣлъ потомъ.

Швохневъ. Да вотъ мы попробуемъ. Мы вотъ здѣсь въ сторонѣ съ Кругелемъ сдѣлаемъ самую маленькую игру. Но не нужно къ нему оказывать большаго вниманiя[8]: старики подозрительны. *(Садятся въ сторонѣ съ картами).*

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же, **Утѣшительный** и **Михайло Александровичъ Гловъ** *(человѣкъ почтенныхъ лѣтъ).*

Утѣшительный. Вотъ тебѣ, Ихаревъ, рекомендую: Михалъ[1] Александровичъ Гловъ!

Ихаревъ. Я, признаюсь, давно искалъ этой чести. Живя въ одномъ трактирѣ....

Гловъ. Мнѣ тоже очень пріятно познакомиться[2]. Жаль только, что это случилось почти на выѣздѣ....

Ихаревъ *(подавая ему стулъ).* Прошу покорнѣйше!... Давно изволите жить въ этомъ городѣ?

(Утѣшительный, Швохневъ и Кругель перешептываются между собою).

Гловъ. Ахъ, батюшка, ужъ онъ мнѣ такъ надоѣлъ, этотъ городъ. И тѣломъ и душой радъ бы отсюда поскорѣй вырваться[3].

Ихаревъ. Что жъ, удерживаютъ дѣла?...

Гловъ. Дѣла, дѣла. Такая коммиссія мнѣ эти дѣла!

Ихаревъ. Вѣроятно, тяжба?

Гловъ. Нѣтъ, слава Богу, тяжбы нѣтъ, но тѣмъ не менѣе затруднительныя обстоятельства. Выдаю замужъ дочь, батюшка, осьмнадцатилѣтнюю дѣвицу. Понимаете ли вы отцовское положеніе? Пріѣхалъ за разными покупками, а главное заложить имѣніе. Дѣло бы уже все кончено, да Приказъ денегъ до сихъ поръ не выдаетъ. Даромъ совершенно живу.

Ихаревъ. А позвольте узнать, въ какую сумму изволили заложить имѣніе?

Гловъ. Въ двухъ стахъ тысячахъ[4]. На дняхъ бы должны выдать, да вотъ затянулось. А мнѣ ужъ такъ опротивѣло здѣсь жить! Дома-то, знаете, все это оставилъ на самое короткое время. Дочь — невѣста. Все это ждетъ... Я ужъ рѣшился не дожидаться и бросить все.

Ихаревъ. Какъ же, и денегъ не хотите дождаться?

Гловъ. Что жъ дѣлать, батюшка? Вы разсмотрите и мое положеніе: вѣдь вотъ ужъ мѣсяцъ, какъ не видался съ женой и дѣтьми; писемъ даже не получаю; Богъ вѣсть, что̀ тамъ дѣлается. Я ужъ все дѣло поручаю сыну, который здѣсь

остается. Надоѣло возиться. *(Обращаясь къ Швохневу и Кругелю)*... А что жъ вы, господа? Я, кажется, вамъ помѣшалъ: вы чѣмъ-то занимались?

Кругель. Вздоръ. Это такъ. Отъ нечего дѣлать вздумали поиграть.

Award. Кажется, что-то похоже[1] на банчикъ!

Швохневъ. Какое! для препровожденья времени, грошовой банчикъ.

Award. Эхъ, господа, послушайте старика. Вы — молодые люди. Конечно, тутъ ничего нѣтъ худаго[2], больше для развлеченья, да и въ грошовую игру нельзя много проиграть, все это такъ; но все... эхъ, господа, я самъ игралъ и знаю по опыту. Все[3] на свѣтѣ начинается[4] грошовымъ дѣломъ, а смотришь, маленькая игра какъ-разъ кончилась большой.

Швохневъ *(Ихареву)*. Ну, пошелъ ужъ старикашка плесть свое. *(Глову)* Ну, вотъ видите, вы ужъ тотчасъ припишете важное слѣдствіе всякому вздору, — это всегда ужъ[5] обыкновенная замашка всѣхъ пожилыхъ людей.

Award. Да что̀ жъ, вѣдь я еще не такъ пожилой человѣкъ. Я сужу по опыту.

Швохневъ. Я не объ васъ буду говорить; но вообще у стариковъ есть это: напримѣръ, если они на чемъ-нибудь обожглись, они твердо увѣрены, что и[6] другой непремѣнно обожжется на томъ же. Если они пошли какой-нибудь дорогою, да, зазѣвавшись, шлепнулись[7] о гололедь — они ужъ кричатъ и выдаютъ правило, что по такой-то дорогѣ никому нельзя ходить, потому что на ней есть въ одномъ мѣстѣ гололедь и всякій непремѣнно на ней шлепнется лбомъ, никакъ не принимая въ уваженье[8] того, что другой, можетъ быть, не зазѣвается, и сапоги у него не на скользкой подошвѣ. Нѣтъ, у нихъ для этого нѣтъ соображенья. Собака укусила человѣка на улицѣ — всѣ кусаются собаки, и потому никому нельзя выходить на улицу.

Award. Такъ, батюшка; оно точно; съ одной стороны есть тотъ грѣхъ. Да вѣдь за то жъ и молодые! Вѣдь ужъ слишкомъ много рыси: того и смотри, что сломитъ шею!

Швохневъ. Вотъ то̀-то и есть, что у насъ нѣтъ середины. Молодымъ бѣсится[9], такъ что невтерпежъ другимъ, а подъ старость прикинется[10] ханжой, такъ что невтерпежъ другимъ.

Гловъ. Такого-то вы обиднаго мнѣнія насчетъ стариковъ?

Швохневъ. Да нѣтъ. что за обидное мнѣніе? это правда, больше ничего.

Ихаревъ. Позвольте[1] мнѣ замѣтить: твое мнѣніе рѣзко...

Утѣшительный. Насчетъ картъ я совершенно согласенъ съ Михалъ[2] Александровичемъ. Я самъ игралъ, игралъ сильно; но, благодарю судьбу, бросилъ навсегда, — не потому, чтобы проигрался, или былъ вооруженъ противъ судьбы; повѣрьте мнѣ, это еще ничего: проигрышъ[3] не такъ важенъ, какъ важно[4] душевное спокойствіе. Одно это волненіе, чувствуемое во время игры. кто что̀ ни говори, а это сокращаетъ видимо нашу жизнь.

Гловъ. Такъ, батюшка[5], ей Богу! Какъ вы премудро замѣтили! Позвольте сдѣлать вамъ нескромный вопросъ: сколько времени имѣю честь пользоваться вашимъ знакомствомъ, а вотъ до сихъ поръ...

Утѣшительный. Какой вопросъ?

Гловъ. Позвольте узнать, хоть струна и щекотливая, который вамъ годъ?

Утѣшительный. Тридцать девять лѣтъ.

Гловъ. Представьте! Что̀ жъ такое тридцать девять лѣтъ? Еще молодой человѣкъ. Ну что̀, если бы у насъ въ Россіи было побольше такихъ, которые бы такъ мудро разсуждали? Господи ты Боже мой, что̀ бы это было! просто, золотой вѣкъ-съ, та же астрея. Ужъ какъ, ей Богу, благодаренъ судьбѣ я за то, что познакомился съ вами.

Ихаревъ. Повѣрьте мнѣ, я тоже раздѣляю это мнѣніе. Мальчишкамъ я бы не позволилъ и въ руки взять картъ. Но благоразумнымъ людямъ почему не поразвлечься, не позабавиться?[6] Напримѣръ, почтенному старику, которому нельзя уже ни плясать, ни танцовать?

Гловъ. Такъ, все такъ; но, повѣрьте, въ жизни нашей есть столько удовольствій. столько обязанностей, такъ сказать, священныхъ. Эхъ, господа, послушайте старика! Нѣтъ для человѣка лучшаго назначенія, какъ семейная жизнь, въ домашнемъ кругу. Все это, что̀ васъ окружаетъ, вѣдь это все волненіе, ей Богу-съ[7], волненіе; а прямаго-то блага вы не вкусили еще. Вѣдь вотъ я, повѣрите ли, минуты не дождусь, чтобы увидать своихъ, ей Богу! Какъ воображу: дочь кинется

на шею: „папашъ ты мой, милый папашъ!“ сынъ опять пріѣхалъ изъ гимназіи... полгода не видалъ... Просто, словъ недостаетъ; ей Богу, такъ. Да послѣ этого на карты смотрѣть не захочешь.

Ихаревъ. Но зачѣмъ же отеческія чувства мѣшать съ картами? Отеческія чувства сами по себѣ, а карты тоже...

Алексѣй *(входя, говоритъ Глову)*. Вашъ человѣкъ спрашиваетъ насчетъ чемодановъ: прикажете[1] выносить? Лошади ужъ готовы.

Гловъ. А вотъ я сейчасъ! Извините, господа, на одну минуточку васъ оставлю. *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Швохневъ, Ихаревъ, Кругель, Утѣшительный.

Ихаревъ. Ну, нѣтъ никакой надежды!

Утѣшительный. Я говорилъ это прежде. Не понимаю, какъ вы не можете видѣть[2] человѣка. Вѣдь стоитъ только взглянуть, чтобы узнать, кто не расположенъ играть[3].

Ихаревъ. Ну, да все бы таки насѣсть на него хорошенько. Ну, зачѣмъ ты самъ его поддерживалъ?

Утѣшительный. Да иначе, братецъ, нельзя. Съ этими людьми нужно тонко поступать, не то какъ разъ догадается, что его хотятъ обыграть.

Ихаревъ. Ну, да вѣдь что жъ вышло изъ того? Вѣдь вотъ уѣдетъ — все равно.

Утѣшительный. Ну, да постой, еще не все дѣло кончено.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣ же и **Гловъ**.

Гловъ. Покорнѣйше благодарю васъ, господа, за пріятное знакомство. Жаль только, право, что вотъ передъ самымъ[4] концомъ. А впрочемъ авось приведетъ Богъ опять гдѣ-нибудь столкнуться.

Швохневъ. О, вѣроятно. Дороги битыя, а люди толкутся, какъ не столкнуться?[5] Захоти только судьба.

Гловъ. Ей Богу, такъ, совершенная правда! Судьба захочетъ, такъ завтра же увидимся — совершенная правда. Прощайте, господа! Истинно благодарю! А ужъ вамъ, Степанъ Ивановичъ, такъ обязанъ: право, вы усладили мое уединеніе.

Утѣшительный. Помилуйте, не за что. Чѣмъ могъ служить, служилъ.

Гловъ. Ну, ужъ если вы такъ добры, такъ сдѣлайте еще одну милость! Можно ли васъ просить?

Утѣшительный. Какую? скажите! Все, что угодно, готовъ.

Гловъ. Успокойте старика-отца!

Утѣшительный. Какъ?

Гловъ. Я оставляю здѣсь своего Сашу. Прекрасный малой, добрая душа. Но все еще ненадеженъ: двадцать два года,— ну, что это за лѣта?[2] Почти ребенокъ... Кончилъ учебный курсъ и ужъ больше ни о чемъ и слышать не хочетъ, какъ объ гусарахъ. Я говорю ему: „Рано, Саша, погоди, осмотрись прежде![1] Что тебѣ въ гусары? почему знать, можетъ быть, у тебя штатскія наклонности. Ты еще не видѣлъ почти свѣта; время не уйдетъ отъ тебя!...“ Ну, сами знаете, молодая натура. Ему ужъ тамъ въ гусарахъ все это блеститъ, шитье, богатый мундиръ. Что жъ прикажете? Склонностей вѣдь удержать никакъ нельзя... Такъ будьте такъ великодушны, батюшка Степанъ Ивановичъ! Онъ остается теперь одинъ; я возложилъ на него кое-какія дѣлишки. Молодой человѣкъ, все можетъ случиться: чтобы приказные какъ-нибудь его не обманули... мало ли чего... такъ возьмите его подъ свое покровительство, надзирайте надъ его поступками, отвлеките его отъ дурнаго. Будьте такъ добры, батюшка! *(Беретъ его за обѣ руки)*.

Утѣшительный. Извольте, извольте. Все, что можетъ сдѣлать отецъ для своего сына, все это я сдѣлаю для него.

Гловъ. Ахъ, батюшка! *(Обнимаются и цѣлуются)*. Вѣдь какъ видно, когда у человѣка-то доброе сердце, ей Богу! Богъ васъ наградитъ за это! Прощайте, господа, отъ души желаю вамъ счастливо оставаться.

Ихаревъ. Прощайте, доброй дороги!

Швохневъ. Счастливо найти всѣхъ домашнихъ!

Гловъ. Благодарю васъ, господа!

Утѣшительный. А я васъ таки провожу къ самой коляскѣ[1] и посажу!

Гловъ. Ахъ, батюшка, какъ вы добры! *(Оба уходятъ)*[2].

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Швохневъ, Кругель, Ихаревъ.

Ихаревъ. Улетѣла птица!

Швохневъ. Да, а было бы чѣмъ поживиться.

Ихаревъ. Признаюсь, какъ онъ сказалъ[3]: двѣсти тысячъ — у меня вздрогнуло въ самомъ сердцѣ.

Кругель. О такой суммѣ и подумать даже сладко.

Ихаревъ. Вѣдь какъ подумаешь, сколько денегъ пропадаетъ даромъ, безъ всякой совершенно пользы! Ну, что̀ изъ того, что у него будетъ двѣсти тысячъ? Вѣдь это все такъ пойдетъ, на покупку какихъ-нибудь тряпокъ, ветошекъ.

Швохневъ. И все это дрянь, гниль.

Ихаревъ. А вѣдь сколько даже такъ пропадаетъ на свѣтѣ, не обращаясь! Сколько есть мертвыхъ капиталовъ, которые именно, какъ мертвецы, лежатъ въ ломбардахъ! Право, даже жалость. Я бы больше не хотѣлъ имѣть у себя денегъ, какъ столько, сколько лежитъ въ Опекунскомъ Совѣтѣ.

Швохневъ. Я помирюсь и на половинѣ.

Кругель. Я доволенъ буду и четвертью.

Швохневъ. Ну, не ври, нѣмецъ: захочешь больше.

Кругель. Какъ честной человѣкъ...

Швохневъ. Надуешь.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣ же и **Утѣшительный** *(входитъ поспѣшно и съ радостнымъ видомъ)*.

Утѣшительный. Ничего, ничего, господа! Уѣхалъ, чортъ его побери, тѣмъ лучше! Остался сынъ. Отецъ передалъ ему и довѣренность и всѣ права на полученіе изъ Приказа денегъ и поручилъ надсматривать за всѣмъ мнѣ. Сынъ молодецъ: такъ и рвется въ гусары. Будетъ жатва! Я пойду и сей же часъ[3] приведу его къ вамъ. *(Убѣгаетъ)*.

ЯВЛЕНІЕ XV.

Швохневъ, Кругель, Ихаревъ.

Ихаревъ. Ай да Утѣшительный!

Швохневъ. Браво! дѣло возъимѣло[1] славный оборотъ! *(Всѣ потираютъ въ радости[2] руки).*

Ихаревъ. Молодецъ Утѣшительный! Теперь я понялъ, зачѣмъ онъ подбирался къ отцу и потакалъ ему. И какъ все это ловко[3], какъ тонко!

Швохневъ. О, у него на это талантъ необыкновенный!

Кругель. Способности невѣроятныя!

Ихаревъ. Признаюсь, когда отецъ сказалъ, что оставляетъ здѣсь сына, у меня у самого промелькнула въ головѣ мысль, да вѣдь только на мигъ, а ужъ онъ тотчасъ... Смѣтливость какая![4]

Швохневъ. О, ты еще не знаешь его хорошенько.

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Тѣ же, **Утѣшительный** и **Гловъ Александръ Михайловичъ**[5] *(молодой человѣкъ).*

Утѣшительный. Господа! рекомендую: Александръ Михалычъ[6] Гловъ, отличный товарищъ! Прошу полюбить, какъ меня.

Швохневъ. Очень радъ.... *(Пожимаетъ ему руку).*

Ихаревъ. Знакомство ваше намъ...

Кругель. Позвольте васъ прямо въ наши объятья.

Гловъ. Господа! я...

Утѣшительный. Безъ церемоніи, безъ церемоніи. Равенство первая вещь, господа! Гловъ, здѣсь, видишь, — всѣ товарищи, и потому[7] къ чорту всѣ этикеты! Съѣдемъ[8] прямо на „ты!"[9]

Швохневъ. Именно на „ты!"

Гловъ. На „ты!" *(Подаетъ имъ всѣмъ руку).*

Утѣшительный. Такъ! браво! Человѣкъ, шампанскаго! Замѣчаете, господа, какъ у него даже теперь уже видно что-то гусарское? Нѣтъ, твой отецъ, не говоря дурнаго слова, большая скотина, извини, — вѣдь мы на ты, — ну, какъ этого молодца вздумалъ было въ чернильную службу? Ну, что̀, братъ, скоро свадьба сестры твоей?

Гловъ. Чортъ ее побери[1] съ ея свадьбой! Мнѣ досадно, что изъ-за нея отецъ меня продержалъ три мѣсяца въ деревнѣ.

Утѣшительный. Ну, послушай, а хороша сестра твоя?[2]

Гловъ. А такъ хороша... будь она не сестра, ну, ужъ я бы ей не спустилъ.

Утѣшительный. Браво, браво, гусаръ! Сейчасъ видно гусара! Ну, послушай, а помогъ бы ты мнѣ, если бы я захотѣлъ ее увезти?

Гловъ. Почему жъ? помогъ бы.

Утѣшительный. Браво, гусаръ! Вотъ оно, что̀ называется настоящій гусаръ, чортъ побери! Человѣкъ, шампанскаго! Вотъ это мой рѣшительно вкусъ: этакихъ открытыхъ людей я люблю. Постой, душа, дай обниму тебя!

Швохневъ. Дай же и мнѣ обнять его. *(Обнимаетъ его).*

Ихаревъ. Пусть же и я обниму его. *(Обнимаетъ).*

Кругель. Ну, такъ и я жъ обниму[3] его, если такъ. *(Обнимаетъ).*

(Алексѣй несетъ бутылку, придерживая пальцемъ пробку, которая хлопаетъ и летитъ въ потолокъ; наливаетъ бокалы).

Утѣшительный. Господа, за здравіе будущаго гусарскаго юнкера! Пусть онъ будетъ первый рубака, первый волокита, первый пьяница, первый... словомъ, пусть его будетъ, что̀ хочетъ!

Всѣ. Пусть его будетъ, что̀ хочетъ! *(Пьютъ).*

Гловъ. За здравіе всего гусарства! *(Подымая бокалъ).*

Всѣ. За здравіе всего гусарства! *(Пьютъ).*

Утѣшительный. Господа! нужно[4] его теперь же посвятить во всѣ гусарскіе обычаи. Пьетъ онъ, какъ видно, уже сносно; но вѣдь это вздоръ: нужно[5], чтобы онъ былъ картежникъ во всей силѣ! Играешь въ банкъ?

Гловъ. Игралъ бы, смерть бы хотѣлось, да денегъ нѣтъ.

Утѣшительный. Экой вздоръ: нѣтъ денегъ! Было бы только съ чѣмъ сѣсть, а тамъ деньги будутъ, сейчасъ выиграешь.

Гловъ. Да вѣдь и сѣсть-то не съ чѣмъ.

Утѣшительный. Да мы тебѣ повѣримъ въ долгъ. Вѣдь у тебя есть довѣренность на полученіе денегъ изъ Приказа. Мы подождемъ; а какъ тебѣ выдадутъ, ты намъ тотчасъ и заплатишь; а до того времени ты можешь намъ дать вексель.

Да, впрочемъ, что̀ я говорю? Какъ будто ты ужъ непремѣнно проиграешь! Ты можешь тутъ же выиграть нѣсколько тысячъ чистоганомъ.

Гловъ. А какъ проиграю?

Утѣшительный. Стыдись! что жъ ты за гусаръ послѣ этого? Натурально, одно изъ двухъ: либо выиграешь, либо проиграешь. Да въ этомъ-то и дѣло, въ рискѣ-то и есть главная добродѣтель. А не рискнуть, пожалуй, всякій можетъ; навѣрняка и приказная строка отважится, и жидъ полѣзетъ на крѣпость.

Гловъ *(махнувъ рукой)*. Чортъ побери! если такъ, играю! Что мнѣ смотрѣть на отца!

Утѣшительный. Браво, юнкеръ! Человѣкъ, карты! *(Наливаетъ ему въ стаканъ)*[1]. Главное что̀ нужно?—Нужна отвага, ударъ, сила... Такъ и быть, господа, я вамъ сдѣлаю банчикъ въ двадцать пять тысячъ. *(Мечетъ направо и налѣво)*. Ну, гусаръ... Ты, Швохневъ, что̀ ставишь? *(Мечетъ)*. Какое странное теченіе картъ![2] Вотъ любопытно для вычисленій! Валетъ убитъ, девятка[3] взяла. Что̀ тамъ, что̀ у тебя? И четверка взяла! А гусаръ, гусаръ-то, каковъ гусаръ? Замѣчаешь, Ихаревъ, какъ ужъ онъ мастерски возвышаетъ ставки? А тузъ все еще не выходитъ. Что жъ ты, Швохневъ, не наливаешь ему? Вона, вона, вонъ тузъ! Вонъ ужъ Кругель потащилъ себѣ. Нѣмцу всегда везетъ! Четверка взяла, тройка взяла[4]. Браво[5], браво, гусаръ! Слышишь, Швохневъ? гусаръ уже около пяти тысячъ въ выигрышѣ[6].

Гловъ *(перегибаетъ[7] карту)*. Чортъ побери! Пароле пе! да вонъ еще девятка[8] на столѣ, идетъ и она, и пятьсотъ рублей мазу!

Утѣшительный *(продолжая метать)*. У, молодецъ гусаръ! Семерка уби... ахъ, нѣтъ! пліе[9], чортъ побери, пліе! опять пліе! А, проигралъ гусаръ. Ну, что̀ жъ, братъ, дѣлать? Не у всякаго жена Марья, кому Богъ далъ. Кругель, да полно тебѣ разсчитывать! ну, ставь эту, которую выдернулъ. Браво, выигралъ гусаръ! Что жъ вы не поздравляете его? *(Всѣ пьютъ и поздравляютъ его, чокаясь стаканами)*. Говорятъ, пиковая дама всегда продастъ, а я не скажу этого... Помнишь, Швохневъ, свою брюнетку, что̀ называлъ ты[10] пиковой дамой? Гдѣ-то она теперь, сердечная? Чай, пустилась во

всѣ тяжкія! Кругель, твоя убита! *(Ихареву)* и твоя убита! Швохневъ, твоя такъ же убита; гусаръ также лопнулъ.

Гловъ. Чортъ побери, ва-банкъ!

Утѣшительный. Браво, гусаръ! Вотъ она, наконецъ, настоящая гусарская замашка! Замѣчаешь[1], Швохневъ, какъ настоящее чувство всегда выходитъ наружу?[2] До сихъ поръ все еще въ немъ было видно, что будетъ гусаръ; а теперь видно, что онъ ужъ теперь гусаръ. Вона натура-то какъ того... Убитъ гусаръ.

Гловъ. Ва-банкъ!

Утѣшительный. У, браво гусаръ! на всѣ пятьдесятъ тысячъ! Вотъ оно, что называется великодушіе! Ну, поди-ка, поищи — гдѣ отыщешь этакую черту?.. Это именно подвигъ! Лопнулъ гусаръ.

Гловъ. Ва-банкъ, чортъ побери, ва-банкъ!

Утѣшительный. Ого, го, гусаръ! на сто тысячъ! Каковъ, а? А глазки-то, глазки? Замѣчаешь, Швохневъ, какъ у него глазки горятъ? Барклай-де-Тольевское[3] что-то видно. Вотъ онъ героизмъ! А короля все нѣтъ. Вотъ тебѣ, Швохневъ, бубновая дама! На, нѣмецъ, возьми, съѣшь семерку! Руте, рѣшительно руте! просто карта фоска![4] А короля, видно, въ колодѣ нѣтъ: право даже странно. А! вотъ онъ, вотъ онъ... Лопнулъ гусаръ!

Гловъ *(горячась)*. Ва-банкъ, чортъ побери, ва-банкъ!

Утѣшительный. Нѣтъ, братъ, стой! Ты ужъ просадилъ двѣсти тысячъ. Прежде заплати, безъ этого нельзя начинать новой игры: мы такъ много не можемъ тебѣ вѣрить.

Гловъ. Да гдѣ жъ у меня? у меня теперь нѣтъ.

Утѣшительный. Дай намъ вексель, подпишись.

Гловъ. Извольте, я готовъ. *(Беретъ перо)*.

Утѣшительный. Да и довѣренность на полученіе денегъ тоже отдай намъ.

Гловъ. Вотъ вамъ и довѣренность.

Утѣшительный. Теперь подпиши вотъ это, да вотъ это. *(Даютъ[5] ему подписаться)*.

Гловъ. Извольте, я готовъ все сдѣлать. Ну, вотъ я и подписалъ. Ну, давайте жъ играть!

Утѣшительный. Нѣтъ, братъ, постой; покажи-ка прежде деньги!

Гловъ. Да я вамъ заплачу, ужъ будьте увѣрены.

Утѣшительный. Нѣтъ, братъ, деньги на столъ!

Гловъ. Да что жъ это?.. Вѣдь это, просто, подлость.

Кругель. Нѣтъ, это не подлость.

Ихаревъ. Нѣтъ, это совсѣмъ другое дѣло; шансы, братъ, не равны.

Швохневъ. Этакъ ты, пожалуй, сядешь съ тѣмъ, чтобы обыграть насъ. Дѣло извѣстное: кто садится безъ денегъ, тотъ садится съ тѣмъ, чтобы обыграть навѣрное.

Гловъ. Ну что жъ? чего вы хотите? назначьте какіе угодно проценты, я на все готовъ. Я вдвое заплачу вамъ.

Утѣшительный. Что, братъ, намъ съ твоихъ процентовъ?[1] Мы сами готовы тебѣ заплатить какіе угодно проценты, дай только намъ взаймы.

Гловъ *(отчаянно и рѣшительно)*. Ну, такъ скажите послѣднее слово: не хотите играть?

Швохневъ. Принеси деньги, сейчасъ станемъ играть.

Гловъ *(вынимая изъ кармана пистолетъ)*. Ну, такъ прощайте же[2], господа! Больше вы меня не встрѣтите на этомъ свѣтѣ. *(Убѣгаетъ съ пистолетомъ)*.

Утѣшительный *(въ испугѣ)*. Ты! ты! что̀ ты? съ ума сошелъ! Побѣжать за нимъ. Въ самомъ дѣлѣ, чтобъ еще какъ-нибудь не застрѣлился! *(Убѣгаетъ)*.

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Швохневъ, Кругель, Ихаревъ.

Ихаревъ. Еще выйдетъ исторія, если этотъ чортъ вздумаетъ застрѣлиться.

Швохневъ. Чортъ его возьми, пусть себѣ стрѣляется, да не теперь только: еще[3] деньги не въ нашихъ рукахъ[4]. Вотъ бѣда!

Кругель. Я всего боюсь. Это такъ возможно...[5]

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Тѣ же, Утѣшительный и Гловъ.

Утѣшительный *(держа Глова за руку съ пистолетомъ).* Что ты, что ты, братъ, рехнулся? Слышите, слышите, господа, ужъ пистолетъ вздумалъ было всунуть[1] въ ротъ, а? Стыдись!

Всѣ *(приступая къ нему).* Что ты! что ты! Помилуй, чтò ты!

Швохневъ. А еще и умный человѣкъ, изъ дряни вздумалъ стрѣляться!

Ихаревъ. Этакъ пожалуй вся Россія должна застрѣлиться: всякій или проигрался, или намѣренъ проиграться. Да если бы этого не было, такъ какъ же можно выиграть, ты посуди только самъ.

Утѣшительный. Ты дуракъ просто, позволь тебѣ сказать. Ты счастья своего не видишь. Развѣ ты не чувствуешь, какъ ты выигралъ тѣмъ, что проигралъ?

Гловъ *(съ досадой).* Что жъ вы въ самомъ дѣлѣ меня ужъ за дурака считаете? Какой тутъ выигрышъ — проиграть двѣсти тысячъ, чортъ возьми!

Утѣшительный. Эхъ ты, простофиля! Да знаешь ли, какую ты этимъ себѣ славу сдѣлаешь въ полку? Слышь, бездѣлица! Еще не будучи юнкеромъ, да ужъ проигралъ двѣсти тысячъ! Да тебя гусары на рукахъ будутъ носить.

Гловъ *(ободрившись).* Что жъ вы думаете? У меня развѣ не станетъ духу наплевать на все это, если ужъ на то пошло? Чортъ побери, да здравствуетъ гусарство!

Утѣшительный. Браво! Да здравствуютъ гусары! Теремтете! Шампанскаго! *(Несутъ бутылки).*

Гловъ *(со стаканомъ).* Да здравствуютъ гусары!

Ихаревъ. Да здравствуютъ гусары, чортъ побери!

Швохневъ. Теремтете! Да здравствуютъ гусары!

Гловъ. На все плюю, когда такъ!... *(Ставитъ на столъ стаканъ).* Вотъ бѣда только: домой какъ пріѣду?[2] Отецъ, отецъ!... *(Хватаетъ себя за волосы).*

Утѣшительный. Да зачѣмъ тебѣ ѣхать къ отцу? не нужно![3]

Гловъ *(вытаращивъ глаза).* Какъ?

Утѣшительный. Ты отсюда — прямо въ полкъ! Мы тебѣ дадимъ на обмундировку. Нужно[1], братъ Швохневъ, дать ему теперь рублей двѣсти, пусть его[2] погуляетъ юнкеръ! Тамъ, я ужъ замѣтилъ, у него есть одна... Черномазая-то, а?

Гловъ. Чортъ побери, побѣгу прямо къ ней, возьму приступомъ!

Утѣшительный. Каковъ гусаръ, а? Швохневъ, нѣтъ у тебя двухсотрублевой?

Ихаревъ. Да вотъ ужъ[3] я ему дамъ, пусть его погуляетъ на славу!

Гловъ *(беретъ ассигнацію и помахивая ею на воздухѣ).* Шампанскаго?

Всѣ. Шампанскаго! *(Несутъ бутылки).*

Гловъ. Да здравствуютъ гусары!

Утѣшительный. Да здравствуютъ!... Знаешь ли[4], Швохневъ, что̀ мнѣ пришло на умъ? Покачаемъ его на рукахъ, такъ, какъ у насъ качали въ полку! Ну, приступай, бери его! *(Всѣ приступаютъ къ нему, схватываютъ его за руки и ноги, качаютъ, припѣвая на извѣстный припѣвъ извѣстную пѣсню:)*

Мы тебя любимъ сердечно,
Будь ты начальникъ нашъ вѣчно!
Наши зажегъ ты сердца,
Мы въ тебѣ видимъ отца!

Гловъ *(съ поднятой рюмкой).* Ура!

Всѣ. Ура! *(Становятъ его на землю. Гловъ хлопнулъ рюмку объ полъ, всѣ разбиваютъ тоже свои рюмки, кто о каблукъ своего сапога, кто о полъ).*

Гловъ. Иду прямо къ ней!

Утѣшительный. А намъ нельзя за тобой, а?

Гловъ. Ни, никому! А кто сколько-нибудь... раздѣлка на сабляхъ!

Утѣшительный. А, рубака какой! а? Ревнивъ[5] и задоренъ, какъ чортъ. Я думаю, господа, что изъ него просто выйдетъ Бурцовъ іора, забіяка. Ну, прощай, прощай, гусаръ! Не держимъ тебя.

Гловъ. Прощайте.

Швохневъ. Да приходи намъ послѣ разсказать. *(Гловъ уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ XIX[1].

Тѣ же, кромѣ **Глова**.

Утѣшительный. Нужно[2] его покамѣстъ[3] ласкать, пока еще деньги не въ нашихъ рукахъ; а тамъ чортъ съ нимъ!

Швохневъ. Одного боюсь я, чтобъ какъ-нибудь не затянулась въ Приказѣ выдача денегъ.

Утѣшительный. Да, это будетъ скверно; а впрочемъ... вѣдь на это, сами знаете, есть понукатели[4]. Какъ ни ворочай, а все-таки придется всунуть въ руку тому и другому для соблюденія порядка[5].

ЯВЛЕНІЕ XX.

Тѣ же и **чиновникъ Замухрышкинъ** *(высовываетъ голову въ дверь, одѣтъ*[6] *въ нѣсколько поношенномъ фракѣ).*

Замухрышкинъ. Позвольте узнать: не здѣсь ли Гловъ Александръ Михайловичъ?[7]

Швохневъ. Нѣтъ, онъ сейчасъ вышелъ. А что вамъ угодно?

Замухрышкинъ. Да вотъ по дѣлу ихъ насчетъ выдачи денегъ.

Утѣшительный. А вы кто?

Замухрышкинъ. Да я чиновникъ изъ Приказа.

Утѣшительный. А, милости просимъ! Прошу покорнѣйше садиться! Въ этомъ дѣлѣ мы всѣ принимаемъ живѣйшее участіе, тѣмъ болѣе, что заключили кое-какія дружелюбныя сдѣлки съ Александръ[8] Михайловичемъ[9]. И потому можете понять, что вотъ и отъ него, и отъ него, и отъ него *(указывая пальцами на всѣхъ)* будетъ искреннѣйшая благодарность. Дѣло въ томъ только, чтобы скорѣе, какъ можно, получить изъ Приказа деньги.

Замухрышкинъ. Да ужъ, какъ хотите, раньше двухъ недѣль никакъ нельзя.

Утѣшительный. Нѣтъ, это страшно далеко. Вѣдь вы все[10] позабываете, что со стороны нашей благодарность...

Замухрышкинъ. Да ужъ это само собой. Все это пріемлется. Какъ это позабыть? Мы потому и говоримъ: „двѣ недѣли“, а то бы, пожалуй, вы и три мѣсяца у насъ провозились. Деньги къ намъ придутъ не раньше, какъ черезъ полторы недѣли, а теперь во всемъ Приказѣ ни копѣйки. На про-

шлой недѣлѣ[1] получили полтораста тысячъ, всѣ роздали — три помѣщика[2] ожидаютъ, еще съ февраля заложили имѣніе.

Утѣшительный. Ну, это такъ для другихъ, а для насъ по дружбѣ... Нужно, чтобы мы съ вами покороче познакомились... Ну, да что?... да и люди свои! Ну, какъ васъ зовутъ? какъ? Фентефлей[3] Перпентьичъ, что ли?

Замухрышкинъ. Псой Стахичъ-съ.

Утѣшительный. Ну, все одно почти. Ну, такъ послушайте, Псой Стахичъ! Будемъ такъ, какъ давніе пріятели. Ну, что, какъ вы? Какъ дѣлишки, какъ служба ваша?

Замухрышкинъ. Да что служба? Извѣстное дѣло — служимъ

Утѣшительный. Ну, а доходовъ по службѣ этихъ[4], знаете, разныхъ... а просто[5], много ли берете?

Замухрышкинъ. Конечно, сами посудите, чѣмъ же и жить?[6]

Утѣшительный. Ну, что, какъ въ Приказѣ у васъ, скажите откровенно: всѣ хапуги?

Замухрышкинъ. Ну, что! Вы ужъ, я вижу, смѣетесь! Эхъ, господа!... Вѣдь вотъ тоже и господа[7] сочинители все[8] подсмѣиваются надъ тѣми, которые берутъ взятки; а какъ разсмотришь хорошенько, такъ взятки[9] берутъ и тѣ, которые повыше насъ[10]. Ну, да вотъ хоть и вы, господа, только развѣ что придумали названья поблагороднѣй: пожертвованье тамъ, или тамъ[11], Богъ вѣдаетъ, что такое; а на дѣлѣ выходитъ — такія же взятки; тотъ же Савка, да на другихъ санкахъ.

Утѣшительный. Вотъ ужъ Псой Стахичъ и обидѣлся, какъ я вижу. Вотъ что значитъ задѣть за честь!

Замухрышкинъ. Да вѣдь честь, сами знаете, дѣло щекотливое. А сердиться тутъ не изъ чего. Я ужъ, батюшка, прожилъ свое.

Утѣшительный[12]. Ну, полно, поговоримте по-дружески, Псой Стахичъ! Ну, что жъ, какъ вы? Какъ у васъ? Какъ поживаете? Какъ маячитесь на свѣтѣ? Есть женушка, дѣтки?

Замухрышкинъ. Слава Богу, Богъ наградилъ. Двое сыновей ужъ въ уѣздное училище ходятъ; два другихъ поменьше. Одинъ бѣгаетъ пока въ рубашонкѣ, а другой на карачкахъ ползаетъ.

Утѣшительный. Ну, а ручонками, я чай, ужъ всѣ этакъ *(показываетъ рукою, какъ будто беретъ деньги*[13]*)* умѣютъ?

Замухрышкинъ. Вѣдь вотъ вы, право, какіе, господа! Вѣдь вотъ опять начали!

Утѣшительный. Ничего, ничего, Псой Стахичъ! Вѣдь это по дружбѣ. Ну, что жъ тутъ такого? свои! Эй, дай-ка бокалъ шампанскаго Псою Стахичу! скорѣй! Мы вѣдь теперь должны быть, какъ короткіе знакомые. Вотъ мы къ вамъ соберемся тоже въ гости.

Замухрышкинъ *(принимая бокалъ).* А, милости просимъ, господа! Откровенно вамъ скажу, что такого чаю, какъ вы будете пить у меня, вы у губернатора не сыщете.

Утѣшительный. Небось, даровой, отъ купца?

Замухрышкинъ. Отъ купца-съ, выписной[1] изъ Кяхты.

Утѣшительный. Да какъ же, Псой Стахичъ? Вѣдь вы дѣлъ съ купцами не имѣете.

Замухрышкинъ *(выпивъ бокалъ и упираясь руками въ колѣни).* А вотъ какъ: купецъ здѣсь больше по причинѣ глупости своей долженъ былъ приплатиться. Помѣщикъ Фракасовъ, если изволите знать, закладываетъ имѣніе; все ужъ сдѣлано, какъ слѣдуетъ, завтра остается получить деньги. Затѣяли они заводъ какой-то въ половинѣ съ купцомъ. Ну, намъ-то, понимаете, какое дѣло знать, на заводъ ли, или на что̀ другое нужны деньги, и съ кѣмъ онъ въ половинѣ? Это не наша часть. Да купецъ по глупости своей и проговорись въ городѣ, что онъ съ нимъ въ половинѣ и ждетъ отъ него съ часу на часъ денегъ. Мы и подослали къ нему сказать, что вотъ[2] пришли двѣ тысячи, сейчасъ выдадутъ деньги, а не то̀ — будешь ждать! А ужъ къ нему на фабрику привезли, понимаете, и котлы и посуду, ожидаютъ только задатковъ. Купецъ видитъ, плетью обуха не перешибешь, заплатилъ двѣ тысячи, да по три фунтика чаю каждому изъ насъ. Скажутъ — взятки, да вѣдь за дѣло: не будь глупъ; кто его толкалъ, языка развѣ не могъ придержать?

Утѣшительный. Послушайте, Псой Стахичъ, ну, пожалуйста же насчетъ этого дѣльца. Мы ужъ вамъ дадимъ[3], а вы ужъ тамъ съ начальниками своими сдѣлайтесь, какъ слѣдуетъ. Только ради Бога, Псой Стахичъ, поскорѣе, а?

Замухрышкинъ. Да будемъ стараться. *(Вставая)* Но откровенно скажу вамъ: такъ скоро, какъ вы хотите, нельзя: предъ Богомъ, въ Приказѣ ни копѣйки денегъ. А будемъ стараться.

Утѣшительный. Ну, какъ васъ тамъ спросить?

Замухрышкинъ. Такъ и спросите: Псой Стахичъ Замухрышкинъ. Прощайте, господа! *(Идетъ къ дверямъ).*

Швохневъ. Псой Стахичъ, а Псой Стахичъ! *(оглядывается)* постарайтесь!

Утѣшительный. Псой Стахичъ, Псой Стахичъ! выручайте поскорѣе!

Замухрышкинъ *(уходя)*[1]. Да ужъ сказалъ: будемъ стараться.

Утѣшительный. Чортъ побери, какъ это долго! *(Бьетъ себя рукой по лбу).* Нѣтъ, побѣгу, побѣгу за нимъ[2], авось что-нибудь успѣю, не пожалѣю денегъ. Чортъ его побери! три тысячи дамъ ему своихъ. *(Убѣгаетъ).*

ЯВЛЕНІЕ XXI.

Швохневъ, Кругель, Ихаревъ.

Ихаревъ. Конечно лучше, если бы получить поскорѣе.

Швохневъ. Да ужъ намъ какъ нужно! какъ намъ нужно!

Кругель. Эхъ, если бы онъ уломалъ его какъ-нибудь!

Ихаревъ. Да что̀, развѣ ваши дѣла...

ЯВЛЕНІЕ XXII.

Тѣ же и **Утѣшительный.**

Утѣшительный *(входитъ съ отчаяньемъ).* Чортъ побери! раньше четырехъ дней никакъ не можетъ. Я готовъ просто лобъ расшибить себѣ объ стѣну.

Ихаревъ. Да что̀ тебѣ такъ приспичило? Неужъ-то четырехъ дней нельзя обождать?

Швохневъ. Въ томъ-то и штука, братъ, что для насъ это слишкомъ важно.

Утѣшительный. Обождать! Да знаешь ли, что насъ въ Нижнемъ съ часу на часъ ждутъ?[3] Мы тебѣ не сказывали еще, а[4] ужъ четыре дня[5] назадъ тому мы имѣемъ извѣстіе спѣшить какъ можно скорѣе, добывши, во что̀ бы ни стало[6], хоть сколько нибудь денегъ[7]. Купецъ привезъ на шестьсотъ тысячъ желѣза. Во вторникъ окончательная сдѣлка, и деньги

получаетъ чистоганомъ; да вчера пріѣхалъ одинъ съ пенькой на полмилліона.

Ихаревъ. Ну, такъ что жъ?

Утѣшительный. Какъ — что жъ? Да вѣдь старики-то остались дома, а выслали вмѣсто себя сыновей.

Ихаревъ. Да будто сыновья ужъ непремѣнно станутъ играть?

Утѣшительный. Да гдѣ ты живешь, въ китайскомъ государствѣ, что ли? Не знаешь, что̀ такое купеческіе сынки? Вѣдь купецъ какъ[1] воспитываетъ сына? — или чтобъ онъ ничего не зналъ, или чтобы зналъ то, что̀ нужно дворянину, а не купцу. Ну, натурально, онъ ужъ такъ и глядитъ: ходитъ подъ руку съ офицерами, кутитъ. — Это, братъ, для насъ самый выгодный народъ[2]. Они, дурачье, не знаютъ, что за всякій рубль, который они[3] выплутуютъ у насъ, они намъ платятъ тысячами. Да это счастье наше, что купецъ только и думаетъ о томъ, чтобы выдать дочь за генерала, а сыну доставить чинъ[4].

Ихаревъ. И[5] дѣла совершенно вѣрныя?

Утѣшительный. Какъ не вѣрныя! Ужъ насъ не увѣдомляли бы. Все почти въ нашихъ рукахъ; теперь всякая минута дорога.

Ихаревъ. Эхъ, чортъ возьми! что жъ мы сидимъ? Господа, а вѣдь условіе-то[6] дѣйствовать вмѣстѣ!

Утѣшительный. Да, въ этомъ наша польза. Послушай, что̀ мнѣ пришло на умъ. Тебѣ вѣдь[7] спѣшить пока еще не зачѣмъ. Деньги у тебя есть — восемьдесятъ тысячъ[8]. Дай ихъ намъ, а отъ насъ возьми векселя Глова. Ты вѣрныхъ получаешь полтораста тысячъ, стало быть, ровно вдвое, а насъ ты даже одолжишь еще, потому что деньги намъ теперь такъ нужны, что мы съ радостью готовы платить алтынъ за всякую копѣйку.

Ихаревъ. Извольте, почему нѣтъ; чтобы доказать вамъ, что узы товарищества... *(Подходитъ къ шкатулкѣ и вынимаетъ кипу ассигнацій)*. Вотъ вамъ восемьдесятъ тысячъ!

Утѣшительный. А вотъ тебѣ и векселя! Теперь я побѣгу сейчасъ за Гловымъ: нужно его привесть и все устроить по формѣ. Кругель[9], отнеси деньги въ мою комнату, вотъ тебѣ ключъ отъ моей шкатулки. *(Кругель уходитъ)*. Эхъ, если бы такъ устроить, чтобы къ вечеру можно было ѣхать! *(Уходитъ)*.

Ихаревъ. Натурально, натурально; тутъ и минуты незачѣмъ терять.

Швохневъ. А тебѣ совѣтую тоже не засиживаться. Какъ только деньги получишь, сейчасъ пріѣзжай къ намъ. Съ двумя стами тысячъ[1], знаешь, что̀ можно сдѣлать? Просто, ярмарку[2] можно подорвать... Ахъ, я и позабылъ сказать Кругелю пренужное дѣло. Погоди, я сейчасъ возвращусь. *(Поспѣшно уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ XXIII.

Ихаревъ *(одинъ).*

Каковъ ходъ приняли обстоятельства! А? Еще поутру было только восемьдесятъ тысячъ, а къ вечеру уже двѣсти. А? Вѣдь это для инаго вѣкъ службы, трудовъ, цѣна вѣчныхъ сидѣній, лишеній, здоровья, а тутъ въ нѣсколько часовъ, въ нѣсколько минутъ — владѣтельный принцъ! Шутка — двѣсти тысячъ! Да гдѣ теперь найдешь двѣсти тысячъ? Какое имѣніе, какая фабрика дастъ двѣсти тысячъ?[3] Воображаю, хорошъ бы я былъ, если бы сидѣлъ въ деревнѣ, да возился съ старостами да мужиками, собирая по три тысячи ежегоднаго дохода. А образованье-то развѣ пустая вещь? Невѣжество-то, которое пріобрѣтешь въ деревнѣ, вѣдь его[4] ножомъ послѣ не обскоблишь[5]. А время-то[6] на что было бы утрачено? На толки съ старостой, съ мужикомъ... Да я хочу съ образованнымъ человѣкомъ поговорить! Теперь вотъ я обезпеченъ, теперь время у меня свободно. Могу заняться тѣмъ, что̀ споспѣшествуетъ къ образованью. Захочу поѣхать въ Петербургъ — поѣду и въ Петербургъ: посмотрю театръ, монетный дворъ, пройдусь мимо дворца, по аглицкой[7] набережной, въ Лѣтнемъ саду. Поѣду въ Москву, пообѣдаю у Яра. Могу одѣться по столичному образцу, могу стать наравнѣ съ другими, исполнить долгъ просвѣщеннаго человѣка. А что̀ всему причина?[8] чему обязанъ? — именно тому, что̀ называютъ плутовствомъ. И вздоръ, вовсе не плутовство! Плутомъ можно сдѣлаться въ одну минуту, а вѣдь тутъ практика, изученье[9]. Ну, положимъ — плутовство. Да вѣдь необходимая вещь: что̀ жъ можно безъ него сдѣлать? Оно[10] нѣкоторымъ образомъ предостерегательство.

Ну, не знай я, напримѣръ, всѣхъ тонкостей, не постигни всего этого, меня бы какъ разъ обманули[1]. Вѣдь вотъ же хотѣли обмануть, да увидѣли, что дѣло не съ простымъ человѣкомъ имѣютъ, сами прибѣгнули къ моей помощи. Нѣтъ, умъ великая вещь. Въ свѣтѣ нужна тонкость. Я смотрю на жизнь совершенно съ другой точки. Этакъ прожить, какъ дуракъ проживетъ[2], это не штука; но прожить съ тонкостью, съ искусствомъ, обмануть всѣхъ и не быть обмануту[3] самому — вотъ настоящая задача и цѣль!

ЯВЛЕНІЕ XXIV.

Ихаревъ и **Гловъ** *(вбѣгающій торопливо)*.

Гловъ. Гдѣ жъ они? Я сейчасъ былъ въ комнатѣ, тамъ пусто.

Ихаревъ. Да они сію минуту здѣсь были; на минуту вышли.

Гловъ. Какъ, вышли ужъ? И деньги у тебя взяли?

Ихаревъ. Да, мы съ ними сдѣлались, за тобою остановка.

ЯВЛЕНІЕ XXV.

Тѣ же и **Алексѣй**.

Алексѣй *(обращаясь къ Глову)*. Изволили спрашивать, гдѣ господа?

Гловъ. Да.

Алексѣй. Да они ужъ уѣхали.

Гловъ. Какъ уѣхали?

Алексѣй. Да такъ-съ. Ужъ у нихъ съ полчаса стояла телѣжка и готовыя лошади.

Гловъ *(всплеснувъ руками)*. Ну, мы надуты оба!

Ихаревъ. Что за вздоръ! Я не могу понять ни одного слова. Утѣшительный сію минуту долженъ возвратиться сюда. Вѣдь ты знаешь, что теперь долженъ весь долгъ твой заплатить мнѣ. Они перевели.

Гловъ. Какой чортъ долгъ? Получишь ты долгъ! Развѣ ты не чувствуешь, что въ дуракахъ и проведенъ, какъ пошлый пень?

Ихаревъ. Что ты за чепуху несешь?[4] У тебя, видно, до сихъ поръ въ головѣ хмель распоряжается.

Гловъ. Ну, видно, хмель у обоихъ насъ. Да проснись ты! Думаешь, я Гловъ?[1] Я такой же Гловъ, какъ ты китайскій императоръ.

Ихаревъ *(безпокойно)*. Что ты, помилуй, что за вздоръ? И отецъ твой... и...

Гловъ. Старикъ-то? Во-первыхъ, онъ и не отецъ, да и чорта ли[2] и будутъ отъ него дѣти! А во-вторыхъ, тоже не Гловъ, а Крыницынъ, да и не Михалъ[3] Александровичъ[4], а Иванъ Климычъ, изъ ихъ же компаніи.

Ихаревъ. Послушай ты! говори[5] сурьезно! этимъ не шутятъ.

Гловъ. Какія шутки! Я самъ участвовалъ и такъ же обманутъ. Мнѣ обѣщали три тысячи за труды.

Ихаревъ *(подходя къ нему, запальчиво)*. Эй, не шути, говорю тебѣ! Думаешь, я ужъ дуракъ такой!... И довѣренность, и Приказъ... и чиновникъ сейчасъ былъ изъ Приказа, Псой Стахичъ Замухрышкинъ. Ты думаешь, я не могу за нимъ сейчасъ послать?

Гловъ. Во-первыхъ, онъ и не чиновникъ изъ Приказа, а отставной штабсъ-капитанъ изъ ихъ же компаніи; да и не Замухрышкинъ, а Мурзафейкинъ, да и не Псой Стахичъ, а Флоръ Семеновичъ,

Ихаревъ *(отчаянно)*. Да ты кто? чортъ ты? Говори: кто ты?

Гловъ. Да кто я? Я былъ благородный человѣкъ, поневолѣ сталъ плутомъ: меня обыграли въ пухъ, рубашки не оставили. Что̀ жъ мнѣ дѣлать? не умирать же съ голода![6] За три тысячи я взялся участвовать, провести и обмануть тебя. Я говорю тебѣ это прямо: видишь, я поступаю благородно.

Ихаревъ *(въ бѣшенствѣ схватываетъ его за воротникъ[7])*. Мошенникъ ты....

Алексѣй *(въ сторону)*. Ну, дѣло-то, видно, пошло на потасовку. Нужно[8] отсюда убраться. *(Уходитъ)*.

Ихаревъ *(таща его)*. Пойдемъ, пойдемъ!

Гловъ. Куда, куда?

Ихаревъ *(въ изступленіи)*[9]. Куда? къ правосудью! къ правосудью!

Гловъ. Помилуй, не имѣешь никакого права.

Ихаревъ. Какъ? не имѣю права? Обворовать, украсть деньги... среди дня... мошенническимъ образомъ! Не имѣю

права? Дѣйствовать плутовскими средствами! Не имѣю права! А вотъ ты у меня въ тюрьмѣ, въ Нерчинскѣ скажешь, что не имѣю права! Вотъ погоди — переловятъ всю вашу мошенническую шайку! Будете вы знать, какъ обманывать довѣріе и честность добродушныхъ людей. Законъ! законъ! законъ призову! *(Тащитъ его)*.

Гловъ. Да вѣдь законъ ты могъ бы призвать тогда, если бы самъ не дѣйствовалъ противузаконнымъ образомъ. Но вспомни: вѣдь ты соединился вмѣстѣ съ ними съ тѣмъ[1], чтобы обмануть и обыграть навѣрное меня. И колоды были твоей же собственной фабрики. Нѣтъ, братъ, въ томъ и штука[2], что ты не имѣешь никакого права жаловаться.

Ихаревъ *(въ отчаяньи бьетъ себя рукой по лбу)*. Чортъ побери, въ самомъ дѣлѣ! *(Въ изнеможеніи упадаетъ на стулъ; Гловъ между тѣмъ убѣгаетъ)*. Но только какой дьявольскій обманъ!

Гловъ *(выглядывая въ дверь)*. Утѣшься! Вѣдь тебѣ еще съ полугоря: у тебя есть[3] Аделаида Ивановна! *(Исчезаетъ)*[4].

Ихаревъ *(въ ярости)*. Чортъ побери Аделаиду Ивановну! *(Схватываетъ Аделаиду Ивановну и швыряетъ ею въ дверь, дамы и двойки летятъ на полъ)*. Вѣдь существуютъ же, къ стыду и поношенью человѣковъ, эдакіе мошенники! Но только я просто готовъ сойти съ ума — какъ это все было чертовски разыграно, какъ тонко! И отецъ, и сынъ, и чиновникъ Замухрышкинъ! и концы всѣ спрятаны! и жаловаться даже не могу! *(Схватывается[5] со стула и въ волненіи ходитъ по комнатѣ)*. Хитри послѣ этого! Употребляй тонкость ума! Изощряй, изыскивай средства!... Чортъ побери, не стóитъ, просто, ни благороднаго рвенья, ни трудовъ! Тутъ же, подъ бокомъ, отыщется плутъ, который тебя переплутуетъ! мошенникъ, который за одинъ разъ подорветъ строеніе, надъ которымъ работалъ нѣсколько лѣтъ! *(Съ досадой махнувъ рукой)*. Чортъ возьми! Такая ужъ надувательная земля! Только и лѣзетъ тому счастье, кто глупъ, какъ бревно, ничего не смыслитъ, ни о чемъ не думаетъ, ничего не дѣлаетъ, а играетъ только по грошу въ бостонъ подержанными[6] картами!

УТРО ДѢЛОВАГО ЧЕЛОВѢКА.

I.

Кабинетъ; нѣсколько шкафовъ съ книгами; на столѣ разбросаны бумаги. **Иванъ Петровичъ**, дѣловой человѣкъ, потягиваясь, выходитъ въ халатѣ и звонитъ. Изъ передней слышенъ голосъ: «сейчасъ!» Иванъ Петровичъ звонитъ во второй разъ — опять тотъ же голосъ: «сейчасъ!» Иванъ Петровичъ съ нетерпѣніемъ звонитъ въ третій разъ; входитъ слуга.

Иванъ Петровичъ. Что ты оглохъ?

Лакей. Никакъ нѣтъ.

Иванъ Петровичъ. Что жъ ты не изволилъ являться, когда я звоню въ третій разъ?

Лакей. Какъ же прикажете: мнѣ нельзя было бросить дѣла — я сапоги чистилъ.

Иванъ Петровичъ. А Иванъ что̀ дѣлалъ?

Лакей. Иванъ мелъ комнату, а потомъ пошелъ въ конюшню.

Иванъ Петровичъ. Подай сюда собачку! *(Лакей приноситъ собачку).* Зюзюшка! Зюзюшка! а, Зюзюшка! Вотъ я тебѣ бумажку привяжу. *(Нацѣпляетъ ей на хвостъ бумажку).*

(Вбѣгаетъ другой лакей). Александръ Ивановичъ!

Иванъ Петровичъ. Проси! *(Бросаетъ поспѣшно собаку[1] и развертываетъ Сводъ Законовъ).*

II.

Иванъ Петровичъ и **Александръ Ивановичъ** *(также дѣловой человѣкъ).*

Александръ Ивановичъ. Добраго утра, Иванъ Петровичъ!

Иванъ Петровичъ. Какъ здоровье ваше, Александръ Ивановичъ?

Александръ Ивановичъ. Очень благодаренъ. Не помѣшалъ ли я вамъ?

Иванъ Петровичъ. О, какъ можно! Вѣдь я всегда занятъ. Ну что, въ которомъ часу пріѣхали домой?

Александръ Ивановичъ. Часъ шестой былъ. Я какъ поворотилъ изъ Офицерской, то спросилъ, подъѣзжая къ будочнику: „Не слыхалъ ли, братецъ, который часъ?“ — „Да шестой уже“, говоритъ, „пробило“. Вотъ я и узналъ, что ужъ былъ шестой часъ.

Иванъ Петровичъ. Представьте, я самъ въ то же почти время![1] Ну что, каковъ былъ вистецъ, хе, хе, хе?

Александръ Ивановичъ. Хе, хе, хе! Да, признаюсь, мнѣ даже во снѣ онъ мерещился.

Иванъ Петровичъ. Хе, хе, хе, хе! Я гляжу, что̀ это значитъ, что онъ кладетъ короля? У меня вѣдь на рукахъ самъ-третей дама крестовъ, а у Лукьяна Ѳедосѣевича, я давно вижу, что ренонсъ.

Александръ Ивановичъ. Длиннѣе всего тянулся осьмой робертъ[2].

Иванъ Петровичъ. Да! *(Помолчавъ)* Я уже мигаю Лукьяну Ѳедосѣевичу, чтобъ онъ козырялъ — нѣтъ. А вѣдь тутъ только козырни — валетъ мой пикъ[3] и беретъ.

Александръ Ивановичъ. Позвольте, Иванъ Петровичъ, валетъ не беретъ.

Иванъ Петровичъ. Беретъ.

Александръ Ивановичъ. Не беретъ, потому что вамъ никоимъ образомъ нельзя взять въ руку.

Иванъ Петровичъ. А семерка пикъ у Лукьяна Ѳедосѣевича— позабыли развѣ?

Александръ Ивановичъ. Да развѣ у него была пиковка? Я что-то не помню.

Иванъ Петровичъ. Конечно, у него были двѣ пики: четверка, которую онъ сбросилъ на даму, и семерка.

Александръ Ивановичъ. Только нѣтъ, позвольте, Иванъ Петровичъ, у него не могло быть больше одной пиковки.

Иванъ Петровичъ. Ахъ, Боже мой, Александръ Ивановичъ, кому вы это говорите! Двѣ пиковки! я какъ теперь помню: четверка и семерка.

Александръ Ивановичъ. Четверка была — это такъ; но семерки не было. Вѣдь онъ бы козырнулъ; согласитесь сами, вѣдь онъ бы козырнулъ?[4]

Иванъ Петровичъ. Ей Богу, Александръ Ивановичъ, ей Богу!

Александръ Ивановичъ. Нѣтъ, Иванъ Петровичъ. Это совершенно невозможное дѣло.

Иванъ Петровичъ. Да позвольте, Александръ Ивановичъ! Вотъ лучше всего: поѣдемъ завтра къ Лукьяну Θедосѣевичу. Согласны ли вы?

Александръ Ивановичъ. Хорошо.

Иванъ Петровичъ. Ну, и спросимъ у него лично, была ли на рукахъ у него семерка пикъ?[1]

Александръ Ивановичъ. Извольте, я не прочь. Впрочемъ, если посудить, странно, что Лукьянъ Θедосѣевичъ такъ дурно играетъ. Вѣдь нельзя сказать, чтобы онъ былъ безъ ума. Человѣкъ тонкій и въ обращеніи...

Иванъ Петровичъ. И прибавьте: большихъ свѣдѣній! — человѣкъ, какихъ, сказать по секрету, у насъ мало на Руси. Были ли у его высокопревосходительства?

Александръ Ивановичъ. Былъ. Я теперь только отъ него. Сегодня поутру было немножко холодненько. Вѣдь я, какъ, думаю, вамъ извѣстно, имѣю обыкновеніе носить лосинную фуфайку: она гораздо лучше фланелевой, и притомъ не горячитъ. По этому-то случаю я велѣлъ себѣ подать шубу. Пріѣзжаю къ его высокопревосходительству, — его высокопревосходительство еще спитъ. Однакожъ я дождался. Ну, тутъ пошли разсказы о томъ и о семъ.

Иванъ Петровичъ. А про меня не было ничего говорено?

Александръ Ивановичъ. Какъ же, было и про васъ. Да еще прелюбопытный вышелъ разговоръ.

Иванъ Петровичъ *(оживляется)*. Что̀, что̀ такое?

Александръ Ивановичъ. Позвольте, позвольте разсказать по порядку. Тутъ презанимательная вещь. Его высокопревосходительство, между прочимъ, спросилъ, гдѣ я бываю, что такъ давно онъ меня не видитъ? и пожелалъ узнать о вчерашней вечеринкѣ, и кто былъ. Я сказалъ: „Были, ваше высокопревосходительство, Павелъ Григорьевичъ Борщовъ, Илья Владиміровичъ Бубуницынъ“. Его высокопревосходительство послѣ каждаго слова говорилъ: „гем!“[2] Я сказалъ: „И еще былъ одинъ извѣстный вашему высокопревосходительству...“

Иванъ Петровичъ. Кто жъ это такой?

Александръ Ивановичъ. Позвольте! что̀ жъ бы, вы думали, сказалъ на это его высокопревосходительство?

Иванъ Петровичъ. Не знаю.

Александръ Ивановичъ. Онъ сказалъ: „кто жъ бы это такой?“—„Иванъ Петровичъ Барсуковъ“, отвѣчалъ я. „Гем!“ сказалъ его высокопревосходительство: „это чиновникъ и притомъ...“ *(Поднимаетъ вверхъ глаза).* Довольно хорошо у васъ потолки расписаны: на свой или хозяйскій счетъ?

Иванъ Петровичъ. Нѣтъ, вѣдь это казенная квартира.

Александръ Ивановичъ. Очень, очень не дурно: корзиночки, лира, вокругъ сухарики, бубны и барабанъ! очень, очень натурально!

Иванъ Петровичъ *(съ нетерпѣніемъ).* Такъ что̀ же сказалъ его высокопревосходительство?

Александръ Ивановичъ. Да, я и позабылъ. Что̀ жъ онъ сказалъ?...

Иванъ Петровичъ. Сказалъ „гем!“ его высокопревосходительство: „это чиновникъ...“

Александръ Ивановичъ. Да, да; „это чиновникъ“... ну, „и служитъ у меня“. Послѣ того разговоръ не былъ уже такъ интересенъ[1] и начался объ обыкновенныхъ вещахъ.

Иванъ Петровичъ. А больше ничего не заговаривалъ обо мнѣ?

Александръ Ивановичъ. Нѣтъ.

Иванъ Петровичъ *(про себя).* Ну, покамѣстъ еще не много. Господи, Боже мой! ну что, если бы сказалъ онъ: „Такого-то Барсукова, въ уваженіе тѣхъ и тѣхъ и прочихъ заслугъ его, представляю...“

III.

Тѣ же и **Шрейдеръ** *(выглядываетъ въ дверь).*

Иванъ Петровичъ. Войдите, войдите; ничего, пожалуйте сюда: что̀ это — для доклада?

Шрейдеръ. Для подписанія. Здѣсь отношеніе въ палату и рапортъ управляющему.

Иванъ Петровичъ *(между тѣмъ читаетъ).* „...Господину управляющему...“ Это что̀ значитъ? у васъ поля по краямъ бумаги неровны. Какъ же это? Знаете ли, что васъ можно посадить подъ арестъ?... *(Устремляетъ на него глубокомысленный взоръ).*

Шрейдеръ. Я говорилъ объ этомъ Ивану Ивановичу: онъ мнѣ сказалъ, что министръ не будетъ смотрѣть на эту мелочь.

Иванъ Петровичъ. Мелочь! Ивану Ивановичу хорошо такъ говорить. Я самъ то же думаю: министръ, точно, не войдетъ въ это. Ну, а вдругъ вздумается?

Шрейдеръ. Можно переписать; только будетъ поздно. Но такъ какъ изволили сами сказать, что министръ не войдетъ...

Иванъ Петровичъ. Такъ! это все правда. Я съ вами совершенно согласенъ: онъ не займется этими пустяками. Ну, а въ случаѣ, такъ ему придется: дай-ка посмотрю, велико ли мѣсто оставлено[1] для полей?

Шрейдеръ. Если такъ, я сейчасъ перепишу.

Иванъ Петровичъ. То̀-то „если такъ“. Вѣдь я съ вами говорю и объясняюсь, потому что вы воспитывались въ университетѣ. Съ другимъ бы я не сталъ тратить словъ.

Шрейдеръ. Я осмѣлился только, потому что г. министръ...

Иванъ Петровичъ. Позвольте, позвольте! Это совершенная истина: я съ вами не спорю ни на волосъ. Такъ, министръ на это никогда не посмотритъ и не вспомнитъ даже про это. Ну, а вдругъ... Что тогда?

Шрейдеръ. Я перепишу. *(Уходитъ).*

IV.

Иванъ Петровичъ *(пожимая плечами, оборачивается къ Александру Ивановичу).* Все еще вѣтеръ ходитъ въ головѣ! Порядочный молодой человѣкъ, недавно изъ университета, но вотъ тутъ *(показывая на лобъ)* нѣтъ. Вы себѣ не можете представить, почтеннѣйшій Александръ Ивановичъ, сколькихъ трудовъ мнѣ стоило привесть все это въ порядокъ; посмотрѣли бы вы, въ какомъ видѣ принялъ я нынѣшнее мѣсто! Вообразите, что ни одинъ канцелярскій не умѣлъ порядочно буквы написать. Смотришь: иной *къ* перенесетъ въ другую строку; иной въ одной строкѣ пишетъ: *сі-*, а въ другой: *ятельству.* Словомъ сказать: это былъ ужасъ! столпотвореніе вавилонское! Теперь возьмите вы бумагу: красиво! хорошо! душа радуется, духъ торжествуетъ. А порядокъ? — порядокъ во всемъ.

Александръ Ивановичъ. Такъ вамъ чины, можно сказать, по̀томъ и кровью достались!

Иванъ Петровичъ *(вздохнувъ)*. Именно, по̀томъ и кровью. Что жъ будете дѣлать, вѣдь у меня такой характеръ. Чѣмъ бы я теперь не былъ, если бы самъ доискивался? У меня бы мѣста на груди не нашлось для орденовъ. Но, что̀ прикажете? не могу! Стороною я буду намекать часто, и экивоки подпускать, но сказать прямо, попросить чего непосредственно для себя... нѣтъ, это не мое дѣло! Другіе выигрываютъ[1] безпрестанно... А у меня ужъ такой характеръ: до всего могу унизиться, но до подлости никогда! *(Вздохнувши)*. Мнѣ бы теперь одного только хотѣлось... если бъ получить хоть орденокъ на шею. Не потому, чтобы это слишкомъ занимало, но единственно, чтобы видѣли только вниманіе ко мнѣ начальства. Я васъ буду просить, великодушнѣйшій Александръ Ивановичъ, этакъ, при случаѣ, натурально мимоходомъ, намекнуть его высокопревосходительству, что у Барсукова де въ канцеляріи такой порядокъ, какой вы рѣдко гдѣ встрѣчали, или что-нибудь подобное.

Александръ Ивановичъ. Съ большимъ удовольствіемъ, если представится случай...

V.

Тѣ же и **Катерина Александровна** *(жена Ивана Петровича)*.

Катерина Александровна *(увидѣвъ Александра Ивановича)*. А! Александръ Ивановичъ! Боже мой, какъ давно мы не видались! Позабыли меня! Что Наталья Ѳоминишна?

Александръ Ивановичъ. Слава Богу! недѣлю впрочемъ назадъ было захворала.

Катерина Александровна. Э!

Александръ Ивановичъ. Въ груди подъ ложечкой сдѣлалась колика и стѣсненіе. Докторъ прописалъ очистительное и припарку изъ ромашки и нашатыря.

Катерина Александровна. Вы бы попробовали омеопатическаго средства.

Иванъ Петровичъ. Чудно право, какъ подумаешь, до чего не доходитъ просвѣщеніе. Вотъ, ты говоришь, Катерина Александровна, про меопатію. Недавно былъ я въ представленіи.

Что жъ бы вы думали? Мальчишка, росту — какъ бы вамъ сказать? — вотъ этакого *(показываетъ рукою)*, лѣтъ трехъ не больше: посмотрѣли бы вы, какъ онъ пляшетъ на тончайшемъ канатѣ! Я васъ увѣряю сурьезно, что духъ занимается отъ страха.

Александръ Ивановичъ. Очень хорошо поетъ Меласъ.

Иванъ Петровичъ *(значительно)*. Меласъ? О, да! съ большимъ чувствомъ!

Александръ Ивановичъ. Очень хорошо.

Иванъ Петровичъ. Замѣтили ли вы, какъ она ловко беретъ вотъ это... *(вертитъ рукою передъ глазами)*.

Александръ Ивановичъ. Именно, это она удивительно хорошо беретъ. Однако ужъ скоро два часа.

Иванъ Петровичъ. Куда же это вы, Александръ Ивановичъ?

Александръ Ивановичъ. Пора! Мнѣ нужно еще мѣста въ три заѣхать до обѣда.

Иванъ Петровичъ. Ну, такъ до свиданія. Когда жъ увидимся? Да, я и позабылъ: вѣдь мы завтра у Лукьяна Ѳедосѣевича?

Александръ Ивановичъ. Непремѣнно! *(Кланяется)*.

Катерина Александровна. Прощайте, Александръ Ивановичъ!

Александръ Ивановичъ *(въ лакейской, накидывая шубу)*. Не терплю я людей такого рода. Ничего не дѣлаетъ, жирѣетъ только, а прикидывается, что онъ такой, сякой, и то надѣлалъ, и то поправилъ — настоящая добродѣтель! Вишь чего захотѣлъ! ордена! И вѣдь получитъ! Получитъ, мошенникъ! получитъ! Этакіе люди всегда успѣваютъ. А я? а? вѣдь пятью годами старѣе его по службѣ, и до сихъ поръ не представленъ. Какая противная физіономія! И разнѣжился; ему совсѣмъ не хотѣлось бы, но только для того, чтобы показать вниманіе начальства. Еще проситъ, чтобы я замолвилъ за него! Да, нашелъ кого просить, голубчикъ! Я таки тебѣ удружу порядочно, и ты таки ордена не получишь! не получишь! не получишь![1] *(Подтвердительно ударяетъ нѣсколько разъ кулакомъ по ладони и уходитъ)*.

ТЯЖБА.

Кабинетъ.

I.

Пролетовъ, секретарь[1] *(одинъ, сидитъ въ креслахъ и поминутно икаетъ).*

Что это у меня? точно отрыжка! Вчерашній обѣдъ засѣлъ въ горлѣ[2]. Эти грибки да ботвиньи!... Ѣшь, ѣшь, просто, чортъ знаетъ, чего не ѣшь! *(икаетъ).* Вотъ оно! *(икаетъ)* еще! *(икаетъ)* еще разъ! *(икаетъ).* Ну, теперь въ четвертый! *(икаетъ).* Туды къ чорту, и въ четвертый! Прочитать еще „Сѣверную Пчелу“, что̀ тамъ такое? Надоѣла мнѣ эта „Сѣверная Пчела“: точь въ точь баба, засидѣвшаяся въ дѣвкахъ. *(Читаетъ и вскрикиваетъ).* Крахманову награда! а? Петрушкѣ Крахманову! Вотъ какимъ былъ мальчишкой *(показываетъ рукой),* я помѣстилъ[3] самъ его кадетомъ въ корпусъ, а? *(Продолжаетъ читать и вскрикиваетъ, вытаращивъ глаза).* Что̀ это? Что̀ это? Неужели Бурдюковъ? Да, онъ, Павелъ Петровичъ Бурдюковъ, произведенъ![4] А? каково! Взяточникъ, два раза былъ подъ судомъ, отецъ — воръ, обокралъ казну, гнуснѣйшій человѣкъ,[5] какого только можно представить себѣ[6] — каково? И вѣдь весь свѣтъ почитаетъ его[7] за прямодушнаго человѣка! Подлецъ! Говоритъ: „дѣло Бухтелева рѣшено не такъ, сенатъ не вникнулъ“[8] — а? Просто, подлецъ, узналъ, что на мою долю пришлось двадцать тысячъ, такъ вотъ зачѣмъ не ему! Какъ собака на сѣнѣ: ни себѣ, ни другимъ. Ну, да я знаю тебя, ступай морочь другихъ, прикидывайся передъ другими. Я слышалъ про тебя кое-что такое. Право, досадно, что заглянулъ въ газету:[9] прочитаешь — чувствуешь тоску, гадость и — больше ничего. Эй, Андрей!

II.

Лакей *(входя)*. Чего изволите-съ?

Пролетовъ. Возьми вонъ эту газету! И къ чему, зачѣмъ ты принесъ эту газету? Дуракъ эдакой! *(Андрей уноситъ газету)*. Каковъ Бурдюковъ, а? Вотъ кого, не говоря дальнихъ словъ, упряталъ бы въ Камчатку. Съ большимъ наслажденіемъ, признаюсь, нагадилъ бы ему, хоть сію минуту,[1] да вотъ до сихъ поръ нѣтъ да и нѣтъ случая. Что прикажешь дѣлать? Разгнѣвался Богъ. А я бы тебя погладилъ, мазнулъ бы тебя по губамъ. Да ужъ и губы[2] зато какія! какъ у вола, у канальи!

Лакей. Бурдюковъ пріѣхалъ.

Пролетовъ. Что̀?

Лакей. Бурдюковъ пріѣхалъ.

Пролетовъ. Что ты вздоръ несешь!

Лакей. Такъ точно-съ.

Пролетовъ. Врешь ты, дуракъ! Бурдюковъ, Павелъ Петровичъ Бурдюковъ?

Лакей. Нѣтъ, не Павелъ Петровичъ, а другой какой-то.

Пролетовъ. Какой другой?

Лакей. Да вотъ извольте сами видѣть: онъ здѣсь.

Пролетовъ. Проси.

III.

Пролетовъ и Христофоръ Петровичъ Бурдюковъ.

Бурдюковъ. Прошу извинить за безпокойство, что̀ наношу вамъ. Обстоятельства и дѣла понудили оставить городишку. Пріѣхалъ просить личной помощи, заступничества[3].

Пролетовъ *(въ сторону)*. Это, точно, другой; а есть однакоже какое-то сходство.[4] *(Вслухъ)*. Что прикажете? въ чемъ могу быть вамъ полезнымъ?[5]

Бурдюковъ[6] *(съ пожатіемъ плечъ)*. Дѣло, тяжба.

Пролетовъ. Тяжба? съ кѣмъ?[7]

Бурдюковъ. Съ роднымъ братомъ.

Пролетовъ. Прежде позвольте узнать фамилію, а потомъ изъясните свое дѣло. Прошу покорно садиться.

Бурдюковъ. Фамилія: Бурдюковъ, Христофоръ Петровъ сынъ,

а дѣло съ роднымъ братомъ, Павломъ Петровымъ Бурдюковымъ.

Пролетовъ. Что вы? что? нѣтъ!

Бурдюковъ. Да что жъ вы на меня уставили глаза? или думаете, я бы захотѣлъ оставлять напрасно Тамбовъ и скакать на почтовыхъ?[1]

Пролетовъ. Господи благослови васъ за такое доброе дѣло![2] Позвольте съ вами покороче познакомиться. Умнѣе этого дѣла вы не могли никогда бы придумать. Вотъ разсказывай[3] теперь, что нѣтъ великодушія и справедливости, а это что же? Вѣдь вотъ родной братъ, узы крови, связи, а вѣдь не пощадилъ! На брата — процессъ![4] Позвольте васъ обнять.

Бурдюковъ. Извольте! Я самъ обниму васъ за такую готовность! *(Обнимаются)*. А прежде, признаюсь, взглянувши на вашу физіогномію, никакъ нельзя было думать, чтобы вы были путный человѣкъ.

Пролетовъ. Вотъ тебѣ разъ! какъ такъ?

Бурдюковъ. Да сурьезно. Позвольте спросить: вѣрно покойница матушка ваша, когда была брюхата вами, перепугалась чего-нибудь?

Пролетовъ. Что за чепуху несетъ онъ?[5]

Бурдюковъ. Нѣтъ, я вамъ скажу, вы не будьте въ претензіи. это очень часто случается. Вотъ у нашего засѣдателя вся нижняя часть лица баранья, такъ сказать, какъ будто отрѣзана и поросла шерстью совершенно, какъ у барана. А вѣдь отъ незначительнаго обстоятельства: когда покойница рожала, подойди къ окну баранъ, и нелегкая подстрекни его заблеять.

Пролетовъ. Ну, оставимъ въ покоѣ засѣдателя и барана!... Какъ же я радъ![6]

Бурдюковъ. А ужъ я какъ радъ, пріобрѣтши[7] такое покровительство![8] Теперь только, какъ начинаю всматриваться въ васъ, вижу,[9] что лицо ваше какъ будто знакомо:[10] у насъ въ карабинерномъ[11] полку былъ поручикъ, вотъ, какъ двѣ капли воды, похожъ на васъ! Пьяница страшнѣйшій, то есть, я вамъ скажу, что дня не проходило, чтобы у него рожа не была разбита.

Пролетовъ *(въ сторону)*. У этого уѣзднаго медвѣдя, какъ видно, нѣтъ совсѣмъ обычая держать языкъ за зубами. Вся дрянь, какая ни есть на душѣ, у него на языкѣ.[12] *(Вслухъ)*. Времени у меня немного, пожалуйста приступимъ же къ дѣлу.

Бурдюковъ. Позвольте, сидя не разскажешь. Это дѣло казусное! Знавали ли въ устюжскомъ уѣздѣ помѣщицу Евдокію Малафѣевну Меринову?[1] Не знали? Хорошо. Она доводится родной теткой мнѣ и бестіи,[2] моему брату. У ней ближайшими наслѣдниками я да братъ — изволите видѣть: вотъ оно куды пошло![3] Кромѣ того, еще сестра, что̀ вышла за генерала Повалищева; ну, о той[4] ни слова: та и безъ того получила слѣдуемую ей часть. Позвольте: вотъ этотъ мошенникъ, братъ, — онъ на это хоть чорту въ дядьки годится,[5] — вотъ и подъѣхалъ онъ къ ней: „Вы де, тетушка, уже прожили, слава Богу, семьдесятъ лѣтъ; гдѣ уже вамъ въ такихъ преклонныхъ лѣтахъ мѣшаться самимъ въ хозяйство: пусть, лучше, я буду приберегать и кормить“. Вона![6] замѣчайте, замѣчайте! Переѣхалъ къ ней въ домъ, живетъ и распоряжается, какъ настоящій хозяинъ.[7] Да вы слышите ли это?

Пролетовъ. Слышу.

Бурдюковъ. То̀-то! Да. Вотъ занемогаетъ тетушка, отчего — Богъ знаетъ, можетъ быть, онъ самъ и подсунулъ ей чего-нибудь. Мнѣ даютъ ужъ знать стороною. Замѣчайте! Пріѣзжаю: въ сѣняхъ встрѣчаетъ меня эта бестія, то есть братъ, въ слезахъ такъ весь и заливается, и растаялъ, и говоритъ:[8] „Ну“, говоритъ, „братецъ, на-вѣки мы несчастны съ тобою: благодѣтельница наша...“ — „Что̀, отдала Богу душу?“ — „Нѣтъ, при смерти“. Я вхожу, и точно, тетушка лежитъ на карачкахъ и только глазами хлопаетъ. Ну, что жъ? плакать? Не поможетъ. Вѣдь не поможетъ?

Пролетовъ. Не поможетъ.

Бурдюковъ. Ну, что̀ жъ? нечего дѣлать! Такъ, видно, Богу угодно! Я приступилъ поближе. „Ну“, говорю, „тетушка, мы всѣ смертны, одинъ Богъ, какъ говорятъ, не сегодня, такъ завтра властенъ въ нашей жизни: такъ не угодно ли вамъ заблаговременно сдѣлать какое-нибудь распоряженіе?“ Что жъ тетушка? Я вижу, не можетъ уже языкомъ поворотить, и только сказала „э... э... э... э...“ А эта шельма, что̀ стоялъ возлѣ[9] кровати ея, братъ, говоритъ: „Тетушка симъ изъясняетъ, что уже распорядилась“. Слышите, слышите!

Пролетовъ. Какой же! Да вѣдь она развѣ сказала это?[10]

Бурдюковъ. Кой чортъ сказала! Она сказала только: „э... э... э...“ Я все подступаю: „Но позвольте же узнать, те-

тушка, какое же это распоряженіе?“ Чтò жъ тетушка? Тетушка опять отвѣчаетъ: „э, э, э“... А тотъ подлецъ опять: „тетушка говоритъ, что все распоряженіе по этой части находится въ духовномъ завѣщаніи“. Слышите! слышите! Чтò жъ мнѣ было дѣлать? Я замолчалъ и не сказалъ ни слова.

Пролетовъ. Однакожъ позвольте[1]: какъ же вы не уличили тутъ же ихъ во лжи?

Бурдюковъ. Чтò жъ? *(Размахиваетъ руками).* Стали божиться, что она точно все это говорила — ну, вѣдь... и повѣрилъ.

Пролетовъ. А духовное завѣщаніе распечатали?

Бурдюковъ. Распечатали.

Пролетовъ. Что жъ?

Бурдюковъ. А вотъ чтò. Какъ только все это, какъ слѣдуетъ, христіанскимъ долгомъ было отправлено, я и говорю,[2] что не пора ли прочесть волю умершей. Братъ ничего и говорить не можетъ: страданья, отчаянья такія, что люли только![3] „Возьмите“, говоритъ, „читайте сами“. Собрались свидѣтели и прочитали. Какъ же бы вы думали было написано завѣщаніе? А вотъ какъ:[4] „Племяннику моему, Павлу Петрову сыну Бурдюкову“,[5] — слушайте! — „въ возмездіе его сыновнихъ попеченій и неотлучнаго себя при мнѣ обрѣтенія до смерти“, — замѣчайте! — „оставляю во владѣніе родовое и благопріобрѣтенное имѣніе мое въ устюжскомъ уѣздѣ“, — вона! вона! вона куды пошло![6] — „пятьсотъ ревижскихъ[7] душъ, угодья[8] и прочее“. А? слышите-ли вы это?[9] „Племянницѣ моей Маріи[10] Петровой дочери Повалищевой, урожденной Бурдюковой[11], оставляю слѣдуемую[12] ей деревню изо ста душъ“. „Племяннику“. — вона! замѣчайте! вотъ тутъ настоящій типунъ![13] — „Хрисанфію сыну Петрову Бурдюкову“,[14] — слушайте, слушайте! — „на память обо мнѣ“, ого! го! „завѣщаю: три стаметовыя юбки[15] и всю рухлядь, находящуюся въ амбарѣ, какъ-то: пуховика два, посуду фаянсовую, простыни, чепцы“, и тамъ чортъ знаетъ еще какое тряпье! А? какъ вамъ кажется? Я спрашиваю: на кой чортъ мнѣ стаметовыя[16] юбки?

Пролетовъ. Ахъ, онъ мошенникъ этакой! Прошу покорно![17]

Бурдюковъ. Мошенничество — это такъ, я съ вами согласенъ; но, спрашиваю я васъ, на чтò мнѣ стаметовыя[18] юбки? Чтò я съ ними буду дѣлать? развѣ себѣ на голову надѣну?

Пролетовъ. И свидѣтели подписались при этомъ?

Бурдюковъ. Какъ же! набралъ какой-то сволочи.

Пролетовъ. А покойница собственноручно подписалась?

Бурдюковъ. Вотъ тò-то и есть, что подписалась, да чортъ знаетъ какъ.

Пролетовъ. Какъ?

Бурдюковъ. А вотъ какъ: покойницу звали Евдокія, а она нацарапала такую дрянь, что разобрать нельзя.

Пролетовъ. Какъ такъ?

Бурдюковъ. Чортъ знаетъ, чтò такое! Ей нужно было написать Евдокія, а она написала: „обмокни“.

Пролетовъ. Что вы![1]

Бурдюковъ. О, я вамъ скажу, что онъ гораздъ на все. „А племяннику моему Хрисанфію Петрову три стаметовыя[2] юбки“.

Пролетовъ *(въ сторону)*. Молодецъ, однакожъ, Павелъ Петровичъ Бурдюковъ:[3] я бы никакъ не могъ думать, чтобы онъ ухитрился такъ.

Бурдюковъ[4] *(размахивая руками)*. „Обмокни!“ Чтò жъ это значитъ? Вѣдь это не имя: „обмокни?“

Пролетовъ. Какъ же вы намѣрены поступить теперь?

Бурдюковъ. Я подалъ уже прошеніе объ уничтоженіи завѣщанія, потому что подпись ложная. Пусть они не врутъ: покойницу звали Евдокіей, а не „обмокни“.

Пролетовъ. И хорошо! Позвольте теперь мнѣ за все это взяться. Я сейчасъ напишу записку къ одному знакомому секретарю, а вы между тѣмъ доставьте мнѣ копію съ завѣщанія вашего.

Бурдюковъ. Несказанно обязанъ вамъ! *(Берется за шапку)*. А въ которыя двери нужно[5] выходить — въ тѣ, или въ эти?

Пролетовъ. Пожалуйте въ эти.

Бурдюковъ. Тò-то! Я потому спросилъ, что мнѣ нужно еще будетъ по своей надобности. До свиданія, почтеннѣйшій... какъ васъ? я все позабываю.[6]

Пролетовъ. Александръ Ивановичъ.

Бурдюковъ. Александръ Ивановичъ! Александръ Ивановичъ есть Прольдюковскій,[7] вы не знакомы съ нимъ?

Пролетовъ. Нѣтъ.

Бурдюковъ. Онъ еще живетъ въ пяти верстахъ отъ моей деревни. Прощайте!

Пролетовъ. Прощайте, почтеннѣйшій, прощайте!

IV.

Пролетовъ,[1] потомъ **слуга.**

Пролетовъ. Вотъ неожиданный кладъ![2] вотъ подарокъ! Просто Богъ на шапку послалъ. Странно сказать,[3] а по душѣ чувствуешь такое[4] какое-то эдакое неизъяснимое удовольствіе, какъ будто[5] или жена въ первый разъ сына родила, или министръ поцѣловалъ тебя, при всѣхъ чиновникахъ, въ полномъ присутствіи. Ей Богу, эдакое магнетическое какое-то! Эй Андрей! *(Андрей входитъ).*[6] Ступай сейчасъ къ моему секретарю и проси его сюда. Слышишь? Да постой: вотъ тебѣ на водку, напейся пьянъ, какъ стелька — для сегодняшняго[7] дня я тебѣ позволяю; а вотъ еще сыну на пряники.[8] Да скажи секретарю, чтобы — сейчасъ: самонужнѣйшее дѣло. А наконецъ таки, на силу! и на нашу улицу пришло веселье![9] Постой же, теперь я сяду[10] играть, да и посмотримъ, какъ ты будешь подплясывать! А ужъ коли изъ своихъ пріятелей чиновниковъ наберу оркестръ музыкантовъ,[11] такъ ты у меня такъ запляшешь, что во всю жизнь не отдохнутъ у тебя бока.[12]

ЛАКЕЙСКАЯ.

I.

Театръ представляетъ переднюю. Направо дверь на лѣстницу, налѣво—въ залъ. На заднемъ занавѣсѣ дверь.[1] нѣсколько съ боку, въ кабинетъ. До самыхъ[2] дверей во всю стѣну длинная скамья. **Петръ, Иванъ** и **Григорій** сидятъ на ней и спятъ, уткнувши головы одинъ другому въ плечо. Въ дверяхъ съ лѣстницы звенитъ[3] громкій звонокъ. Лакеи пробуждаются.[4]

Григорій. Ступай, отвори дверь! звонятъ.

Петръ. Да ты что сидишь? На ногахъ у тебя пузыри что ли? встать не можешь?

Иванъ *(махнувъ рукой)*. Ну, ужъ я пойду, такъ и быть. отворю! *(Отворяя дверь, вскрикиваетъ)*. Это Андрюшка!

Чужой слуга *входитъ въ картузѣ, въ шинели и съ узелкомъ въ рукѣ.*

Григорій. А, московская ворона! откуда тебя принесло?

Чужой слуга. Ахъ, ты чухонскій сычъ! Побѣгалъ бы ты съ мое. Вонъ *(подымая узелокъ)* къ цвѣточницѣ велѣла снесть, что̀ на Петербургской. Небось, четвертака на извощика не дастъ. Да и къ вашему тожъ. Что̀, спитъ?

Григорій. Кто? медвѣдь? Нѣтъ, еще не рычалъ изъ берлоги.

Петръ. Правда ли, что барыня ваша даетъ вамъ чулки штопать? *(Всѣ смѣются)*.

Григорій. Ну, ужъ ты, братъ, будь теперь штопальница. Ужъ мы такъ и звать тебя будемъ.

Чужой лакей. Врешь, а вотъ же и не штопалъ никогда.

Петръ. Да вѣдь у васъ извѣстно: дворовый человѣкъ до обѣда поваръ, а послѣ обѣда ужъ онъ кучеръ, или лакей, или башмаки шьетъ.

Чужой лакей. Ну, такъ что̀ жъ? ремесло другому не помѣшаетъ. Не сидѣть же безъ дѣла. Конечно, я и лакей, да и женскій портной вмѣстѣ. И на барыню шью, и на другихъ

тоже — копѣйку добываю. А вы что, вѣдь вотъ ничего жъ не дѣлаете.

Григорій. Нѣтъ, братъ, у хорошаго барина лакея не займутъ работой: на то есть мастеровой. Вонъ у графа Булкина тридцать, братъ, человѣкъ слугъ однихъ. И ужъ тамъ, братъ, нельзя такъ: „Эй, Петрушка, сходи-ка туды!“ [1] „Нѣтъ, молъ“, скажетъ, „это не мое дѣло; извольте-съ приказать Ивану“. Вотъ оно какъ! Вотъ оно что̀ значитъ, если баринъ хочетъ жить, какъ баринъ. А вонъ ваша пиголица изъ Москвы пріѣхала, коляска-то орѣхъ раскушенный, веревками хвосты лошадямъ позавязаны. *(Смѣются).*

Чужой лакей. Ну, ты смѣхунъ, смѣхунъ! Что̀ жъ изъ этого, что лежишь весь день? вѣдь за тожъ ни копѣйки за душой у тебя нѣтъ.

Григорій. Да на что̀ жъ мнѣ твоя копѣйка? А баринъ-то зачѣмъ? Вѣдь жалованье-то ужъ онъ мнѣ выдастъ, хоть я работай или не работай. А копить мнѣ на старость зачѣмъ? Что̀ жъ за баринъ, коли ужъ пансіона слугѣ не выдастъ за службу?

Чужой лакей. Что̀, говорятъ, ребята балъ затѣяли? [2]

Петръ. Да. А ты будешь?

Чужой лакей. Да вѣдь что жъ этотъ балъ! только, чай, слава, что балъ.

Григорій. Нѣтъ, братъ, балъ будетъ на всю руку. По цѣлковому жертвуютъ и больше. Княжой поваръ далъ пять рублей и самъ берется столъ готовить. Угощенье будетъ — не то, что орѣхи: ужъ полпуда конфектъ купили, мороженаго тоже... *(Слышенъ тоненькій звонокъ изъ барскаго кабинета).*

Чужой лакей. Ступай! звонитъ баринъ.

Григорій. Подождетъ. Лиминацію тоже зажгутъ. Музыку торговали, только не сошлись, баса нѣтъ, а то ужъ было... *(Слышенъ звонокъ изъ кабинета громче прежняго).*

Чужой лакей. Ступай, ступай! звонитъ.

Григорій. Подождетъ! Ну, ты сколько даешь?

Чужой лакей. Да вѣдь что жъ этотъ балъ? вѣдь это все такъ.

Григорій. Ну, развязывай мошну, ты, штопальница! Вонъ смотри, Петрушка, на него, какой онъ... *(Тыкаетъ на него пальцемъ. Въ это время отворяется дверь и баринъ, въ халатѣ, протянувши руку, схватываетъ Григорія за ухо; всѣ подымаются съ своихъ мѣстъ).*

II.

Баринъ. Что̀ вы, бездѣльники? Три человѣка, и хоть бы одинъ поднялся съ своего мѣста! Я звоню, что̀ есть мочи, чуть тесьмы не оборвалъ.

Григорій. Да ничего не было слышно, судырь![1]

Баринъ. Врешь!

Григорій. Ей Богу! Что жъ мнѣ лгать? Вотъ Петрушка тоже сидѣлъ. Ужъ это такой колокольчикъ, судырь,[2] никуды[3] не годится: никогда ничего не слыхать.[4] Нужно[5] будетъ слесаря позвать.

Баринъ. Ну, такъ позвать слесаря.

Григорій. Да я ужъ сказывалъ дворецкому. Да вѣдь что̀ жъ? ему говоришь, а вѣдь онъ еще и выбранитъ за это.

Баринъ *(увидя чужаго лакея)*. Это что̀ за человѣкъ?

Григорій. Это-съ человѣкъ отъ Анны Петровны, зачѣмъ-то пришелъ къ вамъ.

Баринъ. Что̀ скажешь, братъ?

Чужой лакей. Барыня приказала кланяться и доложить, что будутъ сегодня къ вамъ.

Баринъ. Зачѣмъ, не знаешь?

Чужой лакей. Не могу знать. Онѣ только сказали: „Скажи[6] Ѳедору Ѳедоровичу,[7] что я приказала кланяться и буду[8] къ нимъ".

Баринъ. Да когда, въ которомъ часу?

Чужой лакей. Не могу знать, въ которомъ часу.[9] Онѣ сказали только, что доложи, де, говоритъ, Ѳедору Ѳедоровичу,[10] что я, говоритъ, къ нимъ сама, де, буду у нихъ-съ[11]...

Баринъ. Хорошо. Петрушка, дай мнѣ поскорѣй одѣться: я иду со двора. А вы — не принимать никого! Слышишь, всѣмъ говорить, что меня нѣтъ дома! *(Уходитъ, за нимъ Петрушка).*

III.

Чужой лакей *(Григорію)*. Ну, видишь, вѣдь вотъ и досталось.

Григорій *(махнувъ рукой)*. А! ужъ служба такая! какъ ни старайся — все выбранятъ. *(Въ дверяхъ, что̀ у лѣстницы, раздается звонокъ).*

Григорій. Вотъ опять какой-то чортъ лѣзетъ! *(Ивану).* Ступай, отворяй! что жъ ты зѣваешь? *(Иванъ отворяетъ дверь; входитъ господинъ въ шубѣ).*

IV.

Господинъ въ шубѣ. Ѳедоръ Ѳедоровичъ[1] дома?

Григорій. Никакъ нѣтъ.

Господинъ. Досадно. Не знаешь, куда уѣхалъ?

Григорій. Неизвѣстно. Должно быть, въ департаментъ. А какъ объ васъ доложить?

Господинъ. Скажи, что былъ Нѣвелещагинъ. Очень, молъ, жалѣлъ, что не засталъ дома. Слышишь? не позабудешь?[2] Нѣвелещагинъ.

Григорій. Лентягинъ-съ?[3]

Господинъ *(вразумительнѣе).* Нѣвелещагинъ.

Григорій. Да вы нѣмецъ?

Господинъ. Какой нѣмецъ! просто, русскій: Нѣ-ве-ле-ща-гинъ.

Григорій. Слышь, Иванъ, не позабудь[4]: Ердащагинъ![5] *(Господинъ уходитъ).*

V.

Чужой лакей. Прощайте, братцы! Пора ужъ и мнѣ.

Григорій. Да что жъ на балъ будешь, что ли?

Чужой лакей. Ну, да ужъ[6] тамъ посмотрю послѣ. Прощай, Иванъ!

Иванъ. Прощай! *(Идетъ отворять дверь[7]).*

VI.

Горничная дѣвушка *бѣжитъ бѣгомъ черезъ лакейскую.*

Григорій. Куды, куды?[8] Удостойте взглядомъ! *(Хватаетъ ее за полу платья).*

Дѣвушка. Нельзя, нельзя, Григорій Павловичъ! Не держите меня, совсѣмъ-съ некогда! *(Вырывается и убѣгаетъ въ дверь на лѣстницу).*

Григорій *(смотря вслѣдъ ей[9]).* Вонъ она, какъ пошлелась! *(Смѣется).* Хе, хе, хе!

Иванъ *(смѣется)*. Хи, хи, хи! *(Выходитъ баринъ; Григорій и Иванъ вдругъ насупливаютъ рожи и становятся серьезны[1]. Григорій снимаетъ съ вѣшалки шубу и накидываетъ барину на плечи; баринъ уходитъ; Григорій стоитъ среди комнаты, чистя пальцемъ въ носу)*.

Григорій. Вѣдь вотъ свободное время: баринъ ушелъ, чего бы, кажется, лучше? — нѣтъ, сейчасъ привалитъ этотъ[2] чортъ, брюхачъ-дворецкій.

За сценой слышенъ крикъ[3] дворецкаго: Вѣдь вотъ точно Божеское наказаніе; десять человѣкъ въ домѣ, и хоть бы одинъ что-нибудь прибралъ.

Григорій. Вотъ ужъ пошелъ кричать толстобрюхій[4].

VII.

Пузатый дворецкій *(входитъ съ сильными движеньями и размахами рукъ)*.

Побоялись бы хоть совѣсти своей, коли Бога не боитесь. Вѣдь ковры до сихъ поръ не выколочены. Вы бы, Григорій Павловичъ[5], примѣръ другимъ должны бы дать, а вы спите ровно отъ утра до вечера, вѣдь глаза-то у васъ совсѣмъ заплыли отъ сна, ей Богу! Вѣдь вы совсѣмъ подлецъ послѣ этого, Григорій Павловичъ![6]

Григорій. Да что̀ жъ, нешто я не человѣкъ, что ужъ и заснуть нельзя?

Дворецкій. Да кто жъ противъ этого и слово говоритъ? Почему жъ не заснуть? но вѣдь не весь же день спать. Ну, вотъ хоть бы и ты, Петръ Ивановичъ! вѣдь ты, не говоря дурнаго слова, на свинью похожъ, ей Богу! Вѣдь что̀ тебѣ заботы? всего два, три какихъ-нибудь подсвѣчника вычистить. Ну, зачѣмъ ты тутъ баишься? *(Петръ медленно уходитъ)*. А тебѣ, Ванька, просто толчка въ затылокъ слѣдуетъ.

Григорій *(уходя)*. Эхъ ты, житье, житье! вставши, да за вытье!

Дворецкій *(оставшись одинъ)*. Въ томъ-то и есть поведенье, что всякій человѣкъ долженъ знать долгъ. Коли слуга, такъ слуга; дворянинъ, такъ дворянинъ; архіерей, такъ архіерей. А то бы, пожалуй, всякій началъ... Я бы сейчасъ сказалъ: „Нѣтъ, я не дворецкій, а губернаторъ, или тамъ какой-

нибудь отъ инфантеріи“. Да вѣдь за то мнѣ всякій бы сказалъ: „Нѣтъ, врешь, ты дворецкій, а не генералъ“ — вотъ что̀! „Твоя обязанность смотрѣть за домомъ, за поведеньемъ слугъ“ — вотъ что̀! „Тебѣ не то, что бонъ журъ, команъ ву франсе, а веди порядокъ, распоряженье“ — вотъ что̀! Да.

VIII.

Входитъ Аннушка, *горничная дѣвушка изъ другаго дома.*

Дворецкій[1]. А, Анна Гавриловна! Насчетъ моего почтенія съ большимъ удовольствіемъ васъ вижу.

Аннушка. Не безпокойтесь, Лаврентій Павловичъ! Я нарочно зашла къ вамъ на минуту: я встрѣтила карету вашего барина и узнала[2], что его нѣтъ дома.

Дворецкій. И очень хорошо сдѣлали: я и жена будемъ очень рады. Пожалуйте, садитесь!

Аннушка *(сѣвши)*. Скажите, вѣдь вы знаете что-нибудь о балѣ, который на дняхъ затѣвается?

Дворецкій. Какъ же. Оно, примѣрно, вотъ изволите видѣть, складчина: одинъ человѣкъ, другой, примѣрно также сказать, третій. Конечно, это впрочемъ составитъ большую сумму. Я пожертвовалъ вмѣстѣ съ женою пять рублей. Ну, натурально, балъ или, что обыкновенно говорится, вечеринка. Конечно, будетъ угощеніе, примѣрно сказать, прохладительное. Для молодыхъ людей танцы и тому прочія подобныя удовольствія.

Аннушка. Непремѣнно, непремѣнно буду! Я только зашла за тѣмъ, чтобы узнать, будете ли вы вмѣстѣ съ Агаѳьей[3] Ивановной?

Дворецкій. Ужъ Агаѳья[4] Ивановна только и говоритъ, что объ васъ[5].

Аннушка. Я боюсь только насчетъ общества.

Дворецкій. Нѣтъ, Анна Гавриловна, у насъ будетъ общество хорошее. Не могу сказать навѣрно, но слышалъ, что будетъ камердинеръ графа Толстогуба, буфетчикъ и кучера князя Брюховецкаго, горничная какой-то княгини... Я думаю, тоже чиновники нѣкоторые будутъ.

Аннушка. Одно мнѣ только очень не нравится, что будутъ кучера: отъ нихъ всегда запахъ простаго табаку или водки; притомъ же всѣ они такіе необразованные, невѣжи.

Дворецкій. Позвольте вамъ доложить, Анна Гавриловна, что кучера кучерамъ рознь. Оно конечно, такъ какъ кучера, по обыкновенію больше своему, находятся неотлучно при лошадяхъ, иногда подчищаютъ, съ позволенія сказать, навозъ[1]; конечно, человѣкъ простой, выпьетъ стаканъ водки или, по недостаточности больше, выкурить обыкновеннаго бакуну, какой большею частью простой народъ употребляетъ: да, такъ оно натурально, что отъ него иногда, примѣрно сказать, воняетъ навозомъ[2] или водкой, — конечно, все это такъ; да, однакожъ, согласитесь сами, Анна Гавриловна, что есть и такіе кучера, которые, хотя и кучера, однакожъ, по обыкновенію своему, больше, примѣрно сказать, конюхи, нежели кучера. Ихъ должность или, такъ выразиться[3], дирекція состоитъ въ томъ, чтобы отпустить овесъ или укорить въ чемъ, если провинился форейторъ или кучеръ.

Аннушка. Какъ вы хорошо говорите, Лаврентій Павловичъ! Я всегда васъ заслушиваюсь.

Дворецкій *(съ довольною улыбкою)*. Не стоитъ благодарности, сударыня! Оно конечно, не всякій человѣкъ имѣетъ, примѣрно сказать, рѣчь, то есть, даръ слова. Натурально, бываетъ иногда... что, какъ обыкновенно говорятъ, косноязычіе... да, или иные прочіе подобные случаи, что̀ впрочемъ уже происходитъ отъ натуры... Да не угодно ли вамъ пожаловать въ мою комнату?

(Аннушка идетъ, Лаврентій за нею).

ОТРЫВОКЪ.

Комната въ домѣ Марьи Александровны[1].

I.

Марья Александровна[2] *(пожилыхъ лѣтъ дама)* и **Михайло**[3] **Андреевичъ** *(ея сынъ).*

Марья Александровна. Слушай[4], Миша, я давно хотѣла съ тобою переговорить: тебѣ должно перемѣнить службу.

Миша. Пожалуй, хоть завтра же.

Марья Александровна. Ты долженъ служить въ военной.

Миша *(вытаращивъ глаза).* Въ военной?

Марья Александровна. Да.

Миша. Что̀ вы, маменька[5], въ военной?

Марья Александровна. Ну, что жъ ты такъ изумился?

Миша. Помилуйте, да развѣ вы не знаете: вѣдь нужно начинать съ юнкеровъ?

Марья Александровна. Ну да, послужишь годъ юнкеромъ, а потомъ произведутъ въ офицеры — ужъ это мое дѣло.

Миша. Да что̀ вы нашли во мнѣ военнаго? и фигура моя совершенно не военная. Помилуйте, матушка, право вы меня совершенно изумили этакими словами[6], такъ что я... я... я, просто, не знаю, что̀ и подумать... Я, слава Богу, и[7] толстенекъ немножко, а какъ надѣну юнкерскій мундиръ съ короткими хвостиками[8] — совѣстно даже будетъ смотрѣть.

Марья Александровна. Нѣтъ нужды. Произведутъ въ офицеры, будешь носить мундиръ съ длинными фалдами и совершенно закроешь толщину свою, такъ что ничего не будетъ замѣтно. Притомъ это и лучше, что ты немножко[9] толстъ — скорѣе пойдетъ производство[10]: имъ же будетъ совѣстно, что у нихъ въ полку такой толстый прапорщикъ.

Миша. Но, матушка, вѣдь мнѣ годъ, всего годъ осталось до коллежскаго ассессора. Я ужъ два года, какъ въ чинѣ титулярнаго совѣтника.

Марья Александровна. Перестань, перестань! Это слово „титулярный" тиранитъ мои уши; мнѣ такъ[1] и приходитъ на умъ, Богъ знаетъ что. Я хочу, чтобы сынъ мой служилъ въ гвардіи. На штафирку, просто, не могу и смотрѣть теперь!

Миша. Но посудите, матушка, разсмотрите меня хорошенько и наружность мою также[2]: меня еще въ школѣ звали хомякомъ. Въ военной службѣ все же нужно[3], чтобы и на лошади лихо ѣздилъ, и голосъ бы имѣлъ звонкій, и ростъ бы имѣлъ богатырскій[4] и талію.

Марья Александровна. Пріобрѣтешь, все пріобрѣтешь. Я хочу, чтобъ ты непремѣнно служилъ; на это есть очень важная причина.

Миша. Да какая же причина?

Марья Александровна. Ну, ужъ причина важная.

Миша. Все же таки скажите, какая причина[5].

Марья Александровна. Такая причина... я не знаю даже[6], поймешь ли ты хорошенько. Губомазова[7], эта дура, третьяго дни[8] у Рогожинскихъ говоритъ, и нарочно такъ, чтобы я слышала, — а я сижу третьею: передо мной Софи Вотрушкова, княгиня Александрина и за княгиней Александриной сейчасъ я, — что̀ бы ты думалъ, эта негодная осмѣлилась говорить?... Я, право, такъ и хотѣла встать съ мѣста, и если бы не княгиня Александрина, я бы, не знаю, что̀ я сдѣлала. Говоритъ: „Я очень рада, что на придворныхъ[9] балахъ не пускаютъ штатскихъ[10]. Это такіе все", говоритъ, „mauvais genre[11], чѣмъ-то[12] неблагороднымъ отъ нихъ отзывается. Я рада", говоритъ, „что мой Алексисъ не носитъ этого скравернаго фрака". — И все это произнесла съ такимъ жеманствомъ, съ такимъ тономъ... такъ право... я не знаю, что̀ бы я сдѣлала съ нею. А ея сынъ просто дуракъ набитый: только всего и умѣетъ, что подымать ногу. Такая противная мерзавка!

Миша. Какъ, матушка, такъ въ этомъ вся причина?[13]

Марья Александровна. Да, я хочу на зло, чтобы мой сынъ тоже служилъ въ гвардіи и былъ бы на всѣхъ придворныхъ[14] балахъ.

Миша. Помилуйте, матушка, изъ того только, что она дура...

Марья Александровна. Нѣтъ, ужъ я рѣшилась. Пусть-ка она себѣ треснетъ съ досады, пусть побѣсится.

Миша. Однакожъ...

Марья Александровна. О, я ей покажу! Ужъ какъ она хочетъ, я употреблю всѣ старанья, и мой сынъ будетъ тоже въ гвардіи. Ужъ хоть чрезъ это и потеряетъ, а ужъ непремѣнно будетъ. Чтобы я позволила всякой мерзавкѣ дуться передо мною и подымать и безъ того курносый носъ свой! Нѣтъ, ужъ вотъ этого-то никогда не будетъ! Ужъ какъ вы себѣ хотите, Наталья Андреевна!

Миша. Да развѣ этимъ вы ей досадите?[1]

Марья Александровна. О, ужъ этого-то не позволю!

Миша. Если вы этого[2] требуете, маменька, я перейду въ военную[3]; только, право, мнѣ самому будетъ смѣшно, когда увижу себя въ мундирѣ.

Марья Александровна. Ужъ, по крайней мѣрѣ, гораздо благороднѣе этого фрачишки. Теперь второе: я хочу женить тебя.

Миша. За однимъ разомъ[4] и перемѣнить службу, и женить?[5]

Марья Александровна. Что жъ?[6] Какъ будто нельзя и перемѣнить службу, и жениться?

Миша. Да вѣдь я и намѣренья еще не имѣлъ[7]. Я еще не хочу жениться.

Марья Александровна. Захочешь, если только узнаешь, на комъ. Этой женитьбой доставишь ты себѣ счастье и въ службѣ, и въ семейственной жизни. Словомъ, я хочу женить тебя на княжнѣ Шлепохвостовой.

Миша. Да вѣдь она, матушка, дура первоклассная.

Марья Александровна. Вовсе не первоклассная, а такая же, какъ и всѣ другія. Прекрасная дѣвушка, вотъ только что памяти нѣтъ: иной разъ забывается, скажетъ невпопадъ; но это отъ разсѣянности, а ужъ зато вовсе не сплетница и никогда ничего дурнаго не выдумаетъ.

Миша. Помилуйте, куды[8] ей сплетничать! Она насилу слово можетъ связать, да и то такое, что только руки разставишь, какъ услышишь. Вы знаете сами, матушка, что женитьба дѣло сердечное, нужно[9], чтобы душа...

Марья Александровна. Ну, такъ! Я вотъ какъ будто предчувствовала. Послушай, перестань либеральничать. Тебѣ это

не пристало, я тебѣ двадцать разъ уже говорила. Другому еще это идетъ какъ-то, а тебѣ совсѣмъ нейдетъ.

Миша. Ахъ, маменька, но когда и въ чемъ я былъ не послушенъ вамъ?[1] Мнѣ ужъ скоро тридцать лѣтъ, а между тѣмъ я, какъ дитя, покоренъ вамъ во всемъ[2]. Вы мнѣ велите ѣхать туда[3], куда бы[4] мнѣ смерть не хотѣлось ѣхать, — и я ѣду, не показывая даже и вида[5], что мнѣ это тяжело. Вы мнѣ приказываете потереться въ передней такого-то — и я трусь въ передней такого-то, хоть мнѣ это вовсе не по сердцу. Вы мнѣ велите танцовать на балахъ — и я танцую, хоть всѣ надо мною смѣются и надъ моей фигурой. Вы, наконецъ, велите мнѣ перемѣнить службу — и я перемѣняю службу[6]: въ тридцать лѣтъ иду въ юнкера[7], въ тридцать лѣтъ я перерождаюсь въ ребенка, въ угодность вамъ, и при всемъ томъ вы мнѣ всякій день колете глаза либеральничествомъ[8]. Не пройдетъ минуты, чтобы вы меня не назвали либераломъ. Послушайте, матушка, это больно; клянусь вамъ, это больно! Я достоинъ за мою искреннюю любовь и привязанность къ вамъ болѣе[9]...

Марья Александровна[10]. Пожалуйста, не говори этого! Будто я не знаю, что ты либералъ! И знаю даже, кто тебѣ все это внушаетъ: все этотъ скверный Собачкинъ.

Миша. Нѣтъ, матушка, это уже слишкомъ, чтобы Собачкина я даже сталъ слушаться. Собачкинъ мерзавецъ, картежникъ и все, что̀ вы хотите. Но тутъ онъ невиненъ. Я никогда не позволю ему надо мною имѣть и тѣни вліянія[11].

Марья Александровна. Ахъ, Боже мой, какой ужасный человѣкъ! Я испугалась, когда его узнала. Безъ правилъ, безъ добродѣтели — какой гнусный, какой гнусный человѣкъ! Если бъ ты зналъ, что̀ такое онъ разнесъ[12] про меня!... я три мѣсяца не могла никуда носа показать: что у меня подаютъ сальные огарки; что у меня по цѣлымъ недѣлямъ не вытираются въ комнатахъ ковры щеткою; что я выѣхала на гулянье въ упряжи изъ простыхъ веревокъ на[13] извощичьихъ хомутахъ... Я вся краснѣла, я болѣе недѣли была больна; я не знаю, какъ я могла перенести все это. Подлинно, одна вѣра въ Провидѣнье[14] подкрѣпила меня.

Миша. И этакой[15] человѣкъ, вы думаете, можетъ имѣть надо мною власть? И, думаете, я позволю?[16]...

Марья Александровна. Я сказала, чтобы онъ не смѣлъ мнѣ на глаза показываться, и ты однимъ только можешь[1] оправдать себя, когда безъ всякаго упорства сдѣлаешь княжнѣ déclaration сегодня же.

Миша. Но, матушка, а если нельзя этого[2] сдѣлать?

Марья Александровна. Какъ нельзя? это почему?

Миша *(въ сторону)*. Ну, рѣшительная минута!... *(Вслухъ)*. Позвольте мнѣ хотя здѣсь имѣть свой голосъ, хотя въ дѣлѣ, отъ котораго зависитъ счастіе моей будущей жизни. Вы не спросили еще меня... ну, если я влюбленъ въ другую?

Марья Александровна. Это, признаюсь, для меня новость[3]. Объ этомъ я еще ничего не слышала. Да кто жъ такая эта другая?

Миша. Ахъ, маменька! клянусь, никогда еще не было подобной — ангелъ, ангелъ и лицомъ и душою.

Марья Александровна. Да чьихъ она, кто отецъ ея?

Миша. Отецъ — Александръ Александровичъ Одосимовъ.

Марья Александровна. Одосимовъ! Фамилія неслышная! Я ничего не знаю про Одосимова... Да что̀ онъ, богатый человѣкъ?[4]

Миша. Рѣдкій человѣкъ! удивительный человѣкъ![5]

Марья Александровна. И богатый?

Миша. Какъ вамъ сказать? Нужно, чтобъ вы его видѣли. Такихъ достоинствъ души не сыщешь въ свѣтѣ[6].

Марья Александровна. Да что̀ онъ, какъ? въ чемъ состоитъ его чинъ, имущество?[7]

Миша. Я понимаю, маменька, чего вы хотите?[8] Позвольте мнѣ на счетъ этотъ[9] сказать откровенно мои мысли. Вѣдь теперь, какъ бы то ни было, можетъ быть, во всей Россіи нѣтъ жениха, который бы не искалъ богатой невѣсты. Всякій хочетъ поправиться на счетъ женнина приданаго[10]. Ну, пусть еще въ нѣкоторомъ отношеніи это извинительно: я понимаю, что бѣдный человѣкъ, которому не повезло по службѣ или въ чемъ другомъ, которому, можетъ быть, излишняя честность помѣшала составить состояніе, — словомъ, что̀ бы то ни было, но я понимаю, что онъ въ правѣ искать богатой невѣсты и, можетъ быть, несправедливы бы были родители, если бъ не отдали должнаго его достоинствамъ и не выдали бы за него дочери. Но вы посудите, справедливъ ли человѣкъ богатый, который

будетъ искать тоже богатыхъ невѣстъ — что̀ жъ будетъ тогда на свѣтѣ?[1] Вѣдь это все равно, что сверхъ шубы да надѣть шинель, когда и безъ того жарко, когда эта шинель, можетъ быть, прикрыла бы чьи-нибудь плечи. Нѣтъ, маменька, это несправедливо! Отецъ пожертвовалъ всѣмъ имуществомъ на воспитанье[2] дочери.

Марья Александровна. Довольно, довольно! Больше я не въ силахъ слушать[3]. Все знаю, все: влюбился въ потаскушку, дочь какого-нибудь фурьера, которая, можетъ быть, Богъ знаетъ чѣмъ занимается[4].

Миша. Матушка!...

Марья Александровна. Отецъ пьяница, мать стряпуха, родня — кварташки или служащіе по питейной части... И я должна все это слышать, все это терпѣть, терпѣть отъ роднаго сына, для котораго я не щадила жизни!... Нѣтъ, я не переживу этого!

Миша. Но, матушка, позвольте...

Марья Александровна. Боже мой, какая теперь нравственность у молодыхъ людей! Нѣтъ, я не переживу этого; клянусь, не переживу этого... Ахъ! что̀ это? у меня закружилась голова! *(Вскрикиваетъ).* Ахъ, въ боку колика!... Машка, Машка, стклянку!... Я не знаю, проживу ли я до вечера. Жестокій сынъ!

Миша *(бросаясь).* Матушка, успокойтесь! Вы сами создаете для себя...

Марья Александровна. И все это надѣлалъ этотъ скверный Собачкинъ. Я не знаю, какъ не выгонятъ до сихъ поръ эту чуму.

Лакей *(въ дверяхъ).* Собачкинъ пріѣхалъ.

Марья Александровна. Какъ! Собачкинъ? Отказать, отказать, чтобъ его и духу здѣсь не было!

II.

Тѣ же и Собачкинъ.

Собачкинъ. Марья Александровна[5], извините великодушно, что такъ давно не былъ. Ей Богу, никакъ не могъ! Повѣрить не можете, сколько дѣлъ; зналъ, что будете гнѣваться; право, зналъ... *(Увидя Мишу).* Здравствуй, братъ! Какъ ты?

Марья Александровна *(въ сторону)*. У меня, просто, словъ недостаетъ! Каковъ! Еще извиняется, что давно не былъ!

Собачкинъ. Какъ я радъ, что вы, судя по лицу, такъ свѣжи и здоровы! А братца вашего какъ здоровье? Я полагалъ, признаюсь, и его также застать у васъ.

Марья Александровна. Для этого вы бы могли отправиться къ нему, а не ко мнѣ.

Собачкинъ *(усмѣхаясь)*. Я пріѣхалъ разсказать вамъ одинъ преинтересный анекдотъ.

Марья Александровна. Я не охотница до анекдотовъ.

Собачкинъ. Объ Натальѣ Андреевнѣ Губомазовой.

Марья Александровна. Какъ, объ Губомазовой?... *(Стараясь скрыть любопытство)*. Такъ это, вѣрно, недавно случилось?

Собачкинъ. На дняхъ.

Марья Александровна. Что̀ жъ такое?

Собачкинъ. Знаете ли, что она сама сѣчетъ своихъ дѣвокъ?

Марья Александровна. Нѣтъ! что̀ вы говорите? Ахъ, какой срамъ![1] Можно ли это?

Собачкинъ. Вотъ вамъ крестъ! Позвольте же разсказать. Одинъ разъ[2] велитъ она виноватой дѣвушкѣ лечь, какъ слѣдуетъ, на кровать, а сама пошла въ другую комнату, не помню за чѣмъ-то, кажется, за розгами. Въ это время дѣвушка зачѣмъ-то выходитъ изъ комнаты, а на мѣсто ея приходитъ Натальи Андреевны мужъ, ложится и засыпаетъ. Является Наталья Андреевна, какъ слѣдуетъ, съ розгами, велитъ одной дѣвушкѣ сѣсть ему на ноги, накрыла простыней и высѣкла мужа.

Марья Александровна *(всплеснувъ руками)*. Ахъ, Боже мой, какой срамъ![3] Какъ это до сихъ поръ я ничего объ этомъ не знала? Я вамъ скажу, что я почти всегда была увѣрена, что она въ состояніи это сдѣлать.

Собачкинъ. Натурально. Я это говорилъ всему свѣту[4]. Толкуютъ[5]: „Примѣрная жена, сидитъ дома, занимается воспитаніемъ дѣтей, сама учитъ ихъ[6] по-англійски!“[7] Какое воспитанье! сѣчетъ всякій день мужа, какъ кошку!... Какъ мнѣ жаль право, что я не могу пробыть у васъ подолѣе. *(Раскланивается)*.

Марья Александровна. Куда жъ это вы, Андрей Кондратье-

вичъ? Не совѣстно ли вамъ, столько времени у меня не бывши... Я всегда привыкла васъ видѣть, какъ друга дома: останьтесь! Мнѣ хотѣлось еще съ вами переговорить кое о чемъ. Послушай, Миша, у меня въ комнатѣ дожидается каретникъ; пожалуйста, переговори съ нимъ. Спроси, возьмется ли онъ передѣлать карету къ первому числу[1]. Цвѣтъ чтобы былъ голубой съ свѣтлой уборкой, на манеръ кареты Губомазовой. *(Миша уходитъ).*

Марья Александровна. Я нарочно услала сына, чтобы переговорить съ вами наединѣ. Скажите, вы вѣрно знаете: есть какой-то Александръ Александровичъ Одосимовъ.

Собачкинъ. Одосимовъ?... Одосимовъ... Одосимовъ... Знаю, есть гдѣ-то Одосимовъ; а впрочемъ, я могу справиться.

Марья Александровна. Пожалуйста.

Собачкинъ. Помню, помню, есть Одосимовъ, столоначальникъ или начальникъ отдѣленія... точно, есть.

Марья Александровна. Вообразите, вышла одна смѣшная исторія.... Вы мнѣ можете сдѣлать большое одолженіе.

Собачкинъ. Вамъ стоитъ только приказать. Для васъ я готовъ на все: вы сами это знаете.

Марья Александровна. Вотъ въ чемъ дѣло: мой сынъ влюбился или, лучше, не влюбился, а просто[2] зашло въ голову сумасбродство... Ну, молодой человѣкъ... Словомъ, онъ бредитъ дочерью этого Одосимова.

Собачкинъ. Бредитъ? А, однакожъ, онъ мнѣ ничего объ этомъ не сказалъ[3]. Да впрочемъ, конечно, бредитъ, если вы говорите.

Марья Александровна. Я хочу[4] отъ васъ, Андрей Кондратьевичъ, большой услуги: вы, я знаю, нравитесь женщинамъ.

Собачкинъ. Хе, хе, хе! Да вы почему это думаете? А вѣдь, точно, вообразите: на масленой[5] шесть купчихъ... можетъ быть, вы думаете, что я съ своей стороны какъ-нибудь.... волочился или что-нибудь другое.... Клянусь, даже не посмотрѣлъ! Да вотъ еще лучше: вы знаете того, какъ бишь его, Ермолай, Ермолай.... Ахъ Боже, Ермолай, вотъ что̀ жилъ на Литейной, недалеко отъ Кирочной?

Марья Александровна. Не знаю тамъ никого.

Собачкинъ. Ахъ, Боже мой, Ермолай Ивановичъ, кажется, вотъ хоть убей, позабылъ фамилію. Еще жена его, лѣтъ пять

тому назадъ, попала въ исторію.... Ну, да вы знаете ее — Сильфида Петровна.

Марья Александровна. Совсѣмъ нѣтъ; не знаю я никакого ни Ермолая Ивановича, ни Сильфиды Петровны.

Собачкинъ. Боже мой! онъ еще жилъ недалеко отъ Куропаткина.

Марья Александровна. Да и Куропаткина я не знаю[1].

Собачкинъ. Да вы послѣ припомните. Дочь богачка страшная, до двухсотъ тысячъ приданаго и не то, чтобы съ надуваньемъ, а еще до вѣнца ломбарный билетъ въ руки.

Марья Александровна. Что жъ вы? не женились?[2]

Собачкинъ. Не женился. Отецъ три дня на колѣняхъ стоялъ, упрашивалъ; и дочь не перенесла, и теперь въ монастырѣ сидитъ.

Марья Александровна. Почему жъ вы не женились?

Собачкинъ. Да такъ какъ-то. Думаю себѣ: отецъ откупщикъ, родня — что̀ ни попало. Повѣрите, самому, право, было потомъ жалко. Чортъ побери, право, какъ устроенъ свѣтъ: все условія, да приличія. Сколькихъ людей уже погубили!

Марья Александровна. Ну, да что же вамъ смотрѣть на свѣтъ? *(Въ сторону).* Прошу покорно! Теперь всякая чуть вылѣзшая козявка[3] ужъ думаетъ, что онъ аристократъ. Вотъ всего какой-нибудь титулярный, а послушай-ка, какъ говоритъ![4]

Собачкинъ. Ну, да нельзя, Марья Александровна[5], право нельзя, все какъ-то... Ну, понимаете... станутъ говорить: „Ну, вотъ женился, чортъ знаетъ на комъ...“ Да со мной, впрочемъ, всегда такія исторіи. Иной разъ, право, совсѣмъ не виноватъ, съ своей стороны рѣшительно ничего... ну, что ты прикажешь дѣлать? *(Говоритъ тихо).* Вѣдь вотъ по вскрытіи Невы всегда находятъ двухъ, трехъ утонувшихъ женщинъ[6], — я ужъ только молчу, потому что въ такую еще впутаешься исторію... Да, любятъ; а вѣдь за что бы, кажется? лицомъ нельзя сказать, чтобы очень...

Марья Александровна. Полно, будто вы сами не знаете, что вы хороши[7].

Собачкинъ *(усмѣхается[8]).* А вѣдь вообразите, что, еще какъ былъ мальчишкой, ни одна бывало не пройдетъ безъ того, чтобы не ударить пальцемъ подъ подбородокъ и не сказать: „Плутишка, какъ хорошъ!“

Марья Александровна *(въ сторону)*. Прошу покорно! Вѣдь вотъ насчетъ красоты тоже[1] — вѣдь моська совершенная, а воображаетъ, что хорошъ. *(Вслухъ)*. Ну, такъ послушайте же, Андрей Кондратьевичъ, съ вашею наружностью можно это сдѣлать. Мой сынъ влюбленъ до дурачества и воображаетъ, что она совершенная доброта и невинность. Нельзя ли какъ-нибудь, знаете, представить ее не въ томъ видѣ, какъ-нибудь эдакъ[2], что называется, немножко замарать[3]... Если вы, положимъ, не произведете на нее дѣйствія и она не сойдетъ съ ума отъ васъ...

Собачкинъ. Марья Александровна[4], сойдетъ! Не спорьте, сойдетъ[5]: я голову дамъ отрубить, если не сойдетъ. Я вамъ скажу, Марья Александровна, со мной не такія бывали исторіи... Вотъ еще на дняхъ...

Марья Александровна. Ну, какъ бы то ни было, сойдетъ, или не сойдетъ, только нужно, чтобы по городу разнеслись слухи, что вы съ нею въ связи... и чтобы это дошло до моего сына.

Собачкинъ. До вашего сына?

Марья Александровна. Да, до моего сына.

Собачкинъ. Да.

Марья Александровна. Чтò — да?

Собачкинъ. Ничего, я такъ сказалъ[6]: *да*.

Марья Александровна. Развѣ вы находите, что это для васъ трудно?

Собачкинъ. О, нѣтъ, ничего! Но всѣ эти влюбленные... вы не повѣрите, какія у нихъ несообразности, неумѣстныя ребячества разныя: то пистолеты, то... чортъ знаетъ чтò такое... Конечно, я не то, чтобы этимъ какъ-нибудь... но знаете, неприлично въ хорошемъ обществѣ.

Марья Александровна. О! насчетъ этого будьте покойны. Положитесь на меня, я не допущу его до этого.

Собачкинъ. Впрочемъ, я такъ только замѣтилъ. Повѣрьте, Марья Александровна, я для васъ, если бы пришлось точно порисковать гдѣ жизнью, то съ удовольствіемъ, ей Богу, съ удовольствіемъ... Я такъ васъ люблю, что, признаться сказать, даже совѣстно; вы подумать можете[7], Богъ знаетъ чтò, а это именно одно только глубочайшее уваженіе. Ахъ, вотъ хорошо, что вспомнилъ! Я попрошу васъ, Марья

Александровна, одолжить[1] мнѣ на самое короткое время тысячонки двѣ. Чортъ его знаетъ, какая дурацкая память! Одѣваясь, все думалъ, какъ бы не позабыть книжку, нарочно положилъ на столъ передъ глазами. Чтò прикажете, все взялъ, табакерку взялъ, платокъ даже лишній взялъ, а книжка осталась на столѣ.

Марья Александровна *(въ сторону)*. Чтò съ нимъ дѣлать? Дашь — замотаетъ, а не дашь — распуститъ по городу такую чепуху, что мнѣ никуды[2] нельзя будетъ носа показать. И мнѣ нравится, что еще говоритъ: позабылъ книжку! Книжка-то у тебя есть, я знаю, да пуста. А, нечего дѣлать, нужно[3] дать. *(Вслухъ)*. Извольте, Андрей Кондратьевичъ! обождите только здѣсь, я вамъ ихъ сейчасъ принесу.

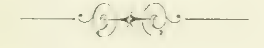
Собачкинъ. Очень хорошо, я посижу здѣсь.

Марья Александровна *(уходя, въ сторону)*. Безъ денегъ ничего, мерзавецъ, не можетъ сдѣлать.

Собачкинъ *(одинъ)*. Да, эти двѣ тысячи теперь мнѣ и очень пригодятся. Долговъ-то я отдавать не буду: и сапожникъ подождетъ, и портной подождетъ, и Анна Ивановна тоже подождетъ; конечно раскричится[4], ну, да чтò жъ дѣлать? нельзя же деньги сорить на все, съ нея[5] довольно и любви моей, а платье, она вретъ, у нея[6] есть. А я сдѣлаю вотъ какъ: скоро будетъ гулянье; колясчонка моя хоть и новая, ну да ее всякій уже видѣлъ и знаетъ, а есть, говорятъ, у Іохима[7] только-что отдѣланная, послѣдней моды[8], еще онъ даже никому не показываетъ ее[9]. Если прибавлю эти двѣ тысячи къ моей коляскѣ, такъ я могу ее и весьма вымѣнять[10]. Такъ я, знаете, какого задамъ тогда эффекту![11] Можетъ быть, на всемъ гуляньи всего и будетъ только одна или двѣ такія коляски. Такъ обо мнѣ вездѣ заговорятъ. А между тѣмъ нужно подумать о[12] порученьи Марьи Александровны. Мнѣ кажется, благоразумнѣе всего начать съ любовныхъ писемъ. Написать письмо отъ имени этой дѣвушки, да и выронить какъ-нибудь нечаянно при немъ или позабыть на столѣ въ его комнатѣ. Конечно, можетъ выйти какъ-нибудь плохо. Да впрочемъ что жъ? надаетъ вѣдь только тузановъ? Тузаны, конечно, больно, да все же вѣдь не до такой же степени, чтобы... Да вѣдь я могу и удрать, и если чтò — въ спальню[13] Марьи Александровны, и прямо подъ кровать, и пусть-ка онъ оттуда меня вытащитъ!

Но, главное, какъ написать письмо? Смерть не люблю писать, то есть, просто хоть зарѣжь. Чортъ его знаетъ, такъ, кажется, на словахъ все бы славно изъяснилъ, а примешься за перо — просто, какъ будто бы кто-нибудь оплеуху далъ: конфузія, конфузія[1], не подымается рука, да и полно. Развѣ вотъ что? у меня есть кое-какія письма, еще недавно ко мнѣ писанныя[2] — выбрать, которое получше, подскоблить фамилію, а на мѣсто[3] ея написать другую. Что жъ, чѣмъ же это не хорошо? право! Пошарить въ карманѣ, можетъ быть, тутъ же посчастливится найти именно такое, какъ нужно. *(Вынимаетъ изъ кармана пучокъ писемъ).* Ну, хоть бы это, напримѣръ *(читаетъ).* „Я очинь слава Богу здарова но за немогаю отъ болѣ. Али вы душенька совсемъ пазабыли[4]. Иванъ Даниловичь виделъ васъ душиньку въ тіатѣрѣ и то пришли бы успокоили веселостями разговора". Чортъ возьми! кажется, правописанья нѣтъ. Нѣтъ, этимъ, я думаю, не надуешь[5]. *(Продолжаетъ).* „Я для васъ душинька вышила подвязку". Ну, и разносилась съ нѣжностями! Что-то буколическаго много, Шатобріаномъ пахнетъ. А вотъ, можетъ быть, не будетъ ли здѣсь чего-нибудь? *(Развертываетъ другое и прищуриваетъ глазъ, стараясь разобрать).* „Лю-без-ный другъ!" Нѣтъ, это, однакожъ, не любезный другъ: что же однакожъ? „Нѣжнѣйшій, дражайшій?" Нѣтъ, и не дражайшій, нѣтъ, нѣтъ. *(Читаетъ).* „Ме, ме, е... рзавецъ". Хм! *(Сжимаетъ[6] губы).* „Если ты, коварный обольститель моей невинности, не отдашь задолженныя мною въ[7] мелочную лавочку деньги, которыя я по неопытности сердечной для тебя, скверная рожа *(послѣднее слово читаетъ почти сквозь зубы)*... то я тебя въ полицію". Чортъ знаетъ что! Вотъ ужъ, просто, чортъ знаетъ что![8] Вотъ, ужъ именно ничего нѣтъ въ этомъ письмѣ[9]. Конечно, обо всемъ можно сказать, но можно сказать благопристойно, выраженьями такими, которыя бы не оскорбляли человѣка. Нѣтъ, нѣтъ, всѣ эти письма, я вижу, какъ-то не то... совсѣмъ не годятся. Нужно[10] поискать чего-нибудь сильнаго, чтобы[11] виденъ кипятокъ, — кипятокъ, что называютъ[12]. А вотъ, вотъ, посмотримъ это[13]. *(Читаетъ).* „Жестокій тиранъ души моей!" А, это что-то хорошее однакожъ. „Тронься сердечной моей участью!" И преблагородно! ей Богу, преблагородно! Вѣдь вотъ видно воспитанье! Ужъ по началу видно, кто какъ

себя поведетъ. Вотъ какъ нужно писать! Чувствительно[1], а между тѣмъ и человѣкъ не оскорбленъ. Вотъ это письмо я ему и подсуну. Далѣе ужъ и читать не нужно[2]; только не знаю, какъ бы выскоблить такъ, чтобы не было замѣтно *(Смотритъ на подпись)*. Э, э! вотъ хорошо, даже имени[3] не выставлено! Прекрасно! это и подписать. Каково обдѣлалось дѣльцо самособою! А вѣдь, говорятъ, наружность вздоръ: ну, не будь смазливъ, не влюбились бы въ тебя, а не влюбившись, не написали бы писемъ, а не имѣя писемъ[4], не зналъ бы, какъ взяться за это дѣло. *(Подходя къ зеркалу)*. Еще сегодня какъ-то опустился, а то вѣдь иной разъ, точно, даже что-то значительное въ лицѣ... Жаль только, что зубы скверные, а то бы совсѣмъ былъ похожъ на Багратіона. Вотъ не знаю, какъ запустить[5] бакенбарды: такъ ли, чтобы рѣшительно, вокругъ было бахромкой[6], какъ говорятъ[7] — сукномъ обшитъ[8], или выбрить все гольемъ, а подъ губой завести что-нибудь, а?

ТЕАТРАЛЬНЫЙ РАЗЪѢЗДЪ

послѣ

ПРЕДСТАВЛЕНІЯ НОВОЙ КОМЕДІИ.

(Сѣни театра. Съ одной стороны видны лѣстницы, ведущія въ ложи и галлереи; по срединѣ входъ въ кресла и амфитеатръ; съ другой стороны — выходъ. Слышенъ отдаленный гулъ рукоплесканій).

Авторъ піесы *) *(выходя)*. Я вырвался, какъ изъ омута! Вотъ наконецъ и крики, и рукоплесканья! Весь театръ гремитъ!.. Вотъ и слава! Боже, какъ бы забилось назадъ тому лѣтъ семь, восемь мое сердце![1] какъ бы встрепенулось все во мнѣ! Но это было давно. Я былъ тогда молодъ, дерзномысленъ, какъ юноша. Благъ Промыслъ, не давшій вкусить мнѣ раннихъ восторговъ и хвалъ! Теперь... Но разумный холодъ лѣтъ умудритъ хоть кого. Узнаешь наконецъ, что рукоплесканья еще не много значатъ и готовы служить всему наградой: актеръ ли постигнетъ всю тайну души и сердца человѣка, танцоръ ли добьется умѣнья выводить[2] вензеля ногами, фокусникъ ли — всѣмъ имъ гремитъ рукоплесканье! Голова ли думаетъ, сердце ли чувствуетъ, звучитъ ли глубина души, работаютъ ли ноги, или руки перевертываютъ стаканы — все покрывается равными плесками. Нѣтъ, не рукоплесканій я бы теперь желалъ: я бы желалъ теперь вдругъ переселиться въ ложи, въ галлереи, въ кресла, въ раекъ, проникнуть всюду, услышать всѣхъ мнѣнья и впечатлѣнья, пока они еще дѣвственны и свѣжи, пока еще не покорились толкамъ и сужденьямъ знатоковъ и журналистовъ, пока каждый подъ

---

*) Само собою разумѣется, что авторъ піесы лицо идеальное: въ немъ изображено положеніе комика въ обществѣ, — комика, избравшаго предметомъ[3] осмѣяніе злоупотребленій въ кругу различныхъ сословій и должностей.

вліяньемъ своего собственнаго суда. Мнѣ это нужно: я комикъ. Всѣ другія произведенія и роды подлежатъ[1] суду немногихъ, одинъ комикъ подлежитъ[2] суду всѣхъ; надъ нимъ всякій зритель уже[3] имѣетъ право, всякаго званья человѣкъ уже становится судьей его[4]. О, какъ бы хотѣлъ я, чтобы каждый[5] указалъ мнѣ мои недостатки и пороки! Пусть даже посмѣется надо мной, пусть недоброжелательство правитъ устами его, пристрастье, негодованье, ненависть — все, что̀ угодно, но пусть только произнесутся эти толки. Не можетъ безъ причины произнестись слово, и вездѣ можетъ зарониться искра правды. Тотъ, кто рѣшился указать смѣшныя стороны другимъ, тотъ долженъ разумно принять указанья слабыхъ и смѣшныхъ собственныхъ сторонъ. Попробую, останусь здѣсь въ сѣняхъ во все время разъѣзда. Нельзя, чтобы не было толковъ о новой піесѣ: человѣкъ подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія всегда живъ и спѣшитъ имъ подѣлиться съ другимъ. *(Отходитъ въ сторону. Показываются нѣсколько прилично одѣтыхъ людей; одинъ говоритъ, обращаясь къ другому):* Выйдемъ лучше теперь: играться будетъ незначительный водевиль. *(Оба уходятъ).*

Два **Comme il faut**, *плотнаго свойства, сходятъ съ лѣстницы.*

Первый comme il faut. Хорошо, если бы полиція не далеко отогнала мою карету. Какъ зовутъ эту молоденькую актрису, ты не знаешь?

Второй comme il faut. Нѣтъ, а очень недурна.

Первый comme il faut. Да, недурна; но все чего-то еще нѣтъ. Да, рекомендую: новый ресторанъ: вчера намъ подалъ свѣжій зеленый горохъ[6] *(цѣлуетъ концы пальцевъ)* — прелесть! *(Уходятъ оба).*

Бѣжитъ **офицеръ**, *другой удерживаетъ его*[7] *за руку.*

Другой офицеръ. Да останемся.

Первый офицеръ. Нѣтъ, братъ, на водевиль и калачомъ не заманишь[8]. Знаемъ мы эти піесы, которыя даются на закуску: лакеи вмѣсто актеровъ, а женщины — уродъ на уродѣ. *(Уходятъ).*

Свѣтскій человѣкъ, щеголевато одѣтый *(сходя съ лѣстницы).* Плутъ портной, претѣсно сдѣлалъ мнѣ панталоны, все

время было страхъ неловко сидѣть. За это[1] я намѣренъ еще проволочить его и годика два не заплачу[2] долговъ. *(Уходитъ).*

Тоже свѣтскій человѣкъ, поплотнѣе *(говоритъ съ живостью другому).* Никогда, никогда, повѣрь мнѣ, онъ съ тобою не сядетъ играть. Меньше какъ по полтораста рублей робертъ[3] онъ не играетъ. Я знаю это хорошо, потому что шуринъ мой, Пафнутьевъ, всякій день съ нимъ играетъ.

Авторъ піесы *(про себя).* И все еще никто[4] ни слова о комедіи!

Чиновникъ среднихъ лѣтъ *(выходя съ растопыренными руками).* Это, просто, чортъ знаетъ что̀ такое!.. Этакое!.. этакое!.. Это ни на что не похоже. *(Ушелъ).*

Господинъ[5], **нѣсколько беззаботный насчетъ литературы** *(обращаясь къ другому).* Вѣдь это, однакожъ, кажется, переводъ?

Другой. Помилуйте, что̀ за переводъ! Дѣйствіе происходитъ въ Россіи, наши обычаи и чины даже.

Господинъ беззаботный насчетъ литературы. Я помню однакожъ, было что-то на французскомъ, не совсѣмъ[6] въ этомъ родѣ. *(Оба уходятъ).*

Одинъ изъ двухъ зрителей, *тоже выходящихъ вонъ.* Теперь еще ничего нельзя знать. Погоди, что̀ скажутъ въ журналахъ, тогда и узнаешь.

Двѣ бекеши *(одна другой).* Ну, какъ вы? Я бы желалъ знать ваше мнѣніе о комедіи.

Другая бекеша *(дѣлая значительныя движенія губами).* Да, конечно, нельзя сказать, чтобы не было того... въ своемъ родѣ... Ну, конечно, кто жъ противъ этого и стоитъ, чтобы опять не было и... гдѣ жъ, такъ сказать... а впрочемъ... *(Утвердительно сжимая губами)* Да, да! *(Уходятъ).*

Авторъ *(про себя).* Ну, эти пока еще не много сказали. Толки однакоже будутъ: я вижу, впереди горячо размахиваютъ руками.

Два офицера.

Одинъ. Я еще никогда такъ не смѣялся.

Другой. Я полагаю: отличная комедія.

Первый. Ну, нѣтъ, посмотримъ еще, что̀ скажутъ въ журналахъ: нужно подвергнуть суду критики... Смотри, смотри! *(Толкаетъ его подъ руку).*

Второй. Что?

Первый *(указывая пальцемъ на одного изъ двухъ идущихъ съ лѣстницы).* Литераторъ!

Второй *(торопливо).* Который?

Первый. Вотъ этотъ. Чш! послушаемъ, чтò будутъ говорить.

Второй. А другой кто съ нимъ?

Первый. Не знаю; неизвѣстно, какой человѣкъ. *(Оба офицера*[1] *посторанниваются*[2] *и даютъ имъ мѣсто).*

Неизвѣстно какой человѣкъ. Я не могу судить относительно литературнаго достоинства; но мнѣ кажется, есть остроумныя замѣтки. Остро, остро.

Литераторъ. Помилуйте, чтò жъ тутъ остроумнаго? Чтò за низкій народъ выведенъ, чтò за тонъ? Шутки самыя плоскія: просто, даже сально!

Неизвѣстно какой человѣкъ. А, это другое дѣло. Я и говорю: въ отношеніи литературнаго достоинства я не могу судить; я только замѣтилъ, что піеса смѣшна, доставила удовольствіе[3].

Литераторъ. Да и не смѣшна. Помилуйте, чтò жъ тутъ смѣшнаго и въ чемъ удовольствіе? Сюжетъ невѣроятнѣйшій. Все несообразности; ни завязки, ни дѣйствія, ни соображенія никакого.

Неизвѣстно какой человѣкъ. Ну, да противъ этого я и не говорю ничего. Въ литературномъ отношеніи такъ, въ литературномъ отношеніи она не смѣшна; но въ отношеніи, такъ сказать, со стороны въ ней есть...

Литераторъ. Да чтò же есть? Помилуйте, и этого даже нѣтъ! Ну, чтò за разговорный языкъ? Кто говоритъ этакъ въ высшемъ обществѣ? Ну, скажите сами, ну, говоримъ ли мы съ вами этакъ?

Неизвѣстно какой человѣкъ. Это правда; это вы очень тонко замѣтили. Именно, я вотъ самъ про это думалъ: въ разговорѣ благородства нѣтъ. Всѣ[4] лица, кажется, какъ будто не могутъ скрыть низкой природы своей — это правда.

Литераторъ. Ну, а вы еще хвалите!

Неизвѣстно какой человѣкъ[5]. Кто жъ хвалитъ? я не хвалю. Я самъ теперь вижу, что піеса — вздоръ. Но вѣдь вдругъ нельзя же[6] этого узнать, я не могу судить[7] въ литературномъ отношеніи. *(Оба уходятъ).*

Еще литераторъ *(входитъ въ сопровожденіи слушателей, которымъ*[8] *говоритъ, размахивая руками).* Повѣрьте мнѣ, я знаю это дѣло: отвратительная піеса! грязная, грязная піеса!

Нѣтъ ни одного лица истиннаго, все — карикатуры! Въ натурѣ нѣтъ этого; повѣрьте мнѣ, нѣтъ, я лучше это знаю: я самъ литераторъ. Говорятъ: живость, наблюденіе... да вѣдь это все вздоръ, это все пріятели, пріятели хвалятъ, все пріятели! Я ужъ слышалъ, что его чуть не въ Фонвизины суютъ, а піеса, просто, недостойна даже быть названа комедіею. Фарсъ, фарсъ, да и фарсъ самый неудачный. Послѣдняя пустѣйшая комедійка Коцебу въ сравненіи съ нею — Монбланъ передъ Пулковскою горою. Я это имъ всѣмъ докажу, докажу математически, какъ дважды два. Просто, друзья и пріятели захвалили его не въ мѣру, такъ вотъ онъ ужъ теперь, чай, думаетъ о себѣ, что онъ чуть-чуть не Шекспиръ. У насъ всегда пріятели захвалятъ. Вотъ, напримѣръ, и Пушкинъ. Отчего вся Россія теперь говоритъ о немъ? — Все пріятели: кричали, кричали, а потомъ вслѣдъ за ними и вся Россія стала кричать. *(Уходитъ вмѣстѣ съ слушателями).*

Оба офицера *(подаются впередъ и занимаютъ ихъ мѣста).*

Первый. Это справедливо, это совершенно справедливо: именно фарсъ; я это и прежде говорилъ, глупый фарсъ, поддержанный пріятелями. Признаюсь, на многое даже отвратительно было смотрѣть.

Второй. Да вѣдь ты жъ говорилъ, что еще никогда такъ не смѣялся?

Первый. А это опять другое дѣло. Ты не понимаешь, тебѣ нужно[1] растолковать. Тутъ что̀ въ этой піесѣ? Во-первыхъ, завязки никакой, дѣйствія тоже нѣтъ, соображенья рѣшительно никакого; все невѣроятности и притомъ все карикатуры.

Двое другихъ офицеровъ *позади.*

Одинъ *(другому).* Кто это разсуждаетъ? Кажется, изъ вашихъ?

Другой, *заглянувъ съ боку въ лицо разсуждавшаго[2], махнулъ рукой.*

Первый. Что̀? глупъ?

Второй. Нѣтъ, не то, чтобы. У него есть умъ, но сейчасъ по выходѣ журнала[3], а запоздала выходомъ книжка — и въ головѣ ничего[4]. — Но, однакожъ, пойдемъ. *(Уходятъ).*

Два любителя[1] искусствъ.

Первый. Я вовсе не изъ числа тѣхъ, которые прибѣгаютъ только къ словамъ: грязная, отвратительная, дурнаго тона и тому подобное[2]. Это уже доказанное почти[3] дѣло, что такія слова бо̀льшею частью исходятъ изъ устъ тѣхъ, которые сами очень сомнительнаго тона, толкуютъ о гостинныхъ, и[4] допускаются[5] только въ переднія. Но не объ нихъ рѣчь. Я говорю насчетъ того, что въ піесѣ, точно, нѣтъ завязки.

Второй. Да, если принимать[6] завязку въ томъ смыслѣ, какъ ее обыкновенно принимаютъ, то есть, въ смыслѣ любовной интриги, такъ ея, точно, нѣтъ. Но, кажется, уже пора перестать опираться до сихъ поръ на эту вѣчную завязку. Сто̀итъ вглядѣться[7] пристально вокругъ. Все измѣнилось давно въ свѣтѣ. Теперь сильнѣй завязываетъ драму стремленіе достать выгодное мѣсто, блеснуть и затмить, во что̀ бы ни стало, другаго[8], отмстить за пренебреженье, за насмѣшку. Не болѣе ли теперь имѣютъ электричества чинъ, денежный капиталъ, выгодная женитьба, чѣмъ любовь?

Первый. Все это хорошо; но и въ этомъ отношеніи все-таки я не вижу въ піесѣ завязки.

Второй. Я не буду теперь утверждать, есть ли въ піесѣ завязка, или нѣтъ. Я скажу только, что вообще ищутъ частной завязки и не хотятъ видѣть общей. Люди простодушно привыкли уже къ этимъ безпрестаннымъ любовникамъ, безъ женитьбы которыхъ никакъ не можетъ окончиться піеса. Конечно, это завязка, но какая завязка? — точный узелокъ на уголкѣ[9] платка. Нѣтъ, комедія должна вязаться сама собою, всей своей массою, въ одинъ большой общій узелъ. Завязка должна обнимать всѣ лица, а не одно или два, — коснуться того, что волнуетъ, болѣе или менѣе, всѣхъ дѣйствующихъ. Тутъ всякій герой; теченіе и ходъ піесы производитъ потрясеніе всей машины: ни одно колесо не должно оставаться, какъ ржавое и не входящее въ дѣло.

Первый. Но всѣ не могутъ же быть героями[10]: одинъ или два должны управлять другими.

Второй. Совсѣмъ не управлять, а развѣ преобладать. И въ машинѣ одни колеса замѣтнѣй и сильнѣй движутся, ихъ можно только назвать главными; но правитъ піесою идея, мысль:

безъ нея нѣтъ въ ней единства. А завязать можетъ все: самый ужасъ, страхъ ожиданія, гроза идущаго вдали закона...

Первый. Но это выходитъ ужъ придавать комедіи какое-то значеніе болѣе всеобщее[1].

Второй. Да развѣ не есть это[2] ея прямое и настоящее значеніе? Уже въ самомъ началѣ комедія была[3] общественнымъ, народнымъ созданіемъ. По крайней мѣрѣ, такою показалъ ее самъ отецъ ея, Аристофанъ. Послѣ уже она вошла въ узкое ущелье частной завязки, внесла любовный ходъ, одну и ту же непремѣнную завязку. Зато какъ слаба эта завязка у самыхъ лучшихъ комиковъ! какъ ничтожны эти театральные любовники съ ихъ картонной любовью!

Третій *(подходя и ударивъ слегка его по плечу)*[4]. Ты не правъ: любовь такъ же, какъ и другія чувства, можетъ тоже войти въ комедію.

Второй. Я и не говорю, чтобы она не могла войти. Но только[5] и любовь, и всѣ другія чувства, болѣе возвышенныя, тогда только произведутъ высокое впечатлѣніе, когда будутъ развиты во всей глубинѣ. Занявшись ими, неминуемо должно пожертвовать всѣмъ прочимъ. Все то, что составляетъ именно сторону[6] комедіи, тогда уже поблѣднѣетъ, и значеніе комедіи общественной непремѣнно исчезнетъ.

Третій. Стало быть, предметомъ комедіи должно быть непремѣнно низкое? Комедія выйдетъ уже низкій родъ.

Второй. Для того, кто будетъ глядѣть на слова, а не вникать въ смыслъ, это такъ. Но развѣ положительное и отрицательное не можетъ послужить[7] той же цѣли? Развѣ комедія и трагедія не могутъ выразить ту же высокую мысль? Развѣ всѣ, до малѣйшей, излучины души подлаго и безчестнаго человѣка не рисуютъ уже образъ честнаго человѣка?[8] Развѣ все это накопленіе низостей, отступленій[9] отъ законовъ и справедливости, не даетъ уже ясно[10] знать, чего требуютъ отъ насъ законъ, долгъ и справедливость? Въ рукахъ искуснаго врача[11] и холодная и горячая вода лѣчитъ[12] съ равнымъ успѣхомъ однѣ и тѣ же болѣзни: въ рукахъ таланта все можетъ служить орудіемъ къ прекрасному, если только правится высокой мыслью послужить прекрасному.

Четвертый *(подходя)*. Что̀ можетъ послужить прекрасному и о чемъ у васъ толки?

Первый. Споръ завязался у насъ о комедіи. Мы всѣ говоримъ о комедіи вообще, а никто еще не сказалъ ничего о новой комедіи. Что̀ вы скажете?

Четвертый. А вотъ что̀ скажу: виденъ талантъ, наблюденіе жизни, много смѣшнаго, вѣрнаго, взятаго съ натуры; но вообще во всей піесѣ чего-то нѣтъ. Какъ-то не видишь ни завязки, ни развязки. Странно, что наши комики никакъ не могутъ обойтись безъ правительства. Безъ него у насъ не развяжется ни одна комедія[1].

Третій. Это правда. А впрочемъ, съ другой стороны, это очень естественно. Мы всѣ принадлежимъ правительству, всѣ почти служимъ; интересы всѣхъ насъ болѣе или менѣе соединены съ правительствомъ. Стало быть, не мудрено, что это отражается въ созданьяхъ нашихъ писателей.

Четвертый. Такъ. Ну, и пусть эта связь будетъ слышна; но смѣшно то, что піеса никакъ не можетъ кончиться безъ правительства. Оно непремѣнно явится, точно неизбѣжный рокъ въ трагедіяхъ у древнихъ.

Второй. Ну, видите: стало быть, это уже что-то невольное у нашихъ комиковъ. Стало быть, это уже[2] составляетъ какой-то отличительный характеръ нашей комедіи. Въ груди нашей заключена[3] какая-то тайная вѣра въ правительство. Что жъ? тутъ нѣтъ ничего дурнаго: дай Богъ, чтобы правительство всегда и вездѣ слышало призванье свое — быть представителемъ Провидѣнья на землѣ, и чтобы мы вѣровали въ него, какъ древніе вѣровали въ рокъ, настигавшій преступленія.

Пятый. Здраствуйте, господа! Я только и слышу слово „правительство". Комедія возбудила крики и толки...

Второй. Поговоримте лучше объ этихъ[4] толкахъ и крикахъ у меня, чѣмъ здѣсь, въ театральныхъ сѣняхъ. *(Уходятъ).*

Нѣсколько почтенныхъ и прилично одѣтыхъ людей *появляются одинъ за другимъ.*

№ 1.

Такъ, такъ, я вижу: это вѣрно, это есть у насъ и случается въ иныхъ мѣстахъ и похуже; но для какой цѣли, къ чему выводить[5] это? — вотъ вопросъ! Зачѣмъ эти представленія? какая польза отъ нихъ? — вотъ что̀ разрѣшите мнѣ!

Что̀ мнѣ нужды знать, что въ такомъ-то мѣстѣ есть плуты? Я просто... я не понимаю надобности такихъ представленій. *(Уходитъ).*

№ 2.

Нѣтъ, это не осмѣяніе пороковъ; это отвратительная насмѣшка надъ Россіею — вотъ что̀. Это значитъ выставить въ дурномъ видѣ самое правительство, потому что выставлять дурныхъ чиновниковъ и злоупотребленія, которыя бываютъ въ разныхъ сословіяхъ, значитъ выставить самое правительство[1]. Просто, даже не слѣдуетъ дозволять такихъ представленій[2]. *(Уходитъ).*

Входятъ **господинъ А.** и **господинъ Б.**, *люди не маловажныхъ чиновъ.*

Господинъ А. Я не насчетъ этого говорю; напротивъ, злоупотребленья намъ нужно[3] показывать; нужно[4], чтобы мы видѣли свои проступки; и я ничуть не раздѣляю мнѣній многихъ, черезчуръ разгорячившихся патріотовъ; но только мнѣ кажется , что не слишкомъ ли много здѣсь чего-то печальнаго...

Господинъ Б[5]. Я бы очень хотѣлъ, чтобы вы услыхали[6] замѣчаніе одного очень скромно одѣтаго человѣка, который сидѣлъ возлѣ[7] меня въ креслахъ... Ахъ, вотъ онъ самъ!

Господинъ А. Кто?

Господинъ Б. Именно этотъ очень скромно одѣтый человѣкъ. *(Обращаясь къ нему).* Мы съ вами не кончили разговора, котораго начало было такъ для меня интересно.

Очень скромно одѣтый человѣкъ. А я, признаюсь, очень радъ продолжать его. Сейчасъ только я слышалъ толки, именно: что это все неправда, что это насмѣшка надъ правительствомъ[8], надъ нашими обычаями, и что этого не слѣдуетъ вовсе представлять. Это заставило меня мысленно припомнить и обнять всю піесу[9], и, признаюсь, выраженіе комедіи показалось мнѣ теперь еще даже значительнѣй. Въ ней, какъ мнѣ кажется, сильнѣй и глубже всего поражено смѣхомъ лицемѣріе, благопристойная маска, подъ которою является низость и подлость, плутъ, корчащій рожу благонамѣреннаго человѣка. Признаюсь, я чувствовалъ радость, видя, какъ смѣшны благонамѣренныя слова въ устахъ плута, и какъ

уморительно смѣшна стала всѣмъ, отъ креселъ до райка, надѣтая имъ маска. И послѣ этого есть люди, которые говорятъ, что не нужно[1] выводить этого на сцену! Я слышалъ одно замѣчаніе, сдѣланное, какъ мнѣ показалось, впрочемъ, довольно порядочнымъ человѣкомъ: „А что̀ скажетъ народъ, когда увидитъ, что у насъ бываютъ вотъ какія злоупотребленія?“

Господинъ А. Признаюсь, вы извините меня, но мнѣ самому тоже невольно представился вопросъ: а что̀ скажетъ народъ нашъ, глядя на все это?

Очень скромно одѣтый человѣкъ. Что̀ скажетъ народъ? *(Посторанивается[2], проходятъ двое въ армякахъ).*

Синій армякъ сѣрому. Небось, прыткіе были воеводы, а всѣ поблѣднѣли, когда пришла царская расправа! *(Оба выходятъ вонъ).*

Очень скромно одѣтый человѣкъ. Вотъ что̀ скажетъ народъ, вы слышали?

Господинъ А. Что̀?

Очень скромно одѣтый человѣкъ. Скажетъ: „Небось, прыткіе были воеводы, а всѣ[3] поблѣднѣли, когда пришла царская расправа!“ Слышите ли вы, какъ вѣренъ естественному чутью и чувству человѣкъ? Какъ вѣренъ самый простой глазъ, если онъ не отуманенъ теоріями и мыслями, надерганными изъ книгъ, а черплетъ[4] ихъ изъ самой природы человѣка! Да развѣ это не очевидно ясно, что послѣ такого представленія народъ[5] получитъ болѣе вѣры въ правительство? Да для него нужны такія представленія[6]. Пусть онъ отдѣлитъ правительство отъ дурныхъ исполнителей правительства[7]. Пусть видитъ онъ, что злоупотребленія происходятъ не отъ правительства, а отъ непонимающихъ требованій правительства, отъ нехотящихъ отвѣтствовать правительству. Пусть онъ видитъ, что благородно правительство, что бдитъ равно надъ всѣми его недремлющее око, что рано или поздно настигнетъ оно измѣнившихъ закону, чести и святому долгу человѣка, что поблѣднѣютъ предъ нимъ имѣющіе нечистую совѣсть. Да, эти представленія ему должно видѣть; повѣрьте, что если и случится ему испытать на себѣ прижимки и несправедливости, онъ выйдетъ утѣшенный послѣ такого представленія съ твердой вѣрой въ недремлющій высшій законъ. Мнѣ нравится тоже еще замѣчаніе:

„народъ получитъ дурное мнѣніе о своихъ начальникахъ“. То есть, они воображаютъ, что народъ только здѣсь, въ первый разъ, въ театрѣ, увидитъ своихъ начальниковъ; что если дома какой-нибудь плутъ-староста сожметъ его въ лапу, такъ этого онъ никакъ не увидитъ, а вотъ какъ пойдетъ въ театръ, такъ тогда и увидитъ. Они, право, народъ нашъ считаютъ глупѣе бревна,—глупымъ до такой степени, что будто уже онъ не въ силахъ отличить, который пирогъ съ мясомъ, а который съ кашей. Нѣтъ, теперь мнѣ кажется, даже хорошо то, что не выведенъ на сцену честный человѣкъ. Самолюбивъ человѣкъ: выстави ему при множествѣ дурныхъ сторонъ одну хорошую, онъ уже гордо выйдетъ изъ театра. Нѣтъ, хорошо, что выставлены одни только исключенья и пороки, которые колютъ теперь до того глаза, что не хотятъ быть ихъ соотечественниками, стыдятся даже сознаться, что это можетъ быть.

Господинъ А. Но неужели, однакожъ, существуютъ у насъ точь въ точь такіе люди?

Очень скромно одѣтый человѣкъ. Позвольте мнѣ сказать вамъ на это вотъ что̀: я не знаю, почему мнѣ всякій разъ становится грустно, когда я[1] слышу подобный вопросъ. Я могу съ вами говорить откровенно: въ чертахъ лицъ вашихъ я вижу что-то такое, что̀ располагаетъ меня къ откровенности. Человѣкъ прежде всего дѣлаетъ запросъ[2]: „Неужели существуютъ[3] такіе люди?“ Но когда было видано[4], чтобы человѣкъ сдѣлалъ такой вопросъ: „Неужели я самъ чистъ вовсе отъ такихъ пороковъ?“ Никогда, никогда! Да вотъ что,—я буду съ вами говорить прямодушно,—у меня доброе сердце, любви много въ моей груди, но если бы вы знали, какихъ душевныхъ усилій и потрясеній мнѣ было нужно[5], чтобы не впасть во многія порочныя наклонности, въ которыя впадаешь невольно, живя съ людьми! И какъ я могу сказать теперь, что во мнѣ нѣтъ сію же минуту тѣхъ самыхъ наклонностей, которымъ только-что посмѣялись назадъ тому десять минутъ всѣ, и надъ которыми я самъ посмѣялся?

Господинъ А. *(послѣ нѣкотораго молчанія).* Признаюсь, надъ словами вашими призадумаешься. И когда я вспомню, представлю себѣ, какъ гордыми сдѣлало насъ европейское наше воспитаніе, вообще какъ скрыло насъ отъ самихъ себя,

какъ свысока и съ какимъ презрѣніемъ глядимъ мы на тѣхъ, которые не получили подобной намъ наружной полировки, какъ всякій изъ насъ ставитъ себя чуть не святымъ, а[1] о дурномъ говоритъ вѣчно въ третьемъ лицѣ, — то, признаюсь, невольно становится грустно душѣ... Но простите мою нескромность, — вы, впрочемъ, виноваты въ ней сами, — позвольте узнать: съ кѣмъ я имѣю удовольствіе говорить?

Очень скромно одѣтый человѣкъ. А я ни болѣе, ни менѣе какъ одинъ изъ тѣхъ чиновниковъ, въ должности которыхъ выведены были лица комедіи, и третьяго дня только пріѣхалъ изъ своего городка.

Господинъ Б. Я бы этого не могъ[2] думать. И неужели вамъ не кажется послѣ этого обидно жить и служить съ такими людьми?

Очень скромно одѣтый человѣкъ. Обидно? А вотъ что я вамъ скажу на это: признаюсь, мнѣ приходилось часто терять терпѣнье. Въ городкѣ нашемъ не всѣ чиновники изъ честнаго десятка; часто приходится лѣзть на стѣну, чтобы сдѣлать какое-нибудь доброе дѣло. Уже нѣсколько разъ хотѣлъ было я бросить службу; но теперь, именно послѣ этого представленія, я чувствую свѣжесть и вмѣстѣ съ тѣмъ новую силу[3] продолжать свое поприще. Я утѣшенъ уже мыслью, что подлость у насъ не остается[4] скрытою или потворствуемой, что тамъ, въ виду всѣхъ благородныхъ людей, она поражена осмѣяніемъ, что есть перо, которое не укоснитъ обнаружить низкія наши движенія, хотя это и не льститъ національной нашей гордости, и что есть благородное правительство, которое дозволитъ показать это всѣмъ, кому слѣдуетъ, въ очи; и уже это одно даетъ мнѣ рвеніе продолжать мою полезную службу.

Господинъ А. Позвольте сдѣлать вамъ одно предложеніе. Я занимаю государственную должность довольно значительную. Мнѣ нужны истинно благородные и честные помощники. Я вамъ предлагаю мѣсто, гдѣ вамъ будетъ обширное поле дѣйствія, гдѣ вы получите несравненно болѣе выгодъ и будете на виду.

Очень скромно одѣтый человѣкъ. Позвольте мнѣ отъ всей души и отъ всего сердца поблагодарить васъ за такое предложеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ позвольте отказаться отъ него. Если я уже чувствую, что полезенъ своему мѣсту, то благо-

родно ли съ моей стороны его бросить? И какъ я могу оставить его, не будучи увѣренъ твердо, что послѣ меня не сядетъ какой-нибудь молодецъ, который начнетъ дѣлать прижимки. Если же это предложеніе сдѣлано вами въ видѣ награды, то позвольте сказать вамъ: я апплодировалъ автору піесы наравнѣ съ другими, но я не вызывалъ его. Какая ему награда? Піеса понравилась — хвали ее, а онъ — онъ только выполнилъ долгъ свой. У насъ, право, до того дошло, что не только по случаю какого-нибудь подвига, но просто, если только иной не нагадитъ никому въ жизни и на службѣ, то уже считаетъ себя Богъ вѣсть[1] какимъ добродѣтельнымъ человѣкомъ, сердится сурьезно, если не замѣчаютъ и не награждаютъ его. „Помилуйте", говоритъ, „я цѣлый вѣкъ честно жилъ, совсѣмъ почти не дѣлалъ подлостей, — какъ же мнѣ не даютъ ни чина, ни ордена?" Нѣтъ, по мнѣ кто не въ силахъ быть благороднымъ безъ поощренія — не вѣрю я его благородству; не стóитъ гроша его мышиное благородство.

Господинъ А. По крайней мѣрѣ вы мнѣ не откажете въ вашемъ знакомствѣ. Простите мою неотвязчивость; вы сами видите, что она есть слѣдствіе моего искренняго уваженія. Дайте мнѣ вашъ адресъ.

Очень скромно одѣтый человѣкъ. Вотъ вамъ мой адресъ; но будьте увѣрены, что я не допущу[2] васъ имъ воспользоваться и завтра же поутру явлюсь къ вамъ. Извините меня, я не воспитанъ въ большомъ свѣтѣ и не умѣю говорить... Но встрѣтить такое великодушное вниманіе въ государственномъ человѣкѣ, такое стремленіе къ добру... дай Богъ, чтобы всякій государь былъ окруженъ такими людьми![3] *(Поспѣшно уходитъ).*

Господинъ А. *(переворачивая въ рукахъ карточку).* Я смотрю на эту карточку и на эту неизвѣстную мнѣ фамилію, и какъ-то полно становится на душѣ моей. Это въ началѣ грустное впечатлѣніе разсѣялось само собою. Да хранитъ тебя Богъ, наша малознаемая нами Россія! Въ глуши, въ забытомъ углу твоемъ, скрывается подобный[4] перлъ, и, вѣроятно, онъ не одинъ. Они, какъ искры золотой руды, разсыпаны среди грубыхъ и темныхъ ея гранитовъ. Есть глубоко утѣшительное чувство въ семъ[5] явленіи, и душа моя освѣтилась послѣ встрѣчи съ этимъ чиновникомъ, какъ освѣтилась его собствен-

ная послѣ представленія комедіи. Прощайте! Благодарю васъ, что вы доставили мнѣ эту встрѣчу. *(Уходитъ).*

Господинъ В. *(подходя къ господину Б.).* Кто это былъ съ вами? Кажется, онъ министръ — а?

Господинъ П. *(подходя съ другой стороны).* Помилуй, братецъ, ну, что̀ это такое, какъ же это въ самомъ дѣлѣ?...

Господинъ Б. Что?

Господинъ П. Ну, да какъ же выводить это?

Господинъ Б. Почему же нѣтъ?

Господинъ П. Ну, да самъ посуди ты: ну, какъ же, право? Все пороки, да пороки; ну, какой примѣръ подастъ это зрителямъ?

Господинъ Б. Да развѣ пороки хвалятся? Вѣдь они же выведены на осмѣяніе.

Господинъ П. Ну, да все, братъ, какъ ни говори: уваженье... вѣдь чрезъ это теряется уваженіе къ чиновникамъ и должностямъ.

Господинъ Б. Уваженіе не теряется ни къ чиновникамъ, ни къ должностямъ, а къ тѣмъ, которые скверно исполняютъ свои должности.

Господинъ В. Но позвольте, однакоже, замѣтить: все это нѣкоторымъ образомъ есть уже оскорбленіе, которое болѣе или менѣе распространяется на всѣхъ.

Господинъ П. Именно. Вотъ это я самъ хотѣлъ ему замѣтить. Это именно оскорбленіе, которое распространяется. Теперь, напримѣръ, выведутъ какого-нибудь титулярнаго совѣтника, а потомъ... э... пожалуй выведутъ... и дѣйствительнаго статскаго совѣтника...

Господинъ Б. Ну, такъ что̀ жъ? Личность только должна быть неприкосновенна; а если я выдумалъ собственное лицо и придалъ ему кое-какіе пороки, какіе случаются между нами, и далъ ему чинъ, какой мнѣ вздумалось, хоть бы даже и дѣйствительнаго статскаго совѣтника, и сказалъ бы, что этотъ дѣйствительный статскій совѣтникъ не таковъ, какъ слѣдуетъ: что̀ жъ тутъ такого? Развѣ не попадается гусь и между дѣйствительными статскими совѣтниками?

Господинъ П. Ну, ужъ, братъ, это слишкомъ. Какъ же можетъ быть гусь дѣйствительный статскій совѣтникъ? Ну, пусть еще титулярный... Нѣтъ, ты ужъ слишкомъ.

Господинъ В. Чѣмъ выставлять дурное, зачѣмъ же не выставить[1] хорошее, достойное подражанія?

Господинъ Б. Зачѣмъ? странный вопросъ: „зачѣмъ?“ Много можно сдѣлать этакихъ „*зачѣмъ*“. Зачѣмъ одинъ отецъ, желая исторгнуть своего сына изъ безпорядочной жизни, не тратилъ словъ и наставленій, а привелъ его въ лазаретъ, гдѣ предстали предъ нимъ во всемъ ужасѣ страшные слѣды безпорядочной жизни? Зачѣмъ онъ это сдѣлалъ?

Господинъ В. Но позвольте вамъ замѣтить: это уже нѣкоторымъ образомъ наши общественныя раны, которыя нужно[2] скрывать, а не показывать.

Господинъ П. Это правда. Я съ этимъ совершенно согласенъ. У насъ дурное нужно[3] скрывать, а не показывать.

Господинъ Б. Если бы слова эти были сказаны кѣмъ другимъ, а не вами, я бы сказалъ, что ими водило лицемѣріе, а не истинная любовь къ отечеству. По вашему, нужно бы только закрыть, залѣчить какъ-нибудь снаружи эти, какъ вы называете, общественныя раны, лишь бы только покамѣстъ онѣ не были видны, а внутри пусть свирѣпствуетъ болѣзнь — до того нѣтъ нужды. Нѣтъ нужды, что она можетъ взорваться и обнаружиться такими[4] симптомами, когда уже всякое лѣченіе поздно. До того нѣтъ нужды[5]. Вы не хотите знать того, что безъ глубокой сердечной исповѣди, безъ христіанскаго сознанія грѣховъ своихъ, безъ преувеличенья ихъ въ собственныхъ глазахъ нашихъ, не въ силахъ мы возвыситься надъ ними, не въ силахъ возлетѣть душой превыше презрѣннаго въ жизни. Вы не хотите знать этого! Пусть глухъ остается человѣкъ, пусть сонно проходитъ[6] жизнь свою, пусть не содрогается, пусть не плачетъ въ глубинѣ сердца, пусть низведетъ до такого усыпленья свою душу, чтобы уже ничто не произвело въ ней потрясенія! Нѣтъ... простите меня! Холодный эгоизмъ движетъ устами, произносящими такія рѣчи, а не святая, чистая любовь къ человѣчеству. *(Уходитъ).*

Господинъ П. *(послѣ нѣкотораго молчанія).* Что жъ ты молчишь? Каковъ? Чего не наговорилъ[7], а?

Господинъ В. *молчитъ.*

Господинъ П. *(продолжая).* Онъ можетъ себѣ говорить, что ему угодно, а вѣдь это все-таки наши, такъ сказать, раны.

Господинъ В. *(въ сторону).* Ну, попались ему на языкъ

эти раны! Будетъ онъ толковать о нихъ и встрѣчному, и поперечному!

Господинъ П. Этакъ, пожалуй, и я могу насказать кучу всего, да вѣдь что̀ жъ изъ этого?... А вотъ князь N. Послушай, князь, не уходи!

Князь N. А что̀?

Господинъ П. Ну, потолкуемъ, остановись! Ну что̀, какъ піеса?

Князь N. Да смѣшна[1].

Господинъ П. Но[2], однакожъ, скажи: какъ это представлять? на что̀ это похоже...

Князь N. Почему жъ не представлять?

Господинъ П. Ну, да посуди самъ, ну, да какъ же это: вдругъ на сценѣ плутъ — вѣдь это все наши раны.

Князь N. Какія раны?

Господинъ П. Да, это наши раны, наши, такъ сказать, общественныя раны.

Князь N. *(съ досадою)*. Возьми ихъ себѣ! Пусть они[3] будутъ твои, а не мои раны! Что ты мнѣ ихъ тычешь? Мнѣ пора домой. *(Уходитъ)*.

Господинъ П. *(продолжая)*. И потомъ опять, что̀ за чепуху онъ наговорилъ здѣсь? Говоритъ: дѣйствительный статскій совѣтникъ можетъ быть гусь. Ну, еще пусть титулярный, это можно допустить...

Господинъ В. Однакожъ пойдемъ, полно толковать; я думаю, всѣ проходящіе узнали уже, что ты дѣйствительный статскій совѣтникъ. *(Въ сторону)*. Есть люди, которые имѣютъ искусство все охаять[4]. Твою же мысль повторивши, они умѣютъ сдѣлать ее такъ пошлою[5], что самъ краснѣешь. Скажешь глупость, она бы, можетъ быть, такъ и проскользнула незамѣченной — нѣтъ, отыщется поклонникъ и пріятель, который непремѣнно пуститъ ее въ ходъ и сдѣлаетъ еще глупѣе, чѣмъ она есть. Даже досадно право: точно въ грязь посадилъ. *(Уходятъ)*[6].

Военный и статскій[7] *выходятъ вмѣстѣ.*

Статскій. Вѣдь вотъ вы какіе, господа военные! Вы говорите: „это нужно[8] выводить на сцену“; вы готовы вдоволь посмѣяться надъ какимъ-нибудь штатскимъ[9] чиновникомъ; а за-

тронь какъ-нибудь военныхъ, скажи только, что есть въ такомъ-то полку офицеры, не говоря уже о порочныхъ наклонностяхъ, но просто скажи: есть офицеры дурнаго тона, съ неприличными ухватками — да вы изъ-за одного[1] этого готовы съ жалобой полѣзть въ самый государственный совѣтъ.

Военный. Ну, послушайте, за кого же вы меня считаете? Конечно, есть между нами такіе Донкишоты[2], но повѣрьте также, что есть много истинно-разсудительныхъ людей, которые будутъ рады всегда, если будетъ выведенъ на всеобщее осмѣяніе порочащій свое званье. Да и въ чемъ здѣсь обида? Подавайте, подавайте намъ его! Мы всякій день готовы смотрѣть.

Статскій *(въ сторону)*. Этакъ всегда кричитъ человѣкъ: „подавайте! подавайте!“ а подашь — такъ и разсердится[3]. *(Уходятъ).*

Двѣ бекеши.

Первая бекеша. У французовъ тоже, напримѣръ; но у нихъ все это очень мило. Ну, вотъ, помнишь, во вчерашнемъ водевилѣ: раздѣвается, ложится въ постель, схватываетъ со стола салатникъ и ставитъ его подъ кровать[4]. Оно, конечно, нескромно, но мило. На все это можно смотрѣть, это не оскорбляетъ... У меня жена и дѣти всякій день въ театрѣ. А здѣсь — ну, что̀ это, право? — какой-нибудь мерзавецъ, мужикъ, котораго я бы[5] въ переднюю не пустилъ, развалится съ сапогами, зѣваетъ или ковыряетъ въ зубахъ, — ну, что̀ это, право? на что̀ это похоже?

Другая бекеша. У французовъ другое дѣло. Тамъ société, mon cher! У насъ это невозможно. У насъ вѣдь сочинители совершенно безъ всякаго образованья: все это бо̀льшею частью воспитывалось въ семинаріи. Онъ и къ вину наклоненъ, онъ и потаскунъ. Къ моему лакею тоже[6] ходилъ въ гости одинъ какой-то сочинитель: гдѣ жъ ему имѣть понятіе о хорошемъ обществѣ? *(Уходятъ).*

Свѣтская дама *(въ сопровожденіи двухъ мужчинъ: одного во фракѣ, другаго въ мундирѣ)*. Но что̀ за люди, что̀ за лица выведены! хотя бы одинъ привлекъ... Ну, отчего не пишутъ у насъ такъ, какъ французы пишутъ, напримѣръ, какъ Дюма и другіе? Я не требую образцовъ добродѣтели; выведите мнѣ женщину, которая бы заблуждалась, которая бы даже измѣнила мужу, предалась, положимъ, самой порочной и непозволенной[7]

любви; но представьте это увлекательно, такъ, чтобы я побуждена была къ ней участьемъ, чтобы я полюбила ее... А вѣдь здѣсь всѣ лица — одинъ[1] отвратительнѣй другаго.

Мужчина въ мундирѣ. Да, тривіально, тривіально.

Свѣтская дама. Скажите: отчего у насъ въ Россіи все еще такъ тривіально?

Мужчина во фракѣ. Душа моя, послѣ разскажешь, отчего тривіально: кричатъ нашу карету. *(Уходятъ).*

Выходитъ[2] трое мужчинъ *вмѣстѣ.*

Первый. Почему жъ не посмѣяться? смѣяться можно; но что̀ за предметъ для насмѣшки — злоупотребленія и пороки? Какая здѣсь насмѣшка!

Второй. Такъ надъ чѣмъ же смѣяться? Развѣ надъ добродѣтелями, надъ достоинствами человѣка?

Первый. Нѣтъ; да это не предметъ для комедіи, мой милый! Это уже нѣкоторымъ образомъ касается правительства. Какъ будто нѣтъ другихъ предметовъ, о чемъ можно писать?

Второй. Какіе же другіе предметы?

Первый. Ну, да мало ли есть всякихъ смѣшныхъ свѣтскихъ случаевъ? Ну, положимъ, напримѣръ, я отправился на гулянье[3] на Аптекарскій островъ, а кучеръ меня вдругъ завезъ тамъ на Выборгскую или къ Смольному монастырю. Мало ли есть всякихъ смѣшныхъ сцѣпленій?

Второй. То есть, вы хотите отнять у комедіи всякое серьезное[4] значеніе. Но зачѣмъ же издавать непремѣнный законъ? Комедій въ томъ именно вкусѣ, въ какомъ вы желаете, есть множество. Почему же не допустить существованія двухъ, трехъ такихъ, какова была игранная теперь? Если же вамъ нравятся тѣ, о которыхъ вы говорите, поѣзжайте только въ театръ: тамъ всякій день вы увидите піесу, гдѣ одинъ спрятался подъ стулъ, а другой вытащилъ его оттуда за ногу.

Третій. Ну, нѣтъ, послушайте: это не то̀. Всему есть свои границы. Есть вещи, надъ которыми, такъ сказать, не слѣдуетъ смѣяться, которыя въ нѣкоторомъ родѣ уже святыня.

Второй *(про себя, съ горькой усмѣшкой).* Такъ всегда на свѣтѣ: посмѣйся надъ истинно-благороднымъ, надъ тѣмъ, что̀ составляетъ высокую святыню души, никто не станетъ заступ-

никомъ; посмѣйся же надъ порочнымъ, подлымъ и низкимъ — всѣ закричатъ: „онъ смѣется надъ святыней“.

Первый. Ну, вотъ видите ли, вы, я вижу, теперь убѣждены: не говорите ни слова. Повѣрьте, нельзя не быть убѣждену: это истина. Я самъ человѣкъ безпристрастный и говорю не то, чтобы... но, просто, это не авторское дѣло, это не предметъ для комедіи[1]. *(Уходятъ)*[2].

Второй *(про себя)*. Признаюсь, я бы ни за что не захотѣлъ быть на мѣстѣ автора. Прошу угодить! Избери маловажные свѣтскіе случаи, всѣ будутъ говорить: „Онъ пишетъ вздоръ, никакой нѣтъ глубокой нравственной цѣли“; избери предметъ, сколько-нибудь имѣющій серьезную[3] нравственную цѣль — будутъ говорить: „Не его дѣло, пиши пустяки!“ *(Уходитъ)*.

Молодая дама *большаго свѣта въ сопровожденіи мужа.*

Мужъ. Карета наша не должна быть далеко, мы можемъ скоро уѣхать.

Господинъ N. *(подходя къ дамѣ)*. Чтò вижу! Вы пріѣхали смотрѣть русскую піесу!

Молодая дама. Чтò жъ тутъ такого? Развѣ я уже ничуть не патріотка?

Господинъ N. Ну, если такъ, то вы не очень насытили патріотизмъ свой. Вы, вѣрно, браните піесу.

Молодая дама. Совсѣмъ нѣтъ[4]. Я нахожу, что многое очень вѣрно: я смѣялась отъ души.

Господинъ N. Отчего жъ вы смѣялись? Оттого ли, что любите посмѣяться надъ всѣмъ, что русское?

Молодая дама. Оттого, что, просто, было смѣшно. Оттого, что выведена была наружу[5] та подлость, низость, которая въ какое бы платье ни нарядилась, хотя бы она была и не въ уѣздномъ городкѣ, а здѣсь, вокругъ насъ, — она была бы[6] такая же подлость или[7] низость: вотъ отчего смѣялась.

Господинъ N. Мнѣ говорила сейчасъ одна очень умная дама, что она тоже смѣялась, но что[8] при всемъ томъ піеса произвела на нее грустное впечатлѣніе.

Молодая дама. Я не хочу знать, чтò чувствовала ваша умная дама; но у меня не такъ чувствительны нервы, и я всегда рада смѣяться надъ тѣмъ, чтò внутренно смѣшно. Я знаю,

что есть иныя изъ насъ, которыя отъ души готовы посмѣяться надъ кривымъ носомъ человѣка и не имѣютъ духа[1] посмѣяться надъ кривою душою человѣка.

Вдали показывается тоже **молодая дама** *съ мужемъ.*

Господинъ N. А вотъ идетъ ваша пріятельница. Я бы желалъ знать ея мнѣніе о комедіи. *(Обѣ дамы подаютъ другъ другу руку).*

Первая дама. Я видѣла издали, какъ ты смѣялась.

Вторая дама. Да кто же не смѣялся? всѣ смѣялись.

Господинъ N. А не чувствовали вы никакого грустнаго чувства?

Вторая дама. Признаюсь, мнѣ было, точно, грустно. Я знаю, все это очень вѣрно; я сама тоже видѣла[2] много подобнаго, но при всемъ томъ мнѣ было тяжело.

Господинъ N. Стало быть, комедія вамъ не понравилась?

Вторая дама. Ну, послушайте, кто жъ это говоритъ? Я вамъ говорю уже, что я смѣялась отъ всей души, и больше даже[3], нежели всѣ другіе; я думаю, меня приняли даже за безумную... Но мнѣ было грустно оттого, что хотѣлось бы отдохнуть хоть на одномъ добромъ лицѣ. Это излишество и множество низкаго...

Господинъ N. Говорите, говорите!

Вторая дама. Послушайте, посовѣтуйте автору, чтобы онъ вывелъ хоть одного честнаго человѣка. Скажите ему, что объ этомъ его просятъ, что это будетъ, право, хорошо.

Мужъ первой дамы. А вотъ же этого именно и не совѣтуйте. Дамамъ хочется непремѣнно рыцаря, чтобы онъ тутъ же твердилъ имъ за всякимъ словомъ о благородствѣ, хотя бы самымъ[4] пошлымъ слогомъ.

Вторая дама. Совсѣмъ нѣтъ. Какъ вы мало знаете насъ! Вотъ вамъ-то принадлежитъ это! Вы именно любите только одни слова[5] и толки о благородствѣ. Я слышала сужденіе одного изъ васъ: одинъ толстякъ кричалъ такъ, что, я думаю, всѣхъ заставилъ на себя обратиться, — что это клевета, что подобныхъ низостей и подлостей у насъ никогда не дѣлается. А кто говорилъ? — Самый низкій и подлый человѣкъ, который готовъ продать свою душу, совѣсть, и все, что̀ хотите. Я не хочу только назвать его по имени.

Господинъ N. Ну, скажите же, кто это былъ?

Вторая дама. Зачѣмъ вамъ знать? Да не онъ одинъ; я слышала безпрестанно, какъ около насъ кричали: „Это отвратительная насмѣшка надъ Россіей, насмѣшка надъ правительствомъ![1] Да какъ это позволить? Да что̀ скажетъ народъ?“ А отчего они кричали? Оттого ли, что въ самомъ дѣлѣ думали и чувствовали это? — Извините. Затѣмъ[2], чтобы произвести шумъ, чтобы запретили піесу, потому что въ ней, можетъ быть, отыскали[3] кое-что похожее на самихъ себя. Вотъ каковы ваши настоящіе, не театральные рыцари!

Мужъ первой дамы. О! да у васъ ужъ[4] начинаетъ рождаться маленькая злость!

Вторая дама. Злость, именно злость. Да, я зла, очень зла. И[5] нельзя не быть злою, видя, какъ подлость является подъ всякими личинами.

Мужъ первой дамы. Ну да: вамъ бы хотѣлось, чтобы сейчасъ выскочилъ рыцарь, прыгнулъ черезъ какую-нибудь пропасть, сломилъ бы себѣ шею...

Вторая дама. Извините.

Мужъ первой дамы. Натурально: женщинѣ что̀ нужно? — Ей непремѣнно нужно, чтобы въ жизни былъ романъ.

Вторая дама. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Двѣсти разъ готова говорить: нѣтъ! Это пошлая, старая мысль, которую вы намъ навязываете безпрестанно. У женщины больше истиннаго великодушія, чѣмъ у мужчины. Женщина не можетъ, женщина не въ силахъ сдѣлать тѣхъ подлостей и гадостей, какія дѣлаете вы. Женщина не можетъ тамъ лицемѣрить, гдѣ лицемѣрите вы, не можетъ смотрѣть сквозь пальцы на тѣ низости, на которыя вы смотрите. Въ ней есть довольно благородства для того, чтобы сказать все это, не осматриваясь по сторонамъ, понравится ли это кому-либо, или нѣтъ, — потому что это нужно говорить. Что̀ подло, то подло, какъ вы ни скрывайте[6] и какой ни давайте видъ. Это подло, подло, подло!

Мужъ первой дамы. Да вы, я вижу, разсердились во всѣхъ отношеніяхъ.

Вторая дама. Потому что я откровенна и не могу вынести, когда говорятъ неправду.

Мужъ первой дамы. Ну, не сердитесь же, дайте мнѣ вашу ручку![7] Я пошутилъ.

Вторая дама. Вотъ вамъ рука моя, я не сержусь. *(Обращаясь къ г-ну N)*[1]. Послушайте, посовѣтуйте автору, чтобы онъ вывелъ въ комедіи благороднаго и честнаго человѣка.

Господинъ N. Да какъ же это сдѣлать? Ну, если онъ выведетъ честнаго человѣка, а[2] этотъ честный человѣкъ будетъ похожъ на театральнаго рыцаря?

Вторая дама. Нѣтъ, если онъ сильно и глубоко чувствуетъ, то герой его не будетъ театральнымъ рыцаремъ.

Господинъ N. Да вѣдь, я думаю, это не такъ легко сдѣлать.

Вторая дама. Просто, скажите лучше, что у автора вашего[3] нѣтъ глубокихъ и сильныхъ движеній сердечныхъ.

Господинъ N. Отчего жъ такъ?

Вторая дама. Ну, да ужъ кто безпрестанно и вѣчно смѣется, тотъ не можетъ имѣть слишкомъ высокихъ чувствъ: ему не можетъ быть знакомо то, что̀ чувствуетъ одно только нѣжное сердце.

Господинъ N. Вотъ хорошо! Стало быть, по вашему, авторъ не долженъ быть благородный человѣкъ?

Вторая дама. Ну, вотъ видите, вы сейчасъ перетолковываете[4] въ другую сторону. Я не говорю ни слова о томъ, чтобы у комика не было благородства и строгаго понятія о чести во всемъ смыслѣ слова. Я говорю только, что онъ не могъ бы... выронить сердечную слезу, любить что-нибудь сильно, всей глубиной души.

Мужъ второй дамы. Но какъ же ты можешь сказать это утвердительно?

Вторая дама. Могу, потому что знаю. Всѣ люди, которые смѣялись или были насмѣшниками, всѣ они были самолюбивы, всѣ почти эгоисты; конечно, благородные эгоисты, но все же эгоисты.

Господинъ N. Стало быть, вы рѣшительно предпочитаете только тотъ родъ сочиненій, гдѣ дѣйствуютъ одни высокія движенья человѣка?

Вторая дама. О, конечно! Я ихъ всегда поставлю выше, и, признаюсь, я больше имѣю душевной вѣры къ такому автору.

Мужъ первой дамы *(обращаясь къ господину N)*. Ну, развѣ ты не видишь — выходитъ опять то же? Это женскій вкусъ. Для нихъ самая пошлая трагедія выше самой лучшей комедіи, ужъ потому только, что она трагедія...

Вторая дама. Молчите, я опять буду зла. *(Обращаясь къ господину*[1] *N)*. Ну, скажите, не правду ли я сказала: вѣдь у комика душа непремѣнно должна быть холодная?

Мужъ второй дамы. Или горячая, потому что раздражительность характера возбуждаетъ тоже къ насмѣшкамъ и сатирамъ.

Вторая дама. Ну, или раздражительная. Но[2] что же это значитъ? — Это значитъ, что причиною такихъ произведеній все же была желчь, ожесточеніе, негодованіе, можетъ быть, и справедливое во всѣхъ отношеніяхъ. Но нѣтъ того, что̀ бы показывало, что это порождено высокой любовью къ человѣчеству... словомъ, любовью. Не правда ли?

Господинъ N. Это правда.

Вторая дама. Ну, скажите: похожъ авторъ комедіи на этотъ портретъ?

Господинъ N. Какъ вамъ сказать? Я не знаю такъ коротко его[3], чтобы могъ судить о душѣ его. Но, соображая все, что̀ я[4] о немъ слышалъ, онъ, точно, долженъ быть или эгоистъ, или очень раздражительный человѣкъ.

Вторая дама. Ну, видите ли, я это хорошо знала.

Первая дама. Не знаю почему, но мнѣ бы не хотѣлось, чтобы онъ былъ эгоистомъ.

Мужъ первой дамы. А вотъ идетъ нашъ лакей, стало быть, карета готова. Прощайте. *(Пожимая руку второй дамы)*. Вы къ намъ не правда ли? Чай пьемъ у насъ?

Первая дама *(уходя)*. Пожалуйста!

Вторая дама. Непремѣнно.

Мужъ второй дамы. Кажется, наша карета тоже готова. *(Уходятъ за ними)*.

Выходятъ **двое зрителей**[5].

Первый. Вотъ что̀ растолкуйте мнѣ: отчего, разбирая порознь всякое дѣйствіе, лицо и характеръ, видишь: все это правда, живо, взято съ натуры, а вмѣстѣ кажется уже чѣмъ-то громаднымъ, преувеличеннымъ, карикатурнымъ, такъ что, выходя изъ театра, невольно спрашиваешь: неужели существуютъ такіе люди? А между тѣмъ вѣдь они не то, чтобы злодѣи.

Второй. Ничуть, они вовсе не злодѣи. Они именно то, чтò[1] говоритъ пословица: „не душой худъ, а просто плутъ".

Первый. И потомъ еще одно: это громадное накопленіе, это излишество — не есть ли уже недостатокъ комедіи? Скажите мнѣ, гдѣ есть такое общество, которое бы состояло все изъ такихъ людей, чтобы не было если не половины, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторой части порядочныхъ людей? Если комедія должна быть картиной и зеркаломъ общественной нашей жизни, то она должна отразить ее во всей вѣрности.

Второй. Во-первыхъ, по моему мнѣнію, эта комедія вовсе не картина, а скорѣе фронтисписъ. Вы видите — и сцена, и мѣсто дѣйствія идеальныя[2]. Иначе авторъ не сдѣлалъ бы очевидныхъ погрѣшностей и анахронизмовъ, не вставилъ[3] бы даже инымъ лицамъ тѣхъ рѣчей, которыя, по свойству своему и по мѣсту, занимаемому лицами, не принадлежатъ имъ. Только первая раздражительность приняла за личность то, въ чемъ нѣтъ и тѣни личности, и чтò принадлежитъ болѣе или менѣе личности всѣхъ людей. Это — сборное мѣсто: отвсюду, изъ разныхъ угловъ Россіи, стеклись сюда исключенія изъ правды, заблужденія и злоупотребленія, чтобы послужить одной идеѣ — произвести въ зрителѣ яркое, благородное отвращеніе отъ многаго кое-чего низкаго. Впечатлѣніе еще сильнѣй оттого, что никто изъ приведенныхъ лицъ не утратилъ своего человѣческаго образа: человѣческое слышится вездѣ. Оттого еще глубже сердечное содроганье. И смѣясь, зритель невольно оборачивается назадъ, какъ бы чувствуя, что близко отъ него то, надъ чѣмъ онъ посмѣялся, и что ежеминутно долженъ онъ стоять на стражѣ, чтобы не ворвалось оно въ его собственную душу. Я думаю, забавнѣй всего слышать автору упреки: „зачѣмъ лица и герои его не привлекательны", тогда какъ онъ употребилъ все, чтобы оттолкнуть отъ нихъ. Да если бы хотя одно лицо честное было помѣщено въ комедію, и помѣщено со всей увлекательностью, то уже[4] всѣ до одного перешли бы на сторону этого честнаго[5] лица и позабыли бы вовсе о тѣхъ, которые такъ испугали ихъ теперь. Эти образы, можетъ быть, не мерещились бы безпрестанно, какъ живые, по окончаніи представленья; зритель не унесъ бы грустнаго чувства[6] и не говорилъ бы: „Неужели существуютъ такіе люди?"

Первый. Да. Ну[7], это однакоже не вдругъ поймутъ.

Второй. Весьма естественно. Смыслъ внутренній всегда постигается послѣ. И чѣмъ живѣе, чѣмъ ярче тѣ образы, въ которые онъ облекся[1] и на которые раздробился, тѣмъ болѣе останавливается[2] всеобщее вниманіе на óбразахъ. Только сложивши ихъ вмѣстѣ, получишь итогъ и смыслъ созданья. Но разбирать и складывать такія буквы быстро, читать по верхамъ и вдругъ — не всякій можетъ; а до тѣхъ поръ долго будутъ видѣть однѣ буквы. И вы увидите, вотъ я вамъ говорю это впередъ: прежде всего разсердится всякій уѣздный городишка въ Россіи и будетъ утверждать, что это злая сатира, пошлая, низкая выдумка, направленная именно на него. *(Уходятъ).*

Одинъ чиновникъ. Это пошлая, низкая выдумка, это сатира, пасквиль!

Другой чиновникъ. Теперь, значитъ, ужъ ничего не осталось. Законовъ не нужно, служить не нужно. Вицмундиръ, вотъ который на мнѣ, — его, значитъ, нужно бросить: онъ ужъ теперь тряпка[3].

Бѣгутъ двое молодыхъ людей.

Одинъ. Ну, всѣ разсердились. Я ужъ столько наслышался толковъ, что могу, взглянувши, угадать, чтò каждый[4] думаетъ о піесѣ.

Другой. Ну, чтò думаетъ вотъ этотъ?

Первый. Вотъ тотъ, который надѣваетъ шинель въ рукава?

Другой. Да.

Первый. Вотъ чтò онъ думаетъ: „За такую комедію тебя бы въ Нерчинскъ!..." Однакожъ тронулось, кажется, верхнее населеніе; водевиль, какъ видно, кончился. Сейчасъ нахлынутъ разночинцы. Уйдемъ! *(Оба уходятъ).*

(Шумъ увеличивается; по всѣмъ лѣстницамъ раздается бѣготня. Бѣгутъ армяки, полушубки, чепцы, нѣмецкіе долгополые кафтаны купцовъ, треугольныя[5] шляпы и султаны, шинели всѣхъ родовъ[6]: фризовыя, военныя, подержанныя и щегольскія — съ бобрами. Толпа сталкиваетъ господина, надѣвающаго въ рукавъ шинель; господинъ посторанивается[7] и продолжаетъ надѣвать ее въ сторонѣ. Показываются въ толпѣ господа и чиновники всѣхъ родовъ и сортовъ. Лакеи въ ливреяхъ прочищаютъ для барынь дорогу. Слышенъ бабій крикъ. „Батюшки, притиснули со всѣхъ сторонъ!")

Молоденькій чиновникъ уклончиваго свойства *(подбѣгая къ господину, надѣвающему шинель)*. Ваше превосходительство, позвольте, я вамъ подержу!

Господинъ въ шинели[1]. А, здравствуй! Ты здѣсь? Пришелъ смотрѣть?

Молоденькій чиновникъ. Да-съ, ваше превосходительство, забавно подмѣчено.

Господинъ въ шинели. Вздоръ! ничего нѣтъ забавнаго!

Молоденькій чиновникъ. Это правда, ваше превосходительство: совсѣмъ ничего нѣтъ.

Господинъ въ шинели. За этакія вещи нужно[2] сѣчь, а не хвалить.

Молоденькій чиновникъ. Это правда, ваше превосходительство!

Господинъ въ шинели. Вотъ, пускаютъ молодыхъ людей въ театръ. Много полезнаго вынесутъ! Вотъ и ты: теперь ужъ, чай, придешь въ канцелярію, прямо грубить станешь?

Молоденькій чиновникъ. Какъ можно, ваше превосходительство!... Позвольте, я вамъ прочищу дорогу впередъ! *(Народу, толкая того и другаго)*. Эй, вы, посторонитесь, генералъ идетъ! *(Подходя съ необыкновенною учтивостію*[3] *къ двумъ щегольски одѣтымъ)*. Господа, сдѣлайте милость, позвольте пройти генералу!

Хорошо одѣтые, *посторанивaясь и*[4] *давая дорогу.*

Первый. Не знаешь, какой генералъ? Долженъ быть какой-нибудь извѣстный?

Второй. Не знаю, я никогда не видывалъ его.

Чиновникъ разговорчиваго свойства *(подхватывая сзади)*. Просто, статскій совѣтникъ, по мѣсту только числится въ четвертомъ классѣ. Каково счастье? Въ пятнадцать лѣтъ службы Владиміра, Анну, Станислава, 3000 рублей жалованья, двѣ тысячи столовыхъ, да отъ совѣта, да отъ коммиссіи, да еще по департаменту.

Господа хорошо одѣтые *(одинъ другому)*. Уйдемъ! *(Уходятъ)*.

Чиновникъ разговорчиваго свойства. Должны быть матушкины сынки. Чай, въ иностранной коллегіи служатъ[5]. Я не люблю комедій; на мой вкусъ больше нравятся трагедіи. *(Уходитъ)*.

Голосъ изъ толпы. Экъ народу навалило!

Офицеръ *(пробираясь съ дамой подъ руку).* Эй вы, бороды, что напираете? Развѣ не видишь — дама?

Купецъ *(съ дамой подъ руку).* У самихъ, батюшка, дама.

Голосъ изъ толпы. Вотъ она поворотилась, видишь, видишь? Еще теперь подурнѣла[1], по года три тому назадъ...

Разные голоса. Да три гривны, слышь ты, взялъ съ него сдачи. — Подлая, скверная піеса! — Забавная піеска! — Ты что лѣзешь въ самое горло?

Голосъ въ одномъ концѣ толпы. Все это вздоръ! Гдѣ могло случиться такое происшествіе? Этакое происшествіе могло только развѣ случиться на Чукотскомъ острову[2].

Голосъ въ другомъ концѣ. Ну, вотъ точь въ точь этакое событіе было въ нашемъ городкѣ. Я подозрѣвалъ, что авторъ если не былъ самъ[3] тамъ, то, вѣроятно, слышалъ.

Голосъ купца. Оно, вотъ изволите видѣть, оно здѣсь больше, такъ сказать, съ маральной стороны. Конечно, бываютъ, такъ сказать, всякіе-съ. Да вѣдь и то извольте посудить, что и честный человѣкъ, случаемъ придется... А насчетъ маральности, такъ и за дворянами это водится.

Голосъ господина поощрительнаго свойства. Долженъ быть бестія, пройдоха сочинитель: все извѣдалъ, все знаетъ!

Голосъ сердитаго чиновника, но, какъ видно, опытнаго. Что̀ онъ знаетъ? — чорта онъ знаетъ. И вретъ онъ, вретъ: все это, что̀ ни написалъ онъ, все — враки. И взятки не такъ берутъ, если ужъ пошло на то[4]...

Голосъ другаго чиновника изъ толпы. Да что̀ вы говорите: „смѣшно, смѣшно!“ знаете ли отчего смѣшно? Вѣдь это все личности. Вѣдь это все онъ вывелъ своихъ бабушекъ да тетушекъ. Вотъ отчего это смѣшно.

Неизвѣстный голосъ. Стой, украли платокъ!

Два офицера, *узнавшіе другъ друга, переговариваются черезъ толпу.*

Первый. Мишель, ты туда?

Второй. Туда.

Первый. Ну, и я тамъ.

Чиновникъ важной наружности. Я бы все запретилъ. Ничего не нужно[5] печатать. Просвѣщеньемъ пользуйся, читай, а не пиши. Книгъ ужъ довольно написано, больше не нужно[6].

Голосъ въ народѣ. Что̀ жъ, коли подлецъ, то и подлецъ. Не будь подлецомъ, то и не будутъ надъ тобой смѣяться.

Кра̀сивый и плотный господинъ *(говоритъ съ жаромъ невзрачному и низенькому).* Нравственность, нравственность страждетъ, вотъ что̀ главное!

Господинъ низенькій и невзрачный, но ядовитаго свойства. Да вѣдь нравственность — вещь относительная.

Красивый и плотный господинъ. Что̀ вы разумѣете подъ именемъ[1] „относительная"?

Невзрачный, но ядовитаго свойства господинъ. То, что нравственность всякій мѣряетъ относительно къ себѣ[2]. Одинъ называетъ нравственностью сниманье ему шляпы на улицѣ; другой называетъ нравственностью смотрѣнье сквозь пальцы на то, какъ онъ воруетъ; третій называетъ нравственностью услуги, оказываемыя его любовницѣ. Вѣдь, обыкновенно, какъ говоритъ всякій изъ нашей братьи своимъ подчиненнымъ? — Свысока говоритъ: „Милостивый государь, старайтесь исполнить свой долгъ относительно Бога, государя, отечества", а ты, молъ, ужъ тамъ себѣ разумѣй, относительно чего. Впрочемъ, это такъ только въ провинціяхъ водится; въ столицахъ этого не бываетъ, не правда ли? Тутъ если и явится у кого-нибудь въ три года два дома, такъ вѣдь это отъ чего? Все отъ честности, не такъ ли?[3]

Красивый и плотный господинъ *(въ сторону).* Скверенъ какъ чортъ, а языкъ какъ у змѣи.

Невзрачный, но ядовитаго свойства господинъ *(толкая подъ руку вовсе незнакомаго ему[4] человѣка, говоритъ ему, кивая на красиваго господина).* Четыре дома въ одной улицѣ; всѣ рядомъ одинъ возлѣ[5] другаго, въ шесть лѣтъ выросли! Каково дѣйствуетъ честность на прозябательную силу, а?

Незнакомецъ *(уходя поспѣшно).* Извините, я не дослышалъ.

Невзрачный, но ядовитаго свойства человѣкъ[6] *(толкая подъ руку незнакомаго сосѣда).* Глухота-то какъ ныньче распространилась въ городѣ, а? Вотъ что̀ значитъ нездоровый и сырой климатъ!

Незнакомый сосѣдъ. Да вотъ и гриппъ тоже. У меня всѣ дѣти переболѣли.

Невзрачный, но ядовитаго свойства человѣкъ[7]. Да, и гриппъ, и глухота[8]; свинка тоже въ горлѣ. *(Пропадаетъ въ толпѣ).*

Разговоръ въ группѣ на сторонѣ.

Первый. А говорятъ, что подобное происшествіе случилось съ самимъ авторомъ: онъ въ какомъ-то городкѣ сидѣлъ въ тюрьмѣ за долги.

Господинъ съ другой стороны группы *(подхватывая рѣчь)*. Нѣтъ, это не въ тюрьмѣ, это было на башнѣ. Это видѣли тѣ, которые проѣзжали. Говорятъ, это было что-то необыкновенное. Вообразите: поэтъ на высочайшей башнѣ, вокругъ горы, мѣстоположеніе восхитительное, и онъ оттуда читаетъ стихи. Не правда ли, что здѣсь является какая-то особенная черта писателя?

Господинъ положительнаго свойства. Авторъ долженъ быть умный человѣкъ.

Господинъ отрицательнаго свойства. Ничуть не умный. Я знаю, онъ служилъ, его чуть не выгнали изъ службы: просьбы не умѣлъ написать.

Просто враль. Бойкая, бойкая голова! Ему мѣста долго[1] не давали, такъ что жъ вы думаете? Онъ прямо написалъ письмо къ министру. Да вѣдь какъ написалъ! — Квинтильяновскимъ манеромъ. Одно ужъ то, какъ началъ: „милостивый государь"! А потомъ и пошелъ, и пошелъ, и пошелъ... страницъ восемь отвалялъ кругомъ. Министръ, какъ прочиталъ: „Ну", говоритъ, „благодарю, благодарю! Я вижу, у тебя много враговъ. Будь начальникъ отдѣленія!" И прямо изъ писцовъ махнулъ онъ въ начальники отдѣленія.

Господинъ добродушнаго свойства *(обращаясь къ другому человѣку хладнокровнаго свойства)*. Чортъ его знаетъ, кому и вѣрить! И въ тюрьмѣ сидѣлъ, и на башню лазилъ! И выгнали изъ службы, и мѣсто дали!

Господинъ хладнокровнаго свойства. Да вѣдь это все говорится экспромптомъ.

Господинъ добродушнаго свойства. Какъ экспромптомъ?

Господинъ хладнокровный. Такъ. Вѣдь они еще за двѣ минуты не знаютъ сами, что̀ услышатъ отъ себя. Языкъ у нихъ безъ вѣдома хозяина вдругъ брякнетъ новость, а хозяинъ и радъ — возвращается домой, какъ будто бы наѣлся. А на другой день онъ ужъ и позабылъ о томъ, что̀ самъ выдумалъ.

Ему кажется, что онъ услышалъ отъ другихъ — и пошелъ[1] передавать ее[2] по городу всѣмъ.

Господинъ добродушный. Это, однакоже, безсовѣстно: лгать и не чувствовать самому.

Господинъ хладнокровный. Да есть и чувствительные. Есть такіе, которые чувствуютъ, что лгутъ, но считаютъ уже надобностью для разговора: красно поле рожью, а рѣчь ложью.

Дама средняго свѣта. Но только какой злой насмѣшникъ долженъ быть этотъ авторъ! Я, признаюсь, ни за что бы не хотѣла попасться ему на глаза: этакъ онъ вдругъ замѣтитъ во мнѣ смѣшное.

Господинъ[3] съ вѣсомъ. Я не знаю, что̀ это за человѣкъ. Это, это, это... Для этого человѣка нѣтъ ничего священнаго; сегодня онъ скажетъ: такой-то совѣтникъ не хорошъ, а завтра скажетъ, что и Бога нѣтъ[4]. Вѣдь тутъ всего только одинъ шагъ.

Второй господинъ. Осмѣять! Да вѣдь со смѣхомъ шутить нельзя. Это значитъ разрушить всякое уваженіе — вотъ что это значитъ. Да вѣдь меня послѣ всего этого всякій прибьетъ на улицѣ, скажетъ: „Да вѣдь надъ вами смѣются; а на тебѣ такой же чинъ, такъ вотъ тебѣ затрещина!“ Вѣдь это вотъ что̀ значитъ.

Третій господинъ. Еще бы! Это сурьезная вещь! Говорятъ: „бездѣлушка, пустяки, театральное представленіе“. Нѣтъ, это не простыя бездѣлушки; на это обратить нужно[5] строгое вниманіе. За этакія вещи и въ Сибирь посылаютъ. Да если бы я имѣлъ власть, у меня бы авторъ не пикнулъ. Я бы его въ такое мѣсто засадилъ, что онъ бы и свѣта божьяго не взвидѣлъ.

Появляется группа людей, *Богъ вѣсть, какого свойства, впрочемъ благородной наружности и примѣчно одѣтыхъ.*

Первый. Постоимте лучше здѣсь, покамѣстъ выйдетъ толпа. Ну, что̀ это право! Затѣвать шумъ, рукоплесканье, какъ будто бы Богъ знаетъ что! Бездѣлка, какая-нибудь пустая театральная піеса[6] и подымать такую тревогу, кричать, вызывать автора — ну, что̀ это такое!

Второй. Однакожъ піеса повеселила, развлекла.

Первый. Ну да, повеселила, какъ обыкновенно веселитъ всякая бездѣлка. Но зачѣмъ же изъ этого такіе крики, толки? Разсуждаютъ, какъ будто[7] о какой-нибудь важной вещи,

апплодируютъ... Ну, что̀ это такое! Ну, я понимаю, если бы какая-нибудь пѣвица или танцовщица — ну, тамъ я понимаю: тамъ удивляешься искусству, гибкости, проворству, природному таланту. Ну, а здѣсь что̀? Кричатъ: „литераторъ! литераторъ! писатель!“ Да что̀ такое писатель? Что иной разъ попадется остроумное словцо, да спишетъ кое-что съ натуры... Да что̀ же здѣсь за трудъ? Что̀ жъ тутъ такого? Вѣдь это все побасенки — и больше ничего.

Второй. Да, конечно, вещь не важная.

Первый. Разсудите: ну, танцоръ, напримѣръ: тамъ все-таки искусство, ужъ этого[1] никакъ не сдѣлаешь, что̀ онъ дѣлаетъ. Ну, захоти я напримѣръ: да у меня, просто, ноги не подымутся. Ну, сдѣлай я антраша — не сдѣлаю ни за что. А вѣдь писать можно, не учившись. Я не знаю, кто такой авторъ, но мнѣ сказывали, что онъ невѣжа совершенный, ничего не знаетъ: его откуда-то, кажется, выгнали.

Второй. Но[2], однакожъ, все-таки что-нибудь онъ долженъ знать: безъ этого нельзя писать.

Первый. Да помилуйте, что̀ жъ онъ можетъ знать? Вы сами знаете, что̀ такое литераторъ: пустѣйшій человѣкъ! Это всему свѣту извѣстно — ни на какое дѣло не годится. Ужъ ихъ пробовали употреблять, да бросили. Ну, посудите сами, ну, что̀ такое они пишутъ? — Вѣдь это все пустяки, побасенки! Захоти, я сей же часъ это напишу, и вы напишете и онъ напишетъ, и всякій напишетъ.

Второй. Да, конечно, почему жъ и не написать. Будь только капля ума въ головѣ, такъ ужъ и можно.

Первый. Да и ума не нужно. Зачѣмъ тутъ умъ? Вѣдь это все побасенки. Ну, если бы еще была, положимъ, какая-нибудь ученая наука, какой-нибудь предметъ, котораго еще не знаешь, а вѣдь это что̀ такое? Вѣдь это всякій мужикъ знаетъ. Это всякій день увидишь на улицѣ. Садись только у окна, да записывай все, что̀ ни дѣлается — вотъ и вся штука!

Третій. Это правда. Какъ подумаешь, право, на какой вздоръ употребляютъ время!

Первый. Именно, трата времени — больше ничего. Побасенки, пустяки! Просто бы нужно[3] запретить давать имъ перо и чернила въ руки. Однакожъ народъ выходитъ, пойдемте! Подымать шумъ, кричать, поощрять! а дѣло, просто, вздоръ!

Побасенки! пустяки! побасенки! *(Уходятъ. Толпа рѣдѣетъ, бѣгутъ кое-какіе отставшіе).*

Добродушный чиновникъ[1]. А все бы, право, ну что̀ бы хоть одного честнаго человѣка выставить! Все плуты, да плуты.

Одинъ изъ народа. Слышь ты, жди меня на перекресткѣ! Я забѣгу, возьму рукавицы.

Одинъ изъ господъ *(смотря на часы)*. Однако скоро часъ. Никогда я такъ поздно[2] не выходилъ изъ театра. *(Уходитъ).*

Отставшій чиновникъ. Только время даромъ пропало! Нѣтъ, никогда больше не пойду въ театръ! *(Уходитъ. Сѣни пустѣютъ).*

Авторъ піесы *(выходя)*. Я услышалъ болѣе, чѣмъ предполагалъ. Какая пестрая куча толковъ! Счастье комику, который родился среди націи, гдѣ общество еще не слилось въ одну недвижную[3] массу, гдѣ оно не облеклось одной корой стараго предразсудка, заключающаго мысли всѣхъ въ одну и ту же форму и мѣрку, гдѣ что̀ человѣкъ, то и мнѣнье, гдѣ всякій самъ создатель своего характера. Какое разнообразіе въ этихъ мнѣніяхъ, и какъ вездѣ блеснулъ этотъ твердый, ясный русскій умъ! и въ семъ[4] благородномъ стремленьи государственнаго мужа! и въ семъ[5] высокомъ самоотверженьи забившагося въ глушь чиновника! и въ нѣжной красотѣ великодушной женской души! и въ эстетическомъ чувствѣ цѣнителей! и въ простомъ вѣрномъ чутьѣ[6] народа. Какъ даже въ сихъ[7] недоброжелательныхъ осужденьяхъ много того, что̀ нужно знать комику! Какой живой урокъ! Да, я удовлетворенъ. Но отчего же грустно становится моему сердцу? Странно: мнѣ жаль, что никто не замѣтилъ честнаго лица, бывшаго въ моей піесѣ. Да, было одно честное, благородное лицо, дѣйствовавшее[8] въ ней во все продолженіе ея[9]. Это честное, благородное лицо былъ — *смѣхъ*. Онъ былъ благороденъ, потому что рѣшился выступить, не смотря на низкое значеніе, которое дается ему въ свѣтѣ. Онъ былъ благороденъ, потому что рѣшился выступить, не смотря на то, что доставилъ[10] обидное прозванье комику, — прозванье холоднаго эгоиста, и заставилъ даже усумниться въ присутствіи нѣжныхъ движеній души его. Никто не вступился за этотъ смѣхъ[11]. Я комикъ, я служилъ ему честно, и потому долженъ стать его заступникомъ. Нѣтъ, смѣхъ значительнѣй и глубже, чѣмъ думаютъ, —

не тотъ смѣхъ, который порождается временной раздражительностью, желчнымъ, болѣзненнымъ расположеніемъ характера; не тотъ также легкій смѣхъ, служащій для празднаго развлеченья и забавы людей; — но тотъ смѣхъ, который весь излетаетъ изъ свѣтлой природы человѣка, — излетаетъ изъ нея потому, что на днѣ ея заключенъ вѣчно-біющій[1] родникъ его, который углубляетъ предметъ[2], заставляетъ выступить ярко то, что проскользнуло бы, безъ проницающей силы котораго мелочь и пустота жизни не испугала бы такъ человѣка. Презрѣнное и ничтожное, мимо котораго онъ равнодушно проходитъ всякій день, не возрасло бы предъ нимъ въ такой страшной, почти карикатурной силѣ, и онъ не вскрикнулъ бы, содрогаясь: „неужели есть такіе люди?“ тогда какъ, по собственному сознанью его, бываютъ хуже люди. Нѣтъ, несправедливы тѣ, которые говорятъ, будто возмущаетъ смѣхъ[3]. Возмущаетъ только то, что̀ мрачно, а смѣхъ свѣтелъ. Многое бы возмутило человѣка, бывъ представлено въ наготѣ своей; но, озаренное силою смѣха, несетъ оно уже примиренье въ душу. И тотъ, кто бы понесъ[4] мщенье противу злобнаго человѣка, уже почти мирится съ нимъ, видя осмѣянными низкія движенья души его. Несправедливы тѣ, которые говорятъ[5], что[6] смѣхъ не дѣйствуетъ на тѣхъ, противу которыхъ устремленъ, и что плутъ первый посмѣется надъ плутомъ, выведеннымъ на сцену[7]: плутъ-потомокъ посмѣется, но плутъ современникъ не въ силахъ посмѣяться! Онъ слышитъ, что уже у всѣхъ остался неотразимый образъ, что одного низкаго движенья съ его стороны достаточно, чтобы этотъ образъ пошелъ ему въ вѣчное прозвище; а насмѣшки боится даже тотъ, который[8] уже ничего не боится на свѣтѣ[9]. Нѣтъ, засмѣяться добрымъ, свѣтлымъ смѣхомъ можетъ только одна глубоко-добрая душа. Но не слышатъ могучей силы такого смѣха: „что̀ смѣшно, то низко“, говоритъ свѣтъ; только тому, что произносится суровымъ, напряженнымъ голосомъ, тому только даютъ названье высокаго. Но, Боже! сколько проходитъ ежедневно людей, для которыхъ нѣтъ вовсе высокаго въ мірѣ! Все, что̀ ни творилось вдохновеньемъ, для нихъ пустяки и побасенки; созданья Шекспира для нихъ побасенки; святыя[10] движенья души — для нихъ побасенки. Нѣтъ, не оскорбленное мелочное самолюбье писателя заставляетъ меня ска-

зать это, не потому, что мои незрѣлыя, слабыя созданья[1] были сейчасъ названы побасенками, — нѣтъ, я вижу свои пороки[8] и вижу, что достоинъ упрековъ; но не могла выносить равнодушно душа моя, когда совершеннѣйшія творенья честились именами пустяковъ и побасенокъ, когда всѣ свѣтила и звѣзды міра признавались[2] творцами однихъ пустяковъ и побасенокъ![3] Ныла душа моя, когда я видѣлъ, какъ много тутъ же, среди самой жизни, безотвѣтныхъ, мертвыхъ обитателей, страшныхъ недвижнымъ холодомъ души своей и безплодной пустыней сердца; ныла душа моя, когда на безчувственныхъ ихъ лицахъ не вздрагивалъ даже ни призракъ выраженія отъ того, что повергало въ небесныя слезы глубоко-любящую душу, и не коснѣлъ языкъ ихъ произнести свое вѣчное слово: „побасенки!“ Побасенки!... А вонъ протекли вѣки[4], города и народы снеслись и исчезли съ лица земли, какъ дымъ унеслось все, что было, а побасенки живутъ и повторяются понынѣ, и внемлютъ имъ мудрые цари, глубокіе правители, прекрасный старецъ и полный благороднаго стремленья юноша. Побасенки!... А вонъ стонутъ балконы и перила[5] театровъ: все потряслось снизу до верху, превратясь въ одно чувство, въ одинъ мигъ, въ одного человѣка, всѣ люди встрѣтились, какъ братья, въ одномъ душевномъ движеньи, и гремитъ дружнымъ рукоплесканьемъ благодарный гимнъ тому, котораго уже пятьсотъ лѣтъ какъ нѣтъ на свѣтѣ. Слышутъ ли это въ могилѣ истлѣвшія его кости? Отзывается ли душа его, терпѣвшая суровое горе жизни? Побасенки!... А вонъ, среди сихъ же рядовъ потрясенной толпы, пришелъ удрученный горемъ и невыносимой тяжестью жизни, готовый поднять отчаянно на себя руку — и брызнули вдругъ свѣжительныя слезы изъ его очей, и вышелъ онъ примиренный съ жизнью и проситъ вновь у Неба горя и страданій, чтобы только жить и залиться вновь слезами отъ такихъ побасенокъ. Побасенки!... Но міръ задремалъ бы безъ такихъ побасенокъ, обмелѣла[6] бы жизнь, плѣсныю и тиной покрылись бы души. Побасенки!... О, да пребудутъ же вѣчно святы[7] въ потомствѣ имена благосклонно внимавшихъ такимъ побасенкамъ: чудный перстъ Провидѣнья былъ неотлучно надъ главами творцовъ ихъ. Въ минуты даже бѣдъ и гоненій, все, что было благороднѣйшаго въ государствахъ, становилось

прежде всего ихъ заступникомъ: Вѣнчанный Монархъ осѣнялъ ихъ царскимъ щитомъ своимъ съ вышины недоступнаго престола...[1]

Бодрѣй же въ путь! И да не смутится душа отъ осужденій, но да[2] приметъ благодарно указанья недостатковъ, не омрачась даже и тогда, если бы отказали ей въ высокихъ движеньяхъ и въ святой любви къ человѣчеству! Міръ — какъ водоворотъ: движутся въ немъ вѣчно мнѣнья и толки; но все перемалываетъ время: какъ шелуха, слетаютъ ложныя[3], и, какъ твердыя зерна, остаются недвижныя истины. Что̀ признавалось пустымъ, можетъ явиться потомъ вооруженное строгимъ значеньемъ. Во[4] глубинѣ холоднаго смѣха могутъ отыскаться горячія искры вѣчной могучей любви. И почему знать, можетъ быть, будетъ признано потомъ всѣми, что въ силу тѣхъ же законовъ, почему гордый и сильный человѣкъ является ничтожнымъ и слабымъ въ несчастіи, а слабый возрастаетъ, какъ исполинъ, среди бѣдъ, — въ силу тѣхъ же самыхъ законовъ, кто[5] льетъ часто душевныя, глубокія слезы, тотъ, кажется, болѣе всѣхъ смѣется на свѣтѣ!...

ДЯДЬКА

ВЪ ЗАТРУДНИТЕЛЬНОМЪ ПОЛОЖЕНІИ

Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ

Джіованни Жиро

ПЕРЕВЕДЕНА СЪ ИТАЛЬЯНСКАГО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Н. В. Гоголя.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Маркизъ Джуліо Антиквати.
Маркизъ Энрико, его сынъ.
Госпожа Джильда Онорати, жена Энрико.
Бернардино, грудной ребенокъ, ихъ сынъ.
Маркизъ Пиппетто, второй сынъ Джуліо.
Донъ Грегоріо Кордебоно, дядька, гувернеръ въ домѣ маркиза.
Леонарда, старая служанка.
Симонъ, слуга маркиза.

Дѣйствіе въ Римѣ въ домѣ маркиза.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Комната со многими дверями.

Маркизъ Джуліо[1] и Леонарда.

Маркизъ. Оставя всю эту болтовню въ сторону, — сказала ли ты донъ[2] Грегоріо[3], что я хочу съ нимъ поговорить?

Леонарда. Да, сударь.

Маркизъ. Ну, и довольно; вотъ и все.

Леонарда. Но такъ какъ онъ до сихъ поръ нейдетъ, то я хотѣла... потому что вы думаете, что я...

Маркизъ. Придетъ, придетъ.

Леонарда. Мнѣ кажется, однакожъ, что это пренебреженіе со стороны дядьки — заставлять себя дожидаться[4] тогда, какъ самъ господинъ дома зоветъ его.

Маркизъ. Пожалуйста[5], объ этомъ не заботься. Ты славная женщина; но не хочешь, вотъ во все время, что̀ ни живешь въ моемъ домѣ, бросить прескверную привычку — болтать и мѣшаться не въ свои дѣла.

Леонарда. Что̀ до меня, то я... Можетъ быть, вы воображаете... Напротивъ, я говорю такъ, какъ... а впрочемъ...

Маркизъ. Довольно! Ступай, тебѣ говорю.

Леонарда. Слушаю. *(Про себя).* Это донъ Грегоріо поссорилъ его со мною, и такимъ образомъ, что я не замѣтила когда[6], и ничего не могла этого предвидѣть[7]... Но я постарѣе его... то есть, я хотѣла сказать: я[8] похитрѣе его. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ II.

Маркизъ и донъ Грегоріо.

Маркизъ. Дай только этой женщинѣ волю, не перестанетъ вѣчно болтать, ворча то на одного, то на другаго.

Донъ Грегоріо. Извините, маркизъ, что замедлилъ: письмо, которое...

Маркизъ. Помилуйте, донъ Грегоріо, напротивъ, простите меня, что васъ побезпокоилъ. Я къ вамъ имѣю нужду, любезнѣйшій донъ Грегоріо.

Донъ Грегоріо. Приказывайте, маркизъ.

Маркизъ. Признаюсь, меня смущала всегда ипохондрія, овладѣвшая съ недавняго времени сыномъ моимъ Энрико[1]: но сегодня, когда онъ вошелъ ко мнѣ сказать добраго утра, онъ показался мнѣ въ такомъ положеніи, какъ я никогда не видалъ... Я за него боюсь.

Донъ Грегоріо. И на это вы имѣете полную причину.

Маркизъ. Почему?

Донъ Грегоріо. Почему!

Маркизъ. Я не могу этого себѣ представить.

Донъ Грегоріо. И я также.

Маркизъ. Онъ говоритъ, что совершенно здоровъ; докторъ утверждаетъ тоже, что у него нѣтъ лихорадки.

Донъ Грегоріо. Это такъ.

Маркизъ. Если бы, положимъ[2], за мальчикомъ меньше было смотрѣнія[3], какъ бы[4] въ домѣ моемъ меньше было строгости, я бы могъ подозрѣвать; но съ моей системой...

Донъ Грегоріо. Вы меня извините, маркизъ, но насчетъ этого я вамъ скажу то, что̀ уже сто разъ повторялъ. Вы называете мальчиками вашихъ двухъ сыновей, а между тѣмъ маркизу Энрико уже двадцать пять лѣтъ, а вашему Пиппетто исполнилось девятнадцать.

Маркизъ. Хорошо, но какое же отсюда вліяніе можетъ быть на здоровье?[5]

Донъ Грегоріо. Сказать вамъ откровенно, я думаю, что молодой человѣкъ впалъ въ ипохондрію, видя себя въ такія лѣта содержимаго[6] съ такою строгостію. Не доставить ему ни разу случая быть на балѣ, въ театрѣ, ни разу не поговорить съ женщинами....

Маркизъ. Охъ, не говорите мнѣ о женщинахъ!

Донъ Грегоріо. Ни разу не позволили ему, такъ сказать, высунуть носа изъ дому.

Маркизъ. Это не отъ того. Къ тому жъ вы знаете мой образъ мыслей. Молодые люди, пока не достигнутъ по крайней мѣрѣ двадцати пяти лѣтъ, не должны знать ничего другаго, кромѣ своего дома и учебныхъ занятій. *(Начиная го-*

рячиться). Боже сохрани, если бы я замѣтилъ въ нихъ какой-нибудь свѣтскій капризъ или свѣтскую потребность![1] Вы понимаете меня?

Донъ Грегоріо. Успокойтесь! Десять лѣтъ я живу[2] въ вашемъ домѣ, не беру за это никакого жалованья и только изъ дружбы принялъ на себя эту должность. Если донынѣ сохраняю званіе дядьки вашихъ сыновей, то единственно изъ любви къ нимъ[3]. Вы должны быть послѣ этого твердо увѣрены во мнѣ.

Маркизъ. Такъ, но ваши правила…

Донъ Грегоріо. Дѣлайте, что̀ вамъ угодно. Хотите держать вашихъ сыновей въ тюрьмѣ, держите; но будьте увѣрены, что сыновья поступятъ[4] такъ, какъ собака, которая, если на свободѣ и не привязана, ходитъ, обнюхиваетъ, узнаетъ, бѣгаетъ осторожно, словомъ — дѣлаетъ все, какъ слѣдуетъ; но будучи содержана[5] вѣчно на цѣпи — посчастливься ей только когда-нибудь сорваться съ этой цѣпи: мечется, ворчитъ, кусается и, если попадетъ въ какую навозную кучу, то вымарается въ ней хуже всякой другой собаки.

Маркизъ. Вы человѣкъ, который хочетъ словамъ дать болѣе силы, чѣмъ разсудку, и придерживаетесь[6] нынѣшнихъ правилъ[7]. Я такъ[8] воспитанъ и хочу, чтобъ такъ же воспитывались мои дѣти.

Донъ Грегоріо. Итакъ, не жалуйтесь, если одинъ изъ нихъ погибнетъ[9], а другой, одаренный и безъ того не щедро природою, останется дуракомъ[10], не будучи въ состояніи отличить солнца[11] отъ луны.

Маркизъ. При всемъ томъ, вы меня никогда не увѣрите, чтобъ это была единственная причина болѣзни Энрико[12]. Донъ Грегоріо, вы должны всячески узнать это дѣло. Это правда, что я его нѣсколько отталкиваю отъ себя своею строгостью, и онъ, натурально, не будетъ со мною такъ откровененъ, какъ съ вами. Я васъ прошу, займитесь серьезно[13] этимъ. Съ недавняго времени Энрико больше, нежели когда-либо, разстроенъ.

Донъ Грегоріо. Будьте спокойны, маркизъ. Употреблю всѣ средства, чтобъ узнать, есть ли какая другая неизвѣстная причина. Но до сихъ поръ…

Маркизъ. Я поручаю себя вамъ, донъ Грегоріо. Теперь

я[1] ухожу изъ дому отдать визитъ министру. Статься можетъ, что я долженъ буду остаться тамъ обѣдать[2]. И потому, если къ тремъ часамъ не возвращусь, можете садиться за столъ безъ меня.

Донъ Грегоріо. Очень хорошо.

Маркизъ. Вамъ поручаю это дѣло, какъ самое близкое моему сердцу. *(Уходитъ).*

Донъ Грегоріо *(одинъ).* Какое упрямое убѣжденіе имѣютъ эти старикашки съ своими деревянными головами! Держать молодыхъ людей въ заперти половину жизни! И вѣдь для чего? Именно съ тѣмъ, чтобы послѣ, какъ выйдутъ въ свѣтъ[3] безъ малѣйшаго познанія свѣта, ихъ одурачилъ[4] первый, какой попадется, мошенникъ, или поддѣла первая плутовка. Положеніе, однакожъ, маркиза Энрико внушаетъ состраданіе. Но успѣю ли я открыть?... По крайней мѣрѣ постараюсь... А между тѣмъ узнаемъ, что̀ дѣлаетъ нашъ дурачекъ. *(Кличетъ).* Пиппетто! Маркизъ Пиппетто!

ЯВЛЕНІЕ III.

Донъ Грегоріо и Маркизъ Пиппетто.

Пиппетто. Что вамъ угодно, донъ Грегоріо?

Донъ Грегоріо. Изъ какой комнаты вы теперь пришли?[5]

Пиппетто. Я былъ у Леонарды.

Донъ Грегоріо. За какимъ дѣломъ?

Пиппетто. Она мнѣ показывала, какъ метать петли и шить.

Донъ Грегоріо. Ну, къ чему вамъ[6] можетъ послужить это?

Пиппетто. Всѣ науки полезны.

Донъ Грегоріо *(въ сторону).* Наука шить! Бѣдныя попеченія, брошенныя на вѣтеръ![7] И отецъ воображаетъ, что голова этого сорта въ двадцать пять лѣтъ годна занять роль въ обществѣ.

Пиппетто. Что[8] вамъ угодно отъ меня?

Донъ Грегоріо. Скажите, хотите ли итти со мной прогуливаться?[9]

Пиппетто. Извините, мнѣ теперь не хочется.

Донъ Грегоріо. Ну, оставайтесь. Только не будьте такъ часто съ служителями: говоря все съ Леонардой и съ лакеями[10],

вы уже успѣли научиться[1] такимъ словамъ и фразамъ — онѣ ужъ черезчуръ тривіальны.

Пиппетто. Но съ кѣмъ же вы хотите, чтобъ я говорилъ, если я никого другаго не вижу?...

Донъ Грегоріо *(про себя)*. Вотъ то самое, чтò я говорю[2] всегда маркизу. *(Къ Пиппетто)*. Ну, довольно. По крайней мѣрѣ старайтесь подражать разговору вашего отца, учителей, а не слугъ.

Пиппетто. Постараюсь. Впрочемъ, Леонарда, мнѣ кажется, говоритъ недурно.

Донъ Грегоріо. Это правда, что въ эти годы пора бы ей уже выучиться[3].

Пиппетто *(про себя)*. А мнѣ она совсѣмъ не кажется стара[4].

Донъ Грегоріо. А между прочимъ потрудитесь сказать Энрико, не хочетъ ли итти изъ дому; я черезъ минуту буду здѣсь: зайду только къ себѣ запечатать кое-какія письма и сейчасъ возвращусь. *(Про себя)*. Тупоуміе этого молодца, положеніе Энрико, упрямство стараго маркиза заставятъ меня просто потерять голову! *(Уходитъ)*.

Пиппетто. Теперь я вижу, что[5] Леонарда говоритъ правду, что донъ Грегоріо сдѣлался ея врагомъ. Выходитъ тоже правда, что онъ покушался соблазнить ея невинность. Гадкій старичишка! Нужно позвать брата, чтобъ сказать, не хочетъ ли онъ[6] итти. *(Кличетъ)*. Энрико! Энрико!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Энрико и Пиппетто.

Энрико *(за сценой)*. Что тебѣ нужно?

Пиппетто. Слушай!

Энрико *(за сценой)*. Да чтò тебѣ нужно, говори!

Пиппетто. Ступай сюда и ты услышишь.

Энрико *(за сценой)*. Какъ ты несносенъ! *(Входя)*. Ну, что?

Пиппетто. О, какъ ты не въ духѣ сегодня!

Энрико. Оставь меня въ покоѣ!

Пиппетто. Донъ Грегоріо говоритъ, не хочешь ли итти изъ дома. Онъ сейчасъ придетъ, чтобъ итти съ тобой.

Энрико. Нѣтъ.

Пиппетто. Ну, такъ останься покамѣстъ здѣсь и, если донъ Грегоріо возвратится, скажи, что хочешь остаться дома.

Энрико *(съ поникшими глазами)*. Хорошо.

Пиппетто. Но отчего ты всегда такъ печаленъ?[1] Знаешь, что̀ я тебѣ скажу? Если будешь ты такъ продолжать[2], то скоро умрешь.

Энрико *(хладнокровно)*. Правда.

Пиппетто. Берегись: когда умрешь, это тебѣ будетъ очень непріятно. Дѣлай потомъ себѣ[3], что̀ хочешь. *(Про себя)*. Пойду къ Леонардѣ, которая теперь меня ожидаетъ, и скажу ей, что донъ Грегоріо сказалъ, что она старуха. Но съ которой стороны[4] онъ ни заходи и какія ни пробуй дороги, а Леонардушка во всякомъ случаѣ любитъ только своего Пиппетто. *(Уходитъ)*.

Энрико *(одинъ)*. Я теперь въ рѣшительномъ отчаяніи. Нѣтъ никакихъ средствъ! Суровый характеръ моего отца... Тогда, какъ онъ воображаетъ, что я никогда не выходилъ изъ дому — и быть принуждену признаться, что я имѣю жену! При одной мысли объ этомъ, морозъ обхватываетъ[5] меня. Правда, что званія почти равны, что качества душевныя достойны всякаго уваженія, что я не могъ бы желать больше.... но характеръ, характеръ отца моего, его неукротимый характеръ... его система... Я трепещу при одномъ взглядѣ на свое положеніе[6]. Пока еще было можно хранить тайну[7], сердце мое успокоивалось разнообразными льстивыми мечтами; но теперь, когда все должно непремѣнно открыться, — теперь, когда Джильда не имѣетъ никого у себя, кромѣ меня, когда я... О, какая мука! какъ свирѣпо мое горе![8] *(Печаль сильными чертами выражается на лицѣ его)*[9].

ЯВЛЕНІЕ V.

Энрико и донъ Грегоріо.

Донъ Грегоріо *(про себя)*. Вотъ онъ въ своемъ обыкновенномъ положеніи. Бѣдный молодой человѣкъ! Онъ возбуждаетъ слишкомъ[10] мое состраданіе. *(Къ нему)*. Маркизъ!

Энрико. Господинъ донъ Грегоріо![11]

Донъ Грегоріо. Хотите сдѣлать небольшую прогулку?

Энрико. Ахъ, увольте меня отъ нея, я васъ прошу.

Донъ Грегоріо. Какъ хотите. Я вижу, что вы нѣсколько взволнованы.

Энрико. Ахъ!... Не сомнѣвайтесь[1], донъ Грегоріо... *(Слезы льются изъ глазъ его).*

Донъ Грегоріо. Что вы говорите?[2] Изъ глазъ вашихъ падаютъ слезы, какъ капли дождя. Сынъ мой милый! къ чему послужитъ скрываться?[3] Въ душѣ вашей есть горе, убивающее ваше здоровье. Энрико мой милый, мой прекрасный Энрико! бросься въ объятія твоего Грегоріо![4] Не стыдись обнаружить тайную причину, ввергающую[5] тебя въ это несчастное состояніе. Сердце мое открыто для тебя. Въ эту минуту я не дядька твой, я твой нѣжный другъ. Клянусь сохранить свято тайну и обѣщаю[6] тебѣ всякую помощь, какъ отецъ самый нѣжнѣйшій[7], который прижимаетъ тебя къ груди своей. *(Обнимая его, про себя).* Если не подвигнется отъ этихъ словъ, то больше ничѣмъ не подвигнется[8].

Энрико. Донъ Грегоріо, вы клянетесь?...

Донъ Грегоріо *(въ сторону).* А! вотъ наконецъ поддается! *(Къ нему).* Да, мой Энрико!

Энрико. Ахъ, вы видите, въ какое положеніе я приведенъ!

Донъ Грегоріо. Несчастный! Вы исхудали, вы сдѣлались блѣдны.

Энрико. Я не ѣмъ... я терплю... я мучусь... ночью сны мои... Ахъ! я слишкомъ заслуживаю состраданья; но вы, донъ Грегоріо, вы не можете пособить моему горю.

Донъ Грегоріо. Да, да, есть средства[9] пособить всякому горю. Подойдите ко мнѣ, скажите, исповѣдайтесь, откройтесь — донъ Грегоріо запечатаетъ уста свои; слова ваши останутся окаменѣвшими въ ушахъ его. Скажите, скажите мнѣ: какого рода ваше горе? какая причина произвела болѣзнь вашу?

Энрико. Донъ Грегоріо, горе... Нѣтъ, у меня недостаетъ присутствія духа! Моя болѣзнь... Боже! гдѣ я? О, женщины, женщины!

Донъ Грегоріо. Женщины! какъ? *(Хвативши себя руками по лбу).* О, несчастный малый![10] И[11] какъ это возможно?.. Не выходивши никогда изъ дому?.. Что, вы влюблены? а? Ну, что такое вамъ приключилось?

Энрико. Донъ Грегоріо, молчите, ради самого Неба!... Я

въ вашихъ рукахъ[1]... Да, вы можете вообразить[2]... Женщина привела меня въ то[3] состоянiе, въ какомъ меня видите.

Донъ Грегорiо. О, мошенница!.. Потъ проступилъ на лицѣ моемъ... я внѣ себя... Сынъ мой, объяснитесь!

Энрико. О, Боже! я не нахожу словъ... Дайте мнѣ минуту времени... стыдъ... Отецъ мой гдѣ?

Донъ Грегорiо. Отецъ вашъ вышелъ. Не бойтесь, онъ, можетъ быть, не возвратится и къ обѣду.

Энрико *(весь въ волненiи).* Точно ли такъ?

Донъ Грегорiо. Въ этомъ я могу васъ увѣрить.

Энрико. Итакъ... *(въ размышленiи, потомъ про себя)* Вотъ наконецъ минута! *(Вслухъ).* Вы клянетесь помочь мнѣ?

Донъ Грегорiо. Да, отъ всего моего сердца.

Энрико. Хорошо. Итакъ, теперь[4]... *(Въ мучительной нерѣшимости).* Небо, дай мнѣ силы!.. Рѣшусь... Я вамъ покажу все.

Донъ Грегорiо. Да, да, сынъ мой!

Энрико. Заприте эту дверь, чтобы Пиппетто и Леонарда не могли войти сюда... Слуга, который теперь въ столовой — ради Бога ушлите его куда-нибудь изъ дому...

Донъ Грегорiо. Да, Энрико; все сдѣлаю, что̀ тебѣ хочется. Здѣсь мы запремъ. *(Запираетъ дверь).* Отправлю за какимъ-нибудь дѣломъ слугу. Смѣлѣе, смѣлѣе, Энрико!

Энрико. Сейчасъ... Иду...[5] Увидите все... Вы подвигнетесь[6] участiемъ... Боже, не оставь меня въ эту сильную минуту![7] *(Уходитъ въ свою комнату).*

Донъ Грегорiо. Бѣдный мальчикъ! .. Никакъ не могу объяснить... Разбойница! *(Кличетъ).* Симонъ!... Послѣ такого бдительнаго надзора... Но что̀ я говорю! Все безполезно![8]... Симонъ!... Но какимъ образомъ?... Кто-нибудь долженъ помогать ему... Симонъ! Симонъ!

ЯВЛЕНIЕ VI.

Симонъ и **Донъ Грегорiо.**

Симонъ. Что прикажете?

Донъ Грегорiо. Ступай на почту, узнай, нѣтъ ли мнѣ писемъ...

Симонъ. Я ужъ былъ тамъ; писемъ вамъ нѣтъ никакихъ.

Донъ Грегорiо *(въ сторону).* Чортъ возьми! *(Ему).* Схо-

дилъ бы ты, между прочимъ, къ книгопродавцу: не переплелъ ли онъ мнѣ тѣ два тома, которые я ему говорилъ.

Симонъ. Да, сударь; онъ уже ихъ принесъ; я ихъ положилъ на столъ въ вашей комнатѣ.

Донъ Грегоріо *(въ сторону)*. Прошу покорно! Смотрите, нарочно какъ этотъ бестія — діяволъ всюду тычетъ хвостъ свой![1] *(Ему)*. Хорошо; такъ какъ ты теперь ничѣмъ не занятъ, то сходи къ цырюльнику и приведи его сюда: я хочу побриться.

Симонъ. Очень хорошо *(готовясь итти)*.

Донъ Грегоріо *(въ сторону)*. Недостаетъ только, чтобъ онъ сказалъ, что я уже брился.

Симонъ *(возвращаясь)*. Вѣдь я и позабылъ, что сегодня всѣ лавки заперты: у цырюльниковъ праздникъ.

Донъ Грегоріо *(въ сторону)*. Тьфу ты, сатана!.. *(Плюетъ)*. Очень хорошо! *(Въ сторону)*[2]. Сегодня черный день! *(Къ Симону)*[3]. Ступай за мною въ мою комнату, я тебѣ дамъ отнести на почту кое-какія письма.

Симонъ. Какъ прикажете.

Донъ Грегоріо *(въ сторону)*[4]. Слава Богу! Я ужъ думалъ, что почтовый ящикъ, куда бросаютъ письма, запертъ. Бѣдный мальчикъ! Какъ только подумаю объ этомъ, хочется плакать. *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Энрико и[5] потомъ **Джильда**.

Энрико. Правосудное Небо, помоги мнѣ въ этомъ смѣломъ предпріятіи! Ахъ, если бъ никто не увидалъ ее! Бѣдненькая! Едва только я подалъ изъ окна знакъ ей прійти сюда, мнѣ показалось, что она сама воодушевилась смѣлостью необыкновенною: вскочила со стула, отняла отъ груди бѣднаго ребенка... *(Слышенъ[6] легкій шорохъ шаговъ)*. Она уже тутъ, а между тѣмъ слуга еще... *(Дрожитъ)*.

Джильда *(на цыпочкахъ)*. Энрико, я здѣсь. Такъ ли? Ты этого хотѣлъ?

Энрико. Ты никого не встрѣтила?

Джильда. Нѣтъ.

Энрико. Отдыхаю.

Джильда. Что новаго? Что ты хочешь дѣлать? Безопасны ли мы здѣсь?

Энрико. Смѣлѣе, моя милая Джильда! Тебѣ предстоитъ важное дѣло.

Джильда. Энрико мой драгоцѣнный! все, что̀ хочешь, — все сдѣлаетъ твоя Джильда.

Энрико. Слушай. За нѣсколько минутъ предъ симъ обняло меня отчаяніе, какъ вдругъ дядька, увидя меня въ слезахъ, съ помощію убѣжденій своихъ, заставилъ ему[1] открыть причину несчастнаго моего положенія. Я отчасти кое-что уже сказалъ, но не имѣлъ еще духу открыть ему, что мы супруги. Ты знаешь, что, когда я долженъ наконецъ выговорить нѣкоторыя слова, уста мои запираются. И потому, чтобъ довершить это дѣло, мнѣ внушило само Небо, теперь, когда отецъ мой ушелъ со двора, призвать тебя сюда, — тебя, которая обладаешь[2] такою силою и разумомъ рѣчей[3], чтобы отвѣчать на все то, что̀ будетъ говорить донъ Грегоріо, услыша подобныя вещи.

Джильда. Сдѣлаю все, что̀ только могу. Ты знаешь, что я, какъ только чувствую, что недостаетъ у меня словъ, въ ту жъ минуту пускаю въ дѣло страницу изъ романа, который читала. Я тебя, однакожъ, предупреждаю, что этотъ твой дядька имѣетъ наружность[4], которая не предвѣщаетъ хорошаго.

Энрико. Ты обманываешься; у донъ Грегоріо не дурное сердце.

Джильда. Джильда станетъ дѣлать все, что̀ ты прикажешь.

Энрико. Какъ ты добра! Какъ я люблю тебя! Твой характеръ уже есть мое оправданье.

Джильда. Когда же я увижу его, этого донъ Грегоріо?

Энрико. Вотъ онъ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и донъ Грегоріо.

Донъ Грегоріо *(остолбенѣвши отъ изумленія при видѣ женщины, про себя)*. Чортъ побери! Что я вижу!

Энрико. Донъ Грегоріо, вотъ она.

Донъ Грегоріо. Возможно ли? Вы?

Джильда. Ахъ, сударь!

Донъ Грегоріо. Или я обманываюсь, или вы та дѣвица, что̀

живетъ противъ нашего дома, со стороны, обращенной въ переулокъ?

Джильда. Такъ точно.

Донъ Грегоріо. Дочь полковника...

Джильда. Таллемани [1].

Донъ Грегоріо. Который, сказывали, умеръ въ послѣднюю войну?

Джильда. Къ несчастію.

Донъ Грегоріо. И вы привели въ такое состояніе...

Джильда. Да, я не отрекаюсь: я привела въ такое состояніе моего Энрико.

Донъ Грегоріо. Тише, тише; что̀ вы [2] говорите?... Стыдитесь, стыдитесь!

Энрико. Донъ Грегоріо, не начинайте упреками!

Донъ Грегоріо. Но какъ это?... какъ это?... *(Въ сторону).* Теряю голову! *(Вслухъ).* Какъ вы дѣлали, чтобъ между собою видѣться? [3]

Джильда. Скажи ему, какъ мы дѣлали.

Энрико. Нѣтъ, Джильда, скажи ты. Что? или ты потеряла свое [4] присутствіе духа?

Донъ Грегоріо *(про себя, въ величайшемъ безпокойствіи и нерѣшительности)* [5]. Я дурѣю, вотъ просто чувствую, что дурѣю... Кто бы могъ это подумать? *(Вслухъ).* Но [6] объясните [7], говорите!

Джильда. Итакъ, знайте же, что по отъѣздѣ бѣднаго отца моего, мать моя содержала меня подъ строжайшимъ надзоромъ. Энрико, какъ вы знаете, тоже...

Донъ Грегоріо. О! что до него, то ему невозможно было отлучиться изъ дому.

Джильда. Хорошо. Итакъ, мы стояли у оконъ, которыя, какъ нарочно, были одно противъ другаго. Энрико смотрѣлъ на меня, я смотрѣла на него; онъ смѣялся и я смѣялась; онъ мнѣ дѣлалъ знаки, я ему отвѣчала на это другими... Сегодня смѣялся, завтра дѣлалъ знаки, послѣ завтра вздыхалъ, такъ что наконецъ...

Донъ Грегоріо. Такъ что, наконецъ, вамъ удалось?..

Джильда. Да, наконецъ, удалось. Но знаете ли, сколько времени прошло, пока посчастливилось намъ въ первый разъ поговорить?

Энрико. Да, прошло очень много времени.

Донъ Грегоріо *(про себя)*. Я ничего не понимаю. Я не въ своей тарелкѣ. Я чортъ знаетъ гдѣ! [1]

Джильда. Наконецъ, въ одну ночь удалось Энрико ускользнуть изъ дому и взбѣжать на нашу лѣстницу. Я тремя вязальными спицами, связанными вмѣстѣ, поворотила пружинку въ замкѣ дверей нашего дома. Онъ вошелъ трепеща, и я, дрожа всѣмъ тѣломъ, заперла его.

Донъ Грегоріо. Правосудный Боже! Чтò слышу! Я умираю [2].

Джильда. Едва только переступилъ Энрико порогъ моей комнаты *(показывая [3] рукою)* — онъ стоялъ здѣсь, а я здѣсь, — какъ вдругъ показалась моя мать: вскрикнула, увидѣвши насъ, и бросилась на меня; но потомъ вдругъ остановилась и обратилась къ Энрико [4], не зная сама, на кого перваго излить гнѣвъ свой. Находясь такимъ образомъ между изумленіемъ и [5] негодованіемъ, она подверглась вдругъ сильнымъ конвульсіямъ и упала безъ чувствъ...

Донъ Грегоріо. Ну, далѣе...

Джильда. Произнося со страху безсвязные звуки, я вцѣпилась за ея, пораженную отчаяніемъ, шею [6]; рыдая, Энрико [6], бросился къ ея ногамъ. На крикъ нашъ прибѣжала старая служанка, и мать пришла въ себя... Чтобы загладить безразсудный шагъ, чтобы спасти честь мою, было только одно средство; Энрико предложилъ его, я его приняла, а мать благословила его.

Донъ Грегоріо *(со страхомъ)*. Какъ!

Джильда. Мы дали другъ другу руки, какъ супруги, и, день послѣ [7], былъ освященъ и утвержденъ тайно союзъ нашъ.

Донъ Грегоріо *(крича)*. Что вы [8] говорите? Супруги! Супруги? Въ правду? [9] Безъ согласія отца! Такъ вотъ ваше несчастіе! Я думалъ просто какое-нибудь несчастіе въ любовныхъ дѣлишкахъ... *(Въ отчаяніи)*. Идите прочь! Пусть дѣлаетъ отецъ вашъ, чтò хочетъ!.. Онъ васъ убьетъ! Я васъ оставляю...

Энрико. Донъ Грегоріо, дѣло уже сдѣлано.

Джильда. Даже слишкомъ—нѣтъ никакого средства исправить.

Донъ Грегоріо. Не говорите мнѣ, не говорите... я ничего не знаю... Безчестные! измѣнить мнѣ... *(Въ ярости)*. Но какъ ты сдѣлалъ, какъ ты могъ выйти изъ дому?

Энрико. Бастіано, слуга, который мѣсяца два назадъ тому умеръ, помогалъ мнѣ и заказалъ мнѣ поддѣльный ключъ...

Донъ Грегоріо *(въ гнѣвѣ)*. Недостойные, недостойные! *(Обращаясь къ Джильдѣ)*. А ты какъ сдѣлала, что онъ влюбился въ тебя?

Джильда. Какъ дѣлаютъ всѣ другія.

Донъ Грегоріо *(въ гнѣвѣ)*. Предательница! предательница! *(Въ отчаяніи)*. Но точно ли законно ваше соединеніе?

Энрико. Сдѣлано въ присутствіи нотаріуса.

Джильда. И свидѣтелей.

Энрико. Узаконено и скрѣплено.

Джильда. По всѣмъ формамъ

Донъ Грегоріо. Я не знаю, гдѣ я нахожусь.... Маркизъ умретъ отъ печали. Здѣсь ничего нельзя поправить. Я не могу помочь вамъ; ступайте, отправляйтесь! Сколько времени, какъ вы супруги?

Джильда. Одинъ годъ.

Донъ Грегоріо. И въ продолженіе одного года...

Джильда. Мы доставили себѣ одного сына.

Донъ Грегоріо *(вскрикиваетъ)*. Сына!

Энрико. Одного только, душенька Донъ Грегоріо.

Донъ Грегоріо. Оставьте меня въ покоѣ, дайте мнѣ удалиться; оставайтесь, бѣгите, дѣлайте, что̀ хотите — я васъ предаю гнѣву вашего отца и его ярости. *(Готовъ уйти)*.

Джильда. Какъ!

Энрико *(удерживая его за платье)*. Ради самаго Неба!

Донъ Грегоріо *(вырываясь)*. Нѣтъ! Нѣтъ! Здѣсь нѣтъ жалости.

Джильда. Когда такъ, оставь его Энрико. Оставь этого человѣка съ сердцемъ тирана. Я тебѣ говорила, что мнѣ не предвѣщала ничего другаго его наружность.

Донъ Грегоріо *(останавливаясь)*. Какъ! Что̀ вы говорите? Я тиранъ?

Джильда. Да, вы тиранъ и вѣчно останетесь имъ; и[1], какъ кажется, вы этимъ довольны[2]. Сердца наши связаны между собою союзомъ священнымъ, союзомъ чести, союзомъ законовъ и тысячами тысячъ другихъ нѣжнѣйшихъ отношеній, союзами страсти и клятвъ переплетены и вмѣщены одно въ другомъ и сжаты тѣсно[4]. Отрѣшить наши сердца одно отъ другаго нельзя, какъ развѣ изрубивши на части одно изъ нихъ или раздробивши оба. Вы насытитесь, сколько желается[5] душѣ вашей,

кровью и слезами; объ одномъ только молю васъ: насыщайтесь, сколько хотите, стенаньями и муками моими, но спасите моего Энрико отъ ярости суроваго отца. Если я была причиною несчастія этой фамиліи, отмстите и обрушьте все на несчастную Джильду, но да будетъ прощенъ мой Энрико! За эту цѣну я согласна итти скитаться бѣглянкой, изгнанницей, оставленной всѣми, сохранивши только у груди своей несчастный плодъ любви нашей.

Донъ Грегоріо *(который къ концу этой рѣчи разжалобленъ совершенно, говоритъ, про себя, навзрыдъ)*. Сердце мое разрывается на части.

Энрико *(вполголоса)*. Браво, Джильда!

Джильда. *(рыдая)*. Прощай, мой Энрико!... Прости мнѣ, если...

Донъ Грегоріо. Остановитесь... Что я дѣлаю? *(Осушая слезы и про себя)*. Бѣдные молодые люди! Оставить ихъ въ добычу отчаянія... Зло сдѣлано... Они уже мужъ и жена... О Боже!... Званія ихъ почти равныя... *(въ нерѣшительности)*[1].

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и маркизъ Джуліо *(за сценой)*[2].

Голосъ маркиза. Донъ Грегоріо возвратился?

Донъ Грегоріо. Святые всего свѣта![3] Это маркизъ!

Энрико *(въ испугѣ)*. Донъ Грегоріо, я погибъ!

Джильда *(къ донъ Грегоріо)*. О Боже! Спасите меня!

Донъ Грегоріо *(въ сторону)*. Небо, подай совѣтъ!.. *(Толкая ее въ комнату Энрико)*. Сюда, сюда войдите скорѣе!

Джильда *(входя)*. Не предайте[4] Энрико!

Донъ Грегоріо. Молчите, молчите! чш!...

Энрико. Ради Бога! Я долженъ итти?

Донъ Грегоріо. Останьтесь! *(Запираетъ дверь на ключъ)*.

Маркизъ *(входя въ ту минуту[5], когда донъ Грегоріо отскакиваетъ поспѣшно отъ двери съ ключемъ въ рукахъ)*. Вы дома?

Энрико. Счастливаго возвращенія, папа! *(Цѣлуетъ его руку)*.

Маркизъ *(разсматривая со вниманіемъ и недовѣрчивостью донъ Грегоріо и ключъ, находящійся въ его рукахъ)*. Извини-

те, донъ Грегоріо, зачѣмъ вы съ такою поспѣшностію вынули ключъ отъ этой двери?

Донъ Грегоріо *(про себя)*. Холодный потъ проступаетъ у меня на лбу. *(Вслухъ)* Ничего[1]....

Энрико *(про себя)*. О Боже!

Маркизъ. Я располагалъ было не обѣдать сегодня дома, но министръ обѣдаетъ у маршала... Извините меня, донъ Грегоріо, вы, кажется, въ большомъ замѣшательствѣ; что такое вы заперли въ этой комнатѣ?

Донъ Грегоріо *(про себя)*. Опять! *(Въ слухъ)*. Говорю вамъ: вздоръ, ничего...

Маркизъ. Однакожъ?

Энрико *(тихо донъ Грегоріо)*. Донъ Грегоріо, не измѣните!

Донъ Грегоріо *(про себя)*. Тутъ нуженъ умъ. *(Вслухъ)*. Я вамъ сейчасъ скажу... мнѣ подарена... одна... собаченка. И потому я, чтобы не запачкала[2] комнатъ, заперъ ее туда. Послѣ я отнесу ее въ свою комнату.

Маркизъ. Въ такомъ случаѣ я долженъ просить у васъ[3] извиненія. Но вы говорите такимъ образомъ... Сдѣлайте одолженіе, дайте мнѣ ключъ!

Донъ Грегоріо. Какъ!

Энрико *(про себя)* Я пропалъ!

Маркизъ. Развѣ я не господинъ дома?

Донъ Грегоріо. Вы, точно, онъ[4]; и поэтому...

Маркизъ. Я хочу видѣть, что̀ тамъ заперто.

Донъ Грегоріо. Я ужъ вамъ сказалъ... одна кудлашка.

Маркизъ. Извините, я этому не вѣрю. Къ тому жъ этотъ домъ мой. Донъ Грегоріо, отдайте мнѣ ключъ!

Энрико. Я умираю.

Донъ Грегоріо. Вы этому не вѣрите? *(Про себя)*. Чортъ побери всѣхъ чертей! *(Вслухъ)*. Господинъ маркизъ! *(съ чувствомъ негодованія)* развѣ этакимъ образомъ можно говорить мнѣ? Возьмите ключъ! Вотъ онъ! Отоприте, смотрите, и потомъ, покрытые[5] стыдомъ за нанесенное мнѣ[6] оскорбленіе, не имѣйте присутствія духа посмотрѣть мнѣ прямо въ глаза! Подозрѣвать, подозрѣвать[7], что донъ Грегоріо можетъ обмануть! Нанести подобное оскорбленіе въ присутствіи этого молодаго юноши!... Отоприте, маркизъ, сію же минуту! отоприте въ моемъ при-

сутствіи — пусть увидятъ ваше безчестное подозрѣніе и честность донъ Грегоріо, который съ этой минуты оставляетъ навсегда[1] домъ вашъ.

Маркизъ. Донъ Грегоріо!

Донъ Грегоріо. Отоприте! Не слушаю никакихъ резоновъ![2]

Маркизъ. Донъ Грегоріо! Вотъ ключъ!

Донъ Грегоріо *(горячась)*. Нѣтъ, маркизъ, отоприте! Мнѣ подобное оскорбленіе!

Маркизъ. Простите меня, говорю вамъ: на минуту я потерялъ разсудокъ; я виноватъ.

Донъ Грегоріо. Подозрѣвать! дайте ключъ; ступайте, смотрите! *(готовясь отпирать)*.

Маркизъ. Остановитесь! Я не хочу.

Донъ Грегоріо. Пустите меня! Увидите, увидите! Пусть объяснится...

Маркизъ. Говорю вамъ, что не хочу. Прошу извиненія; простите меня, я виноватъ! *(Удерживаетъ его за полы)*.

Донъ Грегоріо *(представляя, что насильно хочетъ отперетъ)*. Нѣтъ, теперь нѣтъ.

Маркизъ. Что же вы хотите, чтобъ я еще сдѣлалъ, чтобъ получить ваше прощеніе? Донъ Грегоріо, простите меня. Я былъ дуракъ. Ничего не хочу видѣть. Я въ васъ увѣренъ. Ради Бога, простите меня. *(Про себя)*. Что я надѣлалъ! Я горю отъ стыда. *(Уходитъ)*.

Донъ Грегоріо. Мнѣ! меня! со мною! *(Про себя)*. Отвязался наконецъ, старая дубовая башка!...

Энрико. Ухъ! какъ было страшно! Я вамъ долженъ[3]...

Донъ Грегоріо *(передразнивая)*. Я долженъ вамъ[4]... *(Въ отчаяніи)*. Что̀ вы заставили меня сдѣлать?

Энрико. Теперь...

Донъ Грегоріо. Теперь я ничего не знаю... поищу[5]... того... Вы вотъ что... это обстоятельство... Впрочемъ того... *(Даетъ ключъ, въ смущеніи, не зная и не понимая самъ, что̀ говоритъ)*. Нужно... нужно... Удалите ее отсюда прочь.

Энрико. То есть...

Донъ Грегоріо. То есть, какъ то, что не стоитъ выѣденнаго яйца[6]. Боже, какое затруднительное положеніе!... Сдѣлайте такъ, чтобы никто не видалъ: я былъ бы компрометтированъ... Ради Бога!... Было бы хорошо такъ... Вы

поняли все? Чортъ меня побери, если понимаю[1] хоть одно слово изъ того, что̀ говорю! *(Уходитъ).*

Энрико. Небо, помоги мнѣ! *(Уходитъ въ комнату, гдѣ жена).*

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Донъ Грегоріо и Энрико.

Донъ Грегоріо. Какъ! Вы до сихъ поръ еще не вывели ее отсюда?

Энрико. Нельзя было никакимъ образомъ. Въ столовой вѣчно кто-нибудь толкался. Потомъ мы пошли обѣдать...

Донъ Грегоріо. Итакъ, она до сихъ поръ тамъ?

Энрико. Тамъ.

Донъ Грегоріо. Прахъ побери! Какъ же?[2]... И она ничего не ѣла?

Энрико. Сейчасъ я вамъ скажу. Мнѣ удалось утащить за столомъ полкурицы и пару котлетъ, спрятать ихъ въ карманъ и отнести ей тотчасъ послѣ обѣда, чтобъ не умерла съ голоду.

Донъ Грегоріо. Но что же она дѣлаетъ теперь?

Энрико. Плачетъ, опасаясь за ребенка, котораго теперь время кормить.

Донъ Грегоріо. Но какъ же помочь этому? какъ? Зачѣмъ отваживались вы приводить ее сюда? Развѣ вы не могли открыть мнѣ все, не подвергая....

Энрико. Я не имѣлъ столько присутствія духа, чтобы открыть вамъ, милый донъ Грегоріо! Покамѣстъ было возможно, я скрывалъ все; но теперь, когда Джильда осталась одна, отчаяніе заставило прибѣгнуть къ этому поступку.

Донъ Грегоріо. А мать ея?

Энрико. Мать ея, которая условилась въ продолженіе[3] года держать дочь у себя въ домѣ, имѣя нужду въ деньгахъ, должна была отправиться въ Миланъ, чтобы собрать кое-какое оставшееся имущество послѣ своего мужа, и уѣхала три

дня тому назадъ, оставивши дочь на руки Провидѣнія и меня, ея мужа.

Донъ Грегоріо. Итакъ, она никого больше не имѣетъ кромѣ васъ?[1]

Энрико. По крайней мѣрѣ, сколько я знаю...

Донъ Грегоріо. Но какъ же вы думаете содержать ее до тѣхъ поръ, пока отецъ?...

Энрико. Здѣсь-то и есть мое затрудненіе[2].

Донъ Грегоріо. Отецъ вашъ даетъ ли вамъ деньги?

Энрико. Ничего кромѣ тридцати паоловъ *(15 рублей)* шестаго генваря, въ видѣ подарка на игрушки.

Донъ Грегоріо *(въ сторону)*. Да, посмотри-ка теперь, какихъ игрушекъ требуютъ эти дѣти! Какая лошадь этотъ маркизъ! *(Ударивши себя по лбу)*. О Боже! И вотъ я замѣшался въ интригу... Но какъ, чортъ возьми, удалось вамъ все сдѣлать такъ, что никто не проникъ?...

Энрико. Бастіано...

Донъ Грегоріо. Проклятый Бастіано! И я этого не могъ предвидѣть!

Энрико. Онъ наблюдалъ очень осторожно, чтобъ изъ васъ кто-нибудь не проснулся, и поддѣльнымъ[3] ключемъ отпиралъ и запиралъ дверь. Въ то время, когда мы говорили и проводили время съ Джильдой, у насъ была стража, чтобы никто не могъ ничего узнать; такимъ образомъ...

Донъ Грегоріо *(въ сторону)*. Я говорилъ маркизу: „позвольте мнѣ, позвольте[4] спать внизу!“ — „а[5]“ говоритъ: „не нужно; нѣтъ никакой опасности“. Вотъ тебѣ нѣтъ никакой[6] опасности! Вотъ тебѣ нѣтъ никакой опасности! Распорядился прекрасно! *(Вслухъ)*. А потомъ, когда умеръ Бастіано?

Энрико. Тогда родился Бернардино...

Донъ Грегоріо. Кто[7] — Бернардино?

Энрико. Сынъ нашъ.

Донъ Грегоріо. А! *(Въ сторону)*. А между прочимъ, сколько есть такихъ, которые бы желали, чтобъ у нихъ родился сынъ, а нѣтъ, не родится.

Энрико. Послѣ рожденія его мы видѣлись очень рѣдко и съ большою предосторожностью.

Донъ Грегоріо. Я просто безумѣю. И никто не могъ открыть ни супружества, ни беременности дѣвушки, ни разрѣшенія, ни сына?[8]

Энрико. Никто, потому что синіора[9] Бриджида, мать Джильды,

заключила брачное наше[1] условіе посредствомъ одного очень хорошаго человѣка, своего искренняго друга, съ которымъ она уѣхала въ Миланъ. Онъ же засвидѣтельствовалъ, какъ слѣдуетъ, рожденіе ребенка. Синіора Бриджида пе выпускала дочь изъ дому во все время ея беременности. Синіора Бриджида присутствовала при ней и подавала помощь во всѣхъ припадкахъ, для того, чтобъ это дѣло было извѣстно только синіорѣ Бриджидѣ, ея другу, старушкѣ служанкѣ дома, Джильдѣ и мнѣ.

Донъ Грегоріо. А когда маркизъ узнаетъ это дѣло, то разобьетъ голову синіорѣ Бриджидѣ, донъ Грегоріо, который не зналъ объ этомъ, Джильдѣ и старушкѣ служанкѣ. Это не шутка! Это интрига, интрига сурьезная, роковая....

Энрико. Итакъ, вы хотите бросить насъ въ руки отчаянія? въ положеніи — сдѣлать какой-нибудь шагъ, внушенный послѣднею безнадежностью?[2] Если вы имѣете столько на это духа и сердце, то[3] сдѣлайте это. По крайней мѣрѣ, дайте возможность уйти только этой несчастной, чтобы избавить ее отъ взоровъ и ярости моего отца[4], какой предастся онъ, ее увидѣвши... *(въ слезахъ).*

Донъ Грегоріо *(въ сторону).* Да, теперь бы я попросилъ васъ, грозные педанты, притти посмотрѣть, что̀ дѣлать[5] въ такомъ случаѣ! Они уже супруги; любятъ другъ друга, различія въ званіяхъ почти нѣтъ никакого, имѣютъ[6] сына...

Энрико. Донъ Грегоріо!

Донъ Грегоріо *(горячась).* Донъ Грегоріо, донъ Грегоріо! Это обстоятельства отчаянныя... *(Въ сторону).* Но какъ же однакожъ? Теперь, когда выстрѣлъ уже сдѣланъ, когда пуля вылетѣла, развѣ можно теперь оставить ихъ такъ?

Энрико. Донъ Грегоріо!

Донъ Грегоріо. Надоѣлъ съ этимъ „донъ Грегоріо“... Слушай, прежде всего нужно ее вывести. Черезъ нѣсколько дней, можетъ быть, какъ-нибудь можно будетъ[7] уладить это дѣло. Между тѣмъ я[8] постараюсь до того времени твоего отца[9]... Но какъ, какъ это сдѣлать?... А, довольно![10] Скажи ей, чтобы не плакала, что я подумаю обо всемъ.

Энрико. Я ввѣряюсь вамъ.

Донъ Грегоріо. Ступай, запрись и не отпирай никому, пока не услышишь моего голоса.

Энрико. Милый мой донъ Грегоріо!

Донъ Грегоріо. Да перестань разъ навсегда! Я теперь, чортъ его знаетъ, въ такомъ положеніи, что не могу слышать даже собственнаго имени.

Энрико. Повинуюсь и предаюсь весь вамъ. Пойду утѣшить мою Джильду и провѣдать, не имѣетъ ли она въ чемъ нужды. *(Уходитъ).*

Донъ Грегоріо *(одинъ).* Здѣсь нѣтъ никакого средства поправить. Происходи то, что должно произойти — я не долженъ оставить этихъ молодыхъ людей![1] Впрочемъ вѣдь зло могло бы быть въ десять разъ хуже. Она не имѣетъ въ себѣ ничего[2] дурнаго, хорошей фамиліи; а если состояніе ея не большихъ доходовъ[3], то это еще ничего: маркизъ не имѣетъ нужды въ деньгахъ. Да, смѣлѣе! *(Рѣшительно).* Молодымъ людямъ помочь! Такъ! Теперь нужно вывести молодую женщину такъ, чтобы никто не видалъ, и съ сегодня я приступаю[4] располагать понемногу маркиза.

ЯВЛЕНІЕ II.

Маркизъ и донъ Грегоріо.

Маркизъ. А! донъ Грегоріо.

Донъ Грегоріо. Синіоръ маркизъ! *(Въ сторону).* Кстати пришелъ!

Маркизъ. Прежде всего, повторяю, позабудьте объ оскорбленіи, которое сегодня поутру...

Донъ Грегоріо. Вы меня поразили, я уже вамъ говорилъ...

Маркизъ. Довольно! Обнимемся *(обнимаются)* и пусть это будетъ послѣднее напоминаніе о случившемся.

Донъ Грегоріо. Въ этомъ будьте увѣрены. *(Въ сторону).* Вотъ хорошая минута!

Маркизъ. Гдѣ Энрико?

Донъ Грегоріо *(про себя).* Вотъ оно! *(Вслухъ)* Не знаю... можетъ быть, у своего брата.

Маркизъ. Вы еще ничего[5] не говорили съ нимъ?

Донъ Грегоріо. Говорилъ... *(Про себя).* Да если бъ ты зналъ, о чемъ мы говорили!

Маркизъ. Ну, что жъ[6] онъ? по обыкновенію?[7]...

Донъ Грегоріо. То есть, если хотите, чтобъ я вамъ сказалъ правду, то чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе я утверждаюсь въ моемъ подозрѣніи.

Маркизъ. То есть?...

Донъ Грегоріо. Что этотъ молодой человѣкъ имѣетъ нужду... *(Въ сторону).* Тише, тише, чшъ[1], донъ Грегоріо! *(Вслухъ)* имѣетъ нужду дѣлать такъ, какъ дѣлаютъ молодые люди— гулять, разговаривать...

Маркизъ. Вы вѣчно мѣтите въ одно.

Донъ Грегоріо. Что̀ жъ дѣлать? такъ оно есть[2]. Принимайте мои слова въ какомъ угодно смыслѣ, но нужно, чтобы я сказалъ вамъ то, что думаю. Маркизъ, положимъ руку на сердце[3]: что̀ были[4], напримѣръ, вы?

Маркизъ. Что хотите сказать вы этимъ?[5]

Донъ Грегоріо. Что былъ я въ молодости?[6]

Маркизъ. Не знаю.

Донъ Грегоріо. Что такое всѣ люди тогда, какъ[7] въ цвѣтѣ лѣтъ кипитъ кровь и когда весь[8]—горящая Этна?

Маркизъ. Фуріи, которыхъ нужно держать на цѣпяхъ.

Донъ Грегоріо. Однакожъ цѣпями не излѣчить зла[9]; лишеніе не уменьшаетъ желанія. Бѣшенство занимаетъ его мѣсто; яркая противоположность становится палачемъ[10], и юноша гибнетъ невозвратно.

Маркизъ. Посмотримъ однакожъ, какой результатъ всего этого?[11] Что̀, показалось вамъ, прочитали вы въ душѣ Энрико?[12] Можетъ быть, вы думаете, что его сердце.... Вы обманываетесь: съ методой, которая введена въ моемъ домѣ, со строгостью...

Донъ Грегоріо *(про себя).* Да, поди-ка, посмотри, отопри эту дверь — и ты увидишь, какая тамъ строгость сидитъ.

Маркизъ. Любезный другъ! вы, должно быть, въ юности были цѣлый дьяволъ.

Донъ Грегоріо. Нѣтъ; я былъ въ юности молодъ, какъ и всѣ другіе, съ движеніями и побужденьями, свойственными этимъ лѣтамъ, и я вижу, что они были бы гораздо хуже, если бы вмѣсто разсудка и совѣтовъ родители мои употребили замки и строгость. Повѣрьте наконецъ, маркизъ, что свѣтъ[13] и общество кажутся несравненно[14] ослѣпительнѣе и прекраснѣе тому, кто слышитъ шумъ ихъ издалека, не видя

ихъ, нежели тому, кто проникъ ихъ, имѣя ихъ предъ глазами, и видитъ ихъ въ настоящемъ видѣ. Да, сынъ вашъ наконецъ долженъ начать показываться на солнце и вылѣзть изъ этого гроба, гдѣ онъ находится погребеннымъ съ той минуты, какъ родился...

Маркизъ. Да, да, именно изъ одной глупой и, можетъ быть, даже притворной его меланхоліи я ему позволю выходить, видѣть женщинъ, говорить съ ними...

Донъ Грегоріо. Ну, такъ! Какъ только вы станете говорить о женщинахъ, кажется, какъ будто хотите назвать самаго дьявола! Мнѣ женщины не представлялись никогда[1] въ этомъ видѣ, и даже скажу вамъ, что я былъ *(въ сторону)*,— отважился! — *(вслухъ)* очень часто ихъ партизаномъ и защитникомъ...

Маркизъ. Браво! прекрасныя правила... Оставимъ, оставимъ этотъ разговоръ. Вы, я вижу, хотите злоупотреблять мною[2].

Донъ Грегоріо *(про себя)*. Это я предвидѣлъ. *(Вслухъ)*. Постойте! такъ какъ вы имѣете такого рода опасенія, то зачѣмъ не жените его?

Маркизъ *(вспыхнувъ)*. Женить, женить ребенка! Синіоръ донъ Грегоріо[3], мы увидимся въ другое время. Извините, сегодня вы, мнѣ кажется[4], не похожи на самого себя.

Донъ Грегоріо *(про себя)*. Этого еще недоставало!... *(Вслухъ)*. Я говорю, чтобъ...

Маркизъ. Женить Энрико![5] Мой отецъ согласился на мою свадьбу тогда только, когда ему было семьдесятъ два года, а мнѣ сорокъ семь...

Донъ Грегоріо. И однакожъ вы теперь видите...

Маркизъ. Довольно, довольно! Я не могу обратить никакого вниманія на предложеніе, сдѣланное мнѣ человѣкомъ, который, не сгорѣвъ отъ стыда[6], назвалъ себя протекторомъ и партизаномъ женщинъ. Вы никогда еще до сихъ поръ не дѣлали мнѣ подобнаго предложенія. Если бъ я это прежде зналъ, я бы, можетъ быть, судилъ о васъ иначе.

Донъ Грегоріо. Не думайте, что я...

Маркизъ. Я извиняю васъ, предполагая, что голова ваша сегодня не въ полномъ разсудкѣ.

Донъ Грегоріо. Вы...

Маркизъ. Не говорите мнѣ теперь, я васъ прошу. Не напоминайте мнѣ объ этомъ, если хотите, чтобъ мы остались друзьями. Не напоминайте мнѣ объ этомъ, или я приду въ бѣшенство. *(Уходитъ).*

Донъ Грегоріо *(одинъ).* Теперь прошу посмотрѣть, въ какихъ я нахожусь обстоятельствахъ! [1] Если стану упорствовать въ своихъ рѣчахъ, потеряю его уваженіе—и они тогда погибли... Я нахожусь въ положеніи напакостить себѣ же собственными руками [2]... *(Крякнувъ)* [3]. А! терять времени нечего. Постараемся удалить людей изъ столовой и, улучивши первую минуту, вывести отсюда эту несчастную заключенную.

ЯВЛЕНІЕ III.

Леонарда и донъ Грегоріо.

Леонарда. Донъ Грегоріо, намъ [4] нужно кой о чемъ имѣть съ вами довольно длинный разговоръ.

Донъ Грегоріо. Въ другое время, любезная.

Леонарда. Я не прошу, чтобъ вы меня называли любезною [5].

Донъ Грегоріо. Любезная или нелюбезная, какъ хотите, но теперь я занятъ.

Леонарда. Вы бѣжите?... Стало быть, уже [6] знаете, что̀ я должна вамъ сказать? Вы...

Донъ Грегоріо. Что касается до меня, то я не знаю, что̀ вы говорите. Послѣ, немного позже, поговорю, когда вы хотите, но теперь не могу. *(Про себя).* Я и безъ того въ довольно хорошемъ расположеніи духа, недоставало еще этой съ длиннымъ разговоромъ [7]. *(Вслухъ).* Увидимся послѣ! *(Уходитъ).*

Леонарда *(одна).* За кого меня принимаетъ донъ Грегоріо? Нѣтъ, онъ не знаетъ Леонарды! Наговорить мальчику, что я не умѣю говорить, наговорить ему, что я пожилая, въ лѣтахъ... Развѣ онъ думаетъ, я не найду минуты поселить въ голову маркиза подозрѣніе насчетъ его? Я не буду женщина, если не отомщу.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Леонарда и Пиппетто.

Пиппетто. Ты здѣсь еще?

Леонарда. Оставьте меня въ покоѣ.

Пиппетто. Что такое съ тобою, Леонардушенька?

Леонарда. Оставьте меня, вамъ говорю. Всѣ, всѣ противъ меня![1] Не можете видѣть меня спокойно. Я вамъ — какъ язва какая... Останетесь довольны: я уйду отсюда. Вы меня больше не увидите.

Пиппетто. Послушай: ты дура! Развѣ и я?...

Леонарда. И вы тоже, и вы тоже.

Пиппетто. Какъ?

Леонарда. Если бъ вы въ самомъ дѣлѣ любили меня, вы бы не могли потерпѣть, чтобы меня презирали и издѣвались надо мною.

Пиппетто. Но чего жъ ты хочешь?

Леонарда. Вы видите, что донъ Грегоріо ищетъ всѣ средства оскорблять меня[2]: поноситъ меня, насмѣхается, говоритъ, что я старуха, и вы не въ состояніи...

Пиппетто. Но скажи мнѣ, дорогой свѣтъ очей моихъ, — это любовное выраженіе я узналъ отъ тебя, — скажи: что̀ ты хочешь, чтобъ я сдѣлалъ?

Леонарда. Къ дѣлу! Если любовныя ощущенія ваши точно справедливы, если Леонарда вамъ дѣйствительно такъ дорога, какъ вы говорите, то нужно, чтобъ вы соединились[3] со мною на тотъ конецъ, чтобъ выгнать[4] его изъ этого дома...

Пиппетто. Я охотно, но какъ?...

Леонарда. Оставьте[5] мнѣ все это сдѣлать. Вы только должны мнѣ помогать. Я уже съ нѣкотораго времени замѣчаю, что у него есть въ головѣ какой-то секретъ. Если только я его узнаю — прибавлю, выдумаю кой-что въ придатокъ. Мы его обвинимъ, уличимъ, сдѣлаемъ все. Ты это сдѣлаешь, Пиппетто?

Пиппетто. Довольно будетъ, если...

Леонарда. Сдѣлаешь ли ты это? Или ты больше меня никогда въ глаза не увидишь.

Пиппетто. Сдѣлаю, сдѣлаю все, что̀ хочешь.

Леонарда. Клянись мнѣ въ томъ.

Пиппетто. Но клятва есть...

Леонарда. Не хочешь?

Пиппетто. Клянусь, клянусь!

Леонарда. Такъ теперь я тебя очень люблю[1]. Теперь ты можешь владѣть моимъ сердцемъ.

Пиппетто. О моя Леонардушка!... Леонардушечка моя!...

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и донъ Грегоріо.

Донъ Грегоріо *(за сценой)*. Оставайтесь и не двигайтесь.

Леонарда. Уйдемъ: это онъ!

Пиппетто. Я вѣчно съ тобою.

Леонарда. Помни клятву.

Пиппетто. Да, моя Леонардушка.

Леонарда *(въ сторону)*. Я тебѣ отомщу.

Пиппетто *(про себя)*. Для Леонарды все сдѣлаю. *(Уходятъ).*

Донъ Грегоріо *(входитъ)*. Именно потому, что хочу, чтобъ никого не было,—сегодня всѣ слуги ходятъ за мною по пятамъ[2]. Вывести ее изъ комнаты невозможно; оставить ее до ночи въ этой комнатѣ есть большой рискъ[3]. И потому нѣтъ другаго средства, какъ развѣ... *(Говоритъ вполголоса, стуча въ дверь)*. Энрико, отоприте! это я. *(Про себя)*. Это, мнѣ кажется, лучше всего.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Донъ Грегоріо и Энрико.

Энрико. Что, можно ей теперь итти?

Донъ Грегоріо. Нѣтъ! никакъ нельзя.

Энрико. О Боже!

Донъ Грегоріо. Я думаю перевести ее сюда, отсюда по лѣстничкѣ въ мою комнату, а изъ моей комнаты, какъ только смеркнется[4], она можетъ пробѣжать по большой лѣстницѣ.

Энрико. Но[5] она хотѣла итти домой...

Донъ Грегоріо. Хотѣла! И я тоже хотѣлъ, но если нельзя? Лѣстница поминутно наполняется людьми. Сдѣлайте по моему,

ступайте. Я уже заперъ дверь въ залъ, чтобъ никто не взошелъ[1] въ то время, какъ я съ Джильдою пробѣгу. Если вы не будете говорить, то это знакъ, что тамъ нѣтъ никого, и я заставлю Джильду пересѣсть[2] въ мою комнату. Потомъ можете и вы также войти.

Энрико. Вы думаете, можно провести ее даже туда?

Донъ Грегоріо. Думаю. Не сомнѣвайтесь, ступайте.

Энрико *(про себя)*. Я усталъ, перебирая всѣ слова и утѣшенья, чтобъ успокоить Джильду. Я слышу[3], холодный потъ проступаетъ по мнѣ. *(Уходитъ)*.

Донъ Грегоріо. Сохрани насъ Боже отъ маркиза! Теперь, кажется, нечего бояться. Эта дверь заперта... Въ залѣ на стражѣ Энрико. Вызовемъ теперь ее бѣдненькую. Я не имѣю даже духа подумать о положеніи, въ которое она меня привела[4]. Съ другой стороны, что̀ бы могла сдѣлать строгость? Привела бы только въ совершенное отчаяніе эти двѣ бѣдныя жертвы. Они вѣдь уже[5] мужъ и жена. Нѣтъ никакого средства поправить это дѣло — да, совершенно никакого!... Не станемъ терять времени. *(Говоритъ вполголоса въ дверь)*. Джильда, идите сюда!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Донъ Грегоріо и Джильда.

Джильда *(извнутри комнаты)*. Вы?

Донъ Грегоріо. Скорѣе!

Джильда *(выходя)*. Ради святаго Неба, дайте мнѣ средство[6] уйти, по крайней мѣрѣ, домой!

Донъ Грегоріо. Имѣйте, любезнѣйшая, крошку терпѣнія. Сейчасъ никакъ нельзя...

Джильда. Но когда же? скажите, когда?

Донъ Грегоріо. Съ маленькимъ терпѣніемъ можно все сдѣлать; будьте покойны.

Джильда. Я готова все дѣлать[7], что̀ вы только мнѣ прикажете.

Донъ Грегоріо. Дочь моя, здѣсь мы не безопасны... Скорѣе, скорѣе идите въ мою комнату!

Джильда. Но если маркизъ...

Донъ Грегоріо. Маркизъ тамъ не можетъ васъ увидать[1].

Джильда *(уходя на цыпочкахъ).* Я въ вашихъ рукахъ; дѣлаю все, что хотите.

Донъ Грегоріо. Вечеромъ потомъ, при удобномъ случаѣ, мнѣ[2] будетъ легко вывести васъ такъ, чтобы никто не замѣтилъ. *(Уходятъ).*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Леонарда и Пиппетто.

Леонарда *(отпирая тихо дверь).* Слышалъ?

Пиппетто. Видѣла?

Леонарда. Богъ услышалъ мои молитвы!

Пиппетто. Кажется[3] даже невѣроятно!

Леонарда. Могъ ли бы ты повѣрить этому?

Пиппетто. Никогда въ жизни!

Леонарда. Но мы не видали[4], откуда она вышла.

Пиппетто. Нѣтъ. Я стоялъ передъ замочной скважиной, когда донъ Грегоріо стоялъ тутъ и говорилъ: «Имѣйте крошку терпѣнія!» Но откуда она могла выйти? Изъ залы ей нельзя было.

Леонарда. Почему нельзя? Улучилъ минуту, когда тамъ никого не было изъ людей. Быть можетъ, онъ былъ принужденъ[5] ввести ее въ эту[6] комнату, потому что кто-нибудь проходилъ въ то время черезъ переднюю,[7] а теперь ведетъ ее въ свою комнату.

Пиппетто. Да, вѣрно, что такъ[8].

Леонарда. Нужно, чтобъ вы сейчасъ же[9] сказали вашему батюшкѣ.

Пиппетто. Я? Зачѣмъ не скажешь ему этого ты?

Леонарда. Нѣтъ, это принадлежитъ вамъ.[11] Смотрите, если вы этого ему не скажете, больше не увидите Леонарды.

Пиппетто. Не сердись, не сердись, Леонардушка, скажу.

Леонарда. И скажите непремѣнно все.

Пиппетто. Я помню слово въ слово все, что было ими сказано.

Леонарда. Слышу точно шаги маркиза. Это онъ. Все скажите, не пропуская ничего[12].

Пиппетто. Но...

Леонарда. Смотрите, если не скажете ему этого, то Леонарда умерла для васъ. *(Про себя).* Ты теперь попался[1], гадкій старичишка. *(Уходитъ).*

Пиппетто. Выбранитъ меня отецъ, когда я донесу ему на нашего дядьку. Но вѣдь я говорю правду, стало быть, это доставитъ ему удовольствіе.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Маркизъ и Пиппетто.

Маркизъ. Зачѣмъ ты вѣчно въ праздности? Зачѣмъ не учишься? Зачѣмъ не услаждаешь себя чтеніемъ какой-нибудь книги или не отдыхаешь за произведеніемъ какого-нибудь ариеметическаго счета?[2] Донъ Грегоріо долженъ бы[3]....

Пиппетто. Донъ Грегоріо... *(Въ сторону).* У меня дрожатъ колѣни[4].

Маркизъ. Что дѣлаетъ донъ Грегоріо?

Пиппетто. Занятъ.

Маркизъ. Съ кѣмъ? съ Энрико?[5]

Пиппетто. Фи! совсѣмъ нѣтъ! *(Въ сторону).* У меня недостаетъ голоса, но для Леонардушечки[6] на все рѣшусь.

Маркизъ. Съ кѣмъ же?

Пиппетто *(съ усиліемъ и вскрикнувъ).* Не браните меня, не браните![7]... съ одною женщиною, которая приведена въ его комнату.

Маркизъ. Что̀ ты смѣешь говорить, дерзкій? Это неправда!

Пиппетто. Убейте меня, если я говорю вамъ ложь.

Маркизъ *(весь въ волненіи).* Скажи: какъ ты ее видѣлъ?

Пиппетто. Въ замочную скважину, къ которой я приставилъ глазъ изъ любопытства, услышавши голосъ женщины, говорившей шопотомъ.

Маркизъ. Боже! возможно ли? Но откудова[8] она вошла?

Пиппетто. Не знаю. Я только видѣлъ ее, когда она была въ этой ко́мнатѣ.

Маркизъ *(въ сильной тревогѣ).* Донъ Грегоріо гдѣ былъ?

Пиппетто *(показывая).* Здѣсь.

Маркизъ. А женщина?

Пиппетто. Онъ держалъ ее подъ руку.

Маркизъ. Можетъ быть, какая-нибудь старуха?

Пиппетто. О нѣтъ, самая молоденькая!

Маркизъ *(въ сторону).* О разбойникъ!... Теперь понимаю: можетъ быть, даже сего утра... О, безъ сомнѣнія!... Но какимъ образомъ? Я весь дрожу... И молодой мальчикъ былъ этому свидѣтель! *(Вслухъ).* Можетъ, это была какая-нибудь женщина, которая приходила за дѣломъ? Ты не слышалъ, что̀ они говорили?

Пиппетто. Да. «Имѣйте, любезнѣйшая, крошку терпѣнія. Сейчасъ никакъ не могу»—такъ говорилъ донъ Грегоріо.

Маркизъ *(про себя).* Недостойный!

Пиппетто. А она отвѣчала: «Но когда же? скажите, когда?» А онъ сказалъ: «Съ маленькимъ терпѣніемъ можно все сдѣлать».

Маркизъ *(про себя).* Я не знаю, что меня удерживаетъ. Но какъ же однакожъ?... Въ продолженіе столькихъ лѣтъ, какъ онъ у меня живетъ, стало быть, онъ обманывалъ меня?.. притворялся?.. О, такъ издѣваться надо мною!... *(Вслухъ).* А потомъ они ушли?

Пиппетто. Да, синьоръ, потому что донъ Грегоріо сказалъ: «Здѣсь мы не безопасны[1]. Скорѣе, скорѣе въ мою комнату! тамъ маркизъ не можетъ насъ увидѣть».

Маркизъ *(про себя).* Чудовище, выскочившее изъ ада! Говорить въ моемъ домѣ подобныя вещи, гдѣ могли слышать эти дѣти... Охъ! *(хватается за сердце)* я боюсь, чтобы не разорвались мои жилы[2]. *(Вслухъ).* И ушли?...

Пиппетто. Въ комнату донъ Грегоріо.

Маркизъ. Сколько будетъ времени тому назадъ?[3]

Пиппетто. Только что, въ эту самую минуту[4].

Маркизъ *(про себя).* Я внѣ себя! Иду къ этому мерзавцу! *(Остановясь).* Но если произойдетъ какая-нибудь сцена, можетъ, даже очевидно скандалезная[5]... Можетъ быть, теперь она ушла уже прочь... Я рискую умереть отъ тоски[6], однакожъ нужно немножко умѣрить себя, чтобъ не показать этимъ невиннымъ[7]... *(Вслухъ).* Это ничего не значитъ: дѣвушка имѣла нужду о чемъ-нибудь поговорить... Ступай, ступай въ свою комнату; а объ этомъ и не думай. Тутъ нѣтъ ничего худаго.

Пиппетто. Я вамъ сказалъ это, потому что вы любите, чтобъ вамъ говорили все, что̀ дѣлается въ домѣ.

Маркизъ. Хорошо. *(Про себя).* Я чувствую, что задыхаюсь отъ бѣшенства. *(Ему).* Ступай!

Пиппетто *(про себя).* Я думалъ, что это больше его взволнуетъ. Нужно сказать, что, онъ говоритъ[1] противъ женщинъ затѣмъ только[2], чтобы насъ напугать[3], а въ душѣ, какъ видно, онъ напротивъ... Это мнѣ даетъ со временемъ надежду, что ему можно будетъ изъяснить любовь мою[4] къ Леонардѣ. *(Ему).* Когда вамъ нужно меня, я буду въ этой комнатѣ. *(Уходитъ).*

Маркизъ *(одинъ).* Возможно ли? Въ теченіе[5] десяти лѣтъ... Но, впрочемъ, я ужъ начиналъ и безъ того имѣть подозрѣнія... Предложенія въ пользу женщинъ... кое какія модныя правила, которыя онъ мнѣ безпрестанно началъ[7] совѣтовать[8].... Недостойный! Я внѣ себя! Счастье, что я самъ глядѣлъ въ оба за своими сыновьями. Но теперь что̀ мнѣ дѣлать? Если я стану кричать, онъ будетъ отпираться, и невинныя дѣти... Попробовать съ помощью какой-нибудь хитрости узнать, есть ли женщина въ его комнатѣ.... *(По нѣкоторомъ молчаніи, громко).* Эй, позвать ко мнѣ донъ Грегоріо!

ЯВЛЕНІЕ X.

Маркизъ и донъ Грегоріо.

Донъ Грегоріо. Что прикажете?

Маркизъ *(про себя).* А, предатель, ты здѣсь!

Донъ Грегоріо *(про себя).* Теперь я покойнѣе, послѣ того, какъ удалось мнѣ провести ее ко мнѣ, такъ что никто не видѣлъ[9].

Маркизъ. Синьоръ донъ Грегоріо, я позабылъ попросить у васъ одного одолженія.

Донъ Грегоріо. Приказывайте.

Маркизъ. Я ожидаю на дняхъ племянника моей сестры, котораго я бы хотѣлъ[10], желая доставить ему болѣе свободы, помѣстить въ вашихъ комнатахъ. Вы, я полагаю, уступите ему охотно на нѣсколько времени, а васъ я переведу на время[11] въ комнату, что̀ возлѣ меня.

Донъ Грегоріо. Почему нѣтъ? Если только это вамъ удобно[12], вы имѣете полное право.

Маркизъ. Итакъ, я бы хотѣлъ, если вы позволите, на

минуточку взойти и посмотрѣть, не нужно-ли чего-нибудь поправить.

Донъ Грегоріо *(про себя)*. Вотъ тебѣ на! *(Вслухъ)*. Любезнѣйшій маркизъ, комната теперь въ безпорядкѣ; еще не убрано ничего.

Маркизъ. Не бѣда. Между нами не нужно комплиментовъ[1].

Донъ Грегоріо. Вы такъ думаете? Но постель еще не приведена въ порядокъ, платья разбросаны и скомканы, какъ попало[2], вездѣ на стульяхъ... *(Про себя)*. Небо, помоги мнѣ!

Маркизъ *(начиная горячиться)*. Это ничего... Я хочу посмотрѣть одинъ, не нужно ли что̀ привести въ порядокъ въ комнатахъ[3] — занавѣсы, мебель....

Донъ Грегоріо *(почти хватая его за руки)*. Будьте увѣрены, что такъ, какъ будто новая[4].

Маркизъ. Нужно будетъ побѣлить каминъ.

Донъ Грегоріо. Я никогда не развожу въ немъ огня.

Маркизъ. Паркетъ?

Донъ Грегоріо. Превосходнѣйшій!

Маркизъ. Окна?

Донъ Грегоріо. Чисты чистѣйшимъ образомъ[5].

Маркизъ *(про себя)*. Нѣтъ никакого сомнѣнія. Развратникъ, ты уличенъ! *(Вслухъ)*. Вижу, что вы желаете имѣть особенное удовольствіе[6] принять меня въ убранныхъ комнатахъ. Хорошо, я приду завтра утромъ.

Донъ Грегоріо. Съ охотою. Вы сдѣлаете мнѣ большую честь. *(Про себя)*. О, благодареніе небу!

Маркизъ *(про себя)*. Ободрись, адская душа! Чрезъ нѣсколько времени увидишь![7] Женщина не убѣжитъ. Я самъ буду караулить. *(Вслухъ)*. Больше ничего не нужно.

Донъ Грегоріо. Итакъ, пусть будетъ такъ.

Маркизъ. Завтра... *(Про себя)*. Я весь дрожу.

Донъ Грегоріо *(про себя)*. Ухъ, какъ я испугался! *(Вслухъ)*. Я вижу маркизъ, что вы до сихъ поръ еще встревожены, потому что я вамъ говорилъ въ пользу...

Маркизъ. Фи! ничуть. *(Про себя)*. Недостойный боится однакожъ![8]

Донъ Грегоріо. Что касается до синьора Энрико[9]...

Маркизъ. Я васъ прошу, донъ Грегоріо, теперь вы ему ничего не говорите... для этого будетъ время... *(Про себя)*.

Я опасаюсь, что одно дыханіе его заразитъ эту невинную душу.

Донъ Грегоріо. Но повѣрьте, что...

Маркизъ. Нѣтъ, нѣтъ, донъ Грегоріо, отецъ отвѣчаетъ за дѣтей, но дядька... Невинность можетъ быть заражена одною тѣнью только[1]... Слова[2]... но примѣръ... Если бъ въ эти лѣта, да уже на то[3]... Довольно, Небо, Небо!...

Донъ Грегоріо *(въ изумленіи)*. Какъ?

Маркизъ *(удерживая себя)*. Извините. Прощайте, донъ Грегоріо...

Донъ Грегоріо. Но...

Маркизъ. Ничего, ничего, прощайте, мой любезный! Вашъ слуга. *(Про себя)*. Гнѣвъ измѣнилъ мнѣ[4]. *(Уходитъ)*.

Донъ Грегоріо *(одинъ)*. Есть[5] ли гдѣ на свѣтѣ эдакой взбалмошный старикъ?... Изъ-за одного только слова[6], которое я сказалъ ему въ пользу женщинъ... Нѣтъ, я вижу, что нѣтъ никакой надежды въ этомъ дѣлѣ — нужно покамѣстъ объ этомъ и мысль отложить! И если бъ онъ захотѣлъ войти со мною въ мою комнату!...

ЯВЛЕНІЕ XI.

Донъ Грегоріо и Пиппетто.

Пиппетто. Синьоръ донъ Грегоріо!

Донъ Грегоріо. Что хотите вы?[7]

Пиппетто. Ничего, ничего! *(Проходя сцену)*. Хотѣлъ... но не нужно[8].

Донъ Грегоріо. Скажите, скажите однакожъ![9]

Пиппетто. Теперь у васъ есть дѣла... приду послѣ въ вашу комнату.

Донъ Грегоріо. Да говорите здѣсь... Послушайте!

Пиппетто. Безъ комплиментовъ[10]... послѣ, когда вамъ будетъ свободнѣе...

Донъ Грегоріо. Но однакожъ....

Пиппетто. Послѣ, синьоръ[11] донъ Грегоріо, послѣ... *(Въ сторону, спѣша удалиться)*. Хорошо, хорошо: онъ смутился; Леонарда будетъ довольна. *(Уходитъ)*.

Донъ Грегоріо. Я просто съ досады убилъ бы себя. Никогда не привыкши притворяться, мнѣ кажется, что всѣ воображаютъ какой-то секретъ. Этотъ тоже хотѣлъ войти въ мою комнату!... Нѣтъ, нечего терять времени; какъ только потемнѣетъ, сей же часъ ее вывесть. Нѣтъ никакой надежды устроить это дѣло.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Леонарда и донъ Грегоріо.

Леонарда. Слуга ваша, донъ Грегоріо. Вы очень заняты?

Донъ Грегоріо. Нужно не дать подозрѣнія. *(Вслухъ)*. Нѣтъ, напротивъ...

Леонарда. Къ чему, къ чему это! Безъ церемоніи![1]

Донъ Грегоріо. Я говорю вамъ...

Леонарда. Со мною вы не имѣете времени говорить.

Донъ Грегоріо. Вы ошибаетесь...

Леонарда. Я это знаю, я это знаю... я старуха.

Донъ Грегоріо. Я никогда...

Леонарда. Но кто напримѣръ молодъ...

Донъ Грегоріо. Что такое вы говорите?

Леонарда. Гдѣ тонко, тутъ и рвется[2].

Донъ Грегоріо. Какъ такъ?

Леонарда. А кто дольше пождетъ, тотъ послѣ возьметъ[3].

Донъ Грегоріо. То есть, Леонарда?...

Леонарда. Ничего[4].

Донъ Грегоріо *(съ сердцемъ)*. Провались ты! *(Про себя)*. Даже странно, право:[5] всѣ со всѣхъ сторонъ доѣзжаютъ меня. Діяволъ! кончится-ли это? *(Уходитъ)*.

Леонарда. А, попался! Ты наконецъ уничтоженъ! ты уничтоженъ! *(Уходитъ)*.

ДѢЙСТВІЕ III.

ЯВЛЕНІЕ I.

Комната донъ Грегоріо.

Донъ Грегоріо, Энрико и Джильда.

Донъ Грегоріо *(весь въ волненіи, прохаживаясь взадъ и впередъ)*. Если бъ вы знали, какъ я весь дрожу!... Провались самъ Вакхъ![1]

Джильда. Ради Бога, пустите меня, я уйду!

Донъ Грегоріо. Но какъ хотите вы это сдѣлать? Теперь это невозможно?

Джильда. Клянусь, я умру съ тоски. *(Приставляя ухо)*. Вонъ онъ! Я слышу, это его голосъ... Бернардинъ[2] мой!

Донъ Грегоріо. Это невозможно, это дѣло воображенія: окна мои обращены совершенно въ противоположную сторону.

Джильда. Да, я слышу плачъ его...

Энрико. Исполните ея просьбу!

Донъ Грегоріо *(съ сердцемъ)*. Когда и вы еще съ своей стороны принимаетесь говорить то же, то достойны, чтобъ я вамъ на это отвѣчалъ риѳмою[3]. Какъ это сдѣлать, когда дверь залы отперта для всѣхъ, и когда слуги уходятъ и приходятъ безпрестанно! Я уже вамъ сказалъ, что у маркиза этотъ вечеръ, кажется, огонь въ ногахъ: два раза встрѣтилъ я его, какъ онъ всходилъ взадъ и впередъ по лѣстницѣ, то въ гардеробъ, то въ библіотеку. Кажется, что этотъ вечеръ дьяволъ нашептываетъ ему на уши. Чтò бы могло произойти, если бъ онъ увидѣлъ выходящую изъ моей комнаты женщину въ этотъ часъ! За кого онъ приметъ ее? Боже сохрани!

Джильда *(плача)*. Итакъ, бѣдное, невинное дитя должно умереть отъ голоду? Сынъ мой, Бернардинъ мой, милый Бернардинъ мой, тебѣ отказываютъ въ пищѣ, которую звѣрямъ, даже самымъ презрѣннѣйшимъ[4] твореніямъ природа даетъ въ груди матери.

Энрико. Мое сердце разрывается.

Донъ Грегоріо. Не бойтесь, отъ этого онъ не умретъ[5]. Здѣсь вы безопасны; но, рискуя открыть себя, вы погубите себя, своего мужа....

Джильда *(въ тоскѣ)*. Бернардинъ мой, сынъ мой!... Нѣтъ, это не мать твоя, нѣтъ, это не я отказываю тебѣ въ пищѣ! мать твоя терзается больше, чѣмъ ты. О Боже!... тоска, бѣшенство!... Нѣтъ, я не могу. *(Вырывается)*. Пустите! пустите! Происходи, что̀ хочетъ, — [1]я слышу, онъ плачетъ[2]... Пустите меня, или я закричу, я стану кричать.

Донъ Грегоріо. Вы сумасшедшая!

Джильда. И потому пустите меня!

Донъ Грегоріо. Теперь возись съ этой![3]...

Энрико. Милый донъ Грегоріо!

Джильда. Если только есть у васъ сердце въ груди...

Донъ Грегоріо. Но если...

Джильда. Если бъ вы знали когда-нибудь[4], что такое любить свое дитя.

Энрико. Милый донъ Грегоріо.

Донъ Грегоріо. Что̀ долженъ я...

Джильда. Ради этихъ слезъ матери...

Донъ Грегоріо. Но какъ, какъ хотите вы, чтобъ я сдѣлалъ? Будетъ просто гибель[5].

Энрико *(приближаясь къ Джильдѣ)*. Бѣдная Джильда!

Джильда *(въ тоскѣ)*. Несчастное невинное твореніе!

Донъ Грегоріо. Я чувствую, разрывается мое сердце[6]... *(Думая)*. Здѣсь нѣтъ другаго средства... пусть говоритъ, что̀ хочетъ, свѣтъ[7]. Дѣло идетъ о любви матери.... о помощи двумъ несчастнымъ....

Джильда. Итакъ...

Энрико. Милый донъ Грегоріо!

Донъ Грегоріо. Вы ничего не умѣете говорить, какъ только: донъ Грегоріо, донъ Грегоріо!... *(Въ отчаяніи)*. Что вы мнѣ надѣлали! Постойте... нужно будетъ... Но вы хотите имѣть[8] своего сына?

Джильда. Да, отъ самаго утра онъ не имѣлъ[9] никакой пищи. Я слышу плачъ его, въ домѣ никого нѣтъ кромѣ Маделены, бѣдной старухи, которая больна. Изъ состраданія, изъ человѣколюбія я прошу у васъ сына...

Донъ Грегоріо *(ударивши себя по лбу)*. О Боже, что̀ я принужденъ дѣлать! *(Про себя)*. Но какъ же сдѣлать это иначе? какъ? *(Вслухъ)*. Первый этажъ?

Джильда. Да.

Донъ Грегоріо. Большая дверь?

Джильда. Да, по лѣвую руку[1].

Донъ Грегоріо. Дайте мнѣ какой-нибудь знакъ.

Джильда *(снимая поспѣшно съ руки браслетъ).* Возьмите!

Энрико. Вы идете сами развѣ?

Донъ Грегоріо. Имя ребенку Бернардино?

Джильда. Да: милый Бернардинъ мой!

Донъ Грегоріо *(мѣшаясь).* Плащъ и шляпа тамъ внизу. Свѣчи не нужно. Въ случаѣ... Нѣтъ, не зачѣмъ.... Да, здѣсь нужно присутствіе духа.

Энрико. Браво! Браво!

Джильда. Вы идете сами?.. О какъ вы добры! Богъ да благословитъ васъ!

Донъ Грегоріо. О какой безразсудный поступокъ вы заставляете меня сдѣлать! *(Про себя).* Эта[2] имѣетъ однакожъ что-то такое въ себѣ, что, признаюсь, подвинуло бы меня еще на худшее, чѣмъ сдѣлалъ Энрико. *(Вслухъ).* Теперь иду... Заприте. Не отпирайте, если не назову васъ по имени. Вы останетесь съ ней... Я сію минуту возвращусь... Я не знаю, что̀ говорю... Если маркизъ меня встрѣтитъ, я умру... *(Про себя)* Вотъ тебѣ — дядька сдѣлался нянькою!... Критикуйте, критикуйте вы, важные, любящіе нахмуривать брови! Я бы желалъ посмотрѣть на васъ въ этакомъ положеніи! *(Вслухъ).* Заприте, заприте! *(Уходитъ).*

Джильда. Энрико мой! Происходи, что̀ хочетъ, но когда я буду имѣть въ рукахъ своихъ сына, снесу съ большею твердостію всякое несчастіе[3].

Энрико. Теперь, когда донъ Грегоріо, благодаря тебѣ, принялъ въ насъ участіе, я надѣюсь, что все устроится.

Джильда. Ахъ, если когда-нибудь мы достигнемъ того, что будемъ, наконецъ, свободны и покойны, какъ всѣ жены съ своими мужьями, я бы хотѣла, чтобы утро, вечеръ и всегда и еще всегда мы были бы вѣчно одинъ возлѣ другаго, разговаривая и бесѣдуя между собою вѣчно[4].

Энрико. Наконецъ тебѣ бы это надоѣло.

Джильда. Я тебѣ клянусь, что чѣмъ больше тебѣ говорю, тѣмъ болѣе растетъ во мнѣ желаніе говорить тебѣ. И потомъ, когда, кажется, я тебѣ пересказала и переговорила

все, какъ только ты удалишься отъ меня, нахожу вѣчно[1], что позабыла тебѣ сказать еще много кое какихъ[2] вещей.

Энрико. И сердцамъ, которыя такъ созданы одно для другаго, не даютъ жить вмѣстѣ!

Джильда. Но теперь будь покоенъ, скоро все уладится. Мое сердце говоритъ мнѣ это, а сердце мое не обманываетъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и маркизъ.

Маркизъ *(стуча въ дверь).* Отвори!

Джильда *(вскрикивая).* Ахъ!

Энрико. Не отворяй: это отецъ мой! Я погибъ.

Маркизъ. Женщина, отвори! не производи шума!

Джильда *(рѣшительно).* Не бойся, Энрико; спрячься и оставь[3] все мнѣ! Или уже твой отецъ знаетъ объ этомъ, или здѣсь есть какая-нибудь двусмысленность; во всякомъ случаѣ, позволь, обработаю это я[4].

Энрико *(въ отчаяніи).* Я погибъ!

Маркизъ. Чортъ побери, отопри,[5] или я разломаю дверь.

Джильда *(возвышая голосъ).* Синьоръ, кто вы?

Маркизъ. Господинъ дома.

Джильда *(принуждая Энрико спрятаться).* Не бойся, здѣсь я. Ступай, ступай, повинуйся твоей Джильдѣ!

Энрико. Я тебѣ повинуюсь... Смотри, подумай... Я внѣ себя. *(Уходитъ въ дверь).*

Маркизъ *(кричитъ вполголоса).* Отвори, или я сейчасъ-же выломаю дверь.

Джильда. Терпѣнья[6], синьоръ! Размыслите только о томъ, что я не знаю васъ вовсе; однакожъ, при всемъ томъ[7] я хочу показать, что уважаю васъ... Я отопру вамъ дверь, но прошу васъ не употребить во зло моей довѣренности и не нарушить правъ гостепріимства *(отпираетъ).*

Маркизъ *(въ гнѣвѣ).* Безстыдная женщина!

Джильда. Тише, синьоръ! Вы знаете меня?

Маркизъ. Молодая женщина, въ этотъ часъ въ комнатѣ донъ Грегоріо, даетъ очень хорошо знать[8], кто она: не нужно болѣе никакихъ изъясненій[9].

Джильда. Это меня изумляетъ, синьоръ! Вы почитаете[1] меня за презрѣнную...

Маркизъ. Увольте меня отъ этихъ словъ! Всѣ женщины вашего разбора обыкновенно говорятъ такимъ образомъ.

Джильда. Какъ? *(Про себя).* Онъ въ заблужденіи; тутъ нужна осторожность.

Маркизъ. Прошу васъ знать, что я имѣю двухъ мальчиковъ, двухъ, можно сказать, голубей невинности. Вы видите по глазамъ моимъ и по лицу, какое усиліе я дѣлаю надъ самимъ собою[2], чтобы не произвести сцены, въ которую бы бросило меня мое негодованіе, — единственно только, чтобы не доставить соблазна дѣтямъ моимъ... Ступайте со мною.

Джильда. Но что̀ вы хотите дѣлать?[3]

Маркизъ. Когда этотъ чудовище донъ Грегоріо возвратится, то онъ не долженъ васъ найти здѣсь. Но я васъ покажу ему потомъ, чтобъ онъ не могъ отпереться.

Джильда. Синьоръ, успокойтесь на минуту, всмотритесь въ лицо мнѣ[4] и разувѣрьтесь: я дочь полковника.

Маркизъ. Кто бы вы ни были, стыдитесь говорить свое имя, ибо[5], такъ какъ вы уже впали въ безславіе, будучи обольщены...

Джильда. Но...

Маркизъ. Молчите, я не въ силахъ...

Джильда. Но выслушайте!

Маркизъ. Что̀ вы хотите еще говорить?[6] Я очень хорошо знаю свѣтъ[7]... Я знаю все до послѣдняго слова, что̀ вы говорили съ этимъ безнравственнымъ человѣкомъ.

Джильда. Синьоръ...

Маркизъ. Что? извиненья? предлоги? Знаю, извѣстенъ[8] обо всемъ этомъ. Все ложь![9]

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и донъ Грегоріо.

Донъ Грегоріо *(стуча въ дверь).* Джильда, это я! это донъ Грегоріо!

Джильда. Любезный мой...

Маркизъ *(вполголоса).* Молчите, если не хотите, чтобъ я взбѣсился.

Донъ Грегоріо. Отоприте, это я несу все съ собою[10].

Маркизъ. Удалитесь, говорю вамъ, или я сдѣлаюсь звѣремъ.

Джильда *(про себя).* Не нужно сердить его... *(Вслухъ).* Синьоръ, не отъ страха, но чтобъ показать вамъ мое повиновеніе, я удаляюсь. *(Про себя).* Боже! какая минута должна наконецъ произойти![1] *(Уходитъ).*

Донъ Грегоріо. Скорѣе, скорѣе!

Маркизъ. Потише, не такъ горячись![2] *(Отпираетъ проворно дверь и становится такимъ образомъ, чтобъ донъ Грегоріо, вошедши, его не видѣлъ)*[3].

Донъ Грегоріо *(входитъ съ ребенкомъ въ рукахъ подъ плащемъ).* Чортъ возьми! можно ли такъ долго не отворять! Боялся всякую минуту этого стараго сатира маркиза.

Маркизъ *(голосомъ прерывающимся и дрожащимъ[4] отъ гнѣва).* Вотъ онъ — старый сатиръ, здѣсь.

Донъ Грегоріо вскрикиваетъ, дрожитъ всѣмъ тѣломъ и ищетъ, куда бы спрятать ребенка.

Маркизъ. Развратный старичишка! Смотри, въ какое положеніе ты меня привелъ![5] Смотри: я въ параличѣ отъ гнѣва.

Донъ Грегоріо *(про себя).* А я, если не пораженъ до сихъ поръ[6] апоплексическимъ ударомъ, такъ это просто чудо. *(Не въ состояніи будучи произнести слова)* Синьоръ... мар...кизъ...

Маркизъ. Безстыдный! *(Приближаясь къ нему потихоньку, задыхающимся голосомъ, едва въ состояніи произнести слово).* Въ этотъ часъ молодая женщина... въ моемъ домѣ... гдѣ невинныя... ничего еще не знающія мои дѣти... А, истинный волкъ[7], приставленный стеречь ягнятъ![8]...

Донъ Грегоріо *(не въ состояніи произнести одного слова).* Синьоръ... мар...кизъ...

Маркизъ *(приближаясь къ нему все поближе[9], почти наступая на него и наконецъ замѣтивъ, что тотъ[10] хочетъ что-то скрыть подъ плащемъ).* Что тамъ такое? Что̀ подъ плащемъ?

Донъ Грегоріо. Синьоръ мар...кизъ... совершенно ничего. Это ни сё ни то... это вздоръ.

Маркизъ *(гнѣвно).* Какъ, ни сё ни то?

Донъ Грегоріо. Это пустякъ. *(Про себя)* Ухъ, я падаю въ обморокъ!

Маркизъ. Покажите, или я потеряю къ вамъ послѣднее уваженіе.

Донъ Грегоріо. Это дѣло мое приватное[11]...

Маркизъ. Нѣтъ, вы отъ меня не закроете... *(Схватываетъ за одинъ конецъ плащъ, открываетъ*[2] *ребенка).*

Донъ Грегоріо. Ахъ, любезный маркизъ!

Маркизъ *(дрожа).* Что вижу!

Донъ Грегоріо *(минуты двѣ остается неподвижнымъ въ совершенной нерѣшительности*[3]*, совершенно потерянный, съ открытымъ ребенкомъ, и смотря*[4] *пристально въ глаза маркизу).* Это, маркизъ, ничего.

Маркизъ. И кто послѣ этого удержитъ меня, чтобъ я не потерялъ разсудка и чтобъ этими моими руками... *(Бросается на донъ Грегоріо).*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Джильда.

Джильда *(выхватывая*[5] *сына изъ рукъ донъ Грегоріо).* Маркизъ, что вы дѣлаете? Это мой сынъ! это ваша кровь!

Маркизъ. Это моя кровь! Ахъ, ты безстыдная!

Джильда. Да, и никто не въ силахъ исторгнуть его изъ рукъ моихъ. *(Про себя, прижимая и цѣлуя ребенка).* Тутъ нужно будетъ дѣйствіе занять изъ романа.

Маркизъ. Безстыдная! моя кровь!

Донъ Грегоріо *(про себя, крякнувъ)*[6]. А, будь то, что должно быть! *(Вслухъ).* Да, маркизъ, все открыто. Это ваша кровь!

(Джильда уходитъ)[7].

Маркизъ. Какъ, безстыдный!

Донъ Грегоріо. Къ чему послужитъ отрекаться?[8] Маркизъ, бросьтесь въ мои объятья!

Маркизъ *(отталкивая его).* Къ чорту ступай въ объятья!

Донъ Грегоріо *(про себя).* Тутъ нужна каменная грудь... *(Вслухъ).* Выдьте изъ заблужденія и не отнимайте изъ-за[10] одной обманчивой наружности отъ меня того уваженія, которое я заслужилъ отъ васъ въ продолженіе[11] десяти лѣтъ.

Маркизъ. Какъ!

Донъ Грегоріо. Знайте...

Маркизъ. Что?

Донъ Грегоріо *(крякнувъ, про себя).* А, все за однимъ разомъ!... *(Вслухъ).* Эта молодая женщина — жена, а этотъ ребенокъ — сынъ...

Маркизъ. Чей?

Донъ Грегоріо. Энрико[1], вашего сына.

Маркизъ *(въ бѣшенствѣ)*. Ахъ! Измѣна! Точно ли? Правда ли это? Я умерщвленъ... Предатели!.. Недостойные!.. Вы хотите гробъ мнѣ приготовить? Да, вы этого достигли. Да, вы успѣли въ этомъ. *(Въ совершенномъ отчаяніи)*.

Донъ Грегоріо *(въ сторону)*. Нужно теперь дать ему испариться[2].

Маркизъ. Сынъ неблагодарный![3] Но нѣтъ, если ты, точно, въ этомъ преступникъ, ты болѣе не сынъ мой. Но справедливо-ли это?

Донъ Грегоріо *(со страхомъ)*. Справедливо. *(Про себя.)* Послѣ того, какъ ударъ уже данъ[4], прилично дать время, чтобы стекла кровь.

Маркизъ. Говорите мнѣ, говорите скорѣе, что лжете, а не то бѣшенство мое перейдетъ[5] всѣ границы! Столько отеческой любви, столько стараній, столько заботъ!... Варвары, трепещите! Я покажу вамъ, кто я.

Донъ Грегоріо. Испарьтесь немного, маркизъ, испарьтесь, утишитесь, успокойтесь[6].

Маркизъ. Какъ! еще оскорблять меня, еще оскорбленіе![7]

Донъ Грегоріо. Нѣтъ, Боже сохрани отъ того! Право, нѣтъ!

Маркизъ. Да, прежде всего я долженъ испарить свой гнѣвъ на тебѣ, который былъ гнуснымъ, безчестнымъ посредникомъ...

Донъ Грегоріо. О! тише, маркизъ!

Маркизъ *(сраженный останавливается)*. Я внѣ себя.

Донъ Грегоріо. Донъ Грегоріо не позволитъ наносить себѣ оскорбленій. Вы достойны извиненія, когда ослѣпляетъ васъ гнѣвъ[8]; но не оскорбляйте чести человѣка честнаго, каковъ я[9]. Только сего утра Энрико, удрученный слезами и горемъ, открылъ мнѣ тайну. Молодая женщина, которую видите[10], пришла плакать тоже въ то время, какъ вы пришли сюда. Чтобъ избавить и пощадить васъ отъ подобной неожиданности, я скрылъ ее, не имѣя возможности дать ей уйти отсюда, въ моей комнатѣ. Необходимость кормить ребенка заставила меня идти взять его въ то время, когда вы, не знаю изъ какого подозрѣнія, пришли поймать меня. Клянусь всею святостью чести, что до самаго[11] сего утра я ничего не зналъ объ этомъ. И Энрико[12] удалось скрыть свое супружество въ те-

ченіе[12] цѣлаго года, какъ отъ вашихъ глазъ, такъ равномѣрно и отъ моихъ.

Маркизъ. Измѣнникъ! предатель!

Донъ Грегоріо. Все, что вамъ говорю — правда, и я тысячами клятвъ готовъ подтвердить ее. Зло сдѣлано;[1] средства противъ него нѣтъ никакого. Дайте мѣсто разсудку и успокойте себя тѣмъ, что могло бы сдѣлаться хуже. Молодая женщина есть дочь[2] полковника Таллеманн[3], котораго вы знали очень хорошо и котораго званіе не ниже вашего. Если она не богата, то это замѣняютъ ея прекрасныя качества души, дѣлающія ее достойною любви вашего сына и вашего прощенія.

Маркизъ *(въ бѣшенствѣ)*. Прощенія! Слушайте, донъ Грегоріо! Я внѣ себя. Я не увижу никогда сына моего![4]... Безъ моего согласія... на позоръ мнѣ... Будь она дочь владѣтельнаго принца, короля... Имѣть жену!... мой сынъ!... пусть сію же минуту идутъ вонъ[5] изъ моего дома! Пусть скитаются бродягами, умирая[6] отъ голода! И на нихъ и на дѣтей ихъ моя отческая рука наноситъ[7]....

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Джильда *(съ сыномъ на рукахъ, сопровождаемая Энрикомъ)*.

Джильда *(почти въ смѣломъ движеніи неистовства)*[8]. Окаменѣй при видѣ пораженной отчаяніемъ, которая, прежде чѣмъ поразятъ слова твои это невинное твореніе, хочетъ разодрать[9] его на части сію же минуту! Смотри!... *(Дѣлая движеніе убить его)*.

Маркизъ *(въ страхѣ, останавливая ее)*. Чшъ! Чшъ!.. Что ты дѣлаешь? Извергъ! развѣ ты не мать?

Джильда *(твердымъ голосомъ)*. А ты что дѣлаешь? развѣ ты не отецъ?

Маркизъ *(остановившись, про себя)*. О Небо! какой отвѣтъ!

Джильда *(продолжая)*. Вы гоните, грозите, проклинаете — и послѣ всего этого вы отецъ? И развѣ эти молніи проклятій[10] не хуже въ нѣсколько разъ неистовства матери противъ сына въ то время, когда она видитъ, какъ поражаетъ его проклятіе?

Энрико *(тихо)*. Браво, Джильда!

Донъ Грегоріо. Чортъ побери, въ самомъ дѣлѣ![11]

Маркизъ *(про себя)*. О какое потрясеніе произвела во мнѣ эта неожиданность!

Энрико. Я преступникъ, я заслужилъ всю силу гнѣва вашего, но я требую отъ васъ милосердія.

Джильда. Простите Энрика и поразите наказаніемъ меня: я виновна[1].

Маркизъ *(про себя)*. Ахъ, я чувствую, что заслуживаю упреки и[2] что я отецъ.

Джильда. Это случилось не съ тѣмъ, чтобы оскорбить васъ.

Энрико. Меня принудила честь.

Джильда. Если вы отецъ...

Энрико. Я также отецъ.

Джильда. Любовь насъ побѣдила.

Энрико. Изъ любви я преступникъ.

Маркизъ *(про себя)*. И любовь и долгъ берутъ верхъ[3]. *(Обращаясь къ донъ Грегоріо)*. Точно ли она дочь Тампіани?

Донъ Грегоріо. Она сама лично[4].

Маркизъ. Вы точно законные супруги?

Энрико. Точно[5]; въ этомъ вамъ клянусь.

Маркизъ. И васъ благословило небо?

Джильда. Въ этомъ будьте увѣрены.

Маркизъ *(послѣ нѣсколькихъ минутъ нерѣшительности[6] и противоборства съ самимъ собою[7])*. Хорошо, я васъ прощаю, обнимаю васъ и благословляю васъ, также вмѣстѣ съ тѣмъ[8] и плодъ вашъ.[9]

Донъ Грегоріо. О! браво, маркизъ!

Энрико. Мой дражайшій родитель!

Джильда[10] *(цѣлуя сына)*. Я умираю отъ радости.

Донъ Грегоріо. Дайте сюда это невинное твореніе. Такъ какъ оно теперь заснуло, то, чтобы какъ нибудь мы нашею радостію не потревожили, дайте его сюда мнѣ!

Джильда. Ахъ, да, я вамъ ввѣряю его, донъ Грегоріо.

Донъ Грегоріо. Не сомнѣвайтесь. Я въ этомъ дѣлѣ опытенъ... Положимъ его въ люльку. *(Въ сторону)* Какъ похожъ на отца! Точно двѣ капли воды. *(Уходитъ и возвращается)*.

Маркизъ. Я принесъ моимъ негодованьемъ жертву небу. Голосъ свыше говоритъ мнѣ и упрекаетъ меня въ излишней строгости, онъ же пророчитъ мнѣ счастливую будущность. Не обманите сладкихъ надеждъ моихъ![11]

Энрико. Нѣтъ, отецъ мой![1]

Джильда. Не бойтесь! Не думайте также, чтобъ я въ самомъ дѣлѣ хотѣла убить Бернардино[2] моего. Нѣтъ, я это сдѣлала только для того, чтобъ потрясти и испугать васъ.

Маркизъ. Понимаю. Послѣ вы мнѣ должны разсказать, какъ вы могли...

Джильда. Да, послѣ, когда вы успокоитесь совершенно.

Энрико. Все это знаетъ донъ Грегоріо.

ЯВЛЕНІЕ VI и ПОСЛѢДНЕЕ.

Тѣ же, Леонарда и Пиппето.

Пиппето. Синьоръ отецъ, мы слышали все. И такъ какъ уже вы начали, то и продолжайте[3]. Сдѣлайте также счастливыми навсегда эти двѣ[4] любящія другъ друга души.

Маркизъ. Что ты несешь за чертовщину? Я ничего не понимаю.

Донъ Грегоріо. Вотъ тебѣ разъ! Провалъ возьми!

Пиппето. Любовь глубоко просверлила мое сердце.

Маркизъ. Дуракъ! Что̀ ты такое вообразилъ себѣ? Что̀ ты задумалъ? *(Приходитъ въ гнѣвъ)*.

Пиппето. Соедините наши руки такъ же, какъ нѣжно соединены наши сердца.

Маркизъ *(про себя)*. Во снѣ ли я, или просто въ бреду? *(Вслухъ)* Ты говоришь[5] серьезно?[6]

Джильда. Могъ ли ты это думать, Энрико?

Энрико *(Джильдѣ)*. Конечно, потому что Леонарда всегда водила его за носъ.

Маркизъ. Донъ Грегоріо!

Донъ Грегоріо. Синьоръ маркизъ, я просто превратился въ камень.

Пиппето. Итакъ... *(Тихо Леонардѣ)* Скажи теперь ты что-нибудь такое, какъ говорила эта. *(Указываетъ на Джильду)*.

Маркизъ. Ты смѣешься что ли надо мною? *(Обращаясь къ Леонардѣ)*. А ты, въ твои лѣта, глупая женщина! ты хочешь развѣ испытать мое терпѣніе?

Леонарда *(про себя)*. Дѣло пошло плохо. По необходимости нужно теперь сыграть роль добродѣтельной. *(Вслухъ)*

Синьоръ, и вы могли думать[1], что я все это говорила серьезно? Я обманывала нарочно этого мальчика, представляя, будто сохраняю къ нему любовныя ощущенія, единственно на тотъ конецъ[2], чтобы онъ не искалъ гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ совратиться съ пути добродѣтели, а по правдѣ я даже и во снѣ не думала о немъ.

Пиппето. Невѣрная! измѣнница! Итакъ, ты меня обманула? Итакъ, были ложны твои клятвы, притворны твои слезы? Любовники, любовники! Если эти прекрасныя уста лгали, какія же послѣ этого могутъ говорить правду?

Маркизъ *(вскрикивая на него).* Перестань! Замолчи, дуракъ!

Пиппето. Да, отецъ мой! Небо наказываетъ меня за то, что я не слушалъ вашихъ наставленій. Повѣрьте мнѣ, что разлученіе съ этимъ сердцемъ стоитъ мнѣ горькихъ слезъ.

Маркизъ. Донъ Грегоріо! и этого вы также не могли предвидѣть?[3]

Донъ Грегоріо. Но кто бы могъ предполагать, маркизъ, чтобы женщина въ эти лѣта...

Леонарда *(съ сердцемъ).* Прошу не оскорблять меня, донъ Грегоріо.

Маркизъ. Ты ступай прочь и приготовься-ка[4] отдать отчетъ въ твоемъ поведеніи; если только въ самомъ дѣлѣ въ немъ есть какой-нибудь соблазнъ, и ты, пользуясь слабоуміемъ этого мальчишки...[5]

Леонарда. Что касается до меня, то вы убѣдитесь, что я чиста, какъ кристалъ. Я повинуюсь вамъ, но не могу удержаться, чтобъ не сказать, что донъ Грегоріо есть настоящая причина моей гибели и что ревность его виною, что со мною поступаютъ такимъ образомъ. *(Уходитъ).*

Маркизъ. Донъ Грегоріо!

Донъ Грегоріо. И вы еще слушаете ее, маркизъ?

Маркизъ. Вы правы. Она не заслуживаетъ никакого довѣрія. Изъ всего этого[6], что случилось, я вижу, что излишняя строгость и смотрѣніе не суть еще средства[7] къ хорошему воспитанію дѣтей.

Донъ Грегоріо. И вы потомъ согласитесь со мною, что воспитаніе молодыхъ людей должно образоваться силою кротости, совѣтовъ, примѣра, и показывая имъ свѣтъ осторожно[8], съ благоразуміемъ, въ его настоящемъ видѣ, чуж-

домъ фанатизма его жаркихъ защитниковъ, такъ же, какъ и ложнаго о немъ понятія людей предубѣжденныхъ...

Маркизъ. Правда. Пиппето между тѣмъ чрезъ нѣсколько дней отправится путешествовать и узнать немного людей.

Пиппето. И скрыться изъ вида[1] этой неблагодарной! *(Про себя)*. Кажется, даже невозможно[2]: подъ эдакою наружностію и такая лживая душа.

Маркизъ. Вы, донъ Грегоріо, будете сопровождать его, и пусть случившееся сдѣлаетъ васъ болѣе проницательнымъ въ подобныхъ случаяхъ.

Донъ Грегоріо. Я этимъ воспользуюсь. Никогда не позволю[3] молодымъ неопытнымъ людямъ находиться возлѣ пожилыхъ женщинъ, хотя бы даже они были старѣе дьявола.

Маркизъ. Вы, дѣти мои, останетесь[4] со мною. Любите меня и любите другъ друга.

Энрико. Это мы сдѣлаемъ отъ всѣхъ сердецъ нашихъ[5].

Джильда. Отъ всей души.

Маркизъ. Я этого[5] надѣюсь. И вотъ вдругъ и разомъ избавился я отъ долговременнаго заблужденія.

Энрико. А сынъ вашъ отъ страха.

Джильда. А жена его отъ горестей[6].

Донъ Грегоріо. А бѣдный дядька отъ своего затруднительнаго положенія.

Примѣчанія редактора и варіанты.

Носъ (стр. 3—28).

Въ одной изъ записныхъ книгъ Гоголя, принадлежавшихъ И. С. Аксакову (**РА**, № 3), набросано слѣдующее начало повѣсти „Носъ“: „23 числа 1832 года случилось въ Петербургѣ необыкновенно странное происшествіе. Цирюльникъ, живущій въ Вознесенской улицѣ, Иванъ Яковлевичъ [фамилія его утратилась: по крайней мѣрѣ даже на вывѣскѣ его изображенъ господинъ съ намыленною бородою и подписью внизу: „и кровь отворяютъ“, (на этой вывѣскѣ написано въ верху =) выставлено: „Иванъ Ивановичъ“, больше ничего], — цирюльникъ Иванъ Ивановичъ проснулся и натащилъ на себя запачканный фракъ, котораго воротникъ и клапаны испускали запахъ вовсе не похожій на амбре. Супруга Ивана Ивановича, которой имя чрезвычайно трудное, начала вынимать изъ печки горящіе хлѣбы. — „А, да и я вмѣсто кофію да съѣмъ горячаго хлѣбца“, сказалъ Иванъ Федоровичъ. „Хорошо“, подумала про себя супруга, бывшая вовсе не прочь отъ [того][1], чтобы самой выпить кофейникъ. Иванъ Федоровичъ переломилъ хлѣбъ и какое же было его изумленіе, когда онъ увидѣлъ сидящій тамъ носъ, — носъ мужской, довольно крѣпкій и толстый! Но изумленіе его рѣшительно превзошло всякія границы, когда онъ увидѣлъ, что это былъ носъ коллежскаго ассессора Ковалева, — тотъ носъ, который теребилъ во время бритья и упирался большимъ пальцемъ. Онъ не могъ ошибиться[2]: носъ былъ .... едва замѣтными тонкими жилками и самыми нѣжными жилками, потому что коллежскій ассессоръ любилъ послѣ обѣда выпить рюмку хорошаго вина“. Въ этомъ наброскѣ цирюльникъ имѣетъ еще пока *три*

---

[1] Слова „того“ нѣтъ въ рукописи. [2] Въ рукописи описка: „Онъ не могъ не ошибиться“.

отчества: Яковлевичъ, Ивановичъ, Ѳедоровичъ; такую неустановленность именъ и фамилій мы постоянно встрѣчаемъ въ первоначальныхъ набросках произведеній Гоголя. Гораздо важнѣе то обстоятельство, что въ приведенномъ наброскѣ „необыкновенное происшествіе“, о которомъ разсказывается въ повѣсти, отнесено къ опредѣленному времени — къ *1832-му году*. Во всѣхъ послѣдующихъ обработкахъ повѣсти точное опредѣленіе времени „происшествія“ было исключено, хотя косвенное указаніе на тотъ же годъ осталось. Такъ, даже въ самой поздней редакціи этого произведенія, внесенной въ первое изданіе „Сочиненій Гоголя“ (1842 г.) читаемъ: „Тогда умы всѣхъ именно настроены были къ чрезвычайному: недавно только что занимали публику опыты дѣйствія магнетизма“ (см. выше, стр. 24). Въ рукописной редакціи повѣсти это мѣсто имѣло такой видъ: „недавно только что занимали *весь городъ* опыты дѣйствія магнетизма“[1]. Дѣйствительно, въ началѣ 1832 года Петербургъ до такой степени сильно былъ занятъ этими опытами, что нѣсколькими врачами составлена была „Записка объ опытахъ надъ животнымъ магнитизмомъ, производимыхъ г-жею ****** (Турчаниновою)“[2]. Въ указанномъ документѣ, предлагающемъ г-жѣ Турчаниновой „прекратить свои магнитическіе опыты“, такъ излагается начало и ходъ этихъ опытовъ: „Въ сентябрѣ мѣсяцѣ минувшаго года (т. е. 1831-го) г-жа ******, живущая здѣсь въ С.-Петербургѣ, начала магнитизировать находящуюся у нея въ услуженіи дѣвку съ двоякою цѣлью: а) чтобы вылечить сію послѣднюю отъ имѣющагося у ней на правой рукѣ лишая; в) чтобы посредствомъ магнитизма найти способъ леченія больнаго своего сына, одержимаго Англійскою болѣзнію. Доктора ****** и *******, какъ говорятъ, способствовали ей своими совѣтами. Успѣха ни въ леченіи лишая, ни въ леченіи больнаго сына г-жи ****** нѣтъ еще доселѣ никакого, не смотря на то, что магнитизированіе производится уже *болѣе полугода*“. Изъ отдѣльныхъ пунктовъ „Записки“ приводимъ два: „2-е. О г-жѣ ****** и чудесномъ ея магнитизированіи говорятъ уже въ публикѣ. *Многіе*, подстрекаемые любопытствомъ, стекаются въ домъ ея видѣть магнитизируемую. 3-е. Говорятъ, что г-жа ****** начала уже зани-

---

[1] Ср. 1-е примѣч. къ 24 страницѣ этого тома. [2] „Записка“ напечатана въ первой книжкѣ „Журнала Министерства внутреннихъ дѣлъ“ на 1832 годъ (стр. 140—159). Цензурное разрѣшеніе этой книжки помѣчено такъ: „15 февраля 1832 года“. Журналъ выходилъ въ 1832 году по книжкѣ въ каждые два мѣсяца.

маться леченіемъ постороннихъ людей. Распространяющаяся молва привлекаетъ къ ней больныхъ, чающихъ посредствомъ ясновидящей изцѣлиться отъ разныхъ недуговъ. Но сбывается ли надежда ихъ?— неизвѣстно"[1]. Магнитическіе опыты Турчаниновой были прекращены по распоряженію правительства въ 1832 году, и она уѣхала въ Москву[2].

Можно полагать, что повѣсть „Носъ" задумана Гоголемъ въ томъ же году, къ которому отнесено „происшествіе", въ ней разсказанное. Вышеприведенный набросокъ первыхъ строкъ повѣсти помѣщенъ на одной изъ начальныхъ страницъ (на оборотѣ четвертаго листа) той записной книги, которую Гоголь сталъ наполнять своими сочиненіями и замѣтками въ 1833 году. Въ эту же тетрадь, вслѣдъ за наброскомъ первыхъ строкъ „Носа", вписаны два отрывка неоконченной повѣсти, напечатанные въ пятомъ томѣ настоящаго изданія, стр. 99—100 и стр. 564. Начатый въ 1833 г. „Носъ", повидимому, не былъ оконченъ въ этомъ же году. По крайней мѣрѣ, въ ноябрѣ 1833 г. Гоголь писалъ Максимовичу: „У меня есть сто разныхъ *началъ* и ни одной повѣсти, ни одного даже отрывка *полнаго,* годнаго для альманаха"[3]. Первая *полная* редакція повѣсти „Носъ" сохранилась въ рукописи, принадлежавшей Древлехранилищу Погодина. Эта рукопись, находящаяся нынѣ въ Императорской Публичной Библіотекѣ, писана отъ начала до конца рукою Гоголя. Рукопись состоитъ изъ семи полулистовъ сѣрой бумаги; изъ нихъ 5-й и 7-й пустые; водяной знакъ на 4-мъ и 5-мъ полулистѣ: „Ф. К. Н. Г. 1832"; переплетъ рукописи позднѣйшій, форматъ — листовой, такой же, какъ и во всѣхъ записныхъ книгахъ Гоголя. Въ хронологическомъ порядкѣ за первою *полною* редакціею „Носа" непосредственно слѣдуетъ текстъ начала повѣсти, переписанный набѣло на отдѣльномъ полулистѣ. Здѣсь уже установлено для цирюльника то отчество, которое удерживается во всѣхъ послѣдующихъ редакціяхъ „Носа", до печатныхъ включительно. Этотъ поллистъ, написанный крупнымъ четкимъ почеркомъ Гоголя тридцатыхъ годовъ, приплетенъ къ рукописи Погодинскаго Древлехранилища, содержащей первую полную редакцію повѣсти.

---

[1] Журналъ Министерства внутреннихъ дѣлъ 1832 г., кн. I, стр. 154, 158.
[2] Ср. разсказъ о посѣщеніи „опытовъ" Турчаниновой В. С. Ланскимъ въ „Воспоминаніяхъ О. А. Пржецлавскаго" (Русская Старина, 1874 г., декабрь, стр. 669—670).
[3] Сочиненія и письма Гоголя V, 188. Ср. настоящаго изданія томъ V, стр. 549.

Представляемъ текстъ, написанный на этомъ полулистѣ, отмѣчая курсивомъ тѣ выраженія, которыя или отступаютъ отъ первой полной редакціи „Носа", или вошли въ позднѣйшій текстъ повѣсти въ измѣненномъ видѣ: „Сего февраля 23 числа случилось въ Петербургѣ необыкновенно странное происшествіе: цирюльникъ Иванъ Яковлевичъ, живущій на Вознесенскомъ проспектѣ (фамилія его утратилась: по крайней мѣрѣ на вывѣскѣ его, гдѣ изображенъ господинъ съ намыленною щекою, съ надписью: „и кровь отворяютъ", не выставлено ничего больше, *кромѣ: „здѣсь живетъ Иванъ Яковлевичъ"*), — цирюльникъ Иванъ Яковлевичъ, проснувшись довольно рано, услышалъ запахъ горячаго хлѣба. Приподнявшись немного на кроватѣ, онъ увидѣлъ, что супруга его, довольно почтенная дама, очень любившая пить кофій[1], вынимала изъ печи только что выпеченные хлѣбы. — „Сегодня я, Парасковья Осиповна, не буду пить кофій", сказалъ Иванъ Яковлевичъ: „а вмѣсто того хочется мнѣ съѣсть горячаго хлѣбца съ лукомъ". То есть, Иванъ Яковлевичъ хотѣлъ бы и того и другаго, но зналъ, что двухъ вещей совершенно невозможно требовать, ибо Парасковья Осиповна не любила такихъ прихотей. — „Пусть дуракъ ѣстъ хлѣбъ, мнѣ же лучше", подумала про себя супруга: „останется кофію лишняя порція". И бросила ему одинъ хлѣбъ на столъ. Иванъ Яковлевичъ для приличія надѣлъ сверхъ рубашки *обыкновенный свой гнѣдой* фракъ *въ коричневыхъ яблокахъ* и, усѣвшись передъ столомъ, насыпалъ *горкою на скатерть* соль, приготовилъ двѣ головки луку, взялъ въ руки ножъ и, сдѣлавши *губами и бровями* значительное *выраженіе*, принялся рѣзать хлѣбъ. Разрѣзавши хлѣбъ на двѣ половины, онъ поглядѣлъ въ середину и къ *величайшему* удивленію увидѣлъ что-то выглядывавшее оттуда, *лоснящееся* и бѣловатое. Иванъ Яковлевичъ ковырнулъ ножемъ и пощупалъ пальцемъ. „Холодное!" сказалъ онъ самъ про себя. „Что̀ бы это такое было?" Онъ засунулъ палецъ и вытащилъ довольно крѣпкій, *нельзя сказать, чтобы горбатой, нельзя сказать, чтобы и курносой, чело* —..." Приведенное начало повѣсти переписано набѣло. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что Гоголь уже

---

[1] Послѣ этого слова поставленъ знакъ ┼, означающій, что за словомъ „кофій" должна слѣдовать приписка, сдѣланная съ лѣвой стороны страницы: *„и подвязывавшая свое голубое ситцевое платье тоненькою мочалкою для большей ловкости въ хозяйствѣ"*.

достаточно обработалъ это небольшое произведеніе, далъ ему заглавіе и сталъ приготовлять къ печати. Эту новую редакцію „Носа", отъ которой сохранилось одно начало, авторъ, повидимому, не довелъ до конца и, отложивъ переписанное въ сторону, при дальнѣйшей обработкѣ повѣсти руководствовался текстомъ первой полной редакціи. Послѣдняя, въ первоначальномъ наброскѣ, несомнѣнно окончена была гораздо ранѣе 1835 года. Въ концѣ 1834 г. въ Москвѣ затѣвался новый журналъ: „Московскій Наблюдатель"[1]. Гоголь принималъ живое участіе въ учрежденіи этого періодическаго изданія, будучи убѣжденъ, что „новый журналъ нуженъ былъ не для публики, т. е. для большаго числа читателей, но собственно для литераторовъ, различно притѣсняемыхъ „Библіотекою для Чтенія"[2]. 31 января 1835 года Гоголь писалъ Погодину: Скажи нашимъ господамъ (замышлявшимъ изданіе „Московскаго Наблюдателя"), что сгараю желаніемъ приклеить свои труды къ ихнимъ. Но, ей Богу, раньше какъ къ 3-ей книжкѣ не могу прислать имъ повѣсти. Я теперь въ такихъ хлопотахъ, что страшно и подумать. Кромѣ всего прочаго, я стараюсь, чтобы чрезъ три недѣли вышло мое продолженіе „Вечеровъ" (т. е. Миргородъ)[3], и такъ ты посуди самъ. Но впрочемъ все это для нихъ же лучше: вещь, которую я напишу послѣ, все же должна сколько нибудь быть лучше той, которая написана раньше. *Я началъ даже для нихъ повѣсть*. Но, ей Богу, двѣ недѣли, по крайней мѣрѣ, я не буду имѣть времени даже подумать о ней"[4]. Въ слѣдующемъ письмѣ Гоголь (9 февраля) сообщаетъ Погодину, что онъ „*пишетъ* для „Московскаго Наблюдателя" особенную повѣсть"[5]. 20 февраля, въ отвѣтъ на настоянія Погодина о присылкѣ повѣсти, Гоголь увѣдомляетъ его: „Скажи пожалуйста, какъ я могу работать и трудиться для васъ, когда знаю, что изъ васъ никто не хочетъ трудиться? Развѣ жаръ мой не долженъ естественнымъ образомъ охладѣть? Я поспѣшу, сколько возможно скорѣе, окончить для васъ назначенную повѣсть, но все не думаю, чтобы она могла подоспѣть раньше 3-й книжки. Впрочемъ я постараюсь, какъ можно скорѣе"[6]. 18 марта повѣсть уже была отправлена въ Москву. Знакомые съ процессомъ творчества Гоголя не могутъ допустить, чтобы произведеніе, нача-

[1] Объявленіе объ изданіи „Московскаго Наблюдателя" напечатано въ „Сѣверной Пчелѣ" 1835 г. № 10 (12 янв.). Въ числѣ сотрудниковъ постоянныхъ упомянутъ Гоголь. [2] Ср. настоящаго изданія V, 496—497. [3] Ср. тамъ же томъ I. стр. 558. [4] Сочиненія и письма Гоголя V, 233. [5] Тамъ же, стр. 234. [6] Тамъ же, стр. 235.

тое въ *концѣ января,* было уже приведено имъ къ окончанію *въ половинѣ марта.* Мы видѣли, что первый набросокъ „Носа“ восходитъ къ 1833 году (если даже не къ 1832); что за первою дошедшею до насъ полною редакціею повѣсти начата была другая, отъ которой сохранилось начало. Поэтому, выраженіе: „*я началъ* даже для нихъ повѣсть“ (въ письмѣ 31 января 1835 г.) слѣдуетъ понимать въ смыслѣ *начала послѣдней обработки* для печати уже написанной повѣсти. Посылая Погодину повѣсть „Носъ“, Гоголь предупреждаетъ: „Да если вашъ журналъ не выйдетъ, пришли мнѣ его назадъ. О.........[1] вы съ вашимъ журналомъ: вотъ уже 18-е число, а нѣтъ и духа. Если въ случаѣ ваша глупая цензура привяжется къ тому, что „Носъ“ не можетъ быть въ Казанской церквѣ, то, пожалуй, можно его перевести въ католическую. Впрочемъ я не думаю, чтобы она до такой степени уже выжила изъ ума“ [2]. Послѣднее замѣчаніе Гоголя показываетъ, что редакція повѣсти, посланная въ „Московскій Наблюдатель“, еще заключала въ себѣ эпизодъ о встрѣчѣ Ковалевымъ „Носа“ въ Казанскомъ соборѣ, слѣд. эта редакція имѣла въ основѣ тотъ видъ повѣсти, который находится въ рукописи „Носа“, сохраненной Погодинскимъ Древлехранилищемъ: во всѣхъ позднѣйшихъ обработкахъ повѣсти этотъ эпизодъ, ради цензуры, передѣланъ [3]. Черезъ нѣсколько дней Гоголь уже требуетъ, чтобы Погодинъ возвратилъ ему только что отправленную повѣсть. 23 марта поэтъ пишетъ ему: „Такъ какъ „Московскій Наблюдатель“ не будетъ существовать, то пришли мнѣ мой „Носъ“ назадъ, потому что онъ мнѣ нуженъ“ [4]. Хотя слухъ, дошедшій до Гоголя о „Московскомъ Наблюдателѣ“, оказался невѣрнымъ, но повѣсть „Носъ“ не была напечатана въ этомъ журналѣ. Есть извѣстіе, что „Московскій Наблюдатель“ отказался принять въ себя повѣсть по причинѣ ея пошлости и тривіальности“; „Московскій Наблюдатель“ нашелъ эту повѣсть „грязною“ [5]. Пославши Погодину „Носъ“, Гоголь цѣлый мѣсяцъ не зналъ, дошла ли эта посылка по адресу. 17 апрѣля онъ писалъ Погодину: „Самъ чортъ развѣ знаетъ, что̀ дѣлается съ „Носомъ“! Я его послалъ, какъ слѣдуетъ, зашитаго въ клеенку, съ адресомъ въ Московскій университетъ. Я не могу

[1] Точки на мѣстѣ слова, неудобнаго для печати. [2] Ср. Сочиненія и письма Гоголя V, 235. [3] Ср. ниже, прим. 5-е къ стр. 9-й. [4] Сочиненія и письма Гоголя V, 238. [5] Сочиненія Бѣлинскаго VI, 607, 593.

и подумать, чтобы онъ могъ пропасть какъ нибудь. У насъ единственная исправная вещь — почтамтъ. Если и онъ начнетъ заводить плутни, то я не знаю, что́ уже и дѣлать. Пожалуйста, потормоши хорошенько тамошняго почтмейстера. Не запрятался ли онъ куда нибудь по причинѣ своей миніатюрности между тучными посылками?“[1] Лѣтомъ 1835 года, проѣздомъ изъ Петербурга черезъ Москву на родину и обратно въ Петербургъ[2], Гоголь видѣлся съ Погодинымъ; но не взялъ у него своей повѣсти. Лишь въ январѣ слѣдующаго года „Носъ“ понадобился автору. 18 января 1836 года Гоголь писалъ Погодину: „Да сдѣлай милость, пришли мнѣ моего „Носа“. *Мнѣ теперь онъ до крайности нуженъ.* Я хочу его немного передѣлать и помѣстить въ небольшое собраніе, которое готовлю[сь] издать“[3]. Сколько извѣстно, Гоголь, поглощенный въ началѣ 1836 года печатаніемъ и постановкою на петербургской сценѣ „Ревизора“, не готовилъ къ отдѣльному изданію никакого „небольшаго собранія своихъ сочиненій“, но обработывалъ цѣлый рядъ своихъ набросковъ для новаго журнала, первая книжка котораго должна была появиться въ Петербургѣ въ мартѣ 1836 г. — для „Современника“ Пушкина. Получивши наконецъ отъ Погодина ту редакцію „Носа“, которая была выработана для „Московскаго Наблюдателя“, Гоголь „немного передѣлалъ ее“, и эта новая редакція повѣсти появилась только въ третьемъ томѣ „Современника“, вышедшемъ въ сентябрѣ 1836 года (стр. 54—90)[4]. Стало быть, вторая редакція повѣсти была „немного передѣлана“ въ періодъ времени съ февраля по май 1836 г., когда Гоголь уѣхалъ за границу. Печатая эту повѣсть на страницахъ своего журнала, Пушкинъ сопроводилъ ее слѣдующею замѣткою: „Н. В. Гоголь долго не соглашался на напечатаніе этой шутки; но мы нашли въ ней такъ много неожиданнаго, фантастическаго, веселаго, оригинальнаго, что уговорили его позволить намъ подѣлиться съ публикою удовольствіемъ, которое доставила намъ его рукопись“.

Мы не имѣли подъ руками той редакціи „Носа“, которая была послана Погодину для напечатанія въ „Московскомъ Наблюдателѣ“ и потому не имѣемъ въ настоящее время возможности опредѣлить, въ какомъ отношеніи эта редакція стояла къ той перво-

---

[1] Сочиненія и письма Гоголя V, 240. [2] Тамъ же, стр. 242. [3] Тамъ же, стр. 248. [4] Цензурное разрѣшеніе этого тома помѣчено такъ: „С.-Петербургъ сентября, 1836“.

начальной полной, которую представляетъ намъ рукопись Погодинскаго Древлехранилища. Изъ письма Гоголя къ Погодину, отъ 18 марта 1835 года, можемъ вывести впрочемъ заключеніе, что и во второй редакціи „Носа“, отдѣланной для „Московскаго Наблюдателя“, какъ и въ первоначальной рукописной, Ковалевъ находитъ носъ въ Казанскомъ соборѣ. Въ той редакціи повѣсти, которая появилась въ „Современникѣ“ Пушкина, этотъ эпизодъ, конечно ради цензуры, уже передѣланъ: Казанскій соборъ замѣненъ гостинымъ дворомъ. На этотъ послѣдній перенесена, несовсѣмъ удачно, та обстановка, которую Гоголь первоначально далъ церковной паперти: „Онъ.... пробрался сквозь рядъ нищихъ старухъ съ завязанными лицами“ и т. д. (см. выше, стр. 9).

Первоначальная редакція повѣсти, представляемая рукописью Погодинскаго Древлехранилища, въ отношеніи къ тексту „Носа“, напечатанному въ „Современникѣ“ представляется лишь общимъ очеркомъ, почти эскизомъ. Такъ, въ редакціи „Носа“, помѣщенной въ „Современникѣ“ распространенъ разговоръ Ковалева съ чиновникомъ газетной экспедиціи прибавкою слѣдующихъ мѣстъ: 1) „Нѣтъ, зачѣмъ же фамилію?“ — „состоящій въ маіорскомъ чинѣ“ (стр. 14); 2) „Вы посудите въ самомъ дѣлѣ“ — „мнѣ теперь къ нимъ нельзя явиться“ (стр. 14); 3) „Да чѣмъ же это дѣло несообразное?“ — „Нѣтъ, такого объявленія я никакъ не могу помѣстить“ (стр. 15); 4) „Вы видите сами, что нельзя не напечатать“ — „рѣшился на сей разъ немного поподличать“ (стр. 15); 5) „Самъ чиновникъ, казалось, былъ тронутъ затруднительнымъ положеніемъ Ковалева“, — „и отправился къ частному приставу“ (стр. 16). Вновь написаны два эпизода: 1) о сношеніяхъ Ковалева съ штабъ-офицершею Подточиной и 2) разговоръ съ докторомъ. Въ рукописной редакціи „Носа“, сохраненной рукописью Погодинскаго Древлехранилища, о подозрѣніяхъ Ковалева противъ „вдовы штабъ-офицерши“ упомянуто мимоходомъ въ немногихъ строкахъ[1]; въ текстѣ повѣсти, напечатанномъ въ „Современникѣ“ этому эпизоду отведена уже не одна страница[2]: штабъ-офицерша названа здѣсь и по фамиліи (Подточина). Разсказъ о приглашеніи доктора и раз-

[1] См. ниже, стр. 582, варіантъ 7-й къ стран. 13-й. [2] Ср. выше, стр. 18 („И потому штабъ-офицерша, вѣрно изъ мщенія, рѣшилась его испортить“ — „увидя у барина такую странность“) и стр. 22—24 („Онъ рѣшился на другой же день, прежде представленія жалобы, писать къ штабъ-офицершѣ“ — „сказалъ онъ наконецъ, опустивъ руки“).

говоръ съ нимъ Ковалева[1] написанъ вновь и вставленъ въ средину эпизода о сношеніяхъ съ штабъ-офицершею Подточиною. — Далѣе распространенъ новыми подробностями разсказъ о любопытныхъ, стекавшихся на Невскій проспектъ — смотрѣть носъ. Эта новая вставка начинается словами: „Сказалъ кто-то, что носъ будто бы находился въ магазинѣ Юнкера“ (стр. 24), и оканчивается такъ: „съ объясненіемъ наставительнымъ и назидательнымъ для юношей“ (стр. 25). Въ „Современникѣ“ повѣсть получила новое окончаніе сравнительно съ тою редакціею, которая внесена въ рукопись Погодинскаго Древлехранилища[2]. Мы полагаемъ, что указанныя измѣненія и распространенія въ первоначальной рукописной редакціи „Носа“, напечатанныя въ первый разъ въ „Современникѣ“, уже внесены были Гоголемъ въ ту редакцію повѣсти, которая была приготовлена для „Московскаго Наблюдателя“: такія значительныя передѣлки и вставки Гоголь едва ли былъ въ состояніи выработать въ тѣ тревожные мѣсяцы 1836 года (февраль, мартъ, апрѣль), когда онъ поглощенъ былъ хлопотами о напечатаніи и постановкѣ на петербургской сценѣ „Ревизора“. Послѣ перваго представленія комедіи, потрясенный оказаннымъ ей со стороны петербургскаго общества пріемомъ, Гоголь бѣжалъ за границу. Съ другой стороны изъ замѣтки, которую Пушкинъ предпослалъ повѣсти, видно, что Гоголь отдалъ „Носъ“ въ „Современникъ“ еще въ бытность свою въ Петербургѣ. Высказанное нами предположеніе о времени, когда выработаны вышеуказанныя дополненія и эпизоды и передѣлано окончаніе повѣсти, можетъ быть подтверждено или опровергнуто только рукописью „Носа“, посланною Погодину для „Московскаго Наблюдателя“ и потомъ возвращенною Гоголю. Списокъ повѣсти, принадлежавшій Погодинскому Древлехранилищу, оказывается черновымъ, *не имѣющимъ даже заглавія*, и мы не можемъ видѣть въ немъ рукописи „Носа“, назначенной для „Московскаго Наблюдателя“. Слѣдовъ сгиба, неизбѣжнаго при почтовой пересылкѣ „миніатюрной“ вещи, на рукописи Погодинскаго Древлехранилища нѣтъ. Если предположить, что выше-

---

[1] Этотъ разсказъ начинается на страницѣ 20-й словами: „Коллежскій ассессоръ, по уходѣ квартальнаго, нѣсколько минутъ оставался въ какомъ-то неопредѣленномъ состояніи“, и оканчивается на стр. 22-й (словами: „бѣлой и чистой какъ снѣгъ рубашки“), непосредственно примыкая въ этомъ мѣстѣ къ *продолженію* вновь написаннаго эпизода о Подточиной („Онъ рѣшился“ и т. д.). [2] Ср. стр. 584 и первый варіантъ къ 25-й страницѣ.

изложенныя измѣненія и распространенія находились уже въ редакціи „Носа“, посланной для „Московскаго Наблюдателя“, то выработка этихъ дополненій и измѣненій была окончена ранѣе 18 марта 1835 года, когда повѣсть отправлена была авторомъ Погодину. Получивши эту повѣсть обратно, въ концѣ января или въ началѣ февраля 1836 года, Гоголь конечно имѣлъ возможность „немного передѣлать“ оную.

Сравнивая редакцію „Носа“, напечатанную въ „Современникѣ“, съ тою, которая находится въ рукописи Погодинскаго Древлехранилища, находимъ, что нѣкоторыя мелкія передѣлки сдѣланы или авторомъ ради цензуры, или, можетъ быть, самимъ цензоромъ. Такъ, „оберъ-полицеймейстеръ“ рукописи замѣненъ въ „Современникѣ“ — „полицеймейстеромъ“, его „швейцаръ“ — „привратникомъ“ [1]. При подобныхъ помаркахъ предложеніе иногда лишается смысла. Напр. въ рукописномъ текстѣ находилась фраза: „Вонъ и другой маіоръ, получившій на Кавказѣ *коллежскаго ассессора*“; въ печати эта фраза явилась въ такомъ видѣ: „Вонъ и другой маіоръ, получившій на Кавказѣ ассессорство“ [2]. Въ рукописи Погодинскаго Древлехранилища читаемъ: „Бакенбарды у него были такого рода, какія и теперь еще можно видѣть у губернскихъ, повѣтовыхъ землемѣровъ, у архитекторовъ, *если только они русскіе люди*, а также у отправляющихъ разные *полицейскія* обязанности“: въ „Современникѣ“ слово „полицейскія“ уже выпущено [3]. Вѣроятно, цензурою выпущено было, при печатаніи „Носа“ въ „Современникѣ“, слѣдующее мѣсто рукописной редакціи: „Этотъ господинъ былъ одинъ изъ числа тѣхъ людей, которые бы желали впутать правительство даже въ ихъ домашнія ссоры съ своею супругою“ [4].

Перепечатывая „Носъ“ въ первомъ изданіи своихъ „Сочиненій“ (1842), Гоголь сдѣлалъ въ этой повѣсти лишь одно важное въ *редакціонномъ* отношеніи измѣненіе: онъ придѣлалъ къ ней новое окончаніе взамѣнъ того, которое написано было для редакціи „Носа“, помѣщенной въ „Современникѣ“ [5]. Кромѣ того въ самомъ началѣ повѣсти поставлено было: „Марта 25 числа“, вмѣсто: „Сего апрѣля 23 числа“. Послѣдняя дата появилась въ первый разъ въ текстѣ повѣсти, напечатанномъ въ „Современникѣ“ и замѣнила стоявшее *въ первоначальномъ наброскѣ* и въ двухъ слѣдо-

[1] Ср. ниже варіанты: 9, 10, 12 и 14 къ страницѣ 11-й. [2] Ср. 7-й варіантъ къ 11-й страницѣ. [3] Ср. 18-й варіантъ къ стр. 7-й. [4] Ср. 3-й варіантъ къ странице 13-й (стр. 579). [5] См. ниже стр. 585, 1-е прим. къ 25-й страницѣ.

вавшихъ за нимъ рукописныхъ редакціяхъ этого мѣста: „Сего февраля 23 числа". Въ текстѣ „Носа", появившемся въ журналѣ Пушкина, сдѣланы были, при перепечаткѣ въ первомъ изданіи „Сочиненій" мелкія стилистическія поправки, касавшіяся нерѣдко порядка словъ [1]. Не имѣемъ свѣдѣній о томъ, кому принадлежатъ эти поправки — Гоголю, или Прокоповичу.

При перепечаткѣ „Носа" во второмъ изданіи „Сочиненій Гоголя" снова сдѣланы были въ текстѣ повѣсти мелкія стилистическія поправки [2], иногда неудачныя [3]. Повидимому, нѣкоторыя изъ этихъ поправокъ принадлежатъ Лихонину, который держалъ корректуру „Носа" [4].

Въ „примѣчаніяхъ и варіантахъ" редакція повѣсти, находящаяся въ рукописи Погодинскаго Древлехранилища означена буквами **ПД**: „Современникъ" — означенъ буквою **С**; первое изданіе „Сочиненій Николая Гоголя" (1842) — буквою **П**; второе изданіе „Сочиненій" — буквою **Т**.

Стр. 3 [1] **П**; «Сего апрѣля 25 числа» **С**; «Сего февраля 23 числа» **ПД**. [2] **П**: «кофій» **ПД**. [3] **П**; «выпеченные» **ПД**. [4] **ПД**; «кофе» **П**. [5] **ПД**, **С**, **П**; «соли» **Т**. [6] **С**, **П**; «что-то выглядывающее бѣлѣвшееся» **ПД**. [7] **С**, **П**; «холодное» **ПД**. [8] **С**, **П**; «довольно крѣпкій и мясистый носъ» **ПД**. [9] **П**; «началъ протирать глаза и щупать его пальцемъ» **ПД**.

Стр. 4 **С**, **П**; «противъ того негодованія» **ПД**. [2] **С**; «не кого другаго» **П**; «что этотъ носъ принадлежалъ коллежскому ассессору Ковалеву» **ПД**. [3] **П**; «Я положу его, завернувши въ тряпку, въ уголокъ» **С**, **ПД**. [4] **С**, **ПД**; «а послѣ я его вынесу» **П**. [5] **С**, **П**; «Чтобы я позволила у себя въ комнатѣ лежать отрѣзанному носу! Не будетъ этого, не будетъ! Найдутъ полицейскіе обыскивать да подумаютъ... Чтобы я была участницею въ такомъ!... Вонъ его!» **ПД**. [6] **С**, **П**; «не слышала» **ПД**. [7] **С**, **П**; «Иванъ Ѳедоровичъ стоялъ совершенно, какъ убитый. Онъ думалъ и не могъ придумать, какимъ образомъ это случилось. Одна мысль о томъ, что полицейскіе отыщутъ у него носъ и обвинятъ его, какъ отрѣзавшаго этотъ носъ, при-

---

[1] Эти поправки указаны въ слѣдующихъ варіантахъ: вар. 1 къ стр. 3; вар. 2, 3 и 4 къ стр. 4; вар. 1, 2, 3, 9, 12 къ стр. 5-й; вар. 17 и 20 къ стр. 7-й; вар. 7 и 14 къ стр. 8-й; вар. 3 и 6 къ стр. 9-й; вар. 3 къ стр. 10-й; вар. 1, 5, 17 къ стр. 11-й; вар. 1 къ стр. 12-й; вар. 1-й къ стр. 13-й; вар. 1 и 2 къ стр. 16-й; вар. 1, 2, 3 и 4 къ стр. 17-й; вар. 1 и 2 къ стр. 18-й; вар. 3 и 4 къ стр. 21-й; вар. 1 къ стр. 22-й; вар. 1, 5 и 6 къ стр. 24-й. [2] См. вар. 5 къ стр. 3-й, вар. 8 къ стр. 4-й, вар. 2 и 14 къ стр. 6-й, вар. 2 и 4 къ стр. 10-й, вар. 4 къ стр. 12-й, вар. 1 къ стр. 14-й, вар. 5 къ стр. 17-й, вар. 1, 3 и 4 къ стр. 18-й, вар. 1 къ стр. 19-й, вар. 1, 2, 3 и 4 къ стр. 21-й, вар. 1 къ стр. 25-й и вар. 2 и 7 къ странинѣ 24-й. [3] Ср. первый варіантъ къ стр. 19-й. [4] Ср. настоящаго изданія томъ I, стр. XIII.

водила въ ужасъ» ПД. [8] С, П; «напялилъ» Т; въ ПД прежде было написано: «напялилъ», потомъ зачеркнуто.

Стр. 5 [1] ПД, С; «какъ на бѣду» П. [2] ПД, С; «вопросомъ» П. [3] С; «онъ уже совсѣмъ уронилъ было носъ» П; «Одинъ разъ онъ вздумалъ было уронить» ПД. [4] С, П; «увеличивался» ПД. [5] С, П; «Но я виноватъ: давно бы слѣдовало кое-что сказать объ Иванѣ Яковлевичѣ» ПД. [6] С, П; «русскій человѣкъ» ПД. [7] С, П; «многихъ» ПД. [8] С, П; «говорилъ ему во время бритья по обыкновенію каждый разъ» ПД. [9] С; «за это на щекѣ» П; «щеки» ПД. [10] С, П; «и подъ бородою и вездѣ, гдѣ только ему была охота» ПД. [11] С, П: «обсмотрѣлся» ПД. [12] С; «бѣжитъ» П. [13] Т; «какъ будто бы 10 пудъ разомъ съ него свалилось» ПД; «какъ будто бы съ него разомъ снялось десять пудъ» С, П.

Стр. 6 [1] С, П; «со шпагою и заложеннымъ за пуговицу пальцемъ» ПД. [2] С, П, ПД; «кивнулъ ему пальцемъ и проговорилъ» Т. [3] С, П, «снялъ еще издали картузъ свой» ПД. [4] С, П; «подошедши довольно поспѣшно» ПД. [5] С, П; «а скажи» ПД. [6] С, П; «что ты тамъ дѣлалъ на мосту?» ПД. [7] С, П; «отвѣчать все» ПД [8] С, П; «Я ужъ вашей милости, какъ сами изволите назначить, два ли раза въ недѣлю или три готовъ брить безъ всякаго профиту» ПД. [9] С, П: «признаться» ПД. [10] С, П; «скрывается совершенно» ПД. [11] Слово «и» внесено изъ ПД. [12] Т; «вчерашняго вечера» С, П; «вчера въ вечеру» ПД. [13] С, П; «и» ПД. [14] Слова: «ущипнулъ себя», внесены изъ ПД. [15] Слово «все» внесено изъ ПД. [16] С, П; «дать» ПД.

Стр. 7 [1] С, П; «какого рода человѣкъ былъ» ПД. [2] С, П; «сравнить» ПД. [3] С, П; «которые получаютъ это званіе» ПД. [4] ПД; «ассессоры» С, П. [5] Слово «что-нибудь» внесено изъ ПД. [6] ПД; «ассессоры» С, П. [7] С, П; «и чинахъ, отъ высшихъ до низшихъ» ПД. [8] ПД, С; «а потому» П. [9] Слово «еще» внесено изъ ПД. [10] С; «и вѣсу» П; «а чтобы еще болѣе облагородить его» ПД. [11] Слово «просто» внесено изъ ПД. [12] ПД; «здѣсь ли живетъ» С, П. [13] С, П; «и всегда прибавлялъ» ПД. [14] С, П; «По этому самому» ПД. [15] С, П; «каждый почти день» ПД. [16] С, П; «воротникъ былъ чрезвычайно накрахмаленъ» ПД. [17] П; «у губернскихъ, повѣтовыхъ землемѣровъ» ПД, С. [18] С, П; «у архитекторовъ, если только они русскіе люди, а также у отправляющихъ разныя полицейскія обязанности и, вообще, у всѣхъ тѣхъ мужей, у которыхъ чрезвычайно полныя и румяныя щеки и которые хорошо играютъ въ бостонъ» ПД. [19] С, П; «большое множество» ПД. [20] С, ПД; «сердоликовыхъ печатокъ» П. [21] С, П; «на которыхъ только было» ПД. [22] ПД; «вицегубернаторскаго» С, П. [23] С, П; «экзекутора» ПД.

Стр. 8 [1] С, П; «когда невѣста будетъ имѣть двѣсти тысячъ капиталу» ПД. [2] ПД; «недурнаго и умѣреннаго носа» С, П. [3] С, П; «Какъ на бѣду его, еще ни одинъ извощикъ» ПД. [4] С, П; «не выѣзжалъ на улицу» ПД. [5] С, П; «какъ будто бы» ПД. [6] С, П; «Но авось-либо мнѣ такъ представилось», подумалъ онъ» ПД. [7] П; «чтобы носъ пропалъ, неизвѣстно куда». Онъ зашелъ въ кондитерскую нарочно, чтобы посмотрѣть въ зеркало» ПД; «чтобы носъ пропалъ съ дуру». Онъ зашелъ въ кондитерскую нарочно съ тѣмъ, чтобы посмотрѣться въ зеркало» С. [8] С, П; «глянулъ» ПД. [9] С, П; «и не рѣшился глядѣть ни на кого, что бывало онъ всегда дѣлалъ прежде, сопровождая это пріятною улыбкою» ПД. [10] С, П; «остановился» ПД.

[11] С, П; «магазина» ПД. [12] С, П; «у дверей одного магазина. Передъ магазиномъ остановилась карета и изъ нея выпрыгнулъ господинъ въ мундирѣ. Ковалевъ съ радостью и ужасомъ узналъ, что этотъ господинъ былъ его собственный носъ. Онъ рѣшился дождаться его возврата въ карету и стоялъ, какъ въ лихорадкѣ» ПД. [13] С, П; «вышелъ изъ магазина» ПД. [14] ПД, С; «на» П. [15] С, П; «видѣть» ПД.

Стр. 9 [1] ПД; «о» С, П. [2] Словъ: «въ самомъ дѣлѣ», нѣтъ въ ПД. [3] П; «чтобы носъ могъ ѣздить и ходить въ мундирѣ!» ПД; «чтобы носъ, который еще вчера былъ у него на лицѣ, не могъ ѣздить и ходить, — былъ въ мундирѣ!» С. [4] С, П; «отъѣхала» ПД. [5] С, П; «передъ Казанскимъ соборомъ» ПД. Съ этихъ словъ начинается въ ПД первоначальный текстъ этого эпизода, который для печати передѣланъ былъ Гоголемъ, по требованію тогдашней цензуры. Представляемъ первоначальный текстъ по рукописи ПД: «Онъ поспѣшилъ въ соборъ, пробрался сквозь рядъ нищихъ старухъ съ завязанными лицами и двумя отверстіями только для глазъ, надъ которыми онъ прежде такъ смѣялся, и вошелъ въ церковь. Молельщиковъ внутри церкви было немного; они всѣ стояли только при входѣ въ двери. Ковалевъ чувствовалъ, что онъ въ такомъ разстроенномъ состояніи, что никакъ не въ (состояніи =) силахъ былъ молиться. Онъ искалъ господина носа по всѣмъ угламъ и наконецъ увидѣлъ его стоявшаго въ сторонѣ. Носъ совершенно спряталъ лицо свое въ большой стоящій воротникъ и съ выраженіемъ величайшей набожности молился. «Какъ подойти къ нему?» думалъ Ковалевъ. «(Господинъ, совершенно господинъ! =) Одѣтъ, какъ господинъ, и притомъ еще статскій совѣтникъ». Онъ началъ, стоя около него, покашливать; но носъ ни на минуту не оставлялъ набожнаго своего положенія и отвѣшивалъ поклоны. «Милостивый государь!» сказалъ Ковалевъ, стараясь ободрить себя: «Милостивый государь!» (Мнѣ странно).— «Что вамъ угодно?» отвѣчалъ онъ, оборачиваясь. — «Мнѣ странно, милостивый государь.... Мнѣ кажется.... вы должны знать свое мѣсто.... и я васъ вдругъ нахожу.... и гдѣ же? — въ церкви. Согласитесь....»

«Я не могу понять, какъ вы изволите говорить: объяснитесь». — «Какъ мнѣ ему объяснить?» подумалъ Ковалевъ и, собравшись съ духомъ, началъ: «Конечно, я.... Впрочемъ я (имѣю маіорскій чинъ).... Мнѣ ходить безъ носа.... согласитесь, это не то, что ходить какой-нибудь торговкѣ, которая продаетъ на Воскресенскомъ мосту очищенные апельсины — можно сидѣть безъ него. Но для лица, ожидающаго губернаторскаго мѣста, (которое мнѣ, безъ сомнѣнія =) что́ безъ сомнѣнія послѣдуетъ.... Я не знаю, милостивый государь!» при этомъ маіоръ пожалъ плечами: «извините. Если на это смотрѣть сообразно съ правилами долга и чести, вы сами можете понять....» — «Ничего рѣшительно», отвѣчалъ носъ: «изъяснитесь удовлетворительнѣе».

«Милостивый государь!» сказалъ Ковалевъ съ чувствомъ достоинства: «я не знаю, какъ понимать слова ваши.... Здѣсь все дѣло, кажется, совершенно очевидно.... или вы не хотите.... Вѣдь вы (мой, если не ошибаюсь =) мой собственный носъ!» Носъ посмотрѣлъ на маіора и (лобъ) брови его нѣсколько нахмурились.

«Вы ошибаетесь, милостивый государь: я самъ по себѣ. Притомъ между

нами не можетъ быть никакихъ тѣсныхъ сношеній. Судя по пуговицамъ вашего вицмундира, вы должны служить въ сенатѣ или, по крайней мѣрѣ, по юстиціи, я же (служу) по ученой части». Сказавши это, носъ отвернулся и продолжалъ молиться. Ковалевъ совершенно смѣшался и сконфузился. «Что тутъ дѣлать?» подумалъ онъ. Въ это время въ сторонѣ послышался пріятный шумъ дамскаго платья. Вошла пожилая дама довольно широкаго размѣра, вся убранная кружевами, нѣсколько походившая на готическое строеніе, и съ нею тоненькая въ платьѣ, очень мило драпировавшемся на ея стройныхъ формахъ, въ палевой шляпкѣ, легкой, какъ бисквитное пирожное. За ними остановился и открылъ табакерку высокій господинъ съ большими бакенбардами и цѣлой партіей воротниковъ. Ковалевъ выступилъ поближе, высунулъ и поправилъ батистовый воротникъ манишки, поправилъ печатки отъ часовъ и, улыбаясь по сторонамъ, обратилъ вниманіе на легенькую даму, которая, какъ весенній цвѣточекъ, слегка наклонялась и подносила руку, съ бѣлинькими прозрачными пальцами, ко лбу. Улыбка на лицѣ Ковалева расширилась еще далѣе, когда онъ увидѣлъ изъ-подъ шляпки часть ея подбородка и часть щеки. Но вдругъ онъ отскочилъ, какъ будто бы обжегшись: онъ вспомнилъ, что у него вмѣсто носа совершенно ничего нѣтъ. И слезы выдавились изъ глазъ. Онъ оборотился, чтобы прямо сказать этому господину, что прикинулся статскимъ совѣтникомъ, что онъ плутъ и подлецъ и что онъ больше ничего, кромѣ собственный носъ. Но носа не было: онъ успѣлъ ускакать впередъ, опять къ кому-нибудь съ визитомъ. Онъ вышелъ изъ церкви. Время безподобное: солнце свѣтитъ; на Невскомъ народу гибель. Дамъ такъ и сыплетъ цѣлымъ водопадомъ. Вонъ и знакомый ему надворный совѣтникъ идетъ....» (Ср. стр. 9—11 этого тома). [6] **С**; «безъ носу» **П**. [7] Только въ этомъ мѣстѣ **С** и **П** представляютъ фамилію: *Чехтырева;* во всѣхъ остальныхъ мѣстахъ въ **С** и **П** стоитъ: «Чехтарева». Удерживаемъ это послѣднее чтеніе.

Стр. 10 [1] **ПД, С**; «и брови его нахмурились» **П**. [2] **Т**; «приступилъ» **П**; «выступилъ» **ПД, С**. [3] **С**; «печатки свои» **П, Т**. [4] **Т**; «выдавились» **ПД, С, П**.

Стр. 11 [1] **П, Т**; «шинель» **С**. [2] Этими словами оканчивается въ печатномъ текстѣ передѣланный ради цензуры эпизодъ. [3] **С, П**; «если» **ПД**. [4] **ПД**; «Ярыгинъ» **С, П, Т**; передѣлано, повидимому, цензоромъ. [5] **П**; «большой пріятель» **ПД, С**. [6] **С, П**; «который вѣчно обремизивавшійся (sic!), когда игралъ въ бостонъ восемь» **ПД**. [7] **С, П**; «получившій на Кавказѣ коллежскаго ассессора» **ПД**. [8] **С, П**; «махаетъ ему» **ПД**. [9] **С, П**, «къ оберполицмейстеру» **ПД**. [10] **С, П**; «Оберполицмейстеръ» **ПД**. [11] **ПД**; «зашедши» **С, П**. [12] **С, П**; «швейцаръ» **ПД**. [13] **ПД**; «уѣхалъ» **С, П**. [14] **С, П**; «Да уѣхали», отвѣчалъ швейцаръ» **ПД**. [15] Слово «а» вставлено изъ **ПД**. [16] **С, П**; «только минуточкой» **ПД**. [17] **ПД, С**; «можетъ быть» **П, Т**. [18] Слово «и» внесено изъ **ПД**. [19] **С, П**; «совершенно потеряннымъ голосомъ» **ПД**.

Стр. 12 [1] **ПД, П, Т**; «куда-нибудь» **С**. [2] **Т**; «всѣхъ качествъ» **С, П**. [3] **Т**; «встрѣтившій его» **С, П**. [4] **Т**; «о мѣстѣ пребыванія» **С, П**. [5] Въ **ПД** это мѣсто читается въ первоначальной, не столь развитой формѣ: «и закричалъ совершенно потеряннымъ голосомъ: «Пошелъ прямо!» — «Да направо или налѣво?» — «Въ Управу благочинія!... или нѣтъ, стой! Въ Газетную

экспедицію!» — «Въ полицію своимъ порядкомъ, а между тѣмъ нужно объявить въ Газетную (экспедицію), потому что этотъ плутъ можетъ сегодня же какъ-нибудь улизнуть». Такъ думалъ коллежскій ассессоръ и кричалъ извощику: «Скорѣй, подлецъ! Скорѣй, мошенникъ! а не то будутъ вытянуты изъ тебя на страшномъ судѣ всѣ кишки. Пошелъ, разбойникъ!» — «Эхъ, баринъ!» говорилъ извощикъ и гналъ лошадь. Они остановились. Ковалевъ....» [6] Слово «въ» внесено изъ **ПД**. [7] **ПД**; «принесенныя» **С, П**. [8] **С, П**; «господинъ» **ПД**. **С**[9], **П**; «на накладенныя горки денегъ» **ПД**. [10] **С, П**; «ставя цифру и номеръ на бумажку» **ПД**. [11] **ПД**; «пальцами» **С, П**. [12] Слова: «съ довольно чистою», внесены изъ **ПД**.

Стр. 13 [1] **П**; «аристократическомъ» **С**. [2] **С, П**; «свою разговорчивость и общежительность» **ПД**. [3] **С, П**; въ **ПД** это мѣсто читается такъ: «то есть, я бы за нее не далъ и 8 копѣекъ. (Пусть бы была лягавая или пудель, — ну, безспорно бы эту можно держать при себѣ охотнику). Вѣчно, дрянная, подъ ноги такъ и лѣзетъ. (То есть, не знаю, какой вкусъ нашла въ ней графиня). Какъ-нибудь наступишь ей на лапу, куда! Графиня такой подыметъ крикъ, что описать нельзя. И вотъ, тому, кто только отыщетъ эту поскудную собаченку, 100 рублей! Понять нельзя, какой вкусъ нашла въ ней графиня. Ужъ когда охотникъ, держи лягавую собаку или пуделя. Не пожалѣй 500, тысячу дай, да ужъ чтобы была хорошая». [4] **Т**; «мѣстилось» **С, П**. [5] **С, П**; «носъ-то» **ПД**. [6] Въ **ПД** это мѣсто читается такъ: «Почтенный чиновникъ слушалъ это съ значительною миною и въ тоже время занимался считаніемъ принесенныхъ имъ денегъ, отдѣляя 2 рубли 33 копѣйки за припечатаніе объявленія. По сторонамъ стояло множество старухъ, купеческихъ сидѣльцевъ, дворниковъ, кучеровъ съ записками. Въ одной отдавался кучеръ трезваго поведенія; въ другой мало подержанная коляска, работанная за Петра *), у которой не было ни одного винта цѣлаго. Тамъ отдавалась здоровая дѣвка 19 лѣтъ, упражнявшаяся въ прачешномъ дѣлѣ, годная и для другихъ работъ въ домѣ, у которой уже нѣсколькихъ зубовъ недоставало во рту; прочныя дрожки безъ одной ресоры; молодая, горячая, въ сѣрыхъ яблокахъ, лошадь 17 лѣтъ отъ роду; новыя полученныя изъ Лондона сѣмена рѣпы и редисъ, такъ называемый индѣйскій редисъ; отличная дача со всѣми угодьями: двумя стойлами для лошадей и мѣстомъ, на которомъ можно развести превосходный садъ. Тамъ же было извѣщеніе о потерянномъ кошелькѣ съ обѣщаніемъ приличнаго награжденія; вызовъ желающихъ купить старыя подошвы и велящихъ (sic!) явиться къ переторжкѣ въ такомъ-то часу. Комната, въ которой все то находилось, была маленькая, закопчена, и воздухъ въ ней былъ такъ густь, хоть топоръ повѣсь, потому что русскіе мужики имѣютъ удивительное свойство сгущать атмосферу, и, гдѣ соберутся и четыре дворника въ красныхъ рубашкахъ и одинъ кучеръ, тамъ смѣло можно повѣсить на воздухѣ топоръ. Къ счастью, коллежскій ассессоръ

*) Гоголь употреблялъ иногда этотъ полонизмъ — т. е. предлогъ «за» съ винительнымъ падежомъ — для означенія времени (здѣсь «за Петра» — «во время Петра» великаго) Ср. «Я слышалъ что-то похожее еще за покойницу....» (настоящаго изданія томъ I, стр. 67).

Ковалевъ не могъ ничего этого услышать, потому что закрылся платкомъ и потому что самый носъ-то находился, Богъ знаетъ, въ какихъ мѣстахъ».
7 Словъ: «сказалъ онъ, наконецъ, съ нетерпѣніемъ», въ ПД нѣтъ. Страницы, слѣдующія непосредственно затѣмъ въ печатномъ текстѣ, начиная отъ словъ: «Сейчасъ, сейчасъ!» до конца второй главы (стр. 13—25), представляютъ позднѣйшую обработку первоначальнаго, менѣе развитаго рукописнаго текста. Въ ПД этотъ текстъ читается такъ: «Сейчасъ, сейчасъ! — Два рубли, сорокъ три копѣйки.... рубль шестьдесятъ копѣекъ!» говорилъ сѣдовласый господинъ, бросая въ глаза старухамъ и дворникамъ записки. «Вамъ что угодно?» наконецъ сказалъ онъ, обратившись къ Ковалеву.

«Я особенно прошу....» сказалъ Ковалевъ: «случилось мошенничество или плутовство — я до сихъ поръ не могу никакъ узнать. Я прошу только припечатать, что тотъ, кто этого подлеца ко мнѣ представитъ, получитъ достаточное вознагражденіе».

«Хм! Позвольте узнать, какъ ваша фамилія».

«Коллежскій ассессоръ Ковалевъ. Вы, впрочемъ, можете просто написать: состоящій въ маіорскомъ чинѣ».

«Да что сбѣжавшій-то былъ вашъ дворовый человѣкъ?»

«Какой дворовый человѣкъ! Это бы еще не такое большое мошенничество! Но это.... носъ».

«Гм! какая странная фамилія! И на большую сумму этотъ Носовъ обокралъ васъ?»

«Носъ, то есть... вы не то думаете. Носъ, мой собственный носъ пропалъ неизвѣстно. Самъ сатана-дьяволъ захотѣлъ подшутить надо мною... Только этотъ носъ разъѣзжаетъ теперь господиномъ по городу и дурачитъ всѣхъ... Только я васъ прошу объявить, чтобы поймавшій представилъ ко мнѣ мошенника, подлеца, сукина... Но я закашлялся, и у меня пересохло въ горлѣ. Я не могу ничего говорить!»

Чиновникъ задумался, что̀ означали его крѣпко сжавшіяся губы.

«Нѣтъ, я не могу помѣстить такого объявленія въ газету», сказалъ онъ наконецъ, послѣ долгаго молчанія.

«Какъ? отчего?»

«Такъ. Газета можетъ потерять репутацію. Если всякій начнетъ писать, что у него сбѣжалъ носъ или губы... И такъ уже говорятъ, что печатаютъ много несообразностей и ложныхъ слуховъ».

«Да когда у меня, точно, пропалъ носъ?»

«Если пропалъ, то это дѣло медика. Говорятъ, есть такіе люди, которые могутъ приставить какой угодно носъ. Но, впрочемъ, я замѣчаю, что вы должны быть человѣкъ веселаго нрава и любите пошутить».

«Клянусь вамъ: вотъ какъ Богъ святъ, если лгу! Хотите, я вамъ попокажу?...»

«Зачѣмъ безпокоиться!» продолжалъ чиновникъ, нюхая табакъ. «Впрочемъ, если вамъ не въ безпокойство, то желательно бы взглянуть», продолжалъ онъ съ движеніемъ любопытства.

Коллежскій ассессоръ отнялъ платокъ.

«Въ самомъ дѣлѣ, чрезвычайно странно!» сказалъ чиновникъ: «совер-

шенно, какъ только-что выпеченный блинъ. Мѣсто до невѣроятности ровное!»

«Ну, что и теперь будете говорить? Извольте же сейчасъ напечатать!»

«Напечатать-то, конечно, дѣло небольшое, только я не предвижу въ этомъ большой пользы. Если уже хотите, то вы можете дать кому-нибудь описать искуснымъ перомъ, какъ рѣдкое произведеніе натуры, и напечатать эту статейку въ «Сѣверной Пчелѣ» [тутъ онъ понюхалъ еще разъ табаку] для пользы юношества, упражняющагося въ наукахъ [при этомъ онъ утеръ носъ] или такъ для общаго любопытства».

Коллежскій ассессоръ былъ въ положеніи человѣка, совершенно сраженнаго уныніемъ. Онъ опустилъ глаза въ листъ газеты, гдѣ было извѣщеніе о спектакляхъ, и уже лицо его готово было улыбнуться, встрѣтивши имя актрисы, хорошенькой собою, и рука взялась за карманъ — пощупать, есть ли синяя ассигнація, потому что штабъ-офицеры, по мнѣнію Ковалева, должны сидѣть въ креслахъ; но мысль о носѣ, какъ острый ножъ, вонзилась въ его сердце. Бѣдный Ковалевъ, въ нестерпимой тоскѣ, отправился къ квартальному надзирателю, чрезвычайному охотнику до сахару; потому его вся передняя, она же и столовая, была установлена сахарными головами, которыя панесли къ нему, изъ дружбы, купцы. Кухарка въ это время скидала съ частнаго пристава .... ботфорты; шпага и всѣ военные доспѣхи уже мирно развѣсились по угламъ, и грозную трехъугольную шляпу уже затрогивалъ трехлѣтній сынокъ его, и онъ, послѣ боевой, бранной жизни готовился вкусить удовольствія мира. Ковалевъ вошелъ къ нему въ то время, когда онъ потянулся, крякнулъ и сказалъ: «Эхъ, славно засну два часика!» И потому можно было сначала (sic!), что приходъ коллежскаго ассессора былъ совершенно не во время, и не знаю, хотя бы онъ даже принесъ ему въ то время нѣсколько фунтовъ чаю или сукна, — онъ бы не былъ принятъ слишкомъ радушно. Частный былъ большой поощритель всѣхъ искусствъ и мануфактурности, хотя иногда и говорилъ, что нѣтъ почтеннѣе вещи, какъ государственная ассигнація: «мѣста займетъ немного, въ карманъ всегда помѣстится, уронишь — не расшибется».

Частный принялъ довольно сухо Ковалева: сказалъ, что послѣ обѣда не такое время, чтобы производить слѣдствіе; что сама натура назначила, чтобы человѣкъ, наѣвшись, немного отдохнулъ [изъ этого видно было, что частный приставъ былъ философъ], и что у порядочнаго человѣка не оторвутъ носа и что много есть на свѣтѣ разныхъ маіоровъ, которые не имѣютъ даже и исподняго въ приличномъ состояніи и таскаются по всякимъ непристойнымъ мѣстамъ.

То есть, это уже было не въ бровь, а прямо въ глазъ! Нужно знать, что Ковалевъ былъ чрезвычайно обидчивый человѣкъ. Онъ могъ извинить все, что̀ ни говори о немъ самомъ, но никакъ не извинялъ, если это касалось къ чину или званію. Онъ полагалъ, что по театральнымъ пьесамъ можно пропускать свободно все, что̀ относится къ оберъ-офицерамъ, но на штабъ-офицеровъ никакъ не должно нападать. Такой пріемъ частнаго его такъ сконфузилъ, что онъ немножко стряхнулъ головою и съ чувствомъ собственнаго достоинства сказалъ, немного разставивъ руки:

«Признаюсь, послѣ эдакихъ, съ вашей стороны, обидныхъ замѣчаній, я ничего не могу прибавить...» и вышелъ.

Онъ пріѣхалъ домой, едва слыша въ себѣ душу, а подъ собою ноги, послѣ всѣхъ этихъ душевныхъ революцій. Усталый бросился онъ въ кресла и, отдохнувши немного, сказалъ: «Боже мой! Боже мой! За что это такое несчастіе? Будь я безъ руки или безъ ноги — все бы это лучше, будь я безъ обѣихъ ушей даже, все сноснѣе, но безъ носа человѣкъ — хоть выбрось! Если бы кто-нибудь отрѣзалъ или я самъ былъ причиною... но вотъ штука — пропалъ самъ собою! Ей Богу, это невѣроятно! Можетъ быть, я сплю, и мнѣ все это снится». Коллежскій ассессоръ пальцемъ себя щипни, — самъ чуть не вскрикнулъ отъ боли. «Нѣтъ, чортъ возьми! я не сплю». Онъ потихоньку приближился къ зеркалу и сначала зажмурилъ глаза, потомъ вдругъ глянулъ — авось либо есть носъ; но въ ту же минуту отскочилъ отъ зеркала, сказавши: «Чортъ знаетъ что! Какая дрянь!»

Дѣйствительно, это происшествіе было до невозможности [не]вѣроятно[1], такъ что его можно было совершенно назвать сновидѣніемъ, если бы оно не случилось въ самомъ дѣлѣ и если бы не представлялось множество самыхъ удовлетворительныхъ доказательствъ. Онъ долго передумывалъ, кто бы здѣсь былъ виною, и, наконецъ, едва ли не остановился на томъ, что здѣсь главною причиною должна быть одна вдова, тоже штабъ-офицерша, которая желала, чтобы онъ женился на ея дочери, за которой онъ любилъ приволакиваться[2], но всегда избѣгалъ окончательной раздѣлки и, когда вдова объявила ему на-прямикъ, что она хочетъ выдать ее за него, онъ потихонку отчалилъ съ своими комплиментами, сказавши, что еще молодъ, что нужно еще прослужить лѣтъ пятокъ, чтобы было ровно сорокъ два года. И потому теперь, по его мнѣнію, вдова хотѣла ему непремѣнно отмстить и рѣшилась его испортить и, вѣрно, наняла бабъ-ворожей или сама, можетъ быть, удружила.

Разсуждая такимъ образомъ, онъ услышалъ въ передней голосъ: «Здѣсь живетъ коллежскій ассессоръ Ковалевъ?»

«Войдите; маіоръ Ковалевъ здѣсь», сказалъ онъ, вскочивши со стула и отворяя дверь. Это былъ полицейскій чиновникъ, благородной наружности, который стоялъ въ концѣ Исак...»[3]

«Вы, кажется, изволили затерять носъ свой?»

«Такъ точно».

«Онъ теперь перехваченъ».

«Нѣтъ? Что вы говорите?» закричалъ въ величайшей радости маіоръ. «Какимъ образомъ?»

«Страннымъ случаемъ: его перехватили почти на дорогѣ. Онъ уже садился въ дилижансъ и хотѣлъ уѣхать въ Ригу. И пашпортъ уже давно былъ написанъ на имя тамбовскаго директора училищъ. И странно то, что я самъ принялъ его за господина; но, къ счастію, были со мною

---

[1] Въ рукописи описка: «вѣроятно». [2] Въ рукописи: «приволакиват». [3] Фраза не дописана.

очки, и я, уже надѣвши ихъ, увидѣлъ, что это былъ носъ. Вѣдь я близорукъ и, если вы передо мною станете, то я вижу только, что лицо, но ни носа, ни бороды — ничего не замѣчу. Моя теща, то есть, мать жены моей, тоже ничего не видитъ».

Ковалевъ былъ внѣ себя. «Гдѣ же онъ? гдѣ? Я сейчасъ побѣжу.» (sic!)

«Не безпокойтесь. Я, зная, что онъ вамъ нуженъ, нарочно принесъ его съ собою. И странно то, что главный участникъ въ этомъ дѣлѣ есть мошенникъ цирюльникъ на Вознесенской улицѣ, который сидитъ теперь на съѣзжей. Я давно, впрочемъ, подозрѣвалъ его въ пьянствѣ и воровствѣ, и еще третьяго дня стащилъ онъ въ Гостиномъ полдюжины жилетныхъ пуговицъ. Носъ вашъ совершенно таковъ, какъ былъ».— При этомъ квартальный полѣзъ въ карманъ и вытащилъ оттуда завернутый въ бумажкѣ носъ.

«Такъ, онъ!» закричалъ Ковалевъ въ радости: «Точно онъ! Такой же самой ....[1] Откушайте сегодня со мною чашечку чаю».

«Съ большою пріятностію желалъ бы, но не могу: занятъ... Очень большая теперь поднялась дороговизна на всѣ припасы... У меня въ домѣ живетъ и теща, то есть мать моей жены, и дѣти; старшій особенно подаетъ большія надежды, умный мальчишка; но средствъ къ воспитанію совершенно нѣтъ никакихъ».

Ковалевъ догадался, и, схвативъ со стола красную ассигнацію, сунулъ въ руки надзирателя, который разшаркавшись, вышелъ за дверь, и въ туже (почти минуту) Ковалевъ слышалъ голосъ его на улицѣ, гдѣ онъ увѣшевалъ по зубамъ одного глупаго мужика, наѣхавшаго съ своею телѣгою (на) бульваръ[2]. Коллежскій ассессоръ пришелъ, наконецъ, въ себя, потому что радость повергнула почти въ безпамятство... «Ну, теперь, слава Богу, что есть носъ. А ну, приложимъ его». Сказавши это, онъ началъ приставить (sic!) его на свое мѣсто, но, къ удивленію, замѣтилъ, что носъ никакъ не приклеивался.

«Ну же, ну! полѣзай, дуракъ!» говорилъ онъ ему; но носъ былъ совершенно глупъ и падалъ прямо на столъ, какъ только онъ отнималъ руку. Лицо маіора слезливо искривилось. «Неужели онъ не пристанетъ?» сказалъ онъ въ испугѣ. Но носъ дѣйствительно отпадалъ. «Ахъ, Боже мой! Да вѣдь какимъ же [образомъ][3] онъ можетъ пристать? Я и позабылъ о томъ, что ужъ если что̀ отрѣзано, то нельзя приставить».

Между тѣмъ слухъ объ этомъ необыкновенномъ происшествіи распространился по всей столицѣ и, какъ всегда водится, не безъ особенныхъ прибавленій. Тогда умы всѣхъ именно настроены были къ чрезвычайному: недавно только-что занимали весь городъ опыты дѣйствія магнетизма. Притомъ исторія о танцующихъ стульяхъ въ Конюшенной была свѣжа, и потому нечего удивляться, что скоро начали говорить, что носъ коллежскаго ассессора Ковалева ровно въ три часа, каждый день, прогуливается по Невскому проспекту. Любопытныхъ стекалось каждый день множество.

---

[1] Точки на мѣстѣ неразобраннаго слова. [2] Прежде было написано: «на ограждающія бульваръ липы», потомъ поправлено: «на бульварныя липы»; наконецъ написано: «на бульваръ». [3] Слово «образомъ» въ рукописи пропущено.

Этому происшествію были чрезвычайно рады всѣ свѣтскіе необходимые посѣтители раутовъ, любившіе смѣшить дамъ, которыхъ запасъ уже совершенно истощился. Но многіе слушали объ этомъ съ неудовольствіемъ, и одинъ господинъ со звѣздою съ негодованіемъ говорилъ, что онъ удивляется, какъ въ нынѣшній просвѣщенный вѣкъ могутъ распространяться такіе слухи и нелѣпыя выдумки, и что онъ еще болѣе удивляется, какъ не обратитъ на это вниманіе правительство. Этотъ господинъ былъ одинъ изъ числа тѣхъ людей, которые бы желали впутать правительство даже въ ихъ домашнія ссоры съ своею супругою.

Обо всѣхъ этихъ слухахъ бѣдный коллежскій ассессоръ, не знаю, какимъ образомъ, узнавалъ, не выходя почти изъ своей комнаты... Онъ не велѣлъ никого впускать къ себѣ, не появлялся никуда, даже въ театрѣ, какой бы ни игрался тамъ водевиль; не игралъ даже въ бостонъ; не видалъ даже Ярышкина, съ которымъ былъ большой пріятель, и въ продолженіи мѣсяца такъ исхудалъ и изсохъ, что былъ похожъ больше на мертвеца, нежели на человѣка и даже...

Впрочемъ все, это, что ни описано здѣсь, видѣлось маіору во снѣ. И когда онъ проснулся, то въ такую пришелъ радость, что вскочилъ съ кровати, подбѣжалъ къ зеркалу и, увидѣвши все на своихъ мѣстахъ, бросился плясать въ одной рубашкѣ по всей комнатѣ (танецъ, который) составлен...... изъ кадриля и мазурки вмѣстѣ. И когда лакей его Иванъ просунулъ голову въ двери, посмотрѣть, что̀ дѣлаетъ баринъ, онъ закричалъ ему: «Пошелъ! Что тутъ нашелъ дивнаго?» Черезъ минуту онъ, бросившись[1] и сѣвши на кровать, закричалъ: «Эй, Иванъ!» — «Чего извольте-съ?» — «Что не спрашивала ли маіора Ковалева одна дѣвчонка, такая хорошенькая собою?» — «Никакъ нѣтъ». — «Гм!» сказалъ маіоръ Ковалевъ и посмотрѣлъ, улыбаясь, въ зеркало».

Стр. 14 [1] **Т**; «мизинный палецъ» **С, П**. [2] **Т**; «крѣпко сжавшіяся губы» **С, П**; «его крѣпко сжавшіяся губы» **ПД**.

Стр. 16 [1] **П**; «именно нѣтъ того» **С**. [2] **Т, С**; «Сказавши» **П**.

Стр. 17 [1] **П**; «пропустить» **С**. [2] **П**; «все то» **С**. [3] **С**; «вошедши» **П**. [4] **П**; «Будь я безъ руки или безъ ноги — все бы это лучше; будь я безъ ушей — скверно, однакожъ все сноснѣе» **С**. [5] **Т**; «пропалъ даромъ, за грошъ!» **С, П**. [6] **С**; «натираю» **П**.

Стр. 18 [1] **Т**; «хватилъ ее» **П**; «схватилъ ее» **С**. [2] **С**; «но пропасть, — чему же пропасть?» **П**. [3] **Т**; «отчалилъ своими комплиментами» **С, П**. [4] **Т**; «блеснувшимъ сквозь всѣ скважины дверей, который далъ знать» **С, П**.

Стр. 19 [1] **С, П**; «портище» **Т**. Въ «Словарѣ» Даля: «*Бортище* пуговицъ — дюжина; переиначено въ портище».

Стр. 21 [1] **С, П**; «маіора за подбородокъ» **Т**. [2] **Т**; «безъ носа» **С, П**. [3] **С**; «Куда же я съ этакою пасквильностью покажусь?» **П**; «Куда же я съ такою пасквильностью покажусь?» **Т**. [4] **С**; «черезъ» **П**. [5] **С, П**; «подперѣть» **Т**.

Стр. 22 [1] **П**; «равно, какъ то» **С**.

Стр. 23 [1] **Т**; «*кромѣ* слѣдствіе» **С, П**. Гоголь обыкновенно употреблялъ слово «кромѣ» послѣ словъ: «больше ничего».

---

[1] Слово «бросившись» написано неразборчиво.

Стр. 24 [1] П; «недавно только-что занимали опыты» С; «недавно только-что занимали *весь городъ* опыты» ПД. Слова «весь городъ», повидимому, исключены были цензоромъ при печатаніи повѣсти въ «Современникѣ» Пушкина. [2] Т; «что должна была даже полиція вступиться» С, П. [3] Т; «спекуляторъ» С, П, Т. [4] П; «нарочно подѣлалъ прекрасныя деревянныя, прочныя скамьи» С. [5] С; «за восемьдесятъ копѣекъ, каждаго посѣтителя» П. [6] С; «картину» П. [7] Т; «Хосровъ-Мирза» С, П.

Стр. 25 [1] Послѣ этой фразы въ «Современникѣ» Пушкина слѣдуетъ такое окончаніе повѣсти «Носъ»: «Послѣ этого, какъ-то странно и совершенно неизъяснимымъ образомъ случилось, что у майора Ковалева опять показался на своемъ мѣстѣ носъ. Это случилось уже въ началѣ мая, не помню, 5 или 6 числа. Майоръ Ковалевъ, проснувшись по утру, взялъ зеркало и увидѣлъ, что носъ сидѣлъ уже, гдѣ слѣдуетъ, между двумя щеками. Въ изумленіи онъ выронилъ зеркало на полъ и все щупалъ пальцами, дѣйствительно ли это былъ носъ. Но, увѣрившись, что это былъ, точно, не кто другой. какъ онъ самый, онъ соскочилъ съ кровати въ одной рубашкѣ и началъ плясать по всей комнатѣ какой-то танецъ, составленный изъ мазурки, кадриля и трепака. — Потомъ приказалъ дать себѣ одѣться, умылся, выбрилъ бороду, которая уже отросла-было, такъ что могла вмѣсто щетки чистить платье, — и чрезъ нѣсколько минутъ видѣли уже коллежскаго ассессора на Невскомъ Проспектѣ, весело поглядывавшаго на всѣхъ; а многіе даже примѣтили его покупавшаго въ гостиномъ дворѣ узенькую орденскую ленточку, неизвѣстно, для какихъ причинъ, потому что у него не было никакого ордена.

Чрезвычайно странная исторія! Я совершенно ничего не могу понять въ ней. И для чего все это? Къ чему это? Я увѣренъ, что больше половины въ ней неправдоподобнаго. Не можетъ быть, никакимъ образомъ не можетъ быть, чтобы носъ одинъ самъ собою ѣздилъ въ мундирѣ и притомъ еще въ рангѣ статскаго совѣтника! И неужели въ самомъ дѣлѣ Ковалевъ не могъ смекнуть, что чрезъ газетную экспедицію нельзя объявлять о носѣ? Я здѣсь не въ томъ смыслѣ говорю, чтобы мнѣ казалось дорого заплатить за объявленіе: это пустяки, и я совсѣмъ не изъ числа корыстолюбивыхъ людей; но неприлично, совсѣмъ неприлично, нейдетъ. Несообразность и больше ничего! — И цирюльникъ Иванъ Яковлевичъ вдругъ явился и пропалъ, неизвѣстно къ чему, неизвѣстно для чего. — Я, признаюсь, не могу постичь, какъ я могъ написать это? — Да и для меня вообще непонятно, какъ могутъ авторы брать такого рода сюжеты! Къ чему все это ведетъ? Для какой цѣли? Что доказываетъ эта повѣсть? Не понимаю, совершенно не понимаю. — Положимъ, для фантазіи законъ не писанъ, и притомъ дѣйствительно случается въ свѣтѣ много совершенно неизъяснимыхъ происшествій; но какъ здѣсь?... Отъ чего носъ Ковалева?... И зачѣмъ самъ Ковалевъ?... Нѣтъ, не понимаю, совсѣмъ не понимаю. Для меня это такъ необъяснимо, что я... Нѣтъ, этого нельзя понять!»

Стр. 26 [1] П; «изъ которыхъ у одного» Т. [2] П; «трепака» Т. [3] Т; «утиральникомъ» П.

Стр. 27 [1] Т; «предъ» П.

Портретъ (стр. 29—84).

Передѣланная авторомъ редакція „Портрета" напечатана была въ первый разъ въ XXVII томѣ „Современника" Плетнева (1842 г., № 3), въ отдѣлѣ IV—„Разсказовъ и повѣстей" (стр. 1—92)[1]. Здѣсь повѣсть сопровождалась слѣдующею замѣткою: „Повѣсть эта была напечатана въ „Арабескахъ". Но вслѣдствіе справедливыхъ замѣчаній была *вскорѣ послѣ того* передѣлана вся, и здѣсь помѣщается совершенно въ новомъ видѣ". Эта замѣтка составлена или самимъ авторомъ, или по его указанію издателемъ „Современника". Отправляя Плетневу новую редакцію „Портрета", Гоголь писалъ ему: „Посылаю вамъ повѣсть мою „Портретъ" Она была напечатана въ „Арабескахъ", но вы этого не пугайтесь. Прочитайте ее: вы увидите, что осталась одна только канва прежней повѣсти, что все вышито по ней вновь. *Въ Римѣ* я ее передѣлалъ вовсе, или, лучше, написалъ вновь, вслѣдствіе сдѣланныхъ въ Петербургѣ замѣчаній"[2]. Сближая эти строки изъ письма къ Плетневу съ замѣткою, напечатанною въ „Современникѣ", получаемъ возможность точнѣе опредѣлить время переработки „Портрета", на которое замѣтка указываетъ слишкомъ общимъ выраженіемъ: „вскорѣ послѣ того" (т. е. послѣ напечатанія первоначальной редакціи повѣсти). „Арабески", въ которыхъ напечатанъ „Портретъ" въ первый разъ, вышли въ свѣтъ въ первой половинѣ января 1835 года[3]; за границу Гоголь уѣхалъ 6-го іюня 1836 года[4]; въ Римъ Гоголь пріѣхалъ въ половинѣ марта 1837 года[5]. Итакъ, переработка повѣсти „Портретъ", начатая и оконченная, по свидѣтельству автора, *въ Римѣ,* могла быть начата *не ранѣе* апрѣля 1837 года. Но въ замѣткѣ „Современника" о передѣлкѣ повѣсти „вскорѣ послѣ" напечатанія оной въ „Арабескахъ" есть своя доля правды. „Замѣтка" свидѣтельствуетъ, что передѣлка была предпринята „вслѣдствіе *справедливыхъ* замѣчаній"; письмо Гоголя къ Плетневу дополняетъ это сообщеніе указаніемъ, что замѣчанія были сдѣланы *„въ Петербургѣ"*. Подъ этими „справедливыми замѣчаніями" выноска „Современника" не могла разумѣть печатныхъ рецензій на „Ара-

[1] Въ 1842 году «Современникъ» выходилъ отдѣльными томами одинъ разъ въ три мѣсяца. Цензурное разрѣшеніе двадцать-седьмаго тома «Современника», съ повѣстью «Портретъ», помѣчено: «30 іюня 1842 г.». [2] Сочиненія и письма Гоголя V, 464. [3] Ср. настоящаго изданія томъ V, стр. 557. [4] Сочиненія и письма Гоголя V, 262. [5] Тамъ же, стр. 287.

беска", появившихся въ 1835 г. въ „Библіотекѣ для Чтенія" и въ „Сѣверной Пчелѣ". Въ рѣзкой и неблагопріятной „Арабескамъ" рецензіи Сенковскаго[1] заглавіе повѣсти „Портретъ" даже не упомянуто; изъ нея выписано только нѣсколько мѣстъ въ образецъ языка и слога, въ которомъ, по увѣренію рецензента, „замѣтно что-то болѣе чѣмъ молодое". Выдержки изъ „Портрета" приведены Сенковскимъ *не буквально*, съ пропусками, не оговоренными въ рецензіи, и завершаются лаконическою фразою: „Дѣло все идетъ о живописи". „Сѣверная Пчела" не сдѣлала никакихъ замѣчаній на „Портретъ" и о повѣстяхъ, помѣщенныхъ въ „Арабескахъ", отозвалась въ такихъ выраженіяхъ: „Въ повѣствовательномъ родѣ дарованіе Г. Гоголя обнаруживается съ выгоднѣйшей стороны. Помѣщенный во II части отрывокъ изъ Историческаго Романа и двѣ повѣсти его: *Портретъ* и *Невскій проспектъ* — созданія замѣчательныя во многихъ отношеніяхъ"[2]. Хотя въ новой редакціи повѣсти „Портретъ" и исправленъ стиль нѣкоторыхъ ея мѣстъ, выписанныхъ въ рецензіи Сенковскаго[3]; но, конечно, не стилистическія придирки послѣдняго разумѣетъ замѣтка „Современника" подъ названіемъ „справедливыхъ замѣчаній". Очевидно, что послѣднія были сдѣланы Гоголю изустно, его литературными друзьями, вскорѣ по выходѣ „Арабесокъ", во всякомъ случаѣ — до выѣзда его за границу, — *и тогда*, т. е. еще въ Петербургѣ, авто-

---

[1] Библіотека для Чтенія, томъ IX, отд. VI, стр. 8—14. [2] Сѣверная Пчела 1835 г., № 73, стр. 289—290. [3] Въ рецензіи Сенковскаго выписаны слѣдующія мѣста изъ повѣсти «Портретъ»: 1) «Этотъ художникъ... отъ раннихъ лѣтъ носилъ въ себѣ страсть къ искусству, и *съ пламенною силою* труженника *погрязъ въ немъ всею душею своею*». 2) «Вся его картина была *мгновеніе*, но то *мгновеніе*, въ которое *вся жизнь человѣческая* — есть *одно приготовленіе*». (Въ «Арабескахъ»: «*къ которому*»; Сенковскій исказилъ это мѣсто). 3) «Въ досадѣ онъ принялъ прочь изъ своей комнаты всѣ труды свои, означенные блѣдностью поверхностной моды». Эти отрывки въ стилистическомъ отношеніи исправлены въ новой обработкѣ «Портрета». Выпущены слѣдующія строки изъ отрывка, неточно приведеннаго въ рецензіи «Б. для Чт.»: «И люди... были лишены тѣхъ *святыхъ* прекрасныхъ произведеній, въ которыхъ великое искусство *приподняло покровъ съ неба и показало человѣку часть исполненнаго звуковъ и священныхъ тайнъ его же внутренняго міра*». Совершенно неисправленными остались во второй редакціи повѣсти слѣдующія выписанныя Сенковскимъ изъ «Арабесокъ» мѣста: 1) «Уже жизнь его коснулась тѣхъ лѣтъ» — «позволяютъ [ей совершенно усыпить себя» (ср. настоящаго изданія V, 173) и 2) «Наконецъ въ душѣ его возродилось самое адское намѣреніе» — «всю гармонію» (тамъ же, 176—177). Скорѣе слѣдуетъ предположить, что стилистическія исправленія трехъ вышеприведенныхъ мѣстъ сдѣланы независимо отъ рецензіи Сенковскаго.

ромъ „Портрета“ *задумана была* передѣлка повѣсти на основаніи „справедливыхъ замѣчаній“. Такъ понимаемъ мы указаніе „Современника“: „была *вскорѣ послѣ* того передѣлана вся“.

Переработка первоначальной редакціи „Портрета“, создавшая изъ нея совершенно „новое произведеніе“, касалась не мелочей стиля и языка, а основной идеи произведенія. Какъ бы ни были „справедливы“ отдѣльныя замѣчанія, вызванныя первоначальнымъ текстомъ повѣсти и при переработкѣ онаго принятыя авторомъ во вниманіе, но существенная сторона передѣлки обусловлена была не этими замѣчаніями. Источникъ ея сокрытъ гораздо глубже. На основаніи „справедливыхъ замѣчаній“, Гоголь могъ передѣлать и исправить отдѣльныя мѣста повѣсти, измѣнить въ ней нѣкоторыя частности, могъ напр. значительно ослабить или совсѣмъ уничтожить элементъ чудеснаго[1], выбросить сказаніе о мистическихъ ожиданіяхъ антихриста; но не „замѣчаніями“ литературныхъ друзей вызвано внесеніе въ повѣсть того воззрѣнія на значеніе художественнаго творчества, которое Гоголь чувствовалъ потребность опредѣленно формулировать и рѣшительно высказать, какъ свое profession de foi, послѣ пріема, оказаннаго въ Петербургѣ „Ревизору“ высшимъ обществомъ и оффиціозною петербургскою печатью. Въ первой редакціи повѣсти, портретъ оказываетъ гибельное дѣйствіе на всѣхъ обладающихъ имъ, потому что художникъ изобразилъ на немъ „преступною кистью“ того дивнаго ростовщика, котораго „избралъ для себя жилищемъ антихристъ“[2]; въ новой обработкѣ повѣсти на первый планъ выдвигается не сюжетъ изображаемый на холстѣ, а способъ изображенія, процессъ художественнаго творчества. Художникъ, написавшій портретъ, даетъ такое разъясненіе „страшнаго“ портрета сыну своему — тоже художнику: „Донынѣ я не могу понять, кто былъ тотъ странный образъ, съ котораго я написалъ изображеніе. Это было точно какое-то дьявольское явленіе. Я знаю, свѣтъ отвергаетъ существованіе дьявола, и потому не буду говорить о немъ; но скажу только, что я *съ отвращеніемъ* писалъ его: я не чувствовалъ въ то

[1] Въ первоначальной редакціи повѣсти Чертковъ «не смѣетъ и думать, чтобы взять съ собою купленный портретъ», но послѣдній очутился, неизвѣстно какимъ путемъ, на стѣнѣ его комнаты. Столь же таинственно является портретъ страшнаго ростовщика и въ мастерской написавшаго его художника (Ср. настоящаго изданія томъ V, стр. 161, 188). Живописцу является святой съ откровеніемъ (Тамъ же, стр. 193). [2] Ср. настоящаго изданія томъ V, стр. 195.

время никакой любви къ работѣ. Насильно хотѣлъ покорить себя и *бездушно*, заглушивъ все, *быть вѣрнымъ природѣ. Это не было созданье искусства, и потому чувства*, которыя объемлютъ всѣхъ при взглядѣ на него, *суть уже мятежныя чувства*, тревожныя чувства, не чувства художника, ибо *художникъ и въ тревогѣ дышитъ покоемъ*"[1]. Преступность художника, написавшаго „страшный" портретъ, состояла не въ томъ, что онъ „дерзнулъ изобразить человѣка", котораго „избралъ себѣ жилищемъ антихристъ", (какъ объяснено въ первой редакціи повѣсти), а въ томъ, что, рисуя ростовщика по принужденію, безъ любви къ дѣлу, живописецъ былъ „*бездушно вѣренъ природѣ*". Художникъ, написавшій портретъ, такъ вразумляетъ сына: „Талантъ есть драгоцѣннѣйшій даръ Бога — не погуби его. Изслѣдуй, изучай все, что̀ ни видишь, покори *все* кисти; но во всемъ умѣй находить *внутреннюю мысль* и пуще всего *старайся постигнуть высокую тайну созданья.* Блаженъ избранникъ, владѣющій ею. *Нѣтъ ему низкаго предмета въ природѣ. Въ ничтожномъ художникъ-создатель такъ же великъ, какъ и въ великомъ, въ презрѣнномъ у него уже нѣтъ презрѣннаго,* ибо сквозитъ невидимо сквозь него прекрасная душа создавшаго, *и презрѣнное уже получило высокое выраженіе, ибо протекло сквозь чистилище его души...*"[2]. Въ первую часть передѣланной редакціи „Портрета" вставлена, взамѣнъ прежней, новая характеристика картины, поразившей героя повѣсти — моднаго живописца Чарткова. Эта характеристика примыкаетъ къ только что приведенному назиданію стараго художника: картина, поразившая на выставкѣ всѣхъ зрителей, является осуществленіемъ того наставленія, которое дѣлаетъ сыну старикъ-живописецъ. „Но властительнѣй всего (говорится въ характеристикѣ картины) видна была сила созданья, *уже заключенная въ душѣ самого художника.* Послѣдній предметъ въ картинѣ былъ имъ проникнутъ; *во всемъ постигнутъ законъ и внутренняя сила...* Видно было, какъ *все, извлеченное изъ внѣшняго міра, художникъ заключилъ сперва себѣ въ душу и уже оттуда, изъ душевнаго родника, устремилъ его одной согласной торжественной пѣснью.* И стало ясно даже непосвященнымъ, какая *неизмѣримая пропасть существуетъ между созданьемъ и простой копіей* съ природы"[3]. Въ этомъ описаніи картины и въ наставленіи престарѣлаго благочестиваго художника Гоголь

[1] См. выше, стр. 83. [2] См. выше, стр. 82—83. [3] См. выше, стр. 60—61.

объясняетъ свой взглядъ на процессъ художественнаго созданія и значеніе *„презрѣннаго и ничтожнаго“* въ искусствѣ. Изображенія „презрѣннаго и ничтожнаго“ въ поэзіи касается и „авторъ *новой комедіи*“[1] въ „Театральномъ разъѣздѣ“, разъясняя: „*Презрѣнное и ничтожное,* мимо котораго онъ (человѣкъ) равнодушно проходитъ всякій день, не возрасло бы предъ нимъ въ такой страшной, почти карикатурной силѣ (если бы не было озарено смѣхомъ), и онъ не вскрикнулъ бы, содрогаясь: „Неужели есть такіе люди?“ тогда какъ, по собственному сознанью его, бываютъ хуже люди. Нѣтъ, несправедливы тѣ, которые говорятъ, будто возмущаетъ смѣхъ. *Возмущаетъ только то, что мрачно, а смѣхъ свѣтелъ.* Многое бы возмутило человѣка, бывъ представлено въ наготѣ своей, но, озаренное силою смѣха, несетъ оно уже примиренье въ душу“. Монологъ автора „новой комедіи“ заключается словами: „Во глубинѣ холоднаго смѣха могутъ отыскаться *горячія искры вѣчной могучей любви.* И почему знать, можетъ быть, будетъ признано потомъ всѣми, что въ силу тѣхъ же законовъ, почему гордый и сильный человѣкъ является ничтожнымъ и слабымъ въ несчастіи, а слабый возрастаетъ, какъ исполинъ, среди бѣдъ, — въ силу тѣхъ же самыхъ законовъ, кто льетъ часто *душевныя, глубокія слезы,* тотъ, кажется, *болѣе всѣхъ смѣется на свѣтѣ!*“[2] Приведенныя мысли стоятъ въ неразрывной внутренней связи съ воззрѣніемъ на искусство, высказаннымъ во второй редакціи „Портрета“. Въ монологѣ „автора новой комедіи“ уже ясно высказано отношеніе комическаго писателя къ „презрѣнному и ничтожному“, которое въ извѣстномъ мѣстѣ „Мертвыхъ Душъ“ характеризуется словами: „озирать всю мимо несущуюся жизнь сквозь видный міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы“. Приготовляя къ печати первый томъ своей поэмы, Гоголь чувствовалъ потребность объяснить читателямъ значеніе своей поэтической дѣятельности, представивши имъ апологію „Ревизора“ и отчасти своихъ повѣстей. Къ этому времени, т. е. къ концу 1840 года, относятся и наброски тѣхъ страницъ „Мертвыхъ Душъ“, на которыхъ развивается долго занимавшій поэта вопросъ о представленіи въ поэзіи „презрѣннаго и ничтожнаго“, — о возведеніи его въ „перлъ созданія“. Послѣ продолжительнаго молчанія, послѣдовавшаго за появленіемъ „Ревизора“ на сценѣ и въ печати,

[1] Т. е. «Ревизора». Ср. ниже примѣчанія къ пьесѣ: «Театральный разъѣздъ послѣ представленія новой комедіи». [2] См. выше, стр. 516.

готовясь предстать передъ публикою съ новымъ произведеніемъ, въ которомъ изображеніе „презрѣннаго и ничтожнаго“ въ русской жизни раздвинулось, сравнительно съ комедіею, въ ширину и въ глубину, Гоголь оглядывается на свое литературное прошедшее, на судьбу дотолѣ самаго дорогаго изъ своихъ созданій, — и снова обращается къ вопросу о значеніи художника, изображающаго „ничтожное и презрѣнное“.

Въ половинѣ 1840 г.[1] знаменитое начало 7-й главы „Мертвыхъ Душъ“ имѣетъ еще такой видъ: „Но не та судьба и другой удѣлъ писателя, посягнувшаго обнажить до глубины *ничтожное и презрѣнное въ жизни*, всю потрясающую пламенное сердце, всю противную, страшную мелочь жизни. Ему не собрать рукоплесканій, не видать благодарныхъ слезъ и признательнаго восторга имъ взволнованныхъ душъ; къ нему не полетитъ на встрѣчу шестнадцатилѣтняя дѣвушка съ закружившеюся головою и геройскимъ увлеченіемъ. А въ душѣ его, а внутри — его собственное состояніе — увы! онъ не отдохнетъ сердцемъ въ своемъ созданіи, онъ не уйдетъ въ него отъ свѣта и отъ того, чего желалъ бы бѣжать; онъ не услышитъ отрадъ самозабвенія, къ которому такъ бы летѣла душа. Сурово его поприще и горько чувствуетъ онъ свое одиночество. А развѣ мнѣ всегда весело бороться съ *ничтожнымъ* грузомъ мелкихъ страстей, итти объ руку съ моими *ничтожными* героями? О, сколько разъ хотѣлъ бы я ударить въ возвышенныя струны, увлечь гордо за собою поклонниковъ и съ торжествомъ приковать [ихъ][2] къ побѣдной своей колесницѣ! Какимъ бы чистымъ пламенемъ хотѣла вспыхнуть душа!... Но, „стой“, говоритъ мнѣ суровый неумолимый голосъ, предъ коимъ блѣднѣетъ человѣкъ. На прекрасную сторону человѣка бросаются быстрѣе; прекрасное увлекательно, и много грядущихъ юношей, объятые имъ, воспоютъ его. Но немного гордыхъ своими душевными движеніями рѣшатся опуститься въ глубину холодныхъ, раздробленныхъ, повседневныхъ характеровъ, которыми кишитъ наша презрительно-горько-обыкновенная жизнь — — — — — — — — — — — — — — — — —.[3] Твой подвигъ не менѣе почтенъ. Наружу весь позоръ ея, весь мертвящій холодомъ и запутанный мелочами міръ! Оттолкни прочь

[1] См. примѣчанія къ первоначальной редакціи перваго тома „Мертвыхъ Душъ“ въ шестомъ томѣ настоящаго изданія. [2] Слово „ихъ“ пропущено; оно вставлено авторомъ послѣ. [3] Въ подлинникѣ тире занимаютъ двѣ строки.

раболѣпную просьбу, жажду людей самозабвенія! Не окуривай головы! прочь желаніе лести человѣческой гордости! Нѣтъ нужды, что поразятъ тебя крики. Вотъ опредѣленный тебѣ путь. Тебя назовутъ низкимъ, ничтожнымъ; участія не будетъ къ тебѣ современниковъ; напротивъ тебѣ отведутъ самый презрѣнный уголъ и твои созданія помѣстятъ въ самый низкій слой литературы. Послѣдній, нестройный, съ несвязнымъ лирическимъ увлеченіемъ талантъ[1] станетъ передъ тобою и заслонитъ тебя, — и онъ будетъ передъ тобой гигантомъ. Отъ тебя отнимутъ и душу, и сердце, — и это еще не все. Тебя поставятъ въ рядъ грязныхъ, безчувственныхъ, оскорбляющихъ человѣчество писателей и уравнятъ тебя съ ними, — и это еще не все. Всѣ качества твоихъ героевъ придадутъ тебѣ самому, составятъ исторіи, и о тебѣ распустятъ исторіи, — и это еще не все. Самый смѣхъ, который вдохновенно удалось возбудить тебѣ, обрушится на тебя же, самый смѣхъ будетъ твой обличитель, — *что̀ смѣшно, то мелко и ничтожно*. Ибо людямъ не понять, что можно быть велику въ маломъ, и телескопъ, показывающій солнцы, и микроскопъ, передающій всѣ движенія незамѣтныхъ насѣкомыхъ, равно поразительны и чудны. Все это въ позоръ тебѣ, но ты иди по этой дорогѣ, *потому что велики дары Неба.*[2] Два-три могутъ найтиться въ шумномъ омутѣ свѣта — величавые старцы въ юношескомъ возрастѣ, которыхъ устремленное орлиное око и встрепенувшееся чувство наполнятъ дрожью и священнымъ трепетомъ твое сердце, которые замѣнятъ тебѣ крики толпы...“ Переработки этого отрывка, начатыя въ концѣ 1840 года и продолжавшіяся, съ весьма значительными перерывами, до самаго представленія рукописи „Мертвыхъ Душъ“ въ цензуру, направлены были къ тому, чтобы по возможности *ослабить субъективный элементъ*, столь живо чувствуемый въ первоначальной редакціи этого мѣста, — уничтожить прозрачные намеки на нѣкоторыя личности и скрыть свои собственныя черты подъ маскою писателя, „дерзнувшаго вызвать наружу все, что ежеминутно предъ очами“ и т. д.

[1] Полагаемъ, что этими словами Гоголь намекаетъ на Нестора Кукольника, котораго онъ называетъ въ письмахъ своихъ „*Возвышеннымъ*“ — по сюжетамъ его произведеній. Ср. Сочиненія и письма Гоголя V, 152, 173. [2] Съ этою фразою слѣдуетъ сблизить слѣдующія слова стараго художника въ повѣсти „Портретъ“: „Талантъ есть драгоцѣннѣйшій *даръ Бога*, — не погуби его“.

Къ той же цѣли направлена была переработка и „Театральнаго разъѣзда послѣ представленія новой комедіи“. Подготовляя эту піесу къ печати, Гоголь нашелъ, что она „немножко нескромна въ отношеніи къ автору“; что „ее нужно сдѣлать нѣсколько идеальнѣй, т. е. чтобы ее примѣнить можно было ко всякой піесѣ, задирающей общественныя злоупотребленія“ [1].

Въ „Театральномъ разъѣздѣ“ авторъ разъясняетъ значеніе „презрѣннаго и ничтожнаго“ въ комедіи, оправдывая „Ревизора“ отъ нареканій, постигшихъ его со стороны приверженцевъ старой литературной школы. Въ седьмой главѣ „Мертвыхъ Душъ“ Гоголь касается воспроизведенія „презрѣннаго и ничтожнаго“ въ поэзіи. Наконецъ, во второй части повѣсти „Портретъ“ онъ объясняетъ обработку „презрѣннаго и ничтожнаго“ въ живописи. Введеніе въ повѣсть этого разъясненія нельзя не признать самымъ существеннымъ редакціоннымъ измѣненіемъ при новой переработкѣ „Портрета“. Здѣсь Гоголь выступаетъ съ апологіею того новаго литературнаго направленія, во главѣ котораго стоялъ онъ самъ; здѣсь объясняетъ онъ значеніе и смыслъ своей поэтической дѣятельности, свой художественный идеалъ. Вышеприведенная замѣтка „Современника“ справедливо указала, что Гоголь передѣлалъ „Портретъ“ на основаніи „*справедливыхъ* замѣчаній, сдѣланныхъ въ Петербургѣ“. Замѣтку эту нужно дополнить объясненіемъ, что въ новую редакцію этой повѣсти авторъ вставилъ небольшую *апологію* своихъ произведеній, возвысилъ голосъ противъ *несправедливыхъ* нападеній критики на его разсказы. Сенковскій, разбирая „Арабески“ въ „Библіотекѣ для Чтенія“, выразилъ въ такихъ словахъ одобреніе повѣстямъ, помѣщеннымъ въ этомъ сборникѣ: „Нѣкоторыя изъ страницъ его въ шуточномъ родѣ непритворно смѣшны и развеселятъ самаго угрюмаго человѣка. Очень забавна исторія одного нѣмецкаго носа, спасеннаго отъ неминуемой погибели поручикомъ Пироговымъ. „Клочки изъ записокъ сумасшедшаго“ отличаются тѣми же достоинствами, и были бы еще лучше, если бъ соединялись какою-нибудь идеей...... Читая эти страницы, очень немногочисленныя, но писанныя слогомъ пріятнымъ, чистымъ и живымъ, искренно сожалѣешь, что авторъ „Арабесковъ“ обманываетъ себя до того, что хочетъ провозглашать какія-то новыя истины по части наукъ и художествъ, блистать какимъ-то

---

[1] Русское Слово 1859 г., январь, стр. 118—119.

юнымъ слогомъ, быть высокопарнымъ и заставлять безпристрастнаго читателя смѣяться надъ неловкостью своихъ начинаній, тогда какъ *по роду своего дарованія онъ могъ бы смѣшить его и писать хорошія сказки*"[1]. „Сказки", „побасенки", способность „смѣшить" — вотъ какъ оцѣнивались произведенія Гоголя Сенковскимъ и Булгаринымъ по выходѣ въ свѣтъ „Миргорода"[2], „Арабесокъ" и даже — „Ревизора". Въ концѣ 1840 и въ началѣ 1841 года Гоголь началъ подготовлять къ печати первый томъ „Мертвыхъ Душъ" и „Театральный разъѣздъ": въ поэмѣ авторъ сѣтовалъ на „современный судъ", который „не признаетъ, что высокій восторженный смѣхъ достоинъ стать рядомъ съ высокимъ лирическимъ движеньемъ, и что *цѣлая пропасть между нимъ и кривляньемъ балаганнаго скомороха*"[3]. Въ „Театральномъ разъѣздѣ" авторъ новой комедіи говоритъ: „Нѣтъ, засмѣяться добрымъ, свѣтлымъ смѣхомъ можетъ только одна глубоко-добрая душа. Но не слышатъ могучей силы такого смѣха: „*что смѣшно, то низко*", говоритъ свѣтъ; только тому, что произносится суровымъ, напряженнымъ голосомъ, тому только даютъ названье высокаго. Но, Боже! сколько проходитъ ежедневно людей, для которыхъ нѣтъ вовсе высокаго въ мірѣ! Все, что ни творилось вдохновеньемъ, для нихъ *пустяки и побасенки*" и т. д.[4] Къ тому же времени относится, вѣроятно, и передѣлка *второй части* „Портрета". Переработка этой повѣсти совершалась, безъ сомнѣнія, обычнымъ у Гоголя порядкомъ, т. е. *по частямъ:* на отдѣльныхъ листкахъ набрасывались новыя версіи передѣлываемыхъ мѣстъ произведенія. Изъ такихъ листковъ уцѣлѣлъ только одинъ; онъ поступилъ,

---

[1] Библіотека для Чтенія, т. IX, отд. VI, стр. 14. [2] Разбирая „Миргородъ", Сенковскій восклицаетъ: „Вотъ это совсѣмъ другое дѣло! Тутъ нѣтъ ни всеобщей исторіи, ни изящныхъ художествъ, — *есть только сказки* и Г. Н. Гоголь, у котораго мы уже въ прошломъ мѣсяцѣ замѣтили *особенное дарованіе разсказывать шуточныя исторіи,* является повѣствователемъ занимательнымъ, умнымъ, оригинальнымъ". По мнѣнію рецензента, „Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ" — „очень грязна". — „Въ „Віѣ" нѣтъ ни конца, ни начала, ни идеи, — нѣтъ ничего, кромѣ нѣсколькихъ страшныхъ, невѣроятныхъ сценъ". Рецензія оканчивается замѣчаніемъ: „Тотъ, кто *списываетъ* народное преданіе для повѣсти, долженъ еще придать ему смыслъ: тогда только оно сдѣлается произведеніемъ изящнымъ. Вѣроятно, что у Малороссіянъ „Вій" есть какой-нибудь миѳъ, но значеніе этого миѳа не разгадано въ повѣсти". Библіотека для Чтенія, томъ IX, отд. VI, стр. 33—34. [3] Ср. настоящаго изданія томъ III, стр. 131. [4] Ср. выше, стр. 514—516.

въ числѣ другихъ бумагъ Гоголя, сохранившихся у А. А. Иванова, въ Императорскую Публичную Библіотеку. На полулистѣ почтовой бумаги малаго формата (in 8⁰) набросаны начерно два мѣста изъ послѣдней части „Портрета“. На одной страницѣ[1] читается первоначальный текстъ наставленія стараго художника сыну[2]: „Но великъ тотъ избранникъ, кто владѣетъ тайной созданія. Ближе всѣхъ стоитъ[3] онъ (чувствъ Божіихъ) и можетъ сдѣлать многихъ причастниками сего чувства........................[4] онъ будетъ властелиномъ надъ всѣми страстями. Нѣтъ предмета низкаго въ природѣ. Все, созданное Богомъ, все прекрасно. Въ самомъ (мелочномъ=) ничтожномъ художникъ-создатель (можетъ быть равно =) такъ же великъ. И въ презрѣнномъ предметѣ изображенномъ ничего нѣтъ презрѣннаго: ибо сквозитъ сквозь него прекрасная душа, хотя онъ нигдѣ ничего не сказалъ о ней[5]. И презрѣнное уже получаетъ высокое выраженіе, ибо протекло сквозь чистилище его души. (Но если безъ душевной любви примется онъ за предметъ, не будетъ). И потому всѣ невольно[6] становятся причастниками святаго чувства, невольно чувствуютъ покой. Нѣтъ ничего въ мірѣ выше высокаго созданья искусства. Не истлѣваютъ въ сердцахъ одни только возвышенныя впечатлѣнія. Все, что ни позналъ онъ вѣрой, доступно ему. Какъ высокій покой выше всякаго волненія, какъ созданіе выше разрушенія, какъ ангелъ съ одной только чистой невинностью (мятежныхъ впечатлѣній не можетъ произвести) души выше всѣхъ мятежныхъ силъ и мятежныхъ страстей. Въ присутствіи Бога..........[7] согласіемъ, торжественнымъ покоемъ, (также, какъ въ нечистой) подобно, какъ нечистыя силы въ жизни разрушенной. Созданіе, какъ Ангелъ.... Какъ выше чистый ангелъ уже только одной высокой невинностью[8] младенческой души надо всею ужасною силою гордаго великана........[9] и гордыми страстями вѣка, такъ выше созданіе надъ разрушеніемъ. Такъ выше покой

[1] При переплетѣ невѣрно подклеенъ листокъ въ общій корешокъ: первая страница листка сдѣлалась послѣднею. [2] Слова зачеркнутыя ставимъ въ скобки. [3] Прежде было написано: „слышитъ“. [4] Точки на мѣстѣ неразобранныхъ словъ. [5] Слова: „хотя онъ нигдѣ ничего не сказалъ о ней“, написаны сверху строки, вмѣсто зачеркнутыхъ: „хотя онъ ни слова не сказалъ о своей душѣ. Но ничтожное произведеніе явилось такимъ, потому что явилась пропущенною его душа“. [6] Въ этомъ мѣстѣ сверху строки приписано: „не смотря ни на кого“. [7] Точки на мѣстѣ неразобранныхъ словъ. [8] Въ рукописи: „невинной“. [9] Одно слово не разобрано; кажется, написано: „стоитъ“.

всѣхъ мятежныхъ волненій вѣка. Такъ вѣнецъ высокаго есть высокое творенье искусства. Все, что ни есть въ мірѣ[1]. Это первая, самая чистая молитва къ Богу. — Люби его и предайся ему одному. Все отдай за него. Люби больше другихъ страстей. Но не принимайся за трудъ, въ который не влюбился. Не шепчи устами молитвы, когда не раздѣляетъ ее твое сердце. То, что не перешло сквозь чистую душу, то выдетъ безобразно и мятежно и такое мятежное впечатлѣнье произведетъ въ другихъ. Все, что безъ любви произведено, то не прошло сквозь душу... Природу изучай, но изучай и великій внутренній смыслъ всего — умѣй постигнуть ея тайну".

На другой страницѣ листка окончаніе повѣсти набросано въ такомъ видѣ: „(Одинъ) разъ (я безъ любви, безъ... съ отвращеніемъ) принялся... я (писать портретъ). „Одно произведеніе", сказалъ онъ со вздохомъ, „мучитъ меня понынѣ. Оно было произведено безъ любви (нѣтъ, — даже съ отвращеніемъ и); до сихъ поръ я не могу позабыть того отвращенья, съ какимъ я писалъ. Я хотѣлъ его такъ оставить у себя, какъ обращикъ[2], чтобы изобразить потомъ все тягостное испытанное чувство, обнимающее человѣка: я рабски и бездушно слѣдовалъ натурѣ. До сихъ поръ не могу понять, кто былъ этотъ человѣкъ, съ котораго писалъ я портретъ[3]. Это былъ мятежъ и смущеніе — и списанный съ него образъ также, какъ онъ, возмущаетъ душу и тревожитъ художника завистью. Можетъ быть, тебѣ случится встрѣтить этотъ портретъ: ты его узнаешь по[4] необыкновенной, неестественной живости и (необыкновенному) странному томленію, которое остается на душѣ послѣ того, какъ глядишь. Если ты встрѣтишь самъ и увидишь его, — какъ сладко!" Вы можете судить сами, что я даю ему клятву истребить непремѣнно этотъ портретъ, если только отыщу его. Въ продолженіи цѣлыхъ пятнадцати лѣтъ мнѣ не случалось видѣть того, чтò бы могло походить на описаніе, сдѣланное мнѣ, и вдругъ теперь..." Художникъ не договорилъ и обратился на стѣну, чтобы взглянуть на портретъ. Всѣ гости тоже обратили вслѣдъ за нимъ глаза, но, ко всеобщему изумленію, портрета уже не было (на стѣнѣ) тамъ. Легкій говоръ пробѣжалъ по всей толпѣ,

[1] Фраза не кончена. [2] Слова: „у себя, какъ обращикъ", написаны сверху зачеркнутыхъ: «какъ мотивъ для того». [3] Сверху строки приписано: „какъ будто бы самъ демонъ, назначенный.... разрушать порядокъ". [4] Слово „по" пропущено.

и наконецъ послышались явственныя слова: „украденъ". Кто-то успѣлъ уже утащить въ то время, какъ посѣтители заслушались разсказа художника, и долго еще оставались въ недоумѣ...."

Первый изъ приведенныхъ набросковъ, при окончательной отдѣлкѣ для печати, былъ сокращенъ; лирическая сила, съ которою Гоголь высказалъ свою любимую идею о высокомъ значеніи искусства[1], была при этомъ ослаблена.

На основаніи вышеизложеннаго мы полагаемъ, что новая редакція „Портрета" вчернѣ *была окончена* въ началѣ 1841 года. Передъ появленіемъ въ печати ей предстояло подвергнуться обычной „перечисткѣ" — т. е. дополненіямъ и поправкамъ отдѣльныхъ мѣстъ. Съ отдѣльныхъ листковъ вновь выработанный текстъ „Портрета" переписанъ былъ въ двѣ тетради, сшитыя изъ той же желтой бумаги, съ клеймомъ „Знаменской фабрики", на которой написаны въ Москвѣ нѣкоторыя страницы „Тараса Бульбы". Надобно полагать, что и этотъ списокъ новой редакціи „Портрета" изготовленъ былъ авторомъ въ Москвѣ. Рукопись эта, нынѣ принадлежащая Нѣжинскому Историко-филологическому Институту[2], состоитъ изъ двухъ тетрадей, имѣющихъ форматъ четвертки. Первая часть повѣсти занимаетъ 33 четвертки; послѣдняя страница въ этой тетради пустая. Текстъ предшествующей страницы обрывается словами: „и вся превратилась наконецъ въ одинъ мигъ, плодъ налетѣвшей съ небесъ на художника мысли, — мигъ, къ которому вся жизнь человѣческая есть одно только приготовленіе"[3]; конецъ первой части „Портрета", стало быть, не дописанъ. Это объясняется тѣмъ, что Гоголь предполагалъ въ новой редакціи повѣсти удержать буквально окончаніе прежней: его и долженъ былъ приписать переписчикъ въ свою копію вслѣдъ за фразою, на которой остановился авторъ. Дѣйствительно, въ печатномъ текстѣ новой редакціи „Портрета" *буквально сохранены* страницы прежняго текста, завершающія первую часть повѣсти (начиная словами: „Невольныя слезы готовы были покатиться по лицамъ посѣтителей" до конца главы)[4]. Но потомъ Гоголь приписалъ на особой четверткѣ *три*

---

[1] Эту мысль Гоголь высказываетъ въ предсмертномъ письмѣ къ А. А. Иванову: „Ни о чемъ говорить не хочется. Все, что ни есть въ мірѣ, такъ ниже того, что творится въ уединенной кельѣ художника, что я самъ не гляжу ни на что, и міръ, кажется, вовсе не для меня. Я даже и не слышу его шума. Христосъ съ вами". [2] Рукопись эта въ варіантахъ означена у насъ буквами **НР**. [3] См. выше, стр. 61. [4] См. выше, стр. стр. 61—64. Ср. настоящаго изданія томъ V, стр. 174.

дополненія, которыя и вставлены были въ прежній печатный текстъ указанныхъ страницъ. Чтобы указать мѣсто вставокъ въ текстъ, принадлежащій первой редакціи „Портрета“, авторъ перемѣтилъ эти вставки такъ: 1), 2), 3). Вотъ эти вставки: 1) „Досада его проникла“ — „но какъ безпощадно-неблагодарно было все то, что выходило изъ подъ его кисти“[1]. 2) „Но точно ли былъ у меня талантъ?“ — „всѣ чувства и весь составъ были потрясены до дна“[2]. 3) „Вѣчная желчь присутствовала на лицѣ его“ — „что она достаточна отравить потомъ весь день“[3]. Вставки эти написаны болѣе поздними чернилами, чѣмъ остальная рукопись, на четверткѣ желтой бумаги (34-й), вклеенной передъ второю частью повѣсти. Вторая тетрадь Нѣжинской рукописи состоитъ изъ 20 четвертокъ писчей бумаги той же „Знаменской фабрики“ и занята второю главою. Переписавши набѣло вновь выработанную редакцію „Портрета“ въ эти двѣ тетради, Гоголь приступилъ къ пересмотру и исправленіямъ текста. Чернилами трехъ сортовъ идутъ надъ строками рукописи дополненія и поправки; тѣ и другія указаны нами ниже въ варіантахъ. Въ томъ тенденціозно-угрожающемъ письмѣ, отъ 6 февраля 1842 г., которое было отправлено по назначенію только при письмѣ отъ 17 февраля[4], Гоголь спрашивалъ Плетнева: „Будетъ ли въ „Современникѣ“ мѣсто для статьи около семи печатныхъ листовъ и согласитесь ли вы замедлить выходъ этой книжки — выдать ее не въ началѣ, а въ концѣ апрѣля, т. е. къ празднику? Если такъ, то я вамъ пришлю въ первыхъ числахъ апрѣля. Увѣдомьте“[5]. Мы полагаемъ, что подъ этою „статьею около семи печатныхъ листовъ“ Гоголь разумѣлъ именно новую редакцію „Портрета“, но до времени держалъ отъ издателя „Современника“ въ секретѣ заглавіе обѣщанной „статьи“, потому что Плетневу пріятнѣе было взять у него какое-нибудь новое произведеніе, а не переработку извѣстнаго уже разсказа. Получивши отъ Плетнева увѣдомленіе, что дѣло о цензурномъ разрѣшеніи перваго тома „Мертвыхъ Душъ“ „идетъ на ладъ“, Гоголь, препровождая съ письмомъ 17 февраля и залежавшееся тенденціозное посланіе свое отъ 6-го февраля, уже не говоритъ о „статьѣ около семи печатныхъ листовъ“, а отзывается объ обѣщанномъ журналу Плетнева подаркѣ въ такихъ выраженіяхъ: „Въ другомъ письмѣ моемъ вы начитаете просьбу

[1] См. выше, стр. 62. [2] См. выше, стр. 62. [3] См. выше, стр. 64. [4] См. настоящаго изданія томъ III, стр. 472. [5] Сочиненія и письма Гоголя V, 458.

о позволеніи въѣхать въ вашъ „Современникъ“[1]. Въ письмѣ къ Прокоповичу отъ 13 марта, Гоголь, объяснивши, что „долженъ былъ дать что-нибудь Погодину“ для „Москвитянина“, прибавляетъ: „Плетневу я тоже долженъ, хотя до сихъ поръ еще не выполнилъ“[2]. Черезъ три дня послѣднему посылается „Портретъ“ съ слѣдующимъ объясненіемъ: „Я силился написать для „Современника“ статью, во многихъ отношеніяхъ современную, мучилъ себя, терзалъ всякій день — и не могъ ничего написать, кромѣ трехъ безпутныхъ страницъ, которыя тотъ же часъ истребилъ. Но какъ бы то ни было, вы не скажете, что я не сдержалъ своего слова. Посылаю вамъ повѣсть мою „Портретъ“. Она была напечатана въ „Арабескахъ“, но вы этого не пугайтесь. Прочитайте ее: вы увидите, что осталась одна только канва прежней повѣсти, что все вышито по ней вновь“[3]. Въ началѣ февраля обѣщается „статья около семи печатныхъ листовъ“, въ половинѣ марта оказывается, что для этой статьи написаны были только „три безпутныя страницы“: въ заманчивомъ обѣщаніи Плетневу указанъ былъ для эффекта только объемъ статьи, безъ всякаго намека на ея содержаніе; взамѣнъ ея Плетневу „данъ“ для напечатанія „Портретъ“. „Статья около семи печатныхъ листовъ“ отошла въ область тѣхъ широкихъ замысловъ и несбыточныхъ обѣщаній, которыя напр. сообщались Гоголемъ о приготовляемыхъ имъ „Исторіи Малороссіи“ въ четырехъ большихъ[4] томахъ, или же запискахъ: „Земля и люди“[5]... Въ первые три мѣсяца 1842 г., ожидая цензурнаго разрѣшенія „Мертвыхъ Душъ“, Гоголь втихомолку занимался окончательною „перечисткою“ прежнихъ и вновь написанныхъ произведеній своихъ, которыя должны были войти въ составъ перваго изданія его „Сочиненій“: у него не было времени для написанія цѣлой „статьи около семи печатныхъ листовъ“, да еще „во многихъ отношеніяхъ современной“. Въ томъ самомъ письмѣ, при которомъ посланъ Плетневу „Портретъ“, Гоголь признается: „Вы говорите, что я бы могъ достославно подвизаться на журнальномъ поприщѣ, но что у меня для этого нѣтъ терпѣнья. Нѣтъ, у меня нѣтъ для этого способностей... Ничѣмъ другимъ не въ силахъ я заняться теперь, кромѣ одного постояннаго труда моего... Здѣсь,

---

[1] Сочиненія и письма Гоголя V, 461. [2] Русское Слово 1859 г., январь, стр. 113. [3] Сочиненія и письма Гоголя V, 464—465. [4] Тамъ же, стр. 198. [5] Тамъ же, стр. 174. Ср. впрочемъ Анненкова, Воспоминанія и критическіе очерки I, 225—226.

во время пребыванія моего въ Москвѣ, я думалъ заняться отдѣльно отъ этого труда, написать одну-двѣ статьи, потому что заняться чѣмъ-нибудь важнымъ я здѣсь не могу. Но вышло напротивъ: я даже не въ силахъ собрать себя"[1]. Изъ письма Гоголя къ Плетневу, отъ 6 февраля, можно заключить, что не позднѣе начала февраля начата была окончательная „перечистка" новой редакціи „Портрета": переписанная набѣло въ Москвѣ, въ концѣ 1841 года, она покрылась по мѣстамъ надстрочными поправками и вновь списанная набѣло, вѣроятно, писцомъ, отправлена была 17 марта въ Петербургъ; при этомъ Гоголь просилъ Плетнева: „Если встрѣтите погрѣшности въ слогѣ, исправьте"[2]. Въ текстѣ „Портрета", напечатанномъ въ „Современникѣ", дѣйствительно есть мелкія отступленія отъ рукописи; поправки исключительно касаются слога и языка; онѣ, вѣроятно, внесены были въ текстъ Плетневымъ и потомъ приняты, почти всѣ, въ первое изданіе „Сочиненій Гоголя" Прокоповичемъ. Всѣ эти поправки указаны въ варіантахъ, при чемъ „Современникъ" означенъ буквою **С**, рукопись Нѣжинскаго института — буквами **НР**.

Стр. 29 [1] **НР, С**; «народу» **П**. [2] **НР**; «передъ» **С, П**. [3] **НР, С**; «надо» **П**. [4] **С, П**; «Двери такой лавочки обыкновенно бываютъ увѣшаны связками тѣхъ гравированныхъ картинъ въ листахъ, которыя свидѣтельствуютъ самородное дарованье русскаго человѣка» **НР**. [5] **С, П**; «церквямъ» **НР**.

Стр. 30 [1] **С, П**; «торговка изъ Охты» **НР**. [2] **С, П**; «сурьезно» **НР**. [3] Въ **НР** слово «Чартковъ» переправлено изъ «Чертковъ». [4] Слово «того» внесено изъ **НР**, **С**. [5] **С, П**; «*Лазаричей*» **НР**. [6] **П**; «обпивалъ» **НР, С**. [7] **С, П**; «это казалось ему неудивительнымъ» **НР**. [8] Въ **НР** слово «иначе» приписано сверху строки. [9] **П**; въ **НР** прежде было написано: «...ребенка самоучки: въ нихъ, при всей безчувственной карикатурности цѣлаго, вырывался бы острый порывъ»; потомъ исправлено такъ: «иначе въ нихъ бы, при всей безчувственной карикатурности цѣлаго, вырывался острый порывъ». Это чтеніе удержано въ **С**. [10] Въ **НР** прежде было написано: «посредственность». [11] Въ **НР** прежде было написано: «которая невольно была вѣрна».

Стр. 31 [1] **С, П**; «отъ» **НР**. [2] **Т**; «наваленныя громоздко» **НР, С, П**. [3] **Т**; «Онъ слышалъ не разъ» **НР, С П**. [4] **С, П**; «лубошныхъ» **НР**. [5] **С, П**; «куды» **НР**. [6] Слово «свое» внесено изъ **НР**. [7] Въ **НР** прежде было написано: «отошелъ прочь и сталъ въ дверяхъ». [8] Въ **НР** сперва было написано: «Онъ накричался вдоволь: «Сюда, батюшка! Картинъ не покупаете ли? Зайдите, зайдите!» [9] Въ **НР** прежде было: «вдоволь». [10] **НР**; «лавочки» **С, П**.

Стр. 32 [1] **Т**; «поворотилъ народу спину и отправился *во внутрь ея*» **НР, С** (вм. напечатаннаго курсивомъ прежде было: «въ уголъ лавки»); «поворотилъ народу спину и отправился внутрь ея» **П**. [2] **НР**; «въ большихъ» **С, П**. [3] Въ **НР**

[1] Сочиненія и письма Гоголя V, 465. [2] Тамъ же, стр. 466.

прежде было написано: «чуть-чуть». [4] Слова «высокаго» нѣтъ въ **НР**. [5] Въ **НР** прежде было написано такъ: «*Но* необыкновеннѣе *и непостижимѣе* всего были глаза. *Онъ даже невольно провелъ по нимъ рукою, какъ бы желая увѣриться, не выпуклы ли они. Это были большіе, чорные, какъ уголь, глаза, сверкавшіе;* казалось, употребилъ всю силу кисти *на нихъ*. Всѣ слова, напечатанныя курсивомъ, зачеркнуты въ рукописи другими чернилами и этими же, позднѣйшими, чернилами послѣ слова «кисти» приписано: «и все старательное тщанье свое художникъ». [6] Въ **НР** прежде было написано: «Когда *онъ, взявши въ руки портретъ,* поднесъ *его* къ дверямъ». [7] Въ **НР** прежде было написано: «стоявшая». [8] **Т**; «Какое-то непріятное, непонятное самому себѣ чувство почувствовалъ онъ» **НР, С, П**. [9] Послѣ этого въ **НР** зачеркнуто: «уже располагаясь итти». [10] Въ **НР** прежде было написано: «что хочешь?» [11] **НР**; «не купить» **П**. [12] Въ **НР** прежде было написано: «Видно, вамъ завтра придется купить его». [13] Эти строки («За симъ — картина!») приписаны позднѣе карандашомъ рукою автора. [14] **С, П**; «художникъ» **НР**.

Стр. 33. [1] **П**; «обняла» **НР**. Обыкновенно Гоголь согласуетъ сказуемое слитнаго предложенія съ однимъ изъ подлежащихъ. Ср. 8-е прим. къ 229 стр. I тома. [2] **С, П**; «безчувствья» **НР**. [3] **НР, С**; «свѣтлѣе» **П**. [4] Въ **НР** прежде было написано: «отъ домовъ и отъ ногъ пѣшеходцевъ». [5] **П**; «изъ подъ мышекъ» **НР, С**. [6] Въ **НР** прежде было написано: «толкнулъ онъ въ дверь сильно, но на сей разъ безплодно и потому, прислонившись къ окну, принялся ожидать». [7] Въ **НР** прежде было написано: «краскотерщика и даже (убирателя ком) сметателя половъ, которые тутъ же, во время метенія, пачкались вдвое болѣе его сапогами, (о чемъ впрочемъ они не догадывались обое =) чего впрочемъ они оба (не подозрѣвали =) не замѣчали». [8] Въ **НР** прежде было написано: «Никита принялся отпирать дверь, долго не попадая ключемъ въ дырку, силился безплодно попасть въ дырку». [9] Въ **НР** прежде было написано: «какъ водится всегда». [10] Въ **НР** прежде было написано: «которые однакоже въ торопяхъ никогда этого не замѣчаютъ». [11] **Т**; «вмѣстѣ съ нею» **НР, С, П**. [12] **НР, С**; «замерзнувшими» **П**; «замерзшими» **Т**. [13] Такъ въ **НР, С, П, Т**; въ **НР** вмѣсто этого слова прежде было написано: «картиннымъ».

Стр. 34 [1] **С, П**; «на стульяхъ» **НР**. [2] Въ **НР**, вмѣсто слова «узкій», прежде было написано: «небольшой». [3] Въ **НР** прежде было написано: «уже не обтянутый больше черной кожей». [4] Въ **НР** прежде было написано: «разлегшись, какъ было только можно». [5] **С, П**; «не плочено» **НР**. [6] **С, П**; «равнодушьемъ». [7] **НР**; «приблизиться болѣе» **С, П**. Въ **НР** сперва было написано: «стать ближе»; потомъ, вмѣсто зачеркнутаго «стать», написано: «приблизиться»; слово «ближе» случайно осталось незачеркнутымъ.

Стр. 35 [1] **НР**; «въ Англійскій родъ» **С**; «на англійскій родъ» **П**. [2] Слово «и» внесено изъ **НР**. [3] **НР, П**; «Гвидо» **Т**. [4] **С, П**; «мастеры» **НР**. [5] Въ **НР** прежде было написано: «кое въ чемъ ушелъ значительно предъ ними». [6] **С, П**; «подражанье» **НР**. [7] **Т**; «скапливалъ» **НР, С, П**.

Стр. 36 [1] **НР**; «я завтра буду обѣдать» **С, П**. [2] **С, П**; «за нихъ мнѣ за всѣхъ двугривеннаго дадутъ» **НР**. [3] Слово «была» внесено изъ **НР**. [4] **НР, С**; «изъ» **П**. [5] **С, П**; «я бы могъ» **НР**. [6] **НР**; «такимъ» **С, П**. [7] Въ **НР** прежде было напи-

сано: «съ капиталомъ?» [8] НР; «страшные» С, П. [9] Въ НР прежде было написано: «лицо, высунувшись изъ-за двухъ холстовъ, стоявшихъ передъ нимъ, холстовъ (sic!), глаза его такъ страшно устремились въ него». [10] Въ НР прежде было написано: «отъ души вдругъ отлегло чувство страха». [11] НР; «Сіяніе мѣсяца, озаривши» С, П. [12] Въ НР прежде было написано: «и сообщило ему странное дѣйствіе и живость». [13] Въ НР прежде было написано: «и прошедши его нѣсколько разъ». [14] Въ НР прежде было написано: «...пыль и грязь, дивясь невольно силѣ кисти по мѣрѣ того, какъ выходили яснѣе черты. Наконецъ, все лицо...»

Стр. 37 [1] Въ НР, вмѣсто слова «наконецъ», прежде было написано: «невольно». [2] Въ НР прежде было написано: «и отошедши немного назадъ». [3] Т; «слышанная давно имъ» НР, С, П. [4] С, П; «неоконченнымъ» Т. [5] П: «окончательнѣйшее» НР, С. Въ НР прежде было написано: «за совершеннѣйшее и окончательнѣйшее произведеніе, за диво искусства». [6] П; «Окончательнѣе» НР, С. [7] НР; «приданы» С, П. [8] П; «семъ» НР, С. [9] Въ НР прежде было написано: «въ этомъ стоявшемъ теперь». [10] С, П; «произведенье» НР. [11] Въ НР слово «живая» приписано вмѣсто зачеркнутыхъ: «просто сама». [12] Въ НР прежде было написано: «странное, непріятное даже движенье». [13] Въ НР прежде было написано: «которая предстанетъ человѣку». [14] С, П; «вооружася» НР. [15] Въ НР прежде было написано: «вооружася (онъ) анатомическимъ ножемъ, разсѣкаетъ его внутренность и видитъ»; потомъ слово «разсѣкаетъ» переправлено въ «разсѣкаешь», а слово «видитъ» оставлено безъ измѣненія. [16] НР, С; «свѣтѣ» П. [17] Въ НР, вмѣсто словъ: «течетъ и движется», прежде было написано: «кажется». [18] Въ НР, вмѣсто словъ: «а между прочимъ», было прежде написано: «а видимъ, что». [19] НР; «Но нѣтъ, нѣтъ въ ней» С, П.

Стр. 38 [1] Въ НР прежде было написано: «*все нѣтъ солнца (кажется, нѣтъ), безъ котораго [у]же мѣстоположеніе и видъ уже не тотъ, не видъ.* Все равно, какъ *картинное мѣстоположеніе, какъ ни былъ великолѣпенъ* видъ въ природѣ, *а все въ немъ, кажется, какъ* недостаетъ чего-то, если нѣтъ *въ это время* на небѣ солнца». Потомъ напечатанное курсивомъ зачеркнуто. [2] С, П; «были» НР. [3] Въ НР слово «холстину» написано вмѣсто зачеркнутаго: «простыню».

Стр. 39 [1] НР: «на него» С, П. [2] НР, С; «внутрь» П. [3] НР; «сильнѣе» С, П. [4] Въ НР прежде было написано: «составы». [5] НР; «страшный» С, П. [6] С, П; «самихъ» НР. [7] Въ НР прежде было написано: «и схвативши съ другой стороны». [8] Въ НР прежде было написано: «*бывшій почти* у самой ножки»; потомъ слова: «бывшій почти», зачеркнуты. [9] НР, С, П; «крѣпче» Т.

Стр. 40 [1] С, П; «дрожа всѣмъ духомъ за него» НР. [2] П; «стиснулъ онъ» НР, С. [3] Послѣ этого въ НР зачеркнуто слово «только». [4] НР; въ С и П ошибочно: «готовую». [5] П: «въ постелѣ» НР, С. Въ рукописи, НР, прежде было написано: «что *онъ не былъ* въ постелѣ». [6] П; «на постелѣ» С; «въ постелѣ» НР. [7] П; «еще чувствуетъ донынѣ» НР; «рука чувствуетъ донынѣ» С.

Стр. 41 [1] П; «приближающуюся дремоту» НР, С. [2] С, П; «самимъ» НР. [3] Въ НР прежде было написано: «сталъ подозрѣвать, не было ли это даже видѣнье, былъ скорѣе бредъ». [4] НР; «страшный» С, П. [5] Въ НР прежде было

написано: «Онъ, сдернувъ простыню, сталъ (его) разсматривать внимательнѣе портретъ». [6] Въ **НР** слово «необыкновенной» приписано сверху зачеркнутаго: «странной». [7] Въ **НР** прежде было написано: «но ничего въ нихъ не было страшнаго».

Стр. 42 [1] **НР**; «страшный» **С, П.** [2] Въ **НР** прежде было написано: «и выраженіи старика было что-то написано». [3] **Т**; «въ себѣ» **НР. С, П.** [4] Въ **НР** прежде было написано: «рука его чувствовала, какъ будто бы въ ней только что была какая-то тяжесть, какъ будто сію минуту кто-то выхватилъ у него что-то изъ рукъ». [5] **НР**; «нежели» **С, П.** [6] Слово «тѣхъ» внесено изъ **НР.** [7] **НР**; «былъ капитанъ» **С, П.**

Стр. 43 [1] **П**; «онъ» **НР. С.** [2] Слово «былъ» внесено изъ **НР.** [3] **С, П**; «на перекладной» **НР.** [4] Послѣ этого въ **НР** зачеркнуто: «не вамъ чета». [5] **НР**; «сейчасъ же» **С, П.** [6] Въ **НР** прежде было написано: «Добро были бы такія, чтобы можно было на стѣну повѣсить, — съ благороднымъ содержаньемъ: былъ бы какой-нибудь генералъ». [7] **П**; «повыдергивалъ» **НР, С.** [8] **НР**; «изволите» **С, П.**

Стр. 44 [1] Въ **НР** прежде было написано: «и показалъ тотъ же часъ, что у него». [2] **С, П**; слова «даже» въ **НР** нѣтъ. Въ рукописи **НР** прежде было написано: «и не была вовсе чужда». [3] Въ **НР** прежде было написано: «помѣстить». [4] Въ **НР** прежде было: «къ странному портрету». [5] **НР**; «раму» **С, П.** [6] **П**; «досточки» **НР, С.** [7] **П**; «во внутрь» **С, НР.** [8] Въ **НР** прежде было написано: «половина ея». [9] Въ **НР** прежде было написано: «подымать». [10] **НР**; «спустившейся» **С, П.** [11] Слово «его» внесено изъ **НР.**

Стр. 45 [1] **П**; «трепетаньемъ» **НР, С.** [2] Въ **НР** прежде было написано: «ровно тысяча червонныхъ». [3] **С, П**; «бреду» **НР.** [4] Слово «какое-то» внесено изъ **НР.** [5] Въ **НР** прежде было набросано: «онъ подивился вновь высокой работѣ; *живость* глазъ *была также изумительна*, но уже не казалась ему страшною. *Онъ всматривался въ нихъ безъ всякаго страха, хотя все* еще въ душѣ невольно непріятно *всякій разъ*». Потомъ было зачеркнуто все, напечатанное курсивомъ, и замѣнено вновь приписанными сверху строкъ поправками. [6] **П**; «самъ въ себѣ» **НР, С.**

Стр. 46 [1] Въ **НР** слово «другой» напечатано вмѣсто зачеркнутаго: «какой-то». [2] Слово «то» внесено изъ **НР.** [3] Послѣ этого въ **НР** зачеркнуто: «войти въ свѣтъ». [4] Въ **НР** прежде было написано: «отправился». [5] **П**; «обсматривать» **НР, С.** [6] **Т**; «помадъ» **НР, С, П.** [7] **НР**; «болѣе, нежели было нужно» **С**; «болѣе, нежели сколько» **П.** [8] **Т**; «конфектовъ» **НР, С, П.** [9] Такъ въ **НР, С, П, Т**: «ресторану»

Стр. 47 [1] **НР**; «холстъ» **С, П.** [2] Въ **НР** прежде было написано: «оказалось». [3] Въ **НР** прежде было написано: «въ свѣтѣ». [4] Въ **НР** прежде было написано: «Въ головѣ его ужъ чудились всякіе крики, — какъ вездѣ говорятъ: «Чартковъ!» [5] Слово «и» внесено изъ **НР.** [6] Въ **НР** прежде было написано: «Онъ ерошилъ себѣ волоса и борзо ходилъ по комнатѣ. На другой же день» и т. д. [7] Въ **НР** прежде было написано: «немедленно отправился». [8] Въ **НР** было написано: «къ одному продажному издателю». [9] **С, П**; «почтеннѣйшимъ» **НР.** [10] **С, П**; «отечествѣ» **НР.** [11] **С, П**; «увѣдомить» **НР.** [12] **С, П**; «съ прекраснымъ» **НР.** [13] Слово «пріятной» внесено изъ **НР.** [14] Въ **НР** прежде было написано: «подобной весеннему мотыльку».

Стр. 48 [1] Слово «всей» внесено изъ **НР**. [2] Въ **НР** прежде было написано: «Гвидо Рени». [3] Въ **НР** прежде было написано: «замѣтно просіяло». [4] **С, П**; «по отечеству» **НР**. [5] **Т**; «волоса» **НР, С, П**. [6] **П**; «на» **НР, С**. [7] **П**; «предводимая» **НР, С**. [8] Въ **НР** прежде было написано: «шинелѣ съ мѣховымъ воротникомъ». [9] **НР**; «вошла» **С, П**. [10] **НР**; «дѣвочка» **С, П**. [11] Слово «свой» внесено изъ **НР**.

Стр. 49 [1] **П**; «переѣхалъ еще» **НР, С**. [2] **С, П**; «шалѣлъ» **НР**. [3] **НР, С**; «надо» **П**. [4] **П**; въ **НР** прежде было написано: «и взглянулъ», потомъ эти слова замѣнены словами: «и вперилъ глазъ»; такъ и въ **С**.

Стр. 50 [1] **НР**; «въ одномъ платьѣ» **С, П**. [2] Вмѣсто словъ: «заманчивую для кисти», въ **НР** прежде было написано: «тонкую». [3] Въ **НР** прежде было написано: «онъ уже видѣлъ». [4] **С, П**; «легинькое» **НР**. [5] **НР**; въ **П** ошибочно: «простоты, простоты». Въ **НР** послѣ словъ: «остатки чувствъ» зачеркнуто: «чтобы, понимаете». [6] Въ **НР** послѣ слова «восковыми» зачеркнуто: «фигурами». [7] Въ **НР** вмѣсто «даже» прежде было написано: «ужъ». [8] Въ **НР** прежде было написано: «произнося *иногда* вслухъ разные звуки *и даже* временами подпѣвая, какъ случается съ *тѣмъ, который занятъ*». [9] Въ **НР** прежде было написано: «заставлялъ онъ оригиналъ поднимать голову. Наконецъ, такъ сильно сталъ вертѣться».

Стр. 51 [1] **П**; «ему» **НР, С**. [2] Въ **НР** прежде было написано: «просвѣтлившимъ». [3] Въ **НР** прежде было написано: «вошло въ его комнату».

Стр. 52 [1] **С, П**; «въ легинькомъ» **НР**. [2] **С, П**; «которое» **НР**. [3] Въ **НР** прежде было написано: «онъ увидѣлъ». [4] **П**: «окончательности» **НР, С**. [5] **НР**; «представлялась» **С, П**. [6] Въ **НР** прежде было написано: «при мысли». [7] Въ **НР** прежде было написано: «Работа *вдругъ*». [8] Въ **НР** прежде было написано: «позабывъ вовсе». [9] Слово «нѣжное» внесено изъ **НР**. [10] Слова: «говорила дама», внесены изъ **НР**. [11] Въ **НР** прежде было написано: «началъ». [12] **С, П**; «никакихъ вовсе тоновъ» **НР**. [13] Въ **НР** прежде было написано: «Но тутъ ему и запретили употреблять желтенькую краску». [14] Вмѣсто словъ: «не расположена», въ **НР** прежде было написано: «больна». [15] Въ **НР** прежде было написано: «сообщать ему колоритъ, даемый наизусть, обращающій даже лица». [16] **НР, С**; «изъявляла» **П**. [17] **НР, С, П**; «пашелъ» **Т**.

Стр. 53 [1] Въ **НР** прежде было написано: «Дамы стали оправляться и собираться». [2] Въ **НР** послѣ этого зачеркнуто: «которая создалась какъ-то идеально въ головѣ его». [3] Въ **НР** прежде было написано: «набросанное». [4] **НР, С, Т**; «однѣхъ» **П**. Въ **НР** прежде было написано: «*изъ какихъ-то* общихъ чертъ *и* не принявшее». [5] Въ **НР** прежде было написано: «и производитъ не копію, но равное ей созданіе». [6] Въ **НР** прежде было написано: «прямо оригинальнаго». [8] Въ **НР** прежде было написано: «засталъ его приходъ свѣтской дамы, пріѣхавшей по обыкновенію съ своей дочерью». [9] Въ **НР** прежде было написано: «Онъ позабылъ».

Стр. 54 [1] **С, П**; «тоже» **НР**. [2] **НР**; «также» **П**. [3] **НР, С**; «чего» **П**. [4] Въ **НР** прежде было написано: «слишкомъ». [5] Въ **НР** прежде было написано: «практику разнообразнѣйшихъ лицъ». [6] **НР**; «нежели» **С, П**.

Стр. 55 [1] **П**; «окончательности» **НР, С**. [2] Въ **НР** прежде было написано: «они принимали выраженья, вовсе несвойственныя лицу». [3] Въ **НР** прежде было написано: «та старалась изобразить въ лицѣ своемъ *задумчивость*,

или, желая уменьшить ротъ». [4] Въ **НР** прежде было: «И при всемъ томъ». [5] Слово «и» внесено изъ **НР**. Въ этой рукописи прежде было написано: «чтобы побольше прямаго благородства было въ лицѣ». [6] Слово «ему» внесено изъ **НР**. [7] **Т**; «Байрона» **НР, С, П**. [8] Послѣ слова «дамы» въ **НР** зачеркнуто: «или же, просто, собраньемъ всѣхъ прелестей».

Стр. 56 [1] **НР**; «его» **С, П**. [2] Въ **НР** прежде было написано: «завелъ». [3] **НР**; «о» **С, П**. [4] Въ **НР** прежде было написано: «будто бы присутствуетъ въ нихъ чувство какой-то святости». [5] Прежде въ **НР** было написано: «Микель-Анжело»; впослѣдствіи авторъ чернилами переправилъ въ «Микель-Анжелъ»; такъ и напечатано въ **П** и **Т**. [6] **Т**; «и что настоящій блескъ, силу кисти и колоритъ нужно искать» **С, П**. Въ **НР** прежде было написано: «но что граціозности въ немъ нѣтъ *вовсе* никакой и что настоящій блескъ *и* силу кисти и колорита нужно искать». [7] **НР**; «съ» **С, П** (неудачная поправка). [8] **П**; «этотъ человѣкъ» **НР, С**. [9] Въ **НР** прежде было написано: «Ужъ въ немъ я не повѣрю, чтобы былъ талантъ». [10] Въ **НР** прежде было написано: «художникъ». [11] **НР**; «въ два дня» **С, П**.

Стр. 57 [1] Слово «это» внесено изъ **НР**. [2] **НР**; «о» **С, П**. [3] **НР**; «листъ» **С, П**. [4] **НР**; «положенье» **С, П**. [5] **НР**; «вабросить» **С, П**. [6] **НР, С**; «позабыла» **П**. [7] **С, П**; «объ» **НР**. Ср. слѣдующее примѣчаніе. [8] Въ **НР** прежде было написано: «объ историческихъ созданьяхъ». [9] Въ **НР** прежде было: «истинный художникъ». [10] **НР**; словъ: «все еще расходились», нѣтъ въ **С** и **П**.

Стр. 58 [1] Въ **НР** передъ словомъ «прежде» зачеркнуто: «лично». [2] Послѣ этого въ **НР** зачеркнуто: «Ужъ онъ начиналъ вѣрить, что все на свѣтѣ дѣлается просто, безъ всякаго вдохновенья». [3] **П**; «потому» **НР, С**. [4] **НР, С**; «колоть ими глаза» **П**. [5] **С, П**; «который» **НР**. [6] **С, П**; «которому» **НР**.

Стр. 59 [1] Слова: «равнодушнымъ ко всему», внесены изъ **НР**. [2] Въ **НР** прежде было написано: «Въ нашемъ холодномъ мірѣ». [3] **П**; «на мѣсто» **НР, С**. [4] Вмѣсто словъ: «каменными гробами съ мертвецомъ внутри на мѣсто сердца», въ **НР** прежде было написано: «окаменѣлостями, а не людьми». [5] Въ **НР** прежде было написано: «великій». [6] Въ **НР** прежде было написано: «Тамъ *весь*». [7] **П**; «о» **НР, С**. [8] **НР**; «пренебрегалъ» **С, П**.

Стр. 60 [1] **П**; «и что нѣтъ того, что не отразилось» **НР**; «и что нѣтъ того, чтобы что не отразилось» **С**. [2] Въ **НР** прежде было написано: «чудная красота совершеннаго созданья». [3] Въ **НР** прежде было написано: «царствовало *повсюду, Чартковъ принялъ*». [4] Вмѣсто слова «отраженное», въ **НР** прежде было написано: «видно было» [5] Въ **НР** прежде было написано: «въ самой душѣ художника». [6] Въ **НР** прежде было написано: «Самый мелкій». [7] **С, П**; «всего былъ постигнутъ законъ» **НР**. [8] **НР, П**. «кописта» **С, Т**. Въ **НР** прежде было написано: «у *простаго* копіиста». [9] Въ **НР** прежде было написано: «изъ душевнаго родника *своего*». [10] Въ **НР** прежде было написано: «И стало ясно *всѣмъ*». [11] Вмѣсто слова «необыкновенной», въ **НР** прежде было написано: «благоговѣйной». [12] Все это мѣсто (со словъ: «Почти невозможно», включительно до словъ: «отдѣлялась ото всего») приписано въ **НР** на правомъ полѣ страницы и отмѣчено знакомъ +, указывающимъ мѣсто, которое должна занять приписка въ текстѣ. Эта приписка замѣняетъ слѣдующія зачеркнутыя строки первоначальнаго

текста: «Чѣмъ болѣе смотрѣли на картину, тѣмъ выше и выше отдалялась она отъ всего».

Стр. 62 [1] **С, П**; «статскихъ совѣтниковъ; остался одинъ, заперъ дверь и весь погрузился въ работу» **НР**. [2] Слово «то» внесено изъ **НР**. [3] Мѣсто, слѣдующее за этимъ словомъ («На каждомъ шагу» — «и видѣлъ это самъ»), въ **НР** помѣщено на особой четверткѣ. См. выше, стр. 598. [4] **С, П**; «сказалъ онъ, наконецъ, самъ въ себѣ» **НР**. [5] **С, П**; «сказавши» **НР**. [6] **НР, С**; «островѣ» **П**. [7] **С, П**; «ихъ всѣхъ» **НР**. [8] **С, П**; «изъ его мыслей» **НР**.

Стр. 63 [1] Въ **НР** передъ словомъ: «родилъ» зачеркнуто: «погубилъ, произвелъ». [2] Вмѣсто слова: «оттого», въ **НР** прежде было написано: «въ немъ». [3] Слѣдующее за этимъ словомъ мѣсто («и онъ узналъ» — «набросила какой-то страшный колоритъ на него») въ **НР** написано на особой четверткѣ. См. выше, стр. 598.

Стр. 64 [1] Въ **НР** прежде было написано: «вѣчное отрицаніе». [2] **П**; «его даже знакомые» **НР, С**. [3] Строки, слѣдующія за словомъ «день», до самаго конца первой главы, въ **НР** не находятся.

Стр. 65 [1] **П**; «которые невинно прослыли» **НР, С**. [2] Въ **НР** слова: «видъ ихъ и выраженье лицъ», приписаны вмѣсто зачеркнутаго слова: «физіогномія». [3] **НР, С, Т**; «развязаны» **П**. [4] **П**; «въ немъ» **НР, С**.

Стр. 66 [1] **С, П**; «что-то» **НР**. [2] **С, П**; «все это, казалось, усиливало» **НР**. [3] **С, П**; «наперерывъ о чемъ-то хлопотала» **НР**. [4] **НР, С**; «слова: «рубль, рубль» не давали» **П**. [5] Въ **НР** слово «надбавляемую» приписано сверху зачеркнутаго: «настоящую». [6] **С, П**; «сколько-нибудь понятіе» **НР**. [7] **С, П**; «Высокая кисть художника видна была явно. Онъ, какъ видно, уже нѣсколько разъ» **НР**. [8] **С, П**; «но болѣе всего, казалось, всѣ обступившіе были поражены» **НР**. Въ нѣжинской рук. **НР** сначала было написано: «всѣ равномѣрно были поражены». [9] **П**; въ **НР** прежде было написано: «углублялись каждому во внутрь», потомъ первое слово замѣнено словомъ: «устремлялись»; въ **С**: «устремлялись каждому во внутрь». [10] Въ **НР** прежде было написано: «углублялись каждому въ душу, поселяя невольно непріятное впечатлѣніе»; потомъ исправлено такъ: «заняли почти всѣхъ». [11] **С, П**; «отказаться отъ необыкновеннаго портрета» **НР**.

Стр. 67 [1] **НР**; «нежели» **С, П**. [2] **С, П**; «Слова эти въ одинъ мигъ обратили вниманіе всѣхъ на произнесшаго ихъ» **НР**. Прежде въ **НР** было написано: «Всѣ, какъ будто бы пробужденные какою электрической искрой, обратили глаза на произнесшаго сіи слова». [3] Въ **НР** прежде было написано: «Беззаботное, свѣтлое лицо его». [4] Въ **НР** прежде было написано: «сказалъ онъ, (видя) окинувъ разомъ всѣхъ, устремившихъ съ нѣкотораго рода изумленьемъ на него свои взоры: «Какъ ни странны буд.... мои слова, но вы вѣрно согласитесь со мною, когда я разскажу вамъ его странную исторію». [5] **С, П**; «Сильное любопытство» **НР**. [6] **НР**; «самый» **С, П**. [7] Въ **НР** прежде было написано: «разинувъ ротъ и съ поднятымъ въ рукѣ молоткомъ, остановился слушать». [8] Въ **НР** прежде было написано: «Сначала еще, когда художникъ началъ разсказъ свой, нѣкоторые обращались (sic!) невольно глаза на портретъ, но потомъ вперились и чувствами и глазами въ одного разскащика». [9] Въ **НР** прежде было написано: «такимъ образомъ началъ онъ». [10] **С, П**; «тутъ все не похоже на другія» **НР**. [11] Въ **НР**

прежде было написано: «Перейдя въ эту сторону». [12] НР; въ С и П нѣтъ слова: «пріятное». [13] П; «кофію» НР; «кофею» С. [14] С, П; «и четыре» НР. [15] С, П; «котораго» НР. [16] С, П; въ НР нѣтъ слова: «людей».

Стр. 68 [1] Т; «ни сё, ни то» НР, С, П. [2] С, П; «Сюды» НР. [3] С, П; «безъ всякаго смѣлаго прилива въ головѣ» НР. [4] НР; «удалецъ» С, П. [5] НР, С; «всѣ» П. Едва ли Прокоповичъ правъ, напечатавши: «всѣ», хотя извѣстно, что Гоголь очень часто писалъ *ѣ* вмѣсто *е*, и наоборотъ. [6] НР; «пенсіонъ» С, П. [7] НР; «часто» С, П. [8] С, П; «полезныя до́ма» НР. [9] П; «сихъ» НР, С. [10] НР; въ С и П это мѣсто сокращено, повидимому, цензурою и читается такъ: «Тутъ есть старухи которыя пьянствуютъ».

Стр. 69 [1] С, П; «старыя тряпья» НР. [2] П; «мосту» НР, С. [3] П; «часто» НР, С. [4] Въ НР прежде было написано: «исчислилъ» [5] Въ НР прежде было написано: «и потому заранѣе теряютъ». [6] Такъ въ НР, С, П и Т. [7] Въ НР прежде было написано: «ко времени, несравненно позднѣйшему». [8] Послѣ слова «ростовщиками», въ НР зачеркнуто: «не только тѣми, которые были въ Коломнѣ». [9] П; «существо необыкновенное» НР; «существо во всѣхъ отношеніяхъ обыкновенное» С. [10] П; «сей» НР, С. [11] С, П; «указывала его южное происхожденіе» НР. [12] С, П; «объ этомъ никто не могъ сказать навѣрно ничего» НР. [13] С, П; «какъ-то» НР. [14] Въ НР прежде было написано: «цвѣтъ лица». [15] НР, Т; «которыхъ когда-то построили» С, П. [16] Въ НР прежде было написано: «Онъ».

Стр. 70 [1] Въ НР прежде было написано: «иногда» [2] Въ НР прежде было написано: «...... экипажи. Иногда изъ кареты высовывала голову блистательная свѣтская дама». [3] Въ НР прежде было написано: «правилами». [4] Въ НР прежде было написано: «и что скоро поразило непонятнымъ ужасомъ многихъ — это было: всѣ деньги, которыя давалъ онъ, никому не служили въ прокъ, и занимавшіе всѣ». [5] Въ НР прежде было написано: «всѣ почти». [6] Въ НР прежде было написано: «въ глазахъ всѣхъ». [7] Въ НР прежде было написано: «были слишкомъ живы во всеобщей памяти». [8] Въ НР прежде было написано: «мѣсто, совершенно согласное съ собственными требованьями души, — мѣсто, гдѣ онъ могъ быть точно покровителемъ всего прекраснаго». [9] Въ НР прежде было написано: «Молодой художникъ». [10] Въ НР прежде было написано: «произвелъ». [11] Въ НР прежде было написано: «этотъ человѣкъ вдругъ въ непродолжительное время измѣнился страшно».

Стр. 71 [1] С, П; «всякаго слова» НР. [2] НР; «подозрѣній» С. П. [3] Въ НР прежде было написано: «началъ». [4] Въ НР прежде было написано: «Вы можете сами видѣть». [5] Въ НР прежде было написано: «перейти во всей точности къ намъ, но, по крайней [мѣрѣ], мысли впечатлѣлись глубоко въ сердцахъ стариковъ». [6] Эта фраза передѣлывалась не одинъ разъ. Сначала было написано: «процвѣтали подъ владычествомъ монарховъ»; потомъ: «процвѣтали подъ ихъ великодушнымъ покровительствомъ»; наконецъ: «процвѣтали подъ ихъ великодушной защитой». [7] Въ НР прежде было написано: «что нужно отличать отъ крикуновъ высокихъ писателей, глубокихъ художниковъ въ душѣ». [8] Въ НР прежде было написано: «что художники, ученые и поэты», потомъ слово: «художники» зачеркнуто и приписано: «всѣ производители искусствъ». [9] П; «сіи» НР, С. [10] НР; «въ эту» С, П.

[11] Въ НР прежде было написано: «Словомъ, Государыня въ эту минуту была божественно прекрасна». [12] Въ НР прежде было написано: «Я помню еще, какъ не могли объ этомъ пересказывать безъ слезъ сихъ словъ». [13] Въ НР прежде было написано: «Надобно знать, что въ дѣлѣ этомъ много [многіе?] приняли участіе». [14] С, П: въ НР прежде было написано: «нужно». [15] Въ НР прежде было написано: «Но наказаніе ужаснѣе всѣхъ прочихъ». [16] Въ НР прежде было написано: «какъ скучился онъ въ послѣдніе дни своей жизни».

Стр. 72 [1] Въ НР, вмѣсто «тщеславная», прежде было написано: «честолюбивая». [2] Въ НР прежде было написано: «гордость, обманутыя надежды и всѣ возможныя терзанія души, казалось, какъ будто соединились вмѣстѣ, — съ тѣмъ, чтобы начертать ему заранѣ весь адъ, о которомъ существуетъ неясное понятье въ человѣкѣ». [3] Т; въ НР, С и П: «Грандинсонъ». [4] НР; «въ немилости» С, П. [5] Въ НР прежде было написано: «но, какъ можете заключить, свадьба». [6] П; «обѣихъ» НР; «обѣихъ сторонъ» С. [7] С, П: «заранѣ» НР. [8] Въ НР прежде было написано: «которымъ они вдругъ будутъ наслаждаться».

Стр. 73 [1] НР; въ С и П нѣтъ слова «его». [2] Въ НР прежде было написано: «спокойный». [3] Въ НР прежде было написано: «Въ одинъ годъ уже». [4] Въ НР прежде было написано: «Узнавши объ этомъ, мужъ пришелъ въ бѣшенство». [5] Въ НР прежде было написано: «если бы его не схватили тутъ же». [6] Въ НР прежде было: «съ бѣшенствомъ онъ обратилъ». [7] П; «сихъ НР, С. [8] П; въ НР, согласно обычному употребленію Гоголя: «случившихъ». [9] Въ НР прежде было написано: «разсказывали множество другихъ, которые всѣ почти имѣли ужасный конецъ, какъ будто уже страшная печать отверженія была напечатлѣна (на человѣкѣ томъ, который взялъ) на всякомъ, взявшемъ у него деньги». [10] НР; «обворовалъ» С, П. [11] Въ НР прежде было написано: «И всѣ эти перемѣны совершались такъ неожиданно, что навели, наконецъ, невольный ужасъ — стали подозрѣвать присутствіе нечистой силы». [12] НР; «поднимались волосы» П; «поднимались волоса» С. [13] НР; «притягающее» С, П. [14] НР; «знаки» С, П. [15] НР; въ С, П нѣтъ словъ: «о немъ». [16] НР, С; въ П нѣтъ слова «то». [17] НР; «поселеніе» С, П. Въ НР прежде было написано: «Словомъ, онъ былъ творцемъ всеобщаго страха, обнявшаго Коломну. Говорили, что его нужно предать огню, что подкупленная полиція держитъ его руку. А все это коломенское населеніе». [18] НР; «нежели» С, П. [19] НР; «умершихъ» С, П. [20] НР; «нежели» С, П. [21] С, П; «Встрѣчаяся» НР. [22] Въ НР прежде было написано: «оборачивался».

Стр. 74 [1] П: «его непомѣрную высокую фигуру» НР, С. [2] Слова: «одно изъ тѣхъ чудъ, которыхъ извергаетъ изъ непочатаго лона своего только одна Русь», внесены въ текстъ изъ НР. [3] НР; «не охлаждаются» С, П. [4] НР, С; «невѣжъ» П. [5] Въ НР прежде было написано: «почуялъ онъ въ живописи». [6] Въ НР, С и П: «простая головка». [7] С, П; «tableau du genre» НР. [8] Въ НР прежде было написано: «Нечего говорить, что внутреннее чувство». [9] Въ НР прежде было написано: «послѣдней ступени высокаго въ мірѣ». [10] С, П; «такъ неотлучной съ характеромъ многихъ художниковъ» НР.

Стр. 75 [1] НР; въ С и П фраза: «не пойметъ — все таки помолится Богу»,

пропущена. [2] **НР**; «нежели» **С, П**. [3] **П**; «который корчитъ лицемѣра» **НР, С**. [4] Вмѣсто «то есть» въ **НР** прежде было написано: «словомъ». [5] **НР**; «безпрестанно» **С, П**. [6] **НР**; «оборотъ» **С, П**. [7] Въ **НР**, вмѣсто слова «слѣдовало», прежде было написано: «нужно».

Стр. 76 [1] **НР**; «повторилъ» **С, П**. [2] **НР**; «онъ убьетъ всю мою прежнюю работу» **С, П**. [3] Въ **НР** прежде было написано: «Словомъ, онъ усугублялъ рвенье». [4] **С, П**; «тѣмъ болѣе онъ чувствовалъ» **НР**. [5] Въ **НР** прежде было написано: «подумать». [6] **НР**; «передать ихъ точно, какъ» **С, П**. [7] Въ **НР** прежде было написано: «Но».

Стр. 77 [1] Въ **НР** прежде было написано: «Но чѣмъ болѣе». [2] Въ **НР** прежде было написано: «отвращенье отъ работы». [3] **НР, С**; «вонзились» **П**. [4] Слово «непостижимую» приписано въ **НР** вмѣсто зачеркнутаго: «необыкновенную». [5] **П**; «странный» **НР, С**. [6] **П**; «отъ сего» **НР, С**. [7] **НР, С**; «Ввечеру въ тотъ же день» **П**. [8] **П**; «произвелъ» **НР, С**.

Стр. 78 [1] **П**; «сихъ» **НР, С**. [2] **НР, С**; «съ какимъ» **П**.

Стр. 79 [1] Въ **НР**, вмѣсто слова «недавно», прежде было написано: «мѣсяцъ». [2] **П**; «его» **НР, С**. [3] Въ **НР**, вмѣсто словъ: «до такой степени», прежде было написано: «такъ». [4] Въ **НР** прежде было написано: «глаза». [5] Въ **НР** прежде было написано: «Разсмотрѣвши все это». [6] Въ **НР** прежде было написано: «безмятежно и покойно».

Стр. 80 [1] **П**; «что[-то] такое странное» **НР**; «что-то странное» **С**. [2] Въ **НР** прежде было написано: «а теперь пришлось испытать». [3] Въ **НР** прежде было написано: «но сны такіе, о которыхъ». [4] Вмѣсто слова «Подобнаго», въ **НР** прежде стояло: «этого». [5] Въ **НР** прежде было написано: «я бродилъ, какъ шальной: боязнь какая-то, непріятное ожиданье чего-то». [6] **НР**; «веселаго и искренняго» **С, П**. [7] Въ **НР** прежде было написано: «Слова не могу сказать». [8] Въ **НР** прежде стояло: «какъ вотъ видишь». [9] **С, П**; «все время» **НР**. [10] Въ **НР** прежде было написано: «Все время *слушалъ* отецъ мой съ неразвлекаемымъ вниманіемъ слова пріятеля». [11] **С, П**; въ **НР** рядомъ съ незачеркнутымъ «знать» написано: «видно». [12] Въ **НР** прежде было написано: «если бы отчасти не испыталъ кое-чего на себѣ самомъ». [13] Въ **НР, С** и **П** «малолѣтнаго». [14] Въ **НР** прежде было написано: «все это почелъ».

Стр. 81 [1] **НР**; «до заката» **С, П**. [2] **НР**; «поднятыми» **С, П**. [3] **С, П**; «безпрерывныя» **НР**. [4] **НР**; въ **С** и **П** нѣтъ слова «только». [5] **НР**; «въ продолженіе» **С, П**. [6] Въ **НР** прежде было написано: «подкрѣпляя». [7] **С, П**; въ **НР**, согласно обычному употребленію Гоголя: «склонившей». [8] Въ **НР** прежде было написано: «пораженныхъ божественнымъ чудомъ царей у ногъ».

Стр. 82 [1] Въ **НР** прежде было написано: «въ такой согласной силѣ, величіи и могуществѣ высокой красоты». [2] **НР**; «какъ разстался» **П**; «съ которымъ уже 12 лѣтъ я разстался» **С**. Въ **НР** прежде было написано: «съ которымъ уже двѣнадцать лѣтъ протекло, какъ я разстался». [3] Вмѣсто «наслышался», въ **НР** прежде стояло: «слышалъ» [4] **НР**; въ **С** и **П** нѣтъ слова «себѣ». [5] **С, П**; «сребристаго» **НР**. Въ **НР** прежде было написано: «Бѣлые, какъ снѣгъ, серебристые волоса, борода.....» [6] Въ **НР**, вмѣсто «картинно», прежде стояло: «живописно». [7] Въ **НР** прежде было написано: «Теперь

предстоитъ тебѣ путь, съ котораго ты уже не долженъ совратиться во всю жизнь». [8] Въ НР слово «пуще» приписано вм. зачеркнутаго: «больше».

Стр. 83 [1,2,4] Вмѣсто словъ: «во сколько разъ», въ НР прежде было написано: «какъ». [3] Въ НР прежде было написано: «созданье». [5] Въ НР прежде было написано: «такъ выше всего». [6] С, П; «безстрастной» НР. [7] НР; «въ душѣ» С, П. [8] НР; «что» С, П. [9] Въ НР слова: «заглушивъ все», приписаны позднѣе сверху строки, и потому запятая должна быть поставлена *передъ* словомъ «заглушивъ», а не передъ «бездушно», какъ въ С и П. [10] Въ НР прежде было написано: «и вездѣ разсѣваетъ». [11] НР; «чувство» С, П. [12] НР; «нежели» С, П. [13] Вмѣсто слова «чище», въ НР прежде было написано: «выше».

Стр. 84 [1] НР, С; «изъ дома» П. [2] П; «однимъ пятномъ» НР, С. [3] НР, С; «не замѣтны» П. [4] НР; «болѣе нежели» С, П. [5] НР; «увидѣть» С, П. [6] Въ НР прежде было написано: «развлеченьемъ». [7] НР; «или это была» С, П.

Шинель (стр. 84—116).

Сообщая о небольшомъ кружкѣ пріятелей, собиравшихся къ Гоголю потолковать „преимущественно о явленіяхъ искусства“, П. В. Анненковъ замѣчаетъ, что „никогда, однакожъ, даже въ средѣ одушевленныхъ и жаркихъ преній, не покидала его лица постоянная, какъ бы приросшая къ нему, наблюдательность“. „Для Гоголя (продолжаетъ Анненковъ) какъ здѣсь, такъ и въ другихъ сферахъ жизни ничего не пропадало даромъ. Онъ прислушивался къ замѣчаніямъ, описаніямъ, анекдотамъ, наблюденіямъ своего круга и, случалось, пользовался ими. Въ этомъ, да и въ свободномъ изложеніи своихъ мыслей и мнѣній, кругъ работалъ на него. Однажды при Гоголѣ разсказанъ былъ канцелярскій анекдотъ о какомъ-то бѣдномъ чиновникѣ, страстномъ охотникѣ за птицей, который необычайной экономіей и неутомимыми, усиленными трудами сверхъ должности накопилъ сумму, достаточную на покупку хорошаго лепажевскаго ружья рублей въ 200 (асс.). Въ первый разъ, какъ на маленькой своей лодочкѣ пустился онъ по Финскому заливу — за добычей, положивъ драгоцѣнное ружье передъ собою на носъ, онъ находился, по его собственному увѣренію, въ какомъ-то самозабвеніи и пришелъ въ себя только тогда, какъ, взглянувъ на носъ, не увидалъ своей обновки. Ружье было стянуто въ воду густымъ тростникомъ, черезъ который онъ гдѣ-то проѣзжалъ, и всѣ усилія отыскать его были тщетны. Чиновникъ возвратился домой, легъ въ постель и уже не вставалъ: онъ схватилъ горячку. Только общей подпиской его товарищей, узнавшихъ о происшествіи и купившихъ ему новое ружье, возвращенъ онъ былъ къ жизни, но о страшномъ событіи онъ уже не могъ никогда вспоминать безъ смертельной

блѣдности на лицѣ... Всѣ смѣялись анекдоту, имѣвшему въ основаніи истинное происшествіе, исключая Гоголя, который выслушалъ его задумчиво и опустилъ голову. Анекдотъ былъ первой мыслію чудной повѣсти его: „Шинель", и она заронилась въ душу его въ тотъ же самый вечеръ"[1]. Собранія кружка, о которыхъ разсказываетъ Анненковъ, происходили въ квартирѣ Гоголя на Малой Морской въ домѣ Лепена[2]; а на этой квартирѣ Гоголь жилъ въ 1834 году[3]. Итакъ, „первая мысль о повѣсти „Шинель" заронилась въ душу" Гоголя въ 1834 году.

Мы не имѣемъ положительныхъ указаній на время, когда Гоголь сталъ набрасывать на бумагу первые эскизы повѣсти. Въ бумагахъ А. А. Иванова, переданныхъ въ Московскій Публичный Музей, сохранился листокъ почтовой бумаги 8°, съ водянымъ знакомъ: F W E. На этомъ листкѣ рукою М. П. Погодина написано начало повѣсти, подъ заглавіемъ: „Повѣсть о чиновникѣ, крадущемъ шинели". Погодинымъ исписаны только три первыя страницы листка. Сверху строкъ переписаннаго Погодинымъ текста и на поляхъ листка лѣпятся позднѣйшія приписки, сдѣланныя Гоголемъ собственноручно. Четвертая страница листка, на которой продолжается прерванный Погодинымъ текстъ, написана уже вся рукою Гоголя. На этой страницѣ помѣщены въ безпорядкѣ четыре наброска: первый съ правой стороны страницы; второй — надъ нимъ; четвертый написанъ на лѣвой сторонѣ страницы снизу вверхъ; третій набросокъ, въ такомъ же направленіи, — надъ четвертымъ. Представляемъ текстъ, написанный Погодинымъ, отмѣчая курсивомъ дополненія и вставки, прибавленныя Гоголемъ впослѣдствіи собственноручно.

„*Повѣсть о чиновникѣ, крадущемъ шинели.* Въ департаментѣ податей и сборовъ, — который впрочемъ иногда называютъ департаментомъ подлостей и вздоровъ, не потому, чтобы въ самомъ дѣлѣ были тамъ подлости, но потому что господа чиновники любятъ также, какъ и военные офицеры, немножко поострить, — и такъ въ этомъ департаментѣ служилъ чиновникъ, собой не очень взрачный — низенькій, плѣшивый, рябовать, красновать, даже на видъ нѣсколько подслѣповатъ. (Служилъ онъ очень безпорочно). Въ то время еще не выходилъ указъ о томъ, чтобы застегнуть чиновниковъ въ виц-мундиры. Онъ ходилъ во фракѣ цвѣту коровьей коврижки. Онъ былъ (очень) доволенъ службою и чиномъ

[1] Воспоминанія и критическіе очерки I, 184, 188—189. [2] Тамъ же, стр. 184. [3] Ср. настоящаго изданія томъ V, стр. 555.

титулярнаго совѣтника. Никакихъ замысловъ на коллежскаго ассессора, ни надеждъ на прибавку жалованья. *Былъ онъ то, что̀ называютъ вѣчный титулярный совѣтникъ, — чинъ, надъ которымъ, какъ извѣстно, наострились немало разные писатели, которыхъ сочиненія (доселѣ еще читаются въ деревняхъ) еще смѣшатъ разныхъ невинныхъ читателей, любящихъ почитать отъ скуки и для препровожденія времени*[1]. Въ существѣ своемъ это было очень доброе животное и то, что̀ называютъ благонамѣренный человѣкъ, ибо въ самомъ дѣлѣ отъ него почти никогда не слыхали ни дурнаго, ни добраго слова[2]. Онъ совершенно жилъ и наслаждался своимъ должностнымъ занятіемъ, и потому на себя почти никогда не глядѣлъ, даже брился безъ зеркала. На фракѣ у него вѣчно были перья, и онъ имѣлъ особенное искусство, ходя по улицѣ, поспѣвать подъ окно въ то самое время, когда изъ него выбрасывали какую-нибудь дрянь, и потому онъ вѣчно уносилъ на своей шляпѣ арбузныя и дынныя корки и тому подобный вздоръ. Зато нужно было поглядѣть на него, когда онъ сидѣлъ въ присутствіи за столомъ и переписывалъ; нужно было видѣть наслажденіе, выражавшееся на его лицѣ! Нѣкоторыя буквы у него были фавориты, до которыхъ если онъ добирался, то на лицѣ у него просто былъ восторгъ[3]. Онъ всегда приходилъ раньше всѣхъ. Если не было переписывать, подшивалъ бумаги, перечинивалъ перья. *Конечно это было немного, но бо́льшаго даже трудно было и дать ему, потому что, когда одинъ разъ попробовали употребить на дѣло немаловажное, именно (дали) поручено было ему изъ готоваго дѣла составить отношеніе въ какое[-то] присутственное [мѣсто], — все дѣло состояло въ томъ, чтобы перемѣнить только заглавіе и поставить въ третьемъ лицѣ все то, что находилось въ первомъ, — это задало ему такую головоломку, что онъ вспотѣлъ совершенно:*

[1] Напечатанное курсивомъ приписано собственноручно на лѣвомъ полѣ страницы снизу вверхъ. [2] Повидимому, къ этому мѣсту относится первая изъ приписокъ, помѣщенныхъ съ лѣваго боку второй страницы: «Служилъ такъ ревностно, какъ рѣшительно нельзя уже ревностнѣе». [3] Здѣсь сверху строкъ Погодинскаго почерка приписано собственноручно: «то чувствовалъ (такой) восторгъ (что) описать нельзя: и подсмѣивался, и подмигивалъ, и голову совсѣмъ на бокъ, такъ что (иногда) для охотника можно въ лицѣ читать было всякую букву: *живѣте, мыслѣте, слово, твердо.* Губы его невольно и сжимались, и послаблялись и (обраща) какъ будто даже отчасти помогали. Тогда онъ не глядѣлъ ни на что и не слушалъ ничего: разсказывалъ ли одинъ чиновникъ другому, что онъ заказалъ новый фракъ и по чемъ сукно, (или) и споры о томъ, кто лучше шьетъ, о Петер-

теръ лобъ и сказалъ, чтобъ дали ему переписать что-нибудь[1]. (При всемъ томъ) Словомъ, служилъ очень ревностно на пользу отечества; но выслужилъ, *кажется, что-то очень немного,* — *только*[2] пряжку въ петлицу да геморой въ поясницу — *вотъ и всего*[3]. Не смотря на то, уваженія къ нему было очень немного: молодые чиновники надъ нимъ подсмѣивались и сыпали на голову ему бумажки, что называли снѣгомъ; старые швыряли ему бумаги, говоря: „на, перепиши!“ Сторожа даже не приподнимались съ мѣстъ своихъ, когда онъ проходилъ. Жалованья ему было четыреста рублей въ годъ. На это жалованье онъ[4] ѣлъ что-то въ родѣ *щей или*[5] супа, *Богъ его знаетъ впрочемъ*[6], и какое-то блюдо изъ говядины, *прошпигованное немилосердо*[7] лукомъ, *отлеживался во всю волю на кровати*[8] въ комнаткѣ, надъ сараями въ Свѣчномъ переулкѣ, и (платилъ) *за помѣщеніе заплатокъ*[9] на свои панталоны *почти*[10] на одномъ и томъ же мѣстѣ — *и все это за тѣ же 400 рублей, и даже ему оставалось на поставку пары подметокъ, въ годъ*[11] *(на сапоги)*[12]. Право, не помню его фамиліи. Дѣло въ томъ, что это былъ бы первый на свѣтѣ человѣкъ довольный своимъ состояніемъ, если бы не одно маленькое, очень затруднительное впрочемъ, обстоятельство. Въ то время, когда Петербургъ дрожитъ отъ холода и двадцатиградусный морозъ даетъ свои колючіе щелчки по носамъ даже дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ перваго и втораго класса, бѣдные титулярные совѣтники остаются

гофѣ, о театрѣ, или хоть даже анекдотъ весьма интересный, потому что довольно старый и знакомый, о томъ, какъ одному коменданту сказали, что у статуи Петра отрубленъ хвостъ; шла ли рѣчь наконецъ о немъ самомъ, ему хоть трава не рости. Онъ въ это время......» Сюда же принадлежитъ приписка, помѣщенная на той же страницѣ: „все это просто рисовалось и отпечатывалось на лицѣ его».

[1] Приписано собственноручно внизу страницы, перевернутой вверхъ ногами. [2] Приписано собственноручно сверху строки и введено въ текстъ авторомъ. [3] Приписано сверху строкъ и введено въ текстъ авторомъ. [4] Сверху незачеркнутой строки Погодинскаго текста приписано собственноручно: «На это жалованіе онъ доставлялъ себѣ множество наслажденій». [5] Приписано собственноручно и введено въ текстъ. [6] Приписано собственноручно. [7] Подчеркнутыя слова приписаны авторомъ сверху зачеркнутыхъ Погодинскихъ: «пахнувшее страшно». [8] Приписано собственноручно сверху зачеркнутаго Погодинскаго: «валялся въ (узкой) узенькой *комнаткѣ*». [9] Вторая собственноручная приписка надъ Погодинскимъ текстомъ: «штопалъ сапоги и клалъ заплаты». Первая приписка надъ этими зачеркнутыми словами: «и платилъ за штопку». [10] Сверху зачеркнутаго Погод.: «вѣчно». [11] Прибавлено сверху строкъ. [12] Два раза приписано и зачеркнуто. Съ лѣваго поля приписано: «подметокъ на сапоги, которые онъ очень берегъ и (потому дома = и) по праздник на квартирѣ сидѣлъ всегда въ чулкахъ».

рѣшительно безъ всякой защиты. Чиновникъ, о которомъ идетъ дѣло, укрывалъ кое-какъ, какъ зналъ, свой носъ, впрочемъ очень незамѣчательный, тупой и нѣсколько похожій на то пирожное, которое дѣлаютъ *нѣкоторымъ чиновникамъ*[1] кухарки въ Петербургѣ, называемое пышками. Онъ его упрятывалъ во что-то больше похожее на капотъ, чѣмъ на шинель, что-то очень неопредѣленное и очень поношенное. *Онъ уже издавна сталъ замѣчать, что шинель становится, чѣмъ далѣе, какъ будто бы немного холодноватѣе*[2]. Разсмотрѣвши его всего насквозь, — къ свѣту и такъ, — онъ рѣшился снести его къ портному, *которому эта шинель была (рѣшительно) такъ же знакома, какъ собственная, и онъ зналъ совершенно мѣстоположенья всѣхъ худыхъ и дырявыхъ мѣстъ*[3], который, не смотря на свой кривой глазъ, *рябизну по всему тѣлу*[4], занимался довольно удачно починкой чиновничьихъ и всякихъ другихъ панталонъ и фраковъ".

Этими словами оканчивается третья страница листка. Представляемъ теперь собственноручные наброски автора, помѣщенные на четвертой страницѣ: 1) „*Объ этомъ портномъ нечего и говорить, но читатели народъ ужасно любопытный: имъ непремѣнно хочется узнать, что и какой портной: былъ [ли] онъ женатъ, и въ которой улицѣ живетъ, и сколько расходуетъ, и какъ у него носъ — кривъ ли и вздернутъ, или просто лепешкой. Итакъ, хоть оно казалось нечего бы говорить о портномъ, но такъ [какъ] авторъ совершенно во власти читателя, (то).... нечего дѣлать.* Сначала онъ назывался просто Петромъ и былъ крѣпостнымъ человѣкомъ, не помню, у какого-то барина. Петровичемъ же онъ сталъ называться съ тѣхъ поръ, какъ (отпуще) получилъ отпускную, женился и сталъ попивать довольно сильно по праздникамъ, сначала главнымъ, а потомъ и всѣмъ церковнымъ, гдѣ только есть въ календарѣ крестикъ, нужды нѣтъ, что не въ кружкѣ. Съ этой стороны Петровичъ былъ сильно привязанъ къ религіи. Насчетъ же того, на третьей ли женѣ онъ женатъ, или же на первой, прошу предъ читателями извиненія: право, не знаю. Знаю только, что есть жена, расхаживаетъ и по

[1] Приписано собственноручно и введено въ текстъ. [2] Приписано собственноручно надъ Погодинскимъ текстомъ незачеркнутымъ, кромѣ трехъ первыхъ словъ: «(Съ каждымъ годомъ) на сорокъ второмъ году своей жизни онъ замѣтилъ, что этотъ капотъ, или шинель становится очень холодновата». [3] Собственноручно сверху незачеркнутаго Погодинскаго: «жившему (въ томъ же домѣ) въ такой же почти комнаткѣ, который (чинилъ, занимался), не смотря». [4] Приписано сверху строки.

воскреснымъ днямъ надѣваетъ даже чепчикъ. Собой же, кажется, вовсе не смазлива, такъ что одни только гвардейскіе солдаты заглядываютъ ей въ лицо, когда ....[1], моргнувши, какъ водится, и испустивши потомъ что-то подобное на рычаніе сквозь"[2]....... — 2) „Портной, взявши въ руки капотъ и вскинувши немного ...., посмотрѣлъ его всего противъ свѣта очень тщательно и, покачавъ головою, полѣзъ въ карманъ за табакомъ". — 3) „[Акакій Акакіевичъ очень понималъ этотъ жестъ: онъ всегда употреблялся въ .... Это значило, что положеніе дѣла, должно быть, было довольно трудно. Чрезъ нѣсколько минутъ рука Петровича вышла изъ кармана съ табакеркой]". — 4) „А самъ полѣзъ въ карманъ своего довольно дурнаго (sic!) сшитаго сюртука, что, — какъ извѣстно, — почти всегда бываетъ у хорошихъ портныхъ. Вытащенная имъ изъ кармана вещь была табакерка съ портретомъ какого[-то] генерала, — какого именно, неизвѣстно, потому что (лицо =) мѣсто, которое занимало лицо, было проткнуто пальцемъ — дырка, которую онъ залѣпилъ бумажкой. Вынувши табакерку, онъ попринялся набивать обѣ ноздри".

Четвертый набросокъ впослѣдствіи, подобно третьему, былъ вставленъ въ средину втораго. Вотъ окончаніе втораго наброска, начало котораго мы привели выше: „Понюхавъ табаку, онъ перевернулъ шинель[3] внизъ и такъ, верхъ (sic!) ногами, и (сталъ =) вновь началъ разсматривать противъ свѣта. (Но не добравшись толку). Послѣдовало вновь качаніе головою (и самое крѣпкое набитіе носа табакомъ), послѣ чего онъ полѣзъ, полѣзъ въ карманъ за табакомъ, (натыкавши), и вновь (понаровилъ себѣ обѣ ноздри, нафабрилъ) натащилъ въ носъ табаку, послѣ чего положилъ шинель на столъ и сказалъ: „Нѣтъ, ничего нельзя сдѣлать. Можно бы еще, если бы сукно не было больно попротерто[4]. Клинчики и (лоск) кусочки можно бы еще какъ-нибудь положить — посмотрите, только сукно не выдержитъ. Такой отвѣтъ до того смутилъ..."

Мы не имѣемъ прямыхъ указаній на время, когда Погодинъ, вѣроятно, подъ диктовку автора, написалъ вышеприведенное начало „Шинели". Съ Гоголемъ Погодинъ видѣлся осенью 1835 года,

---

[1] Точки на мѣстѣ неразобраннаго слога. [2] Точки на мѣстѣ неразобраннаго слова. [3] Послѣ этого слова приписано впослѣдствіи сверху строкъ, другими чернилами: «...которая была извнутри подбита какимъ[-то] мѣхомъ, похожимъ нѣсколько на (шерсть) тѣ, которыми обиваютъ внутри зимніе экипажи. Нагруживши обѣ ноздри, и встряхнувши руками...» [4] Прежде было написано: «такъ протерто».

когда поэтъ, по пути изъ Малороссіи въ Петербургъ, остановился на нѣсколько дней въ Москвѣ. На этотъ разъ пребываніе Гоголя въ старой столицѣ было очень непродолжительно [1]. Онъ занятъ былъ въ это время своею комедіею: „Женихи“, которую и прочелъ въ домѣ Погодина передъ многочисленнымъ собраніемъ приглашенныхъ хозяиномъ гостей. Едва ли Гоголь имѣлъ тогда досугъ заниматься повѣстью „Шинель“. Въ началѣ іюня 1836 года поэтъ уѣхалъ за границу, не побывавши въ Москвѣ, куда настоятельно приглашалъ его Щепкинъ для руководства постановкою „Ревизора“ на московской сценѣ. За границею Погодинъ свидѣлся съ Гоголемъ не ранѣе 1839 года: 8 марта этого года Погодинъ пріѣхалъ въ Римъ и прожилъ здѣсь до 9 апрѣля. Въ теченіе мѣсяца они видались каждый день; Гоголь показывалъ Погодину Римъ [2]; все время отдано было ознакомленію пріѣзжаго съ художественными сокровищами и древностями „вѣчнаго города“. Только одинъ разъ записалъ Погодинъ въ своемъ дневникѣ: „Вечеръ у кн. В., куда обѣщалъ придти Г. [3] и прочесть что-нибудь изъ новыхъ своихъ сочиненій. Мы прождали его понапрасну“[4]. Въ другихъ мѣстахъ „Дорожнаго дневника“ о сочиненіяхъ Гоголя совсѣмъ не упоминается. 18 апрѣля Гоголь встрѣтилъ Погодина въ гавани Чивитты-Веккіи, и они условились съѣхаться въ Маріенбадѣ [5]. Дѣйствительно Погодинъ, пріѣхавши 8 іюля въ Маріенбадъ, уже нашелъ здѣсь Гоголя и прожилъ съ нимъ въ одной комнатѣ цѣлый мѣсяцъ (до 8 августа)[6]. „Послѣ моей тревожной жизни съ трудами, хлопотами и неудовольствіями (говоритъ Погодинъ), мѣсяцъ спокойствія и праздности былъ для меня какимъ-то волшебнымъ временемъ, которое оказало благотворное дѣйствіе на мое здоровье“. Мы полагаемъ, что въ Маріенбадѣ Погодинъ и оказалъ Гоголю такую же услугу, какую оказывали ему позднѣе Пановъ и Анненковъ перепискою набѣло его набросковъ: послѣдній свидѣтельствуетъ, что онъ переписывалъ первую часть „Мертвыхъ Душъ“

---

[1] Русь 1880 г. № 4, стр. 17. [2] Ср. Годъ въ чужихъ краяхъ (1839). Дорожный дневникъ М. Погодина. Москва, 1844, ч. II и IV и «Отрывокъ изъ записокъ» Погодина: «О жизни въ Римѣ съ Гоголемъ и Шевыревымъ въ 1839 году» (Русскій Архивъ, 1865 г., стр. 887—895). [3] Въ книгѣ: «Годъ въ чужихъ краяхъ» Гоголь рѣдко называется полною фамиліею, большею частію стоитъ одна буква *Г.* Въ соотвѣтствующихъ «Дневнику» мѣстахъ статьи «Русскаго Архива» читается фамилія Гоголя вполнѣ. [4] Годъ въ чужихъ краяхъ II, 83. [5] Тамъ же, стр. 186. [6] Тамъ же, часть IV, стр. 83.

подъ диктовку Гоголя. Какъ бы то ни было, но мысль повѣсти „Шинель“, заронившаяся въ душу поэта въ 1834 году, получила опредѣленное выраженіе и передана была бумагѣ только въ 1839 году. Къ этому году относятся также тѣ поправки и дополненія къ написанному рукою Погодина тексту, которыя нанесены Гоголемъ собственноручно на тотъ же листокъ. Дальнѣйшая работа надъ повѣстью продолжалась въ Римѣ, въ 1839 и 1840 годахъ.

Въ бумагахъ А. А. Иванова, поступившихъ въ Московскій Публичный Музей, сохранилась новая редакція начала „Шинели“, переписаннаго Погодинымъ. Эта вторая обработка начальныхъ страницъ повѣсти написана Гоголемъ собственноручно на четверткѣ голубоватой бумаги *большаго формата*, — той самой бумаги, на которой Гоголь переписывалъ *въ Римѣ* нѣкоторыя страницы переработанной редакціи „Тараса Бульбы“ [1]. Въ этомъ наброскѣ появляется уже фамилія чиновника, не названная въ Погодинскомъ текстѣ: „Тишкевичъ“. Представляемъ вполнѣ *вторую редакцію* начала „Шинели“, относя въ выноски поправки и дополненія, сдѣланныя въ ней авторомъ:

„Въ департаментѣ податей и сборовъ, или, — какъ любятъ иногда называть его чиновники, любящіе поострить, — подлостей и вздоровъ [2] служилъ одинъ чиновникъ больше низенькаго, чѣмъ средняго роста [3], нѣсколько рябоватъ, нѣсколько рыжеватъ, нѣсколько даже на видъ подслѣповатъ, съ небольшою лысинкой на лбу, морщинами по обѣимъ сторонамъ щекъ и цвѣтомъ лица, что

---

[1] Ср. настоящаго изданія томъ I, стр. 644 и слѣд. [2] Въ рукописи къ этому слову сдѣлано слѣдующее примѣчаніе подъ текстомъ: «(Назван) Да не подумаютъ впрочемъ читатели, чтобы это названіе основанно было въ самомъ дѣлѣ на какой-нибудь истинѣ — ничуть. Здѣсь все дѣло только въ этимологическомъ подобіи словъ. Вслѣдствіе этого департаментъ горныхъ и соляныхъ дѣлъ называется депар[таментомъ] горькихъ и соленыхъ дѣлъ, и тому подобное. Много приходитъ на умъ иногда чиновникамъ во время, остающееся между службой и вистомъ». На лѣвомъ полѣ страницы къ этому мѣсту сдѣлана слѣдующая приписка: «когда на зло трескучему морозу гдѣ-нибудь въ комнатѣ при освѣщенномъ свѣчами вечерѣ и шипячемъ самоварѣ». — Начальныя строки повѣсти были потомъ зачеркнуты и сверху приписано слѣдующее: «Въ департаментѣ... не хочу сказать, какомъ: (вообще) ибо департаменты пресердитое сословіе и чуть только назови одинъ изъ нихъ по имени, въ тужъ минуту названный обидится и будетъ утверждать, что надъ нимъ смѣются, хотя бы просто Авторъ сказалъ, что въ департаментѣ весьма чисто (и выметаются хорошо) и опрятно. Итакъ, въ одномъ департаментѣ» [служилъ и т. д.]. [3] Сверху строки поправка: «довольно ни...; зачеркнуты слова: «больше низенькаго, чѣмъ средняго роста».

называется нѣсколько геморроидальнымъ. — Что жъ дѣлать? Авторъ въ этомъ совершенно не виноватъ: таково дѣйствіе петербургскаго климата. (Былъ онъ). Что касается до чина, (потому что =) ибо у насъ на Руси прежде всего нужно объявить чинъ (говорится: какъ вашъ чинъ, имя и фамилія? а не: фамилія, имя, чинъ. Итакъ, что касается до чина), то онъ былъ то, что называютъ вѣчный титулярный совѣтникъ (сословіе, чинъ), надъ которымъ, какъ извѣстно, у насъ не мало потрунили и поострились (sic!) разные писатели, (которыхъ сочиненія и донынѣ еще смѣшат нѣкоторыхъ читателей, (читающихъ) сдѣлавшихся читателями отъ скуки и изъ препровожденія времени и) которые имѣютъ похвальное обыкновеніе налегать на тѣхъ, которые не могутъ кусаться[1]. (Имя и) фамилія его была Акакій Акакіевичъ Тишкевичъ. Можетъ быть, это имя покажется нѣсколько страннымъ (но что жъ дѣлать?): никакъ нельзя было безъ него обойтиться (совершенно нельзя, и вотъ), и это читатель (совершен) сейчасъ увидитъ, какъ[2] это произошло.

Родился онъ какъ разъ противъ ночи (на 4 февраля) зимою и въ самое дурное время. Покойница матушка, чиновница и очень хорошая женщина, тотчасъ же (генеральша Кулебякина ее любила, послала) приказала позвать священника, чтобы окрестить ребенка. Ибо Акакій Акакіевичъ былъ тогда безъ галстуха, безъ фрака и безъ морщинъ, — словомъ былъ ребенокъ. Покойница лежала на кровати противъ дверей; съ правой стороны — кумъ, стряпчій[3] и жена квартальнаго (чиновника) офицера. Священникъ открылъ святцы и, какъ водится мальчику давать имя святыхъ[4] нѣсколькими днями впередъ, то священникъ представилъ матушкѣ любое изъ трехъ: Еввулъ, Моккій, Евлогій. „Вотъ это, батюшка, какія имена! Я такихъ и не слышала. Это такія имена... и людей такихъ нѣтъ". Священникъ перевернулъ черезъ страницу, — и вышли опять три имени: Варахасій, Дула и Трефилій. „Ахъ, Боже мой! еще чуднѣе имена. Да развѣ, батюшка, были такія имена?" [Священникъ показалъ святцы]. „Какія право! странно! Ужъ пусть бы еще Варадатъ или Фармуфій, а то (это право) Тре-

[1] Сверху поставлена буква *ю;* намѣчена поправка: «не кусаются». [2] Слово «какъ» было потомъ зачеркнуто и вмѣсто него сверху строки приписано: «*всю исторію, какъ*». [3] Слово: «стряпчій» зачеркнуто и вмѣсто него написано сверху строки: «служившій въ 4-мъ департаментѣ сената». [4] Слово «святыхъ» приписано сверху строки.

филій! Я и не повторю такихъ“. Священникъ перевернулъ страницу и вышелъ (sic!) два: Павсикахій и Фрументій. „Ну, ужъ коли такъ“, сказала матушка: „такъ пусть (будетъ) такъ называется, какъ и отецъ его (Акакій). Отецъ былъ Акакій, такъ пусть и сынъ называется Акакіемъ“. И такимъ образомъ составился Акакій Акакіевичъ. Его тутъ же окрестили“.

„Итакъ, это произошло совершенно по необходимости, что чиновникъ сталъ носить такое имя“.

— „Но какъ онъ служилъ — клянусь, этакъ трудно служить, этакъ не служить. Это не то, что иной (занимающій даже и штатное мѣсто 7-го класса и выше. Насидѣвшись), какъ говорится: отзвонилъ да и съ колокольни, прибавивши: „чортъ, побери присутствіе!“ и (поб), вытянувшись, пошелъ подпригивать[1] по улицѣ и натягивать на пальцы бѣлую перчатку. Акакій Акакіевичъ (жилъ службою) пилъ службу, какъ воздухъ. Въ службѣ его было все существованіе, источникъ радостей и всего“.

Но и этотъ текстъ первыхъ страницъ повѣсти подвергся новой передѣлкѣ, переписанной Гоголемъ набѣло довольно тщательно (ср. выше, стран. 171—172) и испытавшей новыя поправки при выработкѣ окончательной редакціи, т. е. печатной.

Наброски, вошедшіе, въ болѣе или менѣе измѣненномъ видѣ, въ составъ этой послѣдней редакціи повѣсти, сохранились въ бумагахъ А. А. Иванова и поступили частію въ Императорскую Публичную Библіотеку въ Петербургѣ, частію въ Московскій Публичный Музей. Эти наброски написаны то на клочкахъ, то на цѣлыхъ листахъ бумаги разныхъ фабрикъ, различнымъ характеромъ письма, чернилами также не одинаковыми — то черными, то блѣдными и мутно-сѣрыми[2]. Эти внѣшніе признаки матеріала, которымъ пользовался Гоголь при набрасываніи текста отдѣльныхъ частей повѣсти, свидѣтельствуютъ о разновременномъ сочиненіи отрывковъ, въ періодъ 1839—1840 г. Тринадцатый отрывокъ повѣсти („Акакій Акакіевичъ уже и не слышалъ“ — „и даже преогромные усы“)[3], судя по бумагѣ, на которой онъ написанъ, чернила мъ и характеру письма, набросанъ *одновременно* съ четвертымъ отрывкомъ новой редакціи „Тараса Бульбы“, слѣд. во второй половинѣ іюня или первой іюля 1840 года въ Вѣнѣ[4]. Этотъ набросокъ заключаетъ

[1] Написанное прежде слово «попригивать» зачеркнуто и сверху строки приписано: «пошелъ подпригивать». [2] Эти наброски напечатаны выше (стр. 170—194). [3] Ср. выше, стр. 189—194. [4] См. настоящаго изданія томъ I, стр. 637—638.

въ себѣ послѣднія страницы повѣсти: слѣд. „Шинель“ окончена въ черновой редакціи въ Вѣнѣ, въ іюнѣ или въ іюлѣ 1840 года. Въ февральской книжкѣ „Москвитянина“ на 1841 годъ Погодинъ уже извѣщалъ читателей своего журнала, что у Гоголя „есть нѣсколько готовыхъ повѣстей: *о чиновникѣ, укравшемъ шинель*, Мадонна dei fiori и проч.“ Свидѣтельство Погодина относится, какъ видно изъ заглавія, которое онъ удерживаетъ за повѣстью, къ *черновому тексту* „Шинели“. При сведеніи въ одно цѣлое, передъ перепискою набѣло, черновые наброски подверглись новой, послѣдней обработкѣ: въ этомъ можно убѣдиться, сравнивши напечатанные нами наброски съ текстомъ печатной редакціи повѣсти, появившейся въ первый разъ въ „Сочиненіяхъ Н. Гоголя“ (1842 г.).

Стр. 88 [1] Въ изданіи «Сочиненій Николая Гоголя» **П** опечатка: «какъ-то». Въ текстѣ «Шинели», сохранившемся на листкахъ, которые поступили отъ художника А. А. Иванова въ Императорскую публичную библіотеку (**ИИБ**): «какой-то». См. стр. 173-ю этого тома. [2] **ИИБ**; «подсмѣивалъ» **П**.

Стр. 90 [1] Такъ въ **П**, согласно обычному правописанію Гоголя.

Стр. 93 [1] **Т**; «заламливать» **П**.

Стр. 94 [1] Въ **П** ошибка: «наклеено»; въ **ИМ**: «заклеилъ».

Стр. 97 [1] **П**, **ИМ**. Не слѣдуетъ ли читать: «возьмется»?

Стр. 98 [1] Такъ въ **ИМ** и **П**, согласно обычному употребленію этого слова Гоголемъ. Ср. 1-е примѣчаніе къ 147-й страницѣ этого тома.

Стр. 102 [1] **П**; «испанкой» **ИМ**.

Стр. 105 [1] **ИМ**; въ **П**: «никого».

Стр. 114 [1] **ИМ**; «сталъ» **П**.

Коляска (стр. 117—129).

Первоначальная редакція повѣсти „Коляска“ внесена въ ту записную книгу Гоголя, въ которую онъ вписывалъ свои наброски въ 1835 году. Повѣсть занимаетъ здѣсь полулисты седьмой и восьмой и верхнюю половину первой страницы девятаго листа; на оборотѣ шестаго листа помѣщена дополнительная приписка къ тексту „Коляски“: „да какой-нибудь помѣщикъ въ нанковомъ сюртукѣ тащился вмѣстѣ [съ] своими мѣшками въ какой[-то] полубричкѣ и полуповозкѣ на гнѣдой кобылѣ съ бѣгущимъ лошакомъ“. Текстъ повѣсти, очевидно, черновой, первоначальный. Записная книга, въ которую онъ внесенъ, впослѣдствіи принадлежала И. С. Аксакову и, по завѣщанію вдовы послѣдняго, передана въ Московскій Публичный Музей. Въ настоящемъ изданіи эта записная книга означается такъ: **РА** № 5. Пушкинъ получилъ эту повѣсть въ 1835 году для „Альманаха“, который онъ предполагалъ издать и который былъ

замѣненъ журналомъ „Современникъ". 11-го октября 1835 года Пушкинъ писалъ Плетневу изъ Михайловскаго: „Спасибо, великое спасибо Гоголю за его „Коляску": въ ней Альманахъ далеко можетъ уѣхать; но мое мнѣніе: даромъ „Коляски" не брать, а установить ей цѣну; Гоголю нужны деньги"[1]. Редакція этой повѣсти, внесенная въ записную книгу **РА** № 5, предшествовала той, о которой идетъ рѣчь въ письмѣ Пушкина къ Плетневу и которая появилась въ первомъ томѣ „Современника" Пушкина (стр. 170—190), вышедшемъ въ свѣтъ въ первыхъ числахъ апрѣля[2]. Въ первоначальной, черновой редакціи „Коляски" (**РА** № 5) имя главнаго дѣйствующаго лица не установлено окончательно: онъ называется то Кропотовымъ, то Крапушкинымъ. Въ печатномъ текстѣ повѣсти онъ носитъ фамилію Чертокуцкаго. Въ послѣдней редакціи смягчено нѣсколько отдѣльныхъ выраженій, исключены или замѣнены другими нѣкоторыя мелкія подробности наброска; но вообще печатная редакція довольно близка къ первоначальному наброску въ записной книгѣ **РА** № 5. Послѣдній напечатанъ въ „Сборникѣ Общества любителей россійской словесности на 1890 годъ". Позволяемъ себѣ высказать предположеніе, что въ основѣ повѣсти „Коляска" лежитъ разсказъ объ истинномъ происшествіи. Графъ В. А. Сологубъ разсказываетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ" о Михаилѣ Юрьевичѣ Віельгорскомъ: „Онъ былъ разсѣянности баснословной; однажды, пригласивъ къ себѣ на огромный обѣдъ весь находившійся въ то время въ Петербургѣ дипломатическій корпусъ, онъ совершенно позабылъ объ этомъ и отправился обѣдать въ клубъ; возвратясь, по обыкновенію, очень поздно домой, онъ узналъ о своей оплошности и на другой день отправился, разумѣется, извиняться передъ своими озадаченными гостями, которые накунѣ, въ звѣздахъ и лентахъ, явились въ назначенный часъ и никого не застали дома. Всѣ знали его разсѣянность, всѣ любили его и потому со смѣхомъ ему простили; одинъ баварскій посланникъ не могъ переварить неумышленной обиды, и съ тѣхъ поръ къ Віельгорскому ни ногой" (стр. 131—132). Гоголь могъ слышать этотъ разсказъ отъ самого В. А. Сологуба, которому сталъ извѣстенъ въ 1832 году[3] и который скоро съ нимъ сблизился.[4]

---

[1] Сочиненія и переписка Плетнева III, 380. [2] Цензурное разрѣшеніе перваго тома «Современника» помѣчено: «31 марта 1836 г.» [3] Воспоминанія графа В. А. Сологуба, стр. 113. [4] Русскій Архивъ, 1865 г., стр. 742.

„Коляска“ при перепечаткѣ въ первомъ изданіи „Сочиненій Гоголя“ не подверглась редакціонной передѣлкѣ со стороны автора; Прокоповичъ сдѣлалъ немногія стилистическія поправки въ текстѣ повѣсти, напечатанномъ въ „Современникѣ“ Пушкина. Эти поправки приведены въ варіантахъ, при чемъ „Современникъ“ Пушкина обозначенъ буквою **С**.

Стр. 117 [1] **РА**, **С**; «Городѣ» **П**. Въ изданіи **П** очевидная опечатка, потому что на той же страницѣ два раза напечатано въ **П**: «городка Б», «въ городкѣ Б». [2] Въ **С**, **П** и **Т** въ этомъ мѣстѣ невѣрно разставлены знаки препинанія: «крыши большею частію крыты тростникомъ. Какъ обыкновенно бываетъ въ южныхъ городахъ нашихъ, садики, для лучшаго вида, городничій давно приказалъ вырубить». Въ редакціи **РА**: «крыши большею частію очеретяныя, какъ въ южныхъ городахъ нашихъ; садики, для лучшаго вида, городничій давно приказалъ вырубить». [3] **П**; «выглядывая изъ мучныхъ наваленыхъ мѣшковъ» **С**. [4] **П**; «бѣжалъ» **СП**.

Стр. 118 [1] Это единственно правильное чтеніе («заборъ») сохранилось въ собственноручной рукописи Гоголя **РА**; въ **С**, **П** и **Т**: «дворъ». [2] Такъ въ **РА** **С**, **П** и **Т**: «баранковъ». [3] **РА**, **П**; «миндаля» **С**. [4] **С**; «у дверей» **П**. [5] **РА**, **П**; въ **С**: «поставить тихомолкомъ отъ генерала». [6] **РА**, **С**; «на нихъ» **П**. [7] **РА**, **С**; «подмазываетъ» **П**.

Стр. 119 [1] **Т**; «поваренныхъ» **С**. [2] **П**; «Весь рынокъ былъ забранъ совершенно для обѣда» **С**.

Стр. 120 [1] **П**; «легонькой» **С**. [2] **П**; «Очень ловко соскакивалъ передъ ними съ своей легонькой колясочки» **С**; «Очень ловко соскакивалъ предъ ними съ своей легкой колясочки» **РА**. [3] **СП**; «Кромѣ его» **П**. [4] **П**, **С**; знакомые съ правописаніемъ Гоголя согласятся, что можно читать: «все». [5] **П**; «желеи» **С**. [6] **С**; «окладистаго» **П**; «уютнаго» **РА**. Тоже выраженіе «укладистый» (въ смыслѣ «помѣстительный, просторный») встрѣчается, въ примѣненіи къ коляскѣ, на стр. 122 ой этого тома. [7] **РА**, **С**; «кофе» **П**.

Стр. 121 [1] **С**; «исчезъ» **П**. [2] Въ **С** и **П** въ этомъ мѣстѣ неправильная пунктуація: «ведя за узду вздрагивавшую и пугавшуюся лошадь, которая вдругъ, поднявъ голову, чуть не подняла вверхъ присѣвшаго къ землѣ солдата». Въ настоящемъ изданіи пунктуація исправлена на основаніи собственноручной рукописи Гоголя **РА**, гдѣ это мѣсто читается такъ: «ведя за узду вздрагивавшую и пугавшуюся лошадь, которая, поднявъ вдругъ голову въ верхъ, чуть не подняла въ верхъ присѣвшаго къ землѣ солдата». [3] **П**; «смотрѣть довольнымъ видомъ» **РА**, **С**.

Стр. 123 [1] **С**, **П**; въ **РА** нѣтъ слова «ихъ». [2] **РА**; «выступаетъ» **С**, **П**. [3] **С**; «взялъ-было уже» **П**. [4] Въ текстѣ **С** и **П**, вмѣсто «разсѣлось», напечатано: «разсѣялось»; исправляемъ на основаніи собственноручной рукописи Гоголя **РА** № 5, въ которой это мѣсто читается такъ: «скоро все общество раздѣлилось на четверныя партіи, поразсѣлось по всей комнатѣ». Въ **С**: «Скоро все общество раздѣлилось на четверныя партіи въ вистъ и разсѣялось въ разныхъ углахъ генеральскихъ комнатъ»; въ **П**: «Скоро все общество раздѣлилось на четверныя партіи въ вистъ и разсѣялось по разнымъ угламъ генеральскихъ комнатъ».

Стр. 124 [1] П; «роберта» РА, С. [2] П; «споръ о баталіонномъ ученіи» С. [3] П; «что направо и налѣво стояла у него бутылка». [4] С; «отъ графина» П.

Стр. 125 [1] С; «когда начали разъѣзжаться, уже было три часа» П. [2] С; «улёгся» П. [3] РА; «щеку» С, П. [4] С; «подлѣ» П. [5] П; «и» С.

Стр. 126 [1] П; «легинькая» РА; «легонькая» С. [2] Слова «гнѣдыхъ» нѣтъ въ РА.

Стр. 127 [1] П; «на постелѣ» РА, С. [2] С; «далеко ли они?» П; «Гдѣ они? Далеко?» РА. [3] П; «сказалъ, входя на крыльцо, лакей» С; «сказалъ вышедшій на крыльцо французъ-дворецкій» РА.

Стр. 128 [1] РА, П; «Что изволите?» С.

Римъ (стр. 130—170).

10-го сентября 1839 г. Гоголь, вмѣстѣ съ Погодинымъ, выѣхалъ изъ Вѣны въ Россію[1]. 29 сентября М. С. Щепкинъ уже увѣдомилъ С. Т. Аксакова о пріѣздѣ въ Москву Гоголя и Погодина[2]. 26 октября Гоголь, вмѣстѣ съ С. Т. Аксаковымъ, его дочерью и сыномъ, отправился въ Петербургъ, чтобы взять своихъ сестеръ изъ Патріотическаго Института; 22-го декабря онъ, съ сестрами и семействомъ С. Т. Аксакова, возвратился въ Москву[3]. Только по возвращеніи изъ Петербурга, Гоголь, дотолѣ отмалчивавшійся на вопросы о „Мертвыхъ Душахъ" и увѣрявшій, „что у него ничего готоваго нѣтъ"[4], прочелъ Аксаковымъ шесть главъ „Мертвыхъ Душъ" и „*начало* итальянской повѣсти „Аннунціата"[5]. Во время пребыванія своего въ Петербургѣ Гоголь, повидимому, ничего не писалъ[6]; нужно предположить, что начало итальянской повѣсти: „Аннунціата" онъ привезъ въ Москву готовымъ изъ-за границы. Въ такомъ случаѣ первоначальная редакція отрывка „Римъ" была окончена уже къ началу сентября 1839 года.

Изъ черновыхъ набросковъ этой первоначальной редакціи „Аннунціаты" сохранился только одинъ, написанный на первой страницѣ полулиста тонкой почтовой бумаги, малаго формата (in 8°). Представляемъ этотъ набросокъ вполнѣ: „Клянусь, этакихъ очей нельзя представить и вообразить; ихъ тоже немощна передать кисть художника. Какъ угли они черны, и изъ нихъ льются молніи. А чело. плечи (только одно италіанское на той (сто) половинѣ) — это солнечное сіяніе, облившее бѣлыя стѣны каменныхъ домовъ. А волосы,

[1] Погодина, Годъ въ чужихъ краяхъ IV, 223. [2] Русь 1880 г., № 4, стр. 18. [3] Ср. настоящаго изданія, томъ V, стр. 678. [4] Кулиша, Записки о жизни Гоголя I, 252. [5] Тамъ же, стр. 253. Русь 1880 г. № 6, стр. 16. [6] Ср. настоящаго изданія томъ V, стр. 678. [7] Напечатанное курсивомъ написано сверху строкъ; прежде было написано: «Это угли и сверкающіе, какъ молнія».

Боже, какіе волосы! Темная, темная громовая ночь, *и вся въ лоскъ*[1]. О, нѣтъ! такой женщины не сыскать въ Европѣ. Объ нихъ только живутъ преданія, да блѣдные, безчувственные портреты ихъ иногда являются въ правильныхъ созданіяхъ художника. У, какъ смѣло, какъ ловко обхватило платье ея (сильные) могучіе, прекрасные члены! Но лучше, если бы оно не обхватило ея вовсе. Покровы прочь, и тогда бы увидѣли всѣ, что это богиня. А попробуйте покровы прочь съ нѣмки, или англичанки, или француженки, и выйдетъ чортъ знаетъ что: цыпленокъ. Вотъ повернулась картинная голова — коса кольцомъ, сверкнулъ затылокъ и тонкая нѣжная шея. Еще (далѣе) движеніе — и уже видна[2] благородная прямая линія носа, тонкій конецъ брови и три (черныя) длинныя иглы рѣсницъ. А что же далѣе?... Но нѣтъ, не гляди, *не подноси своихъ молній*[3] Читай у...“

Сравненіе этого наброска съ соотвѣтствующимъ мѣстомъ отрывка — „Римъ“ заставляетъ предполагать, что между началомъ повѣсти „Аннунціата“ и „отрывкомъ“ образовалась, благодаря переработкѣ, значительная разница въ стилистическомъ отношеніи. С. Т. Аксаковъ свидѣтельствуетъ, что слышанное имъ зимою 1839—40 г. начало итальянской повѣсти „Аннунціата“ „*потомъ было нѣсколько передѣлано* и составило статью „Римъ“[4]. Передѣлка была кончена къ концу 1841 года и въ мартовской книжкѣ „Москвитянина“ на 1842-й годъ (стр. 22—67) уже былъ напечатанъ „отрывокъ — Римъ“. Болѣе опредѣленныхъ указаній на время выработки послѣдней редакціи „Рима“ мы не имѣемъ. П. В. Анненковъ справедливо замѣтилъ о Гоголѣ: „*Только въ 1839 году* появляются у него фразы въ родѣ слѣдующей: „Германія есть не что другое, какъ самая неблаговонная отрыжка гадчайшаго табаку и мерзѣйшаго пива“. Тутъ уже сказалось вліяніе Италіи и особенно Рима, въ которомъ онъ провелъ весну 1837 и потомъ почти безпрерывно два года (съ осени 1837 по осень 1839). *Вліяніе начинаетъ все больше усиливаться и проявляться отвращеніемъ къ европейской цивилизаціи*, наклонностію къ художническому уединенію, сосредоточенностію мысли, поискомъ за крѣпкимъ основаніемъ, которое могло бы держать духъ въ напряженномъ довольствѣ

[1] Напечатанное курсивомъ замѣняетъ прежнюю неконченную фразу: «а лоскъ на нихъ»... [2] Въ рукописи: «видная». [3] Напечатанное курсивомъ написано сверху зачеркнутыхъ словъ: «не поворачивайся». [4] Кулиша, Записки о жизни Гоголя I, 253.

однимъ самимъ собою"[1]. Поэтъ, еще увлекавшійся въ 1837 году жизнію въ „центрѣ великолѣпія" — Парижѣ[2], хотя уже и въ то время питавшій рѣшительное отвращеніе къ тревогамъ политической жизни[3], — Гоголь въ теченіе двухлѣтняго пребыванія въ Римѣ окончательно замкнулся въ кругъ художественныхъ интересовъ. Подобно тому римскому князю, который изображенъ въ отрывкѣ „Римъ", поэтъ оставилъ Парижъ, „гдѣ идя подымаешься выше, чувствуешь, что членъ *великаго всемірнаго общества*"[4], и поселился въ Римѣ, который скоро „увлекъ и околдовалъ" его[5]. Въ „вѣчномъ городѣ" Гоголь, какъ и его римскій князь, „уединился совершенно"[6]. Не повторяя сказаннаго въ другомъ мѣстѣ[7], припомнимъ свидѣтельство П. В. Анненкова: „Подъ свое воззрѣніе на Римъ Гоголь начиналъ подводить въ эту эпоху (1841 г.) и свои сужденія вообще о предметахъ нравственнаго свойства, свой образъ мыслей и наконецъ жизнь свою. Такъ, взлелѣянный уединеніемъ Рима, онъ весь предался творчеству и пересталъ читать и заботиться о томъ, что дѣлается въ остальной Европѣ"[8]. Это воззрѣніе, еще болѣе развившееся и окрѣпшее во время пребыванія въ Римѣ, послѣ путешествія въ Россію (1839—40 г.), Гоголь начинаетъ высказывать въ набросках новой редакціи „Тараса Бульбы", на послѣднихъ страницахъ первой части „Мертвыхъ Душъ". Передѣлка итальянской повѣсти: „Аннунціата" въ „отрывокъ — Римъ", какъ видно уже изъ перемѣны заглавія, дала болѣе мѣста развитію въ этой статьѣ воззрѣнія Гоголя на Римъ, чѣмъ то было въ „итальянской повѣсти", и симптомы „переходнаго состоянія" въ жизни Гоголя, которые замѣтны были Анненкову въ 1841 году[9], выразились въ отрывкѣ „Римъ" съ полною опредѣленностью. Послѣднюю редакцію статья о Римѣ получила, несомнѣнно, во второй половинѣ 1841 года. Тотчасъ послѣ появленія этого „отрывка" въ печати, Бѣлинскій замѣтилъ, что поэтъ „отдалился отъ современнаго

[1] Анненкова, Воспоминанія и критическіе очерки I, 195. [2] Ср. настоящаго изданія томъ I, стр. 665. [3] Изъ Парижа Гоголь писалъ Прокоповичу 25 января 1837 г.: «Жизнь политическая, жизнь вовсе противоположная смиренной художнической, не можетъ понравиться такимъ счастливцамъ празднымъ, какъ мы съ тобою. Здѣсь все политика, въ каждомъ переулкѣ и переулочкѣ — библіотека съ журналами... Только въ одну жизнь театральную я иногда вступаю» (Русское Слово, 1859 г., январь, стр. 91—92). [4] См. выше, стр. 139. [5] Сочиненія и письма Гоголя V. 328. [6] См. выше, стр. 145. [7] Ср. настоящаго изданія томъ I, стр. 665—675. [8] Воспоминанія и критическіе очерки I, 200. [9] Тамъ же, стр. 197. Ср. настоящаго изданія томъ I, стр. 677.

взгляда на жизнь и искусство", и доказательство тому видѣлъ, между прочимъ, и въ „статьѣ — Римъ", „въ которой есть удивительно яркія и вѣрныя картины дѣйствительности, но въ которой есть и косые взгляды на Парижъ и близорукіе взгляды на Римъ, и — что̀ всего непостижимѣе въ Гоголѣ — есть фразы, напоминающія своею вычурною изысканностью языкъ Марлинскаго". „Отчего это?" спрашиваетъ Бѣлинскій, и отвѣчаетъ такъ: „Думаемъ, оттого, что при богатствѣ современнаго содержанія и обыкновенный талантъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше крѣпнетъ, а при одномъ актѣ творчества и геній наконецъ начинаетъ постепенно выспускаться"[1]... 1-го сентября 1843 года, ознакомившись съ мнѣніемъ Бѣлинскаго о „Мертвыхъ Душахъ" и о Римѣ, Гоголь писалъ Шевыреву: „Я получилъ разныя критики изъ петербургскихъ журналовъ „М. Д.", замѣчательнѣе всѣхъ въ „Современникѣ"... А вообще я нахожу, что нѣтъ средины между благосклонностью и неблагосклонностью. Бѣлинскій смѣшонъ. А всего лучше замѣчаніе о „Римѣ": онъ хочетъ, чтобы римскій князь имѣлъ тотъ же взглядъ на Парижъ и французовъ, какой имѣетъ Бѣлинскій. Я бы былъ виноватъ, если бы даже римскому князю внушилъ такой взглядъ, какой имѣю я на Парижъ, потому что и я хотя могу столкнуться въ художественномъ чутьѣ, но вообще не могу быть одного мнѣнія съ моимъ героемъ. Я принадлежу къ живущей и современной націи, а онъ — къ отжившей. Идея романа вовсе не была дурна: она состояла въ томъ, чтобы показать значеніе націи отжившей, и отжившей прекрасно, относительно живущихъ націй. Хотя по началу, конечно, ничего нельзя заключить, но все можно видѣть, что дѣло въ томъ, какого рода впечатлѣніе производитъ строющійся вихорь новаго общества на того, для котораго уже почти не существуетъ современность"[2]. Этимъ разъясненіемъ не опровергается замѣчаніе Бѣлинскаго. „Отрывокъ Римъ" несомнѣнно имѣетъ важное автобіографическое значеніе, какъ это было указано П. В. Анненковымъ[3].

Приводя въ варіантахъ стилистическія поправки, сдѣланныя (Прокоповичемъ?) въ текстѣ отрывка „Римъ", напечатанномъ въ „Москвитянинѣ", означаемъ этотъ журналъ буквою **М**.

---

[1] Сочиненія Бѣлинскаго VI, 548. [2] Русская Старина 1875 г., кн. 10-я, стр. 302—303. [3] Ср. также статью В. В. Стасова: „Гоголь и русскіе художники въ Римѣ" (Древняя и новая Россія 1879 г., декабрь, стр. 529).

Стр. 130 [1] М; «Никакой гибкій пантеръ не сравнится» П. [2] М: «дышащей» П.

Стр. 131 [1] М; «непромокаемомъ» П. [2] М, П. Гоголь нерѣдко употребляетъ предлогъ «изъ» вм. «съ» и наоборотъ. См. 1 примѣч. къ стр. 62 перваго тома и 1 прим. къ 6 стр. 5-го тома. На этомъ основаніи печатаемъ: «съ лица». Нѣсколько ниже (стр. 150 этого тома) напечатано: «изгнавшими сердечное выраженіе съ лицъ» (П); въ М: «изъ лицъ».

Стр. 132 [1] М; «кофе» П.

Стр. 133 [1] М: «формахъ» П. [2] П; «необдуманной» М.

Стр. 134 [1] П; въ М нѣтъ слова «ему».

Стр. 135 [1] П; «шумѣвшихъ шаговъ» М.

Стр. 136 [1] М; «вскочивши» П. [2] М: «кофе» П. [3] П; «читая ихъ, думая» М.

Стр. 137 [1] П; «въ карманъ» М.

Стр. 138 [1] М; «по залѣ» П. [2] Въ М и П невѣрно: «оратора, камерныхъ преній».

Стр. 139 [1] П; въ М ошибочно: «для двадцатилѣтвяго юноши». [2] П; «заплеснѣлымъ» М. [3] П; «странная» М. [4] Въ М и П невѣрная пунктуація: «Въ движеніи вѣчнаго его кипѣнья и дѣятельности видѣлась теперь ему страшная недѣятельность. Страшное царство словъ вмѣсто дѣла». Слова: «недѣятельность», «царство словъ» имѣютъ при себѣ одно сказуемое: «видѣлась». Такого рода согласованіе сказуемаго въ слитномъ предложеніи съ *однимъ* изъ подлежащихъ часто встрѣчается у Гоголя. Ср. 8-е примѣч. къ 229-й стр. перваго тома.

Стр. 140 [1] М; «противниковъ» П. [2] М; «противниковъ» П. [3] П; «ловящая человѣка» М. [4] П; «Въ самыхъ наукахъ» М.

Стр. 141 [1] П; «на недѣлю» М.

Стр. 142 [1] М; «во всемъ» П. [2] П; «того же вечера» М.

Стр. 143 [1] П; «въ церквѣ» М. [2] М; «на колѣна» П. [3] М; «Онъ не умѣлъ» П

Стр. 145 [1] П; «разсѣянный» М. Гоголь предпочиталъ въ случаяхъ, подобныхъ настоящему, употреблять имена прилагательныя, а не нарѣчія.

Стр. 146 [1] П; «этѣ» М.

Стр. 147 [1] П; «самаго» М. Такъ обыкновенно писалъ это слово Гоголь, смѣшивавшій слово «самъ» съ «самый». [2] П; «золотымъ» М. [3] М; «въ этотъ» П.

Стр. 148 [1] П; «придая» М. [2] М; «чудную красоту» П. [3] М: «этотъ» П. [4] М; «эта» П.

Стр. 149 [1] П; «Ему непріятно бы было» М. [2] П; «въ модную улицу» М.

Стр. 150 [1] П; «кистей» М. [2] П; «вытѣсненные изъ Европы» М. [3] П; «изъ» М. Ср. примѣч. 1-е къ 62-й стр. перваго тома. [4] П; «спокойствомъ» М. [5] П; «серебренное» М. Ср. 4-е прим. къ 70-й стр. пятаго тома. [6] Такъ въ М и П: «увѣнчавались». [7] Вѣроятно, слѣдуетъ читать: «останки», — слово это часто употреблялось Гоголемъ въ случаяхъ, подобныхъ настоящему.

Стр. 151 [1] П; «рощь» М. [2] М: «однимъ» П. [3] П: «подгоризонтѣ» М. [4] П: «они» М. [5] П; «виднѣли» М. Ср. 1-е прим. къ 19-й стр. пятаго тома. [6] П; «они» М.

Стр. 152 [1] М; «этой» П.

Стр. 153 [1] П; «чертящій» М.

Стр. 154 [1] П; «и для него охладѣли» М. [2] М; «вырвала» П.

Стр. 155 [1] П; «въ продолженіи» М. [2] П; «до ребятишки» М.

Стр. 156 [1] П: «наѣзды иностранцевъ, развратителей недѣйствующихъ надій, порождающіе» М.

Стр. 157 [1] **П**; въ **М** нѣтъ слова: «все». [2] **П**; «не слышалось что-то умершее» **М**. [3] **П**: «спокойство» **М**.

Стр. 158 [1] **П**; «въ тысячи разныхъ образахъ» **М**. Ср. 4-е прим. къ 116-й стр. пятаго тома. [2] **М**; «насылающими» **П**. [3] Кажется, слѣдуетъ: «съ душевнаго дна». Ср. выше, 2-е прим. къ 131 стр. этого тома.

Стр. 159 [1] **П**; «его» **М**.

Стр. 160 [1] **П**; «сойтиться» **М**. [2] **П**; «Князь принимался было разспрашивать у близъ стоявшихъ около себя» **М**. [3] Не слѣдуетъ ли читать: «сопровождаемое жестомъ и словами?» [4] **П**; «утаивъ дыханье» **М**.

Стр. 161 [1] **М**; «усыпанъ» **П**. [2] **П**; «въ колокольню» **М**.

Стр. 162 [1] **П**; «навѣчно» **М**.

Стр. 163 [1] **М, П**. Не слѣдуетъ ли читать: «открывается»? Ср. 1-е прим. къ 19-й стр. пятаго тома. [2] **П**; «изъ другаго окна» **М**. [3] **П**; «Сиріоры» **М**. [4] **М, П**. Слѣдуетъ читать: «всѣ мошенники», если принять во вниманіе обычную у Гоголя постановку *е* вмѣсто *ѣ*. [5] **М**; «себѣ подъ носъ» **П**. [6] **П**; «гдѣ продавался хлѣбъ и веревки» **М**. [7] **П**; «находившагося» **М**. [8] **М**; «разносящій» **П**. [9] **П**; «синіорамъ» **М**. [10] **П**; «кофей» **М**

Стр. 164 [1] **П**; «Теты» **М**. [2] **П**; «синіоръ» **М**. [3] **П**; «Сіоръ» **М**.

Стр. 165 [1] **П**; «Синіоры» **М**. [2] **П**; «Синіора» **М**. [3] **П**; «куды» **М**. [4] **П**; «Синіора» **М**. [5] «самого» **М, П**: неисправленное правописаніе Гоголя. Ср. 1-е примѣч. къ 147-й стр. этого тома.

Стр. 166 [1] «самаго» **М, П**. [2] **М**; «пергаминныя» **П**.

Стр. 167 [1] **П**; «и взялъ того же утра» **М**. [2] **П**; «Сіоромъ» **М**.

Стр. 168 [1,2] **П**; «Сіоръ» **М**.

Стр. 169 [1] **П**; «Сіоръ» **М**. [2] **П**; «за кофій» **М**. [3] **П**; «Сіору» **М**. [4] **П**; «Сіоръ» **М**. [5,6] **П**; «Джякомо» **М**. [7] **М**; «однако» **П**. [8] **М**; «тутъ» **П**.

Стр. 170 [1] **М**; «по одиночкѣ» **П**. [2] **М**; «означалось» **П**. [3] **М**; «еще темнѣй зачернѣли пинны, голубѣе и фосфорнѣе» **П**.

Отрывки изъ первоначальныхъ редакцій повѣсти „Шинель“ (стр. 171—194).

Напечатанные подъ этимъ заглавіемъ „отрывки“ писаны въ разное время въ 1839 — 1840 годахъ. Можетъ быть, они относятся не къ одной и той же редакціи; по крайней мѣрѣ, первый отрывокъ представляетъ не первоначальный *черновой* текстъ, а до извѣстной степени обработанный и уже *переписанный набѣло*. Листки, на которыхъ написаны эти отрывки, сохранились въ бумагахъ А. А. Иванова и поступили частію въ Императорскую Публичную Библіотеку, частію въ Московскій Публичный Музей. Два листка, одинаковой бумаги, безъ водяныхъ знаковъ, съ иностраннымъ штемпелемъ, на которыхъ написаны отрывки: 2-й, 3-й, 4-й и 10-й, хранятся въ Императорской Публичной Библіотекѣ (**ИБ**), остальные листки — въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ (**ИМ**).

Отрывокъ первый переписанъ набѣло. Сверху стоитъ заглавіе: „Шинель“. Написанъ на двухъ половинахъ разрѣзаннаго полулиста (т. е. на двухъ четверткахъ) обыкновенной писчей бумаги безъ водяныхъ знаковъ и фабричнаго штемпеля. Надъ нѣкоторыми зачеркнутыми словами и строками сдѣланы позднѣйшія приписки, приведенныя нами въ варіантахъ. Отрывокъ занимаетъ двѣ страницы первой четвертки и бо́льшую часть первой страницы второй.

Отрывки пятый, шестой и седьмой написаны на листкѣ почтовой бумаги формата восьмушки. Бумага очень тонкая и голубоватая. Пятый отрывокъ занимаетъ первую страницу и небольшую часть второй страницы. Онъ написанъ небрежнымъ толстымъ почеркомъ, такъ что строки первой страницы оставили слѣды на второй и наоборотъ строки второй страницы промокли на первую. Отрывки шестой и седьмой занимаютъ менѣе половины третьей страницы того же листка; написаны тонкимъ перомъ, болѣе мелкимъ шрифтомъ. Строки не такъ значительно промокли на четвертую страницу. Перевернувши послѣднюю пустую страницу нижнею стороною вверхъ, Гоголь сдѣлалъ на ней приписку: „Народъ кипитъ — представляетъ невозможность“. (См. настоящаго изданія томъ V, стр. 680). Эта приписка была сдѣлана позднѣе набросанныхъ отрывковъ (пятаго и шестаго) „Шинели“, и не ранѣе 1839 года[1]. Слѣдуетъ предположить, что и отрывки „Шинели“ относятся къ тому же году. Шестой и седьмой отрывокъ, конечно, представляютъ исправленія или дополненія къ прежнему тексту соотвѣтствующихъ мѣстъ повѣсти.

Отрывокъ восьмой представляетъ черновой набросокъ соотвѣтствующаго мѣста повѣсти, сдѣланный на поперечной половинѣ четвертки большаго (in 4°) формата почтовой бумаги, такъ что фабричный штемпель („Bath“ подъ короною), поставленный въ лѣвомъ углу листа, очутился внизу клочка съ лѣвой же стороны. Сверху наброска собственноручно написано тщательно карандашомъ: „на благоразсужденіе“. Кромѣ того набросаны два рисунка, изображающіе кустъ: первый рисунокъ сдѣланъ карандашомъ, второй — чернилами.

Отрывокъ девятый написанъ на первой страницѣ перегнутаго пополамъ полулиста бумаги желтоватаго цвѣта крупнымъ почеркомъ. Надъ первыми строками сдѣланы, очевидно, впослѣдствіи

[1]) Ср. настоящаго изданія томъ V, стр. 676—677.

поправки и дополненія болѣе мелкимъ письмомъ (Ср. варіанты къ страницѣ 176-й). Неумѣстившійся конецъ приписки продолжается на лѣвомъ полѣ страницы (ср. варіантъ 10 къ страницѣ 176-й). Вторая страница пустая. На третьей страницѣ того же листка начатъ *другимъ характеромъ почерка* одиннадцатый отрывокъ: „Одинъ разъ, переписывая...“ На четвертой страницѣ этого полулиста написанъ былъ ранѣе отрывокъ, начинающійся словами: „Нужно знать, что Акакій Акакіевичъ изъяснялся“, и оканчивающійся такъ: „былъ увѣренъ, что словомъ „того“ сказалъ почти все“.

Одиннадцатый отрывокъ, написанный отъ начала до конца однимъ характеромъ почерка, какъ бы въ одинъ присѣстъ, помѣщается на двухъ листкахъ разной бумаги. Отсутствіе значительныхъ поправокъ указываетъ, повидимому, на то, что отрывокъ переписывался съ готоваго оригинала; но самый характеръ почерка, быстраго и небрежнаго, противорѣчитъ этому предположенію, такъ какъ Гоголь при перепискѣ готоваго оригинала набѣло копировалъ очень медленно, отчетливо, красиво. Первая часть отрывка, включительно до словъ: „какого Акакію Акакіевичу еще никогда“, написана, на третьей страницѣ того же полулиста, на которомъ помѣщенъ девятый отрывокъ. На четвертой страницѣ уже написанъ былъ, конечно *раньше*, другимъ болѣе крупнымъ и разборчивымъ почеркомъ, слѣдующій отрывокъ для той же повѣсти: „Нужно знать, что Акакій Акакіевичъ изъяснялся большею частью предлогами, нарѣчіями и наконецъ такими частицами, которыя рѣшительно не имѣли никакого значенія[1]; притомъ[2] рѣдко случалось, чтобы онъ (ихъ) оканчивалъ фразу, особливо, если дѣло было затруднительно[3]. (Это право). Начиная рѣчь[4], сначала онъ еще проговаривалъ: „Это, право, совершенно того...“ А ужъ что было послѣ слова „того“, то рѣдко кто-нибудь услышивалъ, потому что слѣдовала такая длинная пауза, во время которой можно было выбриться, *и сходить за многими дѣлами и много кой-чего можно было сдѣлать*[5], и потому что иногда онъ и самъ позабывалъ[6], что нужно еще кое-что прибавить и (дума)

---

[1] Прежде было написано: „частицами, совершенно не имѣющими значенія“. [2] Прежде, вмѣсто слова: «притомъ», написано было: «да и то». [3] Прежде предполагалось дать этому мѣсту такой видъ: «особливо, если это было въ случаяхъ нѣсколько...» [4] Слова: «Начиная рѣчь», приписаны впослѣдствіи сверху строки. [5] Напечатанное курсивомъ приписано Гоголемъ впослѣдствіи сверху строки. [6] Сверху этихъ *незачеркнутыхъ* словъ приписана позднѣйшая поправка: «и потому что онъ позабывалъ».

былъ увѣренъ, что словомъ „того“ сказалъ почти все“. Наткнувшись на этотъ набросокъ, Гоголь продолжалъ одиннадцатый отрывокъ на новомъ полулистѣ голубоватой бумаги большаго формата (бумага, которою онъ пользовался въ Римѣ) и исписалъ тѣмъ же быстрымъ и сжатымъ письмомъ весь полулистъ до конца, оборвавши фразу на словахъ: „и одинъ изъ нихъ пошелъ вызвать“.

Отрывокъ двѣнадцатый написанъ быстрымъ и ровнымъ почеркомъ, почти безъ помарокъ, на полулистѣ бумаги, отрѣзанномъ отъ цѣлаго листа не вдоль, а поперекъ, такъ что онъ получитъ видъ длиннаго столбца, если его развернуть. Первая страница начата отъ сгиба листа и занимаетъ одну половину наружной его стороны; вторая страница развернутаго столбца занимаетъ первую и частію вторую четвертку онаго, т. е. большую часть внутренней стороны развернутаго полулиста. Характеръ письма — тождественный съ характеромъ письма предыдущаго отрывка и, очевидно, оба они написаны въ одно время, если не въ одинъ присѣстъ[1]. Поправокъ немного и нельзя предполагать, что отрывокъ списанъ съ готовой обработки этого мѣста повѣсти.

Отрывокъ тринадцатый написанъ на почтовой бумагѣ большаго формата. Бумага та же самая, какая употреблена для написанія трехъ отрывковъ изъ второй редакціи „Тараса Бульбы“ („Большое движеніе происходило въ запорожскомъ таборѣ“ — „озиравшій все пропадавшее вдали поле“); характеръ письма и цвѣтъ чернилъ тотъ же самый. Въ бумагѣ тотъ же водяной знакъ[2]: „птица на скалѣ“ на одной половинѣ листа, на другой буквы: F G. На основаніи этихъ внѣшнихъ признаковъ позволительно сдѣлать заключеніе объ *одновременности* написанія тринадцатаго отрывка „Шинели“ и втораго, третьяго и четвертаго набросковъ для „Тараса Бульбы“[3]. Тринадцатый отрывокъ занимаетъ первую и вторую страницу цѣльнаго листа почтовой бумаги (третья и четвертая пустыя) и двѣ полныя страницы четвертки отрѣзанной отъ листа точно такой же бумаги и вложенной въ недописанный листъ. Послѣ слова „усы“ текстъ продолжался, но словъ, на которыхъ обрывается послѣдняя фраза четвертки, намъ не удалось разобрать.

---

[1] См. выше описаніе листка, на которомъ помѣщенъ *одиннадцатый* отрывокъ.
[2] Ср. настоящаго изданія томъ I, стр. 594—595 и водяные знаки 3a, 3b на приложенномъ къ первому тому «Снимкѣ фабричныхъ знаковъ въ бумагѣ, на которой Гоголь писалъ свои произведенія». [3] Ср. настоящаго изданія томъ I, стр. 634—638.

Стр. 171 [1] Послѣ этого слова зачеркнуто: «(Не хочу сказать=) Нѣтъ, лучше не называть поименно, въ какомъ». [2] Послѣ этого зачеркнуто: «ибо [департаменты] пресердитое сословіе». [3] Прежде было написано: «хотя бы просто авторъ сказалъ». [4] Вмѣсто слова «весьма», прежде было написано: «очень». [5] Послѣ этого зачеркнуто: «Авторъ въ этомъ совершенно не виноватъ». [6] Прежде было написано: «ибо на Руси». [7] Слово «Башмакевичъ» въ рук. зачеркнуто и замѣнено сверху написаннымъ «Башмаковъ», но черезъ строку снова стоитъ: «Башмакевичъ», «Башмакевича».

Стр. 172 [1] Прежде было написано: «по нѣскольку разъ на годъ подметки. Имя его было Акакій Акакіевичъ. Конечно, оно покажется нѣсколько страннымъ. Но безъ .... никакъ нельзя было обойтись: это случилось совершенно въ слѣдствіе необходимости. Читатель сію минуту увидитъ, какъ произошло все это дѣло». [2] Послѣ этого зачеркнуто: «февраля». [3] Прежде было написано: «и состроилъ». [4] Въ рукописи: «совѣтникъ». [5] Прежде было написано: «И такъ, вотъ, какъ произошло это *дѣло*. И всѣ могутъ видѣть, что это произошло совершенно по необходимости, а не по чему либо другому». [6] Прежде было написано: «чтобы всѣ могли». [7] Слово, поставленное въ скобки, зачеркнуто въ рукописи. [8] Здѣсь оканчивается первый отрывокъ, напечатанный по **ИМ**. [9] Это слово въ рукописи **ИБ** пропущено.

Стр. 173 [1] Прежде было написано: «въ этомъ голосѣ его что[-то] такое заключалось умоляющее, такое преклоняющее». [2] Слово «видѣ» въ рукописи пропущено. [3] Послѣ этого зачеркнуто: «и ему видѣлось въ благопріятной наружности чиновниковъ что-то безчеловѣчное». [4] Точки на мѣстѣ неразобранныхъ словъ. [5] Здѣсь оканчивается набросокъ въ рукописи **ИБ**.

Стр. 174 [1] Точки на мѣстѣ неразобранныхъ словъ. [2] Въ рукописи: «такъ». [3] Здѣсь оканчивается набросокъ **ИБ**. [4] Точки на мѣстѣ неразобранныхъ словъ. [5] Слово это написано неразборчиво. [6] Прежде было написано: «готовясь давать». [7] Прежде было написано: «напустила дыму въ коробъ». [8] Здѣсь въ рукописи стоитъ слово, написанное крайне неразборчиво: мы читаемъ: «кожи». [9] Точки на мѣстѣ неразобраннаго слова. [10] Слово «окна» прибавлено нами, его нѣтъ въ рукописи. [11] Послѣ этого зачеркнуто: «Не нужно говорить, что ноги эти были (натуральномъ =) нагишомъ». [12] Въ рукописи: «какимъ».

Стр. 175 [1] Прежде было написано: «сердился на темноту». [2] Послѣ этого зачеркнуто: «Но нечего дѣлать: дѣло было сдѣлано. Ему бы[ло] особенно». [3] Прежде было написано: «къ Петровичу приходить въ то время». [4] Въ рукописи слово не дописано и, очевидно, должно было замѣнить выше употребленное: «немножко». [5] Въ рукописи, согласно обычному употребленію Гоголя: «осадилъ». [6] Вмѣсто словъ: «въ такомъ состояніи», прежде было написано: «въ это время». [7] Гоголь нерѣдко употребляетъ такой оборотъ. [8] Это мѣсто («Петровичъ кивнулъ головою» -- «какого рода добычу тотъ несетъ») приписано съ боку страницы безъ означенія, куда оно должно быть вставлено. [9] Слово «мѣстахъ» въ рукописи пропущено. [10] Прежде было написано: «новыя штучки». [11] Здѣсь оканчивается вторая страница третьяго листка **ИМ**. [12] Прежде было написано: «немного поистерлось». [13] Приведенный отрывокъ, представляющій новую редакцію послѣднихъ строкъ предшествую-

щаго, написанъ непосредственно вслѣдъ за нимъ, т. е. на *третьей* страницѣ того же третьяго листа **ИМ**.

Стр. 176 [1] Прежде было написано: «взялъ». [2] Этими словами оканчивается третій листокъ **ИМ**; четвертая его страница пустая. [3] Послѣ этого зачеркнуто слово «тутъ». [4] Прежде было написано: «сукно-то больно издержалось». [5] Точки на мѣстѣ неразобраннаго слова. [6] Прежде было написано: «Да вѣдь это выходитъ — одна подчинка дороже, чѣмъ шинель. А вы, ужъ нечего дѣлать.... Вѣдь она, просто.... развѣ на мусоръ только ее продать.... А вы, ужъ нечего дѣлать, оставьте ее такъ». Фраза: «если говорить правду», начата въ рукописи съ прописной буквы. [7] Скобки стоятъ въ рукописи. [8] Этимъ оканчивается четвертый листокъ **ИМ**: исписана одна первая страница. [9] Написано сверху незачеркнутаго текста: «и вышелъ отъ Петровича такъ, какъ будто бы что-то позабылъ, или потерялъ, (или проигрался) или прокрался». [10] Послѣ этого зачеркнуто: «Потомъ, уже нѣсколько минутъ спустя». [11] Въ рукописи: «такъ, какъ». [12] Слово «положеніи» въ рукописи зачеркнуто.

Стр. 177 [1] Прежде было набросано: «этакого дѣла». [2] Прежде было написано: «не думалъ». [3] Послѣ этого зачеркнуто: «Да!» [4] Слова: «вмѣсто того» — «не подозрѣвая этого», приписаны сверху незачеркнутыхъ: «онъ пошелъ тихими шагами къ себѣ домой, что было на Пескахъ». [5] Прежде было написано: «и вычернилъ такимъ образомъ его бокъ». [6] Въ рукописи: «строившаго». [6] Прежде было написано: «поровнялся съ будошникомъ и чуть». [8] Прежде было написано: «умнымъ». [9] На этомъ словѣ обрывается набросокъ, написанный на первой страницѣ четвертаго листка **ИМ**; оборотная страница этого листка пустая. [9] Слово «я» въ рукописи пропущено.

Стр. 178 [1] Прежде было написано: «да *штуки двѣ* того бѣлья»: потомъ слова: «штуки двѣ» перенесены ниже. [2] Это слово въ рукописи пропущено.

Стр. 179 [1] Въ рукописи: «возьметъ». [2] Послѣ этого стоитъ слово: «слишкомъ», приписанное, вѣроятно, взамѣнъ прежде употребленнаго «болѣе» («сорокъ рублей слишкомъ»). Но слово «болѣе» осталось незачеркнутымъ, а «сорока» не передѣлано въ «сорокъ». [3] Въ скобки заключены нами слова, незачеркнутыя въ рукописи. [4] Заключенное въ скобки въ рукописи зачеркнуто. [5] Словъ: «другая, какъ», въ рукописи нѣтъ.

Стр. 180 [1] Этими словами оканчивается 10-й набросокъ, написанный на второмъ листкѣ **ИБ**. [2] Это слово написано неразборчиво. [3] Слово «у» въ рукописи пропущено. [4] Прежде было написано: «нашли». [5] Прежде было написано: «*всего* провозился», потомъ: «провозился *не болѣе*». [6] Послѣ этого слова зачеркнуто: «и взялъ за работу двѣнадцать рублей». [7] Прежде было написано: «всякій шовъ прижималъ». [8] Точки на мѣстѣ неразобраннаго слова. [9] Въ рукописи: «это». [10] Въ рукописи: «Акакіева: по крайней мѣрѣ никогда такъ не былъ сильно потрясенъ»... [11] Точки на мѣстѣ неразобраннаго слова. [12] Въ рукописи: «потому».

Стр. 181 [1] Вмѣсто слова: «явился», прежде было написано: «принесъ». [2] Слово «Акакію» въ рукописи не написано. [3] Послѣ этого зачеркнуто: «застегнувши верху воротникъ». [4] Слово «Акакіевичъ» въ рукописи пропущено. [5] Прежде было написано: «вновь на свою». [6] Слово «стороны» написано

неразборчиво и не дописано. [7] Послѣ этого зачеркнуты слова: «въ самомъ дѣлѣ». [8] Въ рукописи: «покровительству». [9] Слово «дать» въ рукописи пропущено. [10] Въ рукописи: «отъ отъ».

Стр. 182 [1] Слово «Акакія» въ рукописи пропущено. [2] Вмѣсто «совершенно» прежде было написано: «уже слишкомъ». [3] Послѣ этого зачеркнуто: «надѣлъ тотъ же вицмундиръ, но другую жилетку — не гербовую». [4] Точки на мѣстѣ неразобраннаго слова. [5] Слово «Акакія» въ рукописи пропущено. [6] Точки на мѣстѣ неразобраннаго слова. [7] Точки на мѣстѣ неразобраннаго слова.

Стр. 183 [1] Въ рукописи: «какая». [2] Точки на мѣстѣ неразобраннаго слова. [3] Слово не дописано: «но». [4] Прежде было написано: «выглядывалъ». [5] Въ рукописи: «какой». [6] Въ рукописи: «усмѣхнулъ». [7] Прежде было написано: «пригласившій чиновникъ». [8] Слово «ногу» въ рукописи пропущено. [9] Въ рукописи: «на стѣну». [10] Прежде было написано: «яснымъ и яркимъ». [11] Точки на мѣстѣ неразобраннаго слова. [12] Точки на мѣстѣ неразобранныхъ словъ. [13] Заключенное въ скобки въ рукописи зачеркнуто.

Стр. 184 [1] Фраза не дописана. [2,3] Точки на мѣстѣ неразобранныхъ словъ. [4] Послѣ этого зачеркнуто: «то закутывая». [5] Прежде было написано: «чуть было не побѣжалъ». [6] Точки на мѣстѣ неразобраннаго слова. [7] Въ рукописи: «какой». [8] Слово «для» въ рукописи пропущено. [9] Точки на мѣстѣ неразобраннаго слова: «предюжіе?» (Въ р.: «предующія»).

Стр. 185 [1] Слово «Акакіевичъ» въ рукописи не написано. [2] Точки на мѣстѣ неразобраннаго слова. [3] Слово «шинели» въ рук. пропущено. [4] Прежде было написано: «Будошникъ, казалось, ожидалъ, видя бѣгущаго человѣка». [5] Слова, заключенныя въ скобки, въ рукописи зачеркнуты; приписанныя вмѣсто нихъ, сверху строки, не разобраны. [6] Слово «человѣка» въ рукописи зачеркнуто. [7] Слово «Акакій» въ рук. пропущено. [8] Прежде было написано: «въ такомъ безпорядкѣ». [9] Послѣ этого зачеркнуто: «испугалась, когда увидѣла». [10] Прежде было написано: «безъ башм».

Стр. 186 [1] Этимъ прерывается текстъ второй части наброска, написанный на шестомъ листѣ ИМ. [2] Въ этомъ мѣстѣ сверху строки сдѣлана приписка; намъ не удалось ее разобрать. [3] Въ рукописи: «потому». [4] Послѣ слова «чиновники» зачеркнуто: «всѣ почти». [5] Прежде было написано: «будучи обязаны подписомъ». [6] Въ рукописи: «кто».

Стр. 187 [1] Прежде было написано: «многихъ неважныхъ людей». [2] Въ рукописи: «какихъ». [3] Слово «за» въ рукописи пропущено. [4] Послѣ этого зачеркнуто: «прежде провозглашали имя». [5] Послѣ этого зачеркнуто: «Прежде всего онъ почиталъ необходимымъ». [6] Точки на мѣстѣ пропущенныхъ авторомъ словъ. [7] Написано неразборчиво. [8] Написано весьма неразборчиво. [9] Слово «ли» въ рукописи пропущено. [10] Точки на мѣстѣ слова, пропущеннаго въ рукописи.

Стр. 188 [1] Въ рукописи это слово не дописано; стоитъ только: «во». [2] Въ рукописи пропущено слово. [3] Слово «только» въ рукописи зачеркнуто. [4] Точки на мѣстѣ неразборчиво написаннаго слова; повидимому: «кабинетѣ». [5] Точки на мѣстѣ неразборчиво написаннаго слова; повидимому: «мнѣ».

Стр. 189 [1] Слово «Акакій» въ рукописи пропущено. [2] Фраза не дописана. [3] Здѣсь оканчивается текстъ, написанный на первой страницѣ седьмаго

листа **ИМ**. [4] Прежде было написано: «со всѣхъ переулковъ». [5] Прежде было: «когда пришелъ онъ». [6] Точки на мѣстѣ неразобранныхъ словъ.

Стр. 190 [1] Точки на мѣстѣ неразобранныхъ словъ. [2] Прежде было написано: «Замѣтно было только». [3] Вмѣсто: «двѣ-три», прежде было написано: «нѣсколько». [4] Слово «отъ» въ рук. не написано. [5] Эти двѣ строки («и никогда во всю жизнь» — «лучшая участь») приписаны, кажется, позднѣе въ концѣ послѣдней пустой страницы листа, на которомъ набросанъ этотъ отрывокъ.

Стр. 191 [1] Послѣ этого написано слово: «придти», которымъ, вѣроятно, предполагалось замѣнить выше употребленное: «быть». [2] Слово «что» не написано въ рукописи. [3] Слово «образомъ» въ рукописи пропущено.

Стр. 192 [1] Послѣ этого слова зачеркнуто: «одну какую-нибудь». [2] Послѣ этого зачеркнуто: «безъ вниманія». [3] Послѣ этого слова зачеркнуто: «именно». [4] Въ этомъ мѣстѣ сверху приписка, которую мы не могли разобрать. [5] Прежде было написано: «За ужиномъ даже *въ честь его* выпивши бокала *три-четыре,* онъ»; потомъ главному предложенію дано было другое подлежащее, а слово: «выпивши», оставлено безъ необходимой поправки.

Стр. 193 [1] Слово «перевернувъ» въ рукописи зачеркнуто; фраза не окончена. [2] Въ рукописи: «закрываться». [3] Въ рукописи: «кучами». [4] Въ рукописи: «кого». [5] Это слово въ рукописи пропущено. [6] Такое неправильное употребленіе вида нерѣдко встрѣчается у Гоголя, особенно въ письмахъ. [7] Точки поставлены на мѣстѣ неразобраннаго слова.

Стр. 194 [1] Нѣсколько словъ не разобрано. [2] Слово «поросенокъ» въ рукописи пропущено. [3] Слово «величины» въ рукописи не дописано. [4] Точки на мѣстѣ неразобранныхъ словъ. [5] Конецъ отрывка намъ не удалось разобрать. Этотъ послѣдній набросокъ занимаетъ послѣдній полулистъ **ИМ**.

Ревизоръ (стр. 197—284).

Помѣщенный въ этомъ томѣ (стр. 197—284) текстъ комедіи „Ревизоръ" окончательно выработанъ былъ авторомъ въ половинѣ іюля 1842 года[1] и напечатанъ въ первый разъ въ четвертомъ томѣ перваго изданія „Сочиненій Н. Гоголя" (1842). Въ основу этой послѣдней редакціи „Ревизора" положенъ былъ Гоголемъ не сценическій текстъ знаменитой комедіи, а ея первое печатное изданіе, вышедшее въ свѣтъ въ мартѣ 1836 года[2]. Печатая первое изданіе „Ревизора", авторъ позаботился изготовить нѣсколько экземпляровъ комедіи на клееной желтой бумагѣ съ широкими полями, такъ что эти немногіе экземпляры получили форматъ большой четвертки. Раздавши нѣкоторые изъ этихъ экземпляровъ близкимъ друзьямъ[3],

[1] Русское Слово 1859 г., январь, стр. 119—121. Ср. ниже, стр. 659. [2] Цензурное разрѣшеніе этого изданія помѣчено такъ: «13 марта 1836 года». [3] По завѣщанію вдовы И. С. Аксакова, въ Московскій Публичный Музей поступилъ одинъ

въ ожиданіи отъ нихъ поправокъ и замѣчаній. Гоголь въ одномъ изъ такихъ экземпляровъ помѣстилъ впослѣдствіи текстъ послѣдней редакціи „Ревизора", т. е. той, которая напечатана въ первомъ изданіи его сочиненій. Этотъ текстъ положенъ нами въ основу „Ревизора", напечатаннаго выше, на стр. 197—284. Экземпляръ перваго изданія комедіи, въ который вписанъ, частію самимъ авторомъ, частію В. А. Пановымъ, текстъ окончательной редакціи, поступилъ изъ бумагъ художника А. А. Иванова въ Московскій Публичный Музей и хранится въ рукописномъ отдѣленіи Музея подъ № 2207. Этотъ драгоцѣнный экземпляръ наглядно знакомитъ насъ съ измѣненіями и передѣлками, которыя испыталъ текстъ перваго изданія „Ревизора" (1836 г.) при постепенной въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ переработкѣ, результатомъ которой явилась послѣдняя редакція, или *третье* изданіе комедіи. Кромѣ того, этотъ экземпляръ сохранилъ указанія на два важнѣйшіе момента въ исторіи этой переработки, которымъ соотвѣтствуютъ второе (1841 г.) и третье (1842 г.) изданіе „Ревизора"[1]. Представляемъ точное и подробное описаніе этого экземпляра.

На широкихъ поляхъ, боковыхъ и нижнихъ, и сверху строкъ перваго изданія этой комедіи Гоголь карандашомъ *переписалъ набѣло*, яснымъ, нетороплнвымъ почеркомъ, почти безъ *всякихъ* помарокъ, очевидно, съ обработанныхъ и отдѣланныхъ въ разное время „кусковъ" текстъ послѣдней редакціи „Ревизора". За немногими исключеніями, ниже указанными, собственноручныя карандашныя приписки автора помѣщены на страницахъ 3—106 включительно и страницахъ 115—186 этого экземпляра. Печатныя страницы 109—114 включительно вырѣзаны и на мѣсто ихъ вшита тетрадь изъ трехъ листовъ почтовой бумаги формата большой четвертки. Въ эту тетрадь В. А. Пановъ вписалъ чернилами *набѣло* новую редакцію первыхъ *пяти явленій* четвертаго дѣйствія, замѣнившую тѣ *три явленія* того же дѣйствія, которыя были напечатаны на вырѣзанныхъ изъ экземпляра страницахъ 109—114 и на верхней части 115-й страницы перваго изданія „Ревизора". Послѣдняя, т. е. верхняя часть сохраненной 115-й страницы, содержавшая конецъ прежняго третьяго явленія, зачеркнута каран-

изъ такихъ экземпляровъ, — именно подаренный Гоголемъ С. Т. Аксакову. На этомъ экземплярѣ нѣтъ никакихъ замѣтокъ прежняго владѣльца.

[1] Исторія текста «Ревизора» до 1836 года, со включеніемъ первой неизданной редакціи комедіи, будетъ помѣщена въ шестомъ томѣ настоящаго изданія.

дашомъ („*Хлестаковъ*. Ну, когда такъ, то прощайте“. — „Я люблю такихъ людей, съ которыми можно быть откровенну“)[1]. При этомъ однако цифра слѣдующаго явленія, сдѣлавшагося въ новой редакціи изъ четвертаго *шестымъ*, оставлена прежняя — IV. Свободное мѣсто на послѣдней страницѣ рукописной тетради занято на половину слѣдующими *собственноручными приписками* Гоголя: „За симъ[2] слѣдуетъ сцена Хлестакова съ Артеміемъ Филипповичемъ, какъ въ печатномъ“[3]. — „На страницѣ 116-й небольшой монологъ Хлестакова[4] долженъ быть сокращенъ именно такимъ образомъ: „Я, признаюсь, это моя слабость, но люблю хорошую кухню. Скажите пожалуста, мнѣ кажется, какъ будто бы вчера вы были немножко ниже ростомъ: не правда ли?“ — „На страницѣ 120, начиная съ 11-й строки, слѣдуетъ такъ:

Добчинскій. При мнѣ-съ не имѣется, потому что деньги мои, если изволите знать, положены въ Приказъ общественнаго призрѣнія.

Хлестаковъ. Да, ну если тысячи нѣтъ, такъ рублей сто.

Бобчинскій (*шаря въ карманахъ*). У васъ, Петръ Ивановичъ, нѣтъ ста рублей? У меня всего 40 ассигнаціями.

Добчинскій (*смотря въ бумажникъ*). Двадцать пять рублей всего.

Бобчинскій. Да вы поищите-то получше, Петръ Ивановичъ. У васъ тамъ, я знаю, въ карманѣ-то съ правой стороны прорѣха, такъ въ прорѣху-то вѣрно какъ-нибудь запали.

Добчинскій. Нѣтъ, право и въ прорѣхѣ нѣтъ (окромѣ мелочи серебромъ, Петръ Ивановичъ.

Хлестаковъ. Ну, все, все равно: нѣтъ ста, я возьму 65. Вѣдь это всего на три дня, а тамъ я вамъ сей (sic!) возвращу (*принимаетъ деньги*).

Добчинскій. Я осмѣливаюсь и пр. и пр. и пр.“)[5].

— „На страницѣ 121 послѣдняя строка должна быть такъ: *Хлестаковъ*. Хорошо, пусть называется! это можно“[6].

— „На страницѣ 123. Весь монологъ Хлестакова долженъ быть замѣненъ слѣдующимъ: *Хлестаковъ* (одинъ)“.

Монологъ Хлестакова, указанный въ послѣдней припискѣ Гоголя,

[1] Ср. выше, стр. 321. [2] Т. е. за вписаннымъ въ тетрадь новымъ *пятымъ* явленіемъ четвертаго дѣйствія. [3] Ср. выше, стр. 253. Въ послѣдней редакціи дѣйствительно удержанъ текстъ этой сцены по первому изданію. [4] Ср. выше, стр. 252 и примѣчаніе 7-е къ этой страницѣ въ «Примѣчаніяхъ и варіантахъ». [5] Ср. выше, стр. 254—255 и второе примѣчаніе къ 255-й страницѣ. [6] Ср. выше, стр. 255.

не выписанъ. Онъ, конечно, переработанъ былъ ранѣе и потомъ переписанъ на отдѣльномъ листкѣ бумаги.

Изъ предложеннаго описанія видно, что однѣ поправки вписаны въ экземпляръ перваго изданія „Ревизора“ *собственноручно авторомъ*, другія *Пановымъ*. Первыя моложе послѣднихъ и внесены въ періодъ времени приблизительно съ марта 1841 г. по іюль 1842 г.; послѣднія вписаны зимою 1840—1841 г. Вырабатывались тѣ и другія по частямъ, на отдѣльныхъ лоскуткахъ бумаги. Изъ такихъ отдѣльныхъ набросковъ сохранилось только два: первый поступилъ, изъ бумагъ А. А. Иванова, въ Императорскую Публичную Библіотеку; второй набросокъ подклеенъ къ внутренней сторонѣ задней покрышки переплета въ описанномъ нами экземплярѣ перваго изданія „Ревизора“, дополненнаго текстомъ новой редакціи.

Первый набросокъ[1] написанъ на полулистѣ почтовой бумаги малаго формата (8°) и представляетъ первоначальный текстъ новой редакціи втораго явленія четвертаго дѣйствія, — той редакціи, которая уже переписана Пановымъ въ вышеописанный экземпляръ „Ревизора“. Слѣдовательно, набросокъ относится къ послѣдней четверти 1840 г. Представляемъ этотъ набросокъ вполнѣ, помѣщая въ выноскахъ позднѣйшія приписки, сдѣланныя авторомъ сверху строкъ: „Я, кажется, (крѣпко всхрапнулъ[2]. Такъ только потъ проступилъ)[3]. Тамъ мнѣ тащили (sic!) такую кучу перинъ, что просто (съ трудомъ) не хочется вылѣзть. И обѣдъ славный. Чего это мнѣ подсунули (......... а сердитъ чортъ возьми — такъ въ голову и стучитъ).[4] Вотъ этакъ я люблю проводить время. Эдакъ я готовъ повеселиться. (Вотъ это по моему). Я признаюсь[5]: по мнѣ ничто эти затѣи, а радушіе — вотъ самое главное. А у городничаго дочка очень не дурна[6]. Я не знаю, какъ другіе, а (я люблю этакую жизнь. Натурально, чтобы мнѣ всѣ оказывали ласки, этакъ

---

[1] Въ сборникѣ автографовъ Гоголя, поступившихъ въ Императорскую Публичную Библіотеку изъ бумагъ Иванова, этотъ набросокъ занимаетъ 56-й листъ. [2] Сверху первоначально набросаннаго текста приписано впослѣдствіи: «Откуда они ихъ достали? даже вспотѣлъ». [3] Сверху поставленнаго въ скобки, послѣ словъ: «Я, кажется», приписано: «спалъ порядкомъ. Роскошно, чортъ возьми, поваляться въ такихъ пуховикахъ». [4] Эти строки зачеркнуты, кромѣ слова «подсунули», удержаннаго въ припискѣ сверху строкъ: «Пуховиковъ, я думаю, съ пятнадцать...... Хотѣлъ бы я знать, чего мнѣ *подсунули* вчера за завтракомъ. Шнапсъ, что ли? Даже теперь немного стучитъ въ головѣ». [5] Послѣ этого слова приписано сверху строки: «Я странный человѣкъ». [6] Послѣ этого слова приписано сверху строки: «Я на щетъ этого странный человѣкъ».

чтобъ, то есть, искренность, желаніе угождать. Больше мнѣ и не нужно. Я, признаюсь, больше бы и не желалъ ничего. На щетъ этого совершенно умѣренъ въ желаніяхъ и больше рѣшительно ничего не хочу)[1]. *Судья (останавливаясь).* О Боже! Боже! вынеси благополучно. Такъ вотъ колѣнки и ломаетъ. По неволѣ вспомнишь Бога, когда придется....."

Поправки и приписки сдѣланы на этомъ наброскѣ разными чернилами: очевидно, набросокъ передѣлывался *не въ одинъ пріемъ*.

Второй набросокъ состоитъ изъ двухъ частей: первая занимаетъ верхнюю половину страницы полулистка, вклееннаго въ экземпляръ „Ревизора" 1836 г., и относится къ *первому* явленію четвертаго дѣйствія; *вторая* часть наброска помѣщена на пустомъ мѣстѣ страницы, обращенной вверхъ ногами, и относится къ *третьему* явленію того же четвертаго дѣйствія. Выписываемъ оба отрывка. 1) „*Судья.* Что, если бы гостю?... Гм... *(показываетъ жестомъ). Попеч.* Подсунуть?—*Судья.* Да.—*Многіе.* Страшно, чортъ возьми!—*Судья.* Отъ чего жъ страшно? Вѣдь человѣкъ смертный также, какъ и мы всѣ.—*Почт.* Да какъ же бы это сдѣлать?—*Судья.* Просто въ руку, да и концы въ воду". 2) „Я, признаюсь, люблю хорошо позавтракать. (Не знаю, какъ какой, а у меня ужъ такой характеръ). Вѣдь для того живешь. Не правда ли? [*Судья*][2]. Совершенная правда. [*Хлестаковъ*][3]. Да. Скажите.... А Вы судья. Что давно вы сл[ужите].[4] Что выгодно быть судьей? Даютъ награды?"

Текстъ послѣдняго листка носитъ на себѣ главные признаки *первоначальныхъ набросковъ* Гоголя: имена дѣйствующихъ лицъ не вездѣ вписаны, слова и фразы иногда не кончены. Оба вышеприведенные наброска, не смотря на свой незначительный объемъ, очень важны, въ томъ отношеніи, что даютъ положительное указаніе на время, когда *окончена была передѣлка* тѣхъ начальныхъ явленій четвертаго дѣйствія, къ которымъ эти наброски отно-

---

[1] Поставленное нами въ скобки въ рукописи зачеркнуто. Сверху строкъ и на свободномъ мѣстѣ страницы сдѣлана позднѣйшая приписка: «мнѣ нравится этакая жизнь. Я не требую больше ничего, какъ чтобы только оказывали мнѣ ласки, вниматель..., чтобы я видѣлъ желаніе угождать. Словомъ, чтобы все это было радушно, отъ сердца, а не то, чтобы изъ какого интереса. А дочка городничаго очень не дурна. Нѣтъ, я не знаю, какъ другому, а мнѣ нравится такая жизнь». [2] Слово «Судья» въ наброскѣ пропущено. [3] Слово «Хлестаковъ» пропущено. [4] Это слово не дописано; стоитъ только: «сл».

сятся, т. е. явленій перваго, втораго и третьяго. Въ „Отрывкѣ изъ письма, писаннаго авторомъ вскорѣ послѣ перваго представленія „Ревизора“ къ одному литератору“, — письма, произвольно датированнаго авторомъ такъ: „1836 г. мая 25, С.-Петербургъ“[1], — Гоголь разсказываетъ: „Во время представленія я замѣтилъ, что начало четвертаго акта холодно; кажется, какъ будто теченіе піесы, дотолѣ плавное, здѣсь прервалось или влечется лѣниво. Признаюсь, еще во время чтенія свѣдущій и опытный актеръ сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе, что не такъ ловко, что Хлестаковъ начинаетъ первый просить денегъ взаймы, и что было бы лучше, если бы чиновники сами ему предложили. Уважая замѣчаніе довольно тонкое, имѣющее свои справедливыя стороны, я, однакоже, не видѣлъ причины, почему Хлестаковъ, будучи Хлестаковымъ, не могъ попросить первый. Но замѣчаніе было сдѣлано: „стало быть“, — сказалъ я самъ въ себѣ, — „я плохо выполнилъ эту сцену“. И точно, теперь, во время представленія, я увидѣлъ ясно, что начало четвертаго акта блѣдно и носитъ признакъ какой-то усталости. *Возвратившись домой, я тотъ же часъ принялся за передѣлку. Теперь*, кажется, вышло немного сильнѣе, по крайней мѣрѣ, естественнѣе и болѣе идетъ къ дѣлу. Но у меня нѣтъ силъ хлопотать о включеніи этого отрывка въ піесу. Я усталъ; и какъ вспомню, что для этого нужно ѣздить, просить и кланяться, то Богъ съ нимъ, — пусть лучше при второмъ изданіи или возобновленіи „Ревизора“[2]. Если вѣрить этому разсказу, то Гоголь приступилъ къ передѣлкѣ начальныхъ сценъ четвертаго акта въ самый вечеръ перваго представленія комедіи и по крайней мѣрѣ *три первыя явленія* четвертаго дѣйствія передѣланы были окончательно, — въ тотъ видъ, который они имѣютъ во второмъ печатномъ изданіи „Ревизора“ (1841 г.)[3], — не позднѣе 25 мая 1836 года въ Петербургѣ. Знакомые съ процессомъ творчества Гоголя и особенно съ тѣмъ возбужденнымъ состояніемъ, въ которомъ онъ находился тотчасъ послѣ перваго представленія „Ревизора“ на петербургской сценѣ, должны безусловно отвергнуть свидѣтельство автора и относительно срока, въ предѣлахъ котораго окончена была передѣлка вышеозначенныхъ сценъ четвертаго акта, и относительно времени, когда эта передѣлка была

[1] Ср. ниже, „Примѣчанія къ этому „Отрывку“. [2] Ср. выше, стр. 288—289. [3] Ср. выше, стр. 329—334.

начата. Только Хлестаковъ умѣлъ написать въ одинъ вечеръ и „Фенеллу", и „Женитьбу Фигаро"... О своихъ сочиненіяхъ Гоголь писалъ Прокоповичу въ маѣ 1843 г.: „Они писаны долго, *въ обдумываніи многихъ изъ нихъ прошли годы*"[1]. Въ письмѣ къ Шевыреву, отъ 28 февраля 1843 года, Гоголь признавался: „Никто не зналъ, для чего я производилъ передѣлки моихъ прежнихъ пьесъ, тогда какъ я производилъ ихъ, основываясь на разумѣньи самого себя, на устройствѣ головы своей. Я видѣлъ, что на этомъ одномъ я могъ только навыкнуть производить плотное созданіе, сущное, твердое, освобожденное отъ излишествъ и неумѣренности, вполнѣ ясное и *совершенное въ высокой трезвости духа*....... Вотъ какъ трудно создаются тѣ вещи, которыя на видъ инымъ кажутся вовсе не трудны!.... Нужно, чтобы устоялось мнѣніе. Противъ перваго впечатлѣнія я не могу дѣйствовать. Противъ перваго впечатлѣнія должна дѣйствовать критика, и только, когда, съ помощью ея, впечатлѣнія получатъ образъ, выйдутъ сколько-нибудь изъ перваго хаоса и станутъ опредѣлительны и ясны, тогда только я могу дѣйствовать противъ нихъ..... Но вслѣдствіе устройства головы моей, я могу работать *вслѣдствіе только глубокихъ обдумываній и соображеній*"[2]. Въ другомъ письмѣ къ Шевыреву (въ ноябрѣ 1842 г.) Гоголь объясняетъ: „Я могу смѣло итти впередъ только тогда, когда взгляну на тѣ критики. Критика придаетъ мнѣ крылья. Послѣ критики, всеобщаго шума и разноголосья мнѣ всегда яснѣй предстаетъ мое творенье. Мнѣ даже критики Булгарина приносятъ пользу, потому что я, какъ нѣмецъ, снимаю плеву со всякой дряни"[3]. Громадная масса уцѣлѣвшихъ въ бумагахъ Гоголя набросковъ отдѣльныхъ частей „Тараса Бульбы", „Мертвыхъ Душъ", „Женитьбы", „Ревизора" служитъ блистательнымъ подтвержденіемъ приведенныхъ откровеній поэта о медленной и энергической работѣ его надъ отдѣлкою его художественныхъ созданій. *Въ одинъ мѣсяцъ* онъ не въ силахъ былъ *окончательно* передѣлать *для сцены* или, точнѣе, вновь написать цѣлыхъ пять явленій четвертаго дѣйствія „Ревизора". Трудно съ другой стороны повѣрить, чтобы Гоголь приступилъ къ передѣлкѣ этихъ сценъ чуть ли не въ самый вечеръ перваго представленія „Ревизора" на петербургской сценѣ (19 апрѣля) — „возвратившись домой", по его выраженію. Въ это

[1] Русское Слово 1859 г., январь, стр. 130. [2] Русская Старина 1875 г., № 9, стр. 125—126. [3] Тамъ же, стр. 120—121.

время у него именно не было той „высокой трезвости духа“, которую онъ считалъ необходимымъ условіемъ своего творчества. Въ письмѣ къ Шевыреву изъ Вѣны, отъ 10 августа 1839 года. Гоголь дѣлаетъ своему пріятелю такое признаніе: „Меня всегда дивилъ Пушкинъ, которому для того, чтобы писать, нужно было забраться въ деревню, одному, и запереться. Я, наоборотъ, въ деревнѣ никогда ничего не могъ дѣлать; и вообще я не могу ничего дѣлать, гдѣ я одинъ и гдѣ я чувствовалъ скуку. Всѣ свои нынѣ печатные грѣхи я писалъ въ Петербургѣ и именно тогда, когда я былъ занятъ должностью, когда мнѣ было некогда, среди этой *живости и перемѣны занятій; и чѣмъ я веселѣе провелъ канунъ, тѣмъ вдохновеннѣй возвращался домой, тѣмъ свѣжѣе у меня было утро*“[1]. Толками, которые возбудило въ обществѣ и въ печати первое представленіе „Ревизора“ на петербургской сценѣ, Гоголь былъ возмущенъ до глубины души: онъ оглушенъ, задавленъ былъ неожиданными обвиненіями, которыя раздались противъ него со всѣхъ сторонъ. Писатель съ образованнымъ вкусомъ, тонкій наблюдатель общественной жизни, рано примкнувшій къ небольшому кружку молодаго Гоголя, П. В. Анненковъ оставилъ намъ драгоцѣнный разсказъ о первомъ представленіи „Ревизора“ въ Петербургѣ. „Уже послѣ перваго акта (разсказываетъ Анненковъ) недоумѣніе было написано на всѣхъ лицахъ (публика была избранная въ полномъ смыслѣ слова), словно никто не зналъ, ка́къ должно думать о картинѣ, только что представленной. Недоумѣніе это возрастало потомъ съ каждымъ актомъ. Какъ будто находя успокоеніе въ одномъ предположеніи, что дается фарсъ, — большинство зрителей, выбитое изъ всѣхъ театральныхъ ожиданій и привычекъ, остановилось на этомъ предположеніи съ непоколебимой рѣшимостію. Однакоже въ этомъ фарсѣ были черты и явленія, исполненныя такой жизненной истины, что раза два, особенно въ мѣстахъ, наименѣе противорѣчащихъ тому понятію о комедіи вообще, которое сложилось въ большинствѣ зрителей, раздавался общій смѣхъ. Совсѣмъ другое произошло въ четвертомъ актѣ: смѣхъ, по временамъ, еще перелеталъ изъ конца залы въ другой, но это былъ какъ-то робкій смѣхъ, тотчасъ же и пропадавшій; апплодисментовъ почти совсѣмъ не было: зато напряженное вниманіе, судорожное, усиленное слѣдованіе за всѣми

---

[1] Сочиненія и письма Гоголя V, 381.

оттѣнками пьесы, иногда мертвая тишина показывали, что дѣло, происходившее на сценѣ, страстно захватывало сердца зрителей. По окончаніи акта прежнее недоумѣніе уже переродилось почти во всеобщее негодованіе, которое довершено было пятымъ актомъ. Многіе вызывали автора потомъ за то, что написалъ комедію, другіе — за то, что виденъ талантъ въ нѣкоторыхъ сценахъ, простая публика за то, что смѣялась; но общій голосъ, слышавшійся по всѣмъ сторонамъ избранной публики, былъ: „это — невозможность, клевета и фарсъ". По окончаніи спектакля, Гоголь явился къ Н. Я. Прокоповичу въ раздраженномъ состояніи духа. Хозяинъ вздумалъ поднесть ему экземпляръ „Ревизора", только что вышедшій изъ печати, со словами: „Полюбуйтесь на сынка". Гоголь швырнулъ экземпляръ на полъ, подошелъ къ столу и, опираясь на него, проговорилъ задумчиво: „Господи Боже! Ну, если бы одинъ, два ругали, ну, и Богъ съ ними, а то всѣ, всѣ...."[1]

Нельзя допустить, чтобы, „возвратившись домой" съ этого вечера, Гоголь сѣлъ за передѣлку начальныхъ сценъ четвертаго акта „Ревизора". Всецѣло поглощенный толками о своей комедіи, поэтъ могъ въ теченіе тѣхъ шести недѣль, которыя онъ потомъ прожилъ въ Петербургѣ, набрасывать на бумагу свои замѣтки и разнорѣчивыя сужденія публики, которыя слышалъ о „Ревизорѣ", — набрасывать въ томъ видѣ, въ какомъ онъ желалъ получать отъ друзей сужденія о своихъ произведеніяхъ, т. е. „съ сохраненіемъ самой физіономіи замѣчаній"[2]. Униженный и оскорбленный пріемомъ „Ревизора", заподозрѣнный чуть не въ государственномъ преступленіи, Гоголь послѣ перваго представленія комедіи своей думалъ объ одномъ — бѣжать изъ Россіи. Все время съ 20 апрѣля до начала іюня 1836 года отдано было сборамъ къ отъѣзду за границу, — сборамъ, которые онъ до самаго наступленія дня отъѣзда скрывалъ тщательно отъ своей матери"[3]. До роковаго перваго представленія „Ревизора" въ Петербургѣ, Гоголь мечталъ ѣхать въ Москву и прочесть свою комедію актерамъ, чтобы они лучше поняли роли; теперь онъ не чувствуетъ въ себѣ силъ исполнить это намѣреніе. „Я такое получилъ отвращеніе къ театру (пишетъ онъ Щепкину, 29 апрѣля), что одна мысль о тѣхъ пріятностяхъ, которыя готовятся для меня еще и на московскомъ театрѣ, въ силахъ

[1] Воспоминанія и критическіе очерки I, 193. [2] Ср. «Примѣчанія» къ піесѣ: «Театральный разъѣздъ послѣ перваго представленія новой комедіи». [3] Сочиненія и письма Гоголя V, 258.

удержать поѣздку въ Москву и попытку хлопотать о чемъ-либо... Дѣлайте, что хотите, съ моей піесою, но я не стану хлопотать о ней. *Мнѣ она сама надоѣла такъ же, какъ хлопоты о ней*" [1]. 10 мая Гоголь сообщаетъ Погодину: „Послѣ разныхъ волненій, досадъ и прочаго, *мысли мои такъ разсѣяны, что я не въ силахъ собрать ихъ въ стройность и порядокъ.* Я хотѣлъ было ѣхать непремѣнно въ Москву и съ тобой наговориться вдоволь, но не такъ сдѣлалось. Чувствую, что теперь не доставитъ мнѣ Москва спокойствія, а я не хочу пріѣхать въ такомъ тревожномъ состояніи, въ какомъ нахожусь нынѣ" [2]. Въ то же время Гоголь увѣдомляетъ Щепкина: „Жаль, очень жаль, что я никакъ не могъ быть у васъ. Многія изъ ролей могли быть совершенно понятны только тогда, когда бы я прочелъ ихъ. Но нечего дѣлать. Я такъ теперь мало спокоенъ духомъ, что врядъ ли бы могъ быть слишкомъ полезнымъ" [3]. Даже „совѣтъ" самого Пушкина пріѣхать въ Москву для объясненія актерамъ ролей „Ревизора" не поколебалъ въ Гоголѣ принятаго рѣшенія. 6 мая Пушкинъ писалъ своей женѣ изъ Москвы: „Пошли ты за Гоголемъ и прочти ему слѣдующее: видѣлъ я актера Щепкина, который ради Христа проситъ его пріѣхать въ Москву, прочесть „Ревизора". Безъ него актерамъ не спѣться. Онъ говоритъ, комедія будетъ карикатурна и грязна (къ чему Москва всегда имѣла поползновеніе). Съ моей стороны я тоже ему совѣтую: не надобно, чтобъ „Ревизоръ" упалъ въ Москвѣ, гдѣ Гоголя болѣе любятъ, нежели въ Петербургѣ" [4]. На новое приглашеніе Щепкина, подкрѣпленное такимъ высокимъ авторитетомъ, Гоголь отвѣчаетъ (15 мая): „Если бы я даже пріѣхалъ, я бы не могъ быть такъ полезенъ вамъ, какъ вы думаете. Я бы прочелъ ее вамъ дурно, *безъ малѣйшаго участія къ моимъ лицамъ,* — во-первыхъ, потому, что *охладѣлъ къ ней,* во-вторыхъ, потому, что *многимъ недоволенъ въ ней,* хотя совершенно не тѣмъ, въ чемъ обвиняли меня мои близорукіе и неразумные критики. Я знаю, что вы поймете въ ней все, какъ должно, и въ теперешнихъ обстоятельствахъ поставите ее даже лучше, нежели если бы я самъ былъ" [5]. Въ одинъ день съ письмомъ къ Щепкину, Гоголь писалъ и Погодину. Предъ послѣднимъ онъ смѣлѣе, нежели передъ другими, поднялъ завѣсу, скрывавшую отъ любопытныхъ взоровъ

[1] Сочиненія и письма Гоголя V, 254. [2] Тамъ же, стр. 255. [3] Тамъ же, стр. 257. [4] Сочиненія Пушкина VII, 401. [5] Сочиненія и письма Гоголя V, 259.

нравственное состоянiе автора „Ревизора" въ то время, когда въ Москвѣ готовилось первое представленiе этой комедiи. „Грустно мнѣ (пишетъ Гоголь Погодину 15 мая) это всеобщее невѣжество. движущее столицу, грустно, когда видишь, что глупѣйшее мнѣнiе ими же *опозореннаго* и оплеваннаго писателя дѣйствуетъ на нихъ же самихъ и ихъ же водитъ за носъ: грустно, когда видишь, *въ какомъ еще жалкомъ состоянiи находится* у насъ писатель... Я огорченъ не нынѣшнимъ ожесточенiемъ противъ моей пiесы; *меня заботитъ моя печальная будущность...* Разсмотри положенiе бѣднаго автора, любящаго между тѣмъ сильно свое отечество и своихъ же соотечественниковъ, и *скажи ему, что есть небольшой кругъ. понимающiй его, глядящiй на него другими глазами, утѣшитъ ли это его?...* Ѣду разгулять свою тоску, глубоко обдумать свои обязанности авторскiя, свои будущiя творенiя, и возвращусь къ тебѣ. вѣрно, освѣженный и обновленный"[1]. Много прошло времени въ „глубокихъ обдумыванiяхъ", пока Гоголь пришелъ къ опредѣленному выводу о своихъ „авторскихъ обязанностяхъ", обсудилъ свои прежнiя и „будущiя творенiя" и нашелъ себѣ утѣшенiе именно въ томъ, въ чемъ отказывался его видѣть въ маѣ 1836 года. Въ первоначальномъ текстѣ знаменитаго эпизода о двухъ писателяхъ (въ началѣ седьмой главы первой части „Мертвыхъ Душъ"), изобразивши судьбу, постигшую его послѣ перваго представленiя „Ревизора" въ Петербургѣ[2], Гоголь обращается къ самому себѣ съ такими словами: „Все это *въ позоръ тебѣ, но ты иди по этой дорогѣ,* потому что велики дары Неба. Два-три могутъ найтиться въ шумномъ омутѣ свѣта, величавые старцы въ юношескомъ возрастѣ. которыхъ устремленное орлиное око и встрепенувшееся чувство наполнятъ дрожью и священнымъ трепетомъ твое сердце, *которые замѣнятъ тебѣ крики толпы.* Въ дорогу! *въ дорогу вновь!* Въ сторону грустныя элегiи! Прочь съ лица надвинувшаяся морщина и что-то похожее на слезу!"

Эти строки положены на бумагу въ половинѣ 1840 года: только тогда Гоголь чувствовалъ себя освобожденнымъ отъ „грустныхъ элегiй", навѣянныхъ на него прiемомъ „Ревизора", и только тогда. поставивши „мнѣнiе небольшаго круга понимающихъ" выше „криковъ толпы", онъ отеръ съ своихъ очей послѣднюю слезу и „освѣженный", съ новою бодростью пошелъ *вновь* по старой дорогѣ.

[1] Сочиненiя и письма Гоголя V, 260—261. [2] Ср. выше. стр. 591—592.

вѣроятно, къ этому времени и относится отдѣлка первыхъ набросковъ частичной передѣлки „Ревизора“, захватившей начало четвертаго дѣйствія этой комедіи.

Вскорѣ послѣ перваго представленія „Ревизора“, „опозоренный“ писатель спѣшилъ „разгулять свою тоску“ за границею: онъ желалъ „забыться“: простое упоминаніе друзей о „Ревизорѣ“ раздражало его и поднимало въ немъ желчь. Онъ и слышать о немъ не хотѣлъ. Даже въ концѣ января 1837 года поэтъ писалъ Прокоповичу изъ Парижа: „Да скажи, пожалуста, съ какой стати пишете вы всѣ про „Ревизора“? Въ твоемъ письмѣ и въ письмѣ Пащенка, которое вчера получилъ Данилевскій, говорится, что „Ревизора“ играютъ каждую недѣлю, театръ полонъ и проч.... и чтобы это было доведено до моего свѣдѣнія. Что это за комедія? Я право никакъ не понимаю этой загадки. Во-первыхъ, я на „Ревизора“ — плевать, а во-вторыхъ, — къ чему это? Если бы это была правда, то хуже на Руси мнѣ никто бы не могъ нагадить. Но, слава Богу, это ложь: я вижу черезъ каждые три дни русскія газеты. Не хотите ли вы изъ этого сдѣлать что-то въ родѣ побрякушки и тѣшить меня ею, какъ ребенка? И ты!... Стыдно тебѣ! ты предполагалъ во мнѣ столько мелочнаго честолюбія! Если и было во мнѣ что-нибудь такое, что могло показаться легко меня знавшему тщеславіемъ, то его уже нѣтъ. Пространства, которыя раздѣляютъ меня съ тобою, поглотили все то, за что поэтъ слышитъ упреки во глубинѣ души своей. *Мнѣ страшно вспомнить обо всѣхъ моихъ мараньяхъ.* Они въ родѣ грозныхъ обвинителей являются глазамъ моимъ. *Забвенья, долгаго забвенья* проситъ душа. И если бы появилась такая моль, которая бы съѣла внезапно всѣ экземпляры „Ревизора“, а съ ними „Арабески“, „Вечера“ и всю прочую чепуху, *и обо мнѣ въ теченіи долгаго времени ни печатно, ни изустно не произносилъ никто ни слова, — я бы благодарилъ судьбу.* Одна только слава по смерти (для которой, увы! не сдѣлалъ я до сихъ поръ ничего) знакома душѣ неподдѣльнаго поэта; а современная слава не стоитъ копѣйки“[1]. Можно ли допустить, чтобы авторъ, призывая моль истребить всѣ экземпляры „Ревизора“, занимался передъ этимъ частичными поправками отдѣльныхъ его сценъ? Проходитъ нѣсколько мѣсяцевъ, и 3-го іюля того же года Гоголь пишетъ Прокоповичу:

«Другъ попечительный, больнаго
Въ дремотѣ сладкой не тревожь!»

[1] Русское Слово 1859 г., январь, стр. 94—95.

сказалъ, кажется, гдѣ-то Баратынскій; впрочемъ этотъ же самый стихъ можно иногда обратить и ко мнѣ"[1]. Въ этомъ же письмѣ заслуживаетъ особеннаго вниманія слѣдующее мѣсто: „Нужно тебѣ *всѣ рукописныя мои книги,* которыя находятся въ моей библіотекѣ въ связкахъ, сложить въ ящикъ, запаковать и *отправить ко мнѣ.* Мнѣ очень нужны они, и безъ нихъ я, какъ безъ рукъ. Тамъ у меня выписки и матеріалы всего. Теперь же принимаюсь не на шутку за важное дѣло... Мнѣ нужны эти книги и тетради". Изъ этихъ строкъ мы можемъ заключить, что наброски и цѣлыя тетради неизданныхъ и неотдѣланныхъ сочиненій Гоголя, написанные въ Петербургѣ, понадобились автору только во второй половинѣ 1837 года: цѣлый годъ онъ провелъ за границею, не касаясь этого матеріала (кромѣ перваго тома „Мертвыхъ Душъ")[2]. 1-го декабря 1838 года Гоголь пишетъ Погодину: „Ты хочешь печатать „Ревизора". Мнѣ, признаюсь, хотѣлось бы *немного обождать.* Я началъ передѣлывать и поправлять нѣкоторыя сцены, которыя были написаны довольно небрежно и неосмотрительно. Я хотѣлъ бы издать его теперь исправленнаго и совершеннаго. Но если ты находишь, что второе изданіе необходимо нужно, и безъ отлагательства, то располагай по своему усмотрѣнію"[3]. Эти строки представляютъ новое и рѣшительное доказательство того, что первыя сцены четвертаго акта „Ревизора" не были передѣланы въ Петербургѣ къ 25 мая 1836 года: въ началѣ декабря 1838 г. Гоголь сообщаетъ Погодину, что онъ только *началъ передѣлывать* нѣкоторыя сцены; передѣлка, какъ видно, не далеко подвинулась, если Гоголь разрѣшилъ Погодину напечатать второе изданіе безъ исправленій, которыя уже были намѣчены. Сценами, „написанными небрежно и неосмотрительно", названы въ этомъ письмѣ къ Погодину, несомнѣнно, начальныя сцены четвертаго дѣйствія „Ревизора": въ „Отрывкахъ изъ письма къ одному литератору" Гоголь признается, что въ новомъ изданіи комедіи „начало четвертаго акта... блѣдно... холодно, и носитъ признакъ какой-то усталости", что онъ „плохо выполнилъ эту сцену"; *только начало четвертаго акта* и явилось, во второмъ изданіи „Ревизора", въ новомъ, исправленномъ видѣ. Если „передѣлки и поправки нѣкоторыхъ сценъ" комедіи дѣйствительно „начаты" были Гоголемъ въ началѣ декабря 1838 года, то

[1] Русское Слово 1859 г., январь, стр. 101. 106. [2] Сочиненія и письма Гоголя V. 282. [3] Тамъ же, стр. 349.

нельзя не замѣтить, что эта работа надъ „нѣкоторыми“ лишь сценами шла очень медленно: въ октябрѣ 1840 г. онѣ еще не были готовы для печати. 17 октября этого года Гоголь писалъ Погодину: „Я хотѣлъ было наскоро переписать куски изъ „Ревизора“, исключенные прежде[1], и другіе — передѣланные[2], чтобы поскорѣй хотя его издать и заплатить великодушному, какъ и ты, Сергѣю Тимоѳеевичу, *и этого не могъ сдѣлать*. Впрочемъ я соберу всѣ силы и, можетъ быть, на той же недѣлѣ управлюсь съ этимъ“[3]. „Переписать куски“ (для печати) значило, на языкѣ Гоголя, дать окончательную отдѣлку отдѣльнымъ наброскамъ и слить ихъ въ одно стройное цѣлое. По вышеприведеннымъ двумъ наброскамъ можно составить себѣ ясное понятіе о первоначальномъ видѣ „кусковъ“, о характерѣ ихъ передѣлокъ и объ отношеніи ихъ къ окончательному, переписанному для печати тексту. Назначенный Гоголемъ срокъ прошелъ, а съ „кусками“ онъ все еще не управился. 28 декабря 1840 года поэтъ пишетъ С. Т. Аксакову: „Я хотѣлъ было обождать этимъ письмомъ и послать вмѣстѣ съ нимъ *перемѣненныя* страницы въ „Ревизорѣ“ и просить васъ о напечатаніи его вторымъ изданіемъ — *и не успѣлъ*. Никакъ не хочется заниматься тѣмъ, что нужно къ спѣху, *а все бы хотѣлось заняться тѣмъ, что не къ спѣху*. А между тѣмъ оно было бы очень нужно скорѣе. У меня почти дыбомъ волосъ, какъ вспомню, въ какіе я вошелъ долги. Но я надѣюсь *черезъ недѣлю* выслать къ вамъ переправки и приложенія къ „Ревизору“, которыя, можетъ быть, заставятъ лучше покупать его. Хорошо бы, если бы онъ выручилъ прежде должные вамъ, а потомъ тысячу, взятую мною у Панова, которую я пообѣщалъ ему уплатить было въ февралѣ“[4]. Въ такомъ положеніи находилась въ послѣдніе три дня 1840 года работа надъ передѣлкою нѣкоторыхъ сценъ „Ревизора“. Гоголь сознавалъ, что нужно спѣшить высылкою приложеній и исправленій къ комедіи, чтобы изъ доходовъ втораго изданія „Ревизора“ покрыть хотя часть своихъ долговъ — и не могъ заставить себя заниматься тѣмъ, что̀ къ спѣху, занимаясь тѣмъ, что̀ не къ спѣху... Въ томъ же письмѣ къ С. Т. Аксакову (отъ 28 декабря) онъ откровенно объясняетъ, чѣмъ занимается: „Я теперь *приготовляю къ совершенной очисткѣ первый томъ „Мер-*

[1] Гоголь разумѣетъ здѣсь: 1) сцену Хлестакова съ Растаковскимъ и 2) разговоръ Анны Андреевны съ Марьею Антоновною (см. выше, стр. 291—294). [2] Здѣсь разумѣются пять начальныхъ явленій четвертаго акта. [3] Сочиненія и письма Гоголя V, 421. [4] Тамъ же, стр. 427.

твыхъ Душъ": перемѣняю, перечищаю, многое переработываю вовсе"[1]. Въ тотъ же день Гоголь пишетъ Погодину: „Чудно милостивъ и великъ Богъ: я здоровъ. Чувствую даже свѣжесть, занимаюсь переправками, выправками и даже продолженіемъ „Мертвыхъ Душъ". Вижу, что предметъ становится глубже и глубже"[2]. Вотъ та работа „не къ спѣху", отъ которой не хотѣлось Гоголю отвлекаться ради срочнаго занятія! И въ какое время! — когда „дальнѣйшее продолженіе (перваго тома „Мертвыхъ Душъ") выяснялось въ головѣ его чище, величественнѣе", и онъ видѣлъ, что „можетъ быть со временемъ что-нибудь колоссальное!"[3] Удивительно ли, что Аксаковъ не получилъ въ назначенный срокъ („черезъ недѣлю") обѣщанныхъ приложеній и исправленій къ „Ревизору"? Только 5 марта 1841 года Гоголь, посылая Аксакову матеріалы для новаго изданія комедіи, писалъ ему: „Можетъ быть, вы ожидали высылки мною обѣщанныхъ измѣненій и приложеній, слѣдуемыхъ ко 2 изданію „Ревизора". Но я не могъ нигдѣ найти ихъ. Теперь только случаемъ нашелъ ихъ тамъ, гдѣ не думалъ". Такъ объясняетъ поэтъ замедленіе въ высылкѣ измѣненій и приложеній къ „Ревизору"! С. Т. Аксаковъ не даромъ сказалъ, что „Гоголь былъ не лгунъ, а выдумщикъ, и всегда готовъ былъ сочинить цѣлую сказку, чтобъ отдѣлаться какъ-нибудь отъ скучныхъ или непріятныхъ вопросовъ"[4]. Вслѣдъ за только что приведенными нами строками, поэтъ пишетъ: „Если бы вы знали, какъ мнѣ скучно теперь заниматься тѣмъ, что нужно на скорую руку, — *какъ мнѣ тягостно* на мигъ оторваться отъ труда, наполняющаго нынѣ всю мою душу! Но вотъ вамъ наконецъ эти приложенія"[5]. Въ слѣдующемъ письмѣ къ Аксакову (13 марта), имѣвшему неосторожность попросить у Гоголя „что-нибудь" въ „Москвитянинъ", авторъ „Ревизора", совершенно выведенный изъ себя этою просьбою, читаетъ Аксакову такое нравоученіе: „Теперь на одинъ мигъ оторваться мыслью отъ святаго своего труда — для меня уже бѣда. Никогда бы не предложилъ мнѣ въ другой разъ подобной просьбы тотъ, кто бы могъ узнать на самомъ дѣлѣ, чего онъ лишаетъ меня. Если бы я имѣлъ деньги, клянусь, я бы отдалъ всѣ деньги, сколько бы у меня ихъ ни было, вмѣсто отдачи своей статьи! Но, такъ и быть, я отыщу какой-нибудь старый лоскутокъ и просижу надъ переправкой и оконча-

[1] Сочиненія и письма Гоголя V, 426. [2] Тамъ же, стр. 428. [3] Тамъ же, стр. 426. [4] Записки о жизни Гоголя I, 231. [5] Сочиненія и письма Гоголя V, 435.

тельной отдѣлкой его, Боже! можетъ быть, двѣ-три недѣли, ибо теперь для меня всякая малая вещь почти такого же требуетъ обдумыванья, какъ великая, и, можетъ быть, еще большаго и тягостно-томительнѣйшаго труда, ибо онъ будетъ почти насильственный, и всякую минуту я буду помнить безплодную великость своей жертвы, — преступную свою жертву. Нѣтъ, клянусь, грѣхъ, тяжкой грѣхъ отвлекать меня! Только одному невѣрующему словамъ моимъ и недоступному мыслямъ высокимъ позволительно это сдѣлать. Трудъ мой великъ, мой подвигъ спасителенъ. Я умеръ теперь для всего мелочнаго"[1]. Конечно, „Ревизоръ" не принадлежалъ къ „мелочному", но приведенныя строки изъ письма къ С. Т. Аксакову прибавляютъ важную черту къ характеристикѣ того времени, когда Гоголь оканчивалъ исправленную редакцію первыхъ явленій четвертаго дѣйствія этой комедіи. Это было время, когда поэтъ занимался „*совершенною очисткою*" перваго тома „Мертвыхъ Душъ". Зимою 1840/1 года Пановъ переписалъ набѣло послѣднія главы поэмы и исправленную редакцію первыхъ пяти сценъ четвертаго акта „Ревизора"[2]. Отвлекаясь отъ любимаго труда для исправленія комедіи и подготовляя матеріалы для новаго ея изданія, Гоголь, очевидно, торопился работою, ограничивался лишь немногими, можетъ быть, давно намѣченными исправленіями и отложилъ полную переработку „Ревизора" до болѣе свободнаго времени. Вышеприведенные первоначальные наброски для первой и третьей сцены четвертаго дѣйствія, написанные въ Римѣ и сохранившіеся въ бумагахъ А. А. Иванова, убѣждаютъ, что передѣлка начальныхъ сценъ четвертаго акта не могла быть окончена въ то время, которое указано Гоголемъ, т. е. къ 25 мая 1836 года. Переписка поэта съ Погодинымъ и Аксаковымъ приводитъ къ заключенію, что новая редакція начальныхъ сценъ четвертаго дѣйствія окончена была въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ 1841 года. Уцѣлѣвшая въ бумагахъ А. А. Иванова тетрадь, въ которую переписана была набѣло эта редакція Пановымъ, должна быть отнесена къ первымъ мѣсяцамъ 1841 года.

—

[1] Сочиненія и письма Гоголя V, 438. [2] Ѳ. И. Буслаевъ, прожившій зиму 1840/1 г. въ Римѣ, слышалъ отъ Панова, что онъ въ то время списывалъ набѣло «Мертвыя Души». Эта рукопись находится теперь въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Въ концѣ октября 1840 года Гоголь занятъ былъ драмою изъ малороссійской исторіи. Ср. Сочиненія и письма Гоголя V, 425.

Посылая новые матеріалы для втораго изданія „Ревизора“, Гоголь въ письмѣ къ С. Т. Аксакову (5 марта 1841 г.) перечисляетъ ихъ въ такомъ порядкѣ: „Здѣсь письмо, писанное мною къ Пушкину, по его собственному желанію... Это письмо подъ такимъ названіемъ, какое на немъ выставлено, нужно отнесть на конецъ піесы, а за нимъ непосредственно слѣдуютъ двѣ прилагаемыя выключенныя изъ піесы сцены. Небольшую характеристику ролей, которая находится въ началѣ книги перваго изданія, нужно исключить. Она вовсе не нужна. У Погодина возьмите приложенное въ его письмѣ измѣненіе четвертаго акта, которое совершенно необходимо“[1].

Получивши отъ Гоголя исправленныя сцены четвертаго дѣйствія „Ревизора“, Погодинъ поспѣшилъ напечатать ихъ въ „Прибавленіи къ изящной словесности“ четвертой книжки „Москвитянина“ на 1841 годъ[2] (стр. 578—593), подъ заглавіемъ: „Новыя сцены къ комедіи „Ревизоръ“. Къ нимъ сдѣлана была слѣдующая выноска: „Авторъ прислалъ изъ Рима „Ревизора“ для новаго изданія, исправленнаго. Слѣдующими сценами замѣняется прежнее начало 4 дѣйствія“. Въ концѣ сценъ припечатано было извѣстіе: „Второе изданіе будетъ готово къ 1 мая; кому изъ иногородныхъ угодно имѣть оное немедленно по выходѣ, то благоволятъ относиться въ газетную экспедицію Московскаго почтамта, не прилагая ничего за пересылку. Цѣна два рубля серебромъ. Къ этому изданію приложатся нѣсколько новыхъ сценъ, оставленныхъ при первомъ изданіи. Также письмо автора о первомъ представленіи“.

Изъ двухъ сценъ, не вошедшихъ въ первое изданіе „Ревизора“, Погодинъ напечаталъ въ № 5 „Москвитянина“ на 1841 годъ сцену Хлестакова съ Растаковскимъ (стр. 37—40). Въ № VI того же журнала, въ отдѣлѣ критики (стр. 483—489), незадолго до выхода въ свѣтъ „Ревизора“, появился „Отрывокъ изъ письма, писаннаго авторомъ вскорѣ послѣ перваго представленія „Ревизора“ къ одному литератору“. Такимъ образомъ изъ матеріаловъ, присланныхъ Гоголемъ для втораго изданія „Ревизора“, въ „Москвитянинѣ“ не была напечатана только одна „новая“ сцена между Анною Андреевною и Марьею Антоновною[4]...

[1] Сочиненія и письма Гоголя V. 436. [2] Цензурное разрѣшеніе книжки помѣчено: «марта 27 дня 1841 года». [3] Пятая книжка «Москвитянина» вышла въ *маѣ*, шестая въ *іюнѣ* 1841 г. «Московскія Вѣдомости» 1841 г. № 35 и 44. Второе изданіе «Ревизора» разрѣшено цензурою: «26 іюля 1841 года». [4] С. Т. Аксаковъ

Въ письмѣ къ С. Т. Аксакову, отъ 5 марта 1841 г., Гоголь опредѣлилъ не только составъ втораго изданія „Ревизора", но и порядокъ, въ которомъ слѣдовало расположить въ немъ посланные Аксакову матеріалы. Однако, вопреки желанію Гоголя, во второмъ изданіи комедіи (стр. 227—230) перепечатана была статья: „Характеры и костюмы", впрочемъ съ исключеніемъ изъ нея нѣсколькихъ строкъ о костюмахъ Бобчинскаго и Добчинскаго[1]. Первыя четыре явленія четвертаго дѣйствія и сцена между Хлестаковымъ и Растаковскимъ появились въ новомъ изданіи „Ревизора" съ нѣкоторыми отступленіями отъ текста, напечатаннаго въ „Москвитянинѣ", и полнѣе, чѣмъ въ этомъ журналѣ[2]. Въ составъ втораго изданія внесены были изъ перваго — сцены, замѣненныя новыми, исправленными, т. е. 1) „начало IV дѣйствія по первому изданію, до сцены Хлестакова съ Земленикою" (стр. 219—225) и 2) „монологъ Хлестакова на 123 стр. перваго изданія" (стр. 225—226). Подъ этимъ монологомъ напечатано слѣдующее примѣчаніе: „Прочія мелкія исправленія (стр. 116, 120, 121) перваго изданія здѣсь не отмѣчаются"[3].

Двѣ сцены, не включенныя въ первое печатное изданіе „Ревизора" (1836 г.), явились во второмъ изданіи комедіи съ измѣненіями противъ рукописи, въ которой они дотолѣ оставались. Эта рукопись, сохранившаяся въ бумагахъ наслѣдниковъ, относится къ 1835 году и заключаетъ въ себѣ ту *вторую рукописную редакцію* „Ревизора", изъ которой путемъ поправокъ и передѣлокъ, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, выработанъ былъ первоначальный сценическій текстъ комедіи[4]. Рукопись была переписана набѣло писцомъ, очень красиво и правильно, и сохранила намъ первую стройную редакцію, выработанную изъ того хаотическаго вида, изъ той груды отрывочныхъ сценъ, которыя представляются намъ

не принималъ участія во второмъ изданіи комедіи. Вотъ его слова: «Я давно уже не занимался никакими дѣлами и «Ревизоръ» былъ напечатанъ Погодинымъ со всѣми приложеніями, которыя, кажется, предварительно помѣщены были въ «Москвитянинѣ» (Записки о жизни Гоголя I, 275).

[1] Ср. ниже, 6-е прим. къ 200 стр. этого тома. [2] Ср. ниже, стр. 682—684. [3] Здѣсь указаны приведенныя выше (стр. 637) приписки Гоголя на тетради Панова. [4] Эту промежуточную редакцію «Ревизора» давалъ возможность предполагать *ценсурный экземпляръ сценическаго текста* комедіи. Предположеніе о существованіи этой второй редакціи было высказано мною въ изданіи: «Ревизоръ. Первоначальный сценическій текстъ», стр. XXIII. Самая рукопись второй редакціи сдѣлалась мнѣ извѣстна послѣ выхода въ свѣтъ этого изданія.

въ первоначальномъ наброскѣ „Ревизора“ въ одной изъ записныхъ книгъ Гоголя, подаренныхъ имъ С. Т. Аксакову. Сверхъ текста „Ревизора“, переписаннаго писцомъ, авторъ, въ рукописи наслѣдниковъ (PH), собственноручно приписалъ множество дополненій, передѣлокъ, поправокъ, такъ что комедія получила совершенно новый видъ — сложился первоначальный сценическій ея текстъ. Онъ былъ переписанъ набѣло писцомъ съ указанной рукописи и, передъ постановкою „Ревизора“ на сцену, представленъ въ театральную цензуру. Такимъ образомъ рукопись „Ревизора“ 1835 года, принадлежащая нынѣ наслѣдникамъ Гоголя, сдѣлалась черновою по отношенію къ экземпляру сценическаго текста комедіи, представленному въ цензуру. Послѣдній остался собственностію архива Петербургскихъ театровъ; рукопись, хранящуюся нынѣ у наслѣдниковъ, Гоголь имѣлъ при себѣ въ Римѣ. На страницы этой рукописи Гоголь и нанесъ тѣ поправки и измѣненія, которыя при второмъ изданіи „Ревизора“ счелъ нужнымъ сдѣлать въ двухъ сценахъ, выключенныхъ изъ перваго печатнаго изданія комедіи. Эти поправки и измѣненія были немногочисленны.

1) Напечатанный во 2 изданіи „Ревизора“ подъ рубрикою „сценъ, выключенныхъ и при первомъ изданіи“, *разговоръ* Анны Андреевны съ Марьею Антоновною не выдѣлялся въ рукописномъ текстѣ комедіи въ *отдѣльную сцену:* въ театральной рукописи онъ составлялъ лишь заключительную *часть третьяго явленія третьяго дѣйствія*[1]. Въ рукописи „Ревизора“ 1835 г., PH, эта заключительная часть третьяго явленія третьяго акта находится нѣсколько въ иной связи съ предшествующею частью того же явленія, какъ можно видѣть изъ слѣдующей выдержки: „*Марья Антоновна.* Ахъ, маменька, вы больше червонная дама! *Анна Андреевна.* Пустяки, совершенные пустяки! Я никогда не была червонная дама. *А что касается до того, хороши ли мои глаза, то я и теперь скажу смѣло, что никогда и не было ни у кого, и не будетъ такихъ глазъ. Пусть другое что-нибудь не такъ и не хорошо, я съ этимъ не буду спорить; но что до глазъ моихъ, то извините, сударыня! Это можно только сказать человѣку безтолковому, а всякой со вкусомъ бываетъ совершенно очарованъ.* Когда жила у насъ полковница“ и т. д. Строки, напечатанныя здѣсь курсивомъ, въ рукописи PH зачеркнуты и не были приняты въ сценическій текстъ комедіи. Приготовляя

[1] Ср. «Ревизоръ. Первоначальный сценическій текстъ», стр. 58—59.

разговоръ Анны Андреевны съ Марьею Антоновною для напечатанія во второмъ изданіи „Ревизора“ въ видѣ отдѣльной сцены. Гоголь взамѣнъ напечатанныхъ курсивомъ строкъ написалъ на лоскуткѣ, оторванномъ отъ той же рукописи **РН**, слѣдующее: „1. Марья Антоновна и Анна Андреевна. *Марья Антоновна.* Но я не знаю, маминька, отъ чего вамъ кажется, что у васъ лучше всего глаза... *Анна Андреевна.* Вздоръ просто тебѣ кажется. Ты глупости, сударыня, толкуешь“. Потомъ, постановкою цифръ 2, 1. измѣнилъ порядокъ собственныхъ именъ въ первой строкѣ. Эта приписка несомнѣнно сдѣлана для втораго изданія „Ревизора“: объ этомъ свидѣтельствуетъ стоящая въ началѣ приписки цифра 1, указывающая порядокъ печатанія двухъ „выключенныхъ сценъ“ и удержанная во второмъ печатномъ изданіи комедіи. Кромѣ того въ этомъ разговорѣ сдѣланы на рукописи **РН** три небольшія поправки. 1) Вмѣсто прежняго текста **РН**: „обложенная тонкою, не больше, какъ въ палецъ, блондою“, Гоголь собственноручно приписалъ сверху строкъ: „*и вся* обложенная *блондочкою, тонкою, не больше, какъ въ палецъ*“. 2) Зачеркнувши фразу бѣловаго текста **РН**: „самая страсть моя изнываетъ и...“, Гоголь написалъ: „мое сердце, говоритъ....“. 3) Прежняя фраза **РН**: „Пожалуста, не толкуй *этакого вздора*“, исправлена такъ: „Пожалуста, не толкуй *пустяковъ*“. Этимъ ограничились поправки первой изъ „выключенныхъ сценъ“.

Наконецъ, изъ напечатанныхъ впервые во второмъ изданіи „Ревизора“ двухъ сценъ вторая *(Хлестаковъ и Растаковскій)* не была внесена ни въ сценическій текстъ, ни въ первое печатное изданіе комедіи. Эта сцена, не въ видѣ наброска, а въ отдѣланномъ, бѣловомъ текстѣ сохранилась только въ рукописи „Ревизора“ 1835 г., **РН**. Для напечатанія во второмъ изданіи комедіи Гоголь нѣсколько передѣлалъ эту сцену. 1) Вновь приписана фраза: „Да-съ. Рогатка Иванъ Васильевичъ“. 2) Зачеркнуты слѣдующія строки рукописнаго текста: „*Хлестаковъ.* Я хотѣлъ васъ попросить..... *Растаковскій (наставляя ухо). Хлестаковъ.* Я хотѣлъ попросить у васъ въ займы. *Растаковскій (не разслушавъ).* Полковой квартермистръ. *Хлестаковъ.* Да рублей триста на десять минутъ.... въ займы триста рублей, я вамъ завтра отдамъ. *Растаковскій.* Триста рублей?.... Можетъ, и есть триста рублей. *(Вынимая).* Сегодня казначей выдалъ пенсіонъ, и не считалъ еще сколько.... Иногда водятъ, мѣсяца по три не выдаютъ, да теперь, благодаря вашему пріѣзду, вдругъ выдали. Вотъ триста рублей. *Хлестаковъ.* Покорнѣйше

благодарю. *Растаковскій.* Я къ вамъ пришелъ съ убѣдительною просьбою". Сверху этихъ зачеркнутыхъ строкъ Гоголь приписалъ новый текстъ этого мѣста: „Да, это подобная исторія съ моимъ знакомымъ".— „А я, признаюсь, съ своей стороны пришелъ безпокоить преубѣдительнѣйшею просьбою" (ср. выше, стр. 294). 3) Въ этой же сценѣ вмѣсто прежней фразы **РН**: „Я-то подавалъ еще въ 1801 году", приписано сверху строки: „Да оно, сказать правду, не такъ и давно" (ср. выше, стр. 294). 4) Нѣсколько ниже зачеркнутъ прежній текстъ: „Можетъ быть, онъ просьбу не туда отнесъ, куда нужно"; сверху собственноручная приписка: „Такъ статься можетъ, что просьбу отнесъ-то не туды, куды слѣдуетъ" (ср. выше, стр. 294). 5) Зачеркнуты послѣднія строки сцены: „Да, натурально, разумѣется. Будьте спокойны: я тамъ прикажу все это разыскать". Сверху въ **РН** приписано собственноручно: „Хорошо, хорошо, я скажу. (Вы будьте увѣрены. У себя, у себя тоже въ канцеляріи пороюсь)". Послѣднею поправкою Гоголь не былъ доволенъ: онъ сначала зачеркнулъ то, что у насъ заключено въ скобки, а потомъ устранилъ и первую строку исправленнаго текста. Во второмъ изданіи „Ревизора" это мѣсто явилось въ такомъ видѣ: „Да, натурально, теперь рѣшатъ скоро; а впрочемъ, я тоже съ своей стороны.... хорошо, хорошо" (см. выше, стр. 294). Эта поправка сдѣлана конечно на той копіи исправленныхъ сценъ, которая была послана въ Москву Погодину.

Таковы были измѣненія, сдѣланныя Гоголемъ въ первой печатной редакціи „Ревизора" при второмъ изданіи комедіи, появившемся въ свѣтъ въ концѣ іюля 1841 года.

Только въ первомъ изданіи „Сочиненій Гоголя" (1842 г.) напечатана была послѣдняя, окончательно выработанная редакція „Ревизора". Новая переработка коснулась уже не отдѣльныхъ сценъ дорогаго Гоголю творенія, — она прошла по всей піесѣ отъ начала до конца. При этомъ, свободными отъ *всякихъ* исправленій остались слѣдующія сцены *перваго изданія* „Ревизора": пятое явленіе перваго дѣйствія, первое, второе, четвертое и девятое явленія втораго дѣйствія, первое, второе, третье, четвертое, десятое и одиннадцатое явленія третьяго дѣйствія, третье, четвертое и шестое — пятаго дѣйствія. Немногочисленныя дополненія и поправки внесены авторомъ въ четвертое и шестое явленія перваго дѣйствія, въ третье, шестое и седьмое явленія втораго дѣйствія, въ пятое явленіе третьяго дѣйствія, въ пятое, седьмое, девятое, десятое,

двѣнадцатое и шестнадцатое явленія четвертаго дѣйствія, въ первое, второе, пятое и седьмое явленія послѣдняго дѣйствія[1]. Совершенно передѣланы слѣдующія сцены *перваго* изданія „Ревизора“: первое, второе и третье явленія перваго дѣйствія, пятое, восьмое и десятое явленія втораго дѣйствія; въ четвертомъ дѣйствіи 1) вновь передѣланы явленія шестое и одиннадцатое и 2) переработаны въ другой разъ написанныя для *втораго* изданія „Ревизора“ пять начальныхъ сценъ; въ пятомъ дѣйствіи совершенно передѣлано восьмое явленіе[2]. Всѣ эти измѣненія собственноручно переписаны были авторомъ набѣло *карандашомъ* (конечно съ отдѣланныхъ набросковъ) въ печатный экземпляръ перваго изданія „Ревизора“ и въ написанную Пановымъ тетрадь, замѣнившую въ этомъ экземплярѣ вырѣзанныя изъ него печатныя страницы (109—114), на которыхъ помѣщены были три первыя явленія четвертаго дѣйствія[3].

На заглавномъ листѣ печатнаго изданія этой окончательной редакціи „Ревизора“ (въ „Сочиненіяхъ Гоголя“, 1842 г.) появился эпиграфъ: „На зеркало неча пенять, коли рожа крива“. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ уста Городничему вложены слова: „Найдется щелкоперъ, бумагомарака, въ комедію тебя вставитъ. Вотъ что обидно! Чина, званія не пощадитъ, и будутъ всѣ скалить зубы и бить въ ладоши. Чему смѣетесь? Надъ собою смѣетесь! Эхъ вы!.... У, щелкоперы, *либералы проклятые!* чортово сѣмя! Узломъ бы васъ всѣхъ завязалъ, въ муку бы стеръ васъ всѣхъ, да чорту въ подкладку! въ шапку туда ему!“ Бранныя слова и угрозы, которыя раздались тотчасъ послѣ перваго представленія „Ревизора“ по адресу автора, повторяются теперь со сцены — осмѣяннымъ Городничимъ въ минуту изступленія. Окончаніе послѣдней редакціи „Ревизора“ не даромъ совпало съ отдѣлкою для печати „Театральнаго Разъѣзда послѣ представленія новой комедіи“.

Много труда доставила Гоголю разработка „нѣмой сцены“, которою завершается комедія. Переписавши набѣло весь текстъ послѣдней редакціи на печатный экземпляръ перваго изданія „Ревизора“, Гоголь успѣлъ набросать на немъ новое, подробное описаніе „нѣмой сцены“ *лишь въ черновомъ видѣ.* Сначала онъ ограничился незначительною поправкою нѣсколькихъ словъ въ первоначальномъ

[1] Всѣ эти дополненія и поправки указаны въ варіантахъ. [2] Всѣ эти явленія напечатаны, по первому изданію Ревизора, выше, стр. 295—328. [3] Описаніе этого экземпляра помѣщено выше I, стр. 635—638.

печатномъ текстѣ этой сцены; къ словамъ: „Всѣ издаютъ звукъ изумленія и остаются“, онъ приписалъ: „онѣмѣвшими въ разныхъ положеніяхъ“ (вмѣсто прежняго: „съ открытыми ртами и вытянутыми лицами“). Потомъ, непосредственно за окончаніемъ печатнаго текста, авторъ набросалъ карандашомъ слѣдующую версію „нѣмой сцены“: „Городничій столбомъ. Судья — разставивъ руки *и сдѣлавъ губами движеніе, какъ будто хотѣлъ посвистать*[1], и нѣсколько присѣвъ. Почтмейстеръ — поднявъ брови и выразивъ вопросъ въ лицѣ. Бобчинскій и Добчинскій — выпучивъ глаза одинъ на другаго.............[2] Жена Коробкина — подвинувшись ближе къ зрителямъ, изобразила сардоническое и ѣдкое выраженіе. [Жена] Луки Лукича—статуей, разинувши ротъ.....[3] (вскинувъ), вздрогнувъ и вскрикнувъ. И нѣсколько минутъ не опускается занавѣсъ“. Нѣсколько ниже, карандашомъ же, написана новая версія этой сцены: „Актерамъ нужно обратить вниманіе на послѣднюю сцену, минуту всеобщаго окаменѣнія. (Послѣднія слова) Извѣстіе, принесенное жандармомъ, поражаетъ различно всю группу. Вся группа разомъ и въ одно мгновенье должна перемѣнить свое положеніе. Городничій стоитъ столбнякомъ съ растопыренными руками. (Судья присѣлъ почти до полу, разставивъ руки)[4]. Жена и дочь съ обѣихъ сторонъ останавливаются, (обрати) устремившись къ нему съ совершеннымъ недоумѣньемъ на лицахъ. Съ лѣва Земляника, сдѣлавшій даже глупую задумавшуюся рожу. Справа почтмейстеръ, весь превратившійся въ вопросительный знакъ, обращенный къ зрителямъ. Слѣва Судья, присѣвшій почти до земли съ разставленными руками и съ движеніемъ губъ, какъ бы готовился посвистать. Справа Лука Лукичъ въ самомъ наивномъ испугѣ. (Группа изъ трехъ дамъ)....... три гостьи.............. прислонившись другъ къ другу съ сатирическимъ выраженіемъ лицъ, обращенныхъ къ зрителямъ. Слѣва Коробкинъ, обращенный къ зрителямъ лицомъ и намекающій на группу прищуреннымъ глазомъ. За нимъ, у самаго края, Бобчинскій и Добчинскій, сильнѣе всѣхъ другихъ сдѣлавшіе движеніе, выступившись оба впередъ (обращенные рѣшительно другъ къ другу) и ожидающіе другъ отъ друга объясненія въ этомъ (странномъ недоразумѣніи)“[5]. Наконецъ, на первой страницѣ листа, приклееннаго къ задней

---

[1] Напечатанное курсивомъ приписано впослѣдствіи съ боку страницы. [2], [3] Точки на мѣстѣ неразобранныхъ словъ. [4] Поставленное въ скобки зачеркнуто Гоголемъ и перенесено ниже. Сверху зачеркнутой фразы начата новая: «Жена и дочь съ обѣихъ сторонъ». [5] Зачеркнутое въ рукописи заключено нами въ скобки.

половинѣ переплета изнутри, набросанъ, *уже чернилами*, слѣдующій текстъ „нѣмой сцены": „Произнесенныя слова поражаютъ какъ громомъ всѣхъ. Невольный звукъ испуга излетаетъ дружно изъ дамскихъ устъ........ производятъ......[1]. Всѣ остаются въ окаменѣніи. Городничій (видѣнъ посреди съ раст въ видѣ непод среди) остановился посреди всѣхъ въ видѣ столпа съ распростертыми руками и закинутою назадъ головою. По правую сторону его жена и дочь, (устремившись) обѣ окаменѣвши съ устремленнымъ къ нему движеньемъ тѣла, рукъ и лица. За ними почтмейстеръ, превратившійся въ вопросительный знакъ, обращенный къ зрителямъ. За почтмейстеромъ Лука Лукичъ, потерявшійся совершенно наивнымъ образомъ. [За нимъ, у самаго края сцены, три дамы гостьи, прислонившіяся одна къ другой съ нѣсколько прищуреннымъ глазомъ и съ сатирическимъ выраженіемъ лицъ. По лѣвую сторону Городничаго Земляника съ глупымъ......[2], наклонившій нѣсколько на бокъ голову, какъ будто бы къ чему-то прислушивающійся. За нимъ Судья, присѣвшій почти до земли (съ растопыренными), и разставивши руки и сдѣлавъ движенье губами, какъ бы хотѣлъ посвистать или сказать. За нимъ Коробкинъ, обратившійся къ зрителямъ съ прищуреннымъ глазомъ на городничаго и ѣдкимъ выраженьемъ лица. За нимъ, у самаго края сцены, Бобчинскій и Добчинскій (съ сильнымъ движеньемъ обратившись другъ, выпучивши глаза и какъ бут) обращенные къ....[3] съ выпученными глазами и руками, остановившимися въ воздухѣ. Всѣ прочіе гости въ видѣ недвижномъ, столбнякомъ. Двѣ минуты продолжается всеобщее окаменѣніе. Занавѣсъ опускается"[4]. Набрасывая различныя версіи „нѣмой сцены", Гоголь, кажется, въ то же время, рисовалъ въ различныхъ положеніяхъ окаменѣвшую группу этой заключительной сцены „Ревизора"[5]. Изъ всѣхъ приведенныхъ нами набросковъ послѣдній ближе всѣхъ подходитъ къ окончательной редакціи „нѣмой сцены". Эта окончательная редакція не была вписана Гоголемъ въ экземпляръ, сохранившій, въ собственноручномъ спискѣ автора, вновь выработанный текстъ „Ревизора"; она не попала и въ копію комедіи, сдѣланную съ этого экземпляра писцомъ. Только 15 іюля

[1] Точки на мѣстѣ неразобранной приписки сверху. [2] Въ рукописи пропущено какое-то слово. [3] Въ рукописи пропущено какое-то слово. [4] Снимокъ съ собственноручнаго наброска этой сцены приложенъ къ изданію: «Ревизоръ. Первоначальный сценическій текстъ» (М. 1886 г.). [5] Снимки съ этихъ рисунковъ приложены къ моему изданію первоначальнаго сценическаго текста «Ревизора».

1842 г. „нѣмая сцена“, переписанная набѣло авторомъ, послана была изъ Гастейна Прокоповичу. Въ письмѣ, при которомъ она была отправлена, Гоголь такъ объяснялъ причину ея поздней высылки: „Я совсѣмъ позабылъ, что „Ревизоръ“ безъ конца. Писецъ не разобралъ примѣчаній объ нѣмой сценѣ и оставилъ чистое мѣсто“[1]. Въ томъ же письмѣ послано было и другое дополненіе, не находившееся въ копіи „Ревизора“, которая была сдѣлана писцомъ. — „Еще къ статьѣ „Характеры и костюмы“, которая предшествуетъ комедіи, нужно прибавить на концѣ слѣдующее: „Господа актеры особенно должны обратить вниманіе на послѣднюю сцену“. — „Отъ несоблюденія этихъ замѣчаній можетъ исчезнуть весь эффектъ“[2]. Эта прибавка представляетъ въ распространенномъ и обработанномъ видѣ начало *втораго* изъ вышеприведенныхъ набросковъ „нѣмой сцены“.

Такимъ образомъ послѣдняя печатная редакція „Ревизора“ была выработана и переписана набѣло въ періодъ времени съ начала марта 1841 года, когда С. Т. Аксакову отправлены были матеріалы для втораго изданія комедіи, до 15 іюля 1842 года[3], когда Прокоповичу посланы были послѣднія строки окончательной редакціи этого произведенія. Въ теченіе этого періода набросаны были дополненія и измѣненія отдѣльныхъ мѣстъ и сценъ начерно, и потомъ, въ обработанномъ и отдѣланномъ видѣ, собственноручно переписаны авторомъ набѣло на экземпляръ перваго изданія „Ревизора“ и вплетенную въ него тетрадь руки Панова.

Можно думать, что къ выработкѣ послѣдней редакціи „Ревизора“ Гоголь приступилъ только тогда, когда совершенно была готова вчернѣ новая редакція первой части „Мертвыхъ Душъ“, въ перепискѣ которой набѣло участвовалъ П. В. Анненковъ и которую Гоголь въ сентябрѣ 1841 года повезъ въ Москву. Окончательная обработка и переписка набѣло вновь выработаннаго текста „Ревизора“ производилась тогда, когда первый томъ „Мертвыхъ Душъ“ былъ отпечатанъ.

Въ „варіантахъ“ вышеописанный (стр. 636, слд.) экземпляръ „Ревизора“ означенъ буквами — **ИМ**; первое печатное изданіе „Ревизора“ (1836 г.) — буквами: **Ра**, второе (1841 г.) — буквами **Рб**; текстъ

[1] Русское Слово 1859 г., январь, стр. 119. [2] Ср. выше, стр. 200. [3] Въ письмѣ отъ 29 августа 1842 г. Гоголь спрашиваетъ Прокоповича: «Получилъ ли хвостъ «Ревизора», посланный три недѣли тому назадъ?» (Русское Слово 1859 г., янв., стр. 120—121).

въ изданіи „Сочиненій Гоголя“ буквою П; рукопись „Ревизора“, переписанная въ 1835 году и принадлежащая наслѣдникамъ поэта, — буквами РН: второе изданіе „Сочиненій Гоголя“ (1856 г.) — буквою Т.

Стр. 199 [1] Ра, Рб; «однако» П.

Стр. 200 [1] Ра, Рб; «самому себѣ» П. [2] Ра, Рб; «немного» П. [3] Ра, Рб; въ П нѣтъ слова «и». [4] Послѣ этого въ Ра и Рб: «Оба въ сѣрыхъ фракахъ, желтыхъ нанковыхъ панталонахъ. Сапоги съ кисточками. Представляются: Добчинскій въ широкомъ фракѣ бутылочнаго цвѣта, Бобчинскій въ прежнемъ гарнизонномъ мундирѣ». [5] Послѣ этого въ Ра и Рб: «Костюмъ его — довольно широкій фракъ, но въ четвертомъ дѣйствіи является въ узкомъ губернскомъ мундирѣ съ короткими рукавами и огромнымъ воротникомъ, почти захватывающимъ уши». [6] Послѣ этого въ Ра и Рб слѣдуютъ замѣчанія о гостяхъ, принадлежащія, очевидно, Гоголю и исключенныя въ изданіи П: «*Гости* должны быть разнохарактерны. Они должны быть высокіе и низенькіе, толстые и тонкіе, нечесаные и причесаные. Костюмированы тоже должны быть различно — во фракахъ, венгеркахъ и сюртукахъ разнаго цвѣта и покроя. Въ дамскихъ костюмахъ та же пестрота: одни одѣты довольно прилично, даже съ притязаніемъ на моду, но что-нибудь должны имѣть (въ Рб: «но должны имѣть что-нибудь») не такъ, какъ слѣдуетъ: или чепецъ на бекрень, или ридикюль какой-нибудь странный; другія въ платьяхъ, уже совершенно не принадлежащихъ ни къ какой модѣ — съ большими платками и чепчиками въ видѣ сахарной головы и проч. — Вообще слѣдуетъ обратить вниманіе на цѣлое всей піесы. Страхъ, испугъ, недоумѣніе, суетливость должны разомъ и вдругъ выражаться на всей группѣ дѣйствующихъ лицъ, выражаться въ каждомъ совершенно особенно, сообразно съ его характеромъ». [7] Замѣчанія о послѣдней сценѣ въ этомъ видѣ («Господа актеры» — «исчезнуть весь эффектъ») появились въ первый разъ въ изданіи «Сочиненій Гоголя» 1842 г., П. Ср. выше стр. 659.

Стр. 201 [1] Вмѣсто слова «инкогнито», въ ИМ прежде было написано: «да еще инкогнитомъ».

Стр. 202 [1] Ра, Рб, ИМ; «Вчерашняго дня» П. [2] Послѣ этого въ ИМ зачеркнуты слова: «испуская вздохъ», находившіяся въ первомъ и второмъ изданіи «Ревизора»: они замѣнены словомъ: «*вздохнувъ*», приписаннымъ черезъ нѣсколько словъ. Въ П удержаны и зачеркнутыя слова («*испуская вздохъ*») и замѣнившее ихъ слово: «вздохнувъ». [3] П; въ ИМ слово «сдѣлалъ» пропущено.

Стр. 203 [1] П; «по латынѣ» Ра, Рб, ИМ. [2] Ра, Рб, ИМ; «гусенятками» П. [3] П; «самимъ» Ра, Рб, ИМ. [4] Ра, Рб, ИМ; «шкафомъ» П. [5] Ра, Рб, ИМ; «пожалуй, опять можете его повѣсить» П. [6] Ра, Рб, ИМ; въ П нѣтъ слова: «онъ».

Стр. 205 [1] Ра, Рб, ИМ; въ П нѣтъ слова «и». [2] Ра, Рб, ИМ; «строитъ» П.

Стр. 207 [1] Ра, Рб, ИМ; «семейное» П. [2] Въ ИМ собственноручно: «батюшки»; въ П «батюшка».

Стр. 208 [1] ИМ; «о новости» П. [2] ИМ; «ужъ слышали» П.

Стр. 209 [1] Въ ИМ прежде было написано: «руку». [2] Послѣдняя фраза вставлена въ ИМ на мѣсто написанной карандашомъ и полустертой фразы: «Только мы въ трактиръ, а въ трактирѣ ужъ молодой человѣкъ».

Стр. 210 [1] **ИМ**; «нотацію» **П**. [2] **Ра, Рб, ИМ**; «кому же быть?» **П**. [3] **Рб, П**; «обсмотрѣлъ» **ИМ, Ра**. [4,5] **Ра, ИМ**: «нумерѣ» **Рб. П**. [6] Послѣ этого въ **ИМ** зачеркнуто: «авось, сойдутъ и теперь».

Стр. 211 [1] **Ра, Рб, ИМ**; «а я отправлюсь одинъ» **П**. [2] **Ра, Рб, ИМ**; «Пойдемъ, пойдемъ» **П**. [3] **П**; «такъ онъ» **ИМ**. [4] **П**; «а какъ углублюсь въ (дѣло или) записку» **ИМ**.

Стр. 212 [1] **П**; «да и въ дрожки» **ИМ**. [2] Въ **Ра** и **Рб**: «Ничего, ничего, я такъ: пѣтушкомъ, пѣтушкомъ побѣгу за дрожками. Мнѣ такъ только посмотрѣть въ щолочку («щелочку» **Рб**); такъ, знаете, изъ дверей только увидѣть, какъ тамъ онъ.... Больше сущность и поступки его, а я ничего». [3] Въ **Ра, Рб** и **П** въ этомъ мѣстѣ стоитъ «Авдулинъ»; но въ спискѣ «Дѣйствующихъ лицъ» во всѣхъ этихъ изданіяхъ: «Абдулинъ». Въ сценическомъ текстѣ «Ревизора» и въ его полной редакціи 1835 года, **НР**, въ самомъ спискѣ «Дѣйствующихъ лицъ» написано: «Авдулинъ», въ послѣдней рукописи — собственною рукою автора. Въ изданіи «Ревизора» 1841 года постоянно (кромѣ настоящаго случая) — «Абдулинъ»; въ изданіи «Сочиненій Гоголя» 1842 г., **П**, то же колебаніе, что̀ и въ первомъ печатномъ изданіи комедіи: то «Авдулинъ», то «Абдулинъ». [4] Гоголь нерѣдко употребляетъ это̀ слово. Ср. 1-е прим. къ 148 стр. третьяго тома.

Стр. 213 [1] **ИМ, Ра, Рб**; «квартальный поручикъ» **П**. [2] **П**; «довольно ли?» **Ра, Рб**.

Стр. 214 [1] **П**; «бросаетъ ее» **Ра, Рб, ИМ**. [2] Такъ въ **Ра, Рб, ИМ, П**. Ср. 6-е примѣч. къ 365 стр. перваго тома. [3] **Рб, П**; «Маминька, маминька!» **ИМ, Ра**.

Стр. 215 [1] **Ра, Рб, ИМ**; въ **П** нѣтъ слова «что». [2] **Ра, Рб. ИМ**; въ **П** нѣтъ слова «ты». [3] Такъ написано собственною рукою автора въ **ИМ**; въ **П**: «*пока не опускается занавѣсъ и не закрываетъ ихъ обѣихъ*». [4] Въ **Ра** и **Рб** только: «и сію же минуту возвращайся назадъ, слышишь? *(Обѣ остаются смотрящими въ окно; занавѣсъ опускается)*».

Стр. 216 [1] **П**; «кѣатры» **Ра, ИМ**; «кеатры» **Рб**. Въ рук. петерб. театровъ и рукописи 1835 г., **РН**: «кѣятры».

Стр. 217 [1] **Ра, Рб, ИМ**; «въ небѣ» **П**. [2] **Ра, Рб, ИМ**: «Что съ нимъ дѣлать?» **П**. [3] **П**; «кѣатръ» **Ра, ИМ**; «кеатръ» **Рб**.

Стр. 218 [1] **Рб, П**; «прійми» **Ра, ИМ**. [2] **Ра, Рб, ИМ**: «склокочена» **П**. [3] **Ра, ИМ**; «не платитъ» **Рб, П**.

Стр. 219 [1] **Рб, П**; «хозяйна» **Ра**. [2] Въ **ИМ** слово «просто» переправлено изъ прежде написаннаго: «право». [3] **П**; въ **Ра** и **Рб**: «Пѣхотный капитанъ больше всего меня поддѣлъ; однакожъ, что̀ ни говори, а удивительно бестія штосы срѣзываетъ. Всего какихъ-нибудь четверть часа посидѣлъ, и все обобралъ. Славно играетъ! Если бъ еще гдѣ-нибудь съ нимъ встрѣтиться! Впрочемъ, какъ же встрѣтиться? на это все нужно случай. Когда бъ въ самомъ дѣлѣ уже скорѣе доѣхать домой! надоѣло въ дорогѣ. Нарочно такой мерзкой городишка: въ другихъ, по крайней мѣрѣ, что-нибудь бываетъ. а здѣсь ничего совершенно нѣтъ. Въ овошенной лавкѣ балыки еще сносные, но проклятые сидѣльцы очень мало даютъ на пробу». [4] Такъ въ **Ра, Рб, ИМ** и **П**.

Стр. 220 [1] **Ра, Рб, ИМ**; «сегодня же» **П**. [2] **Ра, ИМ**; «не поѣстъ» **Рб. П**. [3] **Ра, Рб, П**; «А лакей, золотая ливрея, входитъ» **ИМ**.

Стр. 221 [1] **П**; въ **Ра** и **Рб**: «*Хлестаковъ*. Отъ чего же нѣтъ? Я видѣлъ самъ,

проходя мимо кухни, какъ готовилась рыба и котлеты. *Слуга.* Да это, можетъ быть, для тѣхъ, которые почище-съ».

Стр. 222 [1] **П**; «вкуса» **Ра, Рб, ИМ**. [2] **Рб, П**; «супа» **Ра, ИМ**. [3] **Ра, Рб, ИМ**; «не надо» **П**. [4] **Рб, П**; «супа» **Ра, ИМ**.

Стр. 223 [1] **П**; «о васъ» **Ра, Рб, ИМ**. [2] **П**; «выпрямливается» **ИМ**. [3] **П**; въ **Ра** и **Рб**: «*Хлестаковъ (испугавшись).* Вотъ тебѣ на! Я, ей Богу, никакъ не думалъ про это.... Эка бестія трактирщикъ! Если въ самомъ дѣлѣ потащитъ въ тюрьму? Что жъ? если благороднымъ образомъ, еще ничего, я, пожалуй, пойду.... Нѣтъ, что жъ я говорю: пойду? Тамъ вчера смотрѣли на меня двѣ купеческія дочери, офицеры тоже безпрестанно ходятъ.... Нѣтъ, я не соглашусь. Онъ не можетъ сдѣлать этого, или ужъ онъ будетъ послѣ этого такая скотина.... Это можно какого-нибудь мѣщанина или ремесленника.... Нѣтъ, не поддаваться! *(Ободряется)* Что̀ онъ можетъ мнѣ? Я скажу ему: какъ вы!... Я знать не хочу.... *(У дверей вертится ручка; Хлестаковъ блѣднѣетъ)*». [4] **Ра, Рб, ИМ**; «*Бобчинскій, выглядывая изъ-за дверей*» **П**.

Стр. 224 [1] **Ра, Рб, ИМ**; «онъ чортъ знаетъ что̀ плеснулъ туда» **П**. [2] Слово «морилъ» пропущено было въ *первоначальныхъ* копіяхъ «Ревизора», сдѣланныхъ съ оригинала автора. Гоголь замѣтилъ этотъ пропускъ и *собственноручно* вписалъ это слово въ театральный экземпляръ (нынѣ принадлежащій петербургскимъ театрамъ). Въ другой рукописи «Ревизора», также *собственноручно* исправленной авторомъ, стоитъ: «морилъ». Однакоже это слово не было внесено ни въ одно печатное изданіе комедіи. [3] Въ **ИМ** прежде было написано: «Да вотъ я я я». [4] **ИМ**; въ **П** ошибка: «*гордо*».

Стр. 225 [1] Такъ въ **ИМ** собственноручно; въ **П**: «не куда». [2] **ИМ**; въ **П** ошибка: «бумажникъ». [3] Въ **ИМ** прежде было написано: «Теперь другое дѣло, конечно».

Стр. 226 [1] Эти слова внесены изъ **ИМ**; они есть въ **Ра** и **Рб**; въ **П** пропущены. [2] **П**; въ **ИМ** слово «старый» зачеркнуто. [3] **ИМ**; «хотя» **П**.

Стр. 227 [1] Въ **ИМ** прежде было написано: «Кажется, эта комната должна быть нѣсколько сыра?» [2] Прежде въ **ИМ** было написано: «Я бы дерзнулъ пригласить васъ». [3] **ИМ**; «я самъ тоже не люблю» **П**.

Стр. 228 [1] Послѣ этихъ словъ въ **ИМ** набросано: «для путешеств» (окончаніе слова не дописано) .... «любопыт». Написаны эти слова карандашомъ надъ слѣдующими строками печатнаго текста: «*знаете, это для наблюдатель*наго ума *хорошо; тутъ можно много полезнаго вывести*». Напечатанное здѣсь курсивомъ зачеркнуто въ рукописи карандашомъ; незачеркнутое окончаніе «наго» непосредственно примыкаетъ къ набросанному: «путешеств». [2] **П**; въ **ИМ** собственноручно: «обсмотримъ».

Стр. 229 [1] **П**; въ **ИМ** собственноручно: «Бобчинскому» (описка). [2] Сначала Гоголь написалъ въ **ИМ**: «А вотъ посмотримъ, какъ пойдетъ дѣло послѣ фриштика! Бутылка толстобрюшка есть у насъ — губернская мадера. Можетъ быть, она не такъ казиста на видъ, а слона повалитъ съ ногъ». Ранѣе было набросано: «Такъ мы увидимъ, какъ (оно будетъ) дѣло послѣ шампанскаго. Язычокъ бываетъ побойчей. Да есть у насъ губернская мадера, не казиста на видъ, а слона повалитъ.....»

Стр. 230 [1] **П**; «Было бы не слушать ее вовсе» **Ра**, **Рб**, **ИМ**. [2] **П**; «чрезъ минуты двѣ» **Ра**, **Рб**, **ИМ**. [3] **Ра**, **Рб**, **ИМ**; «на концѣ» **П**.

Стр. 231 [1] **Ра**, **Рб**, **ИМ**; въ **П** ошибка: «откуда». [2] **Ра**, **Рб**, **ИМ**; «отступая» **П**. [3] Слова «да-съ» нѣтъ въ **Ра**, **Рб**.

Стр. 232 [1] **Рб**, **П**; въ **Ра** опечатка: «А».

Стр. 233 [1] **Рб**; «Авдулину» **Ра**, **П**. Ср. 3-е примѣч. къ 212 стр. этого тома. [2] **Ра**, **Рб**, **ИМ**; въ **П** нѣтъ словъ: «съ нею». [3] **Ра**, **Рб**, **ИМ**; «тоалетомъ» **П**. [4] **Ра**, **Рб**, **ИМ**; «говоришь» **П**.

Стр. 234 [1] Такая пунктуація въ **Рб** и **П**; въ **Ра**: «Что жъ это больше?» [2] Возстановляемъ чтеніе театральной рукописи «Ревизора» и списка комедіи 1835 г. **РН**; въ **Ра**, **Рб**, **ИМ**, **П** опечатка: «намъ». [3] **П**; «Простова» **Ра**, **Рб**, **ИМ**. [4] **П**; «а простова-то» **Ра**, **Рб**, **ИМ**.

Стр. 235 [1] **П**; «и снимаютъ ее» **Ра**, **Рб**, **ИМ**. [2] **Ра**, **Рб**, **ИМ**; «о своей пользѣ» **П**. [3] **П**; въ **Ра**, **Рб**: «тамъ ихъ было немного».

Стр. 236 [1] **Ра**, **Рб**, **ИМ**; въ **П** нѣтъ слова: «самъ». [2] **П**; въ **Ра** и **Рб**: «*Хлестаковъ*. Да, я и самъ люблю этакъ иногда заумствоваться и пофилософствовать: такъ, знаете, иногда прозой, а иногда и стишки выкинутся». [3] **Ра**, **Рб**, **ИМ**; «какъ играть въ карты» **П**. [4] **Ра**, **Рб**, **ИМ**; въ **П** слово «никогда» пропущено по недосмотру. [5] Въ **ИМ** прежде было написано: «Если, напримѣръ, кто забастуетъ». [6] **П**; въ **Ра** и **Рб**: «*Хлестаковъ*. Нѣтъ вы, напрасно говорите. Это все зависитъ отъ того, какъ кто играетъ. Конечно, если кто забастуетъ, тогда какъ нужно ему гнуть отъ трехъ угловъ.... Нѣтъ, иногда очень заманчиво поиграть».

Стр. 237 [1] Эти строки («Какъ можно-съ!» — «для комплимента») приписаны въ **ИМ** чернилами собственною рукою Гоголя. [2] Слово «принять» авторъ также приписалъ въ **ИМ** чернилами къ печатному тексту «Ревизора» (изд. 1836 г.). [3] Это мѣсто («Привыкши жить» — «мракъ невѣжества») также приписано въ **ИМ** чернилами. [4] Фраза: «Какъ можно-съ!» приписана въ **ИМ** чернилами; затѣмъ возобновляются приписки карандашомъ.

Стр. 238 [1] Передъ этимъ въ **ИМ** зачеркнуто: «Я приду только». [2] **Рб**, **П**; «съ» **Ра**, **ИМ**. [3] **ИМ**; въ **П** эта фраза пропущена. [4] **ИМ**; въ **П** нѣтъ фразы: «всѣхъ изумилъ».

Стр. 239 [1] Въ **П** опечатка: «стихи». Ср. изданный мною первоначальный сценическій текстъ «Ревизора», стр. 71. Намекъ на Сенковскаго, см. настоящаго изданія томъ пятый, стр. 492. [2] **Рб**, **П**; «маминька» **Ра**, **ИМ**. [3] **Ра**, **Рб**. **ИМ**; «что это Загоскина сочиненіе» **П**. [4] **Ра**, **Рб**, **ИМ**; «даже и здѣсь» **П**. [5] Въ **ИМ** слово «существую» написано сверху зачеркнутыхъ: «только и живу». [6] **Ра**, **Рб**, **ИМ**; въ **П** нѣтъ слова: «англійскій». [7] Въ **ИМ** прежде было написано: «я живу».

Стр. 240 [1] **П**; «я управлялъ» **ИМ**. [2] **П**; «куды ѣхалъ» **ИМ**. [3] **Ра**, **Рб**, **ИМ**; «разсмотрѣть» **П**. [4] **Ра**, **Рб**, **ИМ**; въ **П** нѣтъ слова «послѣ». [5] **П**; «и въ ту же минуту по улицамъ курьеры, курьеры....» **ИМ**. [6] **П**: въ **ИМ** нѣтъ этихъ строкъ: «Можете представить себѣ: тридцать пять тысячъ однихъ курьеровъ! Каково положеніе? я спрашиваю». [7] **П**; въ **ИМ** нѣтъ слова «тоже». [8] **П**; въ **ИМ**: «Извольте», говорю, «господа: я принимаю должность, только ужъ у меня — прошу теперь ни, ни, ни!... У меня ухо востро держите!... Я ужъ....» [9] **Ра**, **Рб**, **ИМ**; въ **П** нѣтъ слова «какъ». [10] **ИМ**; въ **П** пропущено

слово «и». [11] П: въ ИМ нѣтъ словъ: «*Хлестаковъ горячится сильнѣе*». [12] П; въ ИМ: «Меня самъ государственный совѣтъ боится. Меня ужъ было произвели въ фельдма.....» [13] П; «подскальзывается» ИМ. [14] П; «и чуть-чуть не шлепнулъ на полъ» ИМ. [15] П: въ ИМ нѣтъ словъ: «*быстрымъ отрывистымъ голосомъ*». [16] П; въ ИМ нѣтъ словъ: «*такимъ же голосомъ*». [17] Т; въ ИМ и П: «Завтракъ у васъ, господа.... Я доволенъ». [18] Т; въ ИМ и П: «я доволенъ, я доволенъ. Отличный лабарданъ! Отличный лабарданъ!»

Стр. 241 [1] Ра, Рб, ИМ; въ П пропущено слово: «*Добчинскому*». [2] Ра, Рб: «въ мундирѣ» П. [3] ИМ; «проснется» П. [4] ИМ; «произнося» П. [5] Такъ поправлена въ П фраза печатнаго текста Ра и Рб: «Онъ, однакожъ, меня очень понравилъ».

Стр. 242 [1] П; въ ИМ было написано: «въ наружу». [2] Въ ИМ прежде было написано: «не прилгнувши немного». [3] Т; въ ИМ: «финтюрлютки».

Стр. 243 [1] ИМ; «хотя бы» П. [2] Такъ въ ИМ и П. [3] Т; «и киваютъ» Ра, Рб. ИМ. П. [4] Ра, Рб, ИМ; «Тш!» П.

Стр. 244 [1] Ра, Рб, ИМ; «цѣлковыхъ» П.

Стр. 245 [1] Ра, Рб, ИМ; «также» П. [2] Ра, Рб, ИМ; «подслушай» П.

Стр. 246 [1] П. Вмѣсто слова: «стройтесь!» въ ИМ прежде было написано: «Скорѣй! скорѣй!» [2] Въ ИМ прежде было написано: «Кое-что сдѣлать». [3] Т; «А что̀ жъ?» ИМ, П. [4] ИМ; въ П нѣтъ словъ: «чортъ возьми!» [5] ИМ; «Развѣ» П. [6] ИМ. Въ П, по недосмотру, пропущено слово: «на» и напечатано: «Развѣ въ видѣ приношенія со стороны дворянства — какой-нибудь памятникъ». Въ ИМ описка: «на кой-нибудь». Прежде въ ИМ было написано карандашомъ же: «Развѣ вотъ что: въ видѣ приношенья со стороны какой-нибудь....» [7] Въ ИМ прежде было написано: «Нѣтъ, что̀ тутъ толковать? эти дѣла» и т. д.

Стр. 247 [1] ИМ; «да чтобы» П. Но слово «да» въ ИМ зачеркнуто. [2] ИМ; «первые начните» П. [3] П; въ ИМ послѣднюю букву въ словѣ «притиснули» Гоголь собственноручно переправилъ на ъ — «притиснулъ». [4] ИМ; «Отпустите, отпустите, господа!» [5] ИМ; «ай! ой!» П. [6] Это мѣсто («*Голосъ Бобчинскаго*» — «остается пуста») приписано чернилами въ ИМ на правомъ полѣ страницы собственною рукою Гоголя.

Стр. 248 [1] П; «Точно шило подъ тобою» ИМ. [2] Съ этихъ поръ вмѣсто «Судья» до конца сцены — «Аммосъ Ѳедоровичъ», потому что отсюда начинается передѣлка того текста этой сцены, который напечатанъ въ первый разъ въ изданіи «Ревизора» 1841 г. (См. выше, стр. 333). Въ этой передѣлкѣ вездѣ вмѣсто: «Судья», написано: «Аммосъ Ѳедоровичъ». Въ изд. П удержана эта особенность.

Стр. 249 [1] ИМ; «всеконечно» П. [2] ИМ; «Знаете-ли?» П.

Стр. 250 [1] ИМ; въ П ошибочно: «Почему, почему? за величайшее счастіе». [2] ИМ; въ П ошибка: «болѣе». [3] ИМ; въ П пропущено слово «я» передъ словомъ «люблю».

Стр. 251 [1] ИМ; «сигарки» П. [2] Рб, ИМ: «раскурить» П. [3] ИМ; «махнулъ» П. [4] ИМ; «такъ» П. [5] ИМ; «знать» П. [6] Въ П напечатано согласно со вторымъ изданіемъ «Ревизора»: «И самъ не знаю, что̀ говорю; въ головѣ все пошло кругомъ». Но въ ИМ Гоголь собственноручно зачеркнулъ каранда-

шомъ фразу: «въ головѣ все пошло кругомъ»; а передъ словами: «И самъ», приписалъ карандашомъ же: «Ну».

Стр. 252 [1] **ИМ**; «превос....» **П**. [2] **ИМ**: «за карманъ» **П**. [3] **ИМ**; въ **П** ошибка: «вотъ же». [4] **ИМ**; «покорно» **П**. [5] **ИМ**: въ **П** нѣтъ указанія, заключеннаго въ скобки. [6] Послѣ этого слѣдуетъ собственноручная приписка Гоголя чернилами: «За симъ слѣдуетъ сцена Хлестакова съ Артеміемъ Филипповичемъ, какъ въ печатномъ» (т. е. въ текстѣ **Ра**). Ср. выше, стр. 637. [7] **П**; въ **Ра**: «Я, признаюсь, очень люблю, если кушанья хорошо сготовлены, и странно, что мнѣ не столько нравится, чтобъ ихъ было много, сколько то, чтобы были бы вкусныя и сытныя». Въ **Рб**: «Я, признаюсь, это моя слабость, но люблю хорошую кухню».

Стр. 253 [1] **Ра**, **Рб**, **ИМ**: «все я позабываю» **П**. [2] **П**; въ **Ра** и **Рб**: *Артемій Филипповичъ.* Какъ же съ, пятеро; двое уже взрослыхъ. *Хлестаковъ.* Скажите, какое счастіе! А какъ по имени?»

Стр. 254 [1] **П**; въ **Ра** и **Рб**: «*Артемій Филипповичъ.* Не смѣя безпокоить своимъ присутствіемъ, имѣю честь.... *Хлестаковъ.* Прощайте! Покорнѣйше благодарю васъ за пріятную бесѣду. Сдѣлайте милость, навѣщайте.... Въ другое время тоже когда-нибудь». [2] **П**. Въ **Ра** и **Рб**: «*Хлестаковъ.* Сдѣлайте милость, Артемій Филипповичъ, посмотрите, нѣтъ ли здѣсь при васъ мнѣ въ займы рублей триста на самое короткое время.... Въ дорогѣ совсѣмъ издержался».

Стр. 255 [1] Началу седьмаго по **П** явленія соотвѣтствуютъ въ **ИМ** страницы 119 и 120-я перваго печатнаго изданія «Ревизора», 1836 г., **Ра**. Здѣсь, въ экземплярѣ **ИМ**, страница 120 перечеркнута карандашомъ крестообразно сверху донизу. Между тѣмъ начало этой страницы («*Хлестаковъ.* Хорошо, что присохъ» — включительно до словъ: «А нѣтъ ли у васъ, Петръ Ивановичъ?») внесено безъ всякихъ перемѣнъ въ текстъ «Ревизора» въ «Сочиненіяхъ Гоголя», 1842 г., т. е. **П**. Остальную часть 120-й страницы Гоголь исправлялъ въ два пріема, въ разное время. 1) Въ концѣ страницы приписано карандашомъ слѣдующее дополненіе къ первоначальному печатному тексту этой сцены (въ **Ра**): «Да вы поищите-то (хорошенько) получше, Петръ Ивановичъ! У васъ тамъ, я знаю, въ карманѣ-то съ правой стороны прорѣха. (Въ прорѣху-то туда). Такъ въ прорѣху-то какъ-нибудь, вѣрно, запали. — Нѣтъ, Петръ Ивановичъ! (Ничего тамъ нѣтъ. Я ужъ искалъ ....) и въ прорѣхѣ нѣтъ. 2) Другая передѣлка этого мѣста была набросана на послѣдней страницѣ рукописной тетради, вклеенной передъ 115-ю страницею того же печатнаго текста. На этой страницѣ Гоголь собственноручно приписалъ: «На страницѣ 120, начиная съ 11 строки, слѣдуетъ такъ: *Добчинскій.* При мнѣ-съ не имѣется». Вставка оканчивается такъ: «*Добчинскій.* Нѣтъ, право, и въ прорѣхѣ нѣтъ (окромѣ мелочи серебромъ, Петръ Ивановичъ. *Хлестаковъ.* Ну, все, все равно: нѣть ста, я возьму 65. Вѣдь это всего на три дня, а тамъ я вамъ сей[часъ?]* возвращу. (*Принимаетъ деньги*). *Добчинскій.* Я осмѣливаюсь и пр. и пр. и пр.)». См. выше, стр. 637. Строки, заключенныя здѣсь въ скобки, въ **ИМ**

---

* Слово «часъ» не написано.

зачеркнуты карандашомъ и впослѣдствіи отчасти замѣнены новою передѣлкою, которая приписана карандашомъ на 121-й страницѣ упомянутаго печатнаго текста **Ра**. Первые два наброска составили текстъ этого мѣста въ изданіи «Ревизора» 1841 г., **Рб**; послѣдняя передѣлка вошла въ позднѣйшее изданіе комедіи (1842 г.) **П**. [2] **П**: въ **Ра**: «*Добчинскій*. Нѣтъ, а если есть, то въ приказѣ общественнаго призрѣнія. *Хлестаковъ*. Досадно.... Ну, если тысячи нѣтъ, въ такомъ случаѣ хоть рублей сто. *Бобчинскій*. У васъ, Петръ Ивановичъ, нѣтъ ста рублей? У меня только двадцать пять. *Добчинскій (смотря въ бумажникъ)*. Сорокъ ассигнаціями. *Бобчинскій*. А у меня двадцатипятирублевая. А вотъ, можетъ быть, есть мѣлочь... Сейчасъ поищу *(копается въ карманахъ)*. Три двугривенныхъ! *Хлестаковъ*. Ну, толковать объ этомъ впрочемъ нечего. Какъ случилось, давайте! Все равно. — Я вамъ это при первомъ случаѣ почту долгомъ возвратить *(принимаетъ деньги)*». Въ **Рб**: «*Добчинскій*. При мнѣ-съ не имѣется, потому что деньги мои, если изволите знать, положены въ Приказъ общественнаго призрѣнія. *Хлестаковъ*. Да, ну, если тысячи нѣтъ, такъ рублей сто. *Добчинскій (шаря въ карманахъ)*. У васъ, Петръ Ивановичъ, нѣтъ ста рублей? У меня всего сорокъ ассигнаціями. *Бобчинскій*. Да вы поищите-ка получше, Петръ Ивановичъ. У васъ тамъ, я знаю, въ карманѣ-то съ правой стороны прорѣха: такъ въ прорѣху-то какъ-нибудь запали. *Добчинскій*. Нѣтъ, право, и въ прорѣхѣ нѣтъ, окромѣ мелочи серебромъ, Петръ Ивановичъ. *Хлестаковъ*. Ну, все равно, все равно: нѣтъ ста, я возьму шестьдесятъ пять. Вѣдь это всего на три дни, а тамъ я вамъ ихъ возвращу. *(Принимаетъ деньги)*». [3] **П**; въ **Ра** и **Рб**: «*Добчинскій*. Дѣло очень тонкаго свойства: старшій сынъ рожденъ мною еще до брака». [4] **П**; въ **Ра** и **Рб**: «и все это, какъ слѣдуетъ, я завершилъ потомъ законными узами супружества. Такъ я хочу, чтобъ онъ теперь уже былъ совсѣмъ законнымъ моимъ сыномъ и назывался бы такъ, какъ я, Добчинскій. *Хлестаковъ*. Хорошо; я...... (въ Москвитянинѣ: «Хорошо...» въ **Рб**: «Хорошо, пусть называется; это можно). *Добчинскій*. Я бы и не безпокоилъ васъ, да жаль очень: такой мальчишка... большія надежды подаетъ». [5] Въ **Ра**, **Рб**, **ИМ**, согласно обычному употребленію Гоголя: «попадетъ». [6] **П**; въ **Ра** и **Рб**: «какъ лучшій фокусникъ». [7] **П**; въ **Ра** и **Рб**: «Хорошо, хорошо; я объ этомъ постараюсь, я буду говорить.... и вы надѣйтесь, что все будетъ сдѣлано; я скажу министру....»

Стр. 256 [1] **Ра**, **Рб**, **ИМ**: «выпровожлаетъ» **П**. [2] **ИМ**; «что меня» **П**. [3] Въ **ИМ** передъ словомъ: «государственнаго» зачеркнуто слово: «сильнаго». [4] Слово «вѣрно» написано въ **ИМ** сверху зачеркнутыхъ: «Должно быть». [5] **П**; «бумагу и чернилы» **ИМ**. [6] Въ **П**: «это».

Стр. 257 [1] **П**; «за то, что такъ замѣшкались» **Ра**, **Рб**, **ИМ**. [2] **ИМ**; въ **П** ошибка: «совсѣмъ»; въ **Ра** и **Рб**: «Воображаю, что скажетъ Тряпичкинъ: онъ вѣдь такой остроумный». [3] **Ра**, **Рб**, **ИМ**; въ **П** пропущено слово: «*пишетъ*». [4] **Ра**, **ИМ**; «не платитъ» **Рб**, **П**.

Стр. 258 [1] Такая пунктуація въ **Ра**, **Рб**, **ИМ**, **П**. Въ первоначальной рукописной редакціи: «Что̀ тамъ такое? посмотри, Осипъ». Можетъ быть, и здѣсь слѣдовало бы разставить знаки препинанія такъ: «Что̀ тамъ такое? Осипъ, посмотри. Что̀ за шумъ?»

Стр. 259 [1] **ИМ**; **П**; въ **Ра** и **Рб**: «Такъ поступаетъ, что разсказать страшно». [2] Въ театральной рукописи, **Ра**, **Рб**, **ИМ**: «не уважали». Но эта ошибка исправлена авторомъ уже въ рукописи «Ревизора» 1835 г., **РН**, гдѣ написано: «не уважили». Послѣднее чтеніе принято и въ **П**. [3] **ИМ**, **П**; въ **Ра** и **Рб**: «каждой (въ **Рб**: «каждый») подаритъ на пару платья, — это дѣло ужъ извѣстное, — супружницѣ его и дочкѣ». Кажется, что ошибочно напечатано: «подаритъ», вмѣсто рукописнаго: «подаришъ». [4] **Ра**, **Рб**, **ИМ**; «всего мало» **П**; въ **Ра**, **Рб**, **ИМ** послѣ слова: «мало» — точка; потомъ: «Ей-ей! придетъ въ лавку». [5] Въ **Ра**, **Рб**, **ИМ**, **П** согласно обычному употребленію Гоголя: «попадетъ». [6] **ИМ**, **П**; въ **Ра** и **Рб**: «Нечего дѣлать, и несешь». [7] Въ рук. «Ревизора» 1835 г., **РН**: «Ануфрій». [8] **ИМ**, **П**; въ **Ра** и **Рб**: «Позоветъ къ себѣ, да и двери велитъ «запереть». [9] **Ра**, **Рб**, **ИМ**: «я тебя не буду», говоритъ, «подвергать тѣлесному наказанію» **П**.

Стр. 260 [1] **Ра**, **Рб**, **ИМ**; въ **П** нѣтъ слова «взаймы»; просто: «я могу взять». [2] **Ра**, **Рб**, **ИМ**; «на дорогѣ» **П**. [3] **Ра**, **Рб**, **ИМ**; въ **П** по недосмотру пропущено слово: «Я». [4] **ИМ**, **П**; въ **Ра** и **Рб**: «Голосъ слесарши». Въ печатныхъ изданіяхъ «Ревизора» въ слѣдующемъ (XI) явленіи на сценѣ только «Хлестаковъ и слесарша»; въ изданіи комедіи 1842 г. (въ «Сочиненіяхъ Гоголя», **П**): «Хлестаковъ, слесарша и унтеръ-офицерша». Между тѣмъ въ рукописи «Ревизора» 1835 г., **РН**, въ этой сценѣ являются уже «Хлестаковъ, унтеръ-офицерша и слюсорша». Поэтому конецъ предшествующаго явленія въ рукописи 1835 года разнится отъ соотвѣтствующаго мѣста въ изданіяхъ комедіи 1836, 1841 и 1842 года. Въ упомянутой рукописи **РН** конецъ сцены Хлестакова съ купцами (здѣсь «явленіе XI») и начало «явленія XII» читаются въ такомъ видѣ:

«*Хлестаковъ.* Непремѣнно, непремѣнно. Я ужъ не люблю шутить, обманывать. Ступайте съ Богомъ. *(Купцы идутъ. Въ дверяхъ слышенъ крикъ женскій).* Нѣтъ, ты не смѣешь не допустить меня! Я на тебя пожалуюсь ему самому. Ты не толкайся такъ больно! *Хлестаковъ.* Кто тамъ? *(Подходитъ къ окну).* А, что ты матушка? *Унтеръ-офицерская жена.* Милости твоей, отецъ мой, прошу! Повели, государь, выслушать! *Хлестаковъ (въ окно).* Пропустите ее!

ЯВЛЕНІЕ XII.

Хлестаковъ, унтеръ-офицерша и слюсорша.

Унтеръ-офицерша и слюсорша *(обѣ валятся въ ноги).*

Помилуй, отецъ нашъ! Милости твоей просимъ, государь!

Хлестаковъ.

Вставайте, вставайте! Что̀ тамъ? Кто вы таковы?

Унтеръ-офицерша.

Мѣщанка здѣшняго города, унтеръ-офицерская жена Макрина Иванова.

Слюсарша.

Слюсарша, здѣшняя мѣщанка Февронья Петрова Пошлепкина, отецъ мой!

Хлестаковъ.

Ну, зачѣмъ же вы пришли?

Обѣ вмѣстѣ *(кланяясь)*.

Обиду, отецъ мой, обиду...

Хлестаковъ.

Ну, стой по порядку. Ты первая. Ну, кто тебя тамъ обиду?

Унтеръ-офицерша.

Да кто такой? Вѣстимо, городничій здѣшній. Кому же больше другому?

Хлестаковъ.

Ахъ! какой плутъ этотъ городничій!

Унтеръ-офицерша.

Тяжкую обиду нанесъ: высѣкъ, мой кормилецъ!

Хлестаковъ.

Какъ? за что?

Унтеръ-офицерша.

А Богъ его знаетъ, за что. Говоритъ, что будто бы для порядка; а оно-то совсѣмъ за другое, и я въ немъ — ни душею, ни тѣломъ. Тутъ было квартировалъ одинъ офицеръ и женился на купеческой дочери — здѣшняго купца. Такъ городничій говоритъ: «это ты, каналья, всему причиною; естьли бы», говоритъ, «не ты, то онъ бы женился на моей дочери». А ему, слышъ ты, донесъ кто-то, что будто-бы я была свахой и сосватала купеческую дочь; а я вовсе и заикать (sic!) не заикалась, и совсѣмъ не знала, что его милости нуженъ женихъ. И какъ приказалъ онъ, кормилецъ мой, взять меня десятскимъ, и такъ больно отрапортовалъ меня кругомъ, что три дня не могла сидѣть. Ей Богу!

Хлестаковъ.

Ахъ, какой мошенникъ! Да его за это на каторгу.

Унтеръ-офицерша.

Ей Богу! Если не вѣришь, кормилецъ, я тебѣ, пожалуй, знаки покажу.

Хлестаковъ.

Не нужно, не нужно, матушка! Я и безъ того вѣрю. Ну, а ты?

Слюсарша.

Милости прошу вашей. На городничаго челомъ бью!» и т. д. (ср. стр. 261). Подробности объ этой сценѣ см. въ шестомъ томѣ настоящаго изданія, въ примѣчаніяхъ къ первоначальному тексту «Ревизора». Въ **ИМ** разговоръ унтеръ-офицерской жены съ Хлестаковымъ помѣщенъ не въ началѣ сцены, какъ въ рукописи 1835 г., **РН**, а въ концѣ, и притомъ приписанъ карандашомъ не въ томъ видѣ, какъ его представляетъ рукопись 1835 г. Эта приписка (начинающаяся словами: «*Унтеръ-офицерша*. На городничаго, батюшка, пришла» и оканчивающаяся словами: «я распоряжусь») не приведена въ полную связь съ предшествующимъ текстомъ: удержавши изъ перваго печатнаго изданія фразы: «*выпровожаетъ старуху*», «Слесарша *уходя*»,— Гоголь въ концѣ приписки влагаетъ въ уста Хлестакову обращеніе не къ одной женщинѣ, а къ двумъ: «Ступайте, ступайте! я распоряжусь» (стр. 262).

Стр. 261 [1] П; въ рукописи «Ревизора», РН, въ Ра, Рб, ИМ: «Пашленкина». [2] Ра, Рб, ИМ; въ П пропущена фраза: «Я слабый человѣкъ, подлецъ ты такой!» [3] Ра, Рб, ИМ; «выпроваживаетъ» П. [4] Ра, Рб, ИМ; «отецъ мой!» П.

Стр. 262 [1] ИМ; «два дня» П. [2] Такъ написано это слово въ ИМ собственноручно; въ П неумѣстная поправка: «штрафъ». [3] П; «за нимъ» ИМ. [4] Въ первомъ печатномъ изданіи «Ревизора» (1836 г.), Ра, было напечатано: «вы закопались важными дѣлами». Эту опечатку Гоголь исправилъ уже въ театральномъ экземплярѣ комедіи. Тѣмъ не менѣе Булгаринъ въ статьѣ о «Ревизорѣ», напечатанной въ «Сѣверной Пчелѣ» 1836 г. № 98 *(1 мая)* привелъ это выраженіе въ доказательство того, что Гоголь «не чисто» пишетъ по русски, что «въ рускомъ просторѣчіи онъ слабъ и впадаетъ въ непріятныя плоскости (тривіальности)». «Не по русски также (писалъ Булгаринъ): «вы *закопались* важными дѣлами» (стр. 137); говорится въ просторѣчіи: «вы зарылись въ дѣла» (Сѣверная Пчела 1836 г. № 98, стр. 391). Второе изданіе «Ревизора» (1841 г.) Рб еще повторяетъ отмѣченный Булгаринымъ глаголъ: «закопались». Передѣлывая «Ревизора» для перваго изданія своихъ сочиненій, Гоголь во второй разъ переправляетъ «закопались» въ «занимались», и только съ 1842 г. эта фраза появляется, въ этомъ мѣстѣ «Ревизора», въ томъ видѣ, какой получила еще къ первому представленію на сценѣ.

Стр. 263 [1] Ра, Рб, ИМ; «лучше всякой погоды» П. [2] ИМ, П; «Вы все говорите».... Ра, Рб. [3] П; «я и такъ ихъ знаю» Ра, Рб.

Стр. 264 [1] П; въ Ра, Рб, ИМ, согласно обычному употребленію Гоголя: «*придвигая*». [2] Ра, Рб, ИМ; «или другая какая птица?» П. [3] ИМ, П; въ Ра и Рб нѣтъ этихъ строкъ: «Простите же, простите! Вы видите, я на колѣняхъ». [4] Соотвѣтствующій этому явленію печатный текстъ «явленія XI» по изданію «Ревизора» 1836 года (ср. выше, стр. 322) въ ИМ нѣсколько разъ перечеркнутъ чернилами. Новый текстъ собственноручно вписанъ Гоголемъ чернилами же внизу стр. 141-й, 142-й и 143-й означеннаго изданія «Ревизора». Въ началѣ вновь написаннаго текста Гоголь помѣтилъ это явленіе XI-мъ только потому, что оно замѣняетъ XI-е явленіе перваго печатнаго изданія «Ревизора»; въ новой редакціи комедіи (т. е. ИМ, П) оно составляетъ уже явленіе XIII-е. [5] Такъ въ Рб, ИМ, П.

Стр. 265 [1] ИМ; «а она тоже аппетитна» П. [2] Фразы: «Какъ вы на колѣняхъ? Ахъ! встаньте, встаньте!» приписаны карандашомъ собственною рукою Гоголя сверху прежде написанныхъ и потомъ зачеркнутыхъ: «Ахъ! встаньте! Какъ можно становиться на колѣни? и притомъ». [3] Въ ИМ прежде было написано: «Законы осуждаютъ предметъ моей любви». [4] Въ ИМ прежде было написано: «Мы удалимся на берегу (sic!) рѣки». [5] Такъ въ ИМ и П. [6] ИМ; въ П нѣтъ словъ: «когда ты».

Стр. 266 [1] ИМ; «не должно» П. [2] ИМ; «Не буду, ваше превосходительство!» П. Послѣднія слова Марьи Антоновны («не буду») по ошибкѣ повторены въ началѣ фразы городничаго. [3] ИМ, П; въ Ра и Рб: «Они сами обманываютъ и обмѣриваютъ народъ. Слесарша налгала вамъ, что будто бы я забрилъ лобъ ея мужу. Право не брилъ, какъ честный человѣкъ, не брилъ: она сама забрила. *Хлестаковъ*. О, объ этомъ не безпокойтесь, я имъ не вѣрю». Въ рукописи «Ревизора» 1835 г., РН: «Унтеръ-офицерская вдова

налгала тоже вамъ, что будто я ее высѣкъ. Ей Богу, (не сѣкъ) она сама себя высѣкла. Вотъ какъ Богъ святъ! И перекрещусь!»

Стр. 267 [1] **ИМ**, **П**; въ **Ра** и **Рб**: «Я не шутя вамъ говорю.... Если вы не согласитесь, то сдѣлаете меня несчастнымъ человѣкомъ». [2] **ИМ**, **П**; въ **Ра** и **Рб**: «Сдѣлайте милость, не приводите меня въ отчаяніе. Если вы не согласитесь отдать руки Марьи Антоновны, то я, признаюсь, на чортъ знаетъ что̀ готовъ». [3] **ИМ**, **П**; въ **Ра** и **Рб**: «Отдайте руку вашей дочери, я говорю въ послѣдній разъ. А не то — я отчаянный человѣкъ, я рѣшусь на все. Когда застрѣлюсь, то васъ подъ судъ отдадутъ». [4] Въ **ИМ** согласно обычному правописанію этого слова у Гоголя: «подпригивая». [5] Печатаемъ это мѣсто на основаніи текста, собственноручно приписаннаго авторомъ въ **ИМ**. Прокоповичъ, неизвѣстно почему, не внесъ этой приписки въ изданіе «Сочиненій Гоголя» и удержалъ въ этомъ мѣстѣ текстъ перваго печатнаго изданія комедіи, на страницѣ котораго Гоголь написалъ новую редакцію этого мѣста, внесенную нами въ основной текстъ. Въ первомъ изданіи «Ревизора» окончаніе этого явленія напечатано въ такомъ видѣ: «*Городничій.* Да благословитъ Богъ, а я не виноватъ. *Хлестаковъ цѣлуется съ Марьей Антоновной. Городничій (смотритъ на нихъ).* Что за чортъ! въ самомъ дѣлѣ! *(Протираетъ глаза).* Да, да, цѣлуются — точно, цѣлуются. Какъ будто бы точно женихъ! Эхе! какое счастье привалило! Вотъ тебѣ на!» Тоже чтеніе этого мѣста сохранено и во второмъ отдѣльномъ изданіи «Ревизора» (1841 г.), **Рб**. Но въ **ИМ** приведенныя строки перваго и второго изданія комедіи Гоголь зачеркнулъ карандашомъ и сверху, карандашомъ же, написалъ новую редакцію этого мѣста. [6] **ИМ**; въ **Ра**, **Рб** и **П** нѣтъ слова: «Какъ-съ?»

Стр. 268 [1] Въ **П**: «А это у меня вдругъ. Я ѣду только на одинъ день къ дядѣ». Въ **ИМ** зачеркнуты слова: «у меня вдругъ»: они перенесены въ слѣдующую реплику Хлестакова. Сверху написано: «на одну минуту только». Зачеркнуты также слова: «я ѣду только», находившіяся въ **Ра**. Въ **Ра** и **Рб**: «Да, я ѣду только на одинъ день къ дядѣ моему». [2] **П**; въ **Ра** и **Рб**: «Тутъ онъ недалеко живетъ, — богатый человѣкъ; завтра я буду назадъ». [3] **ИМ**, **П**; въ **Ра** и **Рб**: «О! я человѣкъ акуратный. Прощайте, Марья Антоновна, нѣжнѣйшій предметъ моей страсти! Грустно и на малое время разставаться съ вами! Прощайте, душенька! (*Цѣлуетъ ея руку*)». [4] **ИМ**, **П**; въ **Ра** и **Рб**: «А вотъ тогда, кажется, дали вы мнѣ двѣсти, то есть, оно не двѣсти, а по настоящему четыреста». [5] **ИМ**, **П**; въ **Ра** и **Рб**: «Вотъ я сію минуту». [6] Слова: «Я признаюсь отъ всего сердца» приписаны въ **ИМ** авторомъ собственноручно карандашомъ. Они не внесены въ **П**, конечно, по недосмотру писца: вся эта реплика Хлестакова представляетъ лишь *легкую передѣлку* той, которая въ **Ра** и **Рб** читается такъ: «Ну, такъ прощайте, Антонъ Антоновичъ! Вы меня очень обязали вашимъ гостепріимствомъ, я вамъ много благодаренъ. Я по истинѣ признаюсь вамъ, — не думайте, чтобъ это было комплиментъ, — мнѣ нигдѣ не было такого хорошаго пріема. Прощайте, Анна Андреевна!... Прощайте, моя душенька, Марья Антоновна!... Не замѣшкаюсь, можетъ быть, завтра же и назадъ». [7] Слово «Выходятъ» внесено изъ **Рб**; его нѣтъ въ **Ра**, **ИМ**, **П**.

Стр. 269 [1] **ИМ**, въ **П** удержано чтеніе изданія 1836 г. (**Ра**): «Такъ когда же?» Это чтеніе сохранено и въ **Рб**; но въ **ИМ** слово «такъ» зачеркнуто.

Стр. 270 [1] **ИМ**, **П**; въ **Ра** и **Рб** нѣтъ словъ: «Однакожъ, право, какъ подумаешь, Анна Андреевна». [2] **Ра**, **Рб**, **ИМ**; «канальевъ» **П**. [3] **ИМ**, **П**; въ **Ра** и **Рб**: «.... что выдаетъ дочь свою, не то чтобы за какого-нибудь простаго человѣка, а за такого чиновника, что и на свѣтѣ еще не было, что можетъ и прогнать всѣхъ въ городѣ, и въ тюрьму посадить, и все, что̀ хочетъ».

Стр. 271 [1] **Ра**, **Рб**, **ИМ**; «надо будетъ» **П**. [2] Не слѣдуетъ ли читать: «и все свѣтскіе»?

Стр. 272 [1] **Ра**, **Рб**, **ИМ**; «Ему бы все» **П**. [2] **Ра**, **Рб**, **ИМ**; «надо» **П**. [3] **П**; «надувайлы» **ИМ**. [4] **ИМ**, **П**; въ **Ра** и **Рб**: «Что, самоварники, аршинники проклятые, жаловаться! жаловаться, протоканаліи! жаловаться, архибестіи! жаловаться, разсусленныя бороды! Что? много взяли!» [5] **Ра**, **Рб**, **ИМ**; «произносишь» **П**. [6] **ИМ**, **П**; въ **Ра** и **Рб**: «да потомъ пожертвуешь, каналья, двадцать аршинъ.... если бъ знали, такъ бы тебѣ петлю навѣсили!... Брюхо суетъ впередъ». [7] **Рб**, **П**; «Отче наша» **Ра**, **ИМ**. [8] **П**; «разодметъ» **Ра**, **Рб**, **ИМ**. [9] **ИМ**, **П**; «Фу, ты какая!» **Ра**, **Рб**.

Стр. 273 **П**; въ **Ра** и **Рб**: «И закаемся впередъ жаловаться. Всякое удовлетвореніе, какое хошъ (въ **Рб**: «хошь»), готовы сдѣлать, не гнѣвись только!» [2] **П**; «втопалъ» **Ра**, **Рб**, **ИМ**. [3] **П**; въ **Ра** и **Рб**: «Я не памятозлобенъ; только теперь смотрите, — ухо востро! Я выдаю дочку свою не за какого-нибудь простаго дворянина. Смотрите же, чтобъ поздравленіе было приличное, не то чтобъ отбояриться какимъ-нибудь балычкомъ или головою сахару, — понимаешь? Ну, ступай же съ Богомъ!»

Стр. 274 [1] **П**; въ **Ра** и **Рб**: «и сынка такого маленькаго, вотъ этакаго (*показываетъ рукою*), чтобъ можно было на ладоньку посадить, и такъ только все будетъ кричать! уа! уа! уа!»

Стр. 275 [1] **Ра**, **Рб**, **ИМ**; «подходятъ» **П**. [2] **Ра**, **Рб**, **ИМ**; «постепенный ходъ всего дѣла» **П**. [3] **Ра**, **Рб**, **ИМ**; въ **П** пропущено слово: «Говоритъ».

Стр. 276 [1] **П**; въ **Ра**, **Рб**: «Все чрезвычайно хорошо говорилъ; говоритъ: «Я, Анна Андреевна, не посмотрю на то, что она не графиня и не княгиня; а именно изъ одного уваженія къ вашимъ достоинствамъ и вашей дочери. И такой прекрасной, воспитанной человѣкъ, самыхъ благороднѣйшихъ правилъ. «Мнѣ, вѣрите ли, Анна Андреевна, мнѣ жизнь копейка; но именно за то только, что уважаю ваши рѣдкія качества, я прошу, я умоляю руки вашей; если вы будете жестоки...» [2] **Ра**, **Рб**, **ИМ**; въ **П** пропущено слово: «меня». [3] **П**; въ **Ра** и **Рб**: «Перестань, ты ничего не знаешь, и не въ свое дѣло не мѣшайся! «Я, Анна Андреевна, вы повѣрите ли, что я потому только ищу руки вашей или вашей дочери, что чувствую сердечную любовь и изумляюсь вашимъ достоинствамъ». Въ такихъ лестныхъ разсыпался словахъ.... и когда я хотѣла сказать: «мы никогда не смѣемъ надѣяться на такую честь, тогда онъ, не говоря ни слова, вдругъ упалъ на колѣни и такимъ самымъ благороднѣйшимъ образомъ: «Анна Андреевна! не сдѣлайте меня несчастнѣйшимъ! и если вы не согласитесь отвѣчать моимъ чувствамъ, я смертью окончу жизнь свою». [4] **П**; въ **Ра** и **Рб**: «*Аммосъ Ѳедоровичъ*. Въ самомъ дѣлѣ чрезвычайное происшествіе! *Лука Лукичъ*. Вотъ подлинно, судьба ужъ такъ вела. *Артемій Филипповичъ* (*въ сторону*). Вотъ этакой свиньѣ такъ и лезетъ въ самый ротъ счастье».

[5,6] Ра, Рб, ИМ; «благословеніе» П.

Стр. 277 [1] ИМ; «Нѣтъ» Ра, Рб, П.

Стр. 278 [1] Въ П: «мелузгѣ». [2] П; въ Ра и Рб: «*Анна Андреевна.* Можно! Это ты себѣ такъ воображаешь. *Жена Коробкина.* Вы слышали, какъ она отзывается о насъ? *Гостья.* Да, она такова всегда была; я ее знаю: посади ее за столъ, она и ноги свои....» Въ ИМ: *Гостья.* «*Чтожъ?* Да она такова всегда была. (Я ее знаю). Посади мужика за столъ, онъ и подъ *свято* (sic!) *лѣзетъ*». Курсивомъ отмѣчены здѣсь приписки карандашомъ; въ скобки заключено зачеркнутое въ ИМ. [3] ИМ; «съ эстафетой» П.

Стр. 279 [1] П; «на пропало» ИМ. [2] ИМ; «не рѣшаюсь» П. [3] ИМ; «англійскаго» П.

Стр. 280 [1] П; «Ну, тутъ обо мнѣ тоже онъ неприлично выразился» ИМ. [2] П; «посѣчь» ИМ. [3] П; «больше нечего» ИМ. [4] Нѣсколько выше это же мѣсто письма читается нѣсколько иначе: «Надзиратель *надъ* богоугоднымъ заведеніемъ».

Стр. 281 [1] ИМ; «надо» П. [2] П; «подъ №» ИМ. [3] П; «рылы» ИМ. [4] Въ П: «куда». Въ ИМ Гоголь собственноручно переправилъ «куда» въ «куды». [5] П; «вотъ безпримѣрная конфузія» ИМ.

Стр. 282 [1] Такъ въ театральномъ экземплярѣ «Ревизора» и въ рукописи комедіи 1835 г., РН. Въ Ра опечатка: «*по плечу*», повторенная во всѣхъ, безъ исключенія, изданіяхъ «Ревизора», начиная съ Рб и П. Въ ИМ эта опечатка не исправлена. [2] Ра, Рб, ИМ; «обокрасть» П. [3] ИМ; въ П ошибка: «въ изумленіи». [4] ИМ; «туда» П.

Стр. 283 [1] ИМ; «разставивъ» П. [2] ИМ; «не платигъ» П. [3] П; «сей же часъ» ИМ.

Стр. 284 [1] Все напечатанное послѣ словъ: «онъ остановился въ гостинницѣ», не находится въ ИМ, въ которомъ удержана была сначала слѣдующая краткая замѣтка изданій «Ревизора» 1836-го и 1841-го годовъ (Ра и Рб): «Всѣ издаютъ звукъ изумленія и остаются съ открытыми ртами и вытянутыми лицами. Нѣмая сцена. Занавѣсъ опускается». Подъ этими заключительными строками Гоголь началъ набрасывать карандашомъ картину «нѣмой сцены». Этотъ набросокъ помѣщенъ выше, стр. 657.

Отрывокъ изъ письма, писаннаго авторомъ вскорѣ послѣ перваго представленія „Ревизора“ къ одному литератору (стр. 285—290).

Посылая этотъ „Отрывокъ изъ письма“ для напечатанія во второмъ изданіи „Ревизора“, Гоголь писалъ С. Т. Аксакову, 5 марта 1841 года: „Здѣсь письмо, писанное мною *къ Пушкину*, по его собственному желанію. Онъ былъ тогда въ деревнѣ. Піеса игралась безъ него. Онъ хотѣлъ писать полный разборъ ея для своего журнала, и меня просилъ увѣдомить, какъ она была выполнена на сценѣ. Письмо осталось у меня неотправленнымъ, потому что онъ скоро пріѣхалъ самъ. Изъ этого письма я выключилъ то, что̀ собственно могло быть интересно для меня и для него,

и оставилъ только то, что̀ можетъ быть интересно для будущей постановки „Ревизора“, если она когда-нибудь состоится. Мнѣ кажется, что прилагаемый „Отрывокъ“ будетъ не лишнимъ для умнаго актера, которому случится исполнять роль Хлестакова“[1]. Такъ объяснялъ Гоголь происхожденіе письма къ Пушкину, изъ котораго будто бы заимствованъ посланный для напечатанія „Отрывокъ“ и которое будто бы написано было „мая 25 1836 г. въ С.-Петербургѣ“.

Изложенныя въ „Отрывкѣ“ объясненія ролей Хлестакова, Бобчинскаго и Добчинскаго, значенія и способа постановки „нѣмой сцены“, завершающей комедію, указанія на костюмировку нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ и на необходимость передѣлки начальныхъ сценъ четвертаго дѣйствія „Ревизора“, — все это могло быть вызвано конечно первымъ представленіемъ піесы на петербургской сценѣ[2]. Уже 10 мая 1836 года Гоголь находилъ нужнымъ подробно разъяснить роль Хлестакова въ письмѣ къ М. С. Щепкину, которому онъ поручилъ все дѣло постановки „Ревизора“ въ Москвѣ. „Есть еще труднѣйшая роль во всей піесѣ (писалъ тогда Гоголь) — роль Хлестакова..... Боже сохрани, если ее будутъ играть съ обыкновенными фарсами, какъ играютъ *хвастуновъ* и *повѣсъ театральныхъ!* Онъ просто глупъ; болтаетъ потому только, что видитъ, что его расположены слушать; вретъ потому, что плотно позавтракалъ и выпилъ порядочнаго вина; вертлявъ онъ тогда только, когда подъѣзжаетъ къ дамамъ. Сцена, въ которой онъ завирается, должна обратить особенное вниманіе. Каждое слово его, то есть, фраза или реченіе, есть экспромтъ, совершенно неожиданный, и потому должны выражаться отрывисто. Не должно упускать изъ виду, что къ концу этой сцены начинаетъ его мало по малу разбирать; но онъ вовсе не долженъ шататься на стулѣ: онъ долженъ только раскраснѣться и выражаться еще неожиданнѣе и, чѣмъ далѣе, громче и громче“[3]. Въ томъ же письмѣ къ Щепкину Гоголь дѣлаетъ указаніе и на костюмы Бобчинскаго и Добчинскаго и проситъ не одѣвать ихъ „въ томъ костюмѣ, въ какомъ они напечатаны“: „это ихъ одѣлъ Храповицкій (замѣчаетъ Гоголь);

[1] Сочиненія и письма Гоголя V, 435—436. [2] Припомнимъ, что Гоголь, не смотря на приглашеніе С. Т. Аксакова, отказался присутствовать на представленіи «Ревизора» въ Петербургѣ зимою 1839 года. Русь, 1880 г., № 5, стр. 15. [3] Сочиненія и письма Гоголя V, 257.

я мало входилъ въ эти мелочи и приказалъ напечатать *по театральному*". Въ другомъ письмѣ къ Щепкину (отъ 15 мая того же года) Гоголь намекаетъ, можетъ быть, на „холодность" начальныхъ сценъ четвертаго акта, говоря, что онъ „*многимъ недоволенъ*" въ піесѣ, „хотя совершенно не тѣмъ, въ чемъ обвиняли его близорукіе и неразумные критики"[1]. Вѣроятно, тогда же Гоголемъ набросаны были нѣкоторыя замѣчанія о недостаткахъ сценической постановки „Ревизора" въ Петербургѣ. Но въ „Отрывкѣ изъ письма къ одному литератору" видно уже новое болѣе глубокое пониманіе *типа* Хлестакова, чѣмъ въ старомъ (1836 г.) письмѣ къ Щепкину, — письмѣ, въ которомъ нѣтъ еще и помину о томъ, что лицо Хлестакова „должно быть типомъ многаго, разбросаннаго въ разныхъ русскихъ характерахъ, но которое здѣсь соединилось случайно въ одномъ лицѣ, какъ весьма часто попадается и въ натурѣ"[2]. Это новое объясненіе типа Хлестакова было плодомъ глубокихъ и продолжительныхъ обдумываній автора, которымъ первое представленіе „Ревизора" дало лишь первый толчекъ. Предложенное въ „Отрывкѣ изъ письма" объясненіе роли Хлестакова гораздо ближе къ написанному *послѣ 1842 года*[3] „Предувѣдомленію для тѣхъ, которые пожелали бы сыграть, какъ слѣдуетъ, „Ревизора", нежели къ тѣмъ скуднымъ указаніямъ и напоминаніямъ, что Хлестаковъ выпилъ порядочнаго вина и плотно позавтракалъ, которыя заключаются въ письмѣ къ Щепкину и въ нѣкоторыхъ современныхъ представленію набросках автора. Въ самомъ „Отрывкѣ изъ письма" сохранилось положительное указаніе на время *сочиненія* „Отрывка". Приводимъ эти строки: „Во время представленія я увидѣлъ ясно, что начало четвертаго акта блѣдно и носитъ признакъ какой-то усталости. Возвратившись домой, я тотъ же часъ принялся за передѣлку. *Теперь, кажется, вышло немного сильнѣе, по крайней мѣрѣ, естественнѣе и болѣе идетъ къ дѣлу. Но у меня нѣтъ силъ хлопотать о включеніи этого отрывка въ піесу.* Я усталъ; и какъ вспомню, что для этого нужно ѣздить, просить и кланяться, то Богъ съ нимъ, — пусть лучше *при второмъ изда-*

[1] Сочиненія и письма Гоголя V, 259. [2] См. выше, стр. 287. [3] Мы относимъ это «Предувѣдомленіе» къ періоду, послѣдовавшему за напечатаніемъ перваго тома «Мертвыхъ Душъ», потому что въ «Предувѣдомленіи» «Хлестаковъ представляетъ уже собою «фантасмагорическое лицо, которое, какъ лживый, олицетворенный обманъ, унеслось вмѣстѣ съ тройкою Богъ вѣсть куда»; онъ — «пустая свѣтская вѣтренность». Эти черты придаются Хлестакову — въ «Развязкѣ Ревизора».

нiи или возобновленiи „Ревизора“ [1]. Итакъ, „Отрывокъ изъ письма“ написанъ, когда *передѣлка начальныхъ сценъ четвертаго дѣйствiя* была окончена и притомъ въ такомъ видѣ, что могла бы быть „включена въ пiесу“, если бъ авторъ былъ въ силахъ хлопотать о томъ. Мы видѣли [2], что эта передѣлка была переписана набѣло (Пановымъ) зимою 184⁰/₁ года и послана С. Т. Аксакову „для включенiя въ пiесу“ 5 марта 1841 года. *Вмѣстѣ съ этими* передѣланными *сценами* посланъ былъ для напечатанiя и „Отрывокъ изъ письма къ одному литератору“, окончательную обработку котораго мы относимъ поэтому къ январю и февралю 1841 года.

Свидѣтельствуя, что „письмо къ Пушкину“, изъ котораго будто бы извлеченъ „Отрывокъ“, было уже написано и готово къ отправкѣ по адресу 25 мая 1836 года, Гоголь разсказываетъ Аксакову: „*Пушкинъ былъ тогда въ деревнѣ. Пiеса игралась безъ него*“. „Ревизоръ“ представленъ былъ въ первый разъ на петербургской сценѣ *19 апрѣля* 1836 года; Пушкинъ почти всю вторую половину апрѣля этого года провелъ въ Петербургѣ [3], но на первомъ представленiи „Ревизора“ не присутствовалъ. Въ концѣ апрѣля Пушкинъ уѣхалъ изъ Петербурга и начало мая дѣйствительно провелъ въ Москвѣ. Только 23 мая въ полночь прiѣхалъ онъ на свою дачу на Каменномъ острову [4]. Конечно въ эти первыя три недѣли мая Гоголь могъ набрасывать начерно нѣкоторыя замѣтки о представленiи „Ревизора“ на петербургской сценѣ, чтобы потомъ передать ихъ содержанiе Пушкину; *но эти наброски не были приведены въ порядокъ и обработаны въ „Письмо къ Пушкину“ въ маѣ 1836 г.*, т. е. пока Гоголь оставался въ Петербургѣ. Между тѣмъ во второй книжкѣ „Современника“, которая была разрѣшена цензурою 30 iюня, уже напечатанъ былъ разборъ „Ревизора“, составленный княземъ П. А. Вяземскимъ. „*Письмо осталось у меня неотправленнымъ* (объясняетъ Гоголь Аксакову), *потому что онъ* (Пушкинъ) *прiѣхалъ самъ*“. Изъ этихъ словъ можно бы заключить, что Гоголь не отправилъ Пушкину письма, потому что передалъ ему на словахъ содержанiе написаннаго. Между тѣмъ, письмо Гоголя, написанное будто бы 25 мая 1836 года, оканчивается слѣдующимъ обращенiемъ къ Пушкину: „Ради Бога, прiѣзжайте скорѣе. *Я не поѣду, не простившись съ вами.* Мнѣ еще нужно много

[1] См. выше, стр. 289. [2] См. выше, стр. 650. [3] Я. К. Гротъ, Пушкинъ, его лицейскiе товарищи и наставники, стр. 249. [4] Анненкова, А. С. Пушкинъ, 2-е изд., стр. 406, 411. Я. К. Гротъ, Пушкинъ, стр. 249.

сказать вамъ того, что̀ не въ силахъ сказать несносное, холодное письмо"[1]. Гоголь уѣхалъ однако за границу, не видавшись послѣ 25 мая съ Пушкинымъ. Въ письмѣ изъ Гамбурга отъ $^{28}/_{10}$ іюня 1836 года онъ писалъ Жуковскому: „Даже съ Пушкинымъ я не успѣлъ и не могъ проститься: впрочемъ онъ въ этомъ виноватъ"[2]. Рѣшительнымъ доказательствомъ, что „Отрывокъ изъ письма къ одному литератору" не составляетъ извлеченія изъ письма къ Пушкину и написанъ въ Римѣ, спустя нѣсколько лѣтъ по смерти великаго поэта, представляютъ *черновые наброски* „Отрывка", поступившіе изъ бумагъ А. А. Иванова въ Императорскую Публичную Библіотеку. Наброски эти писаны на бумагѣ одной и той же фабрики, съ клеймомъ: London и неяснымъ водянымъ знакомъ. Представляемъ ихъ вполнѣ *въ томъ порядкѣ*, въ которомъ они размѣщены въ папкѣ Императорской Публичной Библіотеки (л. 44—46).

Набросокъ первый. „Итакъ Ревизоръ сыгранъ — и у меня на душѣ такъ смутно, такъ странно... Я ожидалъ, я зналъ напередъ, какъ пойдетъ все, и при всемъ томъ и грустное, и тягостное чувство обняло меня. Мое же созданье мнѣ показалось дико и какъ будто чужое. Главная роль пропала, — такъ, какъ я и думалъ. Дюръ ни на волосъ не понялъ, что̀ такое Хлестаковъ. Хлестаковъ сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ Альнаскарова, въ родѣ цѣлой шеренги водевильныхъ шалуновъ, которые пожаловали къ намъ повертѣться съ парижскихъ театровъ. Онъ сдѣлался просто враль, — блѣдное лицо, болѣе двухъ вѣковъ являющееся въ томъ же костюмѣ. Неужели въ самомъ дѣлѣ не видно, что̀ такое Хлестаковъ? Или неужели мною овладѣла довременно слѣпая гордость и силы мои были слишкомъ слабы совладѣть съ этимъ лицомъ? А мнѣ казалось оно [яснымъ]".

Набросокъ второй. „Теперь характера, т. е. лица, т. е. видимой наружности рѣшительно никакой, никакой рѣшительно не дали бѣдному Хлестакову. Они умѣютъ только каррикатурить старыхъ чиновниковъ съ потертыми бархатными воротниками и поношенными вицъ-мундирами; но схватить тѣ черты, которыя довольно благовидны и приличны, не выходятъ острыми углами изъ обыкновеннаго круга, — вообще трудно. У Хлестакова ничего не должно означаться рѣзко. Онъ принадлежитъ къ тому кругу, который

[1] См. выше, стр. 290. [2] Русскій Архивъ 1871 г., стр. 0952.

въ.....[1] ничѣмъ не отличается отъ приличныхъ молодыхъ людей по манерѣ говорить. Онъ хорошо даже держится и только въ случаяхъ, гдѣ требуется или присутствіе......[2], или характеръ, является подленькая его... Онъ падаетъ вдругъ и показываетъ свое...“ Сверху страницы, на которой находится этотъ набросокъ (об. л. 45), приписано: „Я боялся очень за Хлестакова“. Съ боку наброска другая приписка: „Въ манерахъ, въ выговорѣ нѣтъ у него ничего, что̀ бы не было совершенно какъ слѣдуетъ, и онъ говоритъ очень складно, съ вѣсомъ даже нѣкоторымъ; разница въ томъ только, что въ томъ, о чемъ онъ говоритъ, нѣтъ и толку, и вѣсу“.

Набросокъ третій. „Но открыть все это, разсказать все это актеру мнѣ было невозможно. (А) таланту, и таланту высокому (принадлежитъ) можно это открыть. Но обыкновеннаго актера или даже обыкновеннаго таланта можно было этимъ сбить совершенно съ толку. Я, признаюсь, даже и въ томъ раскаиваюсь, что написалъ маленькія замѣчанія въ двухъ или трехъ строкахъ[3]: этихъ немногихъ строкъ уже было достаточно, чтобы перехитрить эту роль“.

Набросокъ четвертый. „Я раскаиваюсь отчасти, что не видалъ прежде комедіи, покамѣстъ она поступила въ театръ. Зрители всегда находятъ (sic!) подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія, и Хлестаковъ, котораго онъ унесъ изъ театра, остается въ головѣ его, если перечитаетъ утромъ въ книгѣ. Нѣтъ нужды, чтобы онъ потомъ можетъ прочитать его: читая это лицо, онъ все-таки невольно выражаетъ въ лицѣ своемъ черты театральнаго Хлестакова“.

Набросокъ пятый. „Онъ вовсе не надуваетъ; онъ позабываетъ, что лжетъ и уже самъ вѣритъ почти тому, что̀ говоритъ. Онъ развернулся, видитъ, что все идетъ живо: слушаютъ его внимательно, онъ въ духѣ и навеселѣ и потому говоритъ лучше, плавнѣе нежели когда-нибудь, съ большимъ участіемъ, потому что онъ отъ души говоритъ. Онъ говоритъ съ совершенной откровенностью и высказываетъ здѣсь себя всего такимъ, какъ есть. Вообще у насъ актеры вовсе не умѣютъ лгать. Они воображаютъ — просто значитъ (sic!) нести болтовню. Лгать значитъ говорить съ тономъ такъ близкимъ къ истинѣ, такъ естественно, такъ наивно, какъ только можно

---

[1] Одно слово написано неразборчиво: кажется: «жизни». [2] Пропущено одно слово; въ печатномъ текстѣ: «духа». [3] Гоголь разумѣетъ здѣсь сказанное имъ въ замѣткѣ, напечатанной при первомъ изданіи «Ревизора» подъ заглавіемъ «Характеры и костюмы» (ср. выше, стр. 199—200).

говорить одну истину: здѣсь заключается все комическое и смѣшное лжи — что именно то, что подальше отъ истины, произносится такъ, какъ бы это съ истинной на самой короткой ногѣ. Я почти увѣренъ, что Хлестаковъ болѣе бы выигралъ, если бы дать его самому глупому актеру и сказать ему, (что онъ долженъ играть человѣка comme il faut =)[1], или самаго добродѣтельнаго умнаго и ловкаго молодаго человѣка, чтобы онъ постарался его представить именно такимъ. Хлестаковъ лжетъ не то, чтобы холодно и фанфаронски-театрально: онъ лжетъ съ чувствомъ, или, по крайней мѣрѣ, съ участіемъ; въ глазахъ его выражается наслажденіе, чувствуемое имъ отъ этого. Онъ вообще не лгунъ, и цѣль его не лгать; но какъ только онъ почувствовалъ, что онъ въ духѣ, что все плавно — его языкъ и развязался и пошелъ нести чушь".

Послѣ этого, на той же страницѣ, набросано: „Теперь какое же мое было негодованіе, когда изъ этой роли, сдѣлали дѣтскую, почти ничтожную роль!" Эти строки составляютъ *особый шестой набросокъ.*

Набросокъ седьмой. „Городничій былъ выполненъ хорошо, потому что актеръ, выполнявшій эту роль, былъ выше прочихъ здѣшнихъ актеровъ и потому, что самая роль несравненно легче. Черты роли городничаго болѣе неподвижны и ясны. Слишкомъ рѣзко обозначаетъ себя его неизмѣняющаяся наружность и собою утверждаетъ его характеръ. Черты роли Хлестакова слишкомъ подвижны, болѣе тонки, потому труднѣе уловимы. Что̀ такое Хлестаковъ? Молодой человѣкъ, чиновникъ, и пустой, какъ называютъ, но заключаетъ въ себѣ много тѣхъ качествъ, которыя имѣютъ въ себѣ люди, которыхъ свѣтъ не называетъ пустыми. Выставить эти качества въ тѣхъ людяхъ, которые не лишены достоинствъ, было бы грѣхомъ съ моей стороны, потому [что][2] все бы я таки поднялъ на смѣхъ. Лучше пусть всякій отыщетъ частицу себя въ этой роли и между тѣмъ осмотрится вокругъ безъ боязни и страха, чтобы кто-нибудь не указалъ на него пальцемъ и не назвалъ бы (презрѣннымъ словомъ) каррикатурнымъ. Словомъ, это лицо должно быть типомъ многаго, разбросаннаго въ разныхъ русскихъ характерахъ, которое здѣсь соединилось въ одномъ лицѣ, (которыя разбросаны въ натурѣ по многимъ, но нерѣдко совокупляются въ одно

[1] Слова, поставленныя въ скобки, зачеркнуты и замѣнены слѣдующимъ: «что Хлестаковъ человѣкъ comme il faut». [2] Въ рукописи: «потому».

лицо такимъ образомъ, что уже всякій почитаетъ себя вправѣ показать на него почти публично пальцемъ)".

Восьмой набросокъ. „Всякій на минуту или на нѣсколько даже минутъ дѣлался или дѣлается Хлестаковымъ; натурально, въ этомъ не хочетъ только признаться; онъ любитъ даже и посмѣяться надъ этимъ фактомъ, но только, натурально, въ кожѣ другаго, а не въ собственной. И ловкій гвардейскій офицеръ окажется иногда Хлестаковымъ, и государственный мужъ, котораго и вы знаете, окажется подъ часъ Хлестаковымъ, и нашъ братъ, грѣшный литераторъ. Словомъ, рѣдко кто имъ не будетъ; все дѣло въ томъ только, что очень ловко повернется и какъ будто бы и не онъ. Итакъ, неужели въ моемъ Хлестаковѣ ничего этого не видно? Неужели онъ блѣдное лицо, и я думалъ, въ порывѣ минутно-горделиваго расположенія, что когда-нибудь актеръ обширнаго таланта возблагодаритъ меня за совокупленіе въ одномъ лицѣ такихъ разнообразныхъ движеній, дадущихъ ему возможность вдругъ показать всѣ стороны своего таланта. И Хлестаковъ вышелъ дѣтская ничтожная роль! Это тяжело и просто ѣдко-досадно! — Съ самаго начала представленія піесы я уже въ театрѣ сидѣлъ скучный. (Примирилъ піесу съ публикой городничій). Объ восторгѣ и пріемѣ публики я не заботился. Одного судьи изъ всѣхъ, бывшихъ въ театрѣ, только я боялся, и этотъ судья былъ я самъ. Внутри себя я слышалъ ропотъ и упреки противъ моей же піесы, которые заглушали всѣ другіе. А публика вообще была довольна и, какъ казалось, приняла ее, по крайней мѣрѣ, не безъ участія. Съ публикою ее примирилъ совершенно городничій. Въ этомъ я былъ увѣренъ и прежде представленія, потому что для Сосницкаго ничего не оставалось необъясненнымъ въ этой роли. Я радъ, по крайней мѣрѣ, что доставилъ ему средства показать во всей ширинѣ талантъ свой, объ которомъ уже отзывались равнодушно и ставили его на одну доску со многими актерами, награждаемыми такъ щедро рукоплесканіями въ повседневныхъ водевиляхъ и прочихъ забавныхъ піесахъ. Слуга, я тоже думалъ, что будетъ хорошъ, потому что въ актерѣ замѣтно было много вниманія къ моимъ словамъ и личную (sic!) замѣчательность. Зато оба наши пріятели, Бобчинскій и Добчинскій, вышли сверхъ ожиданія дурны. Я думалъ, что они будутъ дурны, потому что въ этихъ двухъ маленькихъ человѣчкахъ[1] я воображалъ Щепкина и Рязанцова,

[1] Въ «Москвитянинѣ» и во второмъ изданіи «Ревизора» напечатано: «чинов-

когда создавались въ головѣ моей; но все-таки я думалъ, что авось либо ихъ наружность и положеніе по крайней мѣрѣ ихъ вынесетъ и не обкарикатуритъ. Вышло напротивъ: вышла именно карикатура. Уже увидѣвши предъ началомъ представленія костюмированными, я ахнулъ. Эти два человѣчка, въ существѣ своемъ довольно опрятные, толстенькіе, съ приглаженными волосами, очутились въ какихъ-то нескладныхъ превысокихъ сѣдыхъ парикахъ, всклоченные, неопрятные, съ высунутыми манишками; а на сценѣ оказались они такими кривляками, что просто было невыносимо. Вообще костюмы большею частію были очень плохи. Я какъ бы предчувствовалъ это, когда просилъ, чтобы сдѣлать хотя одну репетицію въ костюмахъ; но мнѣ стали говорить, что это вовсе не нужно и вовсе не въ обычаѣ, и что актеры ужъ знаютъ свое дѣло. Замѣтивши, что цѣны словамъ моимъ давали, кажется, немного, я оставилъ ихъ. Еще разъ повторяю вамъ: тоска, тоска! Самъ не знаю, отчего мной одолѣваетъ тоска".

Изъ приведенныхъ набросковъ третій, четвертый и шестой не вошли въ составъ *„Отрывка изъ письма къ одному литератору"*. Они носятъ на себѣ характеристическую черту *первоначальныхъ* набросковъ Гоголя: рѣзко выступаетъ въ нихъ (особенно въ шестомъ) субъективный элементъ. При обработкѣ для „Отрывка изъ письма къ одному литератору", нѣкоторые изъ нихъ испытали обычную „перечистку": проявленія личнаго элемента были смягчены; текстъ набросковъ сокращенъ и исправленъ. Набросокъ третій сокращенъ до нѣсколькихъ словъ объ актерѣ обширнаго таланта, и эти слова внесены въ позднѣйшій — восьмой набросокъ. Сюда же вставленъ, въ смягченномъ видѣ, и шестой набросокъ. Набросокъ четвертый совсѣмъ оставленъ безъ употребленія. Между тѣмъ содержаніе его совпадаетъ съ слѣдующимъ мѣстомъ письма Гоголя къ Щепкину, *отъ 29 апрѣля 1836 года:* „Хотѣлъ даже посылать къ вамъ его (печатный экземпляръ „Ревизора"), но раздумалъ, желая самъ привезти къ вамъ и прочитать собственногласно, *дабы о нѣкоторыхъ лицахъ не составились заблаговременно превратныя понятія, которыя* — я знаю — *чрезвычайно трудно послѣ искоренить*"[1].

никовъ». Эта ошибка удержана нами (стр. 258): нужно думать, что «Отрывокъ изъ письма» или былъ переписанъ не очень правильно писцомъ, или что Погодинъ не разобралъ этого слова въ автографѣ Гоголя. Бобчинскій и Добчинскій — помѣщики, а не чиновники. [1] Сочиненія и письма Гоголя V, 254.

Къ болѣе раннимъ наброскамъ мы относимъ также первый и пятый, содержаніе и даже отдѣльныя выраженія которыхъ напоминаютъ письмо Гоголя къ Щепкину *отъ 10 мая 1836 года*[1].

Наброски седьмой и восьмой, содержащіе въ себѣ выраженіе новаго, болѣе глубокаго взгляда Гоголя на типъ Хлестакова, относятся, по нашему мнѣнію, къ позднѣйшимъ матеріаламъ, изготовленнымъ для „Отрывка изъ письма" незадолго до окончательной выработки этого произведенія, т. е. въ концѣ 1840 г. или въ началѣ 1841 г. Седьмой набросокъ помѣщенъ на лицевой страницѣ послѣдняго, т. е. 46 листа. Восьмой набросокъ написанъ на оборотной страницѣ того же листа, но онъ не умѣстился здѣсь: послѣднія слова на этой страницѣ: „уже увидѣвши предъ началомъ представленія"[2]; продолженіе прерваннаго текста Гоголь дописалъ не у мѣста — на лицевой стран. перваго, т. е. 44 листа **ИБ**.

Стр. 285 [1] **П**; «изъ» **Рб**. Ср. 1-е примѣчаніе къ 62-й стр. перваго тома.

Стр. 286 [1] **Рб**; «столь» **П**. [2] **П**; «заключаетъ» **Рб**. [3] **П**; «ролѣ» **Рб**.

Стр. 287 [1] **П**; «типъ» **Рб**. [2] **Рб**; «такихъ» **П**. [3] **Рб**; «и этотъ судья я былъ самъ» **П**.

Стр. 288 [1] **Рб**; «о которомъ» **П**. [2] **Рб**; «какъ-нибудь вынесетъ ихъ» **П**.

Стр. 289 [1] **П**; «долженъ не опускаться» **Рб**. [2] **Рб**; «свободно выразить» **П**. [3] **П**; «И въ этомъ онѣмѣніи разнообразія для него бездна» **М**.

Стр. 290 [1] **Рб**; «очеркивается» **П**.

Двѣ сцены, выключенныя и при первомъ изданіи, какъ замедлявшія теченіе піесы (стр. 291—294).

Вторая изъ этихъ сценъ напечатана въ первый разъ въ „Москвитянинѣ" 1841 г., кн. третья, а потомъ, въ болѣе полномъ видѣ, во второмъ изданіи „Ревизора" (см. выше, стр. 653—655).

Стр. 291 [1] Первыя строки этой сцены («Но я не знаю, маменька» — «Ты глупости, сударыня, толкуешь») появились въ первый разъ въ печатномъ второмъ изданіи «Ревизора» и прибавлены въ этомъ изданіи только вслѣдствіе того, что первоначальная связь этого отрывка съ предшествующимъ содержаніемъ той же сцены была нарушена. См. выше, стр. 654. [2] Въ **Рб** опечатка: въ **РА** № 4, **РН** и въ рукописи петербургскихъ театровъ: «Ставроковытовъ». [3] **РН**, рукопись петербургскихъ театровъ; въ **Рб** опечатка: «не по-мнѣ». [4] **РН**, рукопись петербургскихъ театровъ; въ **Рб**: «но не читывалъ». [5] Въ **Рб**, повидимому, опечатка; въ **РН** и въ рукописи петербургскихъ театровъ: «колосками».

---

[1] Сочиненія и письма Гоголя V, 257. [2] См. выше, стр. 680.

Стр. 292 [1] Рб; «Куды жъ!» РН и рук. пет. театровъ. [2] РН; «это» Рб, театр. рук. [3] РН, Рб; «аксельбантомъ» П. [4] РН; въ М и Рб ошибочно: «изволите». [5] М, Рб; въ РН: «.... такъ вы служили уже давно?»

Стр. 293 [1] Въ «Москвитянинѣ» опущены слова: «по высочайшему повелѣнію покойной императрицы». [2] М, Рб; въ РН: «Растаковскій *(не слыша)*». [3] РН, Рб: «Дассъ» М. [4] М, Рб; «Фухтель-Кнабе» РН. [5] Въ М это мѣсто напечатано съ пропускомъ въ такомъ видѣ: «Въ нашемъ полку былъ тоже секундъ-маіоромъ Фиктель-Кнабе, нѣмецъ. Такъ этотъ Сихфридъ Ивановичъ и секундъ-маіоръ Гвоздевъ, о которомъ я говорилъ, были посланы за фуражемъ». [6] М, Рб; «квартермистръ» РН. [7] РН, М, Рб; «аксельбантъ» П. [8] П; «самаго» РН, М, Рб. [9] РН, М, Рб; «трехъ-угольной» П. [10] Въ М пропущено все это мѣсто, начиная со словъ: «и какъ только дѣвушки», и кончая словами: «и портупея виситъ, хе, хе, хе....» [11] РН; въ М и РН: «Да эта подобная исторія съ моимъ знакомымъ»; въ П: «Да подобная этой исторія съ моимъ знакомымъ». Прежній текстъ этого мѣста въ РН см. выше, стр. 654. [12] М, Рб; «служилъ» РН.

Стр. 294 [1] М, Рб; «А какъ странно!» РН. [2] М, Рб; «А я думалъ» РН. [3] РН, М; «пансіона» Рб, П. [4] РН, М, П; «чтобы замолвили, кому слѣдуетъ» М. [5] Рб, П; «Да оно, сказать правду, не такъ и давно — въ 1801 году» РН; «Да если сказать правду — въ 1801 году» М. [6] Послѣ этого въ РН: «выпить любитъ». Этихъ словъ нѣтъ въ М, Рб и П. [7] РН, М; «не туда, куда слѣдуетъ» Рб, П. [8] Въ М опущено: «А оно, правда, уже немного и ждать остается: тридцать лѣтъ прошло, стало быть, теперь скоро дѣло рѣшится». [9] Рб, П; въ М: «Хорошо, хорошо»; въ РН: «Хорошо, хорошо. Я скажу». Въ РН зачеркнута собственноручная поправка прежняго текста: «Вы будьте увѣрены. У себя, у себя тоже въ канцеляріи пороюсь».

Сцены перваго изданія „Ревизора“, передѣланныя авторомъ для изданія комедіи въ 1842 году (стр. 295—328).

Изъ сценъ, напечатанныхъ подъ этимъ заглавіемъ, первыя три явленія четвертаго дѣйствія (стр. 318—321) были замѣнены новыми уже во второмъ изданіи „Ревизора“ (1841 г.); остальныя были переработаны позднѣе, для третьяго изданія комедіи (1842 г.). См. выше, стр. 647—650 и стр. 655—656.

Стр. 321 [1] Ра: при перепечаткѣ этой сцены въ Рб: «городишко».

Стр. 322 [1] Рб; «посажъ» Ра.

Стр. 325 [1] Такъ въ Ра и Рб. [2] Такая пунктуація въ Рб; въ Ра: «Да, позвольте, ужь я знаю».

Стр. 326 [1] Ра: въ перепечаткѣ Рб: «*пристаютъ*». [2] Въ такой формѣ постоянно стоитъ это слово въ Ра; въ Рб: «Земляника». [3] Ра; въ Рб опечатка: «Ляпкинъ-Тряпкинъ».

Стр. 327 [1] Въ Ра и Рб: «*бьетъ себя по плечу*». Ср. 1-е примѣч. къ стр. 282-й этого тома.

Сцены, написанныя для втораго изданія „Ревизора" (1841 г.) и измѣненныя при третьемъ изданіи комедіи (стр. 329—337).

О времени окончательной выработки этихъ сценъ см. выше, стран. 650.

Стр. 329 [1] **ИМ**, **М**; въ **Рб** ошибочно: «нарядѣ». [2] **ИМ**; «забѣжите» **Рб**. [3] **ИМ**, **М**; «Слышны изъ комнаты *Хлестакова откряхтыванія и плеванія*» **Рб**. [4] **М**. Въ **Рб** иная пунктуація: «Да, видно уже проснулся». [5] Слово «онъ» внесено изъ **ИМ**; въ **Рб** оно пропущено. [6] Фраза: «это за всякимъ государственнымъ человѣкомъ водится», опущена въ **М**.

Стр. 330 [1] **М**, **Рб**; «онъ удовлетворилъ его, вѣрно, чѣмъ-нибудь пополновѣснѣй» **ИМ**. [2] Эта фраза опущена въ **М**. [3] **ИМ**; «кому вы» **М**, **Рб**. [4] Слова: «хотите, чтобъ я измѣнилъ государю», исключены въ **М**. [5] **ИМ**, **М**; «Раскричится-то онъ, конечно, раскричится» **Рб**. [6] **Рб**; «хозяина не отыскалось» **М**. Въ **ИМ** эта фраза зачеркнута. [7] **М**, **Рб**; «такъ не его ли это?» **ИМ**. [8] **М**, **Рб**; «по почтѣ» **ИМ**. [9] **ИМ**; «по завѣщанію-та» **М**, **Рб**.

Стр. 331 [1] Въ **Рб** другая пунктуація: «Нѣтъ, что̀ толковать, эти дѣла не такъ дѣлаются». [2] **ИМ**; «нашъ» **М**, **Рб**. [3] **ИМ**; «по одиначкѣ» **М**, **Рб**. [4] Фразы: «Вотъ какъ въ обществѣ благоустроенномъ дѣлается», нѣтъ въ **М**. [5] **ИМ**, **М**; «поступать» **Рб**. [6] **ИМ**; «такъ вы первые представитесь» **М**, **Рб**. [7] **ИМ**; «такъ, какъ почтмейстеру» **М**, **Рб**. Въ **ИМ** слово «такъ» зачеркнуто. [8] **М**, **Рб**; въ **ИМ** слова: «какъ судьѣ», зачеркнуты. [9] Такъ мы читаемъ, основываясь на контекстѣ мѣста и на обычаѣ Гоголя писать *ѣ* тамъ, гдѣ нужно *е*. [10] **М**, **Рб**; «священнѣе нѣтъ уже» **ИМ**. [11] Вмѣсто словъ: «Что вы» — «что выдумали», въ **ИМ** прежде было написано: «Бойтесь Бога, господа! выдумали что̀!» [12] **ИМ**; «о домашней сварѣ» **М**, **Рб**. [13] **Рб**. Въ **ИМ**: «Нѣтъ, вы не только о собакахъ, вы и о сотвореніи міра». Въ **М** всей этой фразы нѣтъ. [14] **ИМ**, **М**; «откашливанія» **Рб**.

Стр. 332 [1] **ИМ**, **М**; въ **Рб** слово «всѣ» пропущено. [2] **М**, **Рб**; «пуста» **ИМ**. [3] Въ **ИМ** слова: «Мнѣ однакоже, вѣрно, чего-нибудь прекрѣпкаго», собственноручно приписаны авторомъ сверху зачеркнутыхъ: «Хотѣлъ бы я знать, что̀ мнѣ». [4] **М**, **Рб**; «только до сихъ поръ еще слышу, что въ головѣ» **ИМ**. [5] **ИМ**, **М**; «вотъ это люблю!» **Рб**. [6] **ИМ**, **Рб**; въ **М** опущены слова: «такая, что еще можно бы». [7] **ИМ**, **М**; «Съ 1800 былъ избранъ» **Рб**.

Стр. 333 [1] Въ **М** вся эта реплика Хлестакова исключена. Въ **Рб** она сокращена сравнительно съ подлинною рукописью **ИМ**, въ которой она читается такъ: «А мнѣ нравится Владиміръ. Вотъ Анна 3-й степени уже не такъ. Слишкомъ уже, знаете, обыкновенно: и регистраторы, и всѣ носятъ, и столоначальники». [2] **ИМ**, **Рб**; «выйдетъ» **М**. [3] **ИМ**; «О Боже! вотъ уже я и подъ судомъ!» **М**; «О Боже, вотъ уже и подъ судомъ!» **Рб**. [4] **ИМ**, **М**; «ну, все конечно» **Рб**. [5] **ИМ**; «А извощику» **М**, **Рб**. [6] **ИМ**; послѣдней фразы нѣтъ ни въ **М**, ни въ **Рб**. [7] **М**, **Рб**; «Богъ знаетъ, можетъ быть, и мои» **ИМ**. [8] **ИМ**, **М**; въ **Рб** слово «Я» пропущено. [9] Въ **ИМ** фраза: «такимъ принятіемъ можно просто осчастливить человѣка», приписана собственноручно авторомъ сверху зачеркнутой: «вы просто меня осчастливите этимъ».

Стр. 334 [1] **М**, **Рб**; «не такъ-ли?» **ИМ**. [2] **ИМ**; въ **М** и **Рб** слово «страннымъ» пропущено. [3] Все это мѣсто («Я таковъ» — «у меня ужъ это характеръ») въ **ИМ** зачеркнуто. [4] **ИМ**, **М**; въ **Рб** неправильная пунктуація: «Какой странный однакожъ со мной случай въ дорогѣ: совершенно издержался».

Стр. 335 [1] **М**; «Не смѣю болѣе безпокоить» **Рб**; «Не смѣя долѣе безпокоить» **ИМ**. [2] **Рб**; «*раскуриваетъ сигарку*» **М**. Въ **ИМ** этой фразы нѣтъ. [3] **М**, **Рб**; въ **ИМ** нѣтъ конца фразы: «съ которыми можно объясняться прямо». [4] **ИМ**; «сигарку» **М**, **Рб**. [5] **ИМ**, **М**; слова, заключенныя въ скобки, пропущены въ **Рб**. [6] **ИМ**, **М**; въ **Рб** пропущено слово «сигарочки». [7] **ИМ**, **М**; «съ этого» **Рб**. [8] **М**, **Рб**; «отъ страха» **ИМ**. [9] **ИМ**, **Рб**; въ **М** грубая опечатка: «шпагу». [10] **ИМ**, **М**; въ **Рб** пропущено слово: «*плюнулъ*».

Стр. 336 [1] **ИМ**, **М**; «равнодушнымъ» **Рб**. [2] Въ **ИМ** прежде было написано: «Ничего, ничего! говорите смѣло». [3] **ИМ**, **М**; «Мнѣ хочется непремѣнно узнать» **Рб**. [4] **ИМ**, **М**; «Осмѣливаюсь» **Рб**. [5] Слова «О, о! покраснѣли!» въ **ИМ** приписаны Гоголемъ собственноручно. [6] **ИМ**: «Ваше Бла... Превос... Сія...» **М**; «Ваше Бла... Преос... Свят...» **Рб**. [7] Въ **ИМ** прежде было написано: «Сгубилъ навѣки». [8] **Рб**; въ **М**: «А въ моихъ глазахъ точно есть что-такое, что̀ внушаетъ робость». Въ **ИМ** прежде было написано: «А въ моихъ глазахъ точно есть что-то такое, что̀ внушаетъ робость — не правда ли? Магнетизмъ есть какой-то?» [9] **ИМ**; «за карманъ» **М**, **Рб**. [10] **ИМ**, **М**; «болѣе» **Рб**.

Стр. 337 [1] Въ **Рб**: «А ну-ко». [2] Въ **Рб** опечатка: «взглянулъ».

Предувѣдомленіе къ предполагавшимся изданіямъ „Ревизора" въ пользу бѣдныхъ (стр. 338—340).

Въ письмѣ 7 января 1846 года гр. Анна Михайловна Віельгорская увѣдомляла, между прочимъ, Гоголя, что гр. В. А. Сологубъ „нынче очень занимается учрежденіемъ общества для доставленія помощи бѣднымъ на собственныхъ ихъ квартирахъ"[1]. 19 апрѣля того же года Высочайше утвержденъ былъ уставъ общества, объ учрежденіи котораго хлопоталъ гр. В. А. Сологубъ — „Общество посѣщенія бѣдныхъ просителей въ С.-Петербургѣ". Въ основу устава новаго общества учредителями положены были слѣдующія начала: „Бѣдность, какъ извѣстно, бываетъ двухъ родовъ: одна — непроизвольная и незаслуженная, облегченіе и вспомоществованіе которой есть не только заслуга предъ Богомъ со стороны того общества, среди котораго она является, но обязанность, и строжайшая обязанность этого общества; другая — вольная и происходящая отъ собственной вины подвергающихся ей, покровительствовать которой значитъ поощрять порокъ и тунеядство. Эта

[1] Вѣстникъ Европы 1889 г., ноябрь, стр. 102.

послѣдняя, между тѣмъ, пользуется обыкновенно со стороны сострадательныхъ сердецъ пособіями, которыя слѣдовали бы первой, потому, преимущественно, что, когда первая страдаетъ и молчитъ, вторая ищетъ выманить ихъ всякими обманами и часто даже требуетъ ихъ съ нахальствомъ. Кромѣ того, и пособія, оказываемыя истинной бѣдности, бываютъ весьма нерѣдко несоотвѣтственны ни настоящимъ потребностямъ нуждающихся, ни мѣрѣ ихъ нужды". „Для воспрепятствованія первому и отвращенія втораго, т. е. для ближайшаго удостовѣренія въ настоящемъ положеніи такихъ жителей здѣшней столицы, которые обращаются къ благотворительнымъ лицамъ съ просьбами о пособіи (заявлялось отъ лица учредителей „Общества"), учредилось недавно и уже открыто здѣсь въ С.-Петербургѣ особое благотворительное Общество, съ тѣмъ, чтобы, посѣщая такихъ просителей въ мѣстахъ ихъ жительства, входить въ посредничество между благотворителями и нуждающимися и содѣйствовать такимъ образомъ, чтобы благотворенія достигали своей цѣли"[1]. Въ распорядители „Общества посѣщенія бѣдныхъ просителей" избраны были, 9 мая 1846 г., гр. В. А. Сологубъ и кн. В. Ѳ. Одоевскій; въ почетные члены для ревизіи дѣйствій Общества поступили: гофмейстеръ, графъ Михаилъ Юрьевичъ Віельгорскій и шталмейстеръ, графъ Матвѣй Юрьевичъ Віельгорскій. Такимъ образомъ во главѣ этого новаго благотворительнаго учрежденія стали на первое время лица, находившіяся въ сношеніяхъ съ Гоголемъ и пользовавшіяся его уваженіемъ.

20 октября 1846 года, только что отправивши Плетневу послѣднюю тетрадь „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями", Гоголь поручаетъ ему поднести экземпляры этой книги „всему Царскому дому до единаго" и прибавляетъ: „Ни отъ кого не бери подарковъ.... Но если кто изъ нихъ предложитъ отъ себя деньги на вспомоществованіе многимъ тѣмъ, которыхъ я встрѣчу идущихъ на поклоненіе къ Святымъ Мѣстамъ, то эти деньги бери смѣло". — „Другъ (продолжаетъ Гоголь), много есть людей, требующихъ помощи, о которыхъ мы и не знаемъ, и не подозрѣваемъ, но которыхъ страдальческую повѣсть если бы услышало какое сердце, хотя бы самое безчувственное, заныло бы оно отъ скорби"[2]. Разрѣшая Плетневу принимать деньги на вспомоществованіе идущимъ

[1] Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ 1846 г., часть XV, стр. 310—311.
[2] Сочиненія и письма Гоголя VI, 272.

ко Святымъ Мѣстамъ, Гоголь въ то же время пытается устроить небольшой комитетъ, въ Петербургѣ и въ Москвѣ, для раздачи бѣднымъ пособій изъ тѣхъ денегъ, которыя будутъ вырученны отъ продажи задуманныхъ имъ, съ этою цѣлью, двухъ изданій „Ревизора". 24 октября Гоголь пишетъ Шевыреву изъ Страсбурга: „Ревизоръ" долженъ быть напечатанъ въ своемъ полномъ видѣ, *съ тѣмъ заключеніемъ, которое самъ зритель не догадался вывесть.* Заглавіе должно быть такое: „*Ревизоръ съ Развязкой. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ, съ заключеніемъ.* Соч. Н. Гоголя. *Изданіе четвертое, пополненное, въ пользу бѣдныхъ.* Играться и выйти въ свѣтъ „Ревизоръ" долженъ не прежде появленья книги „Выбранныя Мѣста": иначе все не будетъ понятно вполнѣ"[1].

Въ одинъ конвертъ съ письмомъ къ Шевыреву Гоголемъ было вложено письмо къ Щепкину, которому поручается „взять въ свой бенефисъ „Ревизора" въ его полномъ видѣ съ прибавленіемъ хвоста", т. е. „Развязки Ревизора". Гоголь требуетъ, чтобы Щепкинъ „непремѣнно съѣздилъ въ Петербургъ" и личнымъ присутствіемъ ускорилъ цензурное разрѣшеніе. „Обратитесь (пишетъ Гоголь Щепкину) по этому дѣлу къ Плетневу и гр. М. Ю. Віельгорскому, которымъ все объясните и которыхъ участіе можетъ оказаться нужнымъ..." „Развязку" нужно будетъ переписать, потому что, кромѣ экземпляра, нужнаго для театральной цензуры, другой будетъ нуженъ для подписанія цензору Никитенкѣ, которому отдастъ Плетневъ, ибо „Ревизоръ" долженъ напечататься отдѣльно съ „Развязкой" ко дню представленія и продаваться въ пользу бѣдныхъ, о чемъ вы, при вашемъ вызовѣ, по окончаніи всего, должны возвѣстить публикѣ, что не благоугодно ли ей, ради такой богоугодной цѣли, сей же часъ по выходѣ изъ театра купить „Ревизора" въ театральной же лавкѣ; а кто разохотится дать больше означенной цѣны, тотъ бы покупалъ ее прямо изъ вашихъ рукъ для большей вѣрности. А вы эти деньги потомъ препроводите Шевыреву"[2]. По проекту Гоголя, со сцены Петербургскаго театра такое же обращеніе къ публикѣ долженъ былъ сдѣлать Сосницкій[3].

На Плетнева Гоголь возлагаетъ какъ хлопоты въ цензурѣ по напечатанію „Развязки Ревизора" и „Предувѣдомленія" къ изданію комедіи въ пользу бѣдныхъ, такъ и распредѣленіе будущей

---

[1] Сочиненія и письма Гоголя VI. 274. [2] Тамъ же. стр. 275—277. [3] Русская Старина 1872 г., октябрь, стр. 443.

выручки между назначенными авторомъ раздавателями денегъ бѣднымъ. 2 ноября 1846 года Гоголь писалъ Плетневу изъ Ниццы: „Отъ графини Анны Михайловны Віельгорской ты получишь „Предувѣдомленіе къ Ревизору", изъ котораго узнаешь, какимъ бѣднымъ собственно принадлежатъ деньги за „Ревизора" и какимъ образомъ должна быть имъ произведена раздача. „Предувѣдомленіе" это, въ двухъ экземплярахъ, поднеси на процензированіе цензора и отправь одно въ Москву, для напечатанія, къ Шевыреву, который издастъ „Ревизора" въ Москвѣ. Въ Петербургѣ же долженъ взять это попеченіе на себя ты, Христа ради, а не ради меня. Прими хотя главный надсмотръ и дѣла съ книгопродавцами. Собравши отъ нихъ деньги, ты раздѣли эти деньги поровну между тѣми, на которыхъ возложилъ я обузу быть раздавателями вспомоществованій, какъ все это увидишь изложеннымъ въ „Предувѣдомленіи"[1]. Въ письмѣ отъ 5 января 1847 г. Гоголь считалъ нужнымъ объяснить Плетневу: „Аннѣ Михайловнѣ Віельгорской назначена была часть вовсе не издательская: ей поручалась, просто, раздача суммъ бѣднымъ, въ случаѣ, если бы былъ изданъ „Ревизоръ" и выпроданъ. Этого дѣла никто бы умнѣе ея не могъ произвесть. Я тебѣ особенно совѣтую съ ней познакомиться. У ней есть то, чего я не знаю ни у одной изъ женщинъ — не умъ, а разумъ. Но ее не скоро узнаешь: она вся внутри"[2].

Получивши въ ноябрѣ 1846 г. „Предувѣдомленіе" къ задуманнымъ изданіямъ „Ревизора" въ пользу бѣдныхъ, гр. А. М. Віельгорская, повидимому, нашла въ немъ сходство, съ основными положеніями „Общества посѣщенія бѣдныхъ просителей". Благодаря Гоголя за довѣріе, „которое возвышало ее въ собственныхъ ея глазахъ", графиня Анна Михайловна писала ему: „Между тѣмъ вы, вѣрно, услышите съ удовольствіемъ, что учредилось здѣсь общество подъ начальствомъ Сологуба (онъ былъ первый основатель сего общества), Вяземскаго, папеньки и нѣсколькихъ другихъ, которое скоро развилось и уже сдѣлало много добра. Считаютъ теперь въ немъ болѣе ста человѣкъ, многіе изъ которыхъ люди со способностями и съ искреннимъ желаніемъ помогать бѣднымъ и оказать имъ не только тѣлесную, но душевную помощь. Князь Одоевскій хотѣлъ, кажется, самъ вамъ подробнѣе писать объ этомъ обществѣ и *хотѣлъ вамъ даже послать его статуты*"[3].

---

[1] Сочиненія и письма Гоголя VI, 283—284. [2] Тамъ же, стр. 322. [3] Вѣстникъ Европы 1889 г., ноябрь, стр. 110—111.

Отказавшись и отъ изданія „Ревизора“ въ пользу бѣдныхъ, и отъ постановки его на сцену „въ новомъ видѣ“, Гоголь 8 декабря 1846 г. увѣдомилъ о томъ гр. Анну Михайловну въ такихъ выраженіяхъ: „Ревизора“ надобно пріостановить, какъ представленіе на сценѣ, такъ и печатанье. Ему еще не время являться въ такомъ видѣ передъ публикою. Сообразивъ всѣ толки, мнѣнія и мысли, нынѣ обращающіеся въ свѣтѣ, равно какъ и состояніе нынѣшняго общества, я признаю благоразумнымъ отложить это дѣло до слѣдующаго года, а между тѣмъ въ это время я оглянусь получше и на себя, и на свое дѣло. Стало быть, съ васъ также снимается обуза быть распорядительницей денежныхъ раздачъ бѣднымъ, которыми я обременилъ какъ васъ, такъ и другія христолюбивыя души, что объявите имъ, а также и Плетневу, которому при семъ передайте письмецо“[1].

С. Т. Аксакову, который особенно нападалъ на распоряженія Гоголя, связанныя съ изданіемъ „Ревизора съ Развязкой“[2], поэтъ оправдывалъ свой проектъ, въ письмѣ отъ 20 января 1847 года, такимъ образомъ: „Если вы почувствовали надобность упомянуть объ этомъ дѣлѣ для того, чтобы сдѣлать сравненіе съ распоряженіемъ по части продажи „Ревизора“ [котораго изданіе и представленіе мною отложено], то лучше было обойтись просто безъ этого сравненія, — тѣмъ болѣе, что оно совсѣмъ невѣрно и не въ попадъ. Есть дѣла, которыя дѣйствительно нужно производить открыто, въ виду всѣхъ, которыя суть, просто, нашъ непремѣнный долгъ, а не подвигъ благотворенія. Если почти всѣ наши писатели издавали книги для бѣдныхъ, если даже Булгаринъ, Гречъ и многіе другіе, укоряемые въ корыстолюбіи, производили въ пользу бѣдныхъ пожертвованья, публичныя чтенія и тому подобныя, — почему же я не могу также? и что же я за исключеніе? и отчего копѣйка отъ другаго есть долгъ, а отъ меня подвигъ благотворенія? Другъ мой, вы не взвѣсили, какъ слѣдуетъ, вещи, и слова ваши вздумали подкрѣплять словами самого Христа. Это можетъ безошибочно дѣлать одинъ только тотъ, кто уже весь живетъ во Христѣ, внесъ Его во всѣ дѣла свои, помышленія и начинанія, Имъ осмыслилъ всю жизнь свою и весь исполнился духа Христова. А иначе — во всякомъ словѣ Христа вы будете видѣть свой смыслъ, а не тотъ, въ которомъ оно сказано“[3]. Въ этомъ отрывкѣ, объ-

[1] Сочиненія и письма Гоголя VI, 111—112. [2] См. ниже, стр. 692—693. [3] Сочиненія и письма Гоголя VI, 325—326.

являющемъ указанія начальныхъ строкъ „Предувѣдомленія“, высказывается тотъ же взглядъ на вспомоществованіе бѣднымъ, какъ на *обязанность* общественную, которымъ руководились учредители „Общества посѣщенія бѣдныхъ просителей въ Петербургѣ“.

„Предувѣдомленіе“ сохранилось въ двухъ редакціяхъ: краткой и распространенной. Краткая переписана набѣло самимъ Гоголемъ на полулистѣ почтовой бумаги малаго формата, in 8°. На основаніи этого автографа, сохранившагося въ бумагахъ Плетнева и весьма обязательно сообщеннаго намъ академикомъ Я. К. Гротомъ, напечатанъ текстъ „Предувѣдомленія“ въ настоящемъ изданіи. Пространная редакція извѣстна намъ по копіи, находящейся въ бумагахъ наслѣдниковъ Гоголя; изъ нея заимствованы всѣ варіанты къ основному тексту „Предувѣдомленія“, т. е. къ страницамъ 338-й и 339-й этого тома.

Стр. 338 [1] «издавали для того». [2] «въ изданіяхъ разныхъ сборниковъ изъ общихъ трудовъ». [3] Нѣтъ слова «нарочно». [4] «Желая загладить, хотя поздно, проступокъ свой, я назначаю». [5] «четвертое и пятое изданія «Ревизора», печатаемыя». [6] «съ присовокупленіемъ неизвѣстной публикѣ моей піесы». [7] «По разнымъ причинамъ она не могла быть доселѣ издана и помѣщается въ первый разъ здѣсь». [8] «въ пользу только». [9] «Деньги, выручаемыя за оба эти изданія, назначаются въ пользу только тѣхъ неимущихъ, которые, служа на незамѣтныхъ или маленькихъ мѣстахъ и получая самое маленькое жалованье, едва достаточное на содержаніе одного человѣка, должны содержать имъ, сверхъ того, еще больныхъ бѣдныхъ своихъ родственниковъ и жертвовать собою». [10] «и доброе ему окончаніе». [11] «по возможности досуга». [12] «нуждающихся болѣе прочихъ». [13] «лично самому».

Стр. 339 [1] «и всѣ собранныя свѣдѣнія доставлять тѣмъ, которые взяли на себя раздачу денегъ». [2] «Много есть страданій, которыхъ мы не знаемъ». [3] «въ одномъ и томъ же домѣ съ нами иногда стонетъ человѣкъ подъ тяжкимъ игомъ невыносимаго горя жизни, которому одни мы могли бы помочь, котораго вся участь, можетъ быть, отъ насъ...... Но мы объ этомъ не знаемъ, и не узнаемъ до конца — и умираемъ съ спокойной совѣстью, не подозрѣвая, что возлѣ насъ же погибнулъ человѣкъ, погибнувшій именно отъ того, что мы не дали себѣ труда взглянуть». [4] «и разговорами». [5] «и не разговорчивы». [6] Нѣтъ слова: «которые». [7] «безмолвно». [8] «и по смерти ихъ рѣдко узнается». [9] «бремени нуждъ своихъ». [10] «всѣхъ же тѣхъ, которые». [11] «должностями и обязанностями». [12] Нѣтъ словъ: «высшими и важнѣйшими». [13] «въ положенья». [14] «отъ своихъ излишковъ не оставить денежнымъ вспомоществованіемъ, которое они могутъ адресовать къ одному изъ раздавателей». [15] Нѣтъ словъ: «при этомъ». [16] «Считаю обязанностію увѣдомить, что я упросилъ взять это на себя тѣхъ изъ мною лично знаемыхъ, которые имѣютъ болѣе другихъ для этого досуга, которые влекутся потребностью душевною помогать брату, которые, — скажу въ заключенье, — взялись радостно за это трудное дѣло, не смотря

на то, что оно отниметъ у нихъ множество самыхъ пріятныхъ удовольствій свѣтскихъ, которыя неохотно отдаетъ человѣкъ. Стало быть, всѣ жертвующіе могутъ быть увѣрены, что помощь будетъ производиться съ большимъ разсмотрѣніемъ: не бросится ни одна копѣйка напрасно. Не помогутъ они никому до тѣхъ поръ, пока не узнаютъ близко, не взвѣсятъ всѣхъ обстоятельствъ, его окружающихъ, и чрезъ то не получатъ полнаго вразумленія соединить поданную помощь съ необходимымъ совѣтомъ и напутствіемъ. Въ такихъ же случаяхъ, гдѣ несчастный самъ виной тяжелой участи его и въ дѣлѣ бѣдствія его замѣшалось дѣло его собственной совѣсти, они произведутъ не иначе вспомоществованіе, какъ чрезъ руки опытныхъ священниковъ и такихъ духовниковъ, которые не въ первый разъ имѣли дѣло съ душой и совѣстью человѣка. Лучше, если бы всякій читатель свѣдѣнія о бѣдныхъ неимущихъ потрудился передавать лично раздавателю, а не въ письмѣ: въ разговорѣ легко могутъ быть объяснимы всѣ тѣ недоразумѣнія, которыя всегда остаются въ письмахъ. Онъ самъ можетъ усмотрѣть, къ кому изъ означенныхъ лицъ ему приличнѣй, ловче и лучше обратиться, смотря по роду самого дѣла: требуется ли для него сострадательное участіе женщины, или братски укрѣпляющей руки мужа. Полагаю необходимымъ назначать для этого часъ, — хотя, положимъ, отъ 11 до 12 часовъ утра. Онъ, кажется, болѣе удобенъ для всѣхъ; если же кому и неудобенъ, то все-таки, пришедши въ этотъ часъ, можетъ получить освѣдомленіе о другомъ часѣ, удобнѣйшемъ для переговоровъ».

Развязка Ревизора (стр. 341—352).

30 іюля 1846 года Гоголь отправилъ Плетневу для напечатанія первую тетрадь „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями". Съ этого времени, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, напряженная, лихорадочная дѣятельность полубольнаго писателя посвящена была всецѣло окончанію „Выбранныхъ мѣстъ" и сочиненію двухъ произведеній, неразрывно съ ними связанныхъ: „Предисловія ко второму изданію „Мертвыхъ Душъ" и „Развязки Ревизора"[1]. „Предисловіе" послано Плетневу, для представленія въ цензуру, 21 сентября[2], „Развязка Ревизора" отправлена, черезъ Шевырева, М. С. Щепкину изъ Страсбурга 24 октября[3] — слишкомъ черезъ недѣлю послѣ отправленія къ Плетневу послѣдней тетради „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями"[4]. Тогда, конечно, и было окончено это небольшое произведеніе. Въ самой „Развязкѣ Ревизора" авторъ два раза указываетъ, что эта піеса написана въ 1846 году[5].

Въ письмѣ отъ 24 октября этого года Гоголь поручаетъ Ше-

[1] Ср. настоящаго изданія томъ III, стр. 544—545. [2] Тамъ же, стр. 503. [3] Сочиненія и письма Гоголя VI, 274. [4] Послѣдняя тетрадь «Переписки» отправлена была Плетневу 16 октября, Сочиненія и письма Гоголя VI, 269. [5] Ср. выше, стр. 343, 348.

выреву напечатать въ Москвѣ „Ревизора“ въ полномъ видѣ, т. е. съ „Развязкою“. Плетневъ, по просьбѣ автора, долженъ былъ приготовить такое же изданіе въ Петербургѣ; но такъ какъ онъ уже былъ занятъ печатаніемъ „Переписки съ друзьями“, то Гоголь просилъ А. О. Россети принять участіе въ хлопотахъ по изданію „Ревизора“[1]. Въ письмѣ къ Плетневу отъ 2 ноября Гоголь такъ изложилъ занимавшій его проектъ изданія „Ревизора“ въ пользу бѣдныхъ: „Ревизоръ“ долженъ выйти вдругъ, разомъ и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ въ двухъ изданіяхъ [на московскомъ выставить: *четвертое*, на петербургскомъ: *пятое*]. Выйти онъ долженъ ко дню бенефисовъ обоихъ актеровъ: въ Петербургѣ Сосницкаго, въ Москвѣ Щепкина, такъ чтобы въ день самаго представленія могъ бы тутъ же въ большомъ количествѣ распродаться“[2]. Посылая „Развязку Ревизора“, черезъ Шевырева, Щепкину, Гоголь писалъ послѣднему: „Вы должны взять въ свой бенефисъ „Ревизора“ въ его полномъ видѣ, то есть, слѣдуя тому изданію, которое напечатано въ полномъ собраніи моихъ сочиненій, съ прибавленіемъ хвоста, посылаемаго мною теперь. Для этого вы сами непремѣнно должны съѣздить въ Петербургъ, чтобы ускорить личнымъ присутствіемъ ускореніе цензурнаго разрѣшенія“[3]. Въ письмѣ къ Щепкину Гоголь распространяется о постановкѣ нѣмой сцены, которая въ подробномъ изложеніи явилась въ первый разъ въ третьемъ изданіи „Ревизора“, и даетъ самыя обстоятельныя указанія актерамъ, которые будутъ участвовать въ представленіи „Развязки Ревизора“. Такія же указанія дѣлаетъ Гоголь и въ письмѣ къ Сосницкому, посланномъ черезъ Щепкина[4]. Щепкинъ, по болѣзни, не могъ взяться за исполненіе порученія Гоголя и возвратилъ Шевыреву полученную отъ него рукопись „Развязки Ревизора“. Такимъ образомъ, предпріятіе, которое Гоголь хотѣлъ сохранить въ строгой тайнѣ[5], неожиданно получило огласку и „Развязка Ревизора“ сдѣлалась извѣстна въ Москвѣ. Шевыревъ вынужденъ былъ взять дѣло Щепкина на себя и письмами просилъ гр. М. Ю. Віельгорскаго и кн. Вяземскаго хлопотать объ исполненіи проекта Гоголя[6]. 5 ноября цензоръ Никитенко разрѣшилъ „Развязку Ревизора“ къ напечатанію. Поэтъ не торопилъ впро-

[1] Русская Старина 1884 г., январь, стр. 165. Сочиненія и письма Гоголя VI, 283, 322. [2] Сочиненія и письма Гоголя VI, 283. [3] Тамъ же, стр. 275. [4] Русская Старина 1872 г., октябрь, стр. 441—444. [5] Сочиненія и письма Гоголя VI, 274, 275, 277, 322. [6] Тамъ же, стр. 322.

чемъ друзей выпускомъ этой піесы въ свѣтъ. Возлагая на нее, какъ и на „Переписку съ друзьями“, большія надежды въ матеріальномъ отношеніи, Гоголь ставилъ успѣхъ „Ревизора съ Развязкой“ въ зависимость отъ впечатлѣнія, которое должны были произвести на русское общество „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“. Еще въ первомъ письмѣ къ Шевыреву объ изданіи „Развязки“ (24 октября) Гоголь предупреждалъ: „Играться и выйти въ свѣтъ „Ревизоръ“ долженъ не прежде появленья книги: „Выбранныя мѣста“: иначе все не будетъ понятно вполнѣ“[1].

Но въ Москвѣ изданіе и постановка на сцену „Развязки Ревизора“ встрѣтили, съ перваго раза, препятствія со стороны Шевырева и С. Т. Аксакова. Послѣдній въ ноябрѣ 1846 г.[2] писалъ своему сыну, Ивану Сергѣевичу: „Я написалъ и послалъ сильный протестъ къ Плетневу, чтобы не выпускалъ въ свѣтъ новой книги Гоголя, которая состоитъ изъ отрывковъ писемъ его къ друзьямъ... Требую также, чтобы не печатать „Предувѣдомленія“ къ пятому изданію „Ревизора“; ибо все это съ начала до конца ложь, дичь и нелѣпость, и, если будетъ обнародовано, сдѣлаетъ Гоголя посмѣшищемъ всей Россіи. Тоже самое объявилъ я Шевыреву. Не обязывая ихъ къ полному согласію со мною, я убѣждаю ихъ написать Гоголю, съ совершенной откровенностью, что̀ они думаютъ. Самъ я началъ диктовать большое письмо къ Гоголю, гдѣ я высказываю ему безпощадную правду... Если Гоголь не послушаетъ насъ, то я предлагаю Плетневу и Шевыреву отказаться отъ исполненія его порученія: пусть онъ находитъ себѣ другихъ палачей“[3]. 3 декабря Сергѣй Тимоѳеевичъ увѣдомилъ Ивана Сергѣевича, что получилъ отъ Плетнева „неудовлетворительный отвѣтъ“. Шевыревъ двумя письмами отклонялъ Гоголя отъ печатанія „Развязки Ревизора“. Впослѣдствіи С. Т. Аксаковъ въ своей запискѣ о Гоголѣ разсказывалъ: „Если мое письмо и поколебало Гоголя, то онъ не хотѣлъ въ этомъ сознаться; а что онъ поколебался, это доказывается отмѣненіемъ нѣкоторыхъ распоряженій его, связанныхъ съ изданіемъ „Ревизора съ Развязкой“[4]. Но Гоголь уже 20 октября ст. стиля получилъ увѣдомленіе отъ Шевырева о скорой высылкѣ имъ „мнѣнія своего о „Развязкѣ Ревизора“[5]. Только *второе* письмо Шевырева

[1] Сочиненія и письма Гоголя VI, 274. [2] Къ сожалѣнію издатель отрывка изъ этого письма не указалъ его даты; письмо получено Иваномъ Сергѣевичемъ въ Калугѣ *7 декабря*. [3] Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ въ его письмахъ I, 403—404. [4] Кулишъ, Записки о жизни Гоголя, II, 96—97. [5] Сочиненія и письма Гоголя VI, 294.

могло содержать въ себѣ совѣты и замѣчанія С. Т. Аксакова. „Небольшое, но жестокое письмо“ послѣдняго къ автору „Выбранныхъ мѣстъ“ и „Развязки Ревизора“ было окончено и писано уже въ то время, когда печатаніе и представленіе „Ревизора“ въ пользу бѣдныхъ было остановлено[1]. Самъ Гоголь, 8 декабря, писалъ Шевыреву изъ Неаполя: „Оба письма твои, писанныя одно за другимъ, получилъ. Благодарю за совѣты и мысли относительно „Развязки Ревизора“. *Я соглашаюсь однакоже больше съ тѣми, которые въ твоемъ первомъ письмѣ.* Въ предстоящемъ обстоятельствѣ я особенно руководствуюсь первыми впечатлѣніями: они для меня уже и тѣмъ важны, что мнѣнье публики, даже и добродѣтельной[2], и просвѣщенной, будетъ ближе къ нимъ, нежели къ тѣмъ, которыя изложены въ твоемъ второмъ письмѣ и которыя принадлежатъ, можетъ быть, одному тебѣ, или двумъ-тремъ, глядящимъ на вещи съ точки повыше. „Ревизора“ нужно отложить, какъ игру, такъ и печатаніе“[3]. Въ тотъ же день Гоголь писалъ Плетневу: „Ревизора“ надобно пріостановить, какъ печатанье, такъ и представленье. Судя по тѣмъ вѣстямъ, которыя имѣю, и по нѣкоторымъ препятствіямъ и наконецъ принимая къ свѣдѣнію нѣкоторыя замѣчанія Шевырева, изложенныя имъ въ письмѣ, которое я сейчасъ получилъ, я вижу, что „Ревизоръ съ Развязкой“ будетъ имѣть гораздо больше успѣха, если будетъ данъ чрезъ годъ отъ нынѣшняго времени. Къ тому времени я и самъ буду имѣть время получше оглянуть это дѣло, выправить піесу и приспособить болѣе къ понятіямъ зрителей. Теперь же „Развязка Ревизора“, въ такомъ видѣ, какъ есть, можетъ произвести дѣйствіе противоположное и, при плохой игрѣ нашихъ актеровъ, можетъ выйти, просто, смѣшной сценой. А потому, если, къ счастью, еще не отдана въ цензуру рукопись, то удержи ее подъ спудомъ у себя. Если же отдана, то, взявши ее немедленно какъ бы для нѣкоторой поспѣшной перемѣны, положи подъ спудъ, употребивъ елико возможныя мѣры къ тому, чтобы она не пошла во всеобщую огласку“[4]. Черезъ нѣсколько дней А. О. Россети и М. С. Щепкину посланы были увѣдомленія о пріостановкѣ печатанья и представленія „Ревизора съ Развязкой“[5].

---

[1] Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ въ его письмахъ I, 401, 409. [2] Кажется, слѣдуетъ читать: «доброжелательной». [3] Сочиненія и письма Гоголя VI, 307—308. [4] Тамъ же, стр. 296. [5] Русская Старина 1884 г., январь, стр. 165. Сочиненія и письма Гоголя VI, 313.

Десять лѣтъ пролежала „подъ спудомъ“ „Развязка Ревизора“: она была издана въ первый разъ съ поправками С. П. Шевырева въ пятомъ томѣ (стр. 412—442) втораго изданія „Сочиненій Гоголя“ (1856 г., T). Въ настоящемъ изданіи это произведеніе напечатано по списку, сохранившемуся въ бумагахъ Плетнева и благосклонно сообщенному намъ академикомъ Я. К. Гротомъ. Рукопись эта состоитъ изъ пяти листовъ почтовой бумаги большаго (in 4°) формата; рукою Шевырева перемѣчены не страницы, а полулисты; послѣдняя помѣта — 7. Текстъ, писанный некрасивымъ почеркомъ писца, занимаетъ шесть полныхъ полулистовъ, на первой страницѣ седьмаго полулиста только десять строкъ и подпись вдоль страницы снизу вверхъ: „Никитенко“. На первой страницѣ сверху заглавія подписано: „Печатать позволяется. Ноября 5 дня 1846. Ценсоръ А. Никитенко“. Рукопись испещрена поправками Шевырева. Не считая нужнымъ вносить поправки въ основной текстъ, мы указали всѣ таковыя въ варіантахъ.

Стр. 341 [1] Къ этому слову авторомъ сдѣлана выноска: «Имя перваго комич. актера».

Стр. 342 [1] Послѣ этого слова Шевыревъ прибавилъ: «такъ же». Такъ и напечатано въ T. [2] Въ рукописи: «Сем...». Ср. 1-е примѣчаніе къ слѣдующей страницѣ.

Стр. 343 [1] Въ рукописи: «Семен...» [2] Слово «что-то» исключено Шевыревымъ; такъ и напечатано въ T. [3] Такъ въ рукописи; въ T: «узнаемъ». [4] Такъ въ рукописи; Шевыревъ измѣнилъ порядокъ словъ: «напримѣръ, привлекательнаго». Такъ и напечатано въ T. [5] Такъ въ рукописи; въ T: «кому за это обязанъ». [6] Такъ въ рукописи; въ T: «Чему».

Стр. 344 [1] Въ рукописи: «Ѳедоръ Ѳедор.» [2] Прежде было написано: «произвели точно», потомъ указанъ новый порядокъ словъ поставленными надъ ними цифрами. [3] Такъ въ рукописи; Шевыревъ прибавилъ: «какъ бы», — и въ T напечатано: «что авторъ какъ бы къ нему самому обращаетъ»... [4] Такъ въ рукописи; въ T: «къ самому автору». [5] Такъ въ рукописи; Шевыревъ измѣнилъ порядокъ словъ: «чтобы я имѣлъ что-нибудь противъ него»; такъ и напечатано въ T. [6] Слова: «надъ порядками», въ рукописи зачеркнуты красными чернилами цензора. [7] Такъ въ рукописи; послѣ слова «усмѣшки» Шевыревъ прибавилъ: «на лицахъ гостей»; эта прибавка внесена въ T. [8] Такъ въ рукописи; Шевыревъ измѣнилъ порядокъ словъ: «несется во весь духъ»; такъ и напечатано въ T. [9] Такъ въ рукописи; Шевыревъ измѣнилъ порядокъ словъ: «Намѣренья у автора дать именно тотъ смыслъ, о которомъ вы говорите, не было никакого»; такъ и напечатано въ T. [10] Такъ въ рукописи; Шевыревъ прибавилъ: «точно»; въ T напечатано: «точно была».

Стр. 345 [1] Такъ въ рукописи; Шевыревъ далъ другой порядокъ словамъ: «рожа у меня крива?» Такъ и напечатано въ T. [2] Такъ въ рукописи; въ T: «не

можетъ быть оно безнравственно». [3],[4] Такъ въ рукописи; Шевыревъ въ томъ и другомъ случаѣ поставилъ: «выставить»; такъ и напечатано въ Т. [5] Такъ въ рукописи; Шевыревъ прибавилъ слово: «уже»; въ Т напечатано: «развѣ это уже не похвала всему хорошему?» [6] Такъ въ рукописи; въ Т принята поправка Шевырева: «видимъ». [7] Такъ въ рукописи; Шевыревъ измѣнилъ порядокъ словъ: «такъ его выставляютъ»; такъ и напечатано въ Т.

Стр. 346 [1] Въ рукописи: «Николай Никол.» [2] Такова пунктуація въ собственноручной рукописи «Развязки» и въ Т. Но въ автографахъ Гоголя знаки препинанія рѣдко разставляются правильно. Полагаю, что въ этомъ мѣстѣ ихъ слѣдуетъ разставить такъ: «Клянусь, истинная правда! Николай Николаичъ, вы сказали то» и т. д. [3] Въ рукописи: «отдушевишься»; буква *т* зачеркнута Шевыревымъ. [4] Въ рукописи слово «былъ» пропущено; оно вставлено Шевыревымъ; такъ и напечатано въ Т. [5] Такъ въ рукописи; Шевыревъ вмѣсто «не» поставилъ: «же»; такъ и напечатано въ Т. [6] Такъ въ рукописи; Шевыревъ исправилъ: «было изображено»; такъ и напечатано въ Т.

Стр. 347 [1] Фраза рукописи: «иначе пропадетъ его оригинальность, Николай Николаичъ», случайно пропущена въ Т. [2] Слово «ясно» зачеркнуто Шевыревымъ. [3] Такъ въ рукописи; въ Т: «это уже выдетъ». [4] Слова: «который, точно какой-то палачъ, является въ дверяхъ», въ рукописи были зачеркнуты цензоромъ. [5] Слово «истребить» въ рукописи зачеркнуто цензоромъ. [6] Такъ въ рукописи; Шевыревъ, вмѣсто этого слова, поставилъ: «необъяснимо». Послѣднее выраженіе внесено въ Т.

Стр. 349 [1] Такъ въ рукописи; въ Т: «мои слова».

Стр. 350 [1] Такъ въ рукописи: въ Т: «ихъ только слышимъ». [2] Такъ въ рукописи; въ Т: «окончилась». [3] Слово «откроется» въ рукописи зачеркнуто Шевыревымъ.

Стр. 351 [1] Такъ въ рукописи; въ Т: «даже пустая»; слово «самая» зачеркнуто Шевыревымъ. [2] Такъ поправилъ Шевыревъ; въ рукописи: «самую».

Стр. 352 [1] Въ рукописи: «Кому все должно служить: Землѣ».

Женитьба (стр. 353—408)

Комедія „Женитьба" напечатана въ первый разъ въ первомъ изданіи „Сочиненій Гоголя" (1842 г.), П. Здѣсь на заглавномъ листѣ „Женитьбы" помѣщено было, по желанію автора[1], указаніе: „Писано въ 1833 г." Дѣйствительно первоначальные наброски этой піесы относятся къ 1833 году; но выработка печатной редакціи „Женитьбы" была окончена только въ 1842 году. Кромѣ второй части „Мертвыхъ Душъ", ни одно изъ произведеній Гоголя не подвергалось такой *продолжительной* переработкѣ, какъ „Женитьба". Она имѣетъ длинную исторію. Начатая въ 1833 г., подъ заглавіемъ „Женихи", эта комедія въ августѣ 1835 года

[1] Русское Слово 1859 г., январь, стр. 120.

настолько была отдѣлана, что Гоголь рѣшился прочесть ее въ домѣ Погодина. Возвратившись въ Петербургъ, поэтъ приступилъ къ полной, отъ начала до конца, передѣлкѣ той редакціи „Жениховъ“, которая такъ недавно прочтена была въ Москвѣ. Не ранѣе, какъ 29 апрѣля 1836 года Гоголь увѣдомилъ Щепкина: „Комедію мою, читанную мною въ Москвѣ, подъ заглавіемъ „Женитьба“, я теперь *передѣлалъ и переправилъ*, и она нѣсколько похожа теперь на что-нибудь путное. Я ее назначаю такимъ образомъ, чтобы она шла вамъ и Сосницкому въ бенефисъ, что̀, кажется, случается въ одно время года. Стало быть, вы можете адресоваться къ Сосницкому, которому я ее вручу“[1]. На требованіе Щепкина прислать экземпляръ комедіи Сосницкій, 30 мая, отвѣчалъ: „Женитьбу“ ты раньше осени не получишь: Н. В. ее взялъ передѣлать... Обѣщалъ *передѣлать всю совсѣмъ*. Я ему далъ нѣкоторыя смѣшныя идеи объ обычаяхъ купеческихъ невѣстъ. Онъ беретъ комедію съ собою[2] и мѣсяца чрезъ два ее вышлетъ“[3].

Обѣщанная полная передѣлка „Женитьбы“ не была окончена въ тотъ срокъ, который указанъ въ письмѣ Сосницкаго. Только основавшись въ Римѣ на житье, Гоголь приступилъ къ обработкѣ петербургской редакціи комедіи. Неизвѣстно даже, взялъ ли поэтъ съ собою за границу эту редакцію, или оставилъ ее въ Петербургѣ въ числѣ тѣхъ рукописей, о высылкѣ которыхъ въ Римъ просилъ Прокоповича въ письмахъ 3 іюля и 14 декабря 1837 года[4]. Мы склоняемся къ послѣднему предположенію, потому что первые уцѣлѣвшіе наброски поправокъ и прибавленій къ петербургскому тексту „Женитьбы“ написаны въ Римѣ.

Въ числѣ бумагъ Гоголя, сохраненныхъ А. А. Ивановымъ и поступившихъ впослѣдствіи въ Московскій Публичный Музей, находится нѣсколько такихъ *набросковъ*. Изъ нихъ два относятся къ первому дѣйствію и одинъ — ко второму. Они помѣщены на *трехъ* отдѣльныхъ листкахъ. Передѣлка производилась, по обычаю Гоголя, по частямъ.

Первый набросокъ заключаетъ въ себѣ нѣсколько строкъ, кото-

[1] Сочиненія и письма Гоголя V, 254. [2] Т. е. за границу. [3] Исторія работъ надъ «Женитьбою» до отъѣзда автора за границу будетъ изложена въ шестомъ томѣ настоящаго изданія; тамъ же будутъ напечатаны и первоначальныя редакціи этой комедіи. [4] Русское Слово 1859 г. январь, стр. 102, 106. Надъ послѣднимъ письмомъ стоитъ только цифра 14. Письмо послано изъ Рима, куда Гоголь возвратился изъ путешествія въ декабрѣ 1837 г.

рыя должны были замѣнить первый монологъ Подколесина въ редакціи комедіи 1835 года[1]. Набросокъ написанъ на лоскуткѣ бумаги, сложенномъ въ форматъ почтоваго листа малаго (in 8°) формата; водяныхъ знаковъ на оторванномъ лоскуткѣ нѣтъ, но бумага та же самая, какая употреблена и для втораго наброска. Текстъ перваго наброска приводимъ вполнѣ: „Нѣтъ, право, нужно наконецъ рѣшиться[2]: жениться такъ жениться. Что въ самомъ дѣлѣ? Живешь, живешь, да такая наконецъ скверность становится. Вотъ опять мясоѣдъ пропустилъ. И сваха вотъ ужъ (будетъ) недѣли три ходитъ. Ужъ, право, самому какъ-то совѣстно".

Нѣсколько набросковъ помѣщено на перегнутомъ пополамъ полулистѣ почтовой бумаги формата четвертки; въ бумагѣ водяной знакъ: J E S J[3]. Текстъ занимаетъ первую и четвертую страницу листка, и представляетъ новыя версіи *отдѣльныхъ мѣстъ* восьмаго, девятаго и десятаго явленія перваго дѣйствія. Представляемъ этотъ текстъ въ томъ видѣ, какъ онъ набросанъ на двухъ страницахъ указаннаго листка. *На первой страницѣ: „[Подколесинъ]*[4] *выходитъ съ (зеркаломъ гляд) зеркаломъ, въ которое глядитъ, не подымая глазъ.* Гдѣ жъ сѣдой волосъ? Что ты врешь? совсѣмъ нѣтъ никакого сѣдаго волоса.

— *Пугаетъ его:* Пухъ!

— *Подколесинъ, ахнувшій и роняя зеркало.* Сумашедшій! Ну, зачѣмъ... зачѣмъ? Ну, что за глупости! Перепугалъ.... право, душа не (въ) на своемъ мѣстѣ.

— Ну, ничего, пошутилъ.

— Что за шутки право выдумалъ! До сихъ поръ не могу очнуться. И зеркало вонъ разбилъ (хорошее этакое зеркало). Куплено-то въ Аглицкомъ магазинѣ.

— Ну, я сыщу тебѣ другое зеркало.

— Да, сыщешь; знаю я эти другія зеркала: годами шестью...[5] (пятью показываютъ =) кажутъ старѣе, (а это съ трудомъ досталъ) и рожа выходитъ косякомъ.

— Послушай, вѣдь я бы долженъ больше на тебя сердиться:

---

[1] Рукопись этой редакціи находится въ Императорской Публичной Библіотекѣ и потому означена у насъ буквами ИБ. [2] Сверху приписано: «быть рѣш...» [3] См. въ первомъ томѣ № 6 на снимкѣ «Фабричныхъ знаковъ въ бумагѣ, на которой Гоголь писалъ свои произведенія». [4] Слова: «Подколесинъ» въ наброскѣ нѣтъ. [5] Точки на мѣстѣ неразобраннаго слова; кажется: «человѣка».

вѣдь ты вотъ отъ меня, твоего стараго друга, все скрываешь. Жениться вѣдь задумалъ.

— Вотъ вздоръ! и не думалъ.

— Да вѣдь улика на лицо. Вѣдь вотъ стоитъ, извѣстно, что за птица. Ну, тутъ ничего нѣтъ...[1] Что жъ, дѣло истинно христіанское. Я готовъ быть отцомъ. Принимаю совершенно. — Ну, какъ она? что? (Дворянка) чиновница? или въ[2] купечествѣ что ли? (Гдѣ) живетъ? Какъ ее зовутъ?

— Агафія Ивановна[3].

— Агафія Ивановна?[4]

— Въ Шестилавочной что ли живетъ?

— Анъ нѣтъ; будетъ поближе къ Пескамъ, въ Мыльномъ переулкѣ.

— Ну да, въ Мыльномъ переулочкѣ, тотчасъ за лавочкой — деревянный домъ?

— И не за лавочкой, а за пивнымъ погребомъ.

— Какъ же за пивнымъ? Вотъ тутъ-то я не знаю[6].

На четвертой страницѣ: „Ну, послушай[5], ну, изъ какого чорта ты меня женила?

— Законъ исполнилъ.

— Эхъ ты дура, дура! Ну, что жъ мнѣ твоя жена? Экъ невидаль-то какая! Будто бы я безъ нее не могъ обойтись?

— Да вѣдь ты жъ самъ присталъ: жени, бабушка, да и полно.

— (Эхъ ты! Ну, а сюда зачѣмъ пришла?) Крыса ты, крыса (ты) старая! Ну, а сюда зачѣмъ? Неужли Подколесинъ задумаетъ тоже жениться?

— А что жъ! Богъ благодать послалъ.

— Нѣтъ! Экъ мерзавецъ! вить мнѣ ничего объ этомъ не сказалъ! (Прошу по) Каковъ! Прошу покорно: съ подтишка-то, съ подтишка, а?

— Ну, что жъ! Ничего нѣтъ такого, чтобы стыдиться: дѣло истинно христіанское[6].

— А вотъ я пойду да капитана приведу ей, такъ онъ и плюнетъ тебѣ въ глаза.

[1] Не кончено? Ср. 6-е прим. къ этой стран. [2] Слово «въ» пропущено. [3] В петербургской редакціи невѣста названа Агафьею *Петровною*. [4] Послѣ этого оставлено между строкъ пустое мѣсто для вставки будущаго текста. [5] Въ первомъ томѣ, стр. 638 опечатка: «Ну, и служи». [6] Эти двѣ строки, отдѣленныя значительнымъ промежуткомъ отъ предшествующихъ, относятся къ *десятому* явленію того же дѣйствія.

— Ступай, ступай съ твоимъ капитаномъ!"[1]

Наконецъ послѣдній набросокъ написанъ на перегнутомъ пополамъ полулистѣ почтовой бумаги формата четвертки; водяной знакъ въ бумагѣ: птица на скалѣ, а съ боку годъ: 1828. На бумагѣ съ этимъ фабричнымъ знакомъ Гоголь писалъ въ Римѣ и отдѣльные наброски начерно и переписывалъ или заставлялъ переписывать другихъ набѣло свои произведенія въ 1839—40 гг. Текстъ занимаетъ первую и вторую страницу; на третьей помѣщены только двѣ строки. Приводимъ этотъ набросокъ, относящійся къ пятому явленію втораго дѣйствія[2]:

— „Что это невѣста? Скажите: она дура что ли?

— Да, немножко недостаетъ.

— Ну, если дура, такъ (что жъ говорить противъ этого?) это другое дѣло. Такъ бы и сказать нужно прежде, что дура. Конечно, дура не то, что умная; но для жены это ничего. Я согласенъ жениться, только, чтобы до свадьбы сдѣлать осмотръ всему — и дому, и погребамъ. Фундаментъ тамъ, кажется, поврежденъ. Да и рухлядь пересмотрѣть и повѣрить по росписи. Роспись у меня.

— Да было бы только что̀ повѣрять.

— Какъ такъ?

— Да такъ. Что таить? ничего нѣтъ.

— Какъ ничего? А домъ, флигель на каменномъ фундаментѣ?

— Завтра флигель на каменныхъ фундаментахъ.

— Какъ завтра? У меня роспись.

— Да что жъ изъ того? Домъ и флигель и есть, да вѣдь куча братьевъ и сестеръ, тетокъ и подтетокъ всякихъ: раздѣлъ не сдѣланъ и все въ ломбардѣ заложенно.

— Какъ? Заложенъ въ ломбардѣ? Какъ же мнѣ старуха (объ)...

— Ну... Баба. Сваха вретъ, потому что это...

— ....А домъ во сколько заложенъ?

— Конечно, больше, чѣмъ стоитъ. Вѣдь домъ, извѣстно, выстроенъ, какъ обыкновенно строятъ — въ одинъ кирпичъ, а (тамъ) внутри мусоръ, щебень и всякая дрянь, только въ ломбардъ заложить.

[1] Послѣднія три строки также отдѣлены замѣтнымъ промежуткомъ отъ предшествующихъ и относятся къ концу восьмаго явленія перваго акта. [2] Ср. выше. стр. 388.

— Посудите сами: я... Кто таковъ я? Я — коллежскій ассессоръ, экзекуторъ гражданской палаты, служилъ (добивался), старался изыскать отечеству пользу, порядокъ... сторожей держалъ въ чистотѣ[1]. Мнѣ нужно что? — Мнѣ нужна жена. Для чего мнѣ нужна жена? Для того, чтобы подобно какъ всякій гражданинъ (сынъ полезнымъ на), ну служилъ, приносилъ пользу отечеству, наконецъ нужно же ему пожить сообразно — въ законномъ супружествѣ. Для чего въ супружествѣ? Для того, чтобы вкусить жизнь беззаботную, покойную конечно. Я пріобрѣлъ кое-что, да нужно, чтобъ и жена принесла приданное не какую-нибудь ветошку, — да! И вдругъ этакая какая-нибудь крыса, сваха какая-нибудь...

— Позвольте васъ спросить: вотъ вы какъ-то сдѣлали замѣчаніе на щотъ умственныхъ способностей. Скажите, пожалуста: мнѣ кажется, что невѣста во французскомъ языкѣ не должна быть очень сильна?[2]

— А погоди, матушка! Вотъ какъ я тебя въ полицію сведу, такъ ты у меня будешь знать — дурачить и обманывать. Подойди-ко сюда, подойди!

— Чортъ побери! Присутствіе оставилъ: пришелъ — выговоръ отъ Ивана Андреевича".

Мы не имѣемъ опредѣленныхъ указаній на время, когда Гоголь приступилъ къ переработкѣ „Женитьбы" по частямъ. Но предполагая, что въ концѣ 1837 года онъ не получилъ еще отъ Прокоповича своихъ рукописей, которыя были ему необходимы для его литературныхъ работъ, мы должны заключить, что къ переработкѣ петербургской редакціи „Женитьбы" (**ИБ**) онъ приступилъ *не раньше 1838 года*. Къ концу этого года работа, повидимому, не подвинулась далеко. Въ письмѣ Погодину, отъ 1 декабря 1838 г., Гоголь между прочимъ сообщалъ Погодину: „Меня ты очень разжалобилъ Щепкинымъ. Мнѣ самому очень жалко его. Я о немъ часто думаю. Я даже, признаюсь, намѣренъ *собрать* черновые, какіе у меня есть, лоскутки истребленной мною комедіи *и хочу что-нибудь изъ нихъ для него сшить*"[3]. Вѣроятно, „разжалобленный" поэтъ охотнѣе послалъ бы Щепкину „Женитьбу", если бъ она была готова для сцены, такъ какъ эта піеса обѣщана была Михаилу Семеновичу на бенефисъ еще въ 1836 году и такъ какъ

[1] Сверху строки приписано: «порядокъ, чистота, дровяной дворъ». [2] Послѣ этихъ словъ оставлено между строкъ пустое мѣсто. [3] Сочиненія и письма Гоголя V, 349.

самъ артистъ не разъ дѣлалъ попытки получить отъ автора эту комедію. Въ концѣ 1839 года „Женитьба“ не была еще настолько обработана, чтобы взыскательный авторъ рѣшился ее напечатать. Въ концѣ декабря 1839 года Гоголь писалъ Жуковскому изъ Москвы: „Мнѣ даютъ за одну третью часть, то есть за піесы, назначенныя вами въ первый томъ собранія, какъ-то: „Ревизоръ“. „Женитьба“ и отрывки изъ неоконченной комедіи, 6 тысячъ. И, признаюсь, я ужъ готовъ былъ согласиться, не смотря на то, что смерть не хотѣлось, чтобы мои незрѣлыя творенія, какъ-то: „Женихи“ и неоконченная комедія, являлись въ свѣтъ. Но нужда заставила на все рѣшиться. Я уже было предался минуты на двѣ отдохновенію, даже веселилъ себя мыслію, что наконецъ раздѣлаюсь какъ-нибудь съ моими тяжелыми обязанностями и, свѣтлый, съ оживленною душою, отправлюсь въ мой обѣтованный рай, въ мой Римъ... Но это была мечта и обрадовала меня только на минуту. Я отыскалъ изъ недоконченной комедіи только два отрывка, она вся осталась въ Римѣ. А гдѣ дѣлись „*Женихи*“, я до сихъ поръ не могу постигнуть. Мнѣ кажется, какъ будто я взялъ ее изъ Рима съ собою, но сколько ни рылся въ бумагахъ, въ чемоданѣ, въ бѣльѣ, нигдѣ не могъ отыскать. Пропала ли она гдѣ-нибудь на дорогѣ, или выбросили ее таможенные, рывшіеся въ моемъ чемоданѣ, или лежитъ она въ Римѣ на моей квартирѣ въ моемъ сундукѣ — ничего не знаю“[1]. Съ новою редакціею „Женитьбы“, вырабатывавшеюся въ Римѣ, случилась та же самая исторія, которая въ началѣ 1841 года повторится съ извѣстнымъ приложеніемъ къ „Ревизору“, т. е. съ „Отрывкомъ изъ письма, писаннаго авторомъ вскорѣ послѣ перваго представленія „Ревизора“ — къ Пушкину: Гоголь нигдѣ не могъ ее найти[2]. Другими словами: римская редакція „Женитьбы“ была готова лишь *вчернѣ;* авторъ не былъ ею доволенъ и потому назвалъ эту комедію, въ томъ же письмѣ къ Жуковскому, „*незрѣлымъ* твореніемъ“. До появленія въ печати новая редакція этой комедіи должна была подвергнуться обычной „перечисткѣ“. 18 мая 1840 года Гоголь выѣхалъ изъ Москвы за границу вмѣстѣ съ В. А. Пановымъ[3]. Первыя страницы выработанной въ Римѣ редакціи „Женитьбы“ переписаны были

---

[1] Русскій Архивъ 1871 г., стр. 0939. [2] Ср. выше, стр. 649. [3] Русь 1880 г., № 6, стр. 16.

набѣло Пановымъ, судя по бумагѣ, — въ Римѣ; слѣд. *не раньше* **октября 1840 года**[1].

Рукопись набѣло переписанной римской редакціи „Женитьбы" поступила, изъ бумагъ А. А. Иванова, въ Московскій Публичный Музей и хранится въ рукописномъ отдѣленіи онаго подъ № 2206. Рукопись состоитъ изъ четырехъ тетрадей; вторая тетрадь подшита къ первой, четвертая — къ третьей. Первая тетрадь состоитъ изъ пяти листовъ почтовой бумаги, съ водянымъ знакомъ[2]: птица на скалѣ и съ боку годъ: 1828. Страницы во всей рукописи перемѣчены Гоголемъ. Въ первой тетради 22 страницы; нумерація начата съ 3-й страницы; первыя двѣ страницы отрѣзаны. Вторая тетрадь состоитъ изъ шести листовъ почтовой бумаги другаго сорта: въ одной половинѣ листа водяной знакъ[3]: птица на скалѣ *съ поднятою лапою*, въ другой буква B. Тетрадь оканчивается 46-ю страницею. Третья тетрадь состоитъ изъ пяти листовъ почтовой бумаги, въ которой тѣ же водяные знаки, что̀ и въ бумагѣ, употребленной для второй тетради. Четвертая тетрадь состоитъ изъ 4 листовъ *голубоватой* бумаги; въ этихъ листахъ водяной знакъ[4]: на одной половинѣ птица съ поднятою лапою, на другой — буквы: N. M. Въ началѣ этой тетради остался узкій отрѣзокъ отъ полулиста, служившаго ей обложкою; второй, т. е. задній полулистъ уцѣлѣлъ; на немъ послѣднія страницы тетради — 83 и 84. Въ этомъ полулистѣ водяной знакъ[5]: буквы: J E S J. Первыя одиннадцать явленій перваго дѣйствія „Женитьбы" переписаны Пановымъ: они занимаютъ первыя девятнадцать страницъ и половину двадцатой. Начиная съ „явленія 12", вся остальная часть комедіи переписана набѣло рукою автора.

Изъ вышеприведенныхъ черновыхъ набросковъ, сдѣланныхъ Гоголемъ въ Римѣ на трехъ листкахъ, только послѣдній оставленъ былъ авторомъ безъ употребленія: всѣ остальные вписаны были Пановымъ, съ самыми легкими поправками, въ бѣловой текстъ римской редакціи „Женитьбы"[6]. Сравнивая эту редакцію комедіи

[1] Въ началѣ ноября 1840 г. Пановъ писалъ С. Т. Аксакову изъ Рима о Гоголѣ: «Пріѣхавши сюда (25 сент. н. ст.) онъ уже, казалось, ничѣмъ болѣе не былъ занятъ, какъ только своимъ желудкомъ, ... скучалъ, безпрестанно жаловался, что даже ничего не можетъ читать». Сочиненія и письма Гоголя V, 425.
[2] Ср. приложенные къ первому тому Фабричные знаки въ бумагѣ, на которой Гоголь писалъ свои произведенія» № 1. [3] Ср. тамъ же, № 2a и 2b. [4] Ср. тамъ же № 5a и 5b. [5] Ср. тамъ же № 6. [6] Ср. ниже, 5-е прим. къ стр. 360 и прим. 8 и 9 къ стр. 361.

съ тѣмъ исправленнымъ въ Петербургѣ текстомъ, о которомъ Гоголь сообщалъ Щепкину 29 апрѣля 1836 года, приходимъ къ заключенію, что послѣдняя петербургская редакція „Женитьбы" была *совершенно переработана* въ Римѣ. Передѣлка піесы производилась по частямъ, отдѣльными набросками, о характерѣ которыхъ могутъ намъ дать понятіе немногіе изъ уцѣлѣвшихъ, приведенные нами выше. Имя невѣсты не установлено твердо: она называется то Агаѳья Тихоновна, то Агаѳья Петровна (ср. ниже, въ варіантахъ — 3-е и 4-е прим. къ 358 стр., 15-е примѣчаніе къ 361 стр.). Въ февральской книжкѣ „Москвитянина" на 1841 г. (ч. I, смѣсь, стр. 616) Погодинъ извѣстилъ читателей своего журнала, что „комедія *Женихъ* въ двухъ дѣйствіяхъ давно готова". Это извѣстіе относится, вѣроятно, къ той римской редакціи „Женитьбы", которая переписана была набѣло Пановымъ и Гоголемъ въ указанную нами рукопись (**ИМ.**). Авторъ не считалъ однако піесы въ этомъ видѣ „готовою". Въ Римѣ же онъ и приступилъ къ ея окончательной отдѣлкѣ. Сверху бѣловаго текста Гоголь началъ приписывать поправки и дополненія къ нему; они наносились *сначала* чернилами, *позднѣе* карандашомъ. Послѣднія, т. е. карандашныя поправки встрѣчаются преимущественно во второй тетради (стр. 23—46)[1]. Поправки чернилами нанесены *ранѣе* карандашныхъ; чернила, которыми онѣ сдѣланы, черныя; текстъ писанъ другими чернилами — желтоватыми. Впрочемъ, тѣ и другія поправки не особенно крупны и многочисленны; онѣ-то и дали печатной редакціи „Женитьбы" тотъ видъ, который отличаетъ ее отъ первоначальнаго бѣловаго текста римской редакціи піесы. Всѣ эти поправки указаны ниже въ варіантахъ.

При окончательной „перечисткѣ" римской редакціи комедіи, для печати, Гоголь замѣтилъ, что при перепискѣ піесы набѣло онъ, по недосмотру, пропустилъ почти все четвертое явленіе втораго дѣйствія. Въ римской рукописи „Женитьбы" страница 52-я оканчивалась словами: „*Видя прочихъ, испускаетъ*"; слѣдующая же страница начинается явленіемъ пятымъ. Пропущенное мѣсто переписано было Гоголемъ собственноручно на четверткѣ обыкновенной писчей бумаги *русской фабрики*. Вѣроятно, это дополненіе къ римской редакціи „Женитьбы" было написано во время пребыванія Гоголя въ Россіи, съ октября 1841 г. до половины мая

[1] Эта тетрадь начинается слѣдующимъ мѣстомъ 13 явленія: «*Ѳекла Ивановна*. Есть, есть, дай только прежде съ духомъ собраться» (стр. 367); оканчивается: «Ну, этого только мнѣ и нужно. *(Оба уходятъ)*». Ср. выше, стр. 362.

1842 г. Текстъ начинается на этой четверткѣ словами: *„восклицаніе и раскланивается“*; оканчивается: „Нѣтъ, не улизну! Ей Богу, не улизну!“ [1] Гоголь захватилъ съ собою этотъ лоскутокъ за границу.

Копія второй римской редакціи „Женитьбы“, — редакціи, сложившейся изъ текста, переписаннаго набѣло Гоголемъ и Панеымъ, надстрочныхъ поправокъ и текста пропущеннаго 4-го явленія втораго акта, — приготовлена была писцомъ и съ нея *до появленія комедіи въ печати* сдѣланъ былъ списокъ для Щепкина, которому Гоголь 28 ноября 1842 г. прислалъ документъ, удостовѣряющій, что „всѣ драматическіе сцены и отрывки, заключающіеся въ четвертомъ томѣ его сочиненій, принадлежатъ ему (Щепкину), и онъ можетъ давать ихъ, по своему усмотрѣнію, въ свои бенефисы“[2]. Печатая „Женитьбу“ въ четвертомъ томѣ „Сочиненій Н. Гоголя“, Прокоповичъ сдѣлалъ въ ней нѣкоторыя стилистическія поправки и въ первомъ явленіи втораго дѣйствія измѣнилъ текстъ одного мѣста, по требованію автора. 14 ноября 1842 года Гоголь писалъ Прокоповичу изъ Рима; „Въ „Женитьбѣ“, я вспомнилъ, вкралась важная ошибка, сдѣланная отчасти писцомъ: Кочкаревъ говоритъ, что ему плевали нѣсколько разъ, тогда какъ онъ это говоритъ о другомъ. Эта бездѣлица можетъ дать ему совершенно другой характеръ. Монологъ этотъ долженъ начинаться вотъ какъ: „Да что жъ за бѣда? Вѣдь инымъ плевали нѣсколько разъ, ей Богу! Я знаю тоже одного: прекраснѣйшій собой мужчина, румянецъ во всю щеку; до тѣхъ поръ егозилъ и надоѣдалъ своему начальнику о прибавкѣ жалованья, что тотъ наконецъ не вынесъ: плюнулъ въ самое лицо, ей Богу! „Вотъ тебѣ, говоритъ, твоя прибавка; отвяжись, сатана!“ и проч. и проч. Если уже набрана и напечатана эта страница, вели перепечатать“[3]. Поправка Гоголя

[1] Ср. выше, стр. 387—388. Этотъ листокъ, вмѣстѣ съ римскою рукописью «Женитьбы», находится въ отдѣленіи рукописей Московскаго Публичнаго Музея, № 2206. [2] Сочиненія и письма Гоголя V, 501—502. [3] Русское Слово, 1859 г. январь, стр. 124. Въ томъ же письмѣ Гоголь проситъ Прокоповича: «На заглавномъ листкѣ къ «Женитьбѣ» вставленъ не весь титулъ. Должно вотъ какъ: «Женитьба, совершенно невѣроятное событіе, въ двухъ дѣйствіяхъ». Чтобы исполнить просьбу автора, Прокоповичъ долженъ былъ *перепечатать* титулъ «Женитьбы». Въ письмѣ отъ 10 октября 1842 года Гоголь увѣдомлялъ Прокоповича: «Нужно распорядиться такъ, чтобъ «Ревизоръ» и «Женитьба» отданы были вскорѣ послѣ отпечатанья въ театральную цензуру, чтобы не были тамъ задержаны долго, ибо нужно, чтобы все это поспѣло къ бенефису Щепкина и Сосницкаго». Русское Слово 1859 г., январь, стр. 122.

пришла во-время: это мѣсто еще не было напечатано, и Прокоповичъ могъ исполнить требованіе автора, не прибѣгая къ перепечаткѣ страницы. Но въ копіяхъ, приготовленныхъ для театральной цензуры, осталась прежняя редакція этого мѣста, такъ что текстъ списковъ „Женитьбы", сдѣланныхъ для театровъ петербургскаго и московскаго въ 1842 году, гораздо ближе къ тексту комедіи, переписанному писцомъ и присланному Гоголемъ Прокоповичу. Въ театральныхъ рукописяхъ „Женитьбы" нѣтъ ни указанной новой версіи словъ Кочкарева[1], ни стилистическихъ поправокъ Прокоповича, которыми обремененъ печатный текстъ этой комедіи[2]. Зато въ сценическомъ текстѣ „Женитьбы" цензурою исключено нѣсколько такихъ мѣстъ, которыя уцѣлѣли въ печатномъ[3] и даже, по цензурнымъ соображеніямъ, фамилія *Анучкина* замѣнена другою: „Ходилкинъ"[4].

Въ приводимыхъ ниже варіантахъ рукопись „Женитьбы", списанная Пановымъ и Гоголемъ, означается буквами: **ИМ**; рукопись комедіи, принадлежащая московскому Малому театру — буквами: **ТР**.

Стр. 355 [1] **ТР, ИМ**; «вадо» **П**.

Стр. 356 [1,2] **П**; «вить» **ИМ, ТР**. [3,4] **ИМ, ТР**; «поприглядиѣе» **П**. [5] Въ **ТР** нѣтъ словъ: «и прочей мелюзгѣ». Прежде въ **ИМ** было написано: «и прочей разной мелюзгѣ». [6] Вмѣсто словъ: «молокососно что-то», въ **ИМ** прежде было написано: «какъ-то не респектабельно». [7] Въ **ИМ** прежде было написано: «Мнѣ кажется, что тѣ».

Стр. 357 [1] **П**; «вить» **ИМ, ТР**. [2] Въ **ИМ** прежде было написано: «и не будетъ къ тебѣ такого уваженія».

Стр. 358 [1] **П**; «вить» **ИМ, ТР**. [2] Въ **ИМ** прежде было написано: «Нѣтъ, оно не такъ легко». [3,4] Въ **ИМ** прежде было: «Агафья Петровна». [5] **ИМ**; «эгажахъ» **ТР, П**. [6] **ТР, П**; «прибыточный» **ИМ**. [7] **ТР, П**; «трезвой» **ИМ**.

Стр. 359 [1] **ТР, П**; «вѣть» **ИМ**. [2] Въ **ИМ** вмѣсто словъ: «вотъ те Христосъ», прежде было написано: «ахъ, мать моя!» Въ **ТР** нѣтъ словъ: «вотъ те Христосъ!» [3] **П**; «вить» **ИМ, ТР**. [4] **ИМ, ТР**; «обнаковенно» **П**. [5] Въ **ИМ** прежде было написано: «самая лучшая». [6] **ИМ, ТР**; «этакъ» **П**. [7] **ИМ, ТР**; «нисколько» **П**. [8] **ИМ, П**; «прикажитка» **ТР**.

Стр. 360 [1] **П**; «Вѣть» **ИМ**; «Вить» **ТР**. [2] **П**; «супружеска» **ИМ**. [3] Въ **ИМ** прежде было: «Постой, я посмотрю нарочно въ зеркало, — гдѣ ты выдумала тамъ, что у меня сѣдой волосъ». [4] Послѣ этого въ **ИМ** зачеркнуто: «если въ самомъ дѣлѣ. Нѣтъ, ужъ этого, точно, не дай Богъ». [5] Въ **ИМ** прежде

[1] Ср. 1-е примѣч. къ стр. 386. [2] Отступленія театральной рукописи «Женитьбы» отъ печатнаго текста указаны въ варіантахъ. Ср., напр., 9-е прим. къ 360-й стран., 4-е прим. къ стран. 363. [3] Ср. 3-е прим. къ 364 стран.; 1-е прим. къ стран. 369; 5-е прим. къ 380-й страницѣ. [4] Ср. 7-е примѣч. къ 375-й страницѣ.

было написано: «Экъ невидаль какая — твоя жена!» [6] **П**: «вить» **ИМ, ТР**. [7] **ТР, П**; «да и полно» **ИМ**. [8] **П**; «вить» **ИМ, ТР**. [9] Въ **ИМ, ТР**: «съ подтишка» Ср. 1-е примѣч. къ 62-й стр. перваго тома. [10] Послѣ этого въ **ИМ**: «*Подколесинъ.* Гдѣ жъ сѣдой волосъ? Что ты врешь? Никакого нѣтъ сѣдаго волоса». Этихъ строкъ нѣтъ въ **ТР** и **П**. [11] Вмѣсто слова «вскрикнувъ», въ **ИМ** прежде было: «ахнувши».

Стр. 361 [1] **П**; «вить» **ИМ, ТР**. [2] Вмѣсто словъ: «цѣлымъ десяткомъ», въ **ИМ** прежде было написано: «годами десятью». [3],[4] **П**: «вить» **ИМ, ТР**. [5] Въ **ИМ** прежде было написано: «Я совсѣмъ и не думалъ». [6],[7] Въ **П** постоянно: «вѣдь», въ **ИМ** и **ТР**: «вить». Далѣе это разночтенiе не будетъ оговариваемо. [8] Въ **П** и **ТР**: «что за птица ужъ». Но въ **ИМ** нѣтъ слова: «ужъ»; за это слово писецъ принялъ начало слова «ук», написанное по ошибкѣ сверху строки и послѣ перенесенное выше: «*у*казываетъ на Ѳеклу». [9] Въ **ИМ** прежде было написано: «Здѣсь нѣтъ ничего такого, чтобы стыдиться. Дѣло извѣстное, христiанское, на пользу даже отечеству». [10] Фраза: «Я беру на себя всѣ дѣла», приписана въ **ИМ** Гоголемъ собственноручно вмѣсто прежняго текста: «Я съ своей стороны готовъ быть отцомъ, и все это, всѣ дѣлишки... я беру на себя. Постараюсь, постараюсь». [11],[12] Въ **ИМ** прежде было: «Петровна». [13] **ИМ, П**; «Купердяева» **ТР**. [14] Слова: «что жила прежде съ сенатскимъ оберъ-секлехтаремъ», внесены изъ **ИМ**; въ **ТР** и **П** они выкинуты. [15] Въ **ИМ** слово «Петровна» въ этомъ мѣстѣ не зачеркнуто и не замѣнено словомъ: «Тихоновна», какъ выше. [16] Въ **ИМ** прежде было написано: «Хорошо, хорошо; теперь ужъ я все это обдѣлаю самъ». [17] Въ **ИМ** прежде было написано: «ты ступай себѣ — ужъ въ тебѣ.»

Стр. 362 [1] **ИМ, П**; «отступись» **ТР**. [2] **ИМ, ТР**; «Поди! поди» **П**. [3] **ИМ, ТР**; «не сказала» **П**. [4] Въ **ИМ** прежде было написано: «Ну, братъ, а намъ нужно этого дѣла не откладывать. (Лучше, если) Ѣдемъ». [5] **ТР**; «Я такъ только, подумалъ» **П**. [6] Вмѣсто фразы: «Только не конфузься», въ **ИМ** прежде было написано: «положись на меня». [7] **ИМ**: въ **ТР, П**: «какъ еще вдругъ». Въ **ИМ** прежде было написано: «что и не услышишь, ей Богу, не услышишь. Мы съ тобой сейчасъ ѣдемъ къ невѣстѣ — ты увидишь, какъ все дѣло пойдетъ живо». [8] **ИМ, ТР**; «порядку-то» **П**. [9] Слова: «бабеночка, хорошенькая эдакая, и ручкой тебѣ», приписаны въ **ИМ** Гоголемъ собственноручно вмѣсто зачеркнутаго текста: «эдакая жена, такая хорошенькая, и положитъ на тебя ручку». [10] Въ **ИМ** прежде было написано: «Будто у нихъ всего только, что одни ручки!»

Стр. 363 [1] Въ **ИМ** эти строки: «Ну, да что и говорить» — «чего нѣтъ», приписаны собственною рукою автора; прежде было: «У нихъ, братъ, просто, чортъ знаетъ, что такое». [2] Слова: «А вѣдь, сказать тебѣ правду, я люблю», сначала авторомъ приписаны были въ **ИМ** карандашомъ, потомъ въ другой разъ чернилами, сверху зачеркнутой фразы: «А я люблю». [3] **ТР, П**; «сядетъ» **ИМ**. [4] **ИМ, ТР**; «надо» **П**. [5] Все это мѣсто («меньше одной дюжины» — «А что же касается до обѣда») приписано въ **ИМ** собственною рукою автора вмѣсто зачеркнутаго текста: «*шампанскаго* нужно взять дюжину. Этихъ Маркобрунновъ, Фронтиньяновъ и прочихъ гадостей не нужно. Бургонскаго — вотъ это такъ! Ужъ Бургонскаго, какъ ты себѣ

хочешь, бутылокъ шесть непремѣнно. А Рейнвейнъ — Богъ съ нимъ! Не правда ли? Киселъ, чортъ возьми! А ужъ на счетъ обѣда». [6] Въ П: «у меня, братъ, у меня есть на примѣтѣ». Въ **ИМ** прежде было: «у меня есть придворный офиціантъ»; потомъ Гоголь передѣлалъ это мѣсто, приписавши въ началѣ: «у меня, братъ», и послѣ слова: «есть» прибавивши: «на примѣтѣ»; лишнія слова: «у меня», остались случайно незачеркнутыми. [7] **ИМ**; «одинъ» П; «есть на примѣтѣ офиціантъ» **ТР**. [8] **ИМ**; «говорю» П, **ТР**. [9] Прежде въ **ИМ** было написано: «*Кочкаревъ.* Что жъ развѣ тебѣ не нравится женатая жизнь, что ли?» [10] Приписка собственноручная вмѣсто прежняго: «*Подколесинъ.* Ничего, ничего; а странно какъ-то». [11] **ИМ**; «А чтожъ странно?» П, **ТР**. [12] **ИМ**, **ТР**; «надо» П. Въ **ИМ** прежде было написано: «Я теперь вижу, (что нужно =) съ тобой нужно». [13] **ИМ**, **ТР**; «серьезно» П. [14] Въ **ИМ** прежде было написано: «буду говорить съ тобою откровенно».

Стр. 364 [1] Вмѣсто фразы: «Богъ тебя вѣдаетъ», въ **ИМ** прежде было написано: «Чортъ тебя знаетъ». [2] Въ **ИМ** описка: «экспедитерчонки». Это слово написано вмѣсто зачеркнутаго: «совѣтниченки». [3] **ИМ**; «авъ, авъ, авъ» П. Въ **ТР** вмѣсто всего этого мѣста читается только: «Ты вотъ теперь одинъ — чиновникъ; а тогда вообрази около тебя чиновнички, маленькіе эдакіе канальченки, и какой-нибудь пострѣленокъ, протянувши рученки, будетъ теребить тебя за бакенбарды, а ты только будешь ему по собачьи: «авъ, авъ, авъ!» Основной текстъ, очевидно, слегка передѣланъ театральною цензурой. [4] Слова: «этакой какой-нибудь пышка, щенокъ эдакой», приписаны въ **ИМ** собственноручно вмѣсто зачеркнутыхъ: «какъ взглянешь, эдакъ маленькой сверченокъ». [5] **ИМ**: въ П и **ТР** слово «и» пропущено. [6] **ИМ**, **ТР**; «найду» П. [7] **ИМ**, **ТР**; «Поѣзжай-ка ты одинъ» П. [8] **ИМ**, **ТР**; «не надо» П. [9] **ИМ**, П; «Ну, скажи, пожалуста, не шутъ ли ты послѣ этого?» **ТР**. Смягчено театральною цензурой.

Стр. 365 [1] Въ **ИМ** послѣ этого зачеркнуто: «или начальникъ тамъ какой-то, чортъ тебя знаетъ!» [2] П; въ **ИМ** и **ТР** постоянно: «пожалуста». [3] **ИМ**; въ П, **ТР** вмѣсто «эдакими» стоитъ: «гадкими». [4] **ИМ**; «чтожъ» П, **ТР**. [5] **ИМ**; «конечно» **ТР**, П. [6] Прежде въ **ИМ** было: «Петровны». Припоминаемъ, что, начиная съ явленія XII, идетъ текстъ, писанный весь рукою автора. [7] Зачеркнуто: «Петровна». [8] Въ **ИМ** сначала рукою писца постоянно пишется: «Ирина», въ П напечатано: «Арина». Такъ пишется это имя и въ **ИМ** — въ текстѣ, переписанномъ рукою автора. Въ **ТР**: «Ирина».

Стр. 366 [1] П; «Петровна» **ИМ**. [2] П; «русой» **ИМ**, **ТР**. [3] Слова: «А вотъ же нѣтъ: трефовый король значитъ здѣсь дворянинъ», приписаны вмѣсто зачеркнутыхъ: «Совсѣмъ нѣтъ — это дворянинъ». [4] П; «Петровна» **ИМ**. [5] П; «Петръ» **ИМ**. [6] **ИМ**, П; «да не выдамъ» **ТР**. [7] **ИМ**, П; словъ: «такія страсти!» нѣтъ въ **ТР**. [6] Въ **ИМ** прежде было написано: «станетъ ѣсть что-нибудь, такъ это все гадко». [7] **ИМ**: «достанешь» П. [8] **ИМ**, **ТР**; «Арина» П.

Стр. 367 [1] **ИМ**; «дѣла» П, **ТР**. [2] **ИМ**, **ТР**; «не понравятся» П. [3] **ИМ**; «вскрикнувъ» П, **ТР**. [4] П. Такъ въ рукописи. Не слѣдуетъ ли читать: «все?» [5] П, **ТР**: «Еремѣй» **ИМ**. [6] П, **ТР**; «Петровичъ» **ИМ**. [7] **ИМ**, П; «экзекухторомъ» **ТР**.

Стр. 368 [1] **ИМ**, П; «Ходилкинъ» **ТР**. [2] П; «Горшокъ» **ИМ**. [3] **ИМ**; «Ѳеклушка» П, **ТР**. [4] Такъ и въ **ИМ**.

Стр. 369 [1] Слова: «ужъ онъ титулярный совѣтникъ», опущены въ **ТР**. [2] Въ **ИМ**

прежде было написано: «а вѣдь давича какъ испугалась!» [3] **ИМ**; «Да что въ нихъ, въ дворянахъ-то твоихъ?» **ТР, П**. [4] **П**; «Ирина» **ТР**. [5] **П**; «въ почтеньи-та?» **ИМ**.

Стр. 370 [1] **ИМ**; «къ сенатору» **П, ТР**. [2] **ИМ**; «къ губернатору» **П, ТР**. [3] **ИМ**; «Губернаторъ» **П, ТР**. [4] **ИМ**; «сенатора» **П, ТР**. [5] **ИМ**; «разносило» **П, ТР**. Въ **ИМ** согласно обычному употребленію Гоголя: «разносила». Ср. 1-е прим. къ 19-й стр. пятаго тома. [6] Слова: «при случаѣ такъ же гнетъ шапку», приписаны карандашомъ сверху также приписанныхъ карандашомъ и зачеркнутыхъ: «такой же подлецъ». [7] Въ **ИМ** сначала было написано: «Ахъ, Господи!» потомъ эти слова замѣнены словомъ «Спасители!» Наконецъ и это слово было зачеркнуто и сверху приписано: «Святые». [8] Въ **ИМ** прежде было написано: «стаскиваетъ со стола». [9] Въ **ИМ** прежде было написано: «Поскорѣй, свѣтъ мой, бѣги пріодѣться!» [10] **ИМ**; въ **П, ТР**: «Ступай, бѣги». Но въ **ИМ** слово: «Ступай» зачеркнуто. [11] Вмѣсто словъ: «Дуняшка кричитъ издалека», въ **ИМ** прежде было написано: «Въ сѣняхъ слышно». [12] Въ **ИМ** прежде было написано: «Ахъ, Господи ты милосердый, не погуби насъ!» [13] **ИМ**; «Чтожъ вы глядите?» **П, ТР**. [14] Слова: «мать моя», приписаны вмѣсто зачеркнутыхъ: «переодѣть[ся] вѣдь нужно». [15] Въ **ИМ** прежде было написано: «Бѣги, отвори и проси въ комнату пообождать». [16] **П**; въ **ИМ**: «въ комнатѣ».

Стр. 371 [1] **П**; въ **ИМ** вмѣсто «Дуняшка» во всей этой сценѣ: «Дѣвчонка». [2] **П**; въ **ИМ**: «Домъ на каменномъ фундаментѣ». [3] **ИМ**; «лисьи» **П** [4] Послѣ этого въ **ИМ**. зачеркнуто: *«и помолчавъ»*. [5] **ИМ**; «ситцеваго платья» **П, ТР**. [6] **П**; «домы» **ИМ**. [7] **ИМ, П**. Въ **ТР** постоянно: «Ходилкинъ». Ни въ одной изъ рукописей «Женитьбы» нѣтъ этой фамиліи. Несомнѣнно, она придумана театральною цензурою, которая считала неудобною для офицера фамилію «Анучкинъ» (или по другимъ спискамъ «Онучкинъ»), происхожденіе которой отъ слова «онучи» было ясно для всякаго зрителя. [8] **ИМ, ТР**; «выйдутъ» **П**.

Стр. 372 [1] Въ **ИМ** прежде было написано: «дѣла». [2] **П, ТР**; «Дѣвчонкѣ» **ИМ**. Въ **ТР** стоитъ нѣсколько выше: *«въ сопровожденіи Дуняшки»*. [3] **ИМ**; въ **П, ТР** ошибочно: «паутину». [4] **ИМ**; «родная» **П, ТР**. [5] Фраза: «Вѣдь какъ носится!» въ **П** и **ТР** пропущена. [6] Слова: «при Павлѣ Петровичѣ», въ **ТР** опущены. [7] **ИМ; ТР**. «переворотилъ» **П**. [8] **ТР**; въ **П** опечатка: «гранитное».

Стр. 373 [1] Въ **ИМ** сначала вмѣсто слова: «лейтенантъ», написано было: «офицеръ». [2] Не слѣдуетъ ли читать: «всѣ»? [3] **П**; въ **ИМ** и **ТР** другой порядокъ словъ: «И всѣ барышни рѣшительно говорятъ по французски?» [4] Въ **П** и **ТР** измѣненъ порядокъ словъ сравнительно съ **ИМ**, гдѣ стоитъ: «простаго тамошняго мужика». [5] Въ **ИМ** прежде было написано: «такъ вотъ совершенно». [6] **ИМ**; «италіяночка» **П**.

Стр. 374 [1] **ИМ**; «англійскіе» **П, ТР**. [2] **ИМ**; «и сначала очень было странно» **П, ТР**. [3] **ИМ**; «обзнакомились» **П, ТР**. [4] **ИМ, ТР**; «знаетъ» **П**. [5] **ИМ**; «дня» **П**. [6] Въ **ИМ** прежде было написано: «Позвольте узнать фамилію вашу». [7] Вмѣсто слова «спросить», въ **ИМ** прежде было написано: «узнать». [8] **П**; «яичницу» **ИМ. ТР**. [9] **ИМ**; «назваться» **П, ТР**. [10] **ИМ, ТР**; «вся наша эскадра» **П**. [11] **П**; въ **ТР**: «всѣ были съ такими чудными фамиліями».

Послѣ этого въ **ИМ** слѣдуетъ мѣсто, не внесенное въ **П**: «всѣ были съ такими фамиліями, что бывало покойникъ командиръ Алексѣй Ивановичъ говорилъ: «Ну», говоритъ, «у моей 3-й эскадры чортъ на крестинахъ что ли былъ»: «Помойкинъ». [12] **ИМ**; въ **П** и **ТР** слово: «Эй» пропущено. [14] **ИМ**; слова: «бывало ему», собственноручно приписаны въ **ИМ** карандашомъ; въ **П** и **ТР** не внесены.

Стр. 375 [1] **ИМ**; «Здравствуй» **П, ТР**. [2] **ИМ**; въ **П** и **ТР** ошибочно: «здорово, здорово». [3] **ИМ**; въ **П** и **ТР** искажено: «кажется, общипанные». [4] **ИМ, ТР**; «это» **П**. [5] **П**; «разочикъ» **ИМ, ТР**. [5] **ИМ**; въ **П** и **ТР** ошибочно: «Что».

Стр. 376 [1] **ИМ**; въ **П** и **ТР** вмѣсто: «въ газетахъ», ошибочно: «вы знаете». [2] Въ **ИМ** прежде было написано: «объявляютъ что-то». [3] **ИМ**; «по дорогѣ травка» **П, ТР**. [4] **ИМ**; «прежде меня» **П, ТР**. [5] **ИМ**; «бывало, когда» **П, ТР**. [6] Въ **ИМ** прежде было написано: «такъ все». [7] Въ **ИМ** прежде было: «въ скоромъ времени намѣренъ».

Стр. 377 [1] **ИМ**; «не ужели» **П, ТР**. [2] Въ **ИМ** прежде было: «Однакожъ припомните: можетъ быть, гдѣ-нибудь видѣли». [3] **П**; въ **ИМ, ТР**: «Ахъ, вѣдь вы не знаете». [4] **ИМ**; «поздно» **П, ТР**. [5] **П**; «Илья Ильичъ» **ИМ**. [6] **ИМ**; «Арина Пантелеймоновна» **П**; «Арина Пантелеймовна» **ТР**.

Стр. 378 [1] **ИМ**; «Ребята» **П, ТР**. [2] **ИМ**; «продала» **ТР**; въ **П** ошибка: «продали». [3] **ИМ, ТР**; въ **П** пропущено слово «и». [4] Въ **ИМ** прежде было написано: «аль и сами сварили?» [5] Вмѣсто словъ: «Прошу, прошу», въ **ИМ** прежде было написано: «Нѣтъ». [6] **П**; «дожжикъ» **ИМ, ТР**. Такъ и ниже на той же страницѣ. [7] Въ **ИМ** прежде было написано: «Просто, не приведи». [8] Послѣднія строки («Извините» — «мужу») приписаны взамѣнъ зачеркнутыхъ: «Кого вы предпочли? — Служившаго ли въ военной службѣ или по штатской и занимающаго солидную должность?» [9] **ИМ**; «Хотите ли вы, сударыня, имѣть мужемъ знакомаго съ морскими бурями?» **П, ТР**. Въ **ИМ** прежде было: «*Жевакинъ*. Или человѣка, такъ сказать, знакомаго съ морскими бурями?» [10] **ИМ**; въ **П** и **ТР**: «Лучше по моему мнѣнію мужъ.... вотъ человѣкъ». [11] Вся реплика Кочкарева написана въ **ИМ** вновь сверху зачеркнутыхъ строкъ прежняго текста: «Нѣтъ, я почти увѣренъ, что вы, сударыня, предпочтете человѣка, который есть образецъ всего, которому подобнаго даже и найти нельзя». Въ новомъ текстѣ сначала вмѣсто слова «лучшій» было написано: «лучше всего». [12] Въ **ИМ** прежде было написано: «*Анучкинъ*. Но неужели, сударыня, вы окажете невниманіе къ человѣку».

Стр. 379 [1] **ИМ**; «Зачѣмъ вы хотите оказать пренебреженіе къ человѣку, который служилъ въ пѣхотной службѣ, но умѣетъ цѣнить обхожденіе высшаго общества?» **ТР**. «Зачѣмъ вы хотите оказать пренебреженіе человѣку, который умѣетъ также цѣнить обхожденіе высшаго общества?» **П**. [2] **П**; «Агафья Тимофѣевна». Эти два слова приписаны карандашомъ. Слово «Тихоновна» въ устахъ Кочкарева авторъ, конечно, не безъ намѣренія замѣнилъ словомъ: «Тимоѳеевна». Въ **П** и **ТР**: «Агаѳья Тихоновна». [3] Въ **ИМ** прежде было написано: «Скажи же, скажи что-нибудь имъ». [4] **ИМ, ТР**; въ **П** пропущено слово: «тихо». [5] **ИМ**; «что это значитъ?» **П, ТР**. [6] **ИМ**; «туалета» **П, ТР**. [7] Въ **ИМ** прежде было написано: «пришпилить что». [8] Въ **ИМ** прежде было написано: «да ввечеру, да еще завтра, да послѣ-

завтра, да узнать еще нужно, да подумать». Потомъ эти строки зачеркнуты и сверху приписанъ новый текстъ: «сегодня нельзя еще, такъ только завтра приступъ, а послѣ еще обинякомъ, да еще нужно подумать, да поразсудить, да пообождать». Наконецъ, и эти строки замѣнены новыми, внесенными въ печатный текстъ комедіи. [9] Въ **ИМ** прежде было написано: «А вѣдь дѣло дрянь, совсѣмъ не головоломное, если разобрать».

Стр. 380 [1] **ИМ**; «хозяйка-то» **П**, **ТР**. [2] Въ **ИМ** это мѣсто имѣло прежде такой видъ: «*Анучкинъ*. Признаюсь, хозяйка какъ-то не на мой вкусъ, какъ-то не очень. *Кочкаревъ (равнодушно)*. Да, хм, хмъ, хм... такъ себѣ.» [3] Вмѣсто этого въ **ИМ** прежде было: «*Жевакинъ*. Этого не замѣтно. Мнѣ кажется... она эдакой розанчикъ». *Анучкинъ*. Совсѣмъ не хороша. И знаете ли, что̀ я вамъ скажу?» [4] Вмѣсто послѣдней фразы въ **ИМ** прежде было: «Совсѣмъ не хороша. И знаете-ли, что̀ я вамъ скажу?» [5] **ИМ**; «былъ чудакъ» **П**; «Мой отецъ и не думалъ меня выучить французскому языку» **ТР**. [6] **П**, **ТР**; «обсмотрю» **ИМ**. Въ **ИМ** прежде было написано: «да обсмотрю еще». [7] Въ **ИМ** прежде было написано: «если все еще, точно, крѣпко». [8] Въ **ИМ**, вмѣсто послѣдней фразы, было написано: «Чортъ знаетъ, что̀ за народъ! Спички какія-то». Потомъ зачеркнуто: «*Стариковъ*. Нѣтъ, сюды нечего и заглядывать: больно спѣсивы. (*Уходитъ*.)». [9] Въ **ИМ** прежде было написано: «А нѣтъ, это будетъ кругъ». Полагаю, что послѣднее слово слѣдуетъ читать *крюкъ*. Гоголь нерѣдко замѣнялъ на письмѣ букву *ю* буквою *у*. [10] **П**; попровожу» **ИМ**. [11] **ИМ**; «спѣсивятся» **П**, **ТР**. [12] Въ **ИМ** прежде было написано: «*Стариковъ*. Ну, нѣтъ; сюда нечего нашему брату заглядывать: больно спѣсивы. А вспомните послѣ, Агафья Тихоновна» и т. д.

Стр. 381 [1] **ИМ**, **П**; «Ну, что, вѣдь неправда, хозяйка мила?» **ТР**. Въ **ИМ** прежде было написано: «Ну, что? а вѣдь правда, хозяйка очень мила?» [2] Въ **ИМ** слово «согласился» авторъ приписалъ собственноручно карандашомъ вмѣсто зачеркнутаго текста: «Да вѣдь ты самъ только что сказалъ, не прошло пяти минутъ, что она хороша. Что тебѣ вздумалось?» [3] **ИМ**; въ **П** и **ТР** ошибочно: «а все же будетъ у ней не то». [4] «Ну, вотъ дуракъ: сейчасъ одинъ сказалъ» **П**; «Ну вотъ дуракъ одинъ сейчасъ сказалъ» **ТР**. Въ **ИМ** прежде было: «Ну, да. Дурачье натолковало». [5] Въ **ИМ** прежде было: «Да она». [6] Въ **ИМ** прежде было написано: «... она было понравилась, но». [7] Въ **ИМ** прежде было: «.... длинный носъ. Я вижу и самъ, какъ хорошенько разсмотрѣлъ, что носъ ужъ, точно, длиненъ». [8] Въ **ИМ** прежде было написано: «вѣдь я, ты видѣлъ, тоже нарочно не хвалилъ». [9] Въ **ИМ** прежде было написано: «А это, братъ, просто такая дѣвица». [10] **П**; «я не знаю, что̀ за носъ: бѣлизна — алебастръ» **ТР**. Послѣ этого въ **ИМ** зачеркнуто карандашомъ: «словомъ, придумать даже ничего нельзя». [11] Въ **ИМ**, вмѣсто «разсмотри», было: «разсуди». [12] **ИМ**, **ТР**; въ **П** слово «улыбаясь» пропущено. [13] Въ **ИМ** было написано: «Да теперь-то я самъ вижу». [14] Въ **ИМ** вмѣсто этой фразы прежде было: «Ну, видишь». [15] Въ **ИМ**, прежде было: «Послушай, времени намъ теперь терять никакъ не нужно. Теперь они всѣ ушли. Мы теперь прямо войдемъ къ ней». [16] Въ **ИМ** прежде было написано: «Да что жъ за нахальство? Если бы я былъ одинъ, а вѣдь ихъ нѣсколько. Ужъ пусть она сама выберетъ».

Стр. 382 [1] Въ **ИМ** прежде было: «Ну, да что тебѣ смотрѣть на нихъ? дураки

такіе. Ну, да хочешь, я ихъ всѣхъ спроважу?» [2] **ИМ**; въ **П** фраза: «я хочу жениться», очевидно, пропущена по недосмотру корректора: послѣ слова «отпираюсь» стоитъ не точка, а двоеточіе. [3] **ИМ**; «это» **П, ТР**.

Стр. 383 [1] Въ **ИМ** прежде было: «хотя и худощавъ». [2] Въ **ИМ** прежде было: «конечно, онъ толстъ». [3] **ИМ**; «Балтазаровича» **П, ТР**. [4] Въ **ИМ** прежде было написано: «хоть сколько-нибудь дородности». [5] Въ **ИМ** прежде было написано: «Ужъ лучше всего, я думаю». [6] Прежде въ **ИМ** было: «скатаю». [7] Въ **ИМ** прежде было: «Изъ мущинъ, право». [8] **П, ТР**; «ридикуль» **ИМ**. Такъ и ниже. Въ журналахъ и газетахъ тридцатыхъ годовъ преобладала форма: «ридикуль».

Стр. 384 [1] **ИМ**; «лучше» **П, ТР**. [2] Въ **ИМ** прежде было написано: «.... всѣ вынулись! Какъ же тутъ быть? Сердце у меня какъ не выбьется изъ груди! Нѣтъ, нужно сначала ихъ вынуть — непремѣнно одного!» [3] **ИМ**; «Какъ» **П, ТР**. [4] Въ **ИМ** прежде было: «Это ясно, отчего. Иванъ Кузьмичъ — усовершенствовавшій свою часть, а вѣдь то, чтó ни попало». [5] Вмѣсто этой фразы, въ **ИМ** прежде было: «Представьте! А вѣдь я никакъ этого не предполагала».

Стр. 385 [1] Въ **ИМ** прежде было написано: «А я, право, думала, что они люди такіе скромные». [2] Въ **ИМ** прежде было написано такъ: «(Пойти теперь за) Подколесинъ сидитъ въ кондитерской въ этой же улицѣ. Пойти поскорѣй за нимъ. Не то, какъ разъ улизнетъ: вѣдь онъ на эти дѣла гораздъ. *Агафья Тихоновна.* Только, позвольте, какъ же быть? Вѣдь этимъ-то другимъ всѣмъ развѣ нужно отказать?» [3] Въ **ИМ** прежде было написано: «Почему жъ стыдно? Скажите, что вы еще молоды, что еще не хотите итти замужъ». [4] Въ **ИМ** прежде было: «Да вѣдь они этому не повѣрятъ». [5] **П**; «за однимъ разомъ» **ИМ, ТР**. [6] Въ **ИМ** прежде было написано: «Ну, такъ знаете чтó? Если вы ходите кончить за однимъ разомъ все, такъ чтобы они болѣе вамъ и не надоѣдали, скажите просто». [7] Въ **ИМ** прежде было: «Ну, да вотъ попробуйте только: я васъ увѣряю, что послѣ этихъ словъ они ни за что не придутъ въ другой разъ». [8] **ИМ, ТР**; «Да вѣдь это выйдетъ както бранно» **П**. [9] Въ **ИМ** прежде было написано: «Да что жъ? Вѣдь вы ихъ послѣ этого ужъ больше не увидите». [10] **П, ТР**; «что бъ нибудь» **ИМ**. [11] **ИМ**; «самое большое» **П, ТР**. Въ **ИМ** прежде было написано: «Если бы изъ этого могло выйти что-нибудь, а то вѣдь ничего совершенно. Ужъ это самое большее».

Стр. 386 [1] Въ **ИМ** это мѣсто имѣетъ такой видъ: «Да что же за бѣда? Мнѣ плевали нѣсколько разъ, ей Богу! Еще не такъ давно, мой начальникъ.... (плюнулъ мнѣ въ глаза). Я до тѣхъ поръ надоѣдалъ ему о прибавкѣ жалованья, пока, наконецъ, не вынесъ — плюнулъ (мнѣ) въ самое лицо. «Вотъ тебѣ, говоритъ, «твоя прибавка, отвяжись, сатана!» Въ письмѣ изъ Рима, отъ 14 ноября 1842 г., Гоголь прислалъ Прокоповичу новый текстъ этого мѣста, который и былъ внесенъ въ печатное изданіе «Женитьбы». Въ театральной рукописи, **ТР**, удержанъ текстъ **ИМ**: «Мнѣ плевали нѣсколько разъ, ей Богу! Еще не такъ давно: мой начальникъ. Я до тѣхъ поръ надоѣдалъ ему о прибавкѣ жалованья, пока наконецъ не вынесъ, плюнулъ въ самые глаза: «Вотъ тебѣ», говоритъ, «твоя прибавка, отвяжись сатана!» Въ **ТР** пропущена слѣдующая за этимъ фраза: «А жалованья однакоже

все-таки прибавилъ». [2] **ИМ**; «Такъ чтожъ изъ этого?» **П**; «Такъ что изъ этого?» **ТР**. [3] Въ рукописи **ИМ** это явленіе названо «третьимъ». [4] **ИМ**; «начальствами» **П**, **ТР**. [5] **ИМ**; въ **П** и **ТР** слово «О» пропущено. [6] Въ **ИМ** прежде было написано: «Помилуйте, не расположена».

Стр. 388 [1] **ИМ**, **ТР**; «Я только въ минуту оправлюсь» **П**. [2] **ИМ**, **ТР**; «растегнулось стремешко» **П**. [3] **ИМ**, **ТР**; «стремешко» **П**. [4] Въ **ИМ** прежде было написано: «Она вѣдь совсѣмъ дура». [5] Въ **ИМ** прежде было написано: «Это, знаете, ихъ дѣло». [6] Въ **ИМ** прежде было: «эта дурь». [7] **ИМ**, **ТР**; «Да вѣдь только слово» **П**. [8] **П**; «домы» **ИМ**, **ТР**.

Стр. 389 [1] Въ **ИМ** прежде было написано: «Вотъ въ томъ-то и дѣло, что не только заложенъ». [2] **ИМ**; «но» **П**, **ТР**. [3] Въ **ИМ** прежде было: «Да въ сенатѣ еще служитъ братъ». [4] **П**, **ТР**; «снялъ» **ИМ**. [5] Слова «ее» нѣтъ въ **ИМ**, **ТР**. [6] **П**, **ТР**; въ **ИМ** нѣтъ слова: «какъ». [7] **ИМ**; «А французъ-то учитель» **П**, **ТР**. [8] **ИМ**; «какъ только я увидѣлъ» **П**, **ТР**. [9] Въ **ИМ** вмѣсто «вѣдьма» прежде было: «колдунья ты проклятая!» [10] Въ **ИМ** прежде было написано: «вотъ садись, да и катайся! рѣдкая страница въ романѣ выберется такая».

Стр. 390 [1] **ИМ**, **ТР**: въ **П** пропущено слово «и». [2] **ИМ**; «хлопотали» **П**, **ТР**. [3] **ИМ**, **ТР**; «извѣстно» **П**. [4] Въ **ТР** исключена фраза: «всѣ святые говорили по-русски». [5] **ИМ**, **ТР**; «ровнаго» **П**.

Стр. 391 [1] **ИМ**; «Ѳекла Ивановна» **П**. [2] **ИМ**, **ТР**; «надорву» **П**. [3] **ИМ**; «Балдырева» **ТР**; «Болдырева» **П**. [4] **П**; «бывало и себѣ» **ИМ**, **ТР**. Въ **ТР** карандашомъ поправлено по **П**: «бывало и самому». [5] Въ **ИМ** прежде было: «и самъ эдакъ, смотришь». [6] Въ **ИМ** прежде было написано: «Нѣтъ, ну, что она....» [7] Въ **ИМ** прежде было: «*Кочкаревъ.* Еще спрашиваетъ! На комъ угодно могу женить».

Стр. 392 [1] **П**, **ТР**; «немножко» **ИМ**. [2] **П**, **ТР**; «аматіоръ» **ИМ**. [3] Въ **ИМ** прежде было написано: «Я большой аматіоръ на щотъ того, чтобы женщина была полная». [4] **ИМ**, **ТР**; «куда» **П**. [5] **П**, **ТР**; «съ васъ» **ИМ**. [6] Въ **ИМ** прежде было: «потому что знаю, что вы». [7] Въ **ИМ** вмѣсто «другому» прежде было написано: «иному». [8] Въ **ИМ** прежде было: «но только». [9] **ИМ**, **ТР**; «надо» **П**.

Стр. 393 [1] **ИМ**, **ТР**; «не надо» **П**. [2] Послѣ этого слова въ **ИМ** зачеркнуто: «можетъ быть». [3] **ИМ**, **ТР**; «въ этотъ вечеръ» **П**. [4] **ИМ**; «А вотъ что» **П**, **ТР**. [5] **ИМ**. **ТР**; «Да не нужны ли» **П**. [6] **ИМ**, **ТР**; «Ничего не надо» **П**. [7] **ИМ**; «Выпроваживаетъ» **П**, **ТР**. [8] Въ **ИМ** прежде было написано: «Что жъ это Подколесинъ, чортъ побери? Гдѣ жъ Подколесинъ? Неужели вновь улизнулъ? *(Смотритъ въ окно)* А, вонъ онъ ужъ гдѣ улепетываетъ — въ концѣ улицы! *(Кричитъ и махаетъ)* Подколесинъ! Подколесинъ! Прикинулся, будто не слышитъ, мерзавецъ! Придется бѣжать самому. *(Входитъ весьма робко Агаѳія Тихоновна)*». [9] Въ **ИМ** прежде было написано: «Я ставлю пятьсотъ рублей». [10] Въ **ИМ** прежде было написало: «Фу ты, къ чорту!»

Стр. 394 [1] Въ **ИМ** прежде было написано: «Подлецъ Подколесинъ! Ужъ я жъ вымещу на немъ!» [2] Въ **ИМ** прежде было написано: «Извините, я сегодня совсѣмъ не расположена». [3] **ИМ**; въ **П**: «Не можетъ быть, вамъ что-нибудь во мнѣ не нравится». Такъ было и въ **ТР**; потомъ «Не» переправлено въ «Но». [4] **ИМ**; «что-бъ» **П**, **ТР**. [5] **П**, **ТР**; «До васъ лучше» **ИМ**.

Стр. 395 [1] **ИМ**; «къ чему?» **П, ТР**. [2] Вмѣсто «Или» въ **ИМ** прежде было написано: «Находите развѣ». [3] Передъ словомъ «какъ» въ **ИМ** зачеркнуто: «потомъ». [4] **ИМ**; «вотъ эта будетъ ужъ» **П, ТР**. [5] Въ **ИМ** прежде было: «все-таки». [6] **ИМ**; въ **П** и **ТР** пропущены слова: «натура не обидѣла». [7] **ИМ, ТР**; «Развѣ не пойти ли домой да не порыться ли въ сундучкѣ?» **П**. [8] Въ **ИМ** прежде было написано: «даже уму непонятно». [9] Въ **ИМ** прежде было: «Сначала, кажись, такъ было хорошо». [10] Въ **ИМ** прежде было: «Видно, приходится поворотить домой». [11] Въ **ИМ** прежде было: «онъ вышелъ». [12] Въ **ИМ** прежде было: «какъ и другимъ». [13] Въ **ИМ** прежде было написано: «Я однакоже все какъ-то не вѣрю». [14] Въ **ИМ** прежде было написано: «однихъ именъ какихъ надавала — право такихъ: «такой и эдакой...» ну, просто такъ, что въ чужѣ становится сладко на сердцѣ».

Стр. 396 [1] **ИМ**; «такихъ словъ наскажетъ» **П, ТР**. Въ **ИМ** прежде было написано: «... женщина, если захочетъ которая-нибудь изъ нихъ изъявить страсть, вѣдь какихъ словъ не наскажетъ!» [2] Въ **ИМ** прежде было написано: «вѣкъ думалъ и все бы не выдумалъ». [3] **ИМ**; «честный» **П, ТР**. [4] **ИМ**; «взгляну» **П**. [5] **ИМ, ТР**; «надо» **П**.

Стр. 397 [1] **ИМ**; «вы были въ прошлое воскресенье?» **П, ТР**. [2] **ИМ**; въ **П** эта фраза опущена. Но въ **ТР** она есть. Изъ этого слѣдуетъ, что **ТР** списана не съ печатнаго, а съ оригинала этого изданія до представленія его въ цензуру. Впослѣдствіи въ **ТР** означенная фраза была зачеркнута карандашомъ (на основаніи печатнаго текста?). [3] **П, ТР**; «по стулу» **ИМ**. [4],[5] **ИМ, ТР**; «дня» **П**. [6] **ИМ, ТР**; «штукатурщикъ штукатуритъ» **П**.

Стр. 398 [1] **ИМ, П**; «барабанить пальцами по столу» **ТР**. [2] Въ **ИМ** прежде было: «Какъ-съ это можно!» [3] **ИМ, ТР**; «А мнѣ право такъ кажется» **П**.

Стр. 399 [1] **ИМ, ТР**: «надо» **П**. [2] **ИМ, ТР**; «надо» **П**. [3] **ИМ**; въ **П** нѣтъ слова: «тебѣ»; въ **ТР**: «я говорю это тебѣ».

Стр. 400 [1] Послѣ этого слова въ **ИМ** зачеркнуто: «и занимаешь хорошее мѣсто». [2] Въ **ИМ** прежде было написано: «а просто говорю изъ любви, изъ одной безкорыстной любви къ тебѣ». [3] Послѣ этого въ **ИМ** зачеркнуто: «Глупый человѣкъ! Еще никогда не было между». [4] **ИМ**; въ **П** и **ТР** нѣтъ слова: «тамъ».

Стр. 401 [1] **ИМ, ТР**; «не знаю» **П**. [2] Въ **ИМ** прежде было написано: «Нелегкая возьми его!» [3] Послѣ этого въ **ИМ** зачеркнуто: «помолчавъ и пожавъ плечами». [4] Слова: «Поди ты, спроси иной разъ человѣка, изъ чего онъ что-нибудь дѣлаетъ!» приписаны сверху карандашомъ; въ **ТР** они есть. [5] **П**; «давича» **ИМ, ТР**. [6] **П**; «ридикуль» **ИМ, ТР**. [7] Въ **ИМ** прежде было написано: «И такъ вотъ мнѣ перемѣна состоянія». Поправка, внесенная въ **ТР** и **П**, сдѣлана сверху карандашомъ.

Стр. 402 [1] «мѣшкаетъ?» [2] **ИМ**; «вталкивается» **ТР, П**. [3] **ИМ**; слова «также» нѣтъ въ **ТР** и **П**. [4] **ТР, П**; «не слышали» **ИМ**. [5] **ИМ, ТР**; «за спиной» **П**. [6] **ТР, П**; въ **ИМ**: «это просто старый бабій башмакъ какой-то, *насмѣшка надъ человѣкомъ*». Слова, напечатанныя здѣсь курсивомъ, приписаны въ **ИМ** карандашомъ между строкъ. [7] **ТР, П**; «просто, сатира на человѣка» **ИМ**.

Стр. 403 [1] Послѣ словъ: «*Цѣлуетъ ее*», въ **ИМ** написано: «*Кочкаревъ*», и оставлено пустое мѣсто для его словъ, но они не были вписаны. За пустымъ мѣстомъ: «*Подколесинъ (беретъ ее за руку)*». Почти въ этомъ видѣ спи-

сано было это мѣсто въ театральной рукописи, **ТР**, гдѣ читается: «*Подколесинъ.* Нѣтъ, сударыня, позвольте, теперь ужъ позвольте. *(Цѣлуетъ ее). Подколесинъ (беретъ ее за руку)*». Прокоповичъ сгладилъ слѣды неоконченности въ отдѣлкѣ текста и напечаталъ: «*Подколесинъ.* Нѣтъ, сударыня, позвольте, теперь ужъ позвольте *(Цѣлуетъ ее и беретъ за руку)*».

Стр. 404 [1] **ИМ**, **ТР**: «чувствуешь, эдакъ какъ-то испаряешься» **П**. *Впослѣдствіи* въ **ТР**, на основаніи уже печатнаго текста **П**, карандашомъ переправлено *ть* въ *шь*: «чувствуетъ, испаряется». [2] **ИМ**, **ТР**, **П**; въ **ИМ** прежде было написано: «чрезъ». [3] Въ **ИМ** начало XXI явленія и конецъ предшествующаго сначала были написаны въ такомъ видѣ: «чрезъ минуту ворочусь. Да пожалуста, братъ, никуды не уходи. Ты такой странный: за пустякомъ иногда выбѣжишь. Постой, дай мнѣ шляпу; это будетъ лучше *(уходитъ и уноситъ шляпу). Подколесинъ.* Ну, вздоръ, братъ! Объ этомъ не безпокойся, теперь я самъ никуды ни ногой». Слѣды этой первоначальной версіи текста остались въ слѣдующемъ монологѣ Подколесина, который, раздумывая о томъ, можно ли уйти, уже *знаетъ,* что Кочкаревъ унесъ его шляпу и говоритъ: «Ну, нѣтъ; какъ же? со мной даже нѣтъ картуза. Какъ же безъ шляпы? неловко!» Новая передѣлка приведеннаго по рукописи **ИМ** текста не была согласована авторомъ съ этимъ мѣстомъ въ монологѣ Подколесина. [4] **ТР**, **П**; «что я дѣлалъ?» **ИМ**.

Стр. 405 [1] **ТР**, **П**; «находятся» **ИМ**. Гоголь обыкновенно устанавливалъ согласованіе словъ по смыслу, а не на основаніи этимологической формы слова и ставилъ сказуемое во множ. числѣ, если подлежащимъ было имя существительное собирательное. [2] **ИМ**; «которое» **ТР**, **П**. [3] Вмѣсто слова «высоко» въ **ИМ** прежде было написано: «не хорошо». [4] **ТР**, **П**; «даже нѣтъ» **ИМ**. [5] Въ **ТР** слово «картуза» зачеркнуто и карандашомъ приписано: «шляпы». Поправка принадлежитъ, вѣроятно, режиссеру театра.

Стр. 406 [1] Въ **ИМ** прежде было написано: «я сидѣла нарочно въ прихожей, чтобы, если придетъ кто, принять». [2] **ТР**, **П**; «А» **ИМ**. [3] **ТР**, **П**; «лѣсенкѣ» **ИМ**. [4] **ИМ**; «Пантелеймовны» **ТР**; «Пантелеймоновны» **П**. [5] **П**; «Пантелеймовна» **ТР**; «Пантелевна» **ИМ**. [6] Въ **ИМ** прежде было написано: «ушелъ, что ли?» [7] Въ **ИМ** было написано: «Да вѣдь вотъ выходитъ, что и не ушелъ даже». [8] **ИМ**; въ **ТР**, **П** нѣтъ слова «и». [9] Въ **ИМ** прежде было написано: «Что жъ, неужли я какъ-нибудь проглядѣла? Распросить еще дѣвчонку: она была на улицѣ. Аннушка!»

Стр. 407 [1] **ИМ**, **ТР**; «штуки» **П**. [2] Въ **ИМ** прежде было: «потому что въ той комнатѣ даже шляпа его лежитъ». [3] **ТР**, **П**; «Аннушка! Аннушка!» **ИМ**. [4] **ТР**, **П**; «Аннушка» **ИМ**. [5] **ИМ**; «Да они-съ выпрыгнули-съ въ окошко» **П**. Въ **ТР** сначала было такъ же, какъ въ **ИМ**; потомъ, на основаніи печатнаго текста, сверху приписано «съ» послѣ слова: «выпрыгнули». [6] **ТР**, **П**; «вправду» **ИМ**. [7] Въ **ИМ** прежде было написано: «въ издѣвку-то развѣ, что ли, ввели насъ, въ такое поношенье привели, въ позоръ...» [8] **ИМ**, **ТР**; «сраму» **П**. [9] **ТР**; «да за то, батюшка, я вамъ плюну въ лицо» **П**; въ **ИМ** нѣтъ слова «я». [10] Въ **ИМ** прежде было написано: «в длецъ, коли есть совѣсть». [11] Въ **ТР** нѣтъ этого мѣста: «Видно, только на пакости да на мошенничества у васъ хватаетъ дворянства»; оно исключено, вѣроятно, театральною цензурой. [12] Въ **ИМ** прежде было: «знаетъ, какъ повести».

Стр. 408 [1] **ТР, П**; «сватоного» **ИМ**. [2] Въ **ИМ** прежде было написано: «Еще (бы), если бы какъ-нибудь въ двери выбѣжалъ».

Игроки (стр. 411—44).

Піеса „Игроки" напечатана въ первый разъ въ четвертомъ томѣ перваго изданія „Сочиненій Н. Гоголя" (1842 г.). Она помѣщена здѣсь въ отдѣлѣ, озаглавленномъ: „Драматическіе отрывки и отдѣльныя сцены *(1832 по 1837 годъ)*". Въ перепискѣ Гоголя съ разными лицами за время 1832—1836 гг. сохранилось нѣсколько указаній на то, что въ 1833 году онъ началъ писать комедію: „Владиміръ 3-ей степени"[1], занятъ былъ потомъ сочиненіемъ и продолжительною переработкою „Женитьбы"[2], но не сохранилось никакихъ свидѣтельствъ о времени, когда были задуманы „Игроки", когда были сдѣланы первые наброски этого произведенія. Общая дата (1832—1837 г.) въ вышеприведенномъ заглавіи отдѣла, въ составъ котораго вошли „Игроки", даетъ основаніе отнести первую, черновую редакцію этой піесы къ петербургскому періоду жизни Гоголя, окончившемуся 6 іюня 1836 года: въ числѣ рукописей Гоголя, поступившихъ изъ бумагъ А. А. Иванова въ Императорскую Библіотеку, сохранилось нѣсколько сценъ піесы „Игроки", набросанныхъ *несомнѣнно въ Петербургѣ*. Эти наброски занимаютъ восемь четвертокъ (лл. 26—33) обыкновенной писчей бумаги *русскихъ фабрикъ:* первыя шесть четвертокъ одинаковой бумаги, безъ фабричныхъ штемпелей и клеймъ; послѣднія двѣ четвертки — другаго сорта бумаги. Повидимому, вся піеса *въ черновомъ видѣ* окончена была въ Петербургѣ; но петербургскіе наброски сведены были въ одно цѣлое и получили послѣднюю отдѣлку только въ концѣ августа 1842 года. Гоголь собственноручно переписалъ эту послѣднюю редакцію „Игроковъ" въ тетрадку изъ шести листковъ голубоватой тонкой почтовой бумаги малаго (in 8°) формата. Эта тетрадка принадлежитъ теперь Нѣжинскому Историко-филологическому Институту: первый полулистъ, занятый письмомъ Гоголя къ Н. Я. Прокоповичу, отдѣленъ отъ тетрадки, остальные листки соединены въ одинъ переплетъ съ рукописью, писанною на такой же почтовой бумагѣ и заключающею въ себѣ: „Театральный разъѣздъ послѣ представленія новой комедіи". Въ тетрадкѣ Нѣжинскаго Института первый, отрѣзанный отъ нея полулистъ,

[1] Ср. примѣчанія къ сценамъ: „Утро дѣловаго человѣка". [2] Ср. выше (стр. 695—696) примѣчанія къ этой комедіи.

занятъ былъ письмомъ Гоголя къ Прокоповичу отъ 29 августа 1842 года[1]; текстъ „Игроковъ“ (включительно до словъ „тащить его“)[2] написанъ мелкимъ убористымъ письмомъ автора на 20 начальныхъ страницахъ (т. е. 10 полулистахъ) тетрадки; остальная часть текста[3] помѣщена на 21-й, т. е. лицевой страницѣ задняго полулиста: строки написаны здѣсь не поперекъ, а вдоль страницы, и идутъ по направленію отъ нижняго края полулиста къ верхнему. Внизу послѣднихъ строкъ піесы подъ крючковатымъ росчеркомъ приписка: „N. B. Само собой разумѣется, что переписать все это нужно писцу по примѣру прочихъ, разгонисто и чотко, чтобы цензоръ могъ прочесть удобно“[4]. На пустой оборотной страницѣ тетрадки, которая была сложена въ видѣ письма и отправлена въ Петербургъ безъ особаго конверта, почтовый штемпель: „Получено 1842 сен. 13 полдень“. Впрочемъ и эта переписанная набѣло редакція „Игроковъ“ впослѣдствіи была дополнена небольшою вставкою. 14 ноября стар. стиля Гоголь писалъ Прокоповичу: „Также въ „Игрокахъ“ пропущено одно выраженіе довольно значительное. Именно, когда Утѣшительный мечетъ банкъ и говоритъ: „На, нѣмецъ, возьми, съѣшь свою семерку!“ Послѣ этихъ словъ слѣдуетъ прибавить: „Руте! рѣшительно руте! Просто картафоска!“ Эту фразу включи непремѣнно. Она настоящая армейская и въ своемъ родѣ не безъ достоинства“[5].

Въ письмѣ, отъ $\frac{\text{29 августа}}{\text{10 сентября}}$, которымъ сопровождалась піеса, Гоголь писалъ Прокоповичу изъ Гастейна: „Я немного замедлилъ отсылкою остальныхъ статей[6]. Но нельзя было никакъ: *столько нужно было сдѣлать разныхъ поправокъ*. Посылаемую нынѣ „Игроки“ насилу собралъ: черновые листы такъ были *уже давно* и неразборчиво написаны, что дали мнѣ работу страшную *разбирать*“[7]. Основываясь на этомъ выраженіи письма, можно думать, что петербургская редакція „Игроковъ“ при послѣдней перечисткѣ и перепискѣ набѣло не была предметомъ продолжительной переработки и не подверглась особенно значительнымъ измѣненіямъ. Уцѣлѣв-

---

[1] Русское Слово 1859 г., январь, стран. 120—121. [2] См. выше, стран. 447. [3] Она начинается словами: „*Глов.* Да вѣдь законъ ты могъ бы призвать....“ См. выше, стран. 447. [4] Русское Слово 1859 г., январь, стран. 121. [5] Тамъ же, стран. 124—125. [6] Гоголь разумѣетъ здѣсь піесы, которыя должны были войти въ четвертый томъ его сочиненій, который тогда печатался Прокоповичемъ. [7] Русское Слово 1859 г., январь, стран. 120.

шіе въ бумагахъ А. А. Иванова отрывки этой первоначальной редакціи подтверждаютъ свидѣтельство автора, высказанное въ письмѣ къ Прокоповичу.

Приводимъ петербургскіе отрывки вполнѣ. Они писаны въ разное время и на разной бумагѣ. Первый отрывокъ носитъ на себѣ слѣды *позднѣйшихъ* поправокъ: они приписаны сверху строкъ. Второй отрывокъ представляетъ большею частію поправки, сдѣланныя одновременно съ написаніемъ текста, на ходу письма.

Первый отрывокъ занимаетъ *шесть* четвертокъ. Вотъ его текстъ:

Комната въ городскомъ трактирѣ.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Ихаревъ *входитъ въ сопровожденіи трактирнаго слуги и своего собственнаго.*

Трактирный слуга. Пожалуте-съ, пожалуте. Вотъ-съ покойчикъ! ужъ самый-съ покойный и шуму вовсе нѣтъ.

Ихаревъ. Да, чай, коннаго войска много, скакуновъ?

Трактирный слуга. То есть-съ, изволите говорить насчетъ блохъ? Ужъ будьте покойны. Если блоха или клопъ укуситъ, ужъ это наша отвѣтственность: ужъ съ тѣмъ стоимъ.

Ихаревъ *[своему слугѣ]*. Ступай, Прохоръ, внеси чемоданъ. *[Трактирному значительно]*. Ну, послушай: кто живетъ?

Трактирный слуга. Да живутъ теперь много. Всѣ нумера почти заняты,

Ихаревъ. Ну, кто жъ?

Трактирный слуга. Швохневъ Петръ Петровичъ, Кругель полковникъ, Степанъ Ивановичъ Утѣшительный.

Ихаревъ. Играютъ?

Трактирный слуга. Да вотъ ужъ шесть ночей сряду играютъ

Ихаревъ. Пара цѣлковиковъ. *[Даетъ ему]*.

Трактирный слуга *(кланяясь)*. Покорнѣйше-съ благодарю.

Ихаревъ. Послѣ еще будетъ.

Трактирный слуга. Покорнѣйше-съ благодарю.

Ихаревъ. Между собой играютъ?

Трактирный слуга. Нѣтъ, недавно обыграли поручика Артуновскаго; у князя Шенькина выиграли тридцать шесть тысячъ.

Ихаревъ. Вотъ тебѣ еще красная бумажка! А если послужишь честно, еще получишь. Признайся, карты ты покупалъ?

Трактирный слуга. Нѣтъ-съ, они сами брали вмѣстѣ.

Ихаревъ. Да у кого?

Трактирный слуга. Да у здѣшняго купца Вахрамейкина.

Ихаревъ. Врешь, врешь, плутъ!

Трактирный слуга. Ей Богу!

Ихаревъ. Хорошо (приготовь воды умыться, да приходи ужо =) мы съ тобой ужо поговоримъ. *(Прохоръ вноситъ шкатулку).* Ставь ее здѣсь. Теперь ступайте оба, приготовить мнѣ умыться и побриться *(Слуги уходятъ).*

—

Ихаревъ *одинъ. Отпираетъ шкатулку, всю наполненную карточными колодами.*

Вотъ именно каждая дюжина золотая! Добыта трудомъ, потомъ. (Глаза чуть не ослѣпли во время подбиранья, да вѣдь за то). Вѣдь прошилъ (?) всякая. Легко сказать, до сихъ поръ глаза все рябитъ проклятый крапъ. Но вѣдь за то, вѣдь это тотъ же капиталъ. Дѣтямъ можно оставить въ наслѣдство! Вотъ она заповѣдная колодишка *(вынимаетъ одну изъ нихъ)* — перлъ, мать родная! За то жъ ей имя — Аделаида Ивановна. Душенька, послужи мнѣ такъ, какъ твоя сестрица: выиграй ни больше, ни меньше, какъ 20 тысячъ[1], такъ я ей, пріѣхавши въ деревню, памятникъ, памятникъ изъ мрамора въ Москвѣ закажу[2]. *[Услыша шумъ, поспѣшно закрываетъ шкатулку].*

Я[3].

Трактирный слуга *и* **Прохоръ** *съ лаханкой, рукомойникомъ и полотенцемъ.*

Ихаревъ. Ну, что эти господа дома?

Трактирный слуга. Да-съ, они-съ теперь въ общей залѣ.

(**Ихаревъ.** Внизу?

Трактирный слуга. Нѣтъ, вотъ сейчасъ направо нужно будетъ взять).

Ихаревъ. Пойду взглянуть на нихъ, что̀ за ...... *[Уходитъ].*

---

[1] Прежде было написано: «Каковъ видъ! Каждая золотая! Право, глаза чуть не ослѣпли во время подбиранья! Да вѣдь за то, вѣдь это тотъ же капиталъ. Дѣтямъ можно оставить въ наслѣдство! Вотъ она заповѣдная колодишка *[вынимаетъ одну изъ нихъ]*. Это ужъ точно мать родная. За то жъ ей и почесть. Имя ей Аделаида Ивановна! Да! Вотъ какъ выслужитъ она свое, такъ я ей, пріѣхавши въ деревню, памятникъ. Да, памятникъ изъ мрамора въ Москвѣ закажу». [2] Сверху строкъ приписано: «Именно. Доставь мнѣ еще восемьдесятъ въ прибавку къ моимъ, я и доволенъ. Да вотъ тебѣ слово: поставлю тебѣ, пріѣхавши въ [деревню], мраморный памятникъ». [3] Эта буква означаетъ: «Явленіе».

Трактирный слуга и Прохоръ *[одни]*.

Трактирный слуга. Чтò, издалека ѣдете?

Прохоръ. А изъ Рязани.

Трактирный слуга. А сами тамошней губерніи?

Прохоръ. Нѣтъ, сами изъ Смоленской.

Трактирный слуга. Такъ-съ. Такъ помѣстье-то, выходитъ, въ Смоленской губерніи?

Прохоръ. Нѣтъ, не въ одной Смоленской. Тамъ 80 душъ да въ Калужской.

Трактирный слуга. Понимаю, въ двухъ, то есть, губерніяхъ.

Прохоръ. Да, въ двухъ губерніяхъ. У насъ одной дворни человѣкъ 50: Игнатій буфетчикъ, Герасимъ лакей, Павлушка, который съ бариномъ ѣздитъ, Иванъ тоже опять лакей, потомъ поваръ Григорій, поваръ Семенъ, жена повара, поварченокъ, Варухъ садовникъ, Дементій кучеръ — вотъ какъ у насъ!

Кругель, Швохневъ, *осторожно входя.*

Кругель. Только, право, я боюсь, чтобы онъ не засталъ насъ![1]

Швохневъ. Ничего, Андрей Ивановичъ его продержитъ. *[Обратясь къ трактирному слугѣ]*. Ступай внизъ — тебя зовутъ[2]. *[Подходя поспѣшно къ Прохору]* Откуда баринъ?

Прохоръ. Да теперь изъ Рязани.

Швохневъ. Помѣщикъ?

Прохоръ. Помѣщикъ.

Швохневъ. Играетъ?

Прохоръ. Играетъ.

Швохневъ. Вотъ тебѣ красуля *[даетъ ему бумажку]*: разсказывай все!

Прохоръ. Да вы не скажете барину?

Оба. Ни, ни, не бойся.

Швохневъ. Ну, что онъ теперь въ выиграшѣ? — а?

Прохоръ. Да вы подполковника Чеботарева не знаете?

Швохневъ. Нѣтъ, а что?

Прохоръ. Недѣли три тому назадъ мы его обыграли на восемьдесятъ тысячъ.

[1] Прежде было написано: «Право, чтобы какъ-нибудь онъ не засталъ насъ».
[2] Прежде было написано: «Ничего, Утѣшительный его продержитъ. *[Подходя къ трактирному слугѣ]* Тебя тамъ зовутъ».

Швохневъ *[взглянувши на Кругеля, значительно]* (А) Что ты скажешь? Должно быть, шулеръ?

Кругель *[покачнувши головою]*. Узнаемъ. Послушай: когда баринъ остается одинъ, что̀ дѣлаетъ?

Прохоръ. Да какъ — что̀ дѣлаетъ? Извѣстно, что̀ дѣлаетъ. Онъ ужъ баринъ, такъ держитъ себя хорошо — ничего не дѣлаетъ.

Швохневъ. Врешь, чай картъ изъ рукъ не выпускаетъ?

Прохоръ. Не могу знать: я съ бариномъ (только) всего (мѣсяцъ =) двѣ недѣли; съ нимъ прежде все Павлушка ѣздилъ. У насъ есть и Герасимъ — тоже слуга, опять Иванъ псарь, также Кирюкъ лакей, (Игнатій буфетчикъ) Дементій кучеръ; намедни еще одного взяли изъ деревни.

Кругель. *(Швохневу)*. Что, Петръ Петровичъ? А можетъ быть и того? А?[1]

Прохоръ *[одинъ]*.

Проворные господа! А за бумажку спасибо. Будетъ Матренѣ на чепецъ да и пострельчонкамъ тоже по прянику. Эхъ, люблю походную жисть! Ужъ всегда что-нибудь пріобрѣтешь: баринъ пошлетъ купить что̀ — все ужъ съ рубля гривенникъ положишь себѣ въ карманъ. Какъ подумаешь, (завидное =) право, какое житье господамъ! Куды хочешь[2], катай! Въ Смоленскѣ наскучило — поѣхалъ въ Рязань; не захотѣлъ въ Рязань — въ Казань, въ Казань не захотѣлъ — валяй подъ самый Ярославъ! Вотъ только до сихъ поръ не знаю, который изъ городовъ будетъ партикулярнѣй, Казань или Рязань?

Ихаревъ[3]. Давай скорѣе умываться и бриться. (За это дѣло нужно сурьезно взяться). *[Беретъ щетку, мыло, садится передъ*

[1] Послѣ этого зачеркнуто: «*Кругель [Швохневу]*. Ну, Андрей Ивановичъ, пріѣзжій-то кажется, того . Вмѣсто этого написано: «Почему жъ (знать?) намъ не попробовать?» *Швохневъ* «Думаешь, шулеръ? — Нѣтъ. А впрочемъ все-таки попробуемъ *[Оба поспѣшно убѣгаютъ]*». [2] Прежде было написано: «захочешь». [3] Въ этомъ мѣстѣ сверху строкъ впослѣдствіи приписано: «Что жъ? Пусть у нихъ, у всѣхъ, положимъ, 50 тысячъ — все не дурно, очень не дурно. Чортъ возьми! Какъ бы мнѣ хотѣлось ихъ обчистить! Хорошо, если бъ ихъ обчистить! Положимъ, хоть у нихъ и пятьдесятъ тысячъ, у всѣхъ. Все не дурно прибавить къ 80 тысячамъ — очень не дурно.... Не знаю, какъ тѣ, которые ушли; а послѣдній, который оставался со мною, кажется на видъ плохенькой». Съ лѣваго

зеркаломъ и начинаетъ бриться]. Просто, рука дрожитъ, никакъ не могу бриться. *[Входитъ трактирный слуга].*

Трактирный слуга. Не прикажете ли чего покушать?

Ихаревъ. Какъ же, какъ же! Принеси покамѣстъ закуску — всего, что у васъ есть: икры, семги, на четыре человѣка. Понимаешь? Бутылку вина. Да накорми вотъ его *[указывая на Прохора].*

Трактирный слуга *Прохору.* Пожалуйте въ кухню, тамъ для васъ приготовлено. *[Прохоръ уходитъ].*

Ихаревъ *(продолжая бриться).* Ну, слушай: что, много они тебѣ дали?

Трактирный слуга. Кто-съ?

Ихаревъ. Ну, да ужъ не изворачивайся, говори!

Трактирный слуга. Да-съ, за прислугу пожаловали.

Ихаревъ. Сколько? пятьдесятъ рублей?

Трактирный слуга. Да-съ, пятьдесятъ рублей дали.

Ихаревъ. А отъ меня не пятьдесятъ, а вонъ, видишь, на столѣ лежитъ сторублевая бумажка, возьми ее. Что боишься? — не укуситъ. Отъ тебя потребуется больше ничего, какъ только честности, понимаешь? Возьми тамъ себѣ карты у купца, какого знаешь, а вотъ тебѣ въ придачу отъ меня дюжина. *[Даетъ ему запечатанную дюжину картъ].* Понимаешь?

Трактирный слуга. Да ужъ какъ не понять? Извольте положиться, это ужъ наше дѣло.

Ихаревъ. Да карты спрячь хорошенько, чтобъ какъ-нибудь тебя не ощупали или не увидѣли. Съ ними нужно ухо востро! Ну, да ужъ я ихъ поддѣну! *[Кладетъ щетку, мыло и вытирается полотенцемъ. Трактирный слуга уходитъ].*

Входятъ **Швохневъ, Кругель, Утѣшительный.**

Ихаревъ *[съ поклономъ].* Прошу простить: комната, какъ видите, не красна углами — четыре стула всего.

Кругель. Только и нужно.

Швохневъ. Комната ничего, люди составляютъ красоту.

Утѣшительный. Именно, люди. (Помнишь, Признаюсь) я бы не

боку страницы приписано: «Богъ ихъ знаетъ. На видъ, кажется, такъ себѣ. Однакожъ нельзя сказать, чтобы были совсѣмъ просты. Ну, что я буду дѣлать съ 80 тысячъ, которыя у меня теперь? Вѣдь 80 тысячъ....... не купишь». Внизу страницы раньше приписано: «Ну, что съ того, что у меня 80 тысячъ?»

могъ быть безъ общества. Помнишь, почтеннѣйшій, какъ я пріѣхалъ сюда? Вообразите: пріѣзжаю на ярманку, одинъ (совершенно) одинешенекъ. Ну, никого, рѣшительно, знакомаго. Хозяйка старуха. На лѣстницѣ (дѣвчонка) какая-то поломойка, уродъ естественнѣйшій; вижу: увивается около нея (какая-то) армейщина, видно, на тощакъ.... Въ городѣ все народъ торговый (купцы). Словомъ, скука смертная. Какъ вдругъ привелъ случай познакомиться съ нимъ! Ну, ужъ какъ я былъ радъ! (У меня такой характеръ — не могу не быть откровеннымъ). Эхъ! люблю откровенность и братское общество: все, что ни есть на сердцѣ, такъ бы вотъ и хотѣлъ высказать.

Кругель. Нѣтъ, это уже слишкомъ. (Это, это... это... ужъ черезъ чуръ). Излишество вредно во всемъ: ты долженъ обманываться очень часто.

Утѣшительный. И, признаюсь, обманывался часто и всегда буду обманываться. Это я всегда говорю. Да что жъ дѣлать? На то свѣтъ, на то свѣтъ. Для чего живемъ на свѣтѣ? Для того, чтобы толкаться съ людьми[1].

Кругель. Нѣтъ, этого я не понимаю. Быть откровенну со всякимъ, еще не узнавши его вовсе — это я не понимаю. Дружба — это такъ, это другое, это — священнѣйшій даръ[2].

Утѣшительный. Такъ; но человѣкъ принадлежитъ къ обществу.

Кругель. Принадлежитъ, но не весь.

Утѣшительный. Нѣтъ, весь.

Кругель. Нѣтъ, не весь.

Утѣшительный. Нѣтъ, весь.

Кругель. Нѣтъ, не весь.

Швохневъ [*Утѣшительному*]. Не спорь, братъ: ты не правъ.

Утѣшительный [*горячась*]. Нѣтъ, а я тебѣ докажу, что это первая обязанность.... это — долгъ... это, это, это.... первѣйшій, такъ сказать, (моментъ)... это, это, это.....

Швохневъ. Ну, зарапортовался! Горячъ необыкновенно: еще первыя два слова можно понять, которыя говоритъ, а ужъ дальше ничего не поймешь.

Утѣшительный. Не могу, не могу! Если дѣло коснется обязанностей или долга, я ужъ не помню, чтó говорю (скажу одно

[1] Прежде было написано: «Да что жъ дѣлать? На то ужъ свѣтъ.... Живемъ для того, чтобы толкаться ....» [2] Прежде было написано: «Дружба — такъ. Это дѣло другое. Это, точно, даръ Бога».

слово, а ужъ желчь подъ сердце такъ вся и прихлынетъ, такъ и кипитъ, и кипитъ). Я всегда впередъ говорю: господа... обо всемъ и о благородствѣ это желчь наговорила... не могу, не могу, не могу, чувствую самъ.... А желчь такъ вотъ и кипитъ, такъ и кипитъ.

Ихаревъ *[про себя]*. Ну, нѣтъ, пріятель! Знаемъ мы людей, которые увлекаются и горячатся при словѣ: обязанность. У тебя, можетъ быть, и кипитъ желчь, да только не въ этомъ случаѣ. *[Вслухъ]*. А что̀, господа, покамѣстъ споръ о священныхъ обязанностяхъ, не засѣсть ли намъ въ банчикъ?

[Въ продолженіи ихъ разговора приготовленъ на столъ завтракъ].

Утѣшительный. (Да что человѣкъ безъ желчи?) Извольте, если не въ большую игру, (я согласенъ =) почему нѣтъ?

Кругель. Отъ невинныхъ удовольствій я никогда не прочь.

Ихаревъ. (Ей, карты!) А что̀, вѣдь въ здѣшнемъ трактирѣ, чай, (они водятся) есть карты?

Швохневъ. О, только прикажите.

Ихаревъ. Карты! *[Слуга хлопочетъ около карточнаго стола]*. А между тѣмъ прошу, господа! *[Указывая рукою на закуску и подходя къ ней]* Балыкъ, кажется, не того, а икра еще такъ и сякъ.

Швохневъ *[посылая въ ротъ кусокъ]*. Нѣтъ, и балыкъ (хорошъ) того.

Кругель *[также]*. И сыръ хорошъ; икра тоже не дурна.

Швохневъ. Не дурна. Помнишь, какой отличный сыръ ѣли дня четыре тому назадъ у князя Шенькина?

Кругель. Нѣтъ, никогда въ жизни я не позабуду сыра, какъ вспомню я одинъ сыръ, который ѣлъ у Александра Александ. Алекс. Ну, да что̀ и говорить! Я сыръ за что люблю? За [то], что если случится сверхъ одного обѣда навалить черезъ часъ другой — стоитъ отправить въ желудокъ ломтикъ отличнаго сыра, и къ полудню все благополучно. Онъ такъ распоряжается, какъ добрый квартермистръ: „Добро пожаловать, господа, есть еще мѣсто“, говоритъ[1].

Ихаревъ. Добро пожаловать, господа, карты на столѣ.

Утѣшительный. А, вотъ оно старина, старина! Слышь, Швохневъ, карты! А? сколько лѣтъ...[2]

[1] Прежде было написано: «Сыры, почтеннѣйшій, когда хороши? Хороши они тогда, когда сверхъ одного обѣда навернешь другой. Вотъ когда сыръ! Онъ все равно, что добрый квартермистръ...» [2] Прежде было написано: «Какъ вспомнишь,

Ихаревъ. Такъ какъ же? **Ихаревъ** [*въ сторону*]. Не вамъ бы говорить, не мнѣ бы слушать.

Второй отрывокъ, меньшаго объема, помѣщенъ на двухъ четверткахъ (32-й и 33-й). Текстъ его не обработанъ и носитъ на себѣ признаки первоначальныхъ набросковъ Гоголя. Имена дѣйствующихъ лицъ не вездѣ вписаны.

На 32-й четверткѣ помѣщенъ слѣдующій текстъ:

„— Помилуйте, вѣдь это правило. Игра требуетъ своихъ правилъ, въ ней свои... Тутъ лицепріятья нѣтъ совершенно никакого. Я вамъ прямо скажу: будь вы человѣкъ, которому я обязанъ всѣмъ, честнѣйшій человѣкъ, а я васъ также обыграю. Отецъ пусть сядетъ со мною въ карты, я обыграю отца: не садись въ карты. Здѣсь всѣ равны.

— Но вотъ говорятъ: нечистота въ игрѣ; вѣдь это [не то], что бы плутовство какое: это выработанная копѣйка, выработанная. Я зналъ многихъ честнѣйшихъ (человѣкъ =) людей, а передергивали. Отдавши нищему копѣйку, я никогда не отказываюсь соединиться втроемъ противъ одного, если бы только дѣло было вѣрное.

— Знаете ли вы такъ-называемую сводную колоду, односоставленную изъ шести колодъ, въ которой всякая карта мнѣ извѣстна?.. Нѣтъ? Вотъ я вамъ покажу: полтора мѣсяца слишкомъ стоила мнѣ работы [*вынимаетъ*]. Вотъ она: но ужъ за то какое сокровище! За то ей дано имя.

— Какъ, имя?

— Да, Аделаида Ивановна.

— Хе! Слышишь, Швохневъ? Вѣдь это совершенно новая идея, напримѣръ, назвать — Аделаида Ивановна; я нахожу даже очень остроумно.

— Прекрасно: Аделаида Ивановна! Очень хорошо.

— Аделаида Ивановна. Нѣмка даже; слышь, Кругель, это жена тебѣ.

— Что я за нѣмецъ? Дѣдъ былъ нѣмецъ, да и тотъ не зналъ по нѣмецки.

— **Утѣшительный** [*разсматривая*]. Это сокровище; никакого.... совершенно никакихъ признаковъ, чтобы кинувши... Неужели всякая карта рѣшительно вамъ извѣстна?

сколько лѣтъ не игралъ! Что жъ мы, братъ, въ самомъ дѣлѣ ни разу до сихъ поръ не затѣяли банчишки?

— Извольте; я стану въ пяти шагахъ и оттуда вамъ скажу всякую карту; десятью тысячами рискую сію же минуту и ставлю на первую карту.

— Ну, это какая?

— Шестерка.

— Такъ точно. Эта?

— Валетъ.

— Точно такъ. Эта?

— Тройка.

— **Утѣш.** Непостижимо!

— **Кругель** *[пожимая плечами]*. Непостижимо!

Швохневъ *[такъ же]*. Непостижимо, невѣроятно! Позвольте еще разсмотрѣть. *[Разсматривая колоду]*. Удивительная вещь! (Но только позвольте) Сто́итъ, чтобы назваться по имени. Но позвольте замѣтить: къ сожалѣнію, ее вѣдь можно употребить только одинъ разъ, и притомъ съ игрокомъ неслишкомъ практикованнымъ, да и то еще нужно знать, какимъ образомъ, — развѣ подмѣнить во время самой игры?[1]

— Да, во время самой игры я всегда подмѣню, во всякое время.

— Въ такомъ случаѣ это конечно сокровище.

— Вѣдь вотъ все, кажется, есть: есть и усердіе, и въ силахъ нѣтъ, кажется, недостатка, недостаетъ только...

— Крѣпости, на которую....

— Да, непріятеля-то нѣтъ.

Швохневъ. Есть одинъ, да...

— Ну, да можно бы...

Кругель. (Про кого ты говоришь?).... Кто, кто, кто?

— Это про кого онъ говоритъ? Вздоръ, вздоръ! онъ никогда не станетъ: осто...

Швохневъ. Да Гловъ Иванъ Александровичъ.

Утѣшительный. Ну, да ты думаешь, какъ....

Кругель. Ну, да, (вотъ) нашелъ! Да это[го] не подведешь вдругъ играть.

Ихаревъ. А кто однако онъ (этотъ)?

---

[1] На полѣ приписано: «Но только, позвольте: когда употребить его? Вѣдь это, такъ сказать, одно колесо: оно можетъ быть пущено въ самое дѣло ..... вѣдь нужно болѣе.... . А вотъ въ томъ-то и дѣло: оно только можетъ быть употреблено, какъ во время самой азартной игры. Тутъ все можно сдѣлать; какъ только человѣкъ въ игру ......» (не разобрано).

Утѣшительный. Вздоръ! Пустяки онъ выдумалъ: здѣсь живетъ Гловъ Иванъ Александровичъ, богатый конечно помѣщикъ. Но что же объ немъ говорить, когда онъ не играетъ вовсе? Мы ужъ около него возились. Я ужъ съ мѣсяцъ ухаживалъ около него, и въ дружбу и въ довѣренность даже...

Ихаревъ. Ну, да послушайте, нельзя ли какъ-нибудь увидѣться? Можетъ... почемъ знать?

Швохневъ. Да я вамъ говорю впередъ: это напрасный трудъ[1].

— Ну, да что бъ попробовать еще разъ? Сегодня не подастся, завтра атакуй. Завтра не подастся, послѣ завтра......

— Да пожалуй, мнѣ это ничего не значитъ, я приведу его.

Ихаревъ. Приведи, ради Бога, приведи!"[2] Пригласите его сюда; какъ вѣдь вы.....

— Извольте, я пойду къ нему. *[Уходитъ]*[3].

Ихаревъ. Вѣдь точно, Богъ вѣдаетъ. Разспросите.

Швохневъ. Я самъ того же мнѣнія: никогда не нужно оставлять никакого дѣла...[4]

— Вѣдь нужно помнить, что тотъ, съ которымъ имѣешь дѣло, вамъ незнакомый человѣкъ. Сегодня нѣтъ, завтра нѣтъ, послѣ завтра нѣтъ, а тамъ какъ (скажешь ему) насядешь на него покрѣпче, скажетъ: „Да". Вѣдь иногда иной только корчитъ, будто онъ крѣпышъ, а порой, какъ приглядишься къ нему поближе, увидишь, что онъ только фальшивую тревогу задалъ".

На 33-й четверткѣ написаны слѣдующіе наброски:

— „Передержка ужъ это дѣло таланта. Кому Богъ даетъ талантъ, кому ужъ никогда, кажется! Я знаю, — точно, это необыкновенный феноменъ, — четырнадцати лѣтъ мальчика. Есть помѣщикъ Петръ Максимовичъ Болтуха. Когда мнѣ сказали объ немъ, я, признаюсь, просто изъ любопытства поѣхалъ, съ родней поѣхали всѣ вмѣстѣ. Какъ знаете, говорю: можетъ быть, вы это... Говорю: „прошу простить, можетъ быть, это... никакъ невозможно, при

[1] Прежде было написано: „Какъ ты хочешь, брать, но я того мнѣнія, что нѣтъ человѣка, который бы вѣкъ выстоялъ на своемъ. Нѣтъ въ свѣтѣ, который не уступилъ наконецъ постоянному напору". [2] Прежде было написано: „Да, именно попробуемъ: почему жъ не попробовать? Ну, а васъ, вы знаете...." [3] Послѣ этого зачеркнуто: „Да вы не коротки съ нимъ; я вотъ съ нимъ больше знакомъ: бывалъ, знаете..." [4] **Утѣшительный.** Да разспросить не бѣда. Только я вамъ впередъ говорю, господа: это совершенно будетъ потерянный трудъ. **Ихаревъ.** Ну, да вѣдь чрезъ это ничего не потеряется. Поговорю, познакомимся. **Утѣшительный.** Пожалуй, я приведу его.

этомъ (?) и мыслимо ли?.. Я слышалъ, что этотъ Болт... скаредный человѣкъ.... „Да, господа, точно...“ И, знаете, мнѣ понравилось, что безъ всякихъ этихъ свѣтскихъ отнѣкиваній, просто, откровенно: „Точно, способности у мальчика необыкновенныя“... „Эй, Миша“, говоритъ, „покажи, говоритъ, гостямъ..“. И тотъ тутъ же этакъ свободно, безъ всякаго конфуза, направо и налѣво.... И, точно, это было непостижимо. Я смотрѣлъ въ оба, ничего не могъ примѣтить. Четырнадцатилѣтній мальчикъ!

— Я никакъ не нахожу, чтобы это дѣло предосудительное. Помилуйте! Это — тотъ же трудъ. Я бы хотѣлъ знать; что другое. а я не знаю ни одного изъ тѣхъ, которые уже пріобрѣли (сами) собою замѣчательную практику, (чтобы хоть) сохранили долго свои глаза: всѣ почти слѣпнутъ. — Что вы тутъ ни говорите, это трудъ, а трудъ долженъ быть вознагражденъ.

— Конечно, достаточно ключа крапа, конечно. Но вѣдь это опять другая наука. Игроку этимъ некогда, этимъ некогда возиться. Какъ суконная фабрика, онъ принимаетъ шерсть ужъ готовую..... Вотъ въ Костромѣ есть одинъ почтенный человѣкъ, который однакожъ этимъ занимается. Ежегодно онъ получаетъ изъ Москвы нѣсколько сотенъ колодъ — отъ кого, это покрыто тайною. Его обязанность состоитъ въ томъ, чтобы разобрать крапъ и послать только ключъ: „вотъ тайна моя: у такой-то двойки такой-то рисунокъ“. Ну, а для игрока, само собой, довольно знать одну карту. И за это одно получаетъ онъ пять тысячъ въ годъ[1].

— Конечно, сопряжено съ меньшимъ трудомъ, сопряжено просто.... (всякую изъ нихъ) поставить, имѣть свои колоды.

— Да вѣдь вотъ что̀ неудобно: нужно подкупать людей, — это невсегда и вѣрно, народъ этотъ продастъ...

— Да зачѣмъ? Мы никогда почти этого не дѣлаемъ; нужно помнить только, достаточно.... Помнишь — въ Нижнемъ? Остановились втроемъ въ трактирѣ, часовъ двѣнадцать тамъ кутили и уѣхали, не заплативши. Хозяинъ бросился въ комнаты: ничего нѣтъ. Видитъ: остался одинъ ящикъ, а въ немъ полтораста дюжинъ картъ; натурально, онъ карты конечно купцамъ продалъ за безцѣнокъ — по всему городу разошлись. А понялъ суть, когда въ двѣ недѣли весь городъ проигрался. Это былъ обиль-

[1] Послѣ этого зачеркнуто: „А я, признаюсь откровенно, я всегда...“

нѣйшій годъ, какой я только знаю. А другой случай тоже стоитъ упомянуть: Трындинъ, богатѣйшій человѣкъ[1], помаленьку держалъ; игра отличная; они пріѣхали вдвоемъ. Домъ великолѣпный, (отличный) богатѣйшая деревня, усадьба, вездѣ каналы по нѣмецки. Дали впередъ знать пріятелямъ, что будетъ.... чтобъ они распорядились о картахъ. Только видимъ, летитъ тройка мимо самой двери: сидятъ молодцы, все это пьяно — пили тамъ. Дворня стоитъ за воротами, видитъ выпалъ чемоданъ, на всемъ бѣгу вывалился. Кричатъ имъ: „Остановитесь, дорогіе!“ Куда! Ничего не слушаютъ, уѣхали. Развязали чемоданъ: бѣлье, платье, нѣсколько денегъ и дюжинъ пятьдесятъ картъ, ну, и только. Лакей не захотѣлъ отказаться отъ своихъ денегъ, карты пошли на барскіе столы и сорванъ былъ весь банкъ.

— То есть, повѣрить не можно, какую жажду чувствуешь теперь къ дѣятельности. Нужно вамъ знать... Послѣдній выигрышъ мой съ полковника Чеботарева 20 тыс. Я не имѣлъ практики въ теченіи болѣе мѣсяца. — Вы не можете представить себѣ, какую испыталъ я скуку. Тоска, просто, смертная; клянусь, еслибы (кто вздумалъ держать) пять рублей банку, я бы готовъ за дѣло; съ этимъ.... Я понимаю (теперь, каково) положеніе[2] полководца, когда нѣтъ войны, что онъ долженъ чувствовать, напримѣръ, положеніе просто фатальное.....

— Вѣдь съ этимъ шутить нечего. Я это знаю по себѣ.

— Повѣришь ли, что въ пятирублевый банкъ готовъ сѣсть.

— Натуральная вещь, черезъ это проигрывали первые игроки; ну-съ, работы нѣтъ, и нападаешь на то, что называютъ голь и пере... и проиграешься ни за что.

— А богатъ этотъ (старый помѣ) Гловъ очень?

Кругель. Деньги есть. Тысяча душъ крестьянъ.

— Эхъ, чортъ возьми! подпоить развѣ его? Шампанское пьетъ?

— Въ ротъ не беретъ.

— Что жъ съ нимъ дѣлать? какъ подъѣхать къ нему? Но все однакожъ не думаю: вѣдь игра — соблазнительная вещь. Мнѣ кажется, если бы онъ только посидѣлъ прилежно за столикомъ возлѣ играющихъ, онъ бы пустился потомъ.

---

[1] Послѣ этого слова приписано сверху строкъ: „и чистоты необыкновенной, всѣ...... пути къ поползновенію. Люди его воспитаны. Домъ просто дворецъ.... ...... къ людямъ опасно, нельзя и думать“. [2] Надъ этимъ словомъ приписано: «вотъ это то самое».

— Да вотъ мы попробуемъ. Мы будемъ съ Кругелемъ играть здѣсь въ сторонѣ. Только я думаю, во всякомъ случаѣ нужно къ нему вниманіе. Старый народъ подозрительный".

Въ основу настоящаго изданія „Игроковъ" положенъ текстъ рукописи Нѣжинскаго Историко-филологическаго Института, которая означена въ варіантахъ буквами **НР**. Печатая этотъ текстъ въ первомъ изданіи „Сочиненій Гоголя", Прокоповичъ сдѣлалъ нѣкоторыя стилистическія поправки; они указаны въ варіантахъ. Сценическій текстъ, представляемый рукописью московскаго Малаго театра, свободенъ отъ этихъ поправокъ, но, такъ же какъ и текстъ „Женитьбы", подвергся искаженіямъ со стороны театральной цензуры. Рукопись московскаго Малаго театра означена въ варіантахъ буквами: **ТР**.

Стр. 411 [1] **П**; «самой покойный» **НР**. Гоголь постоянно пишетъ въ именахъ прилагательныхъ и мѣстоименіяхъ полнаго окончанія *о* вмѣсто *ы*. Далѣе мы не будемъ отмѣчать этой особенности въ его правописаніи. [2] **П**; «на шотъ» **НР**. Такъ постоянно пишетъ это слово Гоголь. [3] **П**; «ужъ съ тѣмъ стоимъ» **НР**, **ТР**.

Стр. 412 [1] **П**; «Вахрамѣйкина» **НР**. [2] **НР**, **ТР**; въ **П** поправлено издателемъ: «приготовьте мнѣ умываться и бриться». [3] **П**. **ТР**; въ **НР** «колодишка»: такъ писалъ это слово Гоголь.

Стр. 413 [1] Въ **НР** передъ словомъ «Гаврюшкѣ» зачеркнуто: «Прохору». Это имя носилъ слуга Ихарева въ первоначальной редакціи «Игроковъ». [2] **П**; «выиграшѣ» **НР**.

Стр. 414 [1] **НР**. **ТР**; «да золотыхъ эполетъ сколько-то паръ» **П**. [2] **НР**, **ТР**; «начисто» **П**. [3] **НР**, **ТР**; «Гаврюшка, послушай» **П**. [4] **НР**. **ТР**; въ **П**: «я съ бариномъ всего двѣ недѣли ѣзжу». [5] **П**; въ **НР** пропущены слова: «съ нимъ»; тоже и въ **ТР**: «А прежде все Павлушка ѣздилъ». [6] Въ **НР** слово «музыкантъ» написано сверху зачеркнутаго: «ключникъ». [7] Слово «кучеръ» въ **НР** переправлено изъ «поваръ». [8] **НР**, **ТР**; «пострѣлятамъ» **П**. [9] **НР**. **ТР**; «жизнь» **П**. [10] **НР**; «гривенникъ» **П**, **ТР**.

Стр. 415 [1] **П**; «приготовленно» **НР**. Такъ часто писалъ Гоголь. [2] **НР**, **ТР**; «чего боишься» **П**. [3] **П**; «отъ тебя потребуется» **НР**, **ТР**. [4] **П**, **ТР**; «Вахрамѣйкина» **НР**. [5] **НР**; «у другаго» **П**. [6] **НР**, **ТР**; въ **П** нѣтъ слова: «тебя».

Стр. 416 [1] Передъ словомъ «дороже» зачеркнуто: «намъ». [2] Слово «всякихъ» выправлено изъ «всего»; слово «удобствъ» приписано послѣ зачеркнутой точки. [3] **НР**, **ТР**; «сюда» **П**. [4] **П**; «около нее» **НР**, **ТР**. [5] **П**; «на пощакахъ» **НР**; «на тощахъ» **ТР**. [6] **НР**, **ТР**; «Не могу часу пробыть» **П**. [7] **П**; Гоголь пишетъ: «росказать». [8] Эта строка приписана съ лѣваго боку страницы: мѣсто ея въ текстѣ указано знакомъ (+). [9] **НР**. **ТР**; въ **П** вамѣ-

ненъ такимъ образомъ порядокъ словъ: «еще первыя два слова изъ того, что̀ онъ говоритъ, можно понять».

Стр. 417 [1] НР, ТР; «впередъ объявляю» П. [2] Здѣсь и ниже въ НР: «вить».

Стр. 418 [1] НР, ТР; «тузъ» П. [2] Послѣ этого въ НР зачеркнуто: «рублей». [3] Въ НР прежде было написано: «Подай-ка, подай-ка мнѣ». [4] П; «предводительницы» НР, ТР. [5] Въ НР, ТР и П: «шуллеръ». [6] НР, ТР; «а пока надо съ нимъ объясниться!» П. [7] П; «обоихъ» НР.

Стр. 419 [1] Слова: «предлагаю вамъ», написаны сверху зачеркнутыхъ: «дѣлаю вамъ предложеніе». [2] Слова: «всякой изъ насъ», поставленныя въ НР между запятыми, опущены въ П; въ ТР они удержаны. [3] НР, ТР; слово «уже» пропущено въ П. [4] НР, ТР; слово «уже» пропущено въ П. [5] П; «Подобное искусство не можетъ пріобрѣсться, не бывъ практикованно отъ лѣтъ гибкого юношества» НР, ТР. [6] Въ НР послѣ слова: «разскажи», зачеркнуто: «ему». [7] Послѣ слова «*Швохневъ*» въ НР зачеркнуто: «Да, пр.». [8] П, ТР; въ НР: «Михаловича». [9] «Тетюшевской» НР, ТР; «тетюшскій» П.

Стр. 420 [1] НР, ТР; «тетюшскій» П. [2] Въ НР прежде было написано: «я слышу». [3] Слово «дѣйствительно» написано въ НР сверху зачеркнутаго: «точно». [4] Въ НР слово «глазъ» переправлено изъ — «глаза». [5] Передъ словомъ «отмѣтины» зачеркнуто: «намѣчевань». [6] Слово «назвать» написано въ НР сверху зачеркнутаго: «говорить». [7] НР, ТР; «почтеннѣйшій» П. [8] НР, ТР; въ П слово «и» пропущено. [9] Въ НР прежде было написано: «Это именно то».

Стр. 421 [1] П; «ярмонку» НР, ТР. [2] П, ТР; въ НР: «остановливается». Ср. настоящаго изданія V, 569. Въ такой формѣ Гоголь постоянно употребляетъ это слово. [3] НР, ТР; «распечатываетъ» П. [4] НР; «рубликъ» ТР; «рубликомъ» П. [5] НР, ТР; «дня» П. [6] Въ НР прежде было написано: «А то тоже дѣло, которое было поведено не дурно». [7] Въ НР слово «сады» написано сверху зачеркнутыхъ: «бесѣдки, алеи». [8] НР, ТР; «Мы живемъ ужъ у него» П. [9] Въ НР прежде было написано: «Натурально, на такое зрѣлище». [10] Въ НР прежде было написано: «сейчасъ выбѣжала».

Стр. 422 [1] НР, ТР; «отъ денегъ не захотѣли отказаться люди» П. [2] Въ НР слово «кончился» написано сверху зачеркнутаго: «прекратился». [3] Въ НР слово «очень» написано сверху зачеркнутаго: «удивительно». [4] Въ НР прежде было написано: «вотъ этого». [5] Въ НР прежде было написано: «можетъ быть даже». [6] Слова: «къ чему хотите», въ НР написаны сверху зачеркнутаго: «прочему». [7] Слово «по» написано сверху зачеркнутаго: «а». [8] Въ НР прежде было написано: «Знаю, но не въ такой степени». [9] НР, ТР; «Я нахожу даже это очень остроумнымъ» П.

Стр. 423 [1] Въ НР прежде было написано: «разсмотрѣть колоду». [2] НР, ТР; «развѣ съ игрокомъ слишкомъ неопытнымъ» П. [3] НР, ТР; «вѣдь надо» П. [4] НР, ТР: «Да вѣдь это дѣлается только во время самой жаркой игры» П. [5] НР; «Какъ поиграетъ два дни и двѣ ночи, не поспавши, сряду» ТР; «Какъ поиграетъ сряду два дня и двѣ ночи, не поспавши» П. [6] НР, ТР; «хладнокровнымъ» П.

Стр. 424 [1] НР; въ ТР и П: «Именно это стоитъ того, чтобы выпить». [2] Въ НР прежде было: «Да что жъ». [3] Въ НР: «*остановливается*». [4] НР; «Михайло» П; «Михаилъ» ТР. [5] Въ НР слова: «не играетъ вовсе», написаны

сверху зачеркнутыхъ: «ни за что не станетъ играть». [6] НР, ТР: «Ну, да попробуемъ еще разъ» П. [7] НР, ТР; «Вѣдь не съ богами» П.

Стр. 425 [1] НР; «имѣемъ» ТР, П. Ошибка писца произошла отъ того, что въ НР написано, согласно обычному правописанію Гоголя: «имѣе*тъ*. Ср. настоящаго изданія, томъ I, стр. 508. [2] Слова: «на четвертый день», въ НР приписаны сверху зачеркнутаго: «тамъ». [3] Въ НР прежде было написано: «что онъ крѣпышъ и недоступный». [4] Въ НР фраза: «даромъ тревогу подымалъ», написана сверху зачеркнутыхъ словъ: «фальшивая тревога». [5] НР, ТР; «Надо» П. [6] П; «выиграшъ» НР. [7] П; «въ продолженіи» НР, ТР. [8] НР, ТР; «Но не нужно оказывать большаго вниманія къ нему» П.

Стр. 426 [1] НР; «Михаилъ» ТР; «Михайло» П. [2] Въ НР прежде было написано: «познакомиться съ вами». [3] НР, ТР; «и тѣломъ и душою радъ бы поскорѣе отсюда вырваться» П. [4] П; «въ двухъ стахъ тысячъ» НР, ТР.

Стр. 427 [1] НР, ТР: «похожее» П. [2] П; «Конечно, тутъ ничего худаго» НР, ТР. [3] Слово «все» написано въ НР сверху зачеркнутаго: «вѣдь». [4] НР, ТР; въ П грубая ошибка: «почитается». [5] НР, ТР; словъ: «всегда ужъ», нѣтъ въ П. [6] П; словъ: «что и», нѣтъ въ НР и ТР. [7] НР, ТР; «хлопнулись» П. [8] НР, ТР; «никакъ не принимая въ соображеніе» П. [9] Въ НР прежде было написано: «Молодымъ онъ бѣсится». Въ П: «Молодежь бѣсится». [10] Въ НР слово «прикинется» написано сверху зачеркнутаго: «сдѣлается».

Стр. 428 [1] НР, ТР; «позволь» П. [2] НР, «съ Михаиломъ» ТР; «съ Михайломъ» П. [3] П; «проиграшъ» НР. [4] НР, ТР; въ П опущено слово «важно». [5] П, ТР; въ НР послѣ слова «батюшка» поставлена точка. [6] НР, ТР; «не поразвлечься и не позабавиться» П. [7] НР, ТР; «ей Богу» П.

Стр. 429 [1] П, ТР; въ НР неправильно: «прикажите». [2] Въ НР прежде было написано: «можете не видѣть». [3] Въ НР прежде было написано: «чтобы узнать, кто такой». [4] П, ТР; въ НР, согласно обычному правописанію Гоголя: «самимъ». [5] П; въ НР и ТР: «какъ не столкнутся?».

Стр. 430 [1] Въ НР прежде было написано: «Осмотрись хорошенько прежде».

Стр. 431 [1] НР, ТР; «А я васъ провожу таки до самой коляски» П. [2] НР, ТР: въ П фраза: «*Оба уходятъ*», пропущена. [3] Въ НР прежде было написано: «какъ онъ мнѣ сказалъ». [3] НР; «и сейчасъ же» П; «и сей часъ» ТР.

Стр. 432 [1] НР, ТР: «приняло» П. [2] НР, ТР: «съ радости» П. [3] НР, ТР: «И какъ все это славно!» П. [4] Въ НР прежде было написано: «Какая смѣтливость»! [5] П; въ НР сокращенно: «Михал». [6] Въ НР сокращенно: «Михал», т. е. «Михалычъ». Ср. отчества въ «Развязкѣ Ревизора». [7] П, ТР; въ НР описка: «потомъ». [8] НР; «Свѣдемъ» ТР; «Сведемъ» П. [9] Въ НР передъ этой фразой зачеркнуто: «На «ты!»

Стр. 433 [1] НР, ТР; «чортъ побери» П. [2] НР, ТР; «твоя сестра» П. [3] НР: «Ну, такъ и я обниму» П, ТР. [4] НР, ТР; «надо» П. [5] НР, ТР; «надо» П.

Стр. 434 [1] НР, ТР; «наливаетъ ему стаканъ» П. [2] Послѣ слова «картъ» въ НР точка, въ П и ТР — запятая. [3] НР, ТР; «десятка» П. [4] НР, ТР; въ П нѣтъ словъ: «тройка взяла». [5] НР, ТР; «А, браво» П. [6] П; «въ выиграшѣ» НР. [7] П; «перегинаетъ» НР, ТР. [8] НР, ТР; «десятка» П. [9] НР, ТР; въ П нѣтъ слова: «пліе». [10] НР, ТР; «что ты называлъ» П.

Стр. 435 [1] НР, ТР; «Знаешь» П. [2] П; «въ наружу» НР, ТР. [3] П, ТР; въ НР описка: «Барклайдетольевскоего». [4] П. Въ НР и ТР нѣтъ фразы: «Руте.

рѣшительно руте! просто, карта-фоска!» Эта вставка сдѣлана вслѣдствіи по требованію автора. Ср. выше, стр. 716. [5] НР; «даетъ» П, ТР.

Стр. 436 [1] НР, ТР; «въ твоихъ процентахъ» П. [2] НР, ТР; «прощайте» П. [3] Въ НР прежде было написано: «Вѣдь еще». [4] Послѣ этого въ НР зачеркнуто: «Изъ этого, точно, можетъ выйти исторія». [5] НР, ТР; «Это тоже возможно» П.

Стр. 437 [1] Въ НР передъ словомъ «всунуть» зачеркнуто: «взять». [2] НР, ТР; «какъ домой пріѣду» П. [3] НР, ТР; «не надо» П.

Стр. 438 [1] НР, ТР; «Надо» П. [2] НР, ТР; въ П нѣтъ слова «его». [3] НР, ТР; въ П нѣтъ слова «ужъ». [4] Въ НР прежде было написано: «Знаешь ли что». [5] Въ НР прежде было написано: «Ревнивъ ужъ».

Стр. 439 [1] Въ НР и ТР это явленіе ошибочно означено цифрою «18», вмѣсто «19». [2] НР, ТР; «Надо» П. [3] НР, ТР; въ П нѣтъ слова «покамѣстъ». [4] Въ НР послѣ этого зачеркнуто: «тѣ же государс». [5] Въ НР прежде было написано: «Таковъ ужъ порядокъ». [6] НР, ТР; «одѣтый» П. [7] П, ТР; «Михаловичъ» НР. [8] НР; «Александромъ» П, ТР. [9] П, ТР; «Михаловичемъ» НР. [10] НР, ТР; въ П нѣтъ слова «все».

Стр. 440 [1] П, ТР; «недѣли» НР. [2] Въ НР прежде было написано: «а три помѣщика». [3] «Фентефлѣй» НР, ТР; «Фентафлей» П. [4] Въ НР прежде было написано: «этихъ-то». [5] Слова: «разныхъ.... а просто», написаны въ НР сверху зачеркнутыхъ: «въ знакъ благодарности». Пунктуація этого мѣста въ П не соотвѣтствуетъ оригиналу; въ П: «Ну, а доходовъ по службѣ этихъ, знаете, разныхъ.... а? просто, много ли берете?» Въ НР и ТР: «Ну, а доходовъ по службѣ, знаете, разныхъ.... а просто, много ли берете?» [6] П; «съ чего жъ и жить?» НР, ТР. [7] НР; «тоже господа» ТР, П. [8] НР, ТР; «всѣ» П. [9] Въ НР прежде было написано: «такъ тѣже взятки». [10] НР; «и тѣ, которые кажутся, получше насъ» П. Цензурная передѣлка? [11] П; «такъ» НР. [12] НР, ТР; «Швохневъ» П. [13] Въ НР прежде было написано: «какъ будто беретъ взятки».

Стр. 441 [1] НР, ТР; «выписанный» П. [2] Въ НР прежде было написано: «что вотъ молъ». [3] Въ НР слово «дадимъ» написано сверху зачеркнутаго: «все».

Стр. 442 [1] НР, ТР; въ П слово «*уходя*» пропущено. [2] НР, ТР; «Нѣтъ, побѣгу за нимъ» П. [3] Въ НР прежде было написано: «два дни уже ждутъ». [4] НР, ТР; въ П нѣтъ слова «а». [5] П, ТР; въ НР пропускъ и описка: «а ужъ четеры назадъ». [6] П; «во что ни стало» НР, ТР. [7] Послѣ этого въ НР зачеркнуто: «Слышь ты».

Стр. 443 [1] НР, ТР; «такъ» П. Въ НР слово «какъ» написано сверху зачеркнутаго: «двояко». [2] Послѣ этого въ НР зачеркнуто: «Временами нужно пользоваться». [3] НР, ТР; въ П нѣтъ слова «они». [4] Послѣ этого въ НР зачеркнуто: «Какъ же ты этого не знаешь? Знай же, что теперешняго времени никакъ нельзя пропустить: всѣ почти болѣе или менѣе сбыли товары, и сидятъ съ готовыми деньгами, а новыхъ пока не успѣли ....» (не дописано). [5] Въ НР вмѣсто «И» прежде было написано: «Неужели». [6] НР, ТР; «условіе» П. [7] НР, ТР; въ П нѣтъ слова: «вѣдь». [8] НР, ТР; «Денегъ у тебя есть восемьдесятъ тысячъ» П. [9] Вмѣсто «Кругель», въ НР прежде было написано: «Швохневъ».

Стр. 444 [1] П; «Съ 200 тысячъ» НР, ТР. [2] П; «ярмавку» НР, ТР. [3] НР, ТР.

Въ П опущено: «Да гдѣ теперь найдешь двѣсти тысячъ? Какое имѣніе, какая фабрика дастъ двѣсти тысячъ?» [4] Вмѣсто «его» въ НР прежде было написано: «этого». [5] НР, ТР; «отскоблить» П. [6] НР; «Время-то» ТР, П. [7] НР, ТР; «англійской» П. [8] НР, ТР; «А что всему причиною?» П. [9] Эти строки («И вздоръ» — «изученье») приписаны на лѣвой сторонѣ страницы, по направленію снизу вверхъ. Въ ТР они есть. [10] Въ НР прежде было написано: «Да притомъ оно».

Стр. 445 [1] НР, ТР; въ П ошибочно: «меня бы какъ обманули». [2] НР, ТР; «Этакъ прожить, какъ дуракъ, проживетъ всякій» П. [3] НР, ТР: «не быть обманутымъ» П. [4] П; въ НР и ТР нѣтъ слова «несешь?»

Стр. 446 [1] НР, ТР; «Ты думаешь, что я Гловъ?» П. [2] П; «да и чортъ ли» НР, ТР. [3] НР; «Михаилъ» ТР: «Михайло» П. [4] П, ТР; «Александровъ» НР. [5] Такая пунктуація въ НР и ТР; въ П: «Послушай, ты говори». [6] НР; «съ голоду» ТР, П. [7] П; «*схватываетъ за воротникъ его*» НР, ТР. [8] НР, ТР; «Надо» П. [9] Въ НР прежде было написано: «въ азартѣ».

Стр. 447 [1] НР, ТР; «вѣдь ты соединялся съ ними» П. [2] НР: «Въ томъ-то и штука» П, ТР. [3] НР ТР; «у тебя есть еще» П. [4] Въ НР передъ словомъ «исчезаетъ», зачеркнуто: «*прячетъ*». [5] НР, ТР; «вскакиваетъ» П. [6] Въ НР передъ словомъ «подержанными» зачеркнуто: «замасленными».

Утро дѣловаго человѣка (стр. 448—454).

Въ началѣ лѣта 1832 года, на пути въ Малороссію, Гоголь остановился на нѣсколько времени въ Москвѣ. Въ это первое свое пребываніе въ старой столицѣ поэтъ познакомился съ Погодинымъ, С. Т. Аксаковымъ, Щепкинымъ. Разъ С. Т. Аксаковъ заговорилъ съ Гоголемъ о Загоскинѣ. „Гоголь (разсказываетъ Аксаковъ) хвалилъ его за веселость, но сказалъ, что онъ не то пишетъ, что слѣдуетъ, особенно для театра“. Аксаковъ возразилъ, „что у насъ писать не о чемъ, что въ свѣтѣ все такъ однообразно, гладко, прилично и пусто, что

. . . . даже глупости пустой
Въ тебѣ не встрѣтишь, свѣтъ пустой!

Гоголь посмотрѣлъ на Аксакова „какъ-то значительно“ и сказалъ, что это неправда, что комизмъ кроется вездѣ, что, живя посреди него, мы его не видимъ; но что если художникъ перенесетъ его въ искусство, на сцену, то мы уже сами надъ собой будемъ валяться со смѣху и будемъ дивиться, что прежде не замѣчали его“[1].

Лѣто 1832 года Гоголь провелъ въ Малороссіи. Мысль написать

[1] Русь 1880 г., № 4, стр. 16.

русскую комедію крѣпко засѣла у него въ головѣ. 20 февраля 1833 года онъ писалъ Погодину изъ Петербурга: „Я помѣшался на комедіи. Она, когда я былъ въ Москвѣ, въ дорогѣ и когда я пріѣхалъ сюда, не выходила изъ головы моей, но до сихъ поръ я ничего не написалъ“[1]. Ко второй половинѣ 1832 года относимъ мы нѣсколько замѣтокъ о комедіи вообще, набросанныхъ Гоголемъ въ одной изъ его записныхъ книгъ[2]. Здѣсь на страницѣ 55-й набросано: „*Комед. Матеріалы общіе.* Старое правило: уже хочетъ достигнуть, схватить рукою, какъ вдругъ помѣшательство и отдаленіе желаемаго предмета на огромное разстояніе. — Какъ игра въ нахидку и всякая азартная игра. — Внезапное или неожиданное открытіе, дающее вдругъ всему дѣлу новый оборотъ или озарившее его новымъ свѣтомъ“. На страницѣ 57-й, подъ заглавіемъ: „*Матеріалы частные*“, помѣщена слѣдующая замѣтка: „Не понимаетъ и толкуетъ по своему, — въ родѣ „метафизическій“ — „математическимъ“. На страницѣ 143-й записаны уже отдѣльныя фразы, годныя для лицъ, дѣйствующихъ въ комедіи: „Что вамъ сталъ вицъ-мундиръ? По чемъ суконцо?“ — „Да, да! Знаю, понимаю... Да, да! Ну, а разскажите. Да объ чемъ бишь вы говорили?“ — „Подойди, скотъ! Вотъ столъ краснаго дерева работы Скоб..... Подъ лакомъ? — Посреди важнаго разговора: „У меня вѣдь кухарка“ и проч. — „Также: Фуфайку, надобно вамъ знать, сударыня, я ношу лосинную: она гораздо лучше фланелевой“[3].

Къ сочиненію комедіи Гоголь приступилъ вскорѣ по возвращеніи изъ Малороссіи въ Петербургъ. 8 декабря 1832 года Плетневъ сообщалъ Жуковскому, жившему тогда въ Швейцаріи: „У Гоголя вертится на умѣ комедія. Не знаю, разродится ли онъ ею нынѣшней зимой; но я ожидаю въ этомъ родѣ отъ него необыкновеннаго совершенства. Въ его сказкахъ меня всегда поражали драматическія мѣста“[4].

Гоголь выходилъ на новую литературную дорогу. Изданіемъ „Вечеровъ на хуторѣ близь Диканьки“ закончился романтическій

---

[1] Сочиненія и письма Гоголя V, 174. Въ «Русскомъ Архивѣ» 1872 г. (стр. 2370) это письмо неправильно отнесено къ 1834 г. [2] Эта книга принадлежала впослѣдствіи Аксакову и цитуется въ настоящемъ изданіи такъ: РА, № 2. [3] Снимки съ приведенныхъ набросковъ записной книги РА № 2 приложены къ моей статьѣ: «М. С. Щепкинъ и Н. В. Гоголь», напечатанной въ журналѣ «Артистъ» 1890 г., январь. [4] Сочиненія и переписка Плетнева III, 522.

періодъ его юности: призраки украинскаго суевѣрія, то ужасные, то очаровательные, отлетѣли отъ него навсегда и *почти въ началѣ 1833 года* (въ письмѣ отъ 1-го февраля) на запросъ Погодина о „Диканьскихъ Вечерахъ“ Гоголь отъ души, искренно воскликнулъ: „Чортъ съ ними! я не издаю ихъ... *прибавлять сказки не могу.* Я даже позабылъ, что я творецъ этихъ „Вечеровъ“, и вы только напомнили мнѣ объ этомъ... Да обрекутся они неизвѣстности, покамѣстъ что-нибудь *увѣсистое, великое,* художническое не изыдетъ изъ меня! Но я стою въ бездѣйствіи, въ неподвижности. Мелкаго не хочется, великое не выдумывается“[1]. Черезъ нѣсколько дней (20 февраля 1833 г.), признаваясь, что „помѣшался на комедіи“, Гоголь пишетъ Погодину: „Я не знаю, отчего я теперь такъ жажду современной славы. Вся глубина души такъ и рвется наружу. Но я до сихъ поръ не написалъ ровно ничего... Уже и сюжетъ (комедіи) было на дняхъ началъ составляться; уже и заглавіе было написалось на бѣлой толстой тетради: „Владиміръ 3-ей степени“, и сколько злости, смѣху, соли!... Но вдругъ остановился, увидѣвши, что перо такъ и толкается объ такія мѣста, которыя цензура ни за что не пропуститъ. А что изъ того, когда піеса не будетъ играться? Драма живетъ только на сценѣ; безъ нея она какъ душа безъ тѣла. Какой же мастеръ понесетъ на показъ народу неоконченное произведеніе? — Мнѣ больше ничего не остается, какъ выдумать сюжетъ самый невинный, которымъ даже квартальный не могъ бы обидѣться. Но что̀ комедія безъ правды и злости? Итакъ, за комедію я не могу приняться. Примусь за исторію — передо мной движется сцена, шумитъ апплодисментъ, рожи высовываются изъ ложъ, изъ райка, изъ креселъ и оскаливаютъ зубы, и — исторія къ чорту!“[2]

Начатая комедія осталась неоконченною. Помимо главной причины, которая заставила Гоголя бросить сочиненіе комедіи, на сценическое представленіе которой онъ, по условіямъ тогдашней цензуры, не могъ разсчитывать, была и другая, не менѣе важная, — причина, лежавшая, можетъ быть, въ непривычкѣ автора къ установленію твердаго и удобоисполнимаго плана драматическаго произведенія. Гоголь какъ будто не могъ разобраться въ богатствѣ раскрывавшагося передъ нимъ содержанія, не могъ воздержаться отъ

[1] Сочиненія и письма Гоголя V, 168—169. [2] Сочиненія и письма Гоголя V, 174—175.

„излишествъ" (по его выраженію). 11 марта 1833 года Плетневъ уже писалъ Жуковскому: „У Пушкина ничего нѣтъ новаго, у Гоголя тоже. Его комедія не пошла изъ головы. *Онъ слишкомъ много хотѣлъ обнять въ ней*, встрѣчалъ безпрестанно затрудненія въ представленіи и потому *съ досады ничего не написалъ*. Есть еще другая причина его неудачи: онъ въ такой холодной поселился квартирѣ, что цѣлую зиму принужденъ былъ бѣгать изъ дому, боясь тамъ заморозить себя. Такъ-то физическая сторона человѣка иногда губитъ его духовную половину со всѣми въ ней зародышами"[1]. Хотя, въ письмѣ отъ 20 февраля 1833 года, Гоголь и увѣрялъ Погодина, что для комедіи онъ до тѣхъ поръ „не написалъ ровно ничего", хотя то же самое извѣстіе (конечно со словъ Гоголя) сообщалъ и Плетневъ Жуковскому, но позднѣйшее свидѣтельство самого Гоголя и уцѣлѣвшіе въ его бумагахъ обрывки начатой комедіи удостовѣряютъ, что для піесы „Владиміръ 3-ей степени" было написано много. Можетъ быть, она даже окончена была вчернѣ. Мы думаемъ, что объ этой комедіи спрашивалъ Пушкинъ Одоевскаго въ письмѣ отъ 30 октября 1833 года: „Кланяюсь Гоголю. Что его комедія, въ ней же есть закорючка?" Великій поэтъ, конечно, употребилъ здѣсь слово „закорючка" о тѣхъ мѣстахъ піесы, цензурнаго запрещенія которыхъ опасался авторъ „Владиміра 3-ей степени"[2].

Самъ Гоголь, 1 декабря 1838 года, писалъ Погодину изъ Рима: „Меня ты очень разжалобилъ Щепкинымъ. Мнѣ самому очень жалко его. Я о немъ часто думаю. Я даже, признаюсь, намѣренъ собрать *черновые*, какіе у меня есть, *лоскутки истребленной мною комедіи* и хочу что-нибудь для него сшить"[3].

Итакъ, комедія: „Владиміръ 3-ей степени", была „истреблена" авторомъ, но не вся; отъ нея остались кое-какіе „*черновые* лоскутки". Какіе? На этотъ вопросъ даютъ отвѣтъ тексты, сохранившіеся въ тетрадяхъ Нѣжинскаго Историко-филологическаго Института, по которымъ Прокоповичъ печаталъ „Тяжбу" и „Лакейскую" въ первомъ изданіи „Сочиненій Гоголя".

---

[1] Сочиненія и переписка Плетнева III, 528. [2] Кн. Одоевскій замѣтилъ, что этотъ вопросъ Пушкина относится къ «Ревизору». Но въ это время Гоголь и не думалъ писать «Ревизора» (Ср. мое изданіе: «Ревизоръ. Первоначальный сценическій текстъ», стр. V). Не можемъ также согласиться и съ тѣмъ толкованіемъ слова «закорючка», которое предложено кн. Одоевскимъ. Русскій Архивъ 1864 г., стр. 820. [3] Сочиненія и письма Гоголя V, 349.

Въ сборникѣ Нѣжинскаго Института (**НР**) сохранилось *девять* четвертокъ, вынутыхъ изъ тетрадей, въ которыя переписанъ былъ *набѣло* текстъ комедіи „Владиміръ третьей степени". Первыя пять четвертокъ (листы 4—8 Нѣжинскаго сборника) вставлены были потомъ въ рукопись „Тяжбы", прочія четыре четвертки (т. е. 16, 17, 18 и 19 того же сборника) вошли въ составъ рукописи „Лакейской". Отъ остальныхъ листовъ Нѣжинскаго сборника эти девять четвертокъ отличаются качествомъ бумаги и характеромъ письма. Бумага этихъ девяти четвертокъ одна и та же; она форматомъ значительно меньше всѣхъ остальныхъ листковъ сборника, на которыхъ написанъ позднѣйшій текстъ „Тяжбы" и „Лакейской". На штемпелѣ бумаги — въ овалѣ русскій государственный гербъ и внизу буквы: „И. С. П. Б. Ф." Текстъ на всѣхъ девяти четверткахъ написанъ Гоголемъ тщательно, разборчиво, безъ помарокъ. 1) Тетрадка изъ пяти четвертокъ, вставленная въ „Тяжбу", носитъ несомнѣнные слѣды вырѣзки изъ рукописи, въ которую переписана была *набѣло* комедія „Владиміръ 3-ей степени". Лицевая страница, которою открывается тетрадка (т. е. первая страница четвертаго листа) сохранила остатокъ текста, перечеркнутаго сверху до низу. Представляемъ этотъ отрывокъ вполнѣ: „**М. П.**.... *М* и *А*, а съ другой стороны фамиліи: Повалищевъ и княжна Шлепохвостова. Чтобы все это было, какъ можно, повеликолѣпнѣе. Я также прошу васъ, чтобъ это все было готово не позже, какъ черезъ двѣ недѣли". — **К.** Очень хорошо *[бѣжитъ отперетъ дверь]*. — **М. П.** *[къ лакею]*. Знаешь же (sic!) ты квартиру того чиновника? — **Лакей.** Знаю. — **М. П.** Вели кучеру ѣхать прямо туда! Ухъ, я до сихъ поръ не могу успокоиться! *[Уходитъ]*". Этимъ оканчивалась вторая сцена (вѣроятно, втораго акта) уничтоженной комедіи: на оборотной страницѣ той же четвертки зачеркнуты слѣдующія начальныя строки: „*Сцена III. Комната Ал. Ивановича.* **Х. П.** Я очень радъ, что познакомился съ вами. Странно однакожъ, что по физіогноміи вашей никакъ нельзя было думать прежде, чтобы вы были путной человѣкъ".[1] Оборотная страница послѣдней четвертки оканчивается такъ: „**А. И.** Прощайте, почтеннѣйшій, прощайте!"[2] Изъ этого видно, что значительная часть III явленія „Тяжбы" (отъ словъ: „А прежде, признаюсь, взглянувши на вашу физіогномію", стр. 457, до конца 460-й страницы

[1] См. выше, стр. 457. [2] См. выше, стр. 460.

нашего изданія) составляла *третью сцену какого-то акта* комедіи „Владиміръ 3-ей степени“. Заслуживаютъ особеннаго вниманія уцѣлѣвшія на описываемыхъ пяти четверткахъ имена дѣйствующихъ лицъ уничтоженной комедіи. Здѣсь встрѣчаемъ въ зачеркнутомъ текстѣ первой страницы: **М. П.** Этими иниціалами означена въ первой рукописной редакціи „Отрывка“ — „*Марья Петровна*“, получившая въ печатномъ изданіи этихъ сценъ новое отчество: „*Марья Александровна*“. Буквою **М** въ томъ же зачеркнутомъ текстѣ указанъ ея сынъ — въ „Отрывкѣ“ „*Миша*“; онъ носитъ здѣсь фамилію *Повалищева*. Въ уцѣлѣвшей третьей сценѣ комедіи „Владиміръ 3-ей степени“ и въ печатномъ текстѣ „Тяжбы“ читаемъ: „Племянницѣ моей Маріи Петровой дочери Повалищевой, урожденной Бурдюковой.... и т. д.“[1] Итакъ, Марья Александровна „Отрывка“ была въ уничтоженной комедіи родною сестрою Бурдюковыхъ. Зачеркнутый текстъ на лицевой страницѣ первой четвертки сохранилъ и другое указаніе на принадлежность печатнаго „Отрывка“ къ составу комедіи „Владиміръ 3-ей степени“: М. П. заказываетъ **К** (каретнику) изобразить на одной сторонѣ кареты фамилію своего сына рядомъ съ фамиліею княжны *Шлепохвостовой*, на которой она хочетъ женить *Мишу*[2]. Третья сцена уничтоженной комедіи открывается въ „комнатѣ *Александра Ивановича*“. Его обращеніемъ къ Бурдюкову и завершается старый текстъ этой сцены. Это, несомнѣнно, тотъ Александръ Ивановичъ, который является дѣйствующимъ лицомъ въ сценахъ: „Утро дѣловаго человѣка“. Позднѣе, при переработкѣ третьей сцены уничтоженной комедіи для „Тяжбы“, буквы **А. И.** вездѣ, за исключеніемъ предпослѣдней строки, зачеркнуты и замѣнены словомъ: „*Пролетовъ*“. Бурдюковъ въ комедіи носилъ фамилію *Барсукова* и назывался *Хризанфіемъ*, а не *Христофоромъ*, какъ въ „Тяжбѣ“[3]. Другой братъ въ уцѣлѣвшемъ текстѣ третьей сцены изъ комедіи „Владиміръ 3-ей степени“ называется не *Павломъ*, а *Иваномъ* Петровичемъ Бурдюковымъ: это *Иванъ Петровичъ* въ сценахъ „*Утро дѣловаго человѣка*“, еще сохранившій здѣсь фамилію Барсукова[4].

Изъ этихъ сопоставленій можно заключить, что въ уничтоженной комедіи „Владиміръ 3-ей степени“ были тѣ же самыя дѣйствую-

[1] См. выше, стр. 459. [2] См. выше, стр. 471. [3] По недосмотру Прокоповичъ сохранилъ за вторымъ Бурдюковымъ *оба имени*: мы удержали эту черту въ основномъ текстѣ (стр. 456 и 459). [4] Ср. выше, стр. 453.

щія лица, съ которыми мы встрѣчаемся въ позднѣйшихъ отдѣльныхъ сценахъ: „Утро дѣловаго человѣка“, „Тяжба“ и „Отрывокъ“.

2) Второй листъ (цѣльный), вынутый изъ тетради уничтоженной комедіи, вставленъ въ Нѣжинскую рукопись „Лакейской“ и составляетъ въ ней листы 16—19. Сохранившійся на немъ текстъ приводимъ вполнѣ, заключая въ скобки то, что зачеркнуто авторомъ при переработкѣ онаго для „Лакейской“.

(„Каплуновъ.

Еще и вина! а водки не хочешъ? Мнѣ все равно — вино или водка, лишь бы пьяно[1]. Пойдемъ!

Шрейдеръ.

Нѣтъ, я въ нѣмецка театръ пойду.

Каплуновъ.

Охота въ театръ! *[Въ сторону]*. Вотъ ужъ нѣмецкая цигарка! И вретъ расподлецъ — и не думаетъ быть въ театрѣ! Скряжничаетъ проклятая нѣмчура: боится проиграть алтына, и еще въ театръ! На свой щетъ не выпьетъ пива нѣмецкая сосиска! Когда-нибудь, ей Богу, поколочу его на всѣ боки. *[Вслухъ]*. Это что за зеркало? *[Схватываетъ со стола зеркало]*.

Лаврентій.

Перестаньте! Чего вы пришли? вѣдь барина нѣтъ. Что вамъ здѣсь дѣлать? *[Слышенъ стукъ въ боковыя двери]*. А вотъ и баринъ теперь увидитъ.

Шрейдеръ *и* Каплуновъ *убѣгаютъ; остается* Петрушевичъ, *погруженный въ задумчивость,* Лаврентій *и* Аннушка].)

Лаврентій[2].

А! Анна Гавриловна! На счетъ моего почтенія съ большимъ удовольствіемъ васъ вижу.

Аннушка.

Не безпокойтесь, Лаврентій Павловичъ! Я нарочно зашла къ вамъ на минуту. Я встрѣтила карету вашего барина и узнала, что его нѣтъ дома.

[1] Позднѣе передѣлано: «Одинъ дьяволъ — вино и водка: вѣдь все также пьяно».
[2] Этимъ словомъ начинается текстъ незачеркнутый, т. е. удержанный въ «Лакейской». Въ этомъ текстѣ имя: «Лаврентій» уже замѣнено словомъ: «Дворецкій».

Лаврентій.

И очень хорошо сдѣлали: я и жена будемъ очень рады. Пожалуйте, садитесь.

Аннушка *[сѣвши]*.

Скажите. Вѣдь вы знаете что-нибудь о балѣ, который на дняхъ затѣвается?

Лаврентій.

Какъ же. Оно, примѣрно, вотъ изволите видѣть, складчина. Одинъ человѣкъ, другой, примѣрно также сказать, третій. Конечно, это впрочемъ составитъ большую сумму. Я пожертвовалъ вмѣстѣ съ женою пять рублей. Ну, натурально, балъ, или что обыкновенно говорится — вечеринка. Конечно, будетъ угощеніе, примѣрно сказать — прохладительное. Для молодыхъ людей танцы и тому прочія подобныя удовольствія.

Аннушка.

Непремѣнно, непремѣнно буду. Я только зашла за тѣмъ, чтобы узнать, будете ли вы вмѣстѣ съ Агафіей Ивановной?

Лаврентій.

Ужъ Агафія Ивановна только и говоритъ все, что о васъ[1].

(Закатищевъ *[вбѣгаетъ]*.

Что Иванъ Петровичъ дома?

Лаврентій.

Никакъ нѣтъ.

Закатищевъ *[про себя]*.

Жаль! Если бы не заговорился такъ долго съ этимъ степнякомъ, я бы его засталъ. Однакожъ я даромъ ему не скажу объ этомъ сюрпризцѣ, который готовитъ ему родной братецъ. Нѣтъ, Иванъ Петровичъ! Извините — представьте меня непремѣнно къ наградѣ! Я ужъ черезъ чуръ усердно вамъ служу — доставляю запрещенной товаръ. Нѣтъ, тысяченки четыре вы должны мнѣ пожаловать! Эхъ, куплю славныхъ рысаковъ! Только и рѣчей будетъ по городу, что про лошаденку Закатищеву. Хотѣлось бы и колясчонку, только ужъ зеленую: жолтаго цвѣта никакъ не хочу! Куда же уѣхалъ Иванъ Петровичъ?

Лаврентій.

Они уѣхали къ Марьѣ Петровнѣ.

---

[1] Ср. выше, стр. 467.

Закатищевъ *[увидѣвъ Аннушку, кланяется]*.

Здравствуйте, сударыня! Охъ, какіе воровскіе глазки!

Аннушка.

Есть на кого заглядѣться!

Закатищевъ *[уходя]*.

Лжетъ, плутовка: влюблена въ меня! Признайся: по уши влюблена? А, закраснѣлась! *[Уходитъ]*.

Аннушка.

Право, чѣмъ кто больше уродъ, тѣмъ болѣе воображаетъ, что въ него всѣ влюбляются. Если и у насъ на балѣ будетъ такая сволочь, то я....)[1].

Аннушка.

Я боюсь только на щетъ общества[2].

Лаврентій.

Нѣтъ, Анна Гавриловна, у насъ будетъ общество хорошее. Не могу сказать навѣрно, но слышалъ, что будетъ камердинеръ графа Толстогуба, буфетчикъ и кучера князя Брюховецкаго, горничная какой-то княгини.... Я думаю, тоже чиновники нѣкоторые будутъ.

Аннушка.

Одно только мнѣ очень на нравится, что будутъ кучера. Отъ нихъ всегда запахъ простаго табаку или водки. Притомъ же всѣ они такіе необразованные, невѣжи...

Лаврентій.

Позвольте вамъ доложить, Анна Гавриловна, что кучера кучерамъ рознь. Оно конечно, такъ какъ кучера, по обыкновенію больше своему, находятся неотлучно при лошадяхъ, иногда подчищаютъ, съ позволенія сказать, калъ. Конечно, человѣкъ простой — выпьетъ стаканъ водки или, по недостаточности больше, выкуритъ обыкновеннаго бакуну, какой большею частью простой народъ употребляетъ. Да. Такъ оно натурально, что отъ него иногда, примѣрно сказать, воняетъ навозомъ или водкой. Конечно, все это такъ. Да. Однакожъ, согласитесь сами, (что есть и такія) Анна Гаври-

[1] Здѣсь оканчивается зачеркнутый текстъ комедіи «Владиміръ 3-ей степени».
[2] Эта фраза приписана впослѣдствіи внизу страницы и замѣняетъ предшествующую ей фразу зачеркнутаго текста.

ловна, что есть и такіе кучера, которые хотя и кучера, однакожъ, по обыкновенію своему больше, примѣрно сказать, конюхи, нежели кучера. Ихъ должность, или, такъ выразиться, дирекція состоитъ въ томъ, чтобы отпустить овесъ или укорить въ чемъ, если провинился форейторъ или кучеръ.

Аннушка.

Какъ вы хорошо говорите, Лаврентій Павловичъ! Я всегда васъ заслушиваюсь.

Лаврентій *[съ довольною улыбкою]*.

Не стоитъ благодарности, сударыня. Оно конешно, не всякой человѣкъ имѣетъ, примѣрно сказать, рѣчь, т. е. даръ слова. Натурально, бываетъ иногда.... что, какъ обыкновенно говорятъ, косноязычіе. Да. Или иные прочіе подобные случаи, что впрочемъ уже происходитъ отъ натуры.... Да неугодно ли вамъ пожаловать въ мою комнату?

[Аннушка идетъ, Лаврентій за нею[1]*; (но, увидя Петрушевича въ задумчивости, останавливается]:*

Ахъ, Григорій Савичъ! Я васъ чуть было не заперъ. Извините! У насъ уже давно обѣдать пора.

Петрушевичъ *[выходя изъ задумчивости]*.

Боже мой! Боже мой! И такъ вотъ что̀! Служилъ, служилъ и что жъ выслужилъ? Хм. *[Съ горькою улыбкою]*. Тутъ что-то говорили объ балѣ — какой для меня балъ! Сегодня еще сговорились было итти къ Андрею Ивановичу на бостончикъ. Нѣтъ, не пойду. Что мнѣ теперь бостонъ! Я самъ не знаю, что̀ я буду, куда я пойду. Что скажетъ моя Марья Григорьевна! *[Выходитъ медленно и машинально]*.

(Занавѣсъ опускается).

Итакъ, на описанномъ листѣ сохранилось *окончаніе* одного изъ актовъ комедіи „Владиміръ 3-ей степени“; — судя по содержанію выписанныхъ явленій вѣроятнѣе всего *втораго;* по словамъ Погодина, „изъ комедіи „Владиміръ 3-ей степени“ написано было *два дѣйствія*“[2]. Какъ бы то ни было, но изъ приведеннаго текста ясно, что *послѣднія сцены* какого-то акта уничтоженной комедіи *происходили въ лакейской Ивана Петровича Бурдюкова.* Здѣсь собра-

[1] Здѣсь оканчивается незачеркнутый текстъ; ср. выше, стр. 467—468. [2] Москвитянинъ 1841 г., часть I, № 2, смѣсь, стр. 616.

лись: *Каплуновъ*, лицо неизвѣстное по напечатаннымъ отрывкамъ комедіи „Владиміръ 3-ей степени", *Шрейдеръ*, секретарь Ивана Петровича въ „Утрѣ дѣловаго человѣка"[1], *Петрушевичъ*, повидимому только-что уволенный въ отставку чиновникъ изъ подчиненныхъ Ивана Петровича. Сюда вбѣгаетъ, тотчасъ послѣ разговора съ „степнякомъ" (Христофоромъ Петровичемъ) *Закатищевъ*, мечтающій получить отъ Ивана Петровича тысяченку и купить „рысаковъ и колясчонку", „воображающій, что въ него всѣ влюбляются" — это будущій *Собачкинъ* „Отрывка". Закатищевъ является подслужиться Ивану Петровичу Бурдюкову сообщеніемъ „о сюрпризцѣ, который готовилъ ему родной братецъ" (т. е. о тяжбѣ). Такимъ образомъ, *текстъ втораго листа*, уцѣлѣвшій изъ рукописи уничтоженной комедіи, подкрѣпляетъ и дополняетъ новыми данными первоначальную связь сценъ, изъ которыхъ впослѣдствіи выработались: „Утро дѣловаго человѣка", „Тяжба", „Лакейская", „Отрывокъ".

Изъ этого видно, какой обширный объемъ предполагалъ Гоголь дать комедіи „Владиміръ 3-ей степени" и какую сложную интригу думалъ развить въ ней. Однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ піесы былъ Иванъ Петровичъ Бурдюковъ[2], мечтавшій получить орденъ Владиміра третьей степени[3]. Въ „Театральномъ разъѣздѣ" одинъ изъ любителей искусствъ такъ отвѣчаетъ на обвиненіе, что въ „Ревизорѣ" нѣтъ завязки: „Да, если принимать завязку въ томъ смыслѣ, какъ ее обыкновенно принимаютъ, то есть, въ смыслѣ любовной интриги, такъ ея, точно, нѣтъ. Но, кажется, уже пора перестать опираться до сихъ поръ на эту вѣчную завязку. Стòитъ вглядѣться пристально вокругъ. Все измѣнилось давно въ свѣтѣ. Теперь сильнѣй завязываетъ драму стремленіе достать выгодное мѣсто, блеснуть и затмить, во что̀ бы ни стало, другаго, отмстить за пренебреженье, за насмѣшку. Не болѣе ли теперь имѣютъ электричества чинъ, денежный капиталъ, выгодная женитьба, чѣмъ

[1] Ср. выше, стр. 451—452. [2] В. И. Родиславскій, со словъ М. С. Щепкина, передаетъ въ такомъ видѣ содержаніе этой комедіи: «Героемъ ея былъ человѣкъ, поставившій себѣ цѣлью жизни получить крестъ св. Владиміра 3-ей степени.... Въ концѣ піесы герой ея сходилъ съ ума и воображалъ, что онъ самъ и есть Владиміръ 3-ей степени. Съ особенною похвалою М. С. Щепкинъ отзывался о сценѣ, въ которой герой пьесы, сидя передъ зеркаломъ, мечтаетъ о Владимірѣ 3-ей степени и воображаетъ, что этотъ крестъ уже на немъ». См. Бесѣды въ Обществѣ любителей россійской словесности III. 140. [3] Ср. выше, стр. 451.

любовь?.... Комедія должна вязаться сама собою, всей своей массою, въ одинъ *большой общій узелъ.* Завязка должна обнимать всѣ лица, а не одно или два, коснуться того, что волнуетъ, болѣе или менѣе, всѣхъ дѣйствующихъ. Тутъ всякій герой; теченіе и ходъ піесы производитъ потрясеніе всей машины; ни одно колесо не должно оставаться, какъ ржавое и не входящее въ дѣло"[1].

Первая попытка осуществить эту драматическую программу сдѣлана была Гоголемъ въ комедіи „Владиміръ 3-ей степени".

Изъ сценъ этой піесы, выдѣленныхъ впослѣдствіи въ отдѣльные „драматическіе отрывки", ранѣе другихъ написаны были тѣ, изъ которыхъ выработано „Утро дѣловаго человѣка", и которыя входили въ составъ экспозиціи комедіи „Владиміръ 3-ей степени". Набросанные, въ 1832 году, въ записной книгѣ „Матеріалы частные" для комедіи (стр. 57 въ РА № 2) и отдѣльныя фразы дѣйствующихъ въ комедіи лицъ (стр. 143 той же рукописи) нашли себѣ приложеніе въ сценахъ, изъ которыхъ образовалось „Утро дѣловаго человѣка"[2]. Ранѣе всѣхъ другихъ „лоскутковъ" уничтоженной комедіи, эти сцены обработаны были Гоголемъ въ отдѣльное цѣлое. Въ письмѣ къ Плетневу, посланномъ изъ Михайловскаго осенью 1835 года, Пушкинъ уже припоминаетъ одну фразу изъ этихъ сценъ. „Лангера (пишетъ Пушкинъ) заставь также нарисовать виньетку безъ смысла. Были бы цвѣточки, да лиры, да плющъ, какъ на квартирѣ Алекс. Ивановича въ комедіи Гоголя"[3]. Выдѣленныя и обработанныя въ особое цѣлое сцены получили названіе: „Утро чиновника". Это видно изъ письма Гоголя къ Пушкину: „Посылаю вамъ „Утро чиновника". Отправьте ее, если можно, сегодня же или завтра по утру къ цензору, потому что онъ можетъ ее взять въ Ценз. Комитетъ вмѣстѣ съ „Коляскою". Завтра утромъ засѣданіе. Да возьмите изъ типографіи статью о журнальной ли-

[1] Ср. выше, стр. 487. [2] Эти наброски напечатаны ниже, стр. 734. Съ «матеріалами частными» сходно слѣдующее мѣсто «Утра дѣловаго человѣка»: «*Катерина Александровна.* Вы бы попробовали омеопатическаго средства. *Иванъ Петровичъ.* Чудно, право, какъ подумаешь, до чего не доходитъ просвѣщеніе. Вотъ ты говоришь. Катерина Александровна, про меопатію. Недавно былъ я въ представленіи. Что жъ бы вы думали? Мальчишка росту — какъ бы вамъ сказать? — вотъ этакого *(показываетъ рукою),* лѣтъ трехъ не больше: посмотрѣли бы вы, какъ онъ пляшетъ на тончайшемъ канатѣ!» (Ср. выше, стр. 453 — 454). Въ эти же сцены (стр. 450) вставлена съ легкимъ измѣненіемъ внесенная въ записную книгу фраза: «Фуфайку, надобно вамъ знать, сударыня, я ношу лосинную: она гораздо лучше фланелевой». [3] Сочиненія Пушкина VII. 385.

тературѣ. Мы съ вами пребезалаберные люди — и позабыли, что туды нужно включить многое изъ остающагося у меня хвоста. — Я прошу сдѣлать такъ, чтобъ *эта сцена* шла впередъ, а за ней уже о литературѣ"[1]. Мы относимъ это письмо къ двадцатымъ числамъ марта 1836 года[2]. Въ это время „Утро чиновника" и было окончательно отдѣлано для печати. Оно появилось въ первомъ томѣ „Современника" Пушкина (стр. 227—241), подъ заглавіемъ: „Утро дѣловаго человѣка. Петербургскія сцены". Заглавіе было измѣнено, кажется, цензурою. Въ „Современникѣ" эти сцены помѣщены были *послѣ* статьи Гоголя: „О движеніи журнальной литературы", а не передъ нею. При перепечаткѣ „Утра дѣловаго человѣка" въ первомъ изданіи „Сочиненій Гоголя" (1842 г., **П**) въ этихъ сценахъ передѣлано было авторомъ только одно мѣсто[3]: стилистическія поправки сдѣланы Прокоповичемъ.

Въ варіантахъ „Современникъ" Пушкина означенъ буквою **С**.

Стр. 448 [1] **С**; *«собачку»* **П**.

Стр. 449 [1] **С**; «я самъ почти въ тоже время» **П**. [2] **С**: «роберъ» **П**. [3] **П**; «валетъ мой» **С**. [4] При перепечаткѣ сценъ въ **П** это мѣсто было передѣлано. Въ «Современникѣ» Пушкина оно напечатано въ такомъ видѣ: «*Александръ Ивановичъ.* Не беретъ, потому что я не сносилъ еще своей дамы. *Иванъ Петровичъ.* Такъ вы кладете даму, а у Лукьяна Ѳедосѣевича семерка козырей. *Александръ Ивановичъ.* Да развѣ у него былъ козырь? Я что-то не помню. *Иванъ Петровичъ.* Какъ же, у него оставалось два козыря: десятка, которой бы долженъ былъ онъ козырнуть, и семерка. *Александръ Ивановичъ.* Только нѣтъ, позвольте, Иванъ Петровичъ, у него не могло быть больше одного козыря, потому... *Иванъ Петровичъ.* Ахъ, Боже мой, Александръ Ивановичъ, кому вы это говорите! Два козыря, два козыря! я, какъ теперь помню, десятка и семерка. *Александръ Ивановичъ.* Десятка была, это такъ, но семерки не было. Вѣдь онъ бы козырнулъ; согласитесь сами, вѣдь онъ бы козырнулъ! *Иванъ Петровичъ.* Ей Богу, Александръ Ивановичъ, ей Богу!»

Стр. 450 [1] **П**; «семерка козырей» **С**. [2] **С**; «гм!» **П**.

Стр. 451 [1] **П**; «ужъ не былъ такъ интересенъ» **С**.

Стр. 452 [1] **С**; «остается» **П**.

Стр. 453 [1] **П**; «выигриваютъ» **С**.

Стр. 454 [1] **С**; «и ты таки ордена не получишь! не получишь!» **П**.

Тяжба (стр. 455—461).

Въ основу „Тяжбы" Гоголь положилъ одну сцену („третью) изъ комедіи „Владиміръ 3-ей степени". Вынувши изъ переписанной набѣло рукописи этой комедіи пять четвертокъ, на которыхъ по-

[1] Русскій Архивъ 1880 г. II. 514—515. [2] Ср. настоящаго изданія томъ V. стр. 651. [3] Ср. 4-е прим. къ стр. 449-й.

мѣщена была эта сцена, авторъ во второй періодъ работы надъ приготовленіемъ „Тяжбы“ придѣлалъ къ сценѣ, выдѣленной изъ уничтоженной комедіи, *введеніе* и *заключеніе*. То и другое было написано на цѣльномъ листѣ обыкновенной писчей бумаги, русской фабрики; форматъ бумаги былъ значительно больше формата той бумаги, на которой переписана была комедія: „Владиміръ 3-ей степени“. На этомъ новомъ листѣ написаны были первое и начало втораго явленія для „Тяжбы“ и третье, заключительное въ ней явленіе. Имена дѣйствующихъ лицъ оставлены были тѣ же, какія находились въ сценѣ, вынутой изъ оставленной комедіи: **А. И.** (т. е. Александръ Ивановичъ) и *Барсуковъ*. Въ третьемъ періодѣ работы Гоголь передѣлалъ двѣ первыя страницы *перваго* явленія и для этого отрѣзалъ отъ цѣльнаго листа, на которомъ были написаны дополнительныя явленія, первую четвертку и подклеилъ на мѣсто ея другую, на которой помѣщенъ былъ новый текстъ двухъ начальныхъ страницъ. Повидимому, этотъ текстъ былъ короче прежняго, отрѣзаннаго, потому что при перепискѣ Гоголь не могъ подогнать его къ концу второй страницы и между началомъ стараго текста[1] и послѣдними строками новаго[2] оказался значительный промежутокъ: это пустое мѣсто авторъ перечеркнулъ крестообразно. Въ новомъ текстѣ, помѣщенномъ на приклеенной четверткѣ, нѣтъ заглавія; вмѣсто буквъ **А. И.** поставлено: „Пролетовъ“. Текстъ начинается слѣдующими строками: „*Кабинетъ. Г. И. Пролетовъ, сенатскій оберъ-секретарь, сидитъ одинъ въ креслахъ и поминутно икаетъ*“. Только въ послѣдній періодъ работы Гоголь далъ новыя имена дѣйствующимъ лицамъ и сгладилъ (хотя не вездѣ) неодинаковость именъ и фамилій одного и того же лица на разновременно написанныхъ страницахъ „Тяжбы“, сложившейся такимъ образомъ въ отдѣльное, самостоятельное цѣлое. Вмѣсто прежняго: „*Ивану* Петровичу“ было тогда написано: „*Павлу* Петровичу“. Рукопись „Тяжбы“, принадлежащая Нѣжинскому Историко-филологическому Институту, наглядно объясняетъ намъ процессъ работы Гоголя надъ этимъ произведеніемъ. Первая четвертка подклеена къ слѣдующему полулисту, сложенному въ форматъ четвертки; она писана совершенно другимъ характеромъ письма нежели непосредственно слѣдующія за нею страницы. Вторая и третья

[1] Старый текстъ начинался на 3-ей страницѣ (или второй четверткѣ) слогами: «въ Камчатку». [2] Новый текстъ оканчивался на 2-й страницѣ такъ: «Вотъ кого, не говоря дальнихъ словъ, упряталъ бы (въ Камчатку)». (Ср. выше, стр. 456.

четвертки составляютъ особый неразрѣзанный полулистъ; въ немъ исписаны три первыя страницы. Третья его страница оканчивается словами: „Позвольте васъ обнять“. Послѣдняя страница полулиста пустая. Этимъ указывается мѣсто вставки старой третьей сцены комедіи „Владиміръ 3-ей степени“. Пять четвертокъ (4—8 въ Нѣжин. рук.), вынутыхъ изъ рукописи уничтоженной комедіи, вплетены непосредственно передъ „Явленіемъ 3-мъ“, отличаются отъ остальныхъ листковъ „Тяжбы“ и форматомъ бумаги, и характеромъ письма. Лицевая страница четвертой четвертки зачеркнута, такъ какъ на ней былъ помѣщенъ текстъ комедіи, не подлежавшій перенесенію въ „Тяжбу“. На оборотной страницѣ той же четвертки зачеркнуты начальныя строки, указывавшія связь этого текста съ уничтоженною комедіею (см. стр. 737 и 748). Старая сцена приведена въ связь со вновь написаннымъ введеніемъ установлена слѣдующимъ прибавленіемъ: „*Извольте! Я самъ обниму васъ за такую готовность (обнимаются). А прежде, признаюсь, взглянувши на вашу* физіогномію, никакъ нельзя было“[1]. Старый текстъ оканчивается на оборотной страницѣ 8-ой четвертки Нѣжинской рукописи словами: „Прощайте, почтеннѣйшій, прощайте!“ Въ началѣ лицевой страницы девятой четвертки написано: „*Явленіе 3.* **А. И.**, *потомъ слуга*“. Изъ этого видно, что это явленіе написано *ранѣе* первой (приклеенной) четвертки рукописи, гдѣ вмѣсто: *А. И.* уже стоитъ: „Пролетовъ“. Итакъ, „Тяжба“ въ Нѣжинской рукописи состоитъ изъ *трехъ* явленій, а не изъ четырехъ, какъ въ печатномъ текстѣ. Это произошло отъ того, что въ рукописи *второе* явленіе начинается такъ: „*А. И.* и *Хр.*[1] *Петр. Барсуковъ*“[2]; между тѣмъ, какъ въ печати предшествующій этому явленію текстъ раздѣленъ на два явленія.

„Тяжба“ была окончательно отдѣлана для печати, въ видѣ отдѣльнаго цѣлаго, въ 1839 году или въ началѣ 1840 г. С. Т. Аксаковъ разсказываетъ: „Однажды въ мартѣ (1840 г.), при многихъ гостяхъ, совершенно неожиданно для насъ объявилъ Гоголь, что хочетъ читать. Разумѣется, всѣ обрадовались и всѣ соединились въ гостиной. Гоголь сѣлъ за боковой круглый столъ, вынулъ какую-то тетрадку, вдругъ икнулъ и, опустивъ бумагу, сказалъ: „Какъ я объѣлся грибковъ!“ Это было начало комической *сцены*, которую онъ намъ и прочелъ“[3].

[1] Ср. выше, стр. 457 и 5-ое примѣчаніе къ этой страницѣ. [2] Ср. выше, стр. 456.

[3] Русь 1880 г., № 6, стр. 16. Ср. Кулишъ. Записки о жизни Гоголя I, 253.

Въ варіантахъ рукопись Нѣжинскаго Историко-филологическаго института означена буквами **НР**.

Стр. 455 [1] **П**; «сенатскій оберъ-секретарь» **НР**. [2] Въ **НР** прежде было написано: «Вчерашній обѣдъ-то словно въ горлѣ засѣлъ». [3] Въ **НР**, передъ словомъ «помѣстилъ», зачеркнуто: «почти». [4] Послѣ слова «произведенъ» въ **НР** зачеркнуто: «въ чинъ». [5] Въ **НР** прежде было написано: «самый гнуснѣйшій человѣкъ». [6] Послѣ этого въ **НР** зачеркнуты слова: «въ мірѣ». [7] Въ **НР** прежде было написано: «И мнѣ нравится то, что весь свѣтъ почитаетъ его». [8] Фраза: «сенатъ не вникнулъ», въ **П** исключена. [9] Вмѣсто словъ: «въ газету», въ **НР** прежде было написано: «въ эту Пчелу».

Стр. 456 [1] Въ **НР** фраза: «нагадилъ бы ему, хоть сію минуту», написана сверху зачеркнутыхъ словъ: «насолилъ ему». [2] **НР**; «губы-то» **П**. [3] Въ **НР** прежде было написано: «Обстоятельства и дѣла такого рода понудили меня оставить нашъ городишку, и увѣренность, что вы не откажетесь помочь». [4] Въ **НР** прежде было написано: «а есть немного сходства съ тѣмъ». [5] Въ **НР** прежде было написано: «въ чемъ могу вамъ служить?» [6] **П**; въ **НР** слово: «Бурдюковъ» написано вездѣ по зачеркнутому: «Хр. Пет.»; «Пролетовъ» — по зачеркнутому: «А. И.» (Александръ Ивановичъ). [7] **П**; въ **НР**: «Тяжба съ кѣмъ?»

Стр. 457 [1] Въ **НР** прежде было написано: «Да что жъ вы на меня уставили глаза? Когда говорю, такъ, стало быть, правда». [2] Въ **НР** прежде было написано: «Господи благослови васъ, Пресвятая Троица и всѣ святые за это дѣло!» [3] **НР**; «а вѣдь не пощадитъ и брата — процессъ!» **П**. Въ **НР** прежде было: «Вотъ разсказывай пожалуй, что нѣтъ вдохновенья (потомъ исправлено: *откровенья*) теперь! Да это-то что же? Вѣдь это именно наитіе свыше». [5] Это мѣсто (начиная съ словъ: «Извольте я самъ обниму») передѣлывалось нѣсколько разъ. Первоначально, когда эти сцены составляли часть задуманной большой комедіи, оно имѣло слѣдующій видъ въ **НР**: «*Сцена III. Комната Ал. Ивановича. Х. П.* (т. е. Христофоръ Петровичъ). Я очень радъ, что познакомился съ вами. Странно однакожъ, что по физіогноміи вашей никакъ нельзя было думать прежде, чтобы вы были путной человѣкъ. *А. И.* На щетъ этого, вы знаете, есть старая пословица. *Х. П.* Скажите пожалуста, вѣрно покойница матушка ваша, когда была брюхата вами, перепугалась чего-нибудь? *А. И.* Оставимъ-те это». Потомъ въ началѣ монолога было приписано: «Съ большимъ удовольствіемъ». Зачеркнувши эту прибавку, Гоголь передѣлалъ первыя строки такимъ образомъ: «Извольте, извольте! Я съ большою готовностью *(обнимаются).* Очень обязанъ за подобное радушіе. Я признаюсь было сначала, взглянувши на вашу физіогномію....» [6] Первоначальный текстъ въ **НР**: «Да, это можетъ случиться», зачеркнутъ, и сверху была написана первая передѣлка: «(Вотъ) Ну, чортъ съ нимъ, съ бараномъ! Какъ же, ей Богу, я радъ!» [7] **П**: «пріобрѣвши» **НР**. [8] Фраза: «А ужъ я (то такъ) какъ радъ (право), пріобрѣвши такое покровительство», приписана въ **НР** позднѣе сверху первоначальнаго текста. [9] Слово «вижу» поставлено въ **НР** вмѣсто зачеркнутаго: «замѣчаю». [10] Въ **НР** прежде было написано: «мнѣ знакомо». [11] **НР**; въ **П** слово «карабинерномъ» опущено. [12] Первоначальный текстъ

въ НР: «Позвольте, я такъ жажду скорѣе вамъ помочь. Садитесь, сдѣлайте одолженіе въ эти кресла, да разскажите обстоятельно мнѣ ваше дѣло». Первая передѣлка: «Вотъ тебѣ на! (Чортъ какой разнесъ!) Дьяволъ какой ввалился! Это ужъ, что называется, совсѣмъ безъ церемоніи. *(Вслухъ)*. Однакожъ время драгоцѣнно. Пожалуста, раскажите...»

Стр. 458 [1] П; «Жеребцову» НР. [2] П; «бестіѣ» НР. [3] Слова: «Изволите видѣть: вотъ оно куды пошло!» приписаны въ НР сверху зачеркнутаго первоначальнаго текста: «О! слушайте, слушайте!» [4] НР; «Ну объ этой» П. [5] Первоначальный текстъ: «вотъ этотъ мошенникъ братъ, ужъ онъ на эти дѣла хоть сейчасъ въ какую угодно министерію». Первоначальная передѣлка: «Онъ на это — хоть его наряди въ вицъ-мундиръ». Вторая передѣлка: «Онъ на это хоть чорту въ дядьки пойдетъ». [6] Слово «вона» приписано сверху зачеркнутаго первоначальнаго: «О то то то то!» [7] Слово «хозяинъ» приписано къ первоначальному тексту впослѣдствіи. [8] Слова: «и расталлъ, и говоритъ», приписаны послѣ сверху строки. [9] НР; «подлѣ» П. [10] Поправка приписана въ НР сверху первоначальнаго текста: «Да развѣ она точно сказала это?» Въ П: «Какъ же; да вѣдь она....» Слово: «какой же» написано въ НР неразборчиво.

Стр. 459 [1] Слова: «Однакожъ позвольте», приписаны къ первоначальному тексту позднѣе. [2] П; «я говорю» НР. [3] Слова: «и ..... страданья, отчаянья такіе, что люли только!» приписаны въ НР послѣ сверху строки. [4] Слова: «А вотъ какъ» приписаны въ НР къ первоначальному тексту послѣ. [5] П; въ НР остался слѣдъ первоначальнаго текста: «Барсукову». [6] Слова: «вона! вона! вона куды пошло!» приписаны сверху первоначальнаго: «о го го го!» [7] П; «ревизскихъ» НР. [8] НР; «угодье» П. [9] Первоначальный текстъ въ НР: «Да вы все слышите? [10] П; «Маріѣ» НР. [11] П; «Барсуковой» НР. [12] НР; «слѣдующую» П. [13] Слова: «вона! — типунъ!» приписаны сверху первоначальнаго: «его остальное!» [14] П; «Барсукову» НР. [15] П; «штаметовыя» НР. [16] Тоже. [17] Въ НР слова: «Ахъ, онъ мошенникъ этакой! Прошу покорно!» приписаны сверху строки впослѣдствіи. Первоначальный текстъ: «Ахъ, Боже мой, какое мошенничество!» Первая поправка: «Ахъ, ты мошенникъ какой! Вѣдь у него, ужъ я ..., у него еще съ молокомъ....» Послѣдняя фраза не была кончена и замѣнена такою: «Я увѣренъ, что его еще отъ мамки не успѣли отнять, какъ онъ уже кралъ». [18] П; «штаметовыя» НР.

Стр. 460 [1] Слова: «Что вы!» приписаны въ НР сверху зачеркнутаго первоначальнаго текста: «Ахъ, какой подлецъ!» [2] П; «штаметовыя» НР. [3] П; «Барсуковъ» НР. Въ рукописи слово «Барсуковъ» приписано позднѣе сверху строки. Слово «Павелъ» переправлено изъ «Иванъ». [4] П; «Барсуковъ» НР. [5] НР; «надо» П. [6] Въ П: «Какъ? васъ я все позабываю!» [7] Въ НР слово «Прольдюковскій» (или «Прольдюховскій?) переправлено изъ какого-то другаго слова, которое нами не разобрано.

Стр. 461 [1] П; «*А. П.*» НР. [2] НР; въ П, вслѣдствіе ошибки писца: «плодъ». [3] Въ НР прежде было написано: «Странное дѣло». [4] НР; въ П слово «такое» пропущено. [5] НР; «какъ будто бы» П. [6] П; въ НР нѣтъ словъ: «Андрей входитъ». [7] П; «севоднишняго» НР. [8] Послѣ этого слова въ НР зачеркнуто: «*Лакей*. Покорнѣйше благодарю». [9] Въ НР прежде было на-

писано: «Вотъ и на нашу улицу пришло веселье!» [10] Въ **HP**, вмѣсто слова «сяду», прежде было написано: «буду». [11] **П**; «А ужъ коли изъ сенатскихъ музыкантовъ наберу оркестръ» **HP**. [12] Въ **HP** двѣ послѣднія строки приписаны позднѣе вмѣсто первоначальнаго наброска: «Такъ .... такъ ты запляшешъ, что и ногъ не унесть тебѣ и самъ Богъ не вытащитъ».

Лакейская (стр. 462—468).

Комедія „Владиміръ 3-ей степени" не много дала матеріала для „Лакейской". Эпизодическій разговоръ Лаврентія съ Аннушкою, въ одной изъ сценъ уничтоженной комедіи[1], послужилъ Гоголю исходнымъ пунктомъ при сочиненіи „Лакейской" и составилъ въ ней послѣднее (VIII) явленіе[2]. Все остальное было присочинено впослѣдствіи. Начальныя семь явленій „Лакейской" были написаны начерно не въ одинъ пріемъ. Первый, черновой набросокъ поступилъ, изъ бумагъ А. А. Иванова, въ Императорскую Публичную Библіотеку. Онъ написанъ на четверткѣ сѣрой писчей бумаги. Набросокъ носитъ уже заглавіе: „Лакейская" и начинается такъ: „Театръ представляетъ переднюю; съ одной стороны дверь на лѣво, съ другой въ кабинетъ; по срединѣ у стѣны длинная скамья, *Петръ*, *Иванъ* и *Григорій* сидятъ на ней и спятъ, уткнувши головы одинъ другому въ плечо. Въ дверяхъ (гремитъ) звенитъ громкій звонокъ. Лакеи пробуждаются". Набросокъ оканчивается слѣдующими словами: „Всѣ хохочутъ. Въ это время отворяется дверь изъ кабинета, и рука барина, одѣтаго въ халатъ, схватываетъ Григорія за ухо. Всѣ лакеи подымаются съ мѣстъ". Итакъ, на листкѣ Публичной Библіотеки набросано только одно первое явленіе „Лакейской"[3], которое объемомъ превосходитъ всѣ прочія. Вѣроятно, въ другой сеансъ набросаны были начерно остальныя шесть начальныхъ явленій этого произведенія. Рукопись „Лакейской", принадлежащая Нѣжинскому Историко-филологическому Институту и служившая Прокоповичу оригиналомъ при печатаніи этой піесы въ „Сочиненіяхъ Гоголя", состоитъ изъ двухъ частей. Первыя шесть четвертокъ (л. 10—15 въ рукописи) представляютъ набѣло переписанный авторомъ текстъ *вновь написанной части* „Лакейской"; слѣдующія четыре четвертки (л. 16—19) вынуты изъ рукописи комедіи „Владиміръ 3-ей степени". Въ бѣловомъ

[1] Ср. выше, стр. 739—742. [2] Раздѣленіе „Лакейской" на восемь явленій введено уже въ печатный текстъ этой піесы. Ср. выше, стр. 467—468. [3] Въ рукописи Публичной Библіотеки этотъ набросокъ занимаетъ 51-й листъ.

текстѣ нѣтъ раздѣленія на явленія: оно введено Прокоповичемъ при печатаніи „Лакейской". Переписывая набѣло набросокъ перваго явленія, сохранившійся въ бумагахъ А. А. Иванова, Гоголь сдѣлалъ въ немъ столь немногія и столь незначительныя стилистическія поправки, что мы не нашли нужнымъ печатать упомянутый черновой набросокъ. Бѣловой текстъ писанъ одними чернилами и однимъ почеркомъ на первыхъ восьми страницахъ и частію на девятой. Но на этой страницѣ начинается другой характеръ письма, и чернила рѣзко отличаются отъ прежнихъ блѣдно-желтымъ цвѣтомъ. Очевидно, что при переписываніи этой страницы былъ перерывъ. Текстъ, написанный новыми чернилами (блѣдно-желтыми) начинается фразою: „Вѣдь вотъ свободное время" и оканчивается словами: „*Входитъ Аннушка [горничная дѣвушка изъ другаго дома]*"[1]. Въ этомъ текстѣ есть признаки черноваго наброска: есть помарки, сдѣланныя тѣми же чернилами, исправлено въ двухъ мѣстахъ отчество при имени *Григорій:* вмѣсто *Ивановичъ* написано: „Павловичъ"[2]. Въ предшествующемъ бѣловомъ текстѣ такихъ поправокъ нѣтъ. Тѣми же желтыми чернилами сдѣланы двѣ поправки въ строкахъ бѣловаго текста, помѣщенныхъ на той же девятой страницѣ[3]. Вновь сочиненная часть „Лакейской" занимаетъ въ Нѣжинской рукописи десять страницъ и часть одиннадцатой; двѣнадцатая страница пустая. Бумага для переписки этой части піесы набѣло употреблена писчая, сѣрая, съ клеймомъ „Знаменской фабр." Очевидно, эта часть „Лакейской" переписана въ Россіи. Мы полагаемъ, что переписка набѣло и слѣд. окончательная редакція этого произведенія относится къ концу 1839 или къ началу 1840 года: въ это время Гоголь предполагалъ издать томъ своихъ драматическихъ сочиненій. Въ декабрѣ 1839 года онъ писалъ Жуковскому изъ Москвы: „Я отыскалъ изъ недоконченной комедіи только *два отрывка*, она вся осталась въ Римѣ"[4]. Мы видѣли, что отъ комедіи „Владиміръ 3-ей степени" дѣйствительно уцѣлѣли только два отрывка: изъ нихъ одинъ вошелъ въ „Тяжбу", другой — въ „Лакейскую". Несомнѣнно, эти сцены и разумѣетъ Гоголь въ своемъ письмѣ къ Жуковскому. С. Т. Аксаковъ оставилъ извѣстіе, что въ мартѣ 1840 года Гоголь читалъ у него въ домѣ „Тяжбу". Къ этому же времени на основаніи

[1] Ср. выше, стр. 467. [2] Поправки эти отмѣчены въ варіантахъ. Ср. примѣч. 5 и 6 къ страницѣ 466-й. [3] Ср. въ варіантахъ примѣч. 2-е, 3-е и 4-е къ страницѣ 466-й. [4] Русскій Архивъ 1871 г. стр. 0939.

письма автора къ Жуковскому и фабричнаго штемпеля бумаги, на которой написанъ бѣловой текстъ „Лакейской“, дополняющій отрывокъ изъ „неоконченной комедіи“, относимъ мы и выработку послѣдней редакціи этого произведенія.

Стр. 462 [1] Въ **НР** прежде было написано: «налѣво въ столовую, по срединѣ въ кабинетъ». [2] **П**; въ **НР** согласно обычному написанію Гоголемъ этого слова: «самихъ». [3] Въ **НР** прежде было: «гремитъ». [4] **П**; «пробужаются» **НР**.

Стр. 463 [1] **НР**; «туда» **П**. [2] Въ **П** удержана пунктуація автора въ **НР**: «Что? говорятъ, ребята балъ затѣяли?»

Стр. 464 [1,2] **НР**; «сударь» **П**. [3] **НР**; «никуда» **П**. Въ **НР** прежде было написано: «никуда», потомъ авторъ переправилъ послѣднюю букву на *ы*. [4] Вмѣсто словъ: «не слыхать» прежде было написано: «не слышно». [5] **НР**; «надо» **П**. [6] Въ **НР** прежде было: «Скажи де». [7] Въ **НР** слова: «Ѳедору Ѳедоровичу», переправлены изъ — «Ивану Петровичу». [8] Въ **НР** прежде было: «и сама буду». [9] Слова: «въ которомъ часу», приписаны позднѣе; прежде въ **НР** было: «Не могу знать-съ». [10] Въ **НР** слово «Ѳедоровичу» переправлено изъ — «Петровичу». [11] **НР**; въ **П** ошибочно: «у нихъ а»; «съ» принято писцомъ за *а*. Послѣ этого въ **НР** зачеркнуто: «сегодня».

Стр. 465 [1] **П**; «Ѳедоръ Петровичъ» **НР**. [2] **НР**; «не позабудь» **П**. [3] Въ **НР** прежде было написано: «Глѣнтягинъ-съ». [4] **НР**; «не забудь» **П**. [5] Въ **НР** прежде было написано: «Ерещагинъ». [6] **НР**; въ **П** пропущено слово: «ужъ». [8] **НР**; «Куда, куда!» **П**. [9] **П**; «*вслѣдъ ея*» **НР**.

Стр. 466 [1] **П**. Въ **НР**: «Рожи у Григорія и у Ивана (принимаютъ) вдругъ (насупливаются и) становятся *насупившись и* сурьезны». Слова, поставленныя въ скобкахъ, зачеркнуты, а напечатанныя курсивомъ написаны сверху строки. [2] Въ **НР** прежде было написано: «Нѣтъ, вотъ сей часъ придетъ дворецкій». [3] Въ **НР** слово «крикъ» приписано сверху зачеркнутаго: «толстый голосъ». [4] Слово «толстобрюхій» приписано позднѣе сверху зачеркнутаго: «чортъ». Вмѣсто словъ: «пошелъ кричать», прежде было написано: «кричитъ». [5] Въ **НР** слово «Павловичъ» передѣлано изъ «Ивановичъ». [6] Слово «Павловичъ» приписано въ **НР** позднѣе послѣ зачеркнутаго: «Ивановичъ».

Стр. 467 [1] Слово «Дворецкій» написано внизу зачеркнутаго «Лаврентій». Далѣе, во всей сценѣ, слово «Дворецкій» передѣлано изъ — «Лаврентій». [2] **НР**; «услыхала» **П**. [3] **П**; «Агафіей» **НР**. [4] **П**; «Агафія» **НР**. [5] **П**; «только и говорить все, что о васъ» **НР**. [6]

Стр. 468 [1] Въ **НР**: «калъ»; сверху карандашомъ: «удобреніе» (не рукою Гоголя). [2] Въ **НР** сверху этого слова написано тою же рукою карандашомъ: «удобреніемъ». [3] **НР**; «выразить» **П**.

Отрывокъ (стр. 469—481).

Судя по нѣсколькимъ строкамъ уцѣлѣвшаго текста второй сцены (втораго дѣйствія?) изъ комедіи „Владиміръ 3-ей степени“[1], же-

[1] Ср. выше стр. 737.

нитьба Миши Повалищева на княжнѣ Шлепохвостовой составляла важную часть въ фабулѣ уничтоженной комедіи. Изъ послѣдней, вѣроятно, извлечена та *черновая редакція* „Отрывка“, которая сохранилась въ собственноручной рукописи автора, поступившей изъ бумагъ А. А. Иванова въ Императорскую Публичную Библіотеку. Текстъ этой редакціи написанъ на двухъ съ половиною листахъ, или десяти четверткахъ, *заграничной* бумаги: на листахъ, 39-мъ и 40-мъ виденъ иностранный штемпель: „Geth....“ Въ собраніи сочиненій Гоголя переработанные „куски“ уничтоженной комедіи помѣщены рядомъ съ „Игроками“, подъ общею рубрикою „Драматическихъ отрывковъ и отдѣльныхъ сценъ“; авторъ отнесъ ихъ къ 1832—1837 годамъ. Если послѣдній годъ указанъ точно, то онъ можетъ относиться только къ *черновой* редакціи „Отрывка“: только ея текстъ переписанъ на заграничной бумагѣ. Само собою разумѣется, что извлекая эти сцены изъ комедіи „Владиміръ 3-ей степени“ и отдѣлывая ихъ въ самостоятельный „Отрывокъ“, Гоголь и при сочиненіи черновой редакціи этого произведенія не оставилъ сценъ уничтоженной комедіи безъ переработки. Эта редакція въ рукописи не имѣетъ заглавія; не указано мѣста, гдѣ происходитъ дѣйствіе: сама Повалищева удерживаетъ имя и отчество, какое она имѣла въ комедіи „Владиміръ 3-ей степени“ — Марья *Петровна:* указаніе на родство ея съ братьями Бурдюковыми сохранено. Въ черновомъ текстѣ къ „Отрывку“ не придѣлано и начала, которое дало бы ему видъ самостоятельнаго произведенія; начальныя строки прибавлены были впослѣдствіи. На рукописи черновой редакціи „Отрывка“ начата была Гоголемъ новая переработка текста. Поправки и дополненія приписывались на самой рукописи. Въ числѣ бумагъ Гоголя, поступившихъ послѣ А. А. Иванова въ Московскій Публичный Музей, находится черновой набросокъ одного мѣста въ „Отрывкѣ“, помѣщенный на небольшомъ лоскуткѣ сѣрой бумаги. Приводимъ этотъ набросокъ вполнѣ: „Еще смѣялись. — И не слышила даже. — (Ахъ) Да вы знаете — вотъ, что̀ жилъ возлѣ Софронова. — И Софронова я никакого не знаю. — Да. Такъ дочь его. Теперь сидитъ въ монастырѣ: не перенесла. А мнѣ, признаться, жаль дѣвушки. Отецъ (самъ) упрашивалъ, кланялся, и вѣдь приданное богато. Но такъ какъ-то: вспомнилъ волю, свободу холостой жизни.... А по вскрытіи Невы всякой годъ вѣдь всегда находятъ двухъ-трехъ утонувшихъ женщинъ. Я ужъ только молчу. Я ужъ только такъ, какъ

будто бы и не я, потому что Богъ знаетъ въ такую исторію (попадешься) можешь попасться, что потомъ и не выпутаешься". Время написанія этого наброска намъ неизвѣстно.

Поправки и дополненія дали начало новой редакціи, которая, послѣ обычной перечистки, устраненія однихъ набросковъ и исправленія другихъ, была готова. Въ іюнѣ или іюлѣ 1840 года Гоголь началъ было переписывать набѣло эту первую *исправленную* редакцію „Отрывка"; но отвлекся отъ этого дѣла другими занятіями[1]. Набѣло предполагалось переписать именно эту редакцію „Отрывка". Это видно изъ начальныхъ строкъ, тщательно написанныхъ крупнымъ заглавнымъ шрифтомъ: „Комната въ Домѣ. Марья *Петровна* пожилыхъ лѣтъ и Михаилъ Андреевичъ, ея сынъ". Во *второй* исправленной редакціи „Отрывка" вмѣсто: *Марья Петровна* поставлено: *Марья Александровна*, и мѣсто дѣйствія указано такъ: „Комната въ домѣ Марьи Александровны" (ср. 1-е и 2-е примѣч. къ 469-й страницѣ). Новая редакція „Отрывка", выработанная на рукописи черновой редакціи, переписана была Гоголемъ набѣло, въ Римѣ, въ тетрадь изъ пяти листовъ голубоватой бумаги съ водяными въ ней знаками: птицею на скалѣ (на одной половинѣ листа) и буквами N M (на другой)[2]. На той же бумагѣ переписана была набѣло и послѣдняя тетрадь римской редакціи „Женитьбы". Вѣроятно, переписка набѣло второй редакціи „Отрывка" относится приблизительно къ тому времени, когда Гоголь окончилъ послѣднюю тетрадь „Женитьбы", т. е. къ началу 1841 года.

Выработка будущаго „Отрывка" на этомъ не остановилась. Переписавши набѣло новую редакцію этого произведенія, Гоголь началъ ее снова передѣлывать. Кромѣ мелкихъ исправленій, помѣщенныхъ надъ строками бѣловаго текста, совершенно измѣнены были два мѣста рукописи. 1) Зачеркнувши въ римской рукописи „Отрывка" цѣлую страницу, Гоголь написалъ взамѣнъ ея новый текстъ[3] на третьей и отчасти четвертой страницѣ полулиста желтой писчей бумаги русской (Знаменской?) фабрики. Итакъ, эта передѣлка сдѣлана авторомъ въ Россіи. 2) Содержаніе втораго изъ передѣланныхъ мѣстъ „Отрывка" даетъ, по нашему мнѣнію,

[1] Ср. настоящаго изданія томъ I, стр. 637. [2] Ср. тамъ же «Фабричные знаки въ бумагѣ, на которой Гоголь писалъ свои произведенія» № 5a и 5b. [3] Этотъ новый текстъ начинается словами: «Я понимаю, маменька, чего вы хотите»; оканчивается: «Отецъ пожертвовалъ всѣмъ имуществомъ на воспитанье дочери» (ср. выше, стр. 473).

указаніе и на время, когда написаны въ Россіи новыя версіи этихъ мѣстъ. Эта передѣлка помѣщена на первой и второй страницѣ того же полулиста, двѣ послѣднія страницы котораго заняты новымъ текстомъ только что указанной измѣненной страницы, напечатанной ниже въ варіантахъ (прим. 7-е къ стр. 473). Вторая передѣлка касается слѣдующаго мѣста бѣловаго текста второй редакціи „Отрывка“: „*Миша.* Помилуйте, матушка, вы сами знаете, что ужъ послушнѣе меня, я думаю, нигдѣ не найдете“ и т. д.[1]. Зачеркнувши эти строки, Гоголь набросалъ цѣлую тираду о кличкѣ „либералъ“, щедро расточавшейся на Руси „встрѣчному и поперечному“. Въ первой редакціи „Отрывка“ Марья Петровна въ разсужденіи своего Миши о женитьбѣ находитъ „массонскія правила“, отголосокъ „Рылѣевскихъ стиховъ“; во второй редакціи піесы она честитъ своего сына „либераломъ“. Авторъ влагаетъ въ уста Миши горячую укоризну „тѣмъ старичкамъ, которые имѣютъ обычай колоть этимъ словцомъ въ глаза всѣхъ, не разсмотрѣвши хорошенько ни человѣка, ни слова, которымъ его колятъ“. Патетическій тонъ тирады даетъ понять читателю, что Гоголь защищаетъ здѣсь — свое личное дѣло, самого себя. Послѣ перваго представленія „Ревизора“ поэтъ слышалъ вокругъ себя горькіе возгласы „старичковъ“: „Либералъ! Революціонеръ“[2]. Время написанія этой тетради отдѣлено самымъ незначительнымъ промежуткомъ съ одной стороны отъ той поры, когда переписывался Гоголемъ текстъ послѣдней редакціи „Ревизора“, въ которой Городничій обзываетъ либералами „бумагомаракъ“, съ другой — отъ лѣтнихъ мѣсяцевъ 1842 года, когда дописывался текстъ „Театральнаго разъѣзда“, этой величественной апологіи „честнаго смѣха“ и тѣхъ поэтическихъ созданій, которыя дали „старичкамъ“ поводъ огласить „либераломъ“ автора „Ревизора“. Написаніе этой непропущенной цензоромъ тирады и другаго наброска мы относимъ къ первымъ мѣсяцамъ 1842 г., когда Гоголь жилъ въ Москвѣ. Заглавіе „Отрывокъ“ дано было этимъ сценамъ Прокоповичемъ. Гоголь предполагалъ назвать ихъ просто: „Сцены изъ свѣтской жизни“[3]. Сообщая о скоромъ выходѣ въ свѣтъ перваго изданія „Сочиненій Гоголя“, Бѣлинскій еще называлъ эту піесу „Свѣтскими сценами“[4]. Но 14 ноября 1842 г.

---

[1] Ср. выше, стр. 472 и первое примѣчаніе къ этой страницѣ. [2] Ср. ниже, примѣчанія къ піесѣ: «Театральный разъѣздъ послѣ представленія новой комедіи». [3] Русское Слово 1859 г., январь стр. 120, 122. [4] Сочиненія Бѣлинскаго VI, 500.

Гоголь писалъ Прокоповичу изъ Рима: „Насчетъ намѣренія твоего назвать „Свѣтскую сцену“ просто „Отрывкомъ“, я совершенно согласенъ, тѣмъ болѣе, что прежнее названіе было вставлено такъ только, въ ожиданіи другаго“[1].

Въ варіантахъ рукопись второй редакціи „Отрывка“, принадлежащая нынѣ Московскому Публичному Музею, означена буквами: **ИМ.**

Представляемъ въ заключеніе полный текстъ первой редакціи „Отрывка“, сохранившійся въ рукописи Императорской Публичной Библіотеки (**ИБ**).

„М. П.

Да, я хочу, чтобъ ты служилъ въ военной.

М.

Какъ, матушка? Да вѣдь я уже въ титулярныхъ совѣтникахъ— какъ же мнѣ вступить теперь въ военную службу? Вѣдь въ военной службѣ нужно снова съ юнкеровъ. Другое дѣло, еслибъ это было сначала, когда я еще не начиналъ служить. Но теперь,— вы сами разсудите,— изъ титулярнаго совѣтника да махнуть въ юнкера!

М. П.

Ну, что жъ? Послужишь юнкеромъ, а потомъ произведутъ въ офицеры.

М.

Ну, что жъ вы нашли во мнѣ военнаго? И фигура моя совершенно не военная. Я таки, слава Богу, и толстенекъ немножко. Что̀ ни говори, а вѣдь это будетъ, просто, Богъ знаетъ что̀, когда меня нарядятъ въ[2] юнкерскій мундиръ съ коротенькими хвостиками, которые будутъ оканчиваться почти на спинѣ[3]. Судьба же меня наградила мясами плотными.

М. П.

Нѣтъ нужды. Всего только годъ или много два побудешь юнкеромъ, а потомъ произведутъ сейчасъ въ офицеры. Будешь носить мундиръ съ длинными фалдами и совершенно закроешь свою толщину, такъ что ничего не будетъ замѣтно. Притомъ это и лучше, что ты немного толстъ: скорѣе пойдетъ производство (въ генералы), и ужъ генераломъ непремѣнно будешь (попадешь со временемъ въ генералы).

[1] Русское Слово 1859 г., январь, стр. 123. [2] Сверху приписано: «а какъ надѣну». [3] Сверху приписано: «Совѣстно даже будетъ смотрѣть».

М.

Такъ ужъ если такъ, по штатской я скорѣе могу добраться. Вѣдь я теперь уже титулярный, за титулярнымъ коллежскій ассесоръ, а тамъ ужъ и пошло: надворный, коллежскій, статскій совѣтникъ, а тамъ и дѣйствительный статскій. Видите, какъ скоро. Тамъ начинай еще съ юнкера, а здѣсь я уже капитанъ, потому что титулярный тотъ же капитанъ.

М. П.

Пожалуста, перестань. Это слово „титулярный" тиранитъ мои уши: такъ и представляется утиральная салфетка. Въ военной службѣ гораздо выгоднѣе служить, и Государь больше обращаетъ вниманія. Словомъ, я хочу, чтобы ты служилъ въ гвардіи. Я не могу смотрѣть на штафирку. Это, просто, я тебѣ сказать не могу, какое раждаетъ во мнѣ омерзѣніе.

М.

Съ этой-то стороны, натурально, выгоднѣе въ военной — я это знаю, матушка. Да вѣдь для этого нужно, чтобъ и ноги были славныя и на лошади бы лихо ѣздилъ, и голосъ чтобы былъ звонкій, и тоже ростъ и талія окладистѣе.

М. П.

Пріобрѣтешь, все это пріобрѣтешь. Я хочу, чтобъ ты непремѣнно служилъ. (На это) Ужъ на это есть (еще особенная) очень важная причина.

М.

(Извольте, матушка. Конечно, если это ваша воля, то (мнѣ ничего) я не хочу васъ огорчить. Я докажу вамъ, что я помню, чѣмъ обязанъ сынъ матери, и я готовъ вамъ повиноваться даже (и) въ этомъ, хоть это, признаюсь, и не очень бы мнѣ хотѣлось. Но за то вы должны мнѣ сказать, какая это причина[1].

М. П.

(Причина очень важная, которой всей важности, можетъ быть, даже не поймешь ты)[2].

М.

Все же, матушка, скажите, какую. Все же мнѣ хоть. . . . .

---

[1] Сверху вмѣсто зачеркнутаго приписано: «Да какая же причина, матушка?».
[2] Сверху вмѣсто зачеркнутаго приписано: «Ну, ужъ причина важная».

(Да что жъ это за причина такая? Все таки скажите: можетъ быть, и пойму).

М. П.

Губомазова, эта дура, третьяго дня у Рогожинскихъ говоритъ, и нарочно такъ, чтобъ я слышала, — а я сижу третьею: передо мною Софи Вотрушкова, княгиня Александрина, а за княгиней Александриной сейчасъ я. Что жъ бы, ты думалъ, эта негодная осмѣлилась говорить? Я, право, такъ и хотѣла встать съ мѣста и еслибы не княгиня Александрина, я бы не знаю, что̀ я сдѣлала. Говоритъ: „я очень рада, что на придворный балъ не пускаютъ штатскихъ чиновниковъ; это такой, говоритъ, mauvais gens (sic!) (Нечистые такіе, на рукахъ у нихъ табакъ, и ничего благороднаго) Что-то", говоритъ, „ни се, ни то; ничего", говоритъ, „нѣтъ рыцарскаго благородства. (Какъ) я рада", говоритъ, „что мой Алексисъ не носитъ этого сквернаго фрака (и не знается съ этою сволочью)". И съ такимъ жеманствомъ и тономъ все это произнесла! А ея сынъ дуракъ набитый, только и знаетъ, что подымать ногу. Такая противная мерзавка!

М.

Какъ, матушка? Такъ въ этомъ вся причина?

М. П.

Да. Я хочу, на зло ей, чтобъ мой сынъ тоже служилъ въ гвардіи и былъ на всѣхъ придворныхъ балахъ.

М.

Помилуйте, матушка, изъ того, что она дура....

М. П.

Нѣтъ, я ужъ рѣшилась. Пусть-ка она себѣ треснетъ съ досады (а я употреблю). Пускай побѣсится!

М.

Да какъ же, матушка, вы жертвуете?....

М. П.

О, я ей покажу!... (Я ей употреб Я ей дамъ знать) Ужъ какъ она хочетъ, а я употреблю всѣ старанія, и мой сынъ будетъ тоже въ гвардіи. Ужъ хоть чрезъ это потеряетъ, а ужъ непремѣнно будетъ.

[1] Послѣ этого приписано сверху строки: «Такъ, право, я не знаю, что̀ бы сдѣлала».

М.

Да что вамъ, матушка, на нее глядѣть?

М. П.

Какъ! Чтобы я; позволила всякой мерзавкѣ дуться передъ собою и подымать и безъ того курносый носъ свой? Нѣтъ! ужъ вотъ это-то никогда не будетъ. Ужъ какъ вы себѣ хотите, Наталья Андреевна!...

М.

Да вѣдь развѣ жъ (ей прибудетъ отъ этого?)[1].

М. П.

(Ни за что, ни за что не позволю ругаться, издѣваться надъ собою)[2].

М.

Извольте, матушка. Я вижу, васъ ничѣмъ нельзя урезонить. Извольте, я согласенъ, хоть, нечего дѣлать, мнѣ самому станетъ смѣшно, какъ я вдругъ въ мундирѣ. Но только, (ей Богу =) право, матушка (мнѣ кажется, умру отъ смѣху) я не знаю, мнѣ кажется, я......... со смѣху, когда увижу себя въ мундирѣ.

М. П.

Ничего, гораздо благороднѣе этого фрака[3]. (Теперь я еще хочу поговорить съ тобою объ дѣлѣ, тоже очень важномъ...... я хочу женить тебя.

М.

Да вѣдь я еще не того.....

М. П.

Что — не того?

М.

(Ничего. Я.... Да вы какую хотите партію? =) Да какъ вамъ сказать? я еще не чувствую расположенія[4].

М. П.

Почувствуешь расположеніе, какъ только я тебѣ скажу, на комъ. .... Ну, вотъ то-то и есть. Лучшей ужъ никакъ не выберешь. (Прекрасную): и по службѣ много доставитъ, и въ чинахъ вы-

---

[1] Вмѣсто зачеркнутаго приписано: «вы этимъ досадите ей?». [2] Вмѣсто зачеркнутаго приписано: «Чего другаго, а ужъ этого не позволю». [3] Приписано сверху строки. [4] Эта фраза приписана послѣ.

играешь, словомъ, я хочу женить тебя на княжнѣ Шлепохвостовой.

М.

Да вѣдь она, матушка, дура первоклассная.

М. П.

Вовсе не первоклассная, а такъ, какъ и всѣ другія. Прекрасная дѣвушка; вотъ только что[1] памяти (только) нѣтъ (не много): иной разъ забывается, (иной разъ) скажетъ не впопадъ, но это отъ разсѣянности. А ужъ за то вовсе не сплетница и никогда ничего дурнаго не выдумаетъ.

М.

Да, помилуйте, куды ей сплетничать? Она насилу слово можетъ связать, да и то такое, что только руки разставишь, какъ услышишь. Мнѣ кажется, матушка, женитьба — это дѣло сердечное. Нужно, чтобы душа.....

М. П.

Ну, такъ! Я вотъ какъ будто предчувствовала! Все это массонскія правила. (Все это отъ Рылѣевскихъ стиховъ). Я знаю, кто тебѣ внушилъ все это. Все это скверный Собачкинъ.

М.

Ужъ за это Собачкина рѣшительно нельзя винить. Онъ надо мною никакой не имѣетъ власти. Собачкинъ мерзавецъ и картежникъ и все, что хотите, но тутъ онъ рѣшительно не виноватъ ни тѣломъ, ни душою.

М. П.

Ахъ, Боже мой! Какой ужасный человѣкъ! Я испугалась, когда его узнала. Безъ правилъ, безъ добродѣтели! Какой гнусный, какой гнусный человѣкъ! Если бъ ты зналъ, что такое онъ разнесъ про меня! Я три мѣсяца не могла никуда носа показать: что у меня подаютъ сальные огарки, что у меня по цѣлымъ недѣлямъ не вытираются въ комнатахъ полы щеткою. (Я вся краснѣла). Я болѣе недѣли была больна. Я не знаю, какъ я могла перенести это. Подлинно, одна вѣра въ Провидѣнье подкрѣпила меня.

М.

Ну[2], вотъ видите сами, матушка.

---

[1] Слова: «вотъ только что», приписаны сверху строки. [2] Въ рукописи: «Но».

М. П.

Я сказала, чтобъ онъ не смѣлъ мнѣ на глаза показываться. И ты однимъ только можешь оправдать себя, когда безъ всякаго упорства сдѣлаешь предложеніе княжнѣ, — и лучше, если сегодня.

М.

Но, матушка, а если ужъ я... какъ бы вамъ сказать? Если ужъ мое сердце принадлежитъ другой?

М. П.

Какъ другой! Это съ какого резону? Кто жъ эта другая? Я не знаю?

М.

Нѣтъ, матушка, вы, я думаю, не знаете.

М. П.

Да чьихъ она? Кто отецъ ея?

М.

Отецъ превосходный человѣкъ, рѣдкій отецъ — Александръ Александровичъ Подкопытовъ,

М. П.

Подкопытовъ! Фамилія неслышная. Я не слыхала про Подкопытова. Кто онъ? Князь?

М.

Нѣтъ, не князь, но чудесный человѣкъ.

М. П.

Такъ что жъ такое? Генералъ?

М.

Нѣтъ, не генералъ.

М. П. *[нетерпѣливо]*.

Такъ что жъ? Какой чинъ на немъ?

М.

Чинъ, такъ... вертится около моего.

М. П.

Фи! Титулярный!!

М.

Да, или титулярный, или что-то подобное; но человѣкъ правилъ рѣдкихъ, человѣкъ, котораго можно сейчасъ сдѣлать генераломъ: будетъ достойнѣе многихъ.

М. П.

Такъ что жъ? У него развѣ двѣ тысячи душъ?

М.

Нѣтъ, двухъ тысячъ у него не будетъ.

М. П.

Сколько-жъ?

М.

Сколько-жъ? Да душъ у него, кажется, ничего нѣтъ.

М. П.

Стало быть, все капиталомъ?

М.

(Нѣтъ, матушка, и капиталу тоже нѣтъ, или если и есть, то (какая-нибудь бездѣлица =) развѣ самая бездѣлица. Дѣвушка рѣдка, небогатая, но сердца рѣдкаго, кротка, добродушна, какъ голубица. Вы узнаете ее, полюбите, какъ дочь. Послушайте, матушка: я совершенно другимъ образомъ думаю о женитьбѣ)[1]. Меня, признаюсь, бѣситъ, когда я вижу, какъ богатый женится на богатой. (Мнѣ) кажется (право, какъ) будто онъ деретъ послѣднее лохмотье съ нищаго. Женитьба это дѣло, какъ будто данное свыше, чтобы уровнить и примирить несправедливость судьбы. Представьте себѣ: достойный человѣкъ, (одаренный и качествами и умомъ — и вдругъ ему не повезло, напримѣръ, по службѣ или его правдивая честность)[2] не позволила ему составить ему состоянія: единственный путь ему остается[3] — женитьба. И справедливо ли, естьли[4] какая-нибудь богатая невѣста[5], мимо его рѣдкихъ достоинствъ и прекраснаго сердца, выберетъ себѣ богача для того только, чтобы прибавить къ своему богатству, съ которымъ она и безъ того не знаетъ, что̀ дѣлать, (еще вовсе) лишнее богатство. (Сверхъ хорошо) Все равно, еслибы пѣшеходъ сверхъ шубы да натащилъ еще на себя шинель, когда ему и безъ того жарко[6]. Такимъ же самимъ

[1] Вмѣсто зачеркнутаго приписано: „Придаточнаго? Ахъ, матушка! Позвольте на счетъ этого сказать мнѣ откровенно свои мысли“. [2] Вмѣсто зачеркнутаго написано: „ну, представьте себѣ (напримѣръ): человѣкъ достойный, человѣкъ съ образованіемъ, съ умомъ, съ душой и съ сердцемъ человѣка — ему не повезло въ жизни. Можетъ быть, самая честность не позволила ему“ и т. д. [3] Вмѣсто зачеркнутаго слова „остается“ написано: „могъ быть для него“. [4] Вмѣсто зачеркнутаго слова: „естьли“, позднѣе написано: „дѣлаетъ“. [5] Послѣ этого слова приписано: „когда“. [6] Послѣ этого прибавлено: „Когда бѣдный женится

образомъ и невѣста бѣдная должна выходить за богатаго; богатый долженъ жениться на бѣдной. Состоянія у насъ, слава Богу, довольно; я, можетъ быть, еще кое что пріобрѣту со временемъ. (Теперь послушайте, сколько я за однимъ дѣломъ сдѣлаю добрыхъ дѣлъ. (Во пе) Прежде всего я устрою собственное счастье, потому что, сказать истину, подобной жены я не сыщу себѣ. — Потомъ я сдѣлаю щастливымъ отца, — рѣдкаго отца, котораго, признаюсь, снѣдаетъ видимо грусть, что не былъ въ силахъ составить никакого состоянія для своей дочери. Наконецъ, я сдѣлаю дѣло угодное Богу, не давши погибнуть въ нищетѣ сиротѣ, бѣдняжкѣ, виноватой за то, что отецъ ея не дѣйствительный тайный совѣтникъ, а титулярный. Подумайте, матушка! (А на сторонѣ сироты и невинности) Небо всегда на сторонѣ сиротъ и невинности, а почтившіе то и другое, (мы сами приблизимся къ Небу) очутимся подъ покровительствомъ Неба.

М. П.

(Ахъ, Боже мой, что̀ я слышу! Какая нещастнѣйшая я мать на свѣтѣ! Какое злое сердце у моего сына! Влюбиться въ какую-то потаскушку, негодную дѣвчонку)[1] дочь какого-нибудь фурьера, занимающуюся ремесломъ еще, можетъ быть, въ семеро хуже!..

М.

Матушка!...

М. П.

Которой отецъ, безъ сомнѣнія, пьяница, мать — стряпуха, родня — карташки или служащіе по питейной части. (О Боже! думала ли я слышать)[2] это отъ роднаго сына, для котораго я не щадила жизни? Думала ли я, что мой собственный сынъ хочетъ умертвить меня? Нѣтъ, я не переживу этого.....

М.

Но, матушка, позвольте....

М. П.

Боже мой, какая теперь нравственность у молодыхъ людей! (Охъ) Я не переживу (этого). Голова моя кружится, въ боку (у

на бѣдной, я готовъ не допустить, потому что это дѣлается на рискъ". Съ боку страницы новая поправка: „Когда оба бѣдны".

[1] Вмѣсто зачеркнутаго написано: „Довольно! довольно! Больше не въ силахъ терпѣть. Ахъ, Боже мой, какое злое сердце у людей! Это значитъ вѣдь влюбиться въ *дочь какого-нибудь фурьера*" и т. д. [2] Вмѣсто зачеркнутаго написано: „И это я должна слушать..."

меня страшная колика....)[1] Машка, Машка, склянку!... Я не знаю, проживу ли я до вечера... Жестокій сынъ!

М. *[бросается]*[1].

(Что̀ мнѣ дѣлать, право? Вѣдь она эдакъ, точно, можетъ такимъ образомъ погубить, уморить себя. Вотъ ужъ никакъ не знаю, какъ обращаться съ женщинами! я всегда былъ безтолковъ въ этомъ.)[2]

М. П.

И все это надѣлалъ этотъ скверный Собачкинъ! Я не знаю, какъ до сихъ поръ не выгонятъ эту чуму!

Лакей *[входитъ]*

Собачкинъ пріѣхалъ.

М. П.

Какъ! Собачкинъ! Отказать, отказать, чтобъ его и духа...

Тѣ же и **Собачкинъ.**

Собачкинъ.

Марья Петровна, извините великодушно, что до сихъ поръ у васъ не былъ! Ей Богу, никакъ не могъ! То есть, вы повѣрить не можете, сколько дѣлъ. Зналъ, что будете гнѣваться, право зналъ.

М. П.

Каковъ! Еще извиняется, что давно не былъ!

Собачкинъ.

Какъ я радъ, что вы, судя по лицу, такъ свѣжи и здоровы! А братца вашего здоровье? Я, признаюсь, полагалъ у васъ застать также Ивана Петровича.

М. П.

Для этого вы бы могли отправиться къ нему, а не ко мнѣ.

Собачкинъ *[усмѣхаясь]*.

Я вамъ разскажу одинъ преинтересный анекдотъ.

М. П.

Я не охотница до анекдотовъ.

---

[1] Вмѣсто зачеркнутаго написанъ новый текстъ: „Нѣтъ, *я не переживу.* Клянусь, я не переживу! Ахъ! *Голова моя кружится.* Ахъ! *въ боку* колики! Ой, ой!“ [2] Слово «бросается» приписано послѣ. Далѣе сверху строкъ приписано и зачеркнуто: «Что съ вами, матушка? Ахъ, Боже мой! Она можетъ». [3] Вмѣсто зачеркнутаго приписано: «Маменька, вы несправедливы. Вотъ тебѣ и........ дуракъ! Не лучше ли было не говорить?»

Собачкинъ.

Объ Натальѣ Андревнѣ Губомазовой.

М. П. *[любопытно]*

Какъ о Губомазовой? Такъ это, вѣрно, недавно случилось?

Собачкинъ.

На дняхъ.

М. П.

Что же такое?

Собач.

Знаете ли, что она сама сѣчетъ своихъ дѣвокъ?

М. П.

Нѣтъ, что́ вы говорите! Ахъ, какой страмъ! Можно ли это!

Собачкинъ.

Вотъ вамъ крестъ! Позвольте же разсказать. Только одинъ разъ велитъ она виноватой дѣвушкѣ лечь, какъ слѣдуетъ, на кровать, а сама пошла въ другую комнату, не помню за чѣмъ-то, кажется, за розгами. Въ это время дѣвушка зачѣмъ-то выходитъ, а на мѣсто ея приходитъ (Анны) Натальи Андреевны мужъ, ложится и засыпаетъ. Является Наталья Андреевна, какъ слѣдуетъ, съ розгами, *[нюхая табакъ]* велитъ одной дѣвушкѣ сѣсть ему на ноги, накрыла простыней и высѣкла мужа.

М. П.

Ахъ, Боже мой, какой страмъ! Какъ это до сихъ поръ ничего объ этомъ не знала! Я вамъ скажу, что я почти всегда была увѣрена, что она въ состояніи это сдѣлать.

Собачкинъ.

(Зла, какъ чортъ. Какъ мнѣ жаль, что я не могу у васъ пробыть подолѣе. Мнѣ нужно теперь спѣшить.)[1] *[Раскланивается]*.

[1] Сверху зачеркнутаго приписано: «Ну, натурально. Помилуйте, я всегда это говорилъ. Свѣтъ толкуетъ: «примѣрная жена, сидитъ дома, занимается воспитаніемъ сына, учитъ дѣтей по аглицки». Какое, помилуйте! всякій день сѣчетъ мужа, какъ кошку. Мнѣ жаль, что я не могу у васъ пробыть подолѣе». Зачеркнуто: «А что касается до Анны Ѳедоровны, то она женщина совершенно въ этомъ родѣ. Вѣдь отецъ ея тоже весь вѣкъ былъ подъ судомъ, и женился подъ судомъ....... и если бы не перемерли его противники и.......... судьи, то онъ бы непремѣнно отправился въ Сибирь».

М. П.

Куда жъ это вы, Андрей Кондратьевичъ? Не совѣстно ли вамъ, столько времени не бывши?.. Я всегда привыкла васъ видѣть, какъ домашняго друга... Останьтесь. — Мнѣ хотѣлось еще съ вами переговорить кое о чемъ. Послушай, Миша, у меня въ комнатѣ дожидается каретникъ. Пожалуста, переговори съ нимъ. Спроси, можетъ ли сдѣлать карету[1] къ святой... Цвѣтъ чтобы былъ голубой съ свѣтлою уборкою — на манеръ той кареты... Губомазовой.

М. *[уходя]*

(Этотъ плутъ знаетъ очень хорошо, какъ обходиться)[2] съ женщинами.

М. П.

Я нарочно услала сына, чтобы переговорить съ вами наединѣ. (Скажите, не зна) Вы вѣрно знаете, есть какой-то Александръ Александровичъ Подкопытовъ?

Собачкинъ.

Подкопытовъ... Подкопытовъ... Подкопытовъ? Знаю, что есть гдѣ-то Подкопытовъ. А впрочемъ я могу (объ этомъ) справиться.

М. П.

(Сдѣлайте милость, вы меня очень обяжете)[3].

Собачкинъ.

Помню, помню: есть Подкопытовъ, столоначальникъ[4].

М. П.

Вообразите, вотъ въ чемъ дѣло: (сынъ мой влюбился до безпамяти). Вы мнѣ можете сдѣлать величайшее одолженіе.

Собачкинъ.

Вамъ стоитъ только приказать: я готовъ для васъ на все, рѣшительно на все[5].

М. П.

Итакъ, вотъ въ чемъ дѣло. Мой сынъ влюбился, то есть — не влюбился, а, знаете, зашла[6] въ голову... молодой человѣкъ... ну,

[1] Позднѣйшая передѣлка: «Спроси, возьмется ли онъ передѣлать карету». [2] Вмѣсто зачеркнутаго приписано: «Ну, вотъ человѣкъ — знаетъ, какъ повести дѣло». [3] Вмѣсто зачеркнутаго написано: «Пожалуста». [4] Послѣ этого приписано: «или начальникъ отдѣленья — я знаю, есть». [5] Вмѣсто зачеркнутаго: «*для васъ* я готовъ на все, — вы сами это знаете» [6] Послѣ этого слова приписано: «просто».

сумазбродство... словомъ,[1] онъ бредитъ только дочерью этого Подкопытова.

Собачкинъ.

Бредитъ?.. Я впрочемъ не слыхалъ отъ него объ этомъ. (Однакожъ увѣренъ. Да, это правда. Вы правы)[2].

М. П.

Теперь видите ли, Андрей Кондратьевичъ: вы, я знаю, вообще очень нравитесь женщинамъ.

Собачкинъ.

Хе, хе... (То есть, право, самъ не знаю, а нравиться-то очень нравлюсь. Вообразите, что въ самый новый годъ, на масляной въ меня влюбились шесть разомъ[3]. — съ честью увѣряю! И, что страннѣе, какъ я обронилъ перчатку — и въ ту жъ минуту[4] пошла тотъ часъ по рукамъ, чуть не дрались. А третьяго такъ еще лучше: двѣ сестры сошли съ ума. Одну отправили въ монастырь, а другая такъ и осталась въ сумашедшемъ домѣ. И каждый годъ по вскрытіи Невы всегда находятъ двѣ-три утонувшія женщины; я ужъ только молчу, потому что изъ этого въ такую исторію попадешься! Меня-то, меня точно любятъ. А вѣдь за что бы, кажется? Лицемъ нельзя сказать чтобы....

М. П.

Ну, (лицо) полно, полно, Андрей Кондратьевичъ! Какъ будто вы не знаете, что нѣтъ пріятнѣе вашего лица?

Собачкинъ.

Нѣтъ. А вѣдь знаете, что еще въ школѣ, когда (маль) былъ мальчикомъ, ни одна бывало не пройдетъ, чтобы не ударить пальчикомъ подъ бороду и не сказать потомъ: „плутишка, какъ хорошъ!“

М. П. *[въ сторону]*.

Экая рожа! Обезьяна совершенная, а думаетъ, что хорошъ[5]. — Послушайте, Андрей Кондратьевичъ. Вамъ это ничего не стоитъ

---

[1] Позднѣйшая поправка: «сумазбродство,... ну, молодость». [2] Вмѣсто зачеркнутаго: «Ну, да впрочемъ конечно бредитъ. Это правда». [3] Сверху строкъ набросано: «Да почему вы это думаете? А вѣдь, точно, вообразите: на масляной три купчихи вдругъ. Вотъ это лучше. (Всѣ купчихи 1-й гильдіи. Да что я говорю? Всего лучше — вы, вѣрно, знаете того... Какъ онъ? Его..... Александръ Александровичъ.... Ахъ, Боже мой! Вотъ — что жена красавица... Онъ было увезъ...»). Поставленное здѣсь въ скобки зачеркнуто въ наброскѣ. [4] Слова: «въ тужъ минуту» приписаны сверху строки. [5] Слово «хорошъ» зачеркнуто; сверху приписано: «смазливъ»

съ вашею наружностью. Дѣло вотъ какое. Мой сынъ влюбленъ до дурачества въ эту дѣвчонку. Онъ увѣренъ твердо, что она совершенная доброта и невинность. Нельзя ли[1] какъ нибудь... то есть, не найдете ли вы какихъ способовъ, чтобы, знаете, представить ему ее не въ томъ видѣ — немножко, что̀ называется, замарать? Хоть вы ничего положимъ... не сдѣлаете надъ нею и она (не будетъ (такъ) очарованна=)[2] по васъ по...[3]

Собачкинъ.

О, нѣтъ, сойдетъ, Марья Петровна, непремѣнно сойдетъ! Вотъ вамъ голову дамъ отрубить, если не влюбится въ меня по уши. Вѣдь я вамъ скажу, (Наталья Анд) Марья Петровна, что со мной не такія были исторіи... Вотъ еще на дняхъ...

М. П.

Ну, хорошо, я въ этомъ увѣрена. Впрочемъ все равно: если она влюбится въ васъ, если не влюбится, но вы покажите, какъ будто она въ васъ влюблена. —[4] то есть, какъ будто вы въ связи съ ней, и эдакъ совершенно доказанной и обо всемъ де этимъ) и сдѣлайте (такъ), чтобъ это дошло (чрезъ вѣрныя руки) до моего сына.

Собачкинъ.

(Чрезъ вѣрныя руки) до вашего сына?

М. П.

Да, до моего сына.

Собачкинъ.

Да!

М. П.

Что, да?

Собачкинъ.

Ничего, я такъ: да!

М. П.

Развѣ вы находите, что это недѣйствительно?[5].

Собачкинъ.

О, нѣтъ, ничего! Но всѣ эти влюбленные, то есть вы не повѣрите, у нихъ такія несообразности, ребячества, (ребятическія разныя шутки) разныя: то пистолеты, то сабли, чортъ знаетъ что

[1] Въ рукописи: «Нельзя же». [2] Сверху зачеркнутаго приписано: «и она не сойдетъ съ ума отъ любви». [3] Послѣ этого приписано: «*Марья Петровна*, о, не ручайтесь!» [4] Позднѣйшая поправка: «Ну, какъ бы то ни было, сойдетъ, такъ еще лучше. Но покажите, по крайней мѣрѣ, такъ, какъ будто вы въ связи....» [5] Вмѣсто зачеркнутаго слова «недѣйствительно», приписано: «будетъ для васъ трудно».

такое!.. Конечно, я вовсе не для того, чтобъ этимъ какъ нибудь... но, знаете, неприлично въ хорошемъ обществѣ.

М. П.

О, на щетъ этого будьте покойны! Положитесь на меня, что я не допущу его до этого.

Собачкинъ.

Впрочемъ я такъ только замѣтилъ. Повѣрьте, (что, еслибы гдѣ пришлось для васъ) Марья Петровна, что для васъ, еслибы пришлось точно порисковать гдѣ нибудь жизнью, то съ удовольствіемъ, ей Богу, съ удовольствіемъ! Я такъ васъ люблю, что, признаюсь, даже совѣстно говорить. Какъ честный человѣкъ! Ахъ, вотъ... хорошо, что я теперь вспомнилъ очень кстати. Я попрошу у васъ, Марья Петровна, (снабдить) занять мнѣ тысченки двѣ, только пожалуста ассигнаціями. Мнѣ не хочется теперь заѣзжать домой: позабылъ на столѣ книжникъ.

М. П.

Двѣ тысячи! *[Въ сторону]* Что съ нимъ дѣлать? Дашь — замотаетъ, а не дашь — распуститъ по городу такую чепуху, что мнѣ никуда нельзя будетъ носа показать... И мнѣ нравится, что еще говоритъ: „позабылъ книжку!“ Книжка-то у тебя есть, я знаю, да пуста. А нечего дѣлать, нужно дать. *[Вслухъ]*. Извольте, Андрей Кондратьевичъ. Только нельзя ли вамъ будетъ немножко обождать, я вамъ скоро принесу.

Собачкинъ.

Очень хорошо, я вотъ посижу здѣсь въ гостинной.

М. П. *[уходя, въ сторону]*.

Безъ денегъ ничего, мерзавецъ, не можетъ сдѣлать!

Собачкинъ.

Да, двѣ тысячи мнѣ теперь очень пригодятся: долговъ-то я (теперь) отдавать не буду (чортъ ихъ побери!), (а куплю-ка я рысака и лихія сани. Нечего таить, люблю ужасно хорошаго рысака. Прокачусь на петергофскомъ гуляньѣ: „Эхъ, вы!“ Закажу новый фракъ. Ужъ задамъ себѣ точно объѣденіе на славу. Только не знаю, какъ съ коммиссіей Марьи Петровны. Мнѣ кажется, начать нужно)[1]

---

[1] Слова, поставленныя здѣсь въ скобки, зачеркнуты въ рукописи. Сверху строки приписано: «Сапожникъ подождетъ, и портной подождетъ, и Анна Ивановна подождетъ. А вотъ лучше что. Скоро будетъ петергофское гулянье. Колясчонка

съ любовныхъ писемъ. Написать письмо отъ этой дѣвушки будто бы ко мнѣ да и выронить какъ нибудь нечаянно при немъ, или, вынимая что-нибудь изъ кармана, позабыть на столѣ въ его комнатѣ. Конечно, можетъ выйти что-нибудь плохо. — Да впрочемъ что жъ? Надаетъ вѣдь только тузановъ. Тузаны еще ничего; конечно больно, да вѣдь не до такой ужъ степени, чтобы... Да вѣдь могу и удрать: если что̀, то (прямо) въ спальню Марьи Петровны и прямо подъ кровать къ ней, и пусть-ка оттуда онъ меня вытащитъ.— Но главное, какъ написать письма? Смерть не люблю писать, т. е. просто, хоть зарѣжь! Чортъ его побери![1] Такъ, кажется, все, на словахъ все бы славно изъяснилъ такъ (съ выраженіями бы и періодами совсѣмъ), а примешься за перо — нѣтъ! Развѣ вотъ что: вѣдь у меня есть кое-какія (есть) готовыя письма, еще недавно ко мнѣ писанныя, фамилію только подскоблить да на мѣсто ея написать другую? (А что, вѣдь право выйдетъ хорошо! Посмотримъ-ка) въ карманѣ, (у меня любовныхъ писемъ недостатка не бываетъ)[2]. *[Вынимая изъ кармана]*. Хоть бы это напримѣръ: „Я очинь, слава Богу, здорова, но весьма огорчина и занемогаю отъ болѣ. Али вы, душинька, совсѣмъ позабыли. Иванъ Даниловичъ виделъ васъ душинька въ тіатерѣ, а то пришли бы, успокоили виселостями разговора". Чортъ возьми! кажется, правописанія совсѣмъ нѣтъ...[3] „Я для васъ душинька вышила подвязку". А! и разносилась съ нѣжностями. Нѣтъ, это не годится. (Ужъ черезъ чуръ много этакого буколическаго)[4]. Прочитаемъ-ка это: „Лю-без-ной другъ!" нѣтъ, это не „любезной другъ". Такъ что же можетъ быть другое? Ну, нѣжнѣйшій, дражайшій? Нѣтъ, не то: „Ме...е..ерзавецъ!" Хм. „Если ты, коварный обольститель моей невинности, не отдашь задолжанныя мною на мелочную лавочку деньги, которыя по неопытности сердечной для тебя, скверная рожа, то я въ полицію. (Ну, это чортъ знаетъ что̀! Это не въ томъ

моя ужъ хоть новая, да вѣдь ее всякій уже знаетъ. А я прибавлю къ ней двѣ тысячи, да вымѣняю ее....... самую послѣднюю, какихъ, можетъ быть, только одна или двѣ будетъ на всемъ [гуляньи], такъ какой за..... щу на всѣхъ эфектъ. Да, между прочимъ нужно подумать о порученьи Марьи Петровны».

[1] Сверху зачеркнутаго слова: «побери», приписано: «знаетъ». [2] Слова, поставленныя въ скобки, зачеркнуты. Новый текстъ: «Пошаримъ въ карманѣ: можетъ быть, тутъ же посчастливится». [3] Сверху позднѣйшая приписка: «да и не р..... что-то, и не повѣритъ». [4] Вмѣсто зачеркнутаго, приписано сверху строки: «Что-то ужъ буколическаго много, Шатобріаномъ пахнетъ».

родѣ. Да и нѣтъ притомъ ни чувствъ, ни хорошихъ выраженій)[1]. А ну, посмотримъ еще это. „Жестокій тиранъ души моей!“ А вотъ хорошее![2] Однако[3] вѣдь видно сейчасъ воспитаніе. „Тронься сердечной моей участью!“ (Прекрасно. Я такъ) увѣренъ въ благородствѣ ея чувствъ и слога, что даже не перечитываю и готовъ подписать. Это самое письмо я ему и подкину. А вѣдь вотъ какъ кстати прислужилось! Вотъ какъ выгодно быть смазливымъ! *[Подходя къ зеркалу.]*[4] Еще такъ только) сегодня опустился немного, а (вѣдь) оно вѣдь иной разъ точно.... Жаль только, что зубы скверные, а то бы совсѣмъ былъ похожъ на Г...... Не знаю: запустить ли бакенбарды подъ галстукъ, или оставить такъ, а подъ губой завести имперіалку?“

Стр. 469 [1] Слова: «Комната въ домѣ Марьи Александровны» въ **ИМ** приписаны послѣ. [2] Въ **ИМ** слово «Александровна» написано, въ этомъ случаѣ, сверху зачеркнутаго: «Петровна». Далѣе во всей рукописи **ИМ**, точно такъ же, какъ въ **ИБ** вмѣсто «Марья Александровна» написано «М. П.» или «Марья Петровна». [3] **П**; «Михалъ» **ИМ**. [4] Въ **ИМ** слово «Слушай» передѣлано изъ первоначальнаго: «Послушай». [5] Въ **ИМ** прежде было написано: «матушка». [6] **П**; «право вы меня изумили эдакими словами совершенно» **НР**. [7] Слова: «Я, слава Богу, и», написаны сверху строкъ, вмѣсто зачеркнутаго первоначальнаго текста: «Я таки, слава Богу». Ср. первоначальную редакцію «Отрывка». Такъ какъ послѣдняя вполнѣ напечатана ниже, то мы не будемъ болѣе дѣлать указаній на остатки первоначальнаго текста **ИБ** въ **ИМ**; зачеркнутыя поправки онаго отмѣчаются. [8] Въ **ИМ** передъ словомъ «хвостиками» зачеркнуто: «фалдами». [9] **НР**; «немного» **П**. [10] **ИБ**. Въ **ИМ** описка, повторенная въ **П**: «производствомъ».

Стр. 470 [1] **ИМ**, **ИБ**; въ **ИМ** прежде было поправлено: «Это слово «титулярный» тиранитъ мою душу, такъ вотъ». [2] Въ **ИМ** прежде было написано: «Да вѣдь, матушка, вы только посмотрите на мою фигуру». [3] Въ **ИМ** прежде было написано: «Для военной службы нужно»; потомъ исправлено: «Въ военной службѣ нужно», и прибавлены слова: «все же». [4] Слова: «бы имѣлъ богатырскій», приписаны въ **ИМ** сверху строки. [5] Въ **ИМ** прежде было написано: «Однакоже все-таки, матушка, мнѣ слѣдуетъ знать, какая

[1] Сверху зачеркнутаго позднѣйшая приписка: «Ну, это гадость и неприлично. Можно, конечно, обо всемъ сказать, но можно сказать благопристойно». [2] Исправлено такъ: «Э! это что-то хорошее». [3] Слово «однако» приписано послѣ. [4] Сверху строкъ приписано: «Право, не дурно. Вотъ по началу ужъ тотчасъ видишь, какъ поведетъ себя человѣкъ. Вотъ какъ нужно писать! И хорошо, и чувствительно..... благородно вмѣстѣ съ тѣмъ. Я такъ увѣренъ, что даже, не перечитывая, подписываю...... только не знаю, какъ выскоблить. Да не подписано! Еще лучше! Само собою обдѣлалось главное. Говорятъ: наружность вздоръ; а не будь смазливъ, вѣдь не написали бъ тебѣ писемъ; а не написала бы писемъ, и не зналъ бы, какъ взяться за это дѣло. *[Подходя къ зеркалу]*.»

это причина». [6] Слова: «Я не знаю даже», приписаны въ ИМ сверху зачеркнутыхъ: «Ну, не знаю». [7] ИБ, ИМ; «Губолизова» П. [8] ИМ; «третьяго дня» П. [9] ИМ; «знатныхъ» П. [10] Послѣ этого въ ИМ зачеркнуто слово: «чиновниковъ». [11] П; въ ИМ: «mauvais gens». [12] Въ ИМ прежде было написано: «чѣмъ-то такимъ». [13] ИБ, ИМ: «Такъ въ этомъ-то причина?» П. [14] ИБ, ИМ; «лучшихъ» П.

Стр. 471 [1] Въ ИМ прежде было написано: «Да развѣ досадите вы ей этимъ что ли?» [2] П; «это» ИМ. [3] Въ ИМ прежде было написано: «Ну, нечего дѣлать, послужимъ въ военной». [4] Слова: «за однимъ разомъ», написаны въ ИМ сверху зачеркнутыхъ: «Какъ, матушка, вдругъ». [5] Въ ИМ прежде было написано: «жениться». [6] Вмѣсто «что жъ?» въ ИМ прежде было написано: «Вотъ новость!» [7] Въ ИМ прежде было написано: «Да я и намѣренья не имѣлъ еще жениться». [8] ИМ; «куда» П. [9] ИБ, ИМ; «надо» П.

Стр. 472 [1] Въ ИМ нѣтъ этихъ строкъ: «Ахъ, маменька, но когда и въ чемъ я былъ непослушенъ вамъ?» После слова «Миша» зачеркнуто: «Помилуйте, матушка, вы сами знаете, что ужъ послушнѣе меня, я думаю, нигдѣ не найдете». Передъ этими зачеркнутыми строками поставленъ потомъ знакъ ⊹, указывающій на то, что вмѣсто зачеркнутаго текста долженъ быть вставленъ новый. Эта длинная вставка написана Гоголемъ на полулистѣ желтой бумаги русской фабрики. Вторая часть вставки была впослѣдствіи сокращена и передѣлана Гоголемъ. Эта вставка, которая стояла въ тѣснѣйшей связи съ предшествующею репликою Марьи Александровны и составляетъ какъ бы отвѣтъ на обвиненіе въ либеральничаньи, не была напечатана въ П: повидимому, она исключена была цензурою. Въ ИМ на особомъ, вложенномъ въ тетрадь, полулистѣ она читается такъ: «Ахъ, маминька, сколько я васъ просилъ, не повторяйте[1] этого слова. Вы не повѣрите, какъ оно мнѣ противно и пошло, какое глупое, ложное значеніе придали ему у насъ[2]. Не будьте похожи на тѣхъ старичковъ, которые имѣютъ обычай колоть[3] этимъ словцомъ въ глаза всѣхъ, не разсмотрѣвши хорошенько[4] ни человѣка, ни слова, которымъ его колютъ. Что осталось о пятидесяти какихъ нибудь пустыхъ-головыхъ (sic!), воспитанныхъ на французскую ногу, они ухватились за это преданіе[5] и давай[6] придавать его ко всякому, честить имъ встрѣчнаго и поперечнаго. У кого, замѣтятъ они, только немного сшито не такъ платье, какъ у другаго, какъ-нибудь иначе[7] прическа, словомъ — что-нибудь не то, что[8] у другихъ, они тотчасъ: «Либералъ! либералъ![9] Революціонеръ! Вонъ у него фалды фрака не такъ, какъ у

---

[1] Прежде было: «Ахъ, маминька, ради Бога не произносите». [2] Зачеркнуто: «придали имъ люди»; эта фраза замѣнена также зачеркнутою впослѣдствіи: «придали ему на Руси». [3] Въ рукописи: «колютъ», потому что слова: «имѣютъ обычай», приписаны послѣ. [4] Прежде было: «внимательно». [5] Прежде было: «Что было когда-то на свѣтѣ пятьдесятъ русскихъ пустыхъ-голововъ (sic!), воспитанныхъ на французскую ногу, — они воспользовались этимъ преданіемъ». [6] Послѣ этого зачеркнуто: «имъ честить». [7] Прежде было написано: «не такъ». [8] Прежде было: «не такъ, какъ». [9] Послѣ этого зачеркнуто: «опасный человѣкъ!»

прочихъ[1]! платокъ не такъ завязанъ! не такъ волосы носитъ!» Вы не повѣрите, какъ у меня всякой разъ взрывается сердце, когда я услышу это! Какъ мало имъ вѣдомо сердце русскаго человѣка и твердыя черты его характера! Какъ не знаютъ они того, что, если и увлекается онъ, то увлекается силою душевныхъ прекрасныхъ побужденій, а не оторванной отъ всего мыслью, создавшейся въ легкой головѣ какого-нибудь француза,[2] (у котораго уже въ одной сердечной глубинѣ есть столько глубокихъ сердечныхъ убѣжденій, которыя предохранятъ его вѣчно отъ мелкихъ заблужденій ума. Самая эта любовь къ Царю — это цѣльное[3] самобытное чувство, хранящееся въ душѣ его, отъ котораго (онъ) не властенъ[4] оторваться онъ, еслибы даже и вздумалъ! Для него[5] онъ пожертвуетъ всѣмъ имуществомъ, понесетъ жизнь свою, все вытерпитъ онъ безмолвно и не станетъ даже впередъ кричать объ этомъ, даже не похвастается потомъ. И не горько ли видѣть, когда сему же самому русскому человѣку пошло придаютъ мысли, которыхъ онъ и не содержалъ и содержать не можетъ въ себѣ? придаютъ ему это пошлое износившееся имя — либеральничества? Ахъ, маминька, ради Бога, не произносите этого противнаго слова![6] Не называйте имъ безъ разбору[7], все, что не по мыслямъ вашимъ. Вы разсмотрите, маминька, когда и въ чемъ я былъ непослушенъ вамъ)». Вторую половину приведеннаго текста, поставленную нами въ скобки, Гоголь зачеркнулъ и взамѣнъ ея, на полѣ третьей страницы, приписалъ слѣдующій текстъ. «И этотъ русскій человѣкъ, въ груди котораго таится (какъ) самобытное, слитое съ самой его природой чувство непостижимой любви къ Царю, — чувство, изъ-за котораго онъ пожертвуетъ всѣмъ, понесетъ свое имущество, жизнь безмолвно, не крича объ этомъ впередъ, не хвастаясь и не хвалясь этимъ, — и этотъ русскій укоряется этимъ пошлымъ словцомъ, которое безъ различія дается также и первому встрѣчному сорванцу и бродягѣ[8]. Нѣтъ, маминька, употребляйте всѣ прочія слова, но не употребляйте этого истасканнаaго и пошлаго слова! Вы разсмотрите, *когда и въ чемъ я былъ не послушенъ вамъ*». Изъ всей этой приписки въ печатный текстъ «Отрывка» внесена была *только* послѣдняя фраза, напечатанная здѣсь курсивомъ. [2] Въ **ИМ** прежде было написано: «А при всемъ [томъ] не слушаюсь ли я, какъ дитя?» [3] Въ **ИМ** прежде было написано: «вы мнѣ велите съѣздить къ тому и къ тому». [4] **П**: «куды бы» **ИМ**. [5] **ИМ**; «виду» **П**. [6] Слова: «перемѣняю службу», приписаны въ **ИМ** позднѣе сверху строки. [7] Въ **ИМ** слова: «иду въ юнкера», приписаны послѣ вмѣсто зачеркнутаго: «Наконецъ вы требуете даже отъ меня такихъ ве-

---

[1] Прежде было: «другаго». [2] Прежде было: «Какъ мало знаютъ они русскаго человѣка! какъ мало знакомы характерныя, твердыя черты русскаго разума, который, если и бывалъ увлеченъ, то скорѣе силою душевныхъ прекрасныхъ побужденій, а не воздушной мыслью, созданной наскоро!» [3] Прежде было: «непостижимое». [4] Прежде было: «не можетъ». [5] Прежде было: «Для этого чувства». [6] Прежде было: «противнаго мнѣ имени». [7] Прежде было: «необдуманно». [8] Прежде было: «И этотъ русскій долженъ нести иногда безсмысленное имя либерала, придаваемое первому сорванцу, встрѣчному сорванцу».

щей, какихъ можно требовать только отъ малолѣтняго ребенка, и я все исполняю». [8] Въ **ИМ** Гоголь сначала написалъ: «и при всемъ томъ не пройдетъ дня, чтобы меня не назвали нѣсколько разъ либераломъ»; но зачеркнулъ и тѣми же чернилами вписалъ ту редакцію этого мѣста, которая напечатана въ текстѣ. [9] **П**: «Я достоинъ за мою искреннюю любовь и привязанность къ вамъ лучшей участи....» **ИМ**. [10] Послѣ этого слова въ **ИМ** зачеркнуто: «О, будто я не знаю!» [11] Въ **ИМ** прежде было написано: «Я говорю вамъ рѣшительно, что онъ не имѣлъ»; фраза не кончена. [12] **ИМ**; «что̀ такое разнесъ онъ» **П**. [13] Въ **ИМ** слово «на» приписано вмѣсто зачеркнутаго «и». [14] **ИБ, ИМ**; «Провидѣніе» **П**. [15] **ИМ**: «этотъ» **П**. [16] Въ **ИМ** прежде было написано: «Ну, видите. Зачѣмъ же вы говорите, чтобъ этакой человѣкъ имѣлъ надо мною власть?»

Стр. 473 [1] **ИБ, ИМ**; «и ты одинмъ можешь только» **П**. [2] **П**: «это» **ИМ**. [3] Въ **ИМ** прежде было написано: «Вотъ, признаюсь, новость!» [4] Въ **ИМ** прежде было написано: «Да что онъ за человѣкъ такой?» [5] Въ **ИМ** прежде было: «Человѣкъ удивительный! рѣдкій, можно сказать, человѣкъ!» [6] Эти двѣ строки («Какъ вамъ сказать?» — «въ свѣтѣ») приписаны въ **ИМ** сверху зачеркнутаго прежняго текста: «Если бы вы только знали, какъ воспиталъ онъ дочь! Ахъ, матушка, нужно, чтобы вы непремѣнно ее увидали. Больше я ничего не хочу, какъ только, чтобы вы ее увидали.» [7] **ИМ**; «въ чемъ состоитъ его имущество?» **П**. Въ **ИМ** прежде было написано: «Ну, да сколько онъ за ней дастъ?» Въ **ИМ** послѣ слова «имущество» зачеркнута цѣлая страница прежняго текста. Поставленный послѣ этого слова знакъ ⊥⊥ указываетъ, что она должна быть замѣнена новымъ текстомъ, занимающимъ третью и половину четвертой страницы вышеупомянутаго полулиста желтой бумаги русской фабрики. Этотъ новый текстъ начинается словами: «Я понимаю, маменька, чего вы хотите»; оканчивается: «Отецъ пожертвовалъ всѣмъ имуществомъ на воспитанье дочери». Замѣненный этою вставкою текстъ читается такъ: «**М**. Въ другихъ женщинахъ вы отыщете хоть что-нибудь принужденнаго, выисканнаго, а у нея и тѣни ничего подобнаго. Вотъ ужъ гдѣ можно справедливо.... въ лицѣ прочитаешь душу!» — **М.П.** Ну, да сколько же за ней, скажи мнѣ, по крайней мѣрѣ это». — «**М**. Сколько за ней?» Ахъ, матушка, позвольте насчетъ этого сказать мнѣ откровенно свои мысли. Меня, признаюсь, бѣситъ, когда я вижу, какъ богатый женится на богатой же: мнѣ кажется, право, какъ будто онъ деретъ послѣднее лохмотье съ нищаго. На женидьбу я смотрю, какъ на дѣло, данное свыше, чтобы примирить съ несправедливостью счастья и случая. Представьте только себѣ какого-нибудь истинно достойнаго человѣка: ему не повезло; можетъ быть, собственная честность не позволила ему составить состояніе — и справедливо [ли] со стороны богатой невѣсты, пройдя мимо его достоинствъ и прекрасныхъ качествъ, выбрать богача, — для того, чтобы прибавить къ своему богатству, съ которымъ она и безъ того не знаетъ, что̀ дѣлать, лишнее богатство? Все равно, если бы пѣшеходъ сверхъ шинели да натащилъ на себя еще шубу, когда ему и безъ того жарко. Когда оба бѣдны — другое дѣло. Но невѣста бѣдная должна выходить за богатаго; богатый долженъ искать себѣ бѣдную — это естественное дѣло. Состоянья у насъ, слава Богу, до-

вольно. Я, можетъ быть, со временемъ еще самъ кое-что пріобрѣту». [8] ИМ; въ П ошибочно: «Я не понимаю, маменька, чего вы хотите?» [9] ИМ; «на-счетъ этого» П. [10] ИМ: «поправиться женинымъ приданымъ» П.

Стр. 474 [1] Послѣ этого въ ИМ зачеркнуто: «Вѣдь это, право, почти въ родѣ даже несправедливости». [2] ИМ: «воспитаніе» П. [3] Слово «слушать» приписано позднѣе вмѣсто зачеркнутаго «терпѣть». [4] Такъ въ П: кажется, это поправка, сдѣланная ради цензуры. Въ ИМ: «которая занимается, можетъ, публичнымъ ремесломъ». [5] П; «Марья Петровна» ИМ. См. выше 2-е примѣчавіе къ 469-й страницѣ этого тома.

Стр. 475 [1] П; «страмъ» ИМ. [2] П; «Только, одинъ разъ» ИМ. [3] П; «страмъ» ИМ. [4] Эта фраза приписана въ ИМ позднѣе вмѣсто зачеркнутой: «Помилуйте, я всегда это говорилъ». Ср. ИБ. [5] Слово «Толкуютъ» въ ИМ приписано вмѣсто зачеркнутаго: «Свѣтъ толкуетъ». Ср. ИБ. [6] Въ ИМ прежде было написано: «занимается воспитаніемъ, сама учитъ дѣтей». [7] П; «по аглицки» ИБ, ИМ.

Стр. 476 [1] Въ ИМ слова: «первому числу», приписаны вмѣсто зачеркнутаго: «святой», какъ было въ ИБ. [2] Въ ИМ послѣ этого слова зачеркнуто: «само собою». [3] Въ ИМ прежде было написано: «А впрочемъ онъ мнѣ ничего объ этомъ однакожъ не сказалъ». [4] Въ ИМ послѣ слова «хочу» зачеркнуто: «вотъ чего». [5] ИМ; «масляной» П.

Стр. 477 [1] Въ ИМ прежде было написано: «не знаю тоже». [2] Въ ИМ пунктуація такова: «Что жъ вы не женились?» Принятая нами пунктуація оправдывается: 1) отвѣтомъ Собачкина: «Не женился» и 2) дальнѣйшимъ вопросомъ Марьи Александровны: «Почему жъ вы не женились?» [3] ИМ; въ П ошибка: «Теперь всякая чушь, вылѣзшая козявка». [4] Все это мѣсто (начиная словами «*Въ сторону*» и оканчивая словами: «Какъ говоритъ!») приписано въ ИМ послѣ вмѣсто зачеркнутаго: «Вѣдь вы же не такъ высокаго класса человѣкъ». [5] П; «Марья Петровна» ИМ. [6] П; «... находятъ (находятся?) двѣ-три утонувшія женщины» ИМ. [7] П; «что вы хорошъ» ИМ. [8] ИМ; «усмѣхаясь» П.

Стр. 478 [1] Слова: «Вѣдь вотъ на счетъ красоты тоже» приписаны въ ИМ позднѣе сверху строки. [2] ИМ: «этакъ» П. Въ ИМ прежде было написано: «эдакъ немножко». [3] ИМ; «размарать» П. [4] П; «Марья Петровна» ИМ. Такъ въ ИМ и ниже. [5] Въ ИМ слово «сойдетъ» приписано сверху строки. [6] П; въ ИБ, ИМ нѣтъ слова: «сказалъ». [7] ИМ; «вы подумаете, быть можетъ» П.

Стр. 479 [1] П; «Я попрошу у васъ, Марья Петровна, занять» ИБ, ИМ. [2] ИМ; «никуда» П. [3] ИМ; «надо» П. [4] Въ ИМ прежде было написано: «раскричится только». [5] П; «съ ней» ИМ. [6] П; «у ней» ИМ. [7] ИМ; въ П ошибочно: «у Юкина». [8] П; «только еще что вышла послѣдней моды» ИМ. [9] П; въ ИМ нѣтъ слова: «ее». [10] ИМ; «такъ я и весьма ее могу вымѣнять» П. [11] ИМ; «какой задамъ тогда эфектъ!» П. [12] П; «объ» ИМ. [13] Въ ИМ прежде было написано: «и если что, такъ въ спальню».

Стр. 480 [1] Въ ИМ прежде было написано: «..... оплеуху далъ: совсѣмъ конфузія». [2] ИМ; «присланныя» П. [3] ИМ; «вмѣсто» П. [4] ИМ; «позабыли» П. [5] Слова: «Нѣтъ, этимъ, я думаю, не надуешь», приписаны въ ИМ сверху зачеркнутаго: «Этому онъ можетъ даже не повѣрить». [6] Вмѣсто слова «сжимаетъ» въ ИМ прежде было написано: «*закусываетъ*». [7] П; «на» ИМ.

[8] Въ ИМ прежде было написано: «Вотъ ужъ, просто, мерзость!» [9] Въ ИМ прежде было написано: «Ни правилъ, ни благородства — ничего не видно въ этомъ письмѣ». [10] ИМ; «Надо» П. [11] П. Въ ИМ: «что»; такъ постоянно пишетъ вмѣсто Гоголь «чтобы». [12] Въ ИМ прежде было написано: «Нужно поискать какого-нибудь сильнаго письма, чтобы видно было чувство. Этакъ, пожалуй, и я напишу». [13] Въ ИМ послѣ этого зачеркнуто: «Это должно быть что-то хорошее».

Стр. 481 [1] Въ ИМ прежде было написано: «Чувствительно, красиво». [2] ИМ; «надо» П. Въ ИМ, послѣ словъ: «не нужно», зачеркнуто: «и по началу видно, что хорошо». [3] Въ ИМ слова: «вотъ хорошо, даже имени», написаны вмѣсто зачеркнутыхъ: «Браво, имени». [4] ИМ; «а не имѣя ихъ» П. [5] ИМ; «отпустить» П. [6] ИМ; «бахрамой» П. [7] Слова: «какъ говорятъ», написаны въ ИМ сверху зачеркнутыхъ: «чтобы казалось, какъ будто вокругъ». [8] ИМ; «облитъ» П.

Театральный разъѣздъ послѣ представленія новой комедіи (стр. 482—516).

Отправляя Прокоповичу „Театральный разъѣздъ“ для напечатанія въ четвертомъ томѣ своихъ сочиненій, Гоголь писалъ изъ Рима, 10 октября 1842 года: „Болѣзнь моя была причиной, что до сихъ поръ не выслалъ тебѣ заключительной піесы, которую теперь посылаю. Едва справляюсь..... могъ кое-какъ переписать ее. Хотя она все еще вовсе не въ томъ (видѣ, въ) какомъ бы желалъ, и хотя многое слѣдовало бы выправить и......; но такъ и быть. Авось либо простятъ и припишутъ времени и молодости автора, какъ оно дѣйствительно и есть“[1]. Итакъ, послѣдняя редакція этой піесы была кончена и переписана набѣло въ первой половинѣ октября 1842 года. Посланный Прокоповичу списокъ этой редакціи „Разъѣзда“ принадлежитъ въ настоящее время Нѣжинскому Историко-филологическому Институту и положенъ въ основу текста этой піесы, напечатаннаго въ настоящемъ изданіи. Нѣжинская рукопись „Разъѣзда“ состояла изъ четырехъ листовъ голубоватой тонкой почтовой бумаги, малаго, in 8°, формата; бумага та же самая, какая употреблена была Гоголемъ для переписки набѣло „Игроковъ“. Въ Нѣжинской рукописи обѣ эти піесы соединены въ одинъ переплетъ. „Театральный разъѣздъ“ переписанъ былъ Гоголемъ въ тетрадку изъ четырехъ почтовыхъ листковъ необыкновенно мелкимъ и убористымъ, но четкимъ письмомъ, съ самыми незначительными разстояніями между строкъ. Теперь

[1] Русское Слово 1859 г., январь, стр. 121.

въ тетрадкѣ недостаетъ второй, т. е. задней половины перваго листка, на которой написанъ былъ или адресъ Прокоповича, или письмо къ нему автора отъ 10 октября 1842 года. При перепискѣ „Разъѣзда" набѣло въ эту тетрадку Гоголь дѣлалъ въ текстѣ поправки, а на поляхъ рукописи дополненія. Поэтому слѣдуетъ заключить, что выработка послѣдней редакціи этой піесы, ея „очистка" совпадала по времени съ перепиской оной набѣло.

Если въ письмѣ къ Прокоповичу, отъ 10 октября 1842 года, Гоголь говоритъ, что піеса „писана давно", то это указаніе можетъ относиться лишь *къ первоначальнымъ наброскамъ* „Театральнаго разъѣзда", которые дѣйствительно восходятъ къ апрѣлю и маю 1836 года. Изъ Гаштейна Гоголь писалъ Прокоповичу 15 іюля 1842 года: „Я къ тебѣ еще не посылалъ остальныхъ двухъ лоскутковъ[1], потому что многое нужно переправить, особливо въ „Театральномъ разъѣздѣ послѣ представленія новой піесы". Она написана сгоряча, *скоро послѣ представленія „Ревизора"*, и потому немножко нескромна въ отношеніи къ автору. Ее нужно сдѣлать нѣсколько идеальнѣй, т. е. чтобы ее примѣнить можно было ко всякой піесѣ, задирающей общественныя злоупотребленія, а потому я прошу тебя не намекать и не выдавать ее, какъ написанную по случаю „Ревизора"[2]. Въ письмѣ отъ 29 августа 1842 года Гоголь сообщалъ Прокоповичу: „Болѣе всего хлопотъ было мнѣ съ остальною пьесою „Театральный разъѣздъ". Въ ней столько нужно было передѣлывать, что, клянусь, легче бы мнѣ написать двѣ новыхъ. Но она заключительная статья всего „Собранія Сочиненій" и потому очень важна и требовала тщательной отдѣлки. Я очень радъ, что *не трогалъ ее въ Петербургѣ и не спѣшилъ съ нею:* она была бы очень далека отъ значенья нынѣшняго. А это было бы совсѣмъ нехорошо. Переписка ея еще не кончена. Не сердись: ты не понимаешь, какъ трудно переписывать и стараться быть четкимъ въ такомъ мелкомъ шрифтѣ"[3]. Изъ этого письма видно, 1) что первые наброски „Разъѣзда" сдѣланы были въ Петербургѣ вскорѣ послѣ представленія „Ревизора" т. е. въ періодъ времени съ 20 апрѣля по 6-е іюня 1836 г. (день выѣзда Гоголя за границу); 2) что передѣлка этихъ набросковъ была „хлопотливая", всесторонняя и преимущественно направлена была къ смягченію субъективнаго элемента,

---

[1] Подъ этими «двумя лоскутками» разумѣются «Игроки» и «Театральный разъѣздъ». [2] Русское Слово 1859 г., январь, стр. 118—119. [3] Тамъ же, стр. 120

слишкомъ „нескромно“ выступавшаго въ петербургскихъ набросках „Разъѣзда“, написанныхъ сгоряча. Къ новой обработкѣ приготовленнаго въ Петербургѣ матеріала для піесы Гоголь приступилъ, очевидно, по возвращеніи изъ Россіи за границу, т. е. не ранѣе второй половины іюня 1842 г.

Какъ ни старался Гоголь сдѣлать „Театральный разъѣздъ“ „идеальнѣй“ и отрѣшить его отъ связи съ „Ревизоромъ“, піеса все-таки воспроизвела до мельчайшихъ подробностей толки и пересуды, вызванные первымъ представленіемъ „Ревизора“ въ петербургскомъ обществѣ и въ петербургской журналистикѣ.

П. В. Анненковъ оставилъ намъ подробный разсказъ о настроеніи образованной публики въ вечеръ перваго представленія „Ревизора“ въ Петербургѣ и о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ ею изъ театра[1]. Кн. П. А. Вяземскій, выступившій въ „Современникѣ“ Пушкина съ апологіею комедіи Гоголя противъ осужденій публики и журналистики, въ позднѣйшей „припискѣ“ къ этой статьѣ сообщаетъ: „При появленіи „Ревизора“ было много толковъ и сужденій въ обществѣ и въ журналахъ. Кромѣ самаго литературнаго достоинства ея, входила въ разнорѣчивыя соображенія о ней и задняя, затаенная мысль. Комедія была признана многими *либеральнымъ заявленіемъ,* въ родѣ, напримѣръ, комедіи Бомарше: „Севильскій цирюльникъ“, — признана за какой-то политическій брандскугель, брошенный въ общество подъ видомъ комедіи. Это впечатлѣніе, это предубѣжденіе, разумѣется, должно было раздѣлить публику на двѣ противуположныя стороны, на два лагеря. Одни привѣтствовали ее, радовались ей какъ смѣлому, хотя и прикрытому нападенію на предержащія власти. По ихъ мнѣнію, Гоголь, выбравъ полемъ битвы своей уѣздный городокъ, мѣтилъ выше..... Съ этой точки зрѣнія другіе, разумѣется, смотрѣли на комедію *какъ на государственное покушеніе:* были имъ взволнованы, напуганы и *въ несчастномъ, или счастливомъ комикѣ видѣли едва ли не опаснаго бунтовщика.* Дѣло въ томъ, что тѣ и другіе ошибались. Либералы напрасно встрѣчали въ Гоголѣ единомышленника и союзника себѣ, другіе напрасно открещивались отъ него, какъ отъ страшилища, какъ отъ нечистой силы. Въ замыслѣ Гоголя не было ничего политическаго. Онъ написалъ „Ревизора“, какъ послѣ написалъ „Шинель“, „Носъ“ и другія свои юмористическія

---

[1] См. выше, стр. 642.

произведенія. У либераловъ глаза были обольщены собственнымъ обольщеніемъ; у консерваторовъ они были велики. Помню первое чтеніе этой комедіи у Жуковскаго на вечерѣ, при довольно многолюдномъ обществѣ. Всѣ внимательно слушали и заслушивались: всѣ хохотали отъ доброй души; никому въ голову не приходило, что въ комедіи есть тайный умыселъ. Тайный умыселъ открыли уже послѣ *слишкомъ зоркіе*, но вполнѣ ошибочные глаза"[1]. „Самые злонамѣренные толки (замѣчаетъ С. Т. Аксаковъ) раздавались въ высшемъ чиновничьемъ кругѣ и даже въ ушахъ самого Государя"[2]. Москва постоянно относилась къ Гоголю съ бо́льшимъ сочувствіемъ, чѣмъ Петербургъ[3]; но и въ ней послышались угрозы автору „Ревизора". „Я самъ слышалъ (разсказываетъ С. Т. Аксаковъ), какъ извѣстный графъ Толстой-Американецъ говорилъ при многолюдномъ собраніи въ домѣ Перфильевыхъ, которые были горячими поклонниками Гоголя, что онъ — „врагъ Россіи и что его слѣдуетъ въ кандалахъ отправить въ Сибирь". Въ Петербургѣ было гораздо болѣе такихъ особъ, которыя раздѣляли мнѣніе графа Толстаго"[4].

Наиболѣе распространенные и вліятельные въ то время органы петербургской журналистики: „Сѣверная Пчела" и „Библіотека для чтенія", вторили тревожнымъ опасеніямъ высшаго петербургскаго чиновничества.

Посвятивши разбору „Ревизора" двѣ статьи[5], Булгаринъ возвратился къ этому ненавистному для него произведенію еще разъ по поводу представленія на петербургской сценѣ піесы Циціанова: „Настоящій Ревизоръ"[6]. Представляемъ подробныя выдержки изъ статей Булгарина, посвященныхъ „Ревизору".

„Канва, или завязка „Ревизора" (пишетъ Булгаринъ) есть не новая и пустѣйшая. Въ нѣмецкой, французской, англійской, русской и во всѣхъ литературахъ въ мірѣ существуютъ повѣсти, комедіи и романы, основанные на *инкогнито*. Это самая древняя машина завязки. Одного принимаютъ за другаго; изъ этого выходятъ недоразумѣнія, двусмыслія, смѣшныя сцены — все это давно уже износилось. Лучше всѣхъ пользовался этимъ Коцебу. Авторъ „Ревизора", напротивъ того, не воспользовался всѣми

---

[1] Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго II, 274—275. [2] Русь 1880 г., № 4, стр. 17. [3] Сочиненія Пушкина VII, 401. Русское Слово 1859 г., январь, стр. 126. [4] Русь 1880 г., № 6, стр. 16. [5] Сѣверная Пчела 1836, № 97 (30 апрѣля) и № 98 (1 мая). [6] Сѣверная Пчела 1836 г., № 171 (29 іюля).

преимуществами этой старой сценической машины. Онъ основалъ свою пьесу не на сходствѣ, или правдоподобіи, но на невѣроятности или несбыточности. Въ какомъ-то городкѣ, предъ которымъ Содомъ и Гоморра есть тоже, что роза предъ волчцемъ, живутъ люди, у которыхъ авторъ „Ревизора" отнялъ всѣ человѣческія принадлежности, кромѣ дара слова, употребляемаго ими на пустомелье..... и живутъ да поживаютъ дружно и мирно, приводя только въ недоумѣніе зрителя, непонимающаго, какимъ чудомъ этотъ городишко, въ которомъ нѣтъ честной души, можетъ держаться на земномъ шарѣ, когда ни хищные волки, ни лисицы не могутъ жить въ обществѣ..... Городничій, который, замѣтьте, не видалъ ни паспорта, ни подорожной проѣзжающаго, живущаго полторы недѣли въ городѣ, рѣшается тотчасъ явиться къ нему, приказавъ все привести въ порядокъ. Суета и хлопоты. Между тѣмъ, молодой повѣса, который, ѣдучи въ отпускъ, проигралъ всѣ деньги въ карты, бьется въ трактирѣ, какъ рыба объ ледъ..... Вдругъ открываются двери и *влѣзаетъ* городничій, съ почтеніемъ, для принятія приказаній. Повѣса думаетъ, что его пришли взять въ тюрьму и, какъ школьникъ, отговаривается и жалуется на дурное содержаніе въ трактирѣ, а городничій, будто не внимая его словамъ, проситъ его осмотрѣть заведенія и послѣ того переѣхать къ нему на квартиру. *Въ этой сценѣ нѣтъ даже тѣни правдоподобія!*.... Вотъ онъ (Хлестаковъ) начинаетъ любезничать съ дамами, *врать и хвастать* безъ ума и остроты, нести околесную..... Доходитъ очередь до женскаго пола. Мать и дочь безстыдно спорятъ между собою о томъ, которая изъ нихъ болѣе понравилась ревизору и на которую онъ смотрѣлъ. Мать хочетъ оспорить у дочери добычу. *Ну, точь въ точь на Сандвичевыхъ островахъ у капитана Кука!*"

Изложивши въ первой статьѣ содержаніе „Ревизора", Булгаринъ посвящаетъ слѣдующую разбору этой піесы. „Комедія ли это?" спрашиваетъ Булгаринъ и отвѣчаетъ: „Нѣтъ. На злоупотребленіяхъ административныхъ нельзя основать настоящей комедіи. Надобны противуположности и *завязка*, нужны *правдоподобіе, натура, а ничего этого нѣтъ въ „Ревизорѣ"*. Весьма жаль, если кто-нибудь изъ зрителей не знающихъ нашихъ провинцій, подумаетъ, будто *въ самомъ дѣлѣ* въ Россіи существуютъ такіе нравы, и будто можетъ быть городъ, въ которомъ нѣтъ *ни одной честной души* и порядочной головы.... Нѣтъ спора, что въ малень-

кихъ отдаленныхъ городишкахъ есть люди, смѣшные для человѣка *столичнаго* общества. Но все это является въ другихъ формахъ, именно не въ тѣхъ, въ какихъ злое и смѣшное представлено въ „Ревизорѣ". Авторъ „Ревизора" почерпнулъ свои характеры, нравы и обычаи не изъ настоящаго русскаго быта, но изъ временъ *предъ-Недорослевскихъ*, изъ комедій: *Ябеда, Честный секретарь, Судейскія имянины* и другихъ *отличныхъ*, но нынѣ забытыхъ произведеній прошлаго (или, что все равно, начала нынѣшняго) вѣка. Всѣ эти комедіи гораздо выше „Ревизора" и притомъ гораздо ближе къ натурѣ своего времени и, что весьма важно, чище языкомъ и изложеніемъ.... При недостаткѣ *завязки*, отсутствіе *правдоподобія* тѣмъ ощутительнѣе. Проѣзжайте всю Россію вдоль и поперекъ, вы не услышите слова *взятки*. Берутъ, но умно; даютъ еще умнѣе. Но „Ревизоръ" (продолжаетъ Булгаринъ) нравится публикѣ, то есть, публика смѣется и хлопаетъ. Да и нельзя не хохотать! *Это презабавный фарсъ, рядъ смѣшныхъ карикатуръ*, которыя должны непремѣнно заставить васъ смѣяться. Нравится этотъ *фарсъ* потому, что онъ устремленъ противъ того, что всѣмъ не нравится, а именно противъ взятокъ, которыхъ не любятъ на бумагѣ, даже тѣ, которые ихъ берутъ. Другая приманка для публики есть *современность* чиновъ, костюмовъ дѣйствующихъ лицъ и самаго вымышленнаго происшествія. Въ нашей литературѣ это большая рѣдкость. Хотя въ комедіи „Ревизоръ" дѣло и не походитъ на современное, какъ мы выше сказали, но въ ней говорится о *современности*, а для насъ и этого уже много".

„Сѣверная Пчела" не оставила безъ вниманія сочувственнаго отзыва Пушкина о Гоголѣ. Не дальше, какъ въ первомъ томѣ „Современника" вышедшемъ въ первыхъ числахъ апрѣля 1836 года, вспоминая впечатлѣніе, произведенное „Вечерами на хуторѣ близь Диканьки", Пушкинъ говорилъ: „Какъ изумились мы русской книгѣ, которая заставляла насъ смѣяться,—мы, *не смѣявшіеся со временъ Фонвизина!*"[1] Въ этой же книгѣ „Современника" Пушкинъ, извѣщая о скоромъ представленіи „Ревизора" въ Петербургѣ, замѣтилъ, что „начало *Тараса Бульбы* достойно Вальтеръ-

[1] Современникъ Пушкина I, 312. Въ «Разъѣздѣ» *Еще литераторъ*, воспроизводящій мнѣнія Булгарина о «Ревизорѣ», говоритъ: «Я ужъ слышалъ, что его чуть не въ Фонвизины суютъ» (ср. выше, стр. 486).

Скотта"[1]. Булгаринъ, разбирая „Ревизора", считаетъ нужнымъ остановиться на похвалахъ „Современника" Гоголю[2]. Вотъ это мѣсто рецензіи „Сѣверной Пчелы": „Высказавъ откровенно наше мнѣніе о комедіи „Ревизоръ", котораго мы почитаемъ не комедіей, но презабавнымъ фарсомъ въ родѣ Мольерова фарса „Скапиновы обманы" и проч., мы вовсе не думаемъ вооружаться противу таланта автора. Онъ, точно, писатель съ дарованіемъ, отъ котораго мы надѣемся много хорошаго, если *литературный кругъ, къ которому онъ теперь принадлежитъ* и который имѣетъ крайнюю нужду въ талантахъ[3], его не *захвалитъ*. Слово *захвалить* мы употребляемъ въ смыслѣ запоить, закормить, т. е. вѣря, что лишняя и неумѣренная хвала можетъ такъ же повредить таланту молодаго писателя, какъ излишніе пріемы пищи и питья вредятъ здоровью".

„Литературному кругу", къ которому принадлежалъ тогда Гоголь и въ составъ котораго входили Жуковскій, Пушкинъ, кн. Одоевскій, кн. Вяземскій и др., Булгаринъ предлагаетъ такія наставленія: „Друзья должны сказать откровенно автору „Ревизора", что онъ не знаетъ сцены и долженъ изучать Драматическое Искусство. Они должны посовѣтовать ему, чтобъ онъ не преувеличивалъ до невѣроятности смѣшнаго или порочнаго въ характерахъ, т. е. чтобъ изображалъ характеры въ натурѣ, а не *карикатурно*, если хочетъ писать комедіи, а не фарсы, и помнилъ, что составляетъ разницу между *Мизантропомъ* и *Скапиновыми обманами*. Друзья должны попросить автора „Ревизора", чтобъ онъ писалъ чище по русски и знакомился болѣе съ свойствами великороссійскаго нарѣчія (съ идіотизмами). У него языкъ слишкомъ отзывается малороссіянизмомъ. Въ русскомъ просторѣчіи онъ слабъ и впадаетъ въ непріятныя плоскости *(тривіальности)*...... Друзья

[1] Современникъ Пушкина I, 312. [2] Въ «Сѣверной Пчелѣ» 1836 г., № 127 было напечатано: «На стр. 312 «Современникъ» говоритъ о г. Гоголѣ, сотрудникѣ своемъ, сравниваетъ его съ Фонъ-Визинымъ и говоритъ безъ всякихъ обиняковъ, что «Тарасъ Бульба» есть твореніе, достойное Вальтеръ-Скотта! Хотя мнѣніе это не подтверждается доводами, но «Современникъ» объявляетъ, «что онъ желаетъ и надѣется имѣть часто случай говорить о (своемъ сотрудникѣ) г. Гоголѣ». Однимъ словомъ «Современникъ» дѣлаетъ то, въ чемъ упрекаетъ другихъ, и притомъ несправедливо» (стр. 507). Дѣло въ томъ, что въ статьѣ «О движеніи журнальной литературы», напечатанной въ «Современникѣ», Гоголь указалъ, что «Сѣверная Пчела» должна была хвалить все, помѣщаемое въ «Библіотекѣ» (настоящаго изданія V, 495). [3] Т. е. кругъ Пушкина, нуждавшійся въ сотрудникахъ для «Современника».

автора комедіи „Ревизоръ“ оказали бы ему и публикѣ величайшую услугу, еслибъ могли убѣдить его отказаться отъ *цинизма* въ языкѣ, которымъ упитана не только комедія, но и всѣ вообще произведенія этого молодаго и притомъ талантнаго писателя. Покойный Нарѣжный, Пиго-ле-Бренъ и Поль-де-Кокъ, по языку, суть красныя дѣвицы въ сравненіи съ авторомъ „Ревизора“. Подобнаго цинизма мы никогда не видывали на русской сценѣ и въ литературѣ. Молодому писателю, имѣющему понятія о приличіяхъ, непростительно прибѣгать къ такимъ *грязнымъ* двусмысліямъ, какія находятся въ комедіи „Ревизоръ“. Мы даже не смѣемъ выписать ихъ. Уши вянутъ! Истинный талантъ — врагъ всѣхъ безстыдныхъ двусмыслій (экивоковъ) и имѣетъ другія средства къ тому, чтобъ смѣшить публику; двусмыслія — дѣло посредственности. Но, кромѣ двусмыслія, въ языкѣ автора „Ревизора“ такъ много противуизящнаго, что мы не понимаемъ, какъ онъ могъ рѣшиться на это. Теперь порядочный лакей не скажетъ: „супъ *воняетъ*“ (стр. 50); „чай *воняетъ* рыбой“ (стр. 53), а скажетъ: „дурно пахнетъ, пахнетъ рыбой“. Ни одинъ писатель со вкусомъ не напишетъ: „*ковыряетъ* пальцемъ въ зубахъ“ (стр. 51). Ни одинъ комикъ не заставитъ свое дѣйствующее лицо вытаскивать изъ зубовъ мясо и говорить объ этомъ съ публикою: „совершенно какъ деревянная кора, ничѣмъ вытащить нельзя“ (стр. 51). Слова: „*воняетъ, скотина, подлецъ, свинья* (особенно послѣднее словцо) встрѣчаются такъ часто, что можно сказать: авторъ слишкомъ *пересолилъ* свою свинину. Намъ кажется, что безъ этихъ прелестныхъ словъ легко можно было бы обойтись, а особенно можно было обойтись безъ смрада“.

Булгаринъ замѣчаетъ далѣе, что Гоголь рисовалъ не великоруссовъ, а своихъ земляковъ. „Роль слуги (говоритъ Булгаринъ) списалъ онъ въ Петербургѣ, а помѣщиковъ вытащилъ изъ Малороссіи. Это настоящая малороссійская или бѣлорусская мелкая шляхта во всей красѣ! Но такихъ дворянъ, съ такими нравами и ухватками, нѣтъ въ великороссійскихъ губерніяхъ. *Вообще* авторъ „Ревизора“, желая представить русскій уѣздный городокъ, съ его нравами, изобразилъ городокъ малороссійскій или бѣлорусскій. Купцы его не русскіе люди, а просто жиды. Женское кокетство также не русское. Да и самъ городничій не могъ бы взять такую волю въ великороссійскомъ городкѣ, между служащими и отставными дворянами..... Словомъ, городокъ автора „Ревизора“ не рус-

скій городокъ, а малороссійскій или бѣлорусскій: *такъ не зачѣмъ было и клеветать на Россію*". Въ заключеніи рецензіи говорится: „Какое впечатлѣніе оставляетъ пьеса „Ревизоръ"? Непріятное! Тяжело выдержать пять актовъ и не слышать ни одного умнаго слова, а одни только грубыя насмѣшки или брань: *не видать ни одной благородной черты сердца человѣческаго!* Если бъ зло перемѣшано было съ добромъ, то послѣ справедливаго негодованія сердце зрителя могло бы, по крайней мѣрѣ, освѣжиться, а *въ „Ревизорѣ" нѣтъ пищи ни уму, ни сердцу, нѣтъ ни мыслей, ни ощущеній.* Авторъ сдѣлалъ чучелу изъ взяточника и колотитъ его дубиной. Прочія лица кривляются, а мы хохочемъ, потому что въ самомъ дѣлѣ смѣшно, хоть и уродливо. Автору не худо было бы зарубить на стѣнку: 1) Все неизящное недолговѣчно. 2) Къ потомству доходятъ однѣ идеи и чувствованія. 3) Похвала друзей не есть справедливая оцѣнка. 4) Аплодисменты и вызовы не слава. 5) Rien n'est beau que le vrai".

Таково содержаніе двухъ статей Булгарина о „Ревизорѣ", написанныхъ по случаю перваго представленія этой комедіи на петербургской сценѣ. Позднѣе, по поводу піесы „Настоящій Ревизоръ", Булгаринъ повторяетъ высказанныя имъ мысли о комедіи Гоголя, дополняя ихъ новыми замѣчаніями[1]. Но этихъ замѣчаній Гоголь не могъ имѣть въ виду, дѣлая въ Петербургѣ наброски, которые впослѣдствіи вошли въ составъ „Театральнаго разъѣзда".

Разборъ „Ревизора", написанный Сенковскимъ, появился въ майской книжкѣ „Библіотеки для чтенія" (томъ XVI, отд. V, стр. 1—44) и Гоголь прочелъ эту статью до отъѣзда за границу.

Указывая нѣкоторыя „превосходныя сцены" въ „Ревизорѣ", Сенковскій воспроизводитъ однако въ своей рецензіи мысли, высказанныя о комедіи Гоголя Булгаринымъ. Такъ критикъ упоминаетъ о „необдуманныхъ похвалахъ Гоголю изъ котерій", и, въ видѣ предостереженія автору „Ревизора", говоритъ, что „онъ стоитъ на пропасти, покрытой цвѣтами, и можетъ упасть въ нее со всею своей будущей славою". Сенковскій высказываетъ даже такое мнѣніе: „Г. Гоголь, кажется, слишкомъ полагаясь на похвалы этого круга, не извлекалъ для себя никакой пользы изъ критики: въ томъ

[1] Эта статейка напечатана въ „Сѣверной Пчелѣ" 1836 года, № 171, 29 іюля, когда Гоголь былъ уже за границею. Въ этой замѣткѣ одно новое указаніе: „Особенно конецъ есть самая слабая часть механизма комедіи". На переработку нѣмой сцены обратилъ впослѣдствіи вниманіе и самъ Гоголь.

самомъ содержаніи, въ какомъ увеличивались отличительныя достоинства его сочиненій, усиливались также и коренные ихъ недостатки, которые неоднократно были ему показаны. Красоты и пятна ростутъ у него съ одинаковою силою, до того, что *онъ не производилъ еще ничего забавнѣе и ничего грязнѣе послѣдняго своего творенія.* Какъ можно навалить столько сору на столько чистаго золота! Уваженіе къ нашимъ читателямъ (продолжаетъ Сенковскій) не позволяетъ намъ даже выписывать мѣстъ, на которыя преимущественно долженъ упасть этотъ упрекъ, — такъ они противны чистому вкусу и формамъ хорошаго общества. *Это выходитъ уже изъ предѣловъ самаго грубаго фарса.... Нравственность* и *благопристойность* обладаютъ неисчислимою силою въ искусствахъ, и тѣ жестоко ошибаются, которые презираютъ ту или другую, какъ средство утвержденія своей литературной славы на долгое время".

Высказавши опасеніе, что Гоголя „захвалятъ", Сенковскій повторяетъ мнѣніе Булгарина, что „городъ" „Ревизора" „скорѣе долженъ находиться въ Малороссіи или Бѣлоруссіи, чѣмъ въ другой сторонѣ Россіи". По мнѣнію критика, „типъ Маріи Антоновны явно созданъ по мелкимъ дворянкамъ одной изъ этихъ двухъ провинцій". Сенковскій утверждаетъ, что „Ревизоръ" г. Гоголя далеко не заслуживаетъ имени комедіи по своему плану и созданію". Это положеніе доказывается такимъ образомъ: „У г. Загоскина (въ комедіи „Недовольные", которая разбирается въ одной статьѣ съ „Ревизоромъ") была идея, и хорошая комическая идея, *у г. Гоголя идеи нѣтъ никакой.* Его сочиненіе даже не имѣетъ въ предметѣ нравовъ общества, безъ чего не можетъ быть настоящей комедіи: его предметъ — анекдотъ, старый, всѣмъ извѣстный, тысячу разъ напечатанный, разсказанный и обдѣланный въ разныхъ видахъ и на разныхъ языкахъ, — анекдотъ о томъ, какъ въ маленькомъ провинціальномъ городѣ, гдѣ, по обыкновенію всѣхъ вѣковъ и народовъ, кроются мелкіе административные безпорядки и злоупотребленія, чиновники по ошибкѣ приняли кого-нибудь за важное лицо, ѣдущее къ нимъ изъ столицы, испугались, начали хлопотать, прятать свои грѣхи, и потомъ оказалось, что все это вздоръ, ошибка, напрасный страхъ.... Въ подобныхъ піесахъ не можетъ быть характеровъ, потому что авторъ принужденъ заставлять свои лица дѣйствовать прямо въ смыслѣ анекдота, слѣдовать за нимъ неотступно, клонить все къ его уровню и ему даже некогда и некуда вводить обстоятельства, создаваемыя во-

ображенiемъ для развитiя ими разныхъ характеровъ. Поэтому нѣтъ характеровъ и въ „Ревизорѣ“, и автора должно упрекать не за то, что его лица безхарактерны, а скорѣе за то, что онъ не создалъ для себя предмета, но взялъ готовый изъ стараго анекдота. Всѣ недостатки въ планѣ пiесы происходятъ отсюда. *Въ ней нѣтъ ни завязки, ни развязки*, потому что это исторiя *одного* извѣстнаго случая, а не художественное созданiе: завязка тутъ даже и не нужна, когда съ первыхъ сценъ напередъ знаешь развязку. Въ ней всѣ дѣйствующiя лица плуты или дураки: но и не можетъ быть иначе, — анекдотъ выдуманъ только на плутовъ и дураковъ, и для честныхъ людей въ немъ даже нѣтъ мѣста: вотъ почему впечатлѣнiе, которое она оставляетъ въ зрителѣ и читателѣ, вовсе несходно съ его понятiями о людяхъ и обществѣ, состоящихъ всегда изъ смѣси дурнаго и хорошаго. Въ ней, наконецъ, нѣтъ страстей: что за страсти могутъ быть въ анекдотѣ, то есть, въ эпиграммѣ! О картинѣ русскаго общества и говорить нечего: *самый анекдотъ выдуманъ не въ Россiи*. Административныя злоупотребленiя въ мѣстахъ отдаленныхъ и мало посѣщаемыхъ, существуютъ въ цѣломъ мiрѣ, и нѣтъ никакой достаточной причины приписывать ихъ одной Россiи, перенося анекдотъ на нашу землю и обставляя его одними только лицами нашего народа. Сверхъ того изъ злоупотребленiй никакъ нельзя писать комедiй, потому что это не нравы народа, не характеристика общества, но преступленiя нѣсколькихъ лицъ, и они должны возбуждать не смѣхъ, а скорѣе негодованiе честныхъ гражданъ. Смѣшное пребываетъ въ обществѣ, а не въ приказѣ. Мы отъ души совѣтуемъ г. Гоголю не писать болѣе комедiй изъ анекдотовъ и административныхъ грѣховъ“. Это мѣсто рецензiи Сенковскаго дало Гоголю поводъ говорить о „побасенкахъ“...

Заслуживаетъ вниманiя и совѣтъ, который дается Гоголю критикомъ въ концѣ рецензiи. Вотъ подлинныя слова Сенковскаго: „При чтенiи пiесы, которая иногда подавляетъ вниманiе кажущимися длиннотами, именно отъ того, что въ ней нѣтъ *сильной завязки* для его поддержанiя, намъ приходила мысль, что этотъ недостатокъ легко было бы исправить введенiемъ еще одного женскаго лица. Оставаясь дней десять безъ дѣла въ маленькомъ городишкѣ, Хлестаковъ могъ бы приволокнуться за какой-нибудь уѣздною барышней, прiятельницею или непрiятельницею дочери городничаго, и возбудить въ ней *нѣжное чувство*,

которое разлило бы интересъ на всю піесу. Прибавивши къ двумъ первымъ актамъ двѣ или три сцены этой *любви*, авторъ оживилъ бы остальную часть сочиненія *интригою,* которая въ четвертомъ дѣйствіи могла бъ еще запутаться ревностью Маріи Антоновны и доставить комическому дарованію г. Гоголя много забавныхъ сценъ соперничества двухъ провинціальныхъ барышенъ. Это отчасти исправило бы и *пошлость анекдота.* Мы предаемъ эту мысль благоуваженію автора, который, безъ сомнѣнія, захочетъ усовершенствовать свою первую піесу". Гоголь отвѣчалъ на этотъ совѣтъ Сенковскаго въ „Театральномъ разъѣздѣ" устами *втораго любителя искусствъ* (стр. 487).

Толки, вызванные „Ревизоромъ" въ высшемъ петербургскомъ обществѣ и въ петербургскихъ журналахъ, глубоко потрясли Гоголя. Московская журналистика отнеслась къ его комедіи иначе, но авторъ „Ревизора" даже въ сентябрѣ 1836 года не зналъ содержанія московскихъ критикъ[1]. Удары, обрушившіеся на комика, были тѣмъ сильнѣе, чѣмъ неожиданнѣе. Противъ Гоголя были вліятельныя лица высшаго чиновничьяго міра журналистики. Со времени появленія „Ревизора" началось нерасположеніе къ Гоголю С. С. Уварова[2]. Булгаринъ и Сенковскій руководили мнѣніемъ русской публики въ литературныхъ вопросахъ. Еще въ началѣ 1834 года, когда только-что вышелъ первый № „Библіотеки для чтенія", Гоголь писалъ Погодину о редакторѣ ея, Сенковскомъ: „Сословіе, стоящее выше Брамбеусины, негодуетъ на безстыдство и наглость кабачнаго гуляки. Сословіе, любящее приличіе, гнушается и читаетъ. Начальники отдѣленій и директоры департаментовъ читаютъ и надрываютъ бока со смѣху. Офицеры читаютъ и говорятъ: „какъ хорошо пишетъ!" Помѣщики покупаютъ и подписываются и, вѣрно, будутъ читать". Въ этомъ же письмѣ Гоголь указываетъ на солидарность Сенковскаго съ Гречемъ (который былъ главнымъ редакторомъ „Библіотеки для чтенія") и Булгаринымъ, замѣчая: „Они поставили новый краеугольный камень своей власти. Это другая „Пчела"! И вотъ литература наша безъ голоса! А между тѣмъ наѣздники эти дѣйствуютъ *на всю Русь.* Вѣдь въ столицѣ нашей чухонство, въ вашей купечество, а Русь только среди Руси"[3]. Въ тридцатыхъ годахъ Булгаринъ пользовался особеннымъ довѣріемъ въ административныхъ сферахъ:

[1] Сочиненія и письма Гоголя V, 275. [2] Тамъ же, стр. 457. [3] Тамъ же, стр. 195.

50*

оттуда прислушивались къ его голосу. Во 2-мъ № „Сѣверной Пчелы" 1831 года напечатанъ былъ слѣдующій отрывокъ изъ письма гр. Бенкендорфа къ Булгарину: „Государь Императоръ изволилъ отозваться, что Его Величеству весьма пріятны труды и усердіе ваше къ пользѣ общей и что Его Величество, будучи увѣренъ въ преданности вашей къ Его особѣ, всегда расположенъ оказывать вамъ милостивое Свое покровительство. Увѣдомляя васъ съ особеннымъ удовольствіемъ о семъ благосклонномъ отзывѣ Его Императорскаго Величества, съ предоставленіемъ права дать оному гласность, имѣю честь быть" и пр. Гоголь не даромъ называлъ Булгарина „государственнымъ мужемъ"[1].

И вотъ вмѣсто той „современной славы", которой такъ „жаждалъ" Гоголь, приступая къ сочиненію своей первой комедіи[2], на голову несчастнаго писателя посыпались обвиненія чуть не въ государственномъ преступленіи: онъ слышалъ вокругъ себя зловѣщіе возгласы: „либералъ! революціонеръ! клеветникъ на Россію! въ Сибирь его!" Казалось, паническій страхъ овладѣлъ Гоголемъ. Его первою мыслью было „удалиться" изъ Россіи. „Какъ ни странно покажется (говоритъ Анненковъ), что къ числу причинъ, ускорившихъ отъѣздъ Гоголя, мы относимъ и журнальные толки, но это было такъ... Петербургская публика относилась къ Гоголю если не вполнѣ враждебно, то, по крайней мѣрѣ, подозрительно и недовѣрчиво. Послѣдній ударъ нанесенъ былъ представленіемъ „Ревизора" (Воспоминанія и критическіе очерки I, 192—193). Гоголю страшно стало за себя, за русскаго писателя вообще. 15 мая 1836 года онъ писалъ Погодину: „Я не сержусь на толки, какъ ты пишешь; не сержусь, что сердятся и отворачиваются тѣ, которые отыскиваютъ въ моихъ оригиналахъ свои собственныя черты и бранятъ меня; не сержусь, что бранятъ меня непріятели литературные, продажные таланты. Но грустно мнѣ это всеобщее невѣжество, движущее столицей; грустно, когда видишь, что глупѣйшее мнѣніе ими же опозореннаго и оплеваннаго писателя дѣйствуетъ на нихъ же самихъ и ихъ же водитъ за носъ. Грустно, когда видишь, въ какомъ еще жалкомъ состояніи находится у насъ писатель. Всѣ противъ него, и нѣтъ никакой сколько-нибудь равносильной стороны за него. „Онъ зажигатель! Онъ бунтовщикъ!" И кто же это говоритъ? Это говорятъ люди государствен-

[1] Сочиненія и письма Гоголя V, 195. [2] Тамъ же, стр. 174.

ные, люди выслужившіеся, опытные, люди, которые должны бы имѣть на сколько-нибудь ума, чтобъ понять дѣло въ настоящемъ видѣ, люди, которые считаются образованными и которыхъ свѣтъ,— по крайней мѣрѣ русской свѣтъ, — называетъ образованными. Выведены на сцену плуты — и всѣ въ ожесточеніи: „зачѣмъ выводить на сцену плутовъ?" — Пусть сердятся плуты, но сердятся тѣ, которыхъ я не зналъ вовсе за плутовъ. Прискорбна мнѣ эта невѣжественная раздражительность, признакъ глубокаго, упорнаго невѣжества, разлитаго на наши классы. Столица щекотливо оскорбляется тѣмъ, что выведены нравы шести чиновниковъ провинціальныхъ; что же бы сказала столица, если бы выведены были. хотя слегка, ея собственные нравы? Я огорченъ не нынѣшнимъ ожесточеніемъ противъ моей піесы, меня заботитъ моя печальная будущность. Провинція уже слабо рисуется въ моей памяти, черты ея уже блѣдны. Но жизнь петербургская ясна передъ моими глазами, краски ея живы и рѣзки въ моей памяти. Малѣйшая черта ея — и какъ тогда заговорятъ мои соотечественники? И то, что̀ бы приняли люди просвѣщенные съ громкимъ смѣхомъ и участіемъ,— то самое возмущаетъ желчь невѣжества; а это невѣжество всеобщее. Сказать о плутѣ, что онъ плутъ — считается у нихъ подрывомъ государственной машины; сказать какую-нибудь только живую и вѣрную черту — значитъ въ переводѣ опозорить все сословіе и вооружить противъ него другихъ или его подчиненныхъ. Разсмотри положеніе бѣднаго автора, любящаго между тѣмъ сильно свое отечество и своихъ же соотечественниковъ. и скажи ему. что есть небольшой кругъ, понимающій его, глядящій на него другими глазами, — утѣшитъ ли это его?" [1]

Нѣсколько ранѣе, 29 апрѣля, Гоголь писалъ Щепкину: „Дѣйствіе, произведенное ею (комедіею „Ревизоръ"), было большое и шумное. Всѣ противъ меня. Чиновники пожилые и почтенные кричатъ, что для меня нѣтъ ничего святаго, когда я дерзнулъ такъ говорить о служащихъ людяхъ; полицейскіе противъ меня; купцы противъ меня; литераторы противъ меня. Бранятъ и ходятъ на піесу: на четвертое представленіе нельзя достать билетовъ. Если бы не высокое заступничество Государя, піеса моя не была бы

---

[1] Напечатано по копіи писемъ Гоголя къ Погодину, принадлежащей Обществу любителей россійской словесности. Ср. Сочиненія и письма Гоголя V, 260—267.

ни за что на сценѣ, и уже находились люди, хлопотавшіе о запрещеніи ея"[1].

„Заступничество" императора Николая за „Ревизора" одно освѣщало поэту лучемъ надежды мрачные дни, послѣдовавшіе за первымъ представленіемъ злополучной комедіи...[2]

„Театральный разъѣздъ" воспроизвелъ въ живой картинѣ пересуды высшаго петербургскаго общества и критическіе отзывы Булгарина и Сенковскаго объ авторѣ „Ревизора"; не забыто и высокое покровительство, оказанное комедіи императоромъ Николаемъ.

Въ числѣ автографовъ Гоголя, поступившихъ изъ бумагъ А. А. Иванова въ Императорскую Публичную Библіотеку, находится нѣсколько набросковъ, изъ которыхъ впослѣдствіи выработался „Театральный разъѣздъ". Наброски эти сдѣланы въ разное время. Самые старые, восходящіе еще къ апрѣлю и маю 1836 г., отличаются рѣзко выступающимъ субъективнымъ элементомъ. Они вошли въ „Разъѣздъ" въ очень смягченномъ видѣ и съ сокращеніями. Къ числу такихъ наброскомъ мы относимъ слѣдующіе четыре:

Набросокъ первый. „Вы говорите, что выставлять порочное не достигаетъ цѣли: осмѣяніе не дѣйствуетъ надъ порочныхъ (sic!); но нелицемѣрны (слова) ли были (тѣ) уста, произнесшія такія рѣчи? Какъ ....[3] значительно значеніе осмѣянья. Благодарнымъ сочувствіемъ отзывается онъ въ благородномъ и сказывается робкою боязнью въ преступномъ сердцѣ. Часто умѣвшій не бояться ничего не выноситъ насмѣшки. (Вы почти готовы находить безнравственнымъ смѣхъ). О, еще далеко не понято высокое значенье чистаго смѣха, не злобнаго, порожденнаго не оскорбленною личностью (человѣка) смѣха, но свѣтлаго, излетающаго изъ ясной душевной глубины! О, вы еще не знаете, какъ высоко нравствененъ и силенъ смѣхъ, проникнувшій произведеніе! То, что сказывается (распаленнымъ) разгоряченнымъ голосомъ, можетъ быть, возбудило бы неумѣренную силу негодованія, то, облеченное въ смѣхъ, уже родитъ спокойное (чувство), умиряетъ и успокоиваетъ человѣка. Ожесточенный и огорченный неспра-

---

[1] Сочиненія и письма Гоголя V, 254. [2] Тамъ же, стр. 263. Въ мартѣ 1839 г. Гоголь писалъ Жуковскому: «Онъ (Государь) милостивъ. Мнѣ памятно до гроба то вниманіе, которое онъ оказалъ къ моему «Ревизору». Русскій Архивъ 1871 г., стр. 0933. [3] Точки на мѣстѣ неразобранныхъ словъ.

ведливостью[1] человѣкъ уже бы поднялъ, можетъ быть, руку на своего врага; но, увидя достойно осмѣяннымъ въ театрѣ[2], уже почти примиряется. Душа его не выноситъ злобнаго чувства изъ театра, и свѣтлое остается въ душѣ, ибо смѣхъ есть врагъ всему темному. (Ибо тамъ не царствуетъ ни мятежъ, ни мрачная буря). Тамъ нѣтъ ни сомнѣній, ни волненій, гдѣ царствуетъ высокій праздничный смѣхъ. Но по неяснымъ слухамъ и неправо судитъ толпа — и готова выводить изъ незначительныхъ булавочныхъ исключеній законы для всего громаднаго, величаваго. И долго еще будутъ смѣшивать (великія созданія ихъ) чистыя отвлеченныя созданія поэтовъ съ созданіями, внушенными личными страстями и личными цѣлями, — съ созданьями тѣхъ, которые приняли названье и безъ различія, необдуманно, безсмысленно будутъ еще долго называться (sic!) побасенками. Есть люди, готовые назвать даже и то, что истекло изъ устъ Гомера и Шекспира, побасенками! Побасенки! А вонъ протекли двадцать вѣковъ, города исчезли и снеслись съ лица земли, а побасенки живутъ и повторяются донынѣ, и внемлютъ имъ мудрые цари, глубокіе правители, прекрасный старецъ, полный благородныхъ силъ старецъ, и юноша и бѣднякъ убогій льютъ надъ ними душевныя слезы. Побасенки! А вонъ собралась безчисленная толпа, наполнивъ великолѣпныя ложи, кресла и галлереи; стонутъ балконы театровъ; вся сдвинулась, вся слилась она въ одно чувство, вся превратилась въ одного человѣка и гремитъ рукоплесканья тому, котораго .... [3] уже пятьсотъ лѣтъ на свѣтѣ. Слышитъ ли онъ въ могилѣ? Отзывается ли (сочувствіемъ его сердце) душа, терпѣвшая горе жизни и низкую земную участь?[4] Побасенки! а вонъ среди сей же собравшейся толпы пришелъ одинъ съ растерзанной душой, съ измученнымъ сердцемъ, пришелъ (обремененный)[5] горемъ жизни, согбенный суровымъ гнетомъ нещастій; .... [6] уже, безнадежный, онъ готовъ былъ вознести руку на самого себя и прекратить свои мученія, — но вдругъ божественно потряслась

[1] Сверху приписано: „обидой". [2] Написано неразборчиво. [3] Точки на мѣстѣ пропущеннаго слова. [4] Ср. слѣдующее мѣсто въ письмѣ Гоголя Прокоповичу: „Каждый годъ Théatre français торжествуетъ день рожденія Мольера. Въ этомъ было что-то трогательное. Меня обняло какое-то странное чувство. *Слышитъ ли онъ и гдѣ онъ слышитъ это?*" Русское Слово 1859, январь, стр. 117. [5] Сверху этого зачеркнутаго слова приписано другое, которое намъ не удалось разобрать. [6] Точки на мѣстѣ неразобраннаго слова.

душа, — рыданья, смѣхъ и слезы хлынули вдругъ изъ его очей, и гимнъ благодаренья уже стремится изъ души, и выходитъ онъ примиренный съ жизнью. Побасенки!... О, благороденъ и вѣчно великъ тотъ, кто внимаетъ[1] къ такимъ побасенкамъ, и простираетъ великодушную руку защиты бѣднымъ странникамъ — на произведенія подобныхъ побасенокъ[2]. И да ниспошлетъ (Небо. Небо =) Онъ тебѣ неутомимыя силы произвести много (прекрасныхъ =) величественныхъ подвиговъ, (привлекущихъ къ тебѣ сердца всѣхъ), за которые будутъ гремѣть благодарность вѣчную потомства".

„Но вы простите мнѣ, мои соотечественники, упрекъ. Мнѣ грустно..........[3] и я не знаю самъ, отчего грустно въ душѣ моей. Мнѣ тяжело ваше безучастіе и тяжело было слышать голосъ негодованья и нерасположенья. Не въ силахъ я (.......[4] и удалюсь) отъ души моей нанести кому-либо огорченья. (Я удалюсь) Я удалюсь, мной овладѣла.......[5] Я удалюсь отъ васъ".

Зачеркнувши послѣднія строки (со словъ: „И да ниспошлетъ", до конца), Гоголь набросалъ взамѣнъ ихъ слѣдующее: „И вы, мои соотечественники..... Но чувство невѣдомой грусти тѣснится невольно ко мнѣ въ душу. Мнѣ тяжело было слышать голосъ......[6] вашего нерасположенія и безучастія и тяжело душѣ нанесть... Я удалюсь отъ васъ. Пусть это минутная, послѣдняя грусть. Я удалюсь; пустыня мнѣ нужна и долго.........[7] (И оттуда представится этотъ живой во всемъ громадномъ своемъ величіи). Далеко унесу мою скитающуюся судьбу — въ другіе, дальніе предѣлы. Но не думайте, [чтобы][8] омрачило мою душу сіе тяжелое воспоминаніе. Нѣтъ, оно слетитъ все, слетитъ мрачность въ моемъ очищенномъ воспоминаніи, и вы предстанете одной только свѣтлой стороной вашего духа. Отлетитъ въ глазахъ временная и мутная темнота и предстанетъ предо мной въ одномъ только блескѣ и гордой чистотѣ своей Россія".

---

[1] Сверху этого слова приписано: «преклоняетъ». [2] Сверху строкъ и на пустомъ мѣстѣ страницы приписанъ карандашомъ слѣдующій новый текстъ: «И вѣчной благодарностью потомства освятится имя Того, который простираетъ великодушную руку защиты бѣднымъ странникамъ земли, производящимъ такія побасенки. И Ты (великодушный), простершій съ высоты Твоего..... (свѣжительный) голосъ ободренья и защиты, великій Царь! (Душа, жизнь русск.). О какъ полно мое сердце (и какъ сильно, и какъ глубоко оросили святыя слезы!». [3,4] Точки на мѣстѣ неразобранныхъ словъ. [5] Точки на мѣстѣ пропущеннаго слова. [6,7] Точки на мѣстѣ неразобранныхъ словъ. [8] Слово «чтобы» пропущено.

Набросокъ второй. „Всѣ уѣхали. И еще въ нѣсколько разъ стало смутнѣй и страннѣй на душѣ моей. Что я слышалъ? Укоризны, странные упреки за небывалыя вещи. Ни въ какомъ сердечнаго участья и даже какое-то явное желанье воздвигнуть преслѣдованье и гоненья, какъ противъ человѣка, опаснаго для общества и государства. О, мои соотечественники! что движетъ вашими словами — желаніе высказать собственное мнѣніе, желанье общаго блага, безотчетное и недоброжелательное, или невольное движеніе высказать первыя попавшія слова, не размышляя, какой могутъ они произвести вредъ автору? Но какое вамъ дѣло до автора? Неистощимый толкъ противурѣчій! Разомъ обвиненья въ несообразности и пошлости, въ незначительности піесы, и въ пользѣ ея и въ ужасномъ вредѣ, въ незначительности и въ ничтожности подобныхъ произведеній и въ какой-то таинственной важности политической. Нѣтъ, изъ глубины души, не изъ глубины разума и опыта (произнесли) почерпнули вы обвиненія! (Высокимъ и разумнымъ движеньемъ было подвигнуто Высшее правительство ваше —) Великодушное правительство глубже васъ прозрѣло высокимъ разумомъ цѣль писавшаго.

Вы говорите: „Къ чему, зачѣмъ открывать это? Затѣмъ въ такомъ видѣ представлять народу?“ И какъ опроверженіе[1] всего одно простое слово, произнесенное тутъ же при выходѣ: „Небось поблѣднѣли, когда пріѣхалъ настоящій“. Да простой чиновникъ. также мудрый,.....[2] смѣло. Онъ..........:[3] „какъ при одномъ приближеніи уже смутились всеобщимъ страхомъ всѣ невѣрные его исполнители, какъ скрылъ этотъ могучій страхъ очевидную истину изъ глазъ, какъ отнялъ Богъ разумъ у тѣхъ, у которыхъ его достало на то, чтобы превратно толковать......[4], какъ они, омраченные испугомъ, произвели они тысячи глупостей, какъ все наконецъ поблѣднѣло и потряслось[5], когда предсталъ наконецъ этотъ грозный законъ, завершившій піесу, равно взирающій на сильныхъ и безсильныхъ. Нѣтъ, съ вѣрой и надеждой въ высшее (надо всѣми) недремлющее правосудіе выходитъ народъ изъ театра и. освѣженный, терпитъ и переноситъ несправедливость, если она случится, въ твердой увѣренности, что настигнетъ его грозный

[1],[2] Послѣ этого пропущено какое-то слово. [3] Точки на мѣстѣ неразобранныхъ словъ. [4] Пропущено какое-то слово; вѣроятно: «законъ». [5] Въ рукописи: «потрясло».

законъ, недремлющій (надъ всѣми), предъ которымъ всѣ равны — и сильные, и безсильные. Нѣтъ, не правительство здѣсь предано осмѣянію, но тѣ, которые не поняли правительство. Нѣтъ, не надъ закономъ здѣсь насмѣшка, но надъ (превратными ихъ толкованіями =) надъ отступленіемъ его". (Есть обвинители, говорящіе =) Да, есть между васъ люди, утверждающіе... Вы говорите: „(Гдѣ же) Такого города нѣтъ вовсе, гдѣ бы было такъ много плутовъ". Зато и не названъ этотъ городъ, и вы сами говорите, что нѣтъ его. Вы сами слышите, что это (сборный) городъ неправильныхъ отступленій (это выход), что сюда собраны всѣ уклоненья отъ закона и кроятся по разнымъ...— сборный городъ всей темной стороны. Вы говорите: „Зачѣмъ не выставлено сюда хотя одного возвышеннаго, благороднаго человѣка, на которомъ бы отдохнула душа?" Затѣмъ, что блѣденъ и ничтоженъ былъ бы здѣсь добрый человѣкъ: онъ долженъ отдать свое безсильное мѣсто закону. Затѣмъ: яркостью собранныхъ преступленій и пороковъ уже рисуется сама собою противуположность въ головѣ каждаго. Уже облицается полная идея порядочнаго человѣка въ очахъ каждаго и всякому становится доступно и ясно, чего требуетъ отъ него высшее правительство. (Ибо благородно высшее правительство и не можетъ быть иначе). Затѣмъ, чтобы видѣли всѣ высокое значенье правительства, уже носящему (sic!) въ своемъ величественномъ образѣ высокую противуположность всему грозному, соединенью[1] всего порочнаго".

Изъ этихъ набросковъ можно заключить, что Гоголь сначала не предполагалъ дать апологіи „Ревизора" драматическую форму; но потомъ, записывая отзывы и замѣчанія публики о комедіи и дорожа сохраненіемъ „физіономіи замѣчаній" и „означеніемъ, изъ чьихъ устъ они вышли"[2], онъ распредѣлилъ эти отзывы и замѣчанія между отдѣльными дѣйствующими лицами. Зная, что замѣчаніями и сужденіями толпы Гоголь дорожилъ гораздо болѣе, нежели мнѣніемъ избраннаго литературнаго круга[3], мы придаемъ первому

[1] Слово написано неразборчиво. [2] Русское Слово 1859, январь, стр. 116, 121. [3] Анненкова, Воспоминанія и критическіе очерки I, 186, 192. Гоголь писалъ Прокоповичу 24 сентября 1843 года: «Намъ слѣдуетъ все знать, что они говорятъ объ насъ, и не пренебрегать никакими мнѣніями, какія бы причины ихъ не внушали. Кто этого не дѣлаетъ, тотъ просто глупъ и никогда не будетъ умнымъ человѣкомъ. Мы люди вообще лѣнивцы и не любимъ, или позабываемъ оглядываться на себя». Русское Слово 1859 г., январь, стр. 132.

монологу „Театральнаго разъѣзда“ реальное значеніе: Гоголь, несомнѣнно, прислушивался внимательно къ толкамъ зрителей, присутствовавшихъ на первомъ представленіи „Ревизора“, и фраза: „Небось всѣ поблѣднѣли, какъ пріѣхалъ настоящій“, *записана* со словъ, а не выдумана. Второй и третій набросокъ имѣютъ уже діалогическую форму.

Набросокъ третій.[1] „Мнѣ душно и тяжело. Какое-то странное чувство облегло меня. Ни рукоплесканья, ни вызовы, ни смѣхъ, потрясающій толпу... ни..... не восторгнуло[2] духъ мой. Нѣтъ, не ихъ[3] — я бы желалъ слышать всѣ толки и мнѣнья всѣхъ возможныхъ классовъ, чтобъ всякій зритель, отъ райка до креселъ и ложъ, заговорилъ вдругъ и пересказалъ свои впечатлѣнія своими собственными словами, еще не услышавъ сужденья знатоковъ, законодателей мыслей каждаго. Я бы хотѣлъ вдругъ, разомъ увидѣть всѣ свои пороки и ошибки, вдругъ взвѣсить всѣ слабыя стороны моего произведенья. Попробую, не пошлетъ ли судьба мнѣ счастія, лучше котораго не выдумаешь для писателя. Прислонюсь здѣсь къ этой аркѣ и дождусь выхода всей толпы. Казалось бы, свѣжее впечатлѣніе побудитъ многихъ заговорить[4] (отъ души). Смѣхъ! О, ш...! Кто-то идетъ. *[Прячется]*.

— Нѣтъ, я не остаюсь на водевиль. Я пришелъ съ тѣмъ, чтобы видѣть новую піесу. Смѣшно, смѣшно. Есть много остроумнаго.

— Помилуйте, что за языкъ? что за тонъ? Грязно ужасно.

— И я не понимаю: нѣтъ ни завязки.

— Я, въ отношеніи литературнаго достоинства, я не сужу. Это не мое дѣло. Это не мой.......[5] Я сужу только такъ; говорю, что смѣшна, доставила мнѣ удовольствіе.

— Да и не смѣшна вовсе. Помилуйте! И какое же тутъ удовольствіе? Что жъ тутъ смѣшнаго? Сюжетъ невѣроятнѣйшій. (Что жъ тутъ смѣшнаго, что всѣ дураки?) Чиновники дураки, обманываютъ другъ друга... невѣроятно.

— Да я не говорю, чтобы она была смѣшна; а говорю только, что есть что-то....

— Да, помилуйте, что жъ есть? Даже, просто, ничего нѣтъ.

---

[1] Сверху строки приписано: «Своими словами — такъ, какъ оно почувствовано въ простотѣ». [2] Послѣ этого слова сверху строки приписано: «состоянья». [3] Сверху строки приписано: «не ихъ, не ихъ». [4] Сверху этой незачеркнутой строки приписано: «въ первую минуту чувство невольно». [5] Пропущено слово.

— Да конечно ничего нѣтъ. Объ этомъ что жъ и говорить? Я и не хвалю его. Конечно, вздоръ, вздоръ. Страшно (sic!) бы[1] и говорить, чтобы она была какое-нибудь хорошее произведеніе.

— Постой, братъ, не убѣгай: поѣдемъ вмѣстѣ. Ну, чортъ возьми! Мнѣ до сихъ поръ смѣшно.

Все только разночинцы бѣгутъ къ выходу.

Почтенный по наружности человѣкъ. (Помилуйте) Живо, необыкновенно живо. Много вѣрнаго, много съ натуры. Но, помилуйте, зачѣмъ выводить это? Къ чему? для какой цѣли?.... Какая намъ надобность, что въ такомъ-то мѣстѣ былъ плутъ и мошенникъ? Что тутъ утѣшительнаго?

Чиновникъ. Нѣтъ, это, просто, чортъ знаетъ что!......[2] это и нельзя позволить, подкопъ, взорв.... всѣхъ властей.

Офицеръ *съ дамой.* Ей вы, бороды! что напираете! Развѣ не видишъ, оселъ, дамы?

Купецъ *съ дамой подъ рукой.* У самихъ, батюшка, дама.

— Нужно, нужно выставлять ихъ на видъ. Они бы, пожалуй, готовы царапать и плутовать и при этомъ сохранять благородную наружность и чтобы кромѣ ихъ.........[3] ничего не выносить на свѣтъ. Нѣтъ ничего противнѣе лицемѣрья, и всегда душѣ благородной душно должно быть, когда поражена лицемѣрьемъ.

— (Но) Помилуйте, вѣдь это все на театрѣ — зрителемъ весь народъ. Что скажетъ народъ, увидѣвши, каковы у нихъ начальники?

Одинъ изъ толпы народа. А небось всѣ поблѣднѣли, когда пріѣхалъ наконецъ настоящій.

Другой. Экая тѣснота!

Одинъ изъ пріѣзжихъ. Молодецъ городничій!

(Другой). Што этотъ городничій? Въ нашемъ городѣ почище!

Одинъ изъ купцовъ. Что онъ горячится, что купцы....? Вѣдь и дворяне пьютъ чай.

Голосъ. Да пустите вы! Экая тѣснота!

Голосъ женщины. Ахъ, батюшки! Меня совсѣмъ придавили!

Дама. Но это, воля ваша... это — тяжелое чувство: признаюсь, мнѣ непріятно.

— Наша карета должна быть съ этой стороны. Нѣтъ, что ни говори — несообразность. Вопервыхъ, самый сюжетъ — невѣроятный. Это могло случиться развѣ на какомъ-нибудь Чукотскомъ

[1] Описка, вмѣсто: «Странно бы». [2], [3] Точки на мѣстѣ неразобраннаго слова.

Носѣ. До такой степени нельзя быть дураками, чтобы повѣрить и принять сорванца за ревизора.

Одинъ. Не толкайся, не будь подлецомъ. Хочешь развѣ, чтобъ и тебя вывели на сцену?

Купецъ *кричитъ, завидѣвъ пріятеля.* Почтеннѣйшій Иванъ Михѣичъ!

— Здравствуйте, батюшка Прохоръ Пантелѣичъ!

Купецъ. Одни, или съ сожительницею?

— Одинъ, батюшка! Ну, что, батюшка, какъ полюбилось тебѣ?

Купецъ. А что жъ? И по дѣломъ: не будь купецъ подлецъ!

— Ай, Иванъ Михѣичъ, какъ-то вы? такъ-то, видно, стоите за своихъ?

— Нѣтъ, батюшка, извините: подлецовъ я не считаю своими. Будь у меня родной сынъ подлецъ, я ему (прямо) скажу: „Ты подлецъ, а не сынъ мнѣ". (Да-съ, батюшка, подлеца нужно вывести на чистую воду.) Хорошо, что ихъ выводятъ въ посмѣянье на сцену. Всякій честный купецъ долженъ желать, чтобы купцовъ-подлецовъ осмѣивали, какъ слѣдуетъ. Авторъ изъ всѣхъ отбрилъ: изъ дворянъ, изъ чиновниковъ... изъ всѣхъ отбрилъ. „Вотъ вамъ (говоритъ), честные люди, подсмѣйтесь вдоволь надъ подлецами!" И, признаюсь, батюшка, я съ удовольствіемъ посмѣялся. Мошенниковъ руки я не стану держать никогда".

На лѣвомъ полѣ страницы, по направленію снизу вверхъ, приписано: „*Одинъ.* Точь въ точь такое происшествіе случилось 3 года назадъ тому, года три (sic!) въ нашемъ же городѣ....[1] Пріѣзжаю въ нашъ городъ... Постой, какъ выберемся, я тебѣ его разскажу...."

Набросокъ четвертый. „**Голосъ неизвѣстно чей.** Искусно, искусно подмѣтилъ смѣшную сторону. Я бы хотѣлъ видѣть[2], что онъ служитъ? молодой человѣкъ?

Голосъ офицера. Ну, пролѣзай скорѣе. Ты, братъ, совершенно бабишься.

— Ты туда? — Туда. — И я тамъ.

[1] Пушкинъ, будучи въ Оренбургѣ во второй половинѣ сентября 1833 г., узналъ, что о немъ получена была генералъ-губернаторомъ гр. В. А. Перовскимъ секретная бумага, въ которой послѣдній предостерегался, что поѣздка Пушкина имѣла цѣлью обревизовать секретно дѣйствія оренбургскихъ чиновниковъ. Ср. Ревизоръ. Первоначальный сценическій текстъ, стр. V. [2] Сверху незачеркнутаго слова «видѣть» приписано: «узнать».

Чиновникъ. Каблукъ сегодня тамъ........

Полицейскій чиновникъ. Нѣтъ, несообразно: Хлестаковъ слишкомъ ужъ явно беретъ взятки.

Чиновникъ умѣренныхъ чиновъ *[другому]*. Вы говорите: „смѣшно". Да вѣдь знаете ли, отчего смѣшно? Вѣдь это все личности. Это все онъ вывелъ своихъ же родныхъ. Это все, вѣрно, или бабушки, или тетушки: городничій — дядюшка, а тѣ, вѣрно, тоже какіе-нибудь родственники.

Другой. Піеса имѣла рукоплесканья.

— Помилуйте: насажалъ въ кресла своихъ пріятелей — ну, и подняли.

— Ну, слава Богу.......... только теперь можно будетъ на него.

— Помилуйте, грязная, отвратительная..... Ни одного лица нѣтъ настоящаго. Все карикатуры. Одинъ слуга только и....[1]

— Да что жъ въ ней новаго? Помилуйте, что новаго? Взяточники и прежде были, подлецы и прежде.

— Да, признаюсь, хоть бы онъ въ противуположность привелъ онъ хоть одного честнаго человѣка.

— На что бы требуетъ? (sic!) Но, помилуйте, вы принимаете это за важную вещь. Это — пустячки, побасенки. Ну, пишется для того, чтобы... да и....

— Ужъ одно это, что, говорятъ, авторъ невѣжда и былъ выгоняемъ изъ всѣхъ училищъ. Что̀ онъ могъ сдѣлать хорошаго? (Конечно) Ну, вздоръ, побасенки — больше ничего.

— Все, конечно, живо и ярко. Да къ чему это?

— Нѣтъ, батюшка, нѣтъ! Это не бездѣлица. Это вотъ куды направляется. Цѣль его — поколебать основные законы, нравственн....

— Вещь, которую ни въ каковъ случаѣ нельзя позволить, возмутительная вещь! Я бы, просто, автора за это въ Сибирь!"

Къ позднѣйшимъ набраскамъ мы относимъ слѣдующіе три:

Набросокъ пятый. „Я съ вами совершенно согласенъ. Это, это, это... Вѣдь что жъ это? Это просто... я не знаю... А вѣдь если такія вещи, да притомъ и въ глазахъ всѣхъ, вѣдь это... Да послѣ этого, признаюсь.... Да онъ опасный человѣкъ. Съ нимъ нельзя

[1] По словамъ Булгарина, «слуга мнимаго ревизора одно умное и искусно обдѣланное лицо въ комедіи» (Сѣв. Пчела 1836 г., № 97, стр. 388; № 98, стр. 391). Сенковскій приводитъ монологъ Осипа въ доказательство того, что Гоголь «наконецъ отыскалъ въ «Ревизорѣ» свое природное назначеніе»; онъ называетъ эту сцену «превосходною». Библіотека для чтенія, т. XVI, отд. V, стр. 31.

быть въ обществѣ. Вѣдь эдакъ онъ, пожалуй, эдакъ онъ.... Ужъ значитъ, что у него нѣтъ ни Бога, ни религіи.... Онъ все обсмѣетъ.

— Смотри, не затеряйся".

Этотъ набросокъ сдѣланъ на четверткѣ сѣрой писчей бумаги русской фабрики. На первой страницѣ этой же четвертки написано: „Въ Москвитянинѣ — Нѣтъ собственно журнальнаго движенья, для котораго потребенъ боецъ. Нѣтъ европейской общественной стороны, которою все же интересуются иногородцы и которая, хотя въ небольшой перспективѣ, но должна быть постоянною статьею, иначе получатели „Москвитянина" полѣзутъ за нею въ другіе журналы. — Причины, почему можно прибавить жалованье. Переправки, передѣлки всякихъ присланныхъ статей. Хлопотъ и работъ на три тысячи. Досады, непріятности по всѣмъ хозяйственнымъ частямъ журнала, порча крови — на пять тысячъ.

Выборъ и переводъ иностранныхъ статей и всякихъ вѣстей — ученыхъ, литературныхъ и другихъ — по крайней мѣрѣ на три тысячи".

Послѣдняя замѣтка могла быть написана не ранѣе конца 1841 г., когда недостатки и нужды „Москвитянина" выяснились. Вѣроятно, и пятый набросокъ для „Разъѣзда" написанъ во время пребыванія Гоголя въ Москвѣ для печатанія перваго тома „Мертвыхъ Душъ" (октябрь 1841 г. — май 1842 г.).

Набросокъ шестой (л. 72 **ИБ**). „Само собою разумѣется, что авторъ піесы идеальное лицо. Въ немъ изображается положеніе въ свѣтѣ комика, избравшаго предметомъ осмѣянія однѣ злоупотребленія между сословіями". Эта выноска, напечатанная въ „Театральномъ разъѣздѣ" въ измѣненномъ видѣ, могла быть написана только при послѣдней обработкѣ этого произведенія, имѣвшей цѣлью сдѣлать піесу „идеальнѣй".

Набросокъ седьмой. На первой внутренней страницѣ развернутаго листа[1]: „Какъ будто изъ омута вырвался! Вотъ наконецъ и крики, рукоплесканья! Весь театръ гремитъ. Вотъ и слава! Боже! какъ бы забилось назадъ тому лѣтъ семь, восемь мое сердце (когда восторженный, какъ юноша)! Какъ встрепенулось бы все во мнѣ! То было давно[2]. Но я былъ тогда восторженъ[3], какъ

[1] Надъ первою строкою приписано: «Приправляющая тяжесь». [2] Слова: «То было давно», приписаны сверху строки. [3] Сверху этого незачеркнутаго слова приписано: «дерзкомысленъ».

юноша (и спасительное Провидѣніе не дало мнѣ вкусить обольстительнаго питья похвалъ). Благодарю спасительное Провидѣнье за то, что не дали вкусить мнѣ тогда незаслуженныхъ хвалъ. Теперь, зачѣмъ же теперь не встрепенулось такъ оно?[1] Много ушло воды. Рукоплесканье свѣта не обманетъ. Теперь легко достается — и искусный актеръ, и ловкій фокусникъ.... А теперь (холодъ лѣтъ) умудритъ хоть кого холодъ лѣтъ. И видишь наконецъ старую истину. Теперь... но я уже охладѣлъ, и старая истина — что рукоплесканья ничего не значатъ, (Душа моя) холодно (приняла) эти плески — не потому, что пренебрегаетъ — нѣтъ, но потому, что рукоплесканья — не оцѣнка[2], что равнымъ плескомъ вѣнчаются и актеръ, достигшій послѣднихъ глубокихъ знаній сердца, и фокусникъ выкидывающій....." —

На второй страницѣ того же листа: „Все покрывается равными плесками: голова ли думаетъ, сердце ли чувствуетъ, душа ли звучитъ, ноги работаютъ, или руки перевертываютъ стаканы — все покрывается равными плесками, и никогда не узнаешь отъ другаго, въ какой степени выполнилъ свое дѣло, и гдѣ тебѣ мѣсто". Послѣ этихъ строкъ другими, болѣе черными, чернилами набросано мелкимъ, неразборчивымъ шрифтомъ: „Помните, что въ то время, когда жизнь...... — жизнь мелочная, пустая, становится школ. холода и эгоизма, когда говоря не въ духѣ....., въ то время..... и мнѣ случилось чудо чудеснѣе всѣхъ чудесъ, — подобно, какъ буря настаетъ тогда, когда...... обыкновенной тишины мореходъ на поверхности. Блаженство столько находитъ..... Одно только всемогущ. вселяетъ тихую въ душѣ, въ комъ есть разсудокъ, и заставляетъ хранить во глубинѣ души сокровенно отъ .... неяснаго слова".

На послѣдней страницѣ листка приписано: „Приправляющая юность. Юность. Да здравствуетъ .... юности! — Авторъ піесы, выходя".

Содержаніе той части приведеннаго наброска, которая вошла въ „Театральный разъѣздъ", и самое мѣсто ея въ этомъ произведеніи указываютъ на сравнительно позднее происхожденіе наброска.

---

[1] Сверху зачеркнутыхъ словъ приписано: «Но рукоплесканья уже не властны. Холод.». [2] Сверху приписано: «Теперь я принялъ *холодно эти плески:* не гордое пренебреженье — нѣтъ! но горькая истина, что ничего еще не значитъ всеобщее плесканье».

Въ первой части послѣдняго наброска нѣтъ и слѣдовъ той грусти и раздраженія, которыя такъ сильно сказываются въ набросках первомъ, второмъ и третьемъ. Уже 15 мая 1836 г. Гоголь писалъ Погодину: „Все, что ни дѣлалось со мною, все было спасительно для меня. *Всѣ оскорбленія, всѣ непріятности посылались мнѣ высокимъ Провидѣніемъ на мое воспитаніе*, и нынѣ я чувствую, что неземная воля направляетъ путь мой. Онъ, вѣрно, необходимъ для меня“[1]. Та же увѣренность выражается и въ слѣдующихъ строкахъ письма Гоголя къ Жуковскому, отъ 16 іюня 1836 года: „Какъ спасительны для меня были всѣ непріятности и огорченія! Они имѣли въ себѣ что-то эластическое: касаясь ихъ, мнѣ казалось, я отпрыгивалъ выше, по крайней мѣрѣ чувствовалъ въ душѣ своей крѣпче отпоръ“[2]. Эта вѣра крѣпла въ поэтѣ по мѣрѣ успѣха работъ надъ первымъ томомъ „Мертвыхъ Душъ“. Въ декабрѣ 1842 года, онъ писалъ Щепкину: „Благодарите Бога за всякія препятствія: они необыкновенному человѣку необходимы. Вотъ тебѣ бревно подъ ноги — прыгай, а не то подумаютъ, что у тебя куриный шагъ и не могутъ вовсе растопыриться ноги“[3].

Написаніе послѣдняго наброска относится къ іюню или іюлю 1842 года; оно, вѣроятно, отдѣлено небольшимъ промежуткомъ времени отъ переписки всей піесы набѣло[4].

Послѣднія строки второй страницы листка, набросанныя наскоро, неразборчиво, съ пропускомъ словъ и сокращеніями, находятъ себѣ объясненіе въ слѣдующемъ мѣстѣ письма Гоголя къ С. Т. Аксакову, отъ *6 августа 1842 года:* „Благоговѣнье же къ Промыслу! Это говоритъ вамъ вся глубина души моей. Помните, что въ то время, когда мельче всего становится міръ, когда пустѣе жизнь, въ эгоизмъ и холодъ облекается все и никто не вѣритъ чудесамъ, — въ то время именно можетъ совершиться чудо, чудеснѣе всѣхъ чудесъ: подобно какъ буря самая сильная настаетъ только тогда, когда тише обыкновеннаго станетъ морская поверхность. — Лирическія движенія души нашей!... неразумно ихъ сообщить кому бы то ни было. Одна только всемогущая любовь питаетъ къ нимъ тихую вѣру и умѣетъ беречь, какъ святыню, во глубинѣ души душевное слово любящаго человѣка“[5].

[1] Сочиненія и письма Гоголя V, 261. [2] Русскій Архивъ 1871 г., стр. 951. [3] Сочиненія и письма Гоголя V, 506. [4] См. выше, стр. 776—777. [5] Сочиненія и письма Гоголя V, 491.

Ясно, что вышеприведенныя строки составляютъ черновой набросокъ одного мѣста въ письмѣ Гоголя къ Аксакову отъ 6 августа 1842 года.

Въ варіантахъ рукопись Нѣжинскаго Историко-филологическаго Института, заключающая въ себѣ „Театральный разъѣздъ", означена буквами: **НР**.

Стр. 482 [1] **НР**: «Боже, какъ бы забилось мое сердце назадъ тому лѣтъ семь, восемь!» **П.** [2] Слово «выводить» передѣлано въ **НР** изъ — «выписывать». [3] **НР**; «предметомъ своимъ» **П.**

Стр. 483 [1] Послѣ этого въ **НР** зачеркнуто: «болѣе или менѣе». [2] Въ **НР** прежде было написано: «принадлежитъ». [3] **НР**; въ **П** пропущено слово «уже». [4] Въ **НР** прежде было написано: «какого бы ни было (sic!) званья и сословья человѣкъ, онъ уже становится судьей его». [5] Слово «каждый» написано въ **НР** сверху зачеркнутаго: «всякій». [6] Въ **НР** и **П** пунктуація такая. [7] **П**; въ **НР** пропущено слово «его». [8] Въ **НР**: «*Бѣжитъ офицеръ, Другой удерживаетъ за руку:* Да останемся! *Другой офицеръ.* Нѣтъ, братъ, на водевиль и калачомъ не заманишь». Въ **П**: «*Бѣжитъ офицеръ, другой удерживаетъ его за руку. Первый офицеръ.* Да останемся! *Другой офицеръ.* Нѣтъ, братъ» и проч.

Стр. 484 [1] **НР**; «Зато» **П.** [2] Въ **НР** прежде было написано: «не заплатить». [3] **НР**; «какъ по полутораста рублей роберъ» **П.** [4] **НР**; въ **П** опущено слово «никто». [5] Въ **НР**, вмѣсто слова «Господинъ», прежде было написано: «Человѣкъ». [6] **НР**; «но не совсѣмъ» **П.**

Стр. 485 [1] **П**; «Оба офицеры» **НР.** [2] **П**; «посторониваются» **НР.** [3] **П**; «удовольствія» **НР.** [4] **П**; въ **НР**, согласно обычаю Гоголя: «Все». [5] **П**; «Человѣкъ неизвѣстно какой» **НР.** [6] **НР**; «нельзя» **П.** [7] Передъ словомъ «судить» зачеркнуто: «узнать». [8] Въ **НР** слово «которымъ» написано сверху зачеркнутаго «и».

Стр. 486 [1] **НР**; «надо» **П.** [2] Въ **НР** слово «разсуждавшаго» переправлено изъ — «разговаривавшаго». [3] Въ **НР** прежде было написано: «новаго журнала». [4] Въ **НР** прежде было написано: «и въ головѣ у него ничего».

Стр. 487 [1] **П**; «Два любители» **НР.** [2] Послѣ этого въ **НР** зачеркнуто: «Эти слова обыкновенно произносятся». [3] **НР**; въ **П** нѣтъ слова «почти». [4] **НР**; «а» **П.** [5] Слово «допускаются» написано въ **НР** сверху зачеркнутаго: «принимаются». [6] Въ **НР** прежде было написано: «Если ты принимаешь». [7] Въ **НР** слово «вглядѣться» переправлено изъ — «поглядѣть». [8] Въ **НР** прежде было написано: «другой друга». [9] **П**; «на углкѣ» **НР.** [10] **П**; «но всѣ же не могутъ быть героями» **НР.**

Стр. 488 [1] **НР**; «болѣе общее» **П.** [2] **НР**; «Да развѣ это не есть» **П.** [3] **НР**; «Въ самомъ началѣ комедія была уже» **П.** [4] **НР**; «и слегка ударивъ втораго по плечу» **П.** [5] **НР**; въ **П** нѣтъ слова «только». [6] Въ **НР** слово «сторону» написано сверху зачеркнутаго слова: «цѣль». [7] **НР**; «служить» **П.** [8] **НР**; «Развѣ все, до малѣйшей излучины души подлаго и безчестнаго человѣка, не рисуетъ уже образъ честнаго человѣка?» **П.** [9] **НР**; «отступленіе» **П.**

[10] НР; въ П пропущено слово «ясно». [11] Въ НР слово «врача» написано сверху зачеркнутаго: «медика». [12] НР; «лечатъ» П.

Стр. 489 [1] НР; «Странно, что наши комики никакъ не могутъ обойтись безъ того, чтобы не вмѣшивать начальствъ. Безъ нихъ у насъ не развяжется ни одна комедія» П. [2] НР; въ П нѣтъ слова: «уже». [3] НР; «заключается» П. [4] НР; въ П пропущено слово «этихъ». [5] Въ НР прежде было написано: «ведетъ». Потомъ вторая буква этого слова передѣлана въ *ы*, сверху приписано: «*во*». Прокоповичъ напечаталъ: «приведетъ».

Стр. 490 [1] НР; «Это значитъ выставить въ дурномъ видѣ самыя начальства» П. [2] Въ НР послѣ этого зачеркнуто: «вотъ что». [3] НР; «надо» П. [4] НР; «надо» П. [5] Слово «Господинъ Б.» написано въ НР сверху зачеркнутаго: «Другой». [6] П; «услышали» НР. [7] НР; «подлѣ» П. [8] НР; слова: «надъ правительствомъ», исключены въ П. [9] Въ НР передъ словомъ «піесу» зачеркнуто: «комедію».

Стр. 491 [1] НР; «не надо» П. [2] П; «*постороннивается*» НР. Послѣ этого въ НР зачеркнуто: «*и даетъ*». [3] П; въ НР, по обычному правописанію Гоголя: «все». Строкою выше это слово написано въ НР правильно. [4] Такъ въ НР и П. [5] Въ НР слово «народъ» приписано сверху зачеркнутаго «онъ». [6] НР; «Да, для него нужны такія представленія» П. [7] НР; въ П пропущена вся эта фраза: «Пусть онъ отдѣлитъ правительство отъ дурныхъ исполнителей правительства».

Стр. 492 [1] НР; въ П пропущено слово «я». [2] НР; «вопросъ» П. [3] Въ НР слово «существуетъ» написано сверху зачеркнутаго: «есть». [4] П; «видѣно» НР. [5] НР; «мнѣ стоило» П.

Стр. 493 [1] НР; въ П пропущено слово «а». [2] Въ НР прежде было написано: «Я бы этого никакъ не могъ думать». [3] НР; «и вмѣстѣ новую силу» П. [4] НР; «не останется».

Стр. 494 [1] Въ НР прежде было написано: «нивѣсть». [2] Въ НР слово «допущу» приписано сверху зачеркнутаго «заставлю». [3] НР; «Дай Богъ, чтобы вездѣ было побольше такихъ людей» П. [4] Въ НР передъ словомъ «подобный» зачеркнуто слово «такой». [5] НР; «этомъ» П.

Стр. 495 [1] НР; «и сказалъ» П.

Стр. 496 [1] НР; «не выставлять» П. [2] НР; «надо» П. [3] НР; «надо» П. [4] Въ НР прежде было написано: «обнаружиться уже такими». [5] НР; въ П опущено все это мѣсто: «Нѣтъ нужды, что она можетъ взорваться» — «До того нѣтъ нужды». [6] НР; «переходитъ» П. [7] П; «не говорилъ» НР.

Стр. 497 [1] НР; «Да, смѣшна» П. [2] НР; «Ну» П. [3] НР; «онѣ» П. [4] НР; «все исказить» П. [5] НР; «Твою же мысль, повторивши, они умѣютъ сдѣлать столь пошлою» П. [6] НР; «*уходитъ*» П. [7] П; «штатскій» НР. Такъ и ниже. [8] НР; «надо» П. [9] НР; «статскимъ» П.

Стр. 498 [1] НР; «изъ одного» П. [2] НР; «Донкихоты» П. [3] НР; «разсердятся» П. [4] НР; «ложится въ постель и проч.». [5] НР; «котораго бы я» П. [6] НР; «также» П. [7] НР; «непозволительной» П.

Стр. 499 [1] НР; «одно» П. [2] НР; «Выходятъ» П. [3] НР; въ П нѣтъ словъ: «на гулянье». [4] П; «сурьезное» НР.

Стр. 500 [1] НР; «для комедій» П. [2] НР; «*уходитъ*» П. [3] П; «сурьезную» НР. [4] Въ НР слова: «Совсѣмъ нѣтъ», написаны сверху зачеркнутаго: «Ошибае-

тесь: мнѣ было очень смѣшно». [5] П; «внаружу» НР. [6] НР; «все была бы» П. [7] Въ НР слово «или» написано сверху зачеркнутаго «и». [8] НР; «но при всемъ томъ» П.

Стр. 501 [1] НР; «духу» П. [2] НР; «и сама даже видѣла» П. [3] НР; «и даже больше» П. [4] П; «самымъ» НР. [5] НР; «Вы любите именно только однѣ слова» П.

Стр. 502 [1] Словъ: «насмѣшка надъ правительствомъ», нѣтъ въ П. [2] П; «Оттого» НР. [3] НР; «отыскали они» П. [4] НР; въ П нѣтъ слова «ужъ». [5] НР; «О» П. Буква написана въ НР неясно: болѣе похожа на *И*, чѣмъ на *О*. [6] П; «какъ вы ни скрывайте его» НР. [7] НР; «руку» П.

Стр. 503 [1] П; «къ N» НР. [2] НР; «и» П. [3] НР; «нашего» П. [4] НР; «перетолковываете это» П.

Стр. 504 [1] П; въ НР нѣтъ слова «господину». [2] НР; «Ну» П. [3] НР; «Я не знаю его такъ коротко» П. [4] НР; въ П нѣтъ слова «я». [5] НР; «Выходятъ два зрителя» П.

Стр. 505 [1] НР; «они именно то, какъ» П. [2] П; «идеальны» НР. [3] НР; «не вложилъ» П. [4] НР; въ П нѣтъ слова «уже». [5] НР; «истиннаго» П. [6] Пунктуація этого мѣста основана на НР, гдѣ написано: «Эти образы, можетъ быть, не мерещились бы безпрестанно какъ живые по окончаніи представленья, зритель не унесъ бы грустнаго чувства». Въ П: «Эти образы, можетъ быть, не мерещились бы безпрестанно, какъ живые, по окончаніи представленія, зритель не унесъ бы» и т. д. [7] НР; «Да, но...» П.

Стр. 506 [1] Въ НР прежде было написано: «которыми онъ облекся». [2] П; «останавливается» НР. [3] НР. Весь монологъ «Другаго чиновника» опущенъ въ П. [4] Въ НР слово «каждый» написано сверху зачеркнутаго: «всякій». [5] НР; «трехугольные» П. [6] Въ НР послѣ этого зачеркнуто: «и сортовъ». [7] НР; «постороняется» П.

Стр. 507 [1] П; «въ шинелѣ» НР. Такъ и ниже. [2] НР; «надо» П. [3] П; «съ необыкновеннымъ учтивствомъ» НР. [4] НР; въ П нѣтъ словъ: «постораниваясь и». [5] НР; въ П исключена фраза: «Чай, въ иностранной коллегіи служатъ».

Стр. 508 [1] Въ НР прежде было написано: «еще теперь она подурнѣла». [2] НР; «на Чукотскомъ Носу» П. [3] НР; въ П пропущено слово «самъ». [4] НР; «ужъ если пошло на то» П. [5] НР; «ненадо» П. [6] НР; «ненадо» П.

Стр. 509 [1] НР; «подъ словомъ» П. [2] НР; «относительно себя» П. [3] НР; «неправда ли?» П. [4] НР; въ П нѣтъ слова «ему». [5] НР; «подлѣ» П. [6] НР; «*господинъ*» П. [7] НР; «господинъ» П. [8] НР; въ П: «Да и грипъ и глухота».

Стр. 510 [1] НР; «Ему мѣста вовсе» П.

Стр. 511 [1] Въ НР прежде было написано: «и онъ пошелъ». [2] НР; въ П нѣтъ слова «ее». [3] Въ НР прежде было написано: «*Голосъ господина съ вѣсомъ*». [4] НР; «а завтра скажетъ, что и въ насъ правды нѣтъ ни на грошъ» П. [5] НР; «должно» П. [6] НР; въ П такая пунктуація: «Бездѣлка какая-нибудь, пустая театральная піеса». [7] НР; какъ будто бы» П.

Стр. 512 [1] НР; «того» П. [2] НР; «Ну» П. [3] НР; «надо» П.

Стр. 513 [1] НР; «человѣкъ» П. [2] П; «поздо» НР. [3] НР; «недвижимую» П. [4] НР; «этомъ» П. [5] НР; «этомъ» П. [6] НР; «чувствѣ» П. [7] НР; «этихъ» П. [8] Послѣ этого въ НР зачеркнуто: «во все теч». Вѣроятно, въ предыдущей редак-

ціи было: «во все теченіе». [9] НР; «во все время продолженія ея» П. [10] Слово «доставилъ» написано въ НР сверху зачеркнутаго: «принесъ». [11] Послѣ этого въ НР зачеркнуто: «никто не за...».

Стр. 514 [1] НР; «вѣчно-біющійся» П. [2] НР. Въ П это мѣсто, по недосмотру издателя, испорчено. Оно напечатано въ П съ пропускомъ строки въ такомъ видѣ: «не тотъ смѣхъ, который порождается временной раздражительностью, желчнымъ, болѣзненнымъ расположеніемъ характера; не тотъ также легкій смѣхъ, который весь излетаетъ изъ свѣтлой природы человѣка, излетаетъ изъ нея потому, что на днѣ ея заключонъ вѣчно-біющійся родникъ его, но который углубляетъ предметъ». [3] НР; «будто смѣхъ возмущаетъ» П. [4] НР; «кто понесъ бы» П. [5] НР; «Несправедливо говорятъ» П. [6] Въ НР слово «что» написано сверху зачеркнутаго: «будто». [7] НР; «на сценѣ» П. [8] НР; «кто» П. [9] Слова: «А насмѣшки боится даже тотъ, который уже ничего не боится па свѣтѣ», приписаны съ лѣваго боку страницы, по направленію снизу вверхъ. [10] НР; въ П вмѣсто «святыя» напечатано: «высокія».

Стр. 515 [1] Въ НР передъ словомъ «созданья» зачеркнуто: «творенья». [2] Въ НР, согласно обычаю Гоголя: «признавали». [3] Въ П опущены эти строки: «когда всѣ свѣтила и звѣзды міра признавались творцами одниxъ пустяковъ и побасенокъ». [4] Такъ въ НР и въ П. Ср. 1-е примѣч. къ 225-й стр. пятаго тома. [5] П; «перилы» НР. [6] НР; «обомлѣла» П. [7] НР; «священны» П.

Стр. 516 [1] НР; въ П опущены послѣднія строки: «Вѣнчанный Монархъ осѣнялъ ихъ царскимъ щитомъ своимъ съ вышины недоступнаго престола...» [2] НР; въ П опущено слово «да». [3] НР; «слетаетъ ложь» П. [4] НР; «Въ» П. [5] П; въ НР пропущено слово «тотъ».

Дядька въ затруднительномъ положеніи (стр. 517—564).

Переводъ комедіи Джіованни Жиро „Дядька въ затруднительномъ положеніи" посланъ былъ Щепкину изъ Венеціи 10 августа 1840 года[1]. Степень участія Гоголя въ этомъ трудѣ опредѣляется собственными словами поэта въ письмѣ къ Щепкину: „Ну, Михаилъ Семеновичъ, любезнѣйшій моему сердцу! половина заклада выиграна: комедія готова. Въ нѣсколько дней русскіе наши художники перевели. И какъ я поступилъ добросовѣстно! всю отъ начала до конца выправилъ, перемаралъ и переписалъ собственною рукою"[2]. Гоголю принадлежитъ конечно и выборъ этой комедіи для перевода. „Закладъ" Щепкину сдѣланъ былъ въ Москвѣ, откуда Гоголь выѣхалъ въ Римъ 18 мая 1840 года — С. Т. Аксаковъ, Погодинъ и Щепкинъ провожали его до первой станціи[3]. Переводъ сдѣланъ былъ, повидимому, въ Венеціи и конченъ въ пер-

[1] Сочиненія и письма Гоголя V, 413. Русская Старина 1890 г., мартъ, стр. 853. [2] Сочиненія и письма Гоголя V, 410. [3] Русь 1880 г., № 6, стр. 16.

выхъ числахъ августа. Онъ отличается близостью къ буквѣ подлинника, исполненъ небрежно и торопливо, такъ что многія мѣста комедіи переданы невѣрно. Языкъ перевода очень тяжелъ и потому при постановкѣ „Дядьки“ на сцену (уже послѣ смерти Гоголя) въ немъ сдѣланы были значительныя исправленія. Въ такомъ видѣ представляетъ эту комедію рукопись московскаго Малаго театра. По исправленному тексту комедія „Дядька въ затруднительномъ положеніи“ издана была въ „Извѣстіяхъ Нѣжинскаго Историко-филологическаго Института“ (томъ VII, отд. II, стр. 1—60). Въ настоящемъ изданіи піеса напечатана по рукописи, принадлежавшей Погодину. На лицевой страницѣ этой рукописи рукою владѣльца написано: „Переведена, переправлена или передѣлана Гоголемъ и прислана на бенефисъ Щепкину въ 1841 году“.

Въ варіантахъ „Извѣстія Нѣжинскаго Историко-филологическаго Института“ обозначены буквами: **НИ**; рукопись комедіи, принадлежавшая Погодину — буквами **НР**; рукопись московскаго Малаго театра буквами: **ТР**.

Стр. 519 [1] Въ **ПР** вездѣ: «Джюліо». [2] **ПР**; «дону» **НИ**. [3] Въ **ПР** постоянно: «Григоріо». [4] Въ **ПР**, согласно обычному употребленію Гоголя: «дожидать». [5] **НИ**; въ **ПР** согласно правописанію Гоголя: «пожалуста». [6] **ПР**; «тогда» **НИ**. [7] Русскій переводъ невѣрно передаетъ здѣсь подлинникъ: «Don Gregorio l'ha presa con me; è del tempo che me ne sono avveduta»... [8] **ПР**; въ **НИ** нѣтъ слова «я».

Стр. 520 [1] **НИ**; «Энрикомъ» **ПР**. [2] **НИ**; «положить» **ПР**. [3] **ПР**; «надзора» **НИ**. [4] **ПР**; «или если бы» **НИ**. [5] **ПР**; «на ихъ здоровье?» **НИ**. Въ подлинникѣ: «Ebbene, cos'ha che far questo collo stato di salute di Enrico?» [6] **ПР**; «содержимымъ» **НИ**.

Стр. 521 [1] Въ подлинникѣ: «Guardi il cielo potessi sospettare in loro qualche cognizione o capriccio del mondo». [2] **ПР**; «живу я» **НИ**, [3] **ПР**; «изъ любви къ вамъ» **НИ**; въ подлинникѣ: «Se conservo ancora il titolo di ajo de' vostri figli, lo fo per l'amore che porto ad essi». [4] **ПР**; въ **НИ** нѣтъ слова «поступятъ». Въ подлинникѣ: «ma siate certo che i vostri figli faranno come il cane»... [5] **ПР**; въ **НИ** нѣтъ слова: «содержана»; въ подлинникѣ: «ma quando si tiene soverchiamente alla catena»... [6] **ПР**; «придерживается» **НИ**. [7] Мѣсто переведено неправильно; въ подлинникѣ: «Siete un uomo che volete aver ragione a forza di parole, e di principii alla moda presente». [8] **ПР**; «я иначе воспитанъ» **НИ**; въ подлинникѣ: «Io sono stato allevato così». [9] **ПР**; «погибаетъ» **НИ** [10] **ПР**; «простакомъ» **НИ**. [11] **ПР**; «солнце» **НИ**. [12] **НИ**; «Энрика» **ПР**. [13] **НИ**; «сурьезно» **ПР**. Такъ обыкновенно писалъ это слово Гоголь.

Стр. 522 [1] **ПР**; въ **НИ** нѣтъ слова «я». [2] **ПР**; «что я долженъ буду тамъ отобѣдать» **НИ**; въ подлинникѣ: «Sarebbe possibile che dovessi rimanervi a

pranzo». [3] ПР; «когда они выйдутъ въ свѣтъ» НИ. [4] ПР; «ихъ дурачилъ» НИ; [5] ПР; «Изъ какой вы это комнаты шли теперь?» НИ. Въ подлинникѣ: «Da quali camere venite?» [6] ПР; въ НИ нѣтъ слова «вамъ». Въ подлинникѣ: «A che vi servono queste cognizioni?» [7] Въ подлинникѣ: «Povere cure gettate al vento!» [8] ПР; «Что же» НИ. [9] ПР; «Скажите, не хотите ли пойти со мной прогуляться?» НИ [10] ПР; «и лакеями» НИ.

Стр. 523 [1] ПР; «Вы безъ того успѣли научиться» НИ. [2] ПР; «Вотъ тоже самое я говорю» НИ. [3] ПР; «Ито (?) правда, что въ эти годы пора бы ей выучиться» НИ. [4] ПР; «А мнѣ она кажется совсѣмъ не стара» НИ. [5] ПР; въ НИ нѣтъ слова «что». [6] ПР; «захочетъ ли онъ» НИ.

Стр. 524 [1] ПР; «Но отчего ты такъ печаленъ всегда?» НИ. [2] ПР; «Если ты будешь такъ продолжать» НИ. [3] ПР; въ НИ нѣтъ слова «себѣ». [4] ПР; «Но съ какой стороны» НИ. [5] ПР; «охватываемъ» НИ. Въ глаголахъ сложныхъ съ предлогомъ *о*, *об* Гоголь постоянно удерживаетъ вторую форму. [6] ПР; «Я трепещу при одной мысли о своемъ положеніи» НИ. Въ подлинникѣ: «Ah! che io raccapricio al solo aspetto del mio stato». [7] ПР. «Пока еще можно хранить было тайну» НИ [8] Въ подлинникѣ: «Oh che tormento! Oh che smania è la mia!» [9] Въ подлинникѣ: «tornando nella più profonda melanconia». [10] ПР; «Онъ слишкомъ возбуждаетъ» НИ. [11] ПР; въ НИ нѣтъ слова «господинъ». Въ подлинникѣ: «Signor don Gregorio!» Гоголь сохранилъ въ русскомъ переводѣ комедіи слово «господинъ» (signor) рядомъ съ *don*.

Стр. 525 [1] Въ подлинникѣ: «Eh!... non dubitate...» [2] НИ; «Что говорите?» ПР. [3] ПР; «къ чему скрываться?» НИ. Въ подлинникѣ: «a che serve più nascondervi?» [4] НИ; «твоего донъ Грегоріо» ПР; въ подлинникѣ: «gittati nelle braccia del tuo don Gregorio». [5] ПР; «повергающую» НИ. [6] НИ; въ ПР, согласно обычному употребленію Гоголя: «обѣщаюсь». [7] ПР; «какъ отецъ нѣжнѣйшій» НИ. [8] ПР; «Если онъ не тронется отъ этихъ словъ, то ужъ больше ничѣмъ не тронется» НИ. [9] ПР; «Да вѣдь есть средства» НИ; въ подлинникѣ: «Sì, sì, v'è rimedio a qualunque male». [10] Въ подлинникѣ: «Oh povero ragazzo!» [11] ПР; «Но» НИ.

Стр. 526 [1] Въ подлинникѣ: «Io sono nelle vostre braccia! [2] Въ подлинникѣ: «Sì, voi già immaginate...» [3] ПР; «въ то» НИ. [4] Въ подлинникѣ: «Eccomi... vengo...» [5] НИ; «подвинитесь» ПР. [6] Въ подлинникѣ: «Cielo, m'assisti in quest' azzardo!» [7] Въ подлинникѣ: «Ah che lo dico io: che è tutto inutile...»

Стр. 527 [1] ПР. «Смотрите, какъ нарочно этотъ бестія — діаволъ всюду тычетъ хвостъ свой!» Это — буквальный переводъ подлинника. «*Or vedi come il diavolo ci ficca la coda*». [2] Словъ «въ сторону» нѣтъ въ ПР и НИ; вставляемъ ихъ, такъ какъ въ подлинникѣ слѣдующая фраза поставлена въ скобки, чтобы показать, что она должна быть произнесена «*въ сторону*». [3] Словъ: «*къ Симону*», нѣтъ въ ПР. Они внесены въ НИ. [4] НИ; въ ПР нѣтъ словъ «въ сторону». Въ подлинникѣ они замѣнены скобками. [5] ПР; «а» НИ. [6] ПР; «*Слышитъ*» НИ; въ подлинникѣ: «sentendo camminare nella camera».

Стр. 528 [1] ПР; въ НИ нѣтъ слова «ему». [2] Ставимъ: «обладаешь» по требованію смысла. Въ ПР: «обладаетъ», вѣроятно, по недоразумѣнію писца: Гоголь писалъ: «обладаешъ». Полагаемъ, что писецъ счелъ неправильностію постановку предпослѣдней буквы, а не послѣдней. [3] Въ подлинникѣ:

«... che parli con tanta energia e spirito». [4] **ПР**; «что у этого дядьки твоего такая наружность» **НИ**.

Стр. 529 [1] Такъ въ подлинникѣ: въ **НИ**: «Тамніани»: въ **ПР** неразборчиво. [2] **НИ**; въ **ПР** нѣтъ слова «вы». [3] **ПР**; «Какъ это вы дѣлали, чтобы другъ съ другомъ видаться?» [4] **ПР**; въ **НИ** нѣтъ слова «свое». Въ подлинникѣ: «Che? ora hai perduto il tuo coraggio?» [5] **ПР**; «и нерѣшимости» **НИ**. [6] **ПР**; «Ну» **НИ**: въ подлинникѣ: «Ma via spiegatemi...» [7] Въ **ПР** согласно обычаю Гоголя: «объяснитесь»; такъ и въ **НИ**.

Стр. 530 [1] Въ подлинникѣ: «Io non intendo nulla; io non sono in me». [2] Въ подлинникѣ: «Io mi perdo». [3] **ПР**; «*показываетъ*» **НИ**. [4] **ПР**; «вскрикнула, увидѣвши насъ, и бросилась къ Энрико» **НИ**. Это сокращеніе текста итальянской комедіи не принадлежитъ Гоголю. [5] **НИ**; слова «и» нѣтъ въ **ПР**. [6] **ПР**. Этотъ неудачный переводъ исправленъ въ **НИ** такимъ образомъ: «Произнося со страху безсвязные звуки, я ухватилась ее (?), пораженную отчаяніемъ, за шею». Въ подлинникѣ: «Urlando dallo spavento, io m'attacco al suo collo desolata». [7] **ПР**; «Энрико, рыдая» **НИ**. [8] **ПР**; «спустя день» **НИ**. Въ подлинникѣ: «il giorno appresso». [9] **НИ**; въ **ПР** нѣтъ слова: «вы». [10] **ПР**; «Что̀ вы говорите? Супруги? въ правду?» **НИ**.

Стр. 531 [1] **ПР**; въ **НИ** нѣтъ слова «и». [2] Въ подлинникѣ: «e rimarrete contento». [3] **ПР**; «союзомъ» **НИ**. [4] Въ подлинникѣ: «I nostri cuori son legati fra loro dal nodo sagro, dal nodo dell'onore, da quello delle legi, e da mille e mille altri gruppi, e nodi d'amore e di giuramenti l'uno sull'altro attortigliati e stretti». [5] **ПР**; «сколько хочется».

Стр. 532 [1] **ПР**; «*въ нерѣшимости*» **НИ**. [2] Слова: «за сценой», прибавлены въ **НИ**; въ **ПР** и въ подлинникѣ ихъ нѣтъ. [3] Въ подлинникѣ: «Corpo del mondo!» [4] **ПР**; «не выдавайте» **НИ**. [5] **ПР**; въ **НИ**, вмѣсто: «въ ту минуту», напечатано ошибочно: «въ комнату».

Стр. 533 [1] **ПР**; «я... ничего» **НИ** [2] **ПР**; «чтобы не запачкать» **НИ**. [3] **ПР**; въ **НИ** нѣтъ словъ: «у васъ». [4] **ПР**; въ **НИ** опущено слово «онъ». [5] **ПР**; «покрытый» **НИ**. [6] **ПР**; въ **НИ** нѣтъ слова «мнѣ». [7] **ПР**; въ **НИ** слово «подозрѣвать» употреблено одинъ разъ.

Стр. 534 [1] **ПР**; въ **НИ** нѣтъ слова: «навсегда». [2] Въ подлинникѣ: «Apra, non ascolto ragione». [3] Въ подлинникѣ: «Io vi devo...» [4] **ПР**; «я вамъ долженъ» **НИ**. [5] **ПР**; въ **НИ** неправильно: «но ищу»; въ подлинникѣ: «cercherò». [6] Въ подлинникѣ: «siccome le giuggiole.

Стр. 535 [1] **ПР**; «если я самъ понимаю» **НИ**. [2] Въ подлинникѣ: «Capperi! ed ora come si fa!...» [3] **НИ**; въ **ПР** согласно обычному у Гоголя употребленію: «въ продолженіи».

Стр. 536 [1] **ПР**; «Итакъ, при ней больше никого, кромѣ васъ» **НИ**. Въ подлинникѣ: «Dunque non ha che voi?» [2] **ПР**; «Здѣсь-то и затрудненіе для меня» **НИ**. [3] **НИ**; «потдѣльнымъ» **ПР**. Такъ обыкновенно писалъ это слово Гоголь. [4] **ПР**; въ **НИ** нѣтъ слова: «позвольте». [5] **ПР**; въ **НИ** нѣтъ слова «а». [6] **ПР**; въ **НИ** нѣтъ слова «никакой». [7] **ПР**; «Какой» **НИ**. Въ подлинникѣ: «Chi! Bernardino?» [8] **ПР**; въ **НИ** нѣтъ словъ: «ни сына?» Въ подлинникѣ: «E nessuno ha scoperto nulla del matrimonio, della gravidanza della ragazza, del parto, del figlio...» [9] Гоголь именно пишетъ: «синіора». Ср. 1-е примѣч. къ 165-й стр. этого тома.

Стр. 537 [1] **ПР**; въ **НИ** нѣтъ слова: «наше». Въ подлинникѣ: «il nostro matrimonio». [2] Въ подлинникѣ: «Dunque vorreste lasciarci in braccio alla desolazione? in istato di far qualunque passo dettato dalla disperazione?». [3] **ПР**; въ **НИ** нѣтъ слова «то». [4] **ПР**; въ **НИ** ошибочно: «отъ враговъ, отъ ярости моего отца». Въ подлинникѣ: «Se avete questo cuore, fatelo, basta che cherchiate la maniera di far uscire adesso questa infelice, per sottrarla alla vista, ed alle furie nelle quali monterebbe mio padre, vedendola....» [5] **НИ**; въ **ПР**, кажется, описка: «что дѣлается». [6] **ПР**; въ **НИ** ошибочно: «имѣетъ». [7] **ПР**; въ **НИ** нѣтъ слова: «будетъ». [8] **ПР**; въ **НИ** нѣтъ слова «я». [9] Въ подлинникѣ: «intanto io procurerò con tuo padre». [10] Въ подлинникѣ: «Basta, va....»

Стр. 538 [1] **ПР**; въ **НИ** неправильно: «А! происходитъ то, что должно произойти! Я не долженъ оставить этихъ молодыхъ людей». Въ подлинникѣ: «nasca ciò che sa nascere, io non devo abbandonare questi giovani». [2] **ПР**; «Она не имѣетъ ничего въ себѣ дурнаго» **НИ**. Въ подлинникѣ: «la giovane non ha cattiva indole». [3] **ПР**; «а если состояніе ея не имѣетъ большихъ доходовъ» **НИ**. [4] **ПР**: «приступлю» **НИ**. [5] **ПР**; въ **НИ** нѣтъ слова «ничего». [6] **ПР**: «Ну, что онъ?» **НИ**. [7] Въ подлинникѣ: «Ebbene? Già secondo il solito...»

Стр. 539 [1] **ПР**; «тише, тише, ты, донъ Грегоріо!» **НИ**. [2] **ПР**: «Что жъ дѣлать, коли такъ оно есть» **НИ**. [3] **ПР**: «положите руку на сердце» **НИ**: въ подлинникѣ: «poniamoci le mani al petto». [4] **ПР**; «чѣмъ были» **НИ**. [5] **ПР**; «Что вы хотите сказать этимъ?» **НИ**. [6] **ПР**; «Чѣмъ былъ *я* въ молодости» **НИ**. [7] **ПР**; «когда» **НИ**. [8] **ПР**; «и когда ты весь» **НИ**. [9] **ПР**: «Однакожъ цѣпями не излечимъ зла» **НИ**. Въ подлинникѣ: «E coi ceppi il mal non si cura». [10] Въ подлинникѣ: «il contrasto divien carnefice». [11] Въ подлинникѣ: «Sentiamo; qual è dunque il risultato di tutto ciò?» [12] «Энрика» **ПР**, **НИ**. [13] **ПР**; въ **НИ** ошибка: «совѣтъ». [14] **ПР**; «гораздо» **НИ**.

Стр. 540 [1] **ПР**; «Мнѣ женщины никогда не представлялись» **НИ**. [2] Въ подлинникѣ: «voi volete abusare di me». [3] Ср. 3-е примѣчаніе къ 519-й страницѣ этого тома. [4] **ПР**; «вы мнѣ кажетесь» **НИ**. [5] См. 12-е примѣчаніе къ предшествующей страницѣ. [6] **ПР**; въ **НИ** безсмыслица: «нагорѣвъ со стыда».

Стр. 541 [1] Въ **ПР**: «въ какомъ обстоятельствѣ». Въ **НИ**: «Теперь прошу судить, въ какомъ я нахожусь положеніи!» Въ подлинникѣ: «Or vedi in che circostanza mi trovo io». [2] Въ подлинникѣ: «Mi veggo in uno stato, che mi darei fuoco colle mie mani....» [3] **ПР**; «*крикнувъ*» **НИ**. [4] **ПР**; «мнѣ» **НИ**. Въ подлинникѣ: «noi». [5] **ПР**: «любезная» **НИ**. [6] **ПР**; въ **НИ** нѣтъ слова «уже». [7] **ПР**; въ **НИ** только: «Я и безъ того въ довольно хорошемъ расположеніи». Въ подлинникѣ: «Già sono di buon umore, ci manca costei col discorso lungo».

Стр. 542 [1] **ПР**; «Вы всѣ, всѣ противъ меня!» **НИ**. Въ подлинникѣ: «Tutti, tutti contro me». [2] **ПР**; употребляетъ всѣ средства оскорбить меня» **НИ**. [3] **НИ**: «чтобъ соединились» **ПР**. [4] **ПР**; «выслать» **НИ**. [5] **ПР**; «Предоставьте» **НИ**.

Стр. 543 [1] Въ подлинникѣ: «Oh! così ti voglio bene...» [2] **ПР**; въ **НИ** неудачная прибавка: «Я кричу именно потому, что хочу, чтобъ никого не было; сегодня слуги ходятъ по пятамъ за мною». Въ подлинникѣ: «Perchè vorrei che non vi fosse nessuno, oggi tutti i servitori par che abbiano la smania di venirmi dietro». [3] **ПР**; «Вывести изъ комнаты ее невозможно. Оставить

до ночи — большой рискъ» НИ. [4] Въ ПР и НИ удержана обычная у Гоголя форма: «смеркнетъ». Ср. 1-е примѣчаніе къ 19-й стр. пятаго тома. [5] ПР; въ НИ нѣтъ слова «Но».

Стр. 544 [1] ПР; «не вошелъ» НИ. Гоголь постоянно употребляетъ слово «взошелъ» вмѣсто «вошелъ». Ср. 1-е примѣч. къ стран. 265-й этого тома. [2] ПР; «перейти» НИ. Въ подлинникѣ: «ed io farò saltar Gilda su nel mio appartamento». [3] ПР; «я слышу» НИ. Въ подлинникѣ: «Io sudo freddo». [4] ПР; «Я не смѣю даже подумать о положеніи, въ которое она меня привела» НИ. Въ подлинникѣ: «Non ho cuor di pensare a ciò che mi fanno far costoro». [5] ПР; въ НИ нѣтъ слова «уже». [6] ПР; «средства» НИ. [7] ПР; «сдѣлать» НИ.

Стр. 545 [1] ПР; «увидать» НИ. [2] ПР; въ НИ нѣтъ слова «мнѣ». [3] ПР; «Просто» НИ. Въ подлинникѣ: «Pare impossibile». [4] ПР; «Но ты не видалъ» НИ; въ подлинникѣ: «Ma non abbiamo veduto». [5] НИ; «Быть можетъ, принужденъ» НИ. [6] ПР; «въ ту» НИ. [7] Въ подлинникѣ: «... sarà stato obligato entrare in questa stanza, forse perchè passava qualcuno per l'anticamera». [8] ПР; «Да, вѣрно, что такъ» НИ. [9] ПР; «сейчасъ» НИ. [10] ПР; «Я? отчего же не ты?» НИ. Въ подлинникѣ: «Io! perchè non glielo dici tu?» [11] ПР; «Нѣтъ, это слѣдуетъ вамъ» НИ; въ подлинникѣ: «No, quest' appartiene a voi». [12] ПР; «не пропускайте ничего» НИ.

Стр. 546 [1] ПР; въ НИ, кажется, опечатка: «поймался». [2] ПР; въ НИ: «Зачѣмъ не учишься, зачѣмъ не читаешь какой-нибудь книги или не занимаешься математикой?» Въ подлинникѣ: «Perchè non istudiate, non vi divertite con qualche libro, o non vi sollevate a fare qualche conto aritmetico». [3] Въ подлинникѣ: «Don Gregorio dovrebbe suggerirvelo». [4] ПР: «колѣнки» НИ. [5] НИ: «съ Энрикомъ?» ПР. [6] ПР; «для Леонардушки» НИ. [7] ПР; «Не браните, не браните меня» НИ. [8] ПР; «откуда?» НИ.

Стр. 547 [1] ПР; въ НИ ошибочно: «Здѣсь мы безопасны». [2] Въ подлинникѣ: «Mi si spezza una vena». [3] ПР; «Сколько времени будетъ тому назадъ?» НИ. [4] ПР; «Только что, минуты двѣ назадъ» НИ; въ подлинникѣ: «In questo momento». [5] Мѣсто испорченное, кажется, переписчикомъ. Въ подлинникѣ: «Ma se accade una qualche scena, lo scandalo si pubblica...». [6] ПР; «отъ тревоги» НИ. [7] Въ подлинникѣ: «ad onta di morir dalla bila, per non dar a diveder a quest' innocenti».

Стр. 548 [1] ПР; «Какъ видно, онъ говоритъ» НИ. Въ подлинникѣ: «Bisogna dire che parli». [2] НИ; «потому только» ПР. Этотъ оборотъ часто встрѣчается у Гоголя. [3] НИ; въ ПР пропущено слово «насъ». [4] ПР; въ НИ нѣтъ слова «мою». [5] НИ; «въ теченіи» ПР; такъ постоянно писалъ Гоголь. Ср. 5-е примѣч. къ 252-й стран. пятаго тома. [6] ПР; «подозрѣніе» НИ. [7] ПР; «сталь» НИ. [8] Въ подлинникѣ: «le proposizioni in favore delle donne... alcune massime alla moda che sempre mi è andato consigliando...». [9] ПР; «не видалъ» НИ. [10] ПР; «котораго бы я хотѣлъ» НИ. [11] ПР; въ НИ нѣтъ словъ: «на время». [12] ПР; «если только это вамъ угодно» НИ; въ подлинникѣ: «se vi accomoda».

Стр. 549 [1] ПР; «церемоній» НИ: въ подлинникѣ: «fra noi non ocorrono complimenti». [2] ПР: «платья разбросаны по комнатѣ, какъ попало» НИ; въ подлинникѣ: «gli abiti son gettati e scomposti sopra le sedie». [3] ПР; «въ ком-

натѣ» НИ. [4] ПР; «что она будетъ, какъ будто новая» НИ. Въ подлинникѣ: «Assicuratevi, ch'è come nuovo». [5] ПР; «чисты, чистехоньки» НИ. [6] ПР; въ НИ нѣтъ слова «особенное». Въ ПР написано неясно: «Вы имѣете (?) особенное удовольствіе». Въ подлинникѣ: «Vedo che avete piacere». [7] ПР; «Чрезъ нѣсколько времени, увидимъ». НИ. Ср. выше 2-е примѣчаніе къ 528-й страницѣ этого тома. Въ подлинникѣ: «fra poco vedrai». [8] Въ подлинникѣ: «L'indegno teme». [9] НИ; «до синьора Энрика» ПР.

Стр. 550 [1] Въ ПР описка: «невиненъ», вмѣсто — «невинность». Въ НИ ошибочно: «но дядька.... невиненъ.... Можетъ быть, зараза одною тѣнью только...». Въ подлинникѣ: «Signor don Gregorio, il padre è responsabile dei figli, ma un ajo.... L'innocenza s'appanna ad un'ombra». [2] ПР; «словомъ» НИ. [3] Въ подлинникѣ: «le parole... ma l'esempio... Se tanto in quest'età». [4] Въ подлинникѣ: «La collera mi tradiva». [5] НИ; въ ПР слѣдъ правописанія Гоголя: «Ѣсть». См. 5-е примѣч. къ 68-й стран. этого тома. [6] Въ рукописи: «изъ одного только слова». [7] ПР; «Чего вы хотите?» НИ. [8] ПР; «но подожду» НИ; въ подлинникѣ: «ma non importa». [9] ПР; «Скажите, скажите, скажите однакожъ!» НИ. Въ подлинникѣ: «Parlate pur qui... Sentite». [10] ПР; «безъ церемоній» НИ; въ подлинникѣ: «Non fate complimenti». Ср. 1-е примѣч. къ 549 страницѣ. [11] ПР; въ НИ нѣтъ слова «синьоръ». Ср. 10-е примѣчаніе къ 524-й страницѣ этого тома.

Стр. 551 [1] ПР; «безъ церемоній» НИ. Въ подлинникѣ: «Non fate cerimonie». Ср. 9-е примѣч. къ предыдущей страницѣ. [2] Въ подлинникѣ: «Chi la tira, la spezza». [3] ПР; «тотъ больше возьметъ» НИ. Въ подлинникѣ: «Chi la dura, la vince». [4] Въ подлинникѣ: «Chi la fa, l'aspetta». [5] ПР; «Даже страшно, право» НИ.

Стр. 552 [1] Въ подлинникѣ: «cospetto di bacco». [2] ПР; въ НИ ошибка: «Бернардикъ». Она повторяется въ НИ и далѣе. [3] ПР; въ НИ нѣтъ слова «рифмою». Въ подлинникѣ: «Quando lo dite voi, meritereste che vi rispondessi per le rime». [4] ПР; «самымъ презрѣннымъ» НИ. Ср. выше 7-е примѣчаніе къ 525-й страницѣ. [5] ПР; «онъ не умретъ отъ этого».

Стр. 553 [1] ПР; «Что̀ бы тамъ ни было, пустите меня: я слышу, онъ плачетъ» НИ. [2] Въ подлинникѣ: «Ah! lasciatemi, accada ciò che vuole accadere, io lo sento piangere». [3] ПР; «съ тобой» НИ. [4] ПР; «Если вы знали когда-нибудь» НИ. Въ подлинникѣ: «Se immaginaste mai qual sia l'amore pei figli». [5] ПР; «Вѣдь это будетъ просто гибель» НИ. [6] ПР; «мое сердце разрывается» НИ. [7] ПР; «пусть свѣтъ говоритъ, что̀ хочетъ» НИ. [8] ПР; въ НИ нѣтъ слова «имѣть». [9] ПР; «не имѣетъ» НИ. Въ подлинникѣ: «Si; è da questa mattina che non ha preso alimento».

Стр. 554 [1] ПР; «на лѣвую руку» НИ. [2] ПР; «Она» НИ. [3] ПР; «Энрико мой, будь что будетъ, когда я буду имѣть въ рукахъ своихъ сына, я перенесу съ большою твердостію всякое несчастіе» НИ. [4] ПР; въ НИ нѣтъ слова «вѣчно».

Стр. 555 [1] ПР; «нахожу все» НИ. [2] ПР; «разныхъ» НИ. [3] ПР; «предоставь» НИ. [4] ПР; «я это обдѣлаю» НИ. [5] ПР; «отоприте» НИ. [6] ПР; «Терпѣнье» НИ. [7] ПР; въ НИ нѣтъ словъ: «при всемъ томъ». [8] ПР; «понять» НИ. [9] ПР; «объясненій» НИ.

Стр. 556 [1] ПР; «считаете» НИ. [2] НИ; «самому себѣ» ПР. [3] ПР; «какъ, куда?»

НИ. Въ подлинникѣ: «Che pretendete?» [4] **ПР**; въ **НИ** пропущено слово: «мнѣ». [5] **ПР**; въ **НИ** нѣтъ слова: «ибо». [6] **ПР**; «говоришь» **НИ**. [7] Въ подлинникѣ: «Son uomo di mondo». [8] **ПР**; «извѣщенъ» **НИ**. [9] Въ подлинникѣ: «so, conosco la menzogna». [10] Въ подлинникѣ: «Apri, son io che porto tutto».

Стр. 557 [1] **ПР**; «Боже, какая минута наконецъ наступаетъ!» **НИ**. Въ подлинникѣ: «Cielo qual istante sarà mai questo!» [2] **НИ**; въ **ПР** «горячитесь». Въ подлинникѣ: «Impeti, reprimetevi». [3] **ПР**; «не видалъ» **НИ**. [4] **ПР**; «дрожащимъ и прерывающимся» **НИ**. [5] **ПР**; «въ какое ты положеніе меня привелъ!» **НИ**. [6] **ПР**; въ **НИ** нѣтъ словъ: «до сихъ поръ». [7] **ПР**; «вы истинный волкъ» **НИ**. Въ подлинникѣ: «Ah! vero lupo custode di agnelli». [8] **НИ**; въ **ПР** форма, постоянно употребляемая Гоголемъ: «ягненковъ». Ср. 2-е примѣч. къ стр. 241-й перваго тома. [9] **ПР**; «ближе» **НИ**. Гоголь часто прибавлялъ предлогъ *по* въ началѣ словъ вопреки общему употребленію. Напримѣръ: «Ежели бъ вы ихъ повидѣли» (Сочиненія и письма V, 16). [10] **ПР**; «тотъ» **НИ**.

Стр. 558 [1] **ПР**; «не скроете» **НИ**. [2] **ПР**; «и открываетъ» **НИ**. [3] **ПР**; «нерѣшимости» **НИ**. [4] **ПР**; «смотритъ» **НИ**. [5] **ПР**; «выхватываетъ» **НИ**. [6] **ПР**; «крикнувъ» **НИ**. Ср. выше 3-е примѣчан. къ 541-й страницѣ этого тома. [7] **НИ**. Въ **ПР** и въ подлинникѣ нѣтъ этого сценическаго указанія. [8] **ПР**; «Къ чему отрекаться?» **НИ**. Въ подлинникѣ: «A che serve negarlo?» [9] **ПР**; «Выйдите» **НИ**. [10] **НИ**; «изъ» **ПР**. [11] **НИ**; «въ продолженіи». Ср. выше примѣчаніе 5-е къ 548-й страницѣ.

Стр. 559 [1] **НИ**; «Энрика» **ПР**. [2] Въ подлинникѣ: «Bisogna lasciarlo sfogare». [3] **ПР**; «неблагородный» **НИ**. [4] **ПР**; «нанесенъ» **НИ**. [5] **ПР**; «превзойдетъ» **НИ**. [6] Въ подлинникѣ: «Sfogatevi, sfogatevi, marchese». [7] Въ подлинникѣ: «Che? m'insultate ancora?» [8] **НИ**; «когда ослѣпляетъ гнѣвъ васъ» **ПР**. [9] **ПР**; въ **НИ** пропущено слово: «честнаго». [10] **ПР**; «которую вы видѣли» **НИ**; въ подлинникѣ нѣтъ словъ, соотвѣтствующихъ этой фразѣ. Ср. 7-е примѣчаніе къ предъидущей страницѣ. [11] **ПР**; въ **НИ** нѣтъ слова «самаго». [12] **НИ**; «Энрику» **ПР**. [13] **НИ**; «въ теченіи» **ПР**. Ср. 5-е примѣчаніе къ 548-й страницѣ.

Стр. 560 [1] **ПР**; «Дѣло» **НИ**. Въ подлинникѣ: «Il male è fatto». [2] **ПР**; «Молодая женщина дочь» **НИ**. [3] Такъ въ подлинникѣ; въ **НИ**; «Тампіани»; въ **ПР** неясно. [4] **ПР**; «Я не увижу никогда моего сына» **НИ**. [5] **ПР**; въ **НИ** нѣтъ слова «вонъ». [6] **ПР**; «умираютъ» **НИ**. [7] **ПР**; «и на нихъ, и на дѣтей ихъ мое.....» **НИ**. Въ подлинникѣ: «e sopra loro e loro figli la mia mano paterna scaglierà....» [8] **ПР**; «*будто въ неистовствѣ*» **НИ**. Это сценическое указаніе, кажется, прибавлено Гоголемъ; въ подлинникѣ его нѣтъ. [9] **ПР**; «разорвать» **НИ**. [10] **ПР**; «эта буря проклятій». Въ подлинникѣ: «fulmini». [11] Въ подлинникѣ: «Cospetto!»

Стр. 561 [1] **ТР**; «я сама виновата!» **НИ**; «я вина» **ПР**. Эта фраза прибавлена противъ подлинника. [2] **ПР**; въ **НИ** нѣтъ слова: «и»; въ **ТР** выпущена вся реплика. [3] **ПР, НИ**; въ подлинникѣ: «Ed amore, ed il dovere trionfino»; въ **ТР**: «Я побѣжденъ!» [4] Въ подлинникѣ: «È lei in persona». [5] **ПР, НИ**; въ **ТР** нѣтъ слова: «точно». [6] **ПР**; «нерѣшимости» **НИ**. [7] **ТР**; въ **НИ** послѣ этого слова прибавлено: «въ умиленіи». Въ подлинникѣ: «dopo qualche con-

trasto ed irresoluzione». [8] ПР; «также вмѣстѣ и плодъ вашъ» НИ; «также, какъ и вашего сына» ТР. [10] ПР; въ НИ ошибочно: «Маркизъ». [11] ПР, НИ; въ ТР: «Дѣти мои, голосъ свыше упрекаетъ меня въ излишней строгости и онъ же теперь пророчитъ мнѣ счастливую будущность. Не обманите моихъ надеждъ».

Стр. 562 [1] ПР, НИ; «О, никогда!» ТР. [2] ПР; «Бернардика» НИ; «убить мое дитя» ТР. [3] ПР, ТР; «то и продолжайте такъ» НИ. [4] ПР, ТР; «еще двѣ» НИ. Въ подлинникѣ: «fate felici anche queste due anime amanti». [5] ПР, ТР; «ты говорилъ» НИ. Въ подлинникѣ: «Dite da senno?» [6] Въ ПР и ТР сохранено въ этомъ словѣ правописаніе Гоголя: «сурьезно».

Стр. 563 [1] ПР, ТР; «Синьоръ, вы могли думать» НИ. [2] ПР; «притворяясь, будто питаю къ нему любовныя чувства, единственно на тотъ конецъ» НИ. Въ подлинникѣ: «Io ho lusingato questo ragazzo, fingendo di concedergli le primizie dei miei affetti, a solo oggetto...». Въ ТР это мѣсто передѣлано такъ: «Я обманывала нарочно этого мальчика для того только, чтобы онъ гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ не сбился съ пути добродѣтели». [3] ПР, ТР; «Донъ Грегоріо! и такъ вы этого не могли предвидѣть?» НИ. [4] ПР; «и приготовься» НИ; «Ступай вонъ и приготовься» ТР. [5] ПР; «мальчика» НИ, ТР. [6] ПР; «того» НИ; «Ей нельзя вѣрить. Ну, изъ всего, что̀ случилось, я вижу» ТР. [7] ПР; «не надлежащія средства» НИ; «не всегда вѣрное средство» ТР. Въ подлинникѣ: «non sono i mezzi». [8] ПР; «что воспитаніе молодыхъ людей должно производиться силою кротости, совѣтовъ, примѣра, что нужно показывать имъ свѣтъ осторожно, съ благоразуміемъ» НИ. Въ подлинникѣ: «che l'educazione dei giovani deve formarsi a forza di dolcezza, di consigli, d'esempio, e mostrando ad essi il mondo con prudenza».

Стр. 564 [1] ПР; «изъ виду» НИ. [2] ПР; «невозможнымъ» НИ. [3] ПР, ТР; «Никогда ужъ не позволю» НИ. [4] ПР, ТР; «останьтесь» НИ. [5] ПР; «отъ всего сердца» НИ; въ подлинникѣ: «Lo faremo di cuore». [6] ПР; «А жена его отъ горести» НИ; въ подлинникѣ: «La sua sposa dagli affanni».

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ТОМА.

ПОПРАВКА.

На стр. 157-й напечатано: «*Яичнина плюетъ съ сердцемъ*». Слѣдуетъ: «*Яичнина плюетъ съ сердцовъ*»: такъ въ рукописи **ИМ**.

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРАГО ТОМА.

Повѣсти.

Комедіи.

Драматическіе отрывки и отдѣльныя сцены.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 10 22 05 14 018 8